

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХІ.

1885.

СЕНТЯВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашкина. Наб. Екатерининскаго вѣн., № 78.

1885.

СОДЕРЖАНИЕ.

Правительственныя распоряженія	3
А. Н. Веселовскій. Генварокія русалии и готскія игры въ Византіи	1
С. Н. Тимоѣевъ. Оказанія о Буликковской битвѣ (окончаніе)	19
А. И. Бирничниковъ. Что мы знаемъ достовернаго о личныя божествахъ славянъ	47
А. С. Лаппо-Данилевскій. Иновѣрцы въ Россіи въ царствованіе Михаила Феодоровича	66

БРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Г. С. Дестунисъ. Историческія разысканія Сп. Ламбра	107
М. А. Лининскій. Грамоты XIV и XV вв. Московскаго архива министерства юстиціи. Д. М. Мейчика. М. 1883	122
А. И. Соболевскій. Матеріалы до русской литературы апокрифичной. О. М. Калитовскаго. Л. 1884	157
А. Ш. Оксеновъ. Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири (1032—1882 г.). И. В. Щелова. И. 1883	161
— Наша учебная литература (разборъ 11 книгъ)	1

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Наши учебныя заведенія: I. С.-Петербургскій практическій технологическій институтъ въ 1884 году	1
II. Александровская гимназія въ Корочѣ	12

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Н. А. Счастливецъ. О датальномъ падежѣ множественнаго числа въ греческомъ языкѣ	417
Д. Ѳ. Бѣляевъ. Возвращенія Еврипида на основанія и состоянія, внутреннюю и внѣшнюю политику Аѳинъ	459

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Н. А. Любимовъ. Декартъ. Разсужденіе о методѣ дабы хорошо направлять свой разумъ и отыскивать научныя истины	91
--	----

Редакторъ Л. Майковъ.

(Вышла 4 октября).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХІ.

1885.

СЕНТЯВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашова. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.

1885.

Екатеринбургскій вѣст., д. № 78.
2641

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (3-го іюля 1885 года). О форменной одеждѣ студентовъ С.-Петербургскаго и Харьковскаго практическихъ технологическихъ институтовъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на утвержденіе форменной одежды студентовъ С.-Петербургскаго и Харьковскаго практическихъ технологическихъ институтовъ. При этомъ Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть: 1) не дѣлать пошеніе мундира обязательнымъ, а считать обязательнымъ пошеніе полунальто, и 2) на актахъ и другихъ торжественныхъ собраніяхъ, гдѣ студенты бываютъ въ сборѣ, быть имъ въ одинаковой формѣ.

На подлинномъ написано: „Нижеописанная форменная одежда для студентовъ технологическихъ институтовъ С.-Петербургскаго и Харьковскаго Высочайше утверждена“.

Подписалъ: управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія князь М. Волконскій.

3-го іюля 1885 года.

Описаніе форменной одежды студентовъ С.-Петербургскаго и Харьковскаго практическихъ технологическихъ институтовъ.

1) Фуражка (съ козырькомъ) темнозеленаго сукна, съ околышемъ изъ сѣваго бархата и съ Высочайше утвержденнымъ на околышѣ знакомъ; по верху фуражки, а также по верхнему и нижнему краямъ околыша, суконная синяя выпушка.

2) Мундиръ темнозеленаго сукна, однобортный, застегивающійся на девять желтыхъ металлическихъ гладкихъ пуговицъ. Воротникъ (съ откошенными концами) и обшлага (прямые) изъ синяго бархата, съ двумя петлицами изъ золотого галуна на воротникѣ и обшлагахъ и съ двумя желтыми металлическими гладкими пуговицами на каждомъ рукавѣ. По краямъ воротника и обшлаговъ выпушка изъ синяго сукна.

3) Полунадыто темнозеленаго сукна, двубортное, застегивающееся на шесть желтыхъ металлическихъ гладкихъ пуговицъ, съ отложнымъ того же цвѣта воротникомъ, наглухо застегивающимся. На воротникѣ синяя бархатная петлица, съ выпушкой и съ желтою металлическою гладкою пуговицею.

4) Шаровары темносѣрыя, длинныя, сверхъ сапоговъ, безъ канта.

5) Пальто темнозеленаго сукна, съ отложнымъ, того же сукна, воротникомъ и съ лацканами. На воротникѣ синяя бархатная петлица съ выпушкой и съ желтою металлическою гладкою пуговицею.

Студентамъ предоставляется право носить и шинели изъ темносѣраго сукна офицерскаго образца. Въ зимнее время, какъ шинель, такъ и форменное пальто, могутъ быть съ мѣховымъ воротникомъ.

6) Галстукъ черный; перчатки бѣлыя замшевыя.

7) Башмакъ общаго образца, верблюжьяго цвѣта.

II. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ.

18-го іюля 1885 года (№ 10). Утверждается на три года: надворный совѣтникъ Зеленый — почетнымъ попечителемъ Елисаветградскаго реальнаго училища.

Назначаются: директоръ Повоторжской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Барановъ, бывший директоръ Вологодской гимназіи, статскій совѣтникъ Гаазе, и учитель Костромской гимназіи, статскій совѣтникъ Вахрушевъ — окружными инспекторами учебныхъ округовъ: Барановъ—Московского, а Гаазе и Вахрушевъ—Западно-Сибирскаго.

Командируются съ ученою цѣлію за границу: сверхштатный экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Трейдосевичъ—на 12 дней.

Ординарный профессор Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Драгендорфъ—на 28 дней.

Сверхштатный ординаторъ хирургической факультетской клиники Императорскаго Варшавскаго университета, лѣкарь Загорскій—на два мѣсяца.

Ординарный профессор Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ Вреденъ—по 18-е сентября 1885 г. (Высоч. пов. 12-го іюля 1885 г.).

Увольняются въ отпускъ на два мѣсяца, по болѣзни: товарищъ министра народнаго просвѣщенія, сенаторъ, егермейстеръ, тайный совѣтникъ князь Волконскій, за границу, и попечитель Виленскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Сергіевскій, внутри Россіи.

Объявляется Высочайшее Его Императорскаго Величества благоволеніе: дѣйствительному члену Императорскаго Московскаго археологическаго общества, дѣйствительному статскому совѣтнику Левшину— за заслуги, оказанныя имъ русской археологической наукѣ.

III. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ, по положенію комитета гг. министровъ, вслѣдствіе представленія по министерству народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 19-й день текущаго іюля, пожаловать ученика 2-го класса Нарвской гимназіи, сына нарвскаго мѣщанина Илью Маленькова, серебряною медалью съ надписью „за спасеніе погивавшихъ“ для ношенія въ петлицѣ на Владимірской лентѣ.

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (30-го іюня 1885 года). Положеніе о стипендіяхъ имени тверскаго купца Владиміра Григорьевича Чибисова при Тверскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На проценты съ капитала въ одну тысячу руб., пожертвованнаго тверскимъ купцомъ Владиміромъ Григорьевичемъ Чибисовымъ,

учреждаются при Тверскомъ реальномъ училищѣ двѣ стипендіи имени жертвователя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ реального училища, составляя неотъемлемую собственность сего училища и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Стипендіатами могутъ быть ученики Тверскаго реального училища безъ различія сословій, но при этомъ они должны быть непременно кореннаго русскаго происхожденія и православнаго исповѣданія.

§ 4. Стипендіи предоставляются преимущественно сыновьямъ бѣдныхъ родителей, служащихъ на фабрикѣ товарищества Тверской мануфактуры, а при невѣрнѣи таковыхъ сыновьямъ бѣдныхъ обывателей города Твери.

§ 5. Право избранія стипендіатовъ принадлежитъ учредителю стипендіи В. Г. Чибисову, а по смерти его переходитъ къ педагогическому совѣту Тверскаго реального училища.

§ 6. Проценты съ стипендіальнаго капитала употребляются для взноса платы за право ученія стипендіатовъ въ семь училищъ.

§ 7. Могушіе образоваться по чему-либо остатки отъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала распределяются между стипендіатами педагогическимъ совѣтомъ Тверскаго реального училища и выдаются каждому по принадлежности въ вспомошествованіе при окончаніи стипендіатомъ полнаго курса ученія; въ противномъ случаѣ остатки эти сохраняются для слѣдующихъ стипендіатовъ.

§ 8. Стипендіаты лишаются стипендіи по опредѣленію педагогическаго совѣта реального училища, если не перейдутъ въ слѣдующіе классы по неодобрительному поведенію или малоуспѣшности, а не вслѣдствіе болѣзни и другихъ уважительныхъ причинъ, и на мѣсто ихъ назначаются другіе, заслуживающіе стипендіи по успѣхамъ въ наукахъ и поведенію.

§ 9. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

2. (18-го іюля 1885 года). Положеніе о стипендіяхъ имени потомственнаго почетнаго гражданина Ивана Матвѣевича Мухина при Рижской Александровской гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ четыре тысячи рублей, пожертвованнаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Иваномъ

Матвѣвичемъ Мухинимъ, учреждаются при Рижской Александровской гимназій четыре стипендіи имени жертвователя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ означенной гимназій, составляя неотъемлемую собственность сей гимназій и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Стипендіи, въ размѣрѣ 50 рублей въ годъ каждая, предоставляются четыремъ бѣднымъ ученикамъ Рижской Александровской гимназій, преимущественно православнымъ русскаго происхожденія, и отличающимся успѣхами въ наукахъ и хорошимъ поведеніемъ.

§ 4. Право избранія стипендіатовъ принадлежитъ учредителю стипендій И. М. Мухину, за отсутствіемъ же его изъ города Риги, а равно послѣ его смерти, переходитъ къ педагогическому совѣту Рижской Александровской гимназій.

§ 5. Могуціе образоваться почему-либо остатки отъ процентовъ съ стипендіального капитала выдаются въ пособіе наличнымъ стипендіатамъ.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

3. (18-го іюля 1885 года). Циркулярное предложеніе гг. попочителамъ учебныхъ округовъ о порядкѣ приѣма въ студенты ветеринарныхъ институтовъ.

На основаніи ст. 30 дѣйствующаго положенія о ветеринарныхъ институтахъ, въ число студентовъ сихъ институтовъ принимаются, между прочимъ, съ повѣрочнымъ испытаніемъ въ древнихъ языкахъ молодые люди, представившіе надлежащее удостовѣреніе объ окончаніи курса въ реальныхъ училищахъ. Руководствуясь этою статьею закона, начальства ветеринарныхъ институтовъ принимаютъ въ настоящее время въ упомянутые институты молодыхъ людей, окончившихъ курсъ лишь шести классовъ реальныхъ училищъ.

Такое примѣненіе ст. 30 положенія о ветеринарныхъ институтахъ я нахожу съ своей стороны несогласнымъ съ точнымъ смысломъ этой статьи. Требуя отъ лицъ, желающихъ поступить въ ветеринарные институты окончанія курса въ реальныхъ училищахъ, приведенная статья положенія имѣетъ въ виду окончаніе курса реальныхъ училищъ въ томъ объемѣ, въ какомъ это опредѣлено уставомъ реальныхъ училищъ. Въ этомъ же послѣднемъ оговорено, что только

ученики, окончившіе курсъ ученія въ реальномъ училищѣ съ дополнительнымъ при ономъ классомъ, могутъ поступать, подвергаясь лишь повѣрочному испытанію, въ высшія спеціальныя училища, слѣдовательно и ветеринарные институты.

Вслѣдствіе сего имѣю честь просить ваше превосходительство предложить начальству ветеринарнаго института принимать на будущее время въ число студентовъ сего института, съ повѣрочнымъ испытаніемъ изъ латинскаго языка, лишь тѣхъ изъ воспитанниковъ реальныхъ училищъ, кои представляютъ удостовѣреніе объ окончаніи курса училища и дополнительнаго при ономъ класса.

4. (24-го іюля 1885 года). Уставъ Харьковскаго практическаго технологическаго института.

(Утвержденъ г. министромъ народнаго просвѣщенія).

І. Общія положенія.

§ 1. Харьковскій практической технологической институтъ имѣетъ цѣлю сообщать учащимся въ ономъ высшее технологическое образованіе по спеціальностямъ механической и химической (ст. 1 Высочайше утвержденнаго 16-го апрѣля 1885 года положенія объ институтѣ).

§ 2. Сообразно съ симъ, институтъ подраздѣляется на два отдѣленія: механическое и химическое.

§ 3. Комплектъ учащихся въ институтѣ опредѣляется въ пятьсотъ человекъ, при чемъ на 1-мъ курсѣ не должно быть выше 125-ти студентовъ. Увеличеніе числа учащихся свыше этой нормы зависитъ отъ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія (примѣчаніе къ ст. 7 положенія объ институтѣ).

§ 4. Институтъ состоитъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія и подчиняется попечителю Харьковскаго учебнаго округа (ст. 17 положенія объ институтѣ).

§ 5. Управление институтомъ вѣрбруется директору при участіи, въ подлежащихъ случаяхъ, учебнаго и хозяйственнаго комитетовъ (ст. 18 полож. объ институтѣ).

§ 6. Независимо отъ суммы, опредѣленной по штату на содержаніе Харьковскаго практическаго технологическаго института, въ составъ дохода его входятъ также плата за обученіе въ институтѣ (§ 16) и суммы, выручаемыя за приготовляемыя въ учебныхъ мастер-

скихъ издѣлія (§ 10). Сказанныя суммы поступаютъ въ государственное казначейство полностью; въ подлежащія же подраздѣленія смѣты расходовъ министерства народнаго просвѣщенія (§ 14 дох. см.) вносятся на усиленіе средствъ института весь сборъ за обученіе въ немъ, а также и деньги за проданныя издѣлія сего заведенія, въ размѣрѣ дѣйствительнаго ихъ поступленія въ году, предшествующемъ составленію смѣты (ст. 2 полож. объ инстит.).

Примѣчаніе. Суммы, ассигнуемыя на усиленіе средствъ института, могутъ быть, съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа, употребляемы: а) на пособія учащимся, служащимъ въ институтѣ и семействамъ этихъ лицъ; б) на выдачу стипендій инженеръ-технологамъ, оставляемымъ при институтѣ для подготовленія къ преподавательской дѣятельности; в) на издержки по напечатанію научныхъ сочиненій, издаваемыхъ отъ имени института или съ его одобренія; г) на издержки при торжественныхъ собраніяхъ и вообще мелочные расходы по разнымъ предметамъ; д) на командировки профессоровъ и преподавателей; е) на улучшеніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій; и ж) на добавленіе къ суммамъ, отпускаемымъ на содержаніе и ремонтъ институтскихъ зданій (примѣч. къ ст. 2 полож. объ инст.).

II. Учебная часть института.

§ 7. Учебный курсъ института продолжается пять лѣтъ и раздѣляется на пять годовыхъ курсовъ (ст. 3 полож. объ инст.).

§ 8. Въ институтѣ преподаются: 1) законъ Божій; 2) высшая математика; 3) начертательная геометрія; 4) теоретическая механика; 5) физика; 6) химія; 7) анатомія и физиологія растений; 8) минералогія съ геогнозіей, 9) геодезія; 10) строительное искусство съ архитектурой; 11) прикладная механика и теорія построенія машинъ; 12) механическая технологія; 13) химическая технологія; 14) металлургія; 15) политическая экономія и статистика; 16) бухгалтерія; 17) иностранные языки (французскій, нѣмецкій и англійскій); 18) черченіе, 19) рисованіе (ст. 4 полож. объ инст.).

§ 9. Независимо отъ исчисленныхъ въ предыдущемъ параграфѣ предметовъ, въ составъ учебнаго курса входятъ также практическія занятія по физикѣ, химіи, механикѣ, естественной исторіи и другимъ предметамъ. Занятія эти происходятъ какъ въ мастерскихъ и

лабораторіяхъ института, такъ и внѣ оного, на заводахъ, фабрикахъ и при строительныхъ работахъ (ст. 5 полож. объ инст.).

§ 10. При институтѣ имѣются: библіотека, коллекціи, въ предметахъ преподаванія относящіяся, физическій кабинетъ, механическая и химическая лабораторіи и мастерскія по механической и химической технологіи (ст. 6 полож. объ инст.).

Примѣчаніе: Въ мастерскихъ института изготовляются и обрабатываются вещи какъ для института, такъ и на продажу (по смыслу ст. 2 полож. объ инст.).

§ 11. Годичный курсъ преподаванія теоретическихъ предметовъ начинается перваго сентября и оканчивается 30-го апрѣля; май назначается для экзаменовъ. Практическія занятія продолжаются частію и послѣ экзаменовъ, съ такимъ однако расчетомъ, чтобы для лѣтнихъ вакацій оставалось не менѣе полутора мѣсяца.

§ 12. Подробныя правила, до учебнаго устройства относящіяся, даются министромъ народнаго просвѣщенія (ст. 12 полож. объ инст.).

III. Объ учащихъ въ институтѣ.

§ 13. Въ студенты института принимаются: а) имѣющіе аттестаты или свидѣтельства объ окончаніи курса въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; б) получившіе аттестаты или свидѣтельства зрѣлости отъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія, а равно свидѣтельства объ успѣшномъ окончаніи курса въ реальныхъ училищахъ съ дополнительнымъ при нихъ классомъ, и в) имѣющіе аттестаты или свидѣтельства отъ другихъ среднихъ учебныхъ заведеній, курсъ которыхъ будетъ признанъ министромъ народнаго просвѣщенія достаточнымъ для поступленія въ институтъ, при чемъ преимущество отдается русскимъ подданнымъ передъ иностранцами. Въ высшіе курсы института приемъ производится на основаніи испытаній въ знаніи предметовъ предыдущихъ курсовъ, при чемъ министромъ народнаго просвѣщенія имѣютъ быть даны правила сокращеннаго испытанія для тѣхъ молодыхъ людей, которые пожелають перейти въ институтъ изъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Если число желающихъ поступить въ первый курсъ института окажется больше, чѣмъ число имѣющихся вакансій, опредѣленное сообразно § 3, то прежде другихъ принимаются окончившіе курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; приемъ же прочихъ, желающихъ поступить въ институтъ, дѣлается на основаніи составительнаго испытанія изъ математики,

физики и русскаго языка въ предѣлахъ гимназическаго курса, и затѣмъ право на занятіе вакансій предоставляется получившимъ на семъ испытаніи большее число балловъ (ст. 7 полож. объ инст.).

§ 14. Приѣмъ въ институтъ производится ежегодно съ шестнадцатаго по двадцать-девятое августа.

§ 15. Желающіе поступить въ студенты института подаютъ прошенія о томъ на имя директора, на простой бумагѣ, съ приложеніемъ свидѣтельствъ метрическаго и о происхожденіи, а также аттестата, свидѣтельства или диплома, упомянутыхъ въ § 13. Срокъ для подачи прошеній назначается учебнымъ комитетомъ института, о чемъ своевременно публикуется въ вѣдомостяхъ, съ подробнымъ означеніемъ условій поступленія въ институтъ.

§ 16. Учащіеся въ институтѣ уплачиваютъ за право обученія по пятидесяти рублей за каждый учебный годъ, внося эту сумму впередъ, и въ случаѣ выхода изъ института учащагося до окончанія года, деньги эти не возвращаются (ст. 8 полож. объ инст.).

§ 17. Студенты, не внесшіе платы за обученіе въ теченіе двухъ мѣсяцевъ съ начала учебнаго года, увольняются изъ института, но по усмотрѣнію начальства института, могутъ быть вновь приняты въ опынъ по внесеніи платы за весь годъ.

§ 18. Отличившіе по успѣхамъ и поведенію изъ недостаточныхъ студентовъ института, русскихъ подданныхъ, могутъ получать стипендіи или могутъ быть освобождены отъ взноса платы за обученіе. Съ этою цѣлію при институтѣ имѣется пятьдесятъ стипендій, по триста рублей въ годъ каждая, и пятьдесятъ учащихся могутъ пользоваться бесплатнымъ обученіемъ. Означенныя стипендіи и бесплатныя вакансіи распределяются между студентами на основаніи правилъ, данныхъ министромъ народнаго просвѣщенія. Въ сихъ правилахъ предусматривается и случай лишенія студентовъ стипендіи или права на бесплатное обученіе.

Примѣчаніе. Остатки, которые могутъ образоваться отъ суммы, назначенной на содержаніе стипендіатовъ, обращаются на выдачу единовременныхъ пособій бѣднѣйшимъ изъ студентовъ института, по усмотрѣнію учебнаго комитета (ст. 9 полож. объ инст.).

§ 19. Студенты института, получавшіе во время своего обученія стипендіи отъ института, упомянутыя въ § 18, обязываются за то государственною службою, по назначенію правительства, считая годъ

службы за годъ полученія стипендіи, и если при самомъ окончаніи этими стипендіатами курса въ институтѣ имъ будетъ заявлено, что правительство встрѣчаетъ надобность воспользоваться ихъ техническими познаніями (ст. 9 полож. объ инст.).

§ 20. При институтѣ могутъ быть учреждаемы стипендіи, какъ частными лицами, такъ равно обществами и вѣдомствами на условіяхъ, которыя будутъ опредѣлены учредителями, съ тѣмъ однако, чтобы эти условія не противорѣчили уставу института и общимъ законамъ и были одобрены министромъ народнаго просвѣщенія (ст. 10 полож. объ инст.).

§ 21. Учащіеся пользуются бібліотекою, оригиналами для черченія и рисованія, коллекціями, а также матеріалами и орудіями, необходимыми при производствѣ работъ въ лабораторіяхъ и мастерскихъ, на основаніи правилъ, утверждаемыхъ учебнымъ комитетомъ института (ст. 23 полож. объ инст.).

§ 22. Въ концѣ учебнаго года учащіеся подвергаются экзаменамъ по предметамъ преподаванія на каждомъ курсѣ, и, на основаніи результатовъ экзаменовъ, а равно и контроли за занятіями въ теченіе учебнаго года, или удостоиваются перевода въ слѣдующій курсъ, или увольняются изъ института. Осталеніе на второй годъ въ томъ же курсѣ можетъ имѣть мѣсто только по особо уважительнымъ причинамъ, и притомъ оно не можетъ повториться болѣе двухъ разъ во все время пребыванія учащагося въ институтѣ. Осталеніе учащагося на третій годъ въ одномъ и томъ же курсѣ не дозволяется. (Высоч. повел. 8-го іюля 1869 года).

§ 23. Учащіеся обязаны исполнять распоряженія начальства и подчиняться всѣмъ правиламъ, какія будутъ установлены касательно посѣщенія лекцій, графическихъ работъ, практическихъ занятій, контроля по опимъ и экзаменамъ, а равно не должны нарушать своимъ поведеніемъ порядка, установленнаго въ учрежденіяхъ института. За нарушение вышеозначенныхъ правилъ учащіеся подвергаются взысканіямъ, которыя, по мѣрѣ вины, состоятъ въ выговорѣ, заключеніи въ карцеръ, увольненіи или исключеніи изъ института.

Примѣчаніе. Подробныя правила о сихъ взысканіяхъ и о порядкѣ ихъ положенія даются министромъ народнаго просвѣщенія.

§ 24. Въ институтѣ, студенты, подлежа полицейскимъ установленіямъ на общемъ основаніи, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ учащіеся, на-

ходятся подь особымъ наблюдениемъ начальства института. Они проживаютъ въ г. Харьковѣ по свидѣтельствамъ, кои выдаются имъ институтскимъ начальствомъ въ замѣнъ документовъ, представленныхъ при прошеніи о приѣмѣ (§ 15) и хранящихся въ институтѣ.

§ 25. О всякомъ преступленіи или проступкѣ, совершенномъ студентомъ въ институтѣ, полиція немедленно увѣдомляетъ директора. Въ случаѣ полученія директоромъ свѣдѣнія о студентахъ, подвергшихся взысканіямъ по приговору суда, директоръ доноситъ попечителю округа, который или рѣшаетъ самъ, или предлагаетъ на обсужденіе учебнаго комитета вопросъ о томъ, не подлежатъ ли виновный увольненію или исключенію изъ института. Такой же порядокъ соблюдается и относительно такихъ совершенныхъ студентами въ институтѣ проступковъ, которые вообще имѣютъ предосудительный характеръ (ст. 11 полож. объ инст.).

§ 26. Особы экзаменаціонныя комиссіи, члены коихъ ежегодно назначаются министромъ народнаго просвѣщенія, производятъ, по программамъ и правиламъ, министромъ же утвержденнымъ, испытанія студентамъ института, окончившимъ полный курсъ ученія. Смотра по результатамъ этого испытанія, съ принятіемъ въ соображеніе занятій и поведенія учащихся во время прохожденія курса, они удостоиваются означенными комиссіями званія или инженерь-технолога или технолога. Не удовлетворившіе требованіямъ испытанія могутъ получить отъ института только свидѣтельство о своихъ занятіяхъ во время пребыванія ихъ въ институтѣ (ст. 12 полож. объ инст.).

§ 27. Имена первыхъ по успѣхамъ инженерь-технологовъ, по одному изъ каждаго отдѣленія, ежегодно вносятся на мраморную доску института.

§ 28. Получившіе званіе технолога могутъ быть допускаемы къ испытанію на званіе инженерь-технолога въ упомянутыхъ въ § 29 комиссіяхъ не раше, какъ черезъ годъ. Правила для сего испытанія даются министромъ народнаго просвѣщенія.

§ 29. Постороннія лица допускаются къ испытанію въ упомянутыхъ въ § 26 комиссіяхъ лишь на званіе инженерь-технолога. Желавшіе подвергнуться сему испытанію предварительно представляютъ свидѣтельство о своемъ образованіи, дающее право на поступленіе въ институтъ (§ 13) (ст. 13 полож. объ инст.).

§ 30. Удостоенные званія инженерь-технолога или технолога получаютъ дипломы, составленные на точномъ основаніи протоколовъ

экзаменаціонной комиссіи и подписанные директоромъ института, помощникомъ директора и секретаремъ учебнаго комитета, съ приложеніемъ большой печати института.

§ 31. Лицамъ, удостоеннымъ званія инженеръ-технолога или технолога, предоставляется носить особый знакъ по образцу, Высочайше утвержденному для кончившихъ курсъ ученія въ С.-Петербургскомъ практическомъ технологическомъ институтѣ (ст. 12 полож. объ инст.).

§ 32. Учебный комитетъ института, съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа, можетъ назначать изъ суммъ, ассигнуемыхъ на усиленіе средствъ института пособія лицамъ, получившимъ званіе инженеръ-технолога, особенно въ видахъ подготовленія такихъ лицъ къ преподавательской дѣятельности, преимущественно по техническимъ предметамъ. Пособія сего рода выдаются на срокъ не болѣе двухъ лѣтъ (прим. къ ст. 2 полож. объ инст.).

§ 33. Впредь до разрѣшенія вопроса о служебныхъ правахъ воспитанниковъ учебныхъ заведеній гражданскаго вѣдомства, лица, удостоенныя званія инженеръ-технолога получаютъ, при вступленіи въ государственную службу на штатныя должности техниковъ, чинъ коллежскаго секретаря, а удостоенныя званія технолога — чинъ губернскаго секретаря. Инженеръ-технологи и технологи, поступившіе на штатныя должности преподавателей въ спеціальныхъ и реальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, пользуются служебными преимуществами на основаніяхъ, опредѣленныхъ уставами сихъ заведеній, для преподавателей оныхъ (Высоч. повел. 16-го апрѣля 1885 года).

§ 34. Удостоенные званія инженеръ-технолога и технолога имѣютъ право возводить фабричныя и заводскія зданія, съ ихъ принадлежностями, и жилия помѣщенія, въ непосредственной связи съ ними находящіяся, а также производить строительныя работы, состоящія въ вѣдѣніи и подъ надзоромъ министра путей сообщенія. Равнымъ образомъ, означеннымъ лицамъ предоставляется занимать по сему министерству должности, съ коими соединено производство строительныхъ работъ (ст. 14 полож. объ инст.).

§ 35. Инженеръ-технологи и технологи, не имѣющіе, по происхожденію, правъ высшаго состоянія, причисляются, если не вступятъ на гражданскую службу, къ сословію личныхъ почетныхъ гражданъ, безъ вниманія установленной за грамоты пошлины. Министру народнаго просвѣщенія предоставляется ходатайствовать о причисленіи къ потомственному почетному гражданству тѣхъ изъ удостоенныхъ званія инженеръ-технолога или технолога, которые представляютъ достовѣрныя

доказательства того, что они успѣшно занимались не менѣ десяти лѣтъ управленіемъ фабрикъ или заводовъ, или-же исполняли обязанности техническихъ инженеровъ (ст. 15 полож. объ инст.).

§ 36. Инженеръ-технологи и технологи пользуются, относительно отбыванія воинской повинности, правами, опредѣленными въ Уставѣ о сей повинности (Св. Зак. т. IV кн. 1 изд. 1876 г.) (ст. 16 полож. объ инст.).

IV. Управление институтомъ.

а) О директорѣ.

§ 37. Директоръ института избирается министромъ народнаго просвѣщенія изъ лицъ, извѣстныхъ своею ученою и преподавательскою дѣятельностію, и опредѣляется Высочайшею властію (ст. 19 Полож. объ инст.).

§ 38. Какъ ближайшій начальникъ института, отвѣтствующій за благостовіе и благоустройство вѣреннаго ему заведенія, директоръ обязанъ наблюдать:

1) чтобы преподаваніе въ институтѣ шло правильно и въ надлежащей полнотѣ, согласно утвержденнымъ программамъ, и чтобы практическія занятія производились съ возможной пользою для учащихся;

2) чтобы всѣ служащіе въ институтѣ лица исполняли свои обязанности надлежащимъ образомъ;

3) чтобы учащіеся въ институтѣ соблюдали всѣ установленныя для нихъ правила;

4) чтобы всѣ учебныя и хозяйственныя учрежденія при институтѣ содержались въ порядкѣ;

5) чтобы денежные средства института расходовались правильно и казенное имущество сохранялось въ цѣлости.

§ 39. Директоръ созываетъ засѣданія учебнаго и хозяйственнаго комитетовъ и председательствуетъ въ нихъ (ст. 22 и 27 полож. объ инст.).

§ 40. Директоръ опредѣляетъ, по представленіямъ завѣдывающихъ отдѣльными частями, мастеровъ, подмастерьевъ, состоящихъ въ различныхъ учрежденіяхъ института, а равно всю институтскую прислугу и фельдшера (ст. 30 полож. объ инст.).

§ 41. Директору предоставляется производить во всякое время ревизію всѣхъ отдѣльныхъ частей управленія институтомъ лично или посредствомъ особыхъ назначаемыхъ имъ комиссій.

§ 42. Директоръ института представляетъ къ наградамъ служащихъ въ институтѣ лицъ, отличающихся особенною ревностію и усердіемъ къ службѣ. Представленія дѣлаются чрезъ попечителя учебнаго округа.

§ 43. Директоръ даетъ собственной властію преподавателямъ отпуска на все вакаціонное время; въ теченіе же учебнаго времени— на срокъ не свыше восьми дней; отпуска болѣе продолжительные даются преподавателямъ съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа. Прочимъ лицамъ, состоящимъ на службѣ при институтѣ и непосредственно ему подчиненнымъ (§ 47), директоръ даетъ отпуска на срокъ до 29-ти дней собственной властію, а отпуска свыше этого срока— съ разрѣшенія попечителя. Помощникъ директора увольняется въ отпускъ попечителемъ округа, съ доведеніемъ объ этомъ до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія.

§ 44. Всѣ бумаги и прошенія пишутся на имя директора, который вскрываетъ пакеты, поступающіе въ институтъ. Исходящія бумаги отправляются за подписью директора и скрѣпкою дѣлопроизводителя или бухгалтера, смотря по содержанію.

§ 45. По истеченіи каждаго года, директоръ представляетъ, чрезъ попечителя округа, министру народнаго просвѣщенія, не позже тридцати перваго марта слѣдующаго года, общій отчетъ о состояніи и дѣятельности института, предварительно рассмотрѣнный, по принадлежности предметовъ, въ учебномъ и хозяйственномъ комитетахъ.

§ 46. Въ случаѣ отсутствія или болѣзни директора, должность послѣдняго исправляетъ его помощникъ.

§ 47. Подъ непосредственнымъ начальствомъ директора состоятъ въ институтѣ: дѣлопроизводитель, бухгалтеръ и его помощникъ по матеріальной части или комиссаръ, смотритель зданія, онъ же экекиторъ, архитекторъ и, для подавія медицинской помощи заболѣвающимъ служащимъ и учащимся въ институтѣ, врачъ. Всѣ названныя лица, по представленію директора, утверждаются въ должностяхъ попечителемъ учебнаго округа (ст. 30 полож. объ инст.).

б) О помощникѣ директора и секретарѣ учебнаго комитета.

§ 48. Для ближайшаго наблюденія за ходомъ преподаванія и за своевременностію и полнотою практическихъ занятій учащихся въ институтѣ, состоитъ помощникъ директора, а по завѣдыванію дѣлами учебнаго комитета—секретарь, назначаемые министрами народнаго

просвѣщенія въ профессоровъ института, по представленію директора, чрезъ попечителя учебнаго округа (ст. 21 полож. объ инст.).

§ 49 Въ концѣ каждаго учебнаго года, по соглашенію съ преподавателями, помощникъ директора составляетъ росписаніе лекцій и практическихъ занятій на слѣдующій годъ. Росписаніе это, по разсмотрѣніи и одобреніи онаго учебнымъ комитетомъ, представляется, чрезъ попечителя округа, на утвержденіе министра народнаго просвѣщенія (ст. 23 полож. объ инст.).

§ 50. Помощникъ директора представляетъ ежемѣсячно директору вѣдомости объ отступленіяхъ отъ учебнаго плана вслѣдствіе пропуска лекцій преподавателями и другихъ причинъ; вѣдомости эти вносятся въ учебный комитетъ и представляются попечителю округа.

§ 51. Въ концѣ каждаго полугодія помощникъ директора представляетъ директору письменный отчетъ о ходѣ преподаванія, о занятіяхъ учащихся и о результатахъ контроля за этими занятіями. Такіе отчеты вносятся на разсмотрѣніе и обсужденіе въ учебный комитетъ и съ заключеніемъ онаго представляются попечителю округа.

§ 52. Помощникъ директора, совмѣстно съ секретаремъ учебнаго комитета, составляетъ и по окончаніи экзаменовъ представляетъ комитету списки экзаменаціонныхъ отгѣтокъ учащихся.

§ 53. Секретарь учебнаго комитета обязанъ составлять протоколы засѣданій комитета и объявлять учащимся рѣшенія, послѣдованія по нимъ просьбамъ въ учебномъ комитетѣ.

§ 54. За исполненіе сихъ обязанностей помощникъ директора и секретарь учебнаго комитета получаютъ особое вознагражденіе, указанное въ штатѣ.

в) О преподавателяхъ института.

§ 55. Преподаваніе физики, химіи, механики, строительнаго искусства, механической технологіи, химической технологіи и руководство практическими занятіями, относящимися къ этимъ предметамъ, возлагается на профессоровъ и адъюнкты-профессоровъ. Преподаваніе всѣхъ прочихъ предметовъ поручается преподавателямъ. Число профессоровъ и адъюнкты-профессоровъ опредѣляется штатомъ; число же преподавателей штатомъ не опредѣляется, но они могутъ быть зачисляемы на дѣйствительную службу при институтѣ (ст. 24 полож. объ инст.).

§ 56. Профессоры и адъюнкты-профессоры института называются частью оскы, отд. 1.

изъ лицъ, извѣстныхъ трудами по своей спеціальности и обладающихъ даромъ преподаванія. При этомъ профессора и адъюнкты-профессора физики и химіи должны имѣть ученую степень, первыя—доктора, а вторыя — магистра по. разряду наукъ, соотвѣтствующему кафедрѣ каждаго изъ нихъ. Профессора и адъюнкты-профессора прочихъ предметовъ могутъ и не имѣть ученыхъ степеней, но въ такомъ случаѣ они должны имѣть высшее образованіе, соотвѣтствующее предметамъ ихъ преподаванія (ст. 24 полож. объ инст.).

§ 57. Преподаватели института назначаются изъ лицъ, окончившихъ курсы съ полнымъ успѣхомъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, преподавателями же иностранныхъ языковъ, черченія и рисованія могутъ быть и лица, не удовлетворяющія симъ условіямъ, но во всякомъ случаѣ получившія право на преподаваніе въ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія (ст. 24 полож. объ инст.).

§ 58. Механикомъ и лаборантомъ могутъ быть только лица, получившія высшее образованіе по тѣмъ предметамъ, которые составляютъ спеціальность ихъ занятій въ институтѣ, и удостоившія соотвѣтствующаго такому образованію диплома или свидѣтельства (ст. 25 полож. объ инст.).

При выборѣ механика преимущество отдается тѣмъ кандидатамъ, которые извѣстны своею практическою дѣятельностію.

§ 59. Профессора и адъюнкты-профессора института назначаются министромъ народнаго просвѣщенія, а преподаватели, механикъ и лаборантъ—попечителемъ учебнаго округа (ст. 30 полож. объ инст.).

§ 60. При открытіи вакансій на должность профессора или адъюнкты-профессора, директоръ института немедленно доноситъ о томъ, чрезъ попечителя учебнаго округа, министру народнаго просвѣщенія, который или замѣщаетъ вакансію непосредственно, или предлагаетъ объявить во всеобщее свѣдѣніе о вызовѣ желающихъ занять вакантную должность съ приглашеніемъ заявить объ этомъ институту въ теченіе мѣсяца. Въ оемъ послѣднемъ случаѣ каждому изъ членовъ учебнаго комитета предоставляется заявить кандидатовъ для замѣщенія вакансій. Достоинства всѣхъ кандидатовъ, какъ заявившихъ желаніе на основаніи публикаціи, такъ и рекомендованныхъ членами учебнаго комитета, подробно обсуждаются въ особомъ засѣданіи комитета, и сужденія, имѣвшія мѣсто по этому предмету, представляются попечителю округа, который, съ своимъ заключеніемъ, представляетъ таковыя министру народнаго просвѣщенія для замѣщенія

должности однимъ изъ представленныхъ кандидатовъ или постороннимъ лицомъ, по его усмотрѣнію.

При открытіи вакансіи на должность преподавателя или механика, соблюдается тотъ же порядокъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что замѣщеніе вакантной должности дѣлается по усмотрѣнію попечителя учебнаго округа, который доводитъ о томъ до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія.

Вакансія лаборанта, по представленію директора института, замѣщается по усмотрѣнію попечителя округа.

§ 61. Преподаватель закона Божія назначается министромъ народнаго просвѣщенія, по сношеніи съ духовнымъ вѣдомствомъ, изъ лицъ, имѣющихъ право на преподаваніе богословскихъ наукъ (ст. 30 полож. объ ввст.).

§ 62. Профессоръ и адъюнктъ-профессоръ обязаны посвящать преподаванію по занимаемымъ ими кафедрамъ достаточное число часовъ въ недѣлю, примѣнительно къ семичасовой нормѣ.

§ 63. Профессоры, адъюнктъ-профессоры и преподаватели обязаны читать, по утвержденнымъ программамъ, полные курсы порученныхъ имъ предметовъ, излагать ихъ согласно съ современнымъ состояніемъ науки, производить установленныя испытанія, руководить практическими занятіями учащихся, принимать участіе въ засѣданіяхъ учебнаго комитета, первые — какъ члены сего комитета, а остальныя — когда будутъ приглашены для обсужденія вопросовъ, касающихся преподаванія порученныхъ имъ предметовъ и давать подробный отчетъ о своемъ преподаваніи учебному комитету института.

§ 64. Профессоры тѣхъ предметовъ, по которымъ практическія занятія учащихся происходятъ въ учебныхъ учрежденіяхъ института, какъ-то: кабинетахъ, лабораторіяхъ, мастерскихъ, завѣдываютъ сими учрежденіями по принадлежности, безъ особаго вознагражденія, распорядясь вѣренными имъ частями согласно съ утвержденными министромъ правилами, отвѣтствуя какъ за цѣлость вѣреннаго имъ казеннаго имущества, такъ и за исполненіе указанныхъ правилъ, и веда надлежащую отчетность.

§ 65. Состоящія на дѣйствительной службѣ по учебной части лица, сверхъ исполненія прямыхъ своихъ обязанностей по преподаванію и практическимъ занятіямъ, исполняютъ также и особыя, относящіяся до ихъ специальности, порученія, возлагаемыя на нихъ высшимъ начальствомъ, директоромъ или учебнымъ комитетомъ института.

§ 66. Въ случаѣ открытія вакансіи учебной должности въ институтѣ и невозможности немедленнаго замѣщенія ея, или въ случаѣ продолжительнаго отсутствія лица, занимающаго такую должность, исправленіе обязанностей, съ сею должностію соединенныхъ, можетъ быть временно поручаемо, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, лицамъ занимающимъ при институтѣ штатныя должности по учебной части, съ производствомъ имъ вознагражденія, въ размѣрѣ не свыше половины оклада, присвоеннаго вакантной должности и на срокъ не далѣе одного года.

г) Объ инспекторѣ, его помощникахъ и бібліотекарѣ.

§ 67. Ближайшее наблюденіе за поведеніемъ студентовъ и исполненіемъ установленныхъ для нихъ правилъ поручается инспектору, при которомъ состоятъ три помощника, непосредственно ему подчиненные. Инспекторъ опредѣляется на должность, по представленію попечителя округа, основанному на ходатайствѣ директора института, министромъ народнаго просвѣщенія, а помощники инспектора—попечителемъ учебнаго округа, по представленію директора (ст. см. 26 и 30 полож. объ инст.).

§ 68. Завѣдываніе бібліотекой института возлагается на бібліотекаря, который опредѣляется на должность, по представленію директора, попечителемъ учебнаго округа.

д) Объ учебномъ комитетѣ.

§ 69. Учебный комитетъ института состоитъ, подъ предсѣдательствомъ директора, изъ преподавателя закона Божія и профессоромъ (ст. 22 полож. объ инст.).

§ 70. Въ засѣданіи учебнаго комитета могутъ быть приглашаемы адъюнкты-профессоры, преподаватели, механикъ и лаборантъ, съ правомъ голоса только по вопросамъ, относящимся до предметовъ ихъ занятій.

§ 71. Въ кругъ дѣятельности учебнаго комитета входятъ:

1) по вопросамъ, постановленія о которыхъ представляются, чрезъ попечителя учебнаго округа, на усмотрѣніе министра народнаго просвѣщенія:

а) составленіе плановъ и программъ теоретическаго и практическаго преподаванія въ институтѣ;

б) распределеніе, на основаніи утвержденныхъ плановъ и программъ, преподаванія и практическихъ занятій по курсамъ, кабинетъ

тамъ, лабораторіямъ и мастерскимъ, съ назначеніемъ для каждаго предмета необходимаго учебнаго времени;

в) составленіе предположеній о порядкѣ контроля за занятіями учащихся и производствѣ испытаній какъ по теоретическому преподаванію, такъ и по практическимъ занятіямъ;

г) обсужденіе достоинствъ кандидатовъ на отрывающіяся въ институтѣ вакансіи профессоровъ и адъюнкты-профессоровъ (§ 60);

д) разсмотрѣніе и обсужденіе годичнаго отчета по учебной части института (§ 45);

е) составленіе предположеній о распредѣленіи суммъ, предназначенныхъ на учебную часть института;

ж) избраніе почетныхъ членовъ института и удостоеніе почетнаго званія инженеръ-технолога (§§ 83 и 84);

з) представленіе соображеній о временномъ замѣщеніи должностей по учебной части, въ случаѣ продолжительнаго отсутствія лицъ, оныя занимающихъ, по болѣзни или по другимъ причинамъ, а равно въ случаѣ открытія вакансій въ теченіе учебнаго года (§ 66);

II) по вопросамъ, постановленія о которыхъ представляются на усмотрѣніе попечителя учебнаго округа:

в) составленіе предположеній о назначеніи, на основаніи утвержденныхъ министеромъ правилъ, стипендій и бесплатныхъ вакансій учащимся, а равно о лишеніи учащихся этихъ преимуществъ;

г) составленіе правилъ пользованія бібліотекой, учебными коллекціями и прочими учебными пособиями, а равно правилъ для пополненія бібліотеки, учебныхъ коллекцій и учебныхъ пособій;

д) обсужденіе достоинствъ кандидатовъ на должности преподавателей и механика (§ 60);

е) обсужденіе вопросовъ, предлагаемыхъ попечителемъ учебнаго округа;

III) по дѣламъ окончательно рѣшаемымъ учебнымъ комитетомъ:

а) опредѣленіе срока подачи просьбъ о приѣмѣ учащихся въ институтъ и времени производства вступительныхъ экзаменовъ, а равно избраніе экзаменаціонныхъ приемныхъ комиссій, разсмотрѣніе результатовъ вступительныхъ экзаменовъ и зачисленіе въ студенты института лицъ, удовлетворившихъ условіямъ поступленій въ оныя (§ 13);

б) назначеніе экзаменаціонныхъ комиссій для производства годичныхъ испытаній, разсмотрѣніе результатовъ сихъ испытаній, переводъ учащихся изъ низшихъ курсовъ въ высшіе, оставленіе невы-

державших экзамена на второй годъ въ томъ же курсѣ, увольненіе и исключеніе изъ института въ случаяхъ предусмотрѣнныхъ §§ 22, 23 и 25 сего устава;

о) разсмотрѣніе отчетовъ по учебной части, поступающихъ въ комитетъ на основаніи § 51;

п) разсмотрѣніе и одобреніе къ печатанію сочиненій, издаваемыхъ институтомъ (ст. 23 полож. объ инст.).

§ 72. Засѣданія учебнаго комитета происходятъ въ учебное время года не менѣе одного раза въ мѣсяцъ; по иъ случаѣ надобности, по усмотрѣнію директора, засѣданія эти могутъ быть назначаемы и чаще; въ вакаціонное же время засѣданія комитета могутъ быть назначаемы по требованію попечителя учебнаго округа или министра.

§ 73. Для дѣйствительности постановленій учебнаго комитета должно въ засѣданіяхъ его находиться болѣе половины наличныхъ членовъ комитета, считая и предсѣдателя.

§ 74. Дѣла въ учебномъ комитетѣ рѣшаются по большинству голосовъ; въ случаѣ равенства голосовъ, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ.

е) О хозяйственномъ комитетѣ.

§ 75. Хозяйственный комитетъ состоитъ, подъ предсѣдательствомъ директора, изъ трехъ членовъ, избираемыхъ попечителемъ учебнаго округа на три года изъ лицъ, преподающихъ въ институтѣ, а также завѣдывающихъ отдѣльными учрежденіями института. Лица, избранныя въ члены комитета, утверждаются министромъ народнаго просвѣщенія. Временное замѣщеніе другими лицами сѣкъ членовъ, въ случаѣ ихъ болѣзни, командировки или отпуска, предоставляется попечителю учебнаго округа (ст. 27 полож. объ инст.).

§ 76. Хозяйственный комитетъ имѣетъ въ своемъ завѣдываніи все имущество института, отвѣтствуетъ за цѣлость его, составляетъ годовыя сметы расходовъ, наблюдаетъ за правильнымъ расходованіемъ суммъ, производитъ торги на поставку въ институтъ разныхъ предметовъ, заготовляетъ хозяйственнымъ способомъ тѣ предметы, на поставку которыхъ не состоялись торги, или послѣдніе оказались невыгодными для казны; завѣдываетъ ремонтными работами и постройками въ институтѣ, составляетъ и ведетъ описи казенному имуществу и постановляетъ объ исключеніи изъ этихъ описей пред-

метовъ, пришедшихъ въ негодность, съ представленіемъ такихъ постановленій попечителю учебнаго округа на утвержденіе (ст. 28 полож. объ инст.).

§ 77. Хозяйственный комитетъ имѣетъ право разрѣшать всѣ денежныя выдачи изъ суммъ, штатомъ опредѣленныхъ, а изъ поступающихъ въ распоряженіе института по § 6 специальныхъ суммъ на усиленіе его средствъ, а равно изъ специальныхъ средствъ института (§ 81)—въ размѣрѣ не свыше 300 р. въ годъ на одинъ предметъ, и утверждать контракты по подрядамъ до пяти тысячъ рублей собственною властію; на производство же расходовъ изъ тѣхъ же суммъ (на усиленіе средствъ), а равно изъ специальныхъ средствъ въ размѣрѣ не свыше 1,000 рублей въ годъ на одинъ предметъ и утвержденіе контрактовъ по подрядамъ на сумму не свыше 7,000 рублей, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, испрашиваетъ разрѣшенія попечителя, и на производство расходовъ свыше этихъ суммъ — испрашиваетъ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія (ст. 28 полож. объ инст.).

§ 78. Хозяйственный комитетъ собирается не менѣе одного раза въ недѣлю и дѣла въ засѣданіяхъ его рѣшаются большинствомъ голосовъ; въ случаѣ равенства послѣднихъ, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ. Для дѣйствительности засѣданій хозяйственнаго комитета необходимо присутствіе всѣхъ трехъ его членовъ.

§ 79. Дѣлопроизводство въ хозяйственномъ комитетѣ завѣдываетъ дѣлопроизводителемъ института.

V. Права института и лицъ, служащихъ въ институтѣ.

§ 80. Институтъ имѣетъ большую и малую печати, съ изображеніемъ государственнаго герба и съ надписью: „Харьковскій практической технологической институтъ“ (ст. 40 полож. объ инст.).

§ 81. Институту предоставляется принимать разнаго рода денежные и вещественныя пожертвованія отъ ревнителѣй отечественной промышленности какъ при жизни ихъ, такъ и по завѣщаніямъ. Жертвуемыя суммы, составляя собственность института, причисляются къ специальнымъ средствамъ.

§ 82. Выморочныя имущества, остающіяся послѣ служащихъ въ институтѣ лицъ, обращаются въ собственность института на основаніяхъ, указанныхъ въ ст. 168 законовъ гражданскихъ (Св. зак. т. X ч. 1 изд. 1857 г.) (ст. 42 полож. объ инст.).

§ 83. По ходатайству учебнаго комитета, министръ народнаго

просвѣщенія удостоиваетъ званія почетнаго члена института лицъ, оказавшихъ значительныя услуги отечественной промышленности или развитію въ Россіи технического образованія (ст. 41 полож. объ инст.).

§ 84. По ходатайству учебнаго комитета института, министръ народнаго просвѣщенія удостоиваетъ званія инженеръ - технолога лицъ, приобрѣтшихъ почетную извѣстность своею многолѣтнею дѣятельностію по управленію заводами или фабриками, или заявившихъ себя полезными открытіями и усовершенствованіями въ области техники. Лица эти, не подвергаясь требующимъ уставомъ испытаніямъ, не получаютъ правъ, присвоенныхъ §§ 33, 34 и 35 званію инженеръ-технолога (ст. 45 полож. объ инст.).

§ 85. Институту дозволяется, по представленіямъ учебнаго комитета и по ближайшему усмотрѣнію высшаго начальства, учреждать публичныя лекціи и примѣры производства по технической части.

§ 86. Изданія, выходящія отъ имени института или съ его одобренія, и вообще все, отъ имени института печатаемое, не подлежатъ, при какомъ бы ни было объемѣ, предварительной цензурѣ (ст. 43 полож. объ инст.).

§ 87. Приобрѣтаемыя для института за границею книги, рукописи и повременныя изданія ученаго содержанія не подлежатъ разсмотрѣнію комитета иностранной цензуры (ст. 44 полож. объ инст.).

§ 88. Институтъ имѣетъ право безплатно выписывать изъ-за границы для своихъ надобностей всякія учебныя пособія, не исключая и машинъ. Ящики съ ними вещами, адресованные въ институтъ, не вскрываются въ таможи, а только пломбируются; въ институтѣ же они вскрываются и свидѣтельствуются въ присутствіи таможеннаго чиновника (ст. 45 полож. объ инст.).

§ 89. Служащіе при институтѣ, считааясь, доколѣ состоятъ въ своихъ должностяхъ, въ присвоенныхъ имъ по штату классахъ, пользуются вообще преимуществами, означенными въ уставѣ о службѣ по опредѣленію отъ правительства (Св. зак. т. III изд. 1876 г.). Профессоры, адъюнкты-профессоры, преподаватели, механики и лаборанты утверждаются въ чинахъ, соответствующихъ классамъ сихъ должностей (ст. 31 полож. объ инст.).

§ 90. Должность директора, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, можетъ быть соединяема съ должностію профессора и

въ семь случаевъ директору производится сверхъ штатнаго его оклада добавочное жалованье въ размѣрѣ 1,500 р. въ годъ (прим. къ ст. 10 полож. объ инст.).

§ 91. Профессоры, адъюнкты-профессоры, преподаватели, механикъ, лаборантъ, инспекторъ, его помощники и библіотекарь могутъ быть производимы двумя чинами выше класса, присвоеннаго ихъ должностямъ (ст. 32 полож. объ инст.).

§ 92. Профессоры и адъюнкты-профессоры, относительно пенсій и единовременныхъ пособій, пользуются слѣдующими правами: а) пенсія по выслугѣ 25-ти лѣтъ и половинная пенсія по выслугѣ 20-ти лѣтъ назначаются по размѣру жалованья, опредѣленнаго штатомъ института; б) если профессоръ или адъюнктъ-профессоръ по выслугѣ 25-ти лѣтъ остается на службѣ при институтѣ, то пенсія сверхъ жалованья не получаетъ; в) находясь на службѣ внѣ института, въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствующими постановленіями допускается совмѣщеніе пенсій и жалованья, выслужившій двадцатипятилѣтіе профессоръ или адъюнктъ-профессоръ получаетъ пенсію сверхъ жалованья, въ размѣрѣ половины выслуженнаго имъ оклада оной; г) послѣ 30-ти лѣтъ учебной службы профессоръ и адъюнктъ-профессоръ получаютъ въ пенсію полныя оклады ихъ содержанія (полагая въ составъ содержанія жалованье и квартирные деньги); д) званіе заслуженнаго профессора даетъ преподавателю право сохранить свою пенсію въ полномъ размѣрѣ сверхъ жалованья, при службѣ внѣ института; е) единовременныя пособия назначаются, на основаніи дѣйствующихъ постановленій, по размѣру полного оклада содержанія профессора и адъюнкты-профессора.

Директоръ института относительно пенсій и единовременныхъ пособій, пользуется тѣми же правами, какъ и профессоры, получая въ сравненія съ ними послѣдними пенсію по выслугѣ 25-ти лѣтъ и половинную пенсію по выслугѣ 20-ти лѣтъ изъ оклада въ 2,400 руб. Послѣ 30-ти лѣтъ учебной службы директору назначается въ пенсію 3,000 рублей.

Примѣчаніе 1-е. Пенсія семействамъ умершихъ пенсіонеровъ назначаются, на основаніи дѣйствующихъ постановленій, по размѣру пенсіоннаго оклада умершаго; пенсіонный окладъ профессора, выслужившаго тридцать лѣтъ, не увеличивается чрезъ пять лѣтъ.

Примѣчаніе 2-е. Преподаватель закона Божія, по выслугѣ при институтѣ 25-ти лѣтъ, получаетъ пенсію въ размѣрѣ

одной тысячи рублей въ годъ, а по выслугѣ 20-ти лѣтъ—половину этой суммы. Пенсія сія производится самому преподавателю и его семейству, независимо отъ того призрѣнія, комъ они могутъ пользоваться по духовному вѣдомству (ст. 33 полож. объ инст.).

§ 93. Профессоръ, прослужившій 25 лѣтъ въ должности преподавателя въ институтѣ, удостоивается званія заслуженнаго профессора института (ст. 35 полож. объ инст.).

§ 94. Для продолженія службы при институтѣ, профессорамъ и адъюнктъ-профессорамъ, получившимъ послѣ 25-ти лѣтъ учебной службы право на пенсію, требуется разрѣшеніе министра. Для другихъ лицъ по учебной части требуется въ подобныхъ случаяхъ разрѣшеніе попечителя учебнаго округа (ст. 36 полож. объ инст.).

§ 95. По истеченіи 30-ти лѣтъ учебной службы, за профессоромъ или адъюнктъ-профессоромъ, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, можетъ быть сохранена его должность срокомъ на 5 лѣтъ, съ назначеніемъ ему вознагражденія по 1200 руб. въ годъ. Вознагражденіе сіе производится независимо отъ выслуженной профессоромъ или адъюнктъ-профессоромъ пенсіи и, по истеченіи указанного срока, можетъ быть продолжено министромъ на слѣдующее пятилѣтіе (ст. 37 полож. объ инст.).

§ 96. Профессоры и адъюнктъ-профессоры, выходящіе въ отставку, по совершенно разстроенному на службѣ здоровью или по приключившейся неизлѣчимой болѣзни, получаютъ въ пенсію: прослужившіе отъ 10 до 20 лѣтъ одну треть пенсіи по § 92 п. 1.; прослужившіе отъ 20 до 25 лѣтъ—двѣ трети пенсіи по § 92 п. 1.; прослужившіе 25 л. и болѣе—полную пенсію по § 92 п. 1. (ст. 34 полож. объ инст.).

§ 97. Профессоры и адъюнктъ-профессоры, одержимые тяжкими и неизлѣчимыми болѣзнями, которыя лишаютъ ихъ не только возможности продолжать службу, но и обходиться безъ ностояннаго посторонняго ухода, получаютъ при отставкѣ въ пенсію: прослужившіе отъ 5 до 10 лѣтъ—одну треть пенсіи по § 92 п. 1.; прослужившіе отъ 10 до 20 лѣтъ—двѣ трети пенсіи по § 92 п. 1.; а прослужившіе 20 лѣтъ и болѣе—полную пенсію по § 92 п. 1. (ст. 34 полож. объ инст.).

§ 98. Инспектору студентовъ пенсія назначается възъ оклада въ 1500 руб. Инспекторъ, въ случаѣ оставленія его, по выслугѣ 25 лѣтъ, на дальнѣйшей службѣ при институтѣ, получаетъ пенсію,

сверхъ содержанія, въ размѣрѣ, равномъ половинѣ выслуженнаго имъ пенсіоннаго оклада, и засимъ опредѣленными ст. 363 Устава о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ прибавками къ пенсіонному окладу не пользуется (ст. 39 полож. объ инст.).

§ 99. Преподаватели, механикъ при механическихъ мастерскихъ, лаборантъ при химической лабораторіи, бібліотекаръ и помощники инспектора, относительно пенсій и единовременныхъ пособій, пользуются правами лицъ, состоящихъ по учебной службѣ министерства народнаго просвѣщенія, при чемъ пенсіи имъ назначаются: преподавателямъ, механику и помощнику инспектора изъ оклада въ 750 р., а бібліотекарю и лаборанту изъ оклада въ 650 рублей.

Примѣчаніе. Полный пенсіонный окладъ назначается только тѣмъ изъ преподавателей института, которые, состоя на дѣйствительной службѣ при институтѣ, въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ передъ выслугою пенсіи получали отъ института вознагражденіе за занятія не менѣе 750 рублей въ годъ; въ противномъ же случаѣ преподавателямъ назначается въ пенсію половина полнаго оклада (ст. 38 полож. объ инст.).

5. (25-го іюля 1885 года). Положеніе о стипендіяхъ княгини Елены Алкивіадовны Гагариной при Тифлисскомъ городскомъ ремесленномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, учреждаются при Тифлисскомъ городскомъ ремесленномъ училищѣ стипендіи имени княгини Е. А. Гагариной на проценты съ капитала въ три тысячи рублей, пожертвованнаго обществомъ содѣйствія техническо-ремесленному образованію на Кавказѣ.

§ 2. Проценты со стипендіальнаго капитала, заключающагося въ 5% облигаціяхъ восточнаго займа, ежегодно выдаются въ пособіе тѣмъ изъ лучшихъ по усилкамъ и поведенію ученикамъ означеннаго училища, которые пробыли въ училищѣ не менѣе одного года и будутъ нуждаться въ средствахъ для продолженія курса въ училищѣ.

§ 3. Выборъ такихъ учениковъ предоставляется педагогическому совѣту училища.

§ 4. Размѣръ пособій каждому изъ учениковъ зависитъ отъ усмотрѣнія педагогическаго совѣта, но не можетъ быть менѣе тридцати и болѣе шестидесяти рублей.

§ 5. Не выданные %о присоединяются къ стипендіальному капиталу для совмѣстнаго приращенія %о.

§ 6. Стипендіи сохраняются и въ случаѣ преобразованія училища въ другое однородное по цѣли учебное заведеніе.

§ 7. Причитающіеся на стипендіи %о выдаются директору училища по его требованіямъ.

§ 8. Въ случаѣ выхода въ тиражъ билетовъ, составляющихъ основную капиталъ, билеты эти замѣняются новыми того же займа или другими государственными бумагами съ разрѣшенія Тифлисской городской управы.

§ 9. Право на полученіе стипендіи, назначенной совѣтомъ, прекращается: а) смертію стипендіата, б) выходомъ его изъ училища и в) новымъ постановленіемъ педагогическаго совѣта по соглашенію съ особымъ комитетомъ, учрежденнымъ при ремесленномъ училищѣ на основаніи § 3 устава сего училища, утвержденнаго въ надлежномъ порядкѣ 21-го марта 1880 года.

§ 10. Всѣ постановленія педагогическаго совѣта по предмету употребленія %о съ капитала вносятся въ протоколы засѣданій совѣта. Отчетъ по расходованію %о присоединяется къ общему годовому отчету училища.

§ 11. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

6. (25-го іюля 1885 года). Положеніе о стипендіяхъ потомственнаго почетнаго гражданина Ивана Матвѣевича Мухина при Рижской женской Ломоносовской гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, при Рижской женской Ломоносовской гимназій учреждаются четыре стипендіи имени И. М. Мухина на проценты съ пожертвованнаго капитала въ четыре тысячи рублей.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 4-хъ облигаціяхъ 3-го восточнаго займа, по тысячи рублей каждая, составляетъ неотъемлемую собственность Рижской женской Ломоносовской гимназій и хранится въ Рижскомъ губернскомъ казначействѣ, въ спеціальныхъ средствахъ означенной гимназій.

§ 3. Стипендіи съ процентовъ сего капитала, въ размѣрѣ пятидесяти рублей въ годъ каждая, производятся четыремъ ученицамъ Рижской женской Ломоносовской гимназій преимущественно право-

славнымъ, русскаго происхожденія и отличающимся успѣхами въ наукахъ и хорошимъ поведеніемъ.

§ 4. Право назначать стипендіатокъ принадлежитъ учредителю стипендій, за отсутствіемъ же его изъ города Риги, а равно послѣ его смерти, выборъ стипендіатокъ представляется попечительному совѣту Рижской женской Ломоносовской гимназій.

§ 5. Въ случаѣ временнаго не замѣщенія всѣхъ стипендій, проценты съ стипендіальнаго капитала, оставшіеся невыданными, обращаются въ пособіе наличнымъ стипендіаткамъ.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатокъ никакихъ обязательствъ.

7. (31-го іюля 1885 года). Положеніе о стипендіи имени Елецкаго окружнаго суда при Елецкой мужской гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ одну тысячу четыреста рублей, пожертвованнаго должностными лицами Елецкаго окружнаго суда въ память исполнявшагося 19-го февраля 1880 года двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II, учреждается при Елецкой мужской гимназій одна стипендія имени мѣстнаго окружнаго суда.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа, хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Елецкой мужской гимназій, составляя неотъемлемую собственность названной гимназій и оставаясь на всегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Стипендія представляется одному изъ нуждающихся, прілежныхъ и отличающихся хорошимъ поведеніемъ воспитанниковъ Елецкой мужской гимназій христіанскаго вѣроисповѣданія.

§ 4. Выборъ стипендіата предоставляется общему собранію отдѣлений Елецкаго окружнаго суда, а въ случаѣ упраздненія этого судебного учрежденія переходитъ къ педагогическому совѣту мужской гимназій.

§ 5. Пользованіе стипендіей, не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 6. Могущіе образоваться отъ стипендіи остатки присоединяются къ стипендіальному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

8. (3-го августа 1885 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о порядкѣ выдачи свидѣтельствъ о переходѣ учениковъ изъ одного учебнаго заведенія въ другое.

Для устраненія перехода учениковъ безъ уважительныхъ причинъ изъ одного учебнаго заведенія въ другое въ теченіе учебнаго курса, я считаю необходимымъ установить правило, чтобы въ увольнительныхъ свидѣтельствахъ, выдаваемыхъ выбывающимъ изъ заведенія ученикамъ, послѣдовательно отмѣчались всѣ учебныя заведенія, въ которыхъ они обучались, съ указаніемъ времени поступленія и выбытія, при чемъ начальствамъ заведеній надлежитъ обращать вниманіе на уважительность причинъ такового перехода. Отъ родителей же или опекуновъ учениковъ, заявляющихъ, что они въ казенномъ учебномъ заведеніи не были, а получили домашнее или частное образованіе, отбирать о семъ письменныя удостовѣренія.

О вышеизложенномъ считаю долгомъ сообщить вашему превосходительству для зависящихъ распоряженій.

9. (9-го августа 1885 года). Правила для стипендій имени Игнатія Минченкова при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. При Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ учреждаются двѣ стипендіи имени Игнатія Минченкова на капиталъ, завѣщанный для этой цѣли вдовою майора Александрю Минчиною и помѣщенныи вѣчнымъ вкладомъ всего въ суммѣ одиннадцать тысячъ двѣсти рублей въ Харьковской конторѣ государственнаго банка.

§ 2. Одна изъ этихъ стипендій назначается для студентовъ юридическаго факультета, другая для студентовъ медицинскаго факультета.

§ 3. Каждая стипендія, въ размѣрѣ ста двадцати рублей въ полугодіе, назначается правленіемъ университета на основаніи общихъ утвержденныхъ г. министромъ народнаго просвѣщенія на сей предметъ правилъ, при чемъ, согласно волѣ завѣщательницы, при одинаковыхъ во всемъ условіяхъ, преимущественно предоставляется студентамъ изъ дворянскаго сословія.

§ 4. Моущія образоваться по какой-либо причинѣ остатки отъ суммы, опредѣленной на содержаніе стипендіата, причисляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендій.

У. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(15-го іюля, 1885 года). Утверждены: ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Питра—въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора, съ 3-го іюля 1885 года; инспекторъ народныхъ училищъ Вятской губерніи, статскій совѣтникъ Канаевъ — директоромъ народныхъ училищъ сей губерніи, съ 13-го іюня 1885 года; инспекторъ Московской второй гимназій, коллежскій совѣтникъ Исаенковъ — директоромъ Александровской гимназій Смоленскаго земства, въ г. Вязьмѣ, съ 1-го іюля 1885 года; инспекторъ Уманской прогимназій, статскій совѣтникъ Ронталеръ — директоромъ Новгородсѣверской гимназій, съ 1-го іюля 1885 года; инспекторъ Владикавказской прогимназій, преобразованной въ гимназію, статскій совѣтникъ Виноградовъ — директоромъ сей гимназій, съ 1-го іюля 1885 года; директоръ Влоцлавскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Головачевскій — директоромъ Прагской, въ предмѣстьи г. Варшавы, мужской гимназій, съ 1-го іюля 1885 года; инспекторъ Ржевской четырехклассной прогимназій, преобразованной въ шестиклассную, коллежскій совѣтникъ Ситарскій—директоромъ сей прогимназій, съ 1-го іюля 1885 года; инспекторъ Вакинскаго реальнаго училища, коллежскій ассессоръ Тарасовъ — директоромъ Шупинскаго реальнаго училища, съ 1-го іюля 1885 года; исполняющій обязанности инспектора Костромскаго реальнаго училища, преподаватель этого училища, коллежскій совѣтникъ Зегеръ—директоромъ Скопинскаго реальнаго училища, съ 1-го іюля 1885 года; инспекторъ-руководитель Холмской учительской семинаріи, коллежскій совѣтникъ Левшинъ—директоромъ Влоцлавскаго реальнаго училища, съ 1-го іюля 1885 года; исполняющій обязанности инспектора Кіевскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ Гольдерекеръ—директоромъ четырехкласснаго реальнаго училища, въ Могилевѣ на Днѣстрѣ, съ 1-го іюля 1885 года; учитель реальнаго училища Хайновскаго въ Москвѣ Поповъ — директоромъ сего училища, съ 6-го іюля 1885 года; исполняющій обязанности инспектора Ташкентской мужской гимназій, статскій совѣтникъ Азначевъ — инспекторомъ народныхъ училищъ Туркестанскаго края, съ 1-го іюля 1885 года; черкасскій уѣздный предводитель дворянства, въ званіи камеръ-юнкера двора Его Императорскаго Величества графъ

Вобрянскій—почетнымъ попечителемъ Черкасской прогимназіи, на три года.

Назначены: дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій ассессоръ Толмачевъ — дѣлопроизводителемъ VI класса сего департамента, съ 12-го іюня 1885 года; дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ Томашинскій—правителемъ канцеляріи попечителя Западно-сибирскаго учебнаго округа, съ 1-го іюля 1885 года; управляющій Курскою казенною палатою, дѣйствительный статскій совѣтникъ Полозовъ, надворный совѣтникъ Воротниковъ, штабсъ-капитаны: Волчевцевъ и Гонгардъ, предсѣдатель Курской губернской земской управы, отставной инженеръ-поручикъ Полянскій, губернский секретарь Роштокъ, кандидаты правъ: Исаковъ и Янковичъ и потомственный почетный гражданинъ Гладковъ—членами попечительства Курскаго реальнаго училища на три года; окончившіе въ 1885 году курсъ наукъ студенты Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института: Иванъ Бережковъ, Александръ Лебедевъ, Павелъ Смольяппиковъ, Эрнстъ Штернъ, Петръ Молчановъ, Иванъ Плишкевичъ, Федоръ Шубинъ, Викторъ Щепетевъ и Алексѣй Богуславскій — учителями гимназій: Бережковъ—Пермской, Лебедевъ—Прилуцкой, Смольяппиковъ—Вѣрненской, Штернъ — Омской, Молчановъ — Рыбинской, всѣ пятеро по древнимъ языкамъ, Пляшкевичъ — Иркутской, по латинскому языку, Шубинъ — Вологодской, Щепетевъ — Томской, оба по исторіи и географіи, и Богуславскій—Новозыбковской женской, по русскому языку и исторіи; изъ нихъ Молчановъ и Богуславскій съ 1-го іюля, а всѣ остальные съ 5-го іюня 1885 года; Николай Кохъ, Анатолій Стефановъ, Александръ Лепливскій и Александръ Смольяппиковъ—учителями прогимназій, съ 5-го іюня 1885 года: Кохъ — Измайльской, Стефановъ — Павлоградской, оба по древнимъ языкамъ, Лепливскій—Стародубской, по греческому языку, и Смольяппиковъ—Стародубской, по исторіи и географіи, всѣ съ обязательствомъ прослужить по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія не менѣе шести лѣтъ.

Перемѣщены: ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ Якобій — ординарнымъ профессоромъ въ Императорскій Казанскій университетъ по кафедрѣ гигиены, съ 1-го іюля 1885 года; директоръ Новгородскаго губернскаго гимназіи, статскій совѣтникъ Фирсовъ—директоромъ Камевецъ-Подоль-

ской гимназіи, съ 1-го іюля 1885 года; директоръ Шушинскаго реального училища, статскій совѣтникъ Тирютинъ—директоромъ Тифлискаго реального училища, съ 1-го іюля 1885 года.

Причисленъ къ министерству народнаго просвѣщенія: коллежскій секретарь Сергій Осоргинъ, съ 26 мая 1885 года. :

Оставлены на службѣ: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Лазаревичъ—по выслугѣ 30 лѣтъ по учебной части, съ 1-го іюля 1885 года; заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ Березинъ—по выслугѣ 45 лѣтъ по учебной части, съ 7-го января 1885 года; директоръ Астраханскаго реального училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Петерманъ—на два года, съ 22-го іюня, 1885 года; директоръ народныхъ училищъ Казанской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Износковъ—на пять лѣтъ, со дня выслуги двадцати-пяти-лѣтняго срока.

Командированы въ Россію: ординарные профессора Императорскаго Новороссійскаго университета, статскіе совѣтники: Кочубинскій и Синцовъ, первый на лѣтнее вакаціонное время 1885 года и пять дней, въ разныя губерніи, и послѣдній на лѣтнее вакаціонное время и по 1-е сентября 1885 года, въ Саратовскую, Симбирскую и Пензенскую губерніи.

Уволены въ отпускъ: въ Россію: на семь дней, инспекторъ Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища, коллежскій совѣтникъ Карповъ, съ С.-Петербурга; на четырнадцать дней, помощникъ попечителя Виленскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кунъ, въ С.-Петербургъ; на двадцать дней: директоръ Саратовскаго Александро-маріанскаго реального училища Германъ въ Москву и Ригу и инспекторъ народныхъ училищъ состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній Кіевской, Подольской и Волинской, статскій совѣтникъ Солнцевъ, въ разныя губерніи; на двадцать одинъ день: директоръ Екатеринбургскаго Алексѣевскаго реального училища, статскій совѣтникъ Ломоносовъ, въ Оренбургъ, и инспекторъ народныхъ училищъ состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній Кіевской, Подольской и Волинской, надворный совѣтникъ Малиновскій, въ Одессу; на двадцать два дня: директоръ Николаевскаго реального училища, статскій совѣтникъ Тарангинъ, въ Кіевскую и Харьковскую губерніи; на двадцать во-
часть оскл., отд. 1.

семь дней: начальникъ Варшавской учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Поповъ, въ Одессу и Таврическую губернію; директоръ Елисаветградской прогимназіи, коллежскій совѣтникъ Прокешъ, въ Херсонскую и Харьковскую губерніи; директоръ Виленскаго еврейскаго учительскаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Варскій, въ С.-Петербургъ, Москву и Витебскъ, и дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія, въ званіи камеръ-юнкера коллежскій совѣтникъ Комовскій, по болѣзни, въ Лифляндскую губернію; на мѣсяцъ, директоръ Каменецъ-Подольской гимназіи, статскій совѣтникъ Фирсовъ, въ Екатеринославскую и Костромскую губерніи; на мѣсяцъ и семь дней, директоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ильинъ, во внутреннія губерніи; на мѣсяцъ и десять дней, директоръ Виленскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ Дуровъ, въ городъ Поневѣжъ, Ковенской губерніи; на шесть недѣль: причисленные къ министерству народнаго просвѣщенія статскій совѣтникъ Яковлевъ, въ Лифляндскую губернію, по болѣзни, и надворный совѣтникъ Шемякинъ въ Гансаль; на полтора мѣсяца, помощникъ начальника архива министерства народнаго просвѣщенія, коллежскій совѣтникъ Раздольевъ, въ разныя губерніи, по болѣзни; на мѣсяцъ и семнадцать дней, директоръ уфимской гимназіи, статскій совѣтникъ Матвѣевъ, въ Уфимскую губернію, по болѣзни; на мѣсяцъ и двадцать два дня; директоръ Кишиневской второй гимназіи Сигъ, въ разныя губерніи; на два мѣсяца: дѣлопроизводитель V класса департамента народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Родевичъ, въ разныя губерніи Россіи и царства Польскаго; причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ Ферморъ, въ Псковскую губернію, по болѣзни; директоры народныхъ училищъ губерній: Вологодской—дѣйствительный статскій совѣтникъ Левицкій, въ разныя губерніи, и Херсонской—статскій совѣтникъ Князевъ, въ Псковъ и С.-Петербургъ; директоръ Архангельской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Пилацкій, въ Московскую и С.-Петербургскую губерніи, по болѣзни, и почетный попечитель Кіевской первой гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Терещенко на Кавказъ; на лѣтнее вакаціонное время 1885 года: директоры гимназій: Кіевской 4-й, дѣйствительный статскій совѣтникъ Михайловъ, въ южныя губерніи; Одесской 2-й гимназіи, статскій совѣтникъ Вудде, въ С.-Петербургъ, Москву и Ревель; Ростовской на

Дону, коллежскій совѣтникъ Филипповъ и Смоленской Гобза; директоръ Острогской прогимназіи, статскій совѣтникъ Эслингеръ; всѣ трое въ разныя губерніи; директоры реальныхъ училищъ: Темиръ-Ханъ-Шуринскаго, статскій совѣтникъ Нюблингъ, въ С.-Петербургскую и Прибалтійскія губерніи; Ловичскаго, коллежскій совѣтникъ Аквилевъ; Самарскаго, статскій совѣтникъ Херувимовъ, оба въ разныя губерніи, и директоръ Новочеркасской учительской семинаріи, надворный совѣтникъ Григоровскій, въ разныя губерніи; на лѣтнее вакаціонное время 1885 года и двадцать восемь дней: директоръ Усть-Медвѣдицкой гимназіи, статскій совѣтникъ Знаменскій, на Кавказъ и въ Крымъ, по болѣзни; на четыре мѣсяца: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь Осоргинъ, въ разныя губерніи; за границу: на двѣ недѣли, директоръ Прагской, въ предмѣстьи города Варшавы, мужской гимназіи, статскій совѣтникъ Головачевскій; на двадцать дней: лаборантъ химической лабораторіи Императорскаго Московскаго университета, надворный совѣтникъ князь Волконскій; на двадцать восемь дней: адъюнктъ-астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, коллежскій совѣтникъ Баклундъ и астрофизикъ сей обсерваторіи, надворный совѣтникъ Гассельбергъ; на два мѣсяца: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, тайный совѣтникъ Захарьинъ; экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Эриштедтъ; окружные инспекторы учебныхъ округовъ: Виленскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Грузовъ и С.-Петербургскаго, статскій совѣтникъ Гельбке; дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь Дымша; лаборантъ Императорскаго Новороссійскаго университета Видгалъмъ и ординаторъ терапевтической факультетской клиники Императорскаго Московскаго университета Оболюпскій. Изъ нихъ по болѣзни Грузовъ и Дымша; на два мѣсяца и два дня: завѣдывающій Одесскимъ первымъ казеннымъ училищемъ Сегаль, по болѣзни; на лѣтнее вакаціонное время 1885 года: профессоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института: дѣйствительный статскій совѣтникъ Ленцъ и надворный совѣтникъ Вылежипскій; экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ Гиришапъ; учителя гимназій: Смоленской, статскій совѣтникъ Крамаричъ; Варшавской 2-й мужской, коллежскій совѣтникъ Лапинскій; С.-Петербургской 6-й

Верещагинъ; Императора Александра II въ м. Биркенруэ, близъ Вендена, Мейнерихъ, Грингмутъ и Зебальдъ; учитель С.-Петербургской 2-й прогимназіи, надворный совѣтникъ Дружининъ; учитель при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ Шадыгинъ; штатный смотритель и учитель наукъ при Фридрихштадтскомъ Александровскомъ уѣздномъ училищѣ Лавгъ; учитель наукъ при томъ же училищѣ Даннусъ и учитель Опоченскаго городского начальнаго общаго училища Собаян; на лѣтнее вакаціонное время 1885 года и четырнадцать дней: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Лазаревичъ и директоръ Витебской гимназіи, статскій совѣтникъ Фелицынъ, изъ нихъ послѣдній по болѣзни; на лѣтнее вакаціонное время 1885 года и пятнадцать дней: исполняющій обязанности инспектора сумскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ Кузьмицкій и учительница Ставропольской Ольгинской женской гимназіи Маршанъ; на лѣтнее вакаціонное время 1885 года и двадцать дней, учитель Варшавской 2-й мужской прогимназіи, статскій совѣтникъ Добкевичъ, по болѣзни.

Уволены: директоръ Каменецъ-Подольской гимназіи Петръ—отъ сей должности, согласно прошенію, съ 10-го іюля 1885 года; ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, статскій совѣтникъ Шкларевскій, отъ службы, согласно прошенію, съ 28-го мая 1885 г.; директоры гимназій: Рижской Александровской, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гамбургцовъ; Александровскаго Смоленскаго земства, въ городѣ Вязьмѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вороновъ и Екатеринбургской, статскій совѣтникъ Дмитріевъ, отъ службы, за выслугою срока, съ 1-го іюля 1885 года съ дозволеніемъ послѣднему носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный; директоръ Тифлисскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Пенчинскій, отъ службы, согласно прошенію, съ 1-го іюля 1885 года, съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный; причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія и откомандированный въ распоряженіе попечителя Одесскаго учебнаго округа, надворный совѣтникъ Триполитовъ, отъ службы, согласно прошенію, съ 3-го іюля 1885 года.

Дозволено: бывшему дѣлопроизводителю V класса департамента народнаго просвѣщенія, дѣйствительному статскому совѣтнику Тимо-

еѣву и бывшему директору Саратовскаго Александро-Маріинскаго реальнаго училища, дѣйствительному статскому совѣтнику Мерцалову—носить въ отставку мундирные полукафтаны, послѣднимъ должностямъ присвоенныя.

Объявлена признательность министерства народнаго просвѣщенія: потомственному почетному гражданину Козьминыхъ—за пожертвованіе въ пользу Новоторжской учительской семинаріи; попечителю Лысогорскаго сельскаго начальнаго училища, Донской области, 1-й гильдіи купеческому сыну Шпехту—за пожертвованія его на пользу народнаго образованія; попечителю Шанкинскаго начальнаго сельскаго училища, Борисоглѣбскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, крестьянину Чурилову—за усердіе его къ дѣлу народнаго образованія; крестьянину крещено-татарской деревни Авлама, Мензелинскаго уѣзда, Уфимской губерніи, Иванову—за усердіе его къ дѣлу народнаго образованія.

Исключенъ изъ списковъ умершій, причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Рудаковъ.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. министромъ, постановлено:

— Книгу г. Гуро: „Собраніе разказовъ, анекдотовъ и отрывковъ, выбранныхъ изъ лучшихъ русскихъ писателей для упражненія дѣтей въ переводахъ съ русскаго языка на французскій и пѣмскій, и русско-французско-нѣмецкій словарь. Десятое изданіе. С.-Пб. 1884 г.“ допустить къ употребленію какъ учебное пособіе, въ старшихъ классахъ, начиная съ четвертаго.

— Книгу: „В. А. Воскресенскій. Поэтика. Историческій сборникъ статей о поэзіи. Пособіе при изученіи теоріи словесности. С.-Пб. 1885. Цѣна 2 р.“—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ гимназій, мужскихъ и женскихъ, и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Избранныя элегіи Публія Овидія (Опытъ школьнаго изданія избранныхъ элегій латинскихъ поэтовъ). Съ краткимъ очеркомъ жизни и дѣятельности Овидія и съ русскими примѣчаніями.

Издатель А. Фогель. Кіевъ. 1884. Цѣна 60 к.^а — одобрить, какъ учебное пособие по латинскому языку.

— Книгу: „Опытъ систематизаціи арифметическихъ задачъ. Составилъ Е. Д. Конашевичъ. Москва. 1885. Цѣна 60 к.“ — допустить къ употребленію въ старшихъ классахъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ въ видѣ учебнаго пособия.

— Книги: „Элементарная теорія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ (maxima и minima). Съ примѣрами, задачами и рѣшеніями ихъ. (Учебное пособие для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, преимущественно реальныхъ училищъ). Дополненіе къ курсу начальной математики. Составилъ А. Бѣляевъ. Москва. 1882. Цѣна 1 р. 20 к.^а и „Элементарная теорія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ (maxima и minima). Выпускъ 2-й (М. функций кубическихъ и высшихъ степеней, м. всякой функціи алгебраической и трансцендентной). Составилъ А. Бѣляевъ. Москва. 1882. Цѣна 50 к.“ — рекомендовать для приобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія бібліотеки мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и учительскихъ семинарій и въ фундаментальныя бібліотеки женскихъ гимназій.

— Книгу: „Задачи на наибольшія и наименьшія величины (maxima и minima), рѣшаемыя начальною математикой (съ отвѣтами 426 задачъ). Составилъ преподаватель реального училища А. Бѣляевъ. Изданіе 2-е, пересмотрѣнное и дополненное 200 слишкомъ задачъ. Москва. 1881. Цѣна 1 р. 50 к.“ — одобрить въ видѣ учебнаго пособия для дополнительнаго класса реальныхъ училищъ.

— Книжку: „Эзе. Очерки изъ быта остяковъ. Л. Симоновой, С.-Пб. 1884. Цѣна 50 к.“ — одобрить для ученическихъ бібліотекъ мужскихъ и женскихъ гимназій.

— Книгу: „Campes Robinson Crusoe. Zum Schul- und Privatgebrauche bearbeitet und mit Wörterbuch und Anmerkungen versehen von Max Fischer. Moscau. 1884. Preis 80 kop., mit Postversendung 1 Rbl.“ — допустить въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Die beliebtesten Märchen der Gebrüder Grimm. Erstes Lehr- und Lesebuch der deutschen Sprache zum Schul- und Privatgebrauche herausgegeben und mit Wörterbuch und Anmerkungen versehen von Max Fischer, Lehrer der deutschen Sprache an der Praktischen Handels-Academie in Moscau. Moscau. 1880. Preis 80 k.,

mit Postversendung 1 Rbl."—допустить въ ученическія бібліотеки учебныхъ заведеній.

— Брошюру: „Подготовительныя упражненія къ пѣшему строю для среднихъ учебныхъ заведеній духовнаго и гражданскаго вѣдомствъ. Съ 28 гравированными политипажами въ текстѣ. Составлены К. А. Шмидтомъ. С.-Пб. 1883" —одобрить для фундаментальныхъ бібліотекъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Учебникъ механики. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ С. Гуржеевъ. 2-е изданіе, пересмотрѣнное и дополненное. Теоретическая механика съ 193 политипажами въ текстѣ и собраніемъ задачъ съ ихъ рѣшеніями 1885 г., въ 8 д. л., II и 256 стр. Цѣна 1 р. 50 к." —одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Сборникъ задачъ элементарной механики для реальныхъ училищъ. А. Стефанскаго. Выпускъ I. Одесса. 1885. Въ 8 д. л., 82 стр. Цѣна 40 к." — одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Краткая русская грамматика для первыхъ трехъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ А. Преображенскій, преподаватель московской 4-й гимназіи. Москва. 1885. Цѣна 30 к." — допустить къ употребленію въ трехъ младшихъ классахъ (I, II и III, отнюдь не въ приготовительномъ), какъ учебное руководство.

— Книгу: „Синтаксисъ греческаго языка. Составилъ О. Н. Фрейбергъ, учитель витебской гимназіи. Рига. 1885. Цѣна 1 р." — допустить, какъ руководство по греческому языку, въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Учебникъ латинскаго языка для двухъ низшихъ классовъ гимназій и прогимназій. Составилъ А. О. Поспишилъ. Часть II. Курсъ втораго класса. Кіевъ. 1885. стр. 120. Цѣна 50 к." —одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для низшихъ классовъ гимназій и прогимназій.

— Книгу: „Сборникъ статей по классической древности. Изданіе кіевского отдѣленія общества классической филологіи и педагогики. Выпускъ II. Кіевъ. 1885. Цѣна 1 р. 50 к." — допустить въ фундаментальныя и ученическія бібліотеки гимназій.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Г. министр народнаго просвѣщенія разрѣшилъ: 1) закрыть, съ начала 1885—86 учебнаго года параллельное отдѣленіе при VI классѣ Лубенской гимназій и открыть, въ замѣнъ онаго, таковое же отдѣленіе при VII классѣ названной гимназій; 2) закрыть, съ начала 1885—86 учебнаго года, параллельное отдѣленіе при VI классѣ кievской 3-й гимназій и открыть, въ замѣнъ онаго, таковое же отдѣленіе при VII классѣ названной гимназій; 3) закрыть, съ начала 1885—86 учебнаго года, вторыя параллельныя отдѣленія при II и III классахъ и параллельное отдѣленіе при VII классѣ каменецъ-подольской гимназій и, въ замѣнъ оныхъ, открыть параллельное отдѣленіе при VIII классѣ названной гимназій; 4) открыть, съ начала 1885—86 учебнаго года, параллельное отдѣленіе при V классѣ ставропольской гимназій, съ сохраненіемъ существующихъ параллелей, при III и IV классахъ, и увеличить для покрытія расходовъ на содержаніе означенныхъ параллельныхъ отдѣленій размѣръ платы за ученіе въ названной гимназій въ нижнихъ четырехъ классахъ съ 22 до двадцати восьми руб. и въ высшихъ классахъ съ 28 до тридцати двухъ руб. въ годъ съ каждаго ученика; 5) назначить во вновь открытой кievо-печерской гимназій плату за ученіе въ приготовительномъ классѣ по сорока руб. и въ остальныхъ классахъ по пятидесяти руб. въ годъ съ каждаго ученика; 6) возвысить, съ начала 1885—86 учебнаго года, размѣръ платы за ученіе въ владикавказской гимназій: въ приготовительномъ классѣ съ 20 до двадцати четырехъ руб., въ четырехъ нижнихъ классахъ съ 25 до тридцати руб. и установить размѣръ платы за ученіе въ V и слѣдующихъ высшихъ классахъ по тридцати шести руб. въ годъ съ каждаго ученика; 7) возвысить, съ начала 1885—86 учебнаго года, размѣръ платы за ученіе въ калишской мужской гимназій въ приготовительномъ классѣ съ 20 до тридцати руб. и въ остальныхъ классахъ съ 30 до сорока руб. въ годъ съ каждаго ученика; 8) возвысить, съ начала 1885—86 учебнаго года, размѣръ платы за ученіе въ николаевской александровской гимназій: въ приготовительномъ классѣ съ 26 до тридцати руб. и въ остальныхъ классахъ съ 40 до пятидесяти руб. въ годъ съ каждаго ученика; 9) возвысить, съ начала 1885—86 учебнаго года, размѣръ платы за ученіе въ бакинскомъ реальномъ училищѣ въ нижнихъ че-

тырехъ классахъ съ 25 до тридцати руб. и въ высшихъ трехъ классахъ до тридцати пяти руб. въ годъ съ каждаго ученика; и 10) утвердить опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ иваново-вознесенскаго реальнаго училища размѣръ платы за ученіе въ названномъ училищѣ, съ начала 1885—86, учебнаго года, по двадцати руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— По доносенію попечителя казанскаго учебнаго округа, 24-го минувшаго іюня послѣдовало открытіе двухкласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ с. Березовѣ Николаевскаго уѣзда, Самарской губерніи.

ΓΕΝΒΑΡΣΚΙΑ ΡУСАΛΙΑ И ΓΟΥΤΣΚΙΑ ИΓΡЫ ВЪ ВΙΖΑΝΤΙΑ.

Наименование „русалий“ ¹⁾ встрѣчается впервые въ толкованіи Вальсамона (конца XII в.) на 62-й канонъ Трулльскаго собора, какъ названіе древняго праздника, отбываемаго въ деревняхъ по пасхѣ: τὰ λεγόμενα Ρουσαλία τὰ μετὰ τὸ ἅγιον Πάσχα ὑπὸ κακῆς συνηθείας ἐν ταῖς ἔξω χώραις γινόμενα. По сообщенію Димитрія Хоматіана, епископа Ахридскаго (XIII в. нач.), русалии (Ρουσαλία) праздновались въ ведѣлю по пятидесятницѣ жителями Молисскаго тѣмы ²⁾: σύνταγμα γίνεσθαι νεωτέρων καὶ τὰς κατὰ χώραν κώμας αὐτοῦς περιέρχεσθαι καὶ παιγνίους τοῖσι καὶ ὀρχήμασι καὶ βεβακχευμένοις ἄλμασι καὶ σκηναῖς ἀσχημοσύναις ἐγκαλεῖσθαι, δῶρα παρὰ τῶν ἐνοικοούντων εἰς κέρδος αὐτῶν. Аравантинъ (‘Αραβαντινός, Χρονογραφία τῆς Ἰπείρου, τ. II, р. 191) такъ описываетъ русалии въ эпирской Паргѣ: τὴν καλουμένην ἑορτὴν ‘Ροζαλίαν ἢ ‘Ρουσαλία, διαρκούσαν ἀπὸ τῆς α’ μέχρι τῆς η’ Μαΐου, ὅτε ὁ λαὸς ἐκλέγων πολίτην τινὰ ὡς ἀρχηγὸν εὐθόμενι διὰ διαφορῶν κομικῶν σκηνῶν μεταξὺ δὲ τούτων ἐκρόται καὶ πλάστην τινα μάχην, σχηματιζομένων δύο στρατιωτικῶν σωμάτων, τοῦ μὲν χριστιανικοῦ, τοῦ δὲ ὀθωμανικοῦ ἀρχηγουμένου ὑπὸ κλαστοῦ Πασσᾶ, ὅστις συναλαμβάνετο αἰχμάλωτος, μετὰ τὴν γινομένην ἐν τῇ τελευταίᾳ ἡμέρᾳ τῆς ἑορτῆς ψευδομάχην· ἐν τῷ μεταξὺ δὲ τῶν ὀκτῶ ἡμερῶν οἱ ‘Ρουσαλιῶται Πάργου εἰσέπραττον τὸ ταλωνακὸν δικαίωμα παντὸς ἐμπορεύματος εἰσαγωγῆς ἢ ἐξαγωγῆς, καὶ τὸ ἐφήρμοζον εἰς

¹⁾ О нихъ см. Miklosich, Die Rusalien, *Sitzungsber. d. Wien. Ak.* 46 B. 1864, р. 386—405; Tomaschek, Ueber Brumalia u. Rosalia, *ib.* 60 B. 1868, р. 369 sqq.

²⁾ Въ мѣстѣ Разысканіяхъ, вып. IV, гл. VII, стр. 208 напечатано ошибочно: Молисскаго. О положеніи Молисса см. Tomaschek, *l. c.* р. 372, 373.

δαπάνην τῶν ἐν τῇ πανηγύρει γενομένων ἐντροφῆσεων καὶ προκατασκευῶν¹⁾.
 Воображаемая борьба христіанъ съ османами не что иное, какъ новая перелицевка стараго драматическаго пренія между лѣтомъ и зимой, которую представляетъ паша, поступающійся въ концѣ распри своей свободой и жизнью, замѣчаетъ Томашекъ¹⁾.

Съ празднованіемъ въ Паргѣ необходимо сблизить тотъ же обрядъ, совершаемый въ албанскихъ колоніяхъ Калабріи въ первые три дня Пасхи²⁾. Старое названіе праздника, gusalet = русалия, теперь полузабытое, уступило мѣсто другому: pëizit или veschiarëlli. Главная роль въ обрядѣ принадлежитъ парнямъ, одѣтымъ въ военный костюмъ восточнаго стиля, и женщинамъ, которыя, шлетаясь руками, исполняютъ древній народный танецъ (vala), двигаясь по улицамъ, заходя и въ дома. Тѣ и другія пляшутъ подъ звуки пѣсень, исполняемыхъ антифонически, старыхъ воинственныхъ пѣсень, восходящихъ къ XV вѣку, къ памяти о подвигахъ Скандербега, Константина и др. Группой юношей, pëizit, руководить старикъ, не ряженый, толпой женщинъ—юноша; къ нимъ присоединяются еще ряженые, съ лицами, вымазанными мѣломъ, мукой или сажой, одѣтые въ козья шкура, съ колокольцами и погремушками у пояса; въ рукахъ у нихъ разнаго рода кухонная утварь, руки замазаны сажой: прохожіе испытываютъ то и другое на себѣ и не сердятся на злыхъ шутки и прибаутки, столь же традиціонныя въ этомъ обрядѣ, какъ и музыкальный инструментъ, родъ свирѣли, сдѣланной изъ коры фиговаго дерева; подъ звуки этой свирѣли медленно движутся pëizit, прежде чѣмъ пуститься въ пляску. Періодъ gusalet открывается въ полпочъ съ великой субботы на Христовъ день, когда по греческому обычаю колоколъ возвѣститъ о Христовомъ воскресеніи. И вотъ, въ то время, какъ съ одной стороны, группы набожныхъ поютъ подъ окнами спящихъ „Христосъ воскресел!“ (Χριστός ἀνέστη), другіе пляшутъ по деревнѣ, приглашая повеселиться: „Сегодня, красавица, воскресенье, Христово воскресенье. Проснитесь же, юноши, и пойте, проснитесь, дѣвушки, и начинайте плясать! Кто не успѣлъ принарядиться въ

¹⁾ l. c. p. 371.

²⁾ О нѣтъ см. мою записку: Новости по изученію италянкой литературы, Ж. М. Н. Пр. 1884 г., июнь, стр. 436—437. См. De Rade, Rapsodie d'un poëma albanese, raccolte nelle colonie del Napoletano, p. 91: отрывокъ русальскихъ пѣсень (Canti delle Russalle); обрядъ, совершавшійся на Пасхѣ, сохранился лишь въ деревнѣ Casal-Nuovo, въ Валахіяхъ.

праздничное платье, пусть остается дома спать⁴. Во вторникъ вечеромъ праздникъ кончается грустною пѣсней: „На будущій годъ, объ это время, одни изъ насъ еще будутъ въ живыхъ, другихъ не будетъ; но хоть и малое числомъ, мы не посрамямъ нашихъ товарищей“.

Тамъ, гдѣ до сихъ поръ удержалось имя и празднество русалий, онѣ обыкновенно являются приуроченными къ Духову и Троицыну днямъ¹). Такъ у румынъ: *rusalo, rusali* = *pentecôte; mauvaises fêtes*²); у албанцевъ: *rsciall, rrsçiall* = *pentecoste* (им. *ršali*); въ церков.-слав. языкѣ: на роусалию = *εἰς τὴν ἀγίαν πεντηχοστήν* (гомилия Іоанна пресвитера эвхарха, по сербск.-слав. рукописи XIII в.), на русалияхъ, въ саботжъ русальнѣ (Сав. книга 130, 131, 147); у сербовъ: *rusalje, rusalji* = *pentecoste* (Ragusa, *Bocche di Cattaro*); у словинцевъ: *risale* = *pentecoste*; *risalček, risalček, risalčak* = *maius mensis*; у чеховъ: *rusadla, rusadlé* = *pentecoste*; у словаковъ: *rusadljé, rusadla* = то же; въ Муранскоѣ статутѣ 1585 года упоминаются: *rusadly, rusadelné svátky*, съ тѣмъ же значеніемъ и характеристикой: *nepotádné tance, obzvláště na rusadelné svátky podle starého obyčeje krále staveti etc.* (Světozor, 1855. 44). То же въ актахъ Штуттицкаго евангелическаго собора 1591 года: на *rusadlnie sviatky podle starého obyčeje kráľow staveti, tanze wywázeti, do starje kožuchy se obláčeti i gaktkolwěk se blázniti pod štraffanjm zakazáno bude*³). — Обычай выбирать „*rusaadelného kráľa*“ сохранялся еще до прошлаго столѣтія у восточныхъ словаковъ (Gemér, Spiš, Šariš) и мадяровъ: „*Bartholomaeides v diele: Notitia Comitatus Gémörrensens, str. 443, pripomina, že tu mládež každej obce vyvolila zpomedzi sebä najhodnejšieho za kráľa a k boku jeho celú súdobnú osobnosť prisázných i snad kata ešte a hajdúchov. Skutočnosť sprava obce a moc stutočného richtára v nej akoby na tento deň zotretá bola bývala, tak súdili i riadili i trestali*“ далъ tento rusadelný kráľ so svojými prisáznými väetko, a väetko mu aj poslušné bolo⁴). Русалиямъ восточныхъ словаковъ от-

¹) Большая часть относящихся сюда указаній собраны были уже Миклошичемъ, I. с., и помѣны въ: *Christliche Terminologie der slavischen Sprachen* (Wien, 1875), стр. 25—26. Въ этихъ работахъ я и обращаю читателей.

²) *Cihac, Dict. d'étymologie Dacoromane. Elements slaves, magyars etc. a. v. rusalii.*

³) *Лексиконъ, Повѣст. возвр. III, 143.*

⁴) *Sbornik slovenských národních písní, pověstí etc. vydáva Matica Slovenska, Sväzok I (1870) стр. 197—198.*

вѣчало у западныхъ названіе Turise; Миллошичъ съ большою вѣроятностью объясняетъ его изъ турьей маски, которая могла фигурировать въ этомъ обрядѣ, какъ турнца въ дубровницкой масляницѣ ¹⁾. Ср. галиція турницы, праздновавшіяся въ началѣ мая, отвѣчая великорусскому семнику ²⁾, и проводы весны въ Саратовской губерніи (30-го іюня): чучело лошади носятъ взадъ и впередъ по луку въ сопровожденіи огромной толпы ³⁾, какъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи въ заговѣнье передъ Петровками нѣсколько человекъ, накрывшись парусомъ, представляютъ изъ себя лошадей, при чемъ передній держитъ передъ собою лошадиный черемъ. Эта обрядовая маска зовется русалкой ⁴⁾—и возвращаетъ насъ къ имени русалии. Слѣдующее за Троицей воскресенье въ Спасскѣ рязанскомъ называется русальнымъ заговѣньемъ. На другой день, то-есть, въ первый понедѣльникъ Петрова поста, тамъ готовятъ соломенное чучело, одѣтое въ женскіе уборы и представляющее русалку; потомъ собираютъ хороводъ, затягиваютъ пѣсни и отправляются въ поле; въ серединѣ хороводнаго круга пляшетъ и кривляется бойкая женщина, держа въ рукахъ соломенную куклу. Въ полѣ хороводъ раздѣляется на двѣ стороны—наступательную и оборонительную; послѣдняя состоитъ изъ защитницъ русалки, а первая нападаетъ и старается вырвать у нихъ чучело; при этомъ обѣ стороны кидаютъ пескомъ и обливаютъ другъ друга водою. Борьба оканчивается разрываніемъ куклы и разбрасываніемъ по воздуху соломы, изъ которой она была сдѣлана. Послѣ того возвращаются домой и говорятъ, что проводили русалокъ ⁵⁾.

Эти русскія игры интересны своимъ сопадненіемъ съ слѣдующею словинскою; равница лишь въ томъ, что первыя относятся къ проводамъ весны, вторая—къ ея встрѣчѣ. Ob pustu, ko je ze led zgintl z rečic in potokov, vodijo Slovenci kraj Ščavnice Ruso. Storijo pa tako-le. Dva mladenca svoja hrbita kup obrneta, ter se pripogneta. Eden vzeme metlo v roke, drugi pa drog, na kterega obesi star pisker. Tretji mladenič pokrije z beloe rjuho pripogneno mladeniča. Pisker predstavlja glavo, metla pa rep.

¹⁾ Ср. мои Разысканія VII, p. 128.

²⁾ *Ź. Pauli*, Pieśni ludu polskiego w Galicyi, p. 15.

³⁾ *Ефименко*, О Яриахъ, p. 86—87; *Сазаровъ*, Славанія Русск. Нар. VII, 42.

⁴⁾ *Даванасевъ*, Поэт. возвр. III, 164.

⁵⁾ *Даванасевъ*, l. c. III, 150.

Cela šema ima po takem podobščino konjsko. Mladenic to šemo po vasi goni in poje:

Belo Ruso vodimo,
Konjem srečo prosimo,
Zobi jè ne dajemo,
Z meglo jo napajamo.

Kedar prizene Ruso do potoka, vrzeta mladeniça, ktera sta predstavljala podobščino konjsko, pisker in metla v potok, in vsi triji zapojejo:

Sno Ruso v vodo stirali,
Konjem srečo prosili;
Zdaj bomo pa pobirali,
Da bomo težko nosili.

Pri vsakem bramu dobtjo kakšen dar, postavim jajec, klobas, sira ¹⁾.

Руса, отвѣчаетъ, очевидно, не только по маскѣ, но и по имени—Русалкѣ русскаго обряда, и я полагаю, что то же имя сохранилось, искаженное, въ Солохѣ-русалкѣ, которую водятъ въ Гомельскомъ уѣздѣ (Могилевской губ.) въ заключеніи обрядоваго „гуванья весны“ ²⁾.

Вернемся къ обозрѣнію русалий.

У Болгаръ: Русали=Духовъ день; въ церковь приносятъ русалию и, во время чтенія молитвъ, каждый кладетъ ее себѣ подъ колѣни ³⁾; „отъ Спасов-день начинятъ да празднувать самовилски-тѣ праздници—Русали“⁴⁾; „недѣля передъ Сошествіемъ Спятаго Духа известна подъ именемъ Русалиницы (Широтск.окр.). Въ старое время въ теченіи всей этой недѣли играли „оро“ (хороводъ) въ честь Русалии. До сихъ поръ въ нѣсколькихъ селахъ Кюстендильскаго округа празднуется „соброръ“ (храмовой праздникъ) „Руса недѣля“; онъ приходится въ среду Русальной недѣли, а четвергъ этой недѣли известенъ подъ именемъ „въртоломъ“. Въ этотъ день женщины, у которыхъ есть дѣти, не работаютъ, тогда какъ всѣ другіе исполняютъ обычную работу. Въ теченіе этой недѣли существовалъ въ окрестностяхъ Бѣлой-Паланки такой обычай: восемь дѣвушекъ отправлялись славить по до-

¹⁾ *Rajak*, Črtice iz naševnega žitka Štajerskih Slovencev (V Ljubljani 1884), стр. 212.

²⁾ *Шейнъ*, Бѣлорусскій сборникъ, стр. 125.

³⁾ *Кравцовъ*, Пам. нар. быта болгаръ, р. 231; сл. стр. 222 прим.: Русалия—растение, которое не цвѣтетъ, но имѣетъ пріятный запахъ, съ пустымъ стволонъ, вышшою съ посадженіи; о немъ ходятъ разныя преданія.

⁴⁾ *Чолаковъ*, Българскыи народенъ сборникъ р. 39.

мамъ; кого найдуть въ домѣ, тому цѣлуютъ руку, и поютъ пѣсни (съ тѣмъ или другимъ пожеланіемъ); поютъ по очередно четыре дѣвушекъ¹⁾.

На нѣкоторые русскіе русальскіе обычай мы уже указали выше. Въ Россіи недѣля Святыхъ Отець и слѣдующая за нею Пятидесятницы назывались: Русальною, зеленою, либо клещальною (вѣтки, которыми украшаются дома въ Троицынъ день, зовутся въ Малороссіи „клячанне“), или семицкою. Семиць, собственно, четвергъ на седьмой недѣлѣ по Пасхѣ; въ Вологодской губерніи опъ называется „русалкой“ (Областной Словарь, 193; сл. роусальки=русалии въ Номоканонѣ по рукописи XVII вѣка, у Мивлопича, *Die Rusalien*, p. 6: плесания... творещиихъ или роусальки), „русалчин или мавскій Великдень“, „русали“ (малор.), тогда какъ литовск. *sekmīnes* (=семиць) означаетъ праздникъ Пятидесятницы = церковно-слав. роусалиа. Особенность семика — поминовение (и погребеніе) умершихъ на убогихъ домахъ, скудельницахъ и жалыникахъ, простирается и на весь окружающій его праздничный цикл: во вторникъ передъ семикомъ въ Великороссіи совершаются задушницы; на могилахъ поминаютъ покойниковъ, оставляя разбитыя яица; говорятъ, что въ этотъ день покойники бродятъ по могиламъ и дерутся съ русалками; въ субботу послѣ семика (клячальная суббота, великор. малор.; родители троицкіе, великор.) совершается поминовение умершихъ въ Болгаріи, какъ и въ Россіи; вспомнимъ нареканія Стоглава, кн. 41, вопросъ 23²⁾: противъ плясокъ и скоморошскихъ пѣсень на жалыникахъ въ Троицкую субботу. Стоглавъ не говоритъ по этому поводу о русальяхъ, но это названіе разумѣется само собою: въ малорусскомъ повѣрьи русалки преимущественно утопленницы и дѣти, родившіяся неживыми и умершія некрещеными; но это лишь обособленіе болѣе общаго понятія, выраженнаго въ названіи русалокъ: малор. мавками (то-есть, павками), майками (у карпатскихъ бойковъ); навья педѣля = недѣля Пятидесятницы; сл. малор. обозначеніе семика: русалчин или мавскій великдень.

Къ этому можно присоединить еще слѣдующее: по малорусскому повѣрью, гдѣ-то за моремъ живутъ рахманы; они не имѣютъ собственнаго счисленія времени, а потому празднуютъ пасху тогда, когда доплыветъ къ нимъ отъ насъ скорлупа пасхальнаго яйца.

¹⁾ Качановскій, Памятникъ болгарскаго народнаго творчества. Вып. I, стр. 11 слѣд. |

²⁾ Разысканія, VII, стр. 207—208.

Вслѣдствіе того существуетъ въ народѣ обыкновеніе выбрасывать въ великую субботу въ рѣку скорлупы яицъ, „крашанокъ“, которыя доплываютъ къ рахаманамъ на Преполовеніе, и рахаманы тогда только празднуютъ пасху, „рахманьскій великденъ“¹⁾). Иначе: вмѣсто рахамановъ, называютъ блаженный народъ навъ; скорлупа, брошенная въ рѣку, доплываетъ къ нимъ въ навьскій великденъ — зеленый четвергъ²⁾; но ее не слѣдуетъ бросать въ воду, не раздавивъ ее предварительно, не то русалки будутъ въ нихъ плавать³⁾). Еще новое отождествленіе: навокъ и русалокъ, о которыхъ говорятъ, что они разводятся на могилахъ синіе огоньки⁴⁾, которыхъ призываютъ на русальной недѣлѣ, поминая утопленниковъ и удавленниковъ и разбилая на ихъ могилахъ красныя лица:

Русалка-царца.
Красная дѣвица!
Не загуби, дунка,
Не дай удавнца,
А мы тебѣ кланяемся!

Часть поминальныхъ блиновъ оставляется на могилѣ въ жертву русалкѣ. Кто на русальской недѣлѣ забываетъ о своихъ покойникахъ и не дѣлаетъ имъ приношеній, тому мстятъ русалки. При отправленіи проводовъ русалокъ, женщины произносятъ похоронныя причитанія и, распустивъ свои косы, съ плачемъ припадаютъ къ землѣ, какъ бы къ могиламъ⁵⁾).

Анализъ русскихъ суевѣрій⁶⁾ приводитъ къ заключенію, что весеннія русалии, главнымъ образомъ, поминальный обрядъ; русалки = тапес, покойники, „земляночекъ“, какъ въ гѣснѣ на Троицкой недѣлѣ:

¹⁾ См. мою статью: Къ вопросу объ источникахъ сербской Александрицъ, II, стр. 41.

²⁾ *Домнасьева*, I. с., I, 578.

³⁾ Л. с., III, 242.

⁴⁾ Л. с., III, 197, 243.

⁵⁾ Л. с., III, 243—244.

⁶⁾ Кроме *Домнасьева*, I. с. (см. указатель а. в. Русалка, Русалии и т. д.), см. еще: *Калинский*, Церковный мѣсяцесловъ на Русь, р. 469 слѣд.; *Петрушевичъ*, Общорусскій дневникъ, июнь, съ 5-го по 10-е июня, стр. 51 и слѣд.; *Чубинскій*, Труды и т. д., т. III: Народный дневникъ, стр. 185 (зелені святки); *Карпеловъ*, Нам. нар. быта болгаръ (съ 5-го июня), стр. 228 слѣд.

Русалочки, земляночки,
На дубъ гъзли, жору грызли,
Звалилися, забиялися¹⁾.

Покойниковъ хоронили въ языческую пору на горахъ, въ лѣсахъ, на распутьяхъ, спускали въ воду²⁾; оттого галицкія мавки = русалки представляются живущими на горныхъ вершинахъ, какъ наши русалки любятъ качаться на вѣтвяхъ дерева³⁾. Ихъ преобладающій пшгъ водный характеръ принадлежитъ, по всей вѣроятности, позднѣйшему обособленію; горныя русалки, напримѣръ, должны были исчезнуть въ мѣстности, гдѣ горы были рѣдкостью.

Такъ и старо-сѣверныя *Disir* были первоначально, по мнѣнію Вигфиссопа, женскими родовыми тапес, которымъ зимою приносили жертву (*Disablót*), моля ихъ объ урожаѣ; какъ древнія матери рода, онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и „рожаницы“—къ нимъ зывали при родахъ—и наречницы: у cadaго человека есть своя *dis*, сопровождающая его въ теченіе всей жизни. Впослѣдствіи это понятіе обобщилось, и *dis*, какъ и *пупра*, стало обозначать демоническое существо женскаго рода безъ всякаго отношенія къ култу предковъ.

I.

До сихъ поръ празднованіе русалій встрѣчалось намъ довольно постоянно приуроченнымъ къ Троицкуну и Духову дню; если у словинцевъ ихъ названіе было распространено на май мѣсяць, то подобное же обособленіе, по совмѣстности, можно было бы признать и въ показаніи Стоглава: о русаліяхъ „о іоанновѣ дни“⁴⁾. Но какъ объяснить себѣ, что тотъ же памятникъ говоритъ о русаліяхъ, совершаемыхъ о „панечерни рождства Христова и богоавлєннїа“, то-есть, въ началѣ и концѣ двѣнадцатидневнаго свѣточнаго цикла? До сихъ поръ это показаніе стояло совершенно одиноко, если не принять въ расчетъ Заповѣдь св. Отець (Тихо правовъ, Памятники, II, 302), гдѣ русалїи могутъ быть поняты, какъ отождествленныя съ колюдой и празднованіемъ индикта („нелѣпо коледовати, ни роусалїи играти, ни индикъ чести ни празновати в нѣ“). Теперь оно не вызоветъ сомнѣнія, съ тѣхъ поръ, какъ въ южной Македоніи обнаружено существованіе

¹⁾ *Аванасьева*, I, с., III, 243.

²⁾ *Аванасьева*, I, с., р. 124—125.

³⁾ *Лоталевскій*, О погребальныхъ обычаяхъ, р. 33, 227; 72 и разнѣм.

⁴⁾ См. моя Разыснанїа, VП, стр. 204.

чрезвычайно интереснаго обряда, отмываемаго именно о святкахъ и обозначаемаго древнимъ именемъ — русалий¹⁾.

Въ „погани дни“ отъ Рождества до Богоявленія (визант. τὸ Δωδεκαήμερον; нѣм. die Zwölften) никто не работаетъ, и собираются „дружини“, подъ именемъ русалий, ходящія отъ села къ селу съ „русальскими играми“ и собирающія деньги и подарки, чаще всего въ пользу какой-нибудь церкви.

Русалийская дружина состоитъ обыкновенно изъ 20—60 парней или мужчинъ или, вѣрнѣе, изъ 10—30 паръ, ибо состоящіе въ одной парѣ не раздѣлямы, предсталили какъ бы одно лицо. Каждая дружина, образующая одну „веригу“ или одинъ танецъ (хоръ, лнѣтъ), имѣетъ при себѣ: 1) двѣ пары музыкантовъ (мехтери = тапавари и зурнаджи); 2) двѣ пары предводителей; имена первой: Протъ или Балтаджия и Кеседжия; имя перваго предводителя во второй парѣ: Юзбашия; 3) пару Чаушей, идущихъ по сторонамъ танца, одинъ впереди, другой сзади; 4) пару вѣстниковъ-соглядатаевъ = калаузи; 5) двухъ-четырехъ слугъ. Всѣ одѣты въ велиденскія платья (дрѣхи), „съ бѣли-тѣ имъ широки кошульки (Арнаудски фустаны) отъ горѣ, а на грѣди-тѣ си прѣверстени съ двѣ цървени (алени) шамия, навитени съ всекакви труфила, като пенязни (парични) наизни и др.“. Балтаджия вооруженъ сѣкирой, всѣ другіе—мечами на-голо. Собранныи въ первый день Рождества у дома церковнаго настоятеля, они отправляются на игры, распространившіеся съ домашними, какъ будто бы шли на войну: игры бывали, въ самомъ дѣлѣ, столь крокопотливыя, что многіе не возвращались домой, погибнувъ въ свалкѣ; ихъ хоронили на мѣстѣ боя. Въ теченіе всѣхъ двѣнадцати дней, пока продолжаются игры, соблюдаются такіа правила:

Никто изъ играющихъ не можетъ говорить съ кѣмъ бы то ни было, даже съ „другаремъ“ (стоящимъ въ той же парѣ), развѣ вечеромъ, на почлегѣ, да и то немного и тихо; только предводителямъ (Балтаджия и Кеседжия) разрѣшено говорить.

Не позволяется за все это время ни креститься, ни молиться, ни говорить: „здравъ ми си“, либо „на здравье“, „добро утро“, „добръ вечеръ“, „добрѣ дошль“.

Во время игры и пляски всякій обязанъ ступать вслѣдъ предходящаго ему другаря. „Помежду членове-тѣ на дружина-та, кои-то

¹⁾ Русалии, древнѣе и твердѣе интереснѣе болгарскій обычай западець и до днесь въ южна Македония. Написалъ и издава К. Шапкаревъ. Пловдивъ, 1884.

макаръ и да се не държатъ рѣка за рѣка, съставятъ обаче единъ танецъ (ликъ), или инакъ, прѣзъ нмъ, танецъ, кога-то играйтъ или пѣтуватъ, никому не е позволено да помине, да се провере, та да разцени, раздвои хоро-то, освѣтъ на болии, кои-то влизать въ срѣдъ хоро и стоять догдѣ трае една игра, и то съ надѣжда да получаютъ здравье, кое-то се получавало посрѣдствомъ прѣкръстванье-то съ мечовс-тѣ по чело-то му; тоа извършвать тие слѣдъ свършванье-то игра-та". Къ этой подробности присоединимъ и слѣдующія: пока дружина гдѣ-нибудь играетъ, двое чаушей со слугами обходятъ ближніе дома, перекрещивая мечами лицо всякаго встрѣчнаго, а дома въ трехъ мѣстахъ: „на врата-та щомъ влѣзать, на дименикъ-тъ и на друго нѣкое мѣсто така, що то образувать правилещъ тремѣльникъ". Также крестить „за здравіе" всѣхъ находящихся въ домѣ, проси подаянія во имя какого-нибудь святаго или церкви, для которыхъ играетъ дружина; подачки собирають и носятъ слуги. „Ако се научать че въ нѣкоя вѣща имало лехунка жена, Руссални-тѣ тамо не влегвать. А и такава жена, кога ги види или научи че дохождатъ, бѣга отъ нихъ, и со крие въ вѣщи като се сматри нечиста ощо". Иной хозинищъ пригланешть цѣлую дружину въ себѣ на дворъ—поиграти и перекрестить домашнихъ „за здравье", а къ больному ихъ зовуть и въ домъ.

Слѣдуя по пути, не переходить въ бродъ черезъ воду, а скачуть, либо перевозятся черезъ нее; встрѣтивъ на пути похороны, велятъ поставить носидки съ покойникомъ на землю и, перескочивъ черезъ него, позволяютъ нести далѣе.

Если кому-либо изъ дружины пришло отстать отъ нея за надобностью, то съ нимъ вмѣстѣ идетъ и его другари, мануцій псе время мечемъ надъ головою совершающаго свою нужду (пьющаго и т. п.), какъ бы отгоняя отъ него какую-то опасность. Если птица пролетитъ надъ дружиной, либо надъ нѣкоторыми изъ ея членовъ, всѣ начинаютъ махать мечами, убиваютъ ее и сѣдуютъ на вечера.

Въ деревняхъ на пути останавливаются въ домахъ попарно, оба предводителя вмѣстѣ, при нихъ и два музыканта-свирца; къ ихъ дому собирается играть и вся дружина. Если дружина зайдетъ въ свое собственное село, то никто не останавливается на ночлегъ у своихъ. Подходя на ночлегъ къ какому-нибудь селенію, напередъ извѣщаютъ поселянцъ (черезъ вѣстниковъ = калаузи) о своемъ прибытіи, а тѣ принимаютъ ихъ съ почетомъ, полтъ и кормятъ (Русалии не обѣдаютъ, а завтракають—поручегъ, похапка,—ужинають и вече-

ряютъ); еслибы въ томъ селѣ очутилась уже на ночлегѣ другая дружина, то вновь подходящая минуетъ его и слѣдуетъ далѣе.

Игры. „На всѣю утрину, кога-то се готвать да ивлѣзѣть по игранье, единъ часъ прѣдъ зора-та, удрать тѣпани-тѣ, за да се разбудать и станѣть вси-тѣ сѣставляющи дружина-та членове...“ Слѣдъ единъ часъ, въ глѣбока зора, тѣпани-тѣ удрать повторъ“, и дружина собирается къ дому начальника, который дѣлаеть ей смотрѣ. Всѣ становятся кругомъ, „тѣкмо-нозѣ и, отъ како помине (начальникъ) съ сѣкнрата си покрай нозѣ-тѣ на нарѣдени-тѣ си войници съ голѣма бързина и силно, пси-тѣ по гласъ-тѣ неговъ извиквать еднажъ силно и велегласно: „ехее!“, та трѣгвать, като засвирять прѣдходящи-тѣ свирци“. Каждый, кромѣ музыкантовъ, держитъ въ правой рукѣ мечъ на-голо, „исправенъ съ върхъ-тѣ на горѣ и, спрости свирба-та, кога подигать рѣка-та си заедно съ мечъ-тѣ на горѣ, кога пакъ на долу а поснимвать“. Встрѣтивъ по время игры „раскрѣстиница (крѣстопѣть) или хладенецъ (бунаръ или изворъ) или друга пѣкол подобна пода или сухо дърво, ветки гробища или прѣква, обикальвать ги до три пѣти съ хоро (игранье); а на свѣршваніе-то обикальва-та, по примѣръ на Балдаджия-та — начальникъ, членовѣ-тѣ на всякоя двойца първо ще прѣкрѣстятъ единъ съ другъ мечеве-тѣ си, слѣдовательно, като ги опрѣтъ съ върхъ-тѣ въ земля-та, вси-тѣ извиквать единогласно: „ехее!“ та трѣгвать. Така правятъ и некога кога-то свѣршивать игра-та си на пѣкое мѣсто“. Игры кончаются передъ заходомъ солнца, какъ, съ другой стороны, русалии заботятся, чтобы заходъ солнца не засталъ ихъ внѣ села. Вслѣдъ за вечерей, по звуку тѣпановъ, дружина снова собирается къ дому начальника, послѣ чего играютъ попарно въ какія-нибудь игры, а поселане „чинятъ сенръ“. Начальники (первая пара) не играютъ, а когда играетъ пара Юзбаша, всѣ члены дружины, кромѣ Балтаджин и его другари, стоятъ, пока не кончатся игра.

На пути всякая дружина посылаетъ развѣдчиковъ узнать, нѣтъ ли впереди другой, встрѣчной дружины, чтобы съ нею можно было разминуться. Если двѣ дружины встрѣтятся, то ни одна не уступить дороги другой, развѣ подъ условіемъ, чтобы слабѣйшая, въ знакъ покорности, прошла подъ скрещенными мечами сильнѣйшей. Такъ какъ это считается униженіемъ, то дѣло часто кончалось настоящимъ боемъ; убитыхъ хоронили тутъ же, безъ церковныхъ обрядовъ и отпѣванія. Такъ образовались такъ-называемые „Русальскіи гробища“.

На канунъ Богоявленія („на Нейдка или Водокрысть“) игры кончаются; дружина возвращается во свояси и прямо въ церковь, гдѣ священникъ читаетъ имъ молитву. „Кой-то отъ Руссалии-тѣ не си пѣлъ молитва, велать и вѣрвать, че полудѣвалъ“. Всѣ входятъ въ церковь, въ „женска-та врата“ или въ „лѣва-та“, съ мечами на-голо, „и заставватъ прави и нарѣдени на права линия, както и влѣзватъ, на лѣвий-тѣ църковенъ отдѣлъ, сир. отъ кждѣ-то минува сьмий Прѣностъ. Единъ священникъ застава въ единъ отъ найближни-тѣ до олтартѣ-тѣ столове, та всѣкому отдѣлно и едно по друго прочитва му по една молитва“, послѣ чего одинъ за другимъ проходятъ въ среднее отдѣленіе церкви, „по край лѣви-тѣ пѣвчески столове“, и далѣе, „до пангарѣ-тѣ, до западний зидъ на цръква-та, а отъ тамъ заобикольватъ и до Архиерейский столъ, кждѣ-то вече се запираѣтъ“. Когда молитва прочтена надо всѣми, священникъ „застава на Архиерейский столъ, държачъ въ лѣва-та си рѣка честний кръсть, а въ десна-та—наквасена съ освятена вода киска босилькова“. Всѣ подходятъ къ столу, не снимая шапки и не крестясь, цѣлуютъ кръсть и руку; онъ кропитъ ихъ лицо и мечи, которые они опускаютъ долу; послѣ того они „заминватъ задъ дѣсни-тѣ пѣвчески столове въ дѣсно-то църковно отдѣленіе, та достигватъ дори до дѣсна-та църковна врата. Тамо тога вече, възъ отъ цръква-та, до врата-та, всѣкой остава меча си, кои-то послѣ събиратъ ги на бreme (деметъ, снопъ)“. Затѣмъ возвращаются въ церковь уже съ непокрытыми головами, съ свѣчами въ рукѣ, крестятся и прикладываются къ иконамъ. Выйдя изъ церкви, просятъ прощенія другъ друга и всякому (кромя другарей) на пути цѣлуютъ руку. Въ деревнѣ обходятъ съ посѣщеніемъ домъ за домоу. Въ семьѣ ихъ встрѣчаютъ радостно; платье, въ которомъ они совершали обходъ, снимается и моется виѣ дома. Утромъ, въ день Богоявленія, колятъ овна, и всѣ домашніе ѣдятъ его виѣстѣ и веселятся.

Гепварскія русалии, сохранившіяся въ Македоніи, бросаютъ яркій свѣтъ на значеніе одноименныхъ обрядовыхъ игрлицъ, извѣстныхъ въ другомъ, весеннемъ приуроченіи.

1) Русалии—„русалки“ (Номоканонъ Мяклошича; русалка=сеньиѣ) запрещались церковью, какъ языческія. Нигдѣ эта языческая окраска не выступаетъ такъ ярко и знаменательно, какъ въ Македоніи: русалии за все время игры не молятся и не крестятся, входятъ въ церковь, не снимая шапки и т. п. Русалиями въ македонскомъ, русалиотами въ эпирскомъ обрядѣ зовутся участники, испол-

нителн игры, тамъ и здѣсь — ряженне: это одно изъ необходимыхъ условій; я сопоставляю съ ними, изъ русской обрядности, чучело „русалки“ въ проводахъ весны.

2) Общимъ признакомъ является драматическій характеръ игры, откуда отвлеченное пониманіе русалій, какъ языческихъ игръ вообще, въ сопоставленіи съ скоморохами, гуслими и т. п. Такъ, въ нашей начальной лѣтописи (годъ 1067 годомъ): „днзволъ льстити и друугыми нравы, всьмъчскыми льстими прѣваблгана ны отъ бога, трубами и скожрахи, гоусльми и роусальи. видимъ бо игрища оутлаченъ и людей много множество, яко оупихати начьноутъ друугъ друуга, позоры дѣюще отъ бѣса оумъшленого дѣла, а церкѣви стоить“¹⁾. То же въ поученіи, приписанномъ въ одномъ сборникѣ Θεодосію Печерскому и, вѣроятно, заимствованномъ изъ Златоустра (Слово о ведрѣ и о каиньхъ бжїиэхъ), тогда какъ въ другомъ поученіи Златоустра (еже не прешбидѣти цркѣ бжїа и свѣхъ таяннъ) скоморохи и русаліи („о скомрасѣхъ и ѿ русалїнахъ“) передаютъ греческое ἐν μὲν ἰκτοβροῦσις. Сл. у Кирилла Туровскаго: „бѣсовскыи пѣсни, пласанье, боубны, сопѣли, гусли, пискове, играныя неподобныя, роусальи“ (Вуслаевъ, Историческая христоматія, 504); въ Толкованіи къ апостолу Павлу, XIII вѣка: „егда играютъ роусалии ли скомороси ли шманищѣ клнчють, или како сборнице идольскихъ игръ, ты же въ тѣ часъ прѣбуди дома; въ“ Въпрощеніи апостольскомъ о мукахъ и о грѣсѣхъ и о покаяніи и обрѣтеніи милости Господня: „игры, глаголемыя куклы, и скоморохи и русалїею пляшущая и вса игрища бѣсовскаа“; въ Словѣ св. Нифонта о русалїяхъ: „остави всѣмъ игръ бѣсовскихъ и ѿ льсти дѣзволя, наипаче (и)же свои мнѣнье дають бѣсу лукавому, иже суть русалїа; а ниже скоморохомъ“; въ позднѣйшихъ пересказахъ житїа св. Нифонта: „умысли сатана, како отвратити людей отъ церкви, и собравъ бѣси, преобраяи въ челоуѣки, и идяше въ сборѣ велицѣхъ унестренѣхъ въ градъ, ови бѣяху въ бубны, друзїи въ козици и въ сопѣли сопяху, инїи же, возложыше на я скураты, дѣяху на глумленїе челоуѣкомъ... и нарекоша игры тѣ русалїа“; въ Заповѣди стыхъ ѿцѣхъ ко ѿповѣдающимъ себѣмъ ѿ дщереиъ (Тихонравовъ, Памятники, II, 302): „и ѣлѣпо коледовати ни роусалїа ѿ играти, ни индикѣ чести ни празновати

¹⁾ Miklovich, Die Rusalien, p. 5—7; Разысканїя, УД, 204—207, 189, гдѣ ссылаи на памятники.

в нѣ"; въ Азбуковникѣ: „роусалимъ = игры скоморшескія“. Сл. выраженіе одной рукописи XVII вѣка (Miklosich, Die Rusalien, p. 5): въ роусалинѣхъ ходили. Напомнимъ, наконецъ, увѣщанія Стоглава (глава 41, вопросъ XXIV): „роусалии о Іоанновѣ днѣи и навечерини рождства Христова и Богоявленія сходять съ моужие и жены и дѣвѣицы на пощное плещеванне и на безчинный говоръ и на бесовские пѣсни и на плясанне и на скаканне и на богомерские дѣла“.

3) Парный принципъ македонскихъ русалій я не умѣю объяснить; тѣмъ болѣе интереса возбуждаетъ кажущійся, сравнительно, случайнымъ эпизодъ обряда — о враждебной встрѣчѣ двухъ русальскихъ дружинъ. Эпирскія русалии, по описанію Аравантина, состояли главнымъ образомъ въ военной игрѣ, въ которой сражаются другъ съ другомъ двѣ группы раненныхъ русалиотовъ. Въ русскихъ проводахъ русалокъ играющіе также раздѣляются на двѣ, враждующія другъ съ другомъ, толпы; парность хоровъ замѣчается и въ описаніи албанско-италианскихъ *rusalet*, и въ томъ моментѣ болгарскихъ русалій (у Качановскаго), что дѣвушки, ходящія по домамъ, чередуются въ иѣи.

4) Значеніе зимнихъ и весеннихъ русалій взаимно осмѣляется, какъ осенія празднества Діонису досказываются весенними. Если въ центрѣ майскихъ русалій стоитъ культъ мертвыхъ, тѣмъ на кладбищахъ, то нѣчто подобное могло лежать и въ основѣ январскихъ обрядовъ, только въ другомъ освященіи — какъ Діониса представляли себѣ то замирающимъ узникомъ зимы, то оживающимъ, обновляющимся весной вмѣстѣ съ природой. Среди обрядности январскихъ русалій, несомнѣнно лютральнаго характера, есть черты, указывающія на идеи, присущія и весеннему празднеству: встрѣтивъ покойника, русалии перескакиваютъ черезъ носилки, на которыхъ онъ положенъ; встрѣтивъ на пути церковь или кладбище сухое дерево или колодезь или распутіе (мѣста погребеній?), обходятъ ихъ съ обычными очистительными церемоніями, скрещивая мечи и т. п. Легко предположить, что такъ-называемая „Русальскія гробница“ называлась такъ не отъ обычая погребать на мѣстѣ боя навшихъ русалиевъ, а въ томъ, болѣе древнемъ смыслѣ, по которому и весеннія русалии совершались въ Россіи на кладбищахъ и скудельницахъ. Въ этой связи я склоненъ понять и обязательное молчаніе русалиевъ: они не зхѣшпие, они — *laguae* въ окруженіи Діониса. Если наши русалии задаютъ загадки, увлекая съ собою того, кто не сумѣлъ ихъ разгадать, то это лишь другое выраженіе обѣта молчанія. Покойники безмолвствуютъ, ихъ рѣчь намъ — загадка.

II.

Въ русаліяхъ, названіе которыхъ достаточно было разъяснено Миклошичемъ и Томашекомъ, сохранились отголоски фракійско-македонскаго народно-классическаго культа, противъ котораго церковь нерѣдко поднимала свой голосъ, и который тѣмъ не менѣе не только удержался при ней, но и распространился по ея слѣдамъ, какъ элементъ народно-церковнаго обряда. Какъ древнія Врумаліи отложились ипогими своими чертами въ обрядности калапдъ = колядъ¹⁾, такъ удержались, не измѣнивъ имени, и веселія русаліи, тогда какъ военныя игры генварскихъ русалій объяснить намъ, быть можетъ, значеніе „готской игры“ византійскаго придворнаго церемоніала.

Константинъ Порфирородный²⁾ такъ описываетъ ее:

Τῇ ἐνάτῃ ἡμέρᾳ τῆς Δωδεκαημέρου³⁾, τῶν δεσποτῶν ἐπὶ τοῦ δείπνου καθεζομένων, ὃ καὶ Τρωγητικὸν προσαγορεύεται, ἐν ταῖς δυαὶν εἰσόδοις τοῦ μεγάλου τρικλίνου τῶν ἰθ' Ἀκουβίτων ἴστανται οἱ μέλλοντες παιῖται τὸ Γοτθικὸν οὕτως· ἐν μὲν τῇ ἀριστερᾷ μέρει, ἐν ᾗ καὶ ὁ δρουγγάριος τοῦ πλοήμου παρίσταται, ἴσταται ὁ τοῦ μέρους τῶν Βενέτων μαίστωρ μετὰ καὶ ὀλίγων δημοτῶν καὶ τῶν πανδουριστῶν μετὰ τῶν πανδούρων καὶ ἐπισθεν αὐτοῦ οἱ δύο Γότθοι φοροῦντες γούνας ἐξ ἀντιτρόφου καὶ πρόσωπα διαφόρων εἰδέων, βαστάζοντες ἐν μὲν τῇ ἀριστερᾷ χειρὶ σκουτάρια, ἐν δὲ τῇ δεξιᾷ βεργία. — Съ правой стороны стоятъ: ὁ δρουγγάριος τῆς βίγλης, ὁ τοῦ μέρους τῶν Πρασίων μαίστωρ, съ пандуристами — и также два Готта, ряженые какъ и выше. Καὶ δὴ μετὰ τὴν τοῦ σφαιροδρομίου ἔξοδον, τοῦ δεσπότου κελεύοντος τὸν τῆς τραπέζης τούτους εἰσάγεσθαι, εὐθὺς ὀρίζει ὁ τῆς τραπέζης τῷ ἄρχοντι τῆς θυμέλης, καὶ αὐτὸς ἐξερχόμενος προτρέπεται τούτους εἰσελθεῖν· οἱ δὲ τρέχοντες καὶ τὰ σκουτάρια ὑπὸ τῶν ὑπ' αὐτῶν βασταζομένων βεργίων τόπτοντες καὶ κτόπον ἀποτελοῦντες λέγουσιν· τοῦλ, τοῦλ. καὶ τοῦτο συνεχῶς λέγοντες ἀνέρχονται πλησίον τῆς βασιλικῆς τραπέζης ὡς ἀπὸ ὀλίγου διαστήματος, κᾷκῆϊες μηγγύμνοи ἀμφοτέροι κοιούσι κυκλοφερῆ παραταγὴν, οἱ μὲν ἔσω τοῦ κύκλου ἀποκλειόμενοι, οἱ δὲ ἔξωθεν περικυλοῦντες· καὶ τοῦτο τρισῶς κοιοῦντες διαχωρίζονται καὶ

¹⁾ См. Разысканія, VII, стр. 99 слѣд.

²⁾ De cerimonia. aulae Byzantinae, I, 83, ed. Bonn., v. I; см. прим. Reise и С. Müller, Ein altgermanisches Weihnachtspiel, genannt das gotische, въ Zeitschrift f. deutsche Philol., XIV (1882), стр. 442 слѣд.

³⁾ Въ Разысканіяхъ, VII, стр. 101, а, слѣдую Савъ, опредѣлилъ празднованіе готскихъ игръ 5-мъ января.

ἴστανται εἰς τοὺς ἰδίους τόπους, οἱ μὲν τῶν Βενέτων εἰς τὰ ἀριστερά, οἱ δὲ τῶν Πρασίνων εἰς τὰ δεξιὰ μετὰ καὶ τῶν ἐτέρων δημοτῶν· καὶ λέγουσιν, ἄμφω τὰ Γότθικὰ, ἅτινά εἰσι ταῦτα, δηλονότι καὶ τῶν πανδοῦρων τὸ οἰκεῖον μέλος ἀποπληρούωντων.

γαύζας βόνας βηκηδίας, ἄγια, γαυδέντες ἐλχηβόνιδες ἐνκέρτους, ἄγια, βόνα ὦρα τούτουβάντες, βόνα ἀμόρε ἐπισκύαντες, ἰδεσαλβάτους, νανά, δέους, δέους. σαακιβα, νανά, δευμονογγύβελα γοβίλους γοβέλαρες, νανά, γοβίλους γοβέλαρες, νανά· τοῦγεδεμα δὲ τούλβελε, νικάτω τουλδο, νανά — ὁ Ἐξελίας ἐν ταῖς πολέμοις καθοπλισάμενος Ἄσσυρίαις, ἀνανά, τὴν ἐλπίδα καὶ μόνην ἔχων Θεοῦ τοῦ φιλανθρώπου, νανά, πάντα ὑπέταξεν ἔθνη καὶ ἀθέων τὴν τυρανίδα, ἄγια· ὁ Σωτήρ, ἀγαθοὶ δεσπότης, νανά, πάντα ἐχθρόν σας δουλώσει πρὸ τῶν ποδῶν σας· ἴβερ, ἰβερίεμ τοῦ γεργερερθῶ, νανά, σκαδιασε κερέτουρες·

Послѣ того магистры и димоты венеетовъ и празниковъ поютъ, въ честь императора, Алфавитарій, нѣскольке разъ прерываемый, по знаку магистровъ, пляскою готовъ. Вотъ какъ описывается ихъ вторичное выступление: καὶ μετὰ ταῦτα λέγοντες οἱ μαίστωρες πρὸς τοὺς Γότθος· ἄμπαατῶ, διὰ νεύματος τῶν αὐτῶν μαιστῶρων κυκλεύουσιν οἱ Γότθοι καὶ ταῖς βέργαις τὰ σκουτάρια τύπτοντες καὶ λέγοντες· τοῦλ, τοῦλ, περικλείουσιν ἔνδοθεν τοὺς τῶν δύο μερῶν μαίστωρας καὶ πάλιν ἀποχωριζόμενοι εἴστανται εἰς τοὺς οἰκεῖους τόπους... καὶ μετὰ τὴν συμπλήρωσιν τοῦ Ἄλφαβηταρίου λέγουσιν (scil. οἱ μαίστωρες)· Πολυχρόνιον ποιήσει ὁ Θεὸς τὴν ἁγίαν βασιλείαν· σας· Οἱ δὲ Γότθοι τύπτοντες μετὰ τῶν βεργίων τὰ σκουτάρια καὶ λέγοντες συνεχῶς· τοῦλ, τοῦλ, τρέχοντες ἐξέρχονται, οἱ μὲν τῶν Βενέτων ἀπὸ τοῦ ἀριστεροῦ μέρους, οἱ δὲ τῶν Πρασίνων ἀπὸ τοῦ δεξιῶ·

Готская игра исполнилась, стало бытъ, въ присутствіи императора на святкахъ, празниками и венеетами, при чемъ на каждой сторонѣ было по два человѣка, риженьхъ готами; всѣ вмѣстѣ пѣли тѣ Готθικὰ, при чемъ τὸ οἰκεῖον μέλος, очевидно, относится не къ готамъ, какъ думаетъ Миллеръ (I. с., 449), а къ пандуристамъ, его исполнившимъ; сл. переводъ Рейске: *carmina sic dicta Gothica, panduris interim modulo sup. accipientibus*. Что касается текста этой пѣсни, то за вычетомъ греческой вставки и нѣкоторыхъ непонятныхъ, вслѣдствіе испорченности, словъ, ея лексическій составъ—изувѣченный латинскій. Передаю ея начало по восстановленію Миллера (I. с., 454) в Сафы ¹⁾:

¹⁾ К. Ν. Σάφης, Ἱστορικὸν θεήμιον περὶ τοῦ θεάτρου καὶ τῆς μουσικῆς τῶν Βουλγαντῶν, p. 190.

Миллеръ:

Gaudeas bonas vicinias! Hagial
 Gaudete secli boni dies in certis! Hagial
 Bona hora tutnbantes!
 Bona amore inspicientes!
 Inde salvatus, Nana, deus, deus! и т. д.

Саоа:

Gaudeas bonas vicinias! Hagial
 Gaudentes electi venientes in certant! Hagial
 Bona hora tibiantes!
 Bona amore ixi scientes!
 Idem salvatus и т. д.

И далѣе объясненія расходятся: Саоа видятъ въ тоὺλ (пригѣвъ, сопровождающей игру) и въ тоὺλβαλα, тоὺλδο пѣсни = виз. тоὺλδον (ἀποσκευή, багажъ воиска), которое переводить ὁ στρατός; въ ἴβερ, ἴβεριερ = impetium. Миллеръ усматриваетъ въ Iber — англос. eofor, сѣв. iöfor, althochd. obug = арег, и, послѣдовательно, Фрейра, у котораго былъ кабанъ съ золотой щетиной (р. 458—459); Tul напоминаетъ ему германское названіе для святочнаго цвѣла: Jul, и онъ не прочь увидѣть въ немъ—Водана, какъ въ Nana—Terra Mater, сѣверную Фриггу (р. 456—458). Не касаясь Tul'a и Iber'a, замѣчу, что если ихъ герсалогія также сомнительна, какъ божественность Nana'm, то германскому Олимпу ничего ждать отъ нихъ обогащенія. Ибо νανά — по богиня, а терминъ византийской музыкальной техники. См. Саоу, I. с. стр. 149 слѣд.: то, что греки называли гармоніями, латинская церковь тонами, тому у византийцевъ отвѣчали ἦχοι. „ἐπειδὴ δὲ οἱ ἦχοι οὗτοι εἶναι ὀκτώ, τὴν βάσιν τῆς ἐλληνικῆς λειτουργίας ἀποτελεῖ βιβλίον τι Ὀκτώηχος ἀποκαλούμενον, διότι τὰ ἐν αὐτῷ ἄσματα ἀνταποκρίνονται πρὸς τοὺς ἦχους τούτους ἢ ἀρμονίας τῆς ἐκκλησιαστικῆς μουσικῆς. Οὕτω διηρημένη ἡ Ὀκτώηχος περιέχει κανόνες, τροπάρια καὶ ἄλλους ἐκκλησιαστικούς ὕμνους τονισμένους κατὰ τὴν ἰδιάζουσαν μελωδίαν τῆς ἀρμονικῆς ταύτης κλίμακος... Πρὸς διάκρισιν μιᾶς ἐκάστης τῶν ὀκτώ τούτων ἀρμονιῶν οἱ μαῖστορες μετεχειρίζοντο τὰς συνθηματικὰς ταύτας λέξεις: Ἀνανές, Νεανές, Νανά, Ἄγια, Ἄανές, Νεανασχές, Ἀεανές, Νεαγίε „...Ἄι ἄνω μοστηριώδεις λέξεις ἐξικονίζονται ἐν μὲν τοῖς μουσικοῖς βιβλίοις διὰ συμβολικῶν χαρακτήρων, ἐν τῇ ἐκτελέσει ὅμως τοῦ ἄσματος ἰ διεσθόνων τὴν βοζαντινὴν ὀρχηστρὰν ἐδήλου τὴν ἀλλαγὴν τοῦ τόνου εἴτε προφέρων αὐτὴν τὴν δηλοῦσαν τὴν μελωδικὴν παραλλαγὴν λέξιν, ἢ συνηθέστερον πρὸς ἀποφυγὴν χασμφιδίας δηλῶν τοῦτο διὰ χαρακτηριστικῆς χειρο-

νομίας ἢ τοῦ λεγομένου νεύματος... Σὺν τῷ χρόνῳ αἱ ὀκτὼ αὐτὰ ἀρμονία ὑπεδιηρέθησαν εἰς μέγαν ἀριθμὸν διαμέσων ἀπληρημάτων, ἡχαδίων ὑπὸ τοῦ λαοῦ ἐν τῇ ἰ ἐκατονταετηρίδι καλούμενων—Константинь Порфирородный цитуетъ ихадія: Νανά, Ἀνανά, Ἀνανάια и т. д. (I. с., стр. 152, прим. 2, и стр. 171).

Такимъ образомъ, въ гѣснѣ, сопровождавшей такъ-называемую готскую игру, ничто не заявило себя намъ какъ спеціально—готское или германское (см. Müller, I. с., р. 444—448). О готскомъ владычествѣ на Балканскомъ полуостровѣ давно забыли, и его продолжительность (около 180 лѣтъ) едва ли объяснило бы намъ забвеніе мѣстной, военной игры на святочныхъ русалияхъ—ради какого-нибудь германскаго Schwerttanz'a. Болѣе могли помнить готскую стражу Византійскихъ императоровъ и, отбывая обрядовую священную пляску при дворѣ—нарядиться именно готами, какъ русалиоты въ Паргѣ одѣваются турками. Оттуда и названіе „готской“ игры, подъ которымъ могли сохраниться на самомъ дѣлѣ слѣды январскихъ „русалий“, по времени совпадавшихъ съ календами и слившимися съ ними врумліями. Въ книгѣ св. Стефана Никомидійскаго говорится о Константиѣ Копронимѣ, что онъ Προομάλιον ἤτοι ἐορτὴν σακρονιώδη ἀετέλει, Διονύσιον καὶ Βροῦμιον εὐφημῶν εἰς τὴν αὐτὴν τελετὴν ὡς τῶν σπερμάτων καὶ τοῦ οἴνου γενεσιουργός¹⁾. Замѣтимъ, что готскія игры назывались и τροχητικόν (δειπνον), что я перевелъ жатвеннымъ пиромъ²⁾, у Reiske: vindemialis (Müller, I. с., 443: Traubenmahl). Это, въ основѣ, осенній праздникъ Діониса, — какъ выше мы приравнили зянія и весепнія русалий — къ осеннимъ и весеннимъ Діонисіямъ.

Александръ Веселовскій.

¹⁾ Tomaschek, I. с., р. 322—326.

²⁾ Разысканія, VII, 101.

СКАЗАНІЯ О КУЛИКОВСКОЙ БИТВѢ *).

III.

Въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія въ первый разъ было высказано мнѣніе о сходствѣ Слова о Полю Игоревѣ съ Сказаніемъ о Куликовской битвѣ, извѣстнымъ тогда исключительно, кажется, въ рукописи профессора Тимковскаго. Мнѣніе это принадлежитъ К. Ѳ. Калайдовичу и заявлено имъ въ № 6 Вѣстника Европы за 1820 г., по поводу не конченной работы Тимковскаго: „Примѣчанія на повѣданіе и Сказаніе о побойщѣ великаго князя Дмитрія Ивановича“. Указывая здѣсь на сходство разбираемыхъ произведеній, Калайдовичъ говоритъ: „Въ пѣснѣ Игоревой Весславъ представляется необыкновеннымъ челоукомъ; въ новѣсти о побѣдѣ Дмитрія изображенъ такимъ же смѣлымъ предпримчивымъ вохвомъ Дмитрій Волынецъ. Вмѣсто супруги Игоря плачетъ здѣсь княгиня Евдокія“.

Затѣмъ, въ 1838 году, Снегиревъ, издавая Повѣданіе, уже болѣе точно опредѣляетъ вліяніе на него Слова о полку Игоревѣ ¹⁾: „При сличеніи сего Сказанія съ Игоревой пѣснью по московскому изданію 1800 года отырывается между ними разительное сходство не только въ планѣ и ходѣ, но и въ реченіяхъ, оборотахъ, сравненіяхъ и приемахъ“. Указавъ на сходство эпитетовъ обоихъ произведеній, подмываетъ отдѣльныя сходныя выраженія, Снегиревъ указываетъ на сходство цѣлыхъ эпизодовъ; такъ, напримѣръ, плачь Евдокіи соотвѣтствуетъ плачу Ярославны „на забралѣ“, примѣты

*) Окончаніе. См. августовскую книжку Ж. М. Н. Пр. за текущій годъ.

¹⁾ Русск. Истор. Обори. от. III, М. 1838., стр. II и слѣд.

Волинца, „сходнаго съ Всеславомъ“,—примѣтамъ Игоревой пѣсни. Но и Снегиревъ еще далекъ былъ отъ полнаго успѣха въ сопоставленіи двухъ памятниковъ. Такъ сравненіе плача Евдокіи съ плачемъ Ярославны нельзя вовсе считать доказательствомъ заимствованія. Плачъ Ярославны—это могучее, глубоко поэтическое произведеніе народной поэзіи; плачъ Евдокіи—просто молитва къ Богу, безъ всякой поэзіи.

Наконецъ, Дубенскій, издавшій Слово о полку Игоревѣ въ 1844 г., сдѣлалъ наиболѣе удачное сравненіе двухъ памятниковъ. Указавъ на приведенное сейчасъ мнѣніе Снегирева, Дубенскій, такъ-сказать, шагъ за шагомъ слѣдитъ за сходствомъ Повѣданія со Словомъ и приходитъ къ заключенію о полнѣйшей зависимости перваго отъ втораго. „Всѣ“, говоритъ онъ,—„подробности разказа у того и другаго повѣствователя параллельны, и нѣтъ другой причины, почему сочинитель „Повѣданія“ въ любомъ мѣстѣ говоритъ что-либо, кромѣ той, что то же говоритъ пѣвецъ Игоревъ и въ томъ же мѣстѣ... Сочинитель Сказанія (Повѣданія) видимо набиралъ, наводилъ обстоятельства, соображаясь рабски съ планомъ пѣвца Игорева; оттого у него анахронизмы, искусственные переходы: но се таки оставимъ... перестановки: солнце сіяеть и добрѣ грѣеть въ противоположность выраженіямъ пѣсни Игоревой: „солнце ему тьмою путь заступаше“.

Но Дубенскому, какъ и Снегиреву, трудно, или вѣрнѣе, не возможно было провести полную параллель между Словомъ и Повѣданіемъ, ибо у нихъ не было подъ руками того памятника, которымъ располагаемъ мы, и который, какъ мы постараемся доказать, имѣетъ полное право на названіе его „раболѣпнымъ и буквальныймъ“ подражаніемъ Слову; это Задонщина, сочиненіе Софонія, старца рязанскаго, памятникъ, найденный архимандритомъ Варлаамомъ въ рукописномъ сборникѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря и напечатанный въ V-мъ томѣ Ученыхъ Записокъ втораго отдѣленія Академіи Наукъ. По опредѣленію архимандрита Варлаама, сборникъ, въ которомъ помѣщена Задонщина, нивѣкъ не позже второй половины XV столѣтія, и слѣдовательно, Задонщина—чуть не современное битвѣ литературное произведеніе.

Полное заглавіе нашего произведенія такое: „Задонщина великаго князя господина дмитрія ивановича и брата его князя володимира ондреевича“. Съ вступленія, съ первыхъ строкъ этого небольшого произведенія, видна живая связь его съ пѣвцомъ Слова и близкое знакомство его автора съ содержаніемъ послѣдняго. „Пойдемъ, брате“, начинается авторъ Задонщины,—„въ полоуночную страну... штолѣ

взыдемъ на горы киевскія, первѣ ісѣхъ вшедъ, восхвалимъ вѣщаго (го)бояна въ городѣ въ киевѣ, гораздо гоудца⁴.

У пѣвца Задонщины еще свѣжо было въ памяти, а можетъ быть, даже находилось передъ глазами (записанное кѣмъ-либо) повѣстическое описаніе самого Бояна и его пѣснощій въ Словѣ. Для него Боянъ былъ еще знакомымъ Бояномъ, а не какимъ-то неизвестнымъ Ураномъ, какимъ знаетъ „гораздо гоудца“ авторъ Повѣданія.

„Той бо вѣщій боянъ“, говоритъ пѣвецъ Задонщины,—„воскладая свои златыя персты на живыя струны¹⁾, пояше славою русскимъ княземъ. першому князю рюрикуу, игорю рюриковичу и святославою ярославичю. ярославою володимеровичю“.

Подобно тому какъ пѣвецъ Слова спрашиваетъ Бояна, этого „соловья стараго времени“, „абы“ онъ „ущекоталъ“ (громко воспѣлъ) храбрые полки Игоря Святославича, такъ и пѣвецъ Задонщины довольно неслно приписываетъ восхваленіе подвиговъ „господина князя дмитрія ивановича и брата его князя володимера одресевича“ тому же „горазду пѣсми и гусленными буйными словеса гоудцоу“.

Причина восхваленія „пѣсенными словеса“ князей Игоря и Дмитрія у пѣвцовъ Слова и Задонщины—одна и та же: воспѣваемые князья имѣли „мужество и желаніе за землю русскую и за вѣроу христіанскую поостриша сердца свои мужествоу“.

Въ порывѣ лирическаго увлеченія, подавляемый позміей Слова, пѣвецъ Задонщины говоритъ о поляхъ половецкихъ²⁾, на которыя, какъ „соколи съ земли русскыи, впалися оба русскіе князя — Дмитрій Ивановичъ и Владиміръ Андреевичъ. Подобно пѣвцу Слова, вачинающему „повѣсть“ свою „отъ стараго Владимера“, пѣвецъ Задонщины считаетъ необходимымъ упомянуть „прадѣда, князя володимера кіевскаго, царя (sic) русскаго“.

Описаніе приготовленій и готовности русскихъ къ битвѣ съ татарами въ Задонщинѣ совершенно тождественно съ такимъ же описаніемъ въ Словѣ и, очевидно, возникло подъ вліяніемъ послѣдняго.

Въ pendant описанію приготовленій „курянъ“, дружины Буй-Тура Всеволода, въ Задонщинѣ мы находимъ описаніе приготовленій Новгородцевъ: „какъ стоятъ мужи наугородци оу сѣтыя софія“. Какъ орлы слетѣлись „со всея полунощныя страны“, собрались всѣ князья русскіе около Дмитрія и убѣждаютъ его пойдти за „быструю“ рѣку

¹⁾ Сравни. въ Словѣ: „нѣ своя вѣщія прѣсты на живая струны въскладаше“...

²⁾ Сравни. въ Словѣ: „Копіе приломити конецъ поля Половецкаго“.

Донъ—„оукоупить землямъ диво“, такъ какъ „межу допомъ и днѣ-промъ“, на рѣкѣ Чегѣ стоятъ Татары, желая отнять русскую вотчину.

Мысль о русской національности, о вотчинѣ, о принадлежности всѣхъ князей одному роду, гнѣзду, объ общей солидарности проводится и здѣсь, какъ въ Словѣ. „Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо“, говоритъ пѣвецъ Слова; „гнѣздо есмь было“, говоритъ въ Задонщинѣ князь Дмитрій, — „едино князя великаго ивана данилыча, — досюда есмь были брата никоуды не извоижены, ни соколу, ни истребоу, ни бѣлоу кречету, ни томуоу псоу поганомоу мамю!“ Развѣ не представляютъ послѣднія слова буквальной копіи описанія гнѣзда Ольгова въ Словѣ, гдѣ находимъ слѣдующее: (гнѣздо) „не былоу обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ черныи воронъ, поганый Половчинѣ!“

Выраженіе Слова: „о Бояне, соловію стараго времени! абы ты сіа пльы ущекоталъ“ видоизмѣняется въ Задонщинѣ и примѣняется къ Ольгердовичамъ такъ: „славіе птица что бы еси вицекоталъ сіа два брата два сына волярдовы. андрей половецкаго. дмитрій брянскаго“.

Характеристика Всеволодовой дружины въ Словѣ дала автору Задонщины поводъ къ поэтическому описанію сторожевыхъ полковъ, которые „на щитѣ рожены, подѣ трубами поють (sic), подѣ шеломи възлѣаны. конецъ копія вскормлены, съ востраго меча поены“. А вотъ характеристика дружины въ Словѣ: „Курыне подѣ трубами повяти, подѣ шеломи възскръмлены, пути имъ вѣдомы“ и проч.

Сторожевными полками начальствуютъ князья Андрей Половецкой и Дмитрій Брянской, которые называютъ себя „два сына Волярдовы (Ольгердъ, 1345—1377 гг.), внучаты Едиментовы“ (Гедеминъ, 1315—1340 гг.). Эти князья высказываютъ желаніе биться за Русскую землю съ татарами совершенно такъ, какъ въ Словѣ: „сидемъ брата на свои борни комони, испіемъ брата шеломомъ спонимъ воды быстрого допоу¹⁾, испитаемъ мечи свои булатилы“.

До того сильна и велика рать князя Дмитрія Ивановича, что выступленіе ея сравнивается съ громовымъ шумомъ, какъ то дѣлаетъ и пѣвецъ Слова: „Не стоукъ стучить, ни громъ гремать, стоучить силная рать великаго князя: гремать оудалцы золоченыи шеломи, черленныи щиты“.

¹⁾ Последнее выраженіе вошло въ Киевскую летопись: Ист. Гос. Росс. Карамзина, т. III, прим. 68.

Какъ въ Словѣ неудача второй битвы съ половцами предсказывается дурными предназначениями, въ Задонщинѣ такими же предназначениями сопровождается приходъ татаръ, а слѣдовательно, и потери русскихъ въ битвѣ съ „агарянами“: „оуже бо всташа силнии вѣтри с моря. прилетѣша тоучоу великоу, на оустъ нѣпра, на роускоу землю не тоучи, выстоупи кровавыя облака. а из нихъ пашоутъ синіе молнии. быти стоукоу и громоу, великоу межю дономъ и нѣпромъ“, замѣчаетъ авторъ Задонщины, очевидно, имѣя въ виду слѣдующее мѣсто Слова: „рапо кровавыя зари свѣтъ повѣдають; чръныя тучи съ моря идуть: а въ нихъ трепещуть синіе млѣни, быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону великаго“.

Приходъ татаръ сравнивается съ приходомъ сѣрыхъ волковъ: „то ти были не сѣрин волци, придоша поганые татарове. Хотятъ проити воучи, вяти всю землю русскую“.

И здѣсь, какъ въ Словѣ, животныя предвѣщаютъ гибель многихъ русскихъ „удальцовъ“: „воропи грають. галици свои рѣчи говорятъ, орли восклекчють, волци грозно воють, лисици часто брешють“. Разница въ возрѣніяхъ автора Слова и пѣвца Задонщины та, что послѣдній считаетъ сейчасъ перечисленныя предназначения благоприятными для русскихъ; животныя, по его мнѣнію, „чають побѣду на поганыхъ“; авторъ же Слова сокрушается при этихъ предназначенияхъ: „уже бо бѣды его насеть птиць“¹⁾, говоритъ опъ.

Тотъ же пріемъ, какой употребляетъ пѣвецъ Задонщины при описаніи выступленія полковъ князя Владимира Андреевича, употребляетъ раньше въ Словѣ при описаніи выступленія цѣлаго войска: „Ни громъ гремьтъ“ и т. д. Если потерпѣвшему отъ половцевъ Игорю „солнце тьмоу путь ваступаше“, когда онъ вступилъ въ „златъ стремянь“, то великому князю Дмитрію, на оборотъ, „солнце на востоцѣ... ясно свѣтити, ноуть ему повѣдасть“, когда онъ „ступилъ въ свое златое стремя“; за него молитву творять сродники его Борись и Глѣбъ.

Изъ этого сопоставленія вытекаетъ прочное убѣжденіе въ относительной древности Задонщины, въ близости автора ея къ описываемому имъ событію: авторъ до такой степени находился подъ вліяніемъ свѣжаго впечатлѣнія побѣды, что эпизодическую часть совсѣмъ упустилъ изъ виду; едва упоминаетъ о павшихъ въ битвѣ вязыяхъ

¹⁾ Птицы вычуть его погибели (Игоря). Въ судной Ярославовой грамотѣ члѣтмъ: волове испасеуть инуу (пожрутъ), а здѣсь въ значеніи ждаты, стеречь. Господь насеть мя (Ис. 22).

и вовсе не упоминаетъ о событіяхъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ ее, событіяхъ, такъ-сказать, частныхъ, историческихъ; здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго намека на тѣ безчисленныя моленія, съ которыми мы на каждомъ шагѣ наталкиваемся въ Повѣданіи. Здѣсь, на оборотъ, необыкновенно живо выступаютъ изысканія суевѣрія, и вообще поэтической элементъ стоитъ здѣсь на первомъ планѣ, какъ бы въ замѣну религіознаго въ Повѣданіи.

Задонщина заканчивается плачемъ „женъ-боиринъ“ „по своихъ господарѣхъ“. Этотъ плачь, отличающійся поэтической окраской, даетъ намъ большее право уподобить его плачу Ярославны въ Словѣ, чѣмъ могъ это сдѣлать Снегиревъ, у котораго подъ руками былъ только плачь Повѣданія, и который все-таки нашелъ въ немъ лишній доводъ въ пользу того, что Повѣданіе есть блѣдная копія со Слова.

Итакъ, между Повѣданіемъ и Задонщиной существуетъ большое различіе: первое болѣе эпическое произведение, и авторъ его почти всюду остается объективенъ, тогда какъ Задонщина является скорѣе лирическимъ произведеніемъ, обусловливаемымъ политическимъ субъективизмомъ ея пѣвца.

Въ 1852 году В. М. Ундольскій обнаружилъ въ XIV книгѣ Временника Московскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ принадлежавшую ему редакцію сказанія о Куликовской битвѣ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Слово о великомъ князѣ Дмитрее Ивановиче. и братѣ его князе Владимере Андрѣевиче. ако побѣдили соупостата своего црѣа мамаа“.

Этотъ текстъ гораздо болѣе сейчасъ разсмотрѣннаго и представляетъ какъ бы подробное его развитіе. Поэтому, при разсмотрѣніи его, необходимо остановиться на тѣхъ мѣстахъ, которыя отличаются, болѣе или менѣе, существенно отъ Задонщины. Слово о великомъ князѣ начинается заявленіемъ Дмитрія Ивановича „на ниру“ у Микулы Васильевича о томъ, что „у быстрого доноу царь мамай пришелъ на Русскую землю и идетъ въ залъскую землю“.

Близость пѣвца Слова о великомъ князѣ въ пѣвцу Слова о полку Игоревѣ видна изъ слѣдующаго мѣста въ началѣ памятника: „лудши бо намъ братіе начати повѣдати винни словеси отъ похвальныхъ сихъ и о нынѣшнихъ повѣстехъ похвалу великому князю Дмитрію Ивановичю и брату его князю Владимеру Андреевичу... начати повѣдати по дѣламъ и по былинамъ“. Извѣстно выраженіе, употребленное пѣвцомъ Игоря: „начати же си тѣй пѣсни по былинамъ сего времени“.

Въ Словѣ о великомъ князѣ упоминаю о новгородцахъ отведено гораздо болѣе мѣста, чѣмъ въ Задонщинѣ; на помощь великому князю прибыли посадники „изъ Великаго Новгорода“ съ семитысячнымъ войскомъ. Авторъ Слова о великомъ князѣ, такъ-сказать, обстоятельнѣе пѣвца Задонщины: онъ болѣе склоненъ къ разработкѣ подробностей и охотно надъ ними останавливается. У Ольгердовичей онъ напримѣръ, насчитываетъ „7,000 храбрыхъ Литвы окованныхъ рати“.

Въ описаніи хода битвы въ Словѣ о великомъ князѣ нѣтъ такихъ подробностей, какъ въ Повѣданіи, хотя изложеніе болѣе обстоятельно чѣмъ въ Задонщинѣ. За то въ Словѣ о великомъ князѣ, какъ и въ Задонщинѣ, авторъ не заставляетъ Пересвѣта выходить на единоборство; послѣдній, въ замѣнъ единоборства, просто „поскакиваетъ на своемъ добрѣ конѣ“ по всему полю. Здѣсь, какъ и въ Задонщинѣ, Ослябя предсказываетъ товарищу близкую вѣрную смерть: „вижу на челѣ твоемъ раны великія“, говоритъ онъ Пересвѣту.

Авторъ Слова о великомъ князѣ весьма подробно излагаетъ „плачь“ боярынь. Кромѣ Федосьи, плачутъ „Тимосеева жена Валувича“ Марья, Андреева жена Марья да Михайлова жена Оксинья, и въ плачѣ ихъ мы опять находимъ выраженія, напоминающіе пѣвца Игорева.

Что касается до фактовъ историческихъ, то въ Словѣ о великомъ князѣ они или опускаются вовсе, или видоизмѣняются по волѣ автора. Такъ, напримѣръ, князь Владиміръ Андреевичъ, по разказу Слова, не становится въ засаду, а просто „заворачиваетъ“, вмѣстѣ съ братомъ, татаръ „вспать“. О переодѣваніи великаго князя Дмитрія Ивановича и боярина Бренка нѣтъ и рѣчи, какъ не говорится и о примѣтахъ Волинца, да Волинецъ и вовсе не упоминается. Ничего не говорится и о походѣ великаго князя къ Троицѣ за благословеніемъ преподобнаго Сергія; очевидно, Слово о великомъ князѣ писалось на скорую руку, и авторъ его готовъ былъ скорѣе пофантазировать, чѣмъ останавливаться на историческихъ подробностяхъ; писалъ онъ, очевидно, подъ вліяніемъ минуты и увлекался успѣхомъ русскихъ.

Слово о великомъ князѣ оканчивается описаніемъ бѣгства Мамай въ „градъ Хаесть“ къ „Фрязамъ“ и его погибели. „Орязове“ ставятъ въ вину Мамаю его посягательство на Русскую землю, „орду загѣскую“. „Уподобился еси“, говорятъ они, — „малому младенцу у матери своей“. Вотъ та тенденція, которою такъ замѣтно окрашено Повѣданіе въ спискѣ, напримѣръ, профессора Тихонравова.

Изъ подробнаго анализа Слова о великомъ князѣ и его сравненія съ Законщиной оказывается, по нашему мнѣнію, слѣдующее: Слово составляетъ какъ бы переходную ступень отъ Законщины къ Повѣданію, содержа въ себѣ, при несомнѣнно сильной поэтической окраскѣ, уже сравнительно большее количество чисто историческихъ фактовъ и эпизодовъ, которые въ Повѣданіи стоятъ, въ ущербъ поэзіи, на первомъ планѣ. Даже второстепенныя личности сходятся въ Слово о великомъ князѣ и въ Повѣданіи своими именами. И въ первомъ, и во второмъ, напримѣръ, счетчикомъ русской убыли въ битвѣ является „московскій бояринъ, Михайло Александровичъ“.

Слово заканчивается такъ: „Пойдемъ во свою залѣскую землю“, говорить великій князь, — „сядемъ, брате, на своемъ княженіи: а чти (чести) есмь, брате, добыли и славнаго имени Богу нашему слава!“

Можно, однако, сдѣлать предположеніе: не представляетъ ли напечатанное Ундольскимъ Слово текстъ въ неполномъ видѣ, съ пропусками и пробѣлами, которые восполняются подстановленіемъ соответствующихъ мѣстъ изъ Законщины? И дѣйствительно, сопоставленіе двухъ текстовъ или, вѣрнѣе, вставки изъ Законщины въ текстъ Слова почти совсѣмъ уничтожаютъ отрывочный характеръ послѣдняго, являясь связующими звеньями между различными его частями. Руководствуясь, вѣролатно, подобными соображеніями, покойный И. И. Срезневскій сопоставилъ оба текста и издалъ ихъ въ Ученыхъ Запискахъ Академіи Наукъ, снабдивъ нѣкоторыми примѣчаніями. Извѣстный знатокъ славянскихъ литературъ, К. Эрбенъ послѣдовалъ примѣру нашего ученаго и издалъ въ 1870 году Слово о Полку Игоревѣ и Законщину, руководясь въ своихъ примѣчаніяхъ къ послѣднему памятнику примѣчаніями Срезневскаго или, вѣрнѣе, переводя ихъ ¹⁾.

¹⁾ Переводы объясненія Срезневскаго, Эрбенъ вовсе не приближаетъ къ ихъ критикѣ, а просто повторяетъ ошибки нашего ученаго. Такъ, выраженіе Законщины: «о русская земля какъ побывала еси за царемъ за Соломономъ» — у Срезневскаго объясняется такъ: «Подъ Соломономъ разувается Владимиръ Сватои, котораго еще Несторъ сравнивалъ съ царемъ Соломономъ». Эрбенъ повторяетъ эти слова. Но выраженіе: «за царемъ Соломономъ», очевидно, не понято было Срезневскимъ и объясняется гораздо проще и правдоподобнѣе: писецъ Законщины, вѣтя передъ собою рукопись Слова о полку Игоревѣ, очевидно, не разобравъ въ выраженіи: «русская земля уже за шеломянемъ еси» слова: *шеломянемъ* или позабылъ его значеніе и передѣлалъ его въ: «за царемъ Соломономъ»,

IV.

Въ Никоновомъ спискѣ начальной русской лѣтописи мы находимъ подъ 1380 годомъ слѣдующую „вставочную“ статью: „Повѣсть, егда помощію Божіею и пречистыя его матери Богородицы и угодника нхъ святаго чудотворца Петра митрополита всеа Руса, и преподобнаго Сергія чудотворца, и всѣхъ святыхъ молитвами князь великій Дмитрій Ивановичъ з братомъ своимъ, иже изъ двоюродныхъ, со княземъ Володымеромъ Ондрѣевичемъ, и со всѣми князи русскими на допу посрами и прогна воложской орды гордаго князя Мамай, і всю орду его со всѣю силою нечестивою избѣи“. Эта вводная повѣсть есть ничто иное какъ Повѣданіе, представляющее такое обиліе варіантовъ и списковъ.

По Повѣданію выходитъ, что Мамай, позавидовавъ первому Батыеву и второму безбожному Батю (или: „повому Юліану“), началъ „испытovati старыхъ еллипъ, како Батый пленилъ Кіевъ и всю землю русскую“¹⁾. Въ лѣтописной Повѣсти (т. IV, стр. 87²⁾), въ параллель приводимому мѣсту, находимъ: „Мамай хоташе вторый царь Батый быти и нача испытovati отъ старыхъ исторій, како царь Батый пленилъ русскую землю“. Какъ въ Повѣданіи, такъ и въ Повѣсти Мамай, „яко левъ ревий“, заручась согласіемъ татаръ, „перевезеся рѣку Волгу со всѣми силами и прииде до усть роки Воронежъ“ и тамъ остановился „кочул“. Олегъ Рязанскій (какъ разказываетъ и Повѣданіе), услыхавъ, что Мамай расположился на Воронежѣ, предлагаетъ ему свои услуги и посылаетъ ему „ярлыкъ“ „с великою честью и з дары многими“. Содержаніе „ярлыкѣвъ“, предлагаемое лѣтописною Повѣстью, буквально сходно съ подобнымъ же въ Повѣданіи. Здѣсь, напримѣръ, читаемъ: „а князь Дмитрій человекъ кротокъ (въ лѣтописи очевидно, описка: „крестьянъ“), егда же услышитъ имя ярости твоея и отбѣжитъ отъ тебя въ дальнія свои страны и богатство московское все будетъ твоихъ рукахъ“.

вовсе не идущимъ къ дѣлу и затеняющимъ смыслъ мѣста. Да и кромѣ того, писцу Заковичамъ всего ближе и вѣроятнѣе было припомнить выраженіе Игоря пѣвца, произведеніемъ котораго онъ всюду руководствовался, чѣмъ прибѣгнуть къ данному сравненію монаха-лѣтописца, съ которымъ у него было весьма мало общаго.

¹⁾ Сходнымъ выраженіемъ отмѣчаемъ разрядкой.

²⁾ Ижемъ въ виду изданіе Академіи Наукъ 1788 г.

То же самое буквально занесено въ лѣтописную Повѣсть (Нвк. лѣт. т. IV, стр. 88). Далѣе послѣдняя исправляетъ указанную нами выше ошибку Повѣданія и называетъ Литовскаго князя Ягайломъ, а не Ольгердомъ, прибавляя отчество: Ольгердовичъ. Другую ошибку лѣтопись не исправляетъ, а слѣдуетъ въ ней Повѣданію. По Лѣтописной Повѣсти, великій князь передъ битвой идетъ „благословиться“ у митрополита Кипріяна, котораго называетъ и Повѣданіе, а между тѣмъ Кипріянь, какъ указываетъ Карамзинъ ¹⁾, прибылъ на Москву лишь въ 1381 году. Наконецъ, въ лѣтописной Повѣсти говорится, что великій князь прикладывался къ образу Богородицы, „Луки евангелиста писма“, какъ говоритъ Повѣданіе, — тогда какъ эта икона была принесена въ Москву лишь черезъ 15 лѣтъ, то-есть, въ 1395 году ²⁾.

Уже изъ повторенія этихъ двухъ ошибокъ видно, что Повѣданіе было оригиналомъ, съ котораго составитель Никоновской лѣтописи списалъ вставную повѣсть. Далѣе вымышленная авторомъ Повѣданія бесѣда великаго князя съ митрополитомъ Кипріяномъ и воспроизведенная буквально на страницахъ лѣтописи оканчивается въ обоихъ наметникахъ разказомъ Кипріяна о кончинѣ „отступника Уліана“ отъ меча воина Меркурія. Посольство Захарія Тулчева цѣликомъ взято въ лѣтописи изъ Повѣданія. Уже приведенныхъ сравненій и сходныхъ мѣстъ достаточно, чтобы показать, что лѣтопись заимствовала разказъ о Куликовской битвѣ изъ Повѣданія; поэтому мы ограничимся указаніемъ разницы между лѣтописною Повѣстью и Повѣданіемъ. По Повѣсти, войско великаго князя встрѣчаетъ епископъ Герасимъ ³⁾, по Повѣданію—Евфимій. Ни въ одномъ изъ разсмотрѣнныхъ нами списковъ Повѣданія не говорится, кого на время своего отсутствія оставилъ великій князь на Москвѣ. Въ лѣтописи этотъ вопросъ рѣшенъ такъ: „А на Москвѣ воеводу своего остави у отца своего Кипріяна митрополита всеа Руси, и у жены своей у великіе княгини Евдокьи“. За то въ лѣтописи не говорится въ подробностяхъ о расположеніи и назначеніи сторожевыхъ полковъ; сказано только, что князь великій выслалъ „нарочитыхъ и мужественныхъ вѣдомцевъ да видатся скоро съ татарами и подадять вѣсть“. Имена „стражн-

¹⁾ Ист. Гос. Росс. т. V, пр. 60 и 65.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Сравни. Сошійскій Временникъ I.

ковъ-вѣдомцевъ" не упомянуты. Затѣмъ здѣсь мы встрѣчаемъ ободрительную рѣчь Дмитрія къ войску, которой нѣтъ въ Повѣданіи: „братія лучши было не ити протину безбожныхъ татаръ, поже пришедъ и ничто же сотворилъ возвратитись вспять" и проч.

Содержаніе лѣтописной Повѣсти сравнительно съ Повѣданіемъ, гораздо полнѣе: здѣсь мы находимъ, кромѣ примѣтъ, упоминаемыхъ послѣднимъ, „видѣвіа" Ѳомы и разказъ о „видѣніа Василя Капицы да Семена Онтонова". Видѣли они „отъ поля идущихъ" ефіоповъ: „въ велицѣй силѣ, ови на колесницахъ, ови на конехъ,—и бѣ страшно ихъ видѣти", добавляетъ лѣтописецъ, какъ бы приравнивая себя очевидцу. Вдругъ появился святой Петръ, „митрополитъ всеа Русии", ниѣя въ рукахъ золотой жезлъ, и „наступилъ на нихъ (татаръ) съ яростию велиеш", говора: „почто придосте погубляти мое стадо, его же ми дарова Богъ соблюдать"; и нача жезломъ своимъ", говоритъ лѣтопись,— „ихъ прокалати, они же на бѣгъ устремишася и ови убѣжаша, друини же въ водахъ изтопша, ови же язвени лежаша". Очевидцы этого явленія, разумѣется, не замедлили сообщить о немъ великому князю, и онъ молится со слезами Богу, Богородицѣ и великому чудотворцу Петру и святымъ мученикамъ Борису и Глѣбу, „да избавятъ ихъ отъ татарския сая ярости, и да не поперуть святая пси, и да не помсть татарския мечъ православнаго христіанства". Подобной молитвы, какъ мы уже видѣли, нѣтъ ни въ одномъ спискѣ Повѣданія. Далѣе въ лѣтописи встаетъ описание Куликова поля: „Въ же то поле волюко и чисто и отлогъ ниѣя на усть рѣки Попрядни".

„Христіанская сила" сошла съ „шоломяни" и стала „на полѣ чистѣ, на мѣстѣ твердѣ". Противникъ Пересвѣта въ лѣтописи не названъ по имени, какъ то мы видѣли въ Повѣданіи. Въ разказѣ же о „сидѣніа" князя Владиміра съ Боброкомъ въ засадѣ мы находимъ нѣкоторыя подробности, которыхъ нѣтъ въ Повѣданіи. Когда князь и Боброкъ уже хотѣли выдти изъ засады, вдругъ на встрѣчу имъ подулъ вѣтеръ и „подвиже всѣхъ на плачь, на слезы". Самъ Дмитрій Волинецъ „горько проплакалъ и слезы излилъ многія". Лѣтопись къ разказу о поискахъ за великимъ княземъ (извѣстному уже читателю) прибавляетъ, что „Володимерь Ондреевичъ бияшесь головой и терзаше себя отъ многія печали".

Воины, нашедшіе великаго князя, называются здѣсь: Ѳеодоръ Морозовъ и Ѳеодоръ Холоповъ, тогда какъ во всѣхъ спискахъ Повѣданія первый называется Саборомъ или Сабуромъ. Затѣмъ мы находимъ здѣсь подробный перечень русскихъ „нарочитыхъ и удалыхъ

вѣло" князей и воеводъ, сходный съ приводимымъ у Карамзина, но еще болѣе подробный.

Судьба Мамаи приписывается лѣтописью такая же, какъ и въ Повѣданіи. Укрываясь отъ Тохтамыша, Мамай прибѣгаетъ въ Кафу „в думцы своими и единомысленики своими" и адѣсь отъ руки „Кафьинцевъ" „злѣ" оканчивается „животъ свой". Но мотивъ для убіенія Мамаи здѣсь иной, чѣмъ въ Повѣданіи: по послѣднему, его убиваютъ „Фряви" за посягательство на Русь, а здѣсь „Кафьинцы" прельстились „многимъ его имѣніемъ" („злато, серебро и каменіе и жемчугъ"), съ которымъ онъ къ нимъ пришелъ.

Ко всѣмъ уклоненіямъ лѣтописной Повѣсти отъ Повѣданія слѣдуетъ добавить полнѣйшее отсутствіе поэтическаго элемента въ первой. Ни въ описаніи сбора войска, ни въ описаніи битвы мы не находимъ ни тѣни описаній Повѣданія, а тѣмъ болѣе Задонщины. Плачъ женъ княжескихъ и боярскихъ съ великою княгиней Евдокіей здѣсь опущенъ. И такъ, вообще лѣтописная Повѣсть передаетъ ходъ борьбы съ Мамаемъ согласно Повѣданію, часто заимствуя изъ послѣдняго цѣлыя выраженія, буквально воспроизводи ихъ. Но въ частности мы видимъ уклоненія отъ Повѣданія, дающія намъ поводъ думать, что авторъ имѣлъ подъ руками или неизвѣстный намъ вариантъ Повѣданія, или какой-либо иной, не дошедшій до насъ, источникъ.

Переходимъ къ судьбѣ сказанія, вошедшаго въ кievскій Синописъ, и прежде всего обратимся къ литературной исторіи этого памятника. Въ 1674 году въ Кіево-Печерской лаврѣ былъ напечатанъ, „по благословенію пречестнаго о Христѣ господина Инокентія Гизела, милостію Божіею архимандрита тояже Святыя Лавры", Синописъ или краткое описаніе отъ различныхъ лѣтописцевъ о началѣ словенскаго народа. Въ 1762 году, когда Синописъ вышелъ „пятимъ тысяченіемъ" въ С.-Петербургѣ, и притомъ въ исправленномъ и дополненномъ противъ лаврскаго видѣ, къ заглавному титулу послѣ вышеприведенныхъ словъ добавлено: „даже до благочестивѣйшаго государя царя и великаго князя Θεодора Алексѣевича". Значитъ, Синописъ постоянно видоизмѣнялся, пополнялся новыми событіями и фактами.

Напечатанный въ первый разъ въ 1674 году, онъ въ Лаврѣ же перепечатывался въ 1678 и 1680 годахъ. Затѣмъ, начиная съ 1736 года, академія наукъ разъ двадцать издавала его „въ пользу любителямъ исторіи". Кіевскій митрополитъ Евгеній въ 1836 году издалъ

виновъ „5-е изданіе кіевское, исправѣйшее“, какъ обозначено на заглавномъ листѣ. Въ предисловіи къ своему изданію митрополитъ Евгений говоритъ: „Кто былъ сочинитель сего сокращенія не извѣстно, хотя многіе приписывали оное Кіево-Печерскому архимандриту Иннокентію Гизелю. Извѣстно только, что сочинитель ея выписалъ и сократилъ сію книгу до XIV столѣтія изъ хроникъ Θεοδοсія Софоновича, игумена Кіево-Золотоверхо-Михайловскаго монастыря“. Закревскій, въ своемъ обширномъ „Описаніи Кіева“, называетъ Синопсисъ сочиненіемъ Гизеля; мало того, онъ говоритъ: „два года спустя по смерти Софоновича, Гизель перевелъ его хроникъ на славянскій языкъ, кое-гдѣ передѣлалъ и издалъ въ 1674 году подъ своимъ именемъ, назвавъ „Синопсисъ“, и хроникъ забыли. Здѣсь, очевидно, неточность въ выраженіи: мы видѣли, что въ 1674 году Синопсисъ былъ изданъ „по благословенію“ Гизеля. „Но это не значитъ“, справедливо замѣчаетъ Максимовичъ,—„чтобы Гизель издалъ въ 1674 году кіевскій „Синопсисъ“ подъ своимъ именемъ“, то-есть, былъ бы его авторомъ.

Изъ замѣтки митрополита Евгения, что въ первомъ изданіи исторія была доведена до XIV столѣтія, и изъ изданія академическаго, наприимѣръ, 1762 года, гдѣ историческія событія доведены уже до второй половины XVII вѣка, изъ сличенія этихъ хотя бы, на первый разъ, двухъ редакцій слѣдуетъ заключеніе, что Синопсисъ, уже, разумѣется, безъ вѣдома Гизеля, постоянно добавлялся, по кѣмъ — не извѣстно. Какъ бы то ни было, по Повѣданію ночи цѣлкомъ вошло въ Синопсисъ, потерявъ здѣсь еще меньшія измѣненія, чѣмъ въ лѣтописи.

Въ Синопсисѣ сказаніе о Куликовской битвѣ раздѣлено на 29 отдѣловъ или главъ. Многія главы, какъ наприимѣръ, „о устроеніи вонзствъ къ брани“, „о укрѣпленіи всѣхъ полковъ отъ великаго князя Дмитрія и о молитвѣ его“, или: „о горькомъ и пристрашномъ часѣ, въ немъ же множество созданія Божія смертную испи на брани чашу“ и проч. буквально списаны съ Повѣданія.

Впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ Синопсиса, а именно въ главѣ: „о прехоженіи Дону и о взятіи языка Мамаева“, есть въ концѣ вставка объ умнѣи „уцѣйшихъ воиновъ“. Младшіе, неопытные воины сробѣли въ битвѣ съ татарами, и старѣйшіе утѣшали ихъ и ободряли, „предлагаяще имъ за смерть временную животъ вѣчный, и за тлѣныя почести—вѣнцы неувадаемые небесныя славы“.

Характерною чертой разказа о Куликовской битвѣ въ Синопсисѣ

является отсутствіе въ немъ поэтического элемента и краткость или сжатость сравнительно съ Повѣданіемъ: первый представляетъ собою какъ бы экстрактъ изъ втораго; въ немъ выбрано все важнѣйшее и значительнѣйшее, все, имѣющее наиболѣе тѣсную связь съ главными фактами побѣды и битвы Куликовской.

Подражая Повѣданію, передаванъ его зачастую буквально, составители Синописа ввели въ него тѣ же ошибки и анахронизмы, которые мы видѣли въ Повѣданіи, но которые отчасти исправлены въ лѣтописи. Въ Синописѣ вмѣсто Ягайло фигурируетъ Ольгердъ, вмѣсто епископа Герасима—Евфимій, и великій князь, какъ въ Повѣданіи, совѣщается съ митрополитомъ Кипріаномъ. Подобно Повѣданію (ошибка, но исправленная и въ лѣтописи), Синописъ рассказываетъ, что Дмитрій передъ побѣдой прикладывался къ иконѣ Богородицы, „отъ Луки святаго евангелиста писанной“. Въ Синописѣ, какъ и въ Повѣданіи, Мамай называетъ боговъ: „Перуна, Савата, Ираклія, Гурка и мномаго великаго пособника своего Магомета“.

Разъ только составитель или редакторъ Синописа позволилъ себѣ сдѣлать вставку отъ себя, и то въ видѣ подстрочнаго примѣчанія, при описаніи примѣтъ Дмитрія Ильища. Это примѣчаніе вызвано опасеніемъ, чтобы читатель не истолковалъ ихъ въ смыслѣ волшебства, дѣйствія нечистой силы, чтобы не явилась у читателя мысль, что православному князю помогала нечистая сила. Вотъ это примѣчаніе по академическому изданію 1762 года: „Здѣ читая о примѣтахъ, да не помислити, лобезный читателю, оныя военныя примѣты быти враждебства вѣкая или волшебства богу вѣрѣ христіанской противная, ибо ява есть примѣта, и ино волшебство; волшебство бо и врожбитство есть отъ діавола, алобѣ всегда ходатайственно: примѣта же отъ искусства чловѣку бываетъ, въ таковыхъ случаяхъ прилучившуся. Многажды же и отъ самого Бога въ пользу или въ наказаніе хотящее быти чловѣкомъ представляется различна предзнаменованія не токмо на землѣ, но и на воздухѣ, яко рещи кометы и различные портенты“. Кромѣ этого „предувѣщанія“ да нѣсколькихъ перефразировокъ въ отдѣльныхъ выраженіяхъ Повѣданія, изложеніе Синописа ничѣмъ не отличается отъ его изложенія.

Такимъ образомъ Повѣданіе цѣликомъ вошло въ Синописъ. Если оно повдіало на Синописъ, занявъ въ немъ почтенное мѣсто, то послѣдняя компиляція вызвала въ свою очередь, давъ обильный матеріалъ, различныя историческія произведенія, трактующія о Куликовской битвѣ. Этотъ фактъ служитъ новымъ доказательствомъ по-

пулярности Повѣданіи, не утратившаго своего значенія и въ XVIII вѣкѣ, даже въ концѣ его. Въ 1798 году нѣкто Иванъ Михайловъ составляетъ небольшую книжку, подъ заглавіемъ: „Низверженный Мамай“, въ которой предлагаетъ читателямъ все то же Повѣданіе, но въ болѣе сжатомъ, даже противъ Синопися, видѣ. У Михайлова въ книгѣ 15 главъ. Здѣсь мы находимъ всѣ подробности, какія вошли въ Синопися. Посольство Захарія, наиримѣръ, сопровождается тѣми же подробностями, что и въ Синописѣ: четырехъ любимцевъ отправляетъ съ Захаріей Мамай. Имена „оружниковъ“, отправленныхъ на стражу, одинаковы какъ здѣсь, такъ въ Повѣданіи и Синописѣ. Грамота Мамаю къ великому князю начинается здѣсь также, какъ и въ Повѣданіи: „отъ восточнаго царя, отъ большія орды, широкихъ полей, отъ сильныхъ татаръ“ и т. д. Здѣсь, какъ въ Повѣданіи и затѣмъ въ Синописѣ, на сцену является не Ягайло, а Ольгердъ, то-есть, повторяется ошибка, исправленная лѣтописью. Здѣсь повторяются также примѣты Волинца, видѣніе Оомн, видѣніе отверстыхъ небесъ и проч. По книгѣ Михайлова, Мамай кончаетъ жизнь въ Кафѣ, но (что любопытно, какъ варіантъ) отъ руки „приверженцевъ Тактамышевыхъ“. Упоминаніе Ольгерда вмѣсто Ягайла указываетъ намъ, что у Михайлова подъ руками непременно было или Повѣданіе, или Синопися.

Наконцѣ, въ началѣ текущаго столѣтія, въ 1825 году, вышла небольшая брошюра: „Битва Задонская или пораженіе Мамаю на поляхъ Куликовыхъ“. Разница между произведеніемъ Михайлова и этою книжкой состоитъ въ томъ, что при послѣдней имѣется гравюра, изображающая князя Дмитрія, отдыхающаго на срубленномъ деревѣ, да текстъ „Битвы Задонской“ вложено болѣе легкимъ языкомъ сравнительно съ текстомъ „Низверженнаго Мамаю“. Вѣроятно, существуютъ и еще многія произведенія, трактующія о Куликовской битвѣ и принявшія въ себя разобранныя нами сказанія, но мы ихъ не видали.

Въ заключеніе настоящей главы мы должны прибавить, что Повѣданіемъ пользовались князь Щербатовъ и Стриттеръ ¹⁾.

V.

Ученая литература сказаній о Куликовской битвѣ крайне скудна и ограничивается лишь одними замѣчаніями о немъ нашихъ писате-

¹⁾ Карамзинъ, Ист. Госуд. Росс. т. V, прил. 65.
часть сохл, отд. 2.

лей-историковъ да изложеніемъ содержанія (и притомъ крайне поверхностнымъ) въ многочисленныхъ и разнообразныхъ „Исторіяхъ Русской Словесности“. Издатели Повѣданія и Задовщины ограничиваются, съ своей стороны, нѣсколькими замѣчаніями о времени появленія памятника, пытались опредѣлить притомъ и личность его автора. Но эти замѣчанія дѣлаются какъ бы невзначай, мнѣнія высказываются какъ бы экспромтомъ, въ большинствѣ случаевъ безъ всякихъ доказательствъ.

Снегиревъ пытался опредѣлить и мѣсто происхожденія Повѣданія, но попытки его, какъ увидимъ ниже, не привели ни къ чему. Что же касается до критической работы, работы надъ составомъ текста, сравненія разночтеній и вариантовъ, то ея еще не появлялось до сихъ поръ въ нашей литературѣ; къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ до сихъ поръ даже изданія всѣхъ существующихъ списковъ Повѣданія и Задовщины.

Въ примѣчаніяхъ къ пятому тому своей Исторіи Государства Россійскаго Карамзинъ, указывая источники для изученія Куликовской битвы, дѣлитъ ихъ на два разряда. „Мы имѣемъ“, говоритъ онъ,— „два описанія сей битвы: одно — дѣйствительно историческое и современное, находящееся въ Ростовской и другихъ достовѣрныхъ лѣтописяхъ, а другое, напечатанное съ разными отиѣнами въ Кіевскомъ Синописѣ, и въ Никоновой лѣтописи, — баснословное“. Затѣмъ Карамзинъ въ опроверженіе истинности Повѣданія указываетъ на тѣ, встрѣчающіеся въ немъ, ошибки или анахронизмы, которые были указаны нами при разборѣ лѣтописи Никоновой. „Не говоря о слезочномъ слогѣ, замѣтимъ явную ложь въ сей второй повѣсти“, говоритъ Карамзинъ.— „Тамъ сказано, что Дмитрій, готовясь къ походу, совѣтовался въ Москвѣ съ Кипріяномъ митрополитомъ; что онъ прикладывался къ образу Богоматери, написанному евангелистомъ Лукою, и что въ Донскомъ сраженіи убито восемь или даже пятнадцать¹⁾ князей Вѣлосерскихъ; но Кипріяна еще не было въ Москвѣ, образа, написаннаго Лукою, также, и князь Федоръ Романовичъ Вѣлосерскій, убитый на Дону вмѣстѣ съ сыномъ, не имѣлъ вѣныхъ родственниковъ, кромѣ брата, именемъ Василія, коего сыновья сдѣлались, уже гораздо позднѣе (курсивъ въ подлинникѣ) родоначальниками князей Андомскихъ, Кемскихъ, Вѣлосельскихъ и

¹⁾ По нашимъ спискамъ, двенадцать.

другихъ". При этомъ Карамзинъ ссылается на Родословную Книгу (II, 163). „Впрочемъ", добавляетъ Карамзинъ, — „мы не отвергаемъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, вѣроятныхъ и событочныхъ, въ ней ¹⁾ находящихся: ибо думаемъ, что авторъ ея могъ пользоваться преданіями современниковъ". Изъ послѣднихъ словъ историка видно, что онъ не считалъ составителя Повѣданія современникомъ Куликовской битвы.

С. П. Шевыревъ въ III-мъ томѣ своихъ лекцій по исторіи русской словесности, на оборотъ, высказываетъ мнѣніе, что авторъ Повѣданія былъ современникъ событія ²⁾, хотя доказательствъ, въ строгомъ смыслѣ этого слова, у него нѣтъ. Вотъ каковы соображенія, подкрѣпляющія мнѣніе Шевырева: „О герояхъ побѣды, Дмитрій, не говорится какъ объ умершемъ, что бы, конечно, сдѣлалъ авторъ Повѣданія, если бы князя не было уже въ живыхъ. Слѣдовательно, оно" — заключаетъ Шевыревъ — „написано до 1380 года, то-есть, до года Дмитріевой кончины". Другое доказательство Шевырева еще менѣе состоятельно. Вотъ оно: „Имена главныхъ участниковъ въ битвѣ, равно какъ имена павшихъ въ ней князей и воеводъ, обстоятельно переданыя, особенно ручаются за истину этого мнѣнія". Имена павшихъ князей, какъ мы видѣли въ доказательствѣ Карамзина, менѣе всего могутъ гарантировать принадлежность Повѣданія перу современника Дмитрія, а слѣдовательно, и подтверждать вѣрность предположенія Шевырева.

Возвратимся къ Карамзину, называющему безсмыслицей все содержаніе Повѣданія, не согласное съ Ростовскою лѣтописью, и посмотримъ его дальнѣйшія доказательства того, что Повѣданіе написано не современнымъ событію лицомъ. По Повѣданію, Елдокия взошла въ златоверхій теремъ, между прочимъ, со снохою своею. А между тѣмъ — замѣчаетъ Карамзинъ — у великой княгини въ это время снохи еще не было. Далѣе Карамзинъ основательно замѣчаетъ, что современные лѣтописцы не могли бы назвать, напрямъ, вмѣсто вторника субботу, какъ это дѣлаетъ Повѣданіе, а за нимъ и Никоновская лѣтопись: въ томъ и другой 28-е августа—день прибытія князя на Коломну—названо субботой, тогда какъ въ 1380 году 28-е августа приходилось на вторникъ. Далѣе, вопреки совре-

¹⁾ То-есть, въ сказкѣ, какъ называетъ Карамзинъ Повѣданіе.

²⁾ Ист. Русск. Слов. Шевырева, т. III, стр. 257 и 264.

менному лѣтописцу Повѣданіе говоритъ, что послы Сергіевы вручили князю письмо и хлѣбецъ Богородицы уже передъ самою битвой. Наконецъ, современникъ писатель не могъ назвать Боброка Волынскимъ воеводой, прибывшимъ съ Ольгердовичами, а назвалъ бы его зятемъ великаго князя, такъ какъ этотъ Боброкъ ходилъ въ 1371 году на Олега, а послѣ на болгаръ, и въ описываемое время былъ зятемъ князя Дмитрія ¹⁾. Итакъ, Повѣданіе не могло возникнуть ранѣе XV вѣка, а Карамзинъ даже полагаетъ, что оно „сочинено, можетъ быть, въ исходѣ XV вѣка“.

Теперь обратимъ вниманіе на отношеніе Карамзина къ вымысламъ Повѣданія и вообще къ этому памятнику, который онъ называетъ то сказкой, то басней. Указавъ, на примѣръ, на цифру, характеризующую въ Повѣданіи число убитыхъ и оставшихся въ живыхъ русскихъ, Карамзинъ восклицаетъ: „Какая нелѣпость!“ Самого автора Повѣданія онъ безъ обиняковъ называетъ „глупымъ басенникомъ“.

Такова точка зрѣнія знаменитаго историка при оцѣнкѣ Повѣданія; его не интересуютъ басенные вымыслы, — ихъ въ интересахъ науки слѣдуетъ отвергнуть и самымъ памятникомъ пренебречь. И если Карамзинъ затрогиваетъ вопросы о времени его составленія, о личности автора его, то потому лишь, что въ его время эти вопросы были подняты въ литературѣ. Другими словами, Карамзинъ строго разграничиваетъ область исторіи отъ области народныхъ преданій, признавая лишь историческіе памятники и отвергая чисто-литературныя произведенія.

Иначе отнеситс къ нашему памятнику С. М. Соловьевъ. Указавъ на важность такого событія, какъ Куликовская битва, и отмѣтивъ сказаніе, составившееся по поводу ея и внесенное въ нѣкоторыя лѣтописи, Соловьевъ не называетъ уже „сказкой“ ни это сказаніе, ни другія позднѣйшія, появившіяся именно потому, что „событіе было такъ велико, такъ сильно всѣхъ занимало“. „Съ теченіемъ времени“, говоритъ онъ, — „подробности вѣрныя, переходя изъ устъ въ уста, искажаются; переимѣниваются имена дѣйствующихъ лицъ, порядокъ событій“. При записываніи же этихъ „вѣроятныхъ“ подробностей, являются, разумѣется, новыя искаженія, первоначальное содержаніе варьируется, дополняется или сокращается, по волѣ каждаго

¹⁾ Здѣсь Карамзинъ ссылается на Родословную Книгу, II, 85.

переписчика. Разбирая Слово о великомъ князѣ Дмитріѣ Ивановичѣ по списку Ундольскаго и отмѣчая подражанія въ немъ Слово о Полку Игоревѣ, Соловьевъ указываетъ на выраженіе автора Слова о великомъ князѣ: „потомъ же списалъ жалость и похвалу великому князю Дмитрію Ивановичу и брату его“, и замѣчаетъ, что авторъ этими словами „выражаетъ взглядъ современниковъ на Куликовскую битву, представлявшуюся имъ, съ одной стороны, событіемъ славнымъ, съ другой—бѣдственнымъ, вслѣдствіе страшнаго урона убитыми съ русской стороны“¹⁾.

Итакъ, на взглядъ Соловьева Повѣданіе является далеко не басней, наполненною „глубыми“ размышленіями досужей фантазій; мало того: послѣ разбора трехъ сказаній, Соловьевъ замѣчаетъ: „Таковы источники, которыми долженъ пользоваться историкъ при описаніи Куликовской битвы“, ставя такимъ образомъ Повѣданіе на ряду съ прочимъ историческимъ (то-есть, вполнѣ достовернымъ) матеріаломъ.

Что касается до историко-литературнаго разбора Повѣданія, то таковой находимъ только у Шевырева. Г. Порфирьевъ ограничивается далеко не подробнымъ изложеніемъ содержанія Повѣданія и Задонщины, не затрогивая вовсе вопросовъ, которые могутъ возникнуть при изученіи этихъ произведеній, и приурочиваетъ Повѣданіе къ XIV, а Задонщину къ XV вѣку, не приводя, впрочемъ, никакихъ доказательствъ справедливости своего предположенія. Правда, онъ приводитъ нѣкоторыя мѣста изъ Повѣданія, свидѣтельствующія о вліяніи на это произведеніе Слова о Полку Игоревѣ, и только.

Снегиревъ въ предисловіи къ изданному имъ Повѣданію замѣчаетъ, что „повѣсть эта умильная“ была сочинена, какъ полагаютъ, въ XV вѣкѣ. Кто же это „полагалъ“, кто интересовался вопросомъ о времени написанія Повѣданія, кромѣ Шевырева и Карамзина?

Митрополитъ Евгений²⁾ и Арцибашевъ, основываясь на спискѣ Повѣданія въ собраніи графа Ф. А. Толстаго, приписывали сочиненіе Повѣданія рязанскому іерею Софровію, жившему въ концѣ XV вѣка, и, слѣдовательно, относятъ Повѣданіе къ этому времени.

Бѣляевъ въ предисловіи къ Слово о князѣ Дмитріѣ, которое представляетъ вариантъ Задонщины, опредѣляя время возникновенія этой послѣдней, приурочиваетъ ее къ XV вѣку, а Повѣданіе—XIV,

¹⁾ Исторія Россіи, т. IV, стр. 362, изд. 3-е.

²⁾ Словарь писателей духовнаго чина, II, стр. 225.

на слѣдующихъ соображеніяхъ. Въ спискѣ Ундольскаго писатель говоритъ: „азъ же помяну ризаница Софонія и восхваляю пѣснями гусленными словеса сего великаго князя Дмитрія Нваповича“. „Сочинитель Повѣданія (Софоній) жилъ въ XIV вѣкѣ, а не въ XV“, замѣчаетъ Вѣляевъ—, Имя Софронія іерея и многіе анахронизмы и историческія невѣрности ввели въ заблужденіе на счетъ времени появленія первоначальной редакціи ‘); ихъ не было бы, если бы сочинитель жилъ рано“ (близко къ событію имъ описываемому),— это говоритъ защитники Софронія,—, но изъ свидѣтельства Едомскаго Лѣтописца, на который указываетъ Строевъ, и свидѣтельства этого Слова видно, что авторъ былъ Софоній“. „А если бы Софоній“, продолжаетъ Вѣляевъ,—, жилъ сравнительно съ событіемъ поздно, его бы произведеніе страдало анахронизмами, которые неминуемо перешли бы и въ предлагаемое Слово; но Слово не страдаетъ ни однимъ анахронизмомъ“. Въ своемъ мѣстѣ мы уже указали нѣсколько анахронизмовъ, вошедшихъ въ Повѣданіе и, разумеется, опровергающихъ мысль Вѣляева.

Обратимся къ его дальнѣйшимъ соображеніямъ.

Вотъ какъ доказываетъ Вѣляевъ близость автора Слова къ описываемому имъ событію. Имена гостей почти одинаковы во всѣхъ спискахъ, что свидѣлствуетъ, что писатель жилъ близко къ событію. Если же Сказаніе (Повѣданіе) было составлено въ XIV вѣкѣ, то для Вѣляева ясно, что Слово явилось въ XV вѣкѣ, и притомъ въ началѣ его, такъ какъ съ половины XV вѣка и въ XVI „было много важныхъ событій“, на которыя, по мнѣнію Вѣляева, писателю скорѣе слѣдовало бы обратить вниманіе.

Несостоятельность этого аргумента очевидна до крайности. Неужели набѣгъ Тохтамыша на Москву или фиветивная битва на берегахъ Угры, которую принято считать за моментъ сверженія татарскаго ига, были для русскаго человѣка важнѣе такой колоссальной, и притомъ первой, побѣды надъ Татарами, какъ Куликовская? Развѣ битва, интересовавшая образованныхъ людей послѣдней четверти XVIII вѣка, не могла интересовать русскаго человѣка XVI вѣка? Отвѣтъ ясенъ.

‘) Довольно трудно понять, что Вѣляевъ разуметь подъ Сказаніемъ; то же, что мы, иначе Повѣданіе, или же то, къ которому онъ написалъ предисловіе; первое предположеніе, кажется, вѣрнѣе.

Мы не будем доискиваться причинъ, почему именно хотѣлось Бѣллеву доказать, что Слово принадлежит XV вѣку, а оригиналъ его XIV, хотя, какъ мы уже указали ранѣе, Задонщина находится въ спискахъ XV вѣка, а она ближе всего можетъ быть оригиналомъ Слова.

Чешскій издатель или, вѣрнѣе, переводчикъ Задонщины, Эрбенъ, основываясь на рукописи, изданной архимандритомъ Варлаамомъ, относить ее къ XV вѣку и указываетъ на сходство ея съ Словомъ о Полку Игоревѣ. Онъ, слѣдуя Срезневскому, говоритъ о необходимости сравненія ея не только въ цѣломъ, но и въ отдѣльныхъ подробностяхъ съ Игоревомъ пѣснью, „чтобъ ее можно было объяснить“. Изъ этого сравненія — говоритъ Эрбенъ — ясно, что Задонщина сложена по образцу Игоревой пѣсни. Но почему Задонщина явилась въ XV вѣкѣ, у Эрбена ничего не сказано.

Академикъ Ягичъ, въ своей статьѣ: „О славянской народной поэзіи“¹⁾, задается вопросомъ: какииъ образомъ бралъ составитель Задонщины „образы и фразы“ изъ Слова о Полку Игоревѣ, изъ записаннаго ли Слова, или изъ устнаго преданія, какъ кажется Срезневскому?

„Книжный обликъ Слова и Задонщины“, говоритъ г. Ягичъ, — „дастъ большую вѣроятность первому способу, но если примемъ, что въ старое время было, по крайпей мѣрѣ, нѣсколько былинъ или думъ, въ чемъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, тогда, можетъ быть, что много поэтическихъ образовъ и фразъ переходили посредствомъ заимствованія изъ одной пѣсни въ другую, какъ общенародное достояніе, какъ матеріалъ, болѣе или менѣе неизбежный во всякой былинѣ или думѣ... „Я склоненъ думать“, продолжаетъ г. Ягичъ, — „что авторъ Задонщины имѣлъ именно текстъ Слова передъ глазами, зналъ ли онъ его наизусть, или лежалъ онъ передъ нимъ въ книгѣ“.

Главнѣйшее основаніе для доказательства безусловнаго подражанія автора Задонщины Слову г. Ягичъ находитъ въ упоминаніи перваго Бояна, которому „нѣтъ мѣста въ Задонщинѣ“. Но почему же автору Задонщины, знавшему несомнѣнно Слово, нельзя было сознательно упомянуть Бояна въ качествѣ „соловья стараго времени“? Что же касается времени появленія Задонщины и Повѣданія, то объ этомъ у г. Ягича нѣтъ указаній.

¹⁾ Переведена Задачацкимъ въ Славянскомъ Ежегодникѣ за 1878 годъ.

Другой вопросъ, который ставили изучавшіе Повѣданіе, это вопросъ о томъ, кто былъ авторъ этого произведенія.

Каравзинъ, митрополитъ Евгеній, Арцыбашевъ, основываясь на спискѣ графа О. А. Толстаго, подъ заглавіемъ: „Исторія или повѣсть о нашествіи безбожнаго царя Мамая съ безчисленными агаринами“ и проч., приписываютъ составленіе этого сказанія рязанскому іерею Софронію. П. М. Строевъ называетъ сочинителя Софоніемъ, основываясь на „Едомскомъ Лѣтописцѣ“, писанномъ въ XVII вѣкѣ, въ Архангельскѣ, въ листъ, подъ заглавіемъ: „О нашествіи Мамаевѣ на Русскую землю и брань съ нимъ великая и грозно побойще великому князю Дмитрію Ивановичу. Сказаніе Софонія Іерея Рязанца“. Оно начинается словами: „Сія побѣда и брань на Дону случися, како православнымъ христіаномъ зъ безбожными агаряны“ и проч. ¹⁾. Шевыревъ, опираясь на Слово о великомъ князѣ по списку Ундольскаго, говоритъ, что упоминаніе авторомъ рязанца Софонія, какъ своего предшественника въ прославленіи подвига князей Дмитрія и Владиміра, окончательно утвердило сочиненіе Повѣданія за рязанцемъ Софоніемъ, „впредь до новыхъ открытій“. „Прибавимъ“, говоритъ Шевыревъ,—, что въ мужахъ мысли и слова, къ числу которыхъ принадлежали особенно духовныя лица, мѣстные городовые интересы начали сглаживаться и уступать мѣсто великой, хотя еще не совсѣмъ ясной, идеѣ русскаго государственнаго единства“.

Что Повѣданіе могло быть, да, вѣроятно, и было составлено лицомъ духовнымъ, объ этомъ, кажется, не можетъ быть и спора, если мы примемъ во вниманіе характеръ образованности древней Руси, съ одной стороны, а съ другой—припомнимъ безчисленныя моленія героевъ битвы, молитву великой княгини, постоянное упоминаніе святыхъ, въ день памяти которыхъ совершилось то или другое событие, тотъ или другой эпизодъ похода противъ Мамая. Такое, вполнѣ правильное, знаніе священныхъ вѣдь ли могло быть достоинствомъ мирнина въ періодъ послѣ нашествія татаръ.

Теперь вопросъ въ томъ, былъ ли авторъ Повѣданія—Софоній или Софроній? Снегиревъ, избѣгая категорическаго отвѣта, который въ его время (1838 г.) вѣдь ли и былъ возможенъ, говоритъ: „Но развѣ только Софроній или Софоній былъ переписчикъ или владѣтель, которые обыкновенно поддѣлывали свои имена на рукописяхъ“.

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв., 1834 г., февраль, ст. II, стр. 169.

Чтобы на сколько возможно точнѣе разрѣшить поставленный вопросъ, мы считаемъ необходимымъ прежде всего разграничить представленіе объ авторѣ Повѣданія и представленіе объ авторѣ Слова и Задонщины, какъ о лицахъ разныхъ. Что касается послѣдней, то авторъ ея намъ положительно извѣстенъ,—это Софоній, старецъ рязанскій, чѣмъ явствуется изъ заглавія Задонщины: „Задонщина Софонія, старца рязанскаго“. Это же подтверждается и Словомъ по списку Ундольскаго, въ которомъ авторъ упоминаетъ о Софоніи, какъ о своемъ предшественникѣ.

Но намъ кажется при этомъ, что авторъ Повѣданія былъ вовсе не тотъ же самый Софоній, уже потому, во первыхъ, что всѣ извѣстные намъ списки Повѣданія несомнѣнно позднѣе Задонщины и Слова, изъ которыхъ первая, очевидно, сложена подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ побѣды, тогда какъ анахронизмы, масса подробностей и вставки, несомнѣнно позднѣйшаго происхожденія (напримѣръ, о мужахъ новгородцахъ), указываютъ на болѣе позднее происхожденіе Повѣданія.

Митрополитъ Евгений категорически заявляетъ, что іерей Софоній жилъ въ концѣ XV вѣка, и это нисколько не мѣшаетъ намъ признать его авторомъ Повѣданія. Дѣло въ томъ, что вставка о новгородцахъ, съ особенною любовью трактующая о богатствѣ Великаго Новгородѣ и упоминающая, какъ бы съ сожалѣніемъ, о томъ времени, когда въ Новгородѣ еще не было государя, могла возникнуть именно въ концѣ XV вѣка, то-есть, не ранѣе 1478 года,—года паденія Новгорода. Что же касается, наконецъ, замѣчанія Снегирева о томъ, что „рязанскому іерею было бы несомнѣнно отзываться съ явнымъ негодованіемъ о своихъ землякахъ, называть своего князя: безумнымъ, отступникомъ Христовымъ, Иудею новымъ, Святополкомъ Окаяннымъ и пр.“, то здѣсь можно представить два возраженія, или соображенія. Во первыхъ, поступокъ Олега, его соединеніе съ „идоложрецомъ“ Мамаемъ, возмутило всѣхъ „православныхъ хрестьянъ“ безъ исключенія, вѣроятно, и самихъ рязанцевъ. Русскій православный князь идетъ въ сообществѣ съ „безбожными агаринами“ противъ своихъ родныхъ братьевъ, „православныхъ русскихъ хрестіанъ“. Это ли не посягательство на русскую вѣру и, слѣдовательно, на русскую національность,—понятія въ глазахъ древне-русскихъ людей совершенно тождественныя? Развѣ не аналогиченъ былъ подобный поступокъ для русскаго патріота XV вѣка, затронутаго идеей единства, съ поступкомъ Святополка Окаян-

наго и даже Іуды предателя? Вотторихъ, для всякаго, мало-мальски знакомаго съ древне-русскими памятниками, извѣстно, какой широкой произволъ царилъ среди писцовъ и переписчиковъ, которые, не довольствуясь привычкою „исправлять Бога дѣла“, считали долгомъ пополнить текстъ своими соображеніями и примѣчаніями, сливая ихъ совершенно съ послѣднимъ. Подобною интерполиціей и можно признать брашныя эпитеты противъ Олега, встрѣчающіеся въ нашихъ спискахъ и вошедшіе, можетъ быть, въ нихъ безъ всякаго участія Софронія и позже его.

Не менѣе интересенъ вопросъ о мѣстности, гдѣ, въ какой мѣстности возникло Повѣданіе. Снегиревъ обращаетъ вниманіе на заключительныя слова списка Тимковскаго: „кой градъ глава всѣмъ градомъ, Володимерь и Ростовъ“, и полагаетъ, что на основаніи этихъ словъ слѣдуетъ заключить, что Повѣданіе возникло или въ Ростовской области, или во Владимірской.

Подобное заключеніе, разумѣется, было бы слишкомъ смѣло, еслибъ оно касалось родины Повѣданія вообще, но Снегиревъ, кажется, имѣлъ въ виду опредѣлить только родину списка Тимковскаго. Такое толкованіе словъ Снегирева, кажется, подтверждается еще и тѣмъ, что онъ пытался приурочить и другой списокъ (архивскій № 71, князя Оболенскаго) къ какой-либо мѣстности и нашелъ возможнымъ приписать его Новгороду. Въ этомъ списокѣ (какъ и въ близкомъ къ нему списокѣ профессора Тихонравова) весьма подробно говорится о новгородцахъ, ихъ участіи въ битвѣ, ихъ превосходствѣ надъ другими въ оружіи и доспѣхахъ, ихъ домашнимъ вѣчевомъ устройствѣ, роли посадника и епископа и вспоминается то время, когда новгородцы были безъ государя, были богаты и проч. Такимъ образомъ Снегиревъ съ полнымъ правомъ могъ приурочить Повѣданіе, по крайней мѣрѣ, на основаніи двухъ упоминаемыхъ списковъ, къ области Новгородской, куда не проникли враги, гдѣ не такъ было велико горе народное, какъ въ средней Руси. Да и вообще говори, гдѣ скорѣе могло возникнуть литературное произведеніе въ татарской и послѣ-татарской Руси: на Москвѣ ли, въ центрѣ Руси, гдѣ русскій человѣкъ то угнетался татарами, то отдыхалъ отъ ихъ тяжелыхъ мукъ подъ тяжелой рукой Московскихъ государей-собира-телей, гдѣ его мысли исключительно были направлены на оборону и самозащиту, гдѣ его кругозоръ не шелъ далѣе вѣншихъ и внутреннихъ враговъ, — или же въ Новгородѣ, гдѣ до конца XV вѣка народъ жилъ спокойно, не чувствуя гнета татаръ и не ощущая

давленія тяжелой руки московской, гдѣ русской мысли было довольно простора? Скорѣе, разумѣется, въ Новгородѣ.

Итакъ, высказавъ свои соображенія, мы считаемъ болѣе правильнымъ рѣшить вопросъ о мѣстѣ написанія Повѣданія и Задонщины слѣдующимъ образомъ:

Задонщина написана въ Рязани старцемъ Софоніемъ; въ ней нѣтъ никакихъ нападокъ на рязанцевъ или ихъ князя. Что касается Слова о великомъ князѣ, то оно явилось, если не въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, который въ княженіе Дмитрія Ивановича былъ присоединенъ къ Москвѣ, какъ и все княжескіе Суздальское, то близъ Москвы, гдѣ-нибудь въ предѣлахъ Суздальскаго княжества. Подтвержденіемъ такого мнѣнія можетъ служить—думается намъ—выраженіе Слова: „пойдемъ въ Залѣскую землю“.

Далѣе, Повѣданіе могло возникнуть подъ перомъ какого-нибудь Софронія, бывшаго іерея-рязанца, „отбѣжавшаго отъ скверны міра сего“ куда-либо въ монастырь въ Суздальской или Новгородской области. Подобное предположеніе уясняетъ намъ мотивъ возникновенія вставки „о мужахъ новгородцахъ“, будучи въ то же время вполне правдоподобнымъ.

Очевидно, затѣмъ, что Хроника Славяноруская, а слѣдовательно, и вошедшее въ нее сказаніе, равно какъ и бѣлорусская редакція „Книга“ — южно-русскаго происхожденія, па что указываютъ ихъ лексическія особенности. Далѣе, такъ какъ она подходитъ близко, напримѣръ, къ списку профессора Тихонова¹⁾, отличающійся отъ нея первую главой, то мы можемъ заключить, что она снята съ какого-нибудь списка, до насъ не дошедшаго, можетъ быть, послужившаго оригиналомъ для рукописи профессора Тихонова.

О Ермолаевскомъ и Снегиревскомъ спискахъ владѣлецъ послѣдняго говоритъ: „Оные списки, по видимому, писаны въ Троицкомъ монастырѣ“. Для доказательства своего предположенія Снегиревъ указываетъ на то обстоятельство, что въ этихъ двухъ спискахъ упомянуты пропущенные въ списокъ Тихоноваго походы великаго князя Дмитрія съ братомъ къ преподобному Сергію, къ Троицѣ. Доказательство, очевидно, слабое, почему Снегиревъ и добавилъ слова: „по видимому“, хотя возможное дѣло, что одинъ изъ иноковъ со словъ возвратившихся воиновъ могъ записать эпизоды битвы. Съ дру-

¹⁾ Хроника отличается отъ этого текста лишь тѣмъ, что въ ней не говорится о новгородцахъ.

гой стороны, признавъ мнѣніе Снегирева правильнымъ, придется признать и рукопись профессора Тихонравова, принадлежащую лаврѣ. Какъ же тогда объяснить появленіе вставки о новгородцахъ? Во всякомъ случаѣ, если даже допустить, что нѣкоторые списки Повѣданія возникли въ лаврѣ, то это будетъ свидѣтельствовать лишь въ пользу высказаннаго нами мнѣнія касательно широкаго распространенія Повѣданія въ древней Руси. Въ концѣ концовъ, какую бы мы постановку частныхъ вопросовъ ни дѣлали, главный вопросъ останется не рѣшеннымъ навѣрно: на основаніи имѣющихся данныхъ мы не можемъ представить себѣ тотъ оригиналъ, который послужилъ для извѣстныхъ намъ рукописей. „Трудно, почти не возможно“, говоритъ Шевыревъ, — „добратъ до оригинальнаго текста, какъ онъ былъ первоначально сложенъ“, принявъ во вниманіе „многоразличныя вставки и искаженія всякаго рода“, попадающіяся въ Повѣданіи, въ дошедшихъ до насъ спискахъ. „Рѣдко“, продолжаетъ Шевыревъ, — „встрѣтить можно другой памятникъ народной русской словесности, который бы подвергся такому произвольному искаженію переносчиковъ, какъ это сказаніе. Грамотѣи, переносивъ его, вредили тексту своимъ умничаніемъ, невѣжествомъ и рвѣніемъ не по разуму противъ татаръ“. Последнее замѣчаніе покойнаго ученаго особенно справедливо.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о памятникѣ, находящемся обыкновенно въ рукописяхъ вслѣдъ за Повѣданіемъ, именно: Слово о житіи и прѣставленіи великаго князя Дмитрія Ивановича, царя Русскаго.

Это просто панегирикъ великому князю, описывающій его похвальныя качества съ того времени, когда князь „еще младъ сѣи возрастомъ“. Помѣщеніе этого произведенія, возникшаго, очевидно, послѣ смерти великаго князя (такъ какъ здѣсь авторъ говоритъ, что у него отъ скорби „языкъ связывается, уста заграждаются, гортань премокаетъ, смыслъ измѣняется“ и т. д.) не доказываетъ ли, что Повѣданіе написано не сейчасъ послѣ битвы, а черезъ нѣсколько лѣтъ, не ранѣе, во всякомъ случаѣ, кончины великаго князя?

Въ заключеніе нашего исслѣдованія получаютъ нижеслѣдующіе выводы:

I. Оригиналъ Повѣданія или Сказанія утраченъ, что явствуетъ изъ сравненія вариантовъ. Изъ дошедшихъ до насъ рукописей ни одна не можетъ быть признана первоначальной редакціей нашего произведенія.

II. Изъ возможно подробнаго сравненія Повѣданія или Сказанія и особливо Задонщины со Словомъ о Полку Игоревѣ явствуетъ, что авторы, какъ перваго, такъ и втораго произведенія, руководились Словомъ о Полку Игоревѣ, знали ли они его по памяти или имѣли подъ руками въ рукописи.

III. Существовали двѣ отдѣльныя редакціи нашего произведенія: одна послужила оригиналомъ для дошедшихъ до насъ списковъ Повѣданія или Сказанія, другая—для списателя Задонщины, что видно изъ отсутствія сходства между Повѣданіемъ или Сказаніемъ и Задонщиной.

IV. Ни одна изъ извѣстныхъ намъ рукописей (и даже утраченный оригиналъ) не можетъ быть отнесена къ XIV вѣку, такъ какъ доводы въ пользу признанія автора очевидцемъ событія шатки, и на оборотъ, есть прочныя указанія на то, что и Задонщина, и Повѣданіе или Сказаніе составлены не ранѣе XV вѣка и даже въ концѣ его.

V. Изъ этого положенія вытекаетъ другое: первоначальная (по составу) редакція, изданная архимандритомъ Варлаамомъ, должна быть отнесена къ XV вѣку.

VI. Мѣста возникновенія различныхъ списковъ изучаемыхъ произведеній: сѣверъ Россіи (Новгородская область), юго-западъ (Вѣлоруссія или Кіевъ) и область Московско-Суздальская.

VII. Пользовавшееся громадною популярностію въ древней Руси (что видно изъ множества списковъ и вариантовъ) Повѣданіе или Сказаніе оказало вліяніе на позднѣйшую историческую литературу, войдя въ Никоновскую лѣтопись и Синописецъ.

VIII. Наконецъ, литература, имѣющая предметомъ изучаемыя произведенія, крайне скудна и вовсе не соотвѣтствуетъ тому нитересу, который вызывается содержаніемъ памятниковъ и ихъ популярностію въ древней Руси.

С. Тимошевъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

(Изъ рукописи О. И. Вуслаева; Кроника словано рѣскаа).

Ѡ пораждѣ велико^а московско^а на^а татарамѣ.

Року аѳоа Кгды татаре и црѣве ихъ в^анутрѣными вѣнами почали забиватися и мордовати сами межѣ собою Ѡраспѣлса имъ дмитри^а великий кнѣзь московски^а бо гды мама^а темнакъ црѣ татарски^а подбѣ татаровѣ иппѣихъ которые зипитъ воеватися по^а свою плѣть заразѣ посылаетъ дмитриѣа великого кнѣза московского оупомпнаючиса году и дани дѣте^а ста тысачи^а хлопцовъ такъ тежъ и гроше^а мѣлиона за в^асѣ роки почавши Ѡ батѣа ата^а мама^а посла^а великие ѡрды на него которы^а помощію бжѣею на^а главѣ князь дмитри^а вѣсѣхъ поразилъ разгнѣваша теды мама^а нанего велѣми на третѣе лѣто рокѣ аѳог забралъ многое множество татарского вѣска хотачи итѣтиса того бою на^амитриемѣ кнѣземѣ московски^а але всю силѣ его дмитри^а также болнѣ пѣжъ на миль іі трѣлѣ лежало татарского. та^а зобравши лю^а мама^а тагнѣ^а на хрѣтианство хотачи ѣго Ѡнюдѣ икоренити и выпѣбити учинши то кнѣзь дмитри^а московски^а послалъ совѣ^а іѣбы вивѣдалиса Ѡ томѣ всемѣ и ако скоро рѣшѣтиса мамай з^а землѣ своей абы ѣму давали що прѣдше Ѡ томѣ знати.

Ѡ извѣщенію великомѣ князю дмитриѣю ако мамавѣ идетъ воевати рѣ^а.

Великий блговѣрныи князь и црѣ московски^а учѣвши же идетъ на него црѣ татарски^а мама^а зѣ пойскомѣ великимѣ на хрѣтианѣ рев^анбючи батѣени нечѣстивомѣ продкови своемѣ...

[Далѣе сходно съ вѣвѣстными намѣ рукописями Повѣданіа].

С. Т.

ЧТО МЫ ЗНАЕМЪ ДОСТОВѢРНАГО О ЛИЧНЫХЪ БОЖЕСТВАХЪ СЛАВЯНЪ.

Первое по времени, несомнѣнное свидѣтельство о божествахъ славянъ принадлежитъ Прокопію (VI в.), знавшему славянъ южныхъ. Въ 14-й главѣ III-й книги его Готской войны мы читаемъ: „Единого бога, творца молніи, властителя всей этой вселенной одного только признають... Судьбы совсѣмъ не признають и не приписываютъ ей силы надъ смертными... Кромѣ того, рѣки почитаютъ и нимфы и нѣкоторымъ другія божества, которымъ всѣмъ служатъ и во время жертвоприношеній гадаютъ“. Тутъ же говоритъ онъ, что богу, творцу молніи, славяне приносятъ въ жертву быковъ и пр., и отправляясь на войну или приступая къ другому опасному дѣлу, даютъ ему обѣты, стараются его умилостивить, изъ чего Прокопій и заключаетъ, что они въ судьбу не вѣруютъ.

Изъ этого явствуетъ, во первыхъ, что съ точки зрѣнія грека, не забывшаго о своемъ Олимпѣ, славяне одного бога высоко ставили надъ другими, и что этотъ безымянный у Прокопія богъ носилъ грозовой характеръ (если только при ближайшей классификаціи его у грека не носился въ воображеніи Зевсъ Громовержець); во вторыхъ, что славяне признавали божества водныя; свидѣнія довольно скудныя, но удачно сходящіяся съ тѣмъ первенствующимъ значеніемъ, которое, по словамъ начальной лѣтописи, впоследствии у нашихъ предковъ занималъ Перунъ, и съ весьма распространенною вѣрой въ русалокъ. Наши русалки, строго говоря, не суть нимфы рѣкъ, но могутъ происходить отъ нихъ, не безъ примѣси, конечно, повдѣвшихъ наслоеній.

Изъ латинскихъ хронистовъ, сообщившихъ намъ свѣдѣнія о божествахъ западныхъ славянъ, старше другихъ Дитмаръ († 1018 г.), епископъ Мерзебургскій, лѣтописецъ вообще правдивый, но перѣдко впадающій въ ошибки между прочимъ по недостаточному знанію славянскаго языка. Въ VI-й книгѣ, которую онъ началъ писать еще въ 1012 г., упоминая въ 16-й главѣ о томъ, что къ войску присоединились лужичане, слѣдуя за предпосылами имъ богами, онъ съ рѣзко выраженнымъ отвращеніемъ къ идолопоклонству говоритъ, въ гл. 17-й, о ихъ религіи слѣдующее: „Въ области редарей (въ восточной части Мекленбургъ-Стрелица) есть городъ, по имени Редегость (Redegost, var. riedegast), трехугольный и съ тремя воротами, окруженный со всѣхъ сторонъ великимъ лѣсомъ, который жители имѣютъ въ почетѣ и не трогаютъ. Двое воротъ открыты всѣмъ входящимъ: третьи же, которыя обращены къ морю (sic) и очень не велики, представляютъ путь къ морю, лежащему по близости и очень страшному на видѣ. Въ нихъ нѣтъ ничего, кромѣ святилища, искусно выстроенаго изъ дерева, которое нѣ основаніи поддерживается рогами разныхъ животныхъ. Его паружныя стѣны украшаютъ различныя изображенія боговъ и богинь, удивительно вырѣзанныя, какъ это видно на глазъ (ut serpentibus videtur); внутри же стоятъ рукою сдѣланные боги съ вырѣзанными для каждаго именами (singulis nominibus insculptis), въ шлемы и латы страшно одѣтые, изъ которыхъ первый Свагасичъ (Zuagasic) называется и передъ прочими всѣми язычниками почитается и уважается. Также знамена отсюда никуда не трогаются, развѣ когда какія нужны для похода, и тогда ихъ несутъ пѣхотишцы. Для того, чтобы старательно хронить (все) это, специально выбраны жителями служители, которые, когда сходятся сюда, чтобы приносить жертву идоламъ или успокоивать ихъ гнѣвъ, только одни сидятъ, между тѣмъ какъ прочіе всѣ стоятъ и, между собою тайно перешептываясь, съ трепетомъ роютъ ямки нѣ зомлѣ, чтобы, бросивъ туда жребіи, узнать правду въ сомнительныхъ случаяхъ. Кончивъ это и покрывъ ихъ зеленымъ деревомъ, выводятъ лошадь, самую большую и почитаемую между ними священною, и съ смиреннымъ моленіемъ ведутъ ее надъ воткнутыми въ землю остриями двухъ копій, между собою перекрещивающихся, и послѣ жеребьевъ, которыми прежде узнавали дѣло, такимъ образомъ снова гадаютъ черезъ якобы божественнаго коня. И если въ обѣихъ этихъ вещахъ явится благопріятный знакъ, дѣло исполняется; если нѣтъ, печальные народы совсѣмъ это оставляютъ. Также свидѣтель-

ствуешь древность, различнымъ заблужденіемъ подверженна, что если когда-нибудь имъ угрожаетъ жестокое бѣдствіе долгаго возмущенія, изъ вышеуказаннаго моря выходитъ великій кабанъ съ сверкающими изъ пѣвы бѣлыми клыкомъ и съ страшнымъ сотрясеніемъ являетъ многимъ себя тиной насладившагося".

Вышеприведенное свидѣтельство Дитмара одно изъ самыхъ положительныхъ и самыхъ важныхъ указаній для культа и мифологіи балтійскихъ славянъ; но вѣрить каждому его слову, принимать его безъ всякой критики, какъ свидѣтельство очевидца и близкаго знатока дѣла, мы не имѣемъ ни малѣйшаго права. Дитмаръ самъ въ описываемомъ святилищѣ не былъ; не былъ онъ, и по близости его и говорить о немъ со словъ какого-нибудь странника — христіанина или миссіонера, который относился къ славянскому язычеству съ такимъ же омерзевіемъ, какъ и самъ Дитмаръ. Имя города онъ, конечно, передалъ не вѣрно, смѣшалъ съ нимъ имя одного изъ боговъ. Послѣ такого прецедента, мы разумѣется должны смотрѣть и на описаніе города скорѣе какъ на продуктъ фантазіи разказчика, чѣмъ какъ на воспроизведеніе дѣйствительности. Святилище, построенное на рогахъ животныхъ, тоже надо принимать *cum grano salis*; но нѣтъ сомнѣнія, что въ этихъ рогахъ должна быть фактическая основа, также какъ и въ скульптурныхъ изображеніяхъ на стѣнахъ и въ статуяхъ боговъ. Въ то, чтобы на подножіяхъ этихъ статуй были вырѣзаны имена боговъ, я положительно не вѣрю, такъ какъ не могу себѣ представить языческаго капища въ видѣ какого-то музея для поученія юношества. Способы гаданія описаны картинно, но нѣсколько смутно, такъ какъ смутно представлялись они и самому автору. Разумѣется, имъ описано не все существенное, можетъ быть, даже ничего существеннаго, а только одна-двѣ сцены, случайно видѣнныя странникомъ. Еще болѣе смутно и въ видѣ глоссы, хотя и вынесенной самимъ авторомъ, представляется сказаніе о какомъ-то кабанѣ, выходящемъ изъ моря, относящееся не извѣстно къ какому времени. Несомнѣнно имя Сваражича или Сварожича, подкрѣпленное, какъ извѣстно, и литературными памятниками славянъ восточныхъ. Это то имя съ указаніемъ на существованіе идоловъ, въ видѣ вооруженныхъ людей, на жрецовъ и гаданія различнаго рода, между прочимъ, посредствомъ коня, вся наша неоспоримая добыча, да и то еще идолами могли представиться разказчику статуи, поставленныя въ память умершихъ вождей славянскихъ.

Ближе всего и по времени и по предмету описанія извѣстное часть сскл, отд. 2.

мѣсто изъ Адама Временскаго (около 1070 г.), которое приводитъ въ буквальный переводъ: „Между ними (славянами) средіе и изъ всѣхъ могущественнѣйшіе суть ретриане (Retharii); городъ ихъ знаменитѣйшая Ретра, мѣстопребываніе идолослуженія; тамъ великій храмъ построенъ демонамъ, изъ которыхъ главнѣйшій Редигасть; изображеніе его сдѣлано изъ золота, ложе—изъ пурпура. Городъ самый имѣетъ девять воротъ и со всѣхъ сторонъ запертъ глубокимъ озеромъ. Деревянный мостъ служитъ для входа, но черезъ него пускаютъ только приносящихъ жертву и просищихъ отъѣтовъ. Говорятъ, къ этому храму отъ города Хамабурга можно пройти въ четыре дня“.

Несомнѣнно, что и адѣсь мы имѣемъ дѣло не съ свидѣтельствомъ очевидца, а со слухомъ. Такъ какъ въ этомъ пунктѣ нельзя подовѣривать заимствованія у Дитмара, то изъ обоихъ свидѣтельствъ мы можемъ добыть почти несомнѣнную истину: важное значеніе святилища ретрскаго, лежащаго на чемъ-то въ родѣ острова, существованіе идоловъ (то-есть, скульптурныхъ изображеній), боговъ или героевъ — навѣрно не извѣстно, гаданія и, наконецъ, имя Редигаста или Редигоста; сколько воротъ вело къ святилищу, трое ли, какъ говоритъ Дитмаръ, или девять, какъ говоритъ Адамъ, лежало ли оно при озерѣ или при морѣ, изъ этихъ свидѣтельствъ мы узнать не можемъ; золотой истуканъ едва ли не есть проявленіе эническаго оптимизма автора; на чтѣ истукану понадобилось ложе — уразумѣть нѣтъ возможности.

Возвращаясь къ Дитмару Мерзебургскому; въ 47-й главѣ VII-й книги онъ упоминаетъ о безименной богинѣ лютничей, изображеніе которой, находившееся на знаменахъ (in vexillis formata), было оскорблено однимъ нѣмцемъ, за чтѣ императоръ и долженъ былъ заплатить 12 талантовъ, и затѣмъ въ 50-й главѣ той же книги находится вставленное въ видѣ глоссы (какъ выше разказъ о кабанѣ) извѣстное свидѣтельство о палькѣ съ рукою, держащей кольцо, о малой доказательности и разнообразныхъ толкованіяхъ котораго я говорилъ въ другомъ мѣстѣ (Св. Георгій, стр. 154 и 155).

Перехожу къ хроникѣ Гельмольда (M. G. SS. XXI), которая даетъ наиболѣе матеріала, но къ сообщеніямъ которой, послѣ критики Циррена, надо по неволѣ относиться съ крайнею осторожностью. Гельмольдъ (I, 3) буквально выписываетъ изъ Адама объ устройствѣ святилища ретрскаго и объ идолахъ Редигаста или Редигоста; въ главѣ 21-й онъ пользуется тѣмъ же заимствованіемъ; въ главѣ 23-й изъ того

же Адама (III, 49) беретъ указаніе на принесеніе въ жертву Редигасту головы епископа Іоанна и наконецъ въ главѣ 52-й онъ, противорѣча самъ себѣ, поминаетъ его же какъ важнѣйшаго бога оботритовъ. Короче сказать, этотъ первоисточникъ не можетъ сказать ровно ничего о томъ святилищѣ и о томъ божествѣ, которыя, на основаніи словъ его предшественниковъ, признаются главнымъ фактомъ культа славянъ прибалтійскихъ.

Въ той же главѣ 52-й и нѣсколько ниже, въ главѣ 88-й онъ показываетъ наши сужденія слѣдующими новыми данными:

„Въ эти дни по всей славянской землѣ имѣло силу многообразное чествованіе идоловъ и заблужденіе суевѣрій. Ибо, кромѣ рощъ и пенатовъ, которыми изобиловали поля и города, первыми и главными были: Ргове (вар. Ргопе), богъ Альденбургской земли, Siwa (вар. Суппа), богиня полабовъ, и Радигастъ, богъ земли оботритовъ. Имъ посвящены жрецы, воздѣишіи жертвоприношеній и многообразный религіозный культъ. Далѣе (рогго) жрецъ по указанію жеребьевъ возвѣщаетъ празднества, посвящаемыя богамъ: сходятся мужи и жены съ дѣтьми и приносятъ богамъ своимъ жертвы изъ быковъ и овецъ, а многіе и изъ людей христіанскихъ, кровью которыхъ, по ихъ словамъ, боги ихъ увеселяются. Убивъ жертву, жрецъ отгѣдываетъ крови ея, чтобы быть воспримчивѣе къ оракуламъ. Ибо, по мнѣнію многихъ, демоны легче вызываются кровью (*nam demonia sanguine facilius invitari multorum opinio est*). Завершивъ по обычаю жертвоприношенія, народъ обращается къ пирамъ и ликованіямъ. Есть у славянъ удивительное заблужденіе: на пирахъ и попойкахъ своихъ они обносятъ чашу, на которую они относятъ слова, не скажу—благословенія, но проклятія, во имя боговъ добраго и злаго, признавая, что счастье зависитъ отъ добраго бога, несчастье—отъ злаго. Поэтому (*unde, var. inde*) также они злаго бога на своемъ языкѣ называютъ Діаволъ или Чернобогъ, то-есть, черный богъ. А между многообразными божествами славянъ выдается Свагтевитъ (*Zwantevit*), богъ земли ругіевъ, какъ наиболѣе правдивый въ отвѣтахъ; въ сравненіи съ нимъ прочіихъ считаютъ какъ бы полубогами, вслѣдствіе чего для особеннаго чествованія ежегодно приняли обыкновеніе приносить ему въ жертву человѣка-христіанина, котораго уазывалъ жребій. Также и изъ всѣхъ провинцій славянскихъ туда пересылали установленныя суммы для жертвоприношеній“.

Въ главѣ 83-й Гельмольдъ почти повторяетъ свою фразу объ „*multiplex idolatriae modus*“, разъясняя, что Ргоус, богъ альденбургскій,

не имѣлъ изображеній, но ему были посвящены дубы, обнесенные загородкой съ двумя входами (такіе дубы Гельмольдъ видѣлъ своими глазами и въ разрушеніи одного такого святилища принималъ участіе), разъясняетъ съ своей точки зрѣнія систему славянской мнѳологіи: единый высшій богъ завѣдуетъ небесами; божества частныя, отъ него происшедшія, ему повинуются, и изъ нихъ тотъ важнѣе, кто ближе къ этому богу боговъ; эти частныя божества завѣдуютъ полями, лѣсами, печальми и радостями; говоритъ, что многіе боги изображались съ двумя, тремя и даже болѣе головами, и называетъ новое для насъ имя бога *Pluvense ydolum, cui nomen Podaga*. Кромѣ того, въ главѣ 69-й Гельмольдъ еще разъ называетъ Прова альденбургскаго.

Наконѣцъ, въ 12-й главѣ II-й книги Гельмольдъ разказываетъ, какъ Вольдемаръ Датскій разграбилъ святилище рюгенское и уничтожилъ идола Сватовита; при этомъ онъ повторяетъ уже намѣченное имъ выше (I, 6) сказаніе (*tenues fatam*), что поклоненіе Сватовиту вышло изъ введеннаго здѣсь при Людовикѣ Благочестивомъ христіанства и специально изъ культа св. мученика Вита; онъ слова говорить о всеобщемъ уваженіи къ Сватовиту, котораго другіе славяне считаютъ богомъ боговъ.

Оставимъ пока въ сторонѣ Сватовита, такъ какъ о немъ придется говорить по поводу данныхъ, сообщаемыхъ Саксономъ, и посмотримъ, что достовѣрнаго сообщаетъ Гельмольдъ въ другихъ случаяхъ. Несомнѣнно имя Прове или Провена, бога альденбургскаго, съ святилищемъ котораго авторъ исходилъ, такъ-сказать, въ непосредственныя сношенія, что впрочемъ не могло помѣшать ему слегка исказить это имя. Имена богини Сивы и божества неизвѣстнаго пола Подаги, за неимѣніемъ подтвержденій, надо оставить пока на отвѣтственности Гельмольда. Его опытъ системы славянской мнѳологіи съ единымъ богомъ небеснымъ, родоначальникомъ всѣхъ божествъ, пиконимъ образомъ не принадлежитъ къ числу фактовъ достовѣрныхъ, потому что это мѣсто 83-й главы находится въ прямомъ противорѣчій съ главою 52-ю, какъ съ тѣмъ ея мѣстомъ, гдѣ *Prove* и др. называются *primi et praecipui*, такъ и съ эпизодомъ о добромъ богѣ и зломъ богѣ.

Г. Фаминцынъ, въ своемъ выпедшемъ недавно сочиненіи: „Религія древнихъ Славянъ“, считаетъ, по видимому, неподлежащимъ сомнѣнію и спору, что этотъ *unus deus* не былъ безыменнымъ для Гельмольда и его источника, а что подъ нимъ разумѣлся Сватовитъ, который

ниже названъ *deus deorum*. Для меня это совсѣмъ не такъ ясно или, точнѣе сказать, ясно нѣчто, совершенно обратное, а именно, что Гельмольдъ, излагая свою систему мнелогіи въ главѣ 83-й совсѣмъ забылъ, что говорилъ онъ о Святovitѣ въ главѣ 52-й. Точно также въ то время, когда во II-й книгѣ онъ называлъ Святовита *deus deorum*, онъ совершенно упустилъ изъ виду небеснаго бога, родоначальника боговъ. Въ противномъ случаѣ, что помѣшало бы ему не вставить имя Святовита въ 83-й главѣ или упомянуть о его родственныхъ отношеніяхъ къ другимъ богамъ въ главѣ 52-й или во II-й книгѣ? Онъ не сдѣлалъ этого, такъ какъ въ его собственной головѣ не мирились эти двѣ системы; онъ не мирился и на самомъ дѣлѣ. Кромѣ того, характеризуя единаго бога, онъ прямо и ясно говорить, что онъ ни о чемъ, кромѣ небеснаго, не заботится (*caelestia tantum curat*), а всѣ дѣла земныя предоставляетъ другимъ богамъ; между тѣмъ о Святovitѣ онъ столь же прямо и ясно говоритъ, что онъ пользовался особымъ почитаніемъ за свою правдивость въ отвѣтахъ; слѣдовательно, это было божество, особенно близко стоящее къ людямъ.

На явной вставкѣ о возліаніяхъ въ честь добраго и злаго боговъ ровно ничего нельзя основывать, то-есть, ничего такого, что послужило бы для уясненія строгоязыческаго міросозерцанія славянъ; тѣмъ менѣе можно строить на имени Чернобога систему языческаго дуализма, сочиняя, въ противоположность этому Чернобогу, Вѣлбога-Агурамазду. Гельмольдъ, своимъ курьезнымъ выраженіемъ: *sua lingua Diabol*, ясно выдаетъ двоевѣрную путаницу понятій прибалтійскихъ славянъ той мѣстности, гдѣ существовалъ такой обычай, если только онъ существовалъ еще.

Нельзя не сопоставить этого мѣста Гельмольда съ известными разказами нашей лѣтописи о сѣверныхъ волхвахъ, которые, будто бы, сами характеризовали своихъ боговъ какъ христіанскихъ дѣволовъ или налагали космогоническую систему по ученію „болгарскихъ клигъ“ (Богъ мывся въ мовнищѣ и проч.). Я полагаю, что лѣтопись не безусловно клеветаетъ на этихъ волхвовъ, что дѣйствительно былъ болѣе или менѣе продолжительный періодъ такого двоевѣрія, когда въ сознаніи горячихъ сторонниковъ старой религіи ея олицетворенія отождествлялись съ христіанскими бѣсами, о чемъ, какъ известно, дѣятельно хлопотали и сторонники новой вѣры. Я полагаю, кромѣ того, что именно въ этотъ періодъ двоевѣрныя теоріи богомилловъ, происшедшія изъ гностицизма, находили

себѣ особенно благодарную почву. Мнѣ думается, что это иначе и быть не могло: христіанскіе проповѣдники увѣрають народъ, что его боги—бѣсы (существованіе ихъ они не отрицають); христіанскій культъ входитъ въ это сравнительно позднее время со всѣми своими художественными атрибутами, между прочимъ, съ изображеніемъ бѣсовъ. Христіанскія идеи входятъ волей-неволей въ невѣжественную массу въ томъ видѣ, въ какомъ она способна ихъ понимать. Борьба, совершающаяся на верху между религіями государственною и народною, представляется массѣ въ видѣ борьбы двухъ началъ, при чемъ съ понятіемъ о зломъ началѣ эта масса не соединяетъ такой опредѣленно злой идеи, какая является въ послѣдствіи, подобно тому, какъ масса народа до сихъ поръ съ понятіемъ о преступленіи и преступникѣ не соединяетъ понятія о чемъ-то отталкивающемъ и гнусномъ. Сторонники старой религіи (волхвы), невольно примѣняясь къ входящимъ въ моду понятіямъ и невольно подчиняясь (въ особенности въ томъ случаѣ, если старая религія была перазвита) художественнымъ представленіямъ, внесеннымъ новою религіей, сами отождествляютъ, хотя, можетъ быть, и не такъ ясно, какъ это представляется монахамъ-лѣтописцамъ, предметы своего поклоненія съ бѣсами, живущими въ безднѣ. Въ такой-то періодъ — онъ можетъ и даже долженъ быть очень продолжителенъ — „болгарскіи басни“ о двухъ началахъ и о двухъ природахъ въ чедовѣкѣ распространяются съ изумительною быстротою и проникаютъ замѣчательно глубоко въ народъ. Извѣстно, что „Святокъ божественныхъ книгъ“ (онъ стоитъ въ литературной связи съ бугумильскою Іоанновою книгой, которая составлена на основаніи одного апокрифическаго Апокалипсиса; см. Порфирьевъ, Апокрифы, стр. 129) породилъ массу народныхъ сказаній, встрѣчаемыхъ отъ Галиціи до Заонѣжья, даже до страны Черемисовъ, гдѣ Юмъ и Кереметь являютъ родными братьями; извѣстно, что это литературное преданіе (какое сильное доказательство въ пользу теоріи литературнаго заимствованія!) прилипаетъ въ карпатскія колядки, гдѣ гоголь-дѣволъ и Богъ обращаются въ двухъ голубей; извѣстно, что дѣволъ отождествляется въ южно-славянскихъ земляхъ съ историческимъ лицомъ—Діоклетіаномъ (Дукляномъ), въ которомъ только крайнее увлеченіе (см. статью Квашнина-Самарина въ Вестнѣдѣ 1872 г., т. IV, стр. 225; Авапасьева, Поэт. Возвр. II, 604) можетъ видѣть что-либо праарійское. Почти въ каждомъ большомъ сборникѣ народныхъ сказаній, гдѣ будетъ даво мѣсто космогоническимъ преданіямъ, въ той или другой формѣ вынырнетъ Іоаннова

книга. Въ I-мъ томѣ Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ юго-западный край мы находимъ цѣлый рядъ такихъ сказаній, болѣе или менѣе удаленныхъ отъ оригинала (см. стр. 35, 142, и др.); въ Памятной Книжкѣ Смоленской губерніи за 1859 г., стр. 124 и сл., мы читаемъ: „Сотвореніе міра представляется драматически въ видѣ борьбы добраго верховнаго существа съ злымъ... Доброе существо назначило для земли ровную поверхность, но злое, гдѣ только могло, избороздило ее оврагами и набросало горъ“ и т. д. Начало такого двоенѣрнаго періода у славянъ прибалтійскихъ я вижу и въ вышеприведенномъ указаніи Гельмольда на подниманіе чаши въ честь добраго бога, то-есть, Бога христіанскаго, и діавола, которому по цѣлѣту его изобразеній даютъ названіе Чернубога.

Послѣ этой вставки Гельмольдъ переходитъ къ Святовиту, какъ будто продолжая помѣщенную въ началѣ главы фразу о многоразличномъ видѣ идолопоклонства; по моему мнѣнію, это ясно доказываетъ, что эта пресловутая глава составлена изъ кусочковъ, плохо связанныхъ между собою, и что къ пей нельзя относиться, какъ къ источнику *Götterlehre*, составленному компетентнымъ и внимательнымъ въ дѣло лицомъ.

Готовность, которую Гельмольдъ проявляетъ въ главѣ 83-й, описывать обстоятельно то, что онъ видѣлъ своими собственными глазами, по видимому, доказываетъ, что слова его о многоголовыхъ изображеніяхъ божествъ славянскихъ основаны на чужихъ разказахъ. Прежде, чѣмъ идти дальше, считая нужнымъ сказать два слова о Радсгастѣ, съ сложнымъ именемъ котораго самые смѣлые миеологи не знаютъ что дѣлать. Хотя увѣреніе Костомарова (Миеол. стр. 6), будто Гельмольдъ называетъ его обоготвореннымъ героемъ, основано на ошибкѣ: покойный историкъ принялъ слова комментатора XVII вѣка за слова автора; тѣмъ не менѣе я считалъ бы возможнымъ видѣть въ немъ не бога, а славнаго подвижника витява. Миеологическая теорія, которую всѣхъ ясиѣ формулировалъ Спенсеръ (Основанія соціологіи, т. I), вовсе не такъ нелицпа, чтобы изслѣдователи миеологіи имѣли право обходить ее презрительнымъ молчаніемъ; она основана на массѣ фактовъ, которые обязательны для насъ не менѣе, чѣмъ гимны Ригведы и Авесты. Не должно насъ смущать, что эта теорія такъ похожа на наивный эвгемеризмъ миеологовъ XVII и XVIII вѣковъ: мало ли случаевъ, гдѣ наукѣ приходится возвращаться къ забытому и воскрешать, разумѣется, въ новой формѣ взгляды, давно сданные въ архивъ? Если же эта теорія можетъ быть примѣнима ко многимъ (ни-

какъ не ко всѣмъ) разрядамъ мифологическихъ фактовъ, то она должна быть особенно умѣстна въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ религіей недоразвитою и уже развитою обращеніемъ, заповѣданіемъ, вліяніемъ высшей цивилизаціи, но начавшею новую жизнь подъ вліяніемъ патриотическаго одушевленія.

Переходимъ къ Саксону Грамматикѣ, пользованіе II-ю частью котораго, какъ извѣстно, нѣсколько затруднено отсутствіемъ новѣйшаго критическаго изданія и обслѣдованія его источниковъ. Въ XIV-й книгѣ (по изданію Müller и Velschow, стр. 661) онъ разказываетъ, что при Эрихѣ III датчане напали на Аркону и принудили ее къ сдачѣ. Выло—говоритъ онъ—въ главномъ городѣ изображеніе, обожаемое гражданами и прославленное частными служеніями (officiis), намѣченное должнымъ именемъ священнаго Вита (falso sacri Viti vocabulo insignitum); это изображеніе осталось въ рукахъ у арконцевъ, и когда датчане уѣхали, славяне прогнали поставленнаго надъ ними священника и снова вернулись къ прелести идолослуженія.

Здѣсь къ свидѣніямъ, сообщеннымъ нами Гельмольдомъ, не прибавлено ровно ничего, кромѣ имени Арконы: то же указаніе на происхожденіе Слытонита отъ слытаго Вита и то же свидѣтельство о популярности его святилища между окрестными народами. Если считать, что отождествленіе мученика Вита и славянскаго бога есть неудачный домыслъ хрониста, почти необходимо допустить, что Саксонъ въ этотъ мѣстѣ имѣлъ передъ собою книгу Гельмольда или ту книгу, изъ которой послѣдній списывалъ. Что же касается до Арконы, то издатели совершенно вѣрно считаютъ ее не городомъ, а крѣпостью, рядомъ строеній, которыя въ мирное время почти не были заселены.

Ниже, въ той же XIV-й книгѣ (стр. 821), говоря о нападеніи короля Вольдемара на Аркону, Саксонъ подробнѣе описываетъ храмъ и изображеніе Святовита: Внѣшнія стѣны храма были разрисованы; „въ пещь стояло огромное изображеніе, превосходящее величиной всякую фигуру человѣческую, внушающее удивленіе четырьмя головами и столькими же шеями, изъ которыхъ двѣ, казалось, смотрѣли на грудь, а двѣ на спину“. Волосы и бороды были сдѣланы у истукана такъ, какъ ихъ носятъ на Рюгенѣ; въ правой рукѣ держалъ онъ рогъ, служившій для гаданія; лѣвая упиралась въ бокъ; онъ былъ покрытъ туникой, искусно сдѣланною изъ дерева; ноги стояли на самомъ полу. По близости находились принадлежащія ему узда, сѣдло, знамена и огромный мечъ. Однажды въ годъ, послѣ сбора плодовъ, всѣ жители

острова собирались къ святилищу для отпраздненія торжественнаго праздническа. Жрецъ, отличавшійся длиною волосъ и бороды, накануне чистилъ съ метлою въ рукахъ (*adhbito scoraqum usu*) святилище (*sacellum*), въ которое никто, кромѣ его, не имѣлъ доступа, и при этомъ старался не дышать, чтобы дыханіемъ человѣческимъ не осквернить божества, а когда надо было ему передохнуть, выходилъ вонъ. На другой день, въ присутствіи народа онъ смотрѣлъ, убило ли что-нибудь изъ рога, находившагося въ рукахъ идола (убыль считалась признакомъ неурожая), и давалъ соответственныя приказанія или пользоваться свободно плодами трудовъ или быть разчетлигѣе въ ихъ употребленіи. Потомъ онъ выливалъ старое вино изъ рога къ ногамъ идола, наполнялъ его виномъ новымъ, выпивалъ его сразу въ честь бога и во благо отечеству и согражданамъ, снова наполнялъ и вливалъ въ руку идола. Кромѣ того, тогда же совершалось гаданіе посредствомъ огромнаго пирога, сдѣланнаго съ медомъ, круглой формы, которымъ жрецъ почти прикрывалъ себя и спрашивалъ у народа: видно ли его, и народъ отвѣчалъ: „видно“¹⁾; жрецъ выражалъ желаніе, чтобы на слѣдующій годъ онъ могъ совсѣмъ скрыться за пирогомъ (то-есть, чтобы урожай былъ еще лучше). Затѣмъ жрецъ увѣщевалъ свою паству быть вѣрною богу и обѣщалъ успѣхъ на сушѣ и на морѣ. Послѣ того происходилъ пиръ, на которомъ воздержаніе ставилось въ грѣхъ, а поумѣренность въ добродѣтели. Каждый мужчина и женщина ежегодно приносили въ святилище монету, которая нѣпалась въ даръ идолу; ему же доставалась третья часть военной добычи; сверхъ того, при немъ состояли триста всадниковъ, которые пополняли его казну воровствомъ и войною, такъ что богатства его были чрезмѣрны, тѣмъ болѣе, что ему присылались дары и изъ другихъ славянскихъ земель. Между прочимъ Свенонъ, король датчанъ, для списканія его благосклонности почтилъ его кубкомъ вязицкѣйшей работы, предпочитая чужую религію своей собственной, за какое святотатство и былъ потомъ наказанъ злосчастною насильственной смертью. Другія также святилища во многихъ мѣстахъ имѣло это божество, которыми завѣдывали жрецы меньшаго достоинства и меньшаго могущества. Кромѣ того, оно имѣло въ собственность особаго коня бѣлой масти, изъ гривы или хвоста котораго вырывать волосы считалось грѣхомъ. На этого коня могъ садиться

¹⁾ Во всѣхъ изданіяхъ читается: *illam (id est placentam) a se videri*, но Миллеръ и Фельковъ измѣнили: *illum a se videri*.

только жрецъ, но считалось, что на немъ выѣзжалъ на подвиги самъ Святovitъ (Suantovitus), и когда послѣ ночи конь оказывался въ поту и въ мыль, люди были увѣрены, что богъ выѣзжалъ на подвиги. По тому же бѣлому коню совершали и гаданія „когда рѣшались предпринять войну противъ какой-нибудь провинціи; обыкновенно служители разставляли передъ святилищемъ тройной рядъ коней; въ каждомъ ряду конья, воткнутыя остриями, были соединены по два поперекъ (связаны на крестѣ), а ряды были на равномъ разстояніи другъ отъ друга“. Коня послѣ молитвы проводили черезъ эти конья, и если онъ ступалъ сперва правою ногою, гаданіе считалось благопріятнымъ; если же хоть одинъ разъ поднималъ прежде лѣвую, измѣняли планъ дѣйствій. Въ морское плаваніе пускались только послѣ троекратнаго успѣшнаго гаданія. Приступая къ какому-нибудь дѣлу, гадали по встрѣчающимся животнымъ и, въ случаѣ несчастной встрѣчи, возвращались назадъ.

Далѣе Саксонъ говоритъ о гаданіи по жребіямъ, то-есть, палочкамъ, съ одной стороны бѣлымъ, съ другой чернымъ, о гаданіихъ женщинъ по линиямъ пещи. Начавъ затѣмъ говорить объ открытіи военныхъ дѣйствій, онъ возвращается къ вопросу о связи идола съ св. Витомъ. Король Датскій былъ увѣренъ въ побѣдѣ; ибо „рюгенцы, нѣкогда побѣжденные императоромъ Карломъ¹⁾, были принуждены платить подать св. Виту Корвейскому, знаменитому своею благочестивою кончиною, а по смерти побѣдителя, желая добыть себѣ свободу, захѣли свое служеніе суевѣріемъ, (а именно): поставивъ дома изображеніе, которому придали наименованіе св. Вита, къ его культу, презрѣвъ корвейцевъ, обратились, утверждая, что, довольные своимъ Витомъ, они не хотятъ уважать чужаго“. Вольдемаръ былъ убѣжденъ, что св. Витъ, оскорбленный рюгенцами, можетъ нападающимъ.

Считать священное знамя Станицу, о которомъ ниже говоритъ Саксонъ, спеціальною принадлежностью Святонита, какъ это дѣлаетъ г. Фаминцынъ, мы не имѣемъ никакого права.

Саксонъ обстоятельно разказываетъ, какъ арконцы были побѣждены, святилище Святовита разрушено (стр. 827), и статуя повернута, при чемъ демонъ въ образѣ нѣкоего темнаго животного вышелъ изъ внутренней части святилища и тотчасъ скрылся изъ глазъ

¹⁾ По Корвейскимъ лѣтописямъ инокъ его Лотаремъ (*Müller u. Velschow*, 829).

предстоящихъ; арконцамъ было велѣно оттащить веревками статую вонъ изъ города, но они сами приступить къ ней побоялись и сдѣлали это руками плѣнниковъ и пришельцевъ; вечеромъ статуя была изрублена въ куски и сожжена.

Вотъ и все, что Саксонъ говоритъ о Святовитѣ. Въ разказѣ о той же войнѣ, въ той же книгѣ (стр. 841 и слѣд.) онъ, говоритъ о трехъ капищахъ, которыя находились въ Карентин (Кореницѣ). Большее изъ нихъ вмѣсто вѣшнихъ стѣнъ имѣло пурпуровыя занавѣси. Когда послѣ сдачи крѣпости сорвали эти покровы, открылся во всемъ своемъ безобразіи идолъ, „котораго они называли *Ruglaevithum* ¹⁾. Ибо ласточки, которыя подъ очертаніями его лица (*sub oris ejus lineamentis*) устраивали свои гнѣзда, испачкали всю грудь его. Достойное божество, изображеніе котораго столь безобразно оскверняется птицами. Кромѣ того, въ его головѣ семь лицъ человѣческаго подобія, которыя всѣ соединялись подъ одною микровкой. Столько же настоящихъ мечей съ ножнами, повѣшенныхъ на одномъ поясѣ, приспособилъ художникъ къ его боку, а восьмой опъ держалъ въ правой рукѣ². Идолъ былъ значительно выше человѣческаго роста. „Это божество, какъ бы одаренное силами Марса, по ихъ мнѣнію, завѣдоvalo войною“.

Идолу подрубили ноги и повалили, а затѣмъ разрушители отирались къ идолу Поровиту (*Porovithum* ²⁾), капище котораго было очень близко. У него было пять головъ, но оружія опъ не имѣлъ. Съ нимъ окончивъ, пошли въ храмъ Поронунціи (*Poronunni templum* ³⁾). Его статуя имѣла четыре лица на головѣ и пятое на груди; лѣвою рукой она трогала лобъ этого лица, а правую—подбородокъ. И она вмѣстѣ съ прочими, была изрублена и сожжена.

Вотъ и всѣ свѣдѣнія о культѣ и идолахъ славянъ рюгенскихъ, которыя мы находимъ у Саксона. Если принять во вниманіе ижеа Свято-Вита, Ругіе-Вита, Цоре-Вита и въ особенности Витовъ полуостровъ, на которомъ помѣщалась Аркона, читателю, не увлеченному мифологіей, трудно представить себѣ, какъ можно было относиться съ такимъ пренебреженіемъ къ указаніямъ Гельмольда и Саксона на связь славянскаго божества съ св. Витомъ, и какъ можно отыскивать остатки культа Святониту въ географическихъ миснахъ.

¹⁾ Варианты, не заслуживающіе впроятія: *Ruglomum*, *Rinvit* (*Knytilingasaga*), *Rutvit*.

²⁾ *Knytilingasaga*: *Puruvit*, var. *Prunvit*.

³⁾ Въ *Knytilingasaga* ему соответствуетъ *Turupid*?

которыя имѣютъ въ себѣ только первый корень этого слова свѣт, какъ то дѣлаетъ, наприимѣръ, г. Фаминцынъ.

Я не выдаю за несомнѣнное, что Гельмольдъ и Саксонъ опредѣляютъ настоящее положеніе дѣла, и что Свято-Витъ есть не что иное, какъ христіанскій святой, культъ котораго былъ искаженъ отступниками, хотя и не вижу въ этомъ ничего противорѣчающаго логикѣ вещей: вѣдь признаемъ же мы фактомъ, что въ болѣе позднее время, при господствѣ христіанства, культъ его святыхъ искажается до неузнаваемости, что въ св. Николѣ Можайскомъ, какъ онъ представляется въ былинѣ о Садкѣ, мы не видимъ ничего общаго, кромѣ имени, съ мирликійскимъ чудотворцемъ; отчего же не допустить совершенно аналогичнаго явленія, но въ болѣе рѣзкой, характерной формѣ, для славянъ рюгенскихъ? что связь Рюгена со св. Витомъ не вымыслена Гельмольдомъ и Саксономъ, это подтверждается несомнѣнно лѣтописями Корвейскаго монастыря ¹⁾. Но я утверждаю положительно, что если во всѣхъ приведенныхъ цитатахъ идетъ дѣло о какомъ-нибудь славянскомъ богѣ, то его имя не Святovitъ, а Витъ. *Rugiae vitus* не имѣетъ ничего общаго ни съ чешскимъ *vičnu*, ни съ сербскимъ *rujan* (сближеніе г. Фаминцына), а какъ несомнѣнно указываетъ знакъ родительнаго надежа, есть Витъ рюгенскій (*Rugia—Rюгенъ*). Что такое *Rogevith* въ своей первой части, я не знаю, но что его вторая часть есть имя того же Рюгенскаго божества, для меня не подлежитъ сомнѣнію; можетъ быть, форма *Rgunvith*, въ которой онъ является въ сагѣ, если она будетъ подтверждена какими-нибудь другими документами, укажетъ на связь этой первой части съ именемъ Перуна; но это только возможность, весьма отдаленная; въ настоящее же время нельзя строить ровно ничего не только достовѣрнаго, но даже вѣроятнаго ни на именахъ Поревита и Поренуція, ни на описаніи ихъ изображеній.

Саксонъ грамматикъ описывалъ боговъ славянскихъ не на основаніи собственнаго наблюденія, а на основаніи рѣзказовъ архіепископа Абсалона, который, какъ справедливо говоритъ г. Лебедевъ ²⁾, записокъ не велъ и передавалъ по памяти. Можно ли думать, что архіепископъ черезъ нѣсколько лѣтъ такъ ясно помнилъ имена боговъ чуждаго ему народа и ихъ изображенія? Можно ли думать, что онъ, во время тяжелой борьбы со славянами, подмѣчалъ число головъ у

¹⁾ *Jaffe*, Bibliotheca Reg. Germ. I, 43.

²⁾ Последняя борьба славянъ съ язычествомъ, II, стр. 30—31.

славянскихъ божествъ, число мечей на ихъ поясахъ съ аккуратностью записного археолога? Не вѣроятнѣ ли отнести эту точность описанія на счетъ литературныхъ способностей Саксона и на счетъ его стремленія къ эпической опредѣленности?

Въ пользу того, что предметъ поклоненія рюгенскихъ славянъ назывался Витомъ, я нахожу указаніе въ вышеприведенныхъ словахъ самого Саксона: капища, построенныя въ Кореницѣ, онъ имѣетъ въ виду выше, когда говоритъ о святилищѣ арконскомъ, какъ главномъ святилищѣ, повсемѣстно уважаемомъ, противопоставляя ему святилища того же бога меньшія, управляемыя жрецами меньшаго могущества; Ругевитъ и Поревитъ, очевидно,—тотъ же самый Святovitъ съ другими эпитетами. Того же Вита не трудно найти и въ другой славянской области, недалеко отстоявшей, съ особымъ эпитетомъ.

Извѣстенъ разказъ биографовъ Оттона Бамбергскаго, Эбона и Герборда (последній, какъ доказалъ г. Петровъ ¹⁾), только распрострапяеть Эбона и другаго безыменнаго Оттонова биографа) о богѣ Яровитѣ (Gerovitus), котораго Эбонъ называетъ deus militiae, а Гербордъ прямо сравниваетъ съ Марсомъ, о хитрыхъ продѣлкахъ его жреца, о золотомъ щитѣ бога и о празднествѣ въ честь его. Этотъ Яровитъ и есть, безъ всякаго сомнѣнія, одна изъ разновидностей того же самаго божества, разновидность, наиболѣе близкая къ Святовиту по ихъ воинственному характеру. Основывать что бы то ни было на обманной рѣчи жреца (по изданію Лффе, Bibl. Hor. G. V, 662)—нѣтъ никакой возможности, такъ какъ эту рѣчь Гербортъ выдумалъ самъ, развивъ ее изъ словъ Эбона, что этотъ жрецъ служилъ главному богу; къ тому же, какъ справедливо замѣчаетъ г. Петровъ, никто изъ спутниковъ Оттона не слышалъ ея, а между тѣмъ мисологи, цитуютъ эту рѣчь, какъ несомнѣнное основаніе для характеристики божества!

Чтобы покончить съ извѣстіями о Яровитѣ, считаю не лишнимъ замѣтить, что разказъ о подвигѣ клерика Дитриха выставляетъ славянъ слишкомъ наивными, чтобы ему можно было вѣрить дословно.

Обращаясь къ другимъ фактамъ, сообщаемымъ Саксономъ. Четыре головы Святовита, на основаніи сказаннаго выше, нуждаются въ подтвержденіи, также какъ и опасеніе осквернить божество дыханіемъ человѣческимъ, напоминающее нѣчто изъ древне-персидскаго

¹⁾ Гербордова біографія Оттона, изслѣдованіе *Алексы Петрова*. С.-Пб. 1883.

культы. Правдникъ по окончаніи собирація плодовъ можетъ быть приуроченъ къ любому божеству также, какъ и къ любому популярному святому, память котораго совпадаетъ съ окончаніемъ жатвы. Гаданіе по рогу съ виномъ, сколько мнѣ извѣстно, противорѣчитъ законамъ физическимъ: жидкость, тѣмъ болѣе спиртная (едва ли подъ шегит можно разумѣть виноградное вино, которое не могло быть распространено на Рюгенѣ) ¹⁾, въ продолженіе года непременно должна испариться, и въ такомъ случаѣ гаданіе всякій разъ должно быть несчастное. Въ высшей степени любопытно указаніе на прикрываніе жреца пирогами, какъ доказательство необыкновенной устойчивости обряда, такъ какъ извѣстно, что этотъ обрядъ сохранился во многихъ славянскихъ земляхъ, хотя и приурочивается къ другимъ случаямъ.

Гаданіе по Святовитову коню до того сильно напоминаетъ вышеприведенное мѣсто изъ Датмара о гаданіи посредствомъ коня Радигоста, что невольно приходитъ мысль о единствѣ литературнаго источника обоихъ свидѣтельствъ; но такъ какъ такового покаместъ не оказывается, и такъ какъ такой же способъ гаданія, какъ увидимъ ниже, практиковался и въ Штетинѣ, мы должны признать его исконнымъ и общераспространеннымъ у славянъ прибалтійскихъ.

Чтобы покончить съ важнѣйшими извѣстіями о божествахъ славянъ прибалтійскихъ, возвращаясь къ житіямъ Оттона Бамбергскаго.

Прифлянгскій анонимъ (II, 11 по Mon. Germ. SS. XII, стр. 893) говоритъ о двухъ храмахъ (continae) въ Штетинѣ, гдѣ чтился богъ Triglous, о конѣ formae praestantis, ему посвященномъ, о сѣдлѣ для этого коня, украшенномъ серебромъ и золотомъ и находившемся въ завѣдованіи жреца, и о томъ, какъ этимъ конемъ гадали: „Разбрасывались многія копы, и коня заставляли переходить черезъ нихъ; если онъ ни одного изъ нихъ не трогалъ ногою, гаданіе считалось благоприятнымъ, и они на коняхъ отправлялись за добычею. Если же онъ трогалъ какое-нибудь изъ нихъ, они, полагая, что божество запрещало имъ нускаться въ путь верхами, обращались къ жеребьямъ, чтобъ изъ ихъ рассмотрѣнія узнать, вплавъ ли, или пѣшкомъ должны они отправиться за добычею“.

Никто, конечно, не повѣритъ точности сообщенія анонима о по-

¹⁾ Извѣстное свидѣтельство Вильгельма Мальмсбюри (см. *Комментарій*, къ вопросу объ обработкѣ славянской миеологіи), относящееся, по видимому, къ тому же святилищу и къ тому же празднеству, прямо называетъ этотъ напитокъ медомъ.

слѣдствіяхъ гаданія, но что и здѣсь гадали посредствомъ коня, котораго переводили черезъ копыя, и посредствомъ жеребьевъ, и что исходъ гаданія обуславливалъ предпріятіе, не подлежащее сомнѣнію.

Изъ добычи десятая часть отдавалась въ пользу бога.

Въ 12-й главѣ упоминается о золотыхъ и серебряныхъ сосудахъ, находившихся въ этихъ храмахъ, о трехъ посеребренныхъ головахъ идола, а *quibus et Triglaus dictus est*.

Я совершенно убѣжденъ доводами г. Петрова ¹⁾, что все прибавленное къ этимъ свѣдѣніямъ Гербордомъ, есть не что иное, какъ литературная амплификаціи и болѣе или менѣе остроумныя догадки. У него только вѣрнѣе названіе бога *Triglaus*.

Эбонъ (II, 13, по изд. Jaffe, 637 и слѣд.) называетъ бога *Trigelaw*; онъ разказываетъ, что его золотую статушку язычники отдали на сохраненіе одной вдовѣ, которая запрятала ее въ дупло дуба; разказываетъ, какъ нѣкій Германъ, спутникъ Оттона, перерядился варваромъ и сказалъ вдовѣ, что онъ долженъ отблагодарить бога приношеніемъ за избавленіе отъ смерти на морѣ; женщина указала ему идола, но онъ не былъ въ силахъ вытащить его и могъ украсть только старое сѣдло бога.

Въ III-й книгѣ, въ главѣ 1-й (стр. 651), Эбонъ говоритъ, что средняя гора штетинская была посвящена *deo Trigelawo*, который *triscapitum habebat simulacrum, quod aurea cidari* (головная повязка, родъ діадемы) *oculos et labia contegebat*.

Изъ этихъ двухъ свидѣтельствъ явствуетъ, что въ Штетинѣ почиталось божество, специальный характеръ котораго при нынѣшнихъ средствахъ опредѣлить нѣтъ возможности. Триглавъ есть скорѣе названіе идола, чѣмъ названіе божества; послѣднее вышло изъ употребленія, уступило свое мѣсто эпитету, подобно тому, какъ усь златъ могъ замѣнить въ Кіевѣ имя Перуна.

Увѣренію Эбона, будто сами жрецы три головы бога объясняли его заботой о трехъ царствахъ—небесномъ, земномъ и подземномъ, а что повязка закрывала его глаза въ ознаменованіе невѣднія имъ грѣховъ человѣческихъ, я не считаю возможнымъ вѣрить: представленіе о подземномъ мірѣ едва ли могло быть на столько развито у славянъ, а грѣхъ есть понятіе христіанское; да къ тому же, богу, предсказывающему будущее, невѣдніе дѣлъ человѣческихъ совсѣмъ не подходить. Если принять съ полною вѣрою слова: *asserentibus idolo-*

¹⁾ О. с., 253 и слѣд.

rum sacerdotibus, то можно будетъ допустить, что мы имѣемъ дѣло съ искаженіемъ и затемнѣніемъ троичнаго Бога христіанскаго, подобно тому, какъ въ Святovitѣ мы имѣемъ дѣло съ искаженіемъ Вита.

Вотъ и всѣ важныя свѣдѣнія о славянской мѣологии. Указаніе, что епископъ Верноиъ Шверинскій заставилъ славянъ pro Genodrasto (вар. Gudrasso) Godehardum episcopum venetari, и окружное посланіе отъ 1110 года, гдѣ упоминается Pripegalo ut ajunt Priapus et Belphogor imprudicus, до того бѣдны содержаніемъ, что самый страстный мѣологъ не добудетъ изъ нихъ ничего яснаго и положительнаго.

Обращаюсь къ памятникамъ русской старины; они еще бѣднѣе свѣдѣніями о божествахъ славянъ, да и эти бѣдныя свѣдѣнія констатируютъ весьма страшный фактъ: полное несходство въ именахъ боговъ восточныхъ и западныхъ славянъ. Случай, кажется, не бывалый: двѣ отрасли одного и того же племени должны бы сходиться на столько же, на сколько скандинавы сходятся съ континентальными нѣмцами, а между тѣмъ, не смотря на то, что наши Гриммы если и уступаютъ своему прототипу въ остроуміи и находчивости, за то много превосходятъ его смѣлостью, они все же не могутъ указать твердыхъ и опредѣленныхъ параллелей между славянскими балтійскими и русскими. Несомнѣнно общее только и есть, что одно имя Сварожича, такъ рѣдко встрѣчающееся у славянъ балтійскихъ и найденное въ древне-русскихъ памятникахъ при довольно подозрительныхъ обстоятельствахъ. Но Сварожичемъ и его предполагаемымъ отцомъ занялся г. Ягичъ, и потому до открытія новыхъ фактовъ вопросъ о немъ можно считать изчерпаннымъ. Въ древнѣйшихъ и несомнѣнныхъ памятникахъ языческой Руси, въ договорахъ съ греками, встрѣчаются только два имени: Перунъ и Волосъ, скотій богъ. При Игорѣ упоминается идолъ Перуна. При этомъ случаѣ считаю не лишнимъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что житіе Владиміра, вошедшее цѣликомъ въ нашу начальную лѣтопись, многихъ заставляетъ забывать, какое большое количество христіанъ было въ войскахъ князя Кіевскаго за два поколѣнія до Владиміра. Нѣтъ сомнѣнія, что во многихъ семьяхъ языческія преданія были порядкомъ затемнены даже къ концу X вѣка; что же удивительнаго, что черезъ два-три поколѣнія послѣ смерти Владиміра составитель его житія, желавшій выставить его равноапостольный подвигъ въ блестящемъ свѣтѣ, принужденъ былъ обращаться къ литературнымъ источникамъ, чтобы пополнить бѣдный рядъ божествъ русскихъ?

Самое важное свидѣтельство русской начальной лѣтописи нахо-

дится подъ 980 годомъ; тамъ поминаются Перунъ, Хорсъ, Мокошь, Симарьгль, Дажьбогъ и Стрибогъ. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе отсутствіе въ этомъ спискѣ Волоса, который упоминается въ договорахъ Олега и Святослава. Затѣмъ, приведенныя здѣсь шесть именъ распадаются на двѣ группы: четыре первыхъ и два послѣднія; первая группа въ большомъ ходу въ обличительныхъ памятникахъ; за исключеніемъ Симарьгла (о немъ см. у Ягича), они встрѣчаются во всѣхъ изъ нихъ безъ исключенія, конечно, съ измѣненіями формъ и съ осложненіями посредствомъ другихъ именъ. Дажьбогъ и Стрибогъ изъ всѣхъ этихъ памятниковъ находится только въ Словѣ, приписываемомъ Златоусту (см. Лѣтописи, изд. Тихонова, 1. с. № VII); предполагать на основаніи этого, что это Слово пользуется болѣе чистыми, народными источниками, — нельзя, такъ какъ оно мѣстами дословно сходно и съ Словомъ Христолюбца, и, съ другой стороны, съ Словомъ Григорія по Софійской рукописи № 1295, а кромѣ того, здѣсь же поминается и Артемида. Перунъ, Хорсъ и Мокошь въ томъ же порядкѣ, какъ и въ лѣтописи, встрѣчаются и въ Словѣ Христолюбца, и въ Словѣ Златоуста, и въ Словѣ Григорія. Сварожичъ совершенно въ той же обстановкѣ, довольно неслѣпой, указывающей на плохой переводъ или плохой списокъ, является нѣсколько разъ, но вслѣдствіе дословнаго сходства, а стало быть, и единства литературнаго источника всѣ эти случаи надо свести въ одинъ. Переплутъ, встрѣчающійся въ Словѣ Златоуста и въ Словѣ Григорія съ однимъ и тѣмъ же указаніемъ: „вертячеся бьютъ ему въ розѣхъ“, есть очевидная описка, вмѣсто чего-то болѣе осмысленнаго. Столь часто встрѣчающіеся въ этихъ Словахъ Вилы, по видимому, указываютъ на юго-славянское происхожденіе двухъ редакцій, изъ переплетенія которыхъ составились цитаты, за неимѣніемъ лучшаго, полагаеммы въ основу восточно-славянскаго ученія о богахъ. Дива, Родъ и Рожаница, также мало, какъ и непонятная Мокошь могутъ дать матеріалу для постройки прочной системы. Строго говоря, изъ всѣхъ боговъ русскихъ не поколебимо можетъ вынести критику только одинъ Перунъ, который возвращаетъ насъ къ тому же Прокопію, съ котораго мы начали наше изслѣдованіе.

А. Иприничниковъ.

ИНОЗЕМЦЫ ВЪ РОССИИ ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА.

I.

Сношенія Россіи съ западною Европою приобрѣтають особенное значеніе для Московскаго государства со второй половины XVI вѣка, когда получаютъ не только политико-религіозную, но и культурно-экономическую важность. Причины, которыя въ началѣ XVII вѣка заставляли иностранцевъ ѣхать въ Россію, были двоякаго рода. Частью они стремились сюда изъ-за личныхъ выгодъ, главнымъ образомъ, изъ-за торговой прибыли, частью привлекаемы были и стараніями Московскаго правительства.

Являясь въ торговые центры древней Россіи съ запасами западно-европейскихъ произведеній, иностранцы очень выгодно сбывали ихъ русскимъ людямъ и, накупивъ туземныхъ произведеній, также выгодно продавали ихъ внѣ русскихъ предѣловъ. Прикащикъ англійской торговой компаніи Гудсонъ, въ одномъ изъ своихъ донесеній во второй половинѣ XVI в., самъ разказываетъ, что въ Россіи онъ продавалъ англійскіе товары за цѣны втрое болше тѣхъ, какія существуютъ въ Англіи ¹⁾, а въ послѣдней тѣ же купцы получали иногда въ 2¼ раза болше цѣны, заплаченной ими за товаръ въ Россіи ²⁾. Венеціанцы, вывозившіе изъ Россіи нѣкоторыя сырыя

¹⁾ *И. Х. Гамель*. Англичане въ Россіи въ XVI в. и XVII в., стр. 42.

²⁾ Англичане въ концѣ XVI в. въ Лондонѣ продавали, напримѣръ, 1 центнеръ сала (100 е.) за 18 шиллинговъ. См. *И. Гамель*, Англичане въ Россіи, стр. 93. Рубль, который въ XVII в. сперва равенъ былъ 14 шиллингамъ, а за-

произведенія, напримѣръ, икру, также продавали ее на родинѣ весьма дорого, такъ какъ она считалась тутъ лакомымъ блюдомъ¹⁾. Голландцы приобрѣтали такія же выгоды, на что въ известной мѣрѣ указываютъ значительные размѣры уплачиваемыхъ ими пошлинъ. Такъ одинъ голландскій кунецъ, въ концѣ XVII в., платилъ однихъ таможенныхъ пошлинъ до 80,000 рублей. Неудивительно поэтому, что въ началѣ XVII в. много иностранныхъ купцовъ въѣзжаетъ въ предѣлы Россіи съ тѣмъ, чтобы закупить тутъ мѣстнаго сырья, какъ-то — лосиныхъ и воловыхъ кожъ, пеньки, смолы, льнянаго сѣмени, золы, разныхъ мѣховъ и пшеницы, а также, чтобы распродать свой собственный товаръ: пранныя коренья, сушеные плоды, перецъ, миндаль, аписъ и даже пшено, сахаръ, соленыя сельди, вино, теани, кофе и замшу, оружіе, волоочное золото и серебро, прутное и листовое желѣзо, мѣдь, свинецъ, ртуть, слововую кость, бирюзу, жемчугъ, алмазы и другіе камни, серебряную и золотую монету и разнообразный москвитинскій товаръ, бумагу, грецкое мыло, гарусъ, ивъмецкихъ бобровъ и шляпы, бисеръ, мишуру, ножи, иглы, варты, склянички зеленыя и „вставки персевыя скляничныя“, зелье цинкнальное и, наконецъ, всякаго рода золотую и серебряную посуду²⁾.

Другую приманкою для иностранцевъ служила возможность установить чрезъ Россію торговый путь на востокъ. Къ осуществленію этого плана венеціанцы приступали еще въ началѣ XVI в. Нѣсколько позже англичане задумали сдѣлать то же, при чемъ старались выпросить себѣ безпосредственный проѣздъ внизъ по Волгѣ до Астрахани въ Персію. Въ 1602 г. императоръ Рудольфъ II послалъ съ тою же цѣлью въ Москву посла Стефана Какаша (Kakasch von Zaloneney).

тѣмъ упалъ до 10 пил. (*Соловьевъ*, IX, стр. 189), тогда еще равнѣ былъ почти фунту стерлинговъ (*И. Гамель*, стр. 42). Слѣдовательно, 1 фунтъ сала въ Лондонѣ въ концѣ XVI в. стоилъ $\frac{9}{10}$ коп. Между тѣмъ въ Новгородѣ, по тому же московскому счету, въ 1548 г. стоилъ $\frac{4}{10}$ коп. См. *Извѣстія Импер. Русск. Археологич. Общества*, т. 3, стр. 35: «Отрывки изъ расходныхъ книгъ Соевйскаго дома за 1548 г. Впрочемъ, судя по расходнымъ книгамъ Дорогобужскаго Болдинскаго Свято-Троицкаго монастыря въ Русск. Истор. Библ., т. II, № 114, стр. 290, сало стоило дороже. Ср. также *В. О. Ключевскаго*, Славанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ, стр. 234—235.

¹⁾ *Олеарій*, Путешествіе въ Москву, кн. III, гл. VII. См. русск. переводъ *П. Барсова въ Читеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древн.* 1868 г. № 3, стр. 195.

²⁾ *Ключевскій*, стр. 249; *Русск. Ист. Библ.*, т. II, № 162; *Карамзинъ*, Ист. Гос. Росс. т. X, стр. 234—235 и прим. 435 и кн. др.

Въ 1629 г. Людовикъ XIII, король Французскій, отправилъ туда же Людовика Деганса, которому, между прочимъ, поручено было просить безвпошлиннаго проѣзда въ Персію. Примѣру французовъ послѣдовали въ 1631 г. датчане, а въ 1630 и 1634 годахъ—герцогъ Гольштинскій. Ни одному изъ этихъ посольствъ, однако, кромѣ послѣдняго, въ главѣ котораго стояли Бругманъ, Крузе и знаменитый секретарь ихъ Олеарій, не удалось достигнуть положительныхъ результатовъ. Даже шведамъ при Столбовскомъ мирѣ удалось приобрести право проѣзда въ Персію лишь для однихъ послонъ или гошцовъ, но не для торговыхъ людей ¹⁾.

Успѣшному развитію этой торговли западной Европы съ востокомъ чрезъ Россію мѣшали, съ одной стороны, предусмотрительность московскихъ гостей, которые полагали, что съ появленіемъ западно-европейскихъ товаровъ въ Персію, ихъ собственный товаръ значительно упадетъ въ цѣнѣ, а пожалуй вполнѣ замѣнится европейскимъ, съ другой—довольно значительная пошлина, которую приходилось платить иностранному купцу при проѣздѣ чрезъ Россію въ Персію, и тѣ грабежи и нападенія, которымъ онъ подвергался отъ казаковъ и разбойниковъ. Какъ бы то ни было, но даже выгоды отъ торговли съ одною Россіей побуждали иностранныхъ гостей посѣщать Архангельскъ, Ивангородъ и другіе города русскіе. Такъ, въ 1623 г. царю Михаилу Ѳеодоровичу пишетъ челобитную голландскій купецъ Демулинь, который пріѣхалъ въ Холмогоры для того, чтобы комнатнымъ дѣломъ заниматься на корабельный обиходъ и торговать канатами пудовъ съ тысячу и болѣе. Въ 1627 г. изъ Архангельска въ Москву ѣдетъ другой купецъ, голландецъ Петръ Деладалъ съ уворочными товарами и мастерскими запасами, а подъ 1628 г. читаемъ другую челобитную на имя царя Михаила и патриарха Филарета отъ голландскаго торговаго человѣка Авраама Горкого, который пріѣхалъ торговать товарами въ Россію и просить позволенія явиться въ Москву ²⁾.

¹⁾ Карамзинъ, Ист. Рос., т. VII, прим. 277—280, стр. 132—135; *Tingsten*, Н. R. M. I, № СХХV и слѣд.; *Соловьевъ*, т. IX, стр. 193, 197, 201 и 116; *Adeitung*, Kritisch-Litterarische Uebersicht. B. II, S. 127, № 9. Акты истор., т. III, № 181, стр. 829 и слѣд.; ср. также русскимъ посламъ, посланнымъ въ Персію въ 1618 г. въ *Опытѣ Трудовъ волеяноу російскаго собранія*, т. V, стр. 16.

²⁾ Русская Историческая Библиотека, т. VIII (С.-Пб. 1894 г.), № XIX, стр. 164, № XXVIII, стр. 194, № XXX, стр. 199.

Впрочемъ, такъ какъ на Руси иностранные купцы торговали обыкновенно складчинами ¹⁾, то и купцы, прїѣзжавшіе сюда для торговли, являются обыкновенно членами той или другой компаніи или дѣлаются ихъ комиссіонерами. Такъ, напримѣръ, лѣтомъ 1614 г. одинъ изъ такихъ комиссіонеровъ, голландецъ Симоъ Вустъ, прося у царя Михаила Федоровича дозволенія не переѣзжать на жительство изъ Архангельска въ Москву, указывалъ, между прочимъ, и на то, что онъ уже десять лѣтъ торгуетъ у Архангельской пристани, и что къ нему прїѣзжали туда братья его, голландскіе торговые люди, складчики, а онъ тѣ товары принималъ, а русскіе съ ними вмѣстѣ отпускалъ. Какъ извѣстно, англійскій торговый агентъ жилъ въ Россіи съ XVI в., а о пребываніи такого же голыштинскаго агента въ Москвѣ встрѣчаемъ извѣстіе подъ 1634 г. ²⁾.

Но не одиѣ торговныя цѣли привлекали иностранцевъ въ Россію. Въ то время существовалъ въ западной Европѣ цѣлый классъ людей, занятый военнымъ дѣломъ, какъ ремесломъ. Когда война прекращалась или становилась невыгодною въ одномъ государствѣ, люди эти переходили въ другое, поступали на службу къ другому правителю до тѣхъ поръ, пока по какимъ-либо причинамъ или даже безъ всякихъ причинъ, просто *fato quodam*, какъ справедливо выразился Петръ Петрей въ своихъ запискахъ о Московіи, не направлялись искать той же безмятежной жизни еще въ новыхъ краяхъ. Такіе военные люди попадали и въ русскія войска. Таковъ былъ, напримѣръ, извѣстный Яковъ Маржеретъ, французъ, который сперва служилъ въ арміи своего короля, затѣмъ перешелъ на службу къ Стефану Баторію, побывалъ вмѣстѣ съ войсками императора Германскаго въ Венгрію, служилъ въ войскахъ короля Польскаго и, наконецъ, попалъ въ Россію, гдѣ пробылъ цѣлыхъ десять лѣтъ ³⁾. Можетъ быть, такими же странствующими рыцарями были шведскіе рейтары, перебивавшіе въ Россію въ 1615 г. ⁴⁾, и многіе другіе иноземцы. Такъ,

¹⁾ Англійскій агентъ Меррикъ при переговорахъ съ Московскимъ правительствомъ о безпошлинной торговлѣ съ Персіей, желая подорвать кредитъ голландцевъ въ Россіи, говорилъ, что они не только продаютъ товары свои врознь, но еще посылаютъ ихъ великимъ обычаемъ по всему государству. *Соловьевъ*, Ист. Россіи, т. IX, стр. 124.

²⁾ Русск. Ист. Вѣд., т. VIII, № VIII, стр. 111; Акты Истор., III, № 181, стр. 330.

³⁾ *Adelung*, Kritisch-Litterarische Uebersicht, B. II, S. 18, v. 238.

⁴⁾ Донесенія голландскихъ пословъ Бредероде, Бассы и Иоанна въ 1615 — 1616 г. — *Вестникъ Европы* 1868 г., т. IV, стр. 761.

въ 1618¹ г. на государеву службу хочетъ поступить англичанинъ Вильгельмъ Ватцъ, прежде служившій въ Датской землѣ вмѣстѣ съ другими англійскими людьми; въ 1615 г. поступаетъ на русскую службу ирландскій капитанъ Варнава, пріѣхавшій изъ Швеціи, гдѣ служилъ конную службу; въ 1618 г. выдается жалованіе пѣвичину Цесарской земли Гансу Юхому, прослужившему въ шведскихъ войскахъ пять лѣтъ, попавшему въ плѣнъ и оставшемуся въ Россіи; въ 1619 г. челомъ бьетъ государю о выдачѣ ему жалованья Юрій Грабъ, нѣмецъ Цесарской земли, пріѣхавшій изъ Швеціи; въ 1620 г. пріѣзжаетъ въ Москву служилый шведъ Христофоръ Штормъ, родомъ изъ Лифляндіи. Этотъ „Христофорка“ въ 1609 г. попалъ въ Швецію, гдѣ прослужилъ у какого-то діака десять лѣтъ; затѣмъ служилъ въ ротѣ Якова Пуптусова (Делагарди) годъ; когда послѣдній распустилъ людей на волю, Христофорка въ Свеѣ жить больше не похотѣлъ и переѣхалъ на службу къ государю¹). Въ началѣ XVII в. такіе странствующие воины охотно²) поступали на службу въ Московское государство, потому что получали достаточное жалованье и нѣкоторыя привилегіи.

Кромѣ прибыльной торговли и выгодной военной службы, нѣкоторыхъ иноземцевъ привлекало въ Россію еще другое обстоятельство, а именно возможность найти тутъ себѣ кровъ, защиту и спасеніе отъ тѣхъ невзгодъ и притѣсненій, которыя имъ приходилось терпѣть въ собственномъ отечествѣ отъ чужеземнаго ига. Такими иноземцами были, главнымъ образомъ, греки и южные славяне. Съ паденіемъ Константинополя, прежняго центра православнаго міра, они начинаютъ обращать взоры свои на сѣверъ, къ царю Московскому, въ немъ видятъ высшаго представителя своей вѣры, на него возлагаютъ свои надежды³). Такое воззрѣніе естественно заставляетъ ихъ искать у него покровительства отъ насилій со стороны турокъ-магометанъ. Такъ, напримѣръ, въ 1624 г. бьетъ челомъ царю Михаилу Оedorовичу Сербинъ Петръ Александровъ, выѣхавшій на государево имя съ посломъ турецкимъ, и просить о выдачѣ ему та-

¹) Русск. Ист. Вѣст., т. VIII, № VII, № XI, стр. 122, № XIII, стр. 130, № XV, стр. 138, № XVI, стр. 141.

²) См. Собран. госуд. грам. и договор., III, № 83, стр. 319.

³) Нѣсколько доказательствъ тому приведены были нами въ замѣткѣ: «Изъ старинныхъ сношеній Россіи съ западной Европой» — Журн. Мин. Нар. Просв. май 1884 г.

кого же кормоваго жалованья, какое выдается и другимъ грекамъ, оставшимся на государево имя на Москвѣ. Такого же рода чело- битныя подають сербы Савелій, прежде служившій капитаномъ въ войскахъ султана Ассана, Ѳома Циѣтковъ сынъ боярскій, Добреневъ, котораго продали въ рабство басурмане, князь Юрій Великоіоровъ— въ 1620 г.; греки: Андрей Дмитріевъ сынъ Сергѣева, бывшаго слу- жилиаго челоуѣка въ Цареградѣ, Дмитрій Ѳеодоровъ, сынъ Манулаки, думнаго дворянина цареградскаго, и нѣкоторые другіе—въ 1624 г.; Дмитрій Палеологъ, бывшій начальникъ яничарь, пріѣхавшій вмѣстѣ съ Иваномъ Петровымъ и другими греками, князь Иванъ Альбертъ— въ 1628 г. Въ 1633 г. опять пріѣзжаютъ вмѣстѣ съ послами въ Москву два грека, Аеонасіи Кирилловъ и Антонъ Дмитріевъ, а чрезъ два года еще другіе два — служить государю, наслышавшись о его, государевой, милости къ иноземцамъ ¹⁾. Подобно грекамъ и сербамъ и съ тѣми же цѣлями бывали иногда въ Россіи и волошане, хотя о нихъ извѣстія встрѣчаются сравнительно рѣже. Такъ, напримѣръ, въ 1624 г. челоуѣкъ бѣгъ государю волошенинъ Авраамъ Константиновъ о выдачѣ ему жалованья за выѣздъ; чрезъ три года въ числѣ при- нявшихъ православіе въ Москвѣ иноземцевъ встрѣчаемъ волошенина Петра Иванова, который, по смерти отца, поспѣшилъ уѣхать изъ Турціи, слыхавъ о государевой милости, и пріѣхалъ служить госу- дарю ²⁾.

Сербы, греки и волохи, пріѣзжаніе въ Россію изъ-за личныхъ выгодъ, едва ли приносили этимъ существенную пользу, и потому московское правительство не особенно старалось привлекать ихъ въ предѣлы Россіи, хотя дозволяло жить имъ тутъ и служить въ рус- скомъ войскѣ. За то западно-европейскіе выѣзжіе люди имѣли го- равдо больше значенія, такъ какъ приносили значительную пользу и доставляли нѣкоторыя выгоды русскому правительству. Ихъ не только принимали, но старались привлечь въ Москву или другіе города частью распространеніемъ молвы о государевой милости къ инозем- цамъ, частью официальными приглашеніями, различными привиле- гіями или обѣщаніями.

¹⁾ Русск. Ист. Вибл., т. VIII, стр. 163, 164, 167, 172, 173, 175, 206 — 207, 218, 224 225. Записная кн. Москов. стола. 1633—1634 г. въ Русск. Ист. Вибл., т. IX, стр. 540. Ср. *Котомкинъ О Россіи*. Гл. VI, 1. стр. 81 (по 3-му изд. Археогр. коми. 1884 г.).

²⁾ Русск. Ист. Вибл., VIII; IX, стр. 527.

О стараніи распространить молву о государевой милости къ иноземцамъ есть нѣсколько свидѣтельствъ. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ наказовъ, данныхъ царемъ Борисомъ Роману Векману, посланному въ Любекъ для присканія доктора и мастеровъ, читаемъ слѣдующее: „А будетъ ѣдучи дорогою въ городѣхъ въ Ригѣ и въ Кролевцѣ и въ Гданскѣ и въ Штогтинѣ и въ Ростовѣ и въ иныхъ городѣхъ... и сказывать ему (то-есть, Векману—тамъ) про царское жалованіе, что великій государь царь и великій князь Борисъ Ѳеодоровичъ всея Руси его пожалуетъ по достоинству своимъ царскимъ великимъ жалованіемъ и во всемъ будетъ ему новольность пріѣхать и отъѣхать вольно безъ всякаго задержанія“.

Въ 1600 г. рижанинъ Бендиксъ Ипцъ пишетъ къ полѣренному своему въ Псковѣ Магнусу Мегеру: „слыхалъ я, что великій князь охотно принимаетъ ученыхъ людей и докторовъ любить“. То же говорилъ служилый нѣмчинецъ Юшко Кропля, съ товарищами пріѣхавшій въ Россію въ 1619 г., и англичанинъ Эдуардъ Масси, наслышавшійся о государской неизреченной милости. Такая же молва о государевой милости ходила и у нашихъ южныхъ сосѣдей, сербовъ, волоховъ и грекомъ, чему можно привести весьма много примѣровъ. Такъ волохъ Петръ Ивановъ въ 1632 г. и бѣлградскій сербъ Юрій Великомировъ въ 1644 г. выѣхали въ Москву потому, что слыхали государскую неизреченную милость къ иноземцамъ¹⁾.

Съ другой стороны, московское правительство вызывало иноземцевъ въ Россію и официальнымъ путемъ, посылая за ними другихъ иноземцевъ, уже состоявшихъ на русской службѣ или возвращавшихся за границу, на родину. Такъ, напримѣръ, въ 1631 г. англичанину Лесли поручено было нанять за границей пушечнаго мастера, станочника, колесника и желѣзныхъ ядеръ мастера; въ 1633 г. черезъ торговыхъ людей Голландской земли нанимали на ихъ родинѣ городоваго дѣла подмастерьевъ, а черезъ алмазнаго и золотого дѣла мастеровъ Ивана Мартинова и англійскаго купца Франциска Гловерта приглашали изъ иныхъ государствъ золотой и серебряной канители мастеровъ. Военныхъ людей также нанимали, напримѣръ, черезъ посредство того же Лесли и Ѳедора Племянникова въ 1631 г. или Генриха Фандама²⁾. Еще ранѣе того, въ 1600 г., отправленъ былъ въ Любекъ Романъ Векманъ съ государевою грамотой къ бурми-

¹⁾ Русск. Ист. Библ., т. VIII, стр. 87, 91, 98, 103, 124, 199, 219, 223, 291.

²⁾ Собран. госуд. грам. и дог., ч. III, № 82, 83, 84, 85 и 95.

страмъ и ратманамъ любскимъ, грамотою, въ которой царь просилъ властей выслать ему хорошаго доктора, суконнаго и волоятаго дѣла мастеровъ. Въ 1622 г. изъ Англїи въ Москву возвращается посолье Исаѣй Погожій съ англійскими мастеровыми, которыхъ онъ, вѣроятно, нанялъ за границей. Въ то же время, или нѣсколько позже, прїѣзжаетъ въ Москву мастеръ для устройства шелковаго завода по царской опасной грамотѣ. Въ 1627 г. отправляется изъ Архангельска въ Москву торговый человекъ Голландской земли Петръ Деладакъ съ узорочными товарами и запасами мастерскими, который, по заказу дьяка Ефима Телениева, присланъ былъ сюда купцомъ Демулиномъ, уже торговавшимъ въ Россїи. Въ 1628 году, вѣроятно, по такимъ же распоряженіямъ московскаго правительства, „посланъ“ былъ въ Россїю черезъ Архангельскъ переводчикъ французъ Захарій Захарьевъ и докторъ Артемій Дїй. Въ 1633 году архангельскій воевода Плещеевъ, посылая извѣщеніе въ Москву о прїѣздѣ врача Вепделина Зибелиста, прибавляетъ, что на распросѣ тотъ врачъ сказалъ, что онъ прїѣхалъ въ Архангельскъ по государеву указу, по которому велѣно Голштинскому князю „Фредернику“ прислать къ великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всен Руси доктора съ его докторскими лѣкарствами и руклядью. Въ 1635 году, отпуская врача Артемїя Дїя на родину, его снабдили и государевымъ письмомъ, въ которомъ просили прислать въ Москву на Артемьево мѣсто иного навичнаго доктора. Въ 1636 году прибываетъ въ Новгородъ нолковникъ шотландскій Иванъ Варта по государеву указу и по уговору Лесли. Въ слѣдующемъ году, по такому же уговору, прїѣзжаетъ шотландскій капитанъ Яковъ Оберкромъ вмѣстѣ съ алмазнаго дѣла мастеромъ Бенедиктомъ (Вендекомъ) Мартыновымъ, посланнымъ въ нѣмцы для мастеровыхъ людей. Въ 1638 году, отсылая на родину органиста голландца Мельхерта, государь велѣлъ приказать, чтобъ онъ изъ своей земли былъ назадъ къ Москвѣ и вывезъ бы съ собою „часовыхъ мастеровъ два человека и уговорился бы съ ними въ своей землѣ не дорогою цѣной, по чему имъ на годъ давать, чтобы имъ будучи на Московскомъ государствѣ государю служить своими ремесломъ и учениковъ научить“¹⁾.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что изъ иноземцевъ всякій, кто ни

¹⁾ Русск. Истор. Вѣст., т. VIII, № 8, стр. 152. *Лараминъ*, Ист. Г. Р., т. X, стр. 461, полагалъ, что Беннакъ нанялъ всѣхъ шестъ докторовъ, бывшихъ при дворѣ царя Бориса.

пожелалъ бы, могъ въѣзжать въ предѣлы Россіи. Мы имѣемъ нѣсколько примѣровъ, показывающихъ противное. Такъ, въ 1613 году государь отказалъ англичанину Вильгельму Ваттѣ въ удовлетвореніи его просьбы поступить на русскую службу на томъ основаніи, что военные люди ему въ то время не были надобны. Позднѣе, въ 1620-хъ годахъ, отказано было въ томъ же голландскому доктору Кумансу, потому что онъ не снабженъ былъ грамотой о его добромъ житіи, чтобъ его царскому величеству извѣстно было, что онъ человекъ честный и добрый и другою—о его умѣниі лѣкарственнымъ¹⁾.

Иноземные купцы, уличенные въ плутовствіи, тотчасъ же отсылались обратно, и съ ними прекращались сношенія. По этому поводу государь писалъ любскимъ бурмистрамъ и ратманамъ, что „впредь бы такихъ воровъ, которые пріѣзжаютъ и въ нашемъ государствѣ воруютъ и ссору чинятъ, къ Архангельскому городу не пускали, для торговли съ товарами не посылали“²⁾.

Замѣтимъ при этомъ, что, нанимая иноземцевъ къ себѣ на службу, московское правительство пользовалось, главнымъ образомъ, услугами лютеранъ или кальвинистовъ; людей римской вѣры приглашали лишь въ крайнемъ случаѣ. Такъ, на примѣръ, английскому полковнику Александру Лесли въ 1631 году поручено было за границей набрать всякихъ людей, „опричь французскихъ людей и французанъ и иныхъ, которые римскіе вѣры, одиночно не наймовать“, не смотря на то, что тогда сильно пужались въ войсвѣ. При заключеніи, въ декабрѣ 1634 года, между Россіей и Голландіею договора, по которому голландинскіе торговые люди получали на десять лѣтъ свободный проѣздъ въ Персію, если согласятся вносить по 600,000 сѣмеконъ въ казну государеву, между прочими условіями читаемъ и то, чтобы „римскіе вѣры поповъ и учителей и никакихъ латынскіихъ вѣры людей съ собою имъ въ Московское государство не привозити и тайно у себя не держати; а кто привезетъ и учнетъ держати тайно и тѣхъ казнити смертью“. Съ другой стороны, английскому купцу Гловерту и мастеру Мартынову, отправленнымъ за границу въ 1633 году, приказано было панать золотой и серебряной канители мастеровъ, въ случаѣ необходимости, даже и во Франціи³⁾.

¹⁾ Русск. Истор. Вѣст., т. VIII, № 7, стр. 109 и № 29, стр. 198.

²⁾ Собр. Госуд. Грам. и Договоровъ, ч. III, № 38; Акты Историч., т. III, № 163, стр. 290.

³⁾ Собраніе государ. грамотъ и договоровъ, ч. III, №№ 83—94; Акты Истор. т. III, № 181, стр. 332; ср. *Соловьева* Ист. Р., т. IX, стр. 220 и 271.

II.

Иностранцы переѣзжали въ Московію различными путями: одни въѣзжали чрезъ Архангельскъ, другіе — чрезъ Нарву и Новгородъ, третьи — чрезъ Вильну и Смоленскъ, четвертые, главнымъ образомъ, греки, волохи и сербы, — чрезъ Воронежъ.

Путемъ въ западную Европу черезъ Вѣлое море русскіе пользовались еще въ концѣ XV вѣка. Такъ, извѣстный толмачъ Дмитрій Герасимовъ этимъ путемъ отправленъ былъ при Іоаннѣ III въ Днію ¹⁾. Но иностранцы стали имъ пользоваться лишь съ половины XVI вѣка, когда въ 1533 году нечаянно попалъ сюда англичанинъ Ченслеръ. Сперва тутъ проѣзжали одни англичане; затѣмъ появились и голландцы, которые въ началѣ XVII вѣка успѣли уже занять видное мѣсто въ адѣйшей торговлѣ, такъ что въ 1618 году въ архангельской гавани было до 30 голландскихъ кораблей на 3 английскихъ, а въ 1635 году 11 голландскихъ на 1 английскій ²⁾. Английскіе купцы останавливались противъ Николаевского монастыря у острова Якорнаго, а затѣмъ изъ Архангельска или Холмогоръ пускались вверхъ по сѣверной Двинѣ и лѣвому ея притоку Сухонѣ до Вологды ³⁾. На проѣздъ этого пространства зимою требовалось около восьми дней. Изъ Вологды продолжали путь далѣе на Ярославль и на Москву чрезъ Ростовъ и Переславль, на что требовалось около пяти дней, такъ что изъ Архангельска въ Москву можно было пріѣхать въ 13 дней ⁴⁾. Торговля, происходившая по этому пути, оживляла мѣстность, по которой пролегла. По разказамъ Флетчера, отъ Вологды до Ярославля на протяженіи 200 верстъ было до 50 селеній. Иностранцы жили во всѣхъ главныхъ городахъ, въ Архангельскѣ и Вологдѣ имѣли свои склады и канатныя фабрики, въ послѣд-

¹⁾ *Е. Е. Замысловскій*, Герберштейнъ и его историко-географическія свѣдѣнія о Россіи. С.-Пб., 1884, стр. 81—118; *В. Ключевскій*, Сказанія иностранныхъ писателей о Московскомъ государствѣ, стр. 88.

²⁾ Три письма Исаака Массы генеральнымъ штатамъ.

³⁾ *Ю. Толстаго*, Прииѣзанія въ Исторіи Мильтона въ *Учен. М. Общ. Истор. Дре вѣ.*, 1874 г., т. III, стр. 3.

⁴⁾ *Ключевскій*, стр. 234 и 167. Немецъ, русскій посоль въ Англію, возвратившійся въ 1557 г. въ Москву, выѣхалъ изъ Холмогоръ 29-го іюля, а пріѣхалъ въ Москву лишь 12-го сентября.

ней торговали солью, а въ Устюгѣ и Холмогорахъ хранили главныя склады мѣховъ ¹⁾.

Суда, плававшія по Двинѣ, выдѣлывались исключительно изъ дѣрева безъ употребленія желѣза и приспособлены были для хода на нарусахъ и для тяги бычовою противъ теченія. Суда эти, по описанію Традесканта, были весьма разнообразны; онъ насчитываетъ до пяти различныхъ видовъ ихъ ²⁾.

Кромѣ дороги изъ Ярославля на Москву, существовала еще другая торговая дорога—изъ Ярославля внизъ по Волгѣ въ Астрахань. Она отличалась нѣкоторою оживленностью въ концѣ XVI или началѣ XVII вѣка, ибо, по словамъ англійскихъ агентовъ, тутъ ходило до 500 судовъ, иногда значительныхъ размѣровъ. Для достиженія Астрахани требовалось около 20 дней плаванія, тогда какъ на возвратномъ пути нужно было не менѣе шести недѣль ³⁾.

Кромѣ прямаго сообщенія между Архангельскомъ и Москвою или Астраханью, существовали еще и другіе пути менѣе важныя. Такъ изъ Холмогоръ иностранцы иногда проѣзжали на Повѣнецъ и Ладогу въ Новгородъ, напримѣръ, англичане Тома Суземъ и Иванъ Снаркъ, хотя самъ Суземъ сознавался, что удобнѣе было бы тотъ же путь совершить черезъ Сумскій острогъ, находящійся въ 936 верстахъ или миляхъ отъ Николаевского монастыря ⁴⁾. Кромѣ того, существовало сообщеніе между Москвою и Вѣловоеромъ черезъ Переяславль и Угличъ—зимой, и Ярославль — лѣтомъ, Вяткою черезъ Кострому и Галичь или Вологду и Устюгъ въ тѣ же времена года, и наконецъ, между Москвою и Пермью черезъ Вологду-Устюгъ, Двину и Вытегду, при чемъ возвращались обыкновенно Вытегрою ⁵⁾.

Путь изъ Архангельска въ Москву былъ однимъ изъ наиболѣе

¹⁾ Русск. Истор. Вѣд., т. II, № 205, стр. 944; *Г. Х. Гамель, Англичане въ Россіи*, стр. 90.

²⁾ Москвитин или извѣстія о Москвитин по открытіямъ англійскихъ путешественниковъ, собранныя изъ письменныхъ свидѣтельствъ равныхъ очевидцевъ и т. д. *Дж. Мильтона — Чт. М. Общ. Истор. и Древн.*, 1874 г., т. III, стр. 2; *Г. Х. Гамель*, стр. 138.

³⁾ *В. Ключевскій*, стр. 219. Проектъ вѣднтя Московскаго государства подъ покровительство Англіи, предложенный англійскимъ резидентомъ Джономъ Маррикомъ и приложенный къ исторіи Мильтона въ рускомъ переводѣ *Толстаго* въ *Чт. Общ.*, стр. 75—82.

⁴⁾ Примѣчанія *Толстаго* къ той же исторіи, стр. 57.

⁵⁾ *Ключевскій*, стр. 219.

удобныхъ для сношеній нашихъ съ западомъ и дѣйствительно, отличался нѣкоторыми преимуществами. Вопервыхъ, онъ былъ болѣе свободнымъ, особенно для англичанъ, которымъ короли Датскій и Шведскій всегда могли запретить вѣздъ въ Балтійское море и, такимъ образомъ, оставить за собою всѣ выгоды, пріостекавшія изъ торговыхъ сношеній съ Россіей, что вполне сознавали и современники ¹⁾. Между тѣмъ чрезъ Архангельскъ англичанамъ можно было установить непосредственныя сношенія съ Россіей въ лѣтнее время. Вторыхъ, путь этотъ отличался болѣею безопасностью.

Польскій король всегда враждебно относился къ сношеніямъ нашимъ съ Западомъ ²⁾, а разбойники часто грабили проѣзжавшихъ путешественниковъ. Напротивъ, путь сѣверный былъ гораздо вѣрнѣе. Третьихъ, онъ представлялъ болѣе водныхъ путей сообщенія, по которымъ легко было сплавлять грузовые товары внизъ до Архангельска лѣтомъ и ѣздить изъ саняхъ зимою.

Второй путь пролегалъ главнымъ образомъ чрезъ Новгородъ или Псковъ, Торжокъ и Тверь на Москву ³⁾. Довольно значительную часть этой дороги приходилось проѣзжать сухимъ путемъ. Поэтому, для скорѣйшей и безостановочной ѣзды въ селахъ, расположенныхъ вдоль дороги, содержались ямщики или крестьяне, которые должны были имѣть постоянно наготовѣ нѣсколько лошадей ⁴⁾, чтобы по царскому указу или жалованной проѣзжей грамотѣ повести путешественника

¹⁾ Меррикъ въ вышеупомянутомъ проентѣ писалъ: «Для полученія сихъ предметовъ (сырыхъ провведеній, вывозимыхъ изъ Россіи) мы были бы явче принуждены зависѣть отъ благосклонности и милости короля датскаго, который всегда, когда ему вздумается, можетъ закрыть проходъ чрезъ Зундъ». Въ XVI в. было то же. Ср. *Сборникъ Импер. Русскаго Истор. Общ.*, т. XXXVIII, стр. 8, 9.

²⁾ Такъ, король Сигизмундъ писалъ королеву Елисаветѣ 13-го іюня 1561 г.: *Quominus autem navigationem in Moscoviam permittere possimus, videt nos serenitas vestra gravissimis non solum nostris privatis sed etiam religionis et rei publicae totius christianae rationibus prohiberi.* См. *Ю. Толстому, England and Russia. S.-Pt. 1875.* № 9, p. 29—31.

³⁾ Въ подробности мѣстности, находившіяся на пути изъ Новгорода и Архангельска въ Москву въ XVI в., изображены въ приложеніи къ соч. *Замисловскаго, Герберштейна и его историко-географич. извѣстія о Россіи, въ матеріалахъ для историко-географическаго атласа Россіи XVI в., карта № 6.*

⁴⁾ *Олеарій, Пут. въ Россію.* Вн. III, гл. IX. (*Общ. Ист. и Др.* 1868 г. кн. 3, стр. 226), говорить, что ихъ было 40—50 у каждаго; *Котомизинъ, гл. XII, § 26*, что ихъ всего было отъ 3 до 6. Первое бывало вѣроятно при проѣздѣ послѣвъ, второе въ обыденное время. Ср. *Ак. Ар. Эксп.* т. III, № 158, стр. 226, 1.

далѣе. Крестьяне в ямщики ¹⁾ получали 30 рублей годового жалованья, которое выдавалось имъ изъ ямскаго приказа и собиралось съ крестьянъ всего Московскаго государства, или съ уѣздныхъ крестьянъ главныхъ торговыхъ или проѣзжихъ центровъ, какъ-то: Новгорода, Пскова, Смоленска, Астрахани. Ямщики эти служили не только посламъ (при проѣздѣ которыхъ пристава ихъ сопровождашіе давали имъ по 1—2 алтына за 10—20 верстъ), но и докторамъ, мастерамъ или купцамъ, снабженнымъ царскою подорожною грамотой ²⁾. Благодаря такому устройству, можно было изъ Новгорода въ Москву пріѣхать въ шесть-семь дней, если не бывало случайныхъ задержекъ. Сношеніямъ этимъ, однако, препятствовало недоброжелательство поляковъ и шведовъ, а также много воровскихъ шаекъ, особенно въ первые года царствованія царя Михаила Ѳеодоровича, грабившихъ а иногда даже убивавшихъ проѣзжихъ путешественниковъ ³⁾. Наконецъ, третьимъ родомъ препятствій въ сношеніяхъ по этому пути служили различныя неудобства климата и устройства поверхности. Разлитіе рѣкъ весною и даже осенью (такимъ разливомъ Двины въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1609 года, остановленъ былъ Бекманъ при возвращеніи своемъ въ Москву) ⁴⁾, много болотистыхъ мѣстностей и множество комаровъ, все это побуждало, особенно иностранцевъ, проѣзжать по этимъ мѣстамъ зимою, а не въ теплое время года ⁵⁾.

Третій путь въ Московію былъ сухой. Онъ пролегалъ чрезъ Кривой, Вильну, Минскъ, Борисовъ, Оршу, Дубровку къ Смоленску, Дорогобужу, Вязьмѣ и Можайску. Путь этотъ вообще былъ малоупотребителенъ; онъ служилъ для проѣзда однихъ лишь пословъ и гондоль, а при войнѣ съ Польшею въ первой половинѣ XVII вѣка почти совсѣмъ заглохъ.

¹⁾ Крестьяне иногда помогали ямщикамъ. См. Акты Истор. т. III, № 47, стр. 41; Ак. Арх. Эксп. т. III, № 102, стр. 140—141. Извозчики вѣдальсь въ земскомъ приказѣ. Дополн. статьи къ судоби. Ак. Истор. III, № 92, ст. XVI, стр. 102, *Ключевскій*, стр. 221.

²⁾ Ак. Арх. Эксп. III, № 297, стр. 438.

³⁾ Ливонская летопись Франца *Ніенштедта*. гл. I, въ Сборн. матер. для Истор. Прибалтійск. края, т. III, стр. 361; (Рига 1880 г.); *И. Х. Гамель*, стр. 43; *В. Ключевскій*, стр. 253; Русск. Истор. Вѣст. т. VIII, стр. 84, 92, 100, 154; *Сборн. Русск. Императ. Истор. Общ. т. XXIV*, стр. 64 и др. Ср. Дополненія къ дворцовымъ разрядамъ, изд. *И. Е. Забѣлинымъ*—*Чт. Общ. Н. и Др.* 1882 г., кн. I, стр. 15 и др.

⁴⁾ Русск. Истор. В. III, стр. 133—137; Акты Истор., т. III, № 54, стр. 44.

⁵⁾ *Ив.* стр. 94.

Накопецъ, чрезъ Кіевъ и Путивль или Воронежъ и Донъ существовало сообщеніе съ Турціей и Константинополемъ. На тотъ и другой путь встрѣчаемъ все-какія указанія въ актахъ. Такъ напримѣръ, сербъ Петръ Александровъ въ челобитной своей (1624 года) разсказываетъ, что онъ отправился въ Москву съ отпускою грамотой волошкаго воеводы, но былъ задержанъ въ Кіевѣ, будучи заподозрѣнъ въ шпіонствѣ, и пребылъ въ желѣзахъ въ Кіевѣ мало не съ годъ. Когда же узналъ, что митрополитъ Синоскій Іеремія пріѣхалъ въ Кіевъ и ѣдетъ въ Москву, то кандалы разбилъ и напередъ убѣжалъ, на дорогѣ къ нему присталъ и чрезъ Путивль прибылъ въ Москву. Упомянутія объ этой дорогѣ встрѣчаются довольно часто въ современныхъ актахъ, хотя въ подробности она въ актахъ не обозначена ¹⁾.

Другой южный путь шелъ чрезъ Воронежъ и Донъ; послѣдній не отличался многоводіемъ близъ Динкова, откуда караваны отправлялись только осенью ²⁾. Этимъ путемъ часто проѣзжали многіе изъ вышеупомянутыхъ нами грековъ, валаховъ и сербовъ и нѣкоторые другіе, причемъ обыкновенно присоединялись къ посольствамъ, ѣхавшимъ или возвращавшимся въ Москву. Такъ, напримѣръ, 11 грековъ, сербовъ и валаховъ выѣхали къ государю въ 1624 году вмѣстѣ съ русскими посланцами Иваномъ Кондыревымъ и Тихономъ Бормосовымъ, одинъ грекъ—съ государевыми посланниками Соловьемъ Протасьевымъ и Михаиломъ Даниловымъ и бѣглый сербъ съ митрополитомъ синоскимъ Іереміемъ ³⁾.

Мѣсто и время пребыванія иностранцевъ въ Россіи опредѣлить довольно трудно, такъ какъ объ этомъ встрѣчаются лишь случайныя указанія въ современныхъ памятникахъ.

Иностранцы жилали главнымъ образомъ, въ тѣхъ городахъ, мимо которыхъ проходили торговые пути на Архангельскъ, Новгородъ и Астрахань. Такъ мы имѣемъ свѣдѣнія о пребываніи иностранцевъ въ Архангельскѣ, Холмогорахъ, Вологдѣ, Ярославлѣ, Бѣлозерѣ и Ростовѣ ⁴⁾, Москвѣ, Казани и Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ было много

¹⁾ Русск. Истор. Библ. т. IX, стр. 502, 504, 511; т. II, № 166. Въ Книгѣ Большаго Чертежа подробныхъ указаній не встрѣчается.

²⁾ Е. Е. Замисловская. Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи, стр. 176.

³⁾ Р. Ист. В. VIII, № 22.

⁴⁾ Акт. Истор. т. III, № 18 стр. 335, № 239 стр. 397.

иностранныхъ офицеровъ, потландцевъ, ремесленниковъ и торгашей, частью состоявшихъ на военной службѣ, частью получавшихъ содержаніе отъ денегъ за пожіданіе отъ нивоваренія, винокуренія и содержанія кабаковъ, что имъ предоставлялось по особой милости ¹⁾. Въ актахъ встрѣчаются указанія на пребываніе иностранцевъ въ Москвѣ, Ярославлѣ, Новгородѣ, Псковѣ, Тулѣ, Вологдѣ, Устюгѣ Великомѣ, Каргополѣ, Холмогорахъ, Архангельскѣ и Казани ²⁾.

Олеарій сообщаетъ, что въ его время (1634 году) въ Москвѣ было до 1,000 иностранцевъ (западно-европейцевъ), а въ Нижнемъ Новгородѣ до сотни лютеранъ.

Во всѣ эти города иностранцы переселялись иногда съ женами и дѣтьми на долгое время или женились на мѣстѣ. Такъ, голландскій купецъ Симонъ Бусъ въ своей челобитной о невысылкѣ его изъ Холмогоръ въ Москву пишетъ, между прочимъ что онъ „на Холмогорахъ купилъ себѣ дворъ и женился, и уже долго живя въ Холмогорахъ у Архангельскаго города отъѣзжаетъ въ Вологду, Устюгъ и Ярославль для торгонни“. Сынъ англичанина Артемія Астона, служившаго въ русскомъ войскѣ, тоже женился, но только для этого отлучившись былъ на родину, откуда возвратился вмѣстѣ съ женою въ Москву въ 1615 году. Новый гѣваръ, нанятый въ Ригѣ Романомъ Бекманомъ для царя Бориса, Каспаръ Фидлеъ просилъ, чтобы ему было дозволено, если служба его понравится государю, послать за женою и дѣтьми, на что и получилъ согласіе. Также поступилъ и другой англійскій гѣваръ Андрей Матвѣевъ ³⁾.

Докторъ Венделинъ Зибелистъ прѣхалъ въ Москву въ 1633 году также съ женою и дѣтьми. Подъ 1638 годъ встрѣчаемъ челобитную служилаго человѣка Дорна о томъ, чтобы ему и женѣ его съ прислугой отпустили дворъ для житія въ Москвѣ. Въ 1639 году долженъ былъ явиться скляничникъ Павелъ Рейдръ въ Москву вмѣстѣ съ женою и дѣтьми; въ томъ же году является въ столицѣ докторъ голландецъ Валентинъ Вильсъ, у котораго уже было двѣ сестры и братъ, ранѣе поселившіеся въ Москвѣ. Такимъ образомъ мы имѣемъ нѣсколько примѣровъ появленія въ Россію иностранцевъ, готовыхъ на долгое время остаться въ Россіи.

¹⁾ *Олеарій*, Путешествіе, кн. IV, гл. XI—*Ит. Общ. Истор. и древн.* 1869 г., кн. 1, стр. 399.

²⁾ *Русск. Истор. Библ.* т. II, № 166, стр. 615; *Ак. Истор.* т. III, № 169, стр. 312.

³⁾ *Русск. Истор. Библ.* т. VIII, стр. 94, 110, 118, 259, 274, 278, 298, 304.

Время пребыванія иностранцевъ въ точности опредѣлить едва ли возможно. Купцы держали своихъ агентовъ въ главныхъ торговыхъ русскихъ центрахъ, а сами прїѣзжали большею частью лишь не на долго. Жалованныя грамоты обыкновенно выдавались имъ на 10—20 лѣтъ ¹⁾. Нѣкоторые купцы проживали, однако, довольно долго, а равно военные и доктора. Такъ голландскій купецъ Симонъ Бусъ жилъ въ Россіи семь лѣтъ (1615—1623 года), а Горкой цѣлыхъ 20 лѣтъ (1680—1628 года). Докторъ Артемій Дій жилъ около 15 лѣтъ (1620—1635 года) ²⁾.

III.

Отношеніе московскаго правительства къ прїѣзжимъ иностранцамъ мѣнялось смотря по тому, являлись ли они съ торговою цѣлью, или выѣзжали на государево имя.

Купцы принуждены были при ввозѣ своихъ товаровъ платить известную пошлину, количество которой постепенно возрастало съ теченіемъ времени.

Какъ извѣстно, въ XVI вѣкѣ англичане, игравшіе тогда главную роль въ развитіи русской торговли, освобождены были отъ пошлинъ, которыми платили другіе иностранцы. Замѣтимъ, однако, что, съ одной стороны, уже тогда являлись попытки наложить и на англичанъ пошлины, съ другой—освободить и нѣкоторыхъ другихъ иностранцевъ, не входившихъ въ составъ членовъ англійской компаніи, отъ тѣхъ же пошлинъ. Такъ, въ 1580 году съ англійскихъ купцовъ въ государеву казну взыскано было 1,000 рублей, въ слѣдующемъ 1581 году 500 и еще 500 въ январѣ мѣсяцѣ ³⁾.

Съ другой стороны, въ одномъ изъ четырехъ наказовъ, данныхъ англійскому послу при отъѣздѣ его изъ Лондона въ Москву (1583 года), сказано между прочимъ: „Нидерландцу де-Валу, который старается подорвать торговлю ся величества, не только дозволяется продол-

¹⁾ Сборн. кн. Хизова (С.-Пб. 1879 г.), № 82, стр. 246—247.

²⁾ Русск. Истор. Вѣд. т. VIII, стр. 199, 267—270 и др.

³⁾ That in anno 1580 there was exacted of them in name of the said king one thousand roubles contrary to the forme of their privilege. That in anno 1581, there was likewise ex acted of them 500 roubles. That since the arywall of the ambassador here in the moneth of January and February last there hath likewise ben demanded of them 500 roubles. См. Ю. Толстому, England and Russia, № 48, стр. 217.

жать торговлю въ противность сказаннымъ повольностямъ (англичанъ), но даже онъ остается свободенъ отъ всякихъ пошлинъ“¹⁾.

Что касается размѣра этихъ пошлинъ, то въ XVI вѣкѣ, по словамъ Герберштейна, торговая пошлина взималась со всякаго привознаго и ввознаго товара по 7 денегъ съ рубля и, слѣдательно, равна была $3\frac{1}{2}$ ‰, кромѣ воска, съ котораго брали по 4 денги съ пуда. Въ концѣ XVI вѣка въ Москвѣ брали торговой пошлины по 8 денегъ съ рубля, и эта пошлина называлась малою²⁾. Въ началѣ XVII вѣка по пути изъ Архангельска въ Москву и по Волгѣ, „взимаются таможенные пошлины, которыя простираются до весьма значительной суммы. Такъ, по одной Волгѣ таможенныхъ пошлинъ за соль и рыбу считается 60 тысячъ фунтовъ стерлинговъ“ (приблизительно 85,714 рублей 30 копѣекъ на тогдашнія русскія деньги), какъ пишетъ англійскій резидентъ въ Россіи Джонъ Меррикъ³⁾.

Въ 20-хъ годахъ XVII вѣка, пошлина, по видимому, уменьшилась сравнительно съ прежнею, но затѣмъ опять постепенно возрастаетъ. Такъ, Исаакъ Масса, голландскій посолъ, ѣхавшій въ Москву въ 1618 году, говоритъ, что въ Архангельскѣ съ голландскихъ кораблей взимается пошлина въ 8‰⁴⁾. Но уже въ 30-хъ годахъ она увеличилась и превосходила пошлины, взимаемыя въ концѣ XVI вѣка. О томъ свидѣтельствуетъ Олеарій, который объясняетъ большее значеніе, по его мнѣнію, въ торговыхъ сношеніяхъ Россіи съ западомъ Нарвы сравнительно съ Архангельскомъ тѣмъ, что тутъ пошлина хотя и равна 2‰, но все же меньше архангельской, а въ другой разъ прямо указываетъ на то, что пошлина въ Архангельскѣ и Астрахани равна 5‰⁵⁾.

Судя по одной договорной грамотѣ, принадлежащей почти тому же времени, какъ и свидѣтельство Олеарія (1629 года), пошлины эти распределялись слѣдующимъ образомъ: съ товару „невѣсчаго“,

¹⁾ *Heades of instructions for Sir Huron Bower to Russia* № 48, p. 218. *Ibid.* Ср. *Карамзина* Ист. Р. т. X, прим. 424.

²⁾ *Ключевскій*, стр. 141; *Соловьевъ*. Ист. Р. VII, стр. 382.

³⁾ Ср. пр. 27 и пр. 2. Определить въ точности, чему равна была сумма на русскія деньги, мы не можемъ въ виду хронологической ея неопредѣленности.

⁴⁾ Три письма Исаака Массы Генеральнымъ Штатамъ. Письмо второе. *Вѣсти. Европы* 1868 г., стр. 802.

⁵⁾ Путешествіе Адама Олеарія въ Москву. Кн. III, гл. I. *Чт. М. Общ. Истор.* и *Др.* 1868 г., кн. I, стр. 114 и кн. III гл. IX, *Чт.* кн. 3, стр. 244; *Котошигинъ*, стр. 110.

то-есть, суконъ, вамокъ, съ жемчуга, ефимковъ—съ рубля по 8 денегъ ($4\frac{1}{2}\%$), а съ вѣснхъ товаровъ съ 1 рубля по 10 денегъ ($5\frac{1}{2}\%$). При отправленіи этихъ товаровъ въ Москву, съ воза платили гривну; кромѣ того, съ „писчего и херснаго съ статьи“ платилось по 2 алтына 4 деньги. Если товары не оставались въ Москвѣ, а перевозились еще далѣе, то въ Москвѣ взималось по одной деньгѣ съ рубля, кромѣ уюлковой пошлины, которая равна была съ воза 5 деньгамъ ¹⁾).

По пути въ Астрахань пошлины съ теченіемъ времени еще болѣе увеличались, такъ что достигли 9% , и издержки на привозъ стали почти равны цѣнамъ на товаръ, что послужило одною изъ главныхъ причинъ прекращенія торговаго движенія по этому направленію ²⁾).

Иногда, однако, въ виду особой милости, поощренія или пособія, вслѣдствіе неуспѣшнаго хода торговли, иноземнымъ купцамъ удавалось отчасти или иполнѣ освободиться отъ платежа пошлинъ. Такъ, изъ челобитной, поданной государю въ 1649 году отъ стольниковъ, стрипчихъ, дворницъ, дѣтей боярскихъ, гостей и торговыхъ людей о воспрещеніи иностраннымъ купцамъ торговать въ русскихъ городахъ, кромѣ Архангельска, мы встрѣчаемъ извѣстіе о томъ, что иноземные купцы платятъ „пошлину противъ русскихъ людей малую“ ³⁾. Нѣкоторымъ иноземнымъ купцамъ выдавались жалованныя грамоты отъ государя, въ которыхъ они освобождались отъ пошлины лишь на опредѣленный срокъ времени. Такъ, въ 1634 году выдана была жалованная грамота Ефриму Фильбриту на устройство фабрики для выдѣлки лосиныхъ кожъ, съ правомъ свободной и безпошлинной торговли въ продолженіе десяти лѣтъ. Такою же грамотой скляничному мастеру Елисею Коету дозволялось торговать безпошлинно въ продолженіе 5 лѣтъ ⁴⁾. Другимъ иноземнымъ купцамъ предоставлялось право

¹⁾ Собр. Госуд. Грам. и Договор., т. III, № 80. Ср. Акт. Ист. т. III, № 94 и № 95.

²⁾ А. И. Веселовскій. Нѣсколько географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній о древней Россіи изъ разказовъ италянцевъ въ *Зап. Геогр. Общ. по отд. Этнографіи* 1868 г., т. II, стр. 729, *Bericht. La Venezia e la Perua* 1868, p. 248—252. Акт. Истор. т. III, № 130 стр. 203—204; № 134 стр. 212; Акт. Архоогр. Экспеди. III, № 241 стр. 369 и слѣд. Другою главною причиною ея прекращенія были грабительскія шайки, мѣшавшія сношеніямъ. *Соловьевъ. Истор. Р.*, т. IX, стр. 92; Олсариі во мн. мѣст., кн. IV, гл. I и др.; Акт. Истор. т. III, № 134 стр. 212, № 154 стр. 253, № 181 стр. 331 и др.

³⁾ Сборникъ кн. Хилкова, № 82 стр. 239.

⁴⁾ Собр. Госуд. Грам. и Дог. ч. III, № 102, 103.

платить лишь половину пошлины, какъ, напримѣръ, голландцу Маркову въ 1614 году. Наконецъ, иные вполне освобождались отъ пошлины, какъ, напримѣръ, московскій нѣмчинъ Юрьевъ въ 1613 году за разореніе отъ литовскихъ людей, какіе-то англійскіе купцы въ 1607 году по особой просьбѣ короля Іакова, товарищество англійскихъ купцовъ подъ начальствомъ Смита въ 1615 и нѣкоторые другіе¹⁾. Какъ уменьшеніемъ или освобожденіемъ отъ пошлины награждались наилучшіе изъ иноземныхъ купцовъ, такъ увеличеніемъ пошлины наказывались плуты, которыхъ въ началѣ XVII вѣка уже было довольно много. Такъ, въ 1640 году таможеннымъ головою Григоріемъ Микитниковымъ въ Ярославлѣ у торговыхъ нѣмцевъ найдено въ складахъ много неявленнаго товару, за что онъ наложилъ на нихъ двойную пошлину.

Кромѣ пошлины, иноземные купцы обязаны были продать въ казну государеву безъ прибыли за ту цѣну, какую они у нихъ продаютъ, лучшіе изъ товаровъ по выбору русскихъ гостей. Такого товару на 875 р. 25 к. долженъ былъ продать въ казну государеву въ 1613 году англійскій гость Иванъ Ульяновъ; въ томъ же году взято товару у голландскаго купца Логина Родіонова на 105 р. 37 к., у Семена Семенова на 52 р. 87 к. и такъ далѣе²⁾.

Наконецъ, иностранные купцы, помимо пошлины и продажи въ казну государеву разныхъ товаровъ, иногда были челоми государю, царевичу, рѣже государинѣ и великой княгинѣ различными западно-европейскими издѣліями, какъ то кубками, стоянками или кружками разнаго рода, атласами, бархатами и другими матеріями, за что получали конечно, должное, вознагражденіе. Такъ, въ 1613 году 21-го декабря былъ государю челоми купецъ Иванъ Ульяновъ, въ 1614 году февраля 14-го голландецъ Юрій Кливинъ и Карлъ Ивановъ, 21-го января 1616 года Фабинъ Ульяновъ, января 1-го 1625 года голландецъ Карлъ Демулинъ и анбурецъ Яковъ Фрянчиковъ, Фабинъ Ульяновъ государю, государинѣ и великой княгинѣ, голландцы Петровъ, Андреевъ, Николаевъ въ 1629 году марта 14—царевичу, Карлъ Демулинъ въ 1631 году 3-го генваря—государю, прикащикъ Демулина въ 1632 году апрѣля 4-го ему-же и такъ далѣе³⁾. По

¹⁾ Сборникъ кн. Хилкова, № 82 стр. 244, 245; Собр. Госуд. Гр. и Дог. III, № 17.

²⁾ Сборникъ кн. Хилкова, № 65 стр. 177; Русск. Истор. Вѣст., т. IX стр. 24, 27, 31, 32, 81—83, 85, 143.

³⁾ Дополненія къ Дворцовымъ Разрядамъ, изд. И. Е. Забылиннымъ въ Чт. Общ. Истр. и Дресн. 1882 г. кн. 1 и 3. 1883, кн. 2 и 4.

этимъ немногимъ примѣрамъ не трудно, однако, замѣтить, что приношенія эти, главнымъ образомъ, жертвовались по случаю высокопразднственныхъ дней или праздниковъ, какъ-то Рождества, Новаго года, дня рожденія царевича.

О прибытіи иноземныхъ докторовъ, мастеровыхъ и военныхъ людей въ Архангельскъ, Новгородъ или Псковъ воеводы должны были тотчасъ же посылать извѣщеніе въ Москву. Такія отписки посылаютъ по случаю прибытія различнаго рода иноземцевъ: псковскіе воеводы въ 1600 году и 1622 году въ декабрѣ мѣсяцѣ; попгородскіе— князь Хованскій въ 1619 году въ маѣ, Даниилъ Мезецкій и М. Милославскій 1620 года марта мѣсяца, Рѣвнищъ и Ободуровъ въ октябрѣ 1636 года и воеводы архангельскіе, какъ-то Т. Лазаревъ и Вороновъ въ іюнѣ 1604 году, Пушкинъ— въ 1613 году 31-го іюля, Волюнскій и Остаповъ въ 1627 году въ августѣ и нѣкоторые другіе. Въ этихъ отпискахъ воеводы обыкновенно сообщаютъ болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія о личности прѣзжаго, о причинахъ, которыя заставили его выѣхать, и о тѣхъ политическихъ новостяхъ, которыя могли разузнать у него. Прѣзжаго иноземца, выѣхавшаго на государево имя, не отпускали до тѣхъ поръ, пока не воспослѣдовало согласія или отказа Государя принять его на свою, государеву, службу.

Лица, не сами прѣзжавшія на государево имя, а выписанныя изъ-за границы, получали обыкновенно опасную грамоту для свободнаго проѣзда. Такого рода опасныя грамоты приготовлены были, напримѣръ, для иноземныхъ полковниковъ, которыхъ долженъ былъ нанять Александръ Лесли въ 1631 году, рудознатцу англичанину въ 1626 году, городского дѣла мастерамъ и золотой и серебряной канители и бити мастерамъ въ 1633 году, знаменитому Олеарию или женѣ лѣкаря англичанина Матвѣя Андреева въ 1632 году. Такія же опасныя грамоты выдавались и врачамъ,—напримѣръ, Каспару Фидлеру въ 1600 году¹⁾. Грамоты эти начинаются полнымъ титуломъ Государя, затѣмъ содержатъ иногда увѣренія въ безопасности и выгодѣ предпринимаемаго путешествія, краткое описаніе его хода, уговоры о жалованіи денежномъ и кормовомъ и удостовѣреніе о вольномъ проѣздѣ и выѣздѣ изъ Россіи безъ задержанія. Отпуская иностранца въ Москву на службу къ государю, воеводы давали ему иногда проводника, чтобы ему дорогой чего дурнаго не приключилось, а можетъ

¹⁾ Р. Истор. Библ., т. VIII, стр. 97—99; Собр. госуд. гр. и договоровъ, ч. II, № 75, ч. III, № 76, 84, 89, 94, 110; Ант. Истор. т. III, № 169 стр. 312.

быть, и для того, чтобъ онъ не вздумалъ бѣжать за рубежъ и чтобъ имъ, воеводамъ, за то въ отвѣтъ не быть. Такъ въ 1620 году воеводы Новгородскіе Д. Мезецкій и М. Милославскій отпускаютъ шведа Христофора Самуилова съ Василіемъ Арбузовымъ. Въ 1622 году, Псковскіе воеводы А. Хилковъ, И. Наумовъ и П. Евдокимовъ посылаютъ польскаго перебѣжчика къ государю съ Богданомъ Хомутовымъ, а другаго шляхтича нѣсколько позже—туда же съ Иваномъ Тимашевымъ; въ 1628 году Архангельскій воевода отправляетъ въ Москву серебрянаго дѣла мастера и рудознатца, „французапина“, съ пятидесятиникомъ стрѣльцкимъ Борисомъ Яковлевымъ; въ 1633 году Архангельскій воевода Г. Плещеевъ и Н. Демидовъ послали доктора Венделинуса съ 5 стрѣльцами и приставомъ Нв. Пустошкинымъ въ Москву¹⁾. Во время пребыванія въ пограничныхъ городахъ въ ожиданіи государева рѣшенія и при переѣздѣ въ Москву, иноземцамъ, выѣхавшимъ государю служить, выдавалось опредѣленное кормовое жалованіе натурой или деньгами. Деньги эти выдавались иногда на все время его путешествія. Такъ, въ опасной грамотѣ Каспару Фидлору между прочимъ, говорится, чтобъ онъ до Пскова занялъ бы денегъ, и что въ Псковѣ ему позвратить занитое. Впрочемъ, сдѣлано это было по просьбѣ самого доктора, когда онъ въ ноябрѣ 1600 года собирался прѣхать въ Россію. Воля въ опредѣленно сказать о количествѣ этого жалованья, однако, затруднительно по небольшому количеству данныхъ. Оно мѣнялось, смотря по званію и значенію иноземца. Такъ, женѣ кн. Астана, прѣхавшей къ мужу въ 1615 году въ Москву, выдавалось по время путешествія по 6 алтынъ 5 денегъ на день, а его сыну по 5 алтынъ; впазю Шликовскому (Шликону), нидѣльному дѣтчанину,—6 алтынъ 4 деньги. Хорошіе доктора, какъ напримѣръ Венделинъ Зибелистъ, получали до 8 алтынъ 2 деньги ежедневно (вмѣстѣ съ женою), тогда какъ плохіе, безъ рекомендательныхъ писемъ, по 5 алтынъ, напримѣръ, Кумансъ съ женой. Аптекари получали меньше—по 2 алтына въ день. Выѣзжимъ служилымъ или военнымъ людямъ незнатнаго происхожденія и невысокаго положенія выдавалось отъ 10 до 9 денегъ на день, другимъ 6 и даже 3 деньги. О платѣ мастеровымъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Наконецъ, слугамъ, служившимъ у различныхъ иноземцевъ выдавалось ежедневно кормоваго жалованья отъ 4 денегъ до 2 алтынъ²⁾.

¹⁾ Р. Ист. В., т. VIII, стр. 143, 147, 158, 159, 204, 259.

²⁾ Р. Ист. В., т. VIII, стр. 89, 94, 105, 119—120, 136, 190, 192, 261.

Таковы были тѣ льготы и требованія, которыя возлагались на иностранцевъ при въѣздѣ въ предѣлы Россіи. Тѣ изъ нихъ, которые пріѣзжали служить государю, обыкновенно отправлялись въ Москву и должны были явиться въ посольскій приказъ къ дьяку или-же иногда, въ рѣдкихъ случаяхъ, бывали даже у самого государя на аудіенціи. Такого рода аудіенціи получали новопріѣзжіе доктора и даже мастеровые люди. Такого приѣма удостоились, напримѣръ, голландскій докторъ Зибелистъ въ 1633 году, гольштинскій—Гартманъ Громаиць въ 1639 году и въ томъ же году голландскій докторъ Валентинъ Вильсъ. Въ 1622 году былъ приѣмъ у государя мастеровыхъ, прибывшихъ изъ Англіи. Приѣмы эти, конечно, далеко не отличались той пышностью, какую старались выказать при приѣмѣ пословъ, но все-же они представляютъ не мало любопытнаго. Вотъ, напримѣръ, описаніе приѣма доктора Зибелиста: 142 года марта въ 20-й день указалъ государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Руси быть у себя, государя, по пріѣздѣ Венделинусу доктору Гольштинской земли. И того дня былъ у государя докторъ. За нимъ послали съ государевой конюшни лошадь съ сѣдломъ. Пріѣхавъ въ городъ, дождался онъ государева выхода въ посольскомъ приказѣ. Когда-же про него думный дьякъ Иванъ сказалъ государю, то государь велѣлъ ему итти къ себѣ государю. Какъ вошелъ докторъ къ государю въ палату, думный дьякъ Иванъ Грязевъ приказалъ ему челомъ ударить и молвилъ: Великій Государь и Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Руси самодержецъ и обладатель Венделинусъ докторъ Гольштинской земли вамъ, великому государю, челомъ ударилъ, пріѣхалъ къ Вамъ, Великому Государю, служить. И государь пожаловалъ его къ рукѣ и велѣлъ его спросить о здоровьѣ, а затѣмъ велѣлъ думному дьяку Ивану рѣчь говорить доктору Венделинусу. И Иванъ молвилъ: „Докторъ Венделинусъ, великій государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Руси, самодержецъ и многимъ государствамъ государь и обладатель, велѣлъ тебѣ говорить: пріѣхалъ ты къ намъ Великому государю служить докторствомъ своимъ, чтобы жалованье наше получить. И мы, великій государь, тебя похваляемъ, что ты нашего царскаго жалованія получить желалъ. И ты бы нашему царскому величеству служилъ и на нашу царскую милость и жалованіе былъ надеженъ; а мы, великій государь, начнемъ держать тебя въ призрѣнъи и награждать нашимъ царскимъ милостивымъ жалованіемъ“. А послѣ того велѣлъ государь сказать думному дьяку Ивану Грязеву государево жалованіе (Венделинусу) и молвить: Докторъ Венделинусъ,

великій государь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, всей Руси самодержецъ и многихъ государствъ Государь и обладатель, жалуетъ тебѣ своимъ государевымъ жалованіемъ: бархатъ гладкій, бархатъ рытой, атласъ гладкій, двѣ камки куфтерю, 2 сукна барепу, 40 соболей въ 40 руб., денегъ 70 рублей. А людямъ твоимъ жалуетъ жалованіе отъ своей государской казны: женѣ докторской камку куфтерю, тафту широкую, сукно лундышъ, 40 соболей. А людямъ докторонимъ: лучшимъ четверемъ по сукну англійскому, по дорогамъ по 8 рублевъ денегъ челоуѣку. Остальнымъ же четверемъ по сукну же англійскому да по дорогамъ, да по 5 рублевъ денегъ челоуѣку; двумъ женщинамъ по сукну же англійскому да по дорогамъ. А послѣ того велѣлъ государь думному дѣлку Ивану сказать свое государево жалованье: кормъ для стола и отпустить на подворье. — Тѣмъ и кончилась аудіенція. Пріемъ мастеровыхъ происходилъ по тому же образцу; только коней имъ изъ государевой конюшни не посылали и при заключительной рѣчи дѣяна не исчислялось жалованье государево въ подробности.

Иноземцы, пріѣзжавшіе служить государю, получали различнаго рода пособій и жалованій. Такого рода жалованіями и пособіями были: 1) вознагражденіе за выходъ или пріѣздъ, выдававшееся иноземцу по прибытіи въ Москву, 2) кормовое жалованіе, 3) денежный и помѣстный окладъ и 4) пособія, выдаваемые иностранцу за крещеніе его въ православную вѣру и на дворовое строеніе. Плату за выходъ выдавали обыкновенно въ одномъ и томъ же размѣрѣ и докторамъ, и военнымъ служилымъ людямъ, и мастерамъ. Она лишь нѣсколько измѣнялась въ цѣнности, смотря по значенію лица пріѣзжавшаго, состояла обыкновенно изъ небольшой суммы денегъ, мѣховъ и вѣсколькихъ лоскутовъ матерій. Больше другихъ получали за выходъ иноземные доктора: имъ выдавалось отъ 40 до 70 р. денегъ, по два или по одному бархату, атласу, по два или по одному куску лундыша и камки и по 40 соболей цѣнностью въ 30—40 р. Такъ докторъ Зибелистъ въ 1633 году получилъ: 2 бархата, атласъ, 2 камки, 2 сукна лундыша, 40 соболей въ 40 р. и 70 р. деньгами. Докторъ Громантъ, прибывшій туда же въ сентябрѣ 1639 года, получилъ одинъ бархатъ, атласъ, 2 камки, два сукна лундыша, 40 соболей въ 40 р. и 70 р. деньгами. Докторъ Вильсъ, явившійся въ ноябрѣ 1642 года, получилъ нѣсколько менѣе, а именно: бархатъ, камку, сукно лундышъ, 40 соболей цѣною въ 30 руб. и 40 р. денегъ. Иногда плата за выходъ выдавалась и женѣ доктора. Такъ жена доктора

Зибелиста получила камку, тафту, сукно и сорокъ соболей ¹⁾. Выходная плата выдавалась даже иногда и тѣмъ докторамъ, которымъ отказывали въ поступленіи на службу. Кривей Юрьевъ, одинъ изъ такихъ докторовъ, получилъ выходной платы 80 соболей по 20 и 15 р. за сорокъ ²⁾.

Мастеровые люди выходной платы получали нѣсколько меньше, чѣмъ доктора. Атласу имъ обыкновенно не давали, соболи замѣняли кунницами, а денегъ выдавали вдвое или втрое меньше того, что получали доктора. Такъ золотого дѣла мастера Фанекель, Фрикъ и Лардиль, прибывшіе въ Москву въ 1620-хъ годахъ, получили: первый—бархатъ, камку, сукно лундышъ, 40 кунницъ и 20 р., второй то же, что и первый; третій—камку, сукно лундышъ, тафту, 40 кунницъ и денегъ 18 рубл. Алмазнаго дѣла мастеръ Вушъ, пріѣхавшій въ Москву въ 1623 г., получилъ тоже, что и Фанекель и Фрикъ, но мастеръ городского дѣла Демущаръ, бывшій въ Москвѣ годомъ позже, награжденъ былъ 40 соболями въ 30 рубл., камкой, атласомъ, сукномъ лундышемъ и сорокомъ кунницъ, а бархатнаго дѣла мастеръ голландецъ Лермитъ въ 1625 г. — однимъ сорокомъ соболей, 20 рубл. денегъ и лѣсымъ мѣхомъ (въ 1—2 руб.) ³⁾.

О выходной платѣ переводчиковъ имѣемъ весьма мало свѣдѣній. Такъ, выѣзжій иноземецъ отъ свейскихъ пѣмцевъ переводчикъ Арль-Вукъ получилъ 40 р. денегъ, 40 соболей въ 25 рубл., камку, тафту и сукно, а другой выѣзжій переводчикъ Яковлевъ — лишь 15 р. камку, тафту, сукно и чарку въ 2 р. Иногда переводчики получали еще меньше. Переводчикъ Андрей Еремѣевъ въ 1614 г. получилъ за выходъ $3\frac{3}{4}$ арш. сукна по 1 р. 19 алт. аршинъ ⁴⁾. Военные люди получали разнообразную выходную плату, смотря по чину. Низшимъ чинамъ выдавалось обыкновенно отъ 15 до 20 р. денегъ и 2 куска матеріи съ прибавленіемъ иногда мѣховъ. Такъ, выѣзжій служивый человекъ Гансъ Юхомъ за выходъ получилъ 15 р., камку и сукно, а товарищъ его Гарманъ 10 р., тафту и сукно. Конные нѣмцы, пріѣхавшіе служить государю въ 1620 г., получили такой же платы

¹⁾ Ср. Расходную книгу товаровъ и вещей въ 1613—1614 г. въ IX т. Р. Ист. В., стр. 346.

²⁾ Русск. Ист. Вѣст., т. VIII, стр. 265, 303, 322, 193.

³⁾ Ib. стр. 182, 183 и 184.

⁴⁾ Ib. стр. 150, т. IX, стр. 381 (Расходная книга товаровъ и вещей 1613—1614 г.).

15 руб., камку и сукно. Магометане и южные наши сосѣди, прѣѣзжавшіе служить въ войскѣ, получали приблизительно то же вознагражденіе ¹⁾. Вышше по чину и болѣе знатные иноземцы получали за выходъ и большую плату. Кромѣ большого числа матерій и денегъ, они получали еще по сороку соболей или купецъ и ковшъ, чарку братины или то и другое вмѣстѣ и иногда коня. Такъ, извѣстный князь Артемій Астонъ получилъ за выходъ кубокъ золотой, братину серебряную въ 3 гривенки, чарку, два бархата, двѣ камки, два сукна, 40 соболей въ 80 рубл., 40 кунецъ въ 12 руб., лисицу черную въ 10 руб., 100 руб. денегъ и кошь меринъ ²⁾. Другой знатный выходецъ грекъ—Иванъ Альбертъ, прѣѣхавшій въ Москву на государево имя въ 1628 г., получилъ ковшъ, камку въ 10 руб., тафту въ 4 руб., сукно—лундышъ въ 4 рубля, 40 собол. въ 20 р. и 20 руб. денегъ.

Кормовое и питейное жалованіе также выдавалось докторамъ, мастеровымъ, переводчикамъ и военнымъ людямъ. Выдача эта производилась частью деньгами, частью натурой; кормъ въ послѣднемъ случаѣ выдавался изъ приказа большого прихода, гдѣ, по словамъ Котошихина, „какъ биваютъ окрестныхъ государствъ послы въ Москвѣ, также и греческія власти и персидскіе и греческіе купецкіе люди и имъ покупается всякой кормъ, хлѣбъ и мяса, и конской кормъ, сѣно и овесъ, и дрова и дается деньгами кормовыми иноземцамъ и ихъ женамъ, вдовамъ и дочерямъ дѣвцамъ и переводчикамъ и толмачамъ“ ³⁾. Питье обыкновенно выдавалось изъ приказа большого дворца (ситетнаго двора) и повои четверти. Такъ, доктора Іовъ Полиданусъ, Зибелистъ, Громантъ получаютъ кормовое жалованье изъ большого прихода, также какъ и военные люди Фельтенъ, кн. Шлаковъ; питье—тѣ же доктора, а еще докторъ Артемій Дій и воен-

¹⁾ Р. Ист. В. VIII, стр. 131, 140, 151, 167, 177, 179, 180, 223 и др.

²⁾ Иб. стр. 115, 207. Чину лоскутовъ, матерій можно видѣть по несмѣняющей выходной платѣ Ивану Альберту. По аршинамъ — цѣнность ихъ легко опредѣлять по расходнымъ книгамъ денежной казны и др. напеч. въ т. IX Р. Ист. В. Кошь же меринъ въ 1603 г. стоить отъ 1 р. (30 алт.) до 2½ р. (Отрывокъ изъ расходной книги Нижегородскаго Благовѣщенскаго монастыря—Русск. Истор. Вѣст. II, № 51, стр. 81), а въ 1621 г. до 4 р. (Указная книга разбойничьяго приказа—Владимірскій-Будановъ. Христованія по исторіи Русскаго права, т. III, стр. 66).

³⁾ Ср. Русск. Истор. Вѣст. т. IX, стр. 261, 154, 161, 159, 232, 332.

⁴⁾ Котошихинъ, О Россіи. Гл. VII. § 4, 20.

ные люди Шляковский и Черкасский съ большого дворца, слуга Шляковского и Григорія Черкаскаго изъ новой четверти, а военный человекъ Фельтенъ изъ иноземнаго приказа ¹⁾. Лишь въ 1643 г. по челобитной докторовъ, которые жаловались на то, что подъячье большого прихода время волочать и къ сроку мѣсячнаго корму не даютъ, послѣдовало распоряженіе мѣсячный кормъ докторамъ препровождать въ аптекарскій приказъ ²⁾. Кормовое жалованіе получали доктора, мастеровые люди, переводчики и иногда военные люди.

Докторамъ кормовое жалованіе выдавалось деньгами или натурой. Такъ, доктору Артемію Дію приказано было давать 72 руб. въ мѣсяцъ на кормовое жалованье, а Валентину Бильсу — 55 р. Иногда вмѣсто денегъ изъ приказа большого прихода выдавался иностранному доктору провіантъ, который состоялъ изъ 1 гуся, 2 куръ, полутуши баранины, одной части говядины и свинины и 5 алтынъ денегъ на мелочи. Такое содержаніе получалъ, напримѣръ, докторъ Полиданусъ въ 1628 г. и Зибелистъ въ 1634 г.; докторъ Громантъ по случаю прѣзда, получалъ двойную порцію и, кромѣ того, зайца, двухъ утятъ и тетеревовъ, 6 гривенокъ масла, 50 яицъ и 2 калача. Аптекари получали на кормъ нѣсколько меньше. Такъ, Филиппъ Бриотъ въ 1644—1645 г. получалъ 11¹/₂ алтынъ въ день, алхимикъ 5⁵/₈, а лѣкарь Вульфъ всего 3 алт. 1 деньгу ежедневно ³⁾. Питейное содержаніе докторовъ было слѣдующимъ: 4 чарки вина, къ которымъ иногда прибавлялось еще другихъ четыре рядоваго, какъ напримѣръ, докторамъ Полиданусу и Зибелисту, одна кружка романаи, 4 кружки меду различныхъ сортовъ, причеъ иногда его бывало больше, полведра или ведро пива цѣльнаго или поддѣльнаго. Такое содержаніе получали доктора Полиданусъ, Зибелистъ, Артемій Дій, Бильсъ, все придворные доктора первой половины XVII столѣтія. Аптекари и лѣкари или вовсе не получали питейнаго содержанія, или получали его въ меньшемъ количествѣ. Аптекарю Рандольфу и окулисту Бруну въ 1631 г. выдавали по 3 чарки вина, по 2 кружки меду паточнаго и цѣжнаго и одному четвертнику пива; алхимикъ Виніусъ въ 1640-хъ годахъ получалъ по 3 чарки вина, по двѣ кружки меду и по столько же пива.

¹⁾ Русск. Истор. В., т. VIII, стр. 263, 303, 124, 211 и др. Ср. Акты Истор. т. III, № 304, стр. 496.

²⁾ Сбор. ии. Хилкова, № 71, стр. 200—201.

³⁾ Р. Ист. В., VIII, стр. 238, 262, 313; Акты Истор. III, № 303—305, стр. 496, 498, 500.

О выдачѣ такого же жалованья мастеровымъ вообще мало извѣстно. Знаемъ только, что придворный часовой мастеръ Христофоръ Головей получалъ по 6 алтынъ 5 денегъ и по воу дровъ ¹⁾ въ недѣлю въ 1641 году, а позже въ 1645 году сталъ получать вдвое. Анезь Кезель такой же мастеръ въ 1645 году получалъ по 8 алтынъ 2 деньги ежедневно ²⁾. Во всякомъ случаѣ иноземные мастера, по всей вѣроятности, получали больше, чѣмъ собственные русскіе мастера, которые служили на государевомъ казенномъ дворѣ, и изъ которыхъ (судя по расходной книгѣ денежной казны 1613—1614 годовъ) завсичныи мастера, напримѣръ, получали по 8 денегъ, портные по 6—8 денегъ, бобровники, сапожники и шапочники по 8 денегъ, плотники по 10 и меньше, пункари по 10 денегъ кормоваго жалованія ежедневно ³⁾.

Переводчикамъ, по видимому, выдавалось одно кормовое жалованіе. Они получали по полтинѣ, 15 алтынъ, 4 гривны, 10 алтынъ и по 2 гривны на день смотря по челобѣку. Толмачи получали еще меплине: по 2 гривны, по 5 алтынъ, 4, 3 и 2 алтына или 10 денегъ ежедневно. Встрѣчается лишь случайная замѣтка о толмачѣ Петрѣ, который получалъ поденнаго кормоваго жалованія 8 денегъ, и то не отъ московскаго правительства, а отъ Синайскаго митрополита Іереміа, ѣхавшаго въ Москву ⁴⁾.

Изъ военныхъ кормовое жалованіе получали тѣ, которые лишены были помѣстнаго оклада, то-есть, обыкновенно лишь низшіе чины. Иноземцы, служившіе въ рейтарскихъ (конныхъ) и солдатскихъ (пѣшихъ) полкахъ, получали по 7—8 денегъ на кормъ ⁵⁾. Такъ Юрій Градь съ товарищами, виѣзжими нѣмцами, или виѣзжіи Сербъ Петръ Александровъ получаютъ такое содержаніе ⁶⁾.

Кромѣ вознагражденія за выходъ и кормоваго и питейнаго со-

¹⁾ Возъ дровъ въ это время стоилъ 3 алт. 4 деньги. См. Русск. Истор. Вѣд., т. IX, стр. 73.

²⁾ Акт. Истор., т. III, № 244, ст. 402. Тамъ же читаемъ: „А нныхъ иноземцовъ часовыхъ мастеровъ oprычъ его Христофора во посольскомъ приказѣ вѣтъ“.

³⁾ Р. Ист. В., т. IX, стр. 69, 113, 53, 48, 44, 141, 46, 56, 68, 60, 61, 100, 108 и др.

⁴⁾ Р. Ист. В., VIII, стр. 164; *Котошилинъ*, О Россіи. Гл. VII.

⁵⁾ *И. Буллева*. О русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Феодоровича и послѣ его до преобразованія, сдѣланныхъ Петромъ Великимъ. М. 1846, стр. 35 и 57.

⁶⁾ Р. Ист. В., VIII, стр. 184, 211 и др.

держаніи, иноземцы получали еще денежный и помѣстный окладъ, при чемъ послѣдній получали обыкновенно высшіе военные чины въ замѣнъ кормоваго жалованья. Доктора получали около 200 руб. и меньше въ годъ. Такъ докторамъ Зибелисту и Артемію Дію выдавалось 250 рублей, а другимъ двумъ нѣмцамъ — Ягану Бѣлово и Граманту — по 110 р. Докторъ В. Вильсъ получалъ 200 руб., аптекари — 70 — 75 р., окулисты 55 р., лѣкари отъ 30 до 60, алхимикъ — 50 р. ¹⁾ Замѣтимъ также и то жалованье, которое выдавалось стипендіатамъ-докторамъ, посланнымъ за границу для наученія языкамъ и докторству, съ тѣмъ чтобъ они, по наученіи, возвращались въ Москву служить государю. Такъ въ 1625 г., по просьбѣ родителей, В. Вильсъ отпущенъ былъ на семь лѣтъ въ Голландію, гдѣ пробылъ 14 лѣтъ и возвратился въ 1639 г. въ Россію. На ученіе ему высылалось по 100 руб. въ годъ, а за послѣдніе два года по 200 р. по собственности его просьбѣ. Въ 1627 году отправленъ былъ въ Голландію также на ученіе другой молодой нѣмецъ по просьбѣ родительской, хотя о выдачѣ ему стипендіи мы ничего не знаемъ ²⁾.

О годовомъ жалованьи мастеровымъ иноземцамъ мы также мало знаемъ, какъ и о ихъ кормовомъ содержаніи. Тѣ же часовые мастера Христофоръ Головей и Гавсъ Кизель получали первый 60 руб., второй сперва 40, а потомъ 50 руб. въ годъ. Другимъ мастерамъ, по видимому, чаще выдавалось жалованье годовыми сукнами, которыя они получали приблизительно въ январѣ мѣсяцѣ. Такъ, пушечный мастеръ Андрей Чоховъ въ 20-хъ годахъ получалъ ежегодно около 4 руб. сукнами; городской мастеръ иноземецъ Томасовъ въ то же время по 1 рублю, австріецъ городской мастеръ Разумъ по 2 р., также какъ и иностранные зеленые мастера Магничъ и Кудря годовыми сукнами, кромѣ особыхъ вознагражденій, которыя эти мастера получали за ту или другую работу, и т. д. ³⁾.

Переводчики во времена Котошикина получали отъ 100 до 50 руб., а толмачи отъ 40 до 15 руб. Такъ переводчикъ Елисеѣвъ получалъ

¹⁾ Р. Ист. В., VIII, табл. 262; Акты Ист. III; № 239, стр. 397, № 242, стр. 400.

²⁾ Р. Ист. В., VIII, стл. 187, 304. Этими данными опровергается извѣстіе Олеаріа, будто бы царь Михаилъ Федоровичъ запретилъ такого рода выѣзды въ 1624 г. *Олеарій*, Путешествіе въ Москву, кн. III, гл. IX, стр. 219.

³⁾ *Акты Истор.*, III, № 240—стр. 398; Р. Ист. В., IX, стр. 277; *Собр. Госуд. Гр. и Договор.*, III, № 95; *Дополн. къ Дворцовымъ Разрядамъ. Чт. Общ. Истор. и Древн.* 1882 г. кн. 1 и 3. 1883, кн. 2.

въ 1645 году по 25 руб. въ годъ, Букъ — по 40 руб. денежнаго и помѣстнаго 500 четьи, а Яковлевъ вдвое меньше ¹⁾). Наконецъ, военные люди получали разнообразныя оклады, судя по чину. Полковникъ въ 1630-хъ годахъ получалъ по 400 ефимковъ въ мѣсяцъ, начальникъ полковой поручикъ по 200, майоръ по 100, квартирмейстеръ по 60, regimentъ шульценъ по 30, секретарь по 25, попь по 30, лѣкаръ по 60, судной писарь по 12, ерихтсъ-вейбель по 8, профость по 10, приставъ по 4, палачъ по 8; потомъ у всякой роты голова по 150, поручикъ по 45, прапорщикъ по 35, сержантъ по 14, капитанъ надъ ружьемъ по 12, фрюеръ, фуризь и писарь по 10, набатчякъ по 7, корпораль по 8, ротмейстеръ по 6, подротмейстеръ по 5, рядовой солдатъ по 5½ ²⁾). Жалованье, впрочемъ, мѣнялось и иногда выдавалось не помѣсячно, а за походъ, какъ, напримѣръ, то было сдѣлано въ 1644 г. въ походѣ противъ калмыковъ, въ которомъ также участвовали иноземцы ³⁾). Встрѣчаются указанія о выдачѣ помѣстнаго и денежнаго оклада лишь высшимъ чинамъ. Такъ, князь Шляковъ, выѣзжій датчанинъ, получаетъ 300 р. денежнаго и 2001 четьи помѣстнаго окладомъ; князь Аргоной Астоузъ, англичанинъ, 200 руб. и 1500 четьи, ротмистръ Шагъ—80 р. и 700 четьи, товарищъ его 40 руб. и 400 четьи, прапорщикъ Джанъ Каръ—30 р. и 480 четьи (въ 1615 г.). Другіе ихъ товарищи получаютъ еще меньше. Выѣзжимъ грекамъ и другимъ нашимъ южнымъ сосѣдямъ выдавалось отъ 12 р. денежнаго и 250 четьи помѣстнаго оклада до 45 р. и 600 четьи.

Кромѣ постоянного жалованья, иноземцамъ выдавалось еще вознагражденіе за крещеніе и денежное пособіе на дворовое строеніе.

Въ православную вѣру переходили, главнымъ образомъ, магометане, греки или южные славяне, побывавшіе у турокъ и некрещеные, что было уже въ обычаѣ въ XVI вѣкѣ ⁴⁾); выѣзжіе люди изъ западной Европы рѣдко переходили въ греческую вѣру. По словамъ Олеарія, въ православіе перешло въ 1614 году нѣсколько иноземныхъ офицеровъ, затѣмъ французскій баронъ Пьеръ де-Ремонъ и еще позднѣе

¹⁾ *Котошилинъ*, гл. VII; *Акты Истор.*, III, №242; *Р. Ист. Б.*, т. VIII, столб. 150—151.

²⁾ *Золотевъ*, *Ист. Р.*, т. IX, стр. 360.

³⁾ *Собр. Госуд. Гр. и Дог.*, III, № 82; *Акты Истор.*, III, № 240; *Р. Ист. Б.*, т. IX, ст. 165.

⁴⁾ См. Указную книгу вѣдомства кнзначеевъ, ст. XII. Христом. по ист. русск. права *Владимѣрско-Буданова*, т. III, стр. 25.

Автоиій Дорнъ и шотландецъ полковникъ Александръ Лесли. Таинству крещенія предшествовало довольно продолжительное приготовленіе въ одномъ изъ монастырей. „Иностранцы и вѣроотступники христіане, равно какъ и татары и язычники“, пишетъ тотъ же Олеарій¹⁾, „если хотятъ обратиться въ русскую вѣру и креститься, должны пробить прежде шесть недѣль въ монастырѣ, и тамъ монахи наставляють ихъ въ это время въ вѣрѣ, каковое наставленіе заключается, главнымъ образомъ въ томъ что ихъ учать молиться, почитать святыхъ, совершать поклоны и осѣнять себя крестиницъ знаменіемъ предъ образами“. За это иностранцы получали особое вознагражденіе. Датскому выѣзжаемому князю Шляковскому за то, что онъ посланъ былъ подъ начало въ Чудовъ монастырь, выдано было разнаго богатаго платья на 54 рубля 13 алтынъ 2½ деньга²⁾. Послѣ пребыванія въ монастырѣ „желавшихъ креститься вѣли къ рѣкѣ, гдѣ они должны были отречься и отплеяться отъ прежней ихъ вѣры, какъ отъ ученія еретическаго и окалинаго, и дать клятву въ томъ, что они никогда уже не обратятся къ прежнему ученію“. Иногда, однако, крещеніе происходило въ самой церкви. Князь Шляковъ крестился въ купели, которая обита была по краямъ и внутрь на четверть аршина краснымъ настрафильнымъ сукномъ, подареннымъ внослѣдствіи крестившемуся. За самое крещеніе выдавались такіе же подарки, какъ и за пребываніе подъ началомъ, только въ большемъ количествѣ. Цѣнность такихъ подарковъ, данныхъ князю Шляковскому, равна была 288 рублямъ 27 алтынамъ 2½ деньгамъ. Наконецъ, послѣ крещенія знатные иноземцы удостоивались видѣть ясныя государевы очи и челомъ ударить государю, при чемъ получали новые подарки. Тотъ же датскій князь получилъ послѣ представленія—одеждами, кубками и конскимъ уборомъ до 205 рублей.

Менѣе знатные иноземцы, особенно изъ грековъ или магометанъ (кромя мурзъ или князей), получали и подарковъ гораздо меньше, по видимому, за одно лишь крещеніе. Подарки эти состояли изъ нѣсколькихъ кусковъ матеріи, камки, тафты сукна и 15—30 рублей денегъ, которые иногда выдавались безъ всего остальнаго.

Другаго рода пособіемъ были деньги, выдаваемыя на дворовое строеніе. Судя по извѣстнымъ намъ примѣрамъ, такого рода пособія выдавались (изъ западно-европейскихъ иноземцевъ) докторамъ и слу-

¹⁾ *Олеарій*, Пут. кн. III, гл. XXIV.—*Чт. О. М. И. и Др.* 1868, 4, стр. 316. Ср. *Лит. Археогр. Энцикл.* т. III, № 113, стр. 166.

²⁾ *Р. Ист. В.* т. VIII, стр. 208, 213, 293 и слѣд.

жилымъ людямъ. Такъ подъ 1644 годомъ читаемъ челобитную доктора Ивана Бѣлова о выдачѣ ему денегъ на дворовое строеніе, при чемъ докторъ указываетъ на то, что „его братья доктуры къ нему государю выѣхали и имъ его государево жалованіе на дворовое строеніе дано“. Служилый человекъ Иванъ Дорнъ въ челобитной, поданной государю 16-го августа 1638 года, писалъ что ему де дворника за скудостью купить нечѣмъ, и скитается онъ по чужимъ подворьямъ съ великою нужею и покойцу никакого отъ немощи своей не имѣеть, и чтобы государь его пожаловалъ велѣлъ ему дать бывшего служилаго Нѣмчина Ариста Фаментина дворъ на житіе, какъ и другимъ иноземцамъ, которые на передъ сего выѣзжали и оставались на государево имя, на дворовое строеніе давано денегъ, а инымъ опальные дворы, что на государево имя отписаны. Чужеземные купцы сами покупали себѣ дворы; такъ въ 1614 году голландскій купецъ Симонъ Бусъ просилъ государя не высылать его изъ Архангельска, гдѣ онъ себѣ купилъ дворъ и поселился съ женою и дѣтьми; въ 1635 году иностранецъ Баренелли покупаетъ въ Москвѣ дворъ за 75 рублей у вдовы переводчика Анголера ¹⁾. Однако, иноземцамъ не всюду позволено было ставить дворовыя строенія. Въ Москвѣ 4-го марта 1643 года послѣдовалъ указъ, по которому запрещалось продавать дворы иноземцамъ въ Китаѣ и въ Бѣломъ городѣ и приказано было сломать иноземныя церкви, стоявшія тутъ слишкомъ близко къ православнымъ. Что дворы иноземцевъ дѣйствительно иногда стояли и въ Китаѣ-городѣ, на то указываетъ опись Китая-города, сдѣланная въ 1629 году, въ которой встрѣчаемъ упоминаніе о дворѣ нѣмчина Бѣлоборода подлѣ печатнаго двора, дворы же эти продавались довольно охотно, ибо и нѣмцы давали за нихъ вдвое и еще больше ихъ настоящей цѣнности. Замѣтимъ, однако, что указъ 1643 года хотя и запрещалъ нѣмцамъ покупать дворы въ вышеупомянутыхъ частяхъ Москвы, по видимому, удерживалъ за ними ранѣе приобретенныя и позволилъ имъ даже держать у себя на дворѣ русскихъ людей, не смотря на жалобы духовенства по этому поводу, и въ видъ особой милости продавать питье заморское, хотя и не держать корчмы у себя на дому ²⁾. При этомъ иностранцы платили подати съ дворовъ, подобно осталь-

¹⁾ Р. Ист. В. VIII, стл. 110, 278; *Гарелинъ*, Старинныя акты, служащія преимущественно дополненіемъ къ описанію г. Шун. М. 1853. № 34.

²⁾ Дополнит. статьи къ Судебнику ст. XXXVI. Ср. XXIV; Акты Ист. III, № 92; *Владимірскій-Будановъ*, Христоматія, № 157, стр. 283; Собр. госуд. грам. и догов. III, № 17.

нимъ городовымъ людямъ, чего прежде не бывало ¹⁾. Имѣя право держать свои дворы, иноземцы, долго и хорошо служившіе государю, награждались помѣстьями, которыя иногда превращались въ вотчины. Такъ, полковникъ Лесли, по свидѣтельству Олеарія, получая такого рода помѣстье на берегахъ Волги и весьма грубо и жестоко обращаясь съ своими крестьянами. Помѣстьями и вотчинами иноземцы не имѣли права мѣняться между собою или съ русскими безъ особаго разрѣшенія или государева указа, выданнаго имъ чрезъ иноземческой приказъ. Распоряженіе это сдѣлано, впрочемъ, лишь 8-го мая 1630 года. За вдовами оставались прожиточныя помѣстья. Если вдова снова выходила замужъ за безпомѣстнаго сына боярскаго, то помѣстье за нею оставалось и послѣ брака; если же онъ самъ былъ помѣстнымъ, то вдовье помѣстье отдавалось другимъ иноземцамъ ²⁾.

По дѣламъ вотчиннымъ иностранцы, подобно городovýmъ и разнаго чина людямъ, являясь въ видѣ истца въ Москвѣ въ земскомъ приказѣ, имѣли право требовать съ отвѣтчика, въ случаѣ его неявки, по рублю въ день, начиная съ условленнаго ими срока пріѣзда до времени дѣйствительнаго пріѣзда отвѣтчика въ Москву. Такое же право имѣли отвѣтчики въ случаѣ неявки истца ³⁾. При личныхъ столкновеніяхъ иноземцы обыкновенно судились въ иноземномъ приказѣ, гдѣ вѣдомы были иноземцы всякихъ чиновъ люди, при чемъ правомъ этимъ пользовались не только московскіе жители, но и иноземцы другихъ городовъ. Въ послѣднихъ могли они судиться лишь по особому распоряженію, государеву указу ⁴⁾. Доктора и лѣкари вѣдомы были въ аптекарскомъ приказѣ, при чемъ въ случаѣ распри съ другими иноземцами судились съ ними тутъ же. Такъ, въ 1645 г., тутъ искалъ по суду за безчестье докторъ Зябелистъ на курляндца Госсена, а еще раньше докторъ Дій на торговаго человѣка англійской земли Барнулея и датскаго короля дворянина Мартына Мартынова ⁵⁾.

¹⁾ С. г. гр. и док., III, № 17: «А при преимихъ государѣхъ блаженныя памяти царей и великихъ князей российскихъ съ иноземцовъ съ нѣмецкихъ съ торговыхъ людей которые жили на Москвѣ съ животовъ ихъ съ дворовъ для иноземства нашихъ, никакихъ податей не имано и столыщниковъ на ихъ дворѣхъ не ставлявали».

²⁾ Указная Книга Помѣстнаго Приказа. Ст. 25 и 39. Христоматія по ист. р. пр. *Владимірскаго-Буданова*, III, стр. 242 и 250.

³⁾ Дополнит. статьи къ Судебнику. Ст. XL; Акты Ист. III, № 92.

⁴⁾ Акты Ист. III, № 183, стр. 335; *Котошильскія*, О Россіи. Гл. VII, Воронежск. Акты т. I, стр. 61—62.

⁵⁾ Акты Ист. III, № 238, стр. 396; *Котошильскія*, стр. 123.

Если иноземецъ искалъ на русскаго человѣка, то русскій долженъ былъ крестъ дѣловать въ томъ приказѣ, въ который иноземецъ подастъ на него искъ, для чего въ приказѣ были написаны и нарочно держали кресты. Если же иноземцу приходилось дѣловать крестъ, то и онъ дѣловалъ его въ приказѣ по своей вѣрѣ ¹⁾).

IV.

Заканчивая настоящія замѣтки, обратимъ вниманіе на тотъ взглядъ, который сложился у московскаго правительства и у среднихъ классовъ на значеніе иностранцевъ въ Россіи за это время. Но чтобы понять этотъ взглядъ, нужно прежде всего опредѣлить ту пользу и вредъ, которые приносили иноземцы Россіи въ первой половинѣ XVII столѣтія.

Купцы изъ западной Европы имѣли для насъ несомнѣнно важное значеніе. Съ одной стороны, они знакомили Россію съ техническими и мануфактурными произведеніями запада и такимъ образомъ способствовали промышленному развитію русскихъ людей, съ другой — они торговлей своею приносили значительныя экономическія выгоды. Одиѣхъ пошлинъ, по словамъ Оlearія, они платили у Архангельска до 300,000 руб., у Астрахани — 12,000. Покупая соболи и икуру за цѣны, превышающія ихъ стоимость въ Россіи ²⁾, также, какъ и остальные предметы торговли, они этимъ приносили доходъ въ казну государеву. Наконецъ, большія выгоды представляла и торговля ефимками, которые казна брала за 14 алт., а продавала по 21 алтынь 2 деньги ³⁾).

Въ то же время нельзя не замѣтить злоупотребленій иностраннихъ купцовъ. Они перепродавали или передавали другъ-другу жалованныя и проѣзжія грамоты государевы, такъ что въ московскомъ государствѣ стали попадаться совсѣмъ незнакомые, плохіе купцы, которые продавали вслкіе товары худые и сукна тупутые, стали пріѣзжать въ большомъ количествѣ въ Москву безъ всякаго на то раз-

¹⁾ Допол. ст. къ Судебнику: Акт. Ист. III, № 92, ст. VII, т. III, стр. 94.

²⁾ Судя по приходной книгѣ денежной казны 1613 при продажѣ соболей получалось 12—14% прибыли. См. Русск. Ист. Выбл. т. XI, стр. 17.

³⁾ Л. Ключевскій, стр. 143; Акт. Ист. III, № 181. Ср. Извлеченія изъ приходо-расходныхъ книгъ Вологод. архіерейск. дома, г. 1624 въ Изв. Археол. Общ., т. II, стр. 244.

рѣшенія и торговать не одними своими товарами, а и перекупными, продавать ихъ гораздо дороже, не смотря на ихъ неудовлетворительное качество; стали провозить товаръ тайно, безпошлинно и тѣмъ чпнить убытки казѣи государевой, и для этого прїѣзжали на архангельскую ярмарку не лѣтомъ, а осенью, въ августъ и сентябрь, такъ что не успѣвали просмотрѣть ихъ товаровъ. Прїѣзжая къ архангельскому городу, нѣмцы заморскіе товары всѣ сами закупали и на русскіе товары промѣнивали и, сговорясь между собою за одно, у русскихъ людей товаровъ покупать не велѣли, а заморскимъ товарамъ цѣну держали высокую, чтобъ русскимъ людямъ у нихъ ничего не купить и впредь на ярмарку не ѣздить. Отъ этого заговора многіе русскіе люди товары свои возили назадъ, оставляли на другой годъ или же, задолжавъ, продавали ихъ за безцѣнокъ и вовсе перестали ѣздить къ Архангельскому городу. Еще важнѣе то обстоятельство, что западно-европейскіе купцы, прїѣзжая сами въ Россію для торговыхъ цѣлей, пользуясь льготами московскаго правительства и злоупотребляя ими, не позволили однако русскимъ купцамъ являться съ собственными товарами въ западно-европейскихъ торговыхъ центрахъ. Между тѣмъ такого рода попытка сдѣлана была въ первой половинѣ XVII столѣтія: при царѣ Михаилѣ Ѧдоровичѣ ѣздили Ярославецъ, торговый человекъ Антонъ Дантевъ и посланъ гости Назарей Чистаго съ государевымъ шелкомъ въ Голландскую землю, чтобы имъ товары свои распродать и тамошнихъ товаровъ пакупить. Нѣмцы же, сговорясь заодно, товаровъ у Назарія и Антона никакихъ не купили, а когда Назарій и Антонъ возвратились съ ними вмѣстѣ на нѣмецкихъ корабляхъ къ архангельскому городу, то нѣмцы тѣ же товары купили у нихъ большою цѣною, „штобъ изъ московскаго государства торговые люди въ галанскую землю ни съ какими товарами не ѣздили...“¹⁾

Неудивительно поэтому, что въ виду всѣхъ этихъ злоупотребленій московское правительство стало нѣсколько осторожнѣе относиться къ западно-европейскимъ купцамъ. Въ началѣ XVII в. въ Москву явился голландскій посолье Исаакъ Масса съ цѣлью установить постоянныя торгони сношенія между Россіей и Штатами; онъ удивленъ былъ

¹⁾ Сборникъ князя Хилкова, № 82, стр. 238 — 255. Хотя злоупотребленія, выставленныя въ этой челобитной нѣсколько преувеличенны, но все же въ ней много и справедливаго, такъ какъ она подтверждается въ нѣкоторой степени и другими аналогическими данными. Ср. Акты Ист., № 181, стр. 830.

тѣмъ, что посольскій дьякъ Курбатовъ спрашивалъ его о всѣхъ подробностяхъ этихъ сношеній, о томъ, на какомъ мѣстѣ голландцы построятъ дома, какіе станутъ вывозить и ввозить товары и прочія другія вещи ¹⁾. Въ 1631 и 1648 гг. изданы были указы, по которымъ лишь купцамъ, снабженнымъ жалованною государевою грамотой, дозволялось бывать въ Москвѣ и другихъ городахъ средней Россіи. Остальнымъ позволено было бывать лишь у Архангельска ²⁾. За неуплату пошлинъ и за плутовство иновешние купцы также стали строго преслѣдоваться, чему примѣры приведены были выше.

Русскіе купцы не только осторожно, но и враждебно, относились къ иностраннымъ. Они препятствовали имъ завести торговныя сношенія съ востокомъ, и не разъ подавали челобитныя государю о томъ, чтобы иновешцамъ позволено было торговать лишь у архангельскаго города ³⁾.

Впрочемъ, московское правительство съ большею строгостью стало относиться къ иностраннымъ купцамъ лишь къ концу описываемаго нами періода времени, можетъ быть, потому, что до этого времени въ иностранной торговлѣ искало и видѣло средство поднять экономическое благосостояніе страны, столь много потерпѣвшей отъ смутнаго времени.

Иностранные мастера имѣли также большое значеніе и не приносили такого большого вреда, какъ иновешние купцы. Въ первой половинѣ XVII вѣка ихъ было довольно много въ Россіи. Такъ мы встрѣчаемъ указанія объ иновешнихъ мастерахъ золотача, серебряннаго, алмазнаго и каменнаго дѣла, о пунечныхъ и колокольныхъ литцахъ, вселыхъ, рудовнатныхъ, полатныхъ, часовыхъ, сабельныхъ и самопальныхъ мастерахъ и о мастерахъ кузнечной мельницы, городского, подкопнаго и олованнаго дѣла, муравленникахъ и токаряхъ. ⁴⁾ Они познакомили русскихъ людей со многими ремеслами, которыхъ они или не знали или знали довольно плохо. Таковы, на примѣръ, литейное и рудовнатное искусство, серебрянныхъ и золотыхъ дѣлъ, а также каменное мастерство, сканочное и канатное дѣло

¹⁾ Ibid., стр. 248.

²⁾ Третье письмо И. Массы Генеральнымъ Штатамъ. *Вѣстн. Европы* 1868 г., т. VIII, стр. 811.

³⁾ *Соловецк. Ист. Росс.* т. IX, стр. 418; Сб. кн. Хилкова, № 82, сер. 238.

⁴⁾ См. Дополн. къ Дворц. Разряд., столб. 273, 361, 431, 433, 450, 454, 479, 487, 489, 527, 537, 548, 568, 587, 599, 644, 650, 723, 750, 787, 797 и т. д.

и нѣкоторыя другія. По многимъ причинамъ считая неудобнымъ для своихъ фабрикъ или промышленныхъ заведеній выписывать однихъ иностранныхъ рабочихъ, западно-европейскія мастера стали употреблять въ дѣло русскія силы. Это участіе русскихъ рабочихъ въ занятіяхъ западно-европейскихъ мастеровыхъ сперва, вѣроятно, было случайнымъ; но мало по малу на такое участіе у московскаго правительства сталъ выказываться свой опредѣленный взглядъ. На мастеровъ иностранныхъ стали смотрѣть не только какъ на техниковъ, которые за свое мастерство получаютъ опредѣленное вознагражденіе, но какъ на учителей, которые должны научить своему ремеслу русскихъ рабочихъ; слѣдовательно, стали смотрѣть на ихъ пребываніе въ Россіи не какъ на цѣль, а какъ на средство къ достиженію цѣли. Это явленіе и взглядъ выражаются довольно часто въ разнообразныхъ случаяхъ. Такъ, въ 1632 году рудовладелецъ Виніусъ, получившій жалованную грамоту на разработку руды подлѣ Тулы, получилъ вмѣстѣ съ тѣмъ приказаніе и людей государевыхъ всякому дѣлу научить и никакого ремесла отъ нихъ не скрывать. Такой же наказъ получили въ 1644 году голыштинецъ Марселисъ и голландецъ Флимоновъ, вступившіе въ товарищество съ Виніусомъ. Нѣсколько раньше, въ 1614 году, на переговорахъ англійскій резидентъ въ Москвѣ Меррикъ просилъ между прочимъ, чтобы государь позволилъ привести изъ Англій знатцовъ и кузнецовъ на Сухону, гдѣ есть руда оловяная и желѣзная. Они руду найдутъ и дѣлать стануть, а государю отъ этого прибыль и русскіе люди выучатся и стануть дѣлать. Въ золотыхъ дѣлахъ мастерствъ русскіе люди были уже весьма свѣдущи во времена Олеарія: „Особенно удивили меня“, пишетъ послѣдній,—„русскіе золотыхъ дѣлъ мастера, которые дѣлають серебряную съ разными украшеніями посуду съ такимъ искусствомъ и изяществомъ, что не уступаютъ въ томъ нисколько нѣмцамъ“. При выпискѣ золотой и серебряной канители и бити мастеровъ въ 1633 году одною изъ побудительныхъ причинъ высказывается та, чтобы Московскаго государства люди то ремесло переняли. Въ 1634 году дано было для стеклянныхъ заводовъ 16 пустошей въ Московскомъ уѣздѣ, съ условіемъ, чтобы чрезъ 15 лѣтъ и земля, и заводъ (за особую плату) перешли на государя. Что русскіе люди и каниты дѣлали подѣ руководствомъ иностранныхъ мастеровъ, на то также встрѣчаемъ нѣсколько указаній. Такъ, московскіе купцы, въ 1614 году соглашавсь на разработку руды при рѣкѣ Сухонѣ англичанами, указывали между прочимъ и на то, что англійскіе люди завели въ

Московскомъ государствѣ канатное дѣло, и отъ того было кормленіе многими русскими людьми бѣдными, которые у нихъ работали, да и научились у нихъ русскіе люди канаты дѣлать. Въ 1635 году, при заключеніи договора съ Гольштинскими послами касательно беспошлинной торговли съ Персіей, условились, между прочимъ, и въ томъ, чтобы гольштинскіе купцы при постройкѣ судовъ на Волгѣ покупали дѣсь у государя, а плотниковъ къ ихъ корабельнымъ мастерамъ въ прибавку нанимали царскаго величества подданныхъ, охочихъ людей. Наконецъ, органному мастеру [Мельхерту Луневу государь, отпуская его на родину въ 1638 году, приказалъ выслать въ Московское государство часовниковъ, чтобы государю служить и учениковъ научить ¹⁾).

Во всѣхъ этихъ примѣрахъ проглядываетъ стараніе московскаго правительства сдѣлать, хотя бы на недолгое время, русскихъ рабочихъ и мастеровыхъ учениками мастеровъ западныхъ. Последніе, однако не всегда охотно относились къ этимъ требованіямъ. Такъ, литейный мастеръ Гансъ Фальксенъ выгонялъ русскихъ рабочихъ изъ заведенія, когда принимался за наиболѣе важныя части своего дѣла. По вышеприведеннымъ даннымъ можно заключить, что русскіе подмастерья наравнѣ съ иностранными работали подъ руководствомъ иностранныхъ мастеровыхъ. Но опредѣлить количество и мѣсто происхождения этихъ русскихъ людей пока едва ли возможно по недостатку положительныхъ данныхъ; извѣстно лишь то, что въ эти иностранныя промышленныя заведенія поступали охочіе люди, и притомъ, получавшіе за работу нѣкоторое вознагражденіе ²⁾).

Пробывъ въ учени у иностраннаго мастера, русскіе подмастерья сами дѣлались мастерами того или другаго дѣла. Русскіе купцы въ 1614 году въ переговорахъ съ Меррикомъ говорили, что русскіе люди не только учились, но и научились у англичанъ канатному дѣлу. Русскіе золотыхъ дѣлъ мастера ничѣмъ не уступали иностраннымъ; на дворахъ и мельницахъ, построенныхъ въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ для пороховаго строенія, можетъ быть и тогда уже

¹⁾ *Олеарій*, Путешествіе въ Москву, кн. III; гл. VII, стр. 199; *Котошихинъ*, О Россіи. Гл. VII, 9, стр. 119, 120, 149; *Собр. Госуд. Гр. и Дог.* II, № 94, 104; *Акт. Ист.* III, № 181, стр. 332; *Соловьевъ*, Ист. Р. т. IX, стр. 94, 123, 126, 123; Р. И. В. т. VIII, стр. 286.

²⁾ *Котошихинъ*, О Россіи, VII, 9, стр. 119: А у промыслу того желѣзнаго дѣла бывають нимъ государствъ люди, а работники того города торговыи люди и наемныи.

бывали мастерами того дѣла вникъ государствъ и русскіе люди. Отъ Нюрнбергскаго мастероваго Фалькена русскіе рабочіе одною взглядкою научились отливать довольно вярдно. Наконецъ, въ это же время встрѣчаемъ указанія на русскихъ казначельныхъ мастеровъ и, можетъ быть, даже часовщиковъ ¹⁾.

Доктора, кромѣ непосредственной пользы, которую приносили лѣченіемъ, имѣли, можетъ быть, и болѣе общее значеніе: они знакомили по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ русскихъ людей, съ основными началами медицинскихъ знаній того времени. Такъ, при чело-битной доктора Бремборха, желавшаго поступить на службу къ государю въ 1628 году, мы находимъ подробное изложеніе началъ медицинской науки и историческія замѣтки о ея развитіи, трактующія главнымъ образомъ о врачѣ Иппократесѣ, рода Доріенскаго. Дьякъ Щелкалофъ, припнявъ другаго доктора, подробно спрашивалъ его о лѣкарственномъ знаніи, при чемъ и самъ обнаружилъ нѣкоторое знаніе предмета. Въ другой разъ доктора Граманъ и Бѣлово должны были отвѣчать на вопросы боярина Феодора Ивановича Шереметьева о томъ, какую сырую траву кладутъ въ питье, отъ которой травы холодить, при чемъ подробно изложили признаки и способъ лѣченія жабн ²⁾.

Доктора также иногда злоупотребляли государевыми милостями; при дворѣ стали иногда являться личности, вовсе незнакомыя съ лѣкарскимъ знаніемъ. Для прекращенія этихъ злоупотребленій отъ пріѣхавшаго доктора при поступленіи на службу стали требовать свидѣтельствовавшаго грамоты о добромъ ихъ житіи и знаніяхъ. На докторовъ стали смотрѣть въ XVII вѣкѣ съ большимъ довѣріемъ, чѣмъ прежде. По свидѣтельству иностранцевъ, въ половинѣ XVI вѣка западно-европейскіе доктора лѣчили почти одного лишь государя ³⁾.

¹⁾ *Котомляны*, О Россіи, гл. VII, 11, стр. 120; *Олеарій*, Путешествіе. Кн. III, гл. I, стр. 111 въ 7 т.—*Общ. И. и Д.* 1868 г. кн. 3; *Р. Ист. Библ.* т. IX, стр. 3, 277 и 334. Впрочемъ, пушечные и самопальные мастера въ приходо-расходныхъ книгахъ 1613—1614 г. — все иностранцы, изъ которыхъ нѣсколько человекъ Литовцевъ, см. *ib.* стр. 85, 88, 257, 276, 279. Дополненія къ *Дворцовымъ Разрядамъ*—*Ут. Общ. Истор. и Др.* 1882 г., кн. 3, стл. 533 и др.

²⁾ *Р. Ист. В.*, VIII, № XXXIII, стр. 233; *Акты Истор.* т. III, № 231, 291 293 и др. *Сборникъ Импер. Русск. Истор. Общ.* т. 38, стр. 271.

³⁾ „*Medicorum aut pharmaceorum usus apud eos nullus omnino: unus dux... etc.*“ *Posservini Missio Moscovitica*. Paris 1882 ed. *Pierling*, p. 65. *Ср. Historica Russiae Monumenta* I. № CXXXV, p. 151. *Discurso della Moscovia di Marco Foscarino* (1557), *Quelli che medicano fanno per pratica e per esperienza de semplici.*

Въ первой половинѣ XVII вѣка и знатные бояре уже начинаютъ обращаться за совѣтами къ нѣмецкимъ врачамъ и употребляютъ извѣстныя, ими прописываемыя, лѣкарства ¹⁾. Не только бояре, но и дворяне, и дѣти боярскіе, и даже нижніе чины въ военное время пользовались услугами иностранныхъ лѣкарей. Такъ, при осадѣ крѣпости Вѣлой княземъ С. Прозоровскимъ и М. Вѣлосельскимъ въ 1632 году, имъ присланъ былъ лѣкарь для лѣченія дворянъ, дѣтей боярскихъ и всякихъ ратныхъ людей. Въ походѣ противъ Калмыковъ въ 1644 году участвовалъ и лѣкарь Роллаптъ для лѣчбы ратныхъ людей. Иногда послѣднимъ выдавалось даже жалованье на лѣченіе ранъ и покупку зелій отъ двухъ до четырехъ рублей, смотря по ранѣ ²⁾.

Отъ довѣрія къ иностраннымъ докторамъ естественно перешли къ убѣжденію въ дѣйствительной полезности ихъ искусства. Во времена Котошихина въ вѣдомствѣ Аптекарскаго приказа состояло 20 русскихъ людей для ученія ³⁾.

Военные люди также имѣли для Россіи большое значеніе, ибо, съ одной стороны, служили вспомогательнымъ войскомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ весьма цѣнныхъ (такъ война съ Польшей 1633—1634 года едва ли могла бы открыться безъ ихъ участія), а съ другой—знакомили русскихъ съ началами западно-европейскаго военнаго искусства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они причиняли и извѣстную степень вреда, такъ какъ вносили иногда неповиновеніе и беспорядокъ въ ряды русскихъ войскъ, что доказывается хотя бы ихъ поведешемъ при осадѣ Смоленска въ 1633—1634 году, а возвращаясь на родину, по пути изъ Москвы въ Новгородъ или въ Архангельскъ, иногда грабили и разоряли русскія села. Такъ Олеарій на пути въ Москву видѣлъ одно жалкое селеніе, изъ котораго всѣ крестьяне разбѣжались по лѣсамъ отъ нѣмецкихъ солдатъ, возвращавшихся изъ Москвы. Въ наказѣ Александру Лесли и Федору Племянникову, посланнымъ за границу для найма военныхъ людей въ 1631 году, читаемъ между прочимъ, что иноземнымъ военнымъ людямъ, „какъ они будучи въ

¹⁾ *Олеарій*, Путешествіе, кн. III, гл. VII, стр. 202.

²⁾ *Акты Ист.* III, №№ 173 стр. 318, № 176 стр. 320, № 226 стр. 386, № 240 стр. 398; *Акты Археогр. Экспед.* т. III, № 234 стр. 343. Ср. *челобит. лѣкаря Роллапта боярину Б. И. Морозову. 1630 г. Чл. М. Общ. И. и Др.* 1880 г., кн. 3.

³⁾ *Котошихинъ*, О Россіи, гл. VII, 23, стр. 123.

государенѣ землѣ, идучи къ Москвѣ, и какъ ихъ изъ Московскаго государства отпустить, и имъ дорогою идучи людей не побивать и не грабить, и въ полонъ не имать и надъ городами никакого дурна не учинить... А будутъ которые учнуть дѣлать какое дурно и тѣхъ отъ дурна унимать¹⁾.

На иноземныхъ ратныхъ людей московское правительство смотрѣло точно также, какъ и на мастеровъ, и считало ихъ не только хорошими воинами но и учителями, которые должны обучать русскихъ людей иноземному строю. Въ 1631 году приступили къ такому обученію, чего при прежнихъ государяхъ не бывало.

Значеніе иностранныхъ купцовъ, мастеровыхъ и особенно военныхъ людей еще выражалось и въ томъ, что они иногда передавали письма западно-европейскихъ правителей Московскому государю и знакомили при распросѣ московское правительство съ политикой западно-европейскихъ государствъ²⁾.

Помимо специальныхъ занятій, которыми вліяли западно-европейскіе переселенцы на русскихъ людей, они же вносили въ Россію много и другихъ особенностей западно-европейской жизни, особенностей, которыя стали прививаться къ русскому обществу въ первой половинѣ XVII вѣка. Такъ, напримѣръ, голштинецъ Петръ Марселисъ познакомилъ Москвичей съ воздѣлываніемъ розъ; прежде русскіе люди, видя, какъ нѣмцы ѣдятъ салатъ, смѣялись надъ ними, говоря, что нѣмцы траву ѣдятъ, а потомъ во времена Олсарія сами привыкли употреблять его при ѣдѣ. Болринъ Цикита Ивановичъ Романовъ, познакомившись съ западно-европейскимъ фасономъ платья, нашелъ его болѣе удобнымъ и сталъ носить одежду по западному образцу, при чемъ государь, не смотря на неодобреніе патриарха, того не запрещалъ; онъ же былъ страстнымъ любителемъ нѣмецкой музыки, съ которою его, вѣроятно, познакомили органичные мастера, вызванные въ это время въ Россію. Наконецъ, иностранцы знакомили, вѣроятно, русскихъ людей съ иностранными сочиненіями, изъ которыхъ въ первой половинѣ XVII вѣка особенно извѣстны два: Космографія Дорна и исторія Могола Іоанна Дельдена³⁾.

¹⁾ Путешествіе *Ад. Олсарія*. Кн. I, гл. V, стр. 34 въ *Моск. Общ. Ист. и Древ.* 1868 г., т. I; Собрание Г. Гр. и Дог. ч. III, № 83; *Акты Ист.* III, № 132, стр. 331.

²⁾ *Русск. Истор. Выбл.*, т. VIII, стр. 89, 95, 106, 126, 142, 155, 156, 158, 160, 164, 297—299, 309.

³⁾ *А. Олсарій*, Путешествіе, кн. III, гл. 2, стр. 121, 119; гл. 5, стр. 164, кн. I, гл. VII, стр. 40.

Вообще, къ западно-европейскимъ иностранцамъ стали относиться благосклоннѣе въ это время. Прежде, бывало, иностранецъ и на улицу не выйдетъ безъ туземнаго платья. Нѣмецъ, голландецъ, французъ, всѣ носили платье на русскій ладъ „для того, чтобъ оградить себя противъ ругательствъ и оскорбленій чернаго народа“, да и то нерѣдко нѣмецкихъ людей безчестили по улицамъ брачными словами. Теперь приказано было иностранцамъ носить свои національные костюмы для того, чтобы можно было отличить нѣмцевъ отъ русскихъ, а тотъ, кто нѣмца срамными словами называлъ, наказывался кнутомъ нещадно ¹⁾

Нѣкоторые изъ русскихъ людей считали западно-европейское вліяніе благотворнымъ, и потому благосклонно относились къ иностранцамъ. Таковы были бояринъ Никита Ивановичъ Романовъ, дьякъ Курбатовъ, или нижегородскій воевода, который съ такимъ радушіемъ принималъ голштинское посольство Вругмана и Крузе на пути его въ Персію. Другіе, какъ князь Иванъ Голицынъ, смотрѣли на него скорѣе съ отрицательной точки зрѣнія. Судя по ихъ мнѣнію, русскіе люди при знакомствѣ съ западно-европейскою цивилизаціей, скажутъ русской землѣ то же, что когда то горорнаи послы Владиміровы своему князю о греческой вѣрѣ: „Мы убо не можемъ забыть красоты тоя; всякъ бо человекъ аще вкуситъ сладка, послѣ до горести не принимаетъ; тако и мы не имамы сде быти“. Едва ли, однако, возможно предполагать у русскихъ людей, подпавшихъ вліянію запада, въ то время полное отвращеніе отъ своего роднаго, русскаго. Бывали, правда, примѣры, что русскіе люди забывали Россію; такъ молодые люди, посланные Борисомъ Годуновымъ за границу для обученія, не возвратились оттуда; но то случалось на чужбинѣ, гдѣ русскіе лишены были почти всякаго общенія со своимъ отечествомъ, а между тѣмъ находились подъ вліяніемъ культуры во многихъ отношеніяхъ болѣе сильной, чѣмъ отечественная. Остальные же, испытывавшіе это вліяніе у себя на родинѣ, подчинялись ему въ меньшей мѣрѣ и, не отвращаясь отъ всего русскаго, ко многому стали относиться съ пренебреженіемъ. Это пренебреженіе, обращенное безразлично на многія стороны русской жизни, какъ дурныя, такъ и хорошія, оказалось съ теченіемъ времени однимъ изъ наиболѣе вредныхъ послѣдствій вліянія на русскихъ людей западно-европейской цивилизаціи.

А. Ланше-Данилевскій.

¹⁾ Ib. кн. III, гл. 5, стр. 163.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Историческія размысканія Сп. Ламбра.

Историка παιδαγωγата, ἄκο Σπυρίδωνος Π. Λαμπρού. Αθήν. 1884.

Книга Спиридона Ламбра состоитъ изъ одиннадцати историческихъ монографій, болшею частью относящихся къ исторіи Греціи въ связи съ исторіей народовъ, состоявшихъ съ нею въ разныхъ отношеніяхъ. Мы передадимъ коротко содержаніе каждой изъ этихъ статей.

1. Выводы доисторической археологіи и первые обитатели Эллады ¹⁾. Сообщивъ главные выводы доисторической археологіи, добытые въ разныхъ странахъ Европы (1—11), авторъ задается вопросами о томъ, что происходило въ Элладѣ въ тѣ времена, когда въ другихъ краяхъ нашей части свѣта жили звѣроловы-троглодиты, или, если спуститься на много столѣтій, — въ ту эпоху, когда уже процвѣтала образованность египетская подъ первую династію? Была ли Эллада тогда еще безлюдна, покрыта только дикими лѣсами, населена лишь допотопными звѣрями? Каковы были судьбы ея за цѣлыя вѣка до конца XII столѣтія до Р. Х., къ которому греческая хронологія приурочивала Троянскую войну? Каковы изслѣдованія о первыхъ безыменныхъ обитателяхъ Эллады гораздо раньше появленія именъ народныхъ, гораздо прежде ихъ сношеній съ народами Азіи и Африки? Греческіе ученые очень мало занимались вопросами о слѣдахъ троглодитовъ въ Греціи, о кухонныхъ

¹⁾ Τα κοινά της προϊστορικής ἀρχαιολογίας και οἱ πρώτοι κατοικοὶ τῆς Ἑλλάδος.

остаткахъ, объ орудіяхъ и оружіи неолитической эпохи. Бывшими доселѣ разысканіями въ Греціи костей человѣческихъ не найдено. Въ 1836 году сдѣлана была въ Атикѣ у Пикерми, на разстояніи немногихъ минутъ отъ старинной обители Дау-Мендѣли, на горѣ Пенделикѣ (Πεντελικόν), очень важная находка окаменѣлыхъ костей животныхъ. Коллекція ихъ находится въ Афинскомъ естественнo-историческомъ музеѣ; специальное сочиненіе о нихъ написалъ французъ Годри ¹⁾. Между изчезнувшими породами оказались *mesorhynchus Pentelici*, носорогъ, жирафъ, изчезнувшій видъ лошади—*Hipparion*, *Heladotherium*, множество разнообразныхъ антилопъ, два вида мастодонтовъ, *Amylotherium*, одинъ *sus egyptianus*, котораго не должно смѣшивать съ тѣмъ, который извѣстенъ изъ міеологіи, и у котораго непохожи зубы, какъ видно на сохранившихся древнихъ памятникахъ, члены *Dinotherium*'а. Не достаетъ слона, который принадлежитъ къ новѣйшей геологической эпохѣ. Въ этой богатѣйшей залежи окаменѣлыхъ костей, одной изъ значительнѣйшихъ по допотопной зоологіи, костей человѣческихъ найдено не было (стр. 12). Что касается до древнихъ преданій о троглодитахъ, они относительно Греціи доселѣ не подтвердились (стр. 13). Озерныхъ построекъ въ ней также не отыскано. Между тѣмъ о вѣроятности существованія въ Греціи озерныхъ построекъ въ доисторическія времена убѣждаетъ аналогія съ тѣмъ, что замѣчается въ наше время. На озерѣ Месолонгскомъ воздвигнуть цѣлый озерной городокъ: онъ состоитъ изъ выстроенныхъ на сваяхъ хижинъ, которыя мѣстные рыбаки называютъ пилладами (πυλάδες); сообщеніе между хижинами происходитъ посредствомъ одноподерожекъ. Недавно умершій Дюмонъ, бывшій директоръ французской школы въ Афинахъ, рассказываетъ, что, путешествуя гдѣто въ Фессаліи, онъ увидалъ на озерѣ Вивидѣ (Βοιβίς), нынѣ называемомъ Карла, жилища, построенныя на сваяхъ, въ которыя по вечерамъ отправлялись пастухи, чѣмъ избѣгали горячекъ, зарождающихся отъ болотныхъ миазмовъ ²⁾. Инженеромъ Н. Соломо при углубленіи навплійскаго побережья у арсенальнаго залива на глубинѣ 2,50 метра, на завесенномъ пескомъ днѣ, найденъ грубый сосудъ доисторическаго времени, изваянный безъ помощи колеса, руками, которыхъ слѣды сохраняются на поверхности сосуда. Г. Соломо предполагаетъ, что первые жители Арголиды жили на сваяхъ

¹⁾ *Gaudry, Animaux fossiles et géologie de l'Attique.*

²⁾ *Revue Archéologique 1867, t. 16, p. 144.*

въ томъ заливѣ, который находится между скалами Навплин и Тиринеа и который въ продолженіе вѣковъ былъ заносимъ пескомъ рѣчей Инаха и Харадра (стр. 17) ¹⁾. Начатое осушеніе озера Копанди можетъ привести къ большимъ археологическимъ открытіямъ: во-первыхъ, къ уясненію устройства искусственныхъ пропастей или водостоковъ, такъ-называемыхъ въ древности βάρδρα (= новогреческое καταβάραι), приписываемаго царямъ Миніамъ, вовторыхъ, къ отысканію остатковъ вѣотійскихъ городовъ Аэныи и Элевсина, считающихся исчезнувшими ²⁾, и кто знаетъ, втретьихъ, не предстоитъ ли въ пей открыты озерныя постройки. Кухонныхъ остатковъ (Kjøkkenmøddinger) также въ Греціи еще не найдено. Каменные орудія, находимыя въ Греціи, археологи относятъ большею частію къ неолитической эпохѣ: они похожи на острія стрѣлъ, ножички, долота, топоры и молотки (18—21). Народъ называетъ ихъ однимъ общимъ именемъ громовыхъ стрѣлъ (ἀστροπέλαξα или ἀστροκάλαξα), то-есть, тѣмъ словомъ, какъ и аэроляты, и приписываетъ имъ врачевную и волшебную силу. Вѣроятно, это повѣрье сохраняется отъ древности, какъ это доказывается тѣмъ, что на двухъ каменныхъ топорахъ, изъ которыхъ одинъ, найденный въ Арголидѣ, хранится въ Аѳинскомъ музее, а другой въ Британскомъ, замѣчаются магическіе знаки (пр. 5 на ст. 21). Г. Ламбръ полагаетъ, что повѣрья греческаго народа относительно врачевныхъ качествъ громовыхъ стрѣлъ затрудняютъ собираніе такихъ доисторическихъ каменныхъ орудій, которыя тысячами собраны въ Египтѣ, преимущественно въ сѣверныхъ ея частяхъ. Увеличеніе числа подобныхъ свидѣтельствъ древнѣйшаго населенія Греціи крайне необходимо для точнаго изслѣдованія доисторической эпохи. Широкое поприще для доисторическихъ разысканій откроется, когда удастся систематически разрыть некрополи, залитыя лавой и засыпанныя пемзой на островѣ Санторинѣ (древней Офирѣ, въ Архипелагѣ). Во время изверженія Офирейскаго волкана въ 1866 году Г. Христоманъ первый указалъ на существованіе на этомъ островѣ доисторическихъ остатковъ, лежащихъ подъ пластами вулканической накипи ³⁾. Первые же, происшедшія тутъ, раскопки принадлежатъ

¹⁾ N. Schumacher Προϊστορικὸν εὐρεθὲν ἐν Ναυπλίῳ, Παρνασσος, Z', 82 и дальѣ.

²⁾ Г. Питтани, посланный въ 1842 году къ Копандѣ, для ея изслѣдованія, увѣрялъ, что видѣлъ на глубинѣ этого озера остатки древняго города.

³⁾ Авторъ ссылается на Fouqué, Santorin et ses éruptions. Paris 1879, стр. 95.

двумъ еврейцамъ гг. Алафузу и Номику. Раскопки эти продолжалъ производить парижскій профессоръ Фуке, а позже въ 1870 году члены французской Аеннской школы Горсе (Gorseix) и Маме. Вслѣдствіе этихъ раскопокъ открыты были въ Фирасіи и Акротиріи (на островѣ Фирѣ) зданія и могилы болѣе древнія, нежели то грозное изверженіе, отъ котораго произошелъ большею частью нынѣшній видъ Фирейской пристани, и которое, по предположенію геологовъ, случилось около двухъ тысячъ лѣтъ до Р. Х. Эти жилища доисторическихъ обитателей Фирѣ до сихъ поръ сохраняются въ томъ видѣ, какой имѣли до внезапнаго ихъ покрытія слоемъ пемзы, и тѣмъ представляютъ намъ картину того состоянія, въ которомъ находились почти за четыре тысячи лѣтъ передъ симъ обитатели южныхъ острововъ греческаго Архипелага. Находки состоятъ изъ обсидіановыхъ и кремневыхъ орудій и оружія, какъ-то—острія стрѣлъ, длинныя ножички, всякая домашняя посуда изъ лавы, каковы мельницы, вѣтки, диски, корытца, терракотовыя сосуды для семейныхъ надобностей, изъ коихъ нѣкоторыя, очень большіе, заключаютъ въ себѣ обуглившійся ячмень; наконецъ, тутъ же найдены кости домашнихъ животныхъ. При построеніи жилищъ не было ни малѣйшаго употребленія какого-либо металла, не найдено ни одного гвоздя. Вообще раскопки показали, что обитатели Фирейскихъ острововъ во время катастрофы не имѣли ни малѣйшихъ металлургическихъ познаній. То была послѣдняя пора неолитической эпохи: человѣкъ ужь отсталъ отъ состоянія бродячаго звѣролова-троглодита и не принадлежитъ къ ракушкоѣдамъ-коченикамъ сѣверныхъ побережій. Проиреецъ (Προίρητος) этотъ—такъ прозвалъ его г. Ламбръ—естъ вмѣстѣ земледѣлецъ и рыбакъ; неподвижный очагъ его построенъ такъ крѣпко, что сохранился въ продолженіе многихъ вѣковъ; онъ имѣетъ собственность, которую берегаетъ, хлѣбныя пивы, маслины, пастбища. Онъ живетъ ужь въ нѣкоторомъ благосостояніи, и домъ его полонъ, кромѣ камешной посуды, разныхъ глиняныхъ подѣлокъ, сдѣланныхъ его руками изъ Фирейской земли, какъ это доказано химическимъ анализомъ¹⁾. Онъ находился въ общеніи съ ближними островами, какъ-то съ Родомъ и Милломъ, какъ можно о томъ судить по сходству формы нынѣшнихъ еврейскихъ сосудовъ съ древними сосудами означенныхъ острововъ; сообщался и съ Малою Азіей, какъ это видно изъ двухъ золотыхъ чертней. Поэтому проиреецъ очень дре-

¹⁾ Fouquier, тамъ же стр. 126.

вентъ, но онъ не допотопный человекъ (δέν εἶνα ἀνθρώπος). Судя по одной нижней челюсти, найденной въ этой мѣстности, человекъ той эпохи не представлялъ никакой особенности сравнительно съ нынѣшнимъ жителемъ этого края (22—24).

2. Финикіане на островѣ Святаго Георгія у Саламинны (26—43) ¹⁾ Мы пропускаемъ то, что авторъ говоритъ о сношеніяхъ грековъ съ Востокомъ, и въ особенности съ финикіанцами, такъ какъ это предметъ болѣе или менѣе извѣстный, и остановимся на томъ новомъ фактѣ, что къ прежнимъ мѣстностямъ Греціи, въ которыхъ найдены были кучи поломанныхъ пурпуровыхъ раковинъ, то-есть, къ Гиею и Клеирамъ (Цериго), авторъ статьи прибавилъ еще одну мѣстность, а именно островокъ св. Георгія близъ Саламинны. Онъ замѣтилъ, что и на этомъ островкѣ находятся кучи порфиновыхъ раковинъ вида *rugex trunculus* (стр. 33); хотя онъ позже узналъ, что эти кучи были раньше его открыты фонъ-Дюксомъ, который приписалъ ихъ за кухонные остатки, но авторъ не измѣнилъ своего мнѣнія, что это остатки финикійскаго пурпураваго завода. Этотъ фактъ служить ему новымъ подкрѣпленіемъ прежнихъ свѣдѣній о сношеніяхъ древнихъ грековъ съ финикіанцами ²⁾.

3. Слѣдующій день послѣ Платейской побѣды (44—60) ³⁾. Это прекрасный опытъ литературнаго изложенія одного изъ самыхъ характерныхъ моментовъ въ жизни народа, когда онъ унесъ торжествомъ своимъ надъ могущественнымъ соперникомъ. Стоило бы помѣстять эту статью въ переводѣ въ одномъ изъ нашихъ популярныхъ журналовъ.

4. Три отрывка изъ сочиненія Ктисія объ Индіи (61—68) ⁴⁾. Г. Ламбръ издалъ три отрывка изъ этого писателя: одинъ изъ нихъ еще не былъ изданъ никѣмъ, а другіе два являются здѣсь въ болѣе полномъ видѣ, чѣмъ доселѣ. Они сохранились въ Собраніи объ исторіи животныхъ (Συλλογή τῆς περὶ ζῶων ἱστορίας), составленномъ въ срединѣ X вѣка по приказанію Константина Порфиророднаго. По его усердію къ древней письменности составлены были

¹⁾ Φοίνικας ἐν Ἀσίῃ Γεωργίῃ τῇ παρὰ τῇ Σαλαμίνι.

²⁾ Ср. стр. 33—34 съ приложеніемъ, на стр. 221—222. Мы не приводимъ доводовъ г. Ламбръ въ пользу его догадки, такъ какъ послала о томъ обетельную замѣтку въ редакцію трудовъ здѣшняго Археологическаго института.

³⁾ Ἡ ὄστερα τῆς ἐν Πλαταίαις νίκης.

⁴⁾ Τρία ἀποσπασμάτα ἐκ τῶν Ἰνδίων του Κτησίου.

сборники извлеченій изъ древнихъ писателей, каковы *Ἰκτινήκῃ*, *Γαστρονική*, большой сборникъ изъ древнихъ историковъ ¹⁾. Зоологическая хрестоматія основывается главнымъ образомъ на сокращеніи, составленномъ Аристофаномъ Византійцемъ изъ сочиненій Аристотелевскихъ; она состоитъ изъ четырехъ книгъ, изъ которыхъ до 1880 года была извѣстна только первая, содержащая въ себѣ часть зоологій ²⁾. Въ 1880 году г. Ламбръ открылъ на Аеонѣ вторую книгу „О живородящихъ“ (*τὰ ζῳοτοκῶντα* ³⁾). Возвратимся къ изданнымъ отрывкамъ изъ Ктисія. Въ первомъ отрывкѣ сохранилось болѣе подробное описаніе волосатыхъ пигмеевъ, чѣмъ въ отрывкѣ, сохраннымъ Фотіемъ (*Suppl. Arist.* 53—54 и *Phot. Bibl. ed. Bekker*, 46). Второй отрывокъ, объ овцахъ съ большими курдюками, по Константиновскимъ выписямъ подробнѣе, нежели въ отрывкахъ сохранныхъ у Эліана и у Фотія (*Suppl. Ar.* 139—140 и *AEL. IV*, 32, *Phot. B.*, ed. B. 46).

Это обстоятельство, что вышеупомянутые отрывки въ сборникѣ Константиновскомъ сохранены съ болѣею подробностью, приводитъ издателя къ заключенію, что они извлечены прямо изъ сочиненія Ктисія *Ἰκτινήκῃ*, а не изъ другихъ извлеченій.

б. О Дексиніѣ и о взятіи Аеонъ Герулами (69 — 96) ⁴⁾. Здѣсь находимъ сперва краткій очеркъ судьбы аеонянъ отъ Суллы до середины III в. по Р. X. ⁵⁾; къ этому очерку присоединяется описаніе взятія Аеонъ герулами, относимое къ 267 году по Р. X. Ваятіе Аеонъ разказано г. Ламбромъ тѣмъ съ болѣшимъ тщаніемъ, что онъ изучилъ событія не только по письменнымъ свидѣтельствамъ, но и по соображенію съ мѣстоположеніемъ Аеонъ и ихъ окрестностей. Онъ предполагаетъ, что помощь, ожидаемая Дексинпомъ, есть тотъ

¹⁾ Объ этомъ послѣднемъ сборникѣ мы говорили въ предисловіи къ изданному нами переводу „Византійскихъ Историковъ“, Дексинна и т. д. С.-Пб., 1860. См. *Rambaud, L'empire Grec au X v. Paris 1870.* — 2 Partie, chap. 7.

²⁾ Эта первая часть издана изъ одного Аеонскаго кодекса ученымъ Розе въ его *Anecdota Graeca et Graecolatina*. Berlin. 1870. Т. 2, ст. 3 — 40.

³⁾ 1-я и 2-я книги отпечатаны въ первомъ томѣ *Supplementum Aristotelicum*, издаваемого Берлинскою академіей, по порученію которой г. Ламбръ занимался разработкой текста.

⁴⁾ Περὶ Δεξίππου καὶ τῆς ὑπο τῶν Ἑρῶλων ἀλαστίας τῶν Ἀθηναίων.

⁵⁾ Ср. мой „Очеркъ Аеонъ во время римскаго господства“, въ Византійскихъ Историкахъ (*Дексинна* и проч.), стр. 3—8. С.-Пб. 1860. Тутъ помѣщены, кромѣ того, введеніе Нибура и самые отрывки изъ Дексинна въ переводѣ Спиридонова Деестуниса.

римскій флотъ, который посланъ былъ императоромъ Галіеномъ подъ командой Клеодама изъ Воспора въ Ахаію. Такъ какъ Пирей былъ захваченъ готами, и совокупное дѣйствіе флота съ сухопутными войсками аѳинскими трудно себѣ представить со стороны Пирея, то крѣпкую мѣстность и лѣсъ, ограждающій аѳинявъ, должно искать не въ нынѣшней масличной рощѣ, какъ обыкновенно думаютъ, но въ окрестностяхъ Кифисіа ¹⁾. Если сюда перенести сцену войны, то понятнѣе стануть слова Дексинна. Только отсюда (отъ Кифисіа) они могли, съ одной стороны, въ засадѣ поджидать прохожденіе непріятеля ²⁾, съ другой же, въ случаѣ неудачи убѣжать въ высокія мѣста ³⁾, то-есть, въ мѣстности Декелійскія. Отмѣтимъ поправку въ текстѣ, сдѣланную авторомъ: прежде печаталось: ἔκαστοι μὲν ἢ τελευτατὴ πάντας ἀνθρώπων καταλύσαι τὸν βίον, ἐν τοῖς περὶ τῆς πατρίδος ἀγῶσιν ἄθλον κάλλιστον καὶ δόξαν αἰδίων φέρων (см. вѣд. Нибура, стр. 27). Г. Ламбръ предлагаетъ читать: ἔκαστοι μὲν ἢ τελευτατὴ πάντας ἀνθρώπων καταλύσαι δὲ τὸν βίον ἐν τοῖς περὶ τῆς πατρίδος ἀγῶσιν ἄθλον κάλλιστον καὶ δόξαν αἰδίων φέρων (см. пр. 1 на стр. 90). Также, какъ г. Ламбръ, очевидно, понималъ это мѣсто и русскій переводчикъ еще въ сороковыхъ годахъ, когда передалъ его слѣдующимъ образомъ: „Всѣмъ людямъ опредѣлено кончать жизнь. Но смерть въ битвѣ за отечество, приноситъ съ собою прекрасную награду и славу вѣчную“ ⁴⁾.

6. Лѣтописи о ностроениі Моноивасіи (97 — 128) ⁵⁾. Попрѣнядавъ здѣсь напечатанный еще въ 1749 году италіанскимъ ученикомъ Павини текстъ лѣтописи „Объ основаніи Моноивасіи“, г. Ламбръ поставилъ съ нимъ рядомъ открытыя имъ самимъ на Аѳонѣ два додела неизвѣстныхъ текста той же лѣтописи. Сличеніе этихъ трехъ текстовъ привело его къ убѣжденію, что изданный Павиніемъ — Туринскій — и одинъ изъ изданныхъ имъ, то-есть, Кутлумусскій, принад-

¹⁾ Кифисіа — прекрасная мѣстность, находящаяся къ сѣверо-востоку отъ Аѳинъ и къ юго-западу отъ горы Пенделика.

²⁾ „Завладеваемый нами пунктъ самый крѣпкій: отсюда мы будемъ устремляться на непріятелей, и предать имъ, надея на разсѣянныхъ, и ставя на пути ихъ засады“. См. русск. переводъ отрывковъ 20-й на стр. 39 (г. Ламбръ приводитъ эти слова въ греч. текстѣ: они на стр. 26 по боннскому изданію Нибура; 21 fr. по Миллеру, Fragmenta Historiarum Graecorum, T. III.

³⁾ „Если мы не будемъ въ состояніи выдержать авпора варваровъ, то невидимо удалимся на высоты“. Тамъ же.

⁴⁾ „Византийскіе Историкъ, Дексиннъ“ и проч. С.-Пб. 1860, стр. 41.

⁵⁾ Το περί κτισσεως Μονεμβασιος χρονικον.

часть ССХІ, отд. 2.

лежать къ одному и тому же семейству, такъ какъ они содержатъ въ себѣ, кромѣ мелкихъ различій, совершенно тотъ же матеріалъ и даже однѣ и тѣ же главныя описки. Другой же изъ найденныхъ имъ списковъ—Ивирійскій, значительно отличается отъ обохъ вышеупомянутыхъ: въ немъ пропущена вся вторая половина конца; въ средней части текста заключаются мѣста, вовсе не имѣющіяся въ остальныхъ двухъ спискахъ. Пропуская для краткости сдѣланный авторомъ подробный разборъ источниковъ, изъ которыхъ составлена Монеивасійская лѣтопись, мы представимъ его соображенія о времени ея составленія. Сперва онъ указываетъ на то, что лѣтопись состоитъ изъ трехъ частей: первая часть разказываетъ о сношеніяхъ Византіи съ Аварами до царствованія Маурікія; вторая—о вторженіи Аваровъ и Славянъ въ Пелопонисъ, объ обращеніи ихъ въ христіанство императоромъ Никіфоромъ и о дѣлахъ митрополія Патрской до этого послѣдняго царя; третья—о дѣлахъ митрополій Монеивасійской и Лакедемонской. Онъ предполагаетъ, что двѣ первыя части образовали въ древнѣйшія времена одно цѣлое: это доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что Ивирійскій списокъ содержитъ въ себѣ только эти двѣ первыя части. Послѣдній изъ приводимыхъ Ивирійскимъ спискомъ фактовъ—подчиненіе престолу митрополія Патрской епископовъ Лакедемонскаго, Меоисага и Коринскаго,—произошелъ въ патриархію Тарасія, умершаго въ 806 году. Поэтому первая и вторая части лѣтописи, очевидно, сочинены между этимъ годомъ и 1083, когда была провозглашена митрополіею Лакедемонія, въ царствованіе Алексія Комнина и въ патриаршество Евстратія, (о чемъ сказано въ началѣ третьей части лѣтописи): итакъ, первоначальною лѣтописью были однѣ только первая и вторая части. Весь разказ видимо клонится къ прославленію церкви и обращенія при Никіфорѣ въ христіанство славянъ пелопонисскихъ, и въ особенности къ прославленію того мужа, которому приписывается это дѣло, а именно патриарха Тарасія, котораго церковь наша считаетъ къ святымъ и къ имени котораго хронографъ Ивирской рукописи присовокупляетъ: „иже во святыхъ отца нашего“. Итакъ, первоначальная лѣтопись есть синаксарь, быть можетъ, читаемый въ церквахъ, въ день сятаго Тарасія, 25-го февраля, въ Патрахъ или въ другихъ мѣстахъ Пелопониса, въ особенности же въ Монеивасіи. Со временемъ къ этой хроникѣ приложено было изъ Монеивасіи и другія событія изъ исторіи церкви этого города и церкви Лакедемонской. Событія Монеивасійской церкви заимствованы, очевидно, изъ архивовъ монеивасійскихъ (ср. стр. 114 съ 118 и 119).

Авторъ выражаетъ недověріе къ тѣмъ извѣстіямъ этой лѣтописи, которыя не подтверждаются византійскими историками: онъ находитъ что первоначальный текстъ ея былъ поповленъ, что видно изъ прибавки къ стариннымъ мѣстнымъ названіямъ названій новыхъ; онъ указываетъ на неясность въ ней свѣдѣній о временахъ отдаленныхъ (стр. 123). Къ позднѣйшимъ измѣненіямъ относитъ онъ и прибавку подробностей объ ославяненіи Пелопониса и о выселеніи пелопонисянъ (стр. 125). Представимъ общій выводъ, которымъ и заканчиваетъ онъ свою интересную статью. Основа лѣтописи, постоянно остававшейся въ Мопемвасіи, какъ это доказываютъ списки Туринскій и Бутлумусскій, есть историческая и старинная. Между VIII и концемъ XI в. для возвеличенія побѣдъ, одержанныхъ въ Пелопонисѣ Византійскими царями надъ славянами, и для торжества православной церкви, составленъ былъ синопсаръ изъ мѣстъ, выбранныхъ изъ византійскихъ историковъ, описывавшихъ нападенія варваровъ на греческія земли. Къ этому синопсарю позже, вѣроятно—въ XIII в., приложены были разныя извѣстія о церквахъ Лаведемонской и Мопемвасійской. Быть можетъ, около того же времени, или скорѣе значительно позже, къ первому синопсарю прибавлены вымыслы (μυθολογήματα) о выселеніи пелопонисянъ и о ихъ возвращеніи, которые вѣроятно произошли изъ болѣе длиннаго разказа о Пелопонисѣ, можетъ быть, даже стихотворнаго, въ которомъ историческія извѣстія и басни, дѣйствительныя имена и мнимыя дѣла составили ту трудно разрѣшимую смѣсь ¹⁾, которая удостоилася большаго вниманія, чѣмъ надлежало, со стороны тѣхъ, которые хотѣли доказать, что Пелопонисъ уже въ концѣ VI столѣтія совершенно ославянился (127—128).

7. Вторая осада Константинополя аравитянами и Θεοδосίη Γραμματικῆ ²⁾ (129—144). Впервые изданное стихотвореніе нѣкоего Θεοδосία Γραμματικῆ, въ которомъ описана осада Царяграда арапійскими морскими силами, носитъ слѣдующее заглавіе: Θεοδοσίου τοῦ γραμματικῆοῦ στίχοι δι' ἰάμβων εἰς τὰ ἀραβικὰ πλοῖα ὅταν εἶλον αὐτὰ οἱ χριστιανοὶ ἐν τῇ Κωνσταντινουπόλει βασιλεύοντος Ἁρακλείου τοῦ ἑσσεβούς, то-есть: „Ямбическое стихотвореніе Θεοδосία Γραμματικῆ на

¹⁾ На стр. 126 и 127 авторъ указываетъ на разныя неясности, вошедшія въ тотъ кодексъ Бутлумусскій, гдѣ найденъ нѣтъ одинъ изъ списковъ Мопемвасійской лѣтописи.

²⁾ Ἡ ὀπὸ τῶν Ἀράβων δευτέρα πολιορκία τῆς Κωνσταντινουπόλεως καὶ Θεοδοσίου ὁ Γραμματικῆς.

аравійскія суда, когда вьзаты были они христіанами въ Константинополь въ царствіе богочестиваго Иракліа^а. Личность этого Θεοδοσίου неивѣстна. Къ какому времени отнести это стихотвореніе? Имя Иракліа вкралось въ заглавіе, очевидно, ошибкой; при Иракліи Константинополь осаждаемъ былъ не аравитянами, а аварами. Ἀράβων не могло здѣсь произойти опиской вмѣсто Ἀβάρων, потому что осаждавшій народъ названъ здѣсь между прочимъ и Исмаиломъ (стихъ 5-й). Итакъ осаждали аравитяне. Изъ двухъ осадъ Царяграда аравитянами, бывшей при Константиѣ Поговатѣ (672—678 гг.) и бывшей при Львѣ Исаврѣ (717 г.), по мнѣнію издателя, здѣсь описана вторая, такъ какъ, судя по заглавію стихотворенія, рѣчь идетъ о вьзятіи аравійскихъ судовъ въ Константинополь, такомъ фактѣ, о которомъ источники при описаніи первой изъ нихъ не упоминаютъ¹⁾. По строю холіамбовъ тоже приходится отнести стихотвореніе къ наиболѣе поздней эпохѣ. Всѣ 80 стиховъ въ своемъ окончаніи имѣютъ удареніе на предпоследнемъ слогѣ (= оканчиваются *παροξτόνωσ*), а это обычай позднѣйшихъ византійцевъ, установившійся послѣ времени Иракліевыхъ, когда писалъ Георгій Писидіецъ, у котораго есть еще много стиховъ съ удареніемъ на третьемъ слогѣ отъ конца (= оканчивающихся *προπαροξτόνωσ*) и рѣдко попадаются стихи съ удареніемъ на последнемъ слогѣ (= *ὀξύτωνος*). Эта статья завершается еще однимъ описаніемъ той же осады, бывшей при Львѣ Исаврѣ. Оно имѣетъ типъ синаксаря подъ 15-мъ августомъ, когда и произошла эта осада; помѣщено въ Вѣнскомъ кодексѣ, писанномъ въ XI вѣкѣ. Описаніе это носитъ заглавіе: *Περὶ τῆς ἐλεύσεως καὶ ἀποτροφῆς τῶν ἀθέων Ἀγάρηνων, ἐλθόντων κατὰ τῆς θεοφυλάκτου Κωνσταντινουπόλεως*, то-есть: „О нашествіи и возвращеніи безбожныхъ агарянъ, нападавшихъ на богохранимый Константинополь“. Издатель обнародовалъ здѣсь и это не изданное произведеніе, какъ дополняющее въ нѣкоторомъ отношеніи извѣстія объ этой осадѣ византійскихъ историковъ. Мы, съ своей стороны, не лишнимъ считаемъ указать на нѣкоторое сродство между тѣмъ стихотвореніемъ и этимъ синаксаремъ: послѣдній могъ имѣть въ виду, если не это самое стихотвореніе, то другіе, по содержанію своему подобныя этому стихотворенію, современные событію, памятники. Облизимъ три мѣста:

¹⁾ Мы не можемъ входить въ тѣ частности, которыми занимается авторъ, хотя онѣ и содѣйствуютъ подкрѣпленію его главныхъ доводовъ.

Θεοδόσιος ὁ Γραμματικὸς.

1) Πῶς τὰ θράσησος δουλογέννητον γένος (στίχ. 47).

2) ἔθραυσας αὐτῶν τὸν ζυγόν, παντοκράτωρ,

.....

ἵνα βλέποντας δεξιᾶς σου τὸ εὐθύνω
ἀγγῶσαι γλώσσας, μὴ λαλεῖν βλασφημίας (στ. 20—23)

3. εἴπωμεν αὐτ' οὐ τις θεὸς μέγας κέλει

(ἔθος γάρ ἐστι τοῦτο ταῖς νίκαις λέγειν)
ὡς σύ, κράτιστε κτίστα τῆς οἰκουμένης (στίχ. 6—8).

Συναξάριον Βιενναῖον.

Ἐπερ μιὰρὸν ἔθνος τῶν Σαρακηνῶν...
οὐδέποτε ἀφετον δουλείας ἐγένετο (σ. 142)

Διατρέχοντες δὲ οἱ πολέμιοι ἔξω τοῦ τείχους, εἰς τις ἐξ αὐτῶν βλασφημίαις ῥήμασι Κωνσταντιανῶν καλῶν τὴν πόλιν καὶ τὴν ἐκκλησίαν φιλεῖ ὀνόματι Σοφίαν προσαγορεύσας, εἰς βάραθρον αὐν τῷ ἴκῳ αὐτοῦ ἐμπέσων καταεράγη... (σ. 143).

τίς θεὸς μέγας ὡς ὁ θεὸς ἡμῶν; ἀληθῶς σὺ εἶ θεὸς ὁ ποιῶν θαυμάσια μόνος (μον. στρ. 144).

Издатель весьма усѣбно исправляетъ многія мѣста стихотворенія. Относительно слѣдующихъ чтеній я не согласенъ; въ стихѣ 19-мъ вмѣсто λόγου слѣдуетъ читать λόγον; въ стихѣ 40-мъ, быть можетъ, вмѣсто ταχὺ лучше бы читать ταχεῖς (см. въ спискѣ ταχεῖ). Для топографίи Κωνσταντινοπολιτικῆς любопытно, по моему, то, что въ συναξαρίῳ подъ Δάκκοςъ разумѣется Золотой Рогъ (стр. 143).

8. Ο не издавнѣиой лѣтописи Λαομεδοντα Λακαπιννα ¹⁾ (145—151).

Сопоставленіе нѣкоторыхъ отрывковъ по издавнѣиой лѣтописи Λαομεδοντα Λακαπιννα съ давнѣио издавнѣиою лѣтописью Μιχαηλα Γλικη пришло авторя размыслил къ убѣжденію о взаимномъ сходствѣ этихъ двухъ лѣтописей, при чемъ выражена имъ догадка, что Μιχαηλ Γλικη могъ пользоваться лѣтописью Λαομεδοντα, какъ источникомъ. Но рѣшеніе этого вопроса и другихъ съ нимъ связанныхъ считаетъ опъ возможнымъ только послѣ точнаго изученія Ἐσκουριαλσῆσῃ рукописи, содержащей въ себѣ лѣтопись Λαομεδοντα Λακαπιννα, которм до сихъ поръ вполнѣ еще не обслѣдована ²⁾.

9. Восстаніе и смерть Γεωργία Μανιακα (152—166) ³⁾. Авторъ описываетъ кратко героическіе подвиги полководца Μανιακα,

¹⁾ Περί του ἀνεκδοτου χρονικου του Λαομεδοντου Λακαπιννου.

²⁾ Начало и конецъ лѣтописи Λαομεδοντα выписалъ г. Ламбръ изъ E. Miller, Catalogue des manuscrits grecs de la bibliothèque de l'Escorial, стр. 105; другіе же три отрывка выписалъ онъ изъ итальянскаго кодекса Парижскаго, національной библіотеки, № 10495 (830) XVII в., включающаго въ себѣ итальянскій переводъ отрывковъ изъ разныхъ византийскихъ историковъ.

³⁾ Η ἀποστασία καὶ ὁ θάνατος του Γεωργίου Μανιακα.

которому Византійская имперія обязана была въ первой половинѣ XI вѣка долговременною защитой на востокѣ и на западѣ, но который подъ конецъ, не терпя болѣе наносимыхъ ему оскорбленій, поднялъ знамя восстанія ¹⁾. Изъ всѣхъ писателей, до сихъ поръ изданныхъ, больше, чѣмъ въ другихъ свѣдѣніяхъ къ патриотическимъ подвигамъ Маніака находитъ авторъ въ его современникѣ Пселлѣ. По случаю смерти этого военачальника, погибшаго въ битвѣ при Островѣ въ 1043 году, Пселлъ между прочимъ упоминаетъ о многихъ толкахъ, вызванныхъ въ народѣ его смертью. Пселлъ пишетъ: „Потомъ по этому случаю много вымыслено было лицъ, (будто бы) убившихъ этого мужа, и составлены и сочинены по этому случаю (всякіе) разказы: но какъ нельзя было доказать этихъ словъ, то и придумали, что какіе-то неизвѣстные устремились на него и обезглавили его; и хотя наговорено было много, но не было ни малѣйшаго подтвержденія этимъ разказамъ, кромѣ только“ ²⁾ и т. д. (стр. 159). Въ этихъ словахъ г. Ламбръ думаетъ видѣть доказательство существованія народныхъ пѣсенъ на его смерть, какія обыкновенно въ греческомъ народѣ слѣдуютъ за событіями, послѣдними героической характеръ. Ни одной такой народной пѣсни однакожь, по свѣдѣнію его самого, до насъ не дошло, а сохранилось другаго рода стихотвореніе, по всей вѣроятности—современное, написанное эксаметромъ, эпическимъ языкомъ, и отчасти составленное, для прикрасы, изъ стиховъ или фразъ омировскихъ, прилично между собою соединенныхъ (стр. 161). Это стихотвореніе издано здѣсь нѣтъ въ цѣлости: всѣхъ 100 стиховъ. Изъ него можно судить больше, чѣмъ изъ другихъ источниковъ, какъ была велика слава Маніака и то потрясеніе, которое онъ нанесъ

¹⁾ Подробное описаніе военныхъ подвиговъ этого прославленнаго героя находится въ изслѣдованіи проф. В. Г. Васильевскаго: Варяго-Русская и Варяго-Англійская дружина въ Константинополѣ XI и XII вѣковъ. См. главы IV, VI и VIII Журн. М. И. Пр. 1874—1875, части CLXXVI, CLXXVII, CLXXVIII.

²⁾ Ἐτα δὲ ἐπὶ τούτῳ πολλοὶ οἱ τὸν ἄνδρα αποκτανόντας ἐευχρίσθησαν, καὶ λόγοι ἐπὶ τούτῳ συνετίθεντο τε καὶ συνεπλάττοντο. ὡς δ' οὐκ ἦν ἀποδείκνυσθαι τὰ λεγόμενα, ἀγνώστου τινὸς ἰκπίας ἐπ' αὐτὸν ὀριμχότας ἔλογονοῦσαν ἐκχεφαλισαί, καὶ πολλῶν ὀρθῶν πρᾶκτομένων λόγων, ἀπόδειξις οὐδὲ μία τοῖς λεγομένοις ἐπὶν. ἀλλ' ὅτι μὲν κ τ. д. Такъ выражаются нѣтъ Пселлъ только о такихъ вымыслахъ, которые дѣлались намеренно, чтобъ утаить лица, умертвившія Маніака. Неровенъ часъ—могли отыскаться и истители за него. Если бы Пселлъ нѣтъ въ виду народныхъ пѣсенъ, сложившіяся вслѣдъ за событіемъ, то выразился бы совсѣмъ иначе.

имперіи (стр. 166). Издатель обращает вниманіе на сходство въ описаніи рода смерти по стихотворенію и по Пселлу: по первому *παρά γλιτόν*, по второму: *κατά τῆς δεξιᾶς λαγόνος*. Такъ какъ и въ этомъ обзорѣ не привожу подлиннаго стихотворенія, то считаю нужнымъ дать маленькое понятіе о языкѣ, которымъ оно писано. Хотя обороты поминутно напоминаютъ обороты Иліады; но стихотворецъ не слѣдуетъ ей рабски, а владѣетъ омировскими стихами по привычкѣ не только часто читать ихъ, но и писать ими. Такъ мы находимъ множество готовыхъ выраженій въ родѣ: *γυμνός ἄτερ κόρυθος* (стихотв. 13 = Ил. Ф. 50), или *ἐν κονίῃσι παρ' ἀλλήλοισι τέταντο* (стих. 36 = Ил. Δ. 536, в. х. п. α. τετάσθην), или *αἶματι καὶ λούθρῳ πακαλαγμένον* (стих. 43 = Ил. Ζ 208) и т. д. Но рядомъ съ готовыми выраженіями есть и такія, гдѣ готовое смѣшано со своимъ, которое мы здѣсь подчеркнемъ. Напримѣръ въ началѣ:

Θυμὸν ἄχει μεγάλῳ βεβαρημένος ἄγριος ἀνὴρ
Μανιάκης ἀγέρωχος, ἀρήιος, ὀβριμοεργός
μαίνεται ἐν κραδίῳ καὶ ἀσπίδα πᾶσαν ἀγείρει..

или:

ἡμετέρῳ βασιλεῖ δ' ἐπιτάρροθος ἦεν Ἰησοῦς
ὅς νημερτὲς ἔειπε πάσαι „δὲ“ ἐμοῖο ἀνακτες
ακῆπτρα ἔχουσι καὶ γῆς κρατέουσι τύραννοι. 8—10')

или:

...δύναμις δὲ μιν αὐτίκα θεία
ὀφθῆεν οὐρανίῳ παρὰ γλουτόν δοῦρατι βάλλει.... (83—84).

Замѣтимъ еще, что по аналогіи съ *καφῆν γαίαν* (Ил. Γ) 54) составлено *καφῆν κόινυ* (100) и т. п. Относительно же сходства съ Пселломъ, кромѣ указанной г. Ламбромъ тожественной раны, мы замѣтили то обстоятельство, что и по стихотворенію, и по Пселлу, пѣкоторое время никто не смѣлъ подойти къ Маніаку, хотя онъ былъ уже мертвый. Средство между этими двумя источниками есть бесспорное. Кромѣ упомянутаго стихотворенія, г. Ламбрь издалъ въ той же статьѣ еще надгробную надпись Маніаку, найденную имъ въ томъ же Вѣнскомъ кодексѣ. Вотъ она въ подлинникѣ: *Ἰ, Μανιάκῳ, говорю изъ могилы всѣмъ мужамъ: „Мужества моего не оставилъ я*

*) См. Притчи 8, 15—16. Ср. Еванг. Іоанна 19, 11; Рим. 13, 1 в. д.; Тит. 3; 1; 1 Петр. 2, 13. Держи въ памяти такія переченія Св. Писанія, авторъ стихотворенія ихъ переэрастворвалъ на омировскій ладъ: такъ думаетъ рецензентъ.

на землѣ, но умирая, зарылъ его подъ землей, вмѣстѣ съ собою скоронилъ. И лежитъ оно, мое мужество, не близко отъ членовъ моихъ, и однихъ моихъ рукъ силы дожидаясь, безъ меня изъ земли выдти не хочетъ⁴.

Μανιάκης λαλέω ἀπὸ τύμβου ἀνδράσι πᾶσιν.
 Οὐ λίπον ἠγορέην ἐπὶ γαίης, ἀλλ' ὑπὸ γαίαν
 Οἰχόμενος κατέχουσα, ἐμοὶ δ' ἄμα συγκατέθαψα.
 Κεῖται δ' οὐχὶ πέλας μελέων μου ὡς δέμας ἄλλο,
 Βραχίωνων δὲ μάλιστα ἐμῶν περὶ νεῦρα μένουσα
 Οὐκ ἐθέλει ἀναβῆναι ἀπὸ χθονὸς ἄτερ ἐμοῦ⁴).

(стр. 166).

10. Сдача Иоаннинъ (Линны)²⁾ (167—172). По известнымъ источникамъ разказана сдача Иоаннинъ Туркамъ. Во время осады города Синаномъ Пашою, воеводой Мурата II, образовалась въ этомъ городѣ партія единомышленная съ Турками и враждебная господствовавшимъ въ Эпирѣ италіанцамъ. По соглашенію съ нею Синану удалось овладѣть городомъ на условіяхъ. Синанъ, отъ имени своего султана, поклялся, что не будетъ никого колонить, ни дѣлать дѣтскаго набора, и что сохранитъ церквямъ колокольный звонъ; митрополиту предоставитъ судъ надъ ромеями и всѣ его церковныя права, арконтамъ—владѣльцамъ—владѣльческія права. Въ подтвержденіе всего этого выданъ былъ султаномъ Муратомъ іоаннинскимъ посланцамъ въ мѣстечкѣ Кледіи, что близъ Θεσσαλονικίαι,—фирманъ. Это событіе отнесено къ 1430 году, другими къ 1431. Нашъ авторъ даетъ предпочтеніе первому изъ нихъ. Если дать иѣру разказу лѣтописи объ отправкѣ пословъ изъ Иоаннинъ къ султану Мурату, то по необходимости, полагаетъ авторъ, остановимся на 1430 году, потому что тогда только, тотчасъ по взятіи Θεσσαλονικίαι (въ 1430 г.), Муратъ находился передъ стѣнами этого послѣдняго города и вскорѣ отправился въ Αδριανούπολην. Къ тому же году относить сдачу Иоаннинъ и не изданная хроника, помѣщаясь въ одной рукописи Ивирской Синодальной обители (№ 382, л. 964, а). Иоаннинцы прожили на такихъ условіяхъ съ 1430 по 1672 годъ, когда, вслѣдствіе востанія своего противъ Ахмета I, они были порабощены.

⁴) Имя Μανιάκης сохранилось въ названіи земли и аббатства, съ XII вѣка до нашего времени въ восточной Сициліи (Μανιάσε), и въ названіи замка на оконечности Ортігги какъ утверждаетъ В. Г. Васильевскій въ Вар.-русск. дружинѣ и т. д. Ж. М. Н. Изр. СLXXVIII, 2, 79, ссылался на Amari II, 387; 391.

²) Ἡ παραδοσις τῶν Ἰωαννίνων.

11. Венеціанскіе архивы и донесеніе о Пелопоннесѣ Марина Микіеля (173—220)¹⁾. Авторъ разысканій издалъ на итальянскомъ языкѣ найденное имъ въ „Общемъ архивѣ“ въ Венеціи подлинное донесеніе (relazione) о Морей Марина Микіеля, отъ 12-го мая 1691 года. Это былъ одинъ изъ тѣхъ трехъ синдиковъ катастикаторовъ или составителей кадастра²⁾, которымъ Венеціанское правительство поручило устройство Морей, тотчасъ же по отнятій этого полуострова у турковъ въ 1687 году. Донесеніе Микіеля представляетъ собою статистическій отчетъ состоянія Морей въ исходѣ XVII вѣка. Онъ описываетъ физическій строй каждой изъ областей Морей, тщательно отдѣляя плодородныя части ея отъ бесплодныхъ, перечисляетъ рѣки и потоки, солончаки и рыбныя сажелки, равнины и лѣса, обозначая приблизительно пространство лѣсовъ и породы деревьевъ. Морея у венеціанцевъ дѣлилась на 7 областей или управленій (сашеге). При каждой области указано число городовъ, деревень и жителей въ тѣхъ и другихъ, равно какъ и количество доходовъ. По его исчисленію городовъ и деревень въ 1691 году было въ Морей 2,001, жителей 97,114, доходу до 274,000 реаловъ. Доходъ происходилъ отъ найма, отъ десятины, отъ податей и отъ арендъ: кажется, вѣрно перевели мы термины: *affittanze* (ἐνοικιάσεις), *decime* (δεκάτα), *dattî* (τάλη) и *appalti* (ἐκμισθώσεις)³⁾. Очень любопытенъ приведенный Микіелемъ перечень податей и повинностей, которыми обременены были жители Морей во время владычества турецкаго: вотъ они: *la decima di tutti li prodotti* (десятина со всѣхъ произведеній), *Carago* (харачъ, то-есть, поголовная подать), *Avarisî* (подать на движимое имущество), *Scorsati* (повинность въ военное время), *Stira* (снабжение войска), *Nomistro* (подать на скотину), *Mellisatico* (подать на улья), *datio dell' intrata e uscita* (подать за ввозъ и вывозъ), *appalto de sali e peso della stradiera* (сборъ съ солончаковъ и подорожный), *gravezze che si pagano al gran Signore* (сборъ въ пользу султана), *la spenza* (иначе *spenza*) *per li Spai* (сборъ въ пользу спахивъ), *li Nalpa*, *ch'era per li Passà del Regno* (сборъ въ пользу Морейскаго наши), *li Basdar* (сборъ за переѣздъ съ мѣста на мѣсто) (стр. 215 и 216).

¹⁾ Τα αρχια της Βενετίας και η περι Πελοποννησου έκθεσις του Μαρίνου Μικιελ.

²⁾ Ихъ фамиліи: Гритти, Реньеръ, Микіель. Донесеніе Гритти было издано въ греческомъ переводѣ г. Хіотомъ въ журналѣ Φιλιστωρ, Αθην. 1862, Т. 2. с. 218—230.

³⁾ Итальянскіе термины принадлежать донесенію; греческій ихъ переводъ г. Лавбру.

Донесеніе Микіеля не было извѣстно Ранке, когда онъ писалъ свое сочиненіе о Морей подъ господствомъ венеціанцевъ ¹⁾. Г. Ламбръ въ той же статьѣ напечаталъ еще подлинную инструкцію, данную въ 1687 году, 29-го ноября, тѣмъ же тремъ синдикамъ-катастикаторамъ (примѣчаніе 2-е на страницѣ 183—186). Во вступленіи своемъ къ разбираемой вами статьѣ авторъ представилъ обзоръ, сдѣланныхъ въ венеціанскихъ архивахъ разысканій греческими и иностранными учеными.

Новия „Разысканія“ профессора Ламбра, какъ мы показали, являются преимущественно греческаго народа въ разные эпохи его существованія: во времена доисторическія, въ періодъ древней исторіи, въ средвіе вѣка и въ эпоху турецкаго ига. Его книга, знакомя читателей съ историческими фактами, большею частью извѣстными, дополняетъ ихъ на основаніи сдѣланныхъ авторомъ научныхъ открытій и освѣщаетъ ихъ новыми критическими соображеніями. Она написана языкомъ литературнымъ, понятнымъ для лицъ, знакомыхъ съ древнею греческою прозой, а потому можетъ быть съ общою пользою прочитана нашими преподавателями исторіи.

Р. Дестунневъ.

Грамоты XIV и XV вв. Московскаго архива министерства юстиціи. Ихъ форма и значеніи въ исторіи русскаго права. Исслѣдованіе Д. М. Мейчика. М. 1883.

Трудъ г. Мейчика имѣетъ цѣлью научное описаніе одного изъ богатѣйшихъ собраній древнихъ актовъ, хранящагося въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, именно—собранія актовъ на земельныя владѣнія монастырей.

Акты эти были отобраны у монастырей въ царствованіе императрицы Екатерины II, когда произошла секуляризація церковныхъ имуществъ, и сосредоточивались въ такъ-называемомъ архивѣ старыхъ дѣлъ, вошедшихъ въ составъ теперешняго Московскаго архива министерства юстиціи. Многое изъ этого собранія извѣстно изъ печатныхъ изданій, въ особенности изъ изданія проф. Оедотова-Чеховскаго

¹⁾ Оно сперва было помѣщено въ *Hist. polit. Zeitschrift*, а потомъ въ сочиненіи Ранке: *Zur venezianischen Geschichte*. Leipzig, 1878, стр. 277—361.

(Акты, относящиеся до гражданской расправы древней Россіи. Т. I, 1860; т. II, 1863); но до сихъ поръ наука не имѣла полного научнаго описанія этого любопытнаго собранія, почему, напримѣръ, археографическая коммиссія, какъ раньше, такъ и въ болѣе позднее время, издавала имѣющіеся въ этомъ собраніи акты иногда по болѣе позднимъ и менѣе исправнымъ спискамъ. Между тѣмъ и до работы г. Мейчика ознакомленіе съ собраніемъ монастырскихъ актовъ сопряжено было съ меньшими трудностями, чѣмъ знакомство съ какимъ-либо другимъ отдѣломъ Московскаго архива министерства юстиціи. Указанное собраніе данно приведено въ весьма удовлетворительный порядокъ, ему имѣются двѣ рукописныя описи: одна — хронологическая, другая — по мѣстностямъ (уѣздамъ); обѣ описи, какъ свидѣтельствуемъ самъ г. Мейчикъ, весьма удовлетворительны (стр. 151). Къ сожалѣнію, авторъ не сообщаетъ, когда именно и кѣмъ эти акты приведены въ порядокъ: у него указано только, что описи сдѣланы при прежнемъ директорѣ архива. Удовлетворительное въ общемъ состояніе описей собранія монастырскихъ актовъ значительно облегчило и трудъ г. Мейчика, тѣмъ болѣе, что онъ устранилъ задачи палеографическаго свойства, какъ, напримѣръ, разборъ печатей, водяныхъ знаковъ и т. п.

Трудъ, исполненный г. Мейчикомъ, заключался собственно въ болѣе точномъ указаніи хронологіи отдѣльныхъ актовъ и ихъ содержанія.

Справедливость требуетъ замѣтить, что въ настоящее время, по изданіи составленныхъ покойнымъ П. М. Строевымъ „Списковъ іерарховъ и настоятелей монастырей Россійской имперіи“, трудъ этотъ значительно облегченъ. Если безусловно довѣрять этимъ спискамъ¹⁾, то хронологическія изысканія о времени написанія актовъ, въ которыхъ поименованы іерархи и настоятели, сведутся въ несложной работѣ подысканія соответствующихъ именъ въ спискахъ Строева. Этимъ, въ большинствѣ случаевъ, и ограничивается г. Мейчикъ; собственно описаніе актовъ потеряло у него характеръ главной задачи изслѣдованія, и не на немъ долженъ сосредоточиться научный интересъ монографіи. На основаніи имѣвшагося у него архивнаго матеріала, авторъ занялся наученіемъ нѣкоторыхъ вопросовъ внѣшней и внутренней исторіи права. Его книга есть отчасти то, что въ

¹⁾ По совѣстию самихъ издателей, списки эти требовали бы въ настоящее время значительныхъ исправленій (ср. предисловіе къ спискамъ).

нѣмецкой наукѣ называется *Urkundenlehre*, и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ней можно найти нѣсколько трактатовъ по внутренней исторіи права, по изученію отдѣльныхъ институтовъ.

Такое совмѣщеніе въ одной работѣ двухъ задачъ — описанія извѣстнаго собранія актовъ и рѣшенія вопросовъ, имѣющихъ отношеніе не только къ этому собранію, не представляетъ неудобствъ, если случайный и ограниченный матеріалъ, который составляетъ предметъ описанія, не устраняетъ пользованія и другими матеріалами, имѣющимися въ распоряженіи науки, тамъ, гдѣ дѣло касается вопросовъ общаго свойства. При иномъ веденіи дѣла, при пользованіи только однимъ описываемымъ матеріаломъ, многіе вопросы общаго свойства могутъ получить неполное и неудовлетворительное рѣшеніе въ зависимости отъ случайности и ограниченности самого матеріала.

Г. Мейчику приходилось во многихъ частяхъ изслѣдованія — говоря его же словами, — „расширять свой кругозоръ обращеніемъ къ памятникамъ болѣе поздней эпохи, къ началу XVI вѣка“. По объясненію автора, это отступленіе онъ позволялъ себѣ „въ тѣхъ случаяхъ, когда: 1) акты, заимствованные изъ XVI столѣтія, совершались подъ дѣйствіемъ обычаевъ и законовъ, установленныхъ въ прежнее время; 2) когда акты XV вѣка сами выдвигали такіе вопросы, которыхъ нельзя было рѣшить съ помощію ихъ однихъ“.

Должно, однако, замѣтить, что въ книгѣ г. Мейчика не подается даже самаго бѣлаго указанія на тѣ общіе или частныя признаки, которыми, по мысли автора, долженъ отличаться актъ XVI вѣка, совершавшійся подъ дѣйствіемъ обычаевъ и законовъ, установленныхъ въ прежнее время, отъ иныхъ актовъ того же вѣка. Вслѣдствіе отсутствія такого указанія, пользованіе памятниками позднѣйшей эпохи представляется у г. Мейчика совершенною случайностію: по нѣкоторымъ вопросамъ авторъ желалъ составить болѣе дѣльное представленіе, а потому въ соответствующихъ мѣстахъ статьи расширилъ свой матеріалъ, въ другихъ же онъ не пожелалъ этого и ограничился только тѣмъ, что давало ему его собраніе.

Такую же случайностію отличается у г. Мейчика и пользованіе памятниками не позднѣйшей, а избранной имъ эпохи, если памятники эти не входили въ составъ собранія архива министерства юстиціи. Такъ, авторъ иногда пользуется Бѣлаевскимъ собраніемъ рукописей, хранящимся въ Московскомъ публичномъ музеѣ, иногда обращается къ печатнымъ изданіямъ, но вообще игнорируетъ ихъ. По

нѣкоторымъ признакамъ можно думать, что авторъ, въ ущербъ своему изданію, не достаточно внимательно отнесся къ печатному матеріалу: изъ 36 приложенийъ къ книгѣ актовъ 6 оказываются уже известными изъ другихъ изданій, чего авторъ нигдѣ не оговорилъ и, по видимому, думалъ, что они впервые являются въ его изданіи ¹⁾.

Въ самомъ текстѣ также можно найти нѣсколько фактовъ, свидѣтельствующихъ о незнакомствѣ автора съ печатными изданіями. Такъ, на стр. 72, въ примѣчаніи, авторъ приводитъ изъ книги грамотъ на патриаршія и митрополичьи владѣнія, хранящейся въ Бѣльяскомъ собраніи, свидѣтельство, что въ митрополичьихъ владѣніяхъ „постоящій вотчинникъ не имѣлъ права отчуждать свою собственность въ стороннія руки безъ вѣдома и доклада митрополита“, съ такою оговоркой: „Не можемъ не указать на замѣчательный и доселѣ совершенно неизвѣстный въ наукѣ фактъ, относящійся къ началу XVI столѣтія“. Между тѣмъ фактъ, сообщаемый авторомъ, не заключаетъ въ себѣ ничего новаго, такъ какъ приводимое далѣе авторомъ свидѣтельство давно напечатано въ изданныхъ подъ редакціей Н. В. Калачова Актахъ, относящихся до юридическаго быта, т. II, стр. 342. Свидѣтельство это есть историческая справка относительно деревни Хлябовой, изъ которой видно, что когда эту деревню Ѡ. Н. Бутурлинъ купилъ у А. Чертова, митрополичьяго сына боярскаго, безъ вѣдома митрополита, то послѣдній стелъ свои права нарушенными и жаловался великому князю Василю Ивановичу. Купчая была признана недействительною, и только по милости митрополита Хлябово не было возвращено ему безденежно, и покупщикъ получилъ обратно уплаченныя за деревню деньги. Изъ этого свидѣтельства вовсе не видно, чтобы продавецъ, А. Чертовъ, былъ вотчинникомъ. Онъ названъ митрополичьямъ сыномъ боярскимъ и, конечно, владѣлъ Хлябонимъ на помѣстномъ правѣ. Какъ помѣщикъ, онъ былъ стѣсненъ въ правѣ распоряженія землею, о чемъ и напомнило ему признаніе выданной имъ купчей недействительною. На стр. 51 авторъ говоритъ: „изъ не изданныхъ судныхъ дѣлъ XVI вѣка намъ известны“ и т. д., при чемъ далѣе сообщаются данныя, которыя могли бы быть цѣликомъ заимствованы изъ суднаго дѣла объ

¹⁾ Таковы въ прилож. I № 1 и 2 (ср. Русская Историч. Вѣст. II № 15 и 26), въ прилож. III № 2 (ср. Акты отп. до граждан. расправы, Федотова-Чеховскаго, I № 54), въ прил. IV, № 1 (ср. тамъ же I № 8), въ прил. V № 2 и 3 (ср. тамъ же I № 6 и 9).

убійствѣ въ Медвинскомъ уѣздѣ 1538 — 1539 гг., напечатаннаго въ Русской Исторической Библіотекѣ II, № 186.

Если незнакомство съ изданіемъ проф. Фодотова-Чеховскаго, которое составляетъ библиографическую рѣдкость, и можетъ быть извинительно, то недостаточное знакомство съ изданіями общедоступными свидѣтельствуетъ о той поспѣшности, съ которою авторъ собиралъ матеріалъ для своего изслѣдованія. Намъ необходимо было выяснитъ это обстоятельство предварительно, чтобъ отнестись правильно къ дальнѣйшему изложенію автора.

Какъ мы уже сказали, изложеніе это совмѣстно вращается около вопросовъ внѣшней и внутренней исторіи права. Для того, чтобы внести въ наши замѣчанія больше системы, мы расчленимъ эти вопросы и прежде всего спросимъ: что новаго даетъ трудъ г. Мейчика для внѣшней исторіи правительственныхъ и частныхъ актовъ XIV и XV вѣковъ?

Прежде всего изслѣдователь этого предмета долженъ обратить вниманіе на терминологію древняго дѣловаго языка и, если возможно, возстановитъ ея. И у насъ, также какъ и на западѣ, существовало много различныхъ терминовъ для обозначенія актовъ: грамота, запись, отпись, память, кабала и т. д.; и въ нашей наукѣ можетъ возникнуть тотъ же вопросъ, который существуетъ въ западной исторической наукѣ. Тамъ стараются установить различіе между *carta*, *notitia*, *breve* etc. ¹⁾; у насъ же вопросъ о различіи помеченныхъ здѣсь примѣрно терминовъ остается открытымъ. Безразлично ли было ихъ употребленіе въ древнемъ дѣловомъ языкѣ, или съ каждымъ изъ этихъ обозначеній соединялось особое понятіе, и какое именно? Авторъ, къ сожалѣнію, вовсе не обратилъ вниманія на этотъ вопросъ: онъ прямо приступаетъ къ перечню тѣхъ видовъ грамотъ, которые затѣмъ разсматриваетъ въ отдѣльныхъ главахъ.

Въ изслѣдованіи г. Мейчика читатель не найдетъ никакого общаго ученія о правительственныхъ и частныхъ актахъ XIV и XV вв.; кое-какія замѣтки по этому предмету разбросаны по отдѣльнымъ главамъ иногда довольно случайно, при чемъ встрѣчается множество повтореній и ссылокъ на раньше сказанное, хотя бы это сказанное не отличалось ни содержательностію, ни полнотою. Намъ кажется, что еслибъ авторъ самъ постарался выдѣлять общіе вопросы по внѣшней

¹⁾ Ср., напримѣръ, превосходное изслѣдованіе: *Heinrich Brunner, Rechtsgeschichte der römischen und germanischen Urkunde*. 1880.

исторіи, затронутые въ его трудѣ, то усмотрѣлъ бы, что его изслѣдованіе въ этомъ отношеніи даетъ весьма немного: критика можетъ отмѣтить только то, что авторомъ не сдѣлано, изъ того, что ему надлежало бы сдѣлать.

Прежде всего всякій актъ, правительственный и частный, имѣетъ свой способъ изложенія, различный по различію содержанія акта; такъ, извѣстному роду актовъ свойственна объективная, другому — субъективная форма изложенія, одни акты облекаются въ торжественную форму, другіе обходятся безъ этой торжественности. Когда возникаютъ эти различные типы у насъ, которая, напрямѣръ, форма купчихъ древнѣе — объективная (такой-то купчихъ у такого-то), или субъективная отъ имени продавца или покупателя (се азъ продалъ, или: азъ купилъ), въ сколькихъ экземплярахъ писался двухсторонній актъ и т. п., все это вопросы, существенно важныя для того, кто взялся изучать внѣшнюю исторію актовъ. Г. Мейчикъ совершенно случайно при изученіи отдѣльных памятниковъ останавливается на этихъ вопросахъ, но, не направивъ на него своего изученія, онъ довольствуется простымъ констатированіемъ подмѣченныхъ разновидностей въ разобранномъ имъ собраніи, не выходя въ этомъ случаѣ изъ его предѣловъ. Такъ, по вопросу о способѣ изложенія акта можно найти нѣкоторые замѣчанія въ главѣ о купчихъ (стр. 69), хотя этотъ вопросъ, очевидно, имѣетъ значеніе и при другихъ видахъ актовъ.

Вопросъ о числѣ экземпляровъ, въ которыхъ изготовляется актъ, нѣсколькими словами затронутъ въ главѣ о мировыхъ и раздѣльныхъ, въ большинствѣ же случаевъ авторъ ограничивается простымъ изложеніемъ типичныхъ словъ, свойственныхъ акту извѣстнаго разряда, что безъ должныхъ поясненій и изчерпывающей полноты достаточно развѣ для первоначальнаго ознакомленія съ актовымъ языкомъ, но не даетъ ничего для ближайшаго ихъ изученія.

Вопросомъ о томъ, кто изготовляетъ актъ, на сколько, напрямѣръ, часто упоминаются пасцы, и кто исполнялъ эту роль по отношенію къ актамъ правительственнымъ и частнымъ, авторъ вовсе не задается.

О скрѣпѣ актовъ, о подписяхъ и печатяхъ авторъ говоритъ почти въ каждой главѣ, но большею частію съ тѣмъ, чтобъ отослать читателя къ главѣ первой, гдѣ изложено объ этой важной составной части акта слѣдующее: „Третьею существенною частію (акта) должно признать печать и подпись. Эти двѣ принадлежности находятся между

собой въ тѣснѣйшей связи и вмѣстѣ какъ бы исполняютъ одно значеніе—удостовереніе подлинности акта. Воспоминаніе о единствѣ дѣли, достигаемой подписью и печатью, сохранилось до нынѣ въ извѣстномъ дѣловомъ выраженіи за подписомъ и печатью, гдѣ только переставлены предметы и существительное женскаго рода обращено въ мужской*. За этимъ объясненіемъ дѣли подписи и печати, едва ли имѣющимъ какое-либо значеніе, слѣдуетъ нѣсколько указаній на то, чье имя и какъ писалось въ подписи. Авторъ не объяснилъ, напримѣръ, почему иной разъ въ подписи пишется: „самъ князь Михайло Андреевичъ“ почеркомъ, отличнымъ отъ дѣячей подписи. Вмѣсто того разказанъ изъ правой грамоты № 3 Актовъ Юридическихъ случаев, гдѣ грамота боярина князя Михаила Андреевича Григорья, и за его печатью, была признана недѣйствительною (стр. 7). Между тѣмъ авторъ совнавалъ важность вопроса о подписяхъ и печатяхъ и нѣсколько выше цитируемаго мѣста упрекаетъ изслѣдованіе Горбунова въ томъ, что „такія, напримѣръ, важныя принадлежности, какъ печати и подписи и оцѣпка ихъ юридическаго значенія, не нашли собѣ мѣста въ его изслѣдованіи“ (стр. 5).

Также случайно обращаетъ вниманіе авторъ на значеніе мѣста и времени написанія акта (напримѣръ, стр. 9, 12, 21). Здѣсь не выясненъ интересный способъ обозначенія времени акта, по какимъ-либо значительнымъ или общезвѣстнымъ событіямъ: „А дана грамота того лѣта, коли государь князь Михайло Андреевичъ женился“ (А. А. Э. I, 31); „коли великій князь Александръ Ивановичъ ввѣлъ миръ съ великимъ княземъ“ (А. И. I, 26); „коли бились Юрьевичи съ татари на Вѣлевѣ, ино послѣ того на другую землю“ (Р. Ист. В. II, № 23).

Авторъ признаетъ, что всякое время имѣетъ свою практику относительно порядка и способа составленія актовъ. Такъ, на стр. 56, касаясь частныхъ межевыхъ актовъ, авторъ говоритъ, что порядокъ и способъ ихъ составленія опредѣляется „общими правилами, выработанными практикою XV вѣка, касательно актовъ этого рода“. Изъ книги г. Мейчица мы ничего не могли узнать о правилахъ, выработанныхъ практикою XV вѣка.

Устранивъ всѣ намѣченные здѣсь нами вопросы, авторъ наполнилъ ту часть изслѣдованія, которая касается внѣшней исторіи права, изложешемъ содержанія отдѣльныхъ актовъ собранія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣло сводится къ пересказу напечатаннаго и всѣмъ извѣстнаго матеріала. Такъ, на стр. 9 разказано содержаніе

акта, напечатаннаго въ Актахъ Археографической Экспедиціи I, № 52, далѣе идетъ пересказъ акта изъ Актовъ Ист. I, № 2, еще далѣе документовъ изъ Актовъ Археографической Экспедиціи № 42 и 104. Можно было бы указать еще нѣсколько примѣровъ такихъ изложений, которыя должны быть признаны совершенно излишними, какъ не способствующія въ какомъ-либо отношеніи ближайшему уразумѣнію актовъ. Актъ же не напечатанный едва ли не полезнѣе было бы издать цѣлкомъ; тогда возможно было бы научное пользованіе ими и для другихъ: въ чужомъ пересказѣ всегда могутъ быть неточности. Мы выше привели примѣръ того, какъ осторожно слѣдуетъ пользоваться свидѣтельствами г. Мейчика, взятыми изъ рукописей. Еслибы актъ о купчей Бутурлина не былъ напечатанъ, то можно было бы подумать, что въ немъ находится указаніе на обязанность вотчинника при продажѣ своего имущества требовать разрѣшенія отъ митрополита.

Нѣкоторую большую подлитою съ точки зрѣнія виѣшней исторіи отличаются главы о жалованныхъ грамотахъ и о судебныхъ актахъ.

По отношенію къ жалованнымъ грамотамъ авторъ старается установить свою самостоятельную точку зрѣнія по вопросу о причинѣ многочисленности актовъ этого рода, о значеніи пожалованія и о поводахъ, почему простыя гражданскія сдѣлки—мѣна, купля-продажа и т. п., облекались иногда въ форму жалованныхъ грамотъ. Такъ, по послѣднему изъ указанныхъ вопросовъ, авторъ на стр. 13, отклонивъ, не извѣстно почему, естественное и простое объясненіе, по которому замѣна словъ „купили, вымѣнили“ словомъ „пожаловалъ“ объясняется высокимъ положеніемъ одного изъ участниковъ сдѣлки,—старается дать иное объясненіе не только сложное, но и маловѣроятное. Объясненіе это заключается въ слѣдующемъ: „Когда князь обмѣнивается съ монастыремъ или единичнымъ лицомъ имуществомъ, то онъ не всегда вступаетъ съ ними въ договоръ; напротивъ, находя нужнымъ для себя то или другое имущество... князь прямо распоряжается имъ, отчуждаетъ его въ свою пользу, а потомъ вознаграждаетъ прежняго владѣльца какимъ-нибудь другимъ равноцѣннымъ имуществомъ“. Далѣе идутъ выдержки изъ разныхъ актовъ, изъ которыхъ видно, что князья мѣнялись землями съ монастырями, но это вовсе не можетъ служить подтвержденіемъ мысли автора о томъ, что эта сдѣлка по существу отличалась отъ сдѣлки однородной между частными лицами и потому облекалась въ форму жалованной грамоты. На стр. 25 авторъ, имѣя въ виду однородные случаи широкаго употребленія термина „жалованная грамота“, видитъ въ этомъ

„зародышъ будущаго этикета (курсивъ въ подлинникѣ), по которому признаніе со стороны верховной власти какихъ бы то ни было правъ, хотя бы самыхъ элементарныхъ, облачается въ форму пожалованія“. Почему въ одномъ случаѣ будущій „этикетъ“ зародился, а въ другомъ онъ признается недостаточнымъ объясненіемъ формы акта, для читателя остается не яснымъ. Авторъ, по видимому, особенно дорожитъ своимъ объясненіемъ значенія пожалованія: На это объясненіе онъ обратилъ вниманіе еще въ предисловіи, а затѣмъ въ главѣ „о данныхъ“ развилъ его ближайшимъ образомъ. Но странно, почему этотъ вопросъ изложенъ не въ надлежащемъ мѣстѣ книги, и въ особенности—что сказанное въ главѣ (I-й) о жалованныхъ грамотахъ отиѣняется этимъ позднѣйшимъ объясненіемъ. Такъ, въ главѣ о жалованныхъ грамотахъ авторъ не признаетъ за такими такъ-называемыя освободительныя грамоты на томъ основаніи, что „разрѣшеніе верховной власти или ея представителей на освоеніе нѣкимъ не занятымъ земель, должно считаться скорѣе обязательнымъ для всѣхъ правиломъ, чѣмъ исключеніемъ, а тѣмъ менѣе пожалованіемъ въ точномъ смыслѣ“ (стр. 5). Между тѣмъ на стр. 93 вся сущность пожалованія сводится къ тому, что предметомъ его, въ отличіе отъ дачи и вклада, служатъ преимущественно „дикия порозшія земли, требовавшія новыхъ усилій для обстройкіи и превращенія въ пашню“. Авторъ устанавливаетъ это значеніе жалованныхъ грамотъ, по которому „освободительныя“ и окажутся пожалованными по преимуществу, въ видѣ афоризма: „дача и вкладъ означаетъ обогащеніе монастыря на счетъ вкладчика, пожалованіе же пустырей разчитано было на обогащеніе княжеской казны“ (стр. 93).

Доказывать возможную выгоду для княжеской казны отъ раздачи „пустырей“ дѣло, конечно, излишнее; для того же, чтобы этимъ путемъ достигнуть новаго пониманія характера и значенія жалованныхъ грамотъ вообще, чтобы избавить себя этимъ отъ представленія, что обиліе жалованныхъ грамотъ свидѣтельствуетъ о щедрости князей, что, по видимому, и составляетъ задачу автора,—необходимо доказать, что предметомъ пожалованія были по преимуществу дикия, не воздѣланныя земли, что если жаловалось заселенное мѣсто, то это не было пожалованіе. Въ виду трудности доказать эту мысль, авторъ въ основу своего мнѣнія кладетъ тотъ, по его мнѣнію, замѣчательный историческій фактъ, что въ данныхъ всегда есть отводъ или формула: „куда плугъ, тоноръ, коса и соха ходила“, въ жалованныхъ же грамотахъ отводъ попадаетъ рѣдко, а приведенная формула не по-

попала автору вовсе (стр. 93). Допустимъ на минуту, что подмѣченный фактъ есть результатъ тщательнаго наблюденія. Не въ правѣ ли мы спросить: какое отношеніе онъ имѣетъ къ защищаемому авторомъ мнѣнію? Само по себѣ, это отношеніе не ясно. При пожалованіи дикаго лѣса отходъ также нуженъ, какъ при пожалованіи воздѣланной землѣ. Лѣсъ будетъ когда-нибудь высѣченъ, на немъ владѣлецъ поставитъ починки, и тогда, въ случаѣ спора съ кѣмъ-нибудь изъ сосѣднихъ владѣльцевъ, надо будетъ доказывать, что починки извѣщены на пожалованной землѣ, то-есть, надо будетъ указать ей межи ¹⁾. Не знаемъ, почему автору не попадалась въ жалованныхъ грамотахъ формула: „куда плугъ“ и т. д. Она ничего не заключаетъ въ себѣ противорѣчающаго идеѣ пожалованной грамоты. Укажемъ для примѣра на жалованную грамоту въ Актахъ Археографической Экспедиціи I № 15, гдѣ имѣется эта формула. Вообще, для насъ не достаточно ясно, почему авторъ съ особеннымъ стараніемъ хочетъ разъяснить убѣжденіе, что жалованная грамота есть только милость, щедрость, награда. Наука давно уже отрѣшилась отъ этого представленія, была указана рядъ причинъ экономическихъ и политическихъ, которыя, помимо благочестиваго настроенія умовъ, вызывали обильныя раздачи земель въ пользу церкви. Еслибъ авторъ справился съ изслѣдованіями В. А. Милютина (О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи) и А. С. Павлова (О секуляризаціи церковныхъ имущества), то не затруднился бы объясненіемъ, почему столь обильны были пожалованія.

Обращаемся теперь къ рассмотрѣнію тѣхъ вопросовъ вѣншей исторіи права, которыхъ авторъ касается въ главѣ третьей, посвященной судебнымъ актамъ.

¹⁾ Такъ было, напримеръ, въ судномъ дѣлѣ, записанномъ въ правой грамотѣ 1539 года (*Федотовъ-Челюевскій* I, № 49). Въ этой грамотѣ приведенъ жалованная грамота в. кн. Василія Ивановича на дикій лѣсъ Тверскому Успенскому монастырю съ указаніемъ границъ: „пожаловалъ еси... рѣку Сестрицу, и съ лѣсомъ по обѣ стороны тое рѣки вверхъ по Городенку, а внизъ по Ламу по рѣку“. Если жаловался участокъ безъ отвода, то это значило, что владѣлецъ могъ его воздѣлывать, пока топоръ съ топоромъ не сошелся. „И Иванко тако рече: та, господине, деревня Домнинская же была деревня; и далъ господине ту деревню старцомъ низъ великій Василій Всеильевичъ безъ отвода, и азъ, господине, ту поляну посади лѣсъ дичь, да и пахалъ 12 лѣтъ по воду... а за водою, господине, еще видите сами, что лѣсъ дичь... а топоръ съ топоромъ не сошелся“ (*Федотовъ-Челюевскій* I, № 7).

Важнѣйшимъ судебнымъ актомъ является правам грамота; она выдается оправданной стороной и служитъ актомъ утверженія тѣхъ правъ, которые были въ спорѣ и теперь признаны за нею судомъ. Для канцелярскаго писмоводства тогдашняго времени весьма характерно то обстоятельство, что этотъ окончательный актъ суда не являлся переработкою бывшаго у суда матеріала, не являлся чѣмъ-нибудь въ родѣ судебного приговора съ мотивировкой, а заключалъ въ себѣ какъ этотъ приговоръ, такъ и запись всего происходившаго на судѣ съ рѣшеніемъ по дѣлу и съ исполненіемъ этого рѣшенія, состоявшимъ именно въ выдачѣ правой грамоты. Выдача правой грамоты была послѣднимъ актомъ суда, актомъ, который могъ не совпадать съ постановкой окончательнаго рѣшенія по дѣлу, а слѣдовать за нею какъ особое дѣйствіе суда. Такъ, въ дѣлѣ между Чудовымъ монастыремъ и крестьянами деревни Зубцовской (1506 г. Оедотовъ-Чеховскій, I № 21) окончательное рѣшеніе было скрѣплено 24-го февраля, а правам грамота выдана 27-го февраля. При выдачѣ правой грамоты упоминаются иногда свидѣтели, притомъ не тѣ, которые были при самомъ производствѣ дѣла; „И на судѣ были мужи... И коли грамоту правую далъ, а тогда были тѣ же мужи, да Іѣримъ Оедоровъ сынъ Кутусова“ (тамъ же, стр. 17). Все сказанное приводитъ къ той мысли, что мы не въ правѣ смотрѣть на заключительныя слова правыхъ грамотъ: „и потому судья... такого-то обвинилъ, а такого-то оправдалъ и правую грамоту ему далъ“, какъ на ничтожную въ юридическомъ отношеніи часть грамоты. Такого, однако, мнѣнія держится авторъ, опираясь въ данномъ случаѣ мнѣніе Вѣльева. „Юридическое ничтожество заключительной части подобныхъ (докладныхъ правыхъ) грамотъ становится еще несомнѣннѣе, когда припомнимъ два докладные списка, выданные низшимъ судьей вмѣсто правыхъ грамотъ“ (стр. 35). Мы сейчасъ будемъ имѣть случай воспутъ факта выдачи докладнаго списка вмѣсто правой грамоты, на который авторъ здѣсь ссылается, а теперь приведемъ свидѣтельство, ясно опровергающее мнѣніе о юридическомъ ничтожествѣ заключительной части правыхъ грамотъ. Въ 1492 г. было дѣло между крестьяниномъ Ивачевскаго села Митею Климовымъ и старцами Кирялова монастыря о пожнѣ. Въ доказательство своего права собственности на спорную пожню истецъ, Митя Климовъ, ссылался на прежній судъ: „и судъ, господине, о той пожнѣ былъ брату моему Малютѣ передъ судыми передъ Михайломъ передъ Шапкинымъ, да передъ Иваномъ передъ Головою, да передъ Захаріею передъ Мику-

лишимъ; и докладъ, господине, брату моему Малютѣ съ ними учивши стати на Москвѣ; а азъ, господине, въ брата своего мѣсто у доклада на Москвѣ передъ княземъ Даниломъ Александровичемъ передъ Пенкомъ былъ, а князь Данило меня, господине, въ брата моего мѣсто велѣлъ отправить; и они, господине, у старцевъ посули понимали, а намъ, господине вонца не доспѣли" (Федотовъ-Чеховскій, I, № 19). Последнія слова „вонца не доспѣли" могутъ относиться единственно къ выдачѣ правой грамоты, къ исполненію того повелѣнія, которое сдѣлалъ Д. А. Пенко низшимъ судьямъ. Изъ этого примѣра видно, что безъ выдачи правой грамоты дѣло не считается законченнымъ, довести до доклада не значитъ выиграть дѣло. Оно и понятно; всѣ предшествующія этимъ заключительнымъ словамъ части правой грамоты (судный списокъ и написанное на немъ рѣшеніе — докладной списокъ, если права грамота выдается съ докладомъ) являются актами, не выходящими изъ канцеляріи суда. Эти бумаги не предназначаются для сторонъ. Судный списокъ—это записъ того, что происходило на судѣ при первоначальномъ производствѣ дѣла; на основаніи этого матеріала, хотя не обязательно на немъ одномъ, основывается рѣшеніе высшаго судьи. Судный списокъ съ рѣшеніемъ—подписной, докладной списокъ, повелѣніе низшему судѣ, которое также не выдается сторонѣ. По этому подписному списку низшій судья выдастъ правую грамоту оправданной сторонѣ.

Г. Мейчикъ держится, какъ мы видѣли, относительно докладныхъ списковъ иного мнѣнія. Онъ думаетъ, что докладной списокъ могъ выдаваться вмѣсто правой грамоты. Свое мнѣніе г. Мейчикъ основываетъ на томъ, что въ его собраніи имѣются два докладные списка, имѣющіе печати тѣхъ судей, которые разбирали дѣло. Такіе докладные списки, скрѣпленные тѣмъ же порядкомъ, какими скрѣпляются правыя грамоты, по мысли автора, должны были замѣнять собою послѣднія. Описаніе этихъ двухъ докладныхъ списковъ сдѣлано у автора столь неполно, что читатель лишень возможности оцѣнить этотъ совершенно исключительный фактъ. Значится ли на самыхъ этихъ спискахъ, что къ нимъ приложены печати судьи, первоначально разбирававшего дѣло, или авторъ заключилъ объ этомъ изъ осмотра самыхъ печатей? Если имѣло мѣсто послѣднее, то кто знаетъ, въ какомъ видѣ дошли до насъ печати на актахъ XIV и XV вв., тотъ невольно можетъ усомниться въ возможности опредѣлить, чья печать имѣется на актѣ? Во всякомъ случаѣ фактъ приложенія къ докладному списку печати не того судьи, которому докладывается

дѣло, — фактъ совершенно исключительный. На докладномъ списокѣ всегда имѣется печать высшаго судьи. Ср. Акты 10, № 5 и 6 и др.; Ѳедотовъ-Чеховскій I, стр. 47, 55, 74, 77, ср. также № 53, гдѣ докладной списокъ сохранился въ видѣ отдѣльнаго акта. Печать на докладномъ списокѣ скрѣпляетъ повелѣніе высшаго судьи, составляетъ ручательство, что это повелѣніе дано лицомъ компетентнымъ. Какой смыслъ могло имѣть приложеніе печати того лица, которое должно его исполнить—понять трудно. Самый способъ изложенія въ докладномъ списокѣ, самое *Schlagwort* этого акта свидѣтельствуетъ, что опъ есть повелѣніе низшему судѣ, а не предназначается для той или другой стороны: „велѣлъ оправити“, „велѣлъ обвинити“. Рѣшеніе можетъ быть писано въ формѣ, совершенно сходной съ формою указанной грамоты: „И они будутъ такъ, какъ въ списокѣ писано, а старожильци будутъ великаго князя и Троицкіе ихъ вели одну межою, и князь великій Иванъ Васильевичъ всея Руси велѣлъ судьямъ“... (Ѳедотовъ-Чеховскій I, № 44). Соответственно этому мы имѣемъ прямыя указанія на то, что подписной или докладной списокъ и послѣ выдачи правой грамоты въ подлинникѣ хранился у судьи, выдавнаго правую грамоту, и служилъ оправдательнымъ для него документомъ въ случаѣ предьявленія спора, что правая грамота выдана не по суду. Въ 1539 г. бѣлозерскій городовоу приказчикъ Третьякъ-Гневашовъ сынъ Стогинина искалъ на старыхъ судьяхъ своихъ на Львѣ Дуяловѣ и на Митѣ Ляхачевѣ, что они рѣшили его дѣло съ Пречистенскимъ монастыремъ несогласно съ подписаннымъ (докладнымъ) списокомъ. Ноше судьи потребовали отъ старыхъ этотъ докладной списокъ ихъ суда. Когда списокъ былъ представленъ, то новые судьи сравнили его съ правоу грамотоу, выданною монастырю отъ прежнихъ судей. „И старые судьи Лева да Митя передъ послѣдними судьями... отвѣчали; а сказали, что былъ судъ передъ ними тому Третьяку старцомъ съ Маркемъ... и по списку дворецкой кн. Иванъ Ивановичъ велѣлъ имъ того старца оправити, а Третьяка обвинити... да и положили передъ судьями... списокъ суда своего слово въ слово съ правоу грамотоу, что положили старцы передъ писцы на Третьяка; и списокъ подписанъ; а велѣно по подписи Третьяка обвинити“ (Ѳедотовъ-Чеховскій I, № 55).

Этимъ мы считаемъ доказаннымъ положеніе, противоположное тому, котораго придерживался авторъ. Докладной списокъ не замѣнялъ собою правой грамоты, а имѣлъ иное назначеніе.

Для заключенія вопроса о судныхъ актахъ мы отмѣтимъ еще

одну мысль автора, которая показалась намъ неправильною, а именно— различіе подписныхъ списковъ отъ докладныхъ. Авторъ предлагаетъ называть подписными тѣ списки, гдѣ докладъ прописанъ на оборотѣ суднаго списка. Судныхъ списковъ въ подлинникѣ (въ отличіе отъ тѣхъ, которые входятъ въ составъ правыхъ грамотъ), по самому характеру этихъ актовъ, до насъ сохранилось немного, и потому трудно рѣшить вопросъ, на сколько всеобщъ былъ порядокъ писанія доклада на оборотѣ подлиннаго списка. Относительно жалованныхъ грамотъ мы утвердительно можемъ сказать, что подтвержденіе, подпись на имя новаго лица писались безразлично и на оборотѣ, и на лицевой сторонѣ, и въ обоихъ случаяхъ одинаково говорилось, что жалованная грамота подписана на имя давнаго лица, подтвердившаго ее. Усвоивъ, какъ то предлагаетъ авторъ, названіе подписныхъ за тѣми списками, на которыхъ докладъ написанъ на оборотѣ, и оставляя названіе докладныхъ за тѣми, гдѣ докладъ написанъ подъ рядъ, на лицевой сторонѣ, мы предположили бы неправильное происхожденіе названія „подписной“. Списокъ назывался подписнымъ потому, что на немъ есть подпись, а не потому, что на немъ имѣется обратная надпись. Списки съ оборотной надписью по своимъ формальнымъ признакамъ ничѣмъ не разнятся отъ тѣхъ, гдѣ докладъ писанъ на лицевой сторонѣ. Пять „подписныхъ“ списковъ, которые были подъ рукою у автора, не имѣютъ печатей. Но это опять такая особенность, для уразумѣнія которой необходимо имѣть точное описаніе акта. Когда мы прочтемъ у Осдотова-Чеховскаго, который пользовался собраніемъ архива министерства юстиціи, описаніе одного изъ этихъ актовъ ¹⁾, то мы не будемъ, конечно, доискиваться причины, почему на этомъ актѣ не видно печатей, какъ это дѣлаетъ авторъ (стр. 30). Вотъ въ какомъ видѣ сохранился этотъ актъ: „Грамота ветхая, въ двадцати уже мѣстахъ подклеенная и вновь въ изгибахъ по мѣстамъ надорвавшаяся“...

Обращаемся къ той части изслѣдованій г. Мейчика, которая посвящена рѣшенію вопросовъ по внутренней исторіи права.

Прочитавъ предисловіе къ книгѣ г. Мейчика не только спеціалистъ-историкъ, но и всякій образованный юристъ съ особымъ

¹⁾ Тождество акта, напечатаннаго у *Осдотова-Чеховскаго*, I, № 29, съ № 8737 по Переяславо-Залѣскому узвуду видно изъ оглавленія послѣдняго въ книгѣ г. Мейчика (стр. 140 № 148),

интересомъ обратится къ дальнѣйшему изложенію. Въ предисловіи авторъ старается поддержать этотъ интересъ такими, ипнрнмѣръ, мыслями: „Въ наше время, когда предстоитъ преобразование всего гражданскаго кодекса, подобныя изысканія особенно полезны“. Заканчивая свое предисловіе, авторъ указываетъ на важность одного изъ своихъ выводовъ, правда, не въ книгѣ изложеннаго, а тутъ въ предисловіи заявленнаго: „Къ сожалѣнію, выводъ этотъ былъ нами сдѣланъ уже послѣ того, какъ первая глава сочиненія была отпечатана. Можно было бы его не высказать, чтобы не впасть въ противорѣчіе съ собою; но онъ кажется мнѣ столь важнымъ, что я предпочитаю подвергнуться упреку въ непоследовательности, чѣмъ откладывать до другаго времени его обнаруженіе“.

Нѣсколько выше авторъ, по видимому, увѣренъ, что онъ даетъ вполне новую постановку одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ по исторіи русскаго права. „Какой юристъ, не скажу уже догматикъ, но и историкъ“, спрашиваетъ авторъ, — „позволимъ ли себѣ усомниться, что записка и давность были главными факторами въ образованіи нашей частной поземельной собственности?“ Рядомъ соображеній авторъ не только старается доказать законность такого сомнѣнія, но и высказывается въ совершенно обратномъ смыслѣ: „Выходитъ, стало быть, что такъ-называемый первообразный способъ возникновенія частной поземельной собственности (записка) есть юридическій мифъ“. Такъ какъ эта мысль въ дальнѣйшемъ изложеніи автора уже не встрѣчается, то мы позволимъ себѣ здѣсь же выразить наше недоразумѣніе. Мы думаемъ, что не только историкъ, но и догматикъ весьма могли сомнѣваться въ томъ, чтобы записка была главнымъ факторомъ въ образованіи частной поземельной собственности; они сомнѣвались именно тогда, когда только что приступали къ изученію русскаго гражданскаго права и вѣрили *in verba magistris*. Учитель, по книгѣ котораго всѣ изучали исторію гражданскаго права, весьма опредѣленно высказывается въ томъ именно смыслѣ, который авторъ, по видимому, считаетъ оригинальнымъ выводомъ своего изслѣдованія. „Существованіе начала, по которому все, что никому не принадлежитъ въ частности, принадлежитъ государству, можемъ слѣдить съ древнѣйшихъ временъ... Одного занятія земли, хотя бы она никому не принадлежала въ частности, не считалось достаточнымъ для пріобрѣтенія на нее права собственности“ (Неволинъ. Исторія русскихъ гражданскихъ законовъ. II. С. Соч. IV, стр. 2, пр. 2).

Посмотримъ же, какъ дѣйствительно авторъ выполнилъ то, что имъ обѣщано по внутреннимъ вопросамъ права. Въ трудѣ его замѣтна поспѣшность, съ которою велась работа. Поспѣшность эта видна изъ многихъ мѣстъ изслѣдованія. Авторъ иногда слишкомъ надѣется на довѣріе къ его памяти со стороны читателя, больше, чѣмъ это допустимо въ серьезномъ изслѣдованіи. Такъ на стр. 23 читаемъ: „другой подобный примѣръ припоминается мнѣ изъ грамотъ центральныхъ областей“, или на стр. 50: „на этотъ вопросъ давались различные отвѣты, но въ послѣдніе годы (?) старались (кто?) особенно рѣзко отличить послуховъ отъ видоконъ“. Иногда, вмѣсто того, чтобы дополнить свою работу, авторъ выражаетъ только сожалѣніе, что онъ въ свое время не сдѣлалъ ее, какъ слѣдуетъ: „Сожалѣемъ, что въ время не отмѣтили номеровъ грамотъ, преимущественно по Холмогорскому уѣзду; случайно мы записали по Можайскому уѣзду 1548 годъ“ (стр. 80 прим.). Но всего болѣе поразительно множество противорѣчій, разбѣившихъ въ книжкѣ г. Мейчика. Встрѣчая на протяжении ста страницъ нѣсколько мнѣній по одному и тому же вопросу, затрудняешься рѣшеніемъ вопроса, какое же мнѣніе авторъ поддерживаетъ и которое оспариваетъ? Такъ, въ предисловіи авторъ безусловно высказывается въ пользу мнѣнія о существованіи въ древнемъ русскомъ правѣ давности приобрѣтательной (стр. VII); на стр. же 45 изслѣдованіи читаемъ: „Московская практика даетъ намъ истинное указаніе на то, что дѣйствіе давности было исключительно разрушительнымъ, погашающимъ“.

Дальше мы будемъ имѣть случай указать еще нѣсколько примѣровъ поспѣшности работы г. Мейчика. Во многихъ мѣстахъ это скорѣе черновые наброски, чѣмъ окончательное продуманное изслѣдованіе. Такое состояніе работы не помѣшало, однако, автору высказать рядъ сужденій по весьма важнымъ вопросамъ древняго русскаго гражданскаго права и процесса. Оба эти отдѣла въ литературѣ еще недостаточно разработаны, и потому трудно сразу оцѣнить, на сколько данное мнѣніе можетъ быть принято наукой, и на сколько, на оборотъ, оно должно остаться въ области ни на чемъ не основанныхъ догадокъ и предположеній, вызванныхъ малымъ знакомствомъ съ литературою предмета и источниками¹⁾. Съ этою оговоркою мы при-

¹⁾ Объ источникахъ мы говорили выше. Что касается литературы, то замечаніе автора о томъ, что онъ ограничивается только тѣми вопросами, которые не разработаны въ наукѣ, вынуждало его къ болѣе близкому знакомству съ литературою тѣхъ вопросовъ, которыхъ онъ касается. Исторія гражданскаго права

ступаемъ къ вопросамъ внутренней исторіи права, рѣшеннымъ въ трудѣ г. Мейчика, и прежде всего встрѣчаемъ затрудненіе въ систематизаціи этихъ вопросовъ. Въ предисловіи авторъ заявляетъ, что онъ не жалеетъ о томъ, что отбросилъ догматическую систему. Но оставленіе одной системы обязываетъ принять какую-нибудь другую. Нельзя говорить долго безъ всякой системы, не рискуя говорить нѣсколько разъ объ одномъ и томъ же; самъ авторъ, какъ мы уже видѣли, доказалъ, что при этихъ условіяхъ можно объ одномъ и томъ же высказать разное. Въ виду совершенной случайности вопросовъ, которыхъ касается авторъ, мы въ своемъ разборѣ позволимъ себѣ соединить только явно однородное, слѣдя за изложеніемъ автора по отдѣльнымъ вопросамъ.

Въ первой главѣ, при разсмотрѣніи жалованныхъ грамотъ, авторъ коснулся слѣдующаго вопроса, не новаго, какъ онъ самъ его называетъ, „судъ и расправа въ частныхъ вотчинахъ составляли ли неотъемлемое достоинство вотчинника, или послѣдній могъ получать ихъ только по пожалованію отъ высшей власти“ (стр. 18). Авторъ рѣшаетъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что вотчинникъ только по пожалованію является судьей и администраторомъ въ своихъ владѣніяхъ. „Къ такому заключенію приводитъ насъ“, говоритъ авторъ,—„между прочимъ, внимательное разсмотрѣніе одного суднаго дѣла, которое въ свое время послужило Чичерину основаніемъ для прямо противоположнаго вывода“. Въ виду отсутствія ссылки, только изъ дальнѣйшаго изложенія можно догадаться, какое мнѣніе г. Чичорипа авторъ думаетъ оспаривать; притомъ оказывается, что авторъ передѣлалъ это мнѣніе по своему: только въ своеобразной передѣлкѣ мнѣніе г. Чичерина могло быть пригодно для полемики по вопросу, который въ данномъ случаѣ занимаетъ автора. Въ спорѣ своемъ съ Бѣлевымъ о сельской общинѣ г. Чичеринъ, иллюстрируя мысль о томъ, что кормленщики смотрѣли на предоставленныя имъ функціи государственнаго управленія, какъ на частную собственность, сослался, между прочимъ, на судное дѣло, гдѣ нѣкій Левъ Ивановичъ, Кистем-

и процесса, какъ всякому извѣстно, разработана въ большемъ числѣ исследованийъ, чѣмъ тѣ пять, шесть книгъ, которыми пользовался авторъ. Назовемъ нѣсколько болѣе важныхъ сочиненій, знакомства съ которыми не видно въ исследованияхъ автора. По процессу исследований—гг. Дмитриева, Дежченка, Михайлова, Сокольскаго; по тѣмъ отдѣламъ гражданскаго права, которыхъ касается авторъ,—исследования гг. Вѣльева, Никольскаго, Цитовича.

скій бояринъ, отыскиваетъ за себя, за брата и за свою невѣстку право суда, отъ котораго отнимаются старцы Кириллова монастыря, владѣющіе въ области его юрисдикціи, въ Кистемѣ, деревнею по данной черпца Арсенія. Старцы были оправданы, потому что представили жалованную грамоту кн. Михаила Андреевича Бѣлозерскаго, по которой ихъ не велѣно судить Бѣлозерскимъ намѣстникамъ и Кистемскимъ боярамъ. Этотъ случай приведенъ г. Чичеринымъ въ подтвержденіе различнаго взгляда на дѣло управленія въ XV и XIX вв. „Что если бы въ настоящее время“, спрашиваетъ г. Чичеринъ,— „становой приставъ вздумалъ искать передъ судомъ чиновничье право, переданное его невѣсткѣ умершимъ ея мужемъ?“ (Опыты по исторіи русскаго права, стр. 110).

Только крайняя невнимательность какъ въ чужому мнѣнію, такъ и къ читаемому памятнику, можетъ объяснить то, что высказалъ г. Мейчикъ при разборѣ этого мнѣнія. Какъ видно изъ приведенной выдержки, въ статьѣ г. Чичерина дѣло идетъ вовсе не о связи правительственныхъ функций съ вотчинными правами на землю, а о взглядѣ на судъ, какъ на частное право. Еслибъ авторъ отнесся внимательнѣе къ разбираемому судному дѣлу, то онъ не вывелъ бы изъ жалобы Льва Ивановича слѣдующаго заключенія: „Выходить, какъ будто въ представленіи ища право суда и данн неразрывно соединяются съ его наследственнымъ вотчиннымъ правомъ“. Изъ совершенно яснаго смысла памятника очевидно, что истецъ Левъ Ивановичъ, получившій Кистему въ кормленіе съ судомъ и съ данью, какъ кормленщикъ, чиновникъ, оспариваетъ привилегированное положеніе монастырской деревни, для него невыгодное. Онъ насколько не оспариваетъ права собственности монастыря на данную деревню, не выступаетъ въ качествѣ вотчинника, отыскивающаго свои права суда въ связи съ правомъ собственности на землю, какъ то думается автору. Всѣ дальнѣйшія доказательства, представленныя авторомъ, почему Левъ Ивановичъ потерпѣлъ пораженіе въ совершенно неправильно приписанныхъ ему авторомъ замыслахъ, никакого значенія имѣть не могутъ ни pro ни contra мнѣнія, что древній вотчинникъ былъ судьей и администраторомъ въ своихъ владѣніяхъ въ силу своего вотчиннаго права, а не по особому пожалованію князя. Левъ Ивановичъ не осуществилъ своего иска потому, что монастырь представилъ жалованную грамоту, освобождающую деревню отъ суда Кистемскихъ бояръ.

Переходя къ рассмотрѣнію вопросовъ, которые возбуждаетъ ма-

теріалъ, заключающійся въ судебныхъ актахъ, авторъ выражаетъ наміреніе остановиться только на тѣхъ изъ нихъ, которые „доселѣ не получили окончательныхъ точныхъ отвѣтовъ“ (стр. 35). Къ числу такихъ вопросовъ древняго русскаго права несомнѣнно относится вопросъ о владѣніи.

Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что до настоящаго времени въ наукѣ исторіи русскаго права преобладало чисто отрицательное рѣшеніе этого вопроса; указывалось, главнымъ образомъ, на то, что древнее русское право не знало римскаго института *possessio*, что, кромѣ самоуправства и самообороны, въ русскомъ правѣ не было никакихъ иныхъ средствъ защиты владѣнія, какъ такового. Исключеніе допускается только для Новгородскихъ областей въ виду прямого указанія Новгородской судной грамоты о дачѣ особаго суда о наѣздѣ и грабежѣ и особаго о землѣ (какъ о правѣ собственности) (Рейцъ, Опытъ § 35; Неволицъ, IV, 108 и слѣд.). Еще Моршкинъ (О владѣніи, стр. 96) сожалѣлъ, что только позднѣйшія поколѣнія изслѣдователей, въ рукахъ у которыхъ будетъ большее количество данныхъ, въ состояніи будутъ опредѣлить юридическую природу древне-русскаго владѣнія, вычислить юридическія послѣдствія этого фактическаго состоянія, для чего, конечно, недостаточно одного указанія на отсутствіе интердиктнаго процесса въ томъ видѣ, въ какомъ его знаетъ классическое римское право.

Прежде всего, кажется намъ, необходимо потребовать отъ современнаго изслѣдователя, которому долженъ быть ближе знакомъ древнерусскій процессъ, по крайней мѣрѣ, попытки уяснить, почему же древнее право не знаетъ римскихъ интердиктовъ? Ссылка на неразвитость юридическаго мышленія, результатомъ котораго было, будто бы, смѣшеніе въ древнемъ правѣ владѣнія и собственности, а слѣдовательно, и отсутствіе охраны владѣнія, помимо охраны собственности льдится, конечно, крайнимъ средствомъ объясненія. Степенью развитія юридическаго мышленія можно было бы объяснить отсутствіе защиты владѣнія, еслибы эта послѣдняя въ томъ видѣ, въ какомъ она является въ классическомъ римскомъ правѣ, была безусловнымъ требованіемъ всякаго юридическаго порядка, чего, конечно, утверждать нельзя. Въ древнемъ правѣ могли быть такія условія, при которыхъ де было никакой пужды изъ интердиктовъ, а слѣдовательно, юридическому мышленію не для чего было трудиться надъ выработкою понятій, возникшихъ на иной почвѣ. Далѣе, отсутствіе интердиктовъ не свидѣтельствуетъ о томъ, что владѣніе въ древнемъ

правѣ не имѣть никакого значенія, лишено всякихъ юридическихъ послѣдствій. Даже независимо отъ тѣхъ предположеній, которыя составляютъ особое понятіе владѣнія давностнаго, гдѣ владѣніе является однимъ изъ элементовъ института, само по себѣ владѣніе можетъ имѣть весьма большое значеніе и при отсутствіи интердиктовъ. Древне-германское право также, какъ и русское, не знаетъ интердиктнаго процесса; тѣмъ не менѣе, германская наука указала на рядъ связанныхъ съ владѣніемъ юридическихъ послѣдствій, которыя даютъ возможность заключить, что германскому праву вовсе не было чуждо сознаніе положенія, высказаннаго римскими юристами: *melior est conditio possidentis* (Heusler, *Die Gewere*. 1872, § 219—274).

Къ сожалѣнію, г. Мейчикъ, имѣвшій въ описываемомъ имъ собраніи весьма значительное число судебныхъ дѣлъ, остается при прежней постановкѣ вопроса о владѣніи. Намъ представлялось иногда не совсѣмъ понятнымъ, почему мысли автора казались ему поныни, когда онѣ въ существѣ дѣла воспроизводятъ общераспространенное ученіе.

Говоря о предметѣ поземельныхъ исковъ, какъ бы въ опроверженіе общеприятаго, авторъ высказываетъ положеніе, не встрѣчавшее никогда, сколько намъ извѣстно, отпора въ наукѣ, а именно—что въ извѣстныхъ намъ древнихъ процессахъ предметомъ иска является „не голый юридическій фактъ, а разнаго рода права на земли и уголья“. Авторъ особенно подчеркиваетъ это положеніе, такъ какъ этииъ, по его мнѣнію, „просто устраивается мнимая ненослѣдовательность древняго судопроизводства, по которому иски о нарушенномъ владѣніи, будто бы, незамѣтно превращались въ иски о нарушенномъ правѣ собственности“. Трудно уразумѣть, что хотѣлъ этимъ сказать авторъ. По видимому, онъ думалъ доказать, что искъ о нарушеніи владѣнія не превращался въ искъ о правѣ собственности. Но нѣсколько выше, какъ видно изъ выписокъ, приведенныхъ въ подтвержденіе мысли, что въ искахъ о поземельной собственности вездѣ идетъ дѣло о правахъ, а не о владѣніи,—авторъ не думалъ отрицать, что въ устахъ древняго истца самою обыкновенною, является фраза по отношенію къ отвѣтчику: „отъялъ у меня“, „завладѣлъ сильно“, „пашеть сильно“ и т. д. Кромѣ того, авторъ прямо говоритъ, что нарушеніе владѣнія является поводомъ, вызывающимъ искъ о собственности. Послѣ этого трудно понять, почему авторъ полемизируетъ съ тѣми учеными, которые, основываясь на тѣхъ же процессахъ, на томъ, что тотъ, чье владѣніе нарушено, ищетъ не восстановленія владѣнія, а права собственности,—выводить отсутствіе въ древнемъ

правѣ *possessorium* въ отличіе отъ *petitorium* и находятъ, что оба иска смѣшиваются. Тамъ, гдѣ нарушеніе владѣнія является поводомъ къ возникновенію иска о собственности, потому что инымъ способомъ владѣніе возстановлено быть не можетъ, тамъ, конечно, *possessorium* переходитъ въ *petitorium*. Различіе этихъ двухъ исковъ ничѣмъ не можетъ быть доказано для древняго права. Если авторъ для доказательства мысли, что искъ о нарушеніи владѣнія не смѣшивался съ искомъ о правѣ собственности, приводитъ рядъ соображеній, касающихся къ тому, что древнее право различало нѣкоторые виды правъ на недвижимость, то эти соображенія никакого отношенія къ вопросу объ охранѣ владѣнія имѣть не могутъ, и потому общеприпятое мнѣніе объ отсутствіи интердиктнаго процесса въ древнемъ русскомъ правѣ остается въ полной силѣ.

Мы замѣтили уже выше, что въ настоящее время возможно уяснить себѣ до известной степени и причину такого порядка. Рѣшающее значеніе при такомъ объясненіи должно имѣть положеніе сторопъ въ процессѣ о правѣ собственности.

Прежде всего мы должны замѣтить, что древнему праву не чуждо сознаніе, что известными установленными фактическими отношеніями не должны быть самовольно нарушаемы. Сознаніе это выражается, напримеръ, въ тѣхъ грамотахъ, гдѣ предисывается: „и ты бы въ ихъ воды и въ лѣсы и въ ихъ люди и въ ихъ людей уходы не вступался, а ходилъ бы ли по старинѣ, какъ было прежь сего до... придетъ Федоръ Васильевичъ и опъ того посмотритъ; а какопо намъ спору въ чемъ будетъ дѣло и мы о томъ срокъ себѣ сочтите волной передъ Федора“ (Федотовъ-Чеховскій, I, л. 27). Но разъ фактическія отношенія нарушены, то древнее право не стремится возстановить ихъ для того, чтобы этимъ путемъ содѣйствовать возстановленію отношеній правомѣрныхъ, для того, чтобы предполагаемый собственникъ (владѣлецъ) не былъ лишень того болѣе выгоднаго положенія, въ какомъ онъ находится по римскому, напримеръ, процессу передъ всякимъ не-владѣльцемъ. На мѣсто этого древнее право сразу приступаетъ къ возстановленію отношеній правомѣрныхъ, то-есть, стремится выяснить, на чьей сторонѣ право, потому что при такомъ возстановленіи фактъ наличнаго, въ моментъ спора имѣющагося владѣнія не имѣетъ никакого вліянія на положеніе сторопъ въ процессѣ.

Римская теорія юридическаго владѣнія, какъ съ полнымъ правомъ предполагають, беретъ начало свое отъ того положенія, которое занимають стороны въ римскомъ вивдикаціонномъ процессѣ: *Compro-*

dum autem possidendi in eo est, quod etiam si eius res non sit qui possidet si modo actor non potuerit suam esse probare, remanet suo loco; propter quam causam, cum obscura sint utriusque jura, contra petito rem indicari solet (§ 4 I de interd. 4, 15). Древне-русскому процессу о правѣ собственности совершенно чуждо высказанное здѣсь начало. Какъ во всякомъ процессѣ, такъ и здѣсь, отвѣтчикъ-владѣлецъ не можетъ ограничиться пассивною ролью, предоставивъ истцу, не-владѣльцу, доказывать свои права; древне-русскій истецъ не вивдикантъ, недостаточная доказательность правъ котораго влекла за собою рѣшенію благоприятное для *possessor'a*, каковы бы ни были права послѣдняго. Въ древне-русскомъ процессѣ каждая сторона должна доказать свои права; окончательное рѣшеніе судьи весьма верѣдко мотивируется указаніемъ не только на то, почему истецъ, не доказавшій своего иска, обвиненъ, но и на то, въ силу какихъ приведенныхъ отвѣтчикомъ доказательствъ онъ, отвѣтчикъ, оправданъ. Это весьма наглядное выраженіе той совершенно одинаковой роли, какую играетъ истецъ-собственникъ и отвѣтчикъ-владѣлецъ въ древне-русскомъ процессѣ.

Поимавшійся за свою вещь, находящуюся въ чужомъ владѣніи, открываетъ нападеніе словами: „Пашеть, господине, у насъ нашу землю... сильно перелѣзши за межу“. Вслѣдъ за этимъ судья обращается къ отвѣтчику: „Почому вы ту землю держите?“ Отвѣчалъ на этотъ вопросъ судьи, отвѣтчикъ можетъ ограничиться простымъ заявленіемъ, противоположнымъ тому, которое сдѣлалъ истецъ („земля моя“), или же онъ можетъ представить въ полности тѣ доказательства права собственности, которыя у него имѣются. Весьма рѣдки случаи, когда такой мотивированный отвѣтъ со стороны отвѣтника заканчивается собою процессъ, и судья не обращается уже болѣе къ истцу. Таковъ случай въ правой грамотѣ, напечатанной въ Актахъ, относящихся до юридическаго быта, I, 52, 1. Обыкновенно же судья, вслѣдъ за предварительнымъ объясненіемъ сторонъ, обращается послѣдовательно къ истцу и отвѣтчику съ требованіемъ доказательствъ ихъ правъ на спорную землю, при чемъ ни въ чемъ не замѣтно какой-либо разницы въ положеніи не-владѣльца и владѣльца.

Внимательное изученіе судебныхъ дѣлъ дѣлаетъ до очевидности яснымъ отсутствіе какой-либо выгоды искать возстановленія владѣнія съ тѣмъ, чтобы, возстановивъ его, ждать нападенія со стороны собственника. Поимавшійся собственникъ простымъ заявленіемъ о правахъ своихъ могъ вывести владѣльца-отвѣтника въ этомъ послѣдую-

щемъ процессѣ изъ пассивной роли, которая была столь выгодна для римскаго possessor'a.

Благодаря отсутствію интердиктнаго процесса, споръ о владѣніи обращался въ споръ о правѣ собственности, а искъ о нарушеніи владѣнія—въ искъ о нарушеніи права собственности, то-есть, какъ тотъ, у кого оспаривали владѣніе, такъ и тотъ, кто оспаривалъ,—и истецъ, и отвѣтчикъ—могли тутъ же приводить доказательства своего права собственности на спорное имущество, а не откладывать вопросъ о правѣ собственности до другого процесса, построеннаго на иныхъ началахъ. Вслѣдствіе такого порядка фактъ владѣнія могъ не играть самостоятельной роли въ процессѣ. Когда искъ о возстановленіи владѣнія сопровождался доказательствами права собственности, а отвѣтчикъ, въ свою очередь, приводилъ доказательства своего права собственности, тогда основаніями процесса являлись права, а не факты. Точно также, если на одной сторонѣ былъ фактъ, а на другой—право, то фактъ долженъ былъ уступить праву: владѣлецъ не могъ охранять свое владѣніе отъ собственника потому именно, что не было особаго процесса, гдѣ разрѣшался бы одинъ вопросъ о фактѣ съ устраниемъ вопроса о правѣ.

Имѣя въ виду такого рода случаи, г. Мейчикъ пришелъ къ заключенію, что „владѣніе само по себѣ нигдѣ не выставляется ни тяжущимися, ни судомъ, какъ основаніе для приобрѣтенія права собственности. Вездѣ оно приводится лишь какъ наглядное проявленіе права, законнымъ способомъ приобрѣтеннаго“ (стр. 41). Это заключеніе сводится, слѣдовательно, къ полному отрицанію значенія владѣнія не только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно сталкивается съ чужимъ правомъ, но и въ тѣхъ, гдѣ владѣніе не нарушаетъ ничьего права. Если бы заключеніе автора было правильно, то въ тѣхъ случаяхъ, когда ни одна сторона въ процессѣ не можетъ представить доказательствъ своего права собственности на спорное имущество, когда истецъ и отвѣтчикъ одинаково ссылаются на одни фактическія отношенія, когда истецъ доказываетъ, что имущество—его, потому что онъ имъ владѣетъ, а отвѣтчикъ, въ свою очередь, доказываетъ то же, или тогда истецъ не-владѣлецъ доказываетъ, что отвѣтчикъ отнялъ у него имущество, лишилъ его владѣнія, а отвѣтчикъ не можетъ представить никакихъ правъ на имущество,—во всѣхъ этихъ случаяхъ имущество должно было быть признано ничьимъ. Нужно ли доказывать, что такой порядокъ немислимъ не только для того времени, когда мы не въ правѣ предполагать весьма совершенное состояніе

актовъ укрѣпленія правъ на имущество, но и для болѣе позднихъ эпохъ? „Я не могу себѣ представить“, говоритъ Иерингъ, — „практически возможнымъ такое состояніе, которое основано было бы исключительно на правѣ собственности съ устраненіемъ защиты владѣнія, то-есть, такого состоянія, при которомъ всякій разъ, когда нарушено владѣніе, являлась бы необходимость для владѣльца доказывать право собственности“ (Ihering. Ueber den Grund des Rechtsschutzes des Besitzes, S. 48). Такого состоянія не знаетъ и древне-русское право. Древне-русскій владѣлецъ беззащитенъ противъ собственника, но до тѣхъ поръ пока несоотвѣстіе владѣнія чужому праву не будетъ доказано, владѣніе охраняется, какъ эквивалентъ права собственности, даже и тогда, когда оно не можетъ быть возведено къ законному основанію.

Вопреки приведенному мнѣнію автора, можно указать рядъ случаевъ, гдѣ именно засвидѣтельствоваанный фактъ владѣнія ведетъ къ признанію права собственности за владѣльцемъ безъ всякаго указанія съ его стороны на какой-либо законный способъ приобрѣтенія. Такъ, во первыхъ, въ случаѣ нарушенія владѣнія, дѣкція, судъ входитъ въ разсмотрѣніе вопроса, кто раньше владѣлъ имуществомъ, и если новый владѣлецъ не можетъ доказать своихъ правъ на имущество, то прежній владѣлецъ восстанавливается въ своемъ владѣніи, считается собственникомъ. По отношенію къ древне-русскому праву римскій афоризмъ о значеніи владѣнія можетъ быть измѣненъ въ другой: не только *ille qui possidet plus juris habet*, но и *ille qui possidebat* скорѣе собственникъ, чѣмъ тотъ, кто владѣтъ, но не владѣлъ раньше или не можетъ этого доказать. Принятіемъ такого правила достигалась цѣль близкая къ той, которая лежитъ въ основѣ интердикта *unde vi*, съ тѣмъ впрочемъ существеннымъ различіемъ, что такъ какъ восстановленіе владѣнія въ древне-русскомъ процессѣ происходило не въ предварительномъ, а въ окончательномъ производствѣ, гдѣ рѣшался вопросъ о правѣ, то, какъ мы замѣтили уже, владѣлецъ не охранялся отъ собственника. Если нарушеніе владѣнія исходило отъ лица, которое могло доказать свое право собственности, то дѣкція интересовала судью по столько, по сколько она основывала искъ о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные насильственными дѣйствіями дѣктора. Такъ, напримѣръ, было въ дѣлѣ между П. В. Шереметевымъ и кн. А. П. Ноздроватымъ (Акты, относящіяся до юрид. быта, I, 52, VIII). Повѣренный И. В. Шереметева жаловался на кн. А. П. Ноздроватаго, что когда онъ пришелъ съ „дѣловцы“ косить лугъ, то А. П. Ноздроватый согналъ его съ луга, не далъ часть сѣна, отд. 2.

косить сѣна и отнять у истца лошадей съ сѣдломъ и уздой. Прежде всего былъ поставленъ вопросъ: въ самомъ ли дѣлѣ отнѣтчикъ своими насильственными дѣйствіями причинилъ имущественный ущербъ истцу, въ самомъ ли дѣлѣ онъ отнял у него лошадей? По отсутствію доказательствъ, вопросъ этотъ былъ оставленъ для разрѣшенія крестнымъ цѣлованіемъ. Затѣмъ процессъ о правѣ косить лугъ шелъ своимъ порядкомъ безъ всякаго отношенія къ вопросу о насильственномъ отнѣтіи владѣнія, и закончился онъ присужденіемъ луга И. В. Шереметеву, а по вопросу объ убыткахъ стороны помирились¹⁾.

Но если нарушение владѣнія, дзекція, исходила отъ лица, не имѣвшаго никакихъ правъ на имущество, то въ случаѣ доказаннаго владѣнія со стороны прежняго владѣльца его, прежнее владѣніе считалось правомѣрнымъ. Древній судья игнорировалъ фактъ дзекціи, а направлялъ вниманіе на констатированіе того, кто раньше владѣлъ, такъ что лишенный владѣнія въ процессѣ о правѣ собственности ссылался на свое прежнее владѣніе и этою ссылкой могъ осилить, при другихъ равныхъ условіяхъ, настоящаго владѣльца. Въ 1555 году крестьяне Алешинской волости предъявили искъ противъ нѣкоего Митьки Фомина, обвиняя его въ томъ, что онъ третій годъ, какъ отнял и отгородилъ къ своей деревнѣ ихъ выгонную землю. При существованіи интердиктнаго процесса, предполагая, что онъ не ограничетъ срокомъ, судья, прежде всего, долженъ былъ выяснитъ вопросъ, въ самомъ ли дѣлѣ имѣло мѣсто завладѣніе, и, въ случаѣ утвержденія этого факта, возстановитъ помянутыхъ крестьянъ въ ихъ владѣнія, предоставивъ Фомину искать съ нихъ право собственности. Древній судья, вмѣсто этого, выслушавъ исковое требованіе, прямо обращается къ Фомину съ предложеніемъ представить отвѣтъ, въ которомъ Фоминъ утверждаетъ, что выгонная земля, за которую поимались крестьяне, его собственность. Выслушавъ этотъ отвѣтъ, судья обращается къ истцамъ съ требованіемъ представить доказательства, что земля, которою владѣтъ Фоминъ, имъ принадлежитъ. Истцы въ

¹⁾ Намъ кажется, что аналогичный случай имѣла въ виду Новгородская судная грамота, постановляя: „нико судити напередъ назадъ и грабежь, а о земли послѣ судъ“. Здѣсь видать охрану владѣнія отъ насильственныхъ дѣйствій независимо отъ права собственности, кѣмъ въ родѣ интердикта unde vi. Едва ли не правильно будетъ признать, что Новгородская судная грамота имѣла въ виду именно всегъ объ убыткахъ въ родѣ того, который былъ предъявленъ чело-вѣкомъ ии. Поздovatого, а вовсе не возстановленіе владѣнія, не интердиктнымъ процессомъ.

доказательство указываютъ на старожильцевъ, которые могутъ показывать, что они владѣли этою землею. Отвѣтчикъ, въ подтвержденіе своего права, не могъ привести ни вѣрностей, ни старожильцевъ. Выслушавъ истцовыхъ старожильцевъ, показавшихъ согласное съ заявленіемъ истцовъ, судья присудилъ землю крестьянамъ и Омина обвинилъ. Совершенно тотъ же результатъ получился бы, если бы крестьяне сначала были возстановлены во владѣніи, а потомъ Оминъ искалъ бы на нихъ права собственности: такое предварительное производство по облегчило бы для крестьянъ доказательства ихъ собственности, и теперь Оминъ, еслибъ онъ могъ отстоять свое владѣніе, долженъ былъ представить суду всѣ тѣ же доказательства, какими онъ подтвердилъ бы свое исковое требованіе. Въ процессѣ же уваженіе къ факту владѣнія въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы старались установить это понятіе, выражается съ полною очевидностію: крестьяне указываютъ на фактъ прежняго владѣнія, какъ на единственное доказательство своихъ правъ на землю: ни о какомъ законномъ основаніи объ отводѣ, о занесеніи земли въ сотницы или о чемъ-нибудь подобномъ нѣтъ рѣчи. Три года владѣнія Оминимъ выгонною землею не помѣшало судью признавать правомѣрнымъ прежнее владѣніе крестьянъ, а не правомѣрнымъ владѣніе Омина (Акты, относящіеся до юрид. быта, I, 52, VI). Таковъ одинъ рядъ случаевъ, гдѣ владѣніе ведетъ къ признанію права собственности.

Далѣе, повторныхъ, значеніе владѣнія, какъ признака права собственности, выстунаетъ наружу въ тѣхъ тижбахъ о правѣ собственности, гдѣ имѣется споръ о владѣніи, гдѣ каждая сторона ссылается на владѣніе, какъ на доказательство своего права собственности, не имѣя никакихъ иныхъ доказательствъ этого права. Это тѣ случаи которые могли бы дать поводъ къ примѣненію интердикта *uti possidetis*, то-есть, къ предварительному рѣшенію вопроса, кто изъ двухъ владѣлецъ. Древне-русскій процессъ и этотъ вопросъ рѣшаетъ не въ предварительномъ производствѣ, а въ томъ же, который долженъ рѣшить вопросъ о правѣ собственности, почему если одна изъ сторонъ докажетъ свои права на имущество, то фактъ владѣнія теряетъ рѣшающее значеніе, но если обѣ стороны одинаково могутъ доказать только владѣніе, то собственникомъ считается тотъ, кто лучше докажетъ фактъ владѣнія. Вопросъ о томъ, чтѣ считать лучшимъ доказательствомъ, касается вопроса объ оцѣнкѣ доказательствъ со стороны судьи. Здѣсь достаточно, въ видѣ примѣра, указать на то, что если старожильцы-свидѣтели, на которыхъ сослалась одна изъ

сторонъ, не могли дать точныхъ указаній границъ владѣнія, или въ нихъ показаніяхъ замѣтно было противорѣчіе, или они не могли подтвердить своихъ показаній полемъ, то судья рѣшалъ споръ въ пользу противной стороны. „И истцы... ищю Василья Нелидинскаго обвинили, потому что его послухи Дорохъ да Овсяникъ сказали, что слыхали у отцовъ у своихъ, что то Кузьминское земля великаго князя; они земля не вѣдаютъ чья, а межь не знаютъ, а третій его послухъ Лобавъ послушествовалъ не въ ищени рѣчи“ (Федотовъ-Чеховскій, I, № 31). „А Ивана Иванова сына Магикова обвинили, потому что Ивановы старожилцы съ монастырскими старожилцы за поле не понялись“ (тамъ же, I, № 51).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда обѣ стороны представляли одинаково достовѣрныхъ свидѣтелей факта владѣнія, вопросъ рѣшался или поединомъ, или во избѣжаніе послѣдняго, тотъ считался лучше доказавшимъ свое владѣніе, чьи старожилцы указывали на болѣе продолжительное владѣніе, за больше лѣтъ помнили. Такъ, въ дѣлѣ между Гридкомъ Голузовымъ и Симоновымъ монастыремъ (Акты, отпослціеся до юрид. быта, I, 52, II) первый былъ обвиненъ потому, что его знахари показали, что онъ владѣеть землею 30 лѣтъ, а монастырскіе знахари показали, что монастырь владѣеть 50 лѣтъ.

Поддерживая тезисъ, что владѣніе, какъ фактъ, имѣло ограниченное значеніе въ древнемъ правѣ¹⁾, авторъ не могъ не вспомнить ряда случаевъ, гдѣ судебное разбирательство направлено именно на констатированіе этого факта безъ всякаго отношенія къ его правомѣрности. Имѣя въ виду эти случаи, авторъ расширилъ самое понятіе правомѣрности до признанія правомѣрнымъ всякаго владѣнія, удостовѣреннаго свидѣтельскими показаніями. По его мнѣнію, „если происхожденіе владѣнія не могло быть возведено къ опредѣленному законному способу приобрѣтенія, то правомѣрность его опредѣлялась отзывомъ добрыхъ людей, знахарей, этихъ представителей общественной совѣсти“. Итакъ, знахари, старожилцы и т. п. обращаются въ представителей общественной совѣсти, или какъ авторъ выражается въ иномъ мѣстѣ, въ кругъ послуговыхъ обязанностей входитъ: „дѣлостное и конкретное знаніе права“. „Понятіе послуха

¹⁾ Замѣтимъ кетати, что авторъ выражается до крайности неопредѣленно: «отношеніемъ факта къ праву опредѣляется значеніе владѣнія» (стр. 41), какъ будто не къ тому именно сводится весь вопросъ, каково отношеніе факта къ праву.

оказывается весьма сложнымъ: начинаясь простымъ свидѣтельствомъ, оно постепенно повышается до роли свѣдущихъ людей и присяжныхъ" (стр. 5). Напрасно стали бы мы искать въ книгѣ г. Мейчика доказательствъ въ пользу такого взгляда на послуховъ. Какъ бы въ качествѣ такого доказательства авторъ обращаетъ вниманіе на то, что выраженіе Судебника: „послухомъ ни видѣвъ не послушествовати, и видѣвши сказати правду" не относится ко всѣмъ разрядамъ свидѣтелей, что могутъ быть свидѣтели, которые только „слухомъ слышали" о фактѣ. Но развѣ отсюда можно дѣлать заключеніе, что былъ и такой разрядъ свидѣтелей, которые свидѣтельствовали не о фактическихъ обстоятельствахъ дѣла, а о духовныхъ отношеніяхъ? Далѣе, авторъ останавливается на томъ вопросѣ, который судья обыкновенно предлагаетъ свидѣтелямъ: „чья это земля?" и переводитъ его отъ себя словами: „кто имѣетъ на нее право?". „Въ рѣшеніи такого вопроса однимъ зрѣніемъ, видѣніемъ ничего нельзя сдѣлать; тутъ требуется участіе не внѣшнихъ осязательныхъ предметовъ, а отвлеченныхъ духовныхъ отношеній; тутъ требуется участіе совѣсти, различающей правду отъ неправды". Авторъ упускаетъ изъ виду, что, спрашивая: „чья земля" судья ждетъ отъ свидѣтелей, что видно изъ ихъ отвѣтовъ, подтвержденій извѣстныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о правѣ, а вовсе не указаній на правомѣрность или неправомѣрность этихъ фактовъ. Послѣдній вопросъ рѣшаетъ самъ судья, причемъ изъ откуда не видно, чтобы „присяжные" ему въ этомъ содѣйствовали. Самъ судья нерѣдко поясняетъ вопросъ свой: „чья земля" въ такомъ именно смыслѣ: „скажите въ Божью правду, чьи то пустоши? кто тѣ пустоши косить?" (Акты Юрид., № 3).

Въ одномъ изъ судныхъ актовъ, изданныхъ авторомъ (прил. стр. 107), мы находимъ довольно интересное указаніе на значеніе послуховъ, какъ свидѣтелей факта, а не права. Одна изъ сторонъ въ процессѣ дискредитируетъ показаніе послуха противной стороны, указывая на то, что послуху этому меньше тридцати лѣтъ, между тѣмъ онъ говоритъ о тридцатилѣтнемъ владѣніи: „что господине, знахарю Грядкѣ Алексѣеву тридцати лѣтъ о роду нѣтъ, и ты, господине судья, пожалуй, обыщи лѣтъ его"... Въ двадцать-пять лѣтъ „духовныя" отношенія можно, конечно, также хорошо знать, какъ и въ тридцать. „Присяжный" на подобномъ основаніи отведенъ быть не можетъ. Мы привели этотъ случай потому, что аналогичнаго мы не встрѣчали въ памятникахъ, хотя изъ нихъ можно было бы собрать массу данныхъ въ подтвержденіе защищаемого нами взгляда на по-

слуховъ и ни одного факта въ пользу теоріи г. Мейчика. Авторъ, по видимому, придаетъ еще особое значеніе слову „добрый“, которымъ обозначается старожилецъ. Прочитавъ слѣдующее мѣсто въ его книгѣ, можно подумать, что для него „добрый“ значитъ „знающій правду, въ смыслѣ „знающій право“: „Старина пользовалась уваженіемъ только не всякая, а лишь добрая, правая. Потому и старожилцы должны быть люди добрые и показываютъ въ Божію правду“. На самомъ дѣлѣ въ эпитетѣ „добрый“ не скрывается вовсе указанія на знаніе правды, Божьей правды. „Добрый“ значитъ человекъ не порочный, человекъ доброй славы. „И Троицкой слуга Иванко Алексѣевъ билъ челомъ писцомъ, а сказалъ: ставить, господине, въ старожильцехъ Балахонцы Васка Кабатчика, и тотъ, господине, Васко, не добрый человекъ; прежь того онъ на Балахнѣ по торгому и кутьемъ битъ“ (Федотовъ-Чеховскій, I, № 75).

Намъ необходимо было остановиться на мнѣніи автора о послухахъ, какъ о представителяхъ общественной совѣсти, для того, чтобы, проверивъ это мнѣніе, устранить возможное возраженіе противъ вышеизложеннаго ученія о владѣніи. Тамъ мы съ полнымъ правомъ смотрѣли на владѣніе, засвидѣтельствованное показаніями послуховъ, какъ на доказанное фактическое состояніе, а не какъ на состояніе правомѣрное въ томъ смыслѣ, что показаніе послуховъ замѣняетъ собою законный способъ пріобрѣтенія, однозначно съ нимъ.

Можетъ быть, выше выясненное нами отношеніе судьи къ факту прежняго владѣнія, предположеніе, что послѣднее неправомѣрно при указанномъ болѣе древнемъ, хотя и прерывномъ, владѣніи, мѣняло прокиновенію въ судебную практику института давностнаго владѣнія: при давностномъ владѣніи молчаніе дэцированнаго владѣльца, при наличности извѣстныхъ предположеній, ведетъ къ освоенію имущества со стороны дэцента, древній же судья, какъ мы видѣли, воспроизводитъ давно бывшія фактическія отношенія и по нимъ рѣшаетъ вопросъ о правѣ.

Не безъ основанія думаютъ, что институтъ давности явился у насъ сравнительно поздно и не имѣлъ въ древней практикѣ безусловнаго значенія. Правда, говоря объ условномъ значеніи давности въ искахъ о правѣ собственности и понимая подъ этимъ допущеніе, со стороны судьи, и такихъ исковъ, по которымъ несомнѣнно давностный срокъ истекъ, упускаютъ изъ виду, что ни одно обстоятельство въ древнемъ процессѣ, какъ бы ни было безусловно его дѣйствіе, не устраняло разбирательства дѣла по существу. Такъ, на-

примѣръ, неявка къ суду во второй инстанціи вела непремѣнно къ обвиненію неявившейся стороны; тѣмъ не менѣе судья второй инстанціи прочитывалъ судный списокъ, спрашивалъ явившуюся сторону о ходѣ дѣла, хотя судьба иска была заранѣе predeterminedъ неявкою у доклада, и всѣ эти дѣйствія были совершенно излишни (Өе-дотовъ-Чеховскій, I, № 23).

Но, съ другой стороны, можно думать, что, дѣйствительно, въ сознаниіи эпохи давностное владѣніе не является твердо установленнымъ институтомъ; на это указываетъ, между прочимъ, то обстоятельство, что истецъ, ищущій за двадцать, за сорокъ лѣтъ, при существованіи пятнадцатилѣтней и даже болѣе короткой давности, самъ въ началѣ иска указываетъ на это обстоятельство, которое по видному, онъ долженъ былъ бы скрывать, какъ обстоятельство, вредное для его интересовъ: „А какъ, господине, у насъ отняли тѣ наволоки старцы Троецкіе тому есть лѣтъ съ двадцать“ (Акты Юрид. № 4), „А отняли, господине, ту пустошь есть лѣтъ съ полтретатдцать“ (Акты, относящіяся до юридическаго быта, I, 52, III). На тотъ же характеръ давности указываетъ и то, что далеко не всегда давность принимается въ разчетъ судьей при постановкѣ рѣшенія. Впрочемъ, и въ давномъ случаѣ нельзя упускать изъ виду неумѣнья, со стороны судьи, сосредоточить вниманіе на рѣшающемъ дѣло обстоятельстве, что, какъ извѣстно, и для опытнаго судьи не всегда представляется легкимъ дѣломъ. Къ тому же весьма возможно, что правы грамоты не всегда точно и достаточно подробно передаютъ намъ обстоятельства дѣла ¹⁾, почему и трудно иногда опредѣлить, почему въ одномъ случаѣ давность принимается въ разчетъ, а въ другомъ—не имѣетъ никакого вліянія на рѣшеніе дѣла.

Мы уже выше имѣли случай замѣтить, что въ изслѣдованіи автора находятся два противорѣчивыя указанія на то, какъ должно понимать давность по древне-русскому праву: была ли эта давность приобрѣтательная (usucapio), или исковаѣ? Въ текстѣ своей книги авторъ является весьма рѣзкимъ защитникомъ послѣдняго взгляда на давность, который, какъ извѣстно, есть господствующій въ литературѣ.

¹⁾ Тамъ, напримѣръ, въ одной правой грамотѣ (Акты, относящіяся до юридическаго быта, I, 52, I) читаемъ: „И ки. в. Иванъ Васильевичъ, выслушавъ грамоту кунчихъ, и докладныя, и данныя, и списка иѣновнаго предѣда своего и выпроса владыки Коломенскаго Геронтія о оселѣ“; между тѣмъ въ самой правой грамотѣ не видно, о чемъ великій князь спрашивалъ отъчитка.

Не смотря на заявленіе автора, что „данныя, находящіяся въ нашемъ распоряженіи, даютъ намъ возможность довольно основательно провѣрить всѣ эти (то-есть, высказанныя въ литературѣ) предположенія“,—мы не встрѣтили у г. Мейчика ни одного новаго указанія для ученія о давности.

Авторъ сосредоточилъ свое вниманіе на двухъ вопросахъ этого ученія.

Во-первыхъ, заимствовано ли постановленіе судебника о давности изъ исковскаго законодательства, или оно взято изъ предшествующей судебнику московской практики? Авторъ высказывается въ пользу послѣдняго рѣшенія этого вопроса. Для насъ здѣсь имѣеть значеніе не опроверженіе мнѣнія о заимствованіи, которое давно отвергнуто самимъ авторомъ этого мнѣнія, профессоромъ Энгельманомъ (*Die Verjährung*, S. 85), а разборъ древней судебной практики по вопросу о давности. Разборъ этотъ приводитъ автора къ тому заключенію, что „пониманіе давности въ Москвѣ и Псковѣ было одинаково; по московская практика даетъ намъ ясное указаніе на то, что дѣйствіе давности было исключительно разрушительнымъ, погашающимъ и имѣть основанія усматривать иное значеніе и въ исковской давности“ (стр. 45). Авторъ упускаетъ здѣсь изъ виду буквальный смыслъ постановленія Псковской судной грамоты, не оставляющей никакого сомнѣнія въ томъ, что грамота говоритъ о пріобрѣтательной давности. Хотя авторъ и говоритъ далѣе, что „настоящій случай показываетъ, какъ ошибочнымъ оказывается буквальное толкованіе въ приложеніи къ древнимъ юридическимъ источникамъ“, по мы не могли вывести изъ изслѣдованія автора, почему на мѣсто яснаго опредѣленія Псковской судной грамоты о пріобрѣтательной давности должно быть постановлено другое. Методологическій приѣмъ, состоящій въ неуваженіи къ ясному смыслу извѣстнаго опредѣленія древняго законодательнаго памятника, не можетъ быть одобренъ въ той общей формѣ, въ которой онъ установленъ авторомъ. Приѣмъ этотъ можетъ повести къ ряду производныхъ предположеній, не имѣющихъ научнаго значенія.

Второй вопросъ, на которомъ останавливается авторъ при разсмотрѣніи института давности по древнему русскому праву, касается вопроса о срокахъ давности. Профессоръ Энгельманъ, какъ извѣстно, держится того мнѣнія, что до установленія трехлѣтней и шестилѣтней давности судебника 1497 года въ московской практикѣ былъ принятъ пятнадцатилѣтній срокъ давности, установленный закономъ Василія Дмитріевича (1389—1425 гг.), о которомъ упоминается въ гра-

моть 1492 года (Описание архива старых дѣлъ, М. 1850, стр. 212—214). Разбирая это мнѣніе, авторъ находитъ, что слѣдующіе факты служатъ „яснымъ опроверженіемъ“ его: „Въ двухъ случаяхъ истцы сами заявляютъ, что земли отпаты у нихъ за 40 лѣтъ... въ двухъ другихъ: „Московскіе бояре, разбиравшіе дѣла въ порядкѣ доклада, не стѣснялись сорокалѣтнимъ срокомъ“ (стр. 44) и, какъ видно изъ подлинныхъ словъ рѣшенія, обвиняли истцовъ за 40 лѣтъ. Относительно первыхъ двухъ случаевъ авторъ добавилъ, что и тамъ истцы, заявившіе о сорокалѣтней давности, также были обвинены (Объ грамоты, которыя приводятъ авторъ, напечатаны у Федотова-Чеховскаго, I, № 13 и 16).

Авторъ не придалъ бы приведеннымъ въ книгѣ фактамъ значенія опроверженія оспариваемаго имъ мнѣнія, еслибъ онъ ближе ознакомился съ книгою профессора Энгельмана, которую онъ критикуетъ. Факты, на которые указываетъ г. Мейчикъ, ни для кого знакомаго съ памятниками, а слѣдовательно, и для профессора Энгельмана, ничего новаго не заключаютъ. Въ литературѣ было уже высказано мнѣніе, котораго держится авторъ, и обосновано совершенно такимъ же образомъ, какъ и у него. Имѣя въ виду это мнѣніе и факты, которые приводились въ его подтвержденіе, профессоръ Энгельманъ на стр. 87 своей книги о давности напоминаетъ замѣчаніе Неволіна: „Примѣненіе болѣе продолжительнаго давностнаго срока не исключаетъ дѣйствія болѣе короткаго срока“, то-есть, обвиненіе на основаніи сорокалѣтней давности (къ чему и сводятся приведенные авторомъ факты) по ясно выраженному мнѣнію профессора Энгельмана, съ которымъ едва ли можно не согласиться, ничего не говоритъ противъ дѣйствія пятнадцатилѣтняго срока: изъ того, что истцы были объявлены при сорокалѣтней давности, не слѣдуетъ, что они не были бы обвинены при пятнадцатилѣтней.

Если мы позволимъ себѣ обратить вниманіе еще на одинъ послѣдній вопросъ, разработанный подробнѣе въ книгѣ г. Мейчика, то только потому что разработкѣ его авторъ, по видимому, придавалъ особое значеніе. Критика должна здѣсь по необходимости прерваться въ указаніе противорѣчій, недомолвокъ и явныхъ ошибокъ, допущенныхъ авторомъ.

Отдѣлъ, на которомъ мы теперь намѣрены остановиться, касается вопроса о выкупѣ (стр. 75—85). Авторъ прежде всего останавливается на вопросѣ, кто пользуется правомъ выкупа.

Еще Неволінымъ (П. С. Соч. III, 338 и слѣд.) была высказана

мысль, что выраженія „продать“ и „купить“ не имѣли въ древнѣйшемъ быту того значенія, какое соединяется съ этими словами въ настоящее время, что продажа не всегда означала отчужденіе вещи въ собственность другому лицу, и что продавецъ долженъ былъ прямо оговориться, что онъ продаетъ „впрокъ безъ выкупа“, если онъ не думалъ впослѣдствіи воспользоваться правомъ возвратити себѣ вещь, выкупить ее. Существованіе оговорки „впрокъ безъ выкупа“ указываетъ на то, что по общему правилу продавецъ имѣлъ право выкупа.

Авторъ держится противоположнаго мнѣнія. Онъ не одобряетъ вообще приѣма, которымъ пользовался въ данномъ случаѣ Неволіянтъ: *exsertio figmat regulam*,—указывая не безъ основанія на то, что „въ древнемъ быту частный рядъ, будетъ ли то взаимный договоръ или одностороннее распоряженіе имуществомъ, нерѣдко повторяетъ только общеобязательный обычай“. Но такое общее замѣчаніе не можетъ поколебать каждый частный выводъ, основанный на томъ предположеніи, что если известная формула вносится въ сдѣлку, то она устанавливаетъ условіе, которое само собою не подразумѣвается. Въ данномъ примѣрѣ нужно, слѣдовательно, подтвердить, что право выкупа въ дѣйствительности и безъ формулы „впрокъ безъ выкупа“ не имѣется при куплѣ-продажѣ. Авторъ былъ далекъ отъ мысли подтвердить это по крайней мѣрѣ въ томъ примѣрѣ, который онъ приводитъ какъ бы въ видѣ втораго довода противъ взгляда Неволіянта на куплю-продажу. Въ одной купчей 1525 г. вслѣдъ за объявленіемъ о продажѣ „вѣкъ безъ выкупа“ читаемъ: „а будетъ мнѣ Оедору и Матвѣю (продавцамъ) или нашему роду до тое земли, и намъ земля вяти, а деньги заплатити 50 рублей“. Казалось бы, что примѣръ этотъ скорѣе указываетъ на распространеніе правила, по которому продавецъ имѣетъ право выкупа: правило это переходитъ даже въ такіа сдѣлки, гдѣ есть формулы устраниющія его ¹⁾.

¹⁾ Примѣръ этотъ, какъ самъ авторъ указываетъ, вполне аналогиченъ съ тѣмъ, который приведенъ у Неволіянта (П. С. Соч., III, 339, прил. 124). Приводитъ этотъ примѣръ, авторъ опять пользуется случаемъ, чтобы напомнить о методологическомъ приѣмѣ, состоящемъ въ неуваженіи къ буквальному смыслу памятника. „Намъ приходится повторять, какъ это ни скучно, что въ нашихъ древнихъ памятникахъ даже прямой словесный смыслъ не всегда служитъ твердою опорой для правильного вывода“ (стр. 75). Замѣтимъ прежде всего, что видъ именно прямой словесный смыслъ приводимой авторомъ купчей даетъ поводъ къ тому заключенію, которое онъ изъ нея вывелъ. Результатомъ усвоенія такого науч-

Мы не будем останавливаться на других доводах автора въ подтвержденіи мысли, что продавецъ не пользовался правомъ выкупа. Укажемъ только, что развѣ по недоразумѣнію г. Мейчикъ приводитъ въ числѣ этихъ доводовъ и ст. 85 Царскаго Судебника, не признающую права выкупа за самимъ продавцомъ. Мнѣніе Неволіна касается, вѣдь, болѣе ранняго времени: онъ нигдѣ не высказывалъ мысли, что по Судебнику продавецъ имѣетъ право выкупа. Авторъ предусматриваетъ это возраженіе: „Скажутъ, пожалуй, что постановленіе Судебника было пововеденіемъ, идущимъ въ разрѣзъ съ истаринными началами обычнаго права. Но такое возраженіе прямо опровергается фактами“. Съ любопытствомъ обращаемся къ дальнѣйшему изложенію съ тѣмъ, чтобы найти тамъ факты. На мѣсто такихъ фактовъ, которые должны были бы показать, что продавецъ не пользовался правомъ выкупа, и этимъ сдѣлать всѣ предшествующія разсужденія автора излишними, находимъ вѣсколько указаній на то, что „значеніе, присвоенное Судебникомъ Ивана IV рукоприкладствамъ родственниковъ, коренится въ чисто народномъ обычномъ воззрѣніи“. Мы нарочно привели выводъ изъ фактовъ, которые должны подтвердить право выкупа продавца собственными словами автора для того, чтобы имѣть право отиѣтитъ крайнюю невнимательность, вслѣдствіе которой только и возможно объяснить превращеніе вопроса о правѣ выкупа продавца въ вопросъ о рукоприкладствѣ родственниковъ на сдѣлкѣ и ея значеніи.

Можно было бы подумать, что авторъ, доказывая соотвѣтствіе 85-й статьи Судебника съ предшествующею практикою, хотѣлъ до-

наго приема, который отрѣшается отъ буквального смысла памятника, является у г. Мейчика крайне невнимательное чтеніе источниковъ даже тогда, когда онъ упрекаетъ другихъ, притомъ такихъ исследователей, какъ Неволінъ, въ невнимательномъ чтеніи. Говоря о томъ, что „выкупить имущество“ значило между прочимъ освободить его изъ залога, Неволінъ сослался на кунчю, напечатанную въ Актѣ Юрид. № 71, XXXVI. Въ примѣчаніи на стр. 76 г. Мейчикъ по этому поводу замѣчаетъ: „Не понятно, какъ могъ такой ученый, какъ Неволінъ, привести эту кунчю въ поясненіе своего положенія, что объ уплатѣ долга обеспеченнаго залогомъ говорилось: выкупить его имѣніе. Настоящій случай представляетъ собою не внесѣ денегъ потомкомъ должника залогодавцу, а принятію сими послѣднимъ первому определенной суммы и приобрѣтенія вотчины на основаніи чистой купли“. Между тѣмъ въ грамотѣ прямо сказано о залогодателѣ: „а было ему выкупите (заложное имущество) своими куны“, что волиаи подтверждаетъ мнѣніе Неволіна, не разбивавшаго актъ въ цѣломъ, а ослѣдоваго на это именно отдѣльное выраженіе.

казать этимъ, что вообще статья эта ничего новаго не вводитъ, а слѣдовательно, и въ частности непредоставленіе права выкупа продавцу не есть нововведеніе. Послѣдующее изложеніе дѣлаетъ такое объясненіе невозможнымъ. Авторъ, напримѣръ, думаетъ, что постановленіе той же 85-й статьи, что дѣти и виходацію продавца не пользуются правомъ выкупа, есть нововведеніе, что раньше эти лица пользовались этимъ правомъ. И страннымъ образомъ въ подтвержденіе этой мысли авторъ прибѣгаетъ къ тому же приему, который, какъ мы видѣли, двумя страницами раньше имъ же самимъ не былъ одобренъ, именно г. Мейчикъ приводитъ одинъ случай ¹⁾, гдѣ зять за жену и за дѣтей своихъ отказывается отъ права выкупа по отношенію къ имуществу проданному тестемъ. Читатель поставленъ въ совершенное недоумѣніе, почему въ одномъ случаѣ (когда дѣло касается права выкупа продавца) отказъ отъ права не значитъ, что право существуетъ безъ такого отказа, а въ другомъ, на оборотъ, такой отказъ именно приводится въ доказательство существованія права.

Обращаемся къ вопросу о предметѣ выкупа: какое имущество подлежитъ выкупу? Авторъ высказывается въ пользу того мнѣнія, что выкупу подлежатъ не только родовыя имущества, но и благопріобрѣтенныя „купи“. Судебникъ, постановляющій: „до купель дѣла нѣтъ“, опять, слѣдовательно, устанавливаетъ новое правило. Въ подтвержденіе этого мнѣнія авторъ не привелъ ни одного факта. Умолчаніе, при установленіи права выкупа или отказѣ отъ него, о томъ, какое имѣется въ виду имущество, на что указываетъ авторъ, не можетъ при отсутствіи другихъ данныхъ служить подтвержденіемъ мнѣнію, принятому авторомъ. Кромѣ этого указанія, г. Мейчикъ отсылаетъ читателя къ IX-й главѣ своего изслѣдованія, гдѣ онъ нѣсколькими словами коснулся вопроса о выкупѣ земель данныхъ въ монастырь. Такая ссылка обличаетъ только, что авторъ смѣшиваетъ два различныя института: право родственнаго выкупа и право выкупа земель данныхъ въ монастырь. Послѣднее основано на иныхъ предположеніяхъ, и мы не имѣемъ права заключить о характерѣ перваго изъ правилъ, установленныхъ для послѣдняго ²⁾:

¹⁾ Остальные случаи говорятъ уже о другомъ—о правѣ родственниковъ вообще (а не виходащихъ) отказаться отъ выкупа.

²⁾ На такое же смѣшеніе указываетъ и слѣдующее замѣчаніе автора: „И замѣчительно, въ то время, какъ мы пріурочиваемъ обыкновенно все учасіе о

Высказавъ мысль, что купля-продажа въ древнее время, также какъ и теперь, означала полное отчужденіе имущества, а главное, что право выкупа касалось не только родовыхъ вотчинъ, авторъ въ сущности весьма затруднилъ для себя рѣшеніе вопроса о происхожденіи права выкупа. Вопросъ этотъ, впрочемъ рѣшенъ г. Мейчикомъ удовлетворительнѣе другихъ, потому что здѣсь онъ не стремился быть оригинальнымъ во что бы то ни стало, какъ въ другихъ мѣстахъ своей книги: онъ изложилъ нѣсколько пространныѣ мнѣніе Неволлина о вліяніи экономическихъ соображеній на происхожденіе родового выкупа.

Въ заключеніе замѣтитъ, что если авторъ думалъ, какъ сказано въ предисловіи, что рѣшеніе вопросовъ по исторіи права XIV и XV вв. не бесполезно въ виду составленія новаго гражданского кодекса, то очевидно, онъ не достаточно ясно представлялъ себѣ, какими качествами должна отличаться столь спеціальная историческая работа для того, чтобъ ею облегчался трудъ кодификатора. Было бы весьма полезно добросовѣстнымъ изученіемъ памятниковъ, рѣшеніемъ нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ облегчить трудъ уразумѣнія общаго историческаго движенія въ области нѣкоторыхъ институтовъ гражданского права. Это болѣе скромная задача, но и та потребовала бы отъ автора и большаго труда, и большаго вниманія, чѣмъ то, какое замѣтно въ книгѣ г. Мейчика.

М. Липинскій.

МАТЕРИАЛЫ ДО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ АПОКРИФИЧНОЙ. Собралъ Д-ръ О. М. Калитовскій. Львовъ. 1884.

Небольшая книжка „Матеріаловъ“ составляетъ одинъ изъ выпусковъ „Библиотеки Зорѣ“, приложенія къ литературной-научной газетѣ Зоря, издаваемой въ Львовѣ профессоромъ Партицкимъ. Она вмѣщаетъ въ себѣ нѣсколько статей апокрифическаго содержанія. Они взяты г. Калитовскимъ изъ рукописнаго сборника XVIII вѣка (второй половины этого столѣтія), который хранится въ институтѣ имени Оссолинскихъ во Львовѣ и былъ уже описанъ покойнымъ В. В. Макушенимъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1881 года, № 9, стр. 94—112.

выкупъ главнымъ образомъ къ куплѣ-продажѣ, старина, оставила намъ сравнительно болѣе свѣдѣній о выкупѣ вотчинъ данныхъ и владныхъ“ (стр. 80), какъ будто это не два разлочно института!

Въ началѣ „Матеріаловъ“ помѣщены три проповѣди на смѣси церковно-славянскаго и малорусскаго языковъ, составленныя не раньше конца XVII вѣка: на Рождество Христово, на соборъ Пресвятой Богородицы и на Богоявленіе. Онѣ интересны въ томъ отношеніи, что представляютъ пересказъ разныхъ апокрифическихъ сказаній, ходившихъ въ старой Руси, связанныхъ между собою и дополненныхъ проповѣдникомъ.

Обширная проповѣдь на Рождество Христово начинается разказомъ о волхвѣ Валаамѣ, который оставилъ свои пророческія книги тремъ ученикамъ, персидскимъ царевичамъ, съ завѣщаніемъ почитать слова: „возсияетъ звѣзда отъ Іакова“ и ждать рожденія святаго царя; кто первый ему поклонится, тотъ будетъ имѣть великую славу и честь, какъ при жизни, такъ и по смерти. Царевичи—Кашперъ, Еліамъ и Еликуръ—сдѣлались царями и счастливо властвовали, но не забыли о звѣздѣ и такъ дожили до времени рожденія Христа.

За этииъ разказомъ, въ основаніе котораго легло указаніе Пален на связь между ветхозавѣтнымъ Валаамомъ и свагольскими волхвами (Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой бібліотеки, стр. 235), и въ который проповѣдникъ вставилъ, не совсѣмъ удачно, нѣсколько подробностей, слѣдуетъ повѣствованіе о благовѣщеніи Пресвятой Дѣвы и о роженіи Христа, представляющее пересказъ разныхъ мѣстъ апокрифическаго Евангелія Іакова. Здѣсь, между прочимъ, разказывается, что всподъ того камня, на который встала Богородица, сходя съ осла на пути въ Виолесмъ, „истекла керница пречудная и вода ея есть бѣла яко млеко и сладка яко медъ“.

Далѣе проповѣдникъ сообщаетъ слушателямъ о трехъ звѣздахъ, которыя „и теперь видимо нишутся на шатѣ Пресвятой матки Божіей“. Когда—говоритъ онъ—ангелъ пришелъ къ Маріи съ благовѣстіемъ, она взглянула на него и увидѣла великую и пресвѣтлую звѣзду, которая опустилась ей сначала на голову, потомъ послѣдовательно на правое и лѣвое плечи и наконецъ вошла въ ея уста. Тутъ Марія зачала Христа; звѣзда пребывала въ ней, пока онъ не родился. И теперь въ церкви надъ тѣмъ колодцемъ, гдѣ происходило благовѣщеніе, звѣзда является дважды въ годъ—на Благовѣщеніе и на Рождество—во время литургіи. Она входитъ южнымъ окномъ, приближается къ колодцу и, погружаясь въ воду его трижды, выходитъ вопъ.

Послѣ этихъ любопытныхъ подробностей идетъ слѣдующій не

менѣ любопытный разказъ о Пилатѣ, неизвѣстнаго происхожденія, едва ли не выдуманный самимъ составителемъ проповѣди: Когда по воскресеніи Христовѣ Богородица пришла къ Пилату, тотъ послѣдній увидѣлъ на ея головѣ пресвѣтлую звѣзду и хотѣлъ взять ее рукою, но звѣзда перешла съ головы на лѣвое плечо Богородицы. Пилатъ хотѣлъ взять ее и тамъ, но она перешла снова на голову, и рука Пилата оцѣпенѣла. Вслѣдствіе такого чуда Пилатъ съ женой и двумя сыновьями увѣровалъ во Христа.

Слѣдуетъ разказъ о чудѣ въ Персіи. Въ одну ночь три царя, читая книги, задремали и увидѣли во снѣ, будто они стоятъ во храмѣ предъ своею богиней Уріей. Имъ явилась чудная звѣзда, вошедшая въ храмъ полуночнымъ окномъ. Она приблизилась къ богинѣ Уріи и опустелась ей сначала на голову, потомъ на правое и лѣвое плечи и вошла ей въ уста. Выйдя изъ усть, она скрылась изъ храма чрезъ полуденное окно. При этомъ всѣ идолы, бывшіе въ храмѣ, кромѣ Уріи, пали на землю и обратились въ прахъ. Тотъ сонъ видѣлъ и главный жрецъ. Пробудившись и разказавъ другъ другу о видѣнномъ, цари и жрецъ рѣшились пойти въ храмъ и, выйдя на дворъ, увидѣли надъ храмомъ звѣзду. Идолы въ храмѣ, кромѣ Уріи, оказались повергнутыми на землю и разсыпавшимися въ прахъ. Узнавъ изъ этого, что народился великій царь, цари пошли его искать, дабы поклониться ему.

Итъ сомнѣнія, что въ основу этого разказа, какъ и разказа о звѣздѣ при благовѣщеніи, легла апокрифическая повѣсть Афродитіана о чудѣ въ Персидской землѣ. Но она совершенно измѣнена проповѣдникомъ и дополнена цѣлымъ рядомъ подробностей.

Проповѣдь на Рождество Христово оканчивается пересказомъ евангельскаго разказа о прибытіи волхвовъ къ Ироду и поклоненіи ихъ Христу.

За нею помѣщена въ сборникѣ служащая ей продолженіемъ краткая проповѣдь на Соборъ Пресвятой Богородицы, разказывающая, по каноническому Евангелію, объ избіеніи младенцевъ и не представляющая особаго интереса.

Третья проповѣдь—на Богоявленіе—начинается разказомъ о плачѣ Адама по изгнаніи изъ рая. Богъ—сообщаетъ проповѣдникъ—услышалъ этотъ плачь и послалъ къ Адаму архангела Михаила, чтобъ онъ повказалъ ему мѣсто для поселенія и научилъ обрабатывать землю. Архангелъ велѣлъ Адаму и Евѣ взять въ уады изъ листьевъ ту землю, на которую падали ихъ слезы, и затѣмъ ввелъ ихъ въ пре-

красный островъ Едемъ; при этомъ онъ научилъ Адама копать землю, а Еву—пріять. Изъ трехъ узловъ съ землей, омоченною слезами Адама, выросли ячмень, жито и пшеница, а изъ двухъ узловъ земли съ слезами Евы—ленъ и конопля.

Литературный источникъ большей части приведенныхъ подробностей намъ не извѣстенъ.

Далѣе, мы находимъ разказъ о Каинѣ, близкій по содержанию съ разказомъ, помѣщеннымъ въ „Памятникахъ отреченной русской литературы“, Тихонравова, т. I, стр. 16, и взятимъ изъ поздняго раскольническаго сборника. „Гдѣ ся Каинъ уродилъ, чудомъ былъ великимъ и страшнымъ, бо у головѣ его было сѣмъ головъ гадячихъ, и коли Каинъ ссалъ перси матерни, тогда и тоты головы ссали до ти, поки ся могли насытити. А такъ Евва бѣдная великій боль имѣла во утробѣ своей и плакала горько. И на ней смотрячи, Адамъ собѣ плакалъ и имѣлъ великій скорбъ и смутокъ. И одного дне Адамъ работалъ землю и бысть печаленъ вельми. И ту пришлоу къ нему діаволъ и рече: „Адамо, что плачешя? Въмъ, ижъ имаси скорбъ великій, ты и Евва, жена твоя. Если бысь си ты мнѣ поднисалъ до моего царства и во шиткииъ родомъ, который будетъ отъ тебе, то бы я налѣчилъ твоего сына и отнялъ бымъ отъ него тоты гадячіе головы, и былъ бы твой Каинъ красенъ“. То слыша, Адамъ мыслилъ, що чинити. И сына жалъ, и Еввы жалъ, и самъ у смутку великомъ. Знову рече діаволъ: „Я тобѣ, Адаме, доброе дѣло хошу учинити“. И рече Адамъ: „Мушу то учинити“. И тако Адамъ подписался былъ діаволу за шиткииъ народомъ людскимъ и далъ на себе запись съ подписомъ руки своей. Теды діаволъ выбравши тоты змѣви головы, сталъ Каинъ отроча барзо красное“.

Послѣ этого проповѣдникъ сообщаетъ, что діаволъ положилъ Адамово рукописаніе и змѣвивя головы подъ камень въ Иорданъ, и что Христось, чтобъ уничтожить ихъ, пришелъ креститься въ эту рѣку и спалилъ ихъ божественнымъ огнемъ, ставъ ногами на прикрывавшій ихъ камень. При этомъ онъ приводитъ извѣстную подробность о томъ, что Иорданъ образуется изъ двухъ рѣкъ—Ера и Дана (ср. Пыпинъ, Памятники старинной русской литературы, стр. 82; Порфирьевъ, Апокрифы, стр.—101).

За проповѣдами г. Калитовскій помѣстилъ статьи: „Исторія о Майдонѣ, царицѣ безбожной и bestiальной“, „Повѣсть о трехъ вношахъ царехъ, братіяхъ родныхъ“, „Рація о царѣ Михаилѣ, како будетъ царемъ тридцать лѣтъ“ и „О царствѣ антихристовѣ и днехъ послѣд-“

них". Всѣ эти статьи, были уже напечатаны отчасти цѣликомъ, отчасти въ изложеніи въ вышеупомянутой статьѣ Макушева. Всѣ онѣ не что иное какъ пересказъ (съ измѣненіями и дополненіями) равныхъ жѣсть одной изъ редакцій широко распространеннаго въ старой Руси апокрифа—слово Мессодіа Патарскаго о царствіи языкъ послѣднихъ временъ,—именно той редакцій, которая въ „Памятникахъ отреченной русской литературы" г. Тихомирова помѣщена подъ № 3. Все же то, что сказано Макушевымъ о западномъ происхожденіи статьи о царикѣ Майдонѣ (стр. 96), должно быть признано ошибочнымъ.

„Материалы" г. Калитовскаго заключаются нѣсколькими апокрифическими молитвами о пчелахъ.

А. Соболевскій.

Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ въ исторіи Онеги (1032 — 1882 гг.). Составилъ *И. В. Щельмовъ*. Изданіе Восточно-сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, подъ редакціей *В. И. Ваина*. Иркутскъ. 1883.

Исслѣдователь, приступающій къ историческому труду о какой-либо русской области, находится совсѣмъ въ особыхъ условіяхъ для своихъ ученыхъ занятій,—въ условіяхъ, неизвѣстныхъ тѣмъ, кто занимается общими вопросами русской исторіи. Дѣло въ томъ, что степень научной разработки и количество изданныхъ источниковъ далеко не одинаковы для общей русской исторіи и для исторіи мѣстной или областной. Происходитъ это, во первыхъ, оттого, что сама русская историческая наука далеко еще не достигла полнаго и всесторонняго развитія, а затѣмъ и оттого, что почти всѣ прежніе и новыя исторіи Россіи, занимаясь преимущественно изученіемъ русской государственности и событій, тѣсно съ нею связанныхъ, оставляли въ сторонѣ или слишкомъ мало обращали вниманія на исторію различныхъ областей обширной Русской имперіи. Только въ послѣдніи два-три десятилѣтія, въ числѣ ученыхъ трудовъ по русской исторіи, стали появляться исслѣдованія также и по исторіи областной. Что изученіе этой послѣдней очень важно, не можетъ подлежать сомнѣнію. Многіе вопросы по общей русской исторіи могутъ остаться для исслѣдователя темными, если онъ не ознакомится ближайшимъ образомъ съ фактами мѣстной исторіи, археологій, географій и этнографій. Съ этой точки зрѣнія мѣстная областная исторія имѣетъ, если можно такъ выразиться, служебное значеніе для рус-

часть сохл., отд. 2. 11

свой исторической науки вообще. Но, кромѣ того, исторія областей отдѣльных этнографическихъ группъ и территоріальныхъ отдѣловъ Русской земли можетъ имѣть еще и другую цѣль. Областной историкъ можетъ, подобно С. М. Соловьеву, сказать, что областная „исторія есть народное самосознаніе“ въ известной области. Сущность этого областного самосознанія мы полагаемъ въ томъ, чтобы каждая область Русскаго государства знала свое прошлое въ различныхъ отношеніяхъ, чтобы она сознательно выполняла свою историческую миссію въ предѣлахъ, указанныхъ ей обстоятельствами ея прошлой жизни. Это и значитъ содѣйствовать развитію народно-областного самосознанія, которое можетъ служить великимъ залогомъ всесторонняго прогресса отдѣльныхъ русскихъ областей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всего нашего обширнаго отечества.

Русскія области не могутъ похвалиться обиліемъ историческихъ трудовъ, посвященныхъ обзору ихъ прошлой жизни. Сибирь, сравнительно съ другими областями Россіи, пожалуй, еще занимаетъ болѣе выгодное мѣсто въ этомъ отношеніи. Сибирская исторія стала служить предметомъ научной разработки почти въ самомъ первомъ періодѣ возникновенія и развитія русской исторической науки, и затѣмъ въ послѣдующее время, все-таки, появлялись болѣе или менѣе замѣчательныя статьи и сочиненія по исторіи Сибири. Достаточно припомнить изъ прошлаго времени имена ученыхъ изслѣдователей Миллера, Фишера, Палласа, Словцова, а изъ новаго — имена Щапова, Ойрсова, Вагина, Потанина, Шанкова, Ядрищева, чтобы сказать, что исторія Сибири не совсѣмъ обижена вниманіемъ изслѣдователей. Но все-таки сдѣланнаго очень мало, и потому мы съ особеннымъ удовольствіемъ готовы привѣтствовать всякую новую попытку, направленную къ изслѣдованію мѣстной сибирской исторіи: „Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири“, составленный покойнымъ И. В. Щегловымъ, есть именно одна изъ такихъ попытокъ.

Иванъ Васильевичъ Щегловъ, подававшій большія надежды, какъ усердный работникъ въ избранной имъ спеціальности, умеръ въ прошломъ году, еще молодымъ человекомъ. Его, уроженца Астраханской губерніи, судьба закинула въ дальнюю Сибирь, на службу по педагогическому поприщу. Сибирская глушь не одолѣла въ немъ его стойкой нравственной природы: въ Щегловѣ зародилась мысль написать исторію Сибири; въ этой работѣ онъ видѣлъ цѣль жизни и предался ей съ рвѣніемъ усердіемъ. Но онъ хорошо понималъ, что

сразу приступить къ систематической исторіи Сибири не возможно. На первый разъ онъ избралъ себѣ скромное зачатіе — собрать, систематизировать главнѣйшія свѣдѣнія по исторіи Сибири въ хронологическомъ порядкѣ. Этому труду онъ посвятилъ нѣсколько лѣтъ и началъ его уже изданіемъ, при участіи Восточно-сибирскаго отдѣла Русскаго Географическаго Общества. Окончить изданіе своего труда ему самому не удалось; но въ рукописи онъ уже былъ законченъ имъ, за исключеніемъ указателей географическаго и личнаго, которые Щегловъ хотѣлъ приложить въ концѣ своего сочиненія.

Авторъ „Хронологическаго перечня важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири“, въ послѣсловіи къ своему труду, говоритъ, что цѣлью его было составить такой сводъ историческихъ данныхъ о Сибири, который могъ бы служить справочною книгой о прошломъ этой части Русской земли, начиная съ перваго занесеннаго въ наши лѣтописи извѣстія о столкновеніи новгородцевъ съ югрой и кончая 1882 годомъ. Необходимость такого критически провѣреннаго „Хронологическаго перечня“, по словамъ Щеглова, вызывалась порядочною путаницею въ хронологическихъ данныхъ сибирской исторіи. Хронологія исторіи Сибири требуетъ точнаго изслѣдованія, какъ по отношенію къ древнему ея періоду, такъ и относительно времени болѣе близкихъ къ намъ. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые изслѣдователи предлагаютъ считать ошибочною помяту извѣстной опальной грамоты Ивана Грознаго Строгановымъ, отъ 16-го ноября 1582 года, или 7091 года, и вмѣсто этого года ставить на ней 7090, то-есть, 1581 годъ. Еще Карамзинъ замѣтилъ, что если принять, что грамота эта писана 16-го ноября 1582 года, то упоминаемое въ ней выступленіе Ермака въ походъ, а слѣдовательно, и одновременное съ тѣмъ нападеніе Пелымскаго князя на Чердынъ и Пермскія мѣста придется отнести къ 1-му сентабря того же года, что, однако, несогласно съ хронологіей дальнѣйшихъ происшествій и съ годомъ смерти Ермака. Затѣмъ лѣтописи сибирскія несогласны между собою относительно указанія времени выступленія въ походъ Ермака: по Строгановской лѣтописи, Ермакъ выступилъ въ походъ въ 1581 году 1-го сентабря, но по Ремезовской, Ермакъ началъ первый свой походъ въ Сибирь 26-го сентабря 1578 года, а второй — 12-го іюня 1579 года. Еще болѣе встрѣчается противорѣчивыхъ показаній въ хронологическихъ датахъ объ основаніи сибирскихъ городовъ и учебныхъ заведеній. Такъ, годъ основанія Красноярскаго уѣзднаго училища въ „Памятной книжкѣ восточно-сибирскаго учебнаго округа“

на 1881 годъ означенъ 1819, а у Словцова, въ его „Историческомъ обзорѣнн Сибири“ (т. I, стр. 584)—1817.

Эта сбивчивость и путаница въ хронологическихъ датахъ о сибирскихъ событіяхъ составляла одну изъ трудныхъ задачъ въ работѣ Щеглова. Въ особенности затруднительно было ему производить хронологическія изслѣдованія потому, что онъ, работая въ сторахъ отъ большихъ городовъ съ хорошими бібліотеками, часто не имѣлъ подъ руками самыхъ необходимыхъ источниковъ и пособій. По этой причинѣ иногда Щегловъ принужденъ былъ, при разборѣ запутанныхъ хронологическихъ датъ, поступать слѣдующимъ образомъ: „Если у меня“, говоритъ онъ,— „не находилось подъ руками первоисточника, то при разногласіи въ хронологическихъ датахъ объ одномъ и томъ же у разныхъ авторовъ, я наводилъ справки въ нѣсколькихъ изданіяхъ, гдѣ могло находиться подобное же указаніе, и затѣмъ рѣшающимъ оказывалось большинство голосовъ. Если разногласіе оказывалось въ двухъ изданіяхъ, и справокъ болѣе павести негдѣ было, то я или отдавалъ предпочтеніе тому автору, который могъ быть компетентнѣе въ данномъ случаѣ, или же принужденъ былъ прямо выбрасывать изъ своего перечня фактъ съ сомнительною хронологіей; въ еще большемъ размѣрѣ мнѣ приходилось практиковать этотъ своеобразный пріемъ выбрасыванія фактовъ, когда я имѣлъ дѣло съ однимъ только источникомъ второ- или третьестепеннаго свойства; наконецъ, нѣкоторые изъ фактовъ, хотя и съ сомнительною хронологіей, я позволялъ себѣ занести въ перечень, въ виду важности ихъ для исторіи Сибири...“ (стр. 761, 762). Впрочемъ, фактовъ съ сомнительною хронологіей въ „Перечнѣ“ встрѣчается немного.

Въ „Перечнѣ“ наиболѣе подробно изложены событія по исторіи Сибири XIX столѣтія. Для времени отъ 1032 года, которымъ начинается „Перечень“, до начала XIX вѣка въ книгѣ Щеглова отведено мѣста немногого менѣе половины всего сочиненія (344 страницъ изъ 753), а текущему столѣтію посвящена другая, большая половина книги (400 страницъ). При всемъ томъ автору не удалось объять всего разнообразія фактическихъ данныхъ изъ жизни Сибири въ XIX вѣкѣ. Къ сожалѣнію, авторъ ошибочно былъ убѣжденъ, что излишне приводить съ подробностями факты по исторіи древней Сибири, въ виду того, что по этому періоду ея есть труды Миллера, Фишера и Словцова. Не говоря уже о томъ, что свѣдѣнія этихъ историковъ требуютъ критической провѣрки по вновь откры-

тими матеріалами, нужно принять во внимание еще и то, что подобные книги, не находясь в продажѣ, малодоступны для интересующихся сибирскою исторіей, или же не имѣютъ полнаго отдѣльнаго изданія, какъ, наприимѣръ, сочиненія Миллера.

Кромѣ разнообразнѣйшихъ историческихъ свѣдѣній о Сибири, въ „Перечень“ внесены авторомъ также и нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія, что хотя и составляетъ нѣкоторую роскошь, но есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и одно изъ достоинствъ этого труда. Статистическія данныя въ „Перечнѣ“ заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія о числѣ жителей въ различныхъ сибирскихъ областяхъ и городахъ въ разное время, о пространствѣ сибирскихъ областей, также въ разное время. Въ двухъ случаяхъ (Перечень, стр. 465 и 561) приводятся свѣдѣнія о числѣ домовъ и торговыхъ лавокъ въ сибирскихъ городахъ; а въ одномъ случаѣ (стр. 465—469) встрѣчаются свѣдѣнія о числѣ домовъ каменныхъ и деревянныхъ, о числѣ церквей, монастырей, учебныхъ и благотворительныхъ заведеній, заводовъ и фабрикъ, трактировъ и нитейныхъ домовъ, бань и садовъ въ сибирскихъ городахъ. Въ „Перечнѣ“ можно найти и цифровыя данныя о добычѣ золота въ Сибири въ различное время, съ обозначеніемъ иногда числа золоторемесленниковъ рабочихъ.

Нѣкоторые, правда—немногіе, факты сибирской исторіи приведены авторомъ безъ ссылокъ на источники; въ большинствѣ же случаевъ у него даются вполне точныя ссылки, какъ это обыкновенно принято дѣлать въ ученыхъ трудахъ. Неприведеніе нѣкоторыхъ ссылокъ произошло не оттого, чтобы онъ не понималъ важнаго значенія ихъ, но по непредвидѣнной случайности. Дѣло въ томъ, что „Перечень“ составлялся въ началѣ безъ указаній на источники, но затѣмъ авторъ, по совѣту профессора Е. Е. Замысловскаго, рѣшилъ устранить этотъ значительный недостатокъ въ своемъ трудѣ, въ чемъ, однако, не могъ успѣть вполне, такъ какъ, при вставкѣ ссылокъ, ему пришлось провѣрить всю работу снова, но при этомъ онъ не могъ, по обстоятельствамъ, вторично пользоваться нѣкоторыми малодоступными въ Сибири историческими сочиненіями.

Авторъ „Перечня“ не ограничивался однимъ только краткимъ указаніемъ извѣстнаго событія: въ его книгѣ иногда приводятся довольно большія цитаты изъ разныхъ сочиненій, поясняющія съ подробностями данный фактъ. Такъ, наприимѣръ, отмѣчая годъ смерти какого-либо ученаго, писавшаго о Сибири, или указывая на извѣст-

ный важный для Сибири моментъ въ дѣятельности этого ученаго или другаго какого-нибудь лица, авторъ проводитъ также и другія біографическія свѣдѣнія объ этихъ лицахъ. Таковой пріемъ для „Хронологическаго перечня“ Сибири далеко не лишній. Благодаря этому, можно по „Перечню“ получить бібліографическія справки о главныхъ трудахъ по Сибири. Кромѣ того, изложеніе фактовъ сибирской исторіи сопровождается у Щеглова сравнительно большими подробностями въ тѣхъ именно случаяхъ, когда свѣдѣнія заимствованы изъ такихъ изданій, которыми пользоваться трудно. Такъ, напримеръ, о первой и второй публичныхъ выставкахъ въ Иркутскѣ (стр. 638 и 645 „Перечня“) свѣдѣнія заимствованы, по словамъ автора, изъ „Описанія первой публичной выставки въ Иркутскѣ въ 1868 году“ и изъ рѣчи В. А. Мимотина, напечатанной въ Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1869 года; о первомъ педагогическомъ съездѣ въ Иркутскѣ—изъ протоколовъ этого съѣзда (стр. 632 „Перечня“); объ иркутской реальной прогимназіи—изъ отчета и дѣятельности педагогическаго совѣта иркутской классической гимназіи за 1865—1866 учебный годъ, изъ отчетовъ о состояніи иркутской реальной прогимназіи и еще изъ одной официальной брошюры (стр. 624 „Перечня“); объ Обществѣ сибирскихъ охотниковъ свѣдѣнія взяты изъ доклада правителя дѣлъ общему собранію (стр. 661 „Перечня“); объ иркутской духовной миссіи—изъ отчета ея за 1880 годъ (стр. 657 „Перечня“) и т. д. Вообще, чѣмъ малодоступнѣе извѣстное изданіе, тѣмъ сравнительно болѣе авторъ „Перечня“ извлекалъ изъ него свѣдѣній.

Щегловъ, при составленіи своего труда, пользовался только печатными источниками и пособиями; поэтому, его сочиненіе не сообщаетъ какихъ-либо новыхъ данныхъ. Слѣдуетъ за это на него имѣть никакого основанія, если еще принять во вниманіе, что даже печатными источниками онъ могъ пользоваться съ разными препятствіями. Однако, и за то можно сказать ему спасибо, что, при всѣхъ своихъ скромныхъ средствахъ, онъ, все-таки, далъ книгу полезную, въ которой всякій, заинтересованный какимъ-либо событіемъ изъ сибирской исторіи, въ большинствѣ случаевъ, найдетъ о немъ необходимыя, хотя и краткія, свѣдѣнія и, кромѣ того, можетъ получить нужныя ему бібліографическія справки. Въ послѣднемъ случаѣ книга Щеглова можетъ исполнить назначеніе бібліографическаго указателя, хотя и неполнаго.

Вообще трудъ Щеглова составляетъ полезное справочное пособие для лица, занимающагося сибирскою исторіею, въ особенности же для начинающаго, такъ какъ книга эта до нѣкоторой степени вводитъ въ кругъ источниковъ и помогаетъ начинающему изслѣдователю ориентироваться среди массы повсюду напечатаннаго и мало систематизированнаго матеріала по исторіи Сибири.

А. Фисенко.

НАША УЧЕВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

СИНТАКСИСЪ РУССКАГО ЯЗЫКА, ПРИМѢНИТЕЛЬНО КЪ ПРАВОПИСАНІЮ. Составилъ А. *Бирвичиковъ*. Изданіе 15-е, исправленное по руководству, изданному Академією Наукъ. Въ 8-ку, стр. 78. Москва. 1886. Цѣна 40 коп.

Изданіе это напечатано съ предшествующаго (четырнадцатаго), со внесеніемъ нѣкоторыхъ пунктовъ изъ руководства къ русскому правописанію, составленнаго, по порученію втораго отдѣленія Академіи Наукъ, академикомъ Я. К. Гротомъ. Эти пункты въ числѣ пяти, исправляющіе нѣкоторыя прежнія орфографическія правила касательно пунктуациі, суть слѣдующіе: 1) болѣе точное опредѣленіе случаевъ постановки двоеточія и многоточія (стр. 20, 21, 23); 2) прибавленіе правила, что если изъ двухъ сказуемыхъ, соединенныхъ союзомъ *и*, второе означаетъ либо позднѣйшее дѣйствіе, либо слѣдствіе, то передъ нимъ можетъ быть поставлена запятая (стр. 20); 3) распространеніе правила о вводныхъ словахъ (стр. 21); 4) измѣненіе правила о занятой при союзѣ *и*, повторяющемся два раза, и распространеніе его посредствомъ указанія на другіе повторяющіеся союзы (стр. 40); 5) нѣкоторое измѣненіе правила о тире и внесеніе правила о черточкѣ или маломъ тире (стр. 41 и 42). Всѣ эти перемѣны и прибавки, разумѣется, болѣе и болѣе улучшаютъ книгу, выходящую уже 15-мъ изданіемъ.

Синтаксическій доктантъ для первыхъ двухъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ. Составилъ, согласно съ „Русскимъ правописаніемъ“ Я. Грота, Н. *Шевченко*. Харьковъ. 1885. Цѣна 75 коп. Стр. XVIII и 167.

Предисловіе къ своей книжкѣ г. Шевченко начинается выпиской изъ „Русскаго правописанія“ Я. К. Грота о двухъ родахъ правописанія.

¹⁾ Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

саія, разъясняетъ, что въ русскомъ языкѣ принято правописаніе этимологическое, затѣмъ приводитъ слова О. И. Буслаева (изъ книги о преподаваніи отечественнаго языка) о методѣ обученія орфографіи и слова г. Шереметьевского о томъ же, наконецъ, объясняетъ планъ своей книжки. Въ заключеніе онъ откровенно заявляетъ, что приложенный къ книгѣ „Справочный указатель“ извлеченъ изъ „Русскаго правописанія“ Я. К. Грота.

Книжка г. Шевченка состоитъ изъ двухъ частей: въ первой (отъ стр. 1 до 57) разбиты на 58 параграфовъ отрывочныя фразы, предназначенныя для списыванія съ книги и писанія подъ диктантъ. Исходя изъ убѣжденія, что изученіе орфографіи начинается съ изученія состава словъ (этого убѣжденія мы раздѣлить не можемъ, такъ какъ для начинающаго грамматическій курсъ склоненія и спряженія и нужнѣе, и понятнѣе, нежели корни и приставки), — авторъ въ первыхъ 43 параграфахъ помѣщаетъ фразы съ словами на ѣ и на е. Систему слѣдующихъ параграфовъ уловить довольно трудно; такъ, напримѣръ, въ § 48 приведены примѣры на родительный падежъ прилагательныхъ; въ § 49—на приставки при и пре; въ § 50—на употребленіе соединительныхъ гласныхъ е и о; въ § 51 — на е и и послѣ шипящихъ и т. д. Примѣровъ на употребленіе мягкаго знака въ неопредѣленномъ наклоненіи и во 2-мъ лицѣ глаголовъ на ся почему-то вовсе не оказывается. Фразы отчасти выбраны изъ русскихъ писателей, отчасти, по видимому, составлены самимъ авторомъ. Изъ послѣднихъ далеко не всѣ отличаются изяществомъ и доступностью для дѣтей. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. „Въ древности грандіозная простота цѣпилась выше всего“ (стр. 36). „По отмелымъ берегамъ Бѣлаго моря ловится семга“ (стр. 17). „Кузнечикъ пріутихъ и не трещалъ въ тѣсной травѣ. Грозды винограда были открыты ивистою свѣжестью утра“ (стр. 22). „Свирѣпый и пронзительный ревъ вѣтра загудѣлъ снова въ навісахъ“ (стр. 30). „Всѣхъ тѣснило какое-то тяжелое предвѣстіе“ (стр. 34). „Сани заскрипѣли по доскамъ сметеннаго (?) подъѣзда“ (стр. 38) и т. д.

Вторая часть книжки г. Шевченка представляетъ собою хрестоматію для диктанта; она распадается на два отдѣла: въ 1-й составитель старался отобрать статьи, состоящія исключительно изъ главныхъ предложений, во 2-й—изъ сложныхъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отдѣлѣ, отдано преимущество статьямъ описательнымъ; по на содержаніе ихъ составитель мало обращалъ вниманія; въ противномъ случаѣ онъ не помѣстилъ бы въ 1-й отдѣлъ ироническаго опи-

санія села Горокина (№ 27) и во 2-мъ выкинулъ бы окончаніе изъ № 6.

Самая цѣнная часть книги г. Шевченка—справочный указатель, но онъ прямо перепечатанъ изъ книги г. Грота, съ выпускомъ нѣкоторыхъ, менѣе употребительныхъ, словъ; объясненія, помѣщенные при многихъ словахъ, совпадаютъ у академика Грота и у г. Шевченка слово въ слово и буква въ букву. Исключеніе малоупотребительныхъ словъ нельзя поставить въ заслугу г. Шевченку, такъ какъ лишніе слова въ словаряхъ и указателяхъ никому не мѣшаютъ. Г. Шевченко не смѣлъ нужнымъ исключить указанія на шведскія, тюркскія и прочія слова, не нужные въ первыхъ двухъ классахъ гимназій.

Въ предисловіи встрѣчаются двѣ фактическія ошибки: Ф. И. Буславъ свое мнѣніе о методѣ обученія орфографіи высказалъ не 20 лѣтъ назадъ (стр. VI), а вдвое болѣе; *ст* въ словѣ окрестный и *с* въ словѣ вѣскій не суффиксы (стр. VIII), а часть корня.

Полный филологическій словарь русскаго языка с подробнѣйшимъ разъясненіемъ всѣхъ отличій разговорной рѣчи отъ ея письменнаго изображенія и с указаніемъ значенія и замѣны всѣхъ иноязычныхъ словъ, вошедшихъ в состав русскаго языка, чисто русскими словами. Составилъ А. Н. Орловъ. Томъ 1 отъ А до Г. Москва 1884. Стр. 815 Ц. 6 руб.

Составитель предпосылаетъ своей книгѣ предисловіе, гдѣ онъ говоритъ слѣдующее: „Основною мыслию для составленія предлагаемаго русскаго филологическаго словаря служилъ вопросъ: совмѣстимы ли требованія устной рѣчи съ требованіями ея письменнаго изображенія?“ Затѣмъ онъ опредѣляетъ въ общихъ чертахъ законы благозвучія, которыми руководствуется устная рѣчь, и указываетъ на нѣкоторые перемѣны, происходящія въ звукахъ подъ вліяніемъ этихъ законовъ.

Онъ различаетъ два метода „языковѣдѣнія“ — звуковой и филологическій, отъ смѣшенія или, какъ онъ выражается, отъ неумѣстнаго употребленія которыхъ происходитъ, по его мнѣнію, вся неурядица, какъ въ правописаніи, такъ и въ произношеніи. Устранить эту неурядицу, строго разграничить оба метода имѣетъ цѣлію предлагаемый г. Орловымъ словарь.

Полагаемъ, что ни одинъ филологъ не уразумѣетъ вышеприведенныхъ положеній вполнѣ ясно, хотя—смѣемъ надѣяться—мы только упростили слова автора. Всякій знаетъ, что есть два метода орфо-

графіи—звуковой и грамматическій или, пожалуй, филологическій, но чтобы существовалъ звуковой или слуховой методъ языковѣдѣнія, объ этомъ мы слышимъ въ первый разъ. Нельзя не согласиться съ авторомъ словаря, когда онъ возстаетъ противъ стремленія писать такъ, какъ слова произносятся; но не можемъ понять, какихъ языковѣдѣвъ-слухистовъ, какъ называетъ г. Орловъ, обвиняетъ онъ въ стремленіи ввести въ употребленіе особый знакъ для всякаго отгѣнка звука. Точно также не можемъ понять, противъ кого сражается онъ, доказывая, что не слѣдуетъ въ чтеніи строго слѣдовать орфографіи слова, не слѣдуетъ дѣлать изъ себя занку, рѣзко провознося, напримѣръ, с. въ словѣ сдѣлать. Авторъ рекомендуетъ при обученіи чтенію употреблять методъ слуховой (то-есть, не читать добраго, а добраво, ея, а ее), а при писаніи употреблять методъ филологическій (то-есть, писать грамотно). Это совершенно вѣрно, но едва ли кому покажется ново.

Въ заключеніе своего предисловія авторъ говоритъ, что только такой словарь, который онъ предлагаетъ публикѣ, можетъ „безпробѣдно и всецѣло“ разграничить вышепоименованные методы языковѣдѣнія, вслѣдствіе чего онъ снабжаетъ его 1) физиологическимъ образованіемъ каждаго звука^а (то-есть, ученіемъ о физиологическомъ образованіи звука), 2) сопоставленіемъ всѣхъ согласныхъ звуковъ съ ѳ и другими согласными, 3) разъясненіемъ взаимнаго вліянія всѣхъ звуковъ, 4) объясненіемъ устнаго произношенія всѣхъ словъ, 5) „разъясненіемъ всей терминологіи иноязычныхъ словъ“ (?), 6) включеніемъ всѣхъ святыхъ, празднуемыхъ св. православною церковью (?), и 7) обозначеніемъ ударенія каждаго слова.

Словарь свой г. Орловъ составлялъ по Далю, по Словарю академическому и по словарямъ иностранныхъ словъ. Оригинальнымъ его трудомъ могутъ считаться только разсужденія, преднослаемые каждой буквой, о физиологій звука, ею выражаемаго (разсужденія эти изложены очень туманно и неудовлетворительно), и попытки подвести подъ законы отклоненія этой буквы отъ ея чистаго звука, попытки, большею частію неудачныя. Указанія на произношеніе слова нельзя считать оригинальными, потому что они встрѣчаются во многихъ словаряхъ, предвзначенныхъ для иностранцевъ (напримѣръ, въ русско-нѣмецкомъ словарѣ Павловскаго), гдѣ они несравненно умѣстѣе.

Попытка г. Орлова слить въ одинъ трудъ словарь Дала и словарь иностранныхъ словъ не можетъ считаться, по нашему мнѣнію, особенно удачною, какъ потому, что безъ внесенія новаго матеріала

или новаго элемента, въ видѣ болѣе подробнаго указанія производства словъ, такая попытка едва ли нужна, такъ и потому, что для совершенія ея даже въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ у г. Орлова недостаетъ ни знаній, ни чистоты въ работѣ, столь необходимой въ подобномъ трудѣ. Словъ въ его словарѣ много, даже слишкомъ много, во онъ все-таки не можетъ считаться полнымъ, а толкованія иностранныхъ словъ ничѣмъ не лучше, нежели въ словарѣ Михельсона и другихъ подобныхъ; попытки объяснять происхожденіе словъ иностранныхъ или русскихъ у г. Орлова вовсе не замѣтно, а главное, словарь его переполненъ ошибками, недосмотрами всѣхъ родовъ и опечатками. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Амбра, по словамъ г. Орлова, есть вещество, находящееся на кишкахъ кашалотовъ изъ семейства китовъ. Не нужно быть специалистомъ по естествознанію, чтобы видѣть всю странность такого опредѣленія.

У Дадъ есть глаголь: авраамиться, взятый изъ поговорки, имъ тутъ же приведенной и, очевидно, весьма мало распространенной не авраамься, не исаакья, не іаковья; слова эти Дадъ объясняетъ глаголомъ ханжить. Г. Орловъ, кромѣ глагола авраамиться, помѣщаетъ еще въ свой словарь слова: авраамленіе, авраамельный, авраамельщикъ, авраамельщица, авраамельщикова, авраамельщицыня, авраамельщичковъ, авраамельщичий и т. д. Спрашивается: гдѣ онъ слыхалъ ихъ?

А между тѣмъ, даже по сличенію словаря г. Орлова съ словаремъ иностранныхъ словъ, легко указать въ любой буквѣ нѣсколько словъ пропущенныхъ; такъ напримѣръ, въ буквѣ А мы не нашли слова авантюра, которое, кромѣ своего насмѣшливаго значенія, употребляется, какъ научный терминъ въ исторіи литературы для обозначенія пѣсни или главы въ средневѣковомъ стихотворномъ романѣ; г. Орловъ помѣстилъ только слово авантюристъ, да и тому придалъ какую-то небывалую форму: авантуристъ. Не нашли мы также слова аналогическій и многихъ другихъ. Слово амбулаторъ г. Орловъ объясняетъ—бродяга, топтатель мостовыхъ и приводитъ при немъ прилагательныя амбулаторовъ, амбулаторовый, амбулаторскій, а между тѣмъ не приводитъ всѣмъ извѣстнаго прилагательнаго: амбулаторный (амбулаторная клиника), при которомъ коренное слово, копочцо, не значить бродяга, топтатель мостовыхъ. Агнецъ, по мнѣнію г. Орлова, есть латинское слово! Всебожье, по объясненію

г. Орлова, есть боготвореніе весьма многихъ предметовъ, язычество и т. д.

Объясненіе именъ святыхъ, хотя г. Орловъ и расширилъ его внесеніемъ святыхъ не православныхъ и лицъ, упоминаемыхъ въ Ветхомъ Заветѣ, мы тоже не можемъ считать удовлетворительнымъ. Имя Аарона г. Орловъ толкуетъ пускающій роскошные ростки. Въ словарѣ Гезеніуса при этомъ имени сказано, что оно темнаго происхожденія; въ его же Thesaurus оно произведено отъ корня, означавшаго lascivus. Имя Абиимилехъ г. Орловъ переводитъ отецъ царя, а у Гезеніуса оно переводится sein Vater ist König. Имена многихъ святыхъ католическихъ, напримѣръ, Амодей и пр., оставлены г. Орловымъ безъ объясненія. Акимъ происходитъ не изъ Іакинфа, какъ думаетъ г. Орловъ, а изъ Юакима и т. д.

Главную задачу г. Орлова—сопоставить правописаніе съ произношеніемъ словъ, мы также не можемъ считать счастливо исполненною: многія слова онъ самъ произноситъ невѣрно; такъ напримѣръ, онъ рекомендуетъ произносить: аббатъ, всеблагой. Онъ полагаетъ, что во всѣхъ прилагательныхъ и причастіяхъ, оканчивающихся на *ий*, въ выговорѣ должно быть слышно *ой*; мы же думаемъ, что, напримѣръ, въ словѣ вырѣзанный послѣдняя гласная много ближе къ *ы*, чѣмъ къ *о*.

Г. Орловъ далеко не вездѣ указываетъ отличіе произношенія отъ правописанія; такъ, напримѣръ, въ словѣ агноцировать онъ не отмѣчаетъ, что *н* послѣ *ц* отнюдь не имѣетъ своего чистаго произношенія; въ словѣ алманачникъ не отмѣчаетъ произношенія *ш* вмѣсто *ч*; впрочемъ, въ этомъ словѣ и правописаніе черезъ *ш* (слабленіе *х*) было бы правильнѣе.

Русская хрестоматія. Часть первая. Для двухъ первыхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Петръ Смирновскій*. Изданіе третье. Въ 8-ку, стр. VII+336+VIII. С.-Петербургъ. 1884. Цѣна 85 коп.

Существенныхъ измѣненій въ этомъ новомъ изданіи, сравнительно со вторымъ изданіемъ, нѣтъ. Несущественныхъ же отличій только два, а именно: первый отдѣлъ, содержащій въ себѣ новѣствованія, раздѣленъ на три группы—по объему, формѣ изложенія и характеру; далѣе, прибавлены, въ томъ же первомъ отдѣлѣ, четыре стихотворенія: Воздушный корабль (Лермонтова), Ночной смотръ (Жуковскаго), Весна (Майкова) и Зарница (Тютчева).

Русская хрестоматия для приготовительнаго класса средне-учебныхъ заведеній, съ приложеніемъ церковно-славянскаго текста и орфографическихъ упражненій. Составилъ Н. Покровский, преподаватель Маринскаго института. Часть I. Москва. 1885. Стр. IV+200. Цѣна 50 к.

Въ предисловіи г. Покровскій говоритъ: „Задача хрестоматіи, какъ пособія въ дѣлѣ преподаванія отечественнаго языка,—содѣйствовать, съ одной стороны, правильному развитію душевныхъ способностей дѣтей, съ другой—постепенной выработкѣ у нихъ дара слова“. Поэтому авторъ выбираетъ статьи для своей хрестоматіи, главнымъ образомъ, изъ отечественныхъ писателей и старается, чтобы каждая статья представляла законченное цѣлое.

Книга его состоитъ изъ восьми отдѣловъ. Первый заключаетъ въ себѣ 50 разказовъ, въ началѣ очень короткихъ, а потомъ довольно длинныхъ, преимущественно изъ Азбуки графа Л. Толстаго. Всѣ эти разказы, дѣйствительно, представляютъ законченное цѣлое и воиногда доступны, по содержанію и изложенію, пониманію учениковъ приготовительнаго класса. Немногіе изъ нихъ (напримѣръ, №№ 7 и 22) можно, пожалуй, упрекнуть въ отсутствіи вывода, назидательности, къ которой привыкають дѣти при чтеніи басенъ и анекдотовъ, составляющихъ матеріалъ хрестоматій, приложенныхъ къ азбукамъ. Едва ли можно было бы счесть лишнимъ, еслибы составитель прибавилъ къ нѣкоторымъ статьямъ небольшія примѣчанія, для объясненія такихъ словъ, какъ Сахара, караванъ и пр.: практика доказываетъ, что ученики, когда имъ задають приготовиться разказывать статью, читають эти примѣчанія съ интересомъ и приучаются къ большей отчетливости при разборѣ читаемаго. Двѣ большія статьи, которыми заканчивается этотъ отдѣлъ: „Тантыгинъ“ и „Приключенія молодой бѣлки Бабочки“ выбраны очень удачно. Было бы не худо, еслибы г. Покровскій при второмъ изданіи прибавилъ къ нимъ извѣстную сказку Андерсена: „Гадкій утенокъ“, столь популярную у насъ, благодаря Дѣтской Хрестоматіи А. Д. Галахова и чрезвычайно нравящуюся дѣтямъ. Второй отдѣлъ состоитъ изъ сорока-одной статьи, прозаическихъ и поэтическихъ, изображающихъ русскую природу и бытъ. Отдѣлъ составленъ довольно внимательно, и въ немъ много статей, удобныхъ для диктанта и пригодныхъ для заучиванія наизусть. Но для чтенія и разказа описательныя статьи не особенно удобны. Отдѣлы третій (сказки) и особенно четвертый (басни Крылова), по нашему мнѣнію, могли бы быть больше, именно могли бы удлиниться на счетъ втораго отдѣла. Пятый отдѣлъ: „Изъ жизни замѣ-

чательныхъ русскихъ людей" могъ бы очень удобно соединиться съ шестымъ: „Изъ русской исторіи“. Оба они составлены очень удовлетворительно. Седьмой отдѣлъ заключаетъ въ себѣ церковно-славянскую азбуку и хрестоматію для упражненія въ чтеніи; онъ составленъ также хорошо. Восьмой отдѣлъ называется: „Упражненія по русскому правописанію“; но въ началѣ, по крайней мѣрѣ, это есть скорѣе приложение къ теоретическому курсу грамматикки, разумѣется, самой краткой. Въ общемъ и этотъ отдѣлъ составленъ очень хорошо; но очевидно, по недосмотру, въ немъ опущены упражненія на окончанія родительнаго падежа прилагательныхъ.

Въ типографскомъ отношеніи книга напечатана весьма удовлетворительно, но къ сожалѣнію, даже и при бѣгломъ чтеніи въ ней встрѣчаются опечатки (см. стр. 33, 129, 186 и 189).

В. А. Воскресенскій. Поэтика. Историческій обзоръ статей о поэзи. Сочіе при изученіи теоріи словесности. С.-Пб. 1885. Стр. 398. Цѣна 2 руб.

Въ предисловіи г. Воскресенскій говоритъ: „Въ школьныхъ курсахъ теоріи поэзи отводится обыкновенно весьма незначительное мѣсто двумъ существенно важнымъ для теоріи и тѣсно связаннымъ между собою вопросамъ. Мы разумѣемъ вопросъ объ искусствѣ, о его сущности, цѣли и отношеніи къ другимъ областямъ духовной дѣятельности человѣка, и вопросъ о различныхъ направленіяхъ въ искусствѣ, вытекающихъ изъ различія точекъ зрѣнія на его сущность и значеніе. Безъ опредѣленнаго и яснаго понятія объ искусствѣ вообще и поэзи, какъ одномъ изъ видовъ его въ особенности, немислима, разумѣется, и теорія поэзи“. Сборникъ г. Воскресенскаго, составленный изъ отрывковъ и цѣльныхъ статей знатоковъ искусства, представителей различныхъ направленій, прежде всего долженъ помочь этому пробѣлу нашихъ учебниковъ; затѣмъ, заключа въ себѣ длинный рядъ разсужденій, образцовыхъ и по содержанию, и по формѣ, сборникъ пополнить недостатковъ нашихъ хрестоматій, гдѣ отдѣлы разсужденій обыкновенно бѣдны и слабы. Такова цѣль книги. По составу она довольно рѣзко распадается на два отдѣла: во первыхъ, она заключаетъ въ себѣ нѣсколько цѣльныхъ классическихкихъ произведеній по теоріи поэзи въ хорошихъ, или по крайней мѣрѣ въ лучшихъ, изъ имѣющихся у насъ, переводахъ: на примѣръ, Пятнику Аристотеля (переводъ Ордынскаго), *Epistolam ad Pisones* Горация, разсужденіе Корнелія о драмѣ, отрывокъ изъ Буало

о трагедіи „Лаокоона“ Лессинга (значительная часть) въ переводѣ Эдельсона, „Гамбургскую драматургію“ Лессинга (большой отрывокъ), одно разсужденіе Шиллера и рядъ крупныхъ отрывковъ изъ чтеній объ искусствѣ Тэна. Съ этими классическими статьями перемежаны отрывки изъ историко-литературныхъ и критическихъ изслѣдованій разнообразнаго характера и достоинства: профессоровъ Шевырева, Буслаева, Тихонравова, Аландскаго, Иоганна Шерра, Вѣлинскаго, и др. Все это раздѣлено на 8 главъ, расположенныхъ въ порядкѣ въ родѣ хронологическаго; такъ гл. I-я излагаетъ ученіе древнихъ о поэзіи, II-я говоритъ о характерѣ средневѣковой поэзіи (сюда же отнесены статьи о театрѣ XVII вѣка), III-я излагаетъ ложноклассическую теорію, IV-я—начала эстетической теоріи, V-я—новоромаантизмъ, VI-я—опять-таки эстетическую теорію; VII-я— „историческое направленіе“ и наконецъ VIII-я — „психофизиологическое направленіе“. Затѣмъ слѣдуетъ довольно обширный указатель именъ и предметовъ, составляющій вмѣстѣ съ предисловіемъ самостоятельный трудъ автора. Этотъ указатель или словарь въ общемъ составленъ довольно удовлетворительно, но въ частностяхъ не свободенъ отъ недосмотровъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

На стр. 378 „Натанъ Мудрый“ называется комедіей.

На стр. 389 о Мармонтелѣ приведенъ безъ возраженія пристрастный отзывъ I. Шерра.

На стр. 387 Кребиллонъ (Просперъ) названъ старѣйшимъ французскимъ драматургомъ, хотя на стр. 385 самъ же авторъ говоритъ о Жюделѣ, который на сто слишкомъ лѣтъ старше Кребиллона.

Сервантесъ въ 1604 г. напечаталъ не весь романъ „Донъ-Кихоть“, а только его 1-ю часть (стр. 393) и т. д.

Собранія критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Два выпуска. Составилъ В. Зелемскій. Въ 8-ку, въ 1-мъ выпускѣ 116 стр., во 2-мъ X+310 стр. Москва. 1884. Цѣна 2 руб.

Въ предисловіи трудившійся надъ этимъ сборникомъ искренно жалѣетъ, что русскіе читатели, за весьма немногими исключеніями, очень индифферентно относятся къ литературной критикѣ. Въ такомъ равнодушномъ отношеніи онъ видитъ горестный фактъ, могущій весьма пагубно отозваться на умственномъ развитіи общества, ибо—разсуждаетъ онъ—литература есть главнѣйшій двигатель умственнаго и нравственнаго прогресса въ Россіи, слѣдовательно, русская

цивилизация выиграла бы много, еслибы хоть только художественная критика, такъ широко и быстро у насъ распространяющаяся, усвоилась нами болѣе осмысленно, чѣмъ это есть на самомъ дѣлѣ". Безъ этого руководства „читатели не способны видѣть въ беллетристичѣй внутренняго смысла и значенія, выражающаго дѣйствительную сущность жизни; они понимаютъ ее только поверхностно, съ ея внѣшней, несущественной стороны".

Желая помочь читателямъ въ ихъ недостаточномъ знакомствѣ съ литературною критикою, г. Зелинскій издалъ сборникъ критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева, расположивъ эти матеріалы въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія. Первое назначеніе его труда—служить комментариемъ, настольною книгою, при чтеніи произведеній писателя-художника. Она предназначена не для независимаго отъ этихъ произведеній чтенія, а только какъ критическій разборъ тѣхъ изъ нихъ, которыя уже были прочтены. Поэтому собиратель и избѣгалъ, на сколько возможно, выписокъ изъ текста и не заботился объ изложеніи сюжета прочтенныхъ повѣстей и романовъ. Вторая цѣль сборника—дать читателямъ плодотворную умственную работу, состоящую въ сравненіи и комбинированіи тѣхъ и другихъ отзывовъ объ одномъ и томъ же произведеніи по отношенію ихъ къ своему собственному непосредственному мнѣнію о томъ же произведеніи". Наконецъ, имѣлась въ виду еще третья полезность сборника именно—та, что онъ, „заключая въ себѣ собраніе критическихъ выдержекъ о произведеніяхъ писателя, появившагося на литературной аренѣ въ началѣ сороковыхъ годовъ и съ тѣхъ поръ въ продолженіе почти сорока лѣтъ державшаго почетное знамя лучшаго ея представителя, проливаетъ свѣтъ на цѣлую литературную эпоху, знакомя въ то же время читателя и съ представителями русской критической мысли".

Этихъ представителей не мало. Приводимъ ихъ въ алфавитномъ порядкѣ: Авдѣевъ, Александровъ (псевдонимъ), Анпенковъ, Антоновичъ, Басистовъ, Вурепинъ, Вѣлинскій, Венгеровъ, Ап. Григорьевъ, Де-Пуле, Добролюбовъ, Дружининъ, Дудышкинъ, Евстафьевъ, О. Миллеръ, Михайловскій, Невзоровъ, Никитинъ, Писаревъ, Постный (псевдонимъ), Скабачевскій, Н. Соловьевъ, Н. Н. Страховъ, Шелгуновъ. Имена нѣкоторыхъ обозначены инициалами: Н. К—ій, А. О., Е. Э—нъ. Наконецъ при статьяхъ лицъ, скрывшихъ свои фамиліи, указаны журналы, гдѣ ихъ отзывы нашли себѣ мѣсто. Нельзя сказать, чтобы всѣ ячисленные цѣнители имѣли одинъ и

тотъ же удѣльный вѣсъ. Есть между ними такіе, которые были только компиляторами прежде высказанныхъ мнѣній.

Для кого именно назначается сборникъ? Вопросъ этотъ рѣшается самимъ составителемъ въ предисловіи ко 2-му выпуску: „При составленіи сборника я имѣлъ въ виду не литераторовъ-специалистовъ, а людей дѣйствительно незнакомыхъ съ произведениями Тургенева, преимущественно учащихся“ (стр. IX). Выбѣвъ съ этимъ, г. Зелинскій знакомитъ съ наиболее пригоднымъ способомъ изученія литературныхъ произведеній. Онъ придаетъ болѣе значенія тому методу, „при которомъ умъ и чувство изучающаго работаютъ самостоятельно... Гораздо больше пользы въ томъ, когда изучающіе разбираются въ массѣ разнорѣчивыхъ опредѣленій одного и того же литературнаго произведенія путемъ непосредственной, самостоятельной мозговой (?) работы и неспорченнаго нравственнаго чувства; когда ихъ симпатіи склоняются въ сторону того или другаго критика не потому, что они ранѣе узнали—какой это критикъ и къ какой именно онъ принадлежитъ школѣ, а во той довѣ разумности, правдивости и убѣдительности, которыя проглядываютъ въ его критическомъ анализѣ. Правда, такой методъ не облегчаетъ изученія, за то онъ имѣетъ то громадное преимущество передъ облегчающимъ, что изучающій, приобрѣтая знаніе (допустимъ даже, не всегда вѣрное), выбѣвъ съ тѣмъ разливать умъ и сердце въ болѣе лучшемъ и обширномъ смыслѣ слова. Самостоятельная умственная работа, состоящая въ сравненіи и взвѣшиваніи разнохарактерныхъ сужденій объ одномъ предметѣ, даже если и не приведетъ къ желательному результату, то ужъ однимъ своимъ плодотворнымъ процессомъ принесетъ учащемуся гораздо больше пользы, чѣмъ простое, безотносительное заучиваніе того же вывода“ (ibid.).

И такъ, вотъ на какое занятіе приглашаетъ г. Зелинскій учащихся: сравнивать и взвѣшивать критическія статьи о произведеніяхъ Тургенева! Да гдѣ такое занятіе будетъ для нихъ въ своемъ родѣ египетскою работою, полезность которой можетъ существовать только въ воображеніи. Собираетелъ критическихъ матеріаловъ какъ бы забываетъ, что эти матеріалы являлись въ разные времена, написаны разными лицами, въ разныхъ направленіяхъ, съ разныхъ точекъ зрѣнія, съ разными цѣлями или, вѣрнѣе, тенденціями, танушими читателей во всѣ четыре страны свѣта. Вѣдь онъ самъ же называлъ ихъ разнохарактерными. Есть ли возможность воспитаннику среднихъ учебныхъ заведеній осмотрѣть и разобраться въ такой

массѣ всесторонняго разномыслія и разнорѣчія? Задача была бы еще сколько-нибудь понятна, еслибы всѣ цѣнители произведеній Тургенева руководствовались въ своихъ приговорахъ однимъ и тѣмъ же критеріемъ, а именно литературнымъ, состоящимъ въ примѣненіи законовъ того или другаго рода сочиненій къ единичнымъ явленіямъ этого рода. Гимназисты проходятъ теорію словесности въ VI-мъ и частію въ VII-мъ классахъ, и имъ должны быть извѣстны существенныя свойства произведеній, какъ прозаическихъ, такъ и поэтическихъ. Но въ книгѣ г. Зелинскаго совсѣмъ не то: здѣсь своего рода вавилонское смѣшеніе критическихъ языковъ. Одинъ изъ этихъ языковъ держится литературнаго принципа, другой становится на историческую основу, большинство же обозрѣваетъ съ точки зрѣнія общественной или социальной; есть и такіе, которые въ разные времена выражали противоположныя мнѣнія объ одномъ и томъ же предметѣ. Что узнаетъ изъ нихъ читатель? Что Бѣлинскій, прочитавъ поэму „Андрей“, заключалъ, что „изображеніе любви не въ талантѣ автора“, а другой критикъ, напротивъ, утверждалъ, что Бѣлинскій въ этомъ случаѣ ошибся (выпускъ I, стр. 20—21). Какое важное приобритеніе для ума и сердца! Трудно представить себѣ, какъ учащійся пойметъ слѣдующій отзывъ г. Венгерова о разказѣ „Андрей Колосовъ“: „Колосовъ, по нашему мнѣнію,—представитель того времени, когда человекъ цѣнился не вслѣдствіе качествъ, которыми обладалъ, а самъ по себѣ. Если онъ и не изображалъ собою какого-нибудь Чингачока, то все же авторъ въ его лицѣ намъ вывелъ человека, плѣняющаго окружающихъ помимо тѣхъ способностей добиться людскаго сочувствія, что дается образованіемъ, цивилизаціею. Колосовъ не былъ особенно способенъ, имѣлъ довольно ограниченное количество знаній и, не смотря на это, подчинялъ себѣ всѣхъ. Значитъ, ему тутъ помогло распространенное въ обществѣ расположеніе къ абстрактному понятію о человекѣ, помимо его содержания“.... (ibid., стр. 74 и 75). Намъ кажется, ученики прежде всего спросятъ съ удивленіемъ: „что это за господинъ такой—Чингачокъ“? И преподаватель, для удовлетворенія ихъ законнаго любопытства, обязанъ будетъ или самъ познакомить ихъ съ этимъ лицомъ, или заставить ихъ прочесть хоть одинъ изъ четырехъ романовъ Бувера, въ которыхъ выгеденъ этотъ интересный краснокожій индѣецъ. Будемъ надѣяться, что примѣръ, поданный г. Венгеровымъ, найдеть подражателей. Если онъ объяснялъ Андрея Колосова посредствомъ Чингачока, то почему же какому-нибудь американскому

критику романовъ Купера не объяснять Чингахгока Андреемъ Колосовымъ? Это будетъ взаимная услуга и вмѣстѣ являть междуна-родной благодарности. Недурно еще сужденіе того же критика и о „Дневникѣ лишняго человѣка“: „Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ концомъ патологическаго процесса на тѣлѣ русскаго общества. Послѣ него, въ слѣдующихъ произведеніяхъ Тургенева мы уже будемъ имѣть дѣло съ переломомъ русской жизни, съ нарастаніемъ новаго порядка.... Цѣль автора была достигнута (по прочтеніи его повѣсти): русское общество съ ужасомъ отшатнулось отъ нѣсколько обезображеннаго, но все же похожаго изображенія своего, и въ увлеченіи своемъ отрецивалось отъ какой бы то ни было общности съ болѣзненною фигурою Чулкатурина. Этотъ ужасъ показывалъ, что въ русскомъ обществѣ уже созрѣла необходимость другаго строя, что инертность ему надобѣла и ояъ ищеть широкаго поля дѣятельности, на которомъ бы на свободѣ могли развернуться застоявшіяся силы“ (стр. 84). Подражая г. Венгерову, г. Певзоровъ характеризуетъ Рудина: „Рудинъ въ слось родѣ былъ понимъ человѣкомъ въ томъ смыслѣ, что онъ указывалъ собою, хотя еще и слабо, на признаки пробужденія въ нашемъ обществѣ отъ той спячки, въ которомъ оно находилось до 60-хъ годовъ“ (стр. 115). Здѣсь учителю предстоитъ войти въ разсужденіе съ своими учениками: какъ должно понимать выраженіе „патологическій процессъ“? Одно ли и то же онъ со „спячкой“ или чѣмъ-нибудь отъ нея отличается? Вотъ еще отзывъ г. Шолгунова о Рудинѣ: „Рудинъ, какъ и всѣ герои Тургенева, воспитывался тепличнымъ образомъ. Дѣйствительной жизни, такой, каковая существуетъ для огромнаго большинства человѣчества онъ не зналъ; но яа то ему была коротко знакома искусственная жизнь обезвеченныхъ людей, жившихъ за плечами своихъ мужиковъ, какъ у Христа за пазухой“.... Укорять Тургенева за это нельзя (то-есть, за то, что онъ выводилъ такихъ героевъ), „укорить его можно только за одно, что онъ остался всю свою жизнь нѣреть сферѣ, воспитавшей его, и не былъ въ состояніи повять новой жизни и новыхъ людей, созданныхъ поворотомъ прогрессивнаго общественнаго мнѣнія. Вина его въ сочувствіи только къ Рудинимъ и въ пеумѣннн повять новыхъ людей, смѣнявшихъ ихъ и такъ неудачно парисованныхъ имъ въ лицѣ Базарова“ (стр. 117—120). Тотъ же г. Шелгуновъ нисколько не удивляется рѣшительности, отлажности героини Тургенева: „Отважности тутъ въ сущности нѣтъ никакой“, говоритъ ояъ,—„а только неразуміе и способность видѣть и оцѣнять послѣдствія. Вы струсли, говорить Тур-

женевская героиня Тургеневскому герою; а же готова съ вами на край свѣта, я готова хоть сейчасъ сдѣлаться вашею любовницей. И нужно сказать правду, что въ трусости героя гораздо больше ума, чѣмъ въ отважности героини. Героиня дѣйствуетъ по короткому порыву; она только желаетъ страсти и требуетъ немедленнаго удовлетворенія своей страсти. Ну, а потомъ что? Гражданскаго брака героини Тургенева не знали; значитъ, имъ приходилось дѣлаться простыми любовниками. И, разумеется, герои были правы, когда отклоняли неопытныхъ дѣвушекъ отъ подобнаго намѣренія" (стр. 129). Наконецъ, любопытный слѣдующій голосъ Писарева о Рудинѣ: „Поклоніе Рудинныхъ—гегельянцы, заботившіеся только о томъ, чтобы въ ихъ идеяхъ господствовала систематичность, а въ ихъ фразахъ замысловатая таинственность, мирили насъ съ негѣностями жизни, оправдывая ихъ разными высшими взглядами и, всю свою живность толкая о стремленіяхъ, не трогались съ мѣста и не умѣли намѣнить къ лучшему даже особенности своего домашняго быта" (стр. 121)...

При чтеніи подобныхъ сужденій, воли ваша, становится жалко и учащихся, и еще болѣе учителей. Послѣднимъ придется толковать и о философіи Гегеля, и о гражданскомъ бракѣ, и о пауперизмѣ, и о снѣжкѣ Россіи, и о патологическомъ процессѣ на тѣлѣ русскаго общества, и о многихъ другихъ столь же важныхъ матеріяхъ.

Нѣмецкая грамматика, изложенная сравнительно съ русскою. Для среднихъ учебныхъ заведеній составилъ *Анустъ Гофманъ*, директоръ С.-Петербургской седьмой гимназій. Выпускъ I. Этимологія. С.-Петербургъ. 1883. Стр. VII+164 въ 8-ку. Цѣна 75 коп.

Мысль, руководившая г. Гофманомъ при составленіи грамматики, первый выпускъ которой напечатанъ въ прошломъ году, а второй—готовится къ напечатанію, заслуживаетъ сочувствія. Авторъ исходитъ изъ того вѣрнаго положенія, что преподаваніе тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ болѣе въ немъ единства и сосредоточенія; поэтому необходима связь различныхъ предметовъ преподаванія между собою главнымъ образомъ при посредствѣ роднаго языка, изученіе котораго лежитъ въ основаніи всего школьнаго образованія. Попытку автора изложить нѣмецкую грамматику сравнительно съ русскою, указывая не только на различіе, но и на согласіе законовъ того и другаго языка, можно признать вообще удавшеюся. Главное затрудненіе, съ которымъ не всегда умѣлъ справиться авторъ грамматики, состоитъ въ томъ, что

благодаря сравненію двухъ языковъ, при изложеніи правилъ одного изъ нихъ, предлагаемыя правила иногда не достаточно кратки и просты для того, чтобы легко даваться пониманію и памяти учениковъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣе искусная редакція, можетъ быть, сумѣла бы сократить правило, но въ другихъ—сокращеніе едва ли возможно. Въ обоихъ случаяхъ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ было бы напечатаніе мелкимъ шрифтомъ всего того, что относится къ русскому языку, а не къ нѣмецкому. Если авторъ не воспользовался этимъ средствомъ, то вѣроятно, потому, что не желалъ дать поводъ къ пропуску, при преподаваніи, этихъ замѣтокъ, которыя по всему плану книги являются существенными и отличительными чертами грамматики г. Гофмана. Авторъ разбираетъ правила нѣмецкаго языка въ систематическомъ порядкѣ; вопросъ о томъ, который способъ удобнѣе при изученіи новыхъ языковъ, такъ-называемый практической методъ или же систематическій, можно считать рѣшеннымъ въ пользу систематической грамматики, по крайней мѣрѣ—по отношенію къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ; тутъ важно не столько то, чтобы ученики легчайшимъ и кратчайшимъ путемъ научились говорить по нѣмецки, а то, чтобы при окончаніи курса они были въ состояніи свободно читать произведенія изящной и, въ особенности, научной литературы нѣмецкой. Единственный надежный путь къ такому основательному пониманію языка идетъ черезъ систематическую грамматику, какъ это доказываетъ опытъ древнихъ языковъ. Придерживаясь такого взгляда на дѣло, г. Гофманъ не предлагаетъ учебнаго матеріала въ извѣстныхъ порціяхъ, соответствующихъ объему назначеннаго для отдѣльныхъ классовъ курса, но составилъ свою грамматику такъ, чтобы она могла служить учебною книгою въ продолженіе всего времени пребыванія ученика въ учебномъ заведеніи съ низшаго до высшаго класса. Не мало поэтому въ первомъ выпускѣ (этимологіи) встрѣчается такихъ вещей, которыя не легко доступны пониманію мальчиковъ, только что изъ первый разъ проходящихъ этимологію нѣмецкаго языка; весьма обширныя статьи о звукахъ, слогахъ и отчасти о словообразованіи даже не могутъ быть проходны въ томъ классѣ, гдѣ начинается преподаваніе нѣмецкаго языка, на что впрочемъ указано и самимъ авторомъ въ предисловіи (стр. IV). Но все это безъ труда можетъ быть пропущено въ низшемъ классѣ, гдѣ главнымъ образомъ ученикамъ приходится заучивать изъ грамматики образцы склоненій и спряженій, и будеть съ пользою проходиться въ старшихъ классахъ при повто-

реніи этимологіи. Въ систематической грамматикѣ трудно обойтись безъ нѣкоторыхъ повтореній, такъ какъ одно и то же явленіе можетъ относиться къ разнымъ категоріямъ. Встрѣчаются однако и такіе случаи, гдѣ не слѣдовало бы задерживать читателя грамматикой повтореніемъ выше сказаннаго. Укажемъ для примѣра на слѣдующіе §§: стр. 39, § 23, 1, а—стр. 48, § 30, А, а; стр. 50, § 31, 2, б—стр. 52, § 33, 2, примѣч.; стр. 61, § 40—стр. 66, § 42; прим. 2.

Указавъ на главныя особенности книги г. Гофмана и признавая ее серьезнымъ и добросовѣстнымъ трудомъ, переходимъ къ разбору тѣхъ мѣстъ, которыя по той или по другой причинѣ должны остановить на себѣ вниманіе внимательнаго читателя. При этомъ разборъ слѣдуемъ тому порядку, въ которомъ разбираемыя мѣста находятся въ самомъ учебникѣ.

Стр. 17, § 10. Какъ исключенія изъ правила, что при словообразованіи коренной гласной смягчается (принимаетъ Umlaut или по принятой авторомъ терминологіи „перезвукъ“), приводятся только: Wald, waldig; Sprache, sprachlig; Lust, lustig; подобныхъ исключеній, гораздо больше, напримѣръ, handlich, sandig, brandig, frostig, durstig и т. д.

На той же стр. 17 б). Какъ примѣръ перехода кореннаго звука *i* въ дробный звукъ *e* благодаря слѣдовавшему за нимъ въ древне-нѣмецкой формѣ слова звуку *a*, приводится и слово: *helfe* (помогаю); но въ древне-нѣмецкомъ нарѣчій эта форма оканчивается не на *a*, но на *u* (*hilfu*); слѣдовало сказать, что не только *a*, но и *u* оказываетъ влияние на предыдущій звукъ *i*, или по крайней мѣрѣ слово *helfen* должно было быть приведено въ формѣ неопредѣленнаго наклоненія (др. нѣм. *hilfan*).

На стр. 19, § 11, 3, говорится о вставкѣ и прибавкѣ согласныхъ. Въ примѣрахъ есть и слово *Ankunft*, отъ *ankommen*; но здѣсь не вставленъ просто звукъ *f*, а оба звука *nf* замѣнили собою губной звукъ *m* (*Ankumt*), дѣлѣе въ словѣ *meine t wogen*, *t* не вставленъ просто, но замѣнилъ оиъ звукъ *s*: *mein-es wegen* (въ народномъ языкѣ встрѣчается *meinswegen*). Въ словѣ *diesseites*, звукъ *s*—не приставка, а падежное окончаніе родительнаго падежа, хотя и не свойственное словамъ женскаго рода, но часто встрѣчающееся въ сложнѣхъ словахъ, первая часть которыхъ—слово женскаго рода, напримѣръ, *hoffnungsvoll*, *Liebeszeichen*, *Wahrheitsliebe*, *Botschaftsrats* и т. д. Еще болѣе къ данному случаю подходит нарѣчіе *nachts* (ночью).

Стр. 21, § 13, б. исключ. Сказано, что „слоги, оканчивающіеся на *rd*, *rt*, большою частью протяжные“; но слога *ird*, *irt* и *ort* никогда не бываютъ протяжными: сравнимъ *Wort*, *Hort*, *Port*, *Hirt*, *wird* (даже *Wirta*); слогъ *art* встрѣчается и краткимъ, напримѣръ, *hart*, *Gegenwart*, *Widergart*, и только слоги *ert* и *erd* всегда протяжные. Слѣдовательно, правило не имѣетъ никакого значенія, а между тѣмъ оно является еще разъ на стр. 28, § 17, В, б, исключ.

Стр. 22, § 14, 2, б. „Высокое (сильное) удареніе приходится въ словахъ съ приставками *ant*—*miss*.—*in*,—*ur*—на приставку“. Какъ исключенія приводятся два слова: *unergwärtet* и *unsterblich*; но слово *unergwärtet* столь же правильно произносится съ удареніемъ на первомъ слогѣ; напротивъ, здѣсь не упомянуты другія слова, имѣющія удареніе на коренномъ звукѣ, какъ-то: *ursprünglich*, *missrathen*, *misslungen*, *unglaublich*, *unmaschlich*, *unleidlich*, *unsäglich* и пр., а далѣе, на той же страницѣ в) сказано: „исключеніе составляютъ нѣсколько прилагательныхъ съ отрицательною приставкою *in*“, то-есть, одни и тѣ же слова относительно одного и того же явленія приводятся какъ исключеніе изъ двухъ правилъ; одно изъ этихъ правилъ во всякомъ случаѣ—лишнее.

Стр. 25, § 16, 2, в, примѣч. „Произведенныя отъ названій городовъ прилагательныя оканчивающіяся на *er*, всегда пишутся черезъ большую начальную букву, напримѣръ, *der Kölner Dom*—*der Dom der Kölner*“. Соглашаясь съ объясненіемъ происхожденія формы прилагательныхъ на *er*, слѣдуетъ однако замѣтить, что въ современномъ языкѣ она утратила значеніе родительнаго падежа множественнаго числа имени существительнаго (напримѣръ, *pariser Modewaren* нельзя передать черезъ *Modewaren der Pariser*); какъ настоящія прилагательныя, они и относительно правописанія не должны отличаться отъ остальныхъ прилагательныхъ, произведенныхъ отъ названій городовъ, и дѣйствительно не отличаются.

Стр. 28, § 17, II, В, а, примѣч. Это примѣчаніе должно показаться страннымъ, потому что оно неосновательно: буквы *ss* въ словѣ *müssen* разсматриваются какъ замѣняющія буквы *ss* *ss*; но *ss* и *ss* не что иное какъ различныя начертанія одного и того же звука, а именно русскаго *с*, *muss* въ множественномъ числѣ должно отдѣлять *müss-en*, а не *müss-ssen*. Правило это повторяется на стр. 32, § 18 подъ концемъ; тамъ же (*gg*) авторъ отличаетъ букву *ss* отъ буквъ *sz* и говоритъ, что послѣднія ставятся „для обозначенія русскаго звука *с* послѣ краткаго гласнаго въ концѣ слова и въ серединѣ слова передъ частью *схх*, отд. 3.

согласнымъ, напримѣръ, Nasz и т. д.“. Въ обычномъ правописаніи такого различія не дѣлается; лучшимъ доказательствомъ служить самый учебникъ г. Гофмана: sz (отдѣльно) встрѣчаются только въ этомъ §; въ другихъ же мѣстахъ, гдѣ по теоріи автора слѣдовало бы писать sz—вездѣ напечатано ss, напримѣръ, стр. 22, 8 строка сверху: miss; стр. 53, 2 строка снизу: Schloss; стр. 57, 9 строка снизу: Genuss; стр. 59, 10 строка снизу даже: Hass!

Стр. 28, § 17, II, B, 6. Тутъ говорится, что краткость гласнаго обозначается соединеніемъ различныхъ согласныхъ; это не вѣрно; сравнимъ Magd, legt, fragt, sagt и т. д. Вообще г. Гофманъ напрасно потратилъ много старанія на опредѣленіе количества гласныхъ. Количество это не играетъ той роли въ нѣмецкомъ языкѣ, какъ въ древнихъ классическихъ языкахъ; одни и тѣ же слова произносятся протяжно и кратко, смотря по мѣстному говору; сравнимъ Grab, Tag, Sag и т. д., а прослѣдить это—заходить за предѣлы школьной грамматики.

Стр. 40, § 23, примѣч. 2: „Корни всѣхъ словъ бываютъ въ нѣмецкомъ языкѣ, какъ и въ русскомъ, частію глагольные, частію мѣстоименные“. Эта замѣтка должна сбить съ толку и ученика, и учителя, пользующихся грамматикой автора. Какой глагольный корень отыщутъ они въ знаменательныхъ словахъ, какъ напримѣръ, Mann, Weib, Ochs, Rus, schwarz, weiss, и даже въ приведенномъ авторомъ въ видѣ примѣра словѣ gut? Если сравнительное языковѣдѣніе производитъ—часто безуспѣшно—названія предметовъ и качествъ отъ немногихъ глагольныхъ корней, то существованіе такой гипотезы не можетъ служить оправданіемъ для раздѣленія всѣхъ корней нѣмецкаго языка на глагольные и мѣстоименные, тѣмъ болѣе безъ всякихъ объясненій и притомъ въ школьной грамматикѣ.

Стр. 42, § 25, 3: „Звательный падежъ по формѣ въ нѣмецкомъ языкѣ никогда не отличается отъ именительнаго падежа“. Слѣдовало бы прибавить, что звательный падежъ никогда не принимаетъ члена. То же самое примѣчаніе пропущено на стр. 47, § 29, 6, гдѣ сказано, что собственные имена соединяются съ членомъ, когда передъ ними находится имя прилагательное. Въ звательномъ падежѣ и здѣсь члена не ставится. Весь § 29, подъ заглавіемъ: „Имена существительныя съ членомъ и безъ члена“ не на своемъ мѣстѣ, такъ какъ онъ по своему содержанію относится не къ этимологій, а къ синтаксису. Весьма трудное ученіе о членѣ изложено не совсѣмъ удовле-

творительно, отчасти именно потому, что оно не на своемъ мѣстѣ. Вмѣсто того, чтобы точно и ясно опредѣлить отношенія, выражаемыя членомъ и на этомъ опредѣленіи основывать правила объ употребленіи этого слова, что, конечно, можетъ быть сдѣлано только при прохожденіи синтаксиса, авторъ указываетъ лишь на отдѣльные случаи, а потому правила не точны и не могутъ служить надежнымъ руководствомъ для учащихся. Такъ, напримѣръ, нельзя согласиться съ тѣмъ, что „названія лицъ соединяются съ членомъ, когда названіе писателя или художника употребляется вмѣсто ихъ произведеній“; можно въ этихъ случаяхъ опускать членъ, напримѣръ: *ich lese Schiller Heber als einen andern Schriftsteller*, и прибавлять его къ именамъ собственнымъ въ случаяхъ, не указанныхъ авторомъ; слѣдуетъ прибавлять его между прочимъ тогда, когда отношеніе имени собственного не ясно вслѣдствіе отсутствія надежныхъ окончаній, напримѣръ: *die Lehre des Sokrates*, но: *die Lehre Plato's, die Irrfahrten des Odysseus, die Römer* и т. п. Далѣе сказано, что „имена собирательныя соединяются большею частью съ членомъ—иногда же они употребляются безъ члена“. Такое правило не имѣетъ никакого практическаго значенія; оно вдобавокъ и не вѣрно; не вѣрно также и слѣдующее затѣмъ правило, что „имена вещественныя употребляются безъ члена и съ членомъ, въ послѣднемъ случаѣ тогда, когда гонорифцій имѣетъ въ виду опредѣленную часть вещества“. Слѣдовало бы сказать: собирательныя всегда принимаютъ членъ, вещественныя никогда его не принимаютъ, потому что первыя, соединяясь съ членомъ, перестаютъ быть собирательными—сравнимъ, напримѣръ, *Geflügel ist billig* и *Fleisch ist billig*,—а послѣднія, принимая членъ, дѣлаются нарицательными—сравнимъ, напримѣръ, *Bringe das Lort aus dem Schranke* и *Bringe das Teller aus dem Schranke*.

Стр. 52, § 33, А, 3. Къ числу словъ мужескаго рода отпесено „большинство названій крупныхъ птицъ“. Это произвольное правило; столько же словъ подходятъ подъ правило, сколько составляютъ исключенія изъ оного. Изъ самыхъ извѣстныхъ мелкихъ птицъ большинство носятъ названія мужескаго рода, напримѣръ: *Sperling, Harfling, Fink, Staar, Spreht, Zeisig, Stieglitz, Windehopf, Dompfast, Zaunkönig*.

Вообще правила о родѣ именъ существительныхъ недостаточно полны, въ особенности что касается исключеній; они и не совсѣмъ удобно впечатаны, такъ что въ нихъ не легко ориентироваться.

Стр. 60. Въ образцѣ для склоненія при формѣ множественнаго

числа отъ слова *Strass* (бузеть) *die Sträusse* напрасно въ скобкахъ стоять окончаніе (*er*). Форма *die Sträusser* не признается литературнымъ языкомъ. Отмѣтимъ тутъ же и опечатку, вслѣдствіе которой множественное число отъ *Strauss* (страусъ) является въ искаженномъ видѣ: *die Sträusse* вмѣсто *die Strausse*.

Стр. 72, § 44, 1, б, примѣч. 1: „Нѣкоторыя имена существительныя мужескаго рода, первоначально оканчивавшіяся на *e* и склонявшіяся по слабому склоненію, теперь оканчиваются на *en* и *e* и измѣняются по склоненію“. Это правило неясно, тѣмъ болѣе что и примѣры не показываютъ, какъ образовать родительный падежъ. Можно подумать, что слова *Glaube*, *Zaube* и т. д. образуютъ родительный падежъ *Glaubes*, *Zaufes*, и т. д. Смѣшанная форма окончанія родительнаго падежа *rus* указана въ примѣч. 2, но даже тамъ не сказано, что она относится и къ словамъ, упомянутымъ въ примѣчаніи 1. Такое важное явленіе, какъ неправильное склоненіе дѣлаго ряда довольно употребительныхъ словъ, слѣдовало бы объяснить обстоятельно и помѣстить въ текстѣ на видномъ мѣстѣ, а не прятать въ мелко напечатанныхъ примѣчаніяхъ.

Стр. 76, § 46, II, 1, а, 6б: „Имена лицъ мужескаго рода, оканчивающіяся на *s*, *ss*, *z*, *sch*, принимаютъ смѣшанное окончаніе родительнаго падежа единственнаго числа (*ens*)“. Однако, греческія и латинскія имена собственные этого окончанія не принимаютъ; это слѣдовало оговорить, прибавивъ указаніе, какъ образуется родительный падежъ отъ такихъ именъ собственныхъ (то-есть, черезъ прибавленіе члена, или же черезъ обозначеніе окончанія посредствомъ апострофа, напримѣръ, *des Demosthenes* или *Demosthenes'* безъ члена). Вмѣсто этого, и то лишь на стр. 68, § 47, 3, говорится, что собственные имена иностранныхъ, оканчивающіяся на *s*, *z*, *sch*, лучше въ родительномъ падежѣ единственнаго числа принимаютъ членъ.

Стр. 82, § 51 слл. Склоненіе именъ прилагательныхъ объяснено хорошо; въ особенности слѣдуетъ признать въ примѣрахъ слабого спряженія прилагательныхъ замѣну опредѣлительнаго члена, предшествующаго прилагательному, мѣстоименіемъ, *dieser*, такъ какъ въ этомъ словѣ падежныя окончанія сильнаго склоненія явнѣе отдѣляются отъ основы, чѣмъ въ нѣкоторыхъ формахъ члена (напримѣръ, *die*, *des*), а между тѣмъ присутствіе сильныхъ окончаній въ опредѣлительномъ словѣ и есть причина, почему опредѣляемое имъ прилагательное получаетъ окончаніе слабого склоненія.

Стр. 86, § 52, а. Опущены нѣкоторыя прилагательныя, образуя-

щія сравнительную степень безъ смягченія гласнаго (безъ Umlaut), напримѣръ: *bunt, rund, wund, froh, roh, wahr, woll, halb, glatt, zart* (zärter-архангъ), *klar, falsch* и др.

Стр. 87, § 53, 3. Разница между выраженіями *die gefährlichsten* и они *gefährlichsten* объяснена хорошо.

Стр. 89, § 55, I. Сказано: „Главныя числительныя нѣмецкаго языка не совсѣмъ сходятся съ количественными русскаго языка, которыя обозначаютъ вообще количество предметовъ и заключаютъ въ себѣ, различно отъ главныхъ числительныхъ нѣмецкаго языка, также дробныя числительныя“. Эти слова вовсе не понятны.

Стр. 91, § 56. Въ спискѣ числительныхъ не дано примѣра на выраженіе многократныхъ тысячъ, напримѣръ, *zweitausend* и сотенъ тысячъ, напримѣръ, *zweimal hunderttausend*; дагѣ стр. 92, § 57, 2, не обращено вниманіе учащихся на особенность нѣмецкаго языка помѣщать единицы передъ десятками, но только сказано, что они соединяются посредствомъ союза *und*.

Стр. 93, § 58, 1: „Порядковыя числительныя съ 2—19 образуются въ нѣмецкомъ языкѣ, какъ и въ русскомъ, отъ количественныхъ при помощи суффикса превосходной степени *t*“. Это непонятно для учениковъ; какъ суффиксъ превосходной степени имъ извѣстенъ въ нѣмецкомъ языкѣ только звукъ *st*, въ русскомъ—и того нѣтъ; не объяснено и то, какая существуетъ связь между порядковыми числительными и прилагательными въ превосходной степени, за исключеніемъ слова *der erste*.

На стр. 99 въ образцѣ склоненія мѣстоименій притяжательныхъ два раза повторяется опечатка *unse(r)es* и *unse(r)em* вмѣсто *unser(e)r* и *unser(e)m*; въ винительномъ падежѣ *unseren*, второй звукъ *e* также долженъ быть поставленъ въ скобкахъ.

На стр. 103, § 66, 1, 6, сказано, что мѣстоименіе относительное употребляется также въ соединеніи съ именемъ существительнымъ, какъ опредѣленіе, напримѣръ: *Turgenjev, welcher Name überall bekannt ist, lebt jetzt in Paris*. Такъ нельзя правильно выражаться по нѣмецки, нельзя сказать иначе, какъ *T. dessen Name üb. b. ist etc.*

На стр. 105, § 67, 3 сказано, что опредѣлительное мѣстоименіе *der, die, das* (тотъ, та, то) въ родительномъ падежѣ множественнаго числа имѣетъ двѣ формы *derer* и *deren*. Это не вѣрно: существуетъ только одна форма, *derer*, а другая форма, *deren*—родительный падежъ множественнаго числа указательнаго и относительнаго мѣстоименій.

Стр. 108, § 72, А, а: „Къ первообразнымъ глаголамъ принадлежатъ также многіе глаголы, прежде измѣнявшіе коренной гласный звукъ, а теперь его уже не измѣняющіе, но принимающіе формы слабого спряженія, напримѣръ: *leben, dienen*“. Не извѣстно, въ какой періодъ нѣмецкаго языка приведенные въ примѣръ глаголы имѣли отзвукъ (*Ablaut*), и какъ они измѣняли коренной гласный звукъ; гораздо болѣе основанія думать, что этого никогда не было.

На стр. 110, § 72, В, 6, 1 въ числѣ глаголовъ сложныхъ съ существительными является и глаголъ *heirathen*! Неужели авторъ считаетъ основательнымъ шуточное производство этого глагола отъ *Heu* (сѣно) и *rathen* (гадать)? Это просто—*verbum denominativum* отъ слова *Heir-ats*; въ первомъ слогѣ этого существительнаго содержится тотъ же корень (*heir*), отъ котораго произведенъ глаголъ *heissen* нанимать (срвн. англійское *to hire*).

Стр. 112 — 143. Спряженіе глаголовъ изложено не совсѣмъ удовлетворительно, и эта часть книги при новомъ изданіи должна будетъ подвергнуться основательной передѣлкѣ; авторъ, удѣлившій на подробности, относящіяся къ произношенію и правописанію, 37 страницъ своего учебника, помѣстивъ ученіе о спряженіи глаголовъ на 31 страницѣ, изъ которыхъ 14 заняты разгонисто напечатанными образцами спряженія (глаголовъ *tragen, loben, sein, haben*), 9—объясненіемъ залоговъ, временъ, наклоненій и т. п., такъ что для правилъ о спряженіи остается лишь около восьми страницъ. Со всѣми семью разрядами глаголовъ сильнаго спряженія онъ справляется на двухъ страницахъ, вслѣдствіе чего, конечно, многого у него не сказано. Вообще этотъ отдѣлъ книги походить скорѣе на предварительный эскизъ, нежели на законченную картину спряженія нѣмецкихъ глаголовъ. Такъ, напримѣръ, на стр. 134 между глаголами 1-го разряда нѣтъ такихъ, какъ: *binden, beginnen, gewünnen, singen*; 2-го разряда: *sprechen, stechen, erwerben, nehmen* и т. д. по всѣмъ разрядамъ, а глаголы *heben, schmelzen, schwellen, fechten, flechten, drehen, breiten, bewegen, weben, schwören, löschen* и др., имѣющіе въ imperf. и part. praet. звукъ *o*, совсѣмъ не нашли себѣ мѣста ни въ классификаціи, ни въ примѣрахъ. И относительно тѣхъ глаголовъ, которые приводятся въ учебникѣ, есть недомолвка; иногда, гдѣ это было необходимо, не указаны формы imperf. и part. praet.; такъ, напримѣръ, въ 5-мъ разрядѣ не обозначено, въ какихъ глаголахъ отзвукъ бываетъ краткимъ, въ какихъ—протяжнымъ звукомъ. Изъ грамматики г. Гофмана ученникъ не можетъ узнать, какъ слѣдуетъ

говорить, например: *beissen, biss, gebissen*—или *beissen, biss, gebissen, saufen, soff, gesoffen*—или *saufen, sof, gesofen*.

Стр. 131, § 86, а. Предлагаются примѣры смѣшаннаго спряженія безъ всякаго объясненія, что такое это смѣшанное спряженіе, о которомъ нигдѣ не упоминается въ книгѣ, кромѣ этого параграфа. Приведено всего 4 примѣра: 1) *erbleichten, erbleichte, erbleicht* и *erblich, erblichen*, 2) *bewagen*, 3) *verderben* и 4) *melken*. Эти глаголы спрягаются во всѣхъ временахъ и по слабому, и по сильному спряженію ихъ смѣшаннымъ. Притомъ три первые глагола спрягаются различнымъ способомъ, смотря по значенію, а глаголъ *verderben* даже произносится различно (например, въ южной Германіи), смотря по тому, имѣетъ ли онъ значеніе дѣйствительнаго, или же—среднаго глагола: въ первомъ случаѣ слышится открытое *e* (изъ *a*), въ другомъ—закрытое *e* (изъ *i*), такъ что эти два глагола *verderben* (портить) и *vorderben* (портиться, погибать) различаются другъ отъ друга точно такъ, какъ различаются глаголы: *fallen, fällen; schwimmen, schwänmen; sinken—senken, trinken—tränken, wogen—wüngen, liegen—legen* и т. п.

Выборъ стихотвореній Гете и Шиллера, съ подробными замѣчаніями, для употребленія въ VII кл. гимназій и въ соответствующихъ классахъ другихъ средне-учебныхъ заведеній. Составилъ А. Мессъ. Рига. 1883. VII+102 стр. въ 8-ку.

Авторъ назначаетъ свою книгу для употребленія не только въ гимназіяхъ, но и въ реальныхъ училищахъ, въ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ и въ женскихъ гимназіяхъ. Она содержитъ въ себѣ нѣкоторыя, наиболѣе извѣстныя стихотворенія Гете и Шиллера съ обширнымъ комментариемъ, небольшую статью, посвященную сравненію между собою этихъ двухъ поэтовъ, и въ видѣ прибавленія, нѣсколько экскурсовъ. Изъ стихотвореній Гете въ сборникѣ помѣщены слѣдующія: *Mignon* (1 и 2), *Meeresstille, Glückliche Fahrt, Der Sänger, Wanderers Nachlied*. (1 и 2), *Erlkönig, Der Fischer, Neue Liebe, neues Leben, Der Schäfer, Der König in Thule, Schäfers Klagelied* и *Haldenröslein*; изъ поэмъ Шиллера наши мѣсто: *Der Handschuh, Die Macht des Gesanges; Der Graf von Habsburg* и *Das Lied von der Glocke*. Относительно Шиллера—выборъ удачный; развѣ только стихотвореніе *Die Macht des Gesanges* трудновато; да едва ли и найдутся въ числѣ произведеній Шиллера такія, которыя не годились бы для чтенія и разбора въ старшихъ классахъ гимназій. Что касается Гете, то выборъ подходящихъ

стихотвореній вообще несравненно труднѣе; въ данномъ случаѣ онъ не совсѣмъ удаченъ. Большая часть помѣщенныхъ въ сборникѣ произведеній Гете изображаетъ такого рода настроеніе духа и такіа чувства, которыя неизвѣстны молодымъ людямъ школьнаго возраста или по крайней мѣрѣ при нормальномъ развитіи еще не должны быть имъ извѣстны. Сюда слѣдуетъ отнести всѣ тѣ, которыя изображаютъ разные фазисы любви: восторгъ, тоску, уныніе влюбленнаго человѣка, а именно: *Mignon, Neue Liebe, neues Leben* (особенно съ комментариемъ автора книги), *Der Schäfer, Schäfers Klagelied* и даже *Haidenröslein*, хотя г. Мессъ, видящій въ стихотвореніяхъ *Meeresstille* и *Glückliche Fahrt*, одну только аллегорію, старается убѣдить читателя, что здѣсь идетъ рѣчь о дѣйствительномъ поленомъ розанчикѣ. Допустимъ, что эти стихотворенія могутъ читаться безъ особеннаго вреда учениками и ученицами дома, но для чтенія и подробнаго разбора въ классѣ они не пригодны по своему содержанию.

Главная цѣль, преслѣдуемая авторомъ въ объемистыхъ примѣчаніяхъ, состоитъ въ томъ, чтобъ обратить вниманіе читателя преимущественно на поэтическую сторону толкуемыхъ имъ стихотвореній. Примѣчаній, которыя облегчаютъ пониманіе смысла, у него, по собственному его заявленію (стр. VI), весьма немного; онъ главнымъ образомъ имѣетъ въ виду „раскрытіе поэтическихъ мыслей“, для того, чтобъ „ученики могли пріучиться глубже вникать въ содержаніе и сознательнѣе уразумѣть красоту и достоинство поэтическихъ произведеній“. Справедливо, что при чтеніи стихотворныхъ произведеній не слѣдуетъ ограничиваться простымъ переводомъ словъ автора, грамматическимъ и логическимъ разборомъ ихъ; но безъ такого надежнаго основанія поэтическія прелести стихотворенія, написаннаго на чужомъ языкѣ, не могутъ быть постигнуты. Съ этой точки зрѣнія примѣчанія г. Месса представляются недостаточно полными и не оказываютъ учащимся надлежащей помощи. Такъ напримѣръ, остались безъ объясненія нѣкоторыя слова и выраженія, имѣющія въ данныхъ мѣстахъ особенное, своеобразное значеніе, о которомъ ученикъ не можетъ справиться въ лексиконѣ. Для примѣра можно указать на слѣдующія: стр. 13: *Schweif*, стр. 22: *das liebe lose Mädchen*, стр. 28: *trinken*, стр. 72: *das ist Sturm*, стр. 74: *Wilder Stürme rauhes Bette*, стр. 84: *Schwun-ge* (гдѣ выраженіе понятно только для того, кто знаетъ, что въ Германіи колокольный звонъ производится движеніемъ самыхъ колоколовъ). Встрѣчаются въ комментаріи и невѣрныя толкованія, на-примѣръ: выраженіе стр. 59—*Das Werk lobt den Meister*—не соотвѣт-

ствуешь по смыслу своему русской поговорки „дѣло мастера боится“. На стр. 6 слова—Und Aeolus löset das ängstliche Band—по мнѣнію автора книги, равняются по смыслу словам—Aeolus löset ängstlich das Band. Не понятно, чего Эоль, богъ вѣтровъ, боится, отпуская ихъ на волю, и къ чему въ этомъ краткомъ стихотвореніи говорится объ этой боязни, если она существуетъ. Кромѣ того, такой оборотъ, вслѣдствіе котораго „образъ дѣйствія въ отношеніи къ предмету перенесенъ, какъ качество, на этотъ предметъ“, свойственъ исключительно древнимъ языкамъ; по мнѣнію оны неупотребительны и непонятны. Конечно, здѣсь „das ängstliche Band“ обозначаетъ затишье, наполняющее душу моряка тревогою (срв. предыдущее стихотвореніе); достаточно было указать на дѣйствительное значеніе слова ängstlich, которое обыкновенно употребляется въ значеніи среднемъ. Стр. 25: „Buhle—жена древне-скандинавскаго короля“; словомъ Buhle никогда не означается законная жена; это чувствовалъ и самъ авторъ примѣчаній и потому какъ бы въ оправданіе прибавилъ слѣдующее объясненіе: „согласно патриархальности правовъ тѣхъ временъ и странъ, бракъ однако не былъ скрѣпленъ никакими религіозными обрядами или юридическими формальностями“. Неужели древніе скандинавы не знали брака? Какъ въ такомъ случаѣ можно говорить о женѣ? Вмѣсто всѣхъ этихъ словъ, противорѣчащихъ другъ другу и представляющихъ весьма неудачную попытку согласовать слова Гете съ требованіями строгой нравственности, достаточно было во избѣжаніе пониманія слова Buhle въ смыслѣ—Buhlerin, сказать: Buhle=Geliebte, любимая женщина. То же самое, вѣроятно, чувство благопріятія заставило автора исказить смыслъ слова Dank въ балладѣ der Handschuh стр. 40; тамъ сдѣлано слѣдующее замѣчаніе: „этимъ словомъ обозначалась выдаваемая побѣдителямъ на турнирахъ награда, призъ“. Это само по себѣ вѣрно, но здѣсь о такомъ призѣ и рѣчи быть не можетъ; рыцарь Делоржъ не побѣдилъ на турнирѣ, а Кунигунда не могла распорядиться раздачею призовъ; это было почетною должностію королевы или особо для того избранной дамы, а не любой изъ числа зрительницъ. Предыдущія слова „Aber mit zärtlichem Liebesblick и т. д.“ ясно показываютъ, о какой здѣсь говорится награда, именно о Liebesdank. Всякое примѣчаніе къ слову Dank, поэтому, неумѣстно. Кстати сказать: въ шестой строфѣ этой баллады, стр. 39, вслѣдствіе не поправленной авторомъ опечатки, искажено имя храбраго рыцаря Delorges въ Deloroges; (остальные опечатки, встрѣчающіяся въ текстѣ стихотвореній, исправлены въ спискѣ опечатокъ въ концѣ книги).

Обстоятельнѣе слѣдуетъ сказать объ одной мнимой опечаткѣ, мнимой потому, что благодаря ей текстъ представляется въ вѣрной формѣ; онъ былъ бы искаженъ, еслибы наборщикъ отнесся повнимательнѣе къ рукописи автора и не положился бы на свою память и свой здравый смыслъ. Дѣло въ слѣдующемъ: въ известномъ мѣстѣ пѣсни о колоколѣ стр. 64, строфа 3: „Erröthend folgt er ihren Spuren Und ist von ihrem Gruss beglückt, Das Schönste sucht er auf den Fluren, Womit er seine Liebe schmückt“ г. Мессъ ставитъ послѣ Und запятую (въ текстѣ она пропущена) и объясняетъ слова Und, ist von ihrem Gruss boglückt etc. черезъ Und, wenn er von ihrem Gruss beglückt ist, so sucht er auf den Fluren das Schönste и т. д. Приписывая ist — beglückt за условное придаточное предложение, г. Мессъ дѣлаетъ довольно крупную ошибку противъ основныхъ правилъ нѣмецкаго синтаксиса: 1) Въ полномъ придаточномъ предложеніи подлежащее не можетъ быть подразумеваемымъ, но должно быть выражено особымъ словомъ даже и тогда, когда оно тождественно съ подлежащимъ главнаго предложенія; и такъ, вмѣсто wenn er beglückt ist, съ пропускомъ союза wenn, можно сказать только: ist er beglückt, а отнюдь не ist beglückt. 2) Въ аподосисѣ всегда должно соблюдаться обратный порядокъ словъ, слѣдовательно, здѣсь: sucht er das Schönste, а не das Schönste sucht er. Что же заставило г. Месса считать здѣсь невозможный оборотъ рѣчи—не только возможнымъ, но даже въ такой степени необходимымъ, что онъ рѣшился измѣнить освященный преданіемъ текстъ Шиллеровыхъ словъ? Объясненію и оправданію своей коплектуры онъ посвятилъ цѣлый экскурсъ, стр. 98, 99, доказывающій, прочемъ, что авторъ имѣетъ весьма смутныя понятія объ основныхъ правилахъ не только кретики, но даже грамматики. Въ доказательство сейчасъ сказаннаго позволимъ себѣ привести подлинныя его слова; онъ пишетъ: „Во всѣхъ изданіяхъ послѣ Und — нѣтъ запятой, изъ чего должно заключить, что издатели считаютъ это предложеніе такимъ же главнымъ, какъ предыдущее „erröthend folgt er ihren Spuren“ и послѣдующее „das Schönste sucht er auf den Fluren“. Но такого значенія приведенное выше предложеніе имѣть не можетъ“ (напротивъ того— оно не можетъ имѣть другаго значенія)—„1) потому, что тогда заключающаяся въ немъ мысль, не говоря уже о томъ, что отвлекла бы наше вниманіе отъ дѣйствія главнаго лица (er — der Jüngling)“ — (почему же это?—непонятно); „кромѣ того, сравнительно съ мыслями, выраженными въ сочиненныхъ съ нимъ главныхъ предложеніяхъ, была бы очень блѣдною, почти тривіальною (!)—поэтическая ошибка; 2) грам-

матическое соединеніе было бы неправильно въ виду того, что тогда это главное предложеніе было бы соединено съ предыдущимъ, тоже главнымъ, посредствомъ und, между тѣмъ какъ оно съ слѣдующимъ, такимъ же главнымъ, не соединено никакимъ союзомъ—грамматическая ошибка" (неужели всѣ главные предложенія должны соединяться между собою союзомъ und?); „3) когда юноша ходитъ по слѣдомъ дѣвницы, значить, повади ея, то непонятно, откуда вдругъ берется ея привѣтъ или поклонъ: не можетъ же она видѣть сзади (!)—фактическая ошибка.—Но понятно, что когда юноша ходитъ за нею" (чѣмъ отличается хожденіе за нею отъ хожденія по слѣдамъ ея?) „то предстоитъ возможность, есть необходимыя условія для того, чтобы дѣвница могла его замѣтить, обратиться къ нему съ привѣтомъ. Значить, эта мысль должна быть выражена условно, другими словами—послѣ Und нужно поставить запятую, тогда „ist von ihrem Gruss beglückt"—условное придаточное предложеніе=wenn er von ihrem Gruss beglückt ist. Странно! Для того чтобы юноша собиралъ цвѣты непременно требуется, какъ условіе, привѣтъ дѣвницы и если она не поклонилась ему, то онъ и не станетъ собирать цвѣты! Другая переменна, предлагаемая авторомъ въ томъ же стихотвореніи, а именно иное раздѣленіе стиховъ (см. Aus der Wolke, ohne Wahl онъ желаетъ читать Aus der Wolke, - Ohne Wahl) столь же неосновательна и заигрывается имъ столь же многорѣчиво и неудачно, какъ и первая копѣютура; см. стр. 99—102.

Согласно съ главною цѣлью, которую авторъ преслѣдуетъ своими примѣчаніями—а она состоитъ въ раскрытіи поэтическихъ прелестей и въ достиженіи болѣе глубокаго пониманія мыслей поэта,—г. Мессе обращаетъ большое вниманіе на размѣръ стиховъ, на римающіе слоги, на выборъ поэтомъ того или другаго слова и выраженія. Эти примѣчанія и объясненія весьма многорѣчивы, болѣею частію искусственны и нѣсколько натянуты; онъ самъ, кажется, сознаетъ это, говоря въ своемъ вступленіи, стр. V, что „тѣ объясненія, которыя касаются поэтической стороны, всѣ такого рода, что самому ученику дойти до нихъ едва ли возможно". Желаніе указать въ совершенно понятныхъ и простыхъ словахъ стихотворенія какой-то таинственный смыслъ и сокровенную силу доводитъ г. Мессе иногда до весьма своеобразныхъ и странныхъ объясненій. Для характеристики позволимъ себѣ привести нѣсколько примѣровъ. На стр. 9, въ примѣчаніи къ слову Gabe сказано: „ритмическая пауза, обусловленная неполнотою послѣдней стопы, какъ во 2-мъ, такъ и въ 4-мъ и 7-мъ стихахъ

каждой строфы, совершенно совпадаетъ въ этомъ стихотвореніи съ умственной паузой, то-есть, съ законченностію мысли". Это невѣрно относительно 4-й строфы, стихъ 2-й. Стр. 4: „Эта раздирающая сердце скорбь, это исполненное грустью влеченіе (Schlusucht) прекрасно выражены, какъ размѣромъ, смѣною дактиловъ и ямбовъ, такъ и римающими окончаніями eite (eide) ent, которыя указываютъ на что-то далекое, въ дали исчезающее (срв. entfliehen, entfallen, Weite, Breite". На дѣлѣ оказывается, что въ этомъ стихотвореніи вѣтъ ни дактилей, ни ямбовъ; оно написано хорееми, которымъ въ началѣ каждого стиха предшествуетъ одинъ слогъ, такъ-называемый анакрюзисъ, а слоги eite и ent сами по себѣ, независимо отъ значенія словъ, въ которыхъ они встрѣчаются, не имѣютъ того значенія, какое г. Мессъ считаетъ имъ присущимъ; ср. слова entstehen, entgegen, Seide, Scheide, leide, streite, gleite и т. д. Стр. 18 и 19, строфа 4: „Если въ предыдущихъ двухъ строфахъ, согласно содержанію, преобладаютъ звуки i и l, то въ этой строфѣ, особенно въ 1-й половинѣ, равно какъ и во всей 1-й строфѣ, преобладающими звуками являются шипящія sch, s, ss, въ подражаніе плеску текущей воды". Стр. 21, строфа 2: „Jugendblüthe — хотя это выраженіе соответствуетъ духовности характера, которымъ отличалась любовь Гете, но едва ли оно не слишкомъ смѣлое, въ виду того, что для изображенія наружнаго вида употреблено отвлеченное понятіе; а потому-то оно также звучитъ нѣсколько холодно". Стр. 24: „Schlaf — прекрасно римуется съ Schaf, указывая на тѣсную связь этихъ понятій: пастухъ не смотрѣлъ за овцами, не заботился о томъ, что должно быть ему дорого. (о своей обязанности), за то" (неужели за то?) „лишается того, что ему всего дороже, то-есть, сна; между этими римами включены парно-римованные слова fassen и verlassen (какая связь этихъ понятій и почему эти рими соединены парно?), объясняющія тѣ обстоятельства, которыя произвели въ немъ эту переимѣну. Разбери такимъ же образомъ (!) brav и Schlaf; постарайся также объяснить, почему употреблены и другія вромѣ сказанныхъ парныя рими".— Можно было бы ограничиться этими образчиками, но слѣдуетъ еще привести два примѣра (изъ примѣчаній къ стихотворенію Heidenröslein), чтобы показать, до чего можетъ довести человѣка желаніе видѣть чудеса въ самыхъ простыхъ вещахъ. На стр. 32, строфа 2, говорится: „Knaube—опущеніе члена здѣсь, въ совершенную противоположность къ такому же въ Röslein (стихъ 3), придаетъ выраженію особенную энергичность, какъ будто это слово (то-есть, Knaube), заключающее

уже въ своихъ звукахъ значеніе чего-то болѣе крѣпкаго, мужественнаго (ср. далѣе *der wilde Knabe*), значить, болѣе или менѣе самостоятельнаго, для означенія своей предметности не нуждается въ членѣ (*substantivirende Kraft des Artikels*); при словѣ же *Röslein* (*sprach*), означаемъ, какъ уменьшительное, нѣчто слабое, нуждающееся въ опорѣ, опущеніе члена еще усиливаетъ значеніе слабости, безпомощности, лишая это слово какъ бы предметности^а. Стр. 33, строфа 3: „s необыкновенно смѣлое (?) во столь же прекрасное сокращеніе члена *das*, такъ какъ такое укороченіе слова, обращающее его въ звукъ, и притомъ даже самостоятельный, соответствуя тому, что происходитъ въ дѣйствительности, то-есть, срываніе (укороченіе) розы (!), съ необычайной наглядностью, почти ослѣдительно, представляетъ нашей фантазіи самый актъ срыванія розы, чему содѣйствуетъ и звукоподражаніе (s—слышится, будто что срывается, ломается; срв. *briser, casser, bersten*, раз, разсѣкать и тому подобное); вмѣстѣ съ тѣмъ это 's звучитъ очень нѣжно (!) въ соответствіи съ нѣжностію розы и въ противоположность къ *der wilde* (*Knabe*)^а.

Подобными примѣчаніями не объясняются мысли поэта, но погружаются какъ бы въ непроницаемый туманъ, отъ котораго должна закружиться голова у ученика и у самого учителя.

G. De la Droitière и *F. Thorweyer*. Изъ Трибюна. *Lectures et Conversations*. (Сокращеніе. Чтеніе и Разговоръ). Выпуски 1-й, 2-й и 3-й. С.-Петербургъ. 1844. Цѣна каждаго выпуска 75 коп.

Появившіеся во второй половинѣ минувшаго года три выпуска подъ заглавіемъ „*Le trésor*“, въ видѣ сборника французскихъ статей, стихотвореній и анекдотовъ для дѣтскаго чтенія, служатъ какъ бы пробными нумерами періодическаго изданія, которое вышеназванныя лица намѣрены издавать ежемѣсячными выпусками отъ 110 до 125 страницъ въ 8-ку. Хотя иностранная литература достаточно богата по временнымъ изданіямъ для дѣтскаго возраста, но ими, конечно, могутъ пользоваться только тѣ русскія дѣти, которыя владѣютъ съ малолѣтства тѣмъ или другимъ иностраннымъ языкомъ; для большинства же учащихся въ школахъ они не доступны, такъ какъ не примѣнены къ степени ихъ познаній въ иностранныхъ языкахъ. Мысль приохотить нашихъ учащихся къ домашнему чтенію на иностранныхъ языкахъ, облегчивъ имъ это дѣло до возможной степени, и этимъ путемъ способствовать расширенію лексическаго ихъ запаса, а также восполнить въ нѣкоторой мѣрѣ недостатокъ практики, замѣняя се

интереснымъ чтеніемъ,—очень удачна. Первый у насъ привелъ эту мысль въ исполненіе г. Вильямъ Брей (William Gray), преподаватель англійскаго языка, начавъ съ 1-го января 1884 г. изданіе ежемѣсячнаго дѣтскаго журнала *Our Children*. Съ цѣлью облегчить пониманіе текста г. Брей даетъ въ выноскахъ на каждой страницѣ русскій переводъ словъ текста въ начальныхъ формахъ, употребляя для этого цифровой способъ ссылокъ. Примѣру г. Брея послѣдовали гг. Де-ла-Друатьеръ и Тормейеръ по отношенію къ французскому языку,

Каждый выпускъ сборника „*Le trésor*“ заключаетъ въ себѣ небольшія пѣльныя статьи, переплетенныя стихотвореніями и анекдотами, безъ раздѣленія однако на два отдѣла—для старшаго и младшаго возраста, какъ это принято въ англійскомъ журналѣ г. Брея. Въ отношеніи облегченія чтенія составители также приняли цифровой способъ выносокъ переводныхъ словъ внизу каждой страницы. Кромѣ текста для чтенія, они дали въ первомъ выпускѣ алфавитный списокъ французскихъ словъ, употребляющихся въ русскомъ языкѣ съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями, и отдѣлъ, озаглавленный „*Locutions comparatives*“, въ которомъ показанъ обыкновенный переводъ нѣкоторыхъ русскихъ фразъ и выраженій съ ихъ надлежащимъ правильнымъ переводомъ согласно духу французскаго языка; этотъ отдѣлъ также находится въ третьемъ выпускѣ, но во второмъ онъ отсутствуетъ по недостатку мѣста, такъ какъ помѣщенныя статьи заняли все напередъ опредѣленное количество страницъ. Съ вѣншей стороны изданіе имѣетъ видъ изящный, печатано на отличной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ и корректуровано съ большимъ стараніемъ. Вообще сборникъ „*Le trésor*“ сразу производитъ благоприятное впечатлѣніе, которое оставалось бы и по ближайшемъ ознакомленіи съ нимъ, еслибы составители согласились сдѣлать нѣкоторыя незначительныя уступки принятымъ взглядамъ и приѣмамъ. Цифровой способъ переводовъ, хотя представляетъ нѣкоторую экономію мѣста, но неудобенъ тѣмъ, что крайне утомляетъ зрѣніе множествомъ цифръ, которыми испещренъ текстъ; кромѣ того, давая подъ соотвѣствующей цифрой въ выноскѣ только точный переводъ слова, составители не даютъ достаточнаго пособія для пониманія выраженія въ данномъ случаѣ. Для примѣра позволимъ себѣ сдѣлать хоть одно указаніе: въ 3-мъ выпускѣ, въ статьѣ „*Le naufrage*“ на стран. 58, подъ цифрами 31 и 32 слова *bon* и *brûler* переведены въ выноскахъ словами способный и горѣть, а между тѣмъ въ текстѣ въ стихѣ:

un trois-mâts pourri, tout au plus bon à brûler авторъ желаетъ сказать совсѣмъ не то; подѣ выноской 33 показано, что voile значить парусъ, но при этомъ указаніи маленькій читатель едва ли придастъ надлежащее значеніе фразѣ qui faisait voile pour le Gabon; для того же, кому извѣстно выраженіе faire voile pour, переводъ слова voile совершенно не нуженъ. Такихъ неточныхъ переводовъ выраженій, вслѣдствіе только буквального указанія значенія отдѣльныхъ словъ, можно бы отмѣтить очень много. Потому лучше было бы пожертвовать нѣсколькими страницами текста и дать въ концѣ книжки вокабулы къ каждой статьѣ съ надлежащею фразеологіей, чѣмъ буквальными переводами затемнять пониманіе текста или извращать его значеніе.

Отдѣлъ „Locutions comparatives“, представляющій произвольный наборъ неправильно выраженныхъ фразъ, въ большинствѣ случаевъ, кажется, вымышленныхъ, не столько важенъ указаніемъ исправленій, сколько объясненіями точнаго значенія и правильнаго употребленія многихъ синонимическихъ выраженій, а также замѣчаніями о правильномъ употребленіи времени и наклоненій.

По отношенію къ содержанію разсматриваемыхъ трехъ выпусковъ первые два могутъ быть названы безупречными, а третій представляетъ почти во всемъ составѣ своемъ статьи, столь раздражительно дѣйствующія на дѣтскую впечатлительность и чувствительность, что лучше было бы избѣгать такого чтенія; достаточно прочесть его оглавленіе, чтобы видѣть, что содержаніе представляетъ нездоровую пищу для дѣтей: „Une histoire de revenants“, „Pierrot“ (Monpassant), „Mémoires d'un cadavre“ (Edgar Poe), „Impressions d'un assassin“, „Le naufragé“ (Corpée) и проч.

Учебникъ анатомія и физиологія чловѣка и животныхъ съ краткимъ очеркомъ жизнедѣятельности растений. Руководство для среднихъ учебныхъ заведеній съ реальнымъ курсомъ (съ 88 рисунками въ текстѣ). Составилъ И. А. Аникеевъ. III-е, исправленное изданіе, С.-Петербургъ. 1885 г. 172 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Третье изданіе этой книги отличается отъ втораго тѣмъ, что въ немъ тотъ же богатый учебный матеріалъ распределенъ въ другомъ порядкѣ.

Въ этомъ изданіи находимъ, вмѣсто 18 главъ втораго изданія, 19 главъ. Въ отличіе отъ прежнихъ изданій, описываются сначала отправления животной жизни, движеніе и нервная дѣятельность, а за-

тѣмъ уже отправления растительной жизни—пищевареніе, кровообращеніе, дыханіе и выдѣленіе. Кромѣ того, отправления животныхъ рассматриваются не совмѣстно съ соответствующими отправлениями человеческого тѣла, а излагаются отдѣльно въ послѣднихъ главахъ учебника. Такое вмѣненіе авторъ счелъ полезнымъ ввести въ учебникъ, руководствуясь указаніями педагогическаго опыта. Порядокъ же, въ которомъ располагаются типы животныхъ при описаніи каждаго изъ отправленій, а также и способъ разсмотрѣнія послѣднихъ, сохранены тѣ же, какъ и во 2-мъ изданіи: начинается описаніе съ простѣйшихъ и постепенно доводится до позвоночныхъ, съ цѣлю выставить болѣе рельефно постепенность обособленія отравленій въ связи съ большимъ усложненіемъ организаціи животнаго.

Кромѣ того, для достиженія указанной цѣли, при описаніи отдѣльныхъ отравленій у различныхъ типовъ, подробнѣе рассматриваются одинъ или два представителя типа, и затѣмъ уже излагается ходъ усовершенствованія каждаго отравленія у всѣхъ типовъ, начиная съ простѣйшихъ до позвоночныхъ. Такой способъ разсмотрѣнія, какъ справедливо полагаетъ авторъ, не дастъ вниманію учащихся развлекаться массою подробностей и болѣе способствуетъ обстоятельному усвоенію существеннаго вывода.

Относительно достоинствъ и недостатковъ разбираемаго сочиненія слѣдуетъ указать на массу научнаго матеріала, составляющаго для учащагося настоящее *embarras de richesse*, при обиліи удовлетворительныхъ рисунковъ (83 вмѣсто прежнихъ 81). Но и въ этомъ изданіи преобладающею чертою являются слишкомъ растянутые періоды, нерѣдко затемняющіе смыслъ или, по крайней мѣрѣ, мѣшающіе быстрому усвоенію молодымъ умомъ прочитаннаго. Изрѣдка встрѣчаются и прежніе германизмы, напримѣръ: „такая-то часть тѣла или органъ состоитъ изъ многихъ образованій“ или постоянное, но излишнее употребленіе предлога „къ“ передъ глаголомъ „способствовать“. Желательно было бы, чтобы при слѣдующихъ изданіяхъ авторъ устранилъ эти легко исправимые недостатки.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

I.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ПРАКТИЧЕСКІЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ ВЪ 1884 ГОДУ.

Въ 1884 году число профессоръ, преподавателей, мастеровъ и другихъ служащихъ при институтѣ, руководящихъ учебными занятіями слушателей, было слѣдующее: профессоръ 14, законоучитель 1, инспекторъ работъ механическихъ мастерскихъ 1, преподавателей 38, механикъ 1, химикъ 1, лаборантъ 1, бібліотекарей и хранителей музеевъ 2, наблюдателей за учащимися 5, лаборантовъ и мастеровъ механическихъ мастерскихъ по найму 11. Вакантны были: въ теченіе всего года — должность преподавателя политической и промышленной статистики Россіи, и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ перваго полугодія, вслѣдствіе тяжелой болѣзни и затѣмъ смерти преподавателя, было прекращено чтеніе двухъ предметовъ — строительнаго искусства и гидротехническихъ сооружений, до опредѣленія въ маѣ мѣсяцѣ новаго преподавателя. Изъ числа 52 профессоръ и преподавателей имѣютъ ученныя степени: доктора и магистра русскихъ университетовъ 8, кандидата русскихъ университетовъ — 6, инженеръ-технологъ — 14, окончившихъ курсъ русскихъ высшихъ учебныхъ заведеній — 23 и 1 окончившій курсъ общеобразовательнаго средняго учебнаго заведенія. Въ теченіе 1884 года въ составѣ служащихъ произошли слѣдующія перемѣны: выбыли — одинъ преподаватель и бібліотекарь, опредѣлены — профессоръ, два преподавателя и наблюдатель за учащимися, оставлены на службѣ на слѣдующія

часть сохл, отд. 4. 1

пяталѣтій—одинъ профессоръ и старшій наблюдатель за учащимися въ институтѣ.

Въ 1884 году учреждена въ институтѣ новая кафедра по химической технологіи, на которую опредѣленъ особый преподаватель. Въ программахъ и въ числѣ лекцій измѣненій не происходило. Значительно увеличившееся, сравнительно съ прежнимъ, число слушателей во II курсѣ вызвало увеличеніе числа лицъ, производящихъ репетиціи: признано было необходимымъ распространить на этотъ курсъ мѣру, примѣнившую уже къ I курсу, а именно, назначить помощниковъ профессорамъ, производящимъ репетиціи, при чемъ каждому такому помощнику время занятій по репетиціямъ положено вдвое меньшее, чѣмъ какое назначено для тѣхъ же занятій профессору. Увеличеніе числа слушателей въ III курсѣ химическаго отдѣленія вызвало въ 1884 году раздѣленіе ихъ для занятій архитектурнымъ проектированіемъ на двѣ группы, съ назначеніемъ особыхъ часовъ занятій для каждой группы. За сими преподаваніе положенныхъ по уставу института предметовъ происходило въ слѣдующемъ видѣ: въ I (общемъ) курсѣ: богословіе (историческій обзоръ христіанскихъ вѣроисповѣданій) слушателями православнаго исповѣданія—при двухъ лекціяхъ въ недѣлю; высшая математика (аналитическая геометрія, дифференціальное исчисленіе и начало интегральнаго)—при шести лекціяхъ; профессоръ производилъ слушателямъ и репетиціи по четыре часа еженедѣльно; начертательная геометрія—при трехъ лекціяхъ въ недѣлю и репетиціи по четыре часа еженедѣльно; физика (дополнительный курсъ общей физики)—при трехъ лекціяхъ и репетиціи по четыре часа еженедѣльно; химія неорганическая (металлоиды)—при трехъ лекціяхъ и репетиціи по четыре часа еженедѣльно; теоретическая механика—при четырехъ лекціяхъ и репетиціи по четыре часа еженедѣльно; черченіе линейное, съ распредѣленіемъ всѣхъ слушателей на шесть группъ—при шести часахъ въ недѣлю для каждой изъ пяти группъ и семи часахъ для шестой группы; рисованіе (орнаментовъ съ гипсовыхъ фигуръ), съ распредѣленіемъ слушателей на четыре группы—при четырехъ часахъ въ недѣлю для каждой группы. Во II курсѣ: интегральное исчисленіе (интегрированіе уравненій) и теоретическая механика на механическомъ отдѣленіи—при четырехъ лекціяхъ въ недѣлю и репетиціи по шести часовъ еженедѣльно; физика (о теплотѣ) на обоихъ отдѣленіяхъ—при трехъ лекціяхъ и репетиціи по три часа еженедѣльно; химія неорганическая (металлы) на обоихъ отдѣленіяхъ—при двухъ лекціяхъ и репетиціи

по три часа еженедѣльно; минералогія и геогнозія — при трехъ лекціяхъ въ недѣлю; сопротивленіе матеріаловъ и построение деталей машинъ, на обоихъ отдѣленіяхъ — при четырехъ лекціяхъ и репетиціи по три часа еженедѣльно; сверхъ того, въ механической лабораторіи производились опыты надъ прочностію строительныхъ матеріаловъ; прикладная механика (общій курсъ), на обоихъ отдѣленіяхъ — при четырехъ лекціяхъ и репетиціи по три часа еженедѣльно; строительное искусство, на обоихъ отдѣленіяхъ — по три лекціи въ теченіе втораго полугодія; въ первомъ полугодіи правильности преподаванія этого предмета сначала нарушена была болѣзненно преподавателя, а затѣмъ преподаваніе было временно прекращено за послѣдовавшею въ февралѣ смертію преподавателя; низшая геодезія, на обоихъ отдѣленіяхъ — при двухъ лекціяхъ въ недѣлю; архитектура, на обоихъ отдѣленіяхъ — при двухъ лекціяхъ въ недѣлю; преподавателю этого предмета поручено было и общее наблюденіе за преподаваніемъ орнаментнаго рисованія, архитектурнаго черченія и проектированія; черченіе частей механизмовъ, на обоихъ отдѣленіяхъ, съ распределеніемъ всѣхъ слушателей на четыре группы — при четырехъ часахъ въ недѣлю для каждой группы; черченіе архитектурное, на обоихъ отдѣленіяхъ, съ раздѣленіемъ слушателей на двѣ группы — при четырехъ часахъ въ недѣлю для каждой группы. Въ III курсѣ: а) на обоихъ отдѣленіяхъ: механическая теорія тепла — при четырехъ лекціяхъ въ недѣлю въ теченіе полугодія; технология металловъ (свойства и ртутная обработка металловъ) — при двухъ лекціяхъ въ недѣлю; строительное искусство — при трехъ лекціяхъ въ теченіе втораго полугодія; преподаваніе этого предмета на III курсѣ назначено съ сентября 1884 года, и только на одинъ учебный годъ, съ тѣмъ, чтобы доставить возможность прослушать полный курсъ строительнаго искусства учащимся, переведеннымъ изъ II курса, на которомъ во второй половинѣ 1883—1884 учебнаго года, по вышеизясненной причинѣ, чтеніе курса строительнаго искусства было прекращено; б) на механическомъ отдѣленіи: приложенія механической теоріи тепла къ термическимъ, а въ особенности къ паровымъ двигателямъ — при четырехъ лекціяхъ въ теченіе полугодія; теорія вѣроятностей — при одной лекціи въ недѣлю (необязательно для слушателей); устройство подъемныхъ машинъ — при одной лекціи въ недѣлю; графическая статика — то же; устройство паровыхъ котловъ — при двухъ лекціяхъ въ недѣлю; гидравлика и устройство гидравлическихъ двигателей — то же; устройство паровыхъ машинъ —

то же; устройство гидротехническихъ сооружений; преподаваніе этого предмета, нарушившееся въ началѣ 1884 года по причинѣ болѣзни преподавателя, за послѣдовавшею затѣмъ, какъ выше сказано, смертію его, прекратилось, и постановлено было преподавать этотъ предметъ съ 1884—1885 учебнаго года на IV курсѣ, при каковой переимѣнѣ представлялось возможнымъ учащимся въ институтѣ, переведеннымъ въ IV курсъ въ 1884 году, прослушать полный курсъ гидротехническихъ сооружений, а для переведенныхъ въ III курсъ — ввести на этомъ курсѣ въ 1884—1885 учебномъ году преподаваніе строительнаго искусства. Металлургія преподавалась при двухъ лекціяхъ въ недѣлю; проектированіе деталей машинъ и подъемныхъ механизмовъ — по восьми часовъ въ недѣлю каждымъ изъ трехъ преподавателей; проектированіе частей зданій и цѣльныхъ зданій — при восьми часахъ въ недѣлю однимъ преподавателемъ, который, кромѣ того, въ началѣ учебнаго года производилъ со слушателями осмотръ нѣкоторыхъ изъ строящихся въ Петербургѣ зданій; в) на химическомъ отдѣленіи: химія аналитическая преподавалась при двухъ лекціяхъ въ недѣлю; химія органическая — при трехъ лекціяхъ; технология минеральныхъ веществъ — при пяти лекціяхъ въ недѣлю однимъ профессоромъ, который, кромѣ того, производилъ со слушателями неоднократно осмотръ нѣкоторыхъ изъ химическихъ, а также Императорскихъ стекляннаго и фарфороваго заводовъ близъ Петербурга технология органическихъ веществъ (производство бумаги) преподавалась при одной лекціи въ недѣлю; анатомія и физиологія растений — при двухъ лекціяхъ однимъ профессоромъ, подъ руководствомъ котораго слушатели, распределенные на двѣ группы, по два часа въ недѣлю каждая, занимались упражненіями въ микроскопическихъ наблюденіяхъ; проектированіе частей зданій и цѣлыхъ зданій — при трехъ часахъ въ недѣлю для каждой изъ двухъ группъ слушателей однимъ преподавателемъ, который, кромѣ того, въ началѣ учебнаго года производилъ со слушателями осмотръ нѣкоторыхъ изъ строящихся въ Петербургѣ зданій; практическія занятія въ химической лабораторіи, по качественному анализу, подъ руководствомъ завѣдывающаго лабораторіей профессора, химика и лаборанта, происходили еженедѣльно два раза по три часа въ девъ и одинъ разъ полный день. Въ IV курсѣ: а) на обоихъ отдѣленіяхъ: электротехника (необязательно для слушателей) преподавалась при двухъ лекціяхъ однимъ профессоромъ, подъ руководствомъ котораго и при помощи преподавателя происходили практическія занятія въ физическомъ ка-

бинетъ; отопленіе и вентиляція—при двухъ лекціяхъ въ недѣлю; механическая технологія волокнистыхъ веществъ (необязательно для слушателей механическаго отдѣленія желѣзнодорожнаго отдѣла) — при четырехъ лекціяхъ въ недѣлю однимъ преподавателемъ, который, независимо отъ сего, производилъ со слушателями неоднократно осмотръ нѣкоторыхъ изъ прядильныхъ и ткацкихъ фабрикъ въ Петербургѣ; устройство мукомольныхъ мельницъ — при одной лекціи; устройство гидротехническихъ сооружений (преимущественно заводскихъ плотинъ), въ теченіе втораго полугодія—при двухъ лекціяхъ въ недѣлю; въ теченіе же перваго полугодія предметъ этотъ не излагался, вслѣдствіе болѣзни и затѣмъ смерти преподавателя; б) на механическомъ отдѣленіи: теорія упругости преподавалась при двухъ лекціяхъ въ недѣлю однимъ профессоромъ; строительная механика — при трехъ лекціяхъ; механическая технологія (литейное дѣло и машинная обработка металловъ) — при четырехъ лекціяхъ механической технологія (устройство заводскихъ машинъ и обработка дерева) — при четырехъ лекціяхъ въ недѣлю профессоромъ, который, кромѣ того, неоднократно производилъ со слушателями осмотръ нѣкоторыхъ механическихъ и желѣзодѣлательныхъ заводовъ въ Петербургѣ и вблизи онаго; теорія и устройство паровозовъ (необязательно для слушателей механическаго отдѣленія фабрично-заводскаго отдѣла)—при трехъ лекціяхъ въ недѣлю; проектированіе гидравлическихъ и паровыхъ двигателей—при шести часахъ занятій для каждой изъ трехъ группъ слушателей; практическія лѣтнія занятія переведенныхъ въ V курсъ слушателей происходили на механическихъ желѣзодѣлательныхъ и сталелитейныхъ, вагонномъ и паровозномъ заводахъ подъ руководствомъ профессора и преподавателя, а нѣкоторые слушатели фабрично-заводскаго отдѣла отправлены были въ теченіе лѣта для практическихъ занятій на прядильныя и ткацкія фабрики, лѣсопильныя и мукомольныя мельницы, и желѣзнодорожнаго отдѣла—на желѣзныя дороги; в) на химическомъ отдѣленіи: технологія органическихъ веществъ преподавалась при четырехъ лекціяхъ профессоромъ, который, независимо отъ сего, производилъ со слушателями осмотра стеариноваго, маслянаго, клееваренныхъ, мыловаренныхъ, кожевенныхъ и газовыхъ заводовъ въ Петербургѣ и его окрестностяхъ; технологія питательныхъ веществъ—при шести лекціяхъ въ недѣлю профессоромъ, производившимъ, сверхъ того, неоднократно осмотръ рафинадо-сахарнаго, пивоваренныхъ и дрожжевыхъ заводовъ, находящихся въ Петербургѣ; технологія красильныхъ веществъ и

красильное производство—при четырехъ лекціяхъ профессоромъ, который производилъ со слушателями осмотръ ситцевой фабрики близъ Петербурга; составленіе проектовъ заводовъ химическихъ, стеклян-ныхъ, керамическихъ — при трехъ часахъ въ недѣлю; практическія занятія въ химической лабораторіи по количественному анализу происходили, подъ руководствомъ завѣдывающаго лабораторіей профессора и его помощника, еженедѣльно два раза по три часа въ день и одинъ разъ полный день; практическія лѣтнія занятія переведенныхъ въ V курсъ слушателей происходили на заводахъ газовыхъ, кожевенныхъ, пивоваренныхъ, хмееваренныхъ и на писчебумажныхъ фабрикахъ въ Петербургѣ и окрестностяхъ его, а нѣкоторые слушатели, для практическихъ занятій отправлены были на ситцевыя фабрики, песочносahарные и сахарорафинадные заводы. Въ V курсѣ: а) на фабрично-заводскомъ отдѣлѣ механическаго отдѣленія: составленіе проектовъ заводовъ техническихъ и желѣзодѣлательныхъ, сталелитейныхъ, водопроводовъ и мукомольныхъ мельницъ происходило подъ руководствомъ двухъ профессоровъ, съ раздѣленіемъ слушателей на двѣ группы и при четырехъ часахъ въ недѣлю для каждой изъ нихъ, а также придильныхъ и ткацкихъ фабрикъ—при двухъ часахъ въ недѣлю; б) на желѣзнодорожномъ отдѣлѣ того же отдѣленія: составленіе паровозовъ происходило подъ руководствомъ профессора и двухъ преподавателей при двухъ часахъ въ недѣлю у каждаго; в) на обоихъ отдѣлахъ механическаго отдѣленія: составленіе проектовъ по строительной механикѣ происходило подъ руководствомъ профессора и преподавателя, съ раздѣленіемъ слушателей на двѣ группы и при пяти часахъ въ недѣлю для каждой; изученіе систематическаго курса слесарно-токарныхъ, кузнечныхъ и литейныхъ работъ и исполненіе цѣльныхъ механизмовъ слушателями механическаго отдѣленія въ механическихъ мастерскихъ института происходило подъ руководствомъ и наблюдениемъ завѣдывающаго этими мастерскими инспектора работъ и механика по четыре часа каждый день въ теченіе $\frac{2}{3}$ года и восьми часовъ въ день въ теченіе остальной трети года; г) на техническомъ отдѣленіи: составленіе проектовъ заводовъ газовыхъ, смологонныхъ, керосинныхъ, кожевенныхъ, фабрикъ писчебумажныхъ—подъ руководствомъ профессора, заводовъ пивоваренныхъ, винокуренныхъ, песочносahарныхъ, крахмальныхъ — подъ руководствомъ преподавателя, и фабрикъ красильныхъ, ситцевыхъ и отбѣльныхъ—подъ руководствомъ профессора происходило при трехъ часахъ въ недѣлю у каждаго; изученіе прак-

тическое нѣкоторыхъ производствъ въ технической лабораторіи, винокурнѣ и красильнѣ производилось подъ руководствомъ заведывающихъ этими учрежденіями четырехъ профессоровъ при неопредѣленномъ числѣ часовъ въ недѣлю. Сверхъ перечисленныхъ предметовъ, въ институтѣ преподавались, безъ приуроченія къ какому-либо опредѣленному курсу, три новѣйшіе иностранные языка: французскій, нѣмецкій и англійскій. Занятіе по этимъ языкамъ заключались въ чтеніи и переводахъ отрывковъ изъ замѣчательныхъ сочиненій иностранныхъ писателей, съ грамматическимъ разборомъ прочитаннаго. Въ этихъ занятіяхъ могли принимать участіе слушатели всѣхъ курсовъ института, при чемъ они были раздѣлены, по степени своихъ предварительныхъ знаній, на два класса, съ назначеніемъ для каждаго иностраннаго языка двухъ часовъ въ недѣлю. Среднимъ числомъ слушатели каждаго изъ 4-хъ первыхъ курсовъ института обязательно имѣли въ недѣлю по 20-ти лекцій и по 7-ми часовъ графическихъ занятій. Въ V курсѣ лекцій не читается, и занятія учащихся ограничиваются составленіемъ проектовъ и работами въ механическихъ и техническихъ мастерскихъ. Число учебныхъ дней въ году было 168 (не включая въ это число времени для экзаменовъ).

Нѣкоторые профессора, преподаватели и другіе служащіе, сверхъ служебныхъ обязанностей по институту, исполнили еще слѣдующіе ученые труды: профессоры: П. А. Афанасьевъ занимался экспериментальнымъ изученіемъ вопроса объ опредѣленіи усилія и его работы при образованіи стружекъ и напечаталъ въ Горномъ журналѣ относящуюся къ тому же вопросу статью; О. О. Вейльштейнъ напечаталъ первые два выпуска втораго, вполне передѣланнаго изданія своего полнаго руководства органической химіи (*Handbuch der organischen Chemie*); Б. Т. Вылежинскій а) произвелъ изслѣдованія надъ силою свѣта регенеративныхъ газовыхъ горѣлокъ Сименса при посредствѣ фотометра съ особымъ, имъ придуманнымъ, приспособленіемъ для измѣренія очень сильныхъ источниковъ свѣта въ небольшихъ сравнительно помѣщеніяхъ, результаты каковыхъ изслѣдованій были напечатаны въ Запискахъ русскаго технического общества; б) занялся, по приглашенію инспектора пограничной стражи, испытаніемъ кожаннаго товара и выясненіемъ признаковъ доброкачественности и условій пригодности нѣкоторыхъ сортовъ этого товара на выдѣлку сѣделъ; в) осмотрѣлъ эксплуатацію нефтяныхъ источниковъ Рунгурской слободы и заводы въ Коломеѣ и Печенежинѣ въ Австріи, вырабатывающіе изъ нефти освѣтительныя и смачивныя

масла, и г) составлялъ курсъ технологіи органическихъ веществъ; И. А. Евневичъ подготавливалъ къ печати статью подъ заглавіемъ: „Опытъ установленія основныхъ началъ кинематики капельной жидкости“; Н. П. Ильинъ, по званію члена совѣта торговли и мануфактуръ и особаго присутствія при департаментѣ таможенныхъ сборовъ, разсматривалъ и давалъ заключенія по вопросамъ, относящимся къ выдачѣ привилегій и къ тарифному примѣненію ввозныхъ товаровъ; В. Л. Кирпичевъ написалъ статью „Машиностроеніе въ Россіи“, напечатанную въ журналѣ Вѣстникъ промышленности; А. К. Круускій помѣстилъ въ Вѣстникъ промышленности слѣдующія статьи: а) о стекольныхъ заводахъ сѣверной группы, б) новый нафометръ, в) снарядъ для методическаго выщелачиванія шерсти водою и г) о горѣніи мелкораздробленныхъ горючихъ тѣлъ и о скоростяхъ взрывовъ; Р. Э. Ленцъ напечаталъ „Etudes électrometrologiques № 3“ и помѣстилъ: въ Извѣстіяхъ Технологическаго института—„Электрометрологическія изслѣдованія“ и въ Bulletin de l'Académie des sciences de St.-Petersbourg — „Ueber die Anwendung des Telephons zu Temperaturmessungen“; Н. П. Петровъ занимался экспериментальнымъ изслѣдованіемъ вопроса о треніи жидкостей и о треніи хорошо смазанныхъ частей машинъ; Н. И. Тавилдаровъ подготавливалъ къ печати учебникъ химической технологіи сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Преподаватели: В. И. Альбицкій занимался печатаніемъ 2-го изданія составленныхъ имъ двухъ брошюръ „Вышія учебныя заведенія Россіи“ и „Испытанія зрѣлости“ и подготавливалъ къ печати статью подъ заглавіемъ „Опредѣленіе условий, при которыхъ уравненіе 2-й степени съ двумя переменными изображаетъ двѣ прямыя линіи“; В. В. Бекъ продолжалъ заниматься составленіемъ нѣмецко-русскаго словаря техническихъ терминовъ, употребляемыхъ въ горномъ и заводскомъ дѣлѣ; А. В. Григорьевъ редактировалъ Извѣстія Русскаго Географическаго Общества; М. Н. Демьяновъ помѣстилъ въ Вѣстникъ промышленности статьи: „Замѣтка о заводскихъ кирпичныхъ дымовыхъ трубахъ“ и „Нѣсколько соображеній о паровомъ котлѣ“; Н. А. Гюсса напечаталъ статью: въ Горномъ журналѣ — „Выплавка серебра, свинца и мѣди на алтайскихъ заводахъ“ и въ Запискахъ Русскаго Техническаго общества — „Извлеченіе серебра и золота мокрымъ путемъ изъ мѣдныхъ рудъ, купферштейновъ и черной мѣди“; А. А. Курбатовъ занимался изслѣдованіемъ кавкаской нефти; Н. И. Макаровъ подготавливалъ къ печати одинъ изъ отдѣловъ приложенія начертатель-

ной геометріи, а именно—теорію клинографическаго проектированія; Б. Д. Рожанскій подготовилъ для напечатанія въ журналѣ Зодчій описаніе различныхъ зданій, преимущественно больницъ и тюремъ, осмотрѣнныхъ имъ во время путешествія по Америкѣ; А. М. Самусъ помѣстилъ въ Вѣстникъ промышленности статьи: „Приготовление мѣдной посуды“ и „Соединительная муфта новой конструкціи“; Д. Д. Соколовъ составилъ проекты паровой прачешной и дезинфекціонныхъ камеръ для нѣсколькихъ петербургскихъ больницъ и приступилъ къ исполненію нѣкоторыхъ изъ этихъ проектовъ; занимался ностройкою зданія для дѣтскаго пріюта, составилъ проектъ расширенія богадѣльни и пріюта Знаменскаго благотворительнаго общества и напечаталъ техническое описаніе Александровской больницы; Шапошниковъ занимался составленіемъ проектовъ памятника мѣнувшей турецкой войны и памятника графу Тотлебену, составилъ два проекта каменной церкви и производилъ работы въ Ораниенбаумѣ по передѣлкѣ дачи и постройкѣ птичьяго двора. Лаборантъ Л. П. Явейнъ занимался изслѣдованіемъ фтористыхъ производныхъ углеводовъ жирнаго и ароматическаго рядовъ и составлялъ для Журнала Русскаго Химическаго Общества рефераты о работахъ заграничныхъ химическихъ лабораторій.

Къ 1-му январю 1884 года въ институтѣ находилось 676 слушателей; въ точности 1884 года вновь поступило 204 (изъ I курса 177, изъ остальныхъ курсовъ: по химическому отдѣленію 8, по механическому 19); въ теченіе года выбыло 175 (окончившихъ курсъ: съ дипломомъ) инженеръ-технолога 53, съ дипломомъ технолога 45, выбывшихъ по разнымъ причинамъ до окончанія курса 77); затѣмъ къ 1-му январю 1885 года состояло 705, которые распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: а) по курсамъ: на I курсѣ 170, на II—171 (по механическому отдѣленію 111, по химическому 60), на III—158 (по механическому отдѣленію 94, по химическому 64), на IV — 134 (по механическому отдѣленію 99, по химическому 35), на V курсѣ — 72 (по механическому отдѣленію 53, по химическому 19); б) по отдѣленіямъ: на химическомъ отдѣленіи — 178, на механическомъ — 357, въ I (общемъ) курсѣ—170; в) по вѣроисповѣданіямъ: православнаго 414, старообрядцевъ 2, армяно-григоріанскаго 20, римско-католическаго 179, лютеранскаго 25, реформатскаго 3, іудейскаго 61, магометанскаго 1; г) по сословіямъ: дворянъ 210, штабъ—и оберъ-офицерскихъ дѣтей 144, потомственныхъ почетныхъ гражданъ 29, почетныхъ гражданъ 13, сыновей священно-и церковнослужителей 30, купеческихъ дѣтей

53, мѣщанъ 144, крестьянъ 34, иностранцевъ 11, разночинцевъ 37; д) по предварительному образованію: окончившихъ полный курсъ: въ университетахъ 27, въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ 1, въ классическихъ гимназіяхъ съ аттестатомъ зрѣлости 34, въ реальныхъ училищахъ съ дополнительнымъ классомъ 385, въ реальныхъ гимназіяхъ и училищахъ безъ дополнительнаго класса 2, въ военно-учебныхъ заведеніяхъ 27, въ коммерческихъ училищахъ 8, въ прочихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ 18, представившихъ свидѣтельства классическихъ гимназій о знаніи классическаго курса безъ древнихъ языковъ — 2, представившихъ свидѣтельства гимназій и училищъ о знаніи гимназическаго курса — 1. Изъ числа слушателей, состоявшихъ къ 1-му января 1884 года, удостоены перевода въ высшіе курсы: изъ I по II курсъ 146, изъ II въ III—115, изъ III въ IV—106, изъ IV въ V—60. Въ числѣ состоявшихъ къ 1-му января 1885 года 705 слушателей было: казенныхъ стипендіатовъ 108, неплатящихъ стипендіатовъ разныхъ вѣдомствъ 12, бесплатныхъ постоянныхъ слушателей 91, платящихъ стипендіатовъ разныхъ вѣдомствъ 31, платящихъ постоянныхъ слушателей 463. Размѣръ производившихся стипендій — отъ 65 рублей до 600 рублей въ годъ включительно. Изъ числа слушателей, бывшихъ къ 1-му января 1884 года и вновь поступившихъ, освобождены были отъ платы за право слушанія лекцій 75, лишены этой льготы 21, зачислены въ стипендіаты 74, исключены изъ стипендіатовъ 26. Единновременныхъ пособій выдано было изъ остатка отъ стипендій 193-мъ слушателямъ 6,680 рублей.—Въ порядкѣ учебныхъ занятій ушущенія со стороны слушателей относились, какъ и въ прежніе годы, къ посѣщенію лекцій; графическими же и практическими въ лабораторіи и мастерскихъ работами они занимались усердно. Слушателямъ, недостаточно-исправно исполнявшимъ обязательныя занятія, дѣлались должныя внушенія, но учебный комитетъ въ одномъ случаѣ призналъ нужнымъ принять строгую мѣру взыскаія: одинъ слушатель химическаго отдѣленія III курса, за весьма предосудительный проступокъ, совершенный внѣ стѣнъ института, былъ уволенъ изъ заведенія. — Въ 1884 году не было присуждено ни одной изъ двухъ учрежденныхъ при институтѣ золотыхъ медалей, по случаю непредставленія проектовъ на ихъ соисканіе.—Изъ числа окончившихъ въ томъ году курсъ слушателей Иванъ Облапохинъ, механическаго отдѣленія, и Александръ Ворцовъ, химическаго отдѣленія, удостоены были занесенія ихъ именъ на мраморную доску института.

Денежныя средства института въ 1884 году находились въ слѣ-

дующемъ положеніи: Штатныхъ суммъ отпущено изъ государственнаго казначейства на содержаніе института 257,729 рублей 50 копѣекъ. Спеціальныя средства: а) неприкосновеннаго капитала, составлявшагося изъ суммъ, пожерованныхъ разными лицами на учрежденіе стипендій 127,450 рублей, б) оборотнаго капитала 21,450 рублей 80 копѣекъ, в) процентовъ съ принадлежащихъ институту капиталовъ 6,565 рублей, г) платы за слушаніе лекцій съ постоянныхъ слушателей 25,850 рублей, д) пожертвованій на учрежденіе стипендій 5,000 рублей, е) суммъ отъ разныхъ учреждений на выдачу стипендій и пособій слушателямъ института 5,061 рубль 2 копѣйки, всего институтъ имѣлъ 449,406 рублей 32 копѣйки. Изъ этой суммы израсходовано въ теченіе года на все содержаніе института 267,744 рубля 12 копѣекъ; затѣмъ къ 1-му января 1885 года оставалось: неприкосновеннаго капитала 132,950 рублей и оборотнаго—20,657 рублей 42 копѣйки.

Нѣкоторыя изъ учебно-вспомогательныхъ учреждений института въ теченіе 1884 года обогатились новыми немаловажными приращеніями, а помѣщенія другихъ получили устройство, болѣе отвѣчающее современнымъ научнымъ требованіямъ. Такъ, для институтской библіотеки приобретены достававшіе въ ней 56 томовъ известнаго математическаго журнала „Crelle's Journal für die reine und angewandte Mathematik“, и принесенъ въ даръ проектъ устройства водостоковъ въ Петербургѣ, составленный англійскимъ инженеромъ Линдлеемъ. Музей института для разищенія коллекцій получилъ пять весьма цѣнныхъ шкاپовъ съ зеркальными стеклами, передѣланными изъ витринъ, бывшихъ на выставкахъ, и по окончаніи оныхъ присланными экспонентами въ даръ институту, а также пополнился гидроскопами разныхъ системъ. Въ химической лабораторіи болѣе цѣнныя приобретения составляютъ металлическій экстракціонный приборъ, дигесторъ Мюнке, фильтр-прессъ и спектрофотометръ. Въ помѣщеніи физическаго кабинета установленъ гавометръ Отто и Лангсена въ пять паровыхъ силъ и приобретены выпиской изъ Лондона вольтметръ и амперометръ Эртона, нормальный омъ В. А., ртутный насосъ Гагенъ-Пелая, а въ мастерской при физическомъ кабинетѣ изготовленъ нормальный масштабъ, который былъ провѣренъ въ Парижѣ въ международномъ бюро, три эталона гавваническаго сопротивленія и реостатъ для измѣренія сопротивленій. Въ механическихъ мастерскихъ переиѣщенъ въ башню машиннаго дома водяной бакъ, снабжающій водой изъ рѣки Фонтанки какъ паровой котель и холодильникъ паровой

машинъ, такъ и всѣ зданія института. Въ сушильномъ помѣщеніи зданія пароваго котла, приспособленномъ подѣ особое отдѣленіе технической лабораторіи, установлены двѣ реторты: желѣзная—для сухой перегонки дерева, и чугунная — для сухой перегонки торфа, бураго угля и смолистыхъ сланцевъ, съ соответственными приспособленіями для управления огнемъ, и отражательно-муфельная печь съ сушильною камерою, нагрѣваемой продуктами горѣнія, удаляющимися изъ печей. Въ существовавшемъ же отдѣленіи технической лабораторіи сдѣлано новое приспособленіе, дающее возможность при небольшихъ размѣрахъ помѣщенія вѣдѣрять источники свѣта силою до 900 свѣчей. Для винокурни приобретены холодильники Паукина для заторовъ и установлены брагонивѣрительные приборы Сименса и Пинча, доставленные департаментомъ неокладныхъ сборовъ для испытанія ихъ пригодности на винокуренныхъ заводахъ.

II.

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ ГИМНАЗІЯ ВЪ КОРОЧѢ.

Открытие ея новаго зданія и освященіе Кирилло-Меѳодіевской при немъ церкви.

8-го іюня 1882 года Высочайше утверждено положеніе о преобразованіи Александровской прогимназіи въ Корочѣ въ полную классическую гимназію на счетъ казны, при чемъ мѣстное земство, ходатайствовавшее объ этомъ преобразованіи, обязалось употребить 30 тысячъ на пристройку и приспособленіе зданія бывшаго уѣзднаго училища, въ которомъ помѣщалась прогимназія, къ помѣщенію полной гимназіи. Но отъ первоначальнаго проекта своего о расширеніи зданія прогимназіи для цѣлей гимназіи мѣстное земство отказалось: по нѣмъ споснаго помѣщенія для земскихъ учреждений и находя, что зданіе бывшаго уѣзднаго училища вполне достаточно для помѣщенія этихъ учреждений, земство пришло къ мысли воспользоваться зданіемъ прогимназіи для своихъ надобностей, для гимназіи же перестроить и приспособить приобретенную отъ городского общества усадьбу съ старымъ и длиннымъ зданіемъ винныхъ подваловъ. Такъ какъ зданіе это каменное, весьма длинное, по видимому, крѣпкое, въ полтора этажа вышиною, то земство разчитывало на ассигнованія имъ для

расширенія прогимназіи 30 тысячъ приспособить этотъ сарай къ гимназіи, въ предположеніи, что достаточно для того поднять стѣны на полъ-этажа, пробить оконныя отверстія, прибавить съ боковъ крылья и сдѣлать потолки и полы.

Архитекторъ Харьковскаго учебнаго округа, приглашенный для составленія плана расширенія помѣщенія прогимназіи подъ гимназію, по просьбѣ земства, составилъ не только этотъ планъ, но и планъ перестройки винныхъ подваловъ подъ гимназію. Когда оба плана въ принципѣ были одобрены мѣстнымъ окружнымъ начальствомъ, земство поспу 1883 года приступило къ перестройкѣ винныхъ подваловъ для помѣщенія гимназіи, возбудивъ въ то же время ходатайство объ уступкѣ въ вѣдѣніе земства зданія бывшаго уѣднаго училища, по сдачѣ новаго зданія гимназіи въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, на что и послѣдовало 27-го марта 1884 года Высочайшее разрѣшеніе.

Приступивъ къ перестройкѣ винныхъ подваловъ, земская строительная коммиссія сняла крышу съ этого зданія, и тогда оказалось, что верхняя половина стѣны сарая построена лишь въ 1¹/₂ кирпича, и что, слѣдовательно, эту часть стѣны слѣдуетъ снять, чтобы начать потомъ дальнѣйшую до высоты 2 этажей кладку стѣны. Къ спятію этой части стѣны приступлено было посредствомъ подсѣчки и свалки помощію канатовъ. Когда была подсѣчена стѣна на столько, что лишь тонкій слой удерживалъ верхнюю часть, то несмотря на усилія рабочихъ, тянувшихъ канаты, носѣчная часть не подавалась и не падала. Когда же нѣсколько рабочихъ, по приказу подрядчика, стали еще подсѣкать, то стѣна вдругъ рухнула, послѣ чего оказалось, что и нижняя часть стѣны растрескалась въ нѣсколькихъ мѣстахъ, обнаруживъ тѣмъ самымъ полную негодность всего зданія. Послѣдствіе того, строительная коммиссія увидѣла себя вынужденною внести въ земское собраніе вопросъ о присвоиваніи къ прежнимъ 30 тысячамъ еще не менѣе 10 тысячъ для постройки по тому же плану новаго зданія. Собраніе разрѣшило на первый разъ прибавить къ прежней суммѣ просимыя 10 тысячъ ¹⁾). Въ маѣ 1883 года совершилась закладка зданія съ церковію во имя св. первоучителей Кирилла и Мефодія, и съ тѣхъ поръ постройка шла безостановочно.

¹⁾ Вслѣдствіи земское собраніе разрѣшало еще нѣсколько новыхъ присвоиваній.

Къ зикъ того же года зданіе не только возведено до должной высоты, но и покрыто желѣзомъ. Лѣтомъ же 1884 года приступлено было къ укладкѣ половъ, потолковъ, устройству печей, дверей и рамъ и штукатуркѣ стѣнъ, такъ что въ сентябрѣ даже полы, окна и двери были покрашены. Въ октябрѣ предполагалось даже перевести гимназію въ новое помѣщеніе, но такъ какъ не былъ готовъ иконостасъ гимназической церкви, и только что оконченная внутренняя штукатурка грозила зимой сыростью, то перемѣщеніе гимназіи было отсрочено до будущей весны. Зданіе гимназіи строилось хозяйственнымъ способомъ подъ наблюдениемъ строительной комиссіи и въ особенности ея предсѣдателя, г. Шестокина; оупъ неутомимо слѣдилъ лично за всѣмъ ходомъ постройки, при участіи мѣстнаго окружнаго архитектора, г. Ткаченка, который по временамъ вызывался земствомъ для сообщенія своихъ замѣчаній и указаній по поводу постройки. Къ веснѣ текущаго года церковь была вполне окончена; оставалось лишь сдѣлать необходимыя надворныя постройки, расширить дворъ и тротуаръ предъ домомъ и обнести усадьбу огородной, почему еще въ мартѣ комиссія обратилась къ г. попечителю округа съ просьбой о разрѣшеніи сдать готовыя два зданія по свидѣтельствуваніи архитекторомъ и хозяйственнымъ комитетомъ Корочанской гимназіи къ 6-му мая, когда предполагено было освятить не только зданіе, но и достроенную при ней церковь. 26-го апрѣля новое зданіе было принято въ присутствіи архитектора хозяйственнымъ комитетомъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, а старое зданіе бывшаго уѣднаго училища передано въ пользованіе Корочанскаго земства. Время отъ 1-го до 4-го мая было употреблено, безъ прекращенія, впрочемъ, уроковъ, на перевозку имущества гимназіи въ новое помѣщеніе, а 4-го числа въ субботу, по окончаніи уроковъ, Корочанская гимназія разсталась съ прежнимъ невзрачнымъ помѣщеніемъ, когда послѣднія вещи, карты и ученическія доски были перевезены и размѣщены по классамъ. 5-го числа, во время первой всенощной, служившей въ еще не освященной церкви, прибылъ въ Корочу г. попечитель округа, т. с. Воронцовъ-Вельяминовъ. Остановясь въ своей квартирѣ, оупъ приказалъ встрѣтившему его директору Корочанской гимназіи, чтобы 6-го числа, въ 9-ти часамъ утра, воспитанники гимназіи, вмѣстѣ съ своими классными наставниками, собрались по классамъ. Въ назначенный часъ 6-го числа г. попечитель прибылъ въ гимназію. Въ теченіе часа осматривъ всѣ классы, ознакомясь съ преподавателями и воспита-

никами и произведя при этомъ во многихъ классахъ краткій экзаменъ ученикамъ, г. попечитель, въ сопровожденіи директора, ровно въ 10 часовъ, какъ было назначено въ пригласительныхъ на освященіе церкви билетахъ, пошелъ въ церковь, куда вмѣстѣ были введены и въ порядкѣ построены воспитанники въ полномъ составѣ (230 учен.) и гдѣ уже собралась приглашенная по билетамъ довольно многочисленная публика. Вслѣдъ за симъ началась торжественная церемонія освященія новаго Кирилло-Меодіевскаго храма 4-мя мѣстными священниками. Стройное пѣніе гимназическаго хора какъ во время освященія храма, такъ и слѣдовавшихъ за нимъ литургій и благодарственного молебна по случаю дня рожденія Его Императорскаго Высочества, Государя Наслѣдника Цесаревича удостоилось полнаго одобренія со стороны г. попечителя. По окончаніи службы г. попечитель, педагогическій составъ гимназіи и публика были приглашены къ завтраку, за которымъ первый тостъ былъ провозглашенъ г. Шетохинымъ за Его Величество Государя Императора, тезоименитствующаго и Корочанскую гимназію. Громогласное „ура“ было отвѣтомъ на этотъ тостъ. За симъ г. попечитель провозгласилъ тостъ за г. министра народнаго просвѣщенія, которому и была отправлена отъ имени попечителя, предводителя, директора и публики телеграмма съ изъявленіемъ благодарности за ходатайство о преобразованіи Корочанской прогимназіи въ полную гимназію. Г. министръ на слѣдующій день отвѣчалъ въ сихъ выраженіяхъ: „Благодарю васъ, предводителя директора и всѣхъ присутствующихъ за добрую память“. Вечеромъ того же 6-го числа на обѣдѣ, устроенномъ земскими дѣятелями для особо приглашенныхъ лицъ, г. попечитель, провозглашая тостъ за предводителя Шетохана, сказалъ рѣчь приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Недавно я имѣлъ счастье присутствовать на торжествѣ харьковскаго дворянства по случаю столѣтняго юбилея жалованной дворянамъ грамоты; принадлежа я самъ къ одному изъ старѣйшихъ русскихъ дворянскихъ родовъ, я имѣлъ счастье высказать, что русское дворянство, стоя всегда на стражѣ русскаго престола и отечества и подавая собою примѣръ на всѣхъ путяхъ государственной жизни, на нашей же памяти не только добровольно отказалось отъ своихъ правъ на личность русскаго крестьянина, но и первое приложило свои заботы о народномъ образованіи, разливая свѣтъ русской грамоты въ духѣ православія среди хотя отдѣлившагося отъ него, но тѣмъ не менѣе остающагося для него дорогимъ, крестьянскаго сословія. Въ настоящемъ случаѣ могу засвидѣтельствовать, что

корочанское дворянство въ лицѣ своего уважаемаго предводителя, І. Ѳ. Шетохина, при просвѣщенномъ содѣйствіи и матеріальномъ участіи корочанскаго земства, не только приняло къ сердцу наравнѣ съ прочими интересы народнаго образованія, но и приобщило, такъ-сказать, крестьянское сословіе къ своимъ правамъ и привилегіямъ устройствомъ гимназій, сдѣлавъ для нихъ доступнымъ и подручнымъ среднее классическое образованіе, которое составляетъ преддверіе къ образованію высшему, университетскому. Но я просилъ бы корочанское дворянство и земство не ограничивать этимъ и не оставлять на подорогѣ заботы объ образованіи крестьянъ. По окончаніи гимназическаго курса молодой человѣкъ изъ крестьянъ, съ способностями и стремленіемъ закончить свое образованіе въ университетѣ, въ то же время лишень всякихъ матеріальныхъ средствъ для продолженія этого образованія. Предоставить его собственнымъ силамъ, заставить его пробиваться невѣрными и случайными уроками въ теченіе университетскаго курса значило бы обречь его на вѣчное скитаніе по частнымъ домамъ съ частыми матеріальными затрудненіями въ ущербъ примыхъ занятій наукой и даже съ печальною перспективой не окончить университетскаго курса и увести съ собою за порогъ университета недовольство и, можетъ быть, враждебное чувство. И потому корочанское земство и дворянство только тогда, по моему мнѣнію, исполнить принятую на себя задачу по устройству гимназій и распространенію классическаго образованія, когда поставятъ своимъ долгомъ обезпечить и за порогомъ гимназій всѣхъ крестьянъ, окончившихъ въ Корочѣ курсъ, выдавая имъ достаточную на содержаніе и уплату за слушаніе лекцій стипендіи въ теченіе всего университетскаго курса*.

7-го числа на другой день торжества открылись въ новомъ зданіи классы. Въ 11 часовъ утра г. попечитель, посѣтивъ приходское училище и женскую прогимназію, прибылъ вновь въ гимназію на рензію, присутствовалъ на урокахъ латинскаго языка, математики и физики, обрѣмывалъ физическій кабинетъ, бібліотеку и канцелярію, послѣ чего уже въ 3 часа отбылъ совсѣмъ изъ гимназій, обратясь на прощаніе къ собравшимся въ учительской комнатѣ преподавателямъ съ слѣдующею рѣчью: „Изъ моихъ личныхъ наблюденій, а равно изъ доклада мнѣ и отзывомъ г. директора я выношу отъ васъ пріятное впечатлѣніе. Благодарю васъ за ваши труды и успѣшное прохожденіе вашихъ занятій. Надѣюсь, что впредь вы приложите еще болѣе вашихъ стараній и попечетесь, чтобы классическое образованіе и дѣло воспитанія шло въ вашей гимназій правильнымъ путемъ

и на должной высотѣ. Но, благодаря вамъ, гг., прошу объ одномъ: ради Бога, будьте внимательнѣе и требовательнѣе при переводахъ учениковъ, особенно въ старшихъ классахъ. Я не отношу это только къ вашей гимназій, но вообще профессора жалуются, что въ университетъ нерѣдко поступаютъ молодые люди, мало развитые и плохо подготовленные къ слушанію лекцій. А это и происходитъ главнымъ образомъ отъ снисходительнаго перевода изъ класса въ классъ. Когда же ученика слабого доведутъ по излишней снисходительности до старшаго класса, то естественно становится жаль такого юношу, свышшагося съ мыслью о близкомъ окончаніи курса, лишитъ аттестата зрѣлости. Не давайте же никому ходу въ старшіе классы, не убѣдившись въ достаточной подготовленности къ прохожденію курса слѣдующаго класса, и переводите въ высшіе классы съ особеннымъ разборомъ, требовательностію и строгостію^а.

Новое зданіе Корочанской гимназій находится на Покровской улицѣ вдали отъ центра, на окраинѣ города, на возвышенномъ мѣстѣ, среди садовъ, окружающихъ гимназическую усадьбу, въ здоровой и безопасной отъ пожаровъ мѣстности. Усадьба гимназій занимаетъ 1 десятину 2,144 квадратныхъ сажени. Мѣсто это, вмѣстѣ съ разрушеннымъ на пемъ каменнымъ строеніемъ бывшихъ липныхъ подваловъ, приобретено земствомъ отъ городского общества за 4,000 рублей. Главный корпусъ зданія двухэтажный, вышиной отъ земли до крыши $4\frac{1}{2}$ сажени. Зданіе главнымъ фасадомъ обращено во дворъ, длиною $26\frac{1}{3}$ сажени, шириной $5\frac{2}{3}$ сажени; къ нему пристроены съ боковъ въ одну связь два крыла, одно на улицу, другое во дворъ, длиною каждое по $8\frac{1}{3}$ сажени, но шириной первое $7\frac{1}{2}$ сажени, а второе $5\frac{1}{2}$ сажени; слѣдовательно, фасадъ зданія на улицу простирается на 14 сажень; между крыльями стоятъ одноэтажная каменная пристройка для раздѣванія учениковъ (вестибулы), $5\frac{1}{2}$ сажени длиною и $3\frac{2}{3}$ сажени шириною; съ заднедворовой стороны сплошная пристройка въ 2 этажа для ретиратовъ, отопляемыхъ виною. Помѣщеніе нижняго этажа: 4 квартиры (директора, инспектора и двухъ помощниковъ классныхъ наставниковъ), кромѣ того, 3 класса на 40 человекъ и гимнастическій залъ на 70 человекъ; къ этимъ классамъ и залу примыкаетъ корридоръ, длиною $17\frac{1}{2}$ сажени и 4 аршина шириною, изъ середины котораго, съ одной стороны, открываются вестибулы, а съ другой—широкая ученическая лѣстница, ведущая въ верхній этажъ; другой ходъ въ верхній этажъ—парадный съ улицы, между квартирами директора и инспектора; эта лѣстница желѣзная. отло-

часть сокл, отд. 4.

гая и очень широкая, съ чугунною балюстрадой и перилами; къ площадкѣ параднаго хода примыкають, съ одной стороны, канцелярія, библіотека и учительская комната, съ другой—актовый зала, длиной 22 аршина и шириной 16 аршинъ, при ней въ формѣ фонаря выступъ для алтара шириною 6 арш. и длиной 8 аршинъ; иконостасъ, отдѣляющій алтарь отъ актовой залы, служащей во время богослуженія храмомъ, вѣ службы закрывается рѣшетчатыми деревянными воротами, на внутренней сторонѣ составляющими продолженіе иконостаса на полотнѣ, а на виѣшней—красиво драпированными краснымъ сукномъ съ выдвигающимся на средину драпировки по закрытіи воротъ портретомъ Государя Императора во весь ростъ въ золотой рамѣ; изъ залы съ боковой стороны дверь въ корридоръ верхняго этажа той же длины и ширины, какъ и въ нижнемъ; чрезъ эту дверь ученики входятъ изъ корридора въ церковь къ богослуженію; къ этому же корридору съ главнаго фасада примыкаютъ пять классовъ, и въ концѣ его съ задняго крыла огромный классъ приготовительный и физическій кабинетъ. Падворныя постройки весьма незначительны: онѣ состоятъ изъ служительскаго въ 2 комнаты деревяннаго флигеля, досчатыхъ сарая и конюшни и весьма небольшого плетневаго подъ соломой съ глиной сарая. Вообще дворовыя постройки далеко не соотвѣтствуютъ обширности главнаго корпуса гимназін и потребностямъ устроенныхъ въ немъ четырехъ квартиръ. Но за то главное зданіе, по своей обширности, приспособленности и снабженное, кромѣ того, церковью, не оставило бы желать ничего лучшаго, еслибы фундаментъ нижняго этажа не былъ такъ низокъ, что полъ этого этажа ниже поверхности земли на дворѣ. Земствомъ израсходовано на постройку зданія и дворовыхъ пристроекъ, считая въ томъ числѣ стоимость иконостаса, церковной утвари и мебели на сумму 3256 р. и прибрѣтеніе мѣста за 4 тысячи, невступно 54 тысячи.

О ДАТЕЛЬНОМЪ ПАДЕЖЪ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА ВЪ ГРЕЧЕСКОМЪ ЯЗЫКЪ.

Обширности синтаксического употребленія, въ греческомъ языкѣ, дательнаго падежа, совмѣстившаго въ себѣ функціи какъ собственно дательнаго, такъ и потерявшихъ свою самостоятельность падежей мѣстнаго (*locativus*) и оруднаго (*instrumentalis*), соответствуетъ наибольшее разнообразіе окончаній его въ множественномъ числѣ, сумма которыхъ, если принять во вниманіе всѣ діалекты греческаго языка и не стѣсняться какими-либо хронологическими рамками, доходитъ до 14, такъ какъ, кромѣ наиболее распространенныхъ окончаній *οις, αις, οι, αι*, мы находимъ еще слѣдующія 11: *οισι, αισι, τισι, ης, ασι, ησι, ισι, κσι, ωσι, εσι, ουσι*. Вопросъ о томъ, нельзя ли это разнообразіе привести къ одному источнику, изъ котораго можно было бы, съ большею или меньшею дозою вѣроятности, объяснить всѣ сохранившіеся въ дошедшихъ до насъ памятникахъ греческаго языка формы *dativi pluralis*, съ давнихъ поръ останавливала на себѣ вниманіе ученыхъ, но къ сожалѣнію, не смотря на изрядное количество высказанныхъ до сихъ поръ мнѣній и предположеній о происхожденіи различныхъ окончаній греческаго *dativi pluralis*, вопросъ этотъ и по настоящее время остается открытымъ. Длинный рядъ спорадическихъ замѣтокъ и отдѣльныхъ монографій, посвященныхъ рѣшенію нашего вопроса, начинается съ попытокъ древнихъ грамматиковъ объяснить нѣкоторыя изъ занимавшихъ ихъ формъ *dativi pluralis* при помощи излюбленныхъ ими теорій о *παράχτασις, παράθεσις, πλєωνασμός* и т. п., — теорій, которыя представляли въ ихъ рукахъ могущественное оружіе, сокрушавшее безпомощно всѣ возникавшія предъ ними сомнѣнія и недоумѣнія. Разумѣется, съ точки зрѣнія современной намъ науки ихъ объясненія не выдерживаютъ ни малѣйшей критики и научнаго интереса для насъ имѣть не могутъ, а имѣютъ, пожалуй, значеніе

только для историческаго обзора мѣстной по данному вопросу. Переходною ступеню отъ этихъ совершенно незрѣлыхъ попытокъ къ болѣе научному анализу формъ *dativi pluralis* служатъ замѣтки грамматиконъ начала нынѣшняго столѣтія, напримѣръ, Тириша, который старается, хотя и невѣрно, вывести различныя формы дательнаго падежа множественнаго числа изъ предполагаемаго имъ первоначальнаго суффикса *сѣiv* (Gr. Gr.⁴ p. 167). Со времени же Боуна монографія, посвященная нашему вопросу, носящая на себѣ вполне научный характеръ, благодаря успѣхамъ сравнительнаго языкознанія, дальнаго, вмѣстѣ съ новыми методами, массу новаго матеріала. Изъ обильной литературы по вопросу о дательномъ падежѣ укажемъ здѣсь лишь на двѣ выдающіяся статьи изъ извѣстныхъ намъ до сихъ поръ, оставивши указанія на другія для послѣдующихъ страницъ, именно на статью Герланда: „Ueber den Dativ pluralis des altgriechischen“, помѣщенную въ Куновомъ журналѣ т. IX p. 36 sqq., и въ особенности на блестящее по остроумію учености разсужденіе Острофа: „Die bildung des loc. plur. im indogermanischen und verwandtes“, появившееся во 2-мъ томѣ издаваемыхъ имъ же, вмѣстѣ съ Бругманомъ, „Morphologische Untersuchungen“ (p. 1—76). Принимая во вниманіе все, что до сихъ поръ написано о греческомъ *dativus pluralis*, можно придти только къ одному выводу, справедливость котораго врядъ ли кто станетъ оспаривать въ настоящее время, а именно, что въ суффиксѣ этого падежа заключается суффиксъ мѣстнаго падежа. Вопросъ же о первоначальномъ видѣ этого суффикса на почвѣ греческаго языка, объ его отношеніи къ суффиксамъ мѣстнаго падежа въ тѣхъ немногихъ языкахъ, которые удержали этотъ падежъ, и вопросъ о производствѣ изъ этого основнаго суффикса всѣхъ существующихъ въ доступную намъ пору развитія греческаго языка окончаній *dativi pluralis*— все это вопросы, на которые отъ времени до времени даются разнорѣчивыя отвѣты. Посильнымъ рѣшеніемъ этихъ вопросовъ позволили и мы себѣ запяты нѣсколько страницъ, при чемъ въ основаніе всей работы положенъ былъ почти исключительно эпиграфическій матеріалъ, какъ источникъ болѣе надежный, чѣмъ рукописное преданіе. Матеріалъ этотъ былъ собранъ нами, разумѣется, не изъ всѣхъ до сихъ поръ изданныхъ греческихъ надписей, но преимущественно изъ тѣхъ, которыя замѣчательны, какъ характерныя образчики того или другаго діалекта или принадлежатъ болѣе древнему времени. Поэтому главными пособіями для насъ служили по аттическому діалекту I-й томъ и 1-й выпускъ IV тома *Corporis Inscriptionum atticarum*;

для другихъ же диалектовъ сборникъ Кауера „*Delectus inscriptionum graecarum propter dialectum memorabilium*, 2-е издание, и Колянца „*Sammlung der griechischen Dialektinschriften*“ выпуски 1—4, а также издание Рёля—„*Inscriptiones Graecae antiquissimae*“¹⁾.

I.

Изъ языковъ индо-европейской семьи удержали мѣстный падежъ только древне-индійскій, древне-иранскій, славянскій, литовскій и греческій.

Въ древне-индійскомъ языкѣ суффиксомъ этого падежа служатъ постоянно *su* (*shu*), и только въ пракритскихъ нарѣчіяхъ суффиксъ этотъ ямляется также и въ назализованномъ видѣ—*sū*, что объясняется замѣтною вообще склонностью пракрита, равно какъ и новоиндійскихъ нарѣчій къ носовому произношенію гласныхъ.

Въ иранской группѣ, въ древне-бактрійскомъ языкѣ, суффиксъ мѣстнаго падежа—*hi* (—*shu*) или *hū* (*shū*), или *hva* (*shva*), а въ древне-персидскомъ только *uvā* (*huvā*), *shuvā*, соотвѣтствующій древне-бактрійскому *hva* (*shva*). Сохранилось только три примѣра такого суффикса—*Mādaishuvā*, *aniyāuvā*, *dahyushuvā*, такъ что нѣтъ возможности, съ одной стороны, признавать исключительное употребленіе этого суффикса въ древне-персидскомъ, съ другой—отрицать эту исключительность и допускать, по аналогіи съ древне-бактрійскимъ, употребленіе суффикса въ упрощенномъ видѣ—**uv* или **shuv*.

Въ языкѣ литовскомъ мы встрѣчаемъ четыре формы суффикса мѣстнаго падежа—*si*, *sa*, *se*, *s*, изъ которыхъ форма безъ гласнаго звука (*s*) представляетъ позднѣйшій видъ и употребляется въ нынѣшнемъ разговорномъ языкѣ, подобно тому, какъ въ латышскомъ употребляется исключительно *s*. Что касается другихъ формъ, то вопросъ о ихъ происхожденіи и относительной давности рѣшается различно, и судить о справедливости тѣхъ или другихъ доводовъ безъ спеціальнаго знакомства съ литовскимъ языкомъ трудно. Весьма вѣроятнымъ кажется намъ только одно, что древнѣйшая изъ нихъ форма *si*, такъ какъ она, вонервыхъ, вполне соотвѣтствуетъ санскритскому *su* и иранскому *hi* и, воторыхъ, представляетъ форму, которая

¹⁾ Подробныя таблицы, представляющія полный перечень всѣхъ дательныхъ падежей множественнаго числа, находящихся въ надписяхъ этихъ сборниковъ, съ группировкою ихъ по диалектамъ, опущены нами при печатаніи нашей записки, какъ не имѣющія сами по себѣ интереса.

одна только и употребляется въ древнѣйшемъ памятникѣ литовскаго языка, катихизисѣ 1547 года. Формы же *sa* и *se*, по Острофу (*Die Bildung* etc. p. 27—36), произошли вторая подъ влияніемъ мѣстнаго падежа единственнаго числа, оканчивающагося на *e* (напр. *loc. sing. mergojė, loc. plur. mergosė*), а *sa* образовалось изъ *su* подъ влияніемъ такъ-называемаго „*casus directivus*“ на *spa*.

Въ славянскомъ языкѣ мѣстный падежъ имѣетъ только одинъ суффиксъ *хъ*, напримѣръ, *вльцѣхъ*. Слѣдуетъ, впрочемъ, отмѣтить довольно любопытное явленіе—образцы сигматическаго мѣстнаго падежа, сохранившіеся кое-гдѣ въ памятникахъ древне-чешскаго языка, напримѣръ: *Topolas, Bukowys, Polas*. Найденны они впервые Шафарикомъ (*Sebranč Spisy, III, p. 579*). См. Вудиловичъ, Анализъ составныхъ частей славянскаго слова. Кіевъ, 1877, стр. 91.

Наконецъ, что касается греческаго языка, то вопросъ о первоначальномъ видѣ суффикса мѣстнаго (дательнаго) падежа, благодаря многочисленнымъ его вариациямъ, является весьма сложнымъ и запутаннымъ. Приходя въ вниманіе нѣсѣ извѣстныхъ намъ окончаній греческаго *dativ pluralis*, можно только отмѣтить, что въ значительномъ большинствѣ ихъ находится *oi*. Это *oi* считали до послѣдняго времени первоначальнымъ суффиксомъ мѣстнаго падежа въ греческомъ языкѣ, смотря на него какъ на сокращеніе изъ *oai* и возводи послѣдній видъ его со времени Вонпа къ предполагаемому индоевропейскому суффиксу **sva*, который Вонпъ вывелъ изъ сравненія сохранившихся въ извѣстныхъ языкахъ мѣстныхъ падежей, опираясь главнымъ образомъ на бактрійское *hva* (*shva*) и древнеперсидское *uva* (*shuva*), и считал это **sva* тождественнымъ съ темою санскритскаго мѣстоименія притяжательнаго и возвратнаго *sva* (*Vgl. Gr. I³ p. 503*)¹⁾. Мнѣніе это, раздѣляемое большинствомъ ученыхъ, нашло себѣ въ послѣднее время сильнаго противника въ лицѣ Острофа, который выступилъ противъ господствовавшей теоріи въ упомянутой выше статьѣ. Главное возраженіе его направлено противъ возможности вывода изъ индо-сиронейскаго **sva* санскритскаго и литовскаго *su*, бактрійскаго *hu*, славянскаго *хъ*, находящихся въ строгомъ соотвѣтствіи

¹⁾ Сближеніе суеенкса мѣстнаго падежа **sva* съ мѣстоименною основою, разумеется, несостоятельно, такъ какъ основывается единственно на сходствѣ звуковаго состава того и другой, о сходствѣ же значенія и рѣчи быть не можетъ. Намъ ничего не извѣстно о значенія падежныхъ суеенксовъ вообще и суеенкса мѣстнаго падежа въ частности.

другъ съ другомъ согласно общимъ звуковымъ законамъ этихъ языковъ. Звуковое явленіе, по которому въ слогѣ, состоящемъ изъ полугласнаго или согласнаго + гласный (въ данномъ случаѣ *sva* (*sva*)), пропадаетъ гласный звукъ, а полугласный или согласный переходятъ въ гласный (изъ *sva* (*sva*) дѣлается *su*),—это явленіе, названное индійскими грамматиками сампрасарана, составляетъ по Остгофу свойство индо-европейскаго языка. Кроме того, сампрасарана представляетъ законъ языка, развитіе котораго уже и закончилось въ языкѣ, такъ что систематическаго дѣйствія этого закона въ производныхъ языкахъ нѣтъ, а рѣдкія проявленія его, какъ напримѣръ, въ пракритѣ и языкѣ пали, относятся къ спорадическимъ попыткамъ возобновленія старины, отнюдь не возводимымъ въ систему („eine späte erneuerung, keineswegs, eine fortsetzung“, Osth. p. 11). Такимъ образомъ сохранившіеся суффиксы мѣстнаго падежа *su*, *hu*, къ нельзя выводить изъ **sva*, потому что въ такомъ случаѣ это было бы дѣйствіе сампрасараны, систематически проявившееся въ нѣсколькихъ производныхъ языкахъ, тогда какъ сампрасарана есть законъ только языка. Доводы, приводимые Остгофомъ въ пользу исключительнаго находенія сампрасараны, какъ опредѣленнаго фонетическаго закона, въ языкѣ (I. с. стр. 10—17), настолько убѣдительны, что съ ними нельзя не согласиться, и намъ кажется, авторъ вполне правъ, выставилъ необходимость предположить существованіе суффикса **su* уже въ языкѣ, изъ котораго прямо въ готовомъ уже видѣ заимствовали его производные языки, сохранивъ его форму безъ измѣненія или передѣлавъ ее по своимъ собственнымъ звуковымъ законамъ. Остгофу возникающее предъ нимъ затрудненіе—невозможность произвести изъ индо-европейскаго **su* сохранившіеся въ древне-бавтрійскомъ *hva* (*shva*) и древне-персидскомъ *uvā* (*shuvā*)—устраняется весьма остроумною теоріей о приставляемомъ позади падежа предлогѣ *a* (*postposition*), сросшемся съ теченіемъ времени неразрѣзливо съ суффиксомъ мѣстнаго падежа (Osth. p. 22—26). Устраненіе этой помѣхи своей теоріей было необходимо Остгофу, между прочимъ, и для того, чтобы оправдать свое положеніе о невозможности возникновенія въ какомъ-либо языкѣ суффикса, производнаго отъ **sva* при выставленномъ имъ постулатѣ индо-европейскаго **su*. Давъ объясненіе суффиксовъ *hva* и *uvā*, Остгофу доказавъ, по видимому, свои положенія, высказанныя имъ на страницѣ 17 своей статьи въ слѣдующихъ словахъ: „Es kann erstlich nicht die verbreitetste form des loc. plurals suffixes—*su* einzelnprachlich aus indogermanischem—*sva* hervorgegan-

gen sein. Es kann ferner auch nicht grundsprachlich—su aus—sva gewandelt sein, wenn daneben die ungewandelte alte form irgendwo in einer einzelsprache, wie hier im iranischen, noch historisch vorliegen soll⁴. Соглашаясь съ справедливостью перваго положенія, въ виду сказаннаго Остгофомъ о сампрасаранѣ, позволимъ себѣ усомниться въ вѣрности втораго. Устранивъ особою теоріей иранскіе hva и uva, ученый авторъ не обратилъ никакого вниманія на нѣсколько формъ въ греческомъ языкѣ, которыя несомнѣнно свидѣтельствуютъ о своемъ происхожденіи отъ индоевропейскаго *sva и никоимъ образомъ не могутъ быть выведены изъ *su. Умышленно или неумышленно, но Остгофомъ опущены изъ виду извѣстныя омйровскія формы: γένουσι Δ 416, πίτουσιν ι 186, νέκουσιν λ 569, χ 401 = ψ 45, πολέου' Ν 452, πολέουσιν Ρ 236, πολέου' Ρ 308, κελέκουσι Ο 711 Ν 391 = Π 484, вполне защищенныя метромъ, не смотря на варианты, какъ легко убѣдиться по изданіямъ Наука и Лароша. Подобныя формы находимъ еще у Апполонія Родосскаго γένουσι Δ 830, κελέκουσι Α 1103, Δ 1683, а изъ лирической поэзии въ Анакреонтиа Ι3, 22, гдѣ читаемъ πολέουσι, и у Коринны κελέκουσι (18, 5). Но въѣхъ этихъ формахъ необходимо отдѣлать звуковую группу осъ, какъ окончаніе мѣстнаго (дательнаго) падежа присоединенное непосредственно къ основѣ на гласный (κελέκουσι изъ κελεκου—осъ, κολέουσι изъ κολεου—осъ, Meyer, Gr. Gr. § 372 ¹). Спрашивается теперь: какимъ образомъ объяснить эти достаточно хорошо засвидѣтельствованныя преданіемъ формы изъ предполагаемаго Остгофомъ суффикса *su? Откуда являются два осъ?

¹) Можно было бы отнести сюда же ἱρισσι Α 27 (τρεις ἐκάτερθ' ἱρισσιν ἐοικότες βοῖς Κρονίων κτλ.), если обратить вниманіе вообще на колебаніе въ словахъ ἱλκίς, ἱρίς vsm. основы, оканчивающейся то на еогласный δ, то на гласный ι (ср. Curtius, Grdz² p. 683 sq.; Erläut.² p. 65) и въ частности на то, что винительный отъ ἱρίς имѣеть ἱρίν Plut. Mor. p. 664 E, (съ другой стороны, и ἱρίδα Nic. al. 406) и родительный ἱρίως Alex. Trall. Geop. (см. словарь Пассова) и Ἴριος, какъ названіе рѣки Xenoph. Anab. VI, 2, 1. Но столько же шансовъ на истину производить ἱρισσι отъ основы на гласный и раздѣлять ἱρί--осъ, сколько смотреть на ἱрисси, какъ на происшедшее изъ ἱρίδ--осъ, подобно омйровскому ποσει изъ ποδ--осъ (также и у лириковъ ποσει напр. Stes. 8, 6, Pind. ol. X, 65). Одинаково сомнительнымъ случай имѣемъ у Пиндара въ θέμιτσι Ρ. IV, 54 и χάρισσιν Ν. V, 54 (наряду съ χάρισι I. V, 21), Основы здѣсь также колеблются. У того же Пиндара имѣемъ θεμίχλητος Ν. IX, 52 (ср. θέμιος Herod. II, 50), θεμιχοπέος Ν. VII, 47 и θέμιτες Ol. XI, 25, θέμιτος Ol. XIII, 8 (Ср. Kühner, Ausf. Gr. I² p. 355). Основу χάρι- встрѣчаемъ въ Χαρίλαος, Χάριτνος, χάριν, а формы χάριτος, χάρισι съ другой стороны свидѣтельствуютъ о существованіи основы на зврячатый звукъ т.

А между тѣмъ при прежней теоріи объ индо-европейскомъ **sva* онѣ объясняются воиолнѣ удовлетворительно. Категорическое заявленіе Острога, что изъ индосвропейскаго **sva* могло на греческой почвѣ произойти только **сfa*, **сfe*, или *сfo*, но никакъ не **сfi* (Osth. p. 18—21), по нашему мнѣнію, не можетъ быть принято за несомнѣнную истину, потому что этотъ переходъ индо-европейскаго *a* въ греческое *i* достаточно хорошо засвидѣтельствованъ приѣбрами, приведенными Курціусомъ въ его Grdzs, p. 711—713. Но даже если мы и согласимся съ Острогомъ, иначе объясняющимъ нѣкоторые изъ указанныхъ Курціусомъ случаи, то разнѣ нельзя допустить посредствующее между **сfe* (ср. звуковой составъ санскритскаго мѣстим. корня *sva* и греч. *сfe*, *fe*, *i*—Curtius, Grdz⁵ № 601), въ которомъ конечный *e* перешелъ въ *i* подъ вліяніемъ дательнаго (мѣстнаго) падежа единственнаго числа,—вліяніемъ, которое Острогъ допускаетъ и для своего **su*, перенесеннаго въ греческое *σ* (Osth. p. 26). Что касается перехода *сf* въ *сo*, то подобное явленіе не ново и доказывается такими случаями, какъ эоійское *ἴσος* (можетъ быть и омировское—ср. Meyer, Gr. Gr. § 269) изъ *ἴσῆφο*¹⁾ въ *ἴσσοβάσι* надписи изъ Кимы, относящейся ко времени 2 а. Ch. N—14 p. Ch. N. (Del.² N 437, 14 = Di. N 311, 14), аркадское *ἦμισσον* въ тегейской надписи конца III вѣка до Р. X. (Di. № 1222, 24 sq. = Del.² № 457—*ταῖ ἦμισσοῖ*) изъ **ἦμισfo*, **ἦμισσο* (Meyer, Gr. Gr. 269), *τέσσαρες* изъ **тетфарес* **тетфарес* (Curtius, Grdz⁵ № 648), омировское *χοῖσσολος* I¹ 13, E 503, X 401 изъ **χοῖσφαλος* (Curtius, Grdz⁵ p. 430 и № 556 ср. Meyer, Gr. Gr. § 222)²⁾.

¹⁾ Существованіе въ былое время въ словѣ *ἴσος* группн *сf* доказывалось до сихъ поръ единственно, сколько намъ по крайней мѣрѣ известно, глоссою Испхія *ἴσῆόν, ἴσῆον*. Въ настоящее время мы можемъ указать и на эпиграфическое подтвержденіе этого факта, открытое недавно. Въ послѣдней книгѣ IX тома *Mittheilungen d. deut. arch. Inst.* (1884 г.) помѣщена большая въ высшей степени интересная Гортинская надпись архаическаго періода, изъ которой до сихъ поръ были известны, да и то, какъ оказывается, въ не совсемъ удовлетворительныхъ копияхъ, только два маленькіе отрывка, помѣщенные у Рѣл IAG № 475 и 476. Въ этой надписи, въ послѣдней снизу строкѣ X-го столбца читаемъ форму *ἴσφομῆρον*. (Можетъ быть и [F]ἴσφομῆρον, какъ предполагаетъ надатель этой надписи, такъ какъ между этими словами и предыдущимъ на намѣ есть мѣсто для одной буквы, употребленіе же *f* въ надписи весьма обширно. Начальный *f* въ словѣ *ἴσος* для критскаго діалекта, правда, не засвидѣтельствованъ ни однимъ приѣбромъ, но его былое существованіе въ греческомъ языкѣ доказано многими приѣбрами изъ надписей другихъ діалектовъ; ср. Meyer, Gr. Gr. § 231—234).

²⁾ До сихъ поръ во всѣхъ изданіяхъ омировскаго текста, не исключая и большихъ Наука и Лароша, по пражному дается форма *χοῖσφαλος*, о чемъ слѣдуетъ

Такимъ образомъ, окончаніе *οοι* въ указанныхъ выше словахъ *ῥένοοι* и др. несомнѣнно произошло изъ первоначальнаго индоевропейскаго **sva*, а не **su*, хотя, быть можетъ, и не прямо, а посредствомъ перехода **sva* въ **se*. Другого объясненія этимъ формамъ дать нельзя, и нельзя также оставлять ихъ безъ вниманія, какъ происшедшія отъ какой-либо ошибки переписчиковъ. Правда, что состояніе текста омировскихъ пѣсенъ вообще плачевно въ высшей степени; правда и то, что въ частности колебаніе въ начертаніи *οο* и *ο* весьма велико, какъ это легко можно видѣть изъ примѣровъ, приведенныхъ Ларошемъ въ его изданіи Одиссеи (*Prolegomena* § 11); но во всякомъ случаѣ формы *ῥένοοι* и другія переднимъ, кажется, намъ въ своемъ первоначальномъ видѣ. Существованіе вариантовъ для нихъ, нарушающихъ во всѣхъ случаяхъ метръ, доказываетъ только заміну, быть можетъ—сознательную, а вѣрнѣе—бессознательную, допущенную переписчиками для этихъ рѣдкихъ формъ въ пользу формъ гораздо болѣе употребительныхъ въ омировскомъ текстѣ¹⁾. Уцѣлѣвъ подхъ сильною защитою метра, эти формы по своей оригинальности не нашли себѣ большаго распространенія у поэтовъ, подражавшихъ языку омировскихъ пѣсенъ, и истрѣчаются у нихъ также рѣдко, какъ и въ самомъ омировскомъ текстѣ. Видѣть въ *ῥένοοι* и др. удвоеніе *ο*, вызванное требованіемъ размѣра, едва ли можно, такъ какъ этотъ критерій слишкомъ растяжимъ и не наученъ и врядъ ли найдетъ себѣ въ настоящее время защитниковъ. Можно, пожалуй, еще для формъ *ῥένοοι*, *κίτοοι* и *νέχοοι* допустить вѣрность чтенія *ῥένουοι*, *κίτουοι*, *νέχουοι*, считая въ такомъ случаѣ *ο* полугласнымъ звукомъ (примѣры подобнаго употребленія *ο* смотр. у Мейера, *Gr. Gr.* § 147), но все-таки останутся тогда необъясненными формы *πολέοι* и *καλέχοοι*²⁾.

пожалѣть. Намъ кажется, не было бы большою силойю восстановить форму *κωλέχουοι*, за вѣрность которой ручается этимологія,—форму, очевидно, древнѣйшую, поддерживаемую и вариантами.

¹⁾ Только въ χ 401 мы можемъ придавать нѣкоторое значеніе варианту трехъ рукописей (читающихъ: *κταρένοιοι νέχοισι*, гдѣ метрическую неправильность легко устранить, читая: *κταρένοιοι νέχοισι*). Но за вѣрность и въ этомъ смыслѣ формы *νέχοισι* ручается намъ стихъ ϕ 45, совершенно равный χ 401, гдѣ всѣ безъ исключенія рукописи даютъ *κταρένοιοι νέχοισι* (или *νέχοισι*).

²⁾ Считаемъ не лишнимъ отиѣтить, что подлинность стиховъ омировскихъ, гдѣ являются формы *ῥένοοι* и под., не оспаривалась никѣмъ ни изъ древнихъ рамматиковъ, ни изъ новыхъ ученыхъ. Только при O. 717 находимъ заміну:

Доказательствомъ существованія суффикса *οσι* можетъ служить также форма *εἰρεσσιν*, читаемая на одной митилинской надписи (Di. № 272, 11 изъ Bull. de corr. hell. 1880, p. 426). Къ сожалѣнiю, надпись эта сохранилась въ весьма плохомъ видѣ, и времени ея опредѣлить совершенно не возможно, хотя, судя по внѣшности ея, нельзя относить ее къ числу древнихъ. Эта же самая надпись даетъ, между прочимъ, единственный примѣръ употребленiя окончанiя *α* вмѣсто обычнаго въ эолийскихъ надписяхъ *οσι*, именно [γ]υναῖς, вмѣсто ожидаемаго γυναῖκ*οσι*. Форма *ΕΙΡΕΣΣΙΝ*, если она только вѣрна, произведена отъ основы на согласный звукъ — *εἰρεν* съ суффиксомъ *οσι* и представляетъ прекрасный pendant формамъ γένουσι, κίτουσι и другимъ, произведеннымъ отъ основъ на гласный звукъ. Принимая во вниманiе, что эта любопытная форма есть эпиграфическое ἀκαὶ εἰρηγένων и дошла до насъ въ весьма плохо сохранившейся надписи, нельзя придавать ей до поры до времени рѣшающее значенiе въ наимомъ вопросѣ и стоять за ея достовѣрность и правильность, но нельзя также и отрицать возможности ея образованiя изъ **εἰρεν*—*οσι*, какъ это дѣлаетъ Мейстеръ, отыскавшiйся, впрочемъ, объ этой формѣ довольно осторожно, говоря: „*εἰρεσσιν* vom Stamm *εἰρεν*, — scheint nicht mit der in hom. γένουσι, κίτουσι, νέκουσι vorliegenden Suffixform — *οσι* gebildet zu sein, sondern — *οσι* — der Analogie der Dativendung — *οσι* zu verdanken“ (Gr. Dial. I, p. 164). На сколько вѣроятно мнѣнiе Мейстера, на столько же вѣроятно и происхожденiе этой формы не по аналогiи, а самостоятельно отъ основы — *εἰρεν* + суффиксъ — *οσι*, и во всякомъ случаѣ это эпиграфическое данное, хотя, къ сожалѣнiю, и единичное пока, поддерживаетъ, кажется намъ, преданiе, сохранившее въ омировскомъ текстѣ формы γένουσι, κίτουσι и другiя, и указываетъ также на самостоятельность суффикса—*οσι* ¹⁾.

Но существованiе въ греческомъ языкѣ суффикса *οσι*, считавшагося до послѣдняго времени основною формою суффикса для всѣхъ

ἀδεται Ἀριστάρχος, съ которымъ нельзя согласиться въ данномъ случаѣ, и λ 569 представляетъ стихъ изъ отрывка λ 568—627, подлинность котораго заподозрѣвалась и древними и новыми учеными, но, какъ кажется, совершенно несправедливо. Ср. Ameis Hentze, Anhang zu Homers Odyssee, II³ ad. v. λ 565.

¹⁾ Бехтель въ Di. № 272 исправляетъ начертанiе *εἰρεσσιν* на *εἰρέ(ε)σσιν*, но къ сожалѣнiю не объясняетъ, что въ такомъ случаѣ значить это слово и какъ произошла эта форма, а довольствуется лаконическимъ: *εἰρέ(ε)σσιν*: die Inschrift ΕΙΡΕΣΣΙΝ.

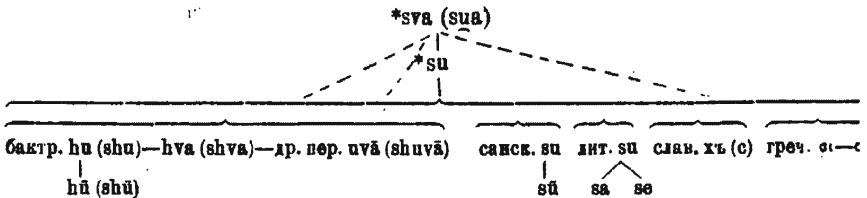
дательныхъ (мѣстныхъ) падежей множественнаго числа, будучи само по себѣ несомнѣннымъ, не даетъ все-таки права считать его единственнымъ для греческаго языка. Правда, оставаясь на почвѣ исключительно греческаго языка, мы могли бы допустить теорію о первоначальномъ видѣ греческаго суффикса *locativi pluralis* = *σα*, изъ котораго съ теченіемъ времени образовалось и получило наибольшее распространеніе окончаніе *α*. Упрощеніе нѣкоторыхъ звуковыхъ группъ, состоящихъ изъ двухъ одинаковыхъ согласныхъ, результатомъ котораго являются одинъ такой же согласный звукъ, то-есть, въ данномъ случаѣ измѣненіе *σα* въ *α* — это явленіе довольно обыкновенно въ греческомъ языкѣ и подтверждается многочисленными приѣрами (Meuser Gr. Gr. § 287 и слѣд., особенно § 292). Но принимая *σα*, мы должны допустить и индо-европейское **sva*, изъ котораго, кромѣ греческаго суффикса, можно объяснить только бактрійскій *hva* и древнеперсидскій *uva*. Остальные же суффиксы: санскритскій и литовскій *su*, бактрійскій *hu*, славянскій *xъ* могутъ быть выведены лишь изъ индо-европейскаго **su*, въ виду сказаннаго Остгофомъ о сампрасаранѣ, съ чѣмъ мы, какъ сказано выше, вполне соглашаемся. Слѣдовательно, мы должны допустить, что въ индо-европейскомъ языкѣ было два суффикса мѣстнаго падежа множественнаго числа — **sva* и **su*, изъ которыхъ первый послужилъ основою для развитія греческаго *σα* въ *ἄνωσα*, *πίπρωσα* и другихъ и иранскихъ *hva* и *uva*. Но считать эти два суффикса появившимися когда-то одновременно и приписывать имъ одинаковую давность, считать ихъ, такъ сказать, сверстниками, какъ это дѣлаетъ Чечи въ своихъ *Scritti glottologici* (1882 г. 1-мо fascic. статья — *Il dativo plurale greco*, p. 12 sq.) врядъ ли будетъ согласно съ истиною, такъ какъ такое явленіе въ одномъ языкѣ въ одно время двухъ суффиксовъ для одного и того же падежа болѣе чѣмъ сомнительно, и новѣйшія грамматическія теоріи, не допускающія подобной возможности, пока еще, сколько намъ извѣстно, не опровергнуты, да одна ли когда-нибудь и удастся ихъ поматнуть. Имѣя въ виду, что суффиксъ **sva* оставилъ по себѣ весьма слабыя слѣды сравнительно съ суффиксомъ **su*, мы склонны считать одинъ суффиксъ болѣе древнимъ, чѣмъ другой, а именно въ **sva* видѣть основу для **su*, происшедшаго изъ **sva* посредствомъ сампрасараны. Предположеніе Остгофа, что подобной сампрасараны въ данномъ случаѣ не могло быть, такъ какъ она бываетъ только въ слогѣ безъ ударенія, а суффиксъ мѣстнаго падежа находился, по его мнѣнію, подъ удареніемъ (Osth. p. 92),—это пред-

положеніе кажется намъ далеко еще недоказаннымъ, такъ какъ вопросъ этотъ о первоначальномъ удареніи надъ падежными суффиксами — еще не рѣшенный. Позднѣйшій индо-европейскій суффиксъ *su и перешелъ во всѣ производные языки, при чемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранились слѣды и перваго суффикса, въ видѣ остатковъ глубокой старины, пробивающейся, какъ это нерѣдко бываетъ, подъ слою новыхъ образований (сравн., напримѣръ, остатки сигматического мѣстнаго падежа въ славянскомъ). Древнее *sua удержалось впоследствии лишь въ иранскихъ hva и uva и въ греческомъ σοι, всѣ же остальные суффиксы: санскритскій и литовскій su, бактрійскій hu, славянскій хъ и греческій α вышли уже изъ индо-европейскаго *su. Такимъ образомъ греческій языкъ при образовании мѣстнаго падежа множественнаго числа прошелъ путь совершенно аналогичный съ иранскими языками: въ послѣднихъ мы находимъ двѣ суффикса hu (shu), какъ представителя индо-европейскаго *su, и hva (shva), представителя болѣе древняго индо-европейскаго *sua, также и въ греческомъ σοι есть видоизмѣненіе первоначальнаго *sua, а α — индо-европейскаго *su. Суффиксъ σοι, какъ остатокъ глубокой старины, сохранился лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, именно въ вышеупомянутыхъ γένεοσι, κίττοσι, νέκροσι, κόλεοσι и κλέκαοσι, во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ игралъ роль уже суффиксъ α, происшедшій изъ *su, въ которомъ и перешло въ ι подъ вліяніемъ мѣстнаго падежа единственнаго числа.

При допущеніи въ греческомъ языкѣ суффикса α можетъ встрѣтиться лишь одно затрудненіе, именно присутствіе α между двумя гласными въ основахъ на гласный и дугласный звуки, напримѣръ, ἔφρο—α, κόλαα, βασιλεύ—α etc., такъ какъ по законамъ греческой фонетики α въ такихъ случаяхъ должна выпасть. Зубной придумной звукъ α, какъ извѣстно, терпимъ въ греческомъ языкѣ между двумя гласными только при условіи, если онъ происходитъ изъ τ, стоящаго предъ τ, или двухъ αα (Meyer Gr. Gr. § 224 и § 225). Но въ данномъ случаѣ намъ нѣтъ нужды для защиты α допускать происхожденіе его изъ σοι и считать, слѣдовательно, послѣдній суффиксъ основнымъ для греческаго языка, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, и Г. Мейеръ (Gr. Gr. § 372), такъ какъ сохраненіе α между двумя гласными въ дательномъ падежѣ вполне удовлетворительно объясняется наблюдаемымъ въ языкахъ въ массѣ случаевъ явленіемъ, извѣстнымъ у новѣйшихъ нѣмецкихъ грамматиковъ подъ терминомъ „Systemzwang“. Именно, α между двумя гласными звуками въ датель-

номъ падежѣ обязана своимъ сохраненіемъ аналогіи дательныхъ падежей отъ основъ на согласный звукъ, при чемъ мы можемъ допустить безразлично или присутствіе этого *o* уже съ самаго начала, или реставрированіе его въ болѣе позднюю пору.

Такимъ образомъ, на основаніи всего вышензложеннаго, мы представляемъ себѣ развитіе суффикса мѣстнаго (дательнаго) падежа множественнаго числа въ языкахъ, сохранившихъ его, въ слѣдующемъ видѣ:

Примѣчаніе. Острогъ, выставляя **so*, какъ первоначальный суффиксъ мѣстнаго падежа въ греческомъ языкѣ, находитъ (стр. 26 его статьи) слѣды этого суффикса, не подвергшагося еще никакимъ измѣненіямъ, въ *metaō*, гдѣ онъ вмѣстѣ съ Эбелемъ (KZ. IV p. 207) ¹⁾ видитъ мѣстный падежъ, и разлагаетъ это слово на основу *meta*, сохранившуюся въ омировскомъ (i 221) *metaσσai* (= *meta* — *jai* = агнята средняго возраста), и окончаніе *oo*, которое онъ и считаетъ суффиксомъ мѣстнаго падежа. Его объясненіе во всякомъ случаѣ заслуживаетъ предпочтеніе предъ прежнимъ, по которому *metaō* представляетъ соединеніе *meta* и *ōv*, какъ думали Поттъ (KZ. VI p. 102), Герландъ (KZ. IX p. 65) и отчасти Курціусъ, высказывающійся нерѣшительно о происхожденіи этого слова въ Grdz⁵ p. 209 и 332. Если предположить въ *metaō* предлогъ *ōv*, то нѣсколько страннымъ является отпаденіе конечнаго *v*. Но и гипотезу Острога и Эбеля, не смотря на ея остроуміе и заманчивость, мы не можемъ пока признать справедливою, такъ какъ, во первыхъ, происхожденіе основы *meta* для насъ неясно, а во вторыхъ, и древность этого слова весьма сомнительна. Въ омировскихъ пѣсняхъ мы находимъ *metaō* одинъ только разъ, именно въ A 156, которое, быть можетъ, стоитъ здѣсь вмѣсто болѣе древняго чтенія *metaōō* или *metaōōs*, словъ, обычныхъ въ омировскомъ языкѣ, что и заставило Им. Беккера предложить въ первый разъ эту

¹⁾ Эбель (l. c.) замѣчаетъ свою маленькую замѣтку объ *ήτάς* словами: *ist metaō etwa ein locativ?*

поправку (Hom. Blätter, p. 212 sq.). Подобная замѣна въ омирскомъ текстѣ слова болѣе древняго болѣе новымъ весьма естественна и нерѣдка. Ср. по вопросу объ этомъ стихѣ Ameis-Hentze, Anhang zu Ilias, I² p. 156 и Наука въ Mélanges Gréco-Romains, IV, p. 129 sqq. Быть можетъ, форма $\mu\epsilon\tau\alpha\zeta\acute{\upsilon}$ не первоначальна, а объяна своимъ конечнымъ υ аналогія съ $\acute{\alpha}\nu\tau\iota\chi\rho\acute{\omicron}$, $\mu\epsilon\sigma\eta\gamma\acute{\upsilon}$, $\epsilon\upsilon\theta\acute{\upsilon}$ sim. Кстати, любопытно было бы знать, откуда взяты Г. Мейеромъ формы $\mu\epsilon\tau\alpha\zeta\acute{\upsilon}\varsigma$ и $\epsilon\gamma\gamma\acute{\upsilon}$, которыя онъ приводитъ въ § 303 своей грамматики? На сколько намъ извѣстно, такихъ формъ не существуетъ.

II.

Кромѣ указаннаго выше окончанія *dativi plur. $\sigma\alpha\iota$* , сохранившагося въ весьма немногихъ случаяхъ, и обыкновеннаго, наиболѣе распространеннаго окончанія — *$\sigma\alpha$* , о происхожденіи которыхъ мы говорили выше, существуетъ еще четыре окончанія для именъ третьего склоненія, а именно *$\epsilon\sigma\sigma\iota$* , *$\epsilon\sigma\alpha$* , *$\acute{\alpha}\sigma\alpha$* и *$\alpha\sigma\sigma\alpha$* , изъ которыхъ наименьшимъ распространеніемъ пользуются три послѣднихъ. Такъ какъ размѣры употребленія всѣхъ этихъ окончаній въ каждомъ діалектѣ различны, и пѣтъ ни одного діалекта, который соединялъ бы ихъ всѣхъ вмѣстѣ, то не лишнимъ, кажется, будетъ, если мы прослѣдимъ по отдѣльнымъ діалектамъ употребленіе этихъ окончаній, касаясь въ то же время и ихъ происхожденія.

Въ діалектахъ дорической группы ¹⁾ (луконскомъ, ираклейскомъ, мессенскомъ, аргивскомъ, коринфскомъ, критскомъ и другихъ дорическихъ острововъ, ахейскомъ) мы находимъ почти исключительное преобладаніе окончанія *$\sigma\alpha$* , по крайней мѣрѣ въ эпиграфическихъ надпискахъ. Среди этихъ діалектовъ рѣзко выдѣляется только мессинскій, въ которомъ имена третьего склоненія имѣютъ одно только метатластическое окончаніе *$\sigma\alpha\varsigma$* ²⁾. По такъ какъ надписи этого діалекта немногочисленны (Meuser, Gr. Gr. Einl. p. XIII), то весьма трудно сказать рѣшительно, во всѣхъ ли именахъ 3-го склоненія и всегда ли въ этомъ діалектѣ существовалъ подобный метатласмъ, или слѣдуетъ считать простою случайностью, что до насъ дошли только надписи съ подобнымъ метатласмомъ, а не дошло формъ съ нормаль-

¹⁾ Пользуясь группировкою діалектовъ, предложенною Г. Мейеромъ въ началѣ его грамматики (Einleitung p. XII—XXIV).

²⁾ Напр. лидийская надпись Del.³ № 47 — $\epsilon\upsilon\sigma\epsilon\beta\epsilon\acute{\omicron}\varsigma$ 5. $\epsilon\pi\text{:}\chi\alpha\tau\alpha\sigma\tau\alpha\theta\acute{\epsilon}\nu\tau\omicron\varsigma$ 12. $\acute{\epsilon}\kappa\iota\tau\epsilon\lambda\epsilon\upsilon\acute{\omicron}\nu\tau\omicron\varsigma$ 41. $\epsilon\gamma\lambda\omicron\gamma\epsilon\upsilon\acute{\omicron}\nu\tau\omicron\varsigma$ 47. $\epsilon\pi\acute{\alpha}\nu\tau\omicron\varsigma$ 48. $\delta\alpha\kappa\iota\mu\alpha\sigma\theta\acute{\epsilon}\nu\tau\omicron\varsigma$ 72. $\kappa\lambda\iota\acute{\alpha}\nu\tau\omicron\varsigma$ 178.

нымъ суффиксомъ — *α*. А *ργιοί* можно, впрочемъ, сказать, что послѣднее *вѣрнѣе*, и что было окончаніе *α* и въ мессинскомъ діалектѣ, такъ какъ образованію по аналогіи обыкновенно предшествуютъ формы съ нормальными окончаніями, а надписи мессинскія, дошедшія до насъ въ незначительномъ количествѣ, имѣютъ даты не очень древнія, не восходящія далѣе начала III столѣтія до Р. X. То же самое слѣдуетъ сказать и объ этолійскомъ діалектѣ, надписи котораго, дающія такой же метатласмъ, также незначительны по количеству и относятся къ позднему времени — 3 и 2 вѣкамъ до Р. X. (Meuser, Gr. Gr. Einl. p. XVII). Примѣры метатласма, подобнаго мессинскому, довольно многочисленны и собраны съ большою тщательностью Баунакомъ въ его „*Schedae grammaticae*“ въ X томѣ Курциусовыхъ *Studien* p. 91—96. Къ числу ихъ должно еще присоединить слѣдующіе, выбранные изъ изданныхъ послѣ появленія статьи Баунака надписей:

лаконск. Ἀροχλαίαιος (Del² 32, 8).

критск. λιμέναίος (Del² 130, 12).

дельф. πάντος (Del² 207, 6. 7.).

ἀποσταλέντος Del² 207, 12. 14.

παραγεγονότος (Del² 207, 16).

κατοικούντος (Del² 208, 11).

ἀγώνος (Del² 209, 5).

ἀγώνος (Никитскій, Ж. М. Н. Пр. 1884, 11, p. 37).

ἐντυγχανόντος } (Ibid. p. 38).

ἀγώνος }

иландское χρημάτων (Di. № 1154, 1. 8 = Del² 255).

этолійск. νικούντος (Del² 236, 16).

ἐπιγαλλόντος (Del² 236 23. 26) ¹⁾.

Явленіе этого метатласма, какъ можно судить по извѣстнымъ до сихъ поръ примѣрамъ, было свойственно діалектамъ дорической группы:

¹⁾ У Баунака (l. c.) для этолійскаго діалекта приведены только *καθημάτων* и *γερόντος* изъ грамматика Аристоеана у Евстація 279, 38. Къ числу метатласмическихъ формъ можно было бы еще присоединить изъ надписи локридской, изданной г. Никитскимъ въ Ж. М. Н. Пр., 1884, 12 p. 49 (Ж 4, 2) — Ἐρ. ετιέος, но сдѣлать это не рѣшился въ виду того, что это *ἐθνικόν* — *ἀπ. εἰρ.*, хотя оно очень походитъ на метатласмическую форму — Ἐρ. ετιέος и стало бы на ряду съ локридскими же Χαλοίοος (Del² 229, В 22) и μελόνος (Del² 230, В 5).

лаконскому, мессинскому, критскому, сѣверно-греческой: фокидскому, докридскому, этолийскому, эссалийскому, а также діалектамъ иотійскому, илндскому и аркадскому¹⁾, хотя далеко не въ одинаковой степени, такъ что въ большинствѣ случаевъ подобное явленіе рѣдко, какъ напримѣръ. въ діалектѣ иотійскомъ, для котораго мы знаемъ лишь два примѣра: αἴγος = αἴγους = αἴγῃ (Di. № 489, 39 = Del² 298 = Larfeld, Sylloge 33) γονεύς = γονέου²⁾ (Di. № 391, 5 = Larfeld, 53 f. A). Но рѣдкость этого метатласма во многихъ діалектахъ вовсе не указываетъ на заимствование его подъ вліяніемъ одного діалекта на другой, какъ склоненъ это думать Кауеръ, во многихъ случаяхъ приписывающій этотъ метатласмъ этолийскому вліянію. Такъ онъ смотритъ на метатласмъ въ лаконскомъ діалектѣ (Del² 30 и 32), мессинскомъ (Del² 45 и 47) и аркадскомъ (Del² 462). Но неужели этотъ метатласмъ и здѣсь не могъ возникнуть также самостоятельно, какъ самостоятельно онъ возникъ, напримѣръ, въ илндскомъ діалектѣ? Къ чему замѣчаніе, сдѣланное Кауеромъ къ критской надписи Del² 130: „Λμάνος forma non cretica“? Почему эта форма не критская? Не потому ли, что метатласмическое λμάνος пока ἀπαξ εἰρημένον для критскаго діалекта³⁾? И въ критскомъ, и во всякомъ другомъ діалектѣ метатласмъ могъ явиться, разумѣется, совершенно самостоятельно, безъ всякаго вліянія со стороны какого-либо другаго діалекта. Конечно, такое вліяніе нельзя совершенно отрицать, но Кауеръ, какъ кажется, придастъ слишкомъ много значенія сохраненной намъ Евстаціемъ (279, 38) замѣткѣ грамматика Аристофана, въ которой приводятся формы γερόντος и καθηράτος, какъ специально этолийскія, и которая теряетъ свой смыслъ въ настоящее время, когда сдѣлано много находокъ, доказывающихъ присутствіе подобныхъ формъ и въ другихъ діалектахъ⁴⁾. Слѣдуетъ отиѣтити еще, что метатласмъ этотъ

¹⁾ Ваунакъ (l. c. p. 95) приводитъ еще примѣры изъ тавроменійской надписи (Anat. Inst. arch. vol. X, fasc. 1 n. 1838): ἱεροναμόνους col. I, 2, 8; col. II, 2, 11; col. III, 4, 12 στοφολάκους col. I, 29, 31; col. II, 21, 26, 31; col. III, 18, 24, 26.

²⁾ Не понимая, почему топируется эта форма, какъ γονεύς, а не γονέος = γονέους, подобно ἱερέους, Φαλαίους, Ἀμοκλαίους sim.

³⁾ Ср. Πριαντίους и Πριαντιεύς въ одной и той же надписи Del² 119.

⁴⁾ Hist. 279, 35 η. ἐκωμωδοῦντο δὲ φασιν οἱ Ἑρετριεῖς ὡς πολλῶι τῶι ῥ ἐν ταῖς ὀμιλίαις χρώμενοι, διό καὶ αὐτοὶ καθάπερ οἱ Ἕλλησι βαρβαρόφωνοι ἐκαλοῦντο ὡς ἐν ἱστορικῶι εἴρηται λεξικῶι.... εἰ δὲ διὰ τὴν τοῦ ῥ χρῆσιν μόνην ἐκπροῦντο οἱ Ἑρετριεῖς τὸ βαρβαρόφωνον, τίνας ἂν καλοῖντο οἱ Αἰτωλοὶ (οἱ πάνω Lugebill) ἀλλόφωνα λαλοῦντες ὡς ὁ γραμματικὸς Ἀριστοφάνης παρέφηεν οἷς ἔφη περὶ καινοτέρων λέξεων τὴν γὰρ

отноудь не принадлежать къ явленіямъ позднѣйшимъ въ языкѣ. Правда, что большинство надписей, въ которыхъ мы съ нимъ встрѣчаемся, не восходитъ во времени за предѣлы III вѣка до Р. Х., но все-таки мы принуждены отнести появленіе его къ гораздо болѣе древнему періоду, такъ какъ, во первыхъ, существуютъ надписи, сохранившія этотъ метанасмъ, относящійся къ V вѣку, какъ напримѣръ, локридскія Del³ 229 (χαλαίους) и Del³ 230 (μαίους)¹⁾, а во вторыхъ: спорадически мы находимъ примѣры его и у древнѣйшихъ поэтовъ, какъ напримѣръ, ὄσοις Sapph. fr. 28, Hes. Sc. 430, ὄσοις Hes. Sc. 145, 426 (и у трагиковъ), τριοῖσι Eurip. fr. 51. Ср. Meyer, Gr. Gr. § 376 и Kühner, Ausf. Gr. I² p. 396 sq. и p. 489.

Что касается происхожденія этого метанасма, то намъ кажется, его должно искать единственно лишь въ гибкости народнаго языка, вслѣдствіе которой является всегда масса формъ, созданныхъ народомъ безъ всякой надобности, только по аналогіи. Искусственнымъ объясненіемъ ипыхъ ученыхъ, не желающихъ довольствоваться простымъ указаніемъ на фактъ аналогіи, а донскивающихъ самыхъ причинъ этой аналогіи, рунятся по большей части скоро и безловзвратно. Такъ и въ данномъ случаѣ: благоразумнѣе всего не донскиваться причинъ метанасма, не спускаться слишкомъ далеко въ ту таинственную лабораторію, гдѣ вырабатывается народомъ языкъ, но принять фактъ такъ, какъ онъ есть, констатируя только область и время этого метанасма. Попытка Баунака объяснить происхожденіе этихъ формъ совершенно неудачна. „Proficiendum est“, говоритъ онъ (Curtius. Studien X p. 91 sq.)—*mea quidom sententia a forma in—sooi exeunte. Ut enim ex ἀνθρώποισι ἀνθρώποις, ita ex ἀγώνεσσι forma *ἀγωνες fieri potuit, quae tamen, quando quidem nominativus pluralis iam ita sonabat, deleta vel potius in genetivorum pluralis sec. declin. analogiam est reducta, quod lingua utrumque casum certa terminatione insignire studuit*“. Противъ этой гипотезы прежде всего можно возразить, что сама точка отиравленія невѣрна, такъ какъ далеко но во всѣхъ диа-

[γέρων] γέροντος; γενικήν ἀναγαγόντες ἐπ' εὐθείαν γράφουσιν οὕτω Μιλασίους καὶ τοῖς γέρωντοῖς, τοῦτέστιν ἐπιστέλλομεν οἱ Αἰτωλοὶ τοῖς Μιλασίους καὶ τὸ ἐξῆς. τὸ δὲ αὐτὸ φησὶ φαίνεσθαι καὶ ἐπὶ τοῦ παθηάτος, ὡς ἐήλον ἐκ τοῦ· μὴ καταγέλατε τοῖς ἐμοῖς παθηάτοις.

¹⁾ Очень вѣроятно, что илндская надпись Di. № 1154=*RdM*, I.GA 113=*Del*³ 255, гдѣ читаемъ два раза χρεμάτοις (1, 8), относится къ VI вѣку, но для точной даты нѣтъ въ ней надежныхъ указаній.

лектахъ, гдѣ встрѣчается метаплазмъ, находимъ и окончаніе *οοι*. Такъ его совѣмъ нѣтъ въ діалектахъ критскомъ, лаконскомъ и аркадскомъ, гдѣ, слѣдовательно, и не могла явиться форма **ἀγωνας*. Затѣмъ, предположеніе формы **ἀγωνας*, фактически не существующей, нѣсколько рискованно. Отпаденіе конечнаго звука *ι* въ окончаніи *οι* предъ начальнымъ гласнымъ слѣдующаго слова въ связи рѣчи у поэтовъ (Brugman, *Problem* etc. p. 73 sq.; La Roche въ *Zeitschrift für d. österr. Gymn.* 1861 p. 841) не служитъ еще доказательствомъ, что такія формы были въ ходу въ обыденной народнои рѣчи, и что онѣ могли существовать и самостоятельно нпѣ сизии предложенія. Происхожденіе нѣкоторыхъ нарѣчій, въ которыхъ явные видятъ апокопированные мѣстные падежи на *οι*, гадательно. Такъ объясняетъ Эбель (KZ. IV p. 207) нарѣчія *ἑκάς, ἀνεκάς, ἀγκάς, ἀνδρακάς*, Курціусъ *λαῖ* (Grdz⁹ p. 362) и *πόξ* (Grdz⁹ p. 286—hat das Ansehen eines verkürzten Dat. Plur.). Сравн. еще *γυόξ, ὀδαῖ, ἀπρίξ* и др., также кипрское *κάς = χί*, по поводу котораго высказано не мало разнорѣчивыхъ догадокъ (Legerlotz въ KZ. VII, 237; Baunasz, *Studien* X, p. 104; Ahrens, *Philol.* XXXVI, 3; Siegismund-Decke, *Studien* VII, 236; Curtius, *Studien*, X, p. 221). Но если мы и допустимъ, что указанные и имъ подобныя нарѣчія суть усѣченныя мѣстные падежи, то все-таки эти отдѣльныя, немногочисленныя и притомъ сомнительныя случаи не доказываютъ еще существованія формъ въ родѣ **ἀγωνας*, но доказываютъ существованія подобнаго усѣченія, какъ нормы образованія *dativi plur.* въ діалектахъ съ метаплазмомъ на *οι*, хотя бы и на непродолжительное время, то-есть, нельзя, основываясь на отдѣльныхъ случаяхъ, предположить, что когда-то въ этихъ діалектахъ всѣ *dativi plur.* не имѣли *ι*, а звучали **ἀγωνας(ς)*, **χρηματα(ς)* и т. п., что по необходимости вытекаетъ изъ гипотезы Баунака. Наконецъ, нельзя пиводить возможность формы **ἀγωνας* изъ равенства *ἀνδράποισι: ἀνδράποικ = ἀγωνασσι: *ἀγωνας*, такъ какъ, воцервыхъ, *ἀνδράποικ* вовсе не усѣченная форма изъ *ἀνδράποισι*, а имѣетъ свое совершенно отдѣльное образование, о чемъ мы будемъ говорить ниже, а во вторыхъ, возможность этого равенства была бы вѣроятна лишь въ томъ случаѣ, если бы въ діалектахъ, имѣющихъ занимающій насъ метаплазмъ, было бы въ большемъ употребленіи одновременно, какъ окончаніе *οι*, такъ и окончаніе *οοι*. На самомъ же дѣлѣ, во всѣхъ этихъ діалектахъ мы имѣемъ только два примѣра окончанія *οοι*: критское *τοῖον* (Röhl IGA. № 478, 4) и аркадское *Ἄλειοισι* (DI. № 1183 = Del² 467 = Röhl IGA. № 105) при массѣ дательныхъ на *οι*, такъ что не могло и быть никакого вѣш-

яго побужденія къ образованію усѣченныхъ формъ въ родѣ *ἀῤῥωνες изъ ἀῤῥωνες по аналогіи ἀνδρῶτες изъ ἀνδρῶτες. Такимъ образомъ, разъясненіе Ваунака неудовлетворительно, такъ какъ основывается на неудачно скомбинированной гипотезѣ, составная часть которой не имѣютъ за собою подтверждающихъ ихъ фактовъ¹⁾.

Другое объясненіе нашего метаплазма, принадлежащее Варнке (Warnke, De dativo plur. graeco, Leipzig, 1880), довольно странно и хорошо показываетъ, до чего можетъ довести стремленіе все объяснить. Этотъ молодой ученый полагаетъ, что появленіе метапластическихъ формъ составляетъ результатъ желанія грековъ удержать въ цѣлости основу слова, которая была бы затемнѣна при окончаніи α и не была бы вполне схожа съ основой, видимою въ другихъ падежахъ, то-есть, говорили ἀῤῥωνες потому, что, сказавъ ἀῤῥα, измѣнили бы вѣншимъ образомъ основу ἀῤῥω, видную въ другихъ падежахъ, что будто бы было нежелательно. („Graeci quodammodo cavere voluisse videntur, ne nimis stirps terminatione α brevior laederetur et ceteris casibus dissimilior fieret“, l. c. p. 27). Объясненіе вполне фантастическое²⁾.

¹⁾ Копія съ небольшого обломка литтійской надписи, помещенная у Рѣли подъ № 478, издана теперь вновь Госудъ въ *Bull. de corr. hell.* за 1885 г., 1, на стр. 4. Различіе этихъ двухъ копій, оказавшееся не въ пользу Спраттова списка, даннаго Рѣлемъ, не касается формы τοῖσιν, такъ какъ и на той, и на другой нибель одинаково TOSMSN. Вопросъ только въ томъ, слѣдуетъ ли читать τοῖσιν, или τοῖσι, относя у къ слѣдующему слову, но рѣшить его не возможно, такъ какъ отъ слѣдующаго слова сохранилась только одна буква Ε. Вслѣдствіе этого мы даже по желанію можемъ читать τοῖς ἑνε... τῆσθε болѣе, что древній гортинскій документъ, изданный въ *Mith. d. deutsch. inst.* 1884, p. 364 sqq., сходный въ эпиграфическомъ отношеніи съ литтійскимъ, знаетъ только окончаніе ος. Указываясь на эти мелочи для того, чтобы показать ненадежность утвержденія о фактическомъ существованіи дательныхъ на οσι въ критскомъ діалектѣ, въ существованіи которыхъ въ древнѣйшую эпоху какъ въ критскомъ, такъ и во всякомъ другомъ діалектѣ мы не сомнѣваемся a priori, о чемъ ниже.

²⁾ Неудачна также и случайная замѣтка Курциуса объ этомъ метаплазмѣ въ *Studien III*, p. 384: Hier war der Vorgang nicht der, dass der Stamm ἀῤῥω mit dem Stamme ἀῤῥωο vertauscht wurde, eine solche doctrinäre Bezeichnung würde den Vorgang nicht passend ausdrücken. Dieser verlief nachweislich (?) folgendermassen. Der alte Dorismus kannte nur ἀῤῥωνες ἡρόντεςαι μεῖντεςαι. Aber in einer gewissen Periode wichen diese etwas schwerfälligen (?) Formen den aus unzähligen Fällen geläufigen der O-Declination. Для насъ, помимо всего другаго, непонятно здѣсь, почему формы ἀῤῥωνεςαι, ἡρόντεςαι sim, формы, весьма распространенныя въ греческомъ языкѣ, «что-то schwerfällig», и почему ихъ «Schwerfälligkeit» стала такъ сильно чувствоваться «in einer gewissen (какомъ именно?) Periode».

Въ той же самой дорической группѣ, о которой мы начали говорить, есть еще одна въ высшей степени любопытная серія дательныхъ падежей, объясненіе которыхъ весьма затруднительно. Именно, въ ираклейскомъ діалектѣ (tab. Perg. Del² 40 и 41), въ надписи, относящейся къ концу IV столѣтія до Р. Х., читаемъ: ἔντασιν I, 104; ποῖόντασιν I, 50; κρασόντασιν I, 158; ἔκαρχόντασιν I, 175. Съ этими эпиграфическими формами справедливо сравниваютъ глоссу Исихія: ἀβάντασιν ἀναβάνιν и, исправляя ее на ἀβάντασιν ἀναβάνιν относятъ также къ діалекту ираклейскому ¹⁾). Разложеніе этихъ формъ при помощи соединительнаго гласнаго α, который Ауфрехтъ считаетъ болѣе древнимъ видомъ другаго соединительнаго гласнаго ε въ αα (KZ. I, p. 118 въ замѣткѣ: Der dativ plur. auf—αα), на ἔντ-α-σιν, ἔκαρχόντ-α-σιν и т. п. не можетъ быть принято, такъ какъ пресловутые соединительные гласные, игравшіе когда-то значительную роль, сошли теперь со сцены и покончили уже свое существованіе, и подобные вставные гласные звуки, такъ-пазываемые эпенеетическіе, не разсматриваются въ настоящее время какъ звуки, обязанные своимъ происхожденіемъ какому-либо капризу языка, но требуютъ для своего опредѣленія мотивовъ, основанныхъ на физиологическомъ строеніи звуковъ (ср. напр. Saussure, Mémoire sur le systéme etc. p. 239 sq., Meyer, Gr. Gr. § 92 sqq. Curtius, Grdz² p. 722 sqq.). Въ данномъ же случаѣ для окончанія ααα такихъ мотивовъ найдти нельзя. Нельзя назвать удачною также попытку Остгофа, объяснившего эти формы (Die bildung. etc. p. 6) какъ происшедшія изъ приравненія формъ, подобныхъ κρασόντασιν, формамъ на ααα—πατράαα, ἀνδράαα etc. ²⁾). Невѣрно это уже потому, что мы не знаемъ, было ли

¹⁾ Относительно употребленія формы ἀβάνα ср. глоссу Исихія: ἀτταα, ἀνάστῃθι. Λάκωνες (в Ираклек—колонія Тарента, законной колонія) и формы волижскія: ὀτασιν, ὀταδεῖς, ὀκαπτεω (Meister, Gr. Dial. I p. 51 и 150). Въ опроверженіе αβέροσιν Курциусъ, согласно съ Дедерлейномъ (Gloss. 2290), видитъ тоже ἀβάνα (ἀναφέρωσιν-ἀνφέρωσιν-ἀφέρωσιν-αβέροσιν) Grdz² p. 566, что, впрочемъ, сомнительно, см. русскій переводъ профессора Любвиля, стр. 83, прим. 71. Въ виду многочисленныхъ примѣровъ апокопированныхъ предлоговъ въ надписяхъ различныхъ діалектовъ (ср. Meyer, Gr. Gr. § 309) становится непонятнымъ, почему Курциусомъ въ Grdz² p. 726 сохранено положеніе: «im allgemeinen ist die Arokoze zweisylbiger Präpositionen auf den äolischen und epischen Dialekt beschränkt».

²⁾ Подобныя попытки, впрочемъ, существовали, если придавать значеніе формѣ πατράαα, стоящей въ С. I. G. 6287. Къ сожалѣнію, не знаемъ подъ руками этой надписи и съ этимъ фактомъ знакомы единственно по замѣткѣ Г. Мейера

вообще въ діалектѣ ираклейцевъ въ употребленіи окончаніе *εοοι*. Въ дошедшихъ до насъ памятникахъ такихъ формъ нѣтъ, и къ сожалѣнію, вообще примѣровъ дательныхъ падежей plur. 3-го склоненія въ этомъ діалектѣ не имѣемъ, за исключеніемъ вышеупомянутыхъ четырехъ на *εοοι*, да еще пятого примѣра *πᾶσι* (Del² 41, 66). Но съ вѣроятностью можно заключить, что формъ на *εοοι* или со-всѣмъ не было въ діалектѣ ираклейцевъ, или онѣ были очень рѣдки, почему и не могли служить элементомъ для контаминаціи. Въ пользу этого предположенія говоритъ, съ одной стороны, примѣръ *πᾶσι*, а съ другой—отсутствіе окончанія *εοοι* въ діалектахъ дорической группы вообще, и въ частности въ лаконскомъ, изъ котораго, вѣроятно, вышелъ ираклейскій, такъ какъ Ираклея—колонія Тарента, а Тарентъ—лаконецкая колонія. Примѣровъ эпиграфическихкихъ дательныхъ падежей на *εοοι* въ дорической группѣ мы знаемъ лишь два: *ἀριστεοῖσι* въ коринфской надписи C. I. G. 1845, 53. 62 (6. м. 2-го вѣка до Р. X) и *λαγόνεοοι* въ позднѣйшей мегарской C. I. G. 1067 = Kaibel, Epigr. 462, 10 (относится по Кайбелю ко 2-му или 3-му столѣтію по Р. X). Слѣдовательно, если не было въ діалектѣ ираклейцевъ дательныхъ на *εοοι*, что весьма вѣроятно, то не могло быть и такого приравненія, на какое указываетъ Острогфъ. Впрочемъ, Острогфъ и самъ скоро отказался отъ своей догадки, согласившись (Morph. Unters. IV, p. 291) съ новымъ, дѣйствительно остроумнымъ, объясненіемъ Iог. Шмидта, высказаннымъ имъ въ небольшой замѣткѣ: „Die herakleischen Pruraldative auf—*εοοι*“ (KZ, XXV, p. 590 sq.). „Die richtige Erklärung, пишетъ Шмидтъ, ergiebt sich sofort, wenn man den Thatbestand feststellt, dass nicht alle Worte dritter Declination im herakleischen Dialekte den Dat. plur. auf—*εοοι* bildeten. Allerdings ist nur ein Dativ mit—*σι* überliefert, *πᾶσι*. II, 66. Er genügt aber zu der Erkenntnis, dass wir nicht das mindeste Recht haben irgend einen Dativ auf—*εοοι* von einem nichtparticipium anzunehmen“. Фактъ, дѣйствительно, замѣчательный: всѣ примѣры на—*εοοι*—причастія и съ эпиграфическими данными гармонируетъ вполне и глосса Исихія, содержащая тоже причастіе. Шмидтъ выходитъ изъ того положенія, что вѣкогда причастія на *ουσι* имѣли, кромѣ этой основы, еще и тему на *σι*. Прича-

въ его грамматикѣ (въ «Berichtigungen und Zusätze» p. 448), который говоритъ *παρᾶσι* C. I. 6284 ist natürlich eine nachgeborene Analogiebildung nach den epischen (?) Dativen auf—*εοοι*.

стие $\acute{\epsilon}\sigma\upsilon\tau$ (вмѣсто болѣе древняго ¹⁾ по Шмидту $\acute{\epsilon}\nu\tau$, сохраненнаго въ прахлейскомъ $\acute{\epsilon}\nu\tau\epsilon\varsigma$ I, 117, 178 и $\acute{\epsilon}\nu\tau\alpha\sigma\iota$ I, стр. 104 — ср. кар- $\acute{\epsilon}\nu\tau\omega\upsilon$ Alc. fr. 64 Be³) имѣло когда-то и другую основу— $\acute{\epsilon}\alpha\tau$, видную еще въ дорическомъ part. fem. $\acute{\epsilon}\alpha\sigma\alpha$ изъ $\acute{\epsilon}\alpha\tau\alpha$, въ которомъ появленіе е обязано аналогіи формъ $\acute{\epsilon}\sigma\mu\acute{\epsilon}\nu$ sim., такъ что первоначальныя (по Шмидту) формы были $\acute{\epsilon}\nu\tau\epsilon\varsigma$: * $\acute{\alpha}\sigma\alpha$ отъ основъ полной $\acute{\epsilon}\nu\tau$ и краткой $\acute{\alpha}\tau$, соответственно санскрит. $sántas$ (полн. осн.): $sati$ (кратк. осн.). Слѣды подобной смѣны суффиксовъ находимъ, напримѣръ, въ темахъ $\acute{\epsilon}\chi\omega\upsilon\tau$ и $\acute{\epsilon}\chi\alpha\tau$, сохраненной въ омировскомъ $\acute{\alpha}\sigma\kappa\lambda\acute{\omicron}\rho\mu\alpha\upsilon\sigma$, $\gamma\acute{\epsilon}\rho\omega\upsilon\tau$ и * $\gamma\acute{\epsilon}\rho\alpha\tau$ въ $\gamma\acute{\epsilon}\rho\acute{\alpha}\nu\delta\rho\omega\upsilon\upsilon$. Такимъ образомъ въ дательныхъ падежахъ мы можемъ допустить въ этихъ причастіяхъ тему на $\alpha\tau$, такъ что, соответственно санскр. $sántas$: $sátsu$, $bhāgantas$: $bhāgatsu$, склоненіе шло такъ: $\kappa\rho\acute{\alpha}\sigma\sigma\omega\upsilon\tau\epsilon\varsigma$: * $\kappa\rho\acute{\alpha}\sigma\sigma\alpha\sigma\iota$, $\acute{\omicron}\kappa\acute{\alpha}\rho\omega\upsilon\tau\epsilon\varsigma$: * $\acute{\omicron}\kappa\acute{\alpha}\rho\chi\alpha\sigma\iota$, $\kappa\omega\iota\omega\upsilon\tau\epsilon\varsigma$: * $\kappa\omega\iota\omega\sigma\iota$, $\acute{\epsilon}\nu\tau\epsilon\varsigma$: * $\acute{\alpha}\sigma\alpha$. Съ дальнѣйшимъ же развитіемъ языка формы дательнаго падежа причастій были приравнены въ отношеніи основы къ темамъ на $\omega\upsilon\tau$, при чемъ окончаніе— $\alpha\sigma\iota$ осталось безъ измѣненія, такъ что получились формы $\kappa\rho\acute{\alpha}\sigma\sigma\omega\upsilon\tau\alpha\sigma\iota$ sim. Сравни. такое приравненіе основъ въ дат. $\acute{\alpha}\rho\acute{\nu}\alpha\tau\iota$ = болѣе древнему * $\acute{\alpha}\rho\acute{\nu}\alpha\tau$, въ которомъ ν явилось по аналогіи съ $\acute{\alpha}\rho\acute{\nu}\acute{\omicron}\varsigma$, $\acute{\alpha}\rho\acute{\nu}\iota$ и т. д. (Brugmann въ *Morph. Unt.* II p. 169 и 255).

¹⁾ Врядъ ли правъ Шмидтъ, выставляя на основаніи положенія: $\acute{\epsilon}\nu$, nicht $\acute{\epsilon}\nu$ ist die Gestalt der betonten nasalis sonans. форму $\acute{\epsilon}\nu\tau\epsilon\varsigma$, какъ древнѣйшую и первоначальную (ср. *Onthoff* въ *Morph. Unt.* IV, p. 291). Е въ $\acute{\epsilon}\nu\tau\epsilon\omega$ obviously совпимъ существованіемъ или аналогіи съ $\tau\acute{\iota}\delta\epsilon\upsilon\tau$ —sim., какъ думаетъ Г. Мейеръ (Gr. Gr. § 483), Курциусъ (*Verbum*, II² p. 135), Вругманъ (*Studien*, IX, p. 337) и Остгоузъ (*Morph. Unt.* IV, p. 291), или замѣтено изъ другихъ формъ того же глагола $\acute{\epsilon}\sigma\mu\acute{\epsilon}\nu$ sim., что, по нашему мнѣнію, вѣроятнѣе. Визитское $\acute{\epsilon}\nu\tau\iota$ (= $\acute{\epsilon}\nu\tau\iota$ Agis. Ach. 902; извѣстно также теперь $\acute{\epsilon}\nu\tau\iota$ — $\acute{\epsilon}\sigma\tau\iota$ въ родосской надписи Del¹ 177 11 = inscription of Brit. Mus. II, 349, происхожденіе котораго загадочно для насъ; съ замѣткою же Курциуса объ этомъ въ *Leipzig. Studien* IV, 316 sqq. мы не имѣли возможности ознакомиться), на которое ссылается между прочимъ Шмидтъ, могло произойти и изъ * $\acute{\alpha}\nu\tau\iota$ = * $\acute{\alpha}\nu\tau\iota$, перешедшаго въ греческое * $\acute{\alpha}\nu\tau\iota$ или $\acute{\delta}\nu\tau\iota$, а е въ немъ явлено тоже изъ $\acute{\epsilon}\sigma\mu\acute{\epsilon}\nu$ sim. (ср. *Meyer*, Gr. Gr. § 19). Также и первоначальнѣйшій видъ причастія $\acute{\epsilon}\rho\mu\iota$ въ греческомъ языкѣ могъ быть * $\acute{\epsilon}\nu\tau$ = индоевроп. $sát$. = санскр. $sántas$ (*Meyer*, Gr. Gr. § 10), или съ прибавленіемъ звука е по аналогіи—* $\acute{\epsilon}\nu\tau$ = $\acute{\epsilon}\sigma\mu\acute{\epsilon}\nu$ (*Meyer*, Gr. Gr. § 18). Такимъ образомъ здѣсь отношеніе двухъ основъ: полной * $\acute{\epsilon}\nu\tau$ и краткой * $\acute{\alpha}\tau$, или * $\acute{\delta}\nu\tau$ и * $\acute{\delta}\tau$, а не $\acute{\epsilon}\nu\tau$ и * $\acute{\alpha}\tau$, какъ думаетъ Шмидтъ. Впрочемъ, это обстоятельство теоріи Шмидта не мѣшаетъ, такъ какъ форму $\acute{\epsilon}\nu\tau\alpha\sigma\iota$ мы можемъ считать возникшею по аналогіи съ $\kappa\rho\acute{\alpha}\sigma\sigma\omega\upsilon\tau\alpha\sigma\iota$ sim., смѣна же двухъ темъ на $\omega\upsilon\tau$ и $\acute{\alpha}\tau$ въ остальныхъ случаяхъ остается весьма вѣроятною.

Такова теорія Шиндта. О справедливости ея трудно судить за малочисленностью данныхъ, но во всякомъ случаѣ гипотеза эта заслуживаетъ большаго вниманія и, намъ кажется, есть лучшее изъ всего сказаннаго до сихъ поръ о происхожденіи оригинальныхъ ираклейскихъ $\kappa\rho\alpha\sigma\acute{\upsilon}\nu\tau\alpha\sigma\iota$, $\upsilon\pi\alpha\rho\acute{\chi}\omicron\upsilon\tau\alpha\sigma\iota$ sim.

Весьма интересная форма, на которую до сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, нигдѣ не указано, читается въ одной изъ критскихъ надписей, относящейся къ концу III вѣка до Р. Хр. Разумѣемъ форму $\kappa\lambda\acute{\iota}\alpha\sigma\iota\nu$ Del² 121, B, 30 — 31, которую Кауеръ переводитъ „*majori numero*“. Если только эта форма вѣрна (Del¹ 38 стоитъ $\kappa\lambda(\epsilon\acute{\iota}\omicron\sigma\iota\nu?)$), то она представляетъ, очевидно, примѣръ образованія отъ $\kappa\lambda\epsilon\acute{\iota}\omicron\sigma\iota\nu$ дательнаго надежа plur. по аналогіи съ $\kappa\alpha\tau\acute{\rho}\alpha\sigma\iota$, $\mu\eta\tau\acute{\rho}\alpha\sigma\iota$ sim., но при всемъ томъ объяснить ее весьма затруднительно и, пожалуй, невозможно, такъ какъ, сравнивая нормальную форму $\kappa\lambda\epsilon(\acute{\iota}\omicron)\sigma\iota$ и $\kappa\lambda\acute{\iota}\alpha\sigma\iota$, видимъ исчезновеніе дѣлаго слога \omicron (или $\upsilon\nu$). Появленіе ι вмѣсто ϵ или $\epsilon\iota$, то-есть, формы $\kappa\lambda\acute{\iota}\alpha\sigma\iota$ вмѣсто $\kappa\lambda\epsilon\acute{\iota}\omicron\sigma\iota$ или $\kappa\lambda\epsilon\acute{\iota}\omicron\sigma\iota\nu$ (колебаніе между двумя послѣдними формами фактъ общезвѣстный), въ критскомъ діалектѣ можетъ показаться страннымъ. Если мы примемъ, что ι явилась здѣсь въ замѣнъ ϵ формы $\kappa\lambda\epsilon\acute{\iota}\omicron\sigma\iota$, то такой переходъ достаточно хорошо засвидѣтельствованъ и для критскаго діалекта примѣрами, собранными, между прочимъ и у Г. Мейера въ § 34 его грамматики. Предположивши для критскаго діалекта форму $\kappa\lambda\epsilon\acute{\iota}\omicron\sigma\iota\nu\epsilon\sigma$, мы не можемъ, правда, доказать памятниками этого же діалекта такую замѣну $\epsilon\iota$ на ι , но можемъ ее считать довольно вѣроятною, такъ какъ съ конца III вѣка, въ которому относится и наша надпись (Del² 121), подобное смѣненіе $\epsilon\iota$ и ι встрѣчается повсемѣстно въ Греціи, а спорадически и въ болѣе древнюю эпоху, при чемъ эта смѣна $\epsilon\iota$ и ι является нормальною для одного только діалекта вѳійскаго, гдѣ указанное явленіе констатируется уже для V вѣка (ср. Meister, Gr. Di. I, p. 224 sq. и p. 227—229). Изложеніе этого вопроса у Мейера Gr. Gr. § 113 и особенно у Бласса Ausspr.² § 16. Въ критскомъ діалектѣ были въ употребленіи обѣ формы — $\kappa\lambda\epsilon\acute{\iota}\omicron\sigma\iota\nu\epsilon\sigma$, какъ форма общедорическая, и $\kappa\lambda\epsilon\acute{\iota}\omicron\sigma\iota\nu\epsilon\sigma$, причемъ послѣдняя встрѣчается чаще. Въ тѣхъ критскихъ надписяхъ, которыя помѣщены въ сборникѣ Кауера, въ 1-мъ и 2-мъ его изданіяхъ, мы находимъ это слово нѣсколько разъ, именно въ 4-хъ случаяхъ съ ϵ [Del¹ 43, 52; 56, 13; 58, 14; Del² 138, 12 (ср. $\kappa\lambda\epsilon\acute{\iota}\omicron\sigma\iota\nu\epsilon\sigma$ Del² 129, 8)], въ двухъ съ $\epsilon\iota$ (Del¹ 61, 8. 31) и въ одномъ только съ ι — $\kappa\lambda\acute{\iota}\alpha\sigma\iota\nu\epsilon\sigma$ (Del² 132, 15). Но за то въ недавно изданной архаической надписи въ Гортинѣ (Mitthell. IX, p. 374 sqq.) эту сравни-

тельную степень читаемъ десять разъ и постоянно съ *ι*. Такимъ образомъ, судя по имѣющимся даннымъ, мы имѣемъ въ *κλῖας* или обыкновенный въ критскомъ діалектѣ переходъ *ε* въ *ι*, или недоказанный, но вѣроятный переходъ *ει* въ *ι*. Дальнѣйшему же этимологическому анализу форма *κλῖας* не поддается, такъ какъ видимъ въ ней необъяснимое выпаденіе или полнаго суффикса сравнительной степени, именно *κλί-ας* вмѣсто *κλε-ιον-ας*, или по крайней мѣрѣ, слога *ου*, и можемъ только отмѣтить, что подобное странное явленіе, постигшее именно это слово, не одиноко въ памятникахъ греческаго языка. Уже въ Илиадѣ В, 129 и Δ, 395 читаемъ формы *κλέας* и *κλέας*, которыя, очевидно, равняются *κλέονας* и *κλέονας*, что ясно изъ контекста. Объясненіе Кюнера по поводу этихъ формъ для насъ не совсѣмъ понятно. На стр. 437 своей грамматики (*Ausf. Gr. I*²) въ 3-мъ примѣчаніи онъ говоритъ: *Die Formen κλέας и κλέας, die man gewöhnlich als synkopirt aus κλέονας κλέονας behandelt, werden gewiss richtiger mit Buttman § 68. S. 269 für Positive gehalten (Nom. ΠΑΛΙΣ); die komparative Bedeutung verbindet sich leicht (?) mit dem Begriffe viel u. wenig u. drgl*¹. Что касается эпиграфическихъ данныхъ этого рода, то можемъ отмѣтить митилинскую надпись (раньше 390 годовъ), гдѣ два раза стоитъ *κλέας* вмѣсто *κλέονας* (*Del*² 427, 8. 10 = *Di. № 213*)¹). Для критскаго же діалекта, кромѣ упомянутого *κλῖας*, можно теперь указать еще нѣсколько подобныхъ примѣровъ, сдѣлавшихся извѣстными изъ новой гортанской надписи (*Mith. IX* p. 373 sqq.). Въ ней находимъ слѣдующія интересныя формы: *κλίας* VII, 18; *κλῖαδ δὲ* = *κλίας δὲ* VII, 29; *κλίαν* V, 55; *κλία* (*accus. plur. neutr.*) X, 14, хотя съ другой стороны въ ней же имѣемъ нормальныя формы: *κλίον* I, 37

¹) Е здѣсь произошло изъ *ει κλέας* изъ *κλείας*, такъ какъ нечленованіе *ι*, какъ втораго звука диатонга (*αι, ιι, οι*) предъ гласными—явленіе обыкновенное въ греческомъ языкѣ (ср. *Meyer, Gr. Gr. § 152* и *Blass, Ausf. Gr. p. 44* sq.). Специально для дорическаго діалекта обращеніе *ει* въ *ι*, кромѣ рукописнаго преданія и свидѣтельствъ грамматиковъ (ср. *Meister, Gr. Dial. I, p. 89* sqq.), подтверждается немногими эпиграфическими данными. Намъ извѣстны только *ίέραι(ν)* *Di. № 232, 3*, [*Δαρ?*] *έας, Di. № 300* и *πολιτέα Di. № 215, 38*. Последній примѣръ нѣтъ нужды замѣнять на *πολιτε(ι)ας*, какъ то дѣлаетъ Бехтель (*Di. I. с.*), также и въ строкахъ 8 той же надписи *ΠΟΛΙΤΤΑΣ* лучше исправить на *πολιτίας*, а не *πολιτε(ι)ας* (Бехтель). Ср. *Meister, Gr. Dial. p. 11* и 90. Вутманъ (*Ausf. Gr. I*² p. 269) указываетъ еще на форму *κλείς*, стоящую въ одной дорической надписи (... so steht τὰς μὲν κλείς in einer dorischen Inschrift bei Chandler p. 23. I, 1), но о какой надписи онъ говоритъ, намъ не извѣстно.

III, 40; X, 14; κλίονος II, 39; IX, 47 и κλίονα (accus. plur. neutr.) IV, 51. Вѣроятность же употребленія по аналогіи окончанія ασι въ κλίασι подтверждается отчасти формою υίασι (sic!) той же гортинской надписи (IV, 37).

Окончаніе ασι, которое вошло въ κλίασι только по аналогіи, было въ греческомъ языкѣ нормальнымъ для нѣкоторыхъ основъ на ρ и ν. Извѣстные слова, означающіи родство, πατήρ, μήτηρ, θυγάτηρ, имѣли при склоненіи двѣ основы, — на τερ и тр, при чемъ послѣдняя тема варіировалась смотря по тому, съ гласнаго ли или съ согласнаго звука начиналось падежное окончаніе: въ первомъ случаѣ тр прямо примыкало къ окончанію, во второмъ ρ, какъ γ sonans, вокализировалось и изъ тр получалось тра. (Ср. Meyer, Gr. Gr. § 18). Такимъ образомъ изъ *πατ-α, соответствующаго санскритскому pítṛ-shi, явилось πατράσι (Brugman, Studien, IX, p. 363 sq.). По аналогіи съ πατράσι, μητράσι, θυγατράσι было образовано υίασι, какъ слово обозначающее тоже родство (Ioh. Schmidt въ KZ. XXIII, p. 357 sq.), что могло произойти тѣмъ легче, что въ этомъ словѣ, какъ извѣстно, встрѣчается вообще замѣчательное колебаніе основы (ср. Meyer, Gr. Gr. § 318 и Ваппаск въ Studien X p. 88—91). Происхожденіе дательныхъ падежей γαστράσι и ἀστράσι (уже у Омира II, 22, 28. 317) можно объяснить или путемъ аналогіи съ πατράσι sim., такъ какъ склоненіе этихъ словъ близко или одинаково, или, что вѣроятнѣе, можно смотрѣть на ἀστράσι, γαστράσι, какъ на формы, развившіяся самостоятельно изъ формъ съ γ sonans, при чемъ императорское γαστήροι (de motu. 4, 27) и ἀστήροι неизвѣстнаго астронома I столѣтія до Р. Хр. (Lobeck, Purg. 157) будутъ тогда въ свою очередь формами, созданными по аналогіи съ ном. agentis (омир. μηροτήροι sim.). Ἀνδράσι также слѣдуетъ считать производнымъ отъ темы ἀνγ (стоявшей на ряду съ ἀνερ), въ которой вокализировалось γ—ἀν-δ-ρά-σι изъ ἀνγ-α. Вокализированная тема ἀνγ видна еще въ compositum ἀνδράποδον (ср. Brugman въ Studien IX p. 305). Тетраци форма омировская и вообще поэтическая (ианр. у Пиндара Ol. VIII, 68; X 69; P. VIII, 61) произошла изъ первоначальнаго *κτῆγ-α (Meyer, Gr. Gr. § 398 ср. Curtius, Grdz⁵. p. 488).

Темы на—αν(-εν) [-man(-men),—van(-ven)] точно также образовывали первоначально мѣстный падежь plur. отъ краткой основы, оканчивавшейся на η sonans, которое и вокализировалось предъ суффиксомъ — α, такъ что *η-α (*μη-α, *φη-α) обращалось въ ἄα (*μᾶα,

*ῥᾶσι). Формы, подобныя *διδῶσι, *τεκτᾶσι, *ποιᾶσι *πιῦῥᾶσι, предшествовали формамъ, сохранившимся до нашего времени, δαίμονσ, τέκτοσ, ποιᾶσι, πίῶσι, въ которыхъ о и е восстановлены уже позже по аналогіи съ остальными падежами, образованными отъ полной основы δαίμωνσ, ποιᾶνονσ etc. Этому же образованію слѣдовали, вѣроятно, и темы на ат—κτῆματ, ὄνοματ sim., звучавшія первоначально въ краткой основѣ — κτῆμα, ὄνομα, такъ что дательные падежи κτῆμασι, ὄνομασι произошли не изъ *κτῆματ-σι, *ὄνοματ-σι, а изъ *κτῆμα-σι, *ὄνομα-σι при посредствѣ вокализации п. Ср. по этому вопросу Бругмана въ Studien, IX, p. 375 sq., и особенно его прекрасную статью, въ которой собранъ обильный матеріалъ, „Die schwache Form der nominalstämme auf—n in suffixalen weiterbildungen und zusammensetzungen“ въ Morph. Unters. II p. 148 sqq. Слѣды образованія отъ краткихъ темъ на носовой звукъ (кромя темъ, подобныхъ *ὄνομα, κτῆμα) немногочисленны въ греческомъ языкѣ. Можно указать только форму φρασί, которая, очевидно, образована изъ краткой темы φρη (полная φρεν) посредствомъ вокализации п (ср. πρόφρασσα изъ προφρη-τια), и форму *ἀρασι, къ сожалѣнію дошедшую до насъ въ мнимо исправленномъ видѣ, такъ какъ форма ἀράσι своимъ ν обязана только аналогіи съ другими падежами — ἀρν-ός, ἀρνί etc. Ἄρασι встрѣчается только у Арата v. 1104 и въ позднѣйшей формѣ (Ios. A. I. III, 8, 10; 10, 1; Diog. Laert. VIII, 20), форма же φρασί очень древняя. У грамматиковъ греческихъ она считалась исключительно дорическою формою (Eust. 32, 14 cf. Ahrens, Dial. II p. 118) ¹⁾ и, дѣйствительно, въ литературныхъ памятникахъ мы встрѣчаемъ ее только у Пиндара Ol. VII. 24; I. III, 2; N. III, 62; P. II, 26; III, 59. 108; 109. 219—хотя и въ этихъ мѣстахъ рукописное преданіе колеблется между φρασί и φρασί. Въ P. III, 59 всѣ рукописи одинаково даютъ φρασί, а въ I. III, 2 всѣ читаютъ φρασί, въ остальныхъ же случаяхъ даются оба чтенія, причемъ φρασί стоитъ въ лучшихъ рукописяхъ, а φρασί въ худшихъ. Основываясь на чтеніи лучшихъ рукописей, издатели ставятъ во всѣхъ указанныхъ мѣстахъ φρασί (ср. изданія Бёка и Момзена). Но согласиться съ мнѣніемъ грамматиковъ объ исключительномъ употребленіи формы φρασί въ діалектѣ дорическомъ мы въ на-

¹⁾ Eust. l. c. τὸ μέντοι μὴν καὶ διὰ τοῦ α λέγεται μὲν, καθὰ καὶ ἀπὸ τοῦ φρήν γίνεται καὶ τὸ φρασί κοινῶς καὶ τὸ φρασί δωρικῶς παρὰ Πινδάρῳ κτλ.

стоящее время не имѣемъ права, такъ какъ эта форма читается и въ одной древней аттической надписи, найденной въ Афинахъ, которую Кирхгофъ относитъ къ началу VI столѣтія. Издана она въ первый разъ была litteris minusculis Кайбелемъ въ Rhein. Mus. N. F. 34, p. 181 sq. nr. 2* въ статьѣ: Supplementum epigrammatum Graecorum e lapidibus collectorum (ср. Ioh. Schmidt KZ. XXV, 38), а снимокъ съ нея помѣщенъ теперь у Рёля въ его „Imagines inscriptionum Graecarum antiq.“ на стр. 70 подъ № 21. Надпись читается такъ:

Ἀνδρῶτα δς (σ)ταίχε[ις] καθ' ὁδὸν φρασίν ἀλ(λ)α μανουῶν
στῆθι | καὶ οἰκτιρον σῆμα Θράσσονος ἰδόν.

Форма ФРАΣΙΝ, стоящая en toutes lettres въ этой замѣчательной во многихъ отношеніяхъ надписи, свидѣтельствуемъ ясно, что считать ее присущемъ единственно дорическому діалекту было бы ошибочно, такъ какъ она когда то употреблялась и въ аттическомъ діалектѣ и только впоследствии уступила мѣсто обычному дательному падежу—φρασί, въ которомъ * появилось по аналогіи съ формами другихъ падежей, образовавшимися отъ полной основы φρεν... φρενός, φρενί, κтл.

Приведенными примѣрами исчерпывается почти весь матеріалъ по вопросу о распространеніи окончанія ᾱσι, которое, какъ видно, имѣло весьма ограниченный кругъ дѣйствій. Остаются еще только два нѣсколько сомнительные случая. Нарѣчіе ἀγκάς, читаемое нѣсколько разъ въ омировскомъ текстѣ и объяснявшееся Эбелемъ (KZ. IV p. 207) и Поттомъ (Et. F. III, 129) какъ самостоятельный апокопированный мѣстный падежъ, при чемъ Поттомъ предполагалась и основа *ἀγκᾶδ, принимается теперь Іоганомъ Шмидтомъ (KZ. XXV, p. 39) за дательный падежъ слова ἀγκών, произведенный отъ темы *ᾱκῆ посредствомъ вокализации η, такъ что *ᾱκῆ-σι = ἀγκᾶσι, какъ *φρη-σι = φρασί. Сомнѣваясь пока въ возможности существованія апокопированныхъ мѣстныхъ падежей внѣ связи рѣчи, какъ было нами упомянуто выше, мы тѣмъ не менѣе можемъ все-таки принять гипотезу Шмидта, такъ какъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ читается ἀγκάς, можно ставить и ἀγκᾶσι, потому что за нимъ всегда слѣдуетъ слово, начинающееся съ гласнаго звука. Мѣста эти немногочисленны, почему и приводимъ ихъ здѣсь:

Ε 371 ... ἡ δ'ἀγκάς (читай ἀγκᾶσι) ἐλάετο θυγατέρα ἦν

Ε 816 ἡ ῥα καὶ ἀγκάς (читай ἀγκᾶσι) ἔμαρπτε Κρόνου παῖς ἦν παράκοιτιν

- Σ 353 . . . ἔχε δ' ἀγκάς (читай ἀγκάσ') ἀκοῖν
 Ω 227 ἀγκάς (читай ἀγκάσ') ἐχόντ' ἐμὸν οἶόν κτλ.
 η 252 . . . τρόκιν ἀγκάς (читай ἀγκάσ') ἐλὼν κтл.

Одно только мѣсто противорѣчитъ гипотезѣ Шмидта—Ψ 711, гдѣ читаемъ:

ἀγκάς δ' ἀλλήλων λαβέτην χεροὶ σιβαρηῖσι,

но оно не останавливается его, такъ какъ эту форму онъ отдѣляетъ къ другой основѣ *ἀγκα и считаетъ ее винительнымъ падежемъ. plur. „Davon (то-есть, отъ ἀγκάσ') zu trennen ist aber Ψ 711, говорить Шмидтъ, ἀγκάσ' und χεροὶ würden einander ausschliessen, denn der ἀγκών liegt oberhalb der hand (νόξε δέ μιν κατὰ χεῖρα μέσην ἀγκῶνος ἐνεσθαι Δ 252). Nur als accus. ἀγκάς gefasst giebt es hier sinn; auf diese stelle allein passt also die erklärung des schol. L zu E 371 und ἀγκάς ἀγκάλας Pesych.⁴ Все это вѣроятно, и чтение ἀγκάσ' въ вышеуказанныхъ пяти мѣстахъ заслуживаетъ предпочтенія предъ чтениемъ ἀγκάς.

Другой сомнительный случай имѣемъ въ дательномъ ἄλασ=ἀλαί, и относительно его трудно сказать что-нибудь рѣшительное, такъ какъ и самое существованіе этой формы подвержено большому сомнѣнію. Сохранилась она только въ приводимой Слехдою (ed. Bernh. p. 193) поговоркѣ: ἄλασιν θεῖ, которая употреблялась для обозначенія благосостоянія и роскоши (ἐπὶ τῆς ἀγαν εὐθηνίας). Ср. Curtius Grdz³ p. 549. Но эта поговорка, довольно странная сама по себѣ, исправляется многими на ἀλλάσιν θεῖ, и, быть можетъ, справедливо, какъ думаетъ и Курціусъ (Grdz⁴ p. 740), замѣчая: „gewiss ist es ein entschiedeneres Zeichen von Üppigkeit, Würste als Salzstücke regnen zu lassen“. Формы τὸ ἄλας, ατος приводятся грамматиками, какъ свойственныя языку обыденному (ἢ συνήθεια)—Choerobosc. I, 267 sq. Etym. M. 71, 15 ed. Rom. in v. ἄλας и p. 536, 26 in v. κρέας—мѣста же изъ писателей, гдѣ встрѣчаются формы отъ τὸ ἄλας, ατος рѣдки и требуютъ пересмотра (напримѣръ, τὸ ἄλας Θηβαίων Hipp. de morb. p. 583 и Diod. Sic. 1, 8, гдѣ худшія рукописи и вульгата читають ἡλάτων). Вообще интересно было бы рѣшить вопросъ, когда впервые появилась эта форма τὸ ἄλας, несомнѣнно существовавшая въ позднѣйшемъ языкѣ. Но имѣя въ виду, съ одной стороны, сомнительность преданія въ ἄλασιν θεῖ, и съ другой—то обстоятельство что форма ἄλας не встрѣчается въ древнемъ языкѣ, мы, если и сочтемъ дѣйствительною форму ἄλασ, то во всякомъ случаѣ должны

считать ее позднѣйшимъ образованіемъ по аналогіи съ $\kappa\alpha\tau\acute{\alpha}\sigma\iota$ или $\delta\acute{\nu}\omicron\mu\alpha\sigma\iota$, а не происшедшемъ самостоятельно изъ * $\acute{\alpha}\lambda\mu$ — $\sigma\iota$. (Ср. Brugman въ *Morph. Unters.* II p. 229).

Ограничиваясь въ нашей замѣткѣ почти исключительно памятниками эпиграфическими и не имѣя въ виду подробнаго изслѣдованія употребленія окончаній дательнаго надежа въ памятникахъ литературныхъ, мы можемъ теперь перейти отъ діалектовъ дорической группы къ остальнымъ діалектамъ, сказавъ предварительно нѣсколько словъ объ окончаніи $\epsilon\sigma\sigma\iota$. Какъ мы видѣли выше, въ дорической группѣ діалектовъ преобладающимъ окончаніемъ является $\sigma\iota$ и метаналитическое $\omicron\sigma$, другія же окончанія попадаются лишь sporadически, какъ $\acute{\epsilon}\sigma\iota$ въ критскихъ $\mu\lambda\acute{\iota}\alpha\sigma\iota$ (Del² 121) и $\upsilon\acute{\iota}\alpha\sigma\iota$ (Mitth. IX; p. 374 sq.) и $\alpha\sigma\sigma\iota$ въ ираклейскихъ $\acute{\epsilon}\upsilon\tau\alpha\sigma\sigma\iota$ etc. Крайне рѣдко также и окончаніе $\epsilon\sigma\sigma\iota$, которое встрѣчается только два раза: $\acute{\alpha}\rho\eta\acute{\alpha}\tau\epsilon\sigma\sigma\iota$ въ коркирской надписи C. I. G. 1845 и $\lambda\alpha\gamma\acute{\upsilon}\nu\epsilon\sigma\sigma\iota$ въ мегарской позднѣйшей и притомъ метрической C. I. G. 1067=Kaibel, Epigr. 461, 10. Что касается происхожденія этого окончанія, то несомнѣнно, что мы должны отказаться отъ прежней теоріи, по которой окончаніе $\epsilon\sigma\sigma\iota$ разлагалось на $\sigma\sigma\iota$, считавшееся единственнымъ суффиксомъ дательнаго надежа, и пресловутый соединительный гласный ϵ (ϵ + $\sigma\sigma\iota$). Это мнѣніе, поддерживавшееся Ауфрехтомъ (KZ. I, 118), Герландомъ (KZ. IX, p. 58 sq.), а также Боппомъ въ 3-мъ изданіи его „Сравнительной Грамматики“, p. 504, уступило, и совершенно справедливо, мѣсто другой теоріи, высказанной Вругманомъ (Studien IX, p. 297 прим. 12; cf. *Morph. Unters.* I, p. 281 прим.), по которой окончаніе $\epsilon\sigma\sigma\iota$ было перенесено съ основъ на $\epsilon\sigma$ по аналогіи и на другія основныя 1-го склоненія, то-есть, по аналогіи, съ $\gamma\acute{\epsilon}\nu\epsilon\sigma$ - $\sigma\iota$, $\sigma\tau\acute{\eta}\theta\epsilon\sigma$ - $\sigma\iota$ sim. образовались $\phi\omicron\lambda\acute{\alpha}\chi\epsilon\sigma$ - $\sigma\iota$, $\kappa\acute{\alpha}\nu$ - $\epsilon\sigma\sigma\iota$, $\kappa\acute{\alpha}\nu\tau$ - $\epsilon\sigma\sigma\iota$, $\mu\omicron\lambda\acute{\iota}$ - $\epsilon\sigma\sigma\iota$, $\nu\epsilon\chi\acute{\omicron}$ - $\epsilon\sigma\sigma\iota$ etc. ¹⁾ Но дѣло аналогіи пошло еще дальше: окончаніе $\epsilon\sigma\sigma\iota$ стало затѣмъ прилагаться и къ тѣмъ самымъ основамъ, отъ которыхъ оно было взято, и такимъ образомъ появились формы, подобныя $\acute{\epsilon}\pi\acute{\epsilon}$ - $\epsilon\sigma\sigma\iota$,

¹⁾ Боппъ въ 1-мъ изданіи своей Сравнительной Грамматики, p. 292, высказывалъ подобныя же мнѣнія, но впоследствии отказался отъ нихъ, согласившись съ Ауфрехтомъ и др. Интересно сравнить то, что говорилъ уже Таршъ по поводу $\epsilon\sigma\sigma\iota$ на $\epsilon\sigma\sigma\iota$ (Gr. Gr.⁴ p. 167): „ ϵ vor $\epsilon\sigma\sigma\iota$ (напримѣръ $\beta\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\sigma\sigma\iota$) verdoppelt sich, um die Form für das Bedürfniss des Verses zu erweitern, also $\beta\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\epsilon\sigma\sigma\iota$. Wird von $\beta\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\epsilon\sigma\sigma\iota$ u. a. der Stamm ($\beta\acute{\epsilon}\lambda\epsilon$) abgelöst, so bleibt für den Ausgang— $\epsilon\sigma\sigma\iota$ übrig, und dieser ging dann unabhängig von den Formen auf ϵ , an denen er ursprünglich haftete, auch auf andere über.“

νεφέ-εσσι etc. Эти формы на εσσι по неизвѣстнымъ намъ причинамъ нашли себѣ наибольшее изъ всѣхъ аналогичныхъ образованій дательнаго падежа распространеніе, какъ въ языкѣ поэтовъ вообще, такъ и въ обыкновенномъ говорѣ нѣкоторыхъ греческихъ племенъ.

Изъ діалектовъ сѣверно-греческой группы въ фокійскомъ преобладаютъ дательные падежи, образованные матапластически на οκ. Надписи этого діалекта, особенно дельфійскія, относящіяся къ промежутку времени между половиною IV вѣка и половиною II вѣка до Р. Х., даютъ много примѣровъ этого образованія. Въ однихъ надписяхъ употребляется одно какое-либо окончаніе, въ другихъ встрѣчаются совмѣстно и нѣсколько. Одно σι употребляется только въ дельфійской надписи 3-го вѣка Del¹ 83, въ другихъ на ряду съ σι стоитъ и матапластическое οκ, какъ напримѣръ, Del² 210, въ третьихъ одно εσσι: Del² 204; 206, но въ большинствѣ одно только οκ. Слѣдуетъ еще упомянуть и стоящее на ряду съ οκ въ Del² 209 окончаніе εσ, которое Кауеръ напрасно дополняетъ въ εσ(σ)ι (πάντεςσι). Это окончаніе, представляющее, безъ сомнѣнія, сокращеніе изъ εσσι, ставшее нормою для позднѣйшихъ γένεσσι, στήθεσσι (изъ γένεσσσι, στήθεσσσι), имѣло въ греческомъ языкѣ со времени уже омировскихъ пѣсней право гражданства, хотя его аналогичное примѣненіе сравнительно съ εσσι весьма незначительно. Въ Илиадѣ и Одиссеѣ по общепринятому чтенію извѣстны только 5 случаевъ такого употребленія εσ, а именно:

Κ 486: αἴγεςι ἢ οἶεσσι κακὰ φρονέων ἐνορούοσι

(безъ вариантовъ)

Υ 468: ἀλλὰ μάλ' ἐμμαμαώς. ὁ μὲν ἤπτετο χεῖρεςι γούων

(вар. χερσὶ Eust., нарушающій метръ)

Ψ 191: σήλει' ἀμφὶ καὶ χροῖα ἴνεσσιν ἠδὲ μέλεσσιν

(безъ вариантовъ)

ο 386: ἢ σέ γε μοονωθέντα παρ' οἶεσσιν ἢ παρὰ βουσίιν

(съ вариантами, нарушающими смыслъ—ύάσσιν, ύεσσιν—и метръ—ύεσσιν)

ο 557: ἐσθλός ἐὼν ἐνίσχων ἀνάχτεσσιν ἤπια εἰδώς

(безъ вариантовъ).

Чтеніе съ εσι въ этихъ стихахъ защищено вполне метромъ, и исправлять ихъ для уничтоженія этого εσ, кажется намъ, нѣтъ никакой надобности, хотя за исключеніемъ Υ 468 это сдѣлать не трудно, читая αἴγεςσ' ἢ, ἴνεσσ' ἠδὲ, οἶεσσ' ἢ, ἀνάχτεσσ' ἤπια (элизия ε въ окончаніяхъ 3-го склоненія см. Brugman, Problem etc. p. 84 и La

Roche в Zeitschr. für Österr. Gymn. 1861 p. 841). Но съ другой стороны и увеличивать число случаевъ употребленія *εσι*, выбирая изъ рукописныхъ разночтеній именно это, а не другое чтеніе, какъ-то дѣлаетъ Наукъ въ своихъ изданіяхъ, также нѣтъ необходимости въ виду рѣдкости этого окончанія, и странно, что именно Наукъ, прекрасный критикъ и знатокъ греческой литературы, а не кто-либо другой, поступаетъ такимъ образомъ. Не вводя въ текстъ, напримѣръ, варианта *κονίσσᾱλλος*, формы, которую поддерживаетъ и сравнительное языкованіе, онъ однакоже вводитъ, не объясняя, сколько намъ извѣстно, нигдѣ мотивовъ, чтеніе съ *εσι* еще въ трехъ мѣстахъ пользуясь разноченіемъ рукописей, именно въ М 382 *χειράσιν ἀφοτέρησι* (вмѣсто *χειράσιν* *ἀμφ.*), въ Π 704 *χειράσιν ἀθανάτησι* (вмѣсто *χειράσιν* *ἀθαν.*) ¹⁾ и въ ξ 238 *νήσιν ἠγήσασθαι* (вмѣсто *νήσιν* *ἠγ.*), хотя принятое имъ чтеніе принадлежитъ меньшинству рукописей и притомъ большею частью худшимъ. (Къ числу этихъ мѣстъ Науку слѣдовало бы отнести и о 462, гдѣ также одна рукопись даетъ *χειράσιν*, но со времени Воккера читаютъ *χερσίν τ'*; ср. Kühner, Ausf. Gr. I² p. 327).

Кромѣ омировскихъ примѣровъ въ памятникахъ литературныхъ мы находимъ еще нѣсколько случаевъ аналогичнаго употребленія *εσι*, правда, нѣсколько сомнительныхъ. Такъ въ аттическомъ стихѣ, приводимомъ два раза Аэнеемъ (р. 86 С и 90 F), читаютъ и издатели, и рукописи то *κτάσι*, то *κτένεσι*, и стихъ этотъ дошелъ до насъ, очевидно, въ испорченномъ видѣ, на что указываетъ уже неумѣстная постановка члена:

Λεκάσιν, ἐχίνοισι, ἐσχάρασι, βελόνασι τε τοῖς κτέσιν (или: *κτένεσιν τε*).

Ср. Meineke, F. C. G. II, p. 721 и ед. min. p. 410, а также Buttman, Ausf. Gr. I² p. 179. Другой примѣръ для аттическаго діалекта представляетъ стихъ Аристофана. Av. 239:

κλάσσι νόμον ἔχει ²⁾.

¹⁾ Ср. стихъ 254 омировскаго гимна въ честь Димитры: *χειράσιν ἀθανάτησι* безъ вариантовъ.

²⁾ Эта форма приобретаетъ характеръ достоверности отчасти также потому, что въ склоненіи слова *ὁ κλάσος* формы метаблатическія весьма нередки. Такъ имѣемъ *κλάσι* у Аристофана *Lys.* 632:

καὶ φορήσῃ γε εἶφος τὸ λοιπὸν ἐν μύρτου κλάσι,

занислованное, очевидно, изъ известнаго Каллистратова схоліа, сохраненнаго Аэнеемъ р. 695 A *ἐν μύρτου κλάσι τὸ εἶφος φορήσῃ κτλ.* (ср. Blaydes ad *Lys.* v.

Иродотовскіе же примѣры $\delta\alpha\tau\omicron\mu\acute{o}\nu\epsilon\sigma\iota$ VI, 57 $\kappa\lambda\epsilon\acute{o}\nu\epsilon\sigma\iota$ VII, 224, $\mu\acute{\eta}\nu\epsilon\sigma\iota$ IV, 43; VIII, 51, изъ которыхъ только при первомъ нѣтъ вариантовъ, заподозрѣваются уже Бредовомъ (De dial. Her. III, p. 254; ср. Kühner, Ausf. Gr. I³ p. 327) и, какъ кажется, справедливо.

Въ памятникахъ эпиграфическихъ аналогичное употребленіе $\epsilon\sigma\iota$ также крайне рѣдко. Кромѣ упомянутого уже дельфійскаго $\kappa\acute{\alpha}\nu\tau\epsilon\sigma\iota$ Del² 209,5, дополняемаго Кауеромъ несправедливо на $\kappa\acute{\alpha}\nu\tau\epsilon\sigma\iota(\sigma\iota)$,⁶ намъ извѣстны только вѣотійское $\kappa\alpha\tau\alpha[\mu\iota]\nu\acute{\alpha}\nu\tau\epsilon\sigma\iota$ Di. № 811,8 = Del² 340, гдѣ Кауеръ опять дополняетъ $\kappa\alpha\tau\alpha[\mu\iota]\nu\acute{\alpha}\nu\tau\epsilon\sigma\iota(\sigma\iota)$, митилінское $\mu\acute{\eta}\nu\epsilon\sigma\iota$ Di. № 213,12 (и Вехтель, также какъ и Кауеръ (Del² 427) дополняетъ $\mu\acute{\eta}\nu\epsilon\sigma\iota(\sigma\iota)$, замѣчая ad l.: „das zweite σ vielleicht irrthümlich übergangen“, но ср. Meister, Gr. Dial. I, p. 136), и влидское $\mu\alpha\upsilon\tau\acute{\iota}\nu\epsilon\sigma\iota$ Del² 261,17. Последній примѣръ, исправляемый Кауеромъ и Рѣлемъ (IGA № 119 въ адд.) на $\mu\alpha\upsilon\tau\acute{\iota}\nu\epsilon\sigma\iota(\sigma\iota)$, возбуждаетъ сомнѣніе особенно своимъ ν , хотя на доскѣ ясно стоитъ ΜΑΝΤΙΝΕΣΙ. Это обстоятельство, иррипитно, и побудило Бласса въ Di. № 1151 видѣть въ этой формѣ дательный надежь отъ именительнаго Μαντινῆς („μαντινῆσι scheint der (arkadische) Dativ zu Μαντινῆς-Μαντινέος“), чтò, впрочемъ, остается ни болѣе ни менѣе, какъ остроумною догадкою, такъ какъ не извѣстно, вопервыхъ, существовала ли въ аркадскомъ діалектѣ такая форма $\text{Μαντινῆς-Μαντινέος}$ съ дательнымъ Μαντινῆσι , а вовторыхъ, остается не рѣшеннымъ, какъ эта аркадская форма, если только она дѣйствительно существовала, попала въ Илидскую надпись.

Вышеприведенные примѣры исчерпываютъ собою всю область аналогичнаго употребленія окончанія $\epsilon\sigma\iota$, и какъ мы видѣли, многіе изъ нихъ сомнительны, но тѣмъ не менѣе они служатъ яснымъ доказательствомъ, что и окончаніе $\epsilon\sigma\iota$ могло употребляться по аналогіи, и нѣтъ никакихъ основаній исправлять эти формы на иныя, такъ какъ нѣтъ причинъ, почему бы формы, подобныя $\gamma\epsilon\upsilon\acute{\epsilon}\sigma\iota$, $\sigma\tau\acute{\eta}\theta\epsilon\sigma\iota$, не могли послужить основой для образованія по аналогіи, равно какъ формы, $\gamma\epsilon\upsilon\acute{\epsilon}\sigma\iota$, $\sigma\tau\acute{\eta}\theta\epsilon\sigma\iota$ произвели $\phi\omicron\lambda\acute{\alpha}\chi\epsilon\sigma\iota$, $\nu\epsilon\chi\acute{o}\nu\epsilon\sigma\iota$ etc.

Въ локридскомъ діалектѣ извѣстны окончанія: $\sigma\iota$ въ $\sigma\upsilon\upsilon\tau\epsilon\lambda\omicron\upsilon\sigma\iota\upsilon$ Del¹ 93,2, метапластическое: $\omicron\iota$ Χαλκείοις Del² 229, B, 22, $\mu\epsilon\acute{\iota}\omicron\iota\omicron\iota\varsigma$

632). $\kappa\lambda\acute{\alpha}\delta\epsilon\sigma\iota$ у Никаандра ($\Theta\rho\acute{\alpha}\sigma\kappa\iota\omicron\nu \eta \acute{\alpha}\rho\gamma\omega\pi\acute{o}\nu\eta\tau\epsilon \kappa\lambda\acute{\alpha}\delta\epsilon\sigma\iota \kappa\lambda\acute{\alpha}\nu\eta\tau\eta\nu$ Athen. p. 683 C.) и $\kappa\lambda\acute{\alpha}\delta\alpha\varsigma$ у него же $\Sigma\alpha\mu\phi\acute{o}\chi\omega\varsigma \lambda\acute{\iota}\beta\acute{\alpha}\nu\omicron\upsilon \tau\epsilon \nu\acute{\epsilon}\alpha\varsigma \kappa\lambda\acute{\alpha}\delta\alpha\varsigma \eta\delta' \theta\epsilon\alpha \kappa\eta\kappa\omicron\iota$ *ibid.* p. 684 A). Срав. $\kappa\lambda\acute{\alpha}\delta\omicron\iota\varsigma$ въ томъ же отрывкѣ изъ Никаандра Athen. p. 683 ст. 41. Въ слухахъ метаплазма въ этомъ словѣ указаны у *Кюнера* Ausf. Gr. I³ p. 399.

ibid. 230, В, 5 (можетъ быть, и 'Ер. ετιέος Ж. М. Н. Пр. 1884, 12 р. 42) и εσα—Κεφαλλάναςи χρημάτω[σ]ι въ Del² 228.

Въ этолийскомъ діалектѣ извѣстны намъ только два примѣра дательныхъ надежей, и оба металастическіе—Del² 236—πλεόντοισι. и ἐκαγγελλόντοισι.м.м., а въ акарнанскомъ только одинъ примѣръ χρήμασι Del² 241,12.

Надписи эссалийскаго діалекта показываютъ употребленіе нѣсколькихъ окончаній дательнаго падежа, но почти исключительно металастическаго оис и εσα. Такъ имѣемъ: σμφολ[εμειοάντε]σαι Di. № 326,2; κατοικάντωσαι Di. № 345, 14.18; πάντωσαι Di. № 361, В, 12; Λολόπεσαι₁₂, Αἰνάνω[σ]ι₁₂, Μαγυζίτω[σ]ι₁₄, δοκίμασθέντωσαι₁₄ въ Di. № 1329; πάντ[ε]σσι₁₆ и ἐνοικοδομεικόντωσαι₁₆ въ Di. № 1332. Окончаніе оис въ Del² № 239 Μελιταίωισι.с.с., Πηρέωισι.м.м., ἀρχόντοισι, въ Del² № 385—Αἰ[νι]ά[ν]ωισι, въ Del² № 283—Αἰνάνωισι.с.с., въ Del² № 384—Αἰνάνωισι. Формы κατοικοῦσιν и μέλλουσιν въ Del² 409 = Di. № 345 не принадлежатъ діалекту эссалийскому, такъ какъ находятся въ коніяхъ писемъ Македонскаго царя Филиппа (дать 219 г. и 214 г.), составленныхъ на нарѣчій κοινή. Одно только [Μακεδ]ῶσι Del² 399,2 = Di. № 361 А служить примѣромъ окончанія ¹⁾.

Для эпирскаго діалекта примѣровъ дательнаго падежа 3-го склоненія въ надписяхъ не находимъ.

Въ вѣотійскомъ діалектѣ, кромѣ σι въ τρισίν Di. № 488,26, постоянно употребляются только металастическое окончаніе оис и εσα, причемъ оис имѣемъ только два раза: αἴγος = αἴγος = αἴζι въ Di. № 489,39 и γονεύς въ Di. № 391 (или вѣрнѣе γονεύς), а εσα очень часто. Одноюко стоитъ, быть можетъ и не вѣрно, пара[μει]γάντωσιν въ эспійской надписи Di. № 811, служа единственнымъ представителемъ подобнаго образованія по аналогіи въ вѣотійскомъ діалектѣ. Читавшаяся Рѣлемъ (IGA № 162) и Кауеромъ (Del² 375) [ὀ]φίωσιν въ акрѣфійской надписи теперь читается [Ἀκρ]αφίωσιν, согласно первой коніи съ этой надписи, данной г. Корольковимъ въ Mittheil. IX р. 9 (въ транскрипціи Королькова = [Ἀκρ]αφίωσιν, а Мейстера, менѣе вѣроятной = [Ἀκρ]αφίωσιν (Di. р. 396).

Въ надписяхъ илїдскихъ, кромѣ металастическаго оис въ

¹⁾ Примѣчаніе Фига въ Di. № 361: der Dialekt würde Μακεδόνωισι erfordern, doch bilden Titel vielfach Ausnahmen, для насъ не совсемъ ясно. Разумѣть ли оны подъ „Ausnahmen“ металастическое оис, или ему извѣстны и другія окончанія, намъ не встрѣтившимся?

ἀγώνιστ (Dl. № 1172) и χρεμάτος (Dl. № 1154, 1.8) и εσι въ παντίμας (Röhl I. G. A. № 119 = Dl. № 1151 см. выше), другихъ окончаній не находимъ, такъ какъ и примѣровъ другихъ нѣтъ. Въ обломкѣ надписи, Röhl, I. G. A. № 122 = Dl. № 1170, гдѣ въ 4-й строкѣ читалось прежде κοσ, что можно было принять за дательный падежъ plur. particip. perf. вродѣ [ακοσολα]κόσ, какъ читалъ Рёль, или particip. praes. κηκόσ, какъ думалъ Даниель (Bezzenberger, Beiträge zur Kunde der Indogerm. sprachen VI, 265), въ настоящее время, по сличенію Пургольда, читается κοσ, что въ соединеніи съ послѣдующимъ словомъ даетъ κοσ τολύμια.

Въ аркадскомъ діалектѣ, кромѣ одного примѣра [ε]σι]γόντος Del² 462,5, постоянно окончаніе σι, которое засвидѣтельствовано и для кипрскаго формою καισι, стоящемъ въ надписи начала IV вѣка Dl. № 60, 13.25.

Въ надписяхъ эоійскаго діалекта постоянно употребляется окончаніе εσσι. Ср. Meister, Gr. Dial. I, p. 163. Интереснымъ указаніемъ на другія образованія служатъ уже упомянутыя нами μῦνησι Dl. № 213, 12, [γ]ύναξι, Dl. № 272,6 и εἴρωσσι Dl. № 272,11.

Надписи аттическія, равно какъ и іоническія, даютъ, какъ извѣстно, только окончаніе σι.

III.

Для именъ, склоняющихся по такъ-называемому 2-му склоненію, существуютъ въ греческомъ языкѣ съ давнихъ поръ, какъ извѣстно, два окончанія для дательнаго падежа plur.: σισι и σις, изъ которыхъ наиболѣе распространено было послѣднее. Вопросъ объ ихъ происхожденіи и взаимномъ отношеніи рѣшался по большей части согласно съ теоріей Герланда (KZ. IX p. 36 sqq.), по которой первоначальнымъ окончаніемъ признается лишь σισι, а σις рассматривается какъ происшедшее изъ σισι посредствомъ отпаденія конечнаго ι. Опираясь на свои статистическія наблюденія, Герландъ, вывелъ заключеніе, что окончаніе σισι, отбрасывая конечный гласный звукъ предъ начальнымъ гласнымъ слѣдующаго слова въ стихотворной рѣчи, мало по малу стало употребляться въ такомъ усѣченномъ видѣ и предъ словами, начинающимися съ согласнаго, и съ теченіемъ времени вытѣснило совершенно изъ употребленія окончаніе σισι и въ обыденномъ говорѣ ¹⁾.

¹⁾ Паукъ въ Mélanges Gréco-Rom. IV, p. 407 sqq., слѣдуя теоріи Герланда, старается доказать, что всѣ мѣста омирскаго текста, гдѣ читается σις, испор-

Такимъ образомъ Герландъ считаетъ возможнымъ, что развившаяся при извѣстныхъ условіяхъ въ связи рѣчи форма сдѣлалась образцомъ для созданія такихъ же формъ и внѣ этихъ условій, то-есть, что частный случай былъ возведенъ въ общій законъ. Противъ этого принципа такъ-называемой „синтаксической фонетики“ возразить по его существу ничего нельзя, и подобный приемъ съ бѣльшимъ или меньшимъ успѣхомъ принимается многими новыми учеными, но, какъ справедливо замѣчаетъ Остгофъ (*Die bildung etc.* p. 54), пригнѣвненіе его можетъ привести къ подлежащимъ результатамъ только въ томъ случаѣ, „wenn die stellung in der satzunggebung, aus welcher man die betreffende form erklären will, von derselben so überwiegend häufig eingenommen wird, dass sie gewissermassen characteristisch für die wortform ist“, чего въ данномъ случаѣ, разумѣется, нѣтъ. Никакія статистическія наблюденія, въ родѣ Герландовыхъ и Наубо-выхъ, никогда не докажутъ, да и не могутъ по своей сущности доказать, что окончаніе *ois* было одарено особеннымъ свойствомъ, въ силу котораго употреблялось преимущественно предъ словами съ гласнымъ начальнымъ звукомъ, что необходимо предположить при Герландовой теоріи. Поэтому Остгофъ вполне правъ, выступая защитникомъ другаго мнѣнія, высказаннаго еще въ 1862 году Боппомъ въ *Abhandlungen* Берлинской академіи (p. 80) и поддержаннаго Поттомъ (*Etym. F.* I² p. 573) и Лассеномъ (*Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft*, vol. X, p. 344), по которому окончаніе *ois* рассматривается какъ самостоятельное окончаніе въ греческомъ языкѣ оруднаго падежа (*instrumentalis*), совершенно независимое отъ *ois*, окончанія мѣстнаго падежа. Что касается перехода оруднаго падежа въ роль мѣстнаго (дательнаго), то мы, съ своей стороны, согласны съ Остгофомъ (*Die bildung etc.* p. 57), что нѣтъ никакихъ препятствій со стороны смысловой, синтаксической призна-

ченъ, почему и слѣдуетъ исправлять ихъ, возстановляя предъ гласными слѣдующаго слова *ois*, а предъ согласными какими-либо инымъ путемъ: „Auf diese Weise, говоритъ онъ (p. 410), glaube ich den homerischen Text einer ursprünglichen Gestalt um einige Schritte näher gebracht zu haben“. Сильно сомнѣваемся въ этомъ. Наука при ихъ исправленіяхъ выходитъ изъ положенія, что окончаніе *ois* древнѣе, чѣмъ *ois*, и поэтому одно только и должно употребляться въ омирскомъ текстѣ. Но прежде слѣдовало бы доказать это положеніе, а потому уже исправлять согласно съ нимъ. А такъ какъ доказать его неопровержимо, по крайней мѣрѣ въ настоящее время — не возможно, то и исправленіе текстовъ древнихъ писателей на основаніи одной лишь предельной теоріи — не осторожно.

вать возможнымъ такой переходъ. Нѣкоторое затрудненіе представляетъ только вѣдьянскія форма падежа на *oc*, если считать его оруднымъ, такъ какъ сравненіе его съ санскритскимъ *aśvāis*, древне-бактрійскимъ *vehrkāish*, латинскимъ *equis*, указываетъ, что орудный падежъ въ греческомъ языкѣ долженъ былъ бы оканчиваться на **oc*, а не на *oc*. Но такой переходъ **oc* въ *oc*, съ одной стороны, и самъ по себѣ возможенъ, а съ другой — этому, вѣроятно, содѣйствовало вліяніе мѣстныхъ падежей на *oc*, когда орудные падежи стали сами мѣстными. Падежи же на *oc* мы въ противоположность Острофу считаемъ одинаково древними съ падежами на *oc* и имѣющими самостоятельное происхожденіе. Впрочемъ, и самъ Острофъ не отрицаетъ вполнѣ самобытности окончанія *oc*, но отдаетъ преимущество своей догадкѣ, по которой *oc* образовалось изъ *oc* оруднаго падежа путемъ приравненія послѣдняго формѣ мѣстнаго падежа отъ другихъ основъ. Но мы не видимъ никакихъ данныхъ, которыя могли бы заставить насъ предположить, что основы на *o* были почему-то лишены возможности образовывать мѣстный падежъ самостоятельно, какъ образовывали его всѣ другія основы, а должны были уже позже примкнуть съ своимъ *instrumentalis* къ падежамъ мѣстнымъ и приравнять его послѣднимъ. Вопросъ заключается лишь въ томъ, откуда взялось *o* въ окончаніи *oc*, такъ какъ мѣстный падежъ отъ основъ на *o* долженъ былъ бы оканчиваться на **o—oc*. Многими съ дѣлшихъ поръ это **o—oc* и предполагалось, какъ предшествовавшее *oc*, между прочимъ эту мысль повторилъ недавно и Сейсъ (Sayce) въ своей книгѣ: *Introduction to the science of language*, I, p. 296. Но, какъ показываетъ сравненіе языковъ, *o* въ *oc* не есть продуктъ специально греческаго образованія, а перешло въ готовомъ уже видѣ изъ индоевропейскаго языка: греч. *ἵππος* соответствуетъ санскр. *aśvāshu*, вѣдскому *aśvāshu*. Такое же расширеніе темы находимъ часто, по не всегда, и въ славянскомъ языкѣ: форма *вльцѣхъ* стоитъ наряду съ формою *влькохъ*, причемъ *ѣ* первой формы произошло изъ *+i* (тематичное *a* въ муж. основахъ древнѣе *o—влькъ* изъ **влька*, а послѣднее изъ **влькае*). Ср. Будиловичъ, Анализъ составныхъ чистей славянскаго слова стр. 85 и 91. Объяснить причину появленія двугласнаго *oc* вмѣсто ожидаемаго *o* пока не представляется возможности, такъ что мы принуждены ограничиться только указаніемъ на глубокую древность этого окончанія *oc*. Съ теченіемъ времени, по причинамъ намъ неизвѣстнымъ, формы на *oc* стали рѣже употребляться и наконецъ совершенно были вытѣснены изъ употребленія формами

на *ос*, перешедшими окончательно изъ значенія падежей орудныхъ въ значеніе мѣстныхъ. Копстатировать хронологическую границу этого окончательнаго вытѣсненія окончанія *ос* въ каждомъ діалектѣ отдѣльно нельзя, такъ какъ не всѣ діалекты одинаково хорошо извѣстны, и для многихъ изъ нихъ количество древнѣйшихъ падежей весьма ограничено или даже сводится къ нулю, какъ напримѣръ, въ этолійскомъ и мессинскомъ діалектахъ. Этой скудости эпиграфическихъ документовъ древнѣйшей эпохи мы и обязаны тѣмъ, что въ большинствѣ діалектовъ находимъ уже въ исключительномъ употребленіи только окончаніе—*ос*, при полномъ отсутствіи формъ мѣстныхъ падежей на *ос*, существованіе которыхъ въ этихъ діалектахъ можемъ предположить только а priori, какъ формъ, несони самобытныхъ. Такъ въ діалектахъ лаконскомъ, праклеійскомъ, мессинскомъ, аргивскомъ, коринскомъ, мегарскомъ, дорическихъ острововъ (кроме Крита), ахейскомъ, фокійскомъ, локридскомъ, этолійскомъ, акарнанскомъ, сессалійскомъ, эпирскомъ, илїдскомъ, кипрскомъ постоянно встрѣчаемъ только окончаніе *ос*. Въ діалектахъ критскомъ, вїотійскомъ и аркадскомъ во всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ надписяхъ находимъ только три примѣра окончанія *ос*, но одному на діалектѣ, именно, въ одной архаической критской надписи (Röhl, IGA № 478,4 = Bull. de cong. hellén. 1885, p. 4) читаемъ сомнительное TOSMSN = τούσν, о которомъ мы уже говорили, въ древнемъ вїотійскомъ (изъ Фивы) надгробіи — ΨΕΕΝΟΙΩΙ = τείνοισι (надпись метрическая, что совершенно подрываетъ ея значеніе въ данномъ случаѣ) Röhl, IGA № 167 = Di. № 744, и наконецъ въ аркадской надписи 'Αλεσιόσι, Röhl, IGA № 105 = Del² 467 = Di. № 1183 ¹⁾. Что касается діалекта іоническаго, то надписи даютъ также мало примѣровъ окончанія *ос*, (хотя какъ извѣстно, у писателей, напримѣръ, Продота, постоянно *ос*). Намъ извѣстны только изъ тейской надписи начала V вѣка — Del² 480 = Röhl, IGA № 497 Τησιόσιν₁₂, 'Πρακλειόσιν₂₂, Διόσιν₂₄, 'Ανθεστηρίόσιν₂₂, и изъ позднѣйшей плохой копій древняго Кизикскаго документа — Del² 488 = Röhl, IGA № 491 τούσιν₁, τ. τούτοισι₇, ἐκτόνοισιν₆. Въ остальныхъ надписяхъ находимъ постоянно *ос*, которое встрѣчается уже въ аликар-

¹⁾ Принадлежность этой надписи аркадскому діалекту и происхожденіе ея изъ Ахеи подвержено сомнію (ср. Röhl in add.), хотя нѣкоторые, напримѣръ, Вебелъ (Zeitschr. f. Num. VII (1880) p. 120) и старались это доказать. Быть можетъ, она и илїдская, но для насъ это вопросъ второстепенный.

пасской надписи времени около 460 г. (Kirchhoff, *Alphab.* 3 p. 4)—*Del* 491 = *Röh1*, *IGA* № 500 — τοῖς_{10.} Въ аттическомъ диалектѣ позже *Ol.* 86,3 окончаніе *οισι* не встрѣчается, при чемъ и всѣхъ случаевъ употребленія этого окончанія, сравнительно съ массою дательныхъ на *ος*, весьма мало. Такъ въ надписяхъ даты неопредѣленной, но относящихся во всякомъ случаѣ по времени до *Ol.* 81, читаемъ: *C. I. A.* IV, 1, № 3 *A* — Πλουτερίοισι_{2.}, *C. I. A.* I, № 8 τοῖσι_{5.} ἀποτοῖσι_{7.} 11., [ἀπο]τοῖσι_{13.} и *C. I. A.* IV, 1, № 373 *b.* . . . τοῖσι. Въ нѣкоторыхъ надписяхъ окончаніе *οισι* стоитъ на ряду съ *ος*, именно: *C. I. A.* IV, 1, № 27 *a* (около *Ol.* 83,4) — Ἀθαναίοισι_{22.} ж. рядомъ съ πειθόμενοις_{15.} Ἀθαναίοις_{49.} 53. 73. 79. τοῖς_{60.}, *C. I. A.* I № 301 (*Ol.* 86,3) — Ἀθαναίοισιν_{7.} и τοῖς_{1.} οἷς_{1.} 12. ὀκτο[γυοῖς]_{30.}, *C. I. A.* IV, 1 № 1 *B* (до *Ol.* 81) — τοῖσι_{4.} 22. μιστερίοισιν_{23.} ἀκολ[ούθ]οισι_{2.} (*sic*), Ἀθαναίοισιν_{20.}. [Ἀθε]ν[α]ίοισιν_{12.} и τοῖς_{6.} [τ]οῖς_{2.} Если къ этимъ примѣрамъ прибавимъ еще весьма вѣроятное дополненіе Келера на обложкѣ декрета VI столѣтія (*Mittheil.* IX, p. 117 sqq.) — [ἐν Ἀθαναίοι]σι, то составитя, если не ошибаемся, полный перечень дательныхъ на *οισι* въ аттическихъ надписяхъ. Окончаніе *ος*, которое древностью нисколько не уступаетъ окончанію *οισι*, встрѣчался на одновременныхъ или даже на болѣе древнихъ, чѣмъ надписи съ *οισι*, документахъ, вытѣснено наконецъ совершенно изъ употребленія окончаніе *οισι*, котораго уже не находимъ послѣ *Ol.* 86,3.

Наибольшее распространеніе за *οισι* сохранилось въ эоійскомъ диалектѣ, причиною чему несомнѣнно слѣдуетъ считать существовашіе въ этомъ диалектѣ винительныхъ на *ος*, происшедшихъ изъ—*ος*, такъ что побужденіе къ сохраненію формъ на *οισι* было здѣсь чисто вынужденное. Но сохраненіе окончанія *οισι* было, впрочемъ, проведено далеко не послѣдовательно, такъ какъ имѣемъ надписи, правда, не очень древнія, гдѣ исключительно употребляется окончаніе *ος* (*Di.* № 250, 260, 272, 318) и одну надпись времени около 150 г. (*Di.* № 215), гдѣ стоятъ рядомъ *ος* и *οισι*. Форма же дательнаго падежа *pluralis* отъ члена *ο* въ эоійскомъ диалектѣ всегда звучала *τοῖς*, и никогда *τοῖσι*. Дополненіе Зауппе: ἐν τοῖσι [νόμ]οισι на надписи у Коппе, — *Reise auf der Insel Lesbos*, 1865, tab. XII, C 13 (= *Del* 123, C 13), невѣрно: по лучшему списку, помѣщенному Бектелемъ въ *Di.* подъ № 281, читаемъ (*B.* 46) ἐν τοῖς νόμ]οισι (также и Кауеръ въ *Del* 430, C. 13 ἐν τοῖς [νόμ]οισι).

Изъ окончаній дательнаго падежа *plur.* 1-го склоненія, которыхъ мы знаемъ шесть: *οισι*, *ησι*, *αισι*, *ησι*, *αις*, *ης*, древнѣйшими и само-

бытными слѣдуетъ признать только первыя два, въ которыхъ суффиксъ мѣстнаго падежа — *α* присоединяется непосредственно къ основѣ слова, при чемъ конечное тематическое *ā* переходитъ законопно въ ионическомъ и аттическомъ діалектахъ въ *η*, но въ извѣстныхъ случаяхъ (послѣ *ι* и *ρ*) сохраняется безъ переменъ и въ аттическомъ. Образование формъ на *αα*, *ηα*, напримѣръ, *ταμί-αα*, *στῆλη-α* совершенно соответствуетъ образованію мѣстныхъ падежей отъ женскихъ основъ въ родственныхъ языкахъ—санскритскомъ *ācūāsu*, др. бактр. *resha-pāhu*, славянскомъ рѣкахъ, литовскомъ *gānkōsu*. Слѣды этого первоначальнаго образованія сохранились въ греческомъ языкѣ въ весьма небольшомъ количествѣ. Изъ надписей ионическихъ намъ извѣстны одинъ только примѣръ, именно на обломкѣ изъ Кизика (Röhl, IGA. № 501) имѣемъ замѣчательную форму ΔΕΣΠΟΝΗΣΙΝ, равную по смыслу *δεσποίναις*¹⁾, остальные же примѣры всѣ относятся къ древнеаттическому діалекту, въ которомъ они встрѣчаются до Ol. 90, 1. При этомъ мы не принимаемъ въ разчетъ нарѣчій, образовавшихся такимъ же путемъ преимущественно отъ названій городовъ и представляющихъ не что иное, какъ тѣ же мѣстные падежи. Употребленіе ихъ повсемѣстно, и сохранились они, благодаря ихъ изолированности²⁾, неизмѣнно и въ позднѣйшую пору, когда уже исключительно употреблялись въ греческомъ языкѣ дательные на *αις*. Формы *Ἀθήνη-αι*, *Ἰολοκία-αι*, *Πλαταιᾶ-αι* и т. п. общезвѣстны, а изъ нарицательныхъ именъ только два сохранили въ значеніи нарѣчій древній мѣстный падежъ на *αα*—*θῦρᾶ-αι* и *ῥῥᾶ-αι*. Ср. Kühner, *Ausf. Gr.* I² p. 727 sq.; Herwerden, *Lapidum testimonia*, p. 40.

Остальныя четыре окончанія: *αια*, *ηα*, *αις* и *ης* всѣ происхожденія не самостоятельнаго, а образованы по аналогіи съ окончаніями 2-го склоненія изъ *αα*, *ηα*. Первое изъ нихъ—*αια*—произошло, очеви-

¹⁾ Ostroff (die bildung etc. p. 71) говоритъ: auf den ionischen inschriften sind keine dat. — plur.-formen der ā-declination ohne das ι subscriptum überliefert. Doch ist aus bestimmten zeugnissen der alten grammatiker zu schliessen, dass auch den Ionern das alterthümlichere — ηα nicht gefehlt hat. Замечаніе не вѣрно, такъ какъ, вопервыхъ, есть надпись съ этимъ окончаніемъ Röhl № 501, хотя, правда, одинъ въ полѣ не воишь, а во вторыхъ, какъ это ни странно, нѣтъ ни одного свидѣтельства древнихъ грамматиковъ, сколько намъ извѣстно, о подобныхъ формахъ, а свидѣтельства эти были бы весьма и весьма желательны, потому что въ такомъ случаѣ эниграическое *ἀπ. εἰρημ.—δεσπῶναι* приобрѣло бы характеръ достоверности.

²⁾ Подъ которымъ разумѣется обособленіе данной формы въ опредѣленномъ значеніи, причѣмъ утрачивается сознаніе ея первоначальнаго происхожденія.

дно, изъ $\alpha\sigma\iota$ по аналогіи съ $\sigma\sigma\iota$, а $\alpha\sigma$ по аналогіи съ $\sigma\sigma$. На почвѣ іоническихкихъ діалектовъ вмѣсто $\alpha\sigma\iota$ явилось законно $\eta\sigma\iota$, вмѣсто $\alpha\sigma$ — $\eta\sigma$. Краткое или долгое α въ окончаніяхъ $\alpha\sigma\iota$ и $\alpha\sigma$ доказать, разумѣется, нельзя, скорѣе же слѣдуетъ предположить второе, такъ какъ, во-первыхъ, въ основѣ этихъ окончаній лежитъ $\alpha\sigma$ съ долгимъ α , во-вторыхъ, на долготу указываетъ отчасти и переходъ α въ іоническомъ діалектѣ и аттическомъ въ η ($\eta\sigma\iota$, $\eta\sigma$), и втретьихъ, окончаніе $\alpha\sigma$ образовано по аналогіи съ $\sigma\sigma$, которое первоначально звучало * $\sigma\sigma$. Равенство же $\iota\kappa\sigma\iota$: $\nu\omicron\mu\phi\alpha\iota$ = $\iota\kappa\sigma\iota$: $\nu\omicron\mu\phi\alpha\iota\sigma$ мало что доказываетъ вообще, а для древнѣйшей эпохи языка совершенно ничего не значить. Съ теченіемъ времени окончаніе $\alpha\sigma$ получило наибольшее распространеніе и вытѣснило совершенно всѣ другія окончанія, при чемъ усиленіе его шло, вѣроятно, параллельно съ усиленіемъ распространенія окончанія $\sigma\sigma$. Судя по дошедшимъ до насъ эпиграфическимъ памятникамъ, мы застаемъ греческіе діалекты уже въ эпоху почти исключительнаго употребленія окончанія $\alpha\sigma$, а другія окончанія встрѣчаемъ лишь спорадически. Окончаніе $\alpha\sigma\iota$ долге всего держалось въ эоійскомъ діалектѣ (при чемъ встрѣчается и $\alpha\sigma$, а $\tau\alpha\iota\sigma$ постоянно) въ силу, конечно, тѣхъ же мотивовъ, какъ и окончаніе $\alpha\sigma\sigma$, то-есть, для вѣшняго отличія дательныхъ падежей отъ винительныхъ на $\alpha\sigma$ (изъ $\alpha\sigma\sigma$). Кроме эоійскаго, въ другихъ діалектахъ $\alpha\sigma\iota$ встрѣчается очень рѣдко: такъ въ діалектѣ коринтскомъ, по сохранившимся ни одлого примѣра окончанія $\sigma\sigma\iota$, находимъ въ высшей степени интересное $\rho\omicron\sigma\tau\alpha\iota\sigma$ въ метрическомъ, правда, надгробіи Арпіады (Röh1, IGA № 343), отнесенномъ Россомъ (N. jahrb. 1853 г. p. 544) къ началу олимпіады; въ діалектѣ критскомъ имѣемъ два раза форму $\epsilon\tau\alpha\rho\epsilon\iota\alpha\sigma\iota\sigma$ въ надписи III вѣка (Del² 121, C² D²). Въ іоническомъ діалектѣ, хотя у писателей постоянно $\eta\sigma\iota$, въ надписяхъ встрѣчается кроме $\eta\sigma\iota$ и $\alpha\sigma$. Окончаніе $\eta\sigma\iota$ находимъ только въ трехъ надписяхъ, которыя всѣ относятся къ V столѣтію: $\eta\iota\sigma\iota\sigma$ въ тейской надписи (Del² 480, 36), $\eta\mu\epsilon\rho\eta\sigma\iota\sigma$ и $\epsilon\beta\alpha\delta\eta\sigma\iota\sigma$ въ хійской (Del² 496), $\nu\omicron\mu\phi\eta\sigma\iota\sigma$ въ еасійской (Del² 525). Въ памятникахъ аттическаго діалекта встрѣчаемъ въ древнюю пору всѣ окончанія, кроме $\eta\sigma$, изъ которыхъ наиболее рѣдки $\alpha\sigma\iota$ и $\eta\sigma\iota$. Первое находимъ только въ $[\delta\rho]\alpha\chi[\mu\alpha\iota\sigma\iota$ C. I. A. I, 48, 6 (до Ol, 90), $\mu\omicron\rho\iota\alpha\sigma\iota$ $\delta\rho[\alpha\chi\mu\alpha\iota\sigma\iota$ ibid. 40, 38 (Ol. 89, 1) и $\phi\rho\alpha\delta\alpha\iota\sigma$ ibid. 431 (до Ol. 87 cf. Kirchhoff ad. l.)¹⁾ а второе лишь

¹⁾ Слѣдуетъ отмѣтить при этомъ любопытный фактъ, что при окончаніи $\alpha\sigma\iota$ не соблюдается правило объ удержаніи основнаго α только послѣ ι и ρ , такъ

въ одной надписи (до Ol. 81)—С. I. A. I № 1, гдѣ читаемъ δραχ-
μαῖο[ι] A₂, μότο[ισι] B₂, [ἐκ]ρίτται B₃, τεῖσι B₄, τεῖσιν B₅. Окончанія
ῖσι и ῖσι многочисленіе. Но всѣ эти окончанія встрѣчаются только
до Ol. 90, 1, съ этихъ же поръ начинается исключительное господство
окончанія ας, появляющагося въ первый разъ въ надписи Ol. 89, 1
С. I. A. I, № 273 ('Ελληνοταμίαις). Ненѣвнѣ болѣе древнихъ случаевъ
употребленія его слѣдуетъ приписать недостатку эпиграфическихъ
данныхъ, а не полагать, что этого окончанія и не было совсѣмъ въ
аттическомъ діалектѣ до Ol. 89. 1. Хронологическое сопоставленіе
окончаній 1-го склоненія въ извѣстныхъ до сихъ поръ аттическихъ
надписяхъ сдѣлано нами въ особой таблицѣ, помѣщенной въ концѣ
нашей замѣтки.

Окончаніе ης въ надписяхъ нигдѣ не встрѣчается, и употребленіе
его ограничивается только областю поэтической рѣчи, но не ис-
ключительно омировской, какъ ошибочно говоритъ Острогъ (Die Bil-
dung etc. p. 64: ης nur homerisch), такъ какъ эти формы на-
ходимъ у Исіода и у элсгиковъ, напримеръ, Archil. 9, 2 θαλίης;
Mimn. 2, 2 σούρης и другіе (Koppner, Studien, I-a p. 209 sq.). Изъ
тригиковъ извѣстно намъ одно только мѣсто: Soph. fr. 499: λεπτῆς
ἐπὶ ῥοκλήσιον ἐμπολάς μακράς, гдѣ форма λεπτῆς исправляется обыкно-
венно на λεπταῖς (ср. Gerth, Studien, I, p. 227), хотя можно было бы
читать и λεπτῆς' ἐπὶ κτλ. ¹⁾

какъ имѣемъ, съ одной стороны μῆρι - αῖσι, а съ другой—φραδ-αῖσι, δραχμ - αῖσι.
Этотъ фактъ, кажется намъ, указываетъ на то, что образованіе нн αῖσι есть обра-
зованіе по аналогіи: при окончаніяхъ αῖσι, ῖσι правило это соблюдается. Первый
обратилъ на это вниманіе Веклейнъ въ Cingae epigraphicae, p. 7. Случаи упо-
требленія окончанія αῖσι въ аттической прозѣ и повѣи указаны у Кюнера, Anal.
Gr. I², p. 300 sq.

¹⁾ Наука въ Mél. Steso-Rom., IV p. 407 sqq., выходя, какъ и при окончаніи
οῖς и οῖσι, изъ положенія, что ης представляетъ сокращеніе изъ ῖσι, считаетъ
формы на ης въ омировскомъ текстѣ ошибочными и изгоняетъ ихъ отсюда, при
чемъ по необходимости слѣдовало бы ему распространить свой ostracismus наса-
тельно этого окончанія и на всѣ мѣста древнихъ писателей, гдѣ оно встрѣчается.
Какъ уже сказано выше, мы не считаемъ справедливымъ исправлять тексты на
основаніи предвзятой теоріи. Слѣдовало бы доказать сперва, почему окончаніе
ης не могло существовать въ греческомъ языкѣ. Если Наука въ оправданіе
своей мысли ссылается на встрѣчающіеся кое-гдѣ въ омировскихъ рукописяхъ
слѣды начертанія ῖσι' (p. 413), то точно также можно доказать, что подверга-
ющіеся сомнѣнію мѣста съ αῖς исполнѣны законны въ омировскомъ текстѣ. Въ
настоящее время окончаніе αῖς принято удерживать только въ H 284 (ἀχταῖς),
ε 119 (θεαῖς) и χ 711 πάσαις. Но, какъ извѣстно, слѣды этого окончанія пона-

Добавленіе. Въ сожалѣнію, по пезалисцизмъ отъ насъ обстоятельству, намъ пришлось уже по окончаніи нашей замѣтки ознакомиться съ статью Века „Der altgriechische Dativ plur.“, помѣщенной въ *Philologus*, XLIII, p. 32 sqq; считаемъ однако не лишнимъ указать на эту статью, какъ на крайне оригинальное произведеніе досужей фантазіи. Авторъ выставляетъ въ ней новую теорію о происхожденіи дательнаго падежа plur., по которой онъ равняется именительному + суффиксу *ων*. На эту мысль патолокнули Века формы дательныхъ падежей на *ων*, которыя по большей части можно, дѣйствиительно, разложить указаннымъ путемъ, напримѣръ, *πρακίβωσ—ων*, *δακτύλῳσ—ων*, *καίδωσ—ων* etc. Суффиксъ же *ων*, по Веку, равняется латинскому *tim* въ *accusatim*, *membratim* и т. п. Разумѣется, большая часть греческихъ дательныхъ падежей, равно какъ и латинскихъ нарѣчій на *tim*, не ладятся безъ затрудненій съ теоріей Века, но авторъ легко устранилъ всѣ сомнѣнія и препятствія помощью различныхъ, иногда довольно странныхъ, превращеній, напримѣръ, *ψευδέσσων* по Веку произошло изъ *ψευδέσσων*, а послѣднее изъ *ψευδέσ-σσ-ων*, *ἀρείοσι=ἀρείοσ-σι=ἀρείοσσ-σι=ἀρείοσς-σι=ἀρείοσς-σι* и т. под. Статья въ высшей степени оригинальная, но и только, по нашему мнѣнію, такъ какъ она заключаетъ въ себѣ много невѣрныхъ частныхъ и ложна по своей основной идее; однако подробный разборъ ея отлагаемъ до болѣе удобнаго случая и времени.

III. Счастливцевъ.

длются въ рукописяхъ и въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, В 227, А 238, Е 466, П 719. 766, Ω 84. Кто же можетъ поручиться за то, что при первомъ созданіи омирскихъ пѣсней не были въ ходу у грековъ всѣ окончанія 1-го склоненія, образованныя по аналогіи съ окончаніями 2-го склоненія, въ томъ числѣ и *αις*, и что они не всѣ употреблялись въ нихъ? Мы, съ своей стороны, можемъ считать (и дѣйствительно считаемъ) окончаніе *αις* одинаково древнимъ съ окончаніями *ηαις* и *ηις* и можемъ предположить, что при постоянныхъ редукціяхъ омирскаго текста могло установиться ложное убѣжденіе о несвойственности омирскому языку окончанія *αις* и могло возникнуть, повтому, гоненіе на это стоявшее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ окончаніе, въ силу чего оно было уничтожено и замѣнено болѣе употребительными *ηαις* и *ηις*, такъ что отъ этого остриннаго удѣля только вышеупомянутыя три мѣста. Такимъ же образомъ, быть можетъ, уничтожено было и окончаніе *αισι*, слѣды котораго въ высшей степени рѣдки въ рукописяхъ Омира, напримѣръ, х 89, р 104, но которое очень распространено въ языкѣ повтовъ, подражавшихъ омирскому языку. Но возстановлять окончаніе *αις* или *αισι* въ омирскомъ текстѣ мы не рѣшаемся, такъ какъ это возстановленіе также основывалось бы на предвзятой теоріи, доказать которую воопякъ пока нельзя; мы только полагаемъ неудобнымъ считать мѣста съ *αις* у Омира и Нейода и вообще въносить невѣрными.

ΚΟΡΨΟΣ ΙΝΣΚΡΙΠΤΙΩΝ ΚΑΙ ΑΠΙΣΤΑΡΙΑΝ Ι ΕΤ ΙV, I.

	ΑΣΙ	ΑΙΣ	ΕΣΙ	ΑΙΣΙ	ΕΙΣΙ
Μηλο ante ΟΙ.81.			№ 1 [pɔr/ɥɛtɛi] C 23. αὐτὸν Β 31.		№ 1 θραυκεία [ɥ] A 2 μὲν [tɛtɛi] Β. 5. [tɛr]στῆτον Β. 7. τετὸ Β 25. 30.
ΟΙ. 82, 3—83, 2.			№ 228 θικαστήτων Γ. α. 15.		
ΟΙ. 83, 4.			№ 28 τῶν ἑκ[α] [α] 5.		
Κίρα ΟΙ. 84.	№ 18 [t]αῖσσι 7.		№ 288 [tɛtɔr]ατῶν 14. № 291 [tɛtɔr] τῶν 8. № 294 [tɛr]::[s] [α] [t]s [o] [i] 9 № 295 [tɛr]::[i] στῆτε [o] 9.	№ 431 φισάτων.	
ΟΙ. 85, 3.	№ 117 ταῖσσι 3. № 141 ταῖσσι 5. № 141 ταῖσσι 3.		№ 298 [tɛr]στῆτων 4. № 301 φισάτων 1. № 310 [tɛtɔr]::τῶν 3. № 299 [tɛtɔr]::[t]ετὸν 2.		
ΟΙ. 86, 3.	№ 141 ταῖσσι 3. № 122 ταῖσσι 3.		№ 37 τῶν 31. θρόν[ο]σσι 44. [tɛr]στ 47.		
ΟΙ. 87, 4.	№ 122 ταῖσσι 3.				
ΟΙ. 88, 1.	№ 37 [μωρ]ῖσσι 17. 26. μ[υ]β[ι]σσι f—g 4. № 130 ταῖσσι 2.	№ 273 Εὐλωστῆταις Γ. β. 26.	№ 40 τῶν ἀνδ[ρ]ῶν 14. τῶν 43.	№ 40 μωβ[ι]σσι, θρ[υ]κ[α]στ[ι] 38.	
ΟΙ. 88, 4.	№ 131 ταῖσσι 2.				
ΟΙ. 89, 1.	№ 132 ταῖσσι 2.	№ 273 [γυ]λῆταις 34 Γ. f. βοσκῆταις 34 Γ. f. [pɔr/ɥ]· ματὸ 38 Γ. f. τετρακκοῦταις θραυκῆταις 40 Γ. f.			
ΟΙ. 89, 2.	№ 153 [τα]ῖσσι 2. № 170 [t]αῖσσι 3. ταῖσσι 4.				
ΟΙ. 89, 3.	№ 171 ταῖσσι 2.				
ΟΙ. 89, 4.	№ 32 ταῖσσι Β 20. № 47α ταῖσσι 4. № 172 — [τα]ῖσσι 3.	№ 48 η—ταις 25. № 32 Α. Β. ἀνωστῆταις 6. αἰς 18. ταῖσσι 18. Β. ταῖσσι 7.	№ 317 ἀνωστῆταις [i].	№ 48 [t]p[α]γ· [μ]ῖσσι 6.	
Ραλο ante ΟΙ. 90.					
ΟΙ. 90, 1.					
ΟΙ. 90, 4.					
Ροσ ΟΙ. 90.			№ 108 [t]αῖσσι 2. ΠΟΣΤΟΝΟ αἰς.		

ВОЗЗРѢНІЯ ЕВРИПИДА НА СОСЛОВІЯ И СОСТОЯНІЯ, ВНУТРЕННЮЮ И ВНѢШНЮЮ ПОЛИТИКУ АѢНИИ¹⁾.

III. Взгляды Еврипида на иностранную политику АѢнской республики.

Признавая демократію самымъ естественнымъ и наиболѣе справедливымъ государственнымъ устройствомъ, ратуя противъ олигархическихъ и тиранническихъ стремленій сторонниковъ и защитниковъ олигархіи²⁾, Еврипидъ считалъ свое отечество хотя нѣсколько и крайнимъ, но за то самымъ важнымъ и сильнымъ представителемъ демократическаго принципа, равно какъ эллинской свободы, образованности и культуры вообще. А какъ лучшая представительница эллизма, оказавшая эллинамъ многочисленныя и важныя услуги, демократическая АѢнская республика въ глазахъ Еврипида, какъ и его соотечественниковъ, естественно имѣла полное право претендовать на первенство и главенство среди, по крайней мѣрѣ, известной части эллинскихъ республикъ³⁾.

Какъ поэтъ и патриотъ, Еврипидъ старается оправдать эти претензіи возвышенными цѣлями и соображеніями. По представленію поэта, эти цѣли состоятъ не въ томъ, чтобы господствовать надъ

¹⁾ См. октябрьскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за 1882 годъ.

²⁾ См. тамъ же, стр. 394 и слѣд.

³⁾ Само собою разумѣется, что на цѣли аѢнныя руководились и другими, не такъ возвышенными, соображеніями и цѣлями. АѢнскіе послы въ Спартѣ, предъ началомъ Пелопоннесской войны, указавъ на заслуги АѢннъ, благодаря которымъ эллинскія республики сами просили аѢннъ стать во главѣ союза, заявляютъ прямо, что завять такое положеніе въ Элладѣ вообще и относительно своихъ союзниковъ изъ востаняли, кромѣ тирѣ, также *біос* и *φελία*. *Θужид.* I, 76.

эллинами, какъ думала большая часть соотечественниковъ Еврипида ¹⁾, а для того, чтобъ играть среди нихъ роль примирителя, защитника и хранителя политической свободы, законности и другихъ благъ эллинской цивилизаціи, какъ относительно варваровъ, такъ и тѣхъ изъ эллиновъ, которые, стоя на низшей степени эллинской культуры, вѣдвали бы нарушать законы и обычаи эллинскіе и дѣйствовать подобно варварамъ ²⁾. Правда, и Спарта съ своими союзниками была не менѣе сильна и могущественна и еще болѣе считала себя въ правѣ быть главою Эллады, единственно призванною и способною играть ту роль, на которую претендовали аеиняне. Но Спарта, по мнѣнію Еврипида, уже потому не могла играть роли представителя всего эллинизма, что она была сторонницей и защитницей несправедливой и противоестественной олигархіи, составляющей какъ бы только переходъ отъ деспотическаго варварства къ свободному эллинизму. Еще менѣе могла быть Спарта главою эллинскаго міра по другимъ своимъ качествамъ, приближавшимъ ее скорѣе къ варварамъ, чѣмъ къ эллинамъ ³⁾.

Для того, чтобъ играть роль примирителя, охранителя эллинской цивилизаціи, защитника слабыхъ и угнетенныхъ, было необходимо стоять во главѣ эллинской образованности, отличаясь великодушіемъ и справедливостію. А Спарта, напротивъ, отличается совершенно другими, варварскими качествами—грубостію, жестокостію, коварствомъ, надменностію и неблагодарностію ⁴⁾. И при такихъ свойствахъ Спарта не хотѣла признать не только первенства, но и равенства съ собою Аеипъ, давно опередившихъ Спарту въ образованности и сдѣлавшихся школою политической свободы и эллинской образованности, очагомъ эллинизма! Нѣтъ ничего удивительнаго

¹⁾ Даже умѣренный, осторожный и проникательный Периклъ не смотрѣлъ такъ безстрастно и великодушно на роль Аеиновъ относительно своихъ соотечественниковъ. Plut. Pericl. c. 11, 12. Ср. Grote, History of Greece, Lond. 1870, vol. V, 265 и слѣд.

²⁾ Ср. Исократъ Панигирикъ, § 21 и слѣд. и § 100 и слѣд.

³⁾ Сравненіе игемоніи Аеиновъ съ игемонію Спарты см. *ibid.* § 110.—129.

⁴⁾ Эта неспособность Спарты, помимо цѣлыхъ трагедій, посвященныхъ характеристикѣ Спарты, келье всего высказывается въ „Просительницахъ“. Адраскъ прямо мотивируетъ свое обращеніе за помощью къ Аеинамъ, а не Спартѣ слѣдующими причинами: „Спарта груба, ненадежна и вѣроломна, а другіа государства малы и слабы; только Аеины могутъ взять на себя такой трудъ“. (Suppl. 187 слѣд. *Ἰσπάρτη μὲν φέρη καὶ πεποιθίσται τρέφοις, τὰ δ' ἄλλα μικρὰ κάσθενῃ, Πόλις δὲ οὐ μόνη δύναται ἄν τόνδ' ὑποστήναι πόνον.*)

послѣ того, если аэинскіе патріоты были очень враждебно настроены относительно Спарты и во время ожесточенной войны въ-за первенствующей роли въ Элладѣ доходили до такой ненависти, которая не видѣла въ Спартѣ никакихъ достоинствъ и не помнила никакихъ заслугъ Спарты относительно эллиновъ вообще и Аэинъ въ частности. Еврипидъ также былъ въ числѣ такихъ патріотовъ, которые возмущены были претензіями и требованіями Спарты, и, вторя своимъ соотечественникамъ, изображалъ въ своихъ трагедіяхъ Спарту и спартиотовъ въ самыхъ непривлекательныхъ краскахъ.

Сюда принадлежитъ, прежде всего, трагедія: „Андромаха“, гдѣ подъ маскою Менелая и Эрміоны изображаются не древніе лакедоняне, а современныя Еврипиду дорійцы-спартиаты.

При первомъ появленіи на сцену Эрміона, дочь Менелая, выданная за Неоптолема, хвастается своимъ богатымъ приданымъ¹⁾, которое далъ ей Менелай для того, чтобъ она могла вести себя независимо и никому не кланяться. Затѣмъ, обращаясь къ несчастной Андромахѣ, Эрміона бранитъ ее самыми оскорбительными словами и осмываетъ самыми несправедливыми упреками, обвиняя въ томъ, что она своими чарами приворожила къ себѣ Неоптолема, отвратила его отъ Эрміоны, сдѣлавъ ее безплодною, и намѣревается такимъ образомъ совершенно изгнать свою госпожу и занять ея мѣсто. „Ничто не спасетъ тебя“, говоритъ Эрміона;—„даже и храмъ Остиды, подъ защиту котораго ты укрылась, не избавитъ тебя отъ моей мести. Все равно, ты погибнешь; единственное спасеніе для тебя заключается въ полномъ смиреніи и униженіи. Ты должна забыть о своемъ прежнемъ величіи, валиться у ногъ монахъ и быть моею покорною и безотвѣтною служанкой“.

На эту надменную брань Андромаха очень справедливо отвѣчаетъ, что причина нерасположенія Неоптолема къ Эрміонѣ заключается вовсе не въ чарахъ, не въ колдовствѣ какомъ-нибудь, а въ гордости и надменности Эрміоны.

„Чуть тебя кто-нибудь обидитъ“, говоритъ Эрміонѣ Андромаха, „ты сейчасъ кричишь: вотъ Спарта—дѣйствительно—государство, а Свирь—дрянь; кричишь, что ты, богатая и знатная, живешь среди бѣдныхъ, что Менелай могущественнѣе Ахилла, и т. п. Вотъ такія-то рѣчи и вооружаютъ мужа противъ тебя“.

¹⁾ Эрміона въ этомъ случаѣ является только достойною дочерью своей матери, прекрасной Елены, привнесшей къ восточной роскоши и восточнымъ обычаямъ, какъ изображаетъ ее Еврипидъ въ „Орестѣ“, ст. 426 слѣд.

Но всѣ эти возраженія возбуждаютъ только мстительность Эрміоны; она твердитъ свое: „Да, мудра ты, мудра, но все-таки ты погибнешь“. И чтобы выманить Андромуху изъ храма, придумываетъ съ отцомъ своимъ весьма дѣйствительное средство: Менелай беретъ сына Андромухи и предлагаетъ ей: или оставить убѣжище и умереть самой, или видѣть, какъ предъ ея глазами будетъ убитъ ея сынъ. Андромуха избираетъ первое. Менелая только этого и нужно было. Какъ только Андромуха оставила свое убѣжище, онъ безъ всякаго стыда и совѣсти объявляетъ ей, что онъ прикажетъ убитъ ее, а судьбу ея сына отдать въ руки Эрміоны, которая рѣшитъ, жить ему или нѣтъ¹⁾. Возмущенная такимъ наглѣмъ коварствомъ и безчеловѣчною жестокостію, Андромуха, которая и прежде, когда Менелай поставилъ ей страшную дилемму, наговорила ему не мало горькихъ истинъ, теперь разражается ужасными ругательствами противъ коварныхъ и жестокихъ спартиатовъ:

„О, ненавидные всѣмъ людямъ обитатели Спарты, начальники лжи и коварства, лживники всѣхъ бѣдъ, замыслиющіе только козни, но ничего хорошаго и честнаго! Чѣмъ вы знамениты? Своими многочисленными злодѣйскими и убійственными, своимъ корыстолюбіемъ, да тѣмъ, что одно говорите языкомъ, а другое держите на умѣ. Пропадите вы пропастью... Ты храбро нападаешь на беззащитную женщину и хочешь убитъ меня. Что же? Убивай! Но не чванься тѣмъ, что я несчастна и беззащитна, а ты счастливъ и силенъ. Будетъ время, когда и ты будешь несчастенъ“.

Но Менелай ни мало не смущается этими упреками; также мало его трогаютъ разсужденія хора, который называетъ предстоищее убійство безбожнымъ и незаконнымъ. На все это Менелай отвѣчаетъ жестокимъ и холоднымъ соображеніемъ, что весьма глупо оставлять въ живыхъ враговъ, когда имѣешь возможность истребить ихъ и тѣмъ избавитъ себя отъ опасности на будущее

¹⁾ Точно также коварно поступаетъ Менелай съ Орестомъ; когда послѣдній нуждается въ защитѣ Менелая, онъ очень ловко отказывается отъ энергичнаго вмѣшательства въ пользу своего племянника, за что Орестъ, подобно Андромухѣ, осмѣляетъ его справедливыми упреками и называетъ на на что негоднымъ другое, какъ только воевать изъ-за дурной жены, но вовсе неспособнымъ выщипать своихъ друзей, которымъ онъ всѣмъ обязанъ. Орест. 635—725; ср. 1201—1202. Совершенно иначе поступаетъ съ своимъ другомъ и благодѣтелемъ Иракомъ аѳинскій герой, Одисей, образецъ благородной признательности и вѣрной дружбы, въ «Вашеномъ Ирака».

время. Просить и молить его—какъ говорятъ самъ Менелай—такой же напрасный и тщетный трудъ, какъ просить морскую скалу. Гибель этихъ несчастныхъ въ его интересахъ, и потому никакого состраданія тутъ быть не можетъ. Несчастливая и невинная Андромаха и еще менѣе виновный Молоссъ должны погибнуть и погибли бы, если бы не явился престарѣлый Пилей и не избавилъ ихъ отъ мести Менелая и его дочери, давъ понять Менелая въ очень энергическихъ выраженіяхъ, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго права распоряжаться въ чужомъ домѣ, какъ въ своемъ собственномъ ¹⁾.

„Ты“, говоритъ Пилей Менелая, — „бросилъ свой домъ на произволъ судьбы и старался, во что бы то ни стало, привести опять домой свою жену, не смотря на то, что она самая негодная изъ всѣхъ женщинъ. Да, впрочемъ, спартанскія дѣвѣны не могутъ быть правственными и благочестивыми, даже если бы сами хотѣли того. Видь онѣ не сидятъ дома, а голопоя и почти безъ рубахъ бѣгаютъ и продѣлываютъ другія гимнастическія упражненія паравѣи и имѣютъ съ мужчинами, а это на мой взглядъ пестеримо безправственно. Можно ли послѣ этого удивляться, если у васъ выходятъ безправственныя женщины, подобныя Еленѣ. А ты вмѣсто того, чтобы плюнуть на нее и даже дать награду тому, кто увезъ ее, собралъ такое громадное войско и повелъ его подъ Илиопъ, гдѣ погубилъ столько славныхъ мужей, сдѣлавъ сиротами ихъ женъ и дѣтей и лишивъ стариковъ, подобныхъ мнѣ, ихъ благородныхъ дѣтей.

Ты одинъ возвратился изъ подъ Трои цѣлъ и невредимъ, съ такимъ же чистымъ и непопорченнымъ оружіемъ, съ какимъ ты отправился на войну... (ст. 590 слѣд.).

О, какіе дурные обычаи господствуютъ въ Элладѣ!

Когда войско въ знакъ побѣды надъ врагомъ ставитъ трофей, то эта побѣда считается не дѣломъ сражавшихся и пострадавшихъ солдатъ, а дѣломъ полководца, который и пожинаетъ славу. Хотя онъ—только одинъ изъ многихъ и не сдѣлалъ ничего болѣе важнаго, чѣмъ всякій другой, тѣмъ не менѣе, славы достается на его долю гораздо больше. Вотъ такъ и ты съ братомъ чужими трудами и бѣдствіями

¹⁾ Менелай въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ, какъ онъ самъ объясняетъ, на основаніи спартанскаго принципа, по которому можно было пользоваться чужими добромъ и распоряжаться чужими рабами какъ своими: φίλων γάρ οὐδέν... ἀλλὰ ὑρήματα (ст. 375 слѣд.; ср. ст. 585. См. объ этомъ обычаѣ у спартиатовъ Arist. Polit. II, 2, 5.

достигли славы... А между тѣмъ только военной славой вы и отличаетесь отъ другихъ, такъ что если бы у насъ, спартиатовъ, не было этой военной славы и храбрости въ сраженіяхъ, то вы были бы несколько не лучше всякаго другаго (ст. 695 слѣд.).

Уже одной этой филиппики Пилей противъ спартиатовъ достаточно для того, чтобы догадаться, что Еврипидъ въ „Андромахѣ“ подъ маскою Менелая и Эрміоны представляетъ не древнихъ гомеровскихъ ламедемонянъ, а современныхъ ему спартиатовъ-лорійцевъ, а вышеприведенныя сцены грубости, жестокости, коварства и надменности, вмѣстѣ съ филиппикой Пилей, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что поэтъ изображаетъ въ самыхъ непривлекательныхъ, ужасныхъ краскахъ картину ненавистныхъ ему спартианскихъ нравовъ и спартианской политики, внутренней и внешней, какъ уже было замѣчено древними схоластиками (ст. 150)¹⁾.

Современникамъ Еврипида, слышавшимъ или читавшимъ „Андромаху“, это сходство, безъ сомнѣнія, бросилось еще болѣе въ глаза, и равныя черты характера Эрміоны и Менелая напоминали не мало крупныхъ, извѣстныхъ публикѣ фактовъ изъ частной и общественной жизни и дѣятельности спартиатовъ. Къ счастью намъ также извѣстно нѣсколько такихъ фактовъ, которые очень напоминаютъ образъ дѣйствія Менелая и Эрміоны, и которые и для насъ дѣлаютъ намеки поэта совершенно ясными и понятными.

Жестокость, безчеловѣчность и коварство Менелая относительно беззащитной рабыни Андромахи невольно вызываютъ въ памяти тѣ варварскія мѣры, которыя спартиаты употребляли относительно илотовъ. Совершенно согласно съ принципомъ, высказаннымъ Менеласомъ, что глупо оставлять въ живыхъ врага, когда можешь его истребить, спартиаты, какъ извѣстно, для поддержанія своего господства надъ илотами, не стѣснялись никакими соображеніями гуманности, чести и благочестія и прибѣгали къ такимъ средствамъ, которыя своею жестокостію и безчестностію возмущали даже эллиновъ, привыкшихъ въ жестокости и коварству спартиатовъ и варваровъ, и, благодаря этому, получали всеобщую извѣстность. Кромѣ постоянныхъ учреждений въ

¹⁾ Ἐπίτιδες ὁ Εὐριπίδης τοὺς Λάχωνας κερμαδῶν ὡς ἐχθροὺς Ἀθηναίων λαχονικῆ προσώπῳ ἀλαστονικὰ ῥήματα περιάπτει. Ср. Goecker, Zur äusseren Politik d. Eurip. I, Ratisburg, 1872, стр. 2 и слѣд. и Fierhaber, üb. d. Zeit und die polit. Tendenzen d. Eurip. Andromache, *Philolog.* 1848, p. 412 и слѣд.

детъ къ своей цѣли, то все-таки выйдетъ куда-нибудь, гдѣ ему, вѣроятно, лучше будетъ, чѣмъ среди лѣса. Такъ какъ житейскія дѣла часто не терпятъ отсрочки, то несомнѣнно, что если мы не въ состояніи отличить вѣрное мнѣніе, то должны довольствоваться вѣроятнѣйшимъ. И даже, если между нѣсколькими не усматриваемъ разницы въ степени вѣроятности, тѣмъ не менѣе должны рѣшиться на какое-нибудь и разсматривать его потомъ по отношенію къ практикѣ не какъ сомнительное, но какъ вполне вѣрное, по той причинѣ, что были вѣрны соображенія, заставившія насъ на него рѣшиться ¹⁾. Это должно было освободить меня отъ всякихъ разскааній и угризеній, обыкновенно обуяющихъ совѣсть слабыхъ и колеблющихся умовъ, кои постоянно свершаютъ, какъ нѣчто хорошее, то, что потомъ признають за дурное.

Третье правило мое было стремиться всегда скорѣе побѣждать себя, чѣмъ судьбу, измѣняя свои желанія, а не порядокъ міра, и вообще привыкнуть къ мысли, что вполне въ нашей власти состоятъ только наши мысли, такъ что когда мы сдѣлали съ своей стороны все возможное относительно внѣшнихъ намъ вещей, тогда то, въ чемъ мы успѣли, есть, значитъ, относительно насъ нѣчто абсолютно невозможное. И этого казалось мнѣ достаточно, чтобы, сверхъ уже приобретеннаго, не желать ничего отъ будущаго и такимъ образомъ оставаться довольнымъ, ибо воля наша естественно стремится желать только тѣхъ вещей, кои разумнѣе представляетъ ей нѣкоторымъ образомъ возможными. А потому, если мы будемъ разсматривать всѣ внѣ насъ находящіяся блага одинаково удаленными отъ нашей власти, мы не будемъ чувствовать сожалѣній, если безъ нашей вини будемъ лишены тѣхъ, кои казались связанными съ нашимъ рожденіемъ, какъ не тревожимся тѣмъ, что не владѣемъ Китаемъ или Мексикою. А обративъ, какъ говорится, необходимость въ добродѣтель, мы не боги будемъ желать стать здоровыми, находясь въ болѣзни, или свободными, находясь въ темницѣ, какъ сколько теперь желаемъ ниѣтъ

¹⁾ «La cause que la raison qui nous y a fait déterminer se trouve telle». Quia nempe ratio propter quam illam eligimus vera et certa est.

тѣло изъ столь же крѣпкаго вещества, какъ алмазъ, или имѣть крылья, чтобы летать какъ птицы. Признаюсь, что требуется продолжительное упражненіе и частое размыщеніе, чтобы привыкнуть смотрѣть на вещи подъ такимъ угломъ. И думаю, что въ этомъ главнымъ образомъ состоялъ секретъ философовъ, которые нѣкогда умѣли поставить себя внѣ владычества страстей и, не смотря на страданія и бѣдность, спорить въ блаженствѣ съ богами. Постоянно наматую предѣлы, поставленные природой, они пришли къ убѣжденію, что во власти ихъ только ихъ мысли, и этого одного было достаточно, чтобы не имѣть привязанности ни къ какой сторонней вещи; мыслями же они располагали на столько безусловно, что имѣли основаніе почитать себя и болѣе богатыми, и болѣе могущественными, и болѣе свободными, чѣмъ люди, кои, не имѣя такой философіи, сколь бы ни благопріятствовали имъ природа и счастье, никогда не обладаютъ всѣмъ, чего желаютъ.

Въ запершіе кругъ такой морали я предпринялъ обзорніе различныхъ занятій, какія люди имѣютъ въ этой жизни, дабы постараться выбрать лучшее изъ нихъ. Не стану говорить о занятіяхъ другихъ, а для себя я не придумалъ ничего лучшаго, какъ остаться при томъ, какъ былъ, то-есть, употребить всю жизнь мою на воздѣлованіе моего разума и, на сколько буду въ силахъ, подвигаться въ познаніи истины по принятой мною методѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ я началъ пользоваться этою методой, я испыталъ много разъ наслажденіе, слаще и чище котораго не думаю, чтобы могъ получить въ этой жизни. Открывая каждый день, при помощи моей методы, истины важныя на мой взглядъ и обыкновенно неизвѣстныя другимъ людямъ, я проникался такимъ чувствомъ удовольствія, что все остальное для меня какъ бы не существовало. Замѣчу, что три предыдущія правила вытекли исключительно изъ желанія продолжать исканіе истины ¹⁾. Такъ какъ Богъ каждому изъ насъ далъ внутренній

¹⁾ «De continer à m'instruire». In veritate per hanc methodum investiganda perseverare.

свѣтъ, дабы различать ложное отъ истиннаго, то я ни на минуту не считалъ бы себя обязаннымъ слѣдовать симъ правиламъ, если бы не предполагалъ, что разберу ихъ собственнымъ сужденіемъ, когда придетъ время ¹⁾. Я упрекалъ бы себя, что слѣдую чужимъ мнѣніямъ, если бы не сохранилъ надежды, что чрезъ то я не утрачиваю возможности найти лучшія, если представятся. Наконецъ, я не могъ бы ограничить мои желанія и быть довольнымъ, если бы не шелъ по пути, который, я былъ увѣренъ, не только обезпечивалъ мнѣ приобрѣтеніе знаній, на сколько я способенъ, но и велъ къ приобрѣтенію всѣхъ истинныхъ благъ, мнѣ доступныхъ. Воля наша склоняется въ вещи или избѣгаетъ ея въ силу того, представляетъ ли наше разумѣніе ее хорошею, или дурною. А потому достаточно хорошо судить, чтобы хорошо поступать, и судить возможно лучше, дабы и поступать наилучше—то-есть, чтобы приобрѣсти всѣ добродѣтели и съ ними всѣ другія доступныя блага. Будучи увѣреннымъ, что это такъ, нельзя не быть довольнымъ ²⁾.

Обезпечивъ себя такими правилами и отложивъ ихъ въ сторону вмѣстѣ съ истинами религіи, кои всегда были первыми въ моемъ вѣрованіи, я полагалъ, что во всемъ остальномъ могу считать себя не связаннымъ никакими мнѣніями и предпринять освобожденію себя отъ нихъ. И думая, что лучше достигну цѣли, обращаясь съ людьми, чѣмъ оставаясь въ комнатѣ, гдѣ имѣлъ всѣ эти мысли, я еще до конца зимы возобновилъ путешествіе. Цѣлмы девять слѣдующихъ лѣтъ я только и дѣлалъ, что развѣзжалъ тамъ и сямъ по свѣту, стараясь быть болѣе зрителемъ, чѣмъ актеромъ, во всѣхъ разыгрывавшихся тамъ предо мною комедіяхъ. Въ каждомъ предметѣ я особенно оставался размышленіемъ на томъ, что можетъ дѣлать его сомнительнымъ и вовлечь насъ въ ошибку, и искоренялъ между тѣмъ изъ моего ума всѣ заблужденія, какія прежде могли въ него закрасться. Но я не подражалъ скептикамъ, которые сомнѣваются для того только, чтобы сомнѣваться, и съ любовью выказываютъ себя всегда нерѣши-

¹⁾ Въ латинскомъ переводѣ: nisi statuissem easdem proprio ingenio examinare, statim atque me ad hoc faciendum satis parasset.

²⁾ Въ латинскомъ переводѣ: contentus et beatus, довольнымъ и счастливымъ.

тельными. Моя цѣль, напротивъ того, была достигнуть убѣжденія и, сбросивъ выбуchie наносы и песокъ, найти твердую почву. Это удалось мнѣ, кажется, довольно хорошо, на столько, что—при усиліяхъ моихъ раскрывать ложность или сомнительность изслѣдуемыхъ положеній не помощію слабыхъ догадокъ, а чрезъ увѣренный путь ясныхъ соображеній, — я не встрѣчалъ ни одного даже сомнительнаго положенія, изъ котораго не извлекъ бы какого-либо важнаго заключенія, хотя бы того, что въ положеніи этомъ вѣтъ ничего достойнаго. И подобно тому, какъ при сломкѣ стараго зданія обыкновенно сохраняютъ матеріалы, чтобы воспользоваться ими при постройкѣ новаго, и я, разрушая всѣ мнѣнія свои, кои считалъ неосновательными, дѣлалъ разныя наблюденія и приобреталъ опыты, послужившіе мнѣ потомъ къ утвержденію новыхъ. Въ то же время продолжалъ я упражняться въ методѣ, каковую для себя составилъ. И кромѣ того, что вообще старался вести всѣ мои мысли согласно правиламъ, я отъ времени до времени удѣлялъ по нѣскольку часовъ специально на упражненіе въ математическихъ трудностяхъ и въ другихъ, кои мнѣ удалось сдѣлать какъ бы математическими, выдѣляя ихъ отъ всѣхъ началъ другихъ наукъ, кои не считалъ достаточно прочными. Примѣры найдете во многомъ, что изложено въ этомъ томѣ. Такимъ образомъ я жилъ, по возможности не отличаясь отъ тѣхъ, кои единственнымъ занятіемъ имѣютъ проводить тихую и невинную жизнь и, умѣя отдѣлать удовольствія отъ пороковъ, прибѣгаютъ къ позволительнымъ развлеченіямъ, чтобы пользоваться досугомъ безъ скуки; но вмѣстѣ съ тѣмъ преслѣдовалъ мой планъ и приобреталъ въ познаніи истины болѣе, чѣмъ сколько доставило бы мнѣ чтеніе книгъ и посѣщеніе ученыхъ людей.

Однако девять лѣтъ эти протекли прежде, чѣмъ я порѣшилъ чемъ-либо касательно трудностей, служащихъ предметомъ диспутовъ между учеными, и началъ полагать основанія новой философіи, болѣе достовѣрной, чѣмъ общепринятая. Примѣръ многихъ превосходныхъ умовъ, принимавшихъ прежде такое намѣреніе и въ немъ казалось мнѣ, не успѣвшихъ, заставлялъ меня представлять себѣ дѣло окру-

женнымъ такими трудностями, что я, можетъ быть, долго еще не рѣшился бы предпринять его, если бы не узналъ, что распущенъ нѣкоторыми слухъ, будто я его уже совершилъ. Не знаю, что подало поводъ къ такому утвержденію. Если разговоры мои, то изъ нихъ могли вывести только, что я всегда свидѣтельство- валь о моемъ незнаніи болѣе откровенно, чѣмъ какъ имѣютъ обык- новеніе люди, чему-нибудь учившіеся¹⁾, и указываль основанія, по- чему сомнѣвался во многихъ вещахъ, другими считавшихся достовѣр- ными. Никакимъ своимъ ученіемъ я не хвалился. Но имѣя довольно совѣсти, чтобы не желать быть принятымъ за нага, чѣмъ каковъ я на самомъ дѣлѣ, я думалъ, что долженъ употребить всѣ средства, дабы сдѣлаться достойнымъ сложившейся репутации. Ровно восемь лѣтъ тому назадъ это желаніе побудило меня къ рѣшенію уйти изъ мѣсть, гдѣ могъ имѣть знакомства, и удалиться сюда, въ страну, гдѣ продолжительность войны породила такіе порядки, что содержимыя здѣсь арміи кажутся назначенными только къ тому, чтобы съ большою безопасностью можно было наслаждаться плодами мира, и гдѣ въ толпѣ дѣятельнаго народа, болѣе заботящагося о своихъ дѣлахъ, чѣмъ лю- бопытнаго къ чужимъ, и могу, не лишая себя всѣхъ удобствъ большаго города, жить въ такомъ же уединеніи, какъ въ самой дальней пустынѣ.

ПОЯСНЕНІЯ КЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

I. Жизнь Декарта отъ 1619 года до переселенія въ Голландію.—II. Образъ жизни въ Голландіи.—III. Впечатлѣніе произведенное на Декарта осужденіемъ Галилея.—IV. Три правила нравственности Декарта.—V. Приименіе правилъ въ житейской практикѣ.—VI. Попытки, набрать житейскую карьеру, предшествовавшія рѣ- шенію остаться частнымъ человѣкомъ.

Въ концѣ второй части Декартъ упоминаетъ, что въ эпоху когда онъ имѣлъ идеи, изложенныя въ этой книгѣ, ему было двадцать-три года. Третью часть, онъ заключаетъ упоминаніемъ о своемъ пересе-

¹⁾ «Que n'ont coutume de faire ceux qui ont un peu étudié». Quam non soleant alii ex his qui docti haberi volunt.

ленія въ Голландію, промешдемъ въ концѣ 1629 года. Такимъ образомъ то, что говорится въ этой книгѣ, относится къ періоду отъ 1619 до 1629 года.

Какія событія въ жизни Декарта ознаменовали этотъ періодъ? Эти годы продолжали быть годами странствованій.

„Во всѣ слѣдующія (за 1620 годомъ) девять лѣтъ“, повѣствуетъ Декартъ въ Разсужденіи, — „я только и дѣлалъ, что разъѣзжалъ тамъ и сямъ по свѣту, стараясь быть болѣе зрителемъ, чѣмъ актеромъ, во всѣхъ разыгрывавшихся тамъ предо мною комедіяхъ“.

Лѣто 1620 года Декартъ провелъ въ Ульмѣ. Здѣсь онъ изумилъ своими познаніями ученаго Фаульхабера, никакъ не ожидавшаго встрѣтить замѣчательнаго математика въ молодомъ офицерѣ. Это былъ второй подобный случай съ Декартомъ. Въ 1617 году двадцатилѣтній Декартъ, проходя по улицамъ городка Вреди въ Голландіи, увидѣлъ толпу, читавшую прибитую на стѣнѣ афишку, написанную по фламандски, и въ которой неизвѣстное лицо дало математическую задачу для разрѣшенія. Таковъ былъ въ ту эпоху одинъ изъ способовъ научныхъ сношеній и публикацій. Декартъ попросилъ своего случайнаго сосѣда перевести ему афишку. Тотъ исполнилъ просьбу, съ улыбкою поглядывая на юнаго офицера. Это былъ голландскій ученый Векманъ, къ удивленію своему на другой день получившій отъ Декарта полное разрѣшеніе задачи.

Изъ Ульма Декартъ отправился въ Австрію, желая видѣть императорскій дворецъ; отсюда—за арміею герцога Баварскаго въ Богемію, былъ при битвѣ подъ Прагою, не участвуя впрочемъ въ сраженіи. Былъ затѣмъ съ полкомъ графа Бюкуа (Bischoff) въ Венгріи. Около этого времени рѣшился совсѣмъ покинуть военную службу и, не слѣдуя болѣе за арміями, какъ дѣлалъ до того времени, послѣ новаго путешествія по Германіи и Голландіи, прибылъ во Францію. Посѣтивъ родину и продавъ свое имѣніе, Декартъ отправляется черезъ Швейцарію въ Италію, посѣщаетъ Римъ въ праздникъ юбилея и лѣтомъ 1625 г. возвращается въ Парижъ, гдѣ остается три года. Благодаря рвенію друзей, особенно отца Мерсенна и Мидоржа, Декартъ въ ученыхъ кружкахъ Парижа уже пользовался значительною репутаціей, особенно какъ математикъ. Въ эти годы онъ приобрѣлъ новыхъ друзей въ лицѣ Бона (Beaune seigneur de Gouliou, conseiller au présidial de Blois), отличнаго математика, который былъ потомъ однимъ изъ первыхъ истолкователей геометріи Декарта; Арди (Hardy, conseiller au Châtelet), издаваемаго *Data Euclidis* на греческомъ языкѣ съ

латинскимъ переводомъ и комментаріями; Морена, доктора медицины и королевскаго профессора математики въ Парижѣ (professeur royal de mathématiques à Paris), доставлявшаго Декарту аппараты для опытовъ; отца Жибіефа (Gibieuf, docteur en Sorbonne, prêtre de la congrégation de l'Oratoire), чрезъ котораго Декартъ завязалъ связи съ нѣкоторыми другими членами этого общества; Бальзака, изящнаго писателя своего вѣка; Арга (des Argues), сдѣлавшаго Декарта извѣстнымъ кардиналу Ришелье, и другихъ. Между вопросами, интересовавшими Декарта въ эту эпоху, былъ вопросъ о шлифовкѣ стеколъ для оптическихъ инструментовъ. Декартъ ждалъ большихъ успѣховъ практической оптики отъ искусства шлифовать стекло не сферической, а параболической, гиперболической и овальной формы. Декартъ придумалъ для этой цѣли особую машину и отчасти самъ упражнялся въ шлифовкѣ. Большою помощію была для него замѣчательная точность съ какою другъ его Мидоржъ умѣлъ вычерчивать математическія кривыя и искусство въ шлифовкѣ мастера Феррье, котораго потомъ Декартъ даже приглашалъ переселиться къ нему въ Голландію. Ожиданія Декарта относительно оптическихъ инструментовъ съ гиперболическими и параболическими стеклами не оправдались; но изслѣдованія преломленія лучей повели къ составленію замѣчательныхъ въ исторіи оптики трудовъ — Діоптрики и главы, посвященной свѣтовымъ атмосфернымъ линіямъ, въ Метеорахъ.

Лѣтомъ 1628 года Декартъ, въ качествѣ волонтера, находился при осадѣ Ларонсели и былъ свидѣтелемъ вѣзда короля въ истомленный голодомъ городъ.

Зимой 1628 г. былъ случай, имѣвшій по свидѣтельству біографа, вліяніе на рѣшеніе Декарта относительно своей дальнѣйшей судьбы. У папскаго пунція (де Ванье) было собраніе „ученыхъ и любовнательныхъ людей“. На этомъ собраніи врачъ и авантюристъ Шанду¹⁾ (Chandoux), усердно занимавшійся химіей, сообщилъ свои новыя воззрѣнія по философіи. Опъ возставалъ противъ философіи, преподаваемой въ школахъ, и предлагалъ свою систему, какъ новую философію. Красворѣчивое разсужденіе было встрѣчено общими рукоплесканіями. Одинъ Декартъ молчалъ, не выражалъ ни одобренія, ни порицанія. Присутствовавшій на собраніи кардиналъ Берюль (Berulle) замѣтилъ это и обратился къ Декарту, спрашивая его мнѣнія. Уклончивый

¹⁾ Шанду окончилъ жизнь весьма печальнымъ образомъ. Въ 1631 году онъ былъ повѣшенъ по обвиненію въ дѣланіи фальшивой монеты.

отвѣтъ, — что нечего говорить послѣ одобренія столькихъ ученыхъ людей, не удовлетворилъ ни кардинала, ни присоединившихся къ нему нунція и другихъ присутствовавшихъ. Декартъ долженъ былъ высказаться яснѣе. Отдавъ честь краснорѣчию оратора, привѣтствуя его намѣреніе освободиться отъ господства схоластики, Декартъ замѣтилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что именно эта рѣчь свидѣтельствуешь, какъ легко люди удовлетворяются правдоподобнымъ вмѣсто истиннаго, и что при такомъ условіи гнѣтъ ничего легче, какъ выдать ложное за истинное и, на оборотъ, истину представить заблужденіемъ. Для доказательства онъ просилъ предложить ему какую-нибудь истину изъ числа самыхъ бесспорныхъ, и когда это было исполнено, онъ помощью двѣнадцати аргументовъ, одинъ вѣролатиѣ другого, доказалъ, что это положеніе ложно. Просилъ сказать, напротивъ, очевидную ложь и рядомъ аргументовъ, также весьма вѣролатныхъ, заставилъ присутствовавшихъ признать ее за истину. Когда же его спросили, какое же вѣрное средство распознать ложное отъ истиннаго и избѣгнуть софизмовъ, онъ упомянулъ о своей методѣ, извлеченной имъ изъ математическихъ наукъ. Разговоръ произвелъ особенное впечатлѣніе на кардинала, который пригласилъ Декарта къ себѣ и долго съ нимъ бесѣдовалъ. Декартъ развилъ свои планы, указывая между прочимъ, какихъ плодовъ можно ожидать отъ приложенія правдальной философской методы къ медицинѣ и механикѣ, изъ коихъ отъ первой можно ждать восстановленія и сохраненія здоровья, а отъ второй — облегченія людскихъ трудовъ. Кардиналъ благословилъ философа, высказавъ, что человекъ, получившій отъ Бога такую силу и проникательность ума, долженъ будетъ дать Ему отчетъ изъ употребленіи своего галанта, и выразилъ увѣренность, что, зная чистоту намѣреній, Богъ увѣнчаетъ предпринятый трудъ успѣхомъ.

Это привѣтствіе, по замѣчанію Валье, не осталось безъ вліянія на важное рѣшеніе, вскорѣ потомъ предпринятое Декартомъ, — оставить родину и переселиться въ Голландію. То, что говоритъ Декартъ въ концѣ третьей книги *Discours de la Méthode*, подтверждаетъ это замѣчаніе. Повторимъ слова Декарта. „Девять лѣтъ (то есть, съ 1620 по 1629 годъ) протекли, прежде чѣмъ я порѣшилъ чѣмъ либо касательно трудностей, служащихъ предметомъ диспутовъ между учеными, и началъ полагать основанія новой философіи, болѣе достовѣрной, чѣмъ общепринятая. Примѣръ многихъ превосходныхъ умовъ, принимавшихъ прежде такое намѣреніе и въ немъ, казалось мнѣ, не успѣвшихъ, заставлялъ меня представлять себѣ

дѣло окруженнымъ такими трудностями, что я, можетъ быть, долго еще не рѣшился бы предпринять его, если бы не узналъ, что распущенъ нѣкоторыми слухъ, будто я его уже совершилъ. Не знаю, что подало поводъ къ такому утверженію. Если разговоры мои, то изъ нихъ могли вывести только, что я всегда свидѣтельствовалъ о моемъ незнаніи болѣе откровенно, чѣмъ какъ имѣютъ обыкновеніе люди чему-нибудь учившіеся, и указывалъ основанія, почему сомнѣвался во многихъ вещахъ, другими считавшихся достовѣрными. Никакимъ своимъ ученіемъ я не хвалился. Но имѣя довольно сердца чтобы не желать быть принятымъ за инаго чѣмъ каковъ я на самомъ дѣлѣ, я думалъ, что долженъ употребить всѣ средства, дабы сдѣлаться достойнымъ сложившейся репутаціи. Ровно восемь лѣтъ тому назадъ (въ мартѣ 1629 года) это желаніе побудило меня къ рѣшенію уйти изъ мѣстъ, гдѣ могъ имѣть знакомства, и удалиться сюда (въ Голландію), въ страну, гдѣ продолжительность войны породила такіе порядки, что содержимыя здѣсь арміи кажутся назначенными только къ тому, чтобы съ большею безопасностію можно было наслаждаться плодами мира, и гдѣ въ толпѣ дѣятельнаго народа, болѣе заботящагося о своихъ дѣлахъ, чѣмъ любопытнаго къ чужимъ, я могу, не лишая себя всѣхъ удобствъ большого города, жить въ такомъ же уединеніи, какъ въ самой дальней пустынѣ".

II.

Переселеніе въ Голландію было однимъ изъ важнѣйшихъ событій въ жизни Декарта. Оно надолго опредѣлило его судьбу. Двадцать лѣтъ прожилъ онъ въ этой странѣ, перѣзжая изъ города въ городъ, открывая свое мѣстопробываніе только близкимъ и особенно отцу Мерсенну, чрезъ котораго обыкновенно и сносился съ парижскими своими знакомыми и друзьями. Отказавшись отъ всякой государственной и общественной дѣятельности, къ какой открывало ему доступъ его происхожденіе, онъ вполне предался философскимъ размышленіямъ, математическимъ соображеніямъ и опытному изученію явленій природы, особенно въ области анатоміи, оптики и отчасти метеорологіи, и не принималъ лестныхъ предложеній вернуться въ отечество, куда лишь трижды пріѣзжалъ во все время своего пребыванія въ Голландіи.

О мотивахъ, побудившихъ его избрать Голландію мѣстомъ своего пребыванія, Декартъ такъ говорилъ впоследствии: „Всѣмъ изъ-

вѣстно ¹⁾, что, живя много уже лѣтъ въ этихъ провинціяхъ, я всегда оказывалъ имъ столько же преданности, какъ собственные ихъ сыны; и можетъ быть, надлежитъ вмѣнить мнѣ въ нѣкоторую заслугу такое пребываніе, послѣдовавшее не по случайности рожденія, а по моему выбору и моей волѣ. Многіе знаютъ, что я хорошо жилъ въ отечествѣ моемъ, и что единственнымъ мотивомъ моего переселенія было то обстоятельство, что множество друзей и родственниковъ, не видаясь съ коими я не могъ, отнимали все мое время и досугъ, отрывая отъ научныхъ занятій, въ коихъ все мое счастье, и конъ многими признаются не безплодными для человѣчества. Никакая часть свѣта не была мнѣ закрыта; я могъ быть увѣренъ, что всюду буду принятъ охотно, какъ гость, который никогда не будетъ въ тягость, и которому можно даже, можетъ быть, похвалиться. Такимъ образомъ выборъ мой былъ совершенно свободенъ, и я предпочелъ эту страну всѣмъ другимъ“.

Посылая (въ 1637 году) свою книгу принцу Оранскому чрезъ одного изъ его придворныхъ, Декартъ просилъ ²⁾ передать сочиненіе, имя автора котораго не было названо, какъ идущее отъ лица, преданнаго принцу. „Дѣйствительно, могу сказать, что съ тѣхъ поръ, какъ я рѣшился покинуть родину и удалиться отъ всякихъ знакомствъ, дабы вести жизнь болѣе тихую и спокойную, чѣмъ какую велъ до тѣхъ, я не вдумалъ бы удалиться въ эти провинціи и предпочелъ бы имъ мѣста, гдѣ нѣтъ войны, и гдѣ чистота и сухость воздуха, казались бы, болѣе благоприятствуютъ произведеніямъ ума, если бы высокое мѣнѣе, какое я имѣлъ о его высочествѣ, не побудило меня до вѣрится его покровительству. Подъ сѣнью его оружія я пашелъ покой и досугъ, за чтѣ глубоко ему признателенъ, и думаю, что книга моя, вся плодъ этого покоя, должна быть прежде всего поднесена ему“.

Въ 1631 году Декартъ, въ письмѣ къ Вальзаку, высказавшему намѣреніе поселиться въ какомъ-либо тихомъ уголкѣ, указываетъ удобства пребыванія въ Голландіи ³⁾. „Совѣтую“, пишетъ онъ,—„вы-

¹⁾ *Lettre de René Descartes à Gisbert Voet (Oeuvres de Descartes, publiées par V. Cousin. Paris 1826. T. XI, 120).* Письмо къ Воетію есть цѣлое полемическое сочиненіе, изданное по латыни.

²⁾ *Oeuvres*, VI, V22.

³⁾ *Oeuvres*, VI, 201. Не малое удобство было также въ быстротѣ сообщенія. Въ письмѣ къ оптику Феррье, котораго Декартъ приглашалъ къ себѣ въ Голландію, онъ рекомендуетъ ему отправиться чрезъ Кале. Оттуда въ день или два моремъ до Роттердама. Изъ Роттердама до Амстердама удобнѣе, чѣмъ въ Парижѣ отъ дома до церкви (VI, 4).

братъ вашимъ убъжищемъ Амстердамъ и предпочесть его не только всѣмъ капуцинскимъ и картезианскимъ монастырямъ, но и красивѣйшимъ мѣстамъ Франціи и Италіи и даже тому знаменитому уединенію, гдѣ вы были прошлымъ годомъ. Какъ бы хорошо ни былъ устроенъ деревенскій домъ, въ немъ всегда недостаетъ множества удобствъ, какія можно найти въ городѣ, да и уединеніе, какое найдется тамъ найти, никогда не бываетъ полнымъ. Я согласенъ, что тамъ найдутся — потокъ, способный погрузить въ думу самаго отчаяннаго болтуна, уединенная долина, возбуждающая восхищеніе и радость; по возможно ли, чтобы не было у насъ кучи сосѣдей, являющихся по временамъ надоедать, и посѣщеніе которыхъ будетъ еще безпокойнѣе, чѣмъ въ Парижѣ. А между тѣмъ въ большомъ городѣ, гдѣ я живу, кромѣ меня, нѣтъ человѣка, не занятаго торговлею, каждый такъ озабоченъ наживой, что я могъ бы всю жизнь прожить, никѣмъ не замѣченный. Каждый день прогуливаясь среди толкотни многолюднаго населенія съ такою же свободой и спокойствіемъ, какъ вы въ вашихъ аллеяхъ. На людей, которыхъ встрѣчаю, я смотрю, какъ смотрѣлъ бы на деревья въ вашихъ лѣсахъ, какъ на звѣрей, тамъ ходящихъ. Самый шумъ ихъ заботъ не болѣе прерываетъ мои мечтанія, какъ прерывалъ бы шумъ потока... Размыслию ли когда о ихъ дѣйствіяхъ — получаю то же удовольствіе, какое ощущаете вы при видѣ поселянъ, обрабатывающихъ ваши поля: ибо вижу, что трудъ ихъ служитъ къ украшенію моего жилища и къ тому, чтобы я ни въ чемъ не нуждался. Вамъ пріятно видѣть, какіе зрѣютъ плоды въ вашихъ фруктовыхъ садахъ, и чувствовать себя среди изобилія. Думаете ли вы, что менѣе пріятно видѣть приходящіе корабли, обильно несущіе все, что производитъ Индія, все, что рѣдко въ Европѣ? Какое другое мѣсто на землѣ, гдѣ такъ легко было бы, какъ ядѣсь, найти всѣ удобства жизни и всѣ рѣдкости? Въ какой другой странѣ можно наслаждаться такою полною свободой; гдѣ можно спать такъ спокойно; гдѣ была бы всегда готова вооруженная сила, исключительно назначенная для вашего охраненія; гдѣ были бы менѣе извѣстны заключенія въ тюрьму, измѣны, клеветы, и гдѣ болѣе сохранились бы остатки невинности нашихъ предковъ? Не понимаю, какъ можете вы такъ любить воздухъ Италіи, съ которымъ такъ часто вдыхается зараза, Италіи, гдѣ дневной зной невыносимъ, вечерняя свѣжесть нездорова, а темнота ночи скрываетъ разбойниковъ и убійцъ? Боятесь ли вы сѣверной зимы? Но скажите, какаа тѣнь, какой вѣтеръ,

какіе фонтаны охраняютъ васъ въ Римѣ такъ хорошо отъ жара, какъ здѣсь натопленная печь охраняетъ отъ холода?"

„Я сплю здѣсь“, прибавляетъ Декартъ въ другомъ письмѣ къ Балзаку, — „по десяти часовъ въ ночь, не просыпаясь ни отъ какой заботы. Послѣ того, какъ сонъ водилъ меня по лѣсамъ, садамъ и волшебнымъ замкамъ, гдѣ я испытываю всѣ удовольствія, придуманныя въ сказкахъ, и смѣшиваю мечтанія дня съ мечтаніями ночи. И если соннаю себя пробудившимся, то для того, чтобъ удовольствіе мое было болѣе совершенно и чувство приняло въ немъ участіе; ибо я не на столько строгъ, чтобъ отказать имъ въ чемъ-либо, что филозофъ можетъ позволить, не оскорбляя свою совѣсть“ (VI, 199).

Медникъ Сорберъ такъ описываетъ ¹⁾ жизнь Декарта въ мѣстечкѣ Эйндегестѣ, близъ Лейдена:

„Я посѣтилъ въ Эйндегестъ (Eindelgeest, Eyndegeest), лежащій въ пол-лѣ отъ Лейдена со стороны Вармонта (Wagmont), тотчасъ какъ прибылъ въ Голландію, въ началѣ 1642 года. Я съ большимъ удовольствіемъ посѣтилъ г. Декарта въ его уединеніи и старался воспользоваться его бесѣдою для лучшаго пониманія его ученія. Много пріятнаго вынесъ я, ознакомившись съ любезностію этого дворянина, его убѣжищемъ и его образомъ жизни. Онъ помѣщался въ небольшомъ замкѣ, среди прекрасной мѣстности, въ трехъ лѣ отъ двора и въ какихъ-нибудь двухъ часахъ отъ моря. При немъ было достаточное число служителей, лицъ избранныхъ и представительной наружности, довольно хорошій садъ съ фруктовымъ отдѣленіемъ въ концѣ, а вокругъ луга, среди коихъ возвышались многія колокольни до самаго горизонта, гдѣ онѣ видѣлись, какъ отдаленныя острія. Отсюда онъ отправлялся на день разстоянія по каналу въ Утрехтъ Дельфтъ, Роттердамъ, Дордрехтъ, Гарлемъ, а иногда въ Амстердамъ. Онъ могъ отправиться на полдня въ Гаагу и въ тотъ же день возвратиться назадъ, свершивъ эту прогулку по лучшей дорогѣ въ мірѣ, лугами, мимо зачуждыхъ домовъ, черезъ большой лѣсъ, прилегающій къ этому мѣстечку, равняющемуся съ красивѣйшими городами Европы и гордившемуся въ это время пребываніемъ трехъ дворовъ. Первый—принца Оранскаго, чисто военный, съ двумя тысячами дворянъ на походномъ положеніи: буйволоный колетъ, оранжевый шарфъ, высокіе сапоги, палашъ были ихъ главнымъ украшеніемъ. Дворъ

¹⁾ Baillet, II, 168.

Генеральных Штатовъ состоялъ изъ депутатовъ Соединенныхъ Провинцій и бургомистровъ, поддерживавшихъ достоинство аристократіи, въ одѣяніи изъ чернаго бархата, съ широкимъ воротомъ и окладистою бородой. Дворъ королевы Чешской, вдовы короля Фридриха V (*reine de Bohême veuve du roi Frédéric V, électeur Palatin*) казался дворомъ грацій. У королевы было четыре дочери, около которыхъ ежедневно собирався гаагскій *beau-monde* принести дань уваженія уму, добродѣтели и красотѣ этихъ принцессъ, изъ коихъ старшая находила особое удовольствіе бесѣдовать съ г. Декартомъ. Я чрезвычайно хвалилъ г. Декарту выборъ его жилища, столь удобнаго, и порядкомъ, установленный имъ въ развлеченіяхъ и въ отдыхѣ. Перешелъ къ его научнымъ и другимъ занятіямъ, особенно говорилъ о его методѣ и его намѣреніи утвердить свои мнѣнія въ академіяхъ. Хотѣлъ войти въ большія подробности о его мнѣніяхъ, но онъ отослалъ меня къ своимъ сочиненіямъ, говоря, что изложилъ ихъ, какъ только умѣлъ ясно⁵.

III.

Спокойствіе, уединеніе, жизненные удобства, какія доставляла Декарту Голландія, желаніе уйдти отъ многочисленныхъ знакомствъ, поглощавшихъ время, были, вмѣстѣ съ страстію къ переѣздамъ, главнымъ поводомъ удаленія Декарта въ Голландію, но были, быть можетъ, не единственными мотивами его долговременнаго пребыванія въ этой странѣ, тогда не только богатой, но и свободной. Едва ли гдѣ-либо онъ могъ пользоваться такою независимостію въ своихъ научныхъ занятіяхъ, какъ здѣсь. Хотя Декартъ заботливо выдѣлялъ область вѣры изъ своихъ философскихъ изслѣдованій, всегда показывалъ себя и былъ преданнымъ сыномъ церкви, однако, оставаясь во Франціи, онъ едва ли избѣжалъ бы личныхъ столкновеній, которыя породили бы враговъ и преслѣдованія. И въ Голландіи, какъ только стало, подъ его личнымъ вліяніемъ, распространяться въ университетахъ его ученіе, не замедлили выступить сильные противники въ лицѣ протестантскихъ богослововъ, обвинявшихъ его въ атеизмъ и матеріализмъ. Умысленная забота Декарта о спокойствіи, о томъ, чтобы оградить, обезпечить, обезопасить для себя свободу изслѣдованія согласна и съ его характеромъ—осторожнымъ, опасливымъ, даже робкимъ, и съ условіями времени. Не забудемъ, что это была эпоха, когда духовный авторитетъ, вспомошествоваемый своею превосходною организованною, безусловно преданною и необычайно искусною поли-

цей въ орденѣ іезуитовъ, считалъ пытливо инквизицій истину разумъ воплиѣ подчиненною себѣ, служебною силой, долженствующею дѣйствовать по указываемому пути, требующею узды и заслуживающей наказанія при уклоненіяхъ. Еще не совсѣмъ погасли костры, на которыхъ погибли Ванини, Бруно и другіе смѣлые мыслители; мать Кеплера судилась какъ колдунья; Галилей потребованъ на судъ инквизиціей.

Осужденіе Галилея произвело сильное впечатлѣніе на Декарта, какъ можно судить изъ письма его къ отцу Мерсенну, отъ 22-го іюля 1633 года, которое было уже приведено выше, на стр. 12.

IV.

Главнѣйшую часть третьей книги Разсужденія составляютъ три правила нравственности, какія принялъ Декартъ для своего поведенія въ сношеніяхъ съ людьми и столкновеніяхъ съ обстоятельствами, чтобъ оградить внутренній миръ души и тѣмъ свободнѣе предаться великой предпринятой имъ задачѣ—перестройкѣ научнаго зданія съ основаній. Декартъ называетъ свои правила временными (шве *provisio*) и нисколько не претендуетъ на ихъ общепримѣнимость.

Декартъ мало писалъ по вопросамъ нравственности и, какъ видно изъ писемъ къ Шаню (французскому посланнику при дворѣ Шведской королевы, почитательницы Декарта), наиѣренно избѣгалъ касаться этихъ вопросовъ, какъ и вопросовъ, касающихся религіи, стараясь, съ одной стороны, оставаться съ примѣненіемъ своей методы свободнаго сужденія въ предѣлахъ философіи природы, а съ другой—стремясь и пламенно желая показать другимъ и убѣдить себя, что естественный свѣтъ разума, ведомый правильною методою, приходитъ къ заключеніямъ, дѣлающимъ основныя понятія религіознаго ученія о Божествѣ и духѣ очевиднѣе геометрическихъ доказательствъ. Этотъ щитъ примиренія вѣры и разума, поднятій безъ притворства, но и съ крѣпкою надеждою на его защиту, не мало помогъ распространенію философіи Декарта не только въ свѣтскихъ, но и въ духовныхъ кругахъ. Даровитѣйшимъ послѣдователемъ и продолжателемъ его метафизики былъ католическій монахъ Малбраншъ.

„Правда, я имѣю обыкновеніе“, говоритъ Декартъ въ письмѣ къ Шаню, отъ 20 ноября 1647 года,—„отказываться писать о нравственности и по двумъ причинамъ: во первыхъ, нѣтъ предмета, который давалъ бы зложелательнымъ людямъ столько поводовъ клеветать; во-

иторныхъ, по мнѣнію моему, вмѣшиваться въ исправленіе правовъ другихъ есть дѣло монарховъ и тѣхъ, кто ими къ тому уполномоченъ“.

Въ другомъ письмѣ къ тому же Шаю (въ ноябрѣ 1646 г.) Декартъ подробнѣе высказываетъ свою мысль: „Боюсь, что сочиненія, которыя я создалъ, не заслуживаютъ, чтобы королева остановила на нихъ вниманіе, и что она не особенно будетъ вамъ благодарна за рекомендацію. Можетъ быть, еслибъ я писалъ о нравственныхъ вопросахъ, писанія мои доставили бы ей больше удовольствія. Но мѣшаться въ эти вопросы и писать о нихъ я не долженъ. Отцы-паставники (*messieurs les régents*) такъ сильно возбуждены противъ меня по случаю невинныхъ началъ физики (*Innocents Principes de physique*) и злятся, что не находятъ въ нихъ повода къ клеветамъ. Если послѣ того я начну трактовать о нравственныхъ вопросахъ, то они совсѣмъ лишатъ меня покоя. Если уже и теперь отецъ Бурденъ (*Bourdin*) пашель возможнымъ обвинять меня въ скептицизмъ за то, что я опровергаю скептицизмъ, а одинъ пасторъ (*un ministre — Voetius*) доказываетъ, что я атеистъ, не выставляя никакого другого аргумента, кромѣ того, что я старался доказать бытіе Божіе,—то чего не наговорили бы, еслибъ я принялся я изслѣдовать, какая истинная цѣль того, чего мы должны желать и чего бояться, какое состояніе души послѣ смерти, на сколько должны мы любить жизнь, и каковы должны мы быть, чтобы не бояться ея утраты. Какъ ни были бы мнѣнія мои согласны съ религіей, какъ ни соответствовали бы государственной пользѣ, это не помѣнило бы увѣрять, что мнѣнія эти противны и религіи, и государственному благу. Наилучшее потому, что могу сдѣлать, есть, кажется мнѣ, перестать писать книги; взять девизомъ: *Illi mors gravis incubat qui notus minis omnibus ignotus moritur sibi*¹⁾; заниматься изслѣдованіями только для собственнаго наученія и сообщать свои мысли лишь тѣмъ, съ кѣмъ могу частно бесѣдовать“.

Можно подумать, не преувеличены ли были опасенія Декарта, заставившія его избѣгать вопросовъ нравственности. Но слѣдующій фактъ, сообщаемый отцемъ Пуассономъ въ его комментаріи (стр. 105) на разсужденіе Декарта, показываетъ, съ какою въ то время щекотливостію, даже въ кругахъ, расположенныхъ къ Декарту, относились къ тому, что случалось ему сказать по вопросамъ нравственности. Указывая, какъ

¹⁾ Изъ Сенеки. Тяжела смерть тому, кто, слишкомъ извѣстнѣй другимъ, умираетъ невѣдомый себѣ.

одно изъ основныхъ правилъ своей нравственности — избѣгать крайностей, Декартъ прибавилъ: „Особенно въ разрядъ крайностей я поставлялъ всѣ обѣщанія, болѣе или менѣе ограничивающія свободу. Не потому, чтобъ я не одобрялъ законовъ, которые, дабы противодѣйствовать непостоянству слабыхъ умовъ, позволяютъ—для какой-либо доброй цѣли, или для просто безвредной, для коммерческаго, напримеръ, обезпеченія,—дѣлать обязательства и договоры, принуждающіе къ исполненію условій. Но такъ какъ я ничего не видѣлъ въ мірѣ, что оставалось бы неизмѣннымъ, и такъ какъ лично я стремился усовершенствоваться болѣе и болѣе мои сужденія, а никакъ не дѣлать ихъ худшими, то я полагалъ, что сильно погрѣшилъ бы противъ здраваго смысла, еслибъ, одобряя какую-либо вещь въ данную минуту, я обязывалъ себя считать ее хорошею и тогда, когда она перестала быть таковою, или бы я пересталъ почитать ее таковою“.

Эти строки—разъазываетъ отецъ Пуассонъ—были прочитаны въ близкихъ ему монашескихъ кругахъ съ большимъ огорченіемъ и отчасти съ негодованіемъ. Въ нихъ увидѣли осужденіе монашескихъ обѣтовъ. Какъ ни старался отецъ Пуассонъ истолковать это мѣсто въ благопріятномъ для Декарта смыслѣ, слушатели недоуверчиво качали головой.

Свой предварительный кодексъ нравственности Декартъ выразилъ въ трехъ правилахъ. Первое—повиноваться законамъ и обычаямъ страны, сохраняя религію (въ латинскомъ переводѣ прибавлено: *quam optimat judicabat* — которую почиталъ за лучшую), въ которой по благодати Бога воспитанъ и слѣдуя во всемъ остальномъ мнѣніямъ наиболее умѣреннымъ, удаленнымъ отъ всякихъ крайностей и общепринятымъ благоразумными людьми въ кругу, гдѣ буду жить“.

Второе правило весьма замѣчательно: „Быть твердымъ, рѣшительнымъ въ дѣйствіяхъ и, принявъ какое-либо мнѣніе, хотя бы сомнительное, но на которое я разъ рѣшился, слѣдовать ему, какъ еслибъ оно было вполне истинное“. Къ этой идее Декартъ возвращается и въ четвертой части, говоря: „Я давно замѣтилъ, что въ области нравственныхъ поступковъ, необходимо иногда слѣдовать мнѣніямъ завѣдомо сомнительнымъ, какъ еслибъ они были несомнѣны“. Въ области научныхъ размышленій, по мнѣнію Декарта, на оборотъ, „надлежитъ отбросить, какъ безусловно ложное, все, въ чемъ можно вообразить хотя бы малѣйшій поводъ къ сомнѣнію“. Это въ немногихъ словахъ выраженное различеніе мысли теоретической, дѣйствующей въ мірѣ научныхъ отвлеченій, отъ мысли практической, дѣйствующей среди

сложныхъ условий дѣйствительности, имѣеть большое значеніе. Міръ практической мысли есть міръ поступковъ. Здѣсь задача имѣеть одно рѣшеніе, и только одно—то дѣйствіе, которое производится. Совмѣстное существованіе нѣсколькихъ рѣшеній есть актъ разстройства и паденія. Потому область эта не есть область сомнѣнія и свободы, а область увѣренности и твердыхъ правилъ. Иное область теоретической мысли. Тамъ первое условіе—широкое обозрѣніе возможностей, смѣлость сомнѣнія, свобода предположеній. Смѣлый, даже сокрушительный въ области теоретической мысли, Декартъ въ области мысли практической, въ жизни, былъ человѣкомъ общепринятыхъ правилъ и рутинной морали.

Въ мірѣ практической дѣятельности сомнѣніе, этотъ первый шагъ къ философской самостоятельности, можетъ быть также пагубно, какъ пагуба, при перенесеніи въ практику, другая черта философской работы мысли—односторонность, поражающая настроеніи идеальныя и стройныя, но далекія отъ дѣйствительности, ибо совпадаютъ лишь съ не многими ея сторонами. Ученый математикъ можетъ составить стройную, глубоко обработанную систему механики, отвлекаясь отъ явленій тренія, какъ еслибъ его не было, и рассматривая твердое тѣло какъ неизвѣпную механическую систему, лишенную упругости. Но если бы на основаніи такой теоріи мы задумали строить мосты и дороги, то немедленно сломали бы себѣ на нихъ шею.

Научная революція, произведенная въ понятіяхъ эпохи картезианскою философіей, не осталась однако безъ сильнѣйшаго вліянія и въ практической области политическихъ понятій. Можно прослѣдить прямое вліяніе Декарта на идеи и приемы Руссо, сочиненія котораго сдѣлались главнымъ кодексомъ революціонной доктрины.

Всю революціонную доктрину, породившую французскую революцію конца прошлаго вѣка¹⁾, можно рассматривать какъ опытъ примѣненія къ вопросамъ государственной жизни того метода выводовъ а priori, который породилъ картезианскія гипотезы въ области ученія о природѣ.

Третьимъ правиломъ Декартъ стремился оградить спокойствіе размышляющаго духа, стараясь поставить себя въ независимость отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Оно состоитъ въ томъ, чтобы „стремиться побѣждать себя, а не судьбу; измѣнять свои желанія, а не порядокъ міра“. Сокращать свои желанія, ничего не ждать отъ событій, не

¹⁾ См. мое сочленіе *Противъ теченія*, главу: „Объявленіе правъ человѣка. Основы революціоннаго ученія“.

привязываться ни къ чему, что можетъ быть утрачено: словомъ, поставить себя внѣ владѣчества страстей и обстоятельствъ, оставаясь независимымъ властелиномъ своего внутренняго міра—вотъ задача философскаго безстрастія и, можно сказать, эгоизма, въ разрѣшеніи которой Декартъ видѣлъ важное условіе успѣха предпринятой имъ работы мысли, въ глубинахъ своихъ ищущей истины и знанія. Въ письмахъ къ принцессѣ Елизаветѣ Декартъ не разъ возвращается къ изображенію этой нравственной гимнастики, помощію которой человѣкъ усиленіемъ ума и направленіемъ вниманія можетъ отклонить условія, способныя нарушить спокойствіе духа. Въ письмѣ отъ 15-го марта 1645 года, давая принцессѣ собѣтъ относительно сохраненія здоровья и крѣпости духа среди невзгодъ, — а ихъ она испытала не мало, — Декартъ говоритъ, что всѣми силами надлежитъ отвращать отъ нихъ свое воображеніе и относиться съ нимъ единственно помощію разума: „Легко замѣтить разницу между разумнѣемъ и воображеніемъ или чувствами (*entre l'entendement et l'imagination ou les sens*). Разница эта такова, что еслибы человѣкъ, имѣющій всѣ поводы быть довольнымъ, постоянно видѣлъ предъ собою представленія трагедіи съ ея ужасами и разсматривалъ только предметы, хотя бы вымышленные, но вызывающіе печаль и собогѣзнованія, исторгающіе слезъ изъ глазъ и волнующіе воображеніе, не касаясь разумнѣія, то этого, полагаю, было бы достаточно, чтобы пріучить его сердце сжиматься и грудь производить вздохи, вслѣдствіе чего обращеніе крови можетъ замедлиться, грубѣйшія части ея, скучиваясь вмѣстѣ, могутъ засорить селезенку, задерживаясь въ ея порахъ, а топкия, останавливаемыя изъ волненія своемъ, повредить легкимъ и произвести кашель опаснаго свойства. Напротивъ того, человѣкъ, имѣющій безчисленные поводы къ неудовольствію, но который научился отвращать отъ нихъ свои мысли, такъ что думаетъ о нихъ, лишь когда необходимость дѣлаетъ въ тому принуждающею, и который остальное все время останавливается мыслию лишь на предметахъ, способныхъ приносить удовлетвореніе и радость, можетъ, — не говоря уже о томъ, что это весьма ему полезно для здраваго сужденія о вещахъ, такъ какъ онъ въ такомъ случаѣ относится къ нимъ безъ страсти,— поправиться и въ здоровьѣ, хотя бы селезенка и легкія его были предрасположены къ болѣзни, вслѣдствіе дурнаго состоянія крови, производимаго огорченіями... Прибавлю, что испыталъ это на себѣ... Я родился отъ матери, которая умерла вскорѣ послѣ моего рожденія, отъ болѣзни легкихъ, порожденной нѣкоторыми огорченіями. Я наслѣ-

довалъ отъ нея сухой кашель и блѣдный цвѣтъ, какіе и имѣлъ до двадцатилѣтняго возраста, такъ что врачи осудили меня умереть молодымъ. Но склонность, какую я всегда имѣлъ, смотрѣть на вещи въ томъ направленіи, которое представляетъ ихъ въ наиболѣе пріятномъ видѣ, и достигать того, чтобы внутреннее удовлетвореніе мое зависѣло отъ меня самого, произвела то, что болѣзненное расположеніе, бывшее у меня отъ природы, мало по малу прошло^а.

Въ другихъ двухъ письмахъ, одномъ отъ 20-го апрѣля, другомъ отъ 1-го мая 1645 года, Декартъ разбираетъ вопросъ о томъ, „какое средство указывать намъ философія (рѣчь идетъ по поводу того что Сенека писалъ de vita beata), чтобы достичь высшаго блага, „какое зауядныя души (ames vulgaires) тщетно ждутъ отъ фортуны, но которое можно получить лишь отъ насъ самихъ“. „Vivere beate, жить блаженно, значить имѣть умъ совершенно довольный и удовлетворенный. Разсматривая же quod beatam vitam efficiat, то-есть, какія вещи могутъ дать намъ это высшее самоудовлетвореніе, нахожу, что онѣ двухъ разрядовъ: одні, какъ добродѣтель и мудрость, зависятъ отъ насъ, и другія, какъ почести, богатство и здоровье, отъ насъ независимы. Понятно, что человѣкъ хорошаго рода, не больной, ни въ чемъ не нуждающійся и который вмѣстѣ съ тѣмъ столь же мудръ и добродѣтеленъ, какъ другой, который бѣденъ, боленъ и уродливъ, можетъ чувствовать болѣе полное удовлетвореніе, чѣмъ этотъ послѣдній. Однако же, знан, что малый сосудъ можетъ быть также полнымъ, какъ большой, хотя и менѣе содержать въ себѣ жидкости, и разумѣя подъ самоудовлетвореніемъ полноту въ исполненіи желаній, направляемыхъ разумомъ, я не сомнѣваюсь, что самый бѣдный человѣкъ, обойденный счастьемъ, обиженный природою, можетъ быть довольнымъ и удовлетвореннымъ, какъ тѣ, кои обладаютъ этими благами. О такомъ только самоудовлетвореніи и идетъ здѣсь рѣчь. Иное не въ нашей власти; нечего его и искать. Но мнѣ кажется, что сдѣлаться довольнымъ собою и не ожидать ничего извнѣ можно только соблюдая три требованія, указанныя въ трехъ правлахъ нравственности, выраженныхъ мною въ Разсужденіи о методѣ.

„Первое—всегда стараться пользоваться возможно лучше своимъ умомъ, дабы распознать, что надлежитъ дѣлать и чего дѣлать не надлежитъ во всѣхъ событіяхъ жизни.

„Вовторыхъ — имѣть твердую и постоянную рѣшимость исполнять все, что совѣтуетъ разумъ, не поддаваясь отклоняющему дѣй-

ствію страстей и желаній. Твердость такой рѣшимости и есть, по мнѣнію моему, добродѣтель, хотя, сколько знаю, никто добродѣтели такъ не изъяснялъ. Ее раздѣляли на разные виды, коимъ давали разные названія, по различію предметовъ, на какіе она простирается.

„Втретійхъ, дѣйствуя, на сколько можно по указаніямъ разума, смотрѣть на всѣ блага, коими не обладаемъ, какъ на находящіися исполнѣннѣ нашей власти, и чрезъ то приучаться не желать ихъ, ибо только желаніе и сожалѣніе или раскаяніе мѣшаютъ намъ быть довольными. Но если мы дѣлаемъ то что указываетъ разумъ, у насъ не будетъ повода къ раскаянію, если бы событія и показали, что мы ошиблись, ибо произошло бы это не по нашей винѣ. Не желаемъ же мы, напримѣръ, имѣть больше рукъ или языковъ, чѣмъ сколько у насъ есть. Если же желаемъ имѣть больше здоровья и богатства, то единственно оттого, что воображаемъ себѣ вещи эти такими, какія могутъ быть пріобрѣтены поведеніемъ нашимъ или принадлежать нашей природѣ, чего не думаемъ о другихъ. Отъ такого мнѣнія можемъ освободиться, принавъ въ соображеніе, что, слѣдуя указаніямъ разума, ничего съ своей стороны не упустили и что болѣзнь и несчастія столь же естественны человѣку, какъ здоровье и благополучіе“.

V.

Въ дѣлахъ житейскихъ Декартъ, какъ мы видѣли, поставилъ себѣ правиломъ „слѣдовать мнѣніямъ наиболѣе умѣреннымъ, удаленнымъ отъ всякихъ крайностей и общеприптымъ благоразумными людьми, гдѣ буду жить“. Изъ показаній біографа, посвятившаго восьмую книгу жизнеописанія Декарта изображенію внѣшнихъ и внутреннихъ качествъ своего героя и образа его поведенія, видно, что приведенное правило было дѣйствительно руководящею нитью во всемъ, что касалось обыкновенныхъ житейскихъ отношеній. Приведемъ нѣсколько чертъ изъ подробнаго очерка Галье.

Декартъ былъ роста немного ниже средняго. Профессоръ Ленцъ (Cyracus de Lentz или Lentulus), авторъ рѣзкаго памфлета, изданнаго имъ противъ Декарта, называлъ его homuncio¹⁾). Корпусъ Декарта

¹⁾ «Homuncionem vocas quem naturae filium cordati vocant», отвѣчалъ Ленду профессоръ Клаубергъ, одинъ изъ главныхъ приверженцевъ и распространителей ученія Декарта.

былъ весьма тонокъ и пропорціоналенъ во всѣхъ частяхъ. Только голова казалась нѣсколько велика сравнительно съ туловищемъ. Лобъ его былъ широкъ и нѣсколько выпуклъ. Цвѣтъ лица въ періодъ отъ рожденія до выхода изъ Ла-Флешской коллегіи блѣднѣе, затѣмъ смѣшанъ съ румянцемъ, исчезнувшимъ около времени уединенія въ Голландію, а съ тѣхъ поръ нѣсколько оливковый до смерти. На щекѣ у него была небольшая бородавка, сходявшая и вновь нарастающая. Нижняя губа нѣсколько выдвинута впередъ, ротъ довольно широкъ, носъ ширины пропорціальной длинѣ, глаза темносѣрые, взглядъ пріятенъ, зрѣніе хорошо до конца дней. Лицо всегда ясно, выраженіе пріятливо, тонъ голоса между высокимъ и низкимъ, но слишкомъ слабъ для длинной рѣчи, вслѣдствіе врожденной слабости легкихъ. Волосы на головѣ и бровяхъ довольно черны, на бородѣ нѣсколько сѣвѣе. Началъ онъ сѣдѣть съ 41 года. Въ октябрѣ 1637 года онъ писалъ къ отцу знаменитаго Гюгенса ¹⁾: „Пробивающаяся сѣдина предупреждаетъ меня, что въ физикѣ мнѣ слѣдуетъ теперь сосредоточить вниманіе на изысканіи средствъ, какъ бы замедлить ее. Этимъ теперь и занимаюсь“. Вскорѣ затѣмъ онъ, въ видахъ здоровья, надѣлъ парикъ той же формы, какъ собственные волосы.

Декартъ слѣдовалъ за модами, но не давалъ имъ увлекать себя; ждалъ пока онѣ сдѣлаются общими, чтобы избѣжать всякой исключительности. Никогда не одѣвался онъ небрежно костюмѣ и изъ особенности избѣгалъ казаться философомъ. Когда удалился въ Голландію, оставилъ шпагу и замѣнилъ шелкъ сукномъ.

Образъ жизни его былъ очень однообразенъ, воздержность врожденная. Онъ мало пилъ вина, иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ не пилъ вовсе; но такъ какъ былъ очень пріятенъ и веселъ за столомъ, то воздержность его не была въ тягость сотрапезникамъ. Не былъ ни особенно деликатенъ, ни капризенъ въ выборѣ пищи и пріучилъ свой вкусъ ко всему что не вредно для здоровья. Диета его состояла не въ томъ, чтобы рѣдко ѣсть, а въ выборѣ пищи. Онъ полагалъ, что полезно давать желудку и кишкамъ, какъ жерновамъ, постоянную работу, но помощью предметовъ сравнительно мало питательныхъ, какъ корни, плоды, которые онъ почиталъ болѣе способными продлить жизнь человѣка, чѣмъ мясо. Онъ замѣчалъ, что ѣсть съ бошьнею охотой и спать крѣпче, когда бываетъ въ горѣ или опасности,

¹⁾ *Oeuvr.* VI, 331. Lettre à M. de Zuitlichen.

тѣмъ въ друге какое время. Онъ спалъ много, но пробужденіе его никогда не было принужденнымъ. Пробудясь, онъ предавался научнымъ размышленіямъ, оставаясь въ постели, и только по временамъ приподнимался, не вставая, чтобы записать свои мысли. Такимъ образомъ онъ часто оставался въ постели по десяти, иногда по двѣнадцати часовъ. Снисхожденіе къ потребностямъ тѣла никогда впрочемъ не доводило его до лѣности. Онъ работалъ много и долго. Любилъ тѣлесныя упражненія и предавался имъ охотно во время роздыха, но потомъ сидячая жизнь мало по малу отучила его отъ нихъ. Здоровье тѣла онъ рассматривалъ какъ главнѣйшее изъ благъ этой жизни, послѣ добродѣтели. Онъ родился не съ крѣпкимъ здоровьемъ. Въ дѣтскіе годы страдалъ сухимъ кашлемъ, наслѣдованнымъ отъ матери, и былъ слабъ до тринадцатилѣтняго возраста, когда въ первый разъ ему было сдѣлано кровопусканіе; во второй же оно было сдѣлано наканунѣ смерти. Онъ почиталъ кровопусканіе вреднымъ въ большинствѣ случаевъ. На девятнадцатомъ или двадцатомъ году онъ счелъ себя достаточно свѣдущимъ, чтобы самому заняться своимъ здоровьемъ и обходился безъ медика до послѣдней своей смертной болѣзни. Онъ имѣлъ отвращеніе не только отъ шарлатановъ, но и отъ аптекарскихъ снадобьевъ и эмпирическихъ средствъ; требовалъ большой осторожности и относительно средствъ, доставляемыхъ химіей. Освободившись отъ горячности печени, заставлявшей его любить военную службу въ молодости, онъ принялъ образъ жизни столь однообразный и правильный, что ни разу не былъ боленъ, кромѣ послѣдняго случая, происшедшаго отъ посторонней причины и сведшаго его въ могилу въ Швеціи.

Въ издержкахъ своихъ онъ былъ весьма аккуратенъ. Доходы его простирались отъ шести до семи тысячъ ливровъ (увеличились къ концу жизни). Мало принималъ гостей, еще менѣе ходилъ въ гости самъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не былъ ни мизантропомъ, ни меланхоликомъ. Напротивъ того, въ характерѣ его было всегда много веселости. Но любовь къ уединенію и тихой жизни умственной труда преобладала надъ всѣмъ остальнымъ. Два любимѣйшіе девиза его были: одинъ взятый изъ Овидія:

Bene qui latuit, bene vixit;

другой изъ Сенеки:

*Illi mors gravis incubat
Qui notus nimis omnibus
Ignotus moritur sibi.*

VI.

Въ концѣ третьей части Декартъ говоритъ о своемъ рѣшеніи посвятить жизнь уединенному труду размышленія и научнаго опыта, удаляясь отъ всякаго рода занятій и должностей, обычныхъ для людей его званія. Рѣшеніе было принято не безъ колебаній. Въ началѣ, какъ мы видѣли, Декартъ счелъ необходимымъ избрать военную карьеру. Въ 1623 году во время путешествія въ Швейцарію и Италію Декартъ, по свидѣтельству Томаса ¹⁾, искалъ мѣста интенданта арміи, посланной въ Вальтеллину (въ южной Швейцаріи) Людовикомъ XIII подъ предводительствомъ маркиза де Кэвра (marquis de Cocuvres). Объ этомъ, впрочемъ, ничего не упоминаетъ Валье. Въ 1625 году Декартъ намѣревался купить судейское мѣсто (les charge de Lieutenant-général de Châtellerault), и такъ какъ для отправленія такой должности необходимы были юридическія познанія, то писалъ къ отцу, что хочетъ заняться юридическою практикой у прокурора при судѣ Шателе (Châtelet) въ Парижѣ. Планъ однако не состоялся.

¹⁾ *Eloge de Descartes* par Thomas, примѣчаніе 10.

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ.

Доводы, доказывающіе существованіе Бога и бессмертіе души, или основаніе метафизики.

Не знаю даже, долженъ ли я говорить о первыхъ размышленіяхъ, какія я тамъ сдѣлалъ. Они такія метафизическія и столь мало обыкновенны, что, можетъ быть, не будутъ по вкусу всѣмъ. Однако же, дабы могли судить, на сколько тверды основанія, мною принятія, я нѣкоторымъ образомъ принужденъ говорить о нихъ. Я давно замѣтилъ, что въ области нравственности и поступковъ необходимо иногда слѣдовать мнѣніямъ, завѣдомо сомнительнымъ такъ, какъ если бы они были несомнѣны. Объ этомъ говорено выше. Но какъ въ это время я хотѣлъ предѣлаться исключительно исканію истины, то думалъ, что долженъ поступить совсѣмъ напротивъ,—что долженъ отбросить какъ безусловно ложное все, въ чемъ могъ вообразить хотя бы малѣйшій поводъ къ сомнѣнію, и посмотреть, не останется ли и послѣ того въ моемъ убѣжденіи чего-либо уже вполне несомнѣннаго. Такимъ образомъ, по той причинѣ, что чувства насъ иногда обманываютъ и допустилъ, что нѣтъ ни одной вещи, которая была бы такова, какъ она намъ представляется; а по той, что есть люди, которые ошибаются въ сужденіяхъ даже по отношенію къ простѣйшимъ предметамъ геометріи и дѣлаютъ въ нихъ парадоксы, я—считая и себя способнымъ ошибаться не менѣе другихъ,—отбросилъ, какъ ложные, всѣ доводы, какіе прежде принималъ за доказательства. Соображая далѣе, что тѣ же представленія, какія мы имѣемъ въ бодрственномъ состояніи, могутъ приходить къ намъ и во снѣ, не будучи оттого дѣйствительностію, я рѣшился представить себѣ, что все, когда-либо входившее въ мой умъ не болѣе истинно, какъ мечтанія моихъ сновъ. Но я тотчасъ обратилъ вниманіе, что тогда какъ я хотѣлъ такимъ образомъ мыслить, что все ложно, необходимо однако, чтобы я, мы-

слящій это, былъ тѣмъ-нибудь. Замѣтивъ такимъ образомъ, что истина: я мыслю, слѣдовательно, я есмь (je pense, donc je suis; cogito, ergo sum) такъ тверда и вѣрна, что самыя экстравагантныя предположенія скептиковъ не могутъ ее поколебать, я заключилъ что могу безъ опасенія принять ее за первый принципъ философіи, какую искалъ.

Внимательно рассматривая далѣе что я такое, увидѣлъ, что я могу вообразить себѣ, что у меня нѣтъ тѣла, что нѣтъ никакого міра, никакого мѣста, гдѣ бы я былъ; но что я никакъ не могу вообразить, чтобы поэтому меня не было; что напротивъ изъ того именно, что я мыслилъ себя сомнѣвающимся въ истинѣ другихъ вещей ¹⁾, ясно и несомнѣнно слѣдуетъ, что я, мыслившій, существую. А еслибъ я пересталъ мыслить, то хотя бы все остальное, что я когда-либо себя представлялъ, и было истинно ²⁾ никакого не было бы для меня основанія заключать, что я существую. Я узналъ изъ этого, что я—субстанція, коей вся сущность или натура есть мыслить, и которая, дабы существовать, не имѣетъ нужды въ мѣстѣ и ни отъ какой матеріальной вещи не зависитъ, такъ что мое я, то есть душа, вслѣдствію коей я есмь то, что есмь, совершенно отлична отъ тѣла; что ее легче познать тѣмъ тѣло, и что если бы его и не было, она не перестала бы быть полною тѣмъ что она есть.

Я рассматривалъ затѣмъ вообще что требуется, чтобы данное положеніе было истинно и достовѣрно: ибо, найдя одно положеніе достовѣрно истинное, я думалъ, что долженъ также знать, въ чемъ состоитъ достовѣрность. И замѣтивъ, что въ истинѣ положенія: я мыслю, слѣдовательно, я есмь, убѣждаетъ меня единственно то, что я очень ясно представляю себѣ: дабы мыслить надо

¹⁾ «De cela même que je pensais douter de la vérité des autres choses il suivait très-evidemment que j'étais». Въ латинскомъ переводѣ: ex hoc ipso quod reliqua falsa esse fingerem, sive quidlibet aliud cogitarem manifeste sequi me esse.

²⁾ Въ латинскомъ переводѣ это мѣсто выражено такъ: Quamvis interim et meum corpus et coetera omnia quae usquam imaginatus sum revera existerent. Хотя бы тѣло мое, и міръ, и всѣ другія вещи, какія когда либо я себѣ представлялъ, дѣйствительно существовали.

существовать; я заключилъ, что можно взять за общее правило, что вещи, которыя мы себѣ вополнѣ ясно и раздѣльно представляемъ, всѣ истинны. Есть только нѣкоторая трудность хорошо замѣтить, какія именно представляемъ мы себѣ ясно и раздѣльно.

Затѣмъ я сдѣлалъ такое размысленіе. Я сомнѣвался, значить я существо не вополнѣ совершенное, ибо знать совершеннѣе, чѣмъ сомнѣваться. Началъ искать, откуда пришло, что я могу мыслить о чемъ-то болѣе совершенномъ, чѣмъ я самъ, и призналъ, что это очевидно должно было придти отъ чего-либо, по природѣ дѣйствительно болѣе, чѣмъ я, совершеннаго. Что касается мыслей, какія имѣлъ о многихъ другихъ вещахъ, внѣ меня находящихся, о небѣ, землѣ, свѣтѣ, теплѣ и тысячѣ другихъ, то я не былъ въ такой мѣрѣ затрудненъ отвѣтить, откуда онѣ пришли. Замѣчая, что въ мысляхъ этихъ нѣтъ ничего такого, чтѣ было бы выше меня, я могъ полагать, что если онѣ истины, то это зависитъ отъ моей природы, на сколько она имѣетъ нѣкоторыя совершенства; будо же онѣ ложны, то происходятъ изъ ничего, то-есть, находятся въ ней потому, что чего-то въ природѣ моей недостаетъ. Но нельзя того же сказать объ идеѣ ¹⁾, нѣкотораго существа болѣе совершеннаго, чѣмъ я. Получить ее изъ небытія — вещь явственно невозможная; не могъ я имѣть ее и изъ самого себя, ибо не легче допустить, чтобы болѣе совершенное было слѣдствіемъ и зависимостію менѣе совершеннаго, какъ допустить, что изъ ничего можетъ произойти кадая-нибудь вещь. Оставалось допустить, что идея эта вложена въ меня кѣмъ-то, чья природа по истинѣ болѣе совершенна, чѣмъ моя, и кто соединяетъ въ себѣ всѣ совершенства, о какихъ могу помыслить, однимъ словомъ, кто есть Богъ. Прибавилъ къ тому слѣдующее. Изъ того, что я имѣю

¹⁾ Въ латинскомъ переводѣ: *de cogitatione sive idea naturae quae perfectior erat quam mea, прибавлено примѣчаніе. „Nota, hoc in loco et ubique in sequentibus uoxen ideae generaliter sumi pro omni re cogitata, quatenus habet tantum esse quoddam obiectivum in intellectu“. Въ этомъ мѣстѣ и въ послѣдующихъ, употребляю слово *идея*, въ смыслѣ всякой мыслимой вещи, на сколько эта вещь чѣмъ-либо представляема объективно въ разумѣніи.*

идею о совершенствахъ, какнхъ у меня нѣтъ, я не единственное существо, имѣющее бытіе (буду, если угодно, свободно пользоваться терминами школы), но по необходимости должно быть нѣкоторое другое существо, болѣе меня совершенное, отъ котораго я зависѣлъ бы и отъ котораго приобрѣлъ бы все, что имѣю. Ибо, еслибъ я былъ одинъ и независимъ ни отъ кого другаго, такъ что имѣлъ бы отъ самого себя то немногое, чѣмъ я причастенъ совершеннѣйшему существу, то могъ бы на томъ же основаніи получить отъ самого себя и тотъ избытокъ, какового, знаю, мнѣ не достаетъ; могъ бы такимъ образомъ самъ сдѣлаться безконечнымъ, вѣчнымъ, неизмѣняемымъ, всевѣдущимъ, всемогущимъ, и наконецъ, имѣть всѣ совершенства, кои могу приписать божеству. Согласно нити предшествующихъ размышленій, дабы познать природу Бога, на сколько это доступно моей природѣ, я долженъ только соображать о каждой вещи, идею коей въ себѣ имѣю, было ли бы совершенствомъ или недостаткомъ владѣть ею. Могъ быть увѣренъ, что все отмѣченное какимъ-либо несовершенствомъ въ Немъ отсутствуетъ, все совершенное въ Немъ находится. Такимъ образомъ въ Немъ не можетъ быть сомнѣній, непостоянства, грусти и подобныхъ вещей, не имѣть которыхъ и я былъ бы радъ. Далѣе, я имѣю идеи о многихъ вещахъ тѣлесныхъ и чувственныхъ, ибо хотя я и предположилъ, что нахожусь въ состояніи сновидѣнія, и что все мною видимое и воображаемое есть обманъ, я долженъ былъ однако признать, что идеи эти дѣйствительно присутствовали въ моей мысли. Но познавъ очень ясно, что во мнѣ разумная природа вполне раздѣльна отъ тѣлесной, и соображая, что всякая составленность свидѣтельствуетъ о зависимости, а зависимость есть явно недостатокъ, заключилъ, что быть сложнымъ изъ двухъ природъ, не было бы для Бога совершенствомъ, и что, слѣдовательно, въ Немъ нѣтъ такой составленности. А если есть во вселенной какія-либо тѣла, умы или нныя натуры, не имѣющія совершенства, то всѣхъ ихъ бытіе должно зависѣть отъ Его могущества, такъ что безъ Него они не могли бы просуществовать одного мгновенія.

Послѣ этого я хотѣлъ искать другихъ истинъ. Остановившись на

предметъ геометріи, который я представлялъ себѣ, какъ непрерывное тѣло, или какъ пространство не ограниченное, простирающееся въ длину, ширину и высоту, дѣлимое на равныя части, могущія имѣть равную фигуру и величину и всячески двигаться и переставляться,—все это геометры предполагаютъ въ своемъ предметѣ,—я пробѣжалъ нѣкоторые изъ простѣйшихъ геометрическихъ доказательствъ. Обративъ вниманіе, что великая достоверность, всѣми согласно имъ приписываемая, имѣетъ основаніе не въ иномъ чемъ, какъ въ ихъ очевидности, согласно указанному мною правилу,—я не упустилъ видѣсть съ тѣмъ изъ виду, что въ нихъ нѣтъ ничего, что убѣждало бы меня въ существованіи ихъ предмета. Ибо, напримѣръ, я ясно видѣлъ, что, предположивъ треугольникъ, необходимо заключить, что сумма трехъ угловъ его равна двумъ прямымъ, но не видѣлъ ничего, что убѣждало бы меня, что нѣкоторый треугольникъ дѣйствительно существуетъ. Тогда какъ, возвращаясь къ разсмотрѣнію идеи совершеннаго существа, я находилъ, что существованіе заключается въ его идеѣ точно такъ, какъ въ идеѣ треугольника заключается, что сумма угловъ его равна двумъ прямымъ, или какъ въ идеѣ сферы, что всѣ части ея одинаково отстоятъ отъ центра, или даже съ большею еще очевидностію. А потому утвержденіе, что Богъ, совершеннѣйшее существо, есть, имѣетъ бытіе по меньшей мѣрѣ на столько же очевидно, на сколько можетъ быть очевиднымъ геометрическое доказательство.

Причина, почему многія увѣряютъ себя, что трудно познать Бога и уразумѣть что такое душа, заключается въ томъ, что они никогда не поднимаютъ ума своего выше чувственныхъ вещей, и такъ привыкли все разсматривать въ воображеніи, которое есть только опредѣленный способъ мыслить о матеріальныхъ вещахъ, что все, чего нельзя вообразить, кажется имъ не понятнымъ. Это явствуетъ даже изъ того, что философы, въ школахъ, держатся правила, что ничего не можетъ быть въ разумнѣи, чего не было прежде въ чувствахъ, гдѣ однако идеи Бога и души ¹⁾ никогда не было. По моему мнѣнію, тѣ, кто хотятъ

¹⁾ Въ латинскомъ переводѣ: *animae rationalis*, разумной души.

пользоваться воображеніемъ, чтобы понять эти идеи, дѣлають, то же какъ если бы хотѣли пользоваться зрѣніемъ, чтобы услышать звукъ или обонять запахъ. Да еще съ тою разницею, что чувство зрѣнія удостовѣряетъ насъ въ истинѣ его предметовъ не менѣе, чѣмъ чувства слуха и обонанія,—тогда какъ ни воображеніе наше, ни чувства не могутъ никогда удостовѣрить насъ въ какой-либо вещи, если не вмѣшается наше разумѣніе ¹⁾.

Наконецъ, если есть еще люди, которыхъ и приводепьяно доводы не убѣдить въ существованіи Бога и ихъ души ²⁾, то пусть знаютъ, что всѣ другія вещи, въ кои они, можетъ быть болѣе; вѣрятъ, какъ-то: что они имѣютъ тѣло, что есть звѣзды, земля и тому подобное,—менѣе достовѣрны. Ибо хотя и есть нравственная увѣренность въ подлинности сихъ вещей, и она такая, что пожелаетъ по меньшей мѣрѣ сравностию, если бы въ нихъ сомнѣваться, однако же если дѣло идетъ о достовѣрности метафизической, то нельзя, не грѣша въ логической непослѣдовательности, отрицать, что есть поводы не быть вполне въ нихъ увѣренными. Стоитъ обратить вниманіе, что можно, находясь во снѣ, вообразить точно также, что имѣемъ другое тѣло; видѣть другія звѣзды, другую землю. Ибо откуда спасемъ мы, что

¹⁾ Место довольно темное. Во французскомъ текстѣ: *cette difference que le sens de la vue ne nous assure pas moins de la verité de ses objets, que font ceux de l'odorat ou de l'ouïe au lieu que ni notre imagination, ni nos sens ne nous sauraient jamais assurer d'aucune chose, si notre entendement n'y intervient.*

Въ латинскомъ переводѣ: *differentia sit, quod sensus oculorum in nobis non minus certus sit, quam odoratus vel auditus; cum e contra, nec imaginandi facultas, nec sentiendi, ullius unquam rei nos certos reddere possunt, nisi intellectu sive ratione cooperante.*

Кюно Фишеръ передаетъ: *der Unterschied stattfindet, das der Gesichtssinn uns die Wahrheit seiner Objecte eben so wenig beweist als Geruch oder Gehör, während weder unsere Einbildung noch unsere Sinne ohne Dazwischenkunft des Verstandes uns irgend etwas sicher darthun können.*

Декартъ, по видному, желалъ выразить, что чувства зрѣнія, слуха, обонанія, по отношенію къ удостовѣренію истины предметовъ, находятся всѣ на одной ступени: удостовѣряють одинаково мало.

²⁾ Въ латинскомъ переводѣ: *„animas absque corpore spectatas“*, души независимо отъ тѣла.

мысли, входящія во снѣ, обманыва другияхъ? Часто онѣ столь же живы и выразительны. Лучшіе умы могутъ разбирать это, сколько угодно, я не думаю чтобы могли они привести доводы достаточные, чтобы устранить такое сомнѣніе, если не предположить бытіе Бога. Ибо, воцерьвыхъ, правило, признанное мною, а именно, что вещи, которыя мы представляемъ себѣ очень ясно и очень раздѣльно, истинны, имѣютъ силу только послѣдствіе бытія Божія и того, что Онъ есть совершеннѣйшее существо, отъ котораго происходитъ все въ насъ сущее. Отсюда слѣдуетъ, что наши идеи или понятія, будучи вещами дѣйствительными, идущими отъ Бога, должны быть истинны во всемъ томъ, что есть въ нихъ яснаго и раздѣльнаго. И если мы часто имѣемъ такіа, кои заключаютъ въ себѣ ложь, то случается это именно съ тѣми, кои имѣютъ въ себѣ нѣчто сбивчивое и темное, по той причинѣ, что причастны небытію ¹⁾. Онѣ потому въ насъ неясны и сбивчивы, что мы несовершенны ²⁾. Ясно, что одинаково недопустимо, чтобы ложь и несовершенство происходили отъ Бога, какъ чтобы истинность и совершенство приходили отъ небытія. А если бы мы не знали, что все, что есть въ насъ дѣйствительнаго и истиннаго, идетъ отъ существа совершеннаго и безконечнаго, то какъ бы ясны и раздѣльны не были наши идеи, мы не имѣли бы довода, который убѣдилъ бы насъ, что онѣ имѣютъ совершенство быть истинными.

Но послѣ того, какъ познаніе Бога и души убѣдило насъ въ упомянутомъ правилѣ, легко уразумѣть, что мечтателія, воображаемая нами во снѣ, несколько не должны заставлятъ насъ сомнѣваться въ истиннѣ мыслей, какія имѣемъ, пробудившись. Случалось, что и во снѣ приходили идеи весьма раздѣльныя; геометръ, напримѣръ, находилъ новое доказательство: сонъ не мѣшалъ оному

¹⁾ Participent du neant. Въ латинскомъ переводѣ: „non ab Ente summo sed a nihilo procedunt“. Происходить не отъ Высшаго Существа, а изъ ничего.

²⁾ Въ латинскомъ переводѣ: „quia nobis aliquid deest, sive quia non omnino perfecti sumus“. Ибо намъ чего-то не достаетъ, или ибо мы не вполне совершенны.

быть вѣрными. А относительно обыкновенной ошибки нашихъ сновъ, состоящей въ томъ, что сны представляютъ намъ различные предметы точно такъ, какъ представляютъ ихъ наши вѣшнія чувства, то не въ томъ важность, что ошибка эта подаетъ поводъ сомнѣваться въ истинности подобныхъ идей: можемъ впадать въ заблужденіе и не тогда только, когда спимъ. Такъ, страдающіе желтухою видятъ все въ желтомъ цвѣтѣ; намъ звѣзды и другіе очень отдаленные предметы кажутся много меньше, чѣмъ каковы суть на самомъ дѣлѣ. Ибо, наконецъ, спимъ ли мы или бодрствуемъ, довѣряться въ сужденіяхъ нашихъ ¹⁾ мы должны только очевидности нашего разума. Надлежитъ замѣтить, что я говорю нашего разума, а не воображенія или чувства. Хотя солнце мы видимъ очень ясно, мы не должны однако судить, что оно такой величины, какъ мы его видимъ; можно также очень раздѣльно вообразить львиную голову, помѣщенную на тѣлѣ козы, не выводя отсюда заключенія, что есть на свѣтѣ химера. Ибо разумъ вовсе не указываетъ намъ, чтобы то что мы видимъ или воображаемъ, такъ и было истинно, но онъ указываетъ, что всѣ наши идеи или понятія должны имѣть нѣкоторый фундаментъ истины, ибо не возможно, чтобы Богъ, всесовершенный и всеправдивый, вложилъ ихъ въ насъ безъ такого фундамента. А такъ какъ разсужденія наши во время сна никогда не бываютъ столь очевидны и полны, какъ во время бодрствованія,—хотя иногда воображаемые образы бываютъ столь же и даже болѣе живы и выразительны,—разумъ указываетъ намъ также, что въ мысляхъ нашихъ, не могущихъ быть, по причинѣ нашего несовершенства, всѣ вѣрными, должно оказываться того, что есть въ нихъ истиннаго, болѣе во время бодрствованія, чѣмъ во время сна.

¹⁾ Nous ne nous devons jamais laisser persuader qu'à l'évidence de notre raison. Въ латинскомъ переводѣ: omnino enim sive vigilemus, sive dormiamus solam evidentiam rationis iudicia nostra sequi debent.

ПОЯСНЕНИЯ КЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

I и II. Сомнѣніе, какъ первый приемъ исканія истины по Декарту.—III и IV. Истинное значеніе афоризма: *cogito, ergo sum*.—V и VI. Онтологическое доказательство бытія Божія.

I.

Въ четвертой части Декартъ касается главнѣйшихъ положеній своего метафизическаго ученія. Положенія эти: всеобщее сомнѣніе, какъ первый шагъ исканія истины естественнымъ свѣтомъ разума; ученіе о самостоятельности духовнаго начала, какъ субстанции, совершенно разнородной съ матеріальною субстанціей, кратко выраженное въ афоризмѣ: *cogito, ergo sum*, и онтологическое доказательство бытія Божія. Коснемся отдѣльно каждаго изъ этихъ существенныхъ положеній картезіанской философіи.

Какое значеніе имѣетъ картезіанское всеобщее сомнѣніе, *donc universel?* О сомнѣніи, какъ первомъ приемѣ философской мысли, Декартъ говоритъ въ нѣсколькихъ своихъ сочиненіяхъ. Приведемъ главнѣйшія, относящіяся къ этой идеѣ мѣста. Они помогутъ дать отвѣтъ на предложенный вопросъ. Мѣста эти встрѣчаемъ въ Разсужденіи о методѣ, въ Размышленіяхъ и въ Исканіи истины.

Въ поясняемой здѣсь четвертой части Разсужденія о методѣ мы прочли о томъ, какъ Декартъ, рѣшившись приступить къ исканію истины, на сколько она доступна естественному свѣту разума, считъ прежде всего необходимымъ „отбросить какъ безусловно ложное все, въ чемъ могъ вообразить хотя бы малѣйшій поводъ къ сомнѣнію, и посмотрѣть, не останется ли и послѣ того въ моемъ убѣжденіи чего-либо уже вполне несомнѣннаго“. Онъ отбросилъ прежде всего, какъ недостаточно достоверное, все, доставляемое путемъ чувственнаго познанія. „Внимательно разсматривая далѣе что я такое“, говоритъ онъ, — „увидѣлъ, что я могу вообразить себѣ, что у меня нѣтъ тѣла, что нѣтъ никакого міра, никакого мѣста, гдѣ бы я былъ“.

Отвергнувъ достоверность чувственнаго міра, Декартъ относитъ въ область подлежащаго сомнѣнію и всѣ положенія, кажушіяся намъ аксіомами и вѣрными доказательствами, каковы, „напримѣръ, положенія геометріи,—принявъ во вниманіе, что „есть люди, которые ошибаются въ сужденіяхъ даже по отношенію къ простѣйшимъ предметамъ геометріи“.

Эти мысли много полнѣ развиты Декартомъ въ Размышленіяхъ о первой философіи (*Meditationes de prima philosophia ubi de Dei existentia et animae immortalitate*). Размышленія изданы были въ Парижѣ въ 1641 году, на латинскомъ языкѣ, съ королевскою привилегією и съ посвященіемъ богословамъ Сорбонны. Въ 1647 году герцогъ де-Лювизъ (de Luynes) издаде французскій переводъ сочиненія, просмотрѣнный и исправленный Декартомъ. Размышленія—главный метафизическій трудъ Декарта. Часть ихъ была набросана еще прежде Разсужденія о методѣ. Декартъ рѣшился, вопреки заявленію своему, что не намѣренъ ничего издавать болѣе, напечатать въ 1641 году Размышленія, побуждаемый начавшимися уже нападками на его философію со стороны протестантскихъ богослововъ въ Голландіи. Декартъ хотѣлъ показать, что философія его не только не противорѣчатъ догматамъ церкви, но и указываетъ въ естественномъ смѣтѣ разума такіе доводы въ пользу основныхъ истинъ религіи — бытія Божія и безсмертія души, которые дѣлаютъ истины эти доступными не только вѣрѣ, но и разуму, и притомъ съ достовѣрностію, превышающею достовѣрность геометрическихъ доказательствъ. Сильный выводомъ, увѣренный, что разумъ, ведомый правильною методою, долженъ придти,—такъ какъ истина одна,—къ той же цѣли, что и вѣра, и есть орудіе вполне доброкачественное, Декартъ говорилъ, обращаясь къ ученѣйшимъ богословамъ католической церкви, смѣлымъ философскимъ языкомъ и, оправдывая въ существѣ истины религіи, въ то же время совершалъ актъ вполне свободнаго изслѣдованія, съ сознаниемъ правъ на таковое. Радуюсь совпаденію заключеній, онъ видимо желалъ извлечь изъ него выгоду для свободы изслѣдованія вообще и въ особенности поставить свою философію подъ покровительство церкви. Смѣлые предшественники его на поприщѣ свободнаго изслѣдованія подверглись осужденію, преслѣдованію, сожженію. Декартъ надѣялся имѣть Римъ и Сорбонну за себя ¹⁾ и дѣйствительно пріобрѣлъ для философіи своей громадное число приверженцевъ среди ученаго духовенства. Предупреждая возраженія объ опасностяхъ свободнаго изслѣдованія для умовъ слабыхъ и не подготовленныхъ, Декартъ, посвящая трудъ свой „деканамъ и докторамъ священнаго богослов-

¹⁾ Въ письмѣ, писанномъ въ 1640 году къ неизвѣстному лицу, Декартъ выражается такъ: «Только бы я имѣлъ на своей сторонѣ Римъ и Сорбонну или, по крайней мѣрѣ, не имѣлъ ихъ противъ себя, я надѣюсь безъ труда одинъ справиться съ усиліями моихъ завистниковъ. (*Oeuvres*, VIII, 414).

скаго факультета въ Парижѣ^а, издалъ его на латинскомъ языкѣ, чтобы сдѣлать доступнымъ лишь ученымъ и, прежде напечатанія, въ рукописи препроводилъ къ отцу Мерсенну, прося его передать наиболѣе компетентнымъ лицамъ и просить ихъ замѣчаній и возраженій. Эти замѣчанія Декартъ, со своими отвѣтами, напечаталъ какъ приложение къ Размышленіямъ.

„Я всегда считалъ“, говоритъ Декартъ въ своемъ посвященіи,— „что два вопроса—о Богѣ и о душѣ, суть главнѣйшіе изъ тѣхъ, кои должны быть доказаны скорѣе доводами философіи, чѣмъ богословіи: ибо если для насъ, вѣрующихъ, достаточно вѣроу принимать, что Богъ есть, и что душа не умираетъ съ тѣломъ, то не вѣрующимъ мнѣ кажется невозможнымъ преподавать сколько-нибудь религію, ни даже какую-либо нравственную добродѣтель, если предварительно не докажемъ имъ эти два положенія путемъ естественнаго разума... И хотя нѣкоторые осмѣлялись утверждать, будто человѣческія соображенія убѣждаютъ насъ, что душа умираетъ съ тѣломъ, и что только вѣра паучаетъ насъ противному, я, однако же, принявъ во вниманіе, что латрапскій соборъ при папѣ Львѣ X осудилъ таковыхъ и шпрочито приказалъ христіанскимъ философамъ отвѣчать на ихъ аргументы и напречъ всѣ силы ума, чтобы сдѣлать истину явною, рѣшился предпринять сіе въ настоящемъ сочиненіи... Но какую силу не имѣли бы мои доводы, я не надѣюсь, такъ какъ они принадлежатъ къ философіи, чтобы произвели они большое дѣйствіе на умы, если вы не примете ихъ подъ свое покровительство“.

Декартъ не сомнѣвается, что если богословы Сорбонны, при ихъ громадпомъ авторитетѣ не только въ церковныхъ, но и въ философскихъ предметахъ, возьмутъ на себя трудъ исправить его сочиненіе, прибавить чтò нужно, дабы довести доказательства до возможной ясности и очевидности, то „всѣ ошибки и ложныя мнѣнія, когда-либо бывшія относительно этихъ двухъ вопросовъ, скоро исчезнутъ изъ ума человѣческаго“.

Многіе изъ богослововъ и изъ философовъ отозвались на приглашеніе Декарта и высказали свои замѣчанія. Къ Размышленіямъ приложены, съ отвѣтами Декарта, возраженія Катеруса (Catérus, нидерландскій богословъ), различныхъ богослововъ—собранныхъ отцомъ Мерсенномъ, Гоббеса (англійскій философъ), Гассенди (французскій философъ, возобновитель атомистической теоріи въ физикѣ), Арно (знаменитый тогда двадцатидевятилѣтній докторъ богословія, янсенистъ), іезуита Вурдена (Bourdin) и еще нѣкоторыхъ богослововъ, фи-

лософовъ и геометровъ. Особое значеніе имѣли возраженія Гасенди, Гоббеса и Арио.

Первое размышленіе трактуетъ „о вещахъ, въ коихъ можно сомнѣваться“. „Мы привыкли“, указываетъ Декартъ,—„довѣряться показаніямъ чувствъ, хотя и знаемъ, что чувства иногда насъ обманываютъ“. Можетъ ли, кажется, быть что-нибудь несомнѣннѣе того, „что я здѣсь, сижу у огня, одѣтый въ халатъ, имѣя бумагу предъ собою. И неужели могу отрицать, что эти руки, это тѣло—мои? Я уподобился бы сумасшедшимъ, которыхъ мозгъ возмущенъ и помраченъ темными испареніями желчи, и которые увѣряютъ постоянно, что они короли, тогда какъ они бѣдняки; что одѣты въ золото и пурпуръ, тогда какъ они наги, или воображаютъ себя кувшинами или что сдѣланы изъ стекла. Но вѣдь это сумасшедшіе. Не былъ ли бы и я такимъ же безумцемъ, еслибы послѣдовалъ ихъ примѣру?“

„Однако же не забуду, что я человѣкъ и, слѣдовательно, имѣю обыкновеніе спать и представлять себѣ во снѣ вещи, подобныя тѣмъ, какія сумасшедшіе представляютъ себѣ на яву, и даже иногда еще менѣе вѣроятныя. Сколько разъ случалось мнѣ грезить во снѣ, что я сижу здѣсь, одѣтый, у огня, тогда какъ я былъ, голый, въ своей постелѣ. Конечно, теперь кажется мнѣ, что не сонными глазами гляжу я на эту бумагу; что голова, которую двигаю, не отягчена сномъ; что протягиваю руку намѣренно и свободно. Такъ ясно и раздѣльно не представляется мнѣ происходящее во снѣ. Но вдумываясь, вспоминаю, что не разъ во снѣ былъ обманутъ подобными иллюзіями. Останавливаясь на этой мысли, прихожу къ твердому убѣжденію, что нѣтъ вѣрныхъ признаковъ, по которымъ можно было бы точно отличать сонъ отъ бодрствованія, и такъ пораженъ такимъ заключеніемъ, что почти способенъ увѣрить себя, что сплю.“

„Предположимъ же, что мы спимъ, что всѣ эти подробности, будто открываемъ глаза, двигаемъ головой, протягиваемъ руки и тому подобно, суть только обманъ; что, можетъ быть, у насъ вовсе нѣтъ ни рукъ, ни тѣла, или они совсѣмъ не таковы, какъ ихъ вижу“. Однако, и самыя мечтанія—замѣчаетъ Декартъ—имѣютъ въ основѣ дѣйствительность и суть образы играющаго воображенія, слагающіеся изъ тѣхъ же простыхъ элементовъ, какъ и образы, соответствующіе дѣйствительности. Такіе простые и основныя элементы суть „тѣлесная природа вообще и ея протяженіе, фигура протяженныхъ вещей. ихъ количество или величина, число, мѣсто гдѣ находятся, время, измѣряющее ихъ продолжительность, и т. п.“

лаемъ справедливое заключеніе, если скажемъ, что физика, астрономія, медицина и другія науки, зависящія отъ разсмотрѣнія сложныхъ вещей, сомнительны и невѣрны, тогда какъ арифметика, геометрія и другія науки того же рода, кон трактуютъ о вещахъ очень простыхъ и общихъ, мало заботясь, существуютъ ли онѣ въ природѣ или нѣтъ, содержать въ себѣ нѣчто вѣрное и несомнѣнное. Сплю ли я, бодрствую ли, два сложенные съ тремя дають всегда пять, и у квадрата никакъ не будетъ болѣе четырехъ сторонъ. Кажется невозможнымъ заподозрѣть, чтобъ истины, столь ясныя и наглядныя, заключали въ себѣ ложь или недостовѣрность“.

Пріемъ, какимъ Декартъ и эти истины включаетъ въ разрядъ подлежащихъ сомнѣнію, трудно не признать весьма искусственнымъ.

„Однако“, продолжаетъ онъ,—, издавна въ умѣ моемъ присутствуетъ мысль, что есть нѣкоторый Богъ, всемогущій, создавшій меня такимъ, каковъ я есмь. Почему знать, не сдѣлалъ ли онъ такъ, что нѣтъ никакой земли, никакого неба, никакого протяженнаго тѣла, никакой фигуры, никакой величины, никакого мѣста, и что тѣмъ не менѣе, я имѣю представленіе о всемъ этомъ, и все это кажется мнѣ существующимъ такъ, какъ вижу. А если сообразимъ, какъ нелѣзко многіе ошибаются въ томъ, что почитаютъ наилучше себѣ извѣстнымъ, то почему я знаю, не сдѣлалъ ли Богъ такъ, что я также ошибаюсь всякій разъ, когда складываю два съ тремя или перечисляю стороны квадрата, или сузу о чемъ-либо еще болѣе легкомъ, если можетъ быть что-нибудь болѣе легкое...“

„Допущу же, что,—не скажу Богъ, ибо Богъ благъ и есть источникъ истины, — по нѣкоторый злой гешій, столь же хитрый и лживый, сколько могущественный, употребилъ все искусство свое, чтобы меня обмануть. Пусть небо, воздухъ, земля, цвѣта, фигуры, звуки и всѣ иныя вѣшнія вещи суть только мечтанія и бредни, коими онъ пользуется, чтобы разставить сѣти моей довѣрчивости. Буду думать, что у меня нѣтъ ни рукъ, ни глазъ, ни тѣла, ни крови, никакого чувства, и что я ложно полагаю, что все это имѣю. Настойчиво стану держаться этой мысли. Если и не въ моей власти будетъ открыть истину, то по крайней мѣрѣ буду въ состояніи уберечься отъ заблужденія и подниму голову противъ того ¹⁾ лживаго духа, и онъ не обманетъ меня, какъ онъ ни могучъ и коваренъ. Но это тягостное и труд-

¹⁾ *Obfirmata mente cavebo.*

ное дѣло. Нѣкоторая косность влечетъ меня нечувствительно къ привычкамъ жизни. Подобно тому, какъ невольникъ, наслаждавшійся во снѣ воображаемою свободой, когда начинаетъ догадываться, что свобода его есть только сонъ, боится проснуться и длить, по возможности, свое видѣніе, и я нечувствительно впадаю въ прежнія мои представленія и боюсь проснуться. Страшусь, что трудное бодрствованіе, которое послѣдовало бы за тишиною покоя, вмѣсто того, чтобы ввести день и свѣтъ въ познаніе истинны, окажется недостаточнымъ, чтобы ослѣтить несъ мракъ познанныхъ мною трудностей*.

Этими строками Декартъ оканчиваетъ первое размышленіе и начинаетъ второе такъ:

„Размышленія, сдѣланныя вчера, наполнили умъ мой такими сомнѣніями, что отдѣлаться отъ нихъ не въ моей власти. И между тѣмъ не вижу, какъ могъ бы ихъ разрушить. Словно я упалъ въ глубокую воду и такъ пораженъ, что не въ состояніи ни стать на дно, ни всплыть на поверхность. Попробую, однако, идти впередъ по пути, на какой вступилъ вчера. Отложу, какъ если бы было совершенно ложно, все, что допускаетъ хотя бы малѣйшее сомнѣніе, и пойду впередъ, пока не найду чего-либо достовѣрнаго или по крайней мѣрѣ не приду къ достовѣрному убѣжденію, что ничего достовѣрнаго нѣтъ. Архимедъ, чтобы сдвинуть съ мѣста я перештять на другое землю, требовалъ только крѣпкой и неподвижной точки опоры. Такъ и я буду имѣть право на великія надежды, если буду счастливъ найдти хотя одну вещь несомнѣнную и достовѣрную“.

Въ Началахъ философіи (*Principia philosophiae*) Декартъ говоритъ о сомнѣніи въ первыхъ пяти параграфахъ первой части, озаглавленныхъ: 1) для изслѣдованія истинны необходимо разъ въ своей жизни все подвергнуть сомнѣнію, на сколько это возможно; 2) полезно разсматривать какъ ложное все, въ чемъ можемъ сомнѣваться; 3) мы не должны, однако, допускать такое сомнѣніе въ нашемъ поведеніи и дѣйствіяхъ; 4) почему можемъ мы сомнѣваться въ достовѣрности чувственныхъ вещей; 5) почему можно сомнѣваться въ математическихъ доказательствахъ. Въ краткихъ параграфахъ этихъ Декартъ сжато повторляетъ то, что было имъ сказано въ Разсужденіи и въ Размышленіяхъ. Считаю достаточнымъ привести два послѣдніе изъ упомянутыхъ параграфовъ.

„Будемъ“, говоритъ Декартъ,— „сомнѣваться даже въ доказательствахъ математики и ея началахъ, ибо есть люди, ошибающіеся,

когда разсуждаютъ объ этихъ предметахъ. А главное, потому что мы слышали—есть Богъ, создавшій насъ, могущій все сдѣлать, что пожелаешь. Почему знаемъ мы, не пожелалъ ли Онъ создать насъ такими, что мы всегда ошибаемся даже въ вещахъ, кои кажутся намъ наиболѣе извѣстными? Если Онъ допускаетъ, что мы иногда ошибаемся, какъ я замѣтилъ,—почему не могъ бы Онъ допустить, чтобы мы ошибались всегда? А если бы мы вообразили, что творецъ нашъ не всемогущій Богъ, а существуемъ мы сами собою или произведены другимъ какимъ образомъ, то чѣмъ менше могущественнымъ представимъ себѣ творца нашего бытія, тѣмъ болѣе будемъ имѣть основанія думать, что мы не на столько совершенны, чтобы не могли быть постоянно обмануты⁴.

Въ немногихъ строкахъ слѣдующаго параграфа Декартъ присовокупляетъ: „Но если создавшій насъ и всемогущъ и возжелалъ держать насъ въ заблужденіи, мы, тѣмъ не менше, ощущаемъ въ себѣ свободу, такъ что, когда пожелаемъ, можемъ удержаться и не дать вѣры впечатлениямъ, кои не хорошо знаемъ, и такимъ образомъ можемъ не быть обмануты“.

Наиболѣе ясное изложеніе хода мыслей, приведшихъ философа къ заключенію, выраженному въ афоризмѣ *cogito ergo sum*, находимъ въ изданномъ по смерти Декарта отрывкѣ, составляющемъ начало сочиненія: Исканіе истины помощію естественнаго свѣта. Объ этомъ сочиненіи мы упоминали выше на страницѣ 25. Оно принадлежитъ, по видимому, къ позднему періоду дѣятельности Декарта. Валле упоминаетъ, что Декартъ „въ послѣдніе годы жизни“ полюбилъ форму діалога для изложенія своихъ мыслей. „Въ этой формѣ“, говоритъ Валле, — „Декартъ составилъ начало трактата Исканіе истины, и точно также расположилъ, со времени втораго путешествія во Францію (осенью 1647 года) Размысленія и Начала Г. Клерселье обѣщавъ отцу Нуассону докончить это сочиненіе. Но опасеніе не соблюсти въ продолженіи надлежащую точность и соразмѣрность съ началомъ заставило его отложить это намѣреніе. Мы не знаемъ, что сдѣлалось съ этимъ любопытнымъ сочиненіемъ, по смерти г. Клерселье“¹). Изъ этихъ словъ видно, что Валле различаетъ два сочиненія: одно — Исканіе истины, другое — переложеніе въ форму разговора Размысленій и Начала. Но знакомясь

¹) Baillet, II, 475.

ближе съ отрывкомъ, составляющимъ начало Исканія истины, трудно не придти къ заключенію, что онъ именно и есть начатое переложеніе въ форму діалога основаній философіи Декарта, выраженныхъ въ Размышленіяхъ и Началахъ. Этотъ отрывокъ, должно думать, и имѣлъ въ виду продолжить Клерселе.

Для полноты впечатлѣнія, мы приведемъ сказанное въ діалогѣ о „сомнѣніи“ ниже, въ связи съ переходомъ отъ сомнѣнія къ самознанию.

II.

Въ чемъ истинный смыслъ и значеніе сомнѣнія Декарта?

Нельзя, прежде всего, не признать въ немъ акта философскаго свободомыслія, хотя самъ Декартъ, тщательно выдѣляя изъ области подлежащаго сомнѣнію истины откровенной религіи и правила нравственности, старался скорѣе умалить, чѣмъ выставить на показъ, эту сторону дѣла. Трудно не признать поставляемую имъ перегородку тонкою и искусственною, въ виду смѣлаго предпріятія искать истину помощію естественнаго свѣта. Какое, въ самомъ дѣлѣ, загражденіе можетъ быть поставлено испытующему разуму, когда онъ ставитъ, въ описываемомъ философомъ актѣ сомнѣнія, вопросомъ существованіе всего видимаго міра, не признаетъ безусловнаго значенія такихъ понятій, какъ пространство, вслѣдствіе, и чувствуешь свою свободу предъ лицомъ высшей силы, еслибъ она со всѣмъ могуществомъ своимъ окружила его заблужденіями и обманомъ? Почему удивляться, что протестанскіе богословы Голландіи, съ Воеціемъ во главѣ, враждебно философіи Декарта, выставляли и эту, по ихъ выраженію, „мнимую“ свободу философіи“, и его желаніе искать истину естественнымъ свѣтомъ разума, какъ дерзость разума, ведущую къ невѣрію, и клеветали на философа, обвиняя его даже въ скрытомъ атеизмѣ.

Расположенны къ Декарту богословы католической церкви, напротивъ того, старались смягчить краски и истолковывали его сомнѣніе, не какъ серьезный актъ отрицанія, а какъ искусственный метафизическій приѣмъ, и ставили только на видъ, что это выражено авторомъ не съ достаточною опредѣлительностію и можетъ породить недоразумѣнія. „Вы столько упражняли свой умъ на вещахъ, другимъ кажутся темными, ... что не бесполезно обратить вниманіе ваше на тѣ мѣста, кои нуждаются въ болѣе полномъ изложеніи и доказательствѣ“, сказано въ возраженіяхъ (вторыя возраженія), собранныхъ

отцемъ Мерсенномъ отъ разныхъ богослововъ и философовъ. Между такими мѣстами, прежде всего, упоминается о тѣхъ, кои касаются „сомнѣнія“. „Припомните, что вы не серьезно же и не на самомъ дѣлѣ, а только помощію нѣкоторой фикціи ума, отбросили, на сколько могли, всѣ призраки тѣлъ (tous les fantômes des corps), чтобы придти къ заключенію, что существо ваше въ томъ, что вы мыслите“. Декартъ не возражаетъ на такое опредѣленіе его сомнѣнія и только оправдываетъ, почему считалъ необходимымъ пройти чрезъ такое состояніе сомнѣнія.

Влестящій богословъ Сорбонны Арно (Arnauld), благосклонный къ философскому ученію Декарта, обращаетъ вниманіе (четвертое возраженіе) на тѣ пункты, которые, по мнѣнію его, „могутъ остановить богослововъ“. „Вонервыхъ, я опасася“, говоритъ Арно, — „не оскорбилъ бы нѣкоторыхъ этотъ свободный способъ философствованія, все подвергающій сомнѣнію. Даже самъ авторъ признается въ своей Методѣ, что путь этотъ опасенъ для слабыхъ умовъ; а въ сокращеніи содержанія перваго размышленія умѣряетъ нѣсколько поводъ къ такому опасенію. Тѣмъ не менѣе, было бы, кажется мнѣ, кстати прибавить какоу-либо предисловію, гдѣ читатель былъ бы предувѣдомленъ, что всеобщее сомнѣніе не надлежитъ понимать въ серьезномъ смыслѣ, а лишь допускать съ тою цѣлью, чтобы, отложивъ на время все, что можетъ оставлять на себя хотя бы малѣйшее сомнѣніе или, какъ въ другомъ мѣстѣ выражается нашъ авторъ, что можетъ подавать поводъ къ сомнѣнію самому гиперболическому, посмотрѣть, не найдемъ ли и послѣ этого какую-либо истину, столь прочную и вѣрную, что въ ней не въ состояніи будетъ усумниться самый упорный въ своихъ сомнѣніяхъ человекъ“.

„Совершенно признаю“, отвѣчаетъ Декартъ, — „что содержаніе перваго размышленія и даже послѣдующихъ не подходитъ ко всякаго рода умамъ и не соразмѣрно со способностями всякаго. Но не сегодняшній день я дѣлаю это заявленіе. Я дѣлалъ его и буду дѣлать при всякомъ представляющемся случаѣ. Въ этомъ и причина, почему не трактовалъ я этихъ предметовъ въ Разсужденіи о методѣ, написанномъ на общедоступномъ языкѣ, а сдѣлалъ это въ Размышленіяхъ, которыя, какъ я не разъ предувѣдомлялъ, должны быть читаемы только очень крѣпкими умами.“

„И нельзя сказать, чтобы я сдѣлалъ лучше, если бы воздержался писать о вещахъ, чтеніе коихъ не назначается для всѣхъ и не всякому полезно. Ибо вещи эти я считалъ столь необходимыми, что

безъ нихъ, я убѣжденъ, нельзя ничего воздвигнуть прочнаго и достовѣрнаго въ философіи. Обращеніе съ огнемъ и желѣзомъ опасно для дѣтей и неосторожныхъ, но никто не думаетъ, — такъ какъ они полезны въ жизни, — чтобы слѣдовало отказаться отъ ихъ употребленія^а.

Философы—Гоббесъ, Гассенди—въ свою очередь возражали противъ „сомнѣнія“ Декарта, стараясь ослабить его значеніе съ другой точки зрѣнія. Гоббесъ видѣлъ въ немъ старую и избитую вещь. „Уже Платонъ“, замѣчаетъ Гоббесъ, „говорилъ объ этой недостовѣрности чувственныхъ вещей, и многіе другіе древніе философы и до, и послѣ него; что касается трудности различить сонъ отъ бдѣнія, то замѣтить ее весьма легко. Я бы желалъ, чтобы превосходный авторъ новыхъ размышленій воздержался печатать такую старану“.

Декартъ отвѣчалъ, что претензій на новизну не имѣлъ, но такое введеніе было необходимо, чтобы приготовить умы читателей къ разсмотрѣнію умственныхъ предметовъ и ихъ различенію отъ тѣлесныхъ.

Гассенди въ своемъ длинномъ, тщательно, изящно, мѣстами изысканно написанномъ возраженіи, находилъ, что мысль свою Декартъ могъ бы выразить проще, не прибѣгая къ такому искусственному приему, какъ предположеніе обманывающаго Бога. „Что бы вы ни говорили, повѣрите ли кто-нибудь, чтобы вы на самомъ дѣлѣ имѣли убѣжденіе, что нѣтъ ничего истиннаго по всемъ, что вы когда-либо знали, и что чувства, или сонъ, или Богъ, или гепій васъ непрерывно вводили въ заблужденіе. Не было ли бы достоинство искренности философа и рвенія къ истинѣ высказать вещь просто, чистосердечно, какъ она есть, чѣмъ прибѣгать, — какъ могутъ вамъ возразить, — къ какой-то махинаціи, сочиненію иллюзій и выдумкѣ обходовъ и новизнѣ?“ Декартъ съ своей стороны обвиняетъ Гассенди въ искусственности его возраженій, въ уклоненіи отъ того, чтобы понять дѣло, какъ оно есть, и въ желаніи „придать вещамъ цвѣта и румяна реторики“.

Актъ сомнѣнія, описываемый Декартомъ, не былъ для него искусственнымъ оборотомъ, эффектнымъ приемомъ изложенія, фигурою реторики, а нѣкоторымъ весьма серьезнымъ психологическимъ состояніемъ. О томъ свидѣлствуетъ, между прочимъ, сказанное имъ въ отвѣтъ на возраженія богослововъ, собранныя Мерсенномъ. Говоря о важности сомнѣнія, какъ перваго шага въ исканіи истины, о важности, побудившей его отдать этому предмету цѣлое размышленіе, „хотя есть не мало книгъ, написанныхъ спектиками и академикомъ объ этомъ предметѣ, и хотя приходилось съ неудовольствіемъ пережевывать старое

мисо", Декартъ прибавляетъ: „Я желаю бы, чтобы читатели занялись этимъ предметомъ не въ продолженіе только того малаго времени, какое требуется для прочтенія моего размышленія, но отдали бы нѣсколько мѣсяцевъ или по крайней мѣрѣ нѣсколько недѣль разсмотрѣнію того, что въ этомъ размышленіи говорится, и только потомъ перешли бы далѣе". Декартъ, очевидно, самъ пережилъ подобный процессъ, который называетъ дѣломъ „тяжелымъ и труднымъ", какъ мы прочли уже въ строкахъ, коими заканчивается первое размышленіе. Отрицательный процессъ этотъ есть приготовительный актъ къ тому самоуглубленію, помощію котораго Декартъ нашелъ въ себѣ ощущеніе духовнаго бытія, почувствованное имъ какъ независимое отъ всего чувственнаго, отъ всего внѣ и кромѣ его я существующаго. Всеобщее сомнѣніе послужило подготовительнымъ актомъ къ самоопредѣленію и самосознанію: недѣли и мѣсяцы, упоминаемые Декартомъ, предполагають, безъ сомнѣнія, не упражненіе въ отрицаніяхъ, а разборъ и критику чувственнаго познанія.

III.

Переходъ отъ сомнѣнія или, другими словами, отъ отрицанія чувственной достовѣрности, къ самоощущенію и самосознанію описать въ Разсужденіи очень кратко.

„Когда я хотѣлъ такимъ образомъ мыслить, что все ложно", говоритъ Декартъ, — „я обратилъ вниманіе, что необходимо однако, чтобъ я, мыслящій это, былъ чѣмъ-нибудь. Замѣтивъ такимъ образомъ, что истина: я мыслю, слѣдовательно я есмь, такъ твердо и вѣрна, что самыя экстравагантныя предположенія скептиковъ не могутъ ее поколебать, я заключилъ, что могу безъ опасенія принять ее за первый принципъ философіи, какую искалъ".

Идею о томъ, что природа человѣческаго духа заключается въ актѣ мысленія или сознанія, и что духъ „легче познать, чѣмъ тѣло", Декартъ развиваетъ во второмъ размышленіи. Но замѣчательно, что формулы *cogito ergo sum* Декарта въ размышленіяхъ не употребляется, прибѣгая къ выраженію: „я вещь, которая думаетъ", или *choses qui pense, ego cogitans*. „Что я такое?" спрашиваетъ Декартъ во второмъ размышленіи. — „Вещь, которая мыслить. Что такое вещь, которая мыслить? Это вещь, которая сомнѣвается, которая понимаетъ, которая утверждаетъ, отрицаетъ, которая хочетъ, не хочетъ, которая также соображаетъ и которая чувствуетъ".

Съ формулою *cogito ergo sum*, о которой, впрочемъ, не разъ

идеть рѣчь въ возраженіяхъ на Размышленія и въ отбѣтахъ Декарта, мы встрѣчаемся вновь въ Началахъ Философіи (часть I, §§ 7 и 8).

„Пока*—читаемъ въ параграфѣ седьмомъ—, мы отбрасываемъ все, въ чемъ можемъ малѣйшимъ образомъ сомнѣваться, и представляемъ себѣ даже, что все такое ложно, мы легко можемъ предположить, что нѣтъ Бога, нѣтъ ни неба, ни земли, что мы не имѣемъ рукъ, ногъ и всего тѣла; но мы никакъ не можемъ представить, чтобы не было насъ, кои сомнѣваемся во всѣхъ этихъ вещахъ, чтобы то, что думаетъ, не существовало на самомъ дѣлѣ въ то время, какъ оно думаетъ¹⁾. Потому заключеніе: мысля, слѣдовательно, я есмь, есть первое и достовѣрнѣйшее, какое представляется тому, кто размышляетъ по порядку.

Таковой путь размышленія кажется мнѣ наилучшимъ, какой можно избрать, чтобы узпаты природу души и то, что она есть субстанція, совершенно отличная отъ тѣла. Ибо, разсматривая, что такое сами мы, предполагающіе, что все, отъ насъ отличное, ложно,—ясно усматриваемъ, что ни протяженіе, ни фигура, ни пребываніе въ томъ или другомъ мѣстѣ и ничто, долженствующее быть приписаннымъ тѣлу, не относится къ натурѣ нашей, но только мыслительная дѣятельность; ее познаемъ прежде и съ большею достовѣрностію, чѣмъ какую-либо тѣлесную вещь; ибо дѣятельность эту необходимо соизвлекаемъ тогда, какъ объ остальномъ можемъ сомнѣваться²⁾.

„Подъ словомъ мыслить“, поясняетъ Декартъ въ Началахъ (I. 1, § 9),—„я разумѣю все, что происходитъ въ насъ такъ, что мы сознаемъ это непосредственно въ себѣ (*omnia quae nobis conscis in nobis fiunt quatenus eorum in nobis conscientia est; tout ce que se fait en nous de telle sorte que nous l'apercevons immédiatement par*

¹⁾ Слова „въ то время какъ думаетъ“—прибавленіе французскаго текста (que ce qui pense n'est pas véritablement au même temps qu'il pense).

²⁾ Держимся латинскаго текста, какъ оригинальнаго; во французскомъ переводѣ (аббата Пяко, просмотрѣнномъ Клерсалье) мѣсто это передано съ прибавленіемъ пояснительныхъ словъ, именно такъ: „Чтобы быть, мы не имѣемъ нужды въ протяженіи, фигурѣ, пребываніи въ какомъ-либо мѣстѣ, и ни въ какой другой вещи, какую можно приписать тѣлу; мы существуемъ чрезъ то лишь, что мысля. А потому свидѣніе, какое имѣемъ о душѣ нашей или нашей мысли, принадлежитъ тому, какое имѣемъ о тѣлѣ, и болѣе достовѣрно, ибо мы можемъ сомнѣваться, есть ли еще какое тѣло въ мірѣ, но съ достовѣрностію знаемъ, что мы мыслямъ“.

vous-même). Потому не только понимать, хотѣть, воображать, значить мыслить, но и чувствовать значить тоже мыслить. Ибо если скажу: я вижу, я хожу, слѣдовательно, я есмь, и буду разумѣть аршіе или хожденіе, какъ акты эти свершаются тѣломъ, то заключеніе не будетъ абсолютно достовѣрно, ибо часто я могу думать, что вижу, хожу, тогда какъ не открывалъ глазъ и не двигался съ мѣста,— какъ это часто случается во снѣ и могло бы, можетъ быть, произойти со мною еслибъ я даже не имѣлъ никакого тѣла. Но если разумѣю подъ этимъ актъ оцущенія или сознание, что я вижу или что и хожу, на сколько актъ этотъ относится къ душѣ, которая одна чувствуетъ или думаетъ, что свершается видѣніе или хожденіе, то заключеніе вполнѣ вѣрно*.

Наиболѣе ясное изложеніе мыслей Декарта находится, какъ было упомянуто выше, въ его Исканіи истины. Здѣсь въ популярной формѣ философъ старался довести свои идеи до возможной доступности. Приведемъ, съ нѣкоторыми сокращеніями все мѣсто трактующее о сомнѣніи и о переходѣ отъ сомнѣнія, какъ опорнаго Архимедова пункта, къ идеѣ самостоятельности духовнаго начала.

Припомнимъ, что разговоръ въ Исканіи истины ведется между тремя пріятелями: Евдоксомъ, Полиандромъ и Эпистемономъ въ деревнѣ Евдокса. Евдоксъ изображаетъ самого Декарта, Эпистемонъ—представитель школьной учености вѣка, Полиандръ—человѣкъ жизни и практики, принадлежащій къ образованному кругу, но въ школѣ не учившійся, за то обладающій значительнымъ запасомъ здраваго смысла.

...Евдоксъ... Дайте мнѣ побесѣдовать съ Полиандромъ. Я прежде всего опрокину всѣ знанія, пріобрѣтенныя имъ до сего дня. Дѣйствительно, они не въ состояніи удовлетворить его; и это уже свидѣтельствуесть, что они плохи. Я сравниваю ихъ со зданіемъ, дурно построеннымъ, и котораго основанія не довольно прочны. Не вижу другаго средства, какъ сломать его совсѣмъ и воздвигнуть новое; ибо не хочу попасть въ разрядъ бѣсталанныхъ рабочихъ, которые могутъ только чинить старыя вещи, будучи не въ состояніи дѣлать новыхъ. Но пока, Полиандръ, мы будемъ разрушать зданіе, мы можемъ одновременно закладывать фундаментъ для осуществленія нашего плана и готовить хорошій и прочный матеріалъ, чтобы укрѣпить его. Для этого тре-

буется, чтобы мы разобрали, какія изъ истинъ, доступныхъ познанію человѣка, самыя достовѣрныя и самыя легко познаваемыя.

Поліандръ. Никто, полагаю, не сомнѣвается, что чувственные вещи—подразумѣваю тѣ, что можно видѣть, осязать, сравнительно со всѣми другими—наиболѣе достовѣрны; что до меня, я былъ бы очень изумленъ, если вы столько же ясно показали что-либо изъ того, что говорятъ о Богѣ и о нашей душѣ.

Евдоксъ. Надѣюсь, однако, именно это сдѣлать. Для меня удивительно, что люди такъ легкомысленно строятъ знанія на достовѣрности чувствъ, хотя каждому извѣстно, что чувства насъ иногда обманываютъ, и что есть полное основаніе не довѣрять тому, что разъ вовлекло насъ въ обманъ.

Поліандръ. Я знаю, конечно, что чувства иногда насъ обманываютъ, когда они не въ добромъ порядкѣ: больному, напримѣръ, всякая пища кажется горькою; или когда имъ приходится дѣйствовать вдалѣ: звѣзды, напримѣръ, никакъ не кажутся намъ такой величины, какую дѣйствительно имѣютъ; или вообще когда они не дѣйствуютъ свободно, согласно со своимъ устройствомъ. Но всѣ ошибки чувствъ легко распознать, и онѣ не мѣшаютъ мнѣ быть твердо убѣжденнымъ, что я васъ вижу, что мы прогуливаемся въ саду, что солнце свѣтитъ—словомъ, что все, обыкновенно представляющееся моимъ чувствамъ, достовѣрно.

Евдоксъ. Такъ какъ того обстоятельства, что чувства иногда обманываютъ насъ, но мы это замѣчаемъ, оказывается недостаточнымъ, чтобы внушить вамъ опасеніе, что въ другихъ случаяхъ чувства могутъ обманывать васъ, тогда какъ вы этого не замѣчаете, то пойду дальше и спрошу васъ: не случилось ли вамъ видѣть меланхоликовъ, которые принимаютъ себя за сосуды, наполненные водою, или считаютъ какую-нибудь часть своего тѣла огромной величины. Они поклянутся, что видятъ это и осязаютъ именно такъ, какъ воображаютъ. Правда, тотъ обидѣлся бы, кому вы сказали бы, что доводы, на какихъ онъ основываетъ свое мнѣніе относительно чувственной достовѣрности, не многимъ основательнѣе тѣхъ, на какихъ эти

сумасшедшіе основываютъ свои, ибо и тѣ, и другіе выйдутся на свидѣ-
тельство чувства и воображенія. Но позвольте спросить: не подвер-
жены ли вы сну, какъ и всѣ люди, и не можете ли во снѣ думать, что
видите меня, прогуливаетесь въ саду, что солнце свѣтитъ, словомъ, все,
о чемъ вы имѣете, кажется вамъ, вполне ясное представленіе. Развѣ
вамъ неизвѣстна такъ употребительная въ старыхъ комедіяхъ форма
изумленія: не во снѣ ли я это вижу? Почему можете вы быть увѣ-
рены, что жизнь ваша не есть непрерывный сонъ, и что все позна-
ваемое чувствами не на столько же ложно какъ видимое во снѣ, осо-
бенно зная, что вы созданы высшимъ существомъ, которому одина-
ково легко было создать васъ такимъ, какъ я себя представляю, какъ
и такимъ какимъ вы себя почитаете.

Поліандръ. Вотъ, по истинѣ, доводы, способные опрокинуть всю
науку Эпистемона, если опъ остановитъ на нихъ свое вниманіе. Что
меня касается, я боюсь бы сойти съ ума, если бы сталъ размышлять
выше уровня моего пониманія, такъ какъ я не изучалъ наукъ и не
привыкъ отвлекать умъ отъ чувственныхъ вещей.

Эпистемонъ. Я также думаю, что опасно идти далѣе по этому
пути. Всеобщее сомнѣніе этого рода приведетъ насъ прямо къ невѣ-
дѣнію Сократа, или къ верѣнительности послѣдователей Пиррона.
Это какъ пучина, гдѣ нельзя оцунать дна.

Евдоксъ. Я согласенъ, что не знающій брода не долженъ безъ
проводника пускаться въ эту глубину, гдѣ многіе потонули. Но, слѣ-
дуя за мною, не бойтесь подвигаться. Страхъ этого рода помѣшалъ
многимъ ученимъ пріобрѣсти достаточно прочныя и достовѣрныя зна-
нія, которыя заслуживали бы имя науки. Вообразить, что ни на что
не могутъ опереться такъ крѣпко, какъ на чувственныя вещи, они
строили на пескѣ, вмѣсто того чтобы, порывшись глубже, найдти
почву болѣе твердую. Но не будемъ здѣсь останавливаться. Если и
не желаете далѣе изслѣдовать доводы, высказанные мною, во всякомъ
случаѣ они произведутъ свое дѣйствіе. Цѣль моя будетъ дости-
гнута, если они достаточно поразятъ ваше воображеніе, чтобы поста-
вить васъ на сторожѣ. Ясно, что знаніе ваше не въ такой мѣрѣ не-

погрѣшимо, чтобы не бояться за прочность его основанія. Доводы мои привели васъ къ общему сомнѣнiю, и вы усомнились уже въ вашемъ вѣнанiи. Значить, я достигъ цѣли, состоявшей въ томъ, чтобы опрокинуть ваше знанiе, сдѣлавъ его сомнительнымъ. Но, опасаясь, чтобы вы не потеряли бодрости и не отказались слѣдовать за мною, заявляю, что сомнѣнiя, поразившія васъ страхомъ, подобны видѣнiямъ и образамъ, кажущимся ночью при слабомъ и звѣрномъ свѣтѣ. Страхъ будетъ сонутствовать вамъ, если вы отъ нихъ побѣжите, но если приблизитесь, чтобы ощупать, найдете воздухъ и тѣнь, и впредь умъ вашъ уже не будетъ смущаться въ подобныхъ обстоятельствахъ

Поліандръ. Я побѣжденъ вашими доводами и желаю представить себѣ эти трудности съ наибольшою силою. Допущу, что вся жизнь моя была состоянiемъ безумства, что всѣ эти идеи, которыя казались мнѣ пришедшими чрезъ двери чувствъ, образовались внутри меня, какъ образуются подобныя во время сна, или когда я увѣренъ, что глаза мои закрыты, уши закрыты, словомъ, ни одно изъ чувствъ не воспринимаетъ впечатлѣній. Буду сомнѣваться не только въ томъ, что вы существуете на свѣтѣ, что есть земля, солнце, но и въ томъ, что имѣю глаза, уши, тѣло, что разговариваю съ вами и вы мнѣ отвѣчаете. Словомъ, буду сомнѣваться во всемъ.

Евдоксъ. Теперь вы прекрасно подготовлены. Я именно къ тому хотѣлъ васъ привести. Теперь обратите все ваше вниманiе на послѣдствiя, какія буду выводить изъ сдѣланныхъ посылковъ. Вы видите, что можете основательно сомнѣваться во всемъ, чего познанiе пріобрѣтается чрезъ чувства. Но можете ли сомнѣваться въ вашемъ сомнѣнiи и оставаться въ неизвѣстности, сомнѣваетесь ли вы, или нѣтъ?

Поліандръ. Признаюсь, это меня удивляетъ. Небольшой запасъ проницательности, доставляемый моимъ слабымъ здравымъ смысломъ, вынуждаетъ меня съ изумленiемъ признать, что я сколько-нибудь достоверно ничего не знаю; во всемъ сомнѣваюсь, ни въ чемъ не увѣренъ. Но что же, однако, хотите вы заключить изъ всего этого? Не вижу, къ чему можетъ служить это всеобщее изумленiе, и какимъ образомъ подобное сомнѣнiе можетъ стать принципомъ, который надо

выводить такъ издалека. Напротивъ, цѣль, указанная вами нашему разговору, та, чтобъ освободить насъ отъ сомнѣнія и указать истинны неизвѣстныя и Эпистемону, какъ онъ ни ученъ.

Евдоксъ. О, только будьте внимательны, и я поведу васъ дальше, чѣмъ вы думаете. Изъ этого всеобщаго сомнѣнія, какъ отъ неподвижной точки опоры, я хочу вывести познаніе Бога, васъ самихъ, наконецъ, всего существующаго въ мірѣ.

Полиандръ. Вотъ, не истиннѣ, великія обѣщанія. Они очень стоятъ, если оправдаются, чтобы мы дали вамъ то, что вы отъ насъ спрашиваете. Будьте вѣрны своимъ обѣщаніямъ; мы сдержимъ свои.

Евдоксъ. И такъ, вы не можете отрицать, что сомнѣваетесь. Напротивъ, вполне достоверно, что вы сомнѣваетесь, столь достоверно, что въ этомъ сомнѣваться вы не можете. Вѣрно также, что вы сомнѣвающійся существуете, и вѣрно опять въ такой же степени, что сомнѣваться въ этомъ вы не можете.

Полиандръ. Согласенъ съ вами. Еслибъ я не существовалъ, то не могъ бы сомнѣваться.

Евдоксъ. И такъ, вы существуете, знаете, что существуете, и знаете это потому, что сомнѣваетесь.

Полиандръ. Совершенно справедливо.

Евдоксъ. Но, чтобы вы не уклонились отъ вашего намѣренія, станемъ подвигаться по немногу. Какъ я сказалъ вамъ, эта дорога поведетъ насъ далѣе, чѣмъ думаете. Повторимъ аргументы: вы существуете, знаете, что существуете, и знаете потому, что сомнѣваетесь. Но вы, сомнѣвающійся во всемъ и не могущій сомнѣваться въ самомъ себѣ, кто вы такой?

Полиандръ. Отвѣтъ не труденъ, и я понимаю, почему вы выбрали меня собесѣдникомъ предпочтительнѣе предъ Эпистемономъ: вы не хотѣли предлагать вопросы, на которые не было бы легко отвѣчать. И такъ, скажу: я человѣкъ.

Евдоксъ. Вы не обратили вниманія на то, о чемъ я вамъ спрашиваю, и отвѣтъ вашъ, какъ ни простъ онъ кажется, свергнетъ васъ въ очень трудныя и спутанныя вопросы, если хотя сколько-ни-

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЫШЛО НОВОЕ (ДЕСЯТОЕ) ИЗДАНИЕ КНИГИ:

„РОДИНА“.

Сборникъ для класснаго чтенія съ упражненіями въ разборѣ, устномъ и письменномъ изложеніи.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

СЪ 50-Ю РИСУНКАМИ.

СОСТАВИЛЪ

А. РАДОНЕЖСКІЙ.

ВЪ 10-мъ ИЗДАНИИ НОВЫЕ РИСУНКИ:

„Молитва предъ учениемъ“, „Чтеніе Манифеста 19 февраля“, „Святель“, „Св. Сергій Радонежскій благословляетъ на брань съ Мамаемъ Дмитрія Донскаго“. Въ 9-мъ изданіи добавлены рисунки: „На Пасхѣ“, „Хранъ Христа Спасителя“, „Защита Вавзета“, „Скобелевъ“ и др.

Съ соизволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 75 коп.

Одобрено Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. „для класснаго чтенія въ низшихъ классахъ гимназій и прогимназій, въ городскіяхъ и народныхъ училищахъ.“

„СОЛНЫШКО“.

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ 87 картинками, составилъ А. РАДОНЕЖСКІЙ. Изданіе, съ Высочайшаго соизволенія, посвящено Его Императорскому Величеству Государю Императору; одобрено Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія, для класснаго и вѣбкласснаго чтенія. Изданіе 2-е.

Цѣна 60 коп.

НОВАЯ КНИГА:

„Церковно-славянская азбука и первая книга для чтенія на Церковно-Славянскомъ и Русскомъ языкѣ“. Съ рисунками.

Изв. А. РАДОНЕЖСКІЙ.

Въ книгѣ 73 статьи изъ ВІВЛІИ, ЕВАНГЕЛІЯ, ЧЕТВѢР-МИННІЙ, ПАТЕРИКА, сочиненій СВ. ДИМИТРІЯ РОСТОВСКАГО, ТИХОНА ЗАДОНСКАГО и др., съ объясненіями, грамматическими разборами и славянскими словаремъ.

Цѣна 25 коп.

1-го СЕНТЯБРЯ вышла и разслана подписчикамъ IX-я книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. Тайная канцеларія въ царствованіи Петра I. Очерки и разсказы по подлиннымъ дѣламъ, 1720—1724 гг. Гл. IV — IV.—II. Записки Александра Михайловича Тургенева, 1772—1863 гг. — III. Двѣнадцатый годъ въ запискахъ Варвары Ивановны Бакуниной.—IV. Война съ польскими мятежниками 1831 г. въ перепискѣ императора Николая I съ гр. Дибичемъ.—V. Записки И. И. Мердера, посетителя цесар. Александра Николаевича, 1824—1834 гг. Гл. VIII—IX.—VI. Подъ Севастополемъ въ 1853—1856 гг. Дневникъ бывшаго начальника артиллерійскихъ парковъ южной и крымской арміи, ген.-маіора Л. Г. Духонина.—VII. Докт. Зейдлицъ и Н. И. Пироговъ: письмо Зейдлица проф. Н. И. Пирогову, 19 окт. 1854 г. Сообщ. Н. Ф. Здекауеръ.—VIII. Крестьянское дѣло въ 1857—1860 гг. Замятки въ Запискамъ Я. А. Соловьева. Сообщ. Николай М. Колмаковъ.—IX. Первые страницы въ исторіи судебной реформы въ Россіи, 1862—1867 гг. Сообщ. Г. Джаншиевъ.—X. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ въ письмахъ къ его брату Николаю Сергѣевичу, 1863—1878 гг. — XI. Федоръ Михайловичъ Достоевскій: его отправка въ Сибирь и пребываніе въ Омскѣ, 1850—1854 гг.—XII. 14е декабря 1825 г.—XIII. О возобновленіи памятника на общій могила Вольтера, Еропкина и Хрущова, † 27 іюня 1740 г.—XIV. Библиографическій листокъ.

Приложеніе: Портретъ въ Востѣ почивающаго императора Александра Николаевича въ бытность его наследникомъ цесаревичемъ. Гравировалъ И. И. Матюшинъ.

Продолжается подписка на «РУССКУЮ СТАРИНУ» изд. 1885 г.

Цѣна за 12 книгъ ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ благоволятъ подписываться въ книжномъ магазинѣ г. ЦИНЗЕРЛИНГА на Невскомъ, д. № 46, противъ Гостиннаго двора, а въ Москвѣ подписка принимается въ книжномъ магазинѣ Мамонтова.

Иногородные исключительно обращаются въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, въ С.-Петербургѣ, Большая Подъячская, домъ № 7.

Продается книга: «ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА, АННА и ВИДИМЪ МОНСЬ», третій выпускъ историческихъ очерковъ М. И. Семеваго, съ портретами и рисунками. Цѣна два руб. 50 коп. съ пересылкою.

«СЛОВО и ДѢЛО», историческіе очерки М. И. Семеваго, съ рисунками пытокъ въ XVIII в., третье изданіе. Цѣна два рубля съ пересылкою.

„Записки Сельскаго Священника“, изданіе исправленное. Цѣна одинъ руб.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ:

АНТИГОНА,

ТРАГЕДІЯ СОФОКЛА.

Греческій текстъ съ русскими примѣчаніями проф. А. Д. Вейсмана.

Цѣна 60 коп.

СКЛАДЪ У ИЗДАТЕЛЯ: Васильевскій островъ, 5-я лин., д. 32.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогійи и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за года 1869, 1870, 1871, 1875 (съ мартовской книжки) и всѣ слѣдующіе, платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХІ.

1885.

ОКТЯВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашка. Наб. Екатерининскаго кан., № 76.

1885.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ	46
А. Н. Воселовскій. Двѣ записки къ вопросу объ источникахъ сербской Александріи	169
И. А. Шлигинъ. Къ исторіи полемикъ между московскими и македонскими учеными въ концѣ XVII вѣка	210

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Ө. И. Успенскій. Сельская община въ Англіи	253
І. Микшъ. Доисторическое единство сивовскихъ и арийскихъ языковъ и народовъ. <i>Н. Н. Волкова</i> . 1895.	323
Д. Н. Д—въ. <i>Katamine. Voyage en France 1789—1790. P. 1835.</i>	327
О. Д. Х. Усиѣхи знанія (1893—1894). <i>М. Д. Демкова</i> . 1895.	332
М. Н. Вережковъ. Новый учебникъ русской исторіи	33

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ.

— Императорская Публичная Библиотека въ 1893 году	19
— Первое приоужденіе премій Макарья, митрополита Московскаго.	30
— Наши учебныя заведенія: Институтъ сельскаго хозяйства и животноводства въ новой Александріи въ 1894 году.	52
— А. А. Цоповъ (<i>мекролотъ</i>)	64

ОТДѢЛЪ КЛАСИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Д. Ө. Бѣляевъ. Возвращеніе Еврипида на оословія и состоянія, внутреннюю и вѣшнюю политику Аѳинъ	465
Ө. Л. Радловъ. Этика Аристотеля. Книга V.	493

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Н. А. Любимовъ. Декартъ. Разсужденіе о методѣ дабы хорошо направлять свой разумъ и отыскивать научныя истины.	139
---	-----

Редакторъ Л. Майковъ.

(Вышла 1-го октября).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХІ.

1885.

ОКТЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.]

1885.

Балашовская тип., д. № 78.
2044

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

2. (7-го іюля 1885 года). Объ установленіи особаго нагруднаго знака отличія для лицъ, удостоиваемыхъ Императорскими россійскими университетамн ученыхъ степеней магистра и доктора.

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, въ 7-й день іюня 1885 года, Высочайше соизволилъ на установленіе особаго нагруднаго знака отличія для лицъ, удостоиваемыхъ Императорскими россійскими университетамн ученыхъ степеней магистра и докторн факультетовъ: историко-филологическаго, физико-математическаго, юридическаго и восточныхъ языковъ. Затѣмъ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 18-й день іюля 1885 года, Его Величеству благоугодно было утвердить рисунокъ означеннаго знака отличія и удостоятъ Высочайшаго одобренія описаніе и правило ношенія сего знака.

На подлинномъ написано: Означенныя описаніе и правило удостоятъ Высочайшаго одобренія. Петергофъ. 18-іюля 1885 года.

Подписалъ: статсъ-секретарь И. Деляновъ.

1) Для степени доктора предполагается знакъ золотой при серебряномъ лавровомъ вѣнкѣ и таковой же буквы Д.

2) Для степени магистра предполагается знакъ серебряный при золотомъ лавровомъ вѣнкѣ и золотой буквъ М.

3) Внутренность креста для обѣихъ степеней синей эмали, окаймленной двумя золотыми ободками, изъ конхъ наружный матовый, а внутренній—полированный.

4) Носить знакъ на правой сторонѣ.

3. (8-го августа 1885 года). О принятіи дома, пожертвованнаго статскимъ совѣтникомъ Харитоненко.

Статскій совѣтникъ Харитоненко, выстроивъ на принадлежащей Харьковскому университету землѣ трехъ-этажнѣй кампный домъ, пожертвовалъ этотъ домъ университету, съ цѣлю расширенія весьма ограниченныхъ помѣщеній онаго. Для приспособленія же упомянутаго дома къ нуждамъ университета статскій совѣтникъ Харитоненко внесъ 50,000 рублей съ тѣмъ условіемъ, чтобы правительство, въ замѣнъ этого пожертвованія, ассигновывало ежегодно по 6,000 руб. на содержаніе при Харьковскомъ университетѣ двадцати стипендіатовъ имени статскаго совѣтника Харитоненко.

По удостоеніи сего ходатайства Высочайшаго утвержденія, статскій совѣтникъ Харитоненко обратился въ министерство народнаго просвѣщенія съ просьбой объ исходатайствованіи Высочайшаго повелѣнія на наименованія: одной изъ сихъ стипендій—именемъ въ Возѣ починающаго Государя Императора Александра II и одной стипендіи—Высочайшимъ именемъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Александра Александровича.

По всеподданнѣйшему докладу министромъ народнаго просвѣщенія означенной просьбы, Государю Императору въ 8-й день августа 1885 г. благоудобою было Всемилостивѣйше на оную соизволить.

II. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ.

8-го августа 1885 года. (№ 11). Утверждается: почетный попечитель Кишиневской прогимназіи, преобразованной въ Кишиневскую вторую гимназію, надворный совѣтникъ Бодеско—почетнымъ непочителемъ сей гимназіи, на три года.

Продолжается срокъ командировки за границу: ординарному профессору Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительному статскому совѣтнику Богишичу—по 1-е сентября 1885 года.

Командируются за границу: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Фойницкій на десять дней; бывший доцентъ Император-

скаго Казанскаго университета, надворный совѣтникъ Максимо-вичъ, съ ученою цѣлію, на одинъ годъ.

Увольняется въ отпускъ за границу: членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, почетный опекунъ опекунскаго совѣта учреждений Императрицы Маріи С.-Петербургскаго онаго приучетія, дѣйствительный тайный совѣтникъ Корниловъ—на три мѣсяца, по болѣзни.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

10. (3-го августа 1885 года). Экзаменныя требованія, коимъ должны удовлетворять окончившіе курсъ университетовъ, испытующе въ комиссіи историко-филологической.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

Изложеніе экзаменныхъ требованій по историко-филологическому факультету, какъ равно и по другимъ, ограничивается лишь общими и краткими указаніями, имѣющими цѣлію дать направленіе обязательнымъ занятіямъ учащихя. Впослѣдствіи, когда приблизится время правительственныхъ испытаній, будетъ опредѣленъ порядокъ производства оныхъ, при чемъ комиссія получаетъ инструкціи, опредѣляющія способъ и мѣру оцѣнки подлежащихъ испытанію познаній и умѣній. Историко-филологическая испытательная комиссія должна имѣть въ виду главнымъ образомъ необходимое условіе филологическаго образованія, то-есть, знаніе обоихъ классическихъ языковъ и начитанность въ ихъ литературахъ, равно какъ математическое испытаніе должно быть направлено на основныя математическія дисциплины, безъ коихъ опирающіяся на математику спеціальности не имѣютъ ни силы, ни значенія. Недостаточность познаній по основному предмету не можетъ быть восполнена ничѣмъ инымъ, и въ такомъ случаѣ испытаніе должно считаться не удавшимся. Съ другой стороны, отличные успѣхи въ основномъ предметѣ могутъ въ оцѣнкѣ комиссіи покрыть нѣкоторые недочеты по остальнымъ требованіямъ.

Поступающему въ университетъ предоставляется свободный выборъ факультета, но отъ его произвола не можетъ зависѣть опредѣленіе того, чтò и въ какой мѣрѣ должно считаться основнымъ и для него обязательнымъ въ изученіи предметовъ избраннаго факультета. Его любознательности предоставляется въ свободное время обогащать свои

познанія энциклопедическими свѣдѣніями, точно также какъ его свободному выбору предоставляется, по удовлетвореніи необходимыхъ требованій, спеціальное изученіе того или другаго предмета, но оцѣнка результата такихъ свободно-выбранныхъ спеціальныхъ занятій принадлежитъ факультету при испытаніи на ученую степень.

§ 1. Экзаменныя требованія по историко-филологическому факультету не имѣютъ цѣлю изчерпать содержаніе всего, что можетъ быть преподаваемо въ университетахъ. Требуя лишь необходимыхъ, но твердыхъ и основательныхъ познаній, министерство народнаго просвѣщенія не вноситъ въ свои требованія тѣхъ наукъ, которыя могутъ быть предоставлены любознательности учащихся, и того въ обязательныхъ дисциплинахъ, что можетъ быть предметомъ спеціальнаго изученія лишь вполнѣ, по должномъ усвоеніи основаній филологическаго образованія; при чемъ, однако, всѣ катедры историко-филологическаго факультета должны въ большей или меньшей мѣрѣ способствовать достиженію результата, подлежащаго оцѣнкѣ испытательной комиссіи.

Основаніе филологическаго образованія, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ методологическомъ отношеніи, составляютъ оба классическія языка съ ихъ литературами и относящимися къ нимъ дисциплинами и реальными свѣдѣніями. А потому требованія по нимъ признаются равно для всѣхъ испытуемыхъ обязательными, но въ предѣлахъ необходимаго. Имѣется въ виду, что испытуемые въ комиссіи держатъ экзаменъ не на ученую степень и имѣютъ доказать только то, что они должнымъ образомъ воспользовались своимъ пребываніемъ въ университетѣ и овладѣли знаніемъ обоихъ классическихъ языковъ на столько, что приобрѣли въ нихъ твердую почву для научной разработки предметовъ классической филологіи, необходимое пособіе для плодотворнаго занятія всякою научною спеціальностью историко-филологическаго факультета и право быть преподавателями какъ древнихъ языковъ, на которыхъ основава вся система общаго образованія въ гимназіяхъ, такъ и другихъ образовательныхъ предметовъ, получающихъ преподавателей отъ историко-филологическаго факультета, какъ-то: русскаго языка и исторіи, конхъ преподаваніе тѣмъ вѣрнѣе можетъ быть обезпечено, чѣмъ основательнѣе филологическое образованіе, получаемое преподавателями этихъ предметовъ въ университетѣ.

Къ общеобязательнымъ требованіямъ отнесена въ нѣкоторой мѣрѣ и философія. Философскія дисциплины, какія могутъ быть въ разныхъ

университетахъ преподаваемы разнымъ образомъ, предоставляются собственной любознательности учащихся, но для всѣхъ поставляется въ обязанность основательное знакомство съ Платономъ и Аристотелемъ, потому что въ твореніяхъ этихъ мыслителей находятся начала, и нынѣ имѣющія руководительную силу, всего послѣдующаго. Философскаго развитія и самая философская терминологія можетъ быть должнымъ образомъ понимаема лишь при основательномъ знакомствѣ съ учевіями этихъ мыслителей. Логика, входящая повсюду въ составъ общаго образованія, основана на Аристотелѣ. Плодотворныя занятія философіей требуютъ особаго призванія, но изученіе обонхъ древнихъ мыслителей можетъ быть равно полезно для всѣхъ учащихся въ историко-филологическомъ факультетѣ, усиливая и обогащая ихъ филологическое образованіе.

І. Общеобязательныя требованія.

§ 2. Интерпретація греческихъ и римскихъ авторовъ составляетъ главное основаніе всего историко-филологическаго испытанія. Испытуемые должны обнаружить начитанность преимущественно въ тѣхъ классическихъ авторахъ, произведенія которыхъ объясняются въ старшихъ классахъ гимназій. Каждый изъ испытуемыхъ долженъ докласть, что онъ съ особымъ вниманіемъ изучалъ по меньшей мѣрѣ четырехъ изъ вышеозначенныхъ авторовъ (греческаго и римскаго поэта, греческаго и римскаго прозаика). При точной и по возможности изыщной передачѣ на русскій языкъ, испытуемый обязанъ отчетливо объяснять избранныхъ имъ авторовъ со стороны грамматической и бытовой, а римскихъ—и со стороны стилистической. Сверхъ того, отъ испытуемаго требуется общее знакомство съ методомъ и главными приѣмами филологической критики, экзегетики и герменевтики.

Примѣчаніе. Кромѣ авторовъ, читаемыхъ въ гимназіяхъ, испытуемые могутъ выбирать для своего экзамена и другихъ авторовъ, произведенія которыхъ читаются въ университетахъ (напримѣръ, Гезіода, Эсхила, Эврипида, Аристофана, греческихъ лириковъ; Плавта, Теренція, Тацита, римскихъ лириковъ).

§ 3. Отъ испытуемаго требуется знаніе главнаго и существеннаго содержанія греческихъ и римскихъ древностей какъ государственныхъ, такъ и относящихся къ религіозной и частной жизни грековъ и римлянъ.

§ 4. Изъ исторіи греческой и римской литературы требуются преимущественно свѣдѣнія, относящіяся къ авторамъ, читаемымъ въ гимназіяхъ: испытуемый долженъ быть знакомъ съ эпохой, когда они жили, съ ихъ біографіей и содержаніемъ ихъ произведеній, а также съ относящимися къ нимъ наиболѣе выдающимися трудами ученыхъ.

§ 5. По древне-классической метрикѣ требуется умѣніе читать и разбирать по крайней мѣрѣ наиболѣе употребительные размѣры греческой и римской поэзіи.

§ 6. Изъ миеологіи требуются познанія, необходимыя для объясненія Гомера, греческихъ трагиковъ, Овидія, Виргилія и Горация.

Примѣчаніе. Въ основу испытанія по древностямъ, исторіи литературы, метрикѣ и миеологіи, полагаются, избранные каждымъ испытуемымъ, по § 2 авторы.

§ 7. Отъ испытуемыхъ требуется твердое и основательное знаніе грамматики обоихъ древнихъ языковъ, упроченное практическими упражненіями. Твердость въ формахъ и синтаксическихъ оборотахъ, а для латинскаго языка и въ стилистикѣ, испытуемые должны обнаружить посредствомъ клаузуриныхъ работъ. Кромѣ того, при чтеніи произведеній Гомера, Геродота и лирическихъ мѣстъ греческихъ трагедій, испытуемый долженъ обнаружить знакомство со встрѣчающимися въ нихъ особенностями древне-греческихъ діалектовъ.

§ 8. По исторіи отъ всѣхъ испытуемыхъ требуется знаніе главныхъ событій греческой и римской исторіи, опирающееся на точныхъ хронологическихъ и географическихъ данныхъ, а также главнѣйшія свѣдѣнія по исторіографіи и литературѣ предмета. Сверхъ того, испытуемый долженъ обнаружить знаніе какой-либо отдѣльной эпохи греческой или римской исторіи, основанное на непосредственномъ изученіи одного изъ важнѣйшихъ источниковъ этой исторіи, то-есть, одного изъ греческихъ или римскихъ историковъ (могущихъ входить въ число упомянутыхъ въ § 2 авторовъ, избранныхъ испытуемымъ для своего экзамена).

§ 9. По исторіи искусствъ требуется знаніе исторіи греческихъ и римскихъ пластическихъ искусствъ, въ эпохи ихъ процвѣтанія, по наилучшимъ изъ сохранившихся произведеній. Сверхъ того, испытуемый долженъ быть знакомъ съ главными моментами развитія искусствъ въ христіанскомъ мірѣ.

§ 10. По философіи, кромѣ общаго знакомства съ философскими произведеніями Платона и Аристотеля, испытуемый долженъ обнаружить, что изучалъ въ подлинникѣ одинъ изъ слѣдующихъ діалоговъ Платона: Федръ, Фебетъ, Федонъ, Софистъ, Тимей и одинъ изъ слѣдующихъ трактатовъ Аристотеля: О душѣ, Никомахова этика, Шиттика, Политика, Метафизика. Сверхъ того, требуется знаніе логики на основаніяхъ логическихъ трактатовъ Аристотеля, служащихъ и нынѣ по этому предмету руководствомъ.

II. Дополнительные требованія.

§ 11. Сверхъ общеобязательныхъ предметовъ, каждый изъ испытуемыхъ избираетъ для своего экзамена, по собственному желанію, одну изъ слѣдующихъ двухъ группъ дополнительныхъ предметовъ историко-филологическаго испытанія.

Группа а).

§ 12. По сравнительному языковѣдѣнію испытуемый долженъ обнаружить знаніе основныхъ и наиболѣе установившихся положеній сравнительной фонетики и морфологіи языковъ индо-европейскихъ, при чемъ требуется знаніе элементовъ и формъ санскритскаго языка въ мѣрѣ необходимой для сравнительнаго изученія означенныхъ языковъ и изъ нихъ преимущественно греческаго, латинскаго и древне-церковно-славянскаго.

§ 13. По русскому языку и русской литературѣ отъ испытуемаго требуется знакомство съ памятниками русской письменности съ древнѣйшихъ временъ и произведеніями народнаго творчества, а также съ произведеніями писателей, установившихъ нынѣшній литературный языкъ, до Пушкина включительно, при чемъ испытуемый долженъ доказать, что онъ болѣе тщательно образомъ изучалъ какой-либо періодъ русской литературы или который-либо изъ главнѣйшихъ памятниковъ русской письменности, или же произведенія котораго либо изъ классическихъ писателей, какъ-то: Ломоносова, Державина, Карамзина, Пушкина.

§ 14. По славянскому языковѣдѣнію требуется знаніе грамматики церковно-славянскаго языка на основаніи Остромирова Евангелія и древне-славянскихъ памятниковъ юсоваго письма и знакомство съ

измѣненіями, коимъ подвергался въ теченіе времени церковно-славянскій языкъ, также начитанность въ церковно-славянскихъ текстахъ. Испытуемый долженъ быть знакомъ съ главными характеристическими особенностями славянскихъ нарѣчій, сравнительно съ языками церковно-славянскимъ и русскимъ.

§ 15. По исторіи западно-европейскихъ литературъ испытуемый долженъ обнаружить знакомство съ главнѣйшими произведеніями западно-европейской изящной литературы (какъ, напримѣръ, съ произведеніями Данте, Сервантеса, Шекспира, французскихъ классиковъ, Шиллера, Гёте), изъ коихъ по крайней мѣрѣ одно, болѣе обширное и характеристическое, должно быть прочтено испытуемымъ въ подлинникѣ.

Группа б)

§ 16. По всеобщей исторіи испытуемый долженъ обнаружить, кромѣ знанія главныхъ фактовъ во взаимной ихъ связи, еще ближайшее знакомство или съ исторіей Востока, или съ исторіей среднихъ вѣковъ, или съ новою исторіей, или же съ исторіей одного изъ европейскихъ культурныхъ народовъ (кромѣ исторіи древне-классическихъ и славянскихъ народовъ, составляющей особый предметъ испытанія).

При этомъ требуются свѣдѣнія по историографіи и исторической литературѣ, въ отношеніи къ избранному для ближайшаго ознакомленія отдѣлу исторіи.

§ 17. По русской исторіи, при твердомъ и основательномъ знаніи послѣдовательнаго хода ея событій, испытуемый долженъ быть знакомъ съ главнѣйшими источниками изученія ея эпохъ и обнаружить болѣе обстоятельное знаніе одной изъ нихъ, при непосредственномъ знакомствѣ съ ея главными источниками. При семъ требуется знакомство съ отечественною историографіей и вообще литературой этого предмета.

§ 18. По исторіи славянскихъ народовъ требуется общее знаніе главнѣйшихъ фактовъ исторіи славянскихъ народовъ и болѣе обстоятельное знакомство съ исторіей одного изъ нихъ.

§ 19. По исторіи церкви, при общемъ знаніи главныхъ событій, испытуемый долженъ обнаружить болѣе близкое знакомство съ одною изъ эпохъ исторіи церкви и общія свѣдѣнія по церковной историографіи и литературѣ предмета.

11. (3-го августа 1885 года). Требования, которымъ должны удовлетворять испытуемые въ комиссіи физико-математической.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

По отдѣленію наукъ математическихъ.

§ 1. Отъ испытуемыхъ требуется знаніе предметовъ, входящихъ въ кругъ общаго физико-математическаго образованія: математики, физики, механики и астрономіи, а также химіи, въ мѣрѣ, ближе опредѣленной въ §§ 3—7.

§ 2. Кроме того, каждый изъ испытуемыхъ подвергается дополнительному испытанію, указанному въ §§ 8—10.

§ 3. По математикѣ отъ испытуемаго требуется:

а) знаніе элементарныхъ частей математики, въ предѣлахъ гимназическаго курса, со включеніемъ ученія о главнѣйшихъ свойствахъ опредѣлителей и приложенія ихъ къ рѣшенію системъ линейныхъ уравненій, а равно и первыхъ основаній теоріи чиселъ (единство разложенія числа на простые множители, теоремы Фермата и Эйлера, рѣшеніе уравненій первой степени);

б) знаніе аналитической геометріи на плоскости и въ пространствѣ (прямая линія, кривыя втораго порядка, плоскость и поверхности втораго порядка);

в) знаніе началъ высшей алгебры (отдѣленіе и вычисленіе вещественныхъ корней численныхъ уравненій, симметрическія функціи, рѣшеніе уравненій третьей и четвертой степени въ радикалахъ);

г) знаніе дифференціального исчисленія съ приложеніями его къ анализу и геометріи (дифференцированіе функцій, измѣненіе переменныхъ независимыхъ, формула Тейлора и ея приложеніе къ разложенію функцій въ ряды, наибольшія и наименьшія значенія функцій (абсолютныя и относительныя). Плоскія кривыя: касательная, нормаль, выпуклость и вогнутость, кривизна, соприкасающійся кругъ, эволюты, соприкасаніе различныхъ порядковъ; кривыя двоякой кривизны: касательная прямая и нормальная плоскость, соприкасающаяся плоскость и главная нормаль, первая и вторая кривизна; поверхности: касательная плоскость и нормаль; огибающія кривыя и поверхности);

д) знаніе интегральнаго исчисленія съ приложеніями:

1) интегрированіе функцій, опредѣленные интегралы и приложенія къ геометріи (интегрированіе рациональныхъ дробей, простѣйшихъ иррациональныхъ и трансцендентныхъ функцій, важнѣйшіе

опредѣленные интегралы, Эйлеровы интегралы перваго и втораго вида, интегралы между мнимыми предѣлами, теорема Коши и ея главнѣйшія слѣдствія, простѣйшія формулы квадратуръ, спрямленіе дугъ, квадратура площадей, вычисленіе объемовъ и поверхностей, преобразование кратныхъ интеграловъ, интегрированіе дифференціальныхъ выраженій со многими переменными независимыми);

2) интегрированіе дифференціальныхъ уравненій (общій интегралъ обыкновеннаго дифференціального уравненія и особенныя его рѣшенія, уравненія перваго порядка: уравненіе линейное, однородное, интегрирующіеи множитель; простѣйшія уравненія высшаго порядка, обыкновенныя линейныя уравненія, совокупныя уравненія и, въ частности, линейныя съ постоянными коэффициентами; уравненія въ частныхъ производныхъ перваго порядка, линейныя относительно частныхъ производныхъ неизвѣстной функціи);

е) знаніе основаній варіаціоннаго исчисленія (первая варіація простаго интеграла, наибольшія и наименьшія значенія простыхъ интеграловъ);

ж) знаніе основаній теорій конечныхъ разностей въ приложеніи къ интерполированію;

з) знаніе главныхъ положеній теорій вѣроятностей (принципы, законъ большихъ чиселъ, основанія способа наименьшихъ квадратовъ);

§ 4. По физикѣ требуется знаніе;

а) механической части физики (равновѣсіе и основныя законы движенія тѣлъ твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ: масса, вѣсъ, удѣльный вѣсъ, работа, энергія);

б) физики частичныхъ силъ (опытное изслѣдованіе простѣйшихъ явленій упругости; волосность и диффузія; раствореніе и поглощеніе);

в) ученія о звукѣ физико-механическаго и физико-физиологическаго;

г) ученія о свѣтѣ (распространеніе, отраженіе, преломленіе и разложеніе свѣта. Главнѣйшіе оптическіе инструменты; о глазѣ; спектроскопія; дѣйствіе различныхъ частей спектра. — Теорія свѣта, какъ волнообразнаго движенія, въ приложеніи къ разсмотрѣнію явленій отраженія, преломленія, интерференціи, главнѣйшихъ явленій дифракціи, поляризаціи и двойнаго преломленія);

д) ученія о теплотѣ (термометрія, калориметрія, измѣненіе агрегатнаго состоянія тѣлъ, распространеніе лучистой теплоты; теплопроводность, механической эквивалентъ теплоты и опытное его опредѣленіе; два закона механической теоріи теплоты и ихъ приложеніе

къ главнѣйшимъ обратимымъ измѣненіямъ совершенныхъ газовъ и насыщенныхъ паровъ);

е) ученія объ электричествѣ и магнетизмѣ (электростатика и электростатическія измѣренія; магнитныя явленія и измѣренія; гальванизмъ и гальваническія измѣренія; электромагнетизмъ, электродинамика и индукція; электромагнитныя и магнито-электрическія машины);

ж) метеорологія (инструменты и способы наблюденія; температура, давленіе, движеніе, влажность воздуха; атмосферныя осадки, свѣтоты и электрическія явленія атмосферы, земной магнетизмъ).

§ 5. По механикѣ требуется знаніе основаній:

а) статики (равновѣсіе свободныхъ и несвободныхъ твердыхъ тѣлъ, веревочнаго и стержневаго многоугольника, гибкой линіи);

б) ученіе о притяженіи (основныя свойства потенціальной функціи и ея первыхъ производныхъ; теоремы Лапласа и Пуассона; притяженіе точки сплошною однородною сферой и сферическимъ слоемъ);

в) кинематики и динамики (движеніе матеріальной точки свободной и несвободной; различныя формы уравненій движенія матеріальной системы; начало Гамильтона; теорія мгновенныхъ силъ; законы движенія центра тяжести, сохраненія площадей и сохраненія энергіи; моменты инерціи и главные оси; вращеніе твердаго тѣла около неподвижной оси и дифференціальныя уравненія вращенія твердаго тѣла около неподвижной точки);

г) гидростатики и гидродинамики (равновѣсіе совершенной жидкости, ея давленіе, равновѣсіе плавающихъ тѣлъ; основныя уравненія движенія жидкостей и ихъ приложенія къ простѣйшимъ примѣрамъ),

д) практической механики (приложенія закона живыхъ силъ къ машинамъ).

§ 6. По астрономіи испытуемый долженъ показывать знакомство съ астрономіей описательною и физическою въ смыслѣ элементарнаго въ главныхъ чертахъ обобщенія имѣющихся свѣдѣній по всей области астрономіи, а также и съ основными положеніями ученія о тяготѣніи.

Сверхъ сего, испытаніе должно обнимать: опредѣленіе положенія свѣтилъ посредствомъ употребительныхъ координатъ, ихъ взаимное преобразование, явленіе суточного движенія, процессію, нутацію, параллаксъ, рефракцію, абerraцію, составленіе и употребленіе каталоговъ звѣздъ, опредѣленіе гелиоцентрическаго и геоцентрическаго по-

ложенія свѣтъвъ, предвычисленіе лунныхъ затмѣній и понятіе о главнѣйшихъ астрономическихъ инструментахъ.

§ 7. По химіи отъ испытуемаго требуется знаніе основныхъ химическихъ законовъ, химическихъ свойствъ элементовъ и ихъ важнѣйшихъ соединеній въ предѣлахъ обыкновенныхъ курсовъ неорганической химіи.

§ 8. Для дополнительнаго испытанія испытуемому предоставляются на выборъ два предмета изъ нижеслѣдующихъ:

а) теорія чиселъ, б) высшая алгебра, в) теорія эллиптическихъ функций, г) высшая геометрія, д) теорія потенциала въ приложеніи къ явленіямъ электричества и магнетизма, е) кинетическая теорія газовъ, ж) математическая теорія упругости твердыхъ тѣлъ, и) математическая теорія теплоты, і) кинематика абсолютныхъ и относительныхъ движеній, к) общая теорія движенія твердаго тѣла, л) ученіе о движеніи небесныхъ тѣлъ по коническимъ сѣченіямъ, м) ученіе о движеніи возмущенномъ, н) практическая астрономія, о) геодезія.

§ 9. Испытуемому предоставляется замѣнить испытаніе изъ двухъ предметовъ, указанныхъ въ предыдущемъ параграфѣ, испытаніемъ изъ практической механики и начертательной геометріи, при чемъ онъ долженъ умѣть чисто и отчетливо чертить.

§ 10. При дополнительномъ испытаніи отъ испытуемаго требуется представленіе въ комиссію конспектовъ курсовъ, прослушанныхъ имъ въ университетѣ по избраннымъ предметамъ или вообще приобретенныхъ по симъ предметамъ знаній. Конспектами этими, въ случаѣ одобренія ихъ комиссіей, опредѣляются испытательныя требованія по этимъ предметамъ.

12. (3-го августа 1885 года). Требованія, которыми должны удовлетворять испытуемые въ комиссіи физико-математической.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

По отдѣленію естественныхъ наукъ.

§ 1. Отъ всѣхъ испытуемыхъ требуется знаніе химіи, зоологіи со сравнительною анатоміей и физиологіей, ботаники, минералогіи и геологіи съ палеонтологіей, физики и физической географіи, въ мѣрѣ, опредѣленной въ §§ 3—7.

§ 2. Кромѣ сего, каждый изъ испытуемыхъ долженъ доказать богѣ подробныя свѣдѣнія по одному изъ слѣдующихъ пяти отдѣловъ: отдѣлу химіи, отдѣлу зоологіи со сравнительною анатоміей и физио-

логіей, отдѣлу ботаники, отдѣлу минералогіи и геологіи съ палеонтологіей и отдѣлу технической химіи съ агрономіей. Выборъ отдѣла зависитъ отъ испытываемаго; составъ же испытанія по каждому изъ нихъ ближе опредѣляется въ §§ 8—12.

§ 4. По химіи неорганической, органической и аналитической отъ испытываемаго требуется знаніе основъ науки. При ясномъ пониманіи химическихъ процессовъ, онъ долженъ доказать умѣнье производить качественный химическій анализъ.

§ 5. По зоологіи съ сравнительною анатоміей и физиологіей отъ испытываемаго требуется основательное знакомство съ тѣми данными зоотоміи, анатоміи человѣка, физиологіи, эмбриологіи, гистологіи и биологіи, на которыхъ построены взаимныя отношенія отдѣловъ царства животныхъ. Испытуемый долженъ обнаружить знаніе существенныхъ характеровъ этихъ отдѣловъ, подотдѣловъ и вообще группъ, замѣчательныхъ по ихъ строенію, а также взаимнаго сходства группъ, ихъ подчиненности и послѣдовательности по отношенію къ обособленію органовъ, къ осложненію организаци и къ раздѣленію физиологическаго труда. Свѣдѣнія свои испытуемый долженъ пояснять на предъявляемыхъ ему на испытаніи предметахъ, препаратахъ и рисункахъ.

§ 5. По ботаникѣ отъ каждого испытываемаго требуется знаніе основъ гистологіи, физиологіи, общей и специальной морфологіи и систематики растений. Испытуемый долженъ умѣть распознавать по сухимъ или живымъ экземплярамъ главнѣйшія семейства и типическіе роды, преимущественно мѣстной флоры.

§ 6. По минералогіи и геологіи съ палеонтологіей испытаніе должно обнимать: начала кристаллографіи съ кристаллофизикой и кристаллохиміей; описательную минералогію (преимущественно: а) минералы, имѣющіе выдающіяся кристаллографическій или физико-химическій интересъ; б) минералы, участвующіе въ строеніи горныхъ породъ; в) минералы, имѣющіе большое распространеніе въ Россіи), знакомство съ петрографіей, динамическою геологіей, важнѣйшими группами окаменѣлостей животнаго и растительнаго царства; знакомство со стратиграфіей, съ историческою геологіей, то-есть, съ подраздѣленіями памятниковъ исторіи земли на группы, системы и отдѣлы. При описаніи каждой системы требуется знаніе петрографическаго и палеонтологическаго ея характера, географическаго распространенія и рудныхъ богатствъ. Испытуемый долженъ на предъявляемыхъ ему на испытаніи экземплярахъ умѣть распознавать наиболѣе важныя ми-

нералы, горныя породы и окаменѣлости. При испытаніи изъ кристаллографіи испытуемому предлагаются модели сложныхъ формъ различныхъ системъ, для опредѣленія въ нихъ простыхъ формъ.

§ 7. По физикѣ и физической географіи требуется знаніе:

По физикѣ: а) механической части физики (равновѣсіе и основные законы движенія тѣлъ твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ; масса, удѣльный вѣсъ, работа, энергія); б) физики частичныхъ тѣлъ (опытное изслѣдованіе простѣйшихъ явленій упругости; волосность и диффузія; раствореніе и поглощеніе); в) ученія о звукѣ—физико-механическаго и физико-физиологическаго; г) ученія о свѣтѣ (распространеніе, отраженіе, преломленіе и разложеніе свѣта; главнѣйшіе оптическіе инструменты; о глазѣ; спектроскопія; дѣйствіе различныхъ частей спектра, теорія свѣта какъ волнообразнаго движенія, въ приложеніи къ рассмотрѣнію явленій отраженія, преломленія, интерференціи, главнѣйшихъ явленій дифракціи, поляризаціи и двойнаго преломленія); д) ученія о теплотѣ (термометрія, калориметрія, измѣненія агрегатнаго состоянія тѣлъ, лучистыя теплота; теплопроводность; механическій эквивалентъ теплоты и опытное его опредѣленіе; элементарное объясненіе двухъ законовъ механической теоріи теплоты и ихъ приложеній къ главнѣйшимъ обратимымъ измѣненіямъ совершенныхъ газовъ и насыщенныхъ паровъ); е) ученія объ электричествѣ и магнетизмѣ, со включеніемъ практическихъ электро-магнитныхъ мѣръ.

По физической географіи: Оро- и гидрографіи и метеорологіи (инструменты и способы наблюденія; температура, давленіе, движеніе, влажность воздуха; атмосферныя осадки, свѣтовые и электрическія явленія атмосферы; земной магнетизмъ).

§ 8. Испытуемый, избравшій, согласно § 2, для дополнительнаго испытанія отдѣлъ химіи, кромѣ знаній, указанныхъ въ § 3, долженъ обнаруживать умѣнье производить количественный анализъ (вѣсовой и объемный) и показать въ представленныхъ трудахъ и устныхъ объясненіяхъ знанію приемовъ химическаго изслѣдованія.

§ 9. Испытуемый, избравшій для дополнительнаго испытанія отдѣлъ зоологіи со сравнительною анатоміей и физиологіей, долженъ, кромѣ знаній, указанныхъ въ § 4, обнаружить: а) умѣнье владѣть микроскопомъ и знаніе наиболѣе употребительныхъ методовъ изслѣдованія животныхъ; б) умѣнье характеризовать и распознавать типическихъ представителей главнѣйшихъ группъ съ ихъ важнѣйшими подраздѣленіями и опредѣлять высшихъ животныхъ, помощью

надлежащихъ пособій въ случаяхъ, не представляющихъ большихъ трудностей.

§ 10. Избравшій для дополнительнаго испытанія отдѣлъ ботаники долженъ, кромѣ знаній, указанныхъ въ § 5, умѣть характеризовать и распознавать типическихъ представителей главнѣйшихъ семействъ сѣмянныхъ растений и классовъ споровыхъ съ нихъ важнѣйшими подраздѣленіями. Кромѣ того, онъ долженъ обнаружить знакомство съ главнѣйшими экспериментальными приемами, употребляемыми въ растительной физиологіи и умѣнье владѣть микроскопомъ и распознавать микроскопическіе препараты, а также опредѣлять помощью надлежащихъ пособій не слишкомъ трудные роды и виды предъявляемыхъ сѣмянныхъ растений.

§ 11. Избравшій для дополнительнаго испытанія отдѣлъ минералогіи и геологіи съ палеонтологіей долженъ, кромѣ знаній указанныхъ въ § 6, обнаружить болѣе подробное знакомство съ предметомъ и, въ особенности, показать, что онъ въ достаточной мѣрѣ освоился съ методами изслѣдованія минераловъ, горныхъ породъ и окаменѣлостей. Кромѣ того, отъ него требуется умѣнье производить вѣсовой количественный анализъ.

§ 12. Отъ избравшаго отдѣлъ технической химіи и агрономіи, кромѣ знаній химіи въ объемѣ указанномъ въ § 3, требуется умѣнье производить вѣсовой количественный анализъ, и по технической химіи знакомство съ химическими процессами главнѣйшихъ производствъ (и съ методами изслѣдованія продуктовъ, входящихъ въ кругъ ихъ. Требования по технической химіи ограничиваются слѣдующими отдѣлами: обработка минеральныхъ продуктовъ, топливо, освѣтительные матеріалы; обработка животныхъ продуктовъ, питательныя вещества).

По агрономіи требуется знаніе составныхъ частей почвъ и ихъ физическихъ и химическихъ свойствъ, способовъ улучшенія почвъ, ихъ обработки и главнѣйшихъ земледѣльческихъ орудій; знаніе ученія объ удобреніи, отличительныхъ признакахъ разныхъ сельско-хозяйственныхъ растений, ихъ разведенія и ученія о системахъ полеводства, знаніе породъ домашнихъ животныхъ и ухода за ними.

§ 13. Предварительно испытанія, желающій подвергнуться оному долженъ представить удостовѣренное деканомъ факультета свидѣтельство преподавателей, подъ руководствомъ коихъ онъ работалъ, объ его успѣшныхъ практическихъ занятіяхъ въ кабинетахъ и лабораторіяхъ по тому отдѣлу, который избранъ имъ для спеціальнаго испытанія,

часть сохлѣ, отд. 1.

2

а также, по возможности, описаніе одной или нѣсколькихъ исполненныхъ работъ съ приложеніемъ, если работа относится къ біологическимъ наукамъ, удовлетворительно исполненныхъ объяснительныхъ рисунковъ и препаратовъ, микроскопическихъ и крупныхъ исполненныхъ подъ наблюденіемъ преподавателей. Избравшіе отдѣлъ зоологіи или отдѣлъ ботаники представляютъ, кромѣ того, удостовѣреніе въ упражненіяхъ по систематикѣ. Представленіе свидѣтельствъ объ успѣшныхъ занятіяхъ качественнымъ химическимъ анализомъ обязательно для всѣхъ испытуемыхъ, а избравшіе отдѣлы химіи, минералогіи и геологіи съ палеонтологіей и технической химіи съ агрономіей представляютъ, кромѣ того, таковыя же свидѣтельства о занятіяхъ вѣсовымъ количественнымъ анализомъ.

Примѣчаніе. Избравшіе для дополнительнаго испытанія отдѣлъ зоологіи могутъ, согласно съ раздѣленіемъ лабораторій въ нѣкоторыхъ университетахъ, представлять удостовѣренія преподавателей или о занятіяхъ въ лабораторіяхъ зоотомической и гистологической, или о занятіяхъ въ лабораторіяхъ зоологической и фізіологической или препаровочной.

§ 14. Выдержавшіе испытаніе въ комиссіи по отдѣленію естественныхъ наукъ, буде пожелаютъ продолжать свои занятія по медицинскому факультету, признаются выдержавшими полукурсовое испытаніе (*tentamen physicum*), послѣ того какъ выдержатъ дополнительное практическое испытаніе по анатоміи.

13. (15-го августа 1886 года). Экзаменныя требованія, концы должны удовлетворять испытуемые въ комиссіи юридической.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Экзаменныя требованія по юридическому, какъ и по другимъ факультетамъ, ограничиваются общими указаніями, не вдаваясь въ подробныя и систематическія программы, которыя могли бы стѣснить безъ надобности преподавателей и лишить ихъ столь дорогой въ дѣлѣ науки самостоятельности въ разработкѣ и изложеніи ея матеріала.

Испытательнымъ комиссіямъ будутъ даны въ свое время надлежащія правила въ руководство при испытаніяхъ; въ настоящее же время, въ виду особенности юридическаго факультета въ ряду другихъ, требуется, главнымъ образомъ, опредѣлить съ нѣкоторою подробностію, по отношенію къ преподавателямъ и слушателямъ, направленіе и характеръ обязательныхъ для студента факультетскихъ занятій.

Юриспруденція, занимающая главное мѣсто въ юридическомъ факультетѣ, имѣеть своимъ предметомъ дѣйствующее въ данной странѣ право и потому существенно разнится въ разныхъ странахъ своимъ содержаніемъ. Еслибы дѣйствующимъ правомъ своего народа исчерпывалась вся задача юридическаго факультета, то онъ рѣзко выдѣлялся бы изъ другихъ факультетовъ университета, въ коихъ основныя дисциплины, какъ математика, естествознаніе, филологія, врачебная наука, имѣють во всѣхъ странахъ и для всѣхъ занимающихся ими одно и то же содержаніе. Юридическій факультетъ, дабы служить высшею школою свойственнаго ему образованія, долженъ обладать предметомъ столь же всеобщимъ и обязательнымъ для всякаго просвѣщеннаго юриста, къ каковой бы ни принадлежалъ онъ странѣ и какому бы ни служилъ государству, какъ математика для математиковъ, древніе языки съ ихъ дисциплинами для филологовъ, и проч. Очевидно, что такимъ для всѣхъ одинаковымъ по своему содержанію образовательнымъ предметомъ не могутъ быть тѣ доктрины, которыя въ отличіе отъ наукъ, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова, ведущихъ къ познанію того, что есть, или того, что было, имѣють цѣлю возбуждать и направлять умы къ тому, что должно быть, въ смыслѣ доктрины. Направленіе и содержаніе такихъ доктринъ могутъ разниться не только по народамъ, имѣющимъ каждый свои стремленія и вѣрованія, но и по партіямъ, преслѣдующимъ каждая свои цѣли и взаимно враждующимъ. То, что называется философіей, существенно разнится и содержаніемъ, и формой въ отрицающихъ одна другую системахъ и противоположныхъ направленіяхъ мысли. Одинъ изъ значительнѣйшихъ юридическихъ авторитетовъ въ Германіи, Блунчли, такъ характеризуетъ ученіе Гегеля о государствѣ, господствовавшее и доселѣ имѣющее послѣдователей въ этой, столь обильной философскими ученіями, странѣ: „Его государство есть не болѣе какъ логическая абстракція, не имѣющая дѣйствительной жизни, ни тѣла, диалектическая игра мысли, фигура рѣчи (eine Redefigur)“. Но отвываясь такимъ образомъ о Гегелевой теоріи государства, тотъ же Блунчли, подъ титуломъ „всеобщаго государственнаго права“, на основаніи произвольнаго обобщенія нѣкоторыхъ государственныхъ формъ, преподаетъ уроки мудрости правительствамъ, которыя, напротивъ, поступаютъ тѣмъ мудрѣе, чѣмъ болѣе вникають въ индивидуальныя особенности и потребности своей страны и съ ними соображаютъ свои дѣйствія. Другіе теоретики, именующіе себя „позитивными философами“, отвергая юридическія абстракціи, какъ никуда негодныя, ста-

вать на ихъ мѣсто, въ руководство юридической наукѣ, абстракціи биологическія. Пльняясь успѣхами естествознанія, эти такъ-называемые „позитивные философы“, отвергающіе выстѣ съ „фигурами рѣчи“ и самую дѣйствительность искомымъ философіей предметовъ, забываютъ, что всѣми своими успѣхами въ послѣднее время естественныя науки обязаны именно тому, что изгнали изъ своей области всеобщихъ теоретиковъ и доктринеровъ, какъ Платонъ изъ своей республики изгналъ поэтовъ, и руководясь исключительно логикой здраваго смысла, тщательно занялись изученіемъ явленій, непосредственно имъ подлежащихъ, принимая ихъ какъ данное, шагъ за шагомъ, всевозможными способами умственной изворотливости, испытывая факты и не позволяя себѣ никакого обобщенія безъ достаточнаго основанія. Такъ равно изслѣдователи въ другой сферѣ вѣдѣнія, употребляя и изобрѣтая свойственные ихъ предмету способы, открыли подъ случайными на видъ начертаніями цѣлыя историческія наслоенія, добрались до невѣдомыхъ языковъ, овладѣли ими, воскресили для науки жизнь давно угасшихъ народовъ въ ея собственныхъ выраженіяхъ и расширили, такимъ образомъ, въ глубину вѣковъ историческое знаніе. Каждая область вѣдѣнія, каждая наука, имѣя свой предметъ, имѣетъ свои принципы и способы и, только держась ихъ, можетъ вести къ знанію.

Вмѣсто разныхъ доктринъ и теорій, претендующихъ на всеобщее значеніе и именующихъ себя философскими, самое обязательное и дѣйствительно всеобщее условіе, какъ для юридическихъ, такъ и для всѣхъ другихъ наукъ, есть общая всѣмъ людямъ логика здраваго смысла, рѣшенія которой столь же обязательны, какъ и очевидность факта. Чтò не выдерживаетъ ея окончательнаго суда, то не можетъ быть не только понимаемо, но и терпимо ни въ какомъ дѣлѣ. Испытательныя комиссіи будутъ отъ испитуемыхъ прежде всего требовать, при положительномъ знаніи, доказательствъ здравомыслія въ сужденіи о предметахъ, входящихъ въ кругъ ихъ изученія.

Соединяющая умы въ положительномъ знаніи наука должна имѣть опредѣленный и данный въ дѣйствительности предметъ. Такимъ предметомъ юридическій факультетъ обладаетъ въ томъ историческомъ прошедшемъ, которое составляетъ общее для всѣхъ образованныхъ народовъ достоинствѣ, въ совершившемъ полный циклъ своего развитія римскомъ правѣ, которое есть столько же фактъ, сколько теорія, столько же данная для познающей науки реальность, сколько выработанная до высшей степени полноты и опредѣленности система юри-

дическихъ понятій, имѣющихъ въ основѣ своей жизнь народа по преимуществу государственнаго, создавшаго государство не въ абстракціи, но въ дѣйствительности всеобщее, которое, по кончинѣ римскаго народа, перешло къ новымъ народамъ въ двухъ великихъ видахъ, востока и запада, опредѣляемыхъ его двойнымъ отношеніемъ къ христіанской церкви, положившей начало новому, нынѣ продолжающему свое развитіе, историческому міру. Римское право, дѣйствовавшее какъ всемірный законъ, остается какъ всеобщая теорія права и служить школой высшаго образованія для посвящающихъ себя не только судебному поприщу, но и вообще служенію государству въ правительственномъ дѣлѣ.

Въ такихъ соображеніяхъ римское право какъ въ своей исторіи, такъ и въ своей системѣ, должно быть основнымъ требованіемъ юридическаго испытанія и занимать обширное мѣсто въ факультетскомъ преподаваніи; но министерство народнаго просвѣщенія затрудняется въ настоящее время съ точностью опредѣлить размѣры требованія, въ виду недостаточности преподавательскихъ средствъ по этому основному предмету, которому доселѣ не придавалось должнаго значенія, и надѣется на содѣйствіе университетовъ для приведенія этой важной части преподаванія въ надлежащую силу.

Изученіе римскаго права имѣетъ еще особую важность въ томъ отношеніи, что оно было предметомъ не только многовѣковой разработки великихъ мастеровъ этого дѣла, римскихъ юристовъ, но и повсемѣстнаго изученія и изслѣдованія до сего времени, чего нельзя сказать о нашемъ отечественномъ правѣ, которое едва подготовлено для логической разработки весьма немногими опытами въ нашей ученой литературѣ. Ничто не можетъ такъ оживить и подвинуть науку русскаго права, его исторіи и самой системы, какъ основанность съ приѣмами и методами научной разработки римскаго права, при чемъ яснѣе обнаружатся характеристическія особенности нашего народнаго воззрѣнія. Хотя для образованія юридическаго смысла особенную важность имѣетъ римское гражданское право, но въ экзаменныя требованія должно входить и государственное римское право, которое изъ реальныхъ связей народпой жизни выработывалось въ теченіе всей ея исторіи и исчерпало всѣ моменты своего развитія до завершенія въ системѣ имперіи, при чемъ русскимъ юристамъ-публицистамъ слѣдуетъ знать тѣ отличительныя особенности, которыми характеризуется государственное право Римской имперіи въ ея во-

сточной половинѣ, ближайшимъ образомъ связанной съ судьбами нашего отечества.

Всѣ юридическія дисциплины составляютъ одно цѣлое, одна другую пополняютъ или изучаютъ съ разныхъ сторонъ и въ разныхъ моментахъ одиѣ и тотъ же предметъ. А потому всѣ каюдры юридическаго факультета должны, въ большей или меньшей степени, содѣйствовать достиженію результата, подлежащаго оцѣнкѣ юридической испытательной комиссіи. Политическая экономія, имѣющая своимъ предметомъ народное хозяйство, хотя и не есть часть юриспруденціи, но составляетъ существенную принадлежность юридическаго образованія. Черпая свой матеріалъ изъ вседневнаго, для всѣхъ открытаго опыта, она трактуетъ факты, которые въ сферѣ гражданскаго права становятся юридическими институтами и ограждаются уголовнымъ правомъ. Съ другой стороны, она и статистика собираютъ и группируютъ матеріалъ для необходимаго въ правительственномъ дѣлѣ познанія потребностей народнаго хозяйства, при чемъ особенно важно, чтобы подборъ матеріала руководился чистыми цѣлями познанія.

Изъ государственнаго устройства и управленія выдѣляются для изученія, по сложности своего строенія и своей техники, нѣкоторыя части, какъ юстиція, финансы, полицейское право и проч. Но государственное право должно указать имъ мѣсто въ связи дѣлага и въ отношеніи къ верховной власти. Верховная власть есть принципъ государственнаго права; ея значеніемъ и положеніемъ опредѣляется весь строй государства, такъ что всякое учрежденіе въ немъ можетъ быть правильно понимаемо лишь въ свѣтѣ этого верховнаго для государства и основнаго для науки начала. Раскрытіе существа его въ данномъ государствѣ есть истинный предметъ науки о государствѣ, которая, пуждаясь въ достойномъ предметѣ, нерѣдко ищетъ его въ чужихъ, не помнящихъ объема своего примѣненія абстракціяхъ, въ произвольныхъ разсужденіяхъ и въ порожденных подомыслиемъ гипотезахъ, выдаваемыхъ за философію. У нѣмцевъ есть изобиліе философскихъ ученій; у французовъ, англичанъ и другихъ народовъ есть также свои воззрѣнія на міръ. Почему бы не взглянуть на міръ и съ точки зрѣнія русскаго народа? Въмѣсто абстракціи всеобщаго государственнаго права, почему бы въ наукѣ русскаго государственнаго права, которая обрекаетъ себя на перечень департаментовъ и вапцеларій, не представить въ доказательномъ, достойномъ предмета и оживленномъ мыслью ученіи существо русскаго монархическаго на-

чала? Вотъ философія не фиктивная, но дѣйствительная, выходящая изъ самой реальности предмета. Русская монархія есть нѣчто *sui generis* и можетъ быть изучаема лишь въ своей индивидуальности. Смѣшивать ее съ другими существующими монархіями значило бы ложно понимать ее. Русское государственное право имѣетъ своимъ принципомъ единовластіе, по существу Восточной церкви, которая, ограничиваясь своимъ духовнымъ призваніемъ, отеклась отъ политической власти и оставила ее всю за государствомъ, между тѣмъ какъ принципъ историческаго движенія на западѣ есть двоевластіе, затѣмъ многовластіе, борьба и договорныя отношенія между властями, по существу Западной церкви, превратившейся въ еократическую имперію и лишившею монархическое начало у западныхъ народовъ того священнаго характера, какимъ запечатлѣна для русскаго народа и вообще на востокѣ власть монарха-защитника Православной Апостольской церкви. Въ первыя эпохи жизни русскаго народа, въ зачаточномъ состояніи его государственнаго быта, власть княжескаго рода, намѣтившая его территорію, была раздѣленная, слабая, вышняя для общинъ, которыя призывали и изгоняли князей. Русская государственная территорія раздробилась и подпала подъ чужеземное иго. Затѣмъ слѣдуетъ процессъ собранія власти и съ тѣмъ вмѣстѣ собранія земли, совиданія государства. Утверждается единовластіе и единая власть достигаетъ величества самодержавія, царскаго и императорскаго, наследуя священную миссію Восточной Римской имперіи по ея паденію. Съ развитіемъ единовластія народъ объединяется, устанавливается твердый порядокъ, узаконяется, и расширяется гражданская свобода. Неограниченность верховной власти означаетъ лишь то, что народъ не знаетъ общественныхъ властей, которыя не были бы подчинены одной—во главѣ всего народа. Монархъ даетъ Россіи законы, а въ договорныхъ отношеніяхъ состоитъ только къ чужеземнымъ властямъ. Отъ него исходитъ всякая власть, какъ въ порядкѣ управления, такъ и суда. Проявленіе правъ верховной власти организуется такъ или иначе, но случайное отсутствіе установленнаго органа для проявленія того или другаго права верховной власти отнюдь не означаетъ отсутствія самаго права, которое можетъ дѣйствовать непосредственно, точно такъ же, какъ всегда можетъ установить или возстановить соотвѣтствующій органъ для своего проявленія.

Русская верховная власть есть основной и совершенно бесспорный принципъ русскаго государственнаго устройства; такимъ же долженъ

онъ быть и для науки русскаго государственнаго права. Въ свѣтъ этого принципа должна она разсматривать всѣ учрежденія имперіи и осмысливать ихъ, если хочеть быть наукой познающею и разумѣющею, а не справочною книгой по разнымъ частямъ управленія. Законодательство подвержено случайностямъ. Вывають ошибки, неорганическія заимствованія, налетныя увлеченія, оставляющія свой слѣдъ въ учрежденіяхъ, вносящія разстройство въ народную жизнь и смуту въ умы. Наука можетъ и должна указывать на аномаліи съ точки зрѣнія основнаго и неизблемаго принципа, какъ бы въ его присутствіи, ибо всякій другой критерій, не провѣренный основнымъ принципомъ, былъ бы произвольнымъ и велъ бы къ разномыслію. Сущность русскаго монархическаго начала, обязательная только для русскаго подданнаго въ практическомъ отношеніи, имѣетъ для всякаго въ теоретическомъ отношеніи, въ сферѣ науки русскаго права, силу безспорно даннаго въ дѣйствительности принципа этой науки.

Юридическая наука располагаетъ методами, которые должны отпечатлѣваться въ сообщаемомъ ею образованіи и возвышать его надъ уровнемъ простаго эмпиризма. Юридическая логика, выносимая, главнымъ образомъ, изъ римскаго права и состоящая не въ томъ, чтобы налагать на данное содержаніе готовую и чуждую ему теорію, учить анализировать его и восходить шагъ за шагомъ отъ буквы къ ея разуму. Въмѣсто отвлеченныхъ теорій и разсужденій, ничего, кромя словъ, не дающихъ, историческое знаніе открываетъ учащемуся происхожденіе и строеніе вещи, причины внутреннія и внѣшнія, направляющія ходъ ея развитія, а изученіе однородныхъ институтовъ и учреждений въ дѣйствующемъ правѣ другихъ государствъ расширяетъ кругозоръ его, лишь бы такое изученіе руководилось исключительно цѣлями повнанія и разсматривало предметы въ ихъ индивидуальности и реальной обстановкѣ.

Испытательныя комиссіи будутъ руководствоваться правиломъ, *pro multa, sed multum*. Голословныя характеристики и бездоказательныя положенія не будутъ имѣть никакой цѣны при испытаніяхъ. Преподаватели юридическихъ дисциплинъ, слѣдуя главному и единственно плодотворному методу познающей науки, окажутъ истинную пользу учащимся заботами не о томъ, чтобы снабжать ихъ готовыми обобщеніями, а о томъ, чтобы давать имъ тщательно провѣренный матеріалъ, изъ котораго могли бы они сами, продолжая свои изученія или находясь при дѣлахъ, выработать свои понятія и воззрѣнія. Иные думаютъ, что теоріями можно предохранить молодые умы отъ

увлеченій. Большая ошибка! Обобщенія навязанныя, и притомъ преждевременно, оставляютъ въ умѣ легковѣсныя представленія, которыя безъ труда приводятся въ произвольныя сочетанія и порождаютъ мнѣніе,—что также легко можно обращаться и съ самими предметами. Университетъ долженъ давать государству не верхоглядствъ, не фанатиковъ чужой мысли, но умы дѣльные, зрячіе, дѣйствительно знающіе и проникнутые чувствомъ реальности властвующихъ въ нравственномъ мірѣ силъ. Какую пользу принесетъ университетъ молодымъ, учащимся въ немъ людямъ, если приучитъ ихъ рассуждать о томъ, чего они не знаютъ въ дѣйствительности! Для приступающаго къ изученію уголовного права, напримѣръ, отвѣтственность человѣка за свои дѣйствія есть данная дѣйствительность, запечатлѣнная въ законодательствѣ всѣхъ государствъ, въ убѣжденіи всѣхъ народовъ и въ общечеловѣческомъ здоровомъ смыслѣ. Законодательство съ точностью опредѣляетъ случаи, когда человѣкъ не подлежитъ вмѣненію. Человѣкъ дѣйствуетъ свободно, когда дѣйствіе его, при здоровомъ умѣ, сопровождается сознаніемъ, опредѣляется намѣреніемъ, и этого достаточно для вмѣненія. Если человѣкъ поддастся невольному, какъ говорится, побужденію, которое онъ не могъ осилить, то его отвѣтственность отъ одного этого не уменьшается. Если самосознаніе его присутствовало при послѣднемъ рѣшеніи борющихся въ немъ побужденій, то оно есть его дѣло, за которое онъ и отвѣчаетъ, а отвѣтственность состоитъ въ томъ, что совершенное имъ дѣло получаетъ въ правильно организованномъ государствѣ должный исходъ. Наказаніе есть прямое послѣдствіе, естественная развязка преступнаго дѣла. Безъ соответственнаго наказанія преступное дѣло остается безъ исхода. Нормальный человѣкъ, мучимый совѣстію, самъ чувствуетъ потребность кары, которая есть ни что иное, какъ *post factum*, являющееся нравственное начало, не оказавшееся въ силѣ въ моментъ преступнаго рѣшенія. Уголовный законъ, и въ исправительномъ и въ устрашительномъ смыслѣ, осуществляетъ то, чего требуетъ совѣсть нормальнаго человѣка, и есть не яное что, какъ ея общественное выраженіе. „Позитивные философы“, создающіе свою метафизику изъ биологическихъ абстракцій и мнящіе, что достигаютъ положительнаго знанія посредствомъ всерѣпающихъ словъ, не хотятъ знать несомнѣнно данный въ дѣйствительности фактъ самосознанія, который и есть принципъ нравственнаго міра, не доступный для способовъ биологическаго познанія. Это есть то, что называется духовнымъ началомъ и что сообщаетъ человѣку значеніе разумнаго, свободнаго и

отвѣтственнаго существа. Міръ юридическаго вѣдѣнія основанъ на этомъ несомнѣнномъ фактѣ, данномъ для юридической науки и вообще для наукъ, имѣющихъ предметомъ своимъ міръ нравственный, какъ матерія есть данный фактъ для наукъ относящихся къ природѣ физической. Если серьезный естествоиспытатель не теряетъ своего времени на безплодныя умствованія о происхожденіи матеріи, что отвело бы его въ неопредѣленную даль, гдѣ его познавательные способности непригодны, то и юридической наукѣ не приходится, бросивъ свой предметъ, пускаться безъ руля и компаса отыскивать начало своего начала, и притомъ предъ слушателями, которые стеклись для приобрѣтенія знанія, а не для слушанія бессмысленныхъ обрывковъ разныхъ мнѣній и произвольныхъ, не выдерживающихъ критики здраваго смысла, разсужденій.

Юристъ долженъ быть юристомъ и предоставить философію философу. Философія есть дѣйствительная потребность человѣческаго ума и имѣетъ свою великую исторію, ознаменованную гениальными усиліями мысли. Она отличается отъ всѣхъ отраслей вѣдѣнія тѣмъ, что состоитъ въ исканіи своего предмета или принциповъ его познанія; по въ эти поиски, хотя бы по чужимъ слѣдамъ, могутъ пускаться только умы къ тому особенно настроенные, достаточно самостоятельные и хорошо приготовленные. Исторія человѣческаго разумнѣнія ищущаго истину и восходящаго отъ начала къ началу, сама по себѣ есть предметъ, заслуживающій методической науки; но такой науки пока не имѣется. Есть большею частію только лишенные научнаго характера пересказы содержанія, нерѣдко вовсе не понятаго или извращеннаго въ смыслѣ доктрины, по личному вкусу излагателей.

Министерство народнаго просвѣщенія желало бы усилить философскій элементъ въ своихъ требованіяхъ, напримѣръ, ввести въ нихъ психологію, которая относится къ философскимъ дисциплинамъ, по не можетъ сдѣлать это, пока не убѣдится, что молодые учащіеся люди будутъ въ состояніи исполнить должнымъ образомъ такое требованіе. Нашей ученой и философской литературѣ предстоитъ показать, въ какой мѣрѣ было бы исполнимо усиленіе философскаго элемента въ экзаменныхъ требованіяхъ. Историческое изученіе философскихъ системъ можетъ имѣть смыслъ лишь при самостоятельномъ критическомъ отношеніи къ нимъ въ изложеніи самихъ мыслителей, а поверхностныя свѣдѣнія объ ученіяхъ того или другаго изъ нихъ не имѣютъ никакой цѣны и должны быть предоставлены собственному желанію учащихся приобрѣсти запасъ именъ, разныхъ курьезовъ и

готовыхъ сужденій безъ понятій. Правительство ограничивается требованіемъ только того, что имѣеть смыслъ и можетъ быть исполнено съ должною основательностью. По части исторіи философіи права требованія ограничиваются лишь знакомствомъ съ ученіями древняго классическаго міра. Здѣсь, на почвѣ прошедшаго, въ борьбѣ направленій и партій, философская мысль можетъ быть изучаема съ основательностью, подлежащею опредѣленной оцѣнкѣ.

Первоначально составленный по порученію министерства народнаго просвѣщенія проектъ экзаменныхъ требованій по юридическому факультету былъ прероководенъ во всѣ университеты на разсмотрѣніе преподавателей. Были получены въ большомъ обиліи разнообразныя замѣчанія и контрпроектъ. Все уважительное и согласное съ основаніями устава и видами правительства принято въ соображеніе, и такимъ образомъ составлены нижеслѣдующія требованія по всѣмъ дисциплинамъ юридическаго факультета.

§ 2. Испытуемымъ въ юридической комиссіи предъявляются:

а) требованія общія, равно для всѣхъ испытуемыхъ обязательныя, и, сверхъ того,

б) требованія особыя, касающіяся болѣе подробнаго изученія факультетскихъ предметовъ, предоставляемыхъ на выборъ самимъ испытуемымъ (см. § 15).

І. Требования общія.

§ 3. По исторіи и системѣ римскаго права отъ испытуемаго требуется:

а) По исторіи римскаго права: отчетливое знаніе, какъ происходило развитіе римскаго государственнаго устройства и приватнаго права, какъ завершилось это развитіе во второй половинѣ императорскаго періода, и какова была дальнѣйшая судьба римскаго государственнаго и частнаго права, какъ на западѣ Европы, такъ, въ особенности, на востокѣ. Знаніе фактовъ изъ политической исторіи, древностей, религіознаго, общественнаго, хозяйственнаго и торговаго быта Рима требуется, по скольку такіе факты имѣли вліяніе на исторію права. Отчетливыя свѣдѣнія о главнѣйшихъ источникахъ римскаго права, объ оставшихся отъ того или другаго періода памятникахъ и о составныхъ частяхъ Юстиніанова законодательства. Знаніе исторіи римскаго гражданскаго процесса.

б) По системѣ: общія юридическія понятія на основаніи римскаго права. Отчетливое знаніе отдѣльныхъ институтовъ вещнаго,

обязательственнаго, семейнаго и наследственнаго права. При этомъ требуется знаніе догматико-аналитическаго строя отдѣльныхъ институтовъ и разумнѣе основныхъ моментовъ ихъ постепеннаго развитія, а также умѣніе прилагать теоретическія познанія къ рѣшенію не особенно затруднительныхъ практическихъ случаевъ.

Основаніемъ устнаго и письменнаго испытанія по римскому праву будетъ служить подлинный текстъ институцій Гаія и императора Юстиніана.

§ 4. По исторіи русскаго права отъ испытываемаго требуется основательное знакомство съ исторіей постепеннаго развитія основныхъ институтовъ правъ государственнаго, гражданскаго, уголовнаго, торговаго, финансоваго и церковнаго, причемъ испытываемый долженъ знать не только положеніе сказанныхъ институтовъ въ разныхъ историческихъ эпохи, но и умѣть объяснить причины ихъ измѣненій; для сего отъ испытываемаго требуется знаніе какъ политической, такъ и внутренней, бытовой исторіи русскаго народа. Сверхъ того, требуется знаніе важнѣйшихъ источниковъ и памятниковъ русскаго права, въ особенности договоровъ съ Греками, церковныхъ уставовъ св. Владиміра и Ярослава, Русской Правды, Псковской и Новгородской судебныхъ грамотъ, обоихъ Судебниковъ, уложенія царя Алексѣя Михайловича и важнѣйшихъ изъ законодательныхъ актовъ въ періодъ отъ Уложенія до изданія Свода законовъ, преимущественно законодательныхъ актовъ Петра Великаго и Екатерины II, касающихся управленія, суда и организаціи сословій; испытываемый долженъ знать исторію и содержаніе этихъ памятниковъ, а также значеніе ихъ для дальнѣйшаго развитія русскаго права.

При устномъ и письменномъ испытаніи требуются доказательства изученія текста Русской Правды, Псковской грамоты и одного изъ Судебниковъ, а также опытность въ объясненіи ихъ текстовъ.

§ 5. По государственному праву отъ испытываемаго требуется отчетливое знаніе развитія государственнаго строя Россійской имперіи. Ясное понятіе о неограниченной, самодержавной и наследственной верховной власти Императорскаго Величества, единственномъ источникѣ всякой правотѣрной власти въ государствѣ. Знаніе историческаго происхожденія и современнаго строенія государственныхъ учреждений, служащихъ непосредственными органами верховной власти. Знаніе организаціи центрального и мѣстнаго управленія, церковнаго управленія, судебной организаціи, военной организаціи.

Права состояній. Историческія основанія сословныхъ дѣленій. Служилое сословіе или дворянство въ отношеніи къ управленію. Значеніе законоположеній о подданствѣ и государственной службѣ.

§ 6. По церковному праву отъ испытываемаго требуются обстоятельныя свѣдѣнія объ источникахъ и памятникахъ церковнаго законодательства вообще и русской православной церкви въ частности, объ устройствѣ церкви въ первые вѣка христіанства и въ періодъ вселенскихъ соборовъ и дальнѣйшее историческое ея развитіе, завершеннаго организацией Русской православной церкви. Ясное понятіе о юридическомъ положеніи православной церкви въ Россійской имперіи, о внутреннемъ ея управленіи, о брачномъ и имущественномъ ея правѣ, о судоустройствѣ по брачнымъ дѣламъ и объ отношеніяхъ государства къ покровительствуемымъ, признаннымъ, терпимымъ и недозволяемымъ вѣроисповѣданіямъ и религіознымъ обществамъ. Сверхъ того, требуется знакомство съ устройствомъ церкви римско-католической, армяно-григоріанской и лютеранской.

§ 7. По полиційскому праву отъ испытываемаго требуется знаніе устройства и функций по русскому законодательству различныхъ органовъ государственной дѣятельности, направленной, во первыхъ, къ предупрежденію опасностей какъ пристокающихъ отъ человѣческой воли, такъ и отъ нея независящихъ, восторныхъ, къ обезпеченію условій нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія народа.

§ 8. По политической экономіи и статистикѣ отъ испытываемаго требуется:

а) знаніе факторовъ и формъ производства, видовъ и условій обмена, дохода и потребленія, а также господствовавшихъ въ народномъ хозяйствѣ системъ и установившагося нынѣ національнаго направленія экономической политики и историческаго метода въ изученіи давныхъ народнаго хозяйства;

б) отчетливое знаніе статистической методологіи и статистики населенія.

§ 9. По гражданскому и торговому праву и процессу отъ испытываемаго требуется:

а) твердое теоретическое знаніе русскаго гражданскаго права, въ общепринятой (надежной) системѣ по историко-догматическому методу, начитанность въ русскомъ гражданскомъ кодексѣ и опытность въ экзегезѣ и герменевтикѣ его постановленій;

б) знаніе русскаго торговаго права, сухопутнаго и морскаго, также вексельнаго, въ той научной системѣ, какъ обработаны, наприимѣръ,

французскій торговый кодексъ или общегерманскій торговый и вексельный уставъ;

в) свѣдѣнія объ устройствѣ общихъ и торговыхъ судебныхъ установленийъ Россіи и знаніе порядка русскаго гражданскаго судопроизводства во всѣхъ моментахъ его движенія, а также знакомство съ особенностями торговаго судопроизводства со включеніемъ и другихъ видовъ процесса, какъ-то: конкурснаго и вексельнаго.

§ 10. По уголовному праву и процессу отъ испытываемаго требуется:

а) общія понятія объ уголовномъ правѣ исключительно на основаніи сравнительнаго изученія русскаго уголовного законодательства съ дѣйствующимъ уголовнымъ правомъ въ другихъ государствахъ, преимущественно въ Англіи, Франціи, Германіи (какъ-то: ученіе объ уголовномъ законѣ, о преступленіи, виѣненіи, общей классификаціи преступленій и наказаній, и т. п.), умѣнье отчетливо опредѣлять составъ отдѣльныхъ преступленій по русскому законодательству и экзегетически относиться къ его постановленіямъ;

б) знаніе дѣйствующаго русскаго уголовного процесса, а также знакомство, по важнѣйшимъ процессуальнымъ институтамъ, съ самородно установившимся уголовнымъ процессомъ Англіи, который послужилъ прототипомъ континентальнаго.

§ 11. По финансовому праву отъ испытываемаго требуется, кромѣ теоріи и исторіи этой науки, отчетливое знакомство съ нынѣ дѣйствующимъ финансовымъ законодательствомъ Россіи, а именно, знаніе организаціи отдѣльныхъ доходовъ Россійской имперіи, какъ-то: съ государственныхъ имуществъ, регалій, монополій, различныхъ пошлинъ, акцизовъ и налоговъ, съ изложеніемъ исторіи и теоріи каждаго налога и способовъ его поступленія.

§ 12. По международному праву отъ испытываемаго требуется знаніе главныхъ моментовъ развитія международнаго права и важнѣйшихъ политическихъ трактатовъ обусловившихъ политическую систему современной Европы (съ 1648 года); при этомъ требуется отчетливое пониманіе связи между важнѣйшими событіями новой (и новѣйшей) исторіи. Свѣдѣнія о международномъ юридическомъ отношеніи государствъ (договоры и конвенціи, посольское и консульское право, отношенія къ иностраннымъ подданнымъ) объ особыхъ отношеніяхъ государствъ какъ во время мира, такъ и во время войны (со включеніемъ права нейтралитета).

§ 13. По исторіи философіи права требованія ограничиваются знаніемъ главныхъ ученій совершившаго полный циклъ своего развитія древнеклассическаго міра, завѣщавшаго послѣдующему времени какъ созданную имъ систему права, такъ и сокровища своего политическаго опыта, философскаго разумѣнія и народной мудрости въ произведеніяхъ творческаго генія. Въ частности требуется основательное знакомство съ ученіями Платона, Аристотеля и Цицерона.

§ 14. По энциклопедіи правовѣдѣнія отъ испытываемаго требуется ясное понятіе: 1) о правѣ въ объективномъ смыслѣ или о юридическихъ нормахъ („источники права“: обычай, законъ, статутное право, право юристовъ); 2) о правѣ въ субъективномъ смыслѣ (субъектъ и объектъ права, юридическія отношенія, возникновеніе, осуществленіе, нарушеніе, охраненіе и прекращеніе права). Методологія и систематика юридическихъ наукъ.

II. Требования особыя.

§ 15. Испытуемый, удовлетворивъ обще-обязательнымъ требованіямъ, долженъ сверхъ того доказать болѣе подробныя свидѣнія по двумъ изъ слѣдующихъ десяти предметовъ, по собственному выбору.

§ 16. 1) По римскому праву: непосредственное знакомство, чрезъ изученіе въ подлинникѣ, съ важнѣйшими источниками римскаго права или съ главнѣйшими титулами Дигестъ; сверхъ того, требуется изученіе одного изъ капитальныхъ научныхъ сочиненій по Римскому праву.

2. По исторіи русскаго права: Подробное изученіе древнѣйшихъ памятниковъ Русскаго права (кромя упомянутыхъ въ обще-обязательныхъ требованіяхъ Русской Правды, Псковской грамоты и одного изъ Судебниковъ), договоръ съ Греками, Новгородской судной грамоты и другаго Судебника; начитанность въ древнихъ юридическихъ актахъ (изданныхъ археографическою комиссіей), знакомство съ палеографіей и изученіе одного изъ капитальныхъ научныхъ сочиненій по исторіи германскаго, или англійскаго, или французскаго права.

3. По государственному праву: отчетливое знаніе мѣстнаго управленія въ Англіи, Франціи и Пруссіи.

4. По церковному праву: непосредственное изученіе важнѣйшихъ источниковъ и памятниковъ церковнаго права русской православнои церкви, въ особенности же главнѣйшихъ частей Номоканона.

5. По полицейскому праву: сравнительное отчетливое изученіе относящихся сюда учреждений въ Германіи, Франціи, Англии.

6. По политической экономіи и статистикѣ: основательное знаніе специальныхъ ученій политической экономіи (преимущественно экономіи сельскаго хозяйства, ремеслъ и промысловъ и торговли), приобретенное путемъ изученія одного изъ капитальныхъ сочиненій политико-экономической литературы (преимущественно Ропера); знаніе статистики экономической.

7. По гражданскому и торговому праву: Сравнительное изученіе главнѣйшихъ положеній русскаго гражданскаго и торговаго законодательства съ гражданскимъ и торговымъ законодательствомъ одного изъ главныхъ иностранныхъ государствъ; знакомство съ литературой Русскаго гражданскаго права.

8. По уголовному праву и процессу: ближайшее изученіе уголовного судопроизводства и судебной практики въ Англии; подробное знакомство съ современнымъ состояніемъ пенитенціарной системы въ главнѣйшихъ иностранныхъ государствахъ.

9. По финансовому праву: знаніе составленія и исполненія государственнаго бюджета, дѣятельности государственнаго контроля, различныхъ видовъ государственнаго кредита, а также знакомство съ финансовымъ законодательствомъ одного изъ первоклассныхъ государствъ.

10. По международному праву: изученіе въ подлинникѣ актовъ вѣнскаго, парижскаго и берлинскаго конгресса, актовъ вооруженнаго нейтралитета и женеvской конвенціи; знаніе международного частнаго и уголовного права и соответственныхъ оному, заключенныхъ Россіей, конвенцій и изданныхъ ею законоположеній.

14. (3-го августа 1885 года). Экзаменныя требованія, коимъ должны удовлетворять испытуемые въ комиссіи медицинскій.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія.).

§ 1. Желаящій подвергнуться испытанію на званіе лѣкаря представляетъ въ медицинскую комиссію, согласно требованіямъ статей 77-й и 79-й общаго университетскаго устава: а) свидѣтельство о выдержаніи имъ полукурсоваго испытанія и б) подписанное деканомъ и секретаремъ медицинскаго факультета, и скрѣпленное письмоводителемъ свидѣтельство о зачетѣ полнаго числа полугодій, и отзывы преподавателей о практическихъ занятіяхъ испытуемаго по всѣмъ предметамъ, по которымъ таковыя полагаются, съ указаніемъ числа боль-

ныхъ и роженецъ, находившихся на его попеченіи, и съ приложеніемъ составленныхъ имъ удовлетворительно и засвидѣтельствованныхъ преподавателемъ клиническихъ исторій, а также описанія сдѣланнаго имъ патолого-анатомическаго изслѣдованія, и акта произведеннаго имъ судебно-медицинскаго вскрытія трупа, или иного судебно-медицинскаго изслѣдованія.

Примѣчаніе. Полукурсовое испытаніе, имѣющее производиться по особымъ правиламъ, утвержденнымъ министромъ народнаго просвѣщенія, обнимаетъ: описательную анатомію, гистологию съ эмбриологіей, физиологію, физику, химику, фармацію, фармакогнозію, зоологию со сравнительною анатоміей, ботанику и минералогію.

§ 2. Испытаніе въ комиссіи раздѣляется на пять отдѣловъ, и имѣетъ быть окончено по каждому изъ нихъ не болѣе, какъ въ два дня, назначенные для сего для каждаго испытуемаго, а по всѣмъ отдѣламъ въ шестипедѣльный срокъ также для каждаго.

§ 3. Ищущій званія лѣкаря испытывается: въ первомъ отдѣлѣ—изъ нормальной и патологической анатоміи съ гистологіей, и изъ топографической анатоміи съ оперативною хирургіей; во второмъ отдѣлѣ—изъ физиологіи, общей патологіи, медицинской химіи, фармакологіи и фармаціи; въ третьемъ—изъ систематической и клинической патологіи и терапіи болѣзней внутреннихъ, душевныхъ, дѣтскихъ, пакожныхъ и веперическихъ; въ четвертомъ—изъ систематической и клинической патологіи и терапіи, болѣзней хирургическихъ, изъ офтальмологіи, акушерства и ученія о женскихъ болѣзняхъ; наконецъ, въ пятомъ отдѣлѣ—изъ судебной медицины, гигиены и ученія объ эпизоотіяхъ, со включеніемъ медицинской и ветеринарной полиціи.

§ 4. Въ частности, отъ испытуемаго требуется:

Въ первомъ отдѣлѣ испытанія:

1) По описательной анатоміи: демонстрація и описаніе одной или нѣсколькихъ частей на трушѣ или на предъявленномъ испытуемому свѣжемъ или сохраненномъ препаратѣ.

2) По нормальной гистологіи: объясненіе строенія одного какого-либо органа или ткани съ демонстраціей предъявленнаго испытуемому какого-либо готоваго микроскопическаго препарата, и изготовленіе не требующаго сложной обработки микроскопическаго препарата для временнаго употребленія или храненія.

3) По патологической анатоміи и патологической гисто-

логін: описаніе и объясненіе патологическихъ измѣненій органовъ и тканей на трупѣ, или на предъявленномъ испытующему свѣжемъ или сохраненномъ препаратѣ.

4) По оперативной хирургіи съ топографическою анатоміей: а) производство двухъ операцій на трупѣ, съ объясненіемъ показаній къ этимъ операціямъ важнѣйшихъ способовъ выполненія ихъ, и послѣдовательнаго ухода за оперированными; б) объясненіе топографическаго расположенія тканей и ихъ взаимнаго отношенія на тѣхъ частяхъ тѣла, гдѣ произведена испытующимъ операція. Сверхъ того, по усмотрѣнію комиссіи, испытаніе топографической анатоміи можетъ быть произведено на готовыхъ препаратахъ.

Во второмъ отдѣлѣ:

5) По физиологій и общей патологій: устное разрѣшеніе вопроса изъ области каждой изъ этихъ наукъ съ объясненіемъ приборовъ, которые будутъ предъявлены испытующему изъ числа наиболѣе употребительныхъ для производства физиологическихъ и патологическихъ изслѣдованій.

6) По медицинской химіи: устное разрѣшеніе предложеннаго вопроса изъ систематическаго курса этой науки, и выполненіе качественного или количественнаго изслѣдованія изъ области патологической химіи, не требующаго сложныхъ приемовъ и продолжительнаго времени и могущаго имѣть діагностическое значеніе.

7) По фармакологіи съ рецептурой и ученіемъ о минеральныхъ водахъ: объясненіе дѣйствія одного изъ употребительныхъ лѣкарственныхъ веществъ, съ указаніемъ случаевъ, формъ и приемовъ его употребленія и написаніемъ рецепта.

Примѣчаніе. Испытаніе изъ фармакологіи съ рецептурой и ученіемъ о минеральныхъ водахъ можетъ быть произведено, по усмотрѣнію комиссіи, одновременно съ клиническимъ экзаменомъ у кровати больныхъ, при чемъ требуется объясненіе дѣйствій одного или нѣсколькихъ назначаемыхъ въ данномъ случаѣ средствъ, съ указаніемъ ихъ примѣненія и въ другихъ случаяхъ; перечисленіе формъ и приемовъ употребленія избраннаго лѣкарства, съ написаніемъ наиболѣе употребительныхъ рецептовъ.

8) По фармаціи съ фармакогнозіей: распознаваніе предъявленнаго испытующему простаго лѣкарственнаго вещества, изъ числа наиболѣе употребительныхъ и узнаваемыхъ безъ сложныхъ приемовъ,

съ указаніемъ происхожденія или способовъ добыванія этого вещества, отличительныхъ свойствъ его и приготовляемыхъ изъ него фармацевтическихъ препаратовъ. Объясненіе или демонстрація способовъ приготовленія одной изъ употребительныхъ лѣкарственныхъ формъ.

Въ третьемъ отдѣлѣ:

9) По частной патологій и терапій, 10) ученію о нервныхъ и душевныхъ болѣзняхъ, 11) ученію о кожныхъ болѣзняхъ и 12) ученію о дѣтскихъ болѣзняхъ: устное разрѣшеніе вопроса по каждому изъ этихъ предметовъ. Объясненіе или демонстрація употребленія приборовъ, которые будутъ предъявлены испытующему изъ числа служащихъ, для діагностическихъ или терапевтическихъ цѣлей, и наиболѣе употребляющихся въ медицинской практикѣ.

13) На другой день послѣ испытанія изъ систематическаго курса предметовъ, указанныхъ въ предыдущемъ пунктѣ, или одновременно съ частью этихъ предметовъ, производится практическое испытаніе въ соответствующихъ клиникахъ, причѣмъ испытующій долженъ провозвести, въ присутствіи комиссіи, изслѣдованіе и опредѣленіе болѣзни (съ объясненіемъ задачъ и средствъ лѣченія) двухъ больныхъ: одного изъ клиники терапевтической, а другаго по назначенію комиссіи изъ одной изъ прочихъ клиникъ. При малочисленности клиникъ больныхъ, или при отсутствіи въ университетѣ специальныхъ клиникъ по нервнымъ и душевнымъ, дѣтскимъ, кожнымъ и сифилитическимъ болѣзнямъ, практическое испытаніе можетъ быть произведено на больныхъ въ амбулаторныхъ, или въ другихъ больницахъ и госпиталяхъ, гдѣ окажется къ тому возможность.

Въ четвертомъ отдѣлѣ.

14) По хирургической патологій со включеніемъ десмургіи и ученіемъ о вывихахъ и переломахъ, 15) офталмологій и 16) акушерству съ ученіемъ о женскихъ болѣзняхъ; устное разрѣшеніе вопроса по каждому изъ этихъ предметовъ. Объясненіе или демонстрація употребленія предъявленныхъ испытующему инструментовъ и діагностическихъ или лѣчебныхъ приборовъ, наиболѣе употребляющихся въ практикѣ. Демонстрація ручныхъ и другихъ техническихъ приѣмовъ, употребляемыхъ для специальныхъ цѣлей. Производство одной изъ акушерскихъ операций на фантомѣ, съ объясненіемъ показаній къ ней и разныхъ способовъ выполненія.

17) По клиникамъ: хирургической, глазной и женскихъ бо-

з*

лѣней: изслѣдованіе, съ постановкой діагноза и способовъ лѣченія, указанныхъ комиссіей больныхъ: одного изъ хирургической клиники, и другою изъ одной изъ прочихъ, только что поименованныхъ клиникъ.

Въ нѣтъ отдѣлѣ.

18) По гигиенѣ и медицинской полиціи: устное разрѣшеніе вопроса. Объясненіе употребленія предъявленныхъ испытующему приборовъ, изъ числа употребительныхъ для гигиеническихъ изслѣдованій или производство какого-либо качественного или количественнаго изслѣдованія, не требующаго примѣненія сложныхъ приборовъ и продолжительнаго времени.

19) По судебной медицинѣ съ токсикологіей: устное и демонстративное испытаніе какъ и въ предыдущемъ пунктѣ. Производство судебно-медицинской экспертизы, не требующей продолжительнаго времени. Разрѣшеніе вопросовъ по представленному испытующимъ судебно-медицинскому акту.

20) Ученіе объ эпизоотическихъ болѣзняхъ съ ветеринарною полиціей: устное испытаніе.

§ 5. Испытаніе должно быть, по возможности, демонстративно-практическое. Цѣль его убѣдиться въ научной и практической подготовкѣ испытующихъ въ самостоятельной врачебной, а въ особенности больничной и вообще служебной дѣятельности. При практическомъ испытаніи, у кровати больного, отъ испытующаго требуется не разрѣшеніе трудныхъ діагностическихъ задачъ, особенно въ случаяхъ сложныхъ и исключительныхъ, а умѣнье примѣнять къ дѣлу общепотребительные способы изслѣдованія и врачеванія.

Примѣчаніе. Доктора медицины иностранныхъ университетовъ, какъ русскіе подданные, такъ и иностранцы, допускаются къ испытаніямъ въ медицинскихъ комиссіяхъ, не иначе какъ:

1) по представленіи ими аттестата зрѣлости, или соотвѣствующаго ему свидѣтельства и 2) по выдержаніи съ успѣхомъ полукурсоваго испытанія (примѣч. къ § 1 сихъ требованій).

15. (15-го августа 1885 года). Правила о зачетѣ полугодій Императорскихъ студентамъ русскійскихъ университетовъ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

І. Общія положенія.

§ 1. Зачетъ полугодій имѣеть цѣлю обезпечить правильныя и постоянныя, въ теченіе каждаго полугодія, занятія студентовъ предметами факультета.

§ 2. Студентъ обязанъ принять къ руководству одинъ изъ утвержденныхъ надлежащимъ порядкомъ учебныхъ плановъ, при чемъ отступленія отъ избраннаго плана допускаются не иначе, какъ съ разрѣшеніемъ декана факультета.

§ 3. Если одинъ и тотъ же предметъ преподается нѣсколькими преподавателями, то студенту предоставляется слушать лекціи и принимать участіе въ практическихъ упражненіяхъ у того изъ означенныхъ преподавателей, у кого онъ самъ пожелаетъ (ст. 73 устава).

§ 4. Къ началу каждаго полугодія студентъ обязанъ, руководствуясь принятымъ учебнымъ планомъ, составить изъ числа указанныхъ въ обзорѣни преподаванія на предстоящее полугодіе лекцій и практическихъ занятій, списокъ тѣхъ курсовъ, въ коихъ онъ намѣренъ участвовать. Списокъ сей, порядкомъ, указаннымъ въ § 8 правилъ о приѣмѣ въ университетъ, представляется декану или секретарю факультета на разсмотрѣніе въ томъ отношеніи, удовлетворяетъ ли онъ наименьшимъ требованіямъ для зачета полугодія (см. ниже правила по отдѣльнымъ факультетамъ), и согласенъ ли онъ съ однимъ изъ утвержденныхъ учебныхъ плановъ факультета. При исполненіи обоихъ сихъ условий, списокъ утверждается деканомъ или секретаремъ факультета; при неисполненіи перваго изъ сихъ условий списокъ утвержденъ быть не можетъ; при неисполненіи же втораго условия, списокъ можетъ быть утвержденъ только деканомъ, если по его усмотрѣнію, предположенны студентомъ отступленія отъ утвержденныхъ плановъ, могутъ быть допущены безъ вреда для его занятій. Значащіяся въ утвержденномъ списокѣ лекціи и практическія занятія, обязательны для студента въ той мѣрѣ, въ какой они не превосходятъ наименьшихъ требованій для зачета полугодія, изъясненныхъ въ правилахъ для отдѣльныхъ факультетовъ.

§ 5. Для зачета полугодій принимаются въ основаніе данныя студентомъ доказательства своего прилежанія въ изученіи предметовъ факультета. Оцѣнка же результата его занятій, принадлежатъ правительственнымъ комиссіямъ.

§ 6. На обязанности университетскихъ преподавателей лежатъ заботы о предоставленіи студентамъ всѣхъ способовъ къ усвоенію познаній, соотвѣтственно экзаменнымъ требованіямъ. Къ симъ способамъ принадлежатъ: чтеніе лекцій, семинарскія занятія и иныя практическія упражненія, выдаваемая домашнія работы, повѣрочныя испытанія и вообще наставленіе и руководство въ занятіяхъ. Для сей послѣдней пѣли преподаватели назначаютъ удобное для нихъ время

у себя на дому или въ университетѣ, въ которое студенты могутъ обращаться къ нимъ по предмету своихъ занятій.

§ 7. Студенты обязаны пользоваться предлагаемыми имъ отъ университета пособиями для изученія соответственно экзаменнымъ требованіямъ обязательныхъ для нихъ предметовъ факультетскаго преподаванія, такъ что каждое изъ узаконенныхъ уставомъ университетовъ полугодій можетъ имъ зачитываться лишь въ виду данныхъ ими доказательствъ своего по этимъ предметамъ прилежанія. Для сего студенты должны исправно посѣщать обязательныя для нихъ лекціи и участвовать во всѣхъ занятіяхъ способствующихъ усвоенію ими необходимыхъ познаній. Студентъ долженъ самъ заботиться о доставленіи доказательствъ своего труда, дабы преподаватели могли съ полнымъ основаніемъ принять на себя отвѣтственность за правильность семестрального зачета.

§ 8. Исправность посѣщенія лекцій не обезпечиваетъ прилежнаго отношенія студента къ преподаванію. Прилежный студентъ не ограничивается пассивнымъ слушаніемъ лекціи, но, внимательно слѣдя за ней, записываетъ по крайней мѣрѣ наиболѣе существенные моменты ея содержанія и составляетъ послѣдовательно изо дня въ день конспекты слушаемыхъ лекцій. Предъявленіе такихъ записей или конспектовъ въ сомнительныхъ случаяхъ можетъ служить однимъ изъ доказательствъ прилежанія студента, если своими объясненіями по содержанію лекцій онъ удостовѣритъ въ томъ, что записи и конспекты дѣлались имъ самимъ. Прилежаніе студента обусловливается также неуклоннымъ участіемъ его въ обязательныхъ для него семинаріяхъ и практическихъ упражненіяхъ, наконецъ, что особенно важно, — добросовѣстнымъ исполненіемъ задаваемыхъ по общеобязательнымъ предметамъ работъ.

§ 9. Студентъ долженъ видѣть въ преподавателѣ не судью, который допытывается его недочетовъ и недостатковъ, чтобы по нимъ постановить приговоръ, а наставника и руководителя, призваннаго способствовать ему въ усвоеніи тѣхъ необходимыхъ познаній, въ которыхъ придется ему отдать отчетъ на предстоящемъ по окончаніи университетскаго ученія рѣшающемъ судѣ правительственныхъ испытаній. При такихъ отношеніяхъ, характеристическимъ признакомъ каждаго студента, имѣющаго права на зачетъ семестра, будетъ охотное обращеніе въ серьезныхъ затрудненіяхъ къ преподавателямъ, готовность выслушивать ихъ замѣчанія и указанія и пользоваться оными, довѣрчивая откровенность въ отвѣтахъ на вопросы по пред-

метамъ преподаванія на повѣрочныхъ испытаніяхъ и въ другихъ случаяхъ.

§ 10. Повѣрочныя испытанія производятся лишь съ дидактическою цѣлію, служа однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ способовъ преподаванія, для болѣе гѣрнаго и основательнаго утвержденія студента въ изучаемомъ предметѣ. Этимъ способомъ повѣряются познанія студента, для пополненія и разъясненія того, что оказалось бы въ нихъ недостаточнымъ или невѣрно усвоеннымъ. По нѣкоторымъ предметамъ въ томъ или другомъ факультетѣ повѣрочныя испытанія могутъ совпадать съ практическими упражненіями. При многочисленности слушателей, повѣрочныя испытанія производятся по группамъ. Самыя же испытанія производятся посредствомъ вопросовъ, обращаемыхъ къ каждому изъ слушателей порознь, въ размѣрахъ и смыслѣ экзаменныхъ требованій, но такъ, чтобы и всѣ другіе присутствующіе студенты могли слѣдить за бесѣдой, принимать въ ней участіе, по вызову преподавателя, и пользоваться всѣми дѣлаемыми при этомъ указаніями.

§ 11. При контролѣ практическихъ упражненій и домашнихъ работъ (сочиненія, изученія авторовъ, памятникоевъ, и т. п.), задаваемыхъ студентамъ, преподаватель имѣетъ въ виду не столько оцѣнку удовлетворительности результата, сколько качества положеннаго труда и способовъ, какими студентъ старался исполнить свою задачу, при чемъ преподаватель обращаетъ его вниманіе на ошибки и слабыя стороны труда и даетъ ему надлежащія наставленія и указанія.

§ 12. Если исполненіе заданной студенту работы окажется небрежнымъ, такъ что работа не можетъ быть признана удовлетворительною, преподаватель обязанъ довести о семъ до свѣдѣнія факультета. Въ такомъ случаѣ при исправности студента въ другихъ отношеніяхъ, полугодіе ему зачитывается условно, съ тѣмъ, чтобы онъ въ одинъ изъ ближайшихъ семестровъ исполнилъ должнымъ образомъ эту работу.

§ 13. Если при всей исправности и всѣхъ данныхъ доказательствъ своего прилежанія, студентъ окажется тѣмъ не менѣе крайне слабымъ въ томъ или другомъ предметѣ, въ предѣлахъ экзаменныхъ требованій, то, не отказывая студенту въ засвидѣтельствованіи его прилежанія для зачета семестра, преподаватель сообщаетъ факультету указаніе на недостаточность познаній студента, въ видѣ даваемого ему совѣта тщательно заняться тою или другою частію предмета. Такія указанія отмѣчаются деканомъ при зачетѣ полугодія

студенту, и если онъ ими не воспользуется, то они вносятся въ выпускное свидѣтельство, представляемое въ испытательную комиссію, которая можетъ принять ихъ къ соображенію. Если же студентъ, воспользовавшись въ послѣдующее время своего университетскаго ученія совѣтомъ преподавателя, повторить или усилить свои занятія предметомъ рекомендованнымъ его особенному вниманію и представить доказательство, что замѣченные въ его познаніяхъ пробѣлы пополнены, то преподаватель доводитъ до свѣдѣнія факультета, что студентъ должнымъ образомъ воспользовался сдѣланнымъ ему указаніемъ, чѣмъ прежняя отмѣтка оправдывается и уже не вносится въ выпускное свидѣтельство.

§ 14. За исправнымъ посѣщеніемъ студентами университета имѣеть наблюденіе инспекція; исправное же слушаніе лекцій, участіе въ научно-практическихъ занятіяхъ, въ повѣрочныхъ испытаніяхъ и прилежаніе въ домашнихъ работахъ удостоверяють тѣ преподаватели, которые въ этихъ занятіяхъ руководили студента.

§ 15. Наименьшее число лекцій, которыя обязанъ слушать студентъ въ каждое полугодіе, дабы оно могло быть зачтено ему, обозначается отдѣльно по факультетамъ.

§ 16. Студенту предоставляется, въ известной мѣрѣ, свобода избирать себѣ для слушанія предметы, сверхъ поставляемыхъ ему въ обязанность экзаменными по каждому факультету требованиями. Регулированіе его занятій такими предметами предоставляется вполнѣ его собственной любознательности и въ соображеніе при зачетѣ не принимается. Со стороны факультета не должно быть понужденія къ сверхобязательнымъ занятіямъ; напротивъ, деканамъ и преподавателямъ рекомендуется предостерегать добрымъ совѣтомъ студентовъ, особенно въ продолженіе первыхъ семестровъ ихъ университетскаго ученія, отъ обманчивыхъ увлеченій незрѣлою любознательностью, которыя могутъ безплодно разсѣять ихъ силы и погубить ихъ время.

§ 17. Преподавателю предоставляется открывать курсы по научнымъ спеціальностямъ, сверхъ нормъ экзаменныхъ требованій, для лицъ, посвящающихъ себя ученому призванію, преимущественно изъ выдержавшихъ уже испытаніе въ правительственныхъ комиссіяхъ; но студентамъ, записавшимся на такіе курсы, не вмѣняются занятія оными при зачетѣ семестровъ. Равно, если преподаватель обязательной для студента науки не ограничивается въ преподаваніи одной установленною нормой, но идетъ далѣе, студенты обязываются предъявить доказательства своего прилежанія посредствомъ практическихъ

упражнений, домашних работъ и повѣрочныхъ испытаній только въ предѣлахъ, установленныхъ экзаменными требованіями относительно данного предмета. Такъ, напримѣръ, профессоръ философіи, сверхъ изученія Платона и Аристотеля, поставляемаго въ обязанность студенту филологическаго факультета, можетъ излагать системы другихъ мыслителей и свою, буде таковую имѣетъ, но слушаніе сверхъ обязательной части преподаванія предоставляется любознательности студентовъ и имъ не вѣняется въ обязанность довазывать по оной свое прилежаніе. Или въ юридическомъ факультетѣ, напримѣръ, поставляется студенту въ непрежѣпную обязанность знать догму уголовного права по русскому законодательству сравнительно съ ученіями, вытекающими изъ другихъ положительныхъ законодательствъ, и только въ такихъ предѣлахъ и такомъ смыслѣ занятія этимъ предметомъ для студента обязательны. Изученіе же, напримѣръ, разныхъ отвлеченныхъ доктринъ и мѣній того или другаго криминалиста, той или другой политической партіи или философской школы по вопросамъ, относящимся къ сему предмету, отнюдь не должно быть вѣнено студентамъ въ обязанность и обращено въ мѣрило ихъ прилежанія при зачетѣ семестровъ.

§ 18. Въ каждомъ факультетѣ предметы изученія, въ виду экзаменныхъ требованій, группируются своеобразно и устанавливаются особые приемы при зачетѣ семестровъ.

§ 19. При составленіи обзорнія преподаванія на предстоящее полугодіе, факультетъ регулируетъ по разнымъ предметамъ практическія упражненія, семинарскія занятія, а также распредѣленіе по вѣрочныхъ испытаній, дабы они не нарушали общаго хода преподаванія и опредѣляютъ, какого рода домашнія работы должны быть задаваемы, при чемъ факультетъ руководствуется предписанными для зачета полугодій правилами и распредѣляетъ обязательныя занятія въ должной мѣрѣ по различнымъ предметамъ, такъ чтобы студенты могли успѣшно исполнять возлагаемыя на нихъ требованія.

§ 20. Домашнія письменныя работы (сочиненія, переводы и т. п.) исполняются по указанію преподавателя и должны быть представлены къ назначеннымъ срокамъ, при чемъ преподаватель удостоверяется изъ личныхъ объясненій, что работа исполнена студентомъ самимъ. Отличнѣйшія изъ такихъ работъ хранятся въ архивѣ факультета, для представленія, по требованію попечителя округа, министру или лицамъ, отъ нихъ уполномоченнымъ.

§ 21. По свидѣтельству преподавателей о прилежаніи студентовъ

въ посѣщеніи лекцій и въ участіи ихъ въ обязательныхъ для нихъ занятіяхъ, факультетъ зачитываетъ или не зачитываетъ студенту полугодіе или зачитываетъ его условно (см. § 12).

§ 22. Студентъ, которому не зачтено три полугодія сряду или пять полугодій вообще, увольняется изъ университета.

§ 23. Студентъ, которому зачтено восемь полугодій, а на медицинскомъ факультетѣ десять полугодій, получаетъ выпускное свидѣтельство, за подписью декана и секретаря факультета и за скрѣпю секретаря совѣта.

§ 24. Для полученія выпускнаго свидѣтельства, отъ студентовъ православнаго исповѣданія требуется, сверхъ зачета означеннаго въ § 23 числа полугодій, удостовѣреніе о выдержаніи экзамена изъ богословія. Экзаменъ этотъ производится профессоромъ богословія въ присутствіи декана, или секретаря факультета, или кого-либо изъ профессоровъ, по назначенію декана. Откладывать экзаменъ изъ богословія на одно изъ двухъ послѣднихъ полугодій не дозволяется.

§ 25. Отъ усмотрѣнія факультета зависитъ сдѣлать для студентовъ обязательнымъ испытаніе въ одномъ изъ новыхъ иностранныхъ языковъ. Испытаніе это производится декторомъ въ присутствіи или декана, или секретаря факультета, или кого-либо изъ профессоровъ, по назначенію декана. Откладывать этотъ экзаменъ на одно изъ двухъ послѣднихъ полугодій также не дозволяется.

§ 26. Выпускное свидѣтельство заключаетъ въ себѣ: 1) имя, отчество и фамилію студента; 2) время и мѣсто его рожденія, его вѣроисповѣданіе и званіе отца; 3) время поступленія въ университетъ и на факультетъ (равно какъ и во время перехода изъ одного университета или факультета въ другой), по какому документу первоначально былъ принятъ въ университетъ (по аттестату зрѣлости отъ такой-то гимназіи, или по иному); 4) перечисленіе курсовъ, которые онъ прослушалъ въ бытность студентомъ, и научно-практическихъ занятій, въ коихъ участвовалъ, и 5) удостовѣреніе въ зачетѣ требуемаго для допущенія къ экзамену въ испытательной комиссіи числа полугодій и въ выдержаніи испытанія изъ богословія, а равно и изъ новаго иностраннаго языка, буде таковое установлено.

III. По факультету историко-филологическому.

§ 27. Для зачета студенту полугодія требуется:

1) Исправное посѣщеніе не менѣе 18 лекцій въ недѣлю по предметамъ, входящимъ въ составъ испытанія въ историко-филологиче-

ской комиссіи, при чемъ не менѣе 14 лекцій должны быть посвящены общеобязательнымъ предметамъ факультета. Подъ лекціями слѣдуетъ разумѣть здѣсь также практическія упражненія.

2) Домашнее изученіе греческихъ и римскихъ авторовъ, съ отдачей въ немъ отчета преподавателямъ.

3) Исполненіе письменныхъ работъ.

4) Наконецъ требуется, чтобы студентъ подвергался установленнымъ отъ факультета повѣрочнымъ испытаніямъ (§§ 10 и 19 общихъ положеній о зачетѣ).

§ 28. Отъ каждаго студента въ каждое полугодіе требуется домашнее изученіе по меньшей мѣрѣ одной книги (въ древнемъ смыслѣ этого слова) или одной трагедіи, одной комедіи, одного обширнаго діалога, одной обширной рѣчи или двухъ небольшихъ діалоговъ и двухъ небольшихъ рѣчей греческаго и римскаго автора, изъ числа читаемыхъ въ старшихъ классахъ гимназій или объясняемыхъ въ университетѣ (§ 2 экзамен. требованій).

§ 29. Въ началѣ каждаго полугодія студентъ обязанъ письменно заявить декану факультета, какихъ авторовъ и какія ихъ произведенія или книги онъ избираетъ для своего чтенія. Тѣ книги авторовъ, которыя въ данное полугодіе объясняются съ кафедръ или толкуются при научно-практическихъ занятіяхъ, не могутъ быть избираемы студентомъ для домашняго чтенія. Точно также не могутъ быть имъ вновь избраны тѣ книги, которыя онъ уже назначилъ для своего домашняго чтенія въ одномъ изъ предшествующихъ полугодій. Деканъ, по соглашенію съ преподавателями предметовъ классической филологіи, утверждаетъ выборъ студента или же предлагаетъ ему другія книги или другихъ авторовъ, при чемъ указываетъ, къ кому изъ вышеозначенныхъ преподавателей, въ совѣщательные его часы, студентъ имѣетъ обращаться за указаніями и совѣтомъ, а также для отдачи отчета въ прочитанномъ. При этомъ деканъ озабочивается о возможно болѣе равномерномъ распредѣленіи наличнаго числа студентовъ между преподавателями классической филологіи, независимо отъ того, состоятъ-ли они профессорами или приватъ-доцентами и слушаютъ ли ихъ въ данное полугодіе или не слушаютъ тѣ или другіе студенты.

§ 30. Студентъ можетъ, по соглашенію съ преподавателемъ, провѣряющимъ его домашнее чтеніе, отдавать ему отчетъ въ ономъ или по частямъ, или въ одинъ пріемъ, по прочтеніи всего избраннаго

имъ сочиненія. При этомъ желательно, чтобы провѣряющій студента преподаватель обращалъ вниманіе на обнаруженныя при повѣркѣ пробѣлы въ познаніяхъ студента по различнымъ дисциплинамъ классической филологіи и давалъ ему надлежащіе совѣты и указанія.

§ 31. Если преподаватель убѣдится въ томъ, что студентъ прочелъ избранное имъ сочиненіе въ полномъ его составѣ, можетъ отдать отчетъ о его содержаніи и свободно и точно переводить на русскій языкъ всякое изъ него мѣсто, по выбору преподавателя, то сей послѣдній сообщаетъ о томъ факультету, свидѣтельствуя о прилежаніи студента, и руководствуется при этомъ общими правилами семестрального зачета.

§ 32. Домашнія письменныя работы (сочиненія, какъ на заданныя темы, такъ и на основаніи прочитаннаго студентомъ произведенія, а также переводы и упражненія въ древнихъ языкахъ) задаются студентамъ по общеобязательнымъ предметамъ, по опредѣленію факультетовъ, и провѣряются преподавателями (между которыми деканъ распредѣляетъ этотъ трудъ), согласно общимъ правиламъ зачета.

§ 33. Студентамъ, слушающимъ русскую исторію, а также студентамъ, слушающимъ русскій языкъ и русскую литературу, могутъ также быть задаваемы, по опредѣленію факультета, домашнія работы, состоящія въ прочтеніи древнихъ намятниковъ русской исторіи и словесности или въ письменныхъ сочиненіяхъ на темы по этимъ предметамъ, съ тѣмъ, однако, чтобы эти работы, согласно общимъ правиламъ семестрального зачета, не препятствовали успѣшному занятію студентовъ основными общеобязательными предметами.

§ 34. При повѣркѣ письменныхъ работъ студентовъ, преподаватели руководствуются также правилами, изложенными въ общихъ положеніяхъ семестрального зачета (§§ 11—12).

§ 35. Изъ новыхъ языковъ вниманіе учащихся должно быть обращено преимущественно на нѣмецкій языкъ, какъ особенно важный по богатству литературы оригинальной и переводной, для всѣхъ отраслей знанія, а для филолога даже необходимый, и потому каждому учащемуся полезно съ первыхъ же шаговъ университетскаго ученія овладѣть нѣмецкимъ языкомъ въ такой мѣрѣ, чтобы свободно читать на немъ учебныя и ученныя сочиненія, равно какъ и объясненія древнихъ писателей. Факультетъ можетъ поставить студентамъ въ обязанность испытаніе въ этомъ языкѣ (§ 25).

II. По физико-математическому факультету.

а) По отдѣленію математическихъ наукъ.

§ 27. Студентъ обязанъ въ каждое полугодіе избрать и испрѣвно посѣщать еженедѣльно не менѣе 15 часовъ лекцій и практическихъ упражненій изъ числа значащихся въ обзорѣннн преподаванія на это полугодіе по предметамъ, входящимъ въ кругъ окончательнаго испытанія въ физико-математической комиссіи по отдѣленію математическихъ наукъ.

Примѣчаніе. Время посвящаемое студентомъ собственнымъ занятіямъ въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ университета, само собою разумѣется, въ счетъ упомянутыхъ 15 часовъ не входитъ.

§ 28. Студентъ обязанъ въ каждое полугодіе прилежно участвовать не менѣе какъ въ двухъ курсахъ практическихъ упражненій упомянутыхъ въ § 27.

§ 29. Практическія упражненія, подъ руководствомъ и наблюденіемъ преподавателей, ведутся или соединенно съ теоретическимъ преподаваніемъ, чередуясь съ онымъ, или въ видѣ отдѣльныхъ курсовъ и обозначаются въ обзорѣннн преподаванія съ точнымъ указаніемъ ихъ предмета, а въ послѣднемъ случаѣ и времени или ниль назначеннаго.

§ 30. Практическія упражненія состоятъ:

1. По математикѣ:

а) въ рѣшеніи задачъ и вопросовъ относящихся къ преподаваемымъ курсамъ;

б) въ графическихъ упражненіяхъ по начертательной геометріи.

2. По физикѣ:

а) въ рѣшеніи задачъ по различнымъ частямъ физики;

б) въ упражненіи учащихся въ приготовленіи и производствѣ опытовъ, входящихъ въ курсъ элементарнаго преподаванія физики;

в) въ занятіяхъ измѣрительными и иными опытами въ физической лабораторіи и метеорологическихкими наблюденіями.

3. По механикѣ:

а) въ рѣшеніи задачъ и вопросовъ по различнымъ частямъ теоретической механики;

б) въ графическихъ занятіяхъ по прикладной механикѣ.

4. По астрономіи:

а) въ рѣшеніи задачъ и производствѣ вычисленій;

б) въ занятіяхъ на обсерваторіи.

Сверхъ того, по желанію студента въ число обязательныхъ для него въ полугодіе двухъ курсовъ практическихъ упражненій допускаются практическія занятія по химіи, съ точнымъ соблюденіемъ условій § 32.

§ 31. Студентъ обязанъ въ каждое полугодіе, чтобы такое было ему зачтено, сверхъ исправнаго посѣщенія лекцій, прилежно участвовать, какъ выше упомянуто, въ двухъ курсахъ практическихъ упражненій, исполнять задаваемые работы и подвергаться согласно §§ 10 и 19 общихъ положеній о зачетѣ полугодій, повѣрочнымъ испытаніямъ, въ установленномъ порядкѣ, по предметамъ, входящимъ въ кругъ окончательнаго испытанія въ правительственной комиссіи общимъ для всѣхъ испытуемыхъ.

§ 32. Для полученія выпускнаго свидѣтельства требуется, чтобы въ числѣ курсовъ практическихъ упражненій, въ коихъ участвовалъ студентъ во время своего университетскаго ученія, было не менѣе шести курсовъ по математикѣ, не менѣе двухъ по физикѣ и по крайней мѣрѣ по одному по теоретической механикѣ и астрономіи.

Для избирающихъ къ дополнительному испытанію отдѣлы практической механики и начертательной геометріи обязательно участіе не менѣе какъ въ одномъ полугодномъ курсѣ графическихъ занятій по каждому изъ сихъ предметовъ.

Выборъ остальныхъ курсовъ изъ числа практическихъ занятій, указанныхъ въ § 30, предоставляется самому студенту.

б) По отдѣленію естественныхъ наукъ.

§ 33. Студентъ обязанъ въ каждое полугодіе избрать и исправно посѣщать въ недѣлю не менѣе 18 часовъ лекцій и практическихъ упражненій изъ числа значащихся въ обзорѣннн преподаванія на это полугодіе по предметамъ, входящимъ въ кругъ окончательнаго испытанія въ физико-математической комиссіи по отдѣленію естественныхъ наукъ.

Примѣчаніе. Время, посвящаемое студентомъ занятіямъ въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ университета, само собою равумѣется, въ счетъ упомянутыхъ 18 часовъ не включается.

§ 34. Студентъ обязанъ въ каждое полугодіе принимать прилеж-

ное участіе не менѣе какъ въ двухъ курсахъ практическихъ упражненій, указанныхъ въ § 33.

§ 35. Практическія упражненія обозначаются какъ отдѣльные курсы въ обзорѣннн преподаванія съ точнымъ указаніемъ ихъ предмета и назначеннаго на нихъ числа часовъ.

§ 36. Преподаватели, руководящіе практическими упражненіями, назначаютъ работы студентамъ, наблюдаютъ за веденіемъ ихъ, ведутъ бесѣды по поводу заданныхъ упражненій и провѣряютъ представленныя работы.

Практическими упражненіями, съ разрѣшенія попечителя, могутъ руководить и приватъ-доценты, имѣющіе въ своемъ распоряженіи необходимыя для этой цѣли учебныя пособія.

§ 37. Практическія упражненія, подъ руководствомъ и наблюденіемъ преподавателей, имѣютъ мѣсто по химіи, по зоологін, по ботаникѣ, по минералогін и по соприкасающимъ къ нимъ областямъ знанія состоятъ:

По химіи:

- а) въ занятіяхъ качественнымъ анализомъ;
- с) въ занятіяхъ количественнымъ анализомъ;
- в) въ другихъ работахъ въ химическихъ лабораторіяхъ университета.

По зоологін:

- а) въ занятіяхъ по систематикѣ животныхъ;
- б) въ упражненіяхъ съ микроскопомъ для зоологическихъ цѣлей;
- в) въ занятіяхъ по зоотоміи, гистологін и исторіи развитія животныхъ.

По ботаникѣ:

- а) въ занятіяхъ по ботанической систематикѣ;
- б) въ упражненіяхъ съ микроскопомъ для ботаническихъ цѣлей;
- в) въ занятіяхъ по морфологін, по гистологін и по физиологін растений.

По минералогін:

- а) въ занятіяхъ по изученію кристаллографіи;
- б) въ ознакомленіи съ методами изслѣдованія минераловъ, горныхъ породъ и окаменѣлостей и упражненіяхъ надъ распознаваніемъ оныхъ.

Сверхъ того, по желанію студента, въ число обязательныхъ для него въ полугодіе двухъ практическихъ упражненій допускаются

практическія занятія по физикѣ и математикѣ съ точнымъ наблюдениемъ условій §§ 40 и 41.

§ 38. Для избирающихъ для дополнительнаго испытанія отдѣлъ технической химіи и агрономіи обязательны практическія занятія въ лабораторіяхъ технической и агрономической.

§ 39. Студентъ обязанъ въ каждое полугодіе, чтобы такое было ему зачтено, сверхъ исправнаго посѣщенія лекцій, прилежно участвовать, какъ выше упомянуто, въ двухъ курсахъ практическихъ упражненій, исполнять задаваемые ему работы, подвергаться, согласно §§ 10 и 19 общихъ положеній о зачетѣ полугодій, повѣрочнымъ испытаніямъ въ установленномъ порядкѣ по предметамъ, входящимъ въ кругъ окончательнаго испытанія въ правительственной комиссіи, общимъ для всѣхъ испытуемыхъ.

§ 40. Для полученія выпускнаго свидѣтельства требуется, чтобы въ числѣ практическихъ курсовъ, въ коихъ студентъ прилежно участвовалъ во время своего университетскаго ученія, не менѣе шести курсовъ относились къ избранному имъ для дополнительнаго испытанія отдѣлу (изъ числа четырехъ отдѣловъ, упомянутыхъ въ § 37) и не менѣе двухъ курсовъ въ каждомъ изъ остальныхъ. Выборъ практическихъ упражненій предоставляется студенту.

§ 41. Для избравшихъ для дополнительнаго испытанія отдѣлъ технической химіи и агрономіи обязательны: не менѣе двухъ курсовъ практическихъ упражненій по каждому изъ четырехъ отдѣловъ упомянутыхъ въ § 37, не менѣе двухъ курсовъ упражненій въ ивсовомъ химическомъ анализѣ и не менѣе четырехъ курсовъ по предметамъ избраннаго отдѣла.

§ 42. Студентъ, коему зачтено четыре полугодія, допускается, буде пожелаетъ, къ полукурсовому медицинскому испытанію (*tentamen physicum*) въ полномъ составѣ онаго и по выдержаніи его принимается на медицинскій факультетъ наравнѣ со студентами этого факультета выдержавшими полукурсовое испытаніе.

Примѣчаніе. Въ университетахъ съ медицинскимъ факультетомъ студентъ отдѣленія естественныхъ наукъ, имѣющій въ виду, по зачетѣ четырехъ полугодій, держать полукурсовое медицинское испытаніе, можетъ предварительно заявить о томъ декану физико-математическаго факультета.

Въ такомъ случаѣ, по отношенію къ зачету полугодій, студентъ подчиняется тѣмъ же правиламъ, какъ студенты первыхъ четырехъ семестровъ медицинскаго факультета.

II. По факультету юридическому.

§ 27. Для зачета студенту полугодія требуется:

1) исправное посѣщеніе по предметамъ факультетскаго преподаванія не менѣе 18 лекцій въ недѣлю, согласно избранному студентомъ и надлежащимъ порядкомъ утвержденному учебному плану, включая въ это число и научно-практическія занятія;

2) домашнее изученіе источниковъ и памятниковъ права и дѣйствующихъ законодательствъ, а также ученыхъ сочиненій и руководствъ изъ числа назначаемыхъ министерствомъ или одобряемыхъ имъ по представленію факультета для обязательнаго изученія, съ отдачей устнаго или письменнаго отчета въ изученіи преподавателямъ, по назначенію факультета;

3) исполненіе къ назначенному сроку письменныхъ работъ (сочиненій, рефератовъ, толкованій, переводовъ), задаваемыхъ преподавателями, по опредѣленію факультета;

4) участіе въ общихъ повѣрочныхъ испытаніяхъ на основаніи общихъ положеній о зачетѣ;

5) участіе въ частныхъ повѣрочныхъ испытаніяхъ или речетціяхъ, производимыхъ преподавателемъ, по его усмотрѣнію, послѣ каждаго пройденнаго имъ отдѣла науки (при чемъ преподаватель предлагаетъ одному или нѣсколькимъ слушателямъ вопросы, повторяетъ, попопняетъ и поясняетъ пройденное по мѣрѣ надобности, итѣя въ виду всѣхъ присутствующихъ на повѣрочныхъ испытаніяхъ).

§ 28. Домашнее изученіе источниковъ и памятниковъ права, ученыхъ сочиненій и руководствъ, а также домашнія письменныя работы задаются студентамъ по опредѣленію факультета (см. § 19 общ. полож. о зачетѣ) и провѣряются преподавателями въ ихъ совѣщательные часы. Если одна и та же работа задается нѣсколькимъ слушателямъ, то провѣрка ея можетъ имѣть форму собесѣдованія или диспута между студентами подъ руководствомъ преподавателя.

II. По медицинскому факультету.

§ 27. Студентъ обязанъ въ каждое полугодіе избрать и исправно посѣщать не менѣе 22 часовъ въ недѣлю лекцій и практическихъ упражненій изъ числа значащихся въ обзорѣніи преподаванія и входящихъ въ кругъ полукурсоваго и окончательнаго испытанія.

§ 28. Зачетъ полугодія, предшествующихъ полукурсовому испн-
часть ссхл, отд. 1.

танію, имѣющему мѣсто послѣ трехъ зачетныхъ полугодій къ концу четвертаго, производится, при исправномъ посѣщеніи студентомъ лекцій,—на основаніи:

а) повѣрочныхъ испытаній по предметамъ, входящимъ въ кругъ полукурсоваго испытанія;

б) удостовѣреній въ прилежномъ участіи студента въ практическихъ упражненіяхъ по анатоміи и гистологій (а также по другимъ предметамъ полукурсоваго испытанія, если таковыя упражненія имѣютъ мѣсто).

§ 29. Для зачета каждаго изъ трехъ первыхъ полугодій отъ студента требуется, сверхъ упражненій и повѣрочныхъ испытаній по анатоміи и гистологій, участіе по крайней мѣрѣ въ одномъ курсѣ практическихъ упражненій и повѣрочное испытаніе по крайней мѣрѣ по одному изъ предметовъ, входящихъ въ кругъ полукурсоваго экзамена.

§ 30. Для допущенія къ полукурсовому испытанію отъ студента требуется: а) удостовѣреніе въ прилежномъ участіи въ практическихъ упражненіяхъ по анатоміи и гистологій въ теченіе четырехъ полугодій; б) удостовѣреніе въ прилежномъ участіи въ практическихъ упражненіяхъ по аналитической химіи въ теченіе по крайней мѣрѣ одного полугодія.

§ 31. Демонстративное и практическое преподаваніе анатоміи и гистологій сопровождается повѣрочными испытаніями какъ по пройденнымъ частямъ курса, такъ и на сдаваемыхъ студентомъ препаратахъ. Во всякомъ случаѣ на полукурсовомъ экзаменѣ студентъ подвергается испытанію изъ полнаго курса сихъ наукъ.

§ 32. По предметамъ физики, химіи неорганической, химіи органической, зоологій со сравнительною анатоміей, ботаники и минералогій, повѣрочное испытаніе изъ полнаго курса, въ случаѣ, если, подвергаясь оному, студентъ обнаружитъ по предмету испытанія познанія, удовлетворяющія требованіямъ полукурсоваго экзамена, признается за окончательное. Въ противномъ случаѣ, по тому же предмету испытаніе производится при полукурсовомъ экзаменѣ; повѣрочное же испытаніе принимается во вниманіе лишь для зачета полугодія.

§ 33. Полукурсовое испытаніе обнимаетъ: анатомію, гистологию, физиологию, фармацію съ фармакогнозіей, физику, химию, зоологию со сравнительною анатоміей, ботанику и минералогію. Оно производится послѣ трехъ зачетныхъ полугодій въ концѣ слѣдующаго четвертаго,

изъ анатоміи, гистологіи, фізіологіи, фармаціи съ фармакогнозіей, а по остальнымъ, входящимъ въ кругъ его предметамъ изъ тѣхъ, по коимъ студентъ не подвергался повѣрочному испытанію изъ полного курса или по коимъ повѣрочное испытаніе не было признано удовлетворяющимъ требованіямъ полукурсоваго. Не выдержавшій испытанія, при означенныхъ здѣсь условіяхъ, подвергается повторенію онаго въ концѣ слѣдующаго полугодія. Ближайшія правила касательно порядка производства и объема требованій полукурсоваго испытанія издаются министерствомъ, на основаніи предположеній выработанныхъ въ факультетахъ (§ 84 устава).

§ 34. Зачетъ полугодій (V и VI) слѣдующихъ послѣ полукурсоваго испытанія и предшествующихъ допущенію студента къ занятіямъ въ факультетскихъ клиникахъ производится, при исправномъ посѣщеніи студентомъ лекцій, на основаніи:

а) повѣрочныхъ испытаній изъ общей патологіи и изъ фармакологіи съ рецептурой, по выслушаніи курсовъ сихъ наукъ;

б) удостовѣреній въ прилежномъ участіи въ практическихъ упражненіяхъ: по патологической анатоміи, по врачебной діагностикѣ и по ученію о хирургическихъ повязкахъ.

§ 35. Зачетъ послѣднихъ четырехъ полугодій производится:

а) на основаніи клиническихъ занятій студента по клиникамъ терапевтическимъ, хирургическимъ, акушерской, гинекологической, офтальмологической, навозныхъ и сифилитическихъ болѣзней, душевныхъ и нервныхъ болѣзней; для зачета полугодій принимаются во вниманіе кураторскія занятія студента подъ руководствомъ преподавателей, коллоквиумы во время этихъ занятій и исторіи болѣзней, представляемыя студентомъ, одобренныя и засвидѣтельствованныя преподавателями;

б) на основаніи удостовѣреній въ прилежномъ участіи студента въ практическихъ занятіяхъ по оперативной хирургіи съ топографическою анатоміей по судебной медицинѣ (съ представленіемъ засвидѣтельствованнаго преподавателемъ акта судебно-медицинскаго вскрытія или изслѣдованія) и по гигиенѣ.

Примѣчаніе. Въ тѣхъ университетахъ, гдѣ нѣтъ постоянныхъ клиникъ по дѣтскимъ, душевнымъ и нервнымъ, навознымъ и сифилитическимъ болѣзнямъ, занятія въ такихъ клиникахъ замѣняются занятіями по амбулаторной и поликлинической

практикѣ, при чемъ студенту одинаково вмѣняется въ обязанность представлять исторіи богѣзней, разобравшихъ имъ въ присутствіи преподавателя.

16. (12-го августа 1885 года). Правила для стипендіи при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ имени Императора Александра II, Высочайшаго имени нынѣ благополучно царствующаго Императора Александра Александровича и имени статскаго совѣтника Харитоненко.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. При Харьковскомъ университетѣ учреждаются: одна стипендія имени Императора Александра II, одна стипендія Высочайшаго имени нынѣ благополучно царствующаго Императора Александра Александровича и 18 стипендіи имени статскаго совѣтника И. Г. Харитоненко, по 300 рублей въ годъ каждая.

§ 2. Потребная на содержаніе этихъ стипендіи сумма 6,000 рублей вносится ежегодно въ сѣту расходовъ по Императорскому Харьковскому университету.

§ 3. Стипендіи эти предоставляются студентамъ безъ различія факультетовъ и вѣроисповѣданія, но непременно русскимъ подданнымъ. Стипендіаты могутъ быть только студенты хорошаго поведенія и оказавшіе хорошіе успѣхи въ занятіяхъ. Невыдержаніе установленнаго повѣрочнаго испытанія или неявка къ нему, прошедшіи по уважительнымъ причинамъ, не лишаютъ стипендіата права полученія стипендіи, но съ тѣмъ, чтобы это имѣло мѣсто лишь одинъ разъ въ теченіе университетскаго курса.

§ 4. Право избранія стипендіата принадлежитъ И. Г. Харитоненко, а по его смерти—тѣмъ городскимъ думамъ и земскимъ управамъ, которыя имъ будутъ указаны. Въ случаѣ освобожденія стипендіи, ректоръ университета сообщаетъ тѣмъ лицамъ или учрежденіямъ, которыми избираются стипендіаты, о студентахъ, желающихъ получить стипендію и удовлетворяющихъ указаннымъ выше условіямъ. Означенныя лица и учрежденія могутъ предоставить стипендію и другимъ студентамъ, не вошедшимъ въ списокъ ректора, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы они, какъ по успѣхамъ въ занятіяхъ, такъ и по поведенію, удовлетворили требованіямъ § 3. Если въ теченіе полугода послѣ сообщенія ректора университета стипендіатъ не будетъ назначенъ подлежащимъ учрежденіемъ, то избраніе его принадлежитъ правленію университета.

17. (14-го августа 1885 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ по вопросу объ освобожденіи отъ платы за ученіе въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ сыновей лицъ учебнаго вѣдомства.

На основаніи § 31 дѣйствующаго устава гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія освобождаются отъ платы за ученіе въ оныхъ сыновья какъ лицъ, служащихъ еще при среднихъ и низшихъ училищахъ означеннаго вѣдомства, такъ и лицъ, прослужившихъ при нихъ не менѣе десяти лѣтъ, если послѣднія представляютъ свидѣтельство о бѣдности.

Нынѣ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія возбужденъ вопросъ, распространяется ли дѣйствіе приведеннаго параграфа лишь на сыновей лицъ, пользующихся правами государственной службы, или же всѣхъ безъ исключенія лицъ, состоящихъ на службѣ при низшихъ учебныхъ заведеніяхъ сего министерства, слѣдовательно и на законоучителей и учителей сельскихъ начальныхъ училищъ, подвѣдомственныхъ сему министерству.

По разсмотрѣніи настоящаго дѣла, а съ своей стороны, нахожу, что по точному смыслу § 31 устава гимназій и прогимназій преимущество, предоставленное симъ параграфомъ сыновьямъ лицъ, служащихъ при учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, состоитъ въ связи не съ пользованіемъ правами государственной службы, а съ исполненіемъ учебныхъ обязанностей. Соответственно тому, означеннымъ преимуществомъ пользуются, на примѣръ, сыновья учителей гимнастики и пѣнія при гимназіяхъ и прогимназіяхъ, хотя эти лица и не состоятъ на государственной службѣ. Посему право освобожденія отъ платы за обученіе дѣтей въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, согласно § 31 устава оныхъ, должно быть предоставлено всѣмъ безъ исключенія лицамъ, занимающимъ или занимавшимъ въ теченіе установленнаго срока учебную должность при низшихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, въ томъ числѣ и законоучителямъ и учителямъ начальныхъ народныхъ училищъ сего вѣдомства.

Объ этомъ имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство для руководства въ подлѣжащихъ случаяхъ по вѣрному вамъ учебному округу.

18. (20-го августа 1885 года). Положеніе о стипендіи имени домашняго учителя Михаила Телѣгина при Пронскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, учреждается при Пронскомъ трехклассномъ училищѣ одна стипендія имени домашняго учителя Михаила Телѣгина на счетъ процентовъ съ капитала пятьсотъ-пятьдесятъ рублей, пожертвованнаго для сей цѣли вдовою титулярнаго совѣтника Е. Телѣгиной.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% государственныхъ билетахъ 2-го выпуска, составляя неотъемлемую собственность поманутаго заведенія и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ Пронскомъ уѣздномъ казначействѣ.

§ 3. Стипендія назначается на приобрѣтеніе избранному стипендіату книгъ, учебныхъ пособій, верхняго платья и обуви.

§ 4. Право избранія стипендіата изъ бѣднѣйшихъ жителей г. Пронска, безъ различія званія, предоставляется педагогическому совѣту училища, съ соблюденіемъ при этомъ, чтобы стипендіатъ былъ лучшій по успѣхамъ и поведенію ученикъ 2-го или 3-го класса училища.

§ 5. Стипендія выдается избранному стипендіату до окончанія полнаго курса, и онъ лишается таковой не иначе, какъ вслѣдствіе неуспѣшности въ ученіи или неодобрительнаго поведенія.

§ 6. Если стипендіатъ, по окончаніи курса, пожелаетъ остаться при училищѣ для приготовленія къ поступленію въ учительскій институтъ, то стипендія эта можетъ быть продолжена ему на все время пребыванія въ училищѣ.

§ 7. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи остатки причисляются къ стипендіальному капиталу.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

19. (20-го августа 1885 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о четвертомъ прибавленіи къ почтовому дорожнику, изд. 1880 г.

Въ настоящее время главнымъ управленіемъ почтъ и телеграфовъ издано четвертое прибавленіе къ почтовому дорожнику изданія 1880 года, объ измѣненіяхъ въ направленіи почтовыхъ трактовъ и

платѣ прогоновъ, послѣдовавшихъ съ 1-го марта 1884 года по 1-е апрѣля сего года.

Сообщая о вышеназложенномъ, министерство внутреннихъ дѣлъ проситъ министерство народнаго просвѣщенія сдѣлать распоряженіе, чтобы правительственныя учрежденія и лица, находящіяся въ С.-Петербургѣ, приобрѣли означенное прибавленіе, которое можно получить изъ экзекуторской части главнаго управленія почтъ и телеграфовъ по 15 коп. за экземпляръ. Иногородныя учрежденія и лица за означенное прибавленіе должны вносить въ мѣстныя казначейства по 26 коп. за экземпляръ, считая въ этомъ числѣ пересылку, квитанціи же, полученныя изъ казначействъ во взносъ денегъ, доставлять въ экзекуторскую часть главнаго управленія почтъ и телеграфовъ съ точнымъ указаніемъ адреса, по которому должно быть выслано прибавленіе.

О вышеназложенномъ имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство въ дополненіе къ циркулярному предложенію моему отъ 18-го іюля 1884 г., для зависящихъ распоряженій по вѣренному вамъ, милостивый государь, учебному округу.

20. (24-го августа 1885 года). Положеніе о стипендіи статскаго совѣтника Д. В. Садомцева при Борисоглѣбской женской прогимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, при Борисоглѣбской женской прогимназіи учреждается одна стипендія имени статскаго совѣтника Д. В. Садомцева на проценты съ пожертвованнаго евреями, проживающими въ г. Борисоглѣбскѣ, капитала въ 500 рублей.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ пяти облигаціяхъ 2-го восточнаго займа, по 100 руб. каждая, составляя неотъемлемую собственность Борисоглѣбской женской прогимназіи, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ помнутаго учебнаго заведенія.

§ 3. Стипендіатка избирается изъ числа воспитанницъ прогимназіи, безъ различія сословія и вѣроисповѣданія, проходящихъ курсъ съ успѣхомъ не ниже средняго.

§ 4. Выборъ стипендіатокъ изъ числа воспитанницъ, рекомендуемыхъ мѣстнымъ педагогическимъ совѣтомъ представляется г. Са-

домцеву, а по смерти его переходитъ къ попечительному совѣту, подъ условіемъ выбора посредствомъ закрытой баллотировки.

§ 5. Могущіе образоваться отъ незаѣщенія стипендіи остатки причисляются къ стипендіальному капиталу.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

21. 26-го августа 1885 года). Положеніе о стипендіяхъ имени Фридрихсгамскаго купеческаго сына Николая Ивановича Вагина при Тверской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ девять тысячъ руб., отказаннаго по духовному завѣщанію фридрихсгамскимъ купеческимъ сыномъ Николаемъ Ивановичемъ Вагинымъ, учреждаются при Тверской гимназіи три стипендіи имени завѣщателя.

§ 2. Означенный капиталъ, обращенный въ облигаціи третьяго восточнаго займа, на сумму девять тысячъ триста пятьдесятъ рублей хранится въ Тверскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Тверской гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Образовавшийся остатокъ при приобрѣтеніи облигацій третьяго восточнаго займа двадцать руб. пятьдесятъ одна копейка хранится также въ Тверскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ, пока изъ процентовъ облигацій на триста пятьдесятъ рублей, оказавшихся свыше суммы девяти тысячъ руб., не накопится потребная, въ добавокъ къ имѣющемуся остатку на приобрѣтеніе еще одной облигаціи сумма, послѣ чего она имѣетъ быть присоединена къ стипендіальному капиталу, ислѣдствіе чего послѣдній возрастаетъ до девяти тысячъ четырехсотъ рублей.

§ 4. Въ стипендіаты избираются сыновья уроженцевъ города Твери, изъ обидѣвшихъ купцовъ и мѣщанъ православнаго исповѣданія. Въ случаѣ, если таковыхъ не окажется, стипендіи могутъ быть предоставляемы и сыновьямъ разночинцевъ, также уроженцевъ Твери и православнаго исповѣданія.

§ 5. Лучшему по успѣхамъ въ наукахъ и поведенію изъ стипендіатовъ, при окончаніи курса въ гимназіи съ аттестатомъ зрѣлости, предоставляется право, по опредѣленію педагогическаго совѣта, прописанному на аттестатѣ зрѣлости, поступить на учреждаемому завѣ-

щателемъ стипендію въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ если она будетъ вакантною. О такомъ постановленіи по сему предмету педагогическаго совѣта гимназій директоръ ея доводитъ до свѣдѣнія правленія означеннаго университета.

§ 6. Право избранія стипендіатовъ принадлежитъ педагогическому совѣту Тверской гимназій, который въ семь случаевъ поступаетъ по § 4 положенія о сихъ стипендіяхъ, выбирая стипендіатовъ изъ воспитанниковъ, заслуживающихъ сего по успѣхамъ въ наукахъ и по отличному поведенію, или, по меньшей мѣрѣ, хорошему въ четырехъ низшихъ классахъ.

§ 7. Въ случаѣ неодобрительнаго поведенія или оставленія на второй годъ въ томъ же классѣ по причинѣ малоуспѣшности, стипендіаты лишаются стипендіи по постановленію педагогическаго совѣта гимназій.

§ 8. Если же малоуспѣшность стипендіата произошла отъ продолжительной болѣзни или по другимъ уважительнымъ причинамъ, то отъ усмотрѣнія педагогическаго совѣта зависитъ сохранить за нимъ право на полученіе стипендіи и на второй годъ пребыванія его въ томъ же классѣ.

§ 9. Могущіе оставаться, за уплатою стипендіи, проценты съ стипендіальнаго капитала обращаются на выдачу, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта, стипендіатамъ одновременныхъ пособій по окончаніи ими полнаго курса ученія, при поступленіи въ какое-либо высшее учебное заведеніе, предпочтительно же въ Московскій университетъ.

§ 10. Пользованіе стипендіями не возлагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

22. (17-го сентября 1885 года). Положеніе о стипендіи имени бывшаго Спасскаго уѣзднаго предводителя дворянства Александра Александровича Демидова при Императорской Казанской 1-й гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ пожертвованнаго дворянствомъ Спасскаго уѣзда, Казанской губерніи, капитала въ семьсотъ пятьдесятъ руб. учреждается при Императорской Казанской 1-й гимназій одна стипендія имени бывшаго Спасскаго уѣзднаго предводителя дворянства Александра Александровича Демидова.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ вос-

точного займа, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ гимназій, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ. Проценты же съ сего капитала, за удержаніемъ суммы, подлежащей, на основаніи закона 20-го мая 1885 года о сборѣ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, передачѣ въ казну, обращаются въ уплату за право ученія одного приходящаго ученика, заслуживающаго того по своимъ успѣхамъ и поведенію, изъ дѣтей дворянъ Спасскаго уѣзда.

§ 3. Назначеніе стипендіата предоставляется А. А. Демидову, а послѣ его смерти педагогическому совѣту гимназій.

§ 4. Въ случаѣ исключенія стипендіата изъ гимназій по малоуспѣшности или за неодобрительное поведеніе, поставляется въ извѣстность Спасскій уѣздный предводитель дворянства, а на мѣсто исключеннаго назначается другой стипендіатъ порядкомъ, указаннымъ въ § 3 сего положенія.

§ 5. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ стипендіи поступаютъ въ распоряженіе гимназій и, при окончаніи курса, выдаются стипендіату на руки.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. министромъ, постановлено:

— Книги Е. Ельницкаго: 1) „Курсъ дидактики. Изд. 3-е. С.-Пб. 1884. Въ 8-ку 163 стр. Цѣна 75 коп.“ и 2) „Общая педагогика. Изд. 2-е. С.-Пб. 1885. Въ 8-ку 211 стр. Цѣна 75 коп.“ — допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: „Руководство къ ариметикѣ. Составилъ В. Волепсъ. Изд. 14-е. С.-Пб. Въ 8-ку 192 стр. 1885. Цѣна 59 коп.“ — допустить въ число пособій для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Сборникъ арифметическихъ задачъ. Составила В. Вильгальмъ. С.-Пб. 1885. Въ 8-ку. Часть I (цѣлыя числа) 89 стр. Цѣна 25 коп. Часть II (дробн), 99 стр. Цѣна 35 коп.“ — допустить къ употребленію въ видѣ учебнаго пособия въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ городскихъ училищахъ.

— Книгу: „Способъ предѣловъ и приложенія его въ курсѣ эле-

ментарной математики. Составилъ В. Поповъ. Великія Луки. 1885. Въ 8-ку 178 стр. Цѣна 70 коп." — одобрить въ качествѣ необязательнаго пособия и для приобрѣтенія въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній. *

— Книгу: „Краткій учебникъ минеральной и органической химіи. Роско. Изд. 5-е. С.-Пб. 1885. Цѣна 2 р. 25 коп." — одобрить въ качествѣ руководства для реальныхъ училищъ и для приобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Учебникъ географіи. Курсъ 1-го класса гимназій. Составилъ Н. Черкуновъ. Изд. 2-е. Кіевъ. 1885. Стр. 112. Цѣна 40 коп." — допустить въ видѣ руководства для гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „О значеніи Петра Великаго для Россіи вообще и въ частности для Астраханскаго края. Рѣчь Н. Леонтьева. Астрахань. 1874. Цѣна 50 коп." — допустить въ ученическія и учительскія бібліотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній въ губерніяхъ, лежащихъ по нижнему теченію Волги.

— Книгу: „Руководство къ полному и всестороннему изученію правильнаго употребленія знаковъ препинанія. Составилъ И. К. Ганъ. Изд. 2-е. Вильна. 1885. Въ 8-ку, 72 стр. Цѣна 30 коп." — допустить къ употребленію въ видѣ учебнаго пособия въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Двѣ стѣнныя таблицы А. Кирхгофа и А. Сувана: „Географическіе типы: 1) „Нильская долина въ Египтѣ“ и 2) „Южно-американскій тропическій лѣсъ на низменности. Рига. 1884. Цѣна за каждую таблицу, наклеенную на холстъ, съ палками, 7 р. 20 коп." — допустить къ употребленію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ видѣ учебнаго пособия.

— Книгу г-жи Остроумовой: „Nouvelle chrestomatie française, choix d'articles et d'extraits en prose et en vers, à l'usage des élèves de la 3-me et de la 4-me classe. С.-Пб. 1885. Въ 8-ку 174 стр. Цѣна 70 коп." — одобрить для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Книгу: „The british classical authors. Select specimens of the national literature of England. By Z. Herrig" — допустить къ употребленію въ старшихъ классахъ реальныхъ училищъ, тамъ, гдѣ педагогическіе совѣты этихъ училищъ найдутъ введеніе ея возможнымъ.

— Книгу: „Дополненіе къ руководству кройки Глодзинскаго, по объясненіямъ учительницы Стефановичъ, составлено М. Н. Гриневою.

Кіевъ, 1884. Въ 8-ку 26 стр.“—допустить къ употребленію въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Брошюру: „Открытое письмо ультрамонтана-католика и поляка къ редакторамъ русскихъ и польскихъ журналовъ. Изданіе „Варшавскаго Дневника“. Варшава, 1885. Въ 8-ку 48 стр. Цѣна 5 коп.“—рекомендовать для приобрѣтенія въ ученическія и учительскія бібліотеки учебныхъ заведеній Варшавскаго, Кіевскаго и Виленскаго учебныхъ округовъ, съ тѣмъ, чтобы къ брошюрѣ былъ приложенъ листокъ съ поправками наиболѣе крупныхъ опечатокъ.

— Книгу: „Исторія Россіи для учащихся. Въ трехъ частяхъ. Составилъ В. А. Абаза. С.-Пб. 1885.“—допустить къ употребленію въ качествѣ учебнаго пособия не обязательнаго, подъ условіемъ исправленія или же указанія громаднаго количества опечатокъ, которыя обезображиваютъ изданіе.

— Книгу: „Механическая технология дерева. Инструменты, станки, машины и приспособленія для ручной и машинной обработки дерева. Руководство для техническихъ, реальныхъ, ремесленныхъ и тому подобныхъ училищъ, а также для мастеровъ и техникумовъ, занимающихся обработкою дерева. Составилъ К. А. Казначеевъ. Москва. 1885. Въ 8-ку, 409 стр. съ 616 политипажамми. Цѣна съ пересылкою 2 р. 30 коп.“—одобрить какъ пособие для реальныхъ училищъ и тѣхъ техническихъ школъ, въ составъ курса которыхъ входитъ механическая технология дерева.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книги Евгеніи Туръ: 1) „Семейство Шалонскихъ. Изъ семейной хроники. Изд. 2-е. С.-Пб. 1882. Въ 8-ку 154 стр. Цѣна 1 руб.“, 2) „Послѣдніе дни Помпеи. Передѣлано для отроческаго возраста. М. 1883. Въ 8-ку 219 стр. Цѣна 1 руб.“, 3) „Три разказа для дѣтей. С.-Пб. 1884. Въ 8-ку 265 стр. Цѣна 1 руб.“, 4) Мученики Колизея. Историческій разказъ для дѣтей. Изд. 2-е Калуга. 1884. Въ 8-ку 146 стр. Цѣна 75 к.“,

5) „Жизнь св. Макарія Египетскаго“. Москва. 1885. Въ 8-ку, 24 стр. Цѣна 30 коп.—одобрить для ученическихъ библиотекъ среднихъ—и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Первое знакомство съ физикой посредствомъ общедоступныхъ приборовъ. Составилъ М. Герасимовъ. Пересмотрѣно и редактировано докторомъ физики О. Хвольсономъ. Изданіе Ф. Павленкова. С.-Пб. 1885. Въ 8-ку 90 стр. Цѣна 50 к.“—допустить въ ученическія библиотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Изданія В. Пожарскаго: 1) „Полный курсъ русскаго чистописанія. Прописи, въ 3-хъ отдѣлахъ. Изд. 4-е. С.-Пб. 1884. Цѣна 20 к. за каждый отдѣлъ“; 2) „Руководство къ полному курсу русскаго чистописанія. Изд. 4-е. С.-Пб. 1884. Въ 8-ку, 59 стр. Цѣна 40 к.“—одобрить первое въ качествѣ учебнаго пособия, второе—для учительскихъ библиотекъ народныхъ училищъ.

— Книгу: „Методика начальной ариметики. Составилъ Гольденбергъ. С.-Пб. Въ 8-ку, 185+15+6 стр. Цѣна 1 р. 50 к.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для учительскихъ институтовъ и семинарій и для учительскихъ библиотекъ народныхъ училищъ.

— Книги: „1) Сборникъ задачъ и примѣровъ для обученія начальной ариметикѣ. Составилъ А. Гольденбергъ. Выпускъ I. Задачи и примѣры на числа первой сотни. С.-Пб. 1885. Въ 8-ку, 64 стр. Цѣна 20 к.“ 2) То же. „Выпускъ II. Задачи и примѣры на числа любой величины. С.-Пб. 1885. Въ 8-ку, 64 стр. Цѣна 20 к.“—одобрить для употребленія въ видѣ учебнаго пособия въ народныхъ училищахъ.

Опредѣленіями основнаго и особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено, книгу: „Курсъ первый уроковъ по русскому языку. Элементарный практической учебникъ, со сборникомъ статей.—В. Померанцева. С.-Пб. 1883. Цѣна 50 к.“—одобрить въ качествѣ руководства для приготовительнаго и перваго классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и какъ учебное пособие по русскому языку для городскихъ и народныхъ училищъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Г. министр народнаго просвѣщенія разрѣшилъ: 1) закрыть съ начала 1885—86 учебнаго года параллельныя отдѣленія при II и III классахъ Керченской Александровской гимназій и открыть таковое же при I классѣ названной гимназій; 2) оставить на текущій 1885—86 учебный годъ параллельное отдѣленіе при VIII классѣ Тифлисской 1-й гимназій, съ отнесеніемъ потребнаго на содержаніе сей параллели расхода на спеціальныя средства гимназій; 3) Ченстоховскую мужскую шестиклассную прогимназію преобразовать съ 1885—86 учебнаго года въ полную восьмиклассную гимназію, на точномъ основаніи дѣйствующаго устава гимназій и прогимназій Варшавскаго учебнаго округа и Высочайше утвержденнаго 20-го апрѣля 1873 года штата сихъ заведеній, съ отнесеніемъ всѣхъ расходовъ по содержанію отрываемыхъ двухъ высшихъ классовъ въ суммѣ четырехъ тысячъ двуксотъ тридцати руб. на счетъ города Ченстохова и остальныхъ двухъ тысячъ ста шестидесяти руб. на спеціальныя средства названнаго заведенія; 4) открыть съ начала 1885—86 учебнаго года параллельное отдѣленіе при VIII классѣ Кіевской 1-й гимназій, съ отнесеніемъ потребнаго на содержаніе сей параллели расхода на спеціальныя средства названной гимназій; 5) закрыть, съ начала 1885—86 учебнаго года параллельныя отдѣленія при II и III классахъ Кременчугскаго реальнаго училища и открыть, таковыя же при I и IV классахъ названнаго училища, съ отнесеніемъ потребнаго на сей предметъ расхода въ количествѣ 2820 р. на спеціальныя средства училища; 6) закрыть, съ начала 1885—86 учебнаго года параллельное отдѣленіе при III классѣ Полтавскаго реальнаго училища и открыть, таковое же при II классѣ названнаго училища; 7) открыть, съ начала 1885—86 учебнаго года, параллельное отдѣленіе при II гимназическомъ классѣ Вѣлоцерковскаго реальнаго училища, съ отнесеніемъ потребнаго для сего расхода въ количествѣ одной тысячи шестисотъ двадцати руб. на спеціальныя средства названнаго училища; 8) открыть, съ начала 1885—86 учебнаго года, параллельное отдѣленіе при V классѣ Ровенскаго реальнаго училища, съ отнесеніемъ потребнаго для сего расхода на спеціальныя средства названнаго училища; 9) назначить въ открытомъ въ г. Могилевѣ на Днѣстрѣ реальномъ училищѣ плату за ученіе въ размѣрѣ сорока руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Г. министр народнаго просвѣщенія утвердилъ сдѣланное Туркестантскимъ генералъ-губернаторомъ распоряженіе о продолженіи существованія параллельнаго отдѣленія при 1 классѣ Ташкентской мужской гимназіи, съ отнесеніемъ потребнаго на сей предметъ расхода на спеціальныя средства помянутой гимназіи.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— 8-го сентября сего года послѣдовало открытіе, на основаніи Высочайше утвержденнаго 21-го февраля 1884 г., мнѣнія государственнаго совѣта, Кіево-Печерской гимназіи, въ которую принято 99 учениковъ: въ томъ числѣ, въ приготовительный классъ—32, въ первый—44 и во второй—23 человѣка.

— 31-го августа сего года открыто, на основаніи Высочайше утвержденнаго 29-го мая 1884 г. мнѣнія государственнаго совѣта, въ г. Могилевѣ на Днѣпрѣ шестиклассное реальное училище, въ которое принято 80 учениковъ: въ томъ числѣ: въ первый классъ—42 и во второй—38 человѣкъ.

— 1-го сентября сего года послѣдовало открытіе учрежденной, на основаніи Высочайше утвержденнаго 5-го марта 1885 года мнѣнія государственнаго совѣта, въ Тифлисѣ мужской прогимназіи, въ которую принято 116 учениковъ: въ приготовительный классъ 56, въ первый—42 и во второй—18 человѣкъ.

— 21-го августа послѣдовало открытіе однокласснаго начальнаго народнаго училища сего министерства въ Увюногубскомъ погостѣ, Петрозаводскаго уѣзда, Олонецкой губерніи, при 63 учащихся.

ДВѢ ЗАМѢТКИ КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИСТОЧНИКАХЪ СЕРБСКОЙ АЛЕКСАНДРИИ.

I.

Болгарскія побывальщины объ Александрѣ Македонскомъ.

Популярность Александрии на славянскомъ югѣ была обширная: она сказалась въ легендахъ, мѣстныхъ преданіяхъ, пѣсняхъ (Къ вопросу объ источникахъ сербской Александрии, Ж. М. Н. Пр. 1884 г., сентябрь, стр. 38). Пѣсни подобнаго рода были собраны во Оракин и Македонин г. Верковичемъ, и содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ было сообщено и объяснено Дозономъ въ его Rapport sur une mission littéraire en Macédoine (Paris 1878, стр. 38 слѣд.), В. О. Миллеромъ въ его замѣткахъ по поводу сборника г. Верковича (Ж. М. Нар. Просв. 1877, октябрь, стр. 115 слѣд.) и, наконецъ, Гейтлеромъ (Poetické tradice Thráki i Bulharú: V Praze 1878). Въ самомъ сборникѣ, которымъ и могъ пользоваться въ рукописномъ экземплярѣ г. Сырку, нашлось нѣсколько любопытныхъ вариантовъ, которые и будутъ приняты во вниманіе. Говоря далѣе о пѣсняхъ, я удерживаю обозначеніе собирателя и его толкователей, хотя эти пѣсни не поются, а сказываются, какъ сказки (Dozon стр. 15, Geitler стр. 6) и ихъ метрика разрушена.

Собственно говоря только пѣсни о рожденіи Александра могутъ быть названы отраженіемъ книжной Александрии, въ другихъ же она сохранилась темиными отзвуками, либо и однимъ именемъ героя, случайно попавшимъ въ пѣсню, не имѣющую ничего общаго съ преданіями о немъ.

Въ одной изъ пѣсенъ о рожденіи, анализированной В. О. Миллеромъ (стр. 117—121), у стараго короля Филоше нѣтъ дѣтей, и онъ скорбитъ о томъ. Отправляясь на войну противъ арабскаго краля, онъ говоритъ женѣ, что если вернувшись, онъ не найдетъ ее съ ребенкомъ на рукахъ, то снесетъ ей голову. Жена плачетъ и молится; и Господь услышалъ ее и посылаетъ ей во время сна маленькую Дѣву, которая, разбудивъ царицу, говоритъ ей, что пришла къ ней съ вѣстью съ неба: она родитъ мальчика по сердцу, который будетъ чудомъ на землѣ, исходить весь свѣтъ, погубить всѣхъ царей и станетъ первымъ надъ всѣми; у него на ногахъ будутъ три крыла, коса золотая; онъ пойдетъ въ землю „Шереніе“, гдѣ человекъ не ступалъ, птица не залетала. Дѣва говоритъ царицѣ, что къ ней ночью явится молодой змѣй-царевичъ, служитель бога на небѣ: лицо его свѣтится какъ солнце, на ногахъ крылья; пусть сойдется съ нимъ, и у нея родится мальчикъ по сердцу, котораго она назоветъ „Лесандра войвода“. Все случилось, какъ сказала Дѣва: черезъ три мѣсяца родился чудесный ребенокъ, который никого не страшился, а черезъ годъ уже скакалъ на „пологлавомъ“ коплѣ, на которомъ и выѣзжаетъ на встрѣчу отцу, недоумѣвающему, кто этотъ незнакомый юнакъ. Ему говорятъ, что это его сынъ, и онъ обнимаетъ его; тотъ говоритъ ему:

Иот' на мен', тате, душмане на уставя?
Чи язъ самъ юнакъ надъ сяти юнаци!

(„Зачѣмъ, тятя, ты не оставилъ враговъ на мою долю? Вѣдь и я юнакъ надъ юнаками“). Отецъ успокоиваетъ сына и затѣмъ задаетъ пиръ, чтобъ отпраздновать его рожденіе. Семьдесятъ королей собралось, чтобы посмотреть на чудеснаго ребенка, поднести ему дары; но, Лесандру ихъ дары не нужны: онъ добирается до ихъ земель, общается завладѣть ими и стать первымъ царемъ на землѣ. Смутились короли этому отповѣдью, собираются во свояси, а арабскій царь приглашаетъ ихъ погостить у него, чтобы подумать, какъ имъ быть съ Лесандромъ. Они уже рѣшили отправиться къ нему съ поклономъ; одинъ лишь Шеренина-кравле не согласенъ на то: Лесандра онъ не боится, на его землю ни одинъ человекъ не ступалъ, ни одна птица туда не залетала; тогда короли обращаются къ вышнему богу съ молитвой, чтобъ онъ избавилъ ихъ отъ Лесандра. Явился молодой змѣй и говоритъ: пусть идутъ къ Лесандру съ дарами и мольбой, ибо когда онъ еще не родился, „ривниці“ написали ему

судьбу, что онъ исходитъ всю землю, погубитъ всѣхъ королей и будетъ первымъ царемъ на землѣ.—Семьдесятъ королей идутъ къ Лесандру; не явился къ нему лишь король земли Шереніе, противъ котораго онъ отправляется въ походъ и завоевываетъ его землю, равно какъ и земли семидесяти королей. Такъ сталъ онъ первымъ царемъ на землѣ (401 ст.)

Въ другой редакціи той же пѣсни („Ворба Филиппова со Хиринаска Крале“; сл. Dozon, I. c. стр. 42) вмѣсто Фюлюпе является старый король Фелешина, у него жена Груздина. Завязка пѣсни та же: тотъ же наказъ мужа, отправляющагося въ походъ на Хиринаскаго краля, и тоже горе жены. И здѣсь небеснымъ посланникомъ является молодой Дѣвъ, вѣщающій, между прочимъ, объ Илесандрѣ:

86 Ша си носи криле на мишинда
Та ша фарка кату пиле на небе ту,
И коса та ша си му е златна на глава та.

Ночью является къ Груздинѣ молодой змѣй-королевичъ, съ золотыми волосами и золотыми крыльями на ногахъ. Рожденіе Илесандра; какъ увидѣла его мать, начинаетъ плакаться:

243 Ой Боже ле мли Боже!
Да де си ми Боже малжку дете,
Какъ ни ми бо далъ,
Пакъ да ми ни далеше,
Чи е дете Погневиту пламениту.
Лу какъ ша гу види мое шарве либе,
Глава ша ми земе, млада ша ма погуби
Чи са самъ сфодила съ млада эмее.

Услышавъ ея сѣтованія, молодой змѣй приходитъ и спрашиваетъ, почему она плачетъ:

Нот' на мене си ни казала
Чи е дете Погневиту пламениту,
И да ти самъ казала що ша чинишъ
Ютъ Бога да найдешъ,
Измами ма, излага ма,
Йоще млада ша си ма затруешъ.—
Та ютиде млада эмее при дете ту;
Ега да види що да види:
Йоганъ си гурелу дуръ небо ту,
Та си гу пофати за десна та рока,
Лу си гу пофати Йоганъ са загуби.
Ютъ ли ву му загрелу ласу сонце

Лу кой гу види си са чули:
Име му турили Илесандра войвода,
Чи си Фаркалу кату шле на небе ту
И на Боге си взметъ чинялу.

Подросши, Илесандръ спрашиваесть у матери: есть ли у него отецъ, и гдѣ оны. „Онъ ужь два года какъ въ походѣ“, отвѣчаесть мать. Ей доносятъ о рожденіи чудеснаго жеребенка:

290 Ужребилу са коне бележита,
Крале има на ноги те,
Глава му е углевица,
Ночи има кату бела бплевица,
Та ни може заптъ да си чини;
Варзали гу сась сребрена синжуре
Па ни може никой да гу яхне.
Какъ ми чье Илесандра войвода,
Си ми слезе долу фафъ ехуре,
Какъ ми виде малка коне бележита,
Ни ми стои ни са чули,
Ютварза си сребрена синжуре
Та си гу юткара на бивекъ ташн,
И коню си стои кату малка живетина
Та гу яхна Илесандра войвода
И два ма та фаркати си ми фаркатъ пу небе ту,
Та си фаркатъ малу многоу,
Малу многоу три месеца.

Когда оныъ вернулся къ матери и еще не успѣлъ слѣзть съ коня, Фелешина вернулся съ похода. Встрѣча отца съ сыномъ та же, что и въ предшествующей пѣснѣ. Фелешина говоритъ Илесандру:

370 Аку имагъ яоще душмане на земле та,
Та ша идешъ на юрдие да ги пледишъ.
Ша ида, тате, йот' да ни ида,
Защо самъ юнакъ надъ юнаци.

Слѣдуетъ пиръ у короля Фелешина и отвѣтъ Илесандра семидесяти королямъ, что оныъ не хочеть ихъ даровъ, а возьметъ ихъ земля,

489 Чи ми са Наречивци те написали
Сита земе да валтисамъ,
Да си бода парва крале на земе та.

И далѣе развитіе то же, что въ предшествующей пѣснѣ: вмѣсто арабскаго царя, у котораго собираются короли, названъ „Пиревита крале“ („Пиревита земе“), вмѣсто Перенина-крале—„Крале Туркмнина“; вмѣсто змѣя является молодой Дзвѣ.

Пѣсня кончается разказомъ о побѣдахъ Александра надъ Туркменномъ и семидесятью королями. Была у Ширевита крале дочь красавица; на пей женится Александръ; у нихъ было семь сыновей, семь дочерей (627 ст.). У Dozon, l. c., имя дочери Ширевита Rojana; когда она говоритъ, у пей изъ рта выходитъ жемчугъ.

Пѣсня о борьбѣ Александра „съ Краля Харашина“ (кратко у В. Э. Миллера, l. c., стр. 123) отвѣчаетъ второй половинѣ предыдущихъ: двѣнадцать кралей гостять у „Харашине крале“, когда загудѣла, затряслась земля, тряслась три дня и три ночи. Является юда-самовила и вѣщаетъ о рожденіи Александра („Лесадрисе войвода“); крали молятся „на Коледа Бога“, чтобъ онъ избавилъ ихъ отъ Александра, та-же юда говоритъ имъ о его долѣ, писанной ему на роду нарѣчницами. Далѣе содержаніе то же; въ роли Шеренина крале (№ 1), крале Туркменина“ (№ 2) является „Харашине крале“.—Вариантъ этой пѣсни („Борба Александра со Ипке крале) отличается главнымъ образомъ новыми именами: Ипке крале (сл. земе Ипкеница)=Харашине крале; семьдесятъ королей названы „крале седемдесе муреника“; Илександра войвода родится въ „Маевска та земе“.

Отъ пересказанныхъ пѣсень отличается слѣдующая, наиболѣе пространная (945 ст., напеч. у Гейтлера l. c. стр. 81—99), введшая новый мотивъ именно въ эпизодъ о рожденіи Александра. Его отецъ названъ на этотъ разъ „Филипомъ“; у него шість дочерой, и Господь, внявъ его молитвѣ, посылаетъ юду-самовилу: пусть пойдетъ въ золотую пещеру, гдѣ сидятъ три юды-самовилы.

27 И писувать касмете ту на люде ту.

При помощи золотыхъ камней, которые даетъ ей Богъ, она наведетъ на нихъ сонъ, которымъ и воспользуется, чтобъ измѣнить въ книгѣ судебъ рѣшеніе о бездѣтности Филиппа—другимъ. Затѣмъ пусть отправится къ озеру, наберетъ тамъ „билька родувита“, и пойдя „фѣ града Белита“ (далѣе: Бела града), броситъ то зелье на ложе, гдѣ покоятся съ своей женой царь Филиппъ. Я опускаю пространно изложенный эпизодъ о томъ, какъ юда-самовила исполнила это порученіе. Царица забеременила; отправляясь въ походъ „на Мурени та земе“, Филиппъ говоритъ женѣ: „Да ма дочекашъ съ мажку дете афъ роки те“. Александръ (Олександра войвода) родится съ такими же чудесными знаками, какъ и въ предшествующихъ пѣсняхъ; на пирѣ, устроенный Филиппомъ, является и „Харашка-крале“ и приноситъ въ даръ ребенку вологлаваго („глава му е волевита“), крылатога коня;

„та са никой ни наема — Да са яхне жребе нименлие“. Къ удивленію отца, Александръ садится на него:

280 Та са Фаркна дуръ на облаци те.
 Съ облаци те са борба борци,
 Та ги борба надбори,
 Та са шета пу земе та
 Я гу пайде либе ни бедиса
 И утиде на Харапска земе.

Слѣдующія затѣмъ похождения Александра отзываются сказкой. Александръ отправляется къ арабскому кралю и обручается съ его дочерью; свадьбѣ быть черезъ три года. Онъ возвращается къ отцу, а здѣсь юда-самовила увлекаетъ его къ цѣлому ряду подвиговъ: онъ доходить до „Бактрата града“, переправляется черезъ рѣку по мосту, сплетенному изъ косъ юды, беретъ въ плѣнъ жену „Бактринева крале“, которому юда отсѣкаетъ голову. Далѣе путь идетъ въ „Ламита земе“; у короля послѣдней есть черныи арабъ: коли ударишь его въ голову, у него вырастаютъ семь головъ; Александръ убиваетъ сго огнипой стрѣлой, которую солнце выпросило для него у своей матери; убить и „Ламита крале“. Какъ услышалъ Арабскій краль о смерти чернаго араба, разсердился; велитъ дочери, невѣстѣ Александра:

679 Я ми дай негувъ никефъ
 Сасъ Татарче да му гу Варна;

посылаетъ татарченка „на Лами та земе фъ Тирна града“, пусть скажетъ, что его дочь „залибила друга крале“. А дочь этимъ недовольна; тайнымъ образомъ она:

699 Фъ никефъ турила житка гременива:
 Ега види Олесядра да познае
 Чи гу мома Йоше либе.

Пристрашенный Александромъ, татарченокъ рассказываетъ ему въ чемъ дѣло, и Александръ, побѣдивъ гдѣ-то на Дунаѣ „Арбалува крале“, идетъ на Арапскую землю („на Баба-града), гдѣ мирится съ своимъ затемъ. Свадьба сыграна; Александръ возвращается съ женою къ себѣ: три мѣсяца шли до „Мафета земе“ и добрались до „Белита града“, гдѣ между тѣмъ Филиппъ уже умеръ. Пѣсня кончается рассказомъ о построении чешмы, воду въ которой заключила юда-самовила, пока не наказалъ ее за то Краль Марко.

Еще одна пѣсня, не находящаяся въ нашемъ сборникѣ, но пересказанная Довономъ (I. с. стр. 40—41), относится къ разбираемому циклу.

Царю Фелише приводить вологлаваго коня, который не даетъ осѣдлать себя и просить держать его на конюшнѣ, кормя хлѣбомъ и виномъ, пока не родится у Фелиши чудесный сынъ—его будущій всадникъ. Фелише ищетъ себѣ невѣсты; служитель Бога (judnina geje) указываетъ ему на дочь царя Янской земли (janska zeme), за которую онъ и сватается; но самъ judnina geje влюбился въ нее и даетъ ей испить зелья, вслѣдствіе чего она не будетъ матерью, пока не сойдется съ нимъ. — Слѣдуетъ отъѣздъ Фелише на войну (противъ царя Румина) и его извѣстное обращеніе къ неплодной женѣ. Черезъ три года judnina geje получаетъ отъ Бога позволеніе сойти на землю и, явившись въ Златнина града, говоритъ царицѣ, что посланъ съ неба, чтобы сдѣлать ее плодною. Когда родится Александръ (съ крыльями за плечами), вологлавый конь ржетъ, срывается съ цѣпей и выбѣгаетъ изъ стойла; на немъ Александръ и выѣзжаетъ на встрѣчу отцу. На слѣдующемъ затѣмъ пиру банъ Ибрагимъ даетъ ему имя „Олесандра войвода“, ибо онъ будетъ юнакъ надъ юнаками, а мальчикъ рассказываетъ, что во снѣ ему явилась юда-самовила и по золотой книгѣ предсказала, что онъ покоритъ всю землю. Арабскій царь, оскорбленный этими словами, уходитъ съ паря; на пути Ламіа совѣтуетъ ему противустоять Александру, который, возмужавъ, строитъ при помощи самовилы Бѣлый городъ, Бела града ¹⁾. Побѣдивъ затѣмъ Арабскаго царя, онъ отказывается войти въ его гаремъ, гдѣ находилась и его дочь, ибо боятся быть побѣжденнымъ дѣвушкой и стать предметомъ насмѣшки. Предоставивъ покоренную страну своему байрактару, онъ возвращается въ Бела града, гдѣ живетъ жизнью отшельника, отказавшись отъ брака и проводя время въ молитвахъ и славословіи.

Коротенькая пѣсня, бывшая въ рукавѣ у Довона (стр. 39) но отсутствующая въ нашемъ спискѣ, также относится къ юности „Александра“, хотя не къ его рожденію: Его отцу подарили вологлаваго коня; много царей собралось въ Бела-градѣ, пытаются сѣсть на коня, но удается это лишь Александру; удивились этому всѣ и повалили, что ему суждено покорить свѣтъ. Когда онъ возмужалъ, началъ воевать, дошелъ до Хинска земе, царь которой вышелъ противъ него съ большимъ войскомъ. Въ битвѣ, побѣдоносной для Александра, его

¹⁾ Въ одной пѣснѣ сборника Верковича, которою пользовался Гейтлеръ (76), Фиданпъ также строитъ Фиданпополь при помощи змѣянаго бога, въ честь котораго и ставитъ храмъ.

конь, тяжело раненый, упалъ, но снова подвинулся, чтобы вынести своего господина, и свалился лишь тогда, когда спасъ его.

Гейтлеръ (74) сообщилъ черту еще одной неизвѣстной мнѣ пѣсни изъ собранія г. Верковича: Фелеша видитъ сонъ, будто изъ лона его жены выросла лоза, осѣнившая всю землю.

Таковы пѣсни, открывающіяся эпизодомъ о „рожденіи и юности Александра“ и въ дальнѣйшемъ развитіи часто не сохраняющія никакой почти связи съ Александровымъ „романомъ“. Тѣмъ болѣе это можно сказать о цѣлой группѣ слѣдующихъ пѣсней, имѣющихъ для насъ значеніе лишь по отношенію къ вопросу о составѣ всего этого эпического цикла. Я ограничусь ихъ краткою характеристикой.

Въ пѣснѣ, озаглавленной: Александрова борба съ седемдесе краля (сл. Миллеръ I. с. стр. 122—123) разказывается, что юда, возлюбленная краля Лесандра, приняла образъ птицы и въ этомъ видѣ ранена кралемъ Белою; влеченная своими сестрами, она спѣшитъ къ Лесандру, и тотъ летитъ на своемъ конѣ на Косу-рѣку, гдѣ Бела въ числѣ другихъ семидесяти королевъ занята молодецкими играми: метаніемъ камней. Лесандръ побѣждаетъ ихъ въ этой игрѣ, вслѣдъ за которою завязывается шестилѣтній бой. И въ немъ Александръ остается побѣдителемъ и женится на возлюбленной Белы. Ея имя: Руже Кичена.

Двѣ пѣсни, изъ которыхъ одна („Александровый войвода Богое надвина Краля Дабеки“) была вкратцѣ затронута В. О. Миллеромъ (I. с. стр. 123), другая пока не издана („Борба Александра со Пиревита крале“), представляютъ одинъ и тотъ же сюжетъ съ разными именами и подробностями. Тамъ и здѣсь Александръ отходитъ на задній планъ: въ первой дѣйствуетъ его вѣтязь Богое, вскормленный молокомъ юды-самовилы; только такой именно юнакъ могъ убить „Сура ламие“, поглотившую Александра; онъ же убиваетъ огненною стрѣлою, которую даетъ ему юда, „Турска крале“, завладѣвавшая „земе Шеренне“. Богое женится на его вдовѣ (Малихина) и Александръ ставитъ его царемъ. „Звезда Флеспесита“, являющаяся въ пѣснѣ, печалующаяся и плачущаяся, очевидно тоже-ственна съ юдой „Пленевитой“ второй пѣсни, гдѣ Богою отиѣчаетъ Йованъ, которому юда даетъ чудесную стрѣлу; ею онъ убиваетъ „Пирета Крале“, потому что въ этомъ вариантѣ походъ направленъ въ „пуста земе Пиревита“. По смерти „Пире та крале“ Йованъ также женится на его вдовѣ, и Александръ также ставитъ его на царство. Эпизода о Ламии нѣтъ; онъ уже встрѣтился намъ въ одной пѣснѣ, пе-

рассказанной Довономъ—какъ встрѣчается и въ слѣдующей: о борьбѣ Александра „со Турска крале“. Заглавіе пѣсни не отвѣчаетъ ея содержанию: Солнце любитъ Хенинку, а мать просватала ее за Римита крале, который является съ свадебнымъ поѣздомъ; во главѣ его Лисандра:

227 Крыле има на мишница
Та си Фарка кату пиле пу позе ту,
И си плина кату рѣба пу море ту,
Уть глава та ду нога те злату коси.

Поѣздъ остановленъ на рѣкѣ „Суроѣ Ламіей“, о девяти головахъ и опашахъ, которую убиваетъ Александръ. Повдѣе Турскій краль идетъ на „Римита градъ“ и уводитъ въ плѣнъ Хенинку, которую Александръ освобождаетъ и беретъ за себя.

Съ приведенною выше пѣсней о Богоѣ связывается общимъ именемъ героя другая: „Борьба Александра со Енкула Рична крале“ Богоя ѣдетъ искать себѣ сверстницу-невѣсту; мать даетъ ему огненную стрѣлу: она пригодится ему „на юдна земе“, гдѣ на десятой планинѣ сидитъ юда-самовила у чешми съ водой, ею заключенною. Богоя убиваетъ ее и отправляется „на Енкулова земе“. У Енкула семь братьевъ, семь сестеръ, младшая—красавица Красина; всѣхъ сватавшихся за нее Енкулъ сажалъ въ темницу. Богоя увовить ее, но братья его преслѣдуютъ, и онъ принужденъ поступиться своей добычей—и свачеть одинъ къ Исандру, котораго подбиваетъ на походъ въ Енкулову землю. Вой на Косовомъ полѣ и пораженіе враговъ. Какъ увидѣлъ Александръ Красину, позарился на нее самъ, но Господь наказалъ его:

330 Ють небе сіа громъ падна
Та погуби Исандра.
И Богое си седна на стола
Та се либи мома Красина.

Изъ всѣхъ пѣсней сборника г. Верковича, разобранныхъ выше, большая часть относится, болѣе или менѣе близко, къ эпизоду о рожденіи Александра, три объединены именемъ Александра витязя Богоя и тожественнаго съ нимъ Йована и съ Александровою сагой не имѣютъ ничего общаго. Можетъ быть, въ пѣснѣ о семидесяти краляхъ и метаніи ими камня въ запуски позволено видѣть, вмѣстѣ съ В. Θ. Миллеромъ (I. с. стр. 123), воспоминаніе объ олимпійскихъ играхъ Александра; только я указалъ бы по этому поводу не на Псевдокаллистоена (I, с. 18), а на ту Александрію особаго состава.

популярную на славянскомъ югѣ, гдѣ этотъ эпизодъ разработанъ по идеѣ дѣйствительнаго боя, какъ и въ пѣснѣ состязаніе переходитъ въ битву. Уже выше было замѣчено, что на сложеніе пѣсенъ о рожденіи Александра вліяніе княжпой Александріи несомнѣнно; таково мнѣніе и г. Миллера. Рѣчь Филиппа, отвѣщающаго на войну, къ бездѣтной жонѣ совершенно воспроизводитъ такой же эпизодъ Псевдокаллистоена и сербскаго романа; Нектенавъ послѣдняго, являющійся къ Олимпіадѣ въ образѣ бога Аммона, съ рогами васлиса на головѣ, опашью аспида и крыльями грифа, отвѣчаетъ царевичу-змѣю пѣсенъ, съ крыльями на ногахъ. Если и самъ Александръ представлялся крылатымъ, летающимъ по поднебесью (чи си фаркалу кату пиле на небе-ту), то это представленіе, вѣроятно, находится въ связи съ легендарнымъ испытаніемъ Александромъ небесной высоты и морской глубины; см. въ одной пѣснѣ: И си плива кату рыба ну море ту.—Вологлавый конь(=Букефалъ) подъ стать чудесному ребенку, который растетъ не по днямъ, а по часамъ, какъ герои ново-греческой и русской пѣсни, спрашиваетъ у матери, гдѣ его отецъ, какъ Армури средне-греческой былинны и сынъ Саула Леваидовича въ былинѣ русской, и выѣзжаетъ на встрѣчу отцу, возвращающемуся изъ похода, на своемъ чудесномъ жеребенкѣ.

Таковъ остовъ Александріи или, лучше сказать, ея начала, схваченный пѣсней, которая привязала къ нему, какъ къ центру, цѣлый рядъ новыхъ подробностей, отдаляющихъ насъ отъ первоисточника. Все это, пока, въ стилѣ народной пѣсни, извлекающей изъ своего оригинала двѣ-три казовыя черты и минующей то, что въ оригиналѣ намъ показалось бы болѣе существеннымъ. Въ смыслѣ этого творчества и забвеніе именъ, и измѣненіе, и двойственность географической обстановки: насъ не поразить эти арабскіе и турецкіе крале, какъ и забвеніе такого имени, какъ Дарій; если Роксанѣ отвѣчаетъ Руже Кичена (Миллеръ, стр. 123 прим. 1), то въ пѣснѣ о борьбѣ Александра къ Енкулой упоминается и Росана, подарившая Богою „аматну руху“. Росана какъ бы парочко осталась, чтобы объяснить намъ Руже Кичена, какъ Филиппъ въ одной пѣснѣ—въ разъясненіе Фюлюше и Фелешина другихъ; Пире та крале—для Пиревита крале (Порь?).

Подобное чередованіе можетъ быть объяснено а priori болѣею близостью однихъ вариантовъ къ своимъ источникамъ и вообще древностью всѣхъ этихъ пѣсенъ, съ ихъ чередованіемъ литературныхъ и народныхъ формъ одного и того же имени. Источникомъ мы предположили Александрію, особливо ту ея редакцію, которая распростра-

вена и въ славянскихъ спискахъ, и въ печатной народной книгѣ, греческой, сербской и болгарской. Именно такая широко распространенная повѣсть и могла вызвать народныя пѣсенныя обработки, и никакая другая. Какъ отнести послѣ этого къ упоминанію въ пѣснѣ, удержавшей имя Филиппа, города Бактрата, „Бактринева крале“ и „Арбалува крале“? Положимъ, что послѣдній локализованъ гдѣ-то на Дунаѣ, но имя несомнѣнно созвучно съ Арбелой, а Бактрата съ Бактрой—мѣстностями, хорошо извѣстными изъ исторіи Александра, только не его романтической; онѣ не упоминаются ни въ Псевдокаллисопѣ, ни въ сербской Александріи, ни въ пар. книгѣ (греч., сербск., болг.). Въ Плутарховомъ жизнеописаніи Александра V, 2, не пѣ романсѣ о послѣднемъ, читаются и извѣстныя слова Александра, съ которыми въ пѣснѣ онъ обращается къ отцу: ὦ παῖδες, πάντα προλήψεται ὁ πατήρ· ἐμοὶ δὲ οὐδὲν ἀπολείψει μεθ' ὑμῶν ἔργον ἀποδείξασθαι μέγα καὶ λαμπρόν. Замѣчу кстати, что если въ другой пѣснѣ Александръ мечетъ камнемъ въ запуски съ семидестью королями, то идея вышла, быть можетъ, не изъ сербской Александріи, какъ мы предположили выше, и не изъ Псевдокаллисоена, а изъ Плутарха l. c. IV, 3, гдѣ на вопросъ Александру, желаетъ ли онъ участвовать въ Олимпійскихъ играхъ, онъ отвѣчаетъ: εἰ γὰρ, ἔφη, βασιλεῖς ἑμελλόν ἔξαιν ἀνταγωνιστάς.

Нежеланіе Александра войти въ гаремъ сраженнаго имъ царя, гдѣ находилась и его дочь, чтобъ не быть побѣжденнымъ женщиной, находитъ себѣ параллель не въ сходномъ его изреченіи у Псевдокаллисоена и въ сербской Александріи (тамъ и здѣсь по поводу Амазонокъ; см. Къ Вопросу о сербск. Александріи, Ж. М. Н. Пр., 1884 г., сентябрь, стр. 35 и 56), а въ томъ же Плутархѣ (XXI, 3) или, скорѣе, у кого-нибудь изъ позднѣйшихъ пересказчиковъ его апоетеми; см. напримѣръ, св. Максима, *Local communes* (ed. Migne, *Patrolog. Græc.* t. XCI, p. 741): Ἀλέξανδρος αἰχμαλώτους λαβὼν τὰς Δαρειοῦ θυγατέρας, ἐπειδὴ συμβούλευον αὐτῷ οἱ φίλοι, εὐειδέων οὐσας αὐταῖς συγγενέσθαι Αἰσχρόν, ἔφη, ἐστίν, ἄνδρας νικῆσαντας ὑπὸ γυναικῶν ἠττηθῆναι (см. Стобен *Florilegium* X 5, 36; *Василія Великаго* *Περὶ σωφροσύνης*, Migne, *Patrol. Gr.* t. XXXII, p. 1345 и друг.).

Остановимся еще на одномъ сопоставленіи. У Псевдокаллисоена ред. В Вукефалъ погибалъ въ битвѣ Александра съ Перомъ; въ сербской Александріи и ея источникѣ, на оборотъ, онъ умиралъ при смертномъ одрѣ Александра; наконецъ въ редакціи Псевдокаллисоена С обѣ данныя удержаны: Вукефалъ погибаетъ въ битвѣ; далѣе въ той же главѣ говорится, что онъ вынесъ изъ битвы Александра, а

въ концѣ романа упоминается о его смерти въ пору Александровой кончины. Очевидно, здѣсь соединеніе двухъ различныхъ преданій, либо повѣстей о смерти Вукефала; одну изъ нихъ излюбила сербская Александрія, другую мы находимъ—въ пѣснѣ г. Верковича, гдѣ вологлавыи конь также погибаетъ послѣ того, какъ вышесъ Александра изъ боя съ Хинскимъ царемъ.

Какъ объяснить себѣ эти параллели между пѣснями г. Верковича и письменными разказами объ Александрѣ? Къ этимъ параллелямъ Гейтлеръ (стр. 74) присоединилъ и еще одну: сближеніе Филиппова сва передъ рожденіемъ сына (лоза вырастающая изъ лона жены) съ *Herod. I, 108* (о рожденіи Кира), выражая (стр. 72) предположеніе, что романъ объ Александрѣ вышелъ изъ народныхъ новѣстей о немъ, и что именно остатки этихъ повѣстей и сохранились въ нашихъ македонскихъ пѣсняхъ. Иначе смотритъ на дѣло г. В. Миллеръ, признавая въ послѣднихъ народную переработку письменной Александріи. Къ тому и другому изслѣдователю можно обратиться съ такими вопросами и недоумѣніями: какъ объясняютъ они себѣ въ пѣсняхъ Арбелу и Бактру, которыхъ нѣтъ въ Александріи и не могли быть въ народномъ македонскомъ преданіи? считаютъ ли они возможнымъ, чтобы вычурные апоетеги Александра (напримѣръ, боязнь быть побѣжденнымъ женщиной) удержались въ народной памяти (по гипотезѣ Гейтлера), либо попали въ пѣсню изъ какого-нибудь письменнаго источника помимо сербской Александріи (гипотеза г. В. Миллера)? Въ стилѣ ли народной поэзіи глосса въ родѣ слѣдующей: что мальчика называютъ Александромъ, ибо онъ будетъ юнакъ надъ юниками? См. въ началѣ сербской Александріи: „нарече име кмоу Алеѣньдръ, по грѣчкому кзѣкоу зове се избрании моужъ“.

Все это говорить не за исконное пѣсенное преданіе и не за народныхъ пѣвцовъ, опозитизировавшихъ отрывки преданія литературнаго. Еслибъ и допустить послѣднее, то лишь при значительномъ воздѣйствіи ученыхъ или, скорѣе школьныхъ ремнииспенцій, и едва ли этому вездѣйствію не слѣдуетъ приписать рѣшающую роль въ происхожденіи всего этого пѣсеннаго цикла. Я не говорю здѣсь о поддѣлкѣ, а о взаимодѣйствіи школьнаго или домашняго чтенія (Александріи) и какихъ-нибудь мѣстныхъ памятей, которое необходимо имѣть въ виду при объясненіи генезиса того или другаго мѣстнаго преданія или легенды. Это взаимодѣйствіе ввело въ побывальщины Верковича городъ Белу, Белить=древнюю Пеллу. Въ редакціи A L Псевдокаллисоена (I 3) Нектанебъ является *εις Πάλλην τῆς Μακεδονίας*; въ

В и С: εἰς πόλιν; въ сербск. Александрии (Jagić p. 222): къ Филипу и македонински град, который далѣе зовется Филиппами; греческіе, доступные намъ источники этого перевода разногласятъ: въ вѣнскомъ текстѣ Вусбека: εἰς τοὺς Φιλίππους εἰς τόπον τῆς Μακεδονίας; въ греч. народной книгѣ (изд. 1852 г. стр. 10): εἰς τὴν χώραν τῶν Φιλίππων, ὀνομαζομένην εἰς τὸ παλαιὸν Πέλλα, которая находилась у нынѣшняго Ala-kilissi, а у Анны Комнены V, 5 зовется Ἄσπρα Ἐκκλησία=Бѣлая церковь (=Бѣла градъ), въ побережьи при устьяхъ Вардара¹⁾.

Гейтлеръ полагаетъ (стр. 76)), что разказъ одной пѣсни о созданіи Филиппомъ Филиппополя, гдѣ онъ строитъ церковь во имя помощнаго ему змѣннаго бога, перенесъ къ новому мѣсту, и что другая пѣсня говорила о построеніи Велы=Пеллы. Такое смѣшеніе понятно въ народной поэзіи, говорятъ авторъ; но я обращаю вниманіе на народную греческую книгу, гдѣ подобное смѣшеніе (Филиппъ съ Пеллой) совершилось — подѣ влияніемъ ли народной пѣсни, или въ свою очередь опредѣляя ея колебаніе?

Отъ Пеллы сохранились, какъ оказывается, не только развалины, но и преданія съ именемъ Александра Македонскаго. „У Пуливаковцевъ существуетъ преданіе, что они чистые македонцы и потомки Александра Великаго. Дольнополенцы, а особенно живущіе въ окрестностяхъ Сазара, гордятся древнею столицею, то-есть, городомъ Бѣлюю (Бяла), отъ котораго удѣляли только одна башня да стѣна вышиною въ 5 аршинъ. Горнополенцы, а особенно живущіе по правой сторонѣ города Водена, гордятся тѣмъ, что они македонскіе болѣри²⁾; они вѣрятъ, что въ томъ городѣ находились лѣтніе дворцы Македонскихъ царей, а также и ихъ столица до построенія города Бѣлы и называлась Ведица. Въ самомъ дѣлѣ и въ настоящее время находится тамъ небольшое село подѣ именемъ Фетица на получасовомъ разстояніи отъ другаго села Царь Мириново, на мѣстѣ достойномъ для столичнаго или царскаго города, гдѣ искапывается довольно древностей³⁾. Сл. недавнее сообщеніе Шапкарева, касающагося той же

¹⁾ Geitler l. c. p. 76; *Иречекъ*, Ист. Болгаръ, пер. Бруна и Палаузоа, p. 276.

²⁾ Сл. *Миладиновци*, Болг. нар. п. стр. 527: въ Воденѣ погребались Македонскіе цари.

³⁾ *Верховичъ*, Описаніе быта Болгаръ, поселяющихся Македоцію, стр. 27—28.

мѣстности ¹⁾. „Три часа на истокаъ отъ Вардаръ—Енидже на лѣво отъ пѣтъ-тъ къмъ Солунъ, има село Българско, наричано „Апостолъ“; а на самий пѣтъ, малу къмъ югъ отъ село-то, има изобилна студена вода, коя-то тече по водопроводи и чешми. Това мѣсто сега се нарича „баня“... Тамъ въ вода-та често се намиратъ мѣдни и сребърни Александрови монети. Широко-то равнище, на кое-то е разположено днесъ рѣчено-то село „Апостолъ“ казвать да е било мѣстоположеніе-то, на кое-то се гърдѣла нѣкогашна-та Македонска столица Пела или Бела. Пърстъ-та на това мѣсто е бѣликава“. Въ разстояніи часа на юго-востокаъ отъ Гумедже, близъ села Гургопникъ, видны развалины Габрова. „Тамъ, спорѣдъ стари прѣдания, запазени у мѣстни-тѣ жители, били вложени и се пазели съкровища-та на Александра Великий. И дѣйствително, и днесъ още, кога-то пада силенъ дъждъ, и послѣдва порой, тамъ находятъ много ветки пари, Александрови и Филипови монети. Въ сѣще-то село има пословица, коя-то е въ употрѣбление у селяни-тѣ: „Кога ки сѣ найдѣтъ Габровски-тѣ маази, тогай турчинъ-тъ ки си пасите на пари“.

Какъ опредѣлять въ этихъ повѣрныхъ долю дѣйствительно мѣстной, не литературной саги—я не знаю; для рѣшенія слишкомъ мало данныхъ. Въ другомъ случаѣ оно представляется возможноѣе. Когда Дозонъ (I. с. р. 38) посѣтилъ развалины Драмы, между Сересомъ и мѣстоположеніемъ древнихъ Филиппъ, его проводникъ указалъ ему въ полу-горѣ, на которой высилась древняя крѣпость, линію утесовъ, которые онъ назвалъ яслими Александра копя. Проводникъ этотъ, человекъ не безъ нѣкотораго образованія, представлялъ себѣ Александра и Дарія мѣстными царями, какъ въ Демиръ-Гиссарѣ какой-то турокъ предложилъ Дозону купить монету Александра, „короля Драмы“. Едва ли нужно доказывать, что въ данномъ примѣрѣ мѣстную сагу создали грамотные или слышанные люди. Въ сербской Александрии (Jagić, стр. 229—230) разказывается о первомъ выѣздѣ Александра на Вукефалѣ; выведя его изъ коюшпи (=если мѣстнаго преданія), онъ опережаетъ верхомъ на немъ всѣхъ другихъ витязей. Тамъ, гдѣ онъ остановилъ коня на честихъ изворехъ, (я выбралъ, исправляя, вариантъ, отвѣчающій греческому тексту), онъ построилъ городъ, который назвалъ „Драм, ере по сръбскомъ езикѣ по-

¹⁾ Русалинъ, древнѣи и твърдѣ интересенъ българскій обичай запазень и до днесъ въ южна Македония. Нап. и изд. *К. Л. Шапкаревъ*. Пловдивъ 1884, стр. 21, 23—24.

течише¹⁾, въ греческомъ текстѣ (по рукоп. Вусбека): „ἔκου εἶνα, βρύσαις ἢ πολλαῖς¹⁾), καὶ ἐκαὶ ὄρισεν καὶ ἐποίησαν χάστρο, καὶ ἐπὶ νόμισαν τὸ χάστρο ἐκεῖνο Δρομὴ καλὴ=Драма; отсюда уже Александръ—кратль Драмы.

II.

Устраняя изъ области собственно народной литературы сборникъ г. Верковича, я не отрицаю сказанное въ началѣ этой замѣтки—о возможности перехода книжной Александрии въ дѣйствительно народно-поэтической капиталъ, въ преданія и пѣсни. Подобныя преданія могли сложиться даже довольно рано, хотя и не думаю, чтобы Ниропъ былъ правъ, открывая подобныя мѣстныя преданія у Aimé de Varennes²⁾.

Aimé de Varennes былъ на востокѣ во второй половинѣ XII вѣка: видѣлъ Дамьетту, Ипсалу (Escorple), Адрианополь, Филиппополь, Галлиполи, гдѣ жилъ нѣкоторое время; ему знакомъ путь въ Грецію изъ Египта и изъ Сирии (bras St. Jorge); онъ называетъ Avedon = Абидосъ и Boscadave = Vouquedave Вильгардуена, мысъ при устьѣ Дарданеллъ. Онъ научился по гречески, хотя очевидно плохо. Филиппополь оказывается на рѣкѣ

Qui est Potamena (πόταμος) appellés,
Ensi a-il nom en grijois,
Ne sai pas son nom en françois.

Французское ost авторъ переводить греческимъ словомъ sabato, означающимъ—говорить онъ—еще и людей близкихъ къ императору:

Proto dist en français le premier,
Sabbato c'est pour ostioier.

¹⁾ См. Tomaschek, Ueber Brumalia u. Rosalia, въ *Sitzungsber. d. philos. hist. cl. d. kais. Ak. d. W.* (Wien 1869, LX B. p. 381): Drama liegt 3¹/₂ Stunden nordwestlich von Fillbezik in einer quellreichen Gegend; Paul Lucas (a. 1705) bemerkt in seinem Reisebuch, c. XXVII: il passe dans cette ville plusieurs petits ruisseaux, dont l'eau est fort claire. Mitten am Wege an dem Gebirgsabhang liegt ein Weller, Buuar—basî, d. i. «Quellkuppe», so genannt, weil daselbst, zahlreiche Quellen entspringen. Hier oder dort mag wohl im Alterthum die Pflanzstadt der Thasier Κρυπίδας gelegen haben, deren Einwohner zur Gründung von Philippî gezogen worden waren.

²⁾ Объ Aimé de Varennes см. Nyrop, Aimon de Varennes, въ *Archiv für d. Studium der neuer. Sprachen.* t. LXXIII, I. H. (1885) стр. 47 слѣд. См. P. Paris, Les Mss. franc. de la bibliothèque du roi, t. III, p. 9—53; Hist. litt. de la France, t. XV, p. 486—491 (Ginguené); t. XIX, p. 678—681 (A. Duval). О мѣстныхъ преданіяхъ у Aimé de Varennes см. Nyrop l. c. стр. 67 съ ссылкой на Rohde, Der griech. Roman p. 536 слѣд.; Ten-Brink, Engl. Lit. p. 212.

Разумѣется, очевидно, *κροτοσάβρατος*, при чемъ *σάβρατος* повело автора, черезъ лат. *augustus*, къ старо-франц. *aost*, которое онъ и смѣшалъ съ *ost*. Кличка, которую даетъ себѣ одно изъ дѣйствующихъ лицъ, *Flocart*: *Casorédie* — переводится „*mauvais garchon*“, что попятнѣе заявленія, будто имя *Florimont* по гречески будетъ *Elenéos*. Встрѣчаются и цѣлыя греческія стихи:

Et en grijois escrient tuit:
O zeus ofemdam (*αὐθιέντης*) calo,
Salva tuto vassillio.
C'est en françois: Diex bon signor,
Gardez hui nostre empereor.

Или:

Is crient tuit: Metha Zio!
Calo tuto vassillio!
Ice velt dire en françois:
Si m'aist Diex! bons est li roia.

Вернувшись во Францію, *Aïmes*

porpensa soi d'une estoire
Que il avoit en sa mémoiro.
Il l'avoit en Grèce vede,
Mais n'estoit pas par tout sêue.
A Felipople la trova.

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что

Traist de grec l'histoire latine
Et del latin fist le rouman.

Здѣсь разумѣется романъ о *Florimont*, написанный имъ въ 1188 году, по существу довольно скучный roman d'aventure, интересный намъ не по своему измышленному содержанію, а по указаніямъ на нѣкоторые источники Александровой саги, которые авторъ могъ въ самомъ дѣлѣ найти или услышать въ Филиппополѣ.

Содержаніе его слѣдующее: У Мадіана, египетскаго эмира (*amiral*), отъ жены, принесшей ему въ приданое Грецію, родились сыновья: Селокъ (*Селевкъ?*) и Филиппъ *Maséthus*. Первому онъ оставляетъ въ наслѣдство Вавилонъ, то-есть, египетскій, второму Грецію. Филиппъ убиваетъ страшнаго льва гдѣ-то за Болгаріей; на мѣстѣ его логовища построенъ городъ, которому царь далъ свое имя: *Philiprole*. Уступая желанію своихъ бароновъ, Филиппъ женится на дочери Африканскаго и Варварійскаго царя *Менея*, *Mordallie* (*Mordallie*); у нихъ дочь красавица *Романадалла*; по имени (*Romanadarle*), про-

чтенному на изворотъ, можно угадать другое, болѣе знаменательное: Plepa d'amor; ее обучаетъ всему, что слѣдуетъ знать дѣвушкамъ, учительница Cirgiane, съ острова Кипра. Она хорошеетъ съ каждымъ днемъ и къ ней начинаютъ присватываться, между прочимъ Кандюбрасъ, страшный царь Болгарин. Получивъ отказъ, онъ идетъ на Филиппа войною.

Рядомъ съ этою генеалогическою сказкою — другая: у албанскаго герцога Mataquas (у него городъ Dugas=Durazzo) сынъ Florimont. Его первый подвигъ—бой съ страшнымъ чудовищемъ, пожирившимъ ежедневно по меньшей мѣрѣ одного человѣка и одного быка. Флоримонъ его убиваетъ. На обратномъ пути онъ встрѣчается съ восхитительною дѣвушкой, властительницей Незримаго острова (Ne Celée); они полюбилися другъ другу: она даритъ ему мечъ, обладатель котораго становился необходимымъ, волшебный перстень, и совѣтуетъ извлечь изъ ранъ сраженнаго чудовища цѣлебную мазь, врачующую всякія рапы. Оказывается, что чудовище гнѣздилося во владѣніяхъ пѣлаго Гарганея, властителя племени гигантовъ, пользовавшагося общественными бѣдствіями для введенія суровыхъ налоговъ, къ которымъ былъ обязанъ и отецъ Флоримона. Теперь, когда бѣды прекратились, а Гарганей по прежнему требуетъ дани, Флоримонъ убѣждаетъ отца отказать ему въ ней и принимаетъ вызовъ великана, отличнаго владѣннаго палицей. Вой, побѣдоносный для Флоримона, происходитъ въ Капитанатѣ, у подошвы высокой горы, названной вполнѣдствіи Monte Gargano.

Таинственная властительница Незримаго Острова согласилась отдаться Флоримону лишь подъ условіемъ, чтобъ ихъ любовь была тайною, нарушеніе которой будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и концомъ ихъ взаимнаго счастья. Воспитатель Флоримона и его мать узнали о его страсти и нарушаютъ тайну. Влюбленные принуждены разстаться; Флоримонъ опечаленъ, велитъ называть себя *Rauvre perdu* и ведетъ себя какъ рыцарь „печальнаго образа“; сѣтуетъ и дѣвушка, по попроствѣи трехъ лѣтъ выходитъ замужъ за племянника болгарскаго царя Кандюбраса. У нихъ сынъ—Нектанебъ:

Rois fu, tant fist d'enchantement:
La mer faisoit meller au vent
Qui en l'île voloit entrer
Por mal faire ne por rober,
Les nés faisoit plungier sovent
En la mer par enchantement.

Между тѣмъ Кандіобрасъ все еще воветъ съ Philippe Mascéus, и ему пришлось бы плохо, если бы Risus, король Калабрин и Terre de Lobour (старофр. Rise=Reggio; отсюда Risus) вмѣстѣ съ Флоримонъ не пришли къ нему на помощь. Кандіобрасъ разбить подъ Адрианополемъ; а тѣмъ временемъ Флоримонъ успѣлъ свидѣться и слюбиться съ Романадаплой, на которой и женится. Ихъ сынъ Филиппъ беретъ за себя дочь Карфагенскаго эмира Олимпіаду и заявляетъ притязаніе на Пе Селée, во владѣніе которымъ вступилъ Нектанебъ. Поводъ къ притязанію тотъ, что первымъ возлюбленнымъ владительницы Незримаго острова былъ отецъ Филиппа, Флоримонъ. Нектанебъ изгнанъ изъ своего наслѣдья и, пріютившись при дворѣ побѣдителя, воспитываетъ его сына Александра.

La gent en disoient folie
Que Olimpias fu sa mie,
Qu'Alexandres ses fins estoit.
Mais cil se ment qui te disoit,
Grant mençoigne dist qui le dit,
Quar Alixandres puis l'ocist.

О Филиппѣ и Александрѣ разказывалось еще слѣдующее:

Cest Philippe que je vos di
De l'eritaige moult perdi
Et moult en ot de grans ennis,
Mais Alexandre conquist puis...
Asses plus qu'il n'en ot perdu.
Puisquist li rois de Macedoine
Por heritaige Babiloine,
Et en Babiloine fu mors,
Mais en fu grans pechiés et tort:
Cil qui le devoient servir
Le firent à dolor morir.

Въ другомъ мѣстѣ говорится:

De Philipon de Macedoine
Qui fut norris en Babiloine.

Свѣдѣнія объ Александровомъ романѣ, сообщаемыя романомъ о Флоримонѣ, интересны при всей своей отрывочности. Aimes de Vagennes, какъ оказывается, раздѣляетъ отрицательный взглядъ автора древнѣйшей романской Александрии, Альбариха Безансонскаго, и его переводчиковъ, на фабулу Псевдокаллистеена и его отраженій: о Нектанебѣ, какъ отцѣ Александра. Сл. Albéric de Besançon:

Dicunt aliquant estrobatour
 quel reys fut filz d'encantatour.
 mentent fallon losengeatour и т. д. ¹⁾.

Онъ—сынъ Филиппа и Олимпиады, которая названа африканскою (карфагенскою) царевной. Откуда явилась у нашего автора эта особенность, неизвестная изъ другихъ Александриѣ,—я не знаю. Можно было бы предположить знакомство съ откровениями Меодія, гдѣ Олимпиада является эеіонскою царевной, дочерью Фола, какъ другая подробность его романа могла бы быть истолкована изъ сербской Александрии. И имѣю въ виду то указаніе, что Александръ унаслѣдовалъ Вавилонъ и тамъ же умеръ. Такъ какъ въ романѣ (судя по извлечениямъ) упоминается лишь египетскій Вавилонъ, въ которомъ царили предки Александра по матери, то вопросъ о наслѣдствѣ объяснился бы самъ собою, а смерть въ египетскомъ Вавилонѣ наша бы себѣ параллель въ соответствующемъ внизоудіи сербской Александрии, приурочивавшей кончину Александра именно къ этому городу. Вѣроятноже, впрочемъ, что авторъ въ послѣднемъ случаѣ имѣлъ въ виду Вавилонъ азіатскій и особую редакцію Александровой саги.

Это потребуетъ нѣкоторыхъ объясненій. У Юстина VIII, 6 и Орозія III, 11, Олимпиада—сестра Александра, царя Эпирскаго; такъ и у Alberic de Besançon: Et prist moylier.... Sor Alexandre al rey d'Épir. Объ этомъ Александрѣ разсказываетъ Юстинъ XII, 2: Porro Alexander, rex Epiri, in Italiam a Tarentinis auxilia adversus Brutios deprecantibus, sollicitatus, ita cupido profectus fuorat, veluti in divisione orbis terrarum Alexandro, Olympiadis sororis suae filio, oriens, sibi occidens sorte contigisset; non minorem rerum materiam in Italia, Africa Siciliaque, quam ille in Asia et in Persis habiturus. Huc accedebat, quod, sicut Alexandro magno delphica oracula insidias in Macedonia, ita huic responsum Dodonaei Jovis circa urbem Pandosiam amnemque Acherusium praedixerat. Quae utraque cum in Epiro es-

¹⁾ См. *Нурог*, I. с. р. 54—55 прим. на стр. 54. Встаринномъ дѣлаетъ Александра и Камонья въ отвергнутыхъ имъ самими строкахъ IV-й пѣсни Лувиадъ: незаконорожденные дѣти были всегда талантливы, говоритъ онъ,—какъ Эдмундъ въ королѣ Лирѣ (1 дѣйствіе, 2 сцена) и Don John въ Доуѣ Карлошъ Отвей; въ приѣздѣ приводятся, между прочимъ, Гомеръ и Орсей;

Pois se he certo o que a fama já escreveo,
 Se muitos a Philippo nomearam
 Por pae do Macedonico mancebo,
 Outros lhe deo o manho Nestanebo.

sent, ignarus eadem et in Italia esse, ad declinanda fatorum pericula, peregrinam militiam cupidius elegerat.... Здѣсь онъ бьется съ апуліяцами, бруцціями и луканами, заключаетъ дружественные союзы съ метапонтанцами, педикулами и римлянами—и погибаетъ близъ Пандозіи и рѣки Ахеронта. Туріи выкупили его трупъ и похоронили.

Я позволилъ себѣ эту выписку, потому что итальянскія войны Александра Эпирскаго несомнѣнно отразились въ эпизодѣ объ итальянскомъ же походѣ его македонскаго соименника, и не только въ Псевдокаллисеевѣ и его отраженіяхъ. Александръ Эпирскій вызванъ въ Италію тарентивцами; Псевдокаллисеевъ въ указанномъ эпизодѣ Тарента не упоминаетъ, но въ греческомъ оригиналѣ сербской Александрии Дарій пишетъ Александру: ἤλλες καὶ εἰς τὴν Ἰταλίαν καὶ εἰς τὴν Αὐρίβαν καὶ εἰς τὰ Τάραντα, а въ житіи св. Панкратія, въ вводной повѣсти о Таврѣ и Мени, тавроменаты бьются съ македонянами ἐν Τεραντῶ.

Возвращаясь къ генеалогіи Олимпіады, замѣтимъ, что у Лампрехта въ его пересказѣ Альбериха Безансонскаго, Александръ названъ царемъ не Эмира, а Персидскимъ:

Ze Perse heter daz lant (Vor. Alex. 96)

Ze Persien het er daz lant (Strass. Alex. 114).

Кинцель (Lamprechts Alexander, стр. 399 прим. къ v. 112) предполагаетъ ошибку переводчика, прочитавшаго: deperse вм. derig; и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что далѣе эти персидскія родственныя отношенія Александра вовсе не разработаны. Между тѣмъ они дѣйствительно существовали въ преданіи, въ особой переработкѣ Псевдокаллисеена. Я разумѣю Шах-намѣ. По Фирдуси, Дарабъ (Дарій), женился на дочери побѣжденнаго имъ Филиппа (Filius), по имени Nahib, но послѣ первой брачной ночи изгоняетъ ее и отсылаетъ къ отцу. Здѣсь по прошествіи девяти мѣсяцевъ она родитъ Скандера-Александра; а у Дараба отъ дочери Китайскаго хапа родится другой сынъ (Дарій), который и наследуетъ отцу. Такимъ образомъ въ слѣдующей далѣе войнѣ съ Даріемъ Александръ дѣйствительно достаетъ отцовское наследіе, какъ и у Aimon de Varennes онъ ищетъ

Por heritage Babiloine,

гдѣ, въ добавокъ родился и его отецъ, Филиппъ.

Предложенный разборъ (не изданнаго пока) Флоримона, на сколько можно судить о его содержаніи по пересказамъ и извлеченіямъ, бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на качество тѣхъ преданій, которыми Aimes

могъ услышать или и найти (въ видѣ книги: à Feirpore la trova?) въ Филиппополѣ. Если это заявленіе касается всего разказа о предкахъ Александра, то онъ можетъ быть названъ традиціоннымъ лишь по отношенію къ общимъ мѣстамъ западнаго roman d'aventures, которыя авторъ вдвинулъ въ новую, знакомую ему обстановку, какъ такія же общія мѣста сказки изобилуютъ въ пѣсняхъ г. Верковича. Что касается воспоминаній объ Александрѣ, то въ то время какъ пѣсни г. Верковича отражаютъ, вѣстѣ съ чертами Плутарковой біографіи, эпизоды греко-сербской Александрии, дѣйствительно популярной въ Македоніи и Болгаріи, у Aimon de Varennes нѣтъ ничего подобнаго. Единственный мотивъ (Вавилонъ какъ Александрово наслѣдье), который мы могли услѣдить—не по отношенію къ его источнику, а къ его параллели—указываетъ на востокъ и восточную рецензію Александровой саги; могъ ли авторъ услышать ее во второй половинѣ XII вѣка въ Филиппополѣ? Слѣдуетъ ли заключить изъ этого обстоятельства, что греко-сербская Александрия, съ ея національно-египетскими отношеніями, еще не была въ то время извѣстна на греко-славянскомъ югѣ, или что все сказанное авторомъ объ „исторіи“, найденной имъ въ Филиппополѣ, принадлежитъ его вымыслу? Последнее всего вѣроятнѣе, хотя при недостаткѣ матеріаловъ точное рѣшеніе здѣсь не возможно.

II.

Хананен-кинокефалы и иконографическія изображенія св. Христофора.

(Посвящается О. Э. Лемму).

Поль Мейеръ (Romania, № XXVII, стр. 441—444) выбралъ изъ памятниковъ старо-французской и провансальской поэзіи цѣлый рядъ указаній на загадочный народъ Chanellus, Chenellus, Canelius, Quenellus, Kaneller, Canineus и т. п. ¹⁾ Къ упоминаніямъ, имъ собраннымъ ²⁾, присоединю еще и Renier:

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1884, июль, стр. 183, прим. 2.

²⁾ Ch. de Rolant, Aye d'Avignon, Jérusalem, Girart de Roussillon; Chanson de Croisade, напис. окт. 1146 года; Vie de st-e Thais; Bodel, Jeu de st. Nicolas; Blancandin; Rutebeuf, Complainte d'outremer; Peire Vidal, Aimerie de Belenoi.

Li Kanilier ne sevent chevanchier.
Tous vont à pié, li felon losengior;
Chascuns portoit ou macue ou levier,
En une flote sont plus de XX millier
En l'autre après sont li Pincenart fier,
Tout sont cornu et devant et derrier.

Какъ здѣсь Kanilier сопоставлены съ Pincenart, такъ въ другихъ случаяхъ они являются рядомъ съ другими невѣрными, погаными народами:

Assez i ot paien et Turc de pute saingne,
1699 Et felons Canelius et Mors de Morienne
(Aie d'Avignon).
8130 Che sont et Gauffre et Bogre et Chen eleu pullent
(Jérusalem).
Et pire vie mainnent que juif ne Sarrazin
Et plus horz ne sont mie Chaneliu barbarin
(Vie de St-e Thais).
D'autre part vionent cil de Tharse,
Et Coramin et Chenilier.
(Rutchouf).

Въ Jeu de st. Nicolas Боделя li Keneliu упоминаются вмѣстѣ съ Achopart, въ которыхъ П. Мейеръ (l. c. p. 440) видитъ народную передѣлку Aethiops, и съ Galans:

Va moi par tout semonre Galians et Queneliox;
они не говорятъ, а лаютъ:

7431 Chenelex oisiez glatir et abaihier
(Jérusalem).

Форма именъ: Canineus (Girart de Roussillon, Peire Vidal, Almeric de Belenoi) и Canineus=Chananaeus (Ex. XXXIII, 2) въ краткомъ изложеніи священной исторіи на провансальскомъ языкѣ позволили автору не только угадать смыслъ canineus (ж. родъ отъ canineu) въ старо-провансальскомъ переводѣ Новаго Завѣта, приведенномъ у Ренуара, но и увидѣть въ франц. пров. Canelius, Canineu отраженіе библейскаго Chananaeus. Неблагопріятная характеристика Хананеевъ въ Библии (Gen. 6, 4; сл. Isidori Etymolog. De portentis, § 14) едва ли могла сама по себѣ побудить средневѣковыхъ поэтовъ обобщить въ эническихъ Cheneliu; пров. Canineu повело П. Мейера къ предположенію посредствующей народной этимологіи, связанной Chananaeus съ canis; въ Jérusalem Cheneleu лаютъ, какъ собаки.

Стало быть, отъ Шапапаеус (Сапапеус) къ сапинеус; мѣтвѣе, выраженное, по поводу легенды о Христофорѣ, уже Пиниетъ и недавно Гарстеромъ.

Уже въ послѣсловіи къ своей замѣткѣ Мейеръ сообщилъ, по указанію Г. Париса, отрывокъ изъ легенды о св. Макаріи Римскомъ, которую мнѣ недавно пришлось разбирать въ статьѣ: Къ вопросу объ источникахъ сербской Александрии I (Журн. Мин. Нар. Просв. 1884, июль, стр. 183 и прим. 2). Я указалъ (I. с. стр. 188 слѣд.), что составитель этой легенды воспользовался какою-то христианизованною Александріей, восходящею къ одному изъ источниковъ (С') Псевдо-каллистоена С. См. въ послѣднемъ текстѣ вв. II, гл. 31: Ἀνθρώπους μὲν εὐρεν (sc. Ἀλέξανδρος) εὐτελεῖς καὶ λίαν σμικροτάτους ὡς εἶναι τὸν τέλειον ἄνθρωπον [οὐχὶ ἀλλὰ] πῆχυν τε καὶ ἤμισυ; далѣе с. 32 онъ встрѣчаетъ великановъ (ἄνθρωποι παμμεγέθαις), с. 33 дикихъ людей (ἄνθρωποι... ἄγριοι ἐπὶ πετρῶν καθεζόμενοι) и с. 34 кинокефаловъ: ὁ Ἀλέξανδρος κατέλαβε χώραν κυνοκεφάλων; сл. с. 37: ἄνθρωποι κυνοκέφαλοι.

Въ старо-славянскомъ переводѣ житія св. Макарія этому эпизоду отвѣчаетъ слѣдующій: иноки, направляющіеся къ св. Макарію, вступаютъ въ землю Песыихъ главъ, которые ихъ не тронули: „но всѣ мѣста себѣ живутъ, межи камень гнѣзда спосивше“; далѣе на востокъ страна трештстокъ. Въ латинскомъ текстѣ: Itaque exeuntes inde terram Шапапаеогум ingressi sumus, qui ab aliis Сyносеφαλι dicuntur; трештстокъ отиѣчаютъ Pichiti („ipsi vero gons in statura et altitudine sua non plus quam mensuram unius cubiti habent“) и Pугмаеи¹⁾.

Стало быть, Хананен = Кинокефалы, Песыи главы; въ румынской Александріи: сѣрсѣипѣ, сѣтсѣипѣ. Развитіе можно бы предположить такое: Кинокефалъ=Сапинеус, а далѣе, по созвучію, Шапапаеус. Сапелсус=Кинокефалы старофранцузскихъ поэмъ были бы такимъ же обобщеніемъ частнаго значенія, какое постигло и славянскія Песыи главы: подъ ними разумѣются просто невѣрные, чуждые народы, и въ этомъ значенія Песыи главы фигурируютъ въ повѣсти о „послѣд-

¹⁾ Къ легендѣ Макарія относится, вѣроятно, эпизодъ въ Zibaldone Antonio Fucci у Graf въ *Giornale storico della letteratura italiana*, fasc. II p. 286: Pichitaeoli: Pichiti, Pугмаеи.

нихъ дняхъ" (въ Отверженіяхъ Мессодія у Тихонравова, Пам. II, 218) и въ памяти объ освобожденіи Цареграда отъ нападенія иноязычныхъ ¹⁾.

I.

Всякій разъ, когда въ средневѣковыхъ памятникахъ, въ описаніи чудесъ далекой Азии, мы встрѣтимъ сопоставленіе Хананеевъ-великановъ — и Пигмеевъ, мы въ правѣ говорить объ отраженіи христіанской Александріи Макарьевского типа.

Въ древней передѣлкѣ старой ниже-рейнской поэмы о герцогѣ Эрнстѣ (сл. Bartsch, Herzog Ernst, Wien 1869) мы находимъ Пигмеевъ = Pechamé (l. c. p. 105, v. 4896 слѣд.; сл. v. 5324: Pechaméren lant; въ стихотвореніи Одона: Pricamé, l. c. p. LXXI) и, въ сосѣдствѣ съ ними:

5014 ein freislich volc, hiez Cānāan,
bt Arimaspi dem lande.
daz waren wīgande:
Risen waren sie genannt.

Въ Рейнфридѣ Брауншвейгскомъ (l. c. стр. CXXXIII), сложениомъ по типу и подъ влияніемъ поэмъ о герцогѣ Эрнстѣ, тѣ же великаны Ханаана ведутъ войну съ Пигмеями. Въ Walberan (Deutsches Heidenbuch I, Berlin, 1866) карликъ-пигмей этого имени властвуетъ гдѣ-то на востокѣ (Armenia, Sinai, Judéa, Kaukasas, Eufrates, Mambre):

52 ez hâte ouch mit gewalteger hant
betwungen Kanachas daz lant
von dem die grōzen liut sint komen.

Въ войскѣ, которое онъ ведетъ противъ Датриха Бернского, находятся великаны—Хананейцы (die von Kanané 74). И въ этой поэмѣ усматриваютъ влияніе географическихъ представленій поэмы о герцогѣ Эрнстѣ, которую упоминаетъ Ulrich von Eschenbach въ своемъ Alexander (Bartsch, l. c. p. CXL): Александръ приходитъ въ страну, жители которой

swenne sie zwei wort getunt,
daz drite sie bellent als ein hunt,
als trügen sie ouch houbet.

¹⁾ Сл. *Срезневскій*, Древніе славянскіе памятники юсоваго письма: въ Слѣдственной книгѣ апостольскихъ чтеній, календарь, стр. 112 (съ ссылкой на Мотиславово Евангеліе, Сербск. прол. XIV в. и др.).

swer des niht geloubet,
dise rede er besüche
in herzogen Ernstes büche.

Въ познѣ о герцогахъ Эрнстѣ и ея отраженіяхъ Хананей—просто великаны, не песиглавцы. Если Ульрихъ отождествилъ ихъ съ кинокефалами Александрии и заставилъ лаять (сл. *Cheneleu* въ *Jérusalem*), то онъ, очевидно, могъ имѣть въ виду установившееся уже уравненіе: *Canineus*=*Chananaeus*, которое мы въ правѣ приложить и къ объясненію одного эпизода въ повѣсти Елисея (*Zagneke, Der Presbyter Johannes, 2-e Abth. стр. 127*): *terram Chananasorum et Amazonitarum*. Именно Амазонки Александрии позволяютъ видѣть въ сосѣднихъ Хананейхъ Кананеевъ-Кинокефаловъ; припомнимъ, встати, что по Адаму Бременскому (IV, 19, у *Pertz 9, 375*) Песиглавцы и происходятъ отъ Амазонокъ.

Обратимся къ чередованіямъ Кинокефала-Кананей—и Хананей въ легендѣ и иконографіи св. Христофора ¹⁾).

Въ Митологіи императора Василія о немъ говорится: *καὶ τοῦτο τοῦ ἁγίου λέγονται τινα παρὰ τινῶν τερατώδη καὶ παράδοξα, ὅτι τα κοινὰ πρόσωπος ἦν πρότερον καὶ ἀνθρώπους ἤσθιεν, ὕστερον δὲ μετὰ τὸ πιστεῦσαι τῷ Χριστῷ μεταμορφώθη. οὐκ ἔστι δὲ τοῦτο· ἀλλὰ τινες αὐτὸν οὕτως ὑπενόησαν διὰ τὸ ἐθνικὸν εἶναι καὶ ἄγριον καὶ φοβερόν. Ὅμως δὲ ἦν ἐπὶ τῆς βασιλείας Δελίου, καὶ κρατηθεὶς ἐν πολέμῳ παρὰ τοῦ Κόμητος, μὴ δυνάμενος λαλῆσαι Γραικιστί, ἤξιατο τῷ Θεῷ· καὶ ἀπεστάλη αὐτῷ Ἄγγελος λέγων· Ανδρίζου. Καὶ ἀψάμενος τῶν χειλέων αὐτοῦ ἐποίησεν αὐτὸν λαλῆσαι Γραικιστί. Εἰσελθὼν οὖν ἐν τῇ πόλει, ἐκήρυττε τὸν Χριστόν. Ἀποστέλλονται οὖν στρατιῶται κρατῆσαι αὐτόν· καὶ τῆς ράβδου αὐτοῦ βλαστησάσης, ἐπίστυσαν τῷ Χριστῷ καὶ σὺν αὐτῷ βαπτίζονται ἐν Ἀντιοχείᾳ ὑπὸ τοῦ ἁγίου Βαβόλα, ἐνθα καὶ Χριστοφόρος ὠνομάσθη. Εἶτα προσαχθεὶς τῷ βασιλεῖ καὶ πολλὰ βασανισθεὶς πρότερον, ὕστερον ἀπεκεφαλίσθη.*

Такъ и въ славянскомъ прологѣ подь 9-мъ мая, съ тою разницею, что о Христофорѣ сказано: „а преже има семоу Репревъ“ ²⁾.

Подробные греческіе акты св. Христофора, по рукописи XI вѣка,

¹⁾ О немъ см. *Stadler und Heim, Vollständiges Heiligenlexikon I (Augsb. 1858), стр. 609 слѣд.; W. Harster, Walther von Speier (Speier 1877), стр. 29 слѣд.; прежде всего матеріаль, собранный въ AASS., Julii VI, а. д. 25.*

²⁾ *Ждановъ, Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи (1881), стр. 173—174.*

извѣстные дотолѣ лишь въ извлеченіи ¹⁾ и лишь недавно напечатанные ²⁾, указываютъ на источникъ этого имени.

Въ четвертое лѣто своего правленія императоръ Децій воздвигъ преслѣдованіе на христіанъ. Въ то время какой-то комитъ взялъ въ плѣнъ Репрева, στρατεύσας αὐτὸν ἐν τῷ νομῆρῳ τῶν Μαρμαριτῶν. Ἦν δὲ ὁ ἀνὴρ οὗτος φρόνημος σφόδρα. ἵνα γνῶτε πάντες ὅτι ὁ φοβούμενος τὸν Θεὸν ἐν παντὶ εἶναι δεκτὸς αὐτῷ ἐστίν, καὶ δοκίμους αὐτοὺς καθιστὰ πρὸς τὴν αὐτοῦ γνώμην· εἰ γὰρ ἐκ τοῦ γένους τῶν κυνοκεφάλων ὑπῆρχεν, γῆς δὲ τῶν ἀνθρωποφάγων, ἀλλὰ πιστὸς ἦν τῷ φρονήματι, καὶ αἰεὶ τὰ λόγια μελετῶν τοῦ Θεοῦ. Οὐκ ἠδύνατο δὲ τῇ ἡμετέρῃ διαλέκτῳ λαλεῖν ³⁾. Видя преслѣдованіе, воздвигнутое на христіанъ, онъ опечаленъ и, выйдя изъ города, молится о писносланіи ему дара слова, дабы онъ могъ говорить подобно „симъ“ во обличеніе мучителя. Мужъ въ лучезарной одеждѣ предсталъ ему, говорить, что его молитва услышана. Онъ коснулся устъ Репрева, трижды дохнулъ на него, и тотъ заговорилъ по гречески—идеть въ городъ, гдѣ видятъ христіанъ, мучимыхъ въ тюрьмѣ. Онъ громко обличаетъ язычниковъ; одинъ изъ нихъ ударилъ его. Κατέχομαι ὑπὸ ἐντολῆς τοῦ Χριστοῦ μου, καὶ οὐ δύναμαί σοι τί ποιῆσαι, говорить святой; — ἐὰν δὲ ἐτι πικράνης μου τὴν καρδίαν, οὐ παρ' ἐμοὶ οὐχ' ὑπάρξεις. Язычникъ идетъ съ докладомъ къ Децію: ἐφάνη ἐνώπιον τοῦ λαοῦ ἀνὴρ νεανίας, φοβερός τῷ εἶδει, καὶ ὑπερμεγέθης τῷ σώματι καὶ τῷ πάχει· οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτοῦ ὡς ἀστὴρ ὁ πρωὶ ἀνατέλλων, καὶ οἱ ὀδόντες αὐτοῦ ὡς σάγρου ἐπέχοντες· καὶ τὰ λοιπὰ τοῦ εἶδους τῆς ὁράσεως αὐτοῦ διηγῆσασθαί σοι οὐ δύναμαι. Οὗτος λαλεῖ ῥήματα βλάσφημα κατὰ τῶν θεῶν, καὶ τῆς θεϊότητός σου οὐχ ὑπακούει τὸ πρόσταγμα. Царь посылаетъ двѣсти воиновъ за Репревомъ, который между тѣмъ сѣлъ у церковной двери, ἐμπήξας τῇ ράβδῳ αὐτοῦ ἐν τῇ γῇ, τὰς δὲ τρίχας αὐτοῦ διαρρίψας ἔνθεν καὶ ἔνθεν, καὶ τὴν ὄψιν δὲ ἐπὶ τὰ γόνατα θεῖς. По его молитвѣ (δός, Κύριε, βλαστῆσαι τὴν ράβδον ταύτην τὴν ὡς

¹⁾ A. L. SS. I. c. p. 143 b.

²⁾ Analecta Bollandiana, VI (ed. Carolus de Smedt, Gulielmus van Hooff et Josephus de Backer), 1882, стр. 121 слѣд. Текстъ принадлежитъ въ одной рецензіи съ Палеоброховскою рукописью, но съ отлнчїями; на нѣкоторыя изъ нихъ указано далѣе.

³⁾ Papebroch: Ἀνὴρ δὲ τις ἀβλαβῆς, τοῦ γένους τῶν κυνοκεφάλων... οὗτος σὺληφθεὶς ἀπὸ τῶν στρατιωτῶν τοῦ βασιλέως ἀπὸ τῆς ἐρήμου ἠνέθη τῷ βασιλεὶ Δεκίῳ εἰς τέρψιν ἔτέρπετο γὰρ ὁ βασιλεὺς τὸ εἶδος αὐτοῦ ὄρων ἐν τῷ ἀρίστῳ. Κατενόγη ὁ αὐτὸς ἀλλόφυλος ὑπὸ τοῦ ἁγίου πνεύματος... διὰ τὸ μὴ δύνασθαι αὐτὸν λαλεῖν τῇ ἡμετέρῃ διαλέκτῳ, καὶ μὴ ὑποφέρειν τὴν πύρρῳσιν τοῦ ἁγίου Πνεύματος ἀπελθὼν ἐκἀθίον ἐξω τοῦ παλατίου, προσέχων τῆς κτίσεως τὸν εὐμορφίαν κ τ. д. AASS. I. c. p. 143 b.

ῥάβδον τοῦ Ἀσφύου) посохъ пустыяя ростки; это чудо укрѣпило его, и онъ просить теперь: τὸ τέλειον φρόνημα τῶν χριστιανῶν καὶ γνωστικῶν μοστίριον τῆς ἀθανάτου σου ζωῆς συνέτησόν με, Κύριε Ἰησοῦ Χριστέ. Дѣвушка, вышедшая, по обычаю, въ садъ, чтобы нарвать розъ, видя молящагося и плачущаго Репрева и такъ испугана его видомъ, что выходитъ назадъ пятясь: ἔφυγον ὡς ἀπὸ προσώπου δράκοντος, говорятъ она,—и воины, посланные Девіемъ, находятъ такимъ образомъ Репрева. Кто онъ и почему плачетъ? спрашиваютъ они его. Εἶπεν δὲ αὐτοῖς· κλαῖσαι δεῖ μοι ὑπὲρ πάντα ἄνθρωπον, ὅτι μὴ εἶδώς Θεὸν οὐκ ἀνεκλήθην ποτέ· νῦν δὲ ἐπιγνοὺς τὸν Θεὸν τυραννοῦμαι· καὶ διὰ τοῦτο κλαίω, ὅτι τὸ καλὸν ὄνομα ἐπιγνοὺς ἀδικοῦμαι. Они говорятъ ему, что присланы, чтобъ отвести его къ Девію. Узникомъ имъ не удастся его отвести, отвѣчаетъ онъ: онъ самъ пойдетъ съ ними, пусть только подождутъ его. Но у нихъ почти вышелъ весь провіантъ, пока они искали его; имъ надо сѣбшить; по молитвѣ Репрева является архангелъ Рафаилъ, благословляетъ остатки хлѣбъ, и они чудеснымъ образомъ умножились. Воины увѣровали въ истиннаго Бога; Репревъ ведетъ ихъ въ Антиохію, гдѣ всѣ принимаютъ крещеніе отъ епископа Вавилы, положившаго Репреву имя Христофора.

Христофоръ велитъ воинамъ отвести его, связаннаго, во дворецъ. Царь, при видѣ страшнаго принельца, чуть не упалъ со страха, допрашиваясь его о родѣ (τὸ δὲ γένος μου τὸ προσώπὸν μου κατηγορεῖ), имени и вѣрѣ. Христофоръ заявляетъ себя христіаниномъ, подверженъ мученіямъ; его забираютъ съ блудницами Каллишикой и Акилиной, которымъ поручено соблазнить его въ язычество; но онъ ихъ обращаетъ въ христіанство. Онъ первая умираютъ мученицами, за ними двѣсти воиновъ, обращенныхъ Христофоромъ, наконецъ самъ святой, тѣло котораго епископъ Аталии, Петръ, переноситъ въ городъ, сосѣдній съ Антиохіей¹⁾.

Легенда эта вошла въ печатныя греческія минеи²⁾ и известна въ славяно-русскихъ пересказахъ³⁾.

¹⁾ Μηναῖον τοῦ Μαΐου ὑπὸ Βαρθολομαίου Κουτλουμουσιάνου, стр. 41—42 (по изданію 1862 г.).

²⁾ См. *Rapport*, AASS, I. с. р. 143b: видѣно Аталии—Италія; τὸ δὲ ἅγιον μαρτύριον τοῦ ἀλλοφύρου Χριστοφόρου ἐκέλευσεν ὁ ἀγιώτατος ἐπίσκοπος Πέτρος εἰς τὴν ἀπόρριον τοῦ ποταμοῦ γενέσθαι, εἰς τὸ ἐπιχεῖμα εἰς τὴν πόλιν· ἔστι δὲ πεφυλαγμένη ἡ πόλις ἕκαστη μέχρι τῆς σήμερον ἡμέρας διὰ τῆς πρεσβείας τοῦ ἁγίου Χριστοφόρου.

³⁾ *Ждановъ*, I. с. стр. 174—175. Къ славяно-русскимъ рукописямъ проложнаго и пространнаго житія, указаннымъ г. Ждановымъ, присоединимъ и слѣдующія:

Общіе признаки греко-славянскихъ текстовъ житія — имя царя Декія и крещеніе Репрева Вавилой въ Антиохіи. Минологіи Василія не знаетъ имени Репрева, несомнѣнно отвѣчающаго Репробу латинскихъ актовъ: Рѣтравос им. Рѣпровос, какъ передано въ первомъ посланіи къ Коринѣ. 9, 27 греч. ἀδίκκος¹⁾). Разуется, это одно еще не можетъ служить доказательствомъ зависимости греческаго мученія отъ латинскаго оригинала, а развѣ свидѣтельствуеть о вѣдѣннѣ послѣдняго на редакцію перваго. Что же касается имени Offergus, Offogus, которое будто бы носилъ язичникъ Христофоръ по нѣкоторымъ западнымъ пересказамъ его легенды, то оно, можетъ быть, принадлежитъ этимологической игрѣ: Christ-offogus получилъ это имя послѣ того, какъ онъ перенесъ Христа, а прежде звался просто Offogus²⁾. Но встрѣчается еще одно имя: Onifigus или Oniphigus³⁾; вариантъ ли это къ Offergus или—Онурій? Христофоръ вездѣ представляется кинокефаломъ, согласно съ его древнимъ изображеніемъ, противъ котораго протестуютъ наши подлинники. Такъ въ толковомъ подлинникѣ графа Строганова читаемъ: „Глава песья, въ брапѣхъ, крестъ въ рукѣ, а въ другой мечъ въ пожнахъ; исподъ празелень“; по нѣ подлинникѣ профессора Пусласова: „младъ, какъ Димитрій, риза бакашъ, исподъ празелень. А индѣ пишется: песья голова, волосы по плечамъ, какъ у дѣвнцы; вооруженъ въ досвѣхъ; въ правой рукѣ крестъ, а въ лѣвой копьѣ, а копьѣ у него процвѣло; риза багоръ красенъ, исподъ лазоръ“. Сл. подлинникъ Долотова: „Христофоръ младъ, какъ Димитрій Солунскій, и волосы таковыжъ; ризы воинскія, верхняя багрияная, исподняя празеленная, въ рукѣ крестъ, а въ другой мечъ въ пожнахъ. Нѣкоторые нипутъ его, главу нмуща песью, подражая прологу. Но прологъ не утверждаетъ тако быти, но чужое вѣкое мѣвнѣ приводитъ и пишетъ тако: И о семъ прекрасномъ мученикѣ глаголется нѣкое чудно и преславно, яко песью главу нвѣяше, отъ страны чловѣкоядецъ; а съ чего сіе взято

рукописи Троицкой лавры №№ 712 и 225 (мученіе св. Христофора въ спискѣ 1497 г.); Имп. Публ. библ., рукописи Толстаго III, № 73, XVII в. (сообщено г. Шляпкинымъ).

¹⁾ *Harster, Walter v. Speier*, p. 43.

²⁾ См. *A. Maury, Essai sur les légendes pieuses etc.* p. 53; стихотворныя легенды, изданныя *Шембазомъ* въ *Zeitschr. f. deutsches Alterthum*, t. XVII, p. 85 слѣд. (=B); *ib.* t. XXVI, стр. 20 слѣд. (=A).

³⁾ См. *Krauss, Real-Encyclopädie d. christl. Alterth. a. v. Christophori*, безъ указанія на источникъ.

и кто изъ достовѣрныхъ историковъ сіе писалъ, о томъ не скажется; и сіе мнится несправедливо" ¹⁾.

Въ латинскихъ житіяхъ, къ обзорѣнію которыхъ мы перейдемъ, вмѣсто Декія названъ царь Dagnus, что едва ли слѣдуетъ непосредственно сближать съ ханаейскимъ Дагономъ Библии ²⁾, а скорѣе съ Dasianus—Даціаномъ отреченнаго мученія св. Георгія, съ Dasianus—Декіемъ легенды о Осми спящихъ ³⁾. Нѣтъ ни Антиохіи, ни упоминанія Вавилы; мѣсто дѣйствія—городъ Samos—п, или Salmos—п въ Ликіи или Сиріи; Репревъ—Христофоръ является кинокефаломъ, въ латинской передачѣ Canineus, но рядомъ съ этимъ вторгается и другой этнической эпитетъ—Chapanaeus, а подъ вліяніемъ воспоминаній о Хапанелхъ, великанахъ Библии, особенное значеніе дается гигантскому росту Христофора. Въ греческихъ житіяхъ эта черта не выступаетъ; здѣсь она выдается, опредѣляя иконописныя и скульптурныя изображенія святого, отражаясь наконецъ и въ описаніи его мощей ⁴⁾. Позже исчезаетъ и самый признакъ кинокефализма.

Латинскія житія св. Христофора распадаются на двѣ группы.

Разборъ первой я начну съ Passio, изданной болландистами ⁵⁾.

„In tempore illo, regnante Dagno in civitate Samo, homo venit de insula, genere Canineorum, et ostensum est ei a Domino, ut baptisaretur baptismo sancto... Ipse autem sanctus, ex toto corde orans, ecce nebula de caelo descendit et inluxit super eum: et venit ei vox de caelo dicens: serve elcete Dei, ecce accepisti baptismum in nomine Domini et sanctae Trinitatis. Et ingressus ipse sanctus intra Syriam, orabat dicens: Gloria tibi, Deus, qui convertis ignorantes et adducis in viam veritatis; mutas linguas ferarum et das eis linguam humanam. Et ingressus in ipsam civitatem orabat. Женщина, вышед-

¹⁾ См. *Буслаевъ*, *Очерки* II, стр. 418; Русскій сводный иконописный подлинникъ XVIII вѣка въ *Вѣстн. Общ. древне-русск. искусства* 1876 г., вып. 11—12, стр. 102; *Ждановъ*, I. с. р. 174 прим. 3.

²⁾ См. отчетъ о *Harster* въ *Anzeiger für deutsches Alterthum und deutsche Litteratur*, VI B. (1880) стр. 166.

³⁾ См. мой отчетъ о книгѣ Коха въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1883 г., ноябрь, стр. 155.

⁴⁾ См. AASS. I. с. р. 129 a (dimidiam mandibulam tredecim vulgares libras 16 unciarum appondere), 129 b (dens portentosus), 134 a (dimensio autem pedis illius pertingebat a calcaneo hominis iustae staturae ad axillam ejusdem).

⁵⁾ I. с. р. 146 b слѣд.; о рукописяхъ ib. p. 142 b слѣд. и *Harster*, *Walther v. Speier*, p. 38.

шая изъ города поклониться идоламъ, испугалась его вида, „et facies ejus mutata est, videns corpus hominis, caput autem canis“. По ея призыву exierunt turbae multae et videre ipsum sanctum stantem et orantem juxta ecclesiam; et respiciens ad illum populum orabat dicens: Domine Deus omnipotens, da mihi, ut credant per me nomini sancto tuo. Et tenens virgam ferream in manu sua, fixit eam in terram et dixit: Domine, Deus meus, fac virgam meam florere et ramos bonos habere et folia formosa, quomodo mutasti in Cana Galilaeae aquam in vinum. Чудо совершается, и 18 тысячъ человѣкъ увѣровали во Христа. О томъ допосать Дагну, который посылаетъ за святымъ двѣсти человѣкъ и затѣмъ еще столько же; заставъ его молящихся „et ipsi orare coeperunt cum eo“. При видѣ Христофора царь свалился съ престола, quoniam magnus egat; далѣе его ростъ опредѣляется: cubitorum duodecim. Обращаясь къ нему Дагнъ говоритъ: „Canine“: позже: „fera mala“, „qui intra feras nutritus est“. Спрошенный о своемъ имени, святой показываетъ: „Reprobus dictus sum, post baptismum sanctum Christophorus vocor, а Дагну говоритъ: Vere bene vocatus es Dagus quia tu es pars mortis — игра словъ непонятная по признанію болландистовъ ¹⁾); въ греческомъ житіи Христофоръ говоритъ Декію: Δικαίως ἐκλήθης Δέχιος δεικτικὸς γὰρ αἱ τῆς ἐναργείας τοῦ διαβόλου. Слѣдуютъ мученія и смерть: 400-хъ воиновъ, которые посланы были за Христофоромъ (они говорятъ о себѣ: pos autem semel baptizati sumus?), Акилины и Никей (= Каллиника греч. текста), трехъ царскихъ совѣтниковъ, наконецъ самаго святого. Последнее мученіе его состоитъ въ томъ, что воины по повелѣнію царя стрѣляютъ въ него съ перваго часа до двѣнадцатаго, но стрѣлы останавливались въ воздухѣ по бокамъ, не трогая тѣла. Когда на другой день явился Дагнъ и сталъ глумиться надъ Богомъ Христофора, одна изъ стрѣлъ сорвалась и угодила въ глазъ царю. Умирая, Христофоръ велитъ ему прійти на мѣсто, гдѣ его погребутъ, взять персти, смѣшанной съ его кровью, ч помазать глазъ. Дагнъ дѣйствительно исцѣляется и впредь запрещаетъ подъ страхомъ смерти кощунствовать противъ Бога христіанъ. Иначе въ греческомъ текстѣ, гдѣ нѣтъ чуда со стрѣлами, Христофоръ усѣченъ мечемъ, предрекая Декію злую смерть, которая и постигаетъ его.

Passio, напечатанная болландистами, можетъ служить образчикомъ

¹⁾ L. c. p. 148 a.

того, болѣе древняго текста житія, который, помимо ея, сохранился въ цѣломъ рядѣ переработокъ и отраженій.

Въ X вѣкѣ Вальтеръ Шпейерскій дважды, стихами и прозой, пересказалъ легенду именно нашего типа, съ риторическими прикрасами и обусловленными тѣмъ отличіями, несущественными для критики. Я ограничусь разборомъ прозаическаго пересказа ¹⁾.

Имена тѣ же: Reprobus, Dagnus, Samon въ Сиріи, Aquilina, Nicaea. Христофоръ natione quidem et ritu exstitit Chananaeus, fidei vero et operum honesta conversatione apparuit Christianus... Quod autem hunc de terra Chananaea oriundum narrat historia, ratio non improbare videtur; nam et Simonem apostolum a Chana villa Chananaeum, id est, zeloten dici veritas habet, a quo et istius Chananaei religio non adeo distat. Ejusdem enim appellationis, licet non ejusdem loci ambo in terra sortiti vocabulum in coelo iam collegii societate fruuntur... Erant praeterea quaedam et in eo maxime non crubescenda conditionis humanae vestigia: longa enim, ut aiunt, et acuta facie Syncephalum, id est canini capitis hominem praetendens interioris hominis formam bonorum operum studuit adornare constantia. Далѣе этотъ признакъ удержанъ: syncephalici vultus... horrenda severitas; хотя женщина пугается лишь oculorum ejus gravitatem, и, явившись передъ Дагномъ, онъ всѣхъ поражаетъ, „cum staturae ejus proceritas ceteris emineret, radiis oculorum... reverendus apparuit“, тѣмъ не менѣе царь обращается къ нему съ словами: canina facies, canina imago, ferocissima bestiarum. Изъ отличій противъ Passio укажу лишь на немногое: вмѣсто virga ferrea, едва ли не принадлежавшей опискѣ, является просто baculus peregrinationis, при чемъ чудо съ посохомъ сопоставляется съ чудомъ въ Канѣ Галилейской (Passio), но и съ раздвѣтаніемъ Ааронова жезла (греческое мученіе); за мученіемъ отъ стрѣль (Passio) слѣдуетъ еще усѣкновеніе Христофора (греческое мученіе). Отмѣтимъ въ началѣ легенды нѣсколько указаній на юность Христофора: онъ сынъ знатныхъ родителей-язычниковъ; съ молодости отличался добрыми нравами, нищелюбіемъ, презрѣніемъ къ языческимъ обрядамъ. Его связываетъ лишь уваженіе къ законамъ родной страны и страхъ родителей, и вотъ онъ беретъ за странническаго посохъ и направляется въ Сирію „nudus quidem thesauro... non habens peram vel sacculum, quoniam caelestis sibi praebeuit annona solacium“.

¹⁾ Harster, Waltheri Spirensis Vita etc. стр. 102 слѣд.

Итакъ, Христофоръ Кинкефаль, Canineus, но вмѣстѣ съ тѣмъ и Хананей; сближеніе съ Симономъ Кананеемъ (изъ Каны) принадлежить ли измышленію Вальтера? Въ одномъ латинскомъ житіи, отрывокъ котораго приводится болландистами ¹⁾, о Христофорѣ говорится: *ad hoc itaque sancti spiritus characterisma recipiendum per regenerationis lavacrum feliciter beatum apostolum Simonem, nomine Zelotem atque praenomine Chananaeum, adit; cujus doctrina imbutus fideliter, tale in ipso purgationis fonte nomen sortitus est.*—Въ *Passio* и у Вальтера Христофоръ чудеснымъ образомъ крещенъ въ облакѣ; форма: Cananaeus, вмѣстѣ съ указаніемъ на Симона, могла явиться на переходѣ отъ болѣе древняго: Canineus — Кинкефаль къ Chananaeus — Хананей.

Легенду у Момбриція я знаю лишь по пересказу Шенбаха ²⁾. *Inc. Regnante Dano imperatore in civitate Samon in provincia Syrie venit quidam homo de insula (опущено: Cananeorum) ex genere Abnoch.*—Alois Müller предполагаетъ въ Abnoch искаженіе Anakim (великаны Библии) подъ вліяніемъ такихъ именъ, какъ Abner, Abigail, Abimelech и пр.—Господь велитъ Репреву креститься, „*et fugens ad ecclesiam Christianorum gratiam baptismi consecutus est in nomine sanctae trinitatis*“. Онъ идетъ въ городъ; женщина пугается его вида: *videbat enim corpus hominis, caput vero cananeum*; и далѣе встрѣчается выраженіе: *caput cananeum, ab illo capite cananeo* — очевидно, вм. *canineo*; *caput chananeum* было бы бессмыслицей. Сл. въ молитвѣ Христофора къ Господу: *mutas linguas feragum*, и обращеніе къ нему царя: *fera mala*. Раздвѣтающая палица является безъ эпитета: *ferrea* (*Passio*).

Изъ латинскаго житія вѣвской рукописи № 550, начала X вѣка, Шенбахъ (l. c.) сдѣлалъ лишь незначительныя выписки. Императоръ Dagnus; о кинкефализмѣ, кажется, нѣтъ рѣчи, ибо женщина поражается лишь ростомъ (*statura*) Христофора. Онъ и названъ не *canineus*, а *Cananeus*, въ смыслѣ народнаго прозвища и отъличеннаго отъ него понятія язычника: *dum Cananeus, Reprobis dictus sum, post baptismum Christophorus vocor*.

Судя по указанію на крещеніе въ облакѣ можно предположить, что редакціей, сходною съ *Passio* болландистовъ, пользовался еще въ

¹⁾ L. c. p. 143 a.

²⁾ *Anzeiger* l. c.

IX вѣкѣ Ратрамъ въ посланіи къ Римберту о кивокефалахъ ¹⁾, которые, по его мнѣнію, *homines potius quam bestiae deputandi videntur*. Нунѣ *intelligentiae non parum suffragari videtur libellus de martyrio sancti Christophori editus*. Quemadmodum enim in eo legitur, hoc de genere hominum fuisse cognoscitur... Nam et baptismi sacramentum divinitus illum consecutum fuisse, nobis ministerio eum perfundente, sicut libellus ipse testatur, creditur.

Въ слѣдующей группѣ житій Кананей-Кивокефалъ уступилъ мѣсто Хананею, и является цѣлый рядъ моментовъ, не встрѣчавшихся намъ доселѣ.

Такъ у Якова de Voragine (ed. Graesse, p. 430 слѣд.): „Christophorus gente Chananaeus procerrimae staturae vultuque terribili erat et XII cubitos in longitudine possidebat; Дагнѣ называетъ его: Chananaeus maleficus! либо говорить: *inter feras nutritus es et tu non potes nisi opera feralia et hominibus incognita loqui*. Кивокефалъ исчезъ, но въ самой легендѣ гораздо больше баснословнаго элемента, чѣмъ въ предшествующей. Начало совершенно сказочное: Христофоръ былъ на службѣ у какого-то хананейскаго царя, когда ему пришло на мысль „*ut maiorem principem, qui in mundo est, quaereret et ad eundem secum moraturus accederet*. Venit igitur ad quemdam maximum regem, de quo generalis fama habebatur, quod maiorem mundus principem non haberet. Quem rex videns libenter recepit et in sua curia manere fecit. Quodam autem die jocolator quidam cantionem coram rege cantabat, in qua frequenter diabolum nominabat. Всякій разъ, при его упоминаніи, царь крестится, а на вопросъ Христофора, почему онъ это дѣлаетъ, отвѣчаетъ: „*Quemunque diabolum nominari audio, hoc signo me munio timens, ne in me potestatem accipiat mihi que poseat*“. Какъ услышалъ это Христофоръ, рѣшилъ пойти служить дьяволу (*ut ipsum mihi in dominum assumam*), котораго встрѣчаетъ въ пустынѣ, въ образѣ воина (*miles ferus et terribilis*), окруженнаго другими воинами. У него онъ остается; однажды они вмѣстѣ шли по дорогѣ; увидя крестъ, дьяволъ испугался и свернулъ въ сторону, увлекая съ собою Христофора. Когда онъ объяснилъ ему причину своего страха, тотъ заключаетъ, что Христосъ сильнѣе его хозяина и отправляется искать кого-нибудь, qui sibi Christi notitiam indicaret. Пустынный, на котораго набрелъ Христофоръ, поучаетъ его: *Rex isto, cui servire desideras, istud requirit obse-*

¹⁾ *Fritsche, Der Brief des Ratramnus über die Hundsköpfe, у Hilgenfeld'sa Zs. f. wissenschaftliche Theologie XXIV Jahrg. (1881), стр. 63—64.*

quum, quia frequenter jejunare oportebit. Но Христофоръ отказывается отъ этого, а что такое молитва, о которой говорятъ ему, онъ и не знаетъ. Тогда пустынный велитъ ему поселиться на рѣкѣ, опасной для переправляющихся черезъ нее, и всѣхъ переносить на ту сторону: такъ онъ послужитъ Христу. Христофоръ такъ и поступаетъ, и однажды, перенося на плечахъ мальчика - Христа, чуть не изнемогъ подъ его тяжестью: *In magno periculo, puer, me posuisti et adeo ponderasti, quod, si totum mundum super me habuissem vix majora pondera praesensissem.* На другомъ берегу Христосъ объявляетъ себя: *ut me verum dicere comprobet, cum pertransieris, baculum tuum juxta domunculam tuam in terra fige et mane ipsum floruisse et fructificasse videbis.* Стало быть, то же чудо, что и въ предшествующей легендѣ, иначе приуроченное.

Той-же легендой, какъ и Яковъ de Voragine, пользовался авторъ средневѣковой нѣмецкой стихотворной повѣсти о Христофорѣ, изданной Шенбахомъ (А). Онъ былъ „ein man des libes ungehitue (v. 89), ein rîse (v. 757), которого не могла снести ни одна лошадь (v. 159); онъ поочередно служить у рыцаря, графа, короля, императора, папы; крестное знаменіе, которымъ ограждался папа отъ дьявольской напасти, побуждаетъ его поступить въ услуженіе къ дьяволу; но онъ скорѣе покидаетъ его, когда видитъ его страхъ передъ крестомъ. Слѣдуетъ встрѣча съ пустыннымъ; Христофоръ переноситъ младенца Христа; эпизода о раздѣлтшей палицѣ вѣтъ въ этой связи, и то, что слѣдуетъ далѣе, обращаетъ насъ къ редакціи *Passio*. Христофоръ вышелъ на берегъ, чудесный младенецъ исчезъ; облако осѣняетъ будущаго святаго, и ангелъ велитъ ему идти въ Сирію, въ городъ Samône, къ королю Dagnus. Женщина, вышедшая изъ города, пугается Христофора, и совершается чудо съ раздѣлтшей жердью (v. 1075—1076: ein holz untpâzen grôz, — Ein dornenstar, der rinden blôz). О томъ, что Христофоръ — Квинокепаль или Хананей, не говорится ни слова.

Средневерхне-нѣмецкая стихотворная легенда В, изданная тѣмъ-же Шенбахомъ, придѣлала къ схемѣ de Voragine своеобразное введеніе. Отецъ и мать святаго, живущіе въ Персіи или Аравіи (v. 78—79) — добродѣтельные люди, хотя и язычники; долгое неплодіе побуждаетъ мать къ обѣщанію стать христіанкой, если у нея будетъ потомство. Родится великанъ Offonus: одного году отъ роду онъ былъ словно тридцатилѣтній и не удовлетворялся молокомъ десяти кормилицъ и болѣе (v. 163 слѣд.); когда ему было 20 лѣтъ, онъ всѣхъ превосходилъ въ силѣ и ловкости (v. 183 слѣд.); на одинъ конь не выносилъ

его (v. 216); онъ такъ великъ, что люди верхомъ доходятъ ему до плеча (v. 219 слѣд.). Онъ также ищетъ властелина, сильнѣе котораго нѣтъ на свѣтѣ, и скрывшись отъ родителей, приходитъ сначала къ лѣснику (waldman v. 392), затѣмъ встрѣчается съ охотникомъ, котораго переноситъ вбродъ черезъ глубокой потокъ (v. 473 слѣд.), а затѣмъ несетъ одинъ всю охотничью добычу (v. 513 слѣд.). Онъ поступаетъ на службу къ хованину охотника, но уходитъ отъ него, увидѣвъ, что тотъ, зѣвая, перекрестилъ ротъ (v. 520 слѣд.), и узнавъ тому причину. Боязнь діавола передъ распятіемъ побуждаетъ его покинуть и втораго господина, хотя тотъ принялъ его и даже сотворилъ гигантскаго коня, который могъ бы выдерживать его тяжесть (v. 605 слѣд.). Последняя его встрѣча съ пустыннокомъ, который принимаетъ Оффора и печать для него хлѣбъ; хлѣба выходитъ такъ много, что пустынноку хватило бы на мѣсяцъ (v. 785 слѣд.). Очувтившись переводчикомъ на морѣ, Оффоръ вырываетъ дерево, чтобъ оно служило ему опорой при переходѣ въ бродъ (v. 894 слѣд.). Когда онъ переноситъ Христа и изнемогаетъ подъ ношей, пустынный видитъ съ берега, что надъ нимъ витають ангелы (v. 1084). Младенецъ Христосъ креститъ его во время перехода по морю, и тутъ же совершается чудо разцвѣтанія палицы, находившейся въ рукахъ Оффора (v. 1113 слѣд.). Слѣдуетъ далѣе вторая часть легенды: мученіе, безъ обозначенія мѣстности и собственнаго имени, какъ нѣтъ и иконографической характеристики святого ¹⁾.

II.

Изъ предшествующаго обзорѣнія выяснилось, какииъ важныиъ признакомъ для распредѣленія редакцій легенды о Христофорѣ является его кинокефализмъ. Къ сожалѣнію, этотъ тератологическій признакъ географически колеблется.

Кинокефаловъ древніе помѣщали то въ Индіи ²⁾, то въ Африкѣ. Первые изображаются чѣмъ-то среднимъ между человѣкомъ и обезьяной: они живутъ охотой и держатъ стада, питаются молокомъ и яв-

¹⁾ Указанія на нѣкоторые пересказы и передѣлки легенды о Христофорѣ на народныхъ языкахъ см. у *Schönbach, Anzeiger* l. c. p. 169.

²⁾ См. указаніе у *Fritsche*, l. c. p. 59 слѣд: Ктеай (Photius, Bibl. 72, ed. *Bekker*, p. 47 v.; Ctesiae operum reliquiae ed. *Baehr*, Franc. ad. M. 1824, 8°, p. 252—254 и прим. *Бора* p. 320 слѣд.), Эліанъ, *De nat. an.* 4,46; Плиній, *Hist. nat.* 7, 2, 23; Авль Геллій, *Noct. Att.* 9, 4, 9.

леннымъ мясомъ; вымѣиваютъ у индійцевъ оружіе на яктаръ и знаютъ выдѣлку пурпура; понимая индійскій языкъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ не умѣютъ говорить, а воютъ и лаютъ (ῥοοῦνται), какъ собаки, и объясняются знаками; у нихъ влики больше собачьихъ, когти длинные и острые, и большіе пушистые хвосты ὑπὲρ τῶν ἰσχιῶν.

Такое же колебаніе между образомъ челоѵка и обезьяны представляютъ преданія объ африканскихъ кинокефалахъ, которыхъ древніе писатели указываютъ то въ въ Ливіи, то въ Эѵіопіи¹⁾. По Плинію „gens Menisminorum“ въ Эѵіопіи держала стада кинокефаловъ, питался ихъ молокомъ; у Эліана Эѵіопскіе Песнглавцы—κυνοκεφαλοὶ ἄνθρωποι, черные, волосатые, съ головой и зубами собаки и острыми

¹⁾ См. *Ehrenberg*, Ueber den Cynocephalus der Aegyptier nebst einigen Betrachtungen über die ägyptische Mythe des Thot und Sphinx vom naturhistorischen Standpunkte, въ *Abhandl. d. kön. Akad. d. Wiss. zu Berlin*, 1833, стр. 337 слѣд.; *Fritsche* l. c. p. 58—59. Свидѣтельства классиковъ объ африканскихъ кинокефалахъ: *Herodot.* 4, 191; *Agatharchides* у *Forin*, *Bibl.* 250 ed. *Bekker* p. 455 b; *Diodor. Sicul.* 3, 35; *Plin. Histor. Nat.* 8, 54, 80; сл. 6, 2, 184; 7, 2, 31; *Sollinus* ed. *Th. Mommsen*, *Berol.* 1864, p. 143; *Aulian. De Nat. an.* 6, 10; 7, 19; 17, 8; 10, 25, 30; *Strabo* 774, 812; *Lucian. Dial. mar.* 7, 2, *Toxaris* 28; *Horapollinis Hieroglyphica* ed. *Leemans* l. I, c. 14 и прим.—См. *Pietschmann*, *Hermes Trismegistus*, p. 6—7, 16, 21 слѣд., 38, 44—45; *Parthey*, *Plutarch, Ueber Isis u. Osiris*, p. 195; *Pierret*, *Le Panthéon égyptien* (Paris 1881) p. 56, прим. 5; *Lafaye*, *Histoire du culte des divinités d'Alexandrie: Sérapis, Isis, Harpocrate et Anubis hors de l'Égypte* (Paris 1884) p. 260—261; сл. *ibid.* описание изображеній подъ №№ 76, 96, 97, 102, 103, 112 etc. — Я не касаясь здѣсь вопроса о различной локализаци кинокефаловъ у повѣдѣвшихъ путешественниковъ (Мандевиль, напримѣръ, помѣщаетъ ихъ на островѣ Накумерѣ (Мадагаскаръ и Коморо), ни сходныхъ преданій о происхожденіи того или другаго племени отъ сиваніи женщинъ съ собаками. Такихъ преданій довольно много: оно разказывалось о жителяхъ Печу (Камовьясь, *Os Lusitana*, X, 122), объ Айно (у японцевъ), ирчеъ интересно напомнить слѣдующія этнографическія подробности: у Айно лицо плоское, четырехугольное, съ выступающими скулами и складкой, спадающей на верхнюю губу; женщины окраиваютъ сокомъ растенія koutsi-ki'-sa полость рта, вокругъ котораго образуется широкая синяя полоса. Растительность волосъ на груди и спинѣ у Айно необычайная; они держатъ въ большомъ почетѣ собаку и почти боготворятъ ее (*Hellwald*, *Naturgeschichte des Menschen*, 52 Lief. p. 571—572). „Professor Rhys speaks of the *Dog-men*, sons and slaves of the Dog, an un-Aryan, un-Celtic, un-Teutonic nomenclature, peculiar to the pre-Celtic population of Great Britain, with whom the Northmen came into contact... This phenomenon of nomenclature recalls at once the *Hundings*, Dogsons, of the Helgi Lays—*Macbeaths* and *Macbeaths*, due, we have little doubt, to Ivernian influence“. *Vigfasson and Powell*, *Corp. post. boreale*, I, стр. CXXXII, прим. 1.

когтями. Съ другой стороны при Птоломеяхъ упоминаются ученые кинокефалы, пляшущіе и играющіе на флейтѣ и т. п. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ ихъ роль въ египетскомъ культѣ: кинокефалы посвящены дунѣ, являясь ея символомъ¹⁾; ихъ почитаютъ въ Гермополѣ (Strabo 812: *τιμῶσι κιννοκέφαλον Ἑρμοπολίται*), гдѣ найдены были и ихъ муміи; они посвящены Гермію-Тоту (*ἔτι δὲ καὶ τὸ ζῶον ἐπὶ Ἑρμῆ ἐνεμήθη τῶ πάντων μετέχοντι γραμμάτων*, Ногарoll. Hierogl. I, 14), почему кинокефалу, вводимому въ храмъ, *δέλτον αὐτῶ παρατίθειον ὁ ἱερεὺς, καὶ σχοίνιον καὶ μέλαν, περιάζον εἰ ἐκ τῆς ἐπισταμένης ἐστὶ συγγενείας γραμματα* (I. c.), какъ съ другой стороны тою же связью съ Герміемъ-Тотомъ объясняется образъ кинокефала, управляющаго вѣсами въ изображеніяхъ посмертнаго суда надъ покойникомъ. Какъ Гермій-Тотъ изображался кинокефаломъ (Lucian. Dial. mar. 7, 2: *Ἑρμῆς ἀντὶ νεανίου κιννοπρόσωπος γεγένηται*), такъ въ греко-латинскую пору Anubis смѣнилъ свою шакалью голову—головой собаки (Strabo 812: *ἐξῆς δ' ἐστὶν ὁ Κομπολίτης νομὸς καὶ Κοινῶν πόλις ἐν ᾗ ὁ Ἄνουβις τιμᾶται*), являясь въ роли Гермія Психопома (*Ἑρμᾶνουβις*, Plutarchi De Is. et Osir. c. 61) въ изображеніяхъ погребенія и посмертнаго суда: онъ ведетъ души умершихъ на тотъ свѣтъ; совершая погребальныя обряды, какъ бы уготовляеть людямъ загробныя пути, почему его зовутъ открывающимъ, уготовляющимъ пути. Изображенія греческой эпохи представляютъ его кинокефаломъ, съ мѣсяцемъ, либо двумя змѣядами надъ головой, съ калудеємъ и *talafia* Гермія на ногахъ, съ пальмою кѣтъю въ рукахъ: символомъ смерти, который Египтяне носили провожая покойника; иногда стволъ пальмы видѣется сзади или съ боку или спереди; въ рукѣ—глобусъ (земной шаръ) или палеца. Обыкновенно онъ одѣтъ въ тунику съ короткими рукавами, не доходящую до колѣнъ, охватенную по талѣ поясомъ; съ плечъ спускается плащъ, либо откинутый назадъ, либо покрывающій всю фигуру. Такъ онъ изображается на барельефахъ, геммахъ, монетахъ и фрескахъ, и въ колоссальной статуѣ, найденной въ Порто и нынѣ находящейся въ Капитолійскомъ музеѣ.

Къ какому изъ указанныхъ двухъ преданій о кинокефалахъ, индійскому или египетскому, примыкаетъ легенда о кинокефалѣ Христофорѣ? На это отвѣтять, быть можетъ, коптскіе и эионскіе отреченныя Дѣянія апостоловъ Андрелъ и Варооломея, вѣроятно, состав-

¹⁾ См. по этому поводу мои Замятки по литературѣ и народной словесности, IV: Къ вопросу объ апологахъ Кирилла, стр. 49 и сл. (I. I, с. 9) и 53.

ленные въ Египтѣ, такъ какъ распространеніе ихъ ограничилось коптскими и абиссинскими христіанами, и они не проникли ни къ сирійцамъ, ни къ грекамъ и латинянамъ¹⁾.

Въ коптскихъ актахъ апостолы Андрей и Варооломей, направляясь къ Пароамъ, проповѣдуютъ слово Божіе у Кадареновъ—Казареновъ или Македановъ, въ городѣ Jericho—Rochon; ихъ подвергаютъ мученіямъ, а Господь посылаетъ имъ на помощь челоуѣка изъ страны Кинокефаловъ, по имени Christianus. Въ театрѣ, гдѣ собрался народъ, онъ пожираетъ двухъ львовъ и наводитъ такой ужасъ на жителей, что они бѣгутъ изъ города, а по молитвѣ апостоловъ его окружила огненная стѣна, и народъ бросается къ ногамъ Андрея и Варооломея, которые обращаютъ кинокефала въ скромнаго, тихаго мальчика; Варооломей даетъ ему новое имя Πιστός, обѣщая ему царство небесное и вѣчную славу за помощь, имъ оказанную въ обращеніи невѣрныхъ.

Арабскій Синаксарій переноситъ мѣсто дѣйствія въ страну берберовъ²⁾; эоіонскіе акты ведутъ апостоловъ Андрея и Варооломея сначала въ Azgialos (= Jericho, Rochon), упоминаютъ городъ Makedonia, Mastan (Македония коптск. т.), но чудо съ Кинокефаломъ совершается, вѣроятно, по ошибкѣ, не въ Jericho, а въ Barthos, то-есть, у Пароовъ, куда и въ коптскихъ текстахъ направляются апостолы. Господь посылаетъ имъ на помощь изъ города, откуда ихъ изгнали, Кинокефала; ангелъ направляетъ его къ нимъ, наставляетъ въ истинной вѣрѣ. Въ доказательство истинны его словъ, нисходитъ съ неба пламя, окружающее Кинокефала, не причиняя ему вреда; тогда ангелъ дѣлаетъ надъ нимъ знаменіе креста: тотчасъ звѣриное естество его покинуло и онъ становится покорнымъ какъ овечка. Онъ идетъ къ мѣсту, гдѣ скрывались апостолы и ихъ ученики, Руфъ и Александръ; видъ его былъ ужасенъ: росту онъ былъ четырехъ аршинъ, голова точно большаго пса, глаза огненные, клыки какъ у медвѣдя или льва, ногти у пальцевъ на ногахъ, словно кривые садовые ножи, ногти у пальцевъ на рукъ, точно львиныя когти, а волосы и борода спустились какъ львиная грива. Апостолы бѣгутъ отъ страха, но Кинокефалъ удержалъ за руку Александра и Руфа и объясняетъ, зачѣмъ онъ къ нимъ присланъ. Тогда возвращаются и апостолы, и св. Ап-

¹⁾ См. *Lipsius*, Die apocryphen Apostelgeschichten und Apostellegenden (1884), II, стр. 85—86; см. для слѣдующаго *ibid.* стр. 76 слѣд.

²⁾ См. *Lipsius* I. c. p. 78; и I, p. 621 (городъ: Gaganus).

дрей даетъ ему, вмѣсто прежняго его имени—Порока — новое: Христіанинъ. Вмѣстѣ они идутъ въ городъ, кинокефаль — съ покрытымъ лицомъ; жители напустили на апостоловъ львовъ, онъ сорвалъ съ себя покрывало, его звѣриная натура вернулась къ нему: онъ бросается въ народъ и убиваетъ 603 именитыхъ мужей города. Всѣ обращаются къ истинной вѣрѣ и обнаруживаютъ желаніе выслушать въ театрѣ слово проповѣди; апостолы ведутъ съ собою и Кинокефала, который по ихъ молитвѣ принимаетъ человѣческій образъ и мирно, точно овечка, ложится у ногъ святыхъ.

Соединяя коптскій съ эіоионскимъ пересказомъ Дѣяній и сравнивая тотъ и другой съ данными Христофоровой легенды, мы получаемъ такое уравненіе: тамъ и здѣсь — Кинокефаль, страшнаго вида, „Порокъ“ или *Perrobus* (отверженный) по имени, и вмѣстѣ съ тѣмъ — избранный стать орудіемъ Божественнаго слова, вѣрнымъ (*Πιστός*), христіаниномъ (*Christianus*) — или Христофоромъ. Къ послѣдному имени, понятому конкретно, могла примкнуть легенда о вещественномъ, не только нравственномъ, несеніи Христа ¹⁾.—Тамъ и здѣсь крещеніе Кинокефала совершается при особыхъ, несомнѣнно сходныхъ обстоятельствахъ: въ Дѣяніяхъ Кинокефала окружаетъ небесное пламя, какъ Христофора — облако. Можетъ быть, и къ разцвѣтшему и принесшему плоды жезлу Христофора позволено усмотрѣть параллель въ легендѣ Коптскаго Синаксари о проповѣди ап. Варооломея въ египетскихъ оазисахъ ²⁾: проданный одному купцу, какъ искусный нипоградарь, Варооломей не занимается своей работой, а по почамъ проповѣдуетъ въ городѣ; когда же хозяинъ потребовалъ отъ него отчета, онъ беретъ три лозы, прикрѣпляетъ ихъ крестообразно къ одному дереву, и онѣ тотчасъ покрываются ягодами.

Линсіусъ ³⁾ полагаеть, что македаповъ, кавареновъ или кадареновъ

¹⁾ Известно, что «несеніе» Христа въ легендѣ о Христофорѣ нерѣдко понималось въ отвлеченно-символическомъ значеніи—брамени вѣры. Мистическое видѣніе Аеласія Филапповича относитъ насъ къ такому именно пониманію. «Въ пустынной мѣстности встрѣтился мнѣ больной и слабый человекъ. Я взялъ его на свои плечи и несъ его не мало. Этотъ незнакомецъ раскрылъ мнѣ дивныя дѣла о тайнахъ божіихъ и наконецъ долъ знать, что ему было высладчайшее имя Іисусъ Христосъ». Сл. *Орестъ Ледикій, Аеласій Филапповичъ, игуменъ Брестъ-Литовскій*. Киевъ, 1878 (оттискъ изъ *Кіевскихъ универс. извѣстій* 1878 г.), стр. 4.

²⁾ *Lipsius* l. c. p. 86 слѣд.

³⁾ L. c. 84—85; сл. *Riehm*, Handwörterbuch des biblischen Alterthums, ad v. Geser, Jericho, Makkeda.

и городъ Roschon, вѣроятно, искаженный въ Иерихонъ, слѣдуетъ искать въ Эѳіопіи. Если придержаться Иерихона, то можно бы сблизить македановъ съ Makkeđa, казареновъ съ Geseg, или Gazaga—столицами языческихъ Хананейскихъ царьковъ, какою являлся и Иерихонъ; именно изъ Иерихона (если подставить его вмѣсто Barthos эѳіопскаго текста) выходитъ на встрѣчу апостоламъ помощникъ имъ Кинокефалъ. Онъ, стало быть, такой же Хананей, какъ и св. Христофоръ, и Canineus было бы только переводомъ Кинокефала, въ фонетическомъ приспособленіи къ Cananaeus? Именно въ виду контскаго апокрифа и его возможной связи съ легендой о св. Христофорѣ такое развитіе значеній представляется болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ предположенное выше: отъ Canineus = Кинокефала къ Cananaeus. Это не мѣшаетъ намъ въ самомъ образѣ Кинокефала, какъ онъ выразился въ легендѣ и апокрифѣ, видѣть слѣды египетскихъ представленій; одно изъ языческихъ именъ Христофора: Онуфрій — египетское: Un-nefer означаетъ: благое существо, ἀγαθοδαίμων¹⁾; его предрасположеніе къ христіанству напоминаетъ общія мѣста скитскихъ житій: такъ св. Антонію, отправлявшемуся искать пустынножителя Павла, служатъ руководителями въ пустынѣ Кентавръ и Сатиръ, который проситъ его помолиться о немъ и затѣмъ исчезаетъ. Сатиръ, Панъ и др. были у древнихъ такимъ же двойственнымъ, какъ и Кинокефалъ, обозначеніемъ для обезьянъ, либо дикихъ народовъ, населявшихъ Эѳіопію и Аравію.

Въ заключеніе—вопросъ. Если Гермій-Тотъ отразился въ Иереміи сербской Александріи, а древнее изображеніе Гора на крокодилѣ — въ иконографіи св. Мени, то почему бы не допустить въ легендѣ у Якова de Voragine о песьглавцѣ Христофорѣ, переносящемъ черезъ рѣку странниковъ, съ палицей въ рукѣ, разцвѣтающей впоследствии, изнемогающемъ подъ бременемъ Христа, точно на его плечахъ покоился цѣлый міръ, — почему бы не предположить во всемъ этомъ отраженіи египетскаго представленія о песьглавомъ Анубисѣ, переводящемъ души (черезъ рѣку, отдѣляющую насъ отъ міра?), съ палицею въ рукѣ (или пальмой; либо пальмовымъ деревомъ въ сто-

¹⁾ См. *Parthey, Personennamen bei den Klassikern, in Papyrusrollen, auf Inschriften*. Berlin 1864 (Onnophris, Oenuphris); *Goodwin, Coptic and Graeco-Egyptian Names (Zs. f. Aegypt. Sprache u. Alterthumskunde 1868, p. 64—9)*; *Lepsius, Die Chronologie der Aegypter I (Berlin 1849), p. 43, прим. 6 (сообщ. г. Демковъ)*.

ропѣ) и глобусомъ, символомъ міровой „тяги“? Я оставляю это— вопросомъ.

Другимъ отраженіемъ древняго представленія является роль пеглавецъ въ нашихъ изображеніяхъ страшнаго суда. Въ гностической Pistis Sophia, иссвѣденной съ коптскаго Шарцомъ¹⁾, Богородица спрашиваетъ Христа: *mi domine, quoniam τόπος est caligo externa? Aut quot loca κολάσεως sunt in ea?* Иисусъ Христосъ отвѣчаетъ: *Caligo externa magnus δράκων est, cujus cauda in suo ore, est extra κόσμον totum et circumdat κόσμον totum. Sunt multi τόποι κρίσεως in eo, habente duodecim ταμεία κολάσεως dura. Est ἄρχων in quovis ταμείῳ; est facies ἀρχόντων varia inter se invicem. Primus δὲ ἄρχων existens in primo ταμείῳ est faciei crocodilli, cujus cauda in ore suo.... Et ἄρχων qui est in secundo ταμείῳ, facie felis est... et ἄρχων qui est in tertio ταμείῳ facies canis est. Σπονήμъ ученикамъ Христосъ велитъ проповѣдывать: „ἀποτάσσετε νόσον toti et ὄλη toti quae in eo atque ejus curis omnibus atque ejus peccatis omnibus,.. et sitis digni μωστηρίους luminis, ut servemini a κολάσεσιν omnibus, quae in κρίσεσιν,.. ut servemini ab ardore faciei caninae“; и далѣе: a fluviis ardoris faciei caninae, a fluviis fumi faciei caninae.— Кинокефалы древне-египетскаго загробнаго суда могли обратиться въ карающихъ демоновъ христіанства.*

Александръ Веселовскій.

¹⁾ Pistis Sophia, vertit M. G. Schwartz, ed. J. H. Petermann. Berolini, 1851, стр. 319 и слѣд., 254 и слѣд.

КЪ ИСТОРИИ ПОЛЕМИКИ МЕЖДУ МОСКОВСКИМИ И МАЛО- РУССКИМИ УЧЕНЫМИ ВЪ КОНЦѢ XVII ВѢКА.

Никѣмъ никогда не отрицалось сильное вліяніе католичества на Малороссію въ теченіе XVI—XVII столѣтій. Въ малорусской церковной архитектурѣ, въ живописи, мы находимъ непосредственное вліяніе католическаго запада вообще, Польши въ частности. Въ церковной литературѣ и школахъ видимъ преобладаніе, особенно со временъ Петра Могилы, польскихъ образцовъ; самый языкъ принялъ въ себя много полонизмовъ. Держись Польша другой политикой, несомнѣнно Малороссія была бы совершенно ополочена. Но православная религія составила неодолимую преграду всякимъ попыткамъ поработить русскую народность. Кровью неоднократно запечатлѣвала Малороссія свое православное исповѣданіе, но, борясь съ угнетателями православія, многіе изъ малороссовъ невольно усвоили себѣ не только приемы своихъ противниковъ-католиковъ, но и нѣкоторыя, не обращавшія на себя въ то время большаго вниманія, ученія западной церкви, какковы ученіе о непорочномъ зачатіи Богородицы, канонизованное папою Піемъ IX ¹⁾, ученіе о времени пресуществленія ²⁾ и другія, менѣе важныя. Послѣдній вопросъ—о времени пресуществленія св. да-

¹⁾ *Газаринъ*. Любопытныя свидѣтельства о непорочномъ зачатіи Богородицы. Леманъ. 1858. Ср. *Христіанское чтеніе* 1859 года, ноябрь, в отдѣльно; *Горская и Невоструева*, Опис. синод. рук., II, 3, стр. 480; *Стросса*, Библиолог. словарь, стр. 393. Ср. *Friedrich*, Geschichte des vatikanischen Konzils. Bonn. 1877. S. 331.

²⁾ О словахъ предложеніе (*μεταβολή*) и пресуществленіе (*μετουσίωσις*) и о вразумляхъ церкви см. *Gass*, Symbolik der griechischen Kirche. Berlin. 1872, стр. 225 — 268.

ровъ—вызвалъ въ XVII вѣкѣ обширную полемику и рѣзко выдвинулъ двѣ тогда еще нѣсколько скрытыя партіи православнаго духовенства—великорусскую и малорусскую. Этотъ же вопросъ, благодаря личности Сильвестра Медвѣдева, связанъ съ вопросомъ о власти царицы Софіи Алексѣевны, а по нашему мнѣнію, и съ вопросомъ о польско-католическомъ направленіи реформы, потребность которой одинаково сказывается и у энергичной правительницы, и у ея великаго брата. Poleмика эта, возникшая одновременно съ послѣднимъ раскольничьимъ движеніемъ, стоитъ въ непосредственной связи съ высокимъ мнѣніемъ о себѣ малорусской церкви, доблестно выдержавшей борьбу съ католицизмомъ, считавшей себя просвѣщеннѣе своей метрополіи — Москвы и привыкшей, подъ властію Константинопольскаго патріарха, почти къ полной независимости ¹⁾.

Полемикой заинтересовались всѣ русскіе люди того времени, и образованные, и простые. Патріархъ Іоакимъ съ горечью замѣчаетъ: „Нынѣ основоуложася нѣдци челоувѣковъ вездѣ другъ съ другомъ въ схожденіяхъ, собесѣдованіяхъ, торжищахъ временно и безвременно у мужей и женъ то и слово о тайнствахъ, и о дѣйствіяхъ и совершеніи ихъ, и свары, и распри, вражды, и ересь хлѣбопоклонная“ ²⁾. Мы сейчасъ увидимъ, что эти слова Іоакима вовсе не риторическое украшеніе его рѣчи. Вопросъ о томъ, кланяться ли на литургіи во время произнесенія словъ Спасителя: „Примите, идите...“ и „Идите отъ нси...“, могъ заинтересовать и простыхъ людей, въ виду распространенности попросовъ того же формальнаго характера, поднятыхъ въ концѣ XVII вѣка уже значительно выродившимся къ тому времени расколомъ. Поклонъ къ тому же соединился и съ нынѣшнимъ благовѣстомъ къ „Достоино...“. Особая привязанность русскихъ къ колокольному звону постоянно поражала иностранцевъ ³⁾, и удѣлившіи доселѣ обычай осѣнять себя крестомъ во время благовѣста ясно доказываютъ, что вопросъ этотъ былъ жизненнымъ въ извѣстное время. Латинствующіе совершали званъ во время произнесенія словъ Спасителя и требовали, чтобы всѣ, „кто гдѣ-либо въ то время

¹⁾ Исслѣдованіе *Терновскаго* о подчиненіи малорусской церкви Московскому патріарху—въ Архивѣ юго-западной Россіи, т. I, ч. V; статья *Г. О. Карпова* въ *Правосл. обозрѣніи*, 1871 г., II, стр. 172 и 308 и 1874, I, 1876 и слѣд.

²⁾ Остенъ. Казань. 1865, стр. 115—116.

³⁾ Свидѣт ельства Главнича, Майерберга, Варшунда, Таннера, Перри. *Русинскій, Религіозный бытъ русскыхъ*, по свидѣніямъ иностранныхъ писателей XVI и XVII вѣковъ. М. 1871, стр. 67 и 48.

былъ бы, или въ церкви, или въ дому, или въ пути, или въ рукодѣліи, или на торжищѣ, услышавше звонъ той, абіе возставше поклонялися богоподобными поклонами, мяше Тѣлу Христову поклонятися“¹⁾. Съ другой стороны, обвиненіе въ латинствіи многихъ московскихъ духовныхъ лицъ и цѣлой малороссійской церкви привлекало на себя общее вниманіе, благодаря расколу, обвинявшему и православную церковь въ латинствіи и въ латинскомъ мнѣніи о времени пресуществленія. Ученіе раскольниковъ уже чисто еретическое (см. Дополненія къ Акт. Ист., т. V, стр. 449)²⁾. Не слѣдуетъ упускать изъ виду и письменную пропаганду обѣихъ партій среди народа. Не даромъ и въ присягу, приносимую нынѣ епископами при посвященіи, включено православное исповѣданіе о времени пресуществленія св. даровъ.

Литература предмета почти вся рукописная. Главными источниками исторіи этого вопроса являются, во первыхъ, отдѣльными сочиненія представителей той и другой партій, во вторыхъ, два сборника: „Остенъ“ и „Щить вѣры“. Первый составленъ, видимо, инокомъ чудовскимъ Евоніемъ, извѣстнымъ справщикомъ книгъ, второй—Авасіемъ, епископомъ Холмогорскимъ³⁾, представителями партіи православной, и конечно, эти сочиненія носятъ нѣсколько одностороннюю окраску. Историческія данныя находятся и въ книгѣ „Икона или изображеніе дѣла патріаршаго престола“, большая часть коей издана въ Архивѣ юго-западной Россіи, т. I, ч. V.

Вопросъ о времени пресуществленія хлѣба и вина въ Тѣло и Кровь Христову былъ поднятъ еще на Флорентійскомъ соборѣ папою Евгеніемъ IV⁴⁾. Римскою церковью вопросъ этотъ былъ рѣшенъ въ

¹⁾ Остенъ, стр. 115.

²⁾ Въ одномъ новѣйшемъ, рукописномъ старообрядческомъ сочиненіи: исторія русской церкви. Рассмотрѣніе ея быта и дѣятельности второй половины КѢ и начала НѢ столѣтій. сочиненіе *Старообрядца* 1884 года, на л. 42, Никонъ обвиняется въ латинскомъ мнѣніи о пресуществленіи даровъ. Дѣйствительно, нѣкоторые латинствующіе ссылались на книгу Скрижалы, изданную Никомомъ. Ср. также свидѣтельства самой Скрижалы, сочиненій Авакума, Никиты и пр. (Матеріалы для исторіи раскола, т. VI, стр. 50—65, и т. V, стр. 279 и 288.

³⁾ Опис. рук. II, 3, стр. 424; *Строевъ*, Выбл. Словарь, 32; „Остенъ“, сокращенной редакціи, изданъ въ Казани.

⁴⁾ *Horre*, Die Ekklesie der griechischen und orientalischen Liturgieen. Schaffhausen. 1864, p. 1—5. Тутъ приведены почти все свидѣтельства отцовъ церкви по этому предмету, и любопытно, въ такомъ же числѣ, какъ и у нашихъ полемистовъ XVII вѣка. Ср. *Henke*, Die catholische Lehre über die Consecrationsworte der heiligen Eucharistie. Trier. 1850.

томъ смыслѣ, что пресуществленіе совершается словами самого Иисуса Христа: „Примите, ядите...“, а не молитвой священнослужителя: послѣдняя исключена изъ употребленія на Западѣ еще въ XI вѣкѣ ¹⁾). Православная же церковь вѣруетъ, что хлѣбъ и вино предлагаются въ Тѣло и Кровь Христову іерейскимъ призываніемъ Св. Духа и благословеніемъ даровъ ²⁾). Въ южно-русской церкви латинское мнѣніе впервые, какъ предполагалось, было высказано въ служебникѣ Петра Могилы 1639 года, тогда какъ въ служебникѣ 1629 года было еще пралославное мнѣніе. Но въ служебникѣ 1639 года о моментѣ пресуществленія прямо не говорится, а сказано: „Іерей зря на свитый хлѣбъ показуетъ наъ нимъ и благословляя его, возглашаетъ, глаголя: Примите, ядите... Ликъ: Аминь. Іерей же низко поклонься божественному Христову Тѣлу единожды“ и пр. (стр. 315). Можно указать и болѣе раннее и прямое свидѣтельство Дидаскаліи Кутенинскаго монастыря 1637 года, перенечатанной въ Кіевѣ въ 1653 году ³⁾). На вопросъ: какими словами совершается пресуществленіе, отвѣчено: „Суть тые слова Христовы надъ хлѣбомъ: Примите, ядите сіе есть Тѣло Мое, а надъ виномъ: Пійте отъ нея вси: си есть Кровь Моя“ и пр. Въ этой ереси и другихъ латинскихъ заблужденіяхъ обвинялись патріархомъ Іоакимомъ многочисленныя книги, написанныя и напечатанныя въ южной Россіи. Вотъ ихъ переченьъ по разнымъ источникамъ:

Слово поучительное Іоакима на соборѣ 1690 г.

- С. Полоцкаго, Катихизисъ.
 > Вѣнецъ вѣры.
 > Псалтырь. М. 1680.
 > Обѣдъ. М. 1681.
 > Вечери. М. 1683.
 > Слово благоговѣйное въ храмѣ стояніи.
 Треникъ Великій. К. 1646.
 Служебникъ. Кіевъ.
 > Видьно.
 > Стратинъ.

Щить вѣры.
 III Веседа Іоакима.

- Большой требинокъ. К. 1646.
 Миръ съ Богомъ. К. 1669.
 Ключъ разумніи. Л. 1665.
 Мессія Правдивый. К. 1669.
 Мечъ Духовный. К. 1666.
 Трубы словесъ. К. 1674.
 Огородокъ. К. 1676.
 Вечеря душевная. М. 1683.
 Обѣдъ душевный. М. 1681.
 Еприл. Травъ. Поучен. Рахм. 1619.
 Катихизисъ Коссова.

¹⁾ *Серединскій*, О богослуженіи западной церкви. С.-Пб. 1856, стр. 97 и 129.

²⁾ *Макцій*, Православ. догмат. богословіе. С.-Пб. 1868 года, т. II, стр. 381—386; ΟΡΘΟΔΟΞΟΣ ΟΜΟΛΟΓΙΑ. Lipsine. 1695, р. 166—167; *Остель*, стр. 3—16.

³⁾ Экземпляръ Имп. П. Библиотеки, 1637 года. Ср. *Лекарскій*, Наука и Литература при Петрѣ В., II, 356.

- Кирилл Транквилиона, Толков. на Евангеліе. Эзегесисъ, его же.
 » Зерцало Богословія. Катихизисъ Могилы. К. 1646.
 » Перло многоцѣнное. » его же, по польски.
 Катихизисъ (Могилы). К. 1646. Слово Симеона Полоцкаго о благоговѣиномъ стояніи въ храмѣ.
 » (его же). По польски. Выкладъ о церкви. 1668.
 Камень (Аѳос). Катихизисъ съ литовскаго.
 Миръ съ Богомъ. К. 1669. Камень.
 Трубы словесъ. К. 1674. Обѣдъ.
 Ключъ разумѣнія. Л. 1665. Вънецъ.
 Мечъ Духовный. К. 1666. и пныя многія оны уже типомъ изда-
 Мессія правдивый. К. 1669. ныя, оны же отъ неписанныхъ пре-
 Коссова о семи тайнахъ. (Дидаска- писуемы и въ народѣ разсѣваемы.
 лия. 1653). (Рукоп. Акад. Наукъ, № 12 и 130 —
 Выкладъ. 1668. 182; Опис. рукоп. синод. библ., II,
 (Остенъ, стр. 131—144). 3, стр. 514; Строевъ, Библ. Сло-
 варь, 127.

Книги эти имѣли большое распространеніе и въ Великороссіи. Кромѣ подлинныхъ изданій этихъ книгъ существовали даже русскіе рукописные переводы. Въ Императорской Публичной Библіотекѣ есть переводъ „Ключа Разумѣнія“ Галитовскаго, сдѣланный Осодосіемъ и посвященный митрополиту Питириму Новгородскому (Q. I. № 591). У Строева указанъ еще одинъ списокъ (Библ. Словарь, 306). Зерцало Богословія Транквилиона переведено въ 1674 году монахомъ С. Сторожевскимъ Θεοφαναомъ (И. П. В. Q. I, № 478). У Строева указаны еще три списка (стр. 307), у Ундольскаго два №№ 631 и 1678. Извлеченія изъ „Учительнаго Евангелія“ Кирилла Транквилиона встрѣчаются въ рукописи Московской синодальной библіотеки № 245 и 261. На него указываетъ и составитель Статира, какъ на распространенный образецъ тогдашнихъ проповѣдей. Выписки изъ него, сдѣланные самимъ Евоніемъ (не для полемики) указаны въ Описаніи рукописей Московской синодальной библіотеки, II, 3, стр. 172 и 252. Евоній же когда-то обрабатывалъ „Миръ съ Богомъ“ (Опис. рукоп. сип. библ. II, 3, стр. 447).

Упомянемъ подробнѣе о двухъ вышеуказанныхъ сочиненіяхъ. Въ „Мессія правдивомъ“ Галитовскаго. Кіевъ, 1669 года, л. 237 об., 238, жидъ спрашиваетъ: „Которого жъ часу зъ хлѣба стается Тѣло Христова и з вина стается Кровь Христова? Христіанинъ... Литургію божественную священникъ оправучи, гды мовить ти слова Христовы: Примѣте, ядѣте и пр... на той часъ з хлѣба стается през ти слова Тѣло Христова... Это мѣсто не имѣлъ въ виду г. Сумцовъ, который

О ПОЛЕМИКЪ МЕЖДУ МОСКОВСКИМИ И МАЛУРУССКИМИ УЧЕНЫМИ.

въ своемъ сочиненіи: „Іоанникій Галатовскій“ (К. 1885, стр. 28), говоритъ, будто послѣдній высказываетъ московское, то-есть, православное мнѣніе о пресуществеіи.

Другое, имѣвшее громкую извѣстность, сочиненіе заслуживаетъ нашего особаго вниманія. Эта книга игумена Θεодосія Сафѳоновича (авторъ въ самой книгѣ не названъ). Она вышла въ 1667 году ¹⁾ въ Кіевѣ подъ названіемъ: „Выкладъ о церкви святой и о церковныхъ рѣчахъ (дѣлахъ), о службѣ Божой и о вечерни з святаго Симеона архіепископа Солунскаго и из иныхъ учителей церковныхъ (Іоанна Златоуста, Іоанна Дамаскина, Пила Кавасила и Амвросія Медіолаускаго) выбранный. З грецкаго и латинскаго на рускій языкъ переведенный“. Книга эта переиздана въ Кіевѣ въ 1668 году и въ Угелѣ въ 1670 и 1674 годахъ ²⁾, слѣдовательно, имѣла большой успѣхъ. Существовалъ и рускій переводъ этой книги ³⁾, пользовавшійся также успѣхомъ. „Слышахомъ и видѣхомъ иѣкую книжицу на русскомъ языкѣ, именуемую изданіи церковнаго разглаголетвіа святѣйшаго архіепископика Θεссалоникійскаго о тайнахъ яже на трехъ или четырехъ пеназѣхъ въ торжищи продается“, говорится въ Акосѣ. Ученіе о времени пресуществеіи изложено въ ней сообразно мнѣнію латинской партіи: „Которыми словами посвящаются святые дары и стается хлѣбъ Тѣломъ Христовымъ, а вино Кровію? Ведлугъ (по) згоднаго святыхъ учителей зданія (мнѣнію) оными Христовыми словами: примѣте, ядѣте, се есть тѣло Мое: и пйте изъ нея всѣ, сія есть кровь моя“. Затѣмъ приводятся ссылки на слово Іоанна Златоустаго о предательствѣ Іудиномъ, Іоанна Дамаскина о вѣрѣ православной и Амвросія (л. 17 об.). Слова іерея: „и сотвори хлѣбъ убо сей и пр.“ объясняются тѣмъ, что олъ „проситъ в поворы абы Духу Святому священническая негодность не перешкажала до преложенія Св. Даровъ“. Дары уже преложены, но молимся, чтобъ они были преложены ради насъ: такъ именно слѣдуетъ понимать „не словъ хватаючися, але

¹⁾ Въ библиотекѣ С.-Пб. духовн. академіи А. С. Родосскимъ указано изданіе 1667 года, едва ли не единственный экземпляръ. *Христ. Читеніе* 1879 г. № 7—8, стр. 225. № 27. Въ Акосѣ (Имп. П. Б. Ф. I, № 186, л. 126) упоминается кіевскос изданіе 1667, мѣсяца іюля.

²⁾ Послѣднее изданіе извѣстно по указанію *Соликова*, I, № 205.

³⁾ Описан. рук. сан. библи. II, 3, стр. 420, № 288 (649). Едва ли не то же, что и „Толкованіе церковныхъ службы Симеона Θεссалоникійскаго, переведенное Θεодосіемъ, архимандритомъ Иверскимъ, для Питирима, митрополита Новгородскаго“ (*Стросовъ*, Библи. слов., 306).

рѣчь самую уважаючи". Но Сафоновичъ не отвѣргаетъ призыванія Духа Святаго такъ: „предъ словами Христовыми яко и по вымолвленю словъ“ и ссылается на слово о Св. Духѣ (гл. къ) Василия Великаго: „а ни бо вѣмъ контентуемъя тыми словами що намъ Апостолъ и Св. Евангеліе воспоминаеть; лечъ и иншіи и предъ тымъ и по томъ мовимъ яко многоважны до тыхъ таемницъ“. Это заблужденіе Сафоновича, если вѣрить іеродиакону Дамаскину ¹⁾, произошло оттого, что переводчикъ воспользовался только латинскимъ растлѣннымъ переводомъ, а греческій текстъ, рядомъ помѣщенный, оставилъ безъ прімотра. Съ „Выклада“ и начинали исторію полемики о времени пресуществленія св. даровъ, но это не совсѣмъ вѣрно.

Первое появленіе латинскаго мнѣнія въ Москвѣ относится ко времени до присоединенія Малороссіи къ Россіи (1654 г.). Сначала изъ Москвы „юноши ищци восхотѣша отъити въ польское королевство ради ученія латинскаго иже отшедше и учащеса въ латинскихъ училищахъ и яко ученицы во слѣдъ учителей своихъ ходяще въ школы латинскіе видѣша во времи словесъ Христовыхъ творими поклоны и возмѣся имъ благочинно и прилично быти сіе (юніи бо всегда поую видѣти и слышати желають)“. Эти юноши возвратились „въ свое дома и повѣдали знаемымъ своимъ священноначальникомъ и благороднымъ мужемъ, достоинства великая въ церкви домѣхъ имущимъ“, и тѣ порѣшили, что въ это время совершается пресуществленіе, и надлежитъ дѣлать поклоны. Тогда начался и зовъ въ то время „отъ тѣхъ юношъ повѣданія“, а не такъ какъ „и сперва благовѣсть къ достойну“ ²⁾. Изъ поведенія этихъ юношей видна извѣстная тактика Римской церкви, старавшейся посредствомъ школъ латинизировать православныхъ юношей и даже учредившей въ XVI вѣкѣ, при папѣ Григоріѣ XIII, знаменитую коллегію св. Аонасія въ Римѣ для грековъ и славянъ, гдѣ воспитывалось немало малоруссовъ. Юноши отсылались изъ латинскихъ школъ на родину съ влѣтвеннымъ обязательствомъ заботиться о соединеніи церквей ³⁾. Это, кажется, единственное свидѣтельство патріарха Іоакима о выходцахъ изъ Москвы и изъ Малороссіи до 1654 г., вызвавшее впо-

¹⁾ Рукопись о. І. К. Яхонтова л. рѣд. Дамаскинь цитуетъ парижское изданіе І. Златоуста 1636 г., т. V, стр. 415.

²⁾ Остенъ, лл. 124, 125, 126; Описаніе рукоп. ени. библ. II, 3, стр. 431—433.

³⁾ Чистовичъ, Феоданъ Прокоповичъ. С.-Пб. 1808, стр. 4; *Црквосл. Обзоръ* 1863, II, стр. 164; Древняя Росс. Воевошка, XVIII, стр. 162.

слѣдствіи насмѣшки Гавріила Домецкаго, ничего не вѣроятнаго въ себѣ не заключаетъ. Въ подтвержденіе возможности выходцевъ можно привести слова присяги Сигизмунда Салтыкову съ товарищами (1610 г.): „для науки вольно каждому зъ народу Московскаго людемъ ѣздити въ иншіе государства христіанскія“ (Сборникъ Муханова. С.-Пб. 1866, стр. 177). Впрочемъ, всего вѣроятнѣе, подъ „иными государствами“ подразумевался Кіевъ, въ которомъ въ польское господство было достаточно востеловъ и католиковъ.

По присоединеніи Малороссіи латинское мнѣніе начало распространяться гораздо быстрѣе. Малороссійскіе іерои, монахи и мірскіе, начаша въ Московское государство приходить и приходяще въ церкви услышавше іереа возглашающа словеса Христова... поклоняхуся по латинскому предъобученному имъ отъ жительства многуму возглашенію в отъ чтенія книгъ латинскихъ и польскихъ навывковенію¹⁾.

Однимъ изъ главныхъ представителей новихъ латинскихъ вѣнній является извѣстный наставникъ царя Осдора Алексѣевича, Симеонъ Полоцкій. Въ 1672—1673 годахъ при патриархѣ Питиримѣ между нимъ и мудрѣйшимъ іеромонахомъ Епифаніемъ (Славинецкимъ) происходило преніе о времени пресуществленія²⁾. Епифаній укоряя кіевлянъ въ заблужденіи, говорилъ: „Наши кіевляне училися и учатся точію по латинѣ, и чтутъ книги токмо латинскія, и оттуду тако мудрствуютъ: а грочески не училися, и книгъ гроческихъ не чтутъ и того руди о семъ истини не вѣдаютъ и велми въ семъ погрѣшили“. Это преніе издаю въ Остенѣ, и подлинность его потверждается тѣмъ, что въ кіевской лаврской рукописи сочиненій Епифанія есть разглагольство о пресуществленіи хлѣба и вина, то же самое, что и въ Остенѣ³⁾. Крожъ того, въ Московской синодальной бібліотекѣ въ рукописи № 294 (прежде № V въ тетрадахъ), л. 375—386, изложено православное ученіе о времени пресуществленія св. даровъ „отъ словесъ писанныхъ и устоглаголавныхъ Епифанія Славинецкаго“⁴⁾. Позднѣе въ 1685 г.,

¹⁾ Слово поучительное Іоакима на соборѣ 1690 г. изъ Остена, рукоп. Имп. П. Б., Q. I. № 334, л. 11 об. Погод. № 1227; Остенъ, 125; Описание р. с. б., II, 3, стр. 432.

²⁾ Остенъ, стр. 71; Описание р. с. б., II, стр. 428. Другихъ данныхъ объ этомъ преніи мы не знаемъ, но что Симеонъ Полоцкій действительно держался латинскаго мнѣнія, видно изъ его сочиненій.

³⁾ В. Іванникій, Епифаній Славинецкій — *Тр. Кіевск. дум. ак.* 1861, октябрь, стр. 176.

⁴⁾ Опис. р. с. б., II, 3, стр. 445.

Лихудамъ, только что прибывшимъ въ Москву, пришлось обличать ересь (или, вѣрнѣе, индифферентизмъ) Вѣлободскаго. Онъ тоже говорилъ, что таинство евхаристіи совершается только словами Господа ¹⁾. Но вопросъ этотъ пока не обратилъ на себя особаго вниманія: буря началась съ выступленіемъ на попроче ученика Полоцкаго, чернеца великаго ума и остроты Сильвестра Медвѣдева ²⁾. Противниками его явились извѣстные Лихуды и инокъ Евѣимій, ученикъ Епифанія. Первое ³⁾ его сочиненіе носитъ заглавіе: „Книга глаголемая Хлѣбъ животный изъясненная вкратцѣ христіанскія ради общеувѣрительныя пользы душъ и отъ соблазодѣтельныхъ и сумнительныхъ помысловъ на общее спасеніе всему христіанству о пресвятѣйшей тайнѣ предантѣй и утвержентѣй самѣмъ Господемъ нашимъ Иисусомъ Христомъ о евхаристіи или рекше о пречистыхъ тайнахъ Тѣла и Крове Господни“ ⁴⁾. Сочиненіе изложено въ видѣ вопросовъ ученика и отвѣтовъ учителя. Латинское мнѣніе о пресуществленіи видно изъ слѣдующаго мѣста ⁵⁾: „Вопросъ учениковъ. Въ какія времена Божественная литургія пресуществляется хлѣбъ и пречистое Тѣло и вино въ пречистую Кровь Христову? Отвѣтъ учителя. Пречистое Тѣло и Кровь пресуществляются Христовыми словами глаголемыми отъ іерея при Божественной литургіи надъ хлѣбомъ: примите“... Тутъ же и другое мнѣніе, оспариваемое Остенномъ, о пресуществленіи, кромѣ агнца, и другихъ частицъ, приносимыхъ на проскомидіи ⁶⁾. Всѣхъ вопросовъ и отвѣтовъ 30. Необычно

¹⁾ Аносъ Лихудовъ, вопр. 6; Опис. р. с. 6., II, 3, стр. 465, 436 и 819.

²⁾ Единственная біографія С. Медвѣдева написана В. М. Ундольскимъ и помещена въ *Чтен. Общ. Ист. и Др. Росс.* 1847. Ср. также *Соловьева*, *Исторія Россіи*, XIV, 88—127. Нынѣ съ выходомъ дѣла Шапковитаго, словаря Строева, Описанія рукоп. Московской синодальн. бібліотеки, она можетъ быть совершенно переработана.

³⁾ Мы называемъ его первымъ потому, что оно помѣщено передъ Аносомъ въ рукоп. Акад. Наукъ F. № 26, хотя оно само въ себѣ не заключаетъ ничего полемическаго и вообще не упоминается ни въ отреченіи Сильвестра, ни въ Аносѣ, ни во всей слѣдующей полемикѣ. Последнее обстоятельство заставило некоторыхъ изслѣдователей считать Хлѣбъ животный и Манну хлѣба животнаго за одно и то же сочиненіе. Ср. рукоп. Моск. арх. и. н. д. № 322 (702).

⁴⁾ Рукоп. Ах. Наукъ F. № 26 л. 2 об.; Опис. р. с. 6., II, 3, стр. 470; *Строева*, *Библ. Словарь*, стр. 244.

⁵⁾ Рукоп. Ах. Н. F. № 26. л. 7, об.; Опис. р. с. 6., II, 3, стр. 469.

⁶⁾ Это мнѣніе совпадаетъ съ мнѣніемъ расколниковъ; см. *Матеріалы для исторіи раскола*, т. IV.

венная мягкость изложенія характеризуетъ это сочиненіе. Отвѣтомъ на него послужила короткая записка, вѣроятно, Евеніи: „Показаніе на подвергъ латинскаго мудрованія“. Изъ словъ „латинскія ереси учитель іезуита уніатъ яврягалъ сіе, а ученикъ распосылаетъ и подвергаетъ не совершенно искуснымъ „можно заключить, что Евеній хотѣлъ видѣть въ учителѣ Симеона Полоцкаго, въ ученикѣ Медвѣдева. Въ ноябрѣ 1687 года протопопъ Іоаннъ Черниговскій принесъ Медвѣдеву тетради, распространяемыя въ народѣ въ защиту православнаго мнѣнія. Тетради эти, какъ мы увидимъ ниже изъ слѣдствія „Извѣстія истиннаго о исправленіи книжномъ“ Медвѣдева, принадлежатъ Лихудамъ. На нихъ Сильвестръ Медвѣдевъ, по повелѣнію царевны Софіи, пишетъ „Праведный отиѣтъ на тетради церкви святыхъ отъ возмутителей и слову Божію, яко есть и нынѣ есть все-силно въ пресуществленіи, невѣрующихъ—хитрообразнѣ и неправедно на прелщеніе православнаго народа неискуснымъ отъ безымяннаго писаны и тайно въ російскій народъ пущенныя“¹⁾. Въ то же время въ Москвѣ съ большею, по видимому, силою началъ распространяться „Выкладъ“ Сафоновича²⁾, и появляются два сочиненія: „Акосъ“ Лихудовъ и „Манна хлѣба животнаго“ Медвѣдева. Исслѣдователи не согласны при ихъ оцѣнкѣ и хронологическомъ расположеніи. Свящ. Образцовъ и свящ. Смирновъ³⁾ признаютъ „Акосъ“ написаннымъ противъ „Манны“ и доказываютъ тѣмъ, что 1) въ обоихъ есть разборъ слова *μεταρρηδύσαν*, 2) Лихуды называютъ своего противника изречкимъ носительственная и неподобиѣнная (въ концѣ „Акоса“), а это де и есть „Манна“ и 3) противникъ называется ученикомъ уніата, что обыкновенно приписывалось С. Медвѣдеву. Гг. Смѣловскій и Любимовъ⁴⁾ признаютъ, что „Акосъ“ направленъ противъ „Выклада“ и „Манны“. Вопросъ рѣшается очень просто. Полное заглавіе „Акоса“ слѣдующее: „Акосъ или прачсваніе противопологаемое ядовитнымъ угрызненіемъ

¹⁾ Строевъ, Выбл. словарь, стр. 245; Синод. рукоп. № 452.

²⁾ Приведенное выше свидѣтельство Акоса о продажѣ выклада въ Москвѣ на площадяхъ, по дешевой цѣнѣ.

³⁾ Образцовъ, Кіевскіе ученые въ Великороссіи (Эпоха 1865, I, стр. 22). Смирновъ, Іоаннъ патр. Московскій. М. 1881, стр. 135 (Чтенія Общ. люб. дух. просв. 1880 май, стр. 583, и отдѣльно).

⁴⁾ А. Смѣловскій, Врѣтъя Лихуды—Жур. Мин. Нар. Пр. 1845 т. XLV стр. 43; Любимовъ, Борьба между представителями великоросскаго и малоросскаго направленія въ Великороссіи въ концѣ ХУІІ и началѣ ХУІІІ вѣковъ—Жур. Мин. Нар. Пр. 1875, августъ и сентябрь.

змієвимъ отъ словеснѣйшихъ и мудрѣйшихъ учителей и богослововъ святія Христова восточная и апостольскія церкви и проповѣдниковъ священнаго евангелія Іоаннкія и Софронія іеромонаховъ и самобратій Лихудіевыхъ изъ славнаго острова Кефалоніи въ начертаніи разглагольствія (въ видѣ діалога) ко общей пользѣ и исцѣленію извъ неправомудрствующихъ о совершеніи таинства евхаристіи, преведнагося со еллинскаго на славянскій діалектъ Николаемъ Симеоновымъ, Алексіемъ Кирилловымъ и Феодоромъ Поликарповымъ, учениками вышереченныхъ учителей во славу Господню лѣта 4̄X̄13 (1687) декабря въ 11 (13) день¹⁾. Книга же „Манна хлѣба животнаго“ написана „лѣта отъ созданія міра 7196 года отъ рождества во плоти Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа 1687 ноемвриа мѣсяца“²⁾. Уже отсюда можно заключить, что врядъ ли въ промежутокъ времени съ ноября до 13-го декабря можно было успѣть написать и перевести „Акосъ“. Сами Лихуды объясняютъ появленіе своей книги такъ: „Книги различныя на православную и непорочную вѣру восточныя церкви списанасы и нѣдци сихъ претолковашасы съ латинска на російскій и польскій языкъ отъ нѣкихъ мѣтніими опыхъ единомудрствующихъ уніатомъ глаголемымъ и напечатанасы въ различныхъ мѣстахъ въ Польшѣ же въ Кіевѣ, негли и не тамо, но прелестно подъ именемъ Кіева и видѣ, аже убо пеллани суть горчайшия, аще и медвенницею чрезъ надписаніе именъ лицемѣрствуютъ“³⁾. „Акосъ“, какъ извѣстно, изложенъ въ видѣ вопросовъ учениковъ и отвѣтовъ учителя, и въ 16-мъ вопросѣ ученикъ спрашиваетъ учителя о книгѣ „Выкладъ Симеона Тессалонитскаго“, издавшой въ Кіевѣ, въ 1667 году⁴⁾. Между прочимъ

¹⁾ Рук. Имп. П. Б. Ф. I 186 л. 49, Q. I 334 л. Списки Моск. синод. библіотеки № 299 (440), 300 (439) и 301 (646) не имѣютъ даты. Ср. также спис. Моск. публ. музея № 483.

²⁾ Списокъ Моск. синод. библ. № 436; *Строевъ*, Библиологическій словарь, стр. 244--245.

³⁾ И. П. Б. Ф. I № 186 л. 50. Здѣсь меный намекъ на заглавія вышеуказанныхъ книгъ въ родѣ «Вѣща Христова», «Перла многоцвѣтнаго», и пр., а не на имя С. Медвѣдева, коего сочиненія большею частью безыменныя и не напечатаны.

⁴⁾ И. П. Б. Ф. I № 186 л. 126. Акосъ состоитъ изъ 21 вопроса и отвѣта, предисловія и надсловія. Бромъ времени прееуществленія даровъ, въ «Акосѣ» разрѣшенъ частные вопросы о крещеніи. Содержаніе «Акоса» см. въ вышеуказанной статьѣ Смирнова. Здѣсь замѣтимъ, что этотъ юноша—ученикъ любочитательнѣйшій, такъ часто спрашивавшій Лихудовъ о равныхъ богословскихъ вопросахъ, никомъ образомъ не можетъ быть Медвѣдевъ, какъ предполагаетъ Смирновъ, человекъ уже среднихъ лѣтъ, строитель Знаменоепископскаго монастыря (въ 1689 г.) и кандидатъ на патриаршій престолъ.

Лихуды говорятъ, что они „ради прещеній, на всякъ депь, отъ нѣкихъ не мудрыхъ убо, но неученыхъ и льстецовъ въ упорствѣ единомъ сатанинскомъ пребывающихъ молчали“, но теперь отвѣчаютъ по повелѣнью великихъ государей царей и великія государыни царевны и по благословенію патріарха ¹⁾. Этихъ свидѣтельствъ достаточно, чтобы заключить, что „Акосъ“ отчасти направленъ противъ „Выклада“, отчасти изложенъ самостоятельно, а не какъ отвѣтъ на „Манну“, и что оба сочиненія вышли одновременно. Это подтверждается и снятымъ Дмитріемъ (Ростовскимъ), который, приведя титулъ книжки новоявленной на Москвѣ грецкихъ учителей... прочитаной... року 1710 (1689)... врачеваніе противопологаемое“, далѣе приводитъ титулъ книги Сильвестра Медвѣдева „отитѣтующаго грекомъ: книга о маппѣ хлѣба животнаго“ ²⁾. „Клигу де Манну“, какъ показывалъ Сильвестръ Медвѣдевъ, на допросѣ произведенномъ 24-го сентября 1690 года,— „написалъ онъ по указу великія государыни благовѣрныя царевны (Софьи Алексѣевны) и закрѣпя своею рукою поднесъ ей великой государыни тому другой годъ (въ 1688?). И та книга послана была къ гетману къ Ивану Степановичю (Мазепѣ) къ кіевскимъ властямъ къ свидѣтельству... а патріарху та книга не подавана“ ³⁾. Въ книгѣ „Манна“ защищается мнѣніе о пресуществленіи даровъ Христовыми словами, а не порицается восточная церковь за то, что она усволяетъ большую силу „попонскимъ молитвамъ, чѣмъ словамъ Иисуса Христа“, и держитъ преданія человѣческія только ради того, чтобы не быть согласною съ Римомъ ⁴⁾. Эти два сочиненія были искрами, попавшими въ пороховой погребъ. Противъ „Акоса“ діаконъ Аѳанасій написалъ „Тетрадь на Іоанникии и Софронія Лихудовъ“ ⁵⁾. Тетради эти писались въ трапезной кельѣ Сильвестра Медвѣдева. „А писалъ де онъ, Оѳонасій, тетратокъ съ сорокъ или больше, показывалъ старецъ Арсеній: а на бѣло переписывали гулящие люди: одного Иванкомъ зовуть, а другаго имени не памятую... а раздавалъ де тѣ тетратки старецъ Семіонъ что

¹⁾ Опис. р. с. б., II, 3, стр. 462—463.

²⁾ Синод. рукоп. № 146 (автографъ св. Дмитрія), л. 191 и 192.

³⁾ Размѣсныя дѣла о Ѳеодорѣ Шаколовитѣ. Т. I. С.-Пб. 1884, стр. 544—545. Ср. *Аристовъ*, Московскія смуты въ правленіе царевны Софьи Алексѣевны. Варшава. 1871, стр. 138.

⁴⁾ *Смирновъ*, 569 и 121.

⁵⁾ *Соловцовъ*, XIV, 90; *Аристовъ*, XXXIX, приводитъ свидѣтельство Щита втры (Румиц. музей № 471), гдѣ упоминается запрещенный діаконъ Аѳанасій, «свойственный сатанинскій слуга». То же и въ рукоп. Акад. Наукъ, F. № 12 л. 15.

былъ въ мѣрѣ попъ Сава (Долгій); а кому раздавалъ того не вѣдаю¹⁾. Сильвестръ показывалъ, что списалъ только двѣ тетради Аванасія... а писаны де тетратки на греческую книгу, что писали на Москвѣ Греки²⁾; вѣроятно, эту же тетрадь надо подразумѣвать, когда Іоаннѣмъ въ словѣ поучительномъ на соборѣ 1690 года предаетъ анаемѣ: „тетрадь особно отъ кого либо написанную на учителя православныя Іоаннѣкія и Софронія, безчестія всякаго и злословія и хулы и лжи и клеветы наполненную и возмущающую народъ на митежъ, многимъ людемъ разданную“³⁾. Въ точности тетрадь эта намъ неизвѣстна, но до насъ дошло сочиненіе „Обличеніе на новопотасенныхъ волковъ (лѣхотъ — Лихуды) ходящихъ въ одеждахъ ловчихъ кон... по истинѣ поборателей называютъ латышниками, варварами, ушагами, псами и блядословцы“⁴⁾. Это оказывается „новопрѣзжіе иноземцы, что въ новыхъ школахъ младыхъ отроковъ на свои нравы учатъ священнополумонахи Іоаннѣкій да Софроній... а тѣ ихъ новопредестныя тетради переводили ученики ихъ Николай Семеновъ, Алексій Кирилловъ, Феодоръ Поликарповъ и тѣ тетради Великимъ Государямъ поданы, а иныя въ мѣрѣ розданы ради прелести людей Божіихъ“⁵⁾. Авторъ этого обличенія въ гнѣвѣ осмыкаетъ Лихудовъ отборными эпитетами: Лихуды — „новыя прелестницы, бѣшенныя собаки, темнообразныя иноземцы, съ лукавыми своими учениками, лютые звѣри, сквернавыя нетопыри, слѣпыя совы, нечистыя души, окаянные челоуѣки, новыя Канны, вторые Іуды, плотныя (плотскіе) демоны, прелестныя зміеве, церковныя всѣмъ зѣдомыя тати, необратныя разбойники, нераскаянные грѣховники, неукротимыя на Христовы овчаты волки, безбоязненные свѣтыя вѣры раззорители, хотящихъ спастися пакостники, Божіи враги, сынове погибельныя, тьмы наставники“⁶⁾. Эти иноземцы ругаютъ православныхъ еретиками, псами, звѣрьми и свиньями и всякими ругательными словами поносятъ за то, что Богъ въ Московскомъ нашомъ государствѣ не благоволилъ бытъ школьному ученію и ругаютъ

¹⁾ Розыскныя дѣла, I, 555 и 544, 629 и 637.

²⁾ Остенъ, стр. 146. Г. Сидловскій (стр. 44) приписывалъ ее Медвѣдеву, такъ какъ о Аванасіи не было ничего извѣстно. Томе С. К. Смирновъ въ своей исторіи Московской греко-латинской академіи, стр. 27; *Образцовъ*, Кіевскіе ученые въ Великороссіи (Эпоха 1865, I, стр. 22).

³⁾ Рун. И. П. Б. Погодина, № 1227 л. 46.

⁴⁾ Рун. И. П. Б. Погодина, № 1227 л. 46 об.

⁵⁾ Ibid. л. 47.

уставъ церковный, напечатанный при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ ¹⁾. Они, иноземцы, такъ разсуждаютъ объ евхаристіи, „какъ будто они одни вѣдаютъ вскую де отъ Господа тогда на нечери тайной опалъ слова речена баху“ ²⁾. Но быть можетъ, ихъ разсужденія нелѣпы и по другой причинѣ: „робята переводили: учителя славенскому языку не-искусны, а ученики ихъ иноземческому зѣло не потребны; аще они иноземцы и учены, правда и истина велика: полчеловѣка въ чужей землѣ—полазыка“ ³⁾. Затѣмъ приводятся доказательства въ пользу латинскаго мнѣнія ⁴⁾ о пресуществленіи ⁵⁾. Авторомъ этого сочиненія Лихуды, намѣренно или нѣтъ, считали Медвѣдева: не онъ ли (авторъ обличенія) былъ, который прежде пришествія нашего сѣмо молилъ во время блаженной памяти царя Ѳеодора Алексѣевича державнѣйшаго самодержца построить академію, говорятъ они въ своемъ отвѣтѣ ⁶⁾; и дѣйствительно, Сильвестръ хлопоталъ объ академіи. Это то самое сочиненіе, которое инокъ Евоній озаглавилъ: „Неистовнобреханіемъ на святую восточную церковь въ лицѣ и имени учителей православныхъ Іоаннікія и Софронія Лихудіевыхъ пренеистоваго нѣкоего безпмянника“ ⁷⁾. О. Смирновъ предполагаетъ, что это заглавіе дано Софроніемъ Лихудомъ, написавшимъ и отвѣтъ на это сочиненіе, но это не вѣроятно потому, что и самый отвѣтъ („Истинны показаніе“) писанъ не самимъ Софроніемъ, а лишь отъ его лица ⁸⁾. Сочиненіе это написано совершенно не въ духѣ Сильвестра: въ немъ вовсе не видно ни остроты великаго ума, ни особенной эрудиціи, ни обыкновенной мягкости и сдержанности Сильвестра, ученика—не забудемъ—іезуитствовавшаго Полоцкаго, чловѣка очень мягкаго. Последнее качество

¹⁾ Ibid. л. 49.

²⁾ Ibid. л. 51.

³⁾ Ibid. л. 51. об.—безъ языка. О. с. р. II, 3, 467.

⁴⁾ Смысли приведены на Соборникъ, л. 559; Еванг. бесѣды отъ Іоанна 391; Апост. бесѣда 255б; Малый патихизисъ 32; Кіевскій большой потребникъ, III, 238; Миръ съ Богомъ 118; Жезель правленія 41; Сяряжалъ III, IV, 466, 476, 486; Евангеліе повседневное 212; Мессія 238; Кирял. Іерус. 199; Еванг. Кирял. 83; Псалтырь сѣдов. 1640 г., 598 и ямхъ выходовъ; Орель, 433; Іоаннъ Дамаскинъ IV, 14; Уставъ л. 58; Архіерейскій чиновникъ 122; Вечера дух. II, 12; Тетради, что напечатаны въ 1811 году л. 1. Рукоп. Погод. № 1229 л. 55 и сл.

⁵⁾ Н. П. Б. Ногодянск. № 1227 л. 67; Опис. р. с. б., II, 3, стр. 468.

⁶⁾ Опис. р. с. б. II, 3, стр. 466.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 517; Читенія Общ. л. д. пр., 1880, май, стр. 588.

⁸⁾ Опис. р. с. б. II, 3, стр. 466.

особенно замѣтно, какъ въ розыскомъ дѣлѣ Сильвестра, такъ и въ его сочиненіяхъ, буйность же характера приписывается Медвѣдеву лишь на основаніи разбираемаго нами сочиненія. Медвѣдевъ въ своемъ покаяніи ни слова не говоритъ объ этомъ сочиненіи; самъ Іоакимъ въ 1690 году упоминаетъ о тетради, „особиѣ отъ кого-либо написанной“. Самое заключеніе, вѣчто въ родѣ воззванія о жалобѣ къ царимъ, не гармонируетъ съ общимъ поведеніемъ Медвѣдева, писавшаго для немногихъ и стоявшаго чрезвычайно близко къ двору и царевнѣ Софіи. Поэтому, можно, кажется, предположить, что отвѣтъ этотъ не принадлежитъ Медвѣдеву и, быть можетъ, есть ничто иное, какъ „тетради дьякона Аванасія“. Лихудамъ, конечно, выгодно было приписать (а можетъ быть, и составить) плохое сочиненіе своему противнику и обвинять его въ воззваніяхъ къ бунту. Наконецъ, послѣднее и наиболѣе важное доказательство мнѣнія о непринадлежности этого сочиненія Медвѣдеву заключается въ томъ, что отъ Сильвестра дошло другое полемическое сочиненіе противъ „Акоса“, писанное въ томъ же 1688 году: трудно было бы допустить, что онъ писалъ два различныя по духу сочиненія подрядъ противъ одного „Акоса“. Это сочиненіе носитъ заглавіе: „Извѣстіе истинное православному и показанію свѣтлое о новомъ правленіи въ Московскомъ царствіи книгъ древнихъ... и краткое изъясненіе о нововыѣзжихъ иноземцахъ и о ихъ неправомъ о пресуещствленіи и дестномъ на смущеніе правосѣрнымъ писанин. Написана въ царствующемъ градѣ Москвѣ Спасскаго монастыря иже за Иконнымъ рядомъ столетелемъ и печатнаго двора справизикомъ монахомъ Сильвестромъ Медвѣдевымъ гѣта 7137 (=1688) сентевріа“¹⁾. Говоря о неправомудрствованіи нѣкоторыхъ по вопросу о пресуещствленіи, Медвѣдевъ замѣчаетъ: „Еда же ихъ кто вопрошаетъ, откуда они сіе вѣдять? отвѣщаютъ отъ новыхъ греческихъ ученыхъ іеромонаховъ Іоанникія и Софронія: они тако повѣдаютъ. А онія греки почесому сіе разумѣютъ (сами бо славенски, вѣмы, яко не разумѣютъ)? И защитители тоя ихъ неправды еще отвѣщаютъ, яко о томъ ученики ихъ, которые у нихъ училися повѣдаютъ“. Какъ же научилися ученики, не зная греческихъ словъ? „Кто чесога самъ не

¹⁾ За сообщеніе выписокъ принюшу свою искреннюю благодарность С. А. Вилонуряну, издателю статскаго списка Арсенія Суханова. Списокъ Медвѣдеваго сочиненія Синод. Библиотеки находится нынѣ въ Имп. Пуб. Библиотекѣ среди Логодинскихъ рукописей, безъ конца (лишь первая половина—о книжномъ исправленіи). Выписки приведевы по другому списку Ундольскаго, № 1325.

имѣть, како то иному можетъ дати?¹⁾.. Лихуды выдають свою проѣзжую отъ патріарха грамоту за указъ патріарха, будто бы приславшаго ихъ въ Москву¹⁾, и даже дерзнули написать объ этомъ въ „предисловіи книги своей, уже они написавше подаша великимъ государемъ и великой благовѣрной государинѣ царевнѣ и великой княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ“²⁾. Должно быть, Лихуды „не суть православніи, но отъ еретиковъ лютеровъ или кальвиновъ или отъ римлянъ на возмущеніе нашея православныя вѣры“³⁾, подосланы или „еже не были бы ови отъ турка ради соверчанія и къ нему вѣсти препосыланія подосланы. Опасно дабы они... вѣру смуги потомъ по иному какому вѣру не прервали, о чемъ мое нещеваніе утверждаетъ тѣхъ нововѣзжихъ грескомъ или латипогрекомъ писаніемъ (Акосомъ) еже они къ В. Г. нашимъ и къ В. Б. Г. Ц. и В. К. Софіи Алексѣевнѣ и къ святѣйшему патріарху нынѣшняго 696 лѣта въ святую великую четырехдесятницу поднесоша на второй недѣлѣ, въ немъ же многая ово ложная, себѣ власти своей и вѣроятельства ко утверженію, ово неправедная и самому слову Божію и древнимъ святымъ отцемъ и ималѣ прежде того ихъ писанія (то-есть, Акоса) ихъ же совѣтомъ въ міръ ради правовѣрныхъ смущенія изданныхъ о томъ же пресуществленіи тетратей противная (подразумѣваются тетради, доставленныя Сильвестру Іоанномъ Черниговскимъ) и сами съ собою несогласная писанна, ему же позобличительная аще повелѣтъ В. Г. Цари и В. Г. Б. Царевпа Божією мнѣ благодатною помощію писати еще же потщуся якоже. за ихъ государскимъ указомъ и на перныя ихъ лжею исполненныя тетраты возобличительную книгу (праведный отвѣтъ на тетраты) написавъ и В. Государямъ и В. Г. Царевнѣ вручихъ... Книгу свою противу слова Божія писанную на прельщеніе вѣрнымъ нарекоша: Врачеваніе противопологаемое ядовитымъ угрызненіемъ змѣинымъ... Нигдѣ азъ гриппный нѣчто умыслихъ ради правовѣрныхъ изъявленія мало изъявити“. Затѣмъ, послѣ этого вступленія, слѣдуетъ самое сочиненіе. Иноземцы Лихуды, „пріѣхавши въ чужое государство, смущаютъ другихъ новымъ своимъ ученіемъ“. Они „въ российскомъ народѣ между человекѣи ненависти содѣлаша, несогласія устроиша, ко распрямъ раздоромъ и мятежемъ (избави Боже отъ браней и кровопролитіи) велія причины показаша... а выпу за помощію

¹⁾ Ср. укорявненныя грамоты патріарха Досіея Лихудамъ.

²⁾ О двуличности Іоанника и его отреченія отъ Діалоговъ (Мечца Духовнаго) редъ іезуитами, см. *Правосл. Обзорніе* 1863 г., мартъ, стр. 265.

заступниковъ ихъ того творити не престають, но паче день дне и часъ часа чревъ разныя своя дестяныя способы между духовными и мірскими людьми то умножаютъ". Укоряя Лихудовъ за то, что они „сами себе паче всѣхъ быти ученихъ утверждаютъ“, Медвѣдевъ говоритъ, „что они выписываютъ ово начало, ово середину, ово конецъ отъ свидѣтельства отцевъ, и далѣе самъ приводитъ свидѣтельства Іоанна Златоустаго, Григорія Богослова, Григорія Нисскаго, Иринея, Іустина Философа, Кипріана, Кирилловъ Іерусалимскаго и Александрійскаго, Евсевія Самосатскаго, Амвросія, Ефрема Сирина, Теофилакта Болгарскаго и Нивиты Ираклійскаго. „Иноземцы, именуеми волченки (λῆχοι—волки), познавше яко совершенно уже ученики ихъ тому ихъ прелестному зломудрствію увѣриша, еще тщатся совершенно уничтожить поклонны во время произнесевія іереемъ словъ Христа“. Далѣе достается и Іоакиму, и Еввенію, и всѣмъ сторонникамъ Лихудовъ. „Богъ вѣсть чего ради духовніи наши ихъ же прелестниковъ, ихъ въ лице поносящихъ (Лихуды указывали на погрѣшности Устава, нечестиваго при патріархѣ Іоакимѣ)... и перазумными и незнающими нарицающихъ, любятъ и души своя за нихъ положить готовы суще, а истину имъ о тѣхъ прелестникахъ православныхъ христіанъ глаголющихъ весьма не любятъ и всяко тщатся ихъ за тѣхъ иноземцовъ безъ всякія правды какой либо нибудь смерти или злолутому заключенію предати“. Лихуды зломудрствуютъ „надѣющеса, яко никтоже здѣ въ Россіи ихъ ону прелесть возможетъ пожати, аже отъ нижеписанныхъ еписistolіи (игумена Иннокентія Монастырскаго) всякому явна есть. А егда изъ Кіева отъ всей малороссійскія православныя церкви на обличеніе тоя ихъ иноземцовъ мерзкія ереси исполненыя книги, книга за прописавіемъ всѣхъ рукъ пришлется и тогда вся тѣхъ иноземцовъ ересь читающему ту книгу всякому познается“¹⁾.

Между тѣмъ Лихуды и Еввеній тоже не дремали. Новое сочиненіе ихъ партіи было „Истины показанія“, въ 60 отвѣтахъ. А. В. Горскій полагаетъ, что сочиненіе это, писанное рукою Еввенія и не заключающее въ себѣ признаковъ перевода съ греческаго, и составлено самимъ Еввеніемъ отъ лица Софронія Лихуда²⁾. Отвѣты направлены противъ двухъ сочиненій: „Обличенія“ (бреханье тожъ) и „Праведнаго отвѣта“ на тетради доставленныя Іоанномъ Черняговскимъ, которыя приписываются одному лицу—Медвѣдеву. „Наполнилъ

¹⁾ Рук. Унд. № 1325.

²⁾ Опис. р. с. б., II; 3, стр. 469.

лвѣ тетради оболганей и что мняше, егда писаше? не чаялъ имъ быти въ рукахъ моихъ" ¹⁾). Первое сочиненіе упомянута прямо въ заглавіи сочиненія: „Истини показаніе или отвѣтъ на неистовно бреханіе“; второе подразумѣвается, потому что къ нему можетъ относиться возраженіе Лихуда (Евѣимія тожъ), что онъ тетрадей въ міръ не давалъ ²⁾. Что же говоритъ этотъ отвѣтъ?—Медвѣдевъ „день и ночь не престаеъ возмуцаая, матежествуя... низлагая всеконечно церковь, іереемъ запрещеннымъ попуцаая священнодѣйствовати, якоже іеромонаха бѣлоградскимъ митрополитомъ запрещеннаго и инаго старца отлученнаго, Аванасія діакона, запрещеннаго отъ блаженнѣйшаго патріарха и иныя прощаа“ ³⁾). Далѣе, Медвѣдевъ ругаетъ учениковъ, „а ученици инии суть священници, іеродіаконы и монахи, инии же князи, спальники, столыники“: это онъ дѣлаетъ изъ зависти, ибо самъ не причастенъ грамматикѣ и риторикѣ „и былъ бы въ чужой землѣ не токмо съ полчеловѣка, но ниже съ ногу человѣчью“. Затѣмъ сочиненіе оканчивается тѣмъ обвиненіемъ, къ которому впоследствии такъ удачно прибѣгнулъ Феофанъ Прокоповичъ: „пишетъ де онъ хотя сицевымъ образомъ наступити и попрасти всю власть царскую и церковную“ ⁴⁾). Въ декабрѣ того же 1688 года, Аванасій архіепископъ Холмогорскій, впоследствии составитель „Щита вѣры“, написалъ „Книгу православнаго исповѣданія вкратцѣ извѣстно собранную отъ апостольскихъ и отеческихъ догматъ и писаній въ божественной и безкровной жертвѣ о прусуществленіи Тѣла и Крове Христовы“ ⁵⁾). Не всѣ архіереи, подобно Аванасію, держались мнѣнія патріарха и Евѣимія. Гавріилъ Домецкій, одинъ изъ позднѣйшихъ представителей латинствующихъ, говорилъ, что и самъ патріархъ Адріанъ, въ то время митрополитъ Казанскій, не приставаеъ къ ихъ (православныхъ) мудрованію, а только „лице являеъ“ патріарху Іоакиму. Адріанъ даже будто говариваеъ Гавріилу, что патріархъ Іоакимъ не радъ былъ, что въ такое дѣло вступилъ, и многожды сквозъ слезы жало-

¹⁾ Рук. И. П. В. Погодина № 1227 л. 75.

²⁾ Ibid. л. 66 об.

³⁾ Ibid. л. 68.

⁴⁾ Ibid. л. 82.

⁵⁾ *Сироевъ*, Выбл. словарь, стр. 30. Рукопись (in 4°, 48 л.) въ библиотекѣ Архангельской семинаріи № 527 (194). Вроятно, есть относящееся къ нашему вопросу и въ другомъ сочиненіи Аванасія: „Чинъ, како.. въ великій четвергъ.. тайны святити... и о прусуществленіи и пр. Рукон. Солов. № 38; Антон. Сібек. мон. № 151—153.

вался на Евѳимія справщика, что его „на то подбилъ, уже де мене не на одно и прежде сего подбивалъ, и я де настрадался“¹⁾. Это показаніе заслуживаетъ вѣроятія и потому, что Адріанъ дѣйствительно холодно относился къ Евѳимію, и самый Пцитъ вѣры, снабженный, правда, грамотой Адріана и вполне приготовленный къ печати, въ свѣтъ все-таки не вышелъ. Другой архіерей, митрополитъ Павелъ Рязанскій, еще въ 1683 году въ наставительной грамотѣ духовенству своей епархіи писалъ: „Іерей егда глаголетъ словеса сія: примите, ядите и пр. да имать умъ свой весь собравъ въ опы словеса, еже бы приложитися хлѣбу въ тѣло Христово и вино въ кровь Христову“²⁾. Самъ Евѳимій въ своемъ „Воумленіи іереемъ“ (рукоп. Синод. библ. № 297) приписывалъ пресущественіе словамъ Христа Спасителя и лишь впоследствии (Ів. № 298) исправлялъ свое мнѣніе³⁾. Если принять, что „Слово о благоговѣйномъ слушаніи литургіи“ (Синод. № 147 л. 303) принадлежитъ патриарху Іоакиму, какъ написалъ въ оглавленіи этой рукописи владѣлецъ ея св. Дмитрій Ростовскій, то окажется, что и самъ патриархъ требовалъ когда-то поклона при словахъ Христовыхъ (то же и въ Уставѣ 1682 года)⁴⁾. Домецкій, говоря объ Остиѣ, замѣчаетъ: „Тая книга, чаю, есть у Тихона митрополита Казанскаго: та же и онъ статьи, такожде у Гавріила Вологодскаго, у Никиты Коломенскаго“. Не слѣдуетъ ли изъ этого думать, что остальные архіереи относились къ этому вопросу болѣе или менѣе безучастно. А между тѣмъ волненіе въ народѣ, благодаря, съ одной стороны, обрядовой сторонѣ вопроса—поклону и благовѣсту въ словеса Христовы, и пропагандѣ обѣихъ партій,—съ другой, все болѣе и болѣе распространялось. Мы уже приводили слова Іоакима: вездѣ другъ съ другомъ въ восхожденіяхъ, собесѣдованіяхъ, пирахъ, временно, „безвременно то и слово о таинствахъ наипаче же о таинствѣ таинствъ пресвятѣйшей евхаристіи... како пресущественяется хлѣбъ и вино и въ кое время и кіими словесн“⁵⁾. У Сильвестра Медвѣдова бесѣдовать о словахъ Христовыхъ собирались много спатные люди, землякъ его Шахловитій⁶⁾,

¹⁾ Рукопись І. К. Яхонтова л. 6—8. *Ихонтовъ, Іеродіаконъ Дамасинъ*. С.-Пб. 1884, стр. 22.

²⁾ *Соловьевъ*, XIV, 90; *Пискаревъ*, Древніе грамоты и акты Рязанскаго края, стр. 130.

³⁾ Опшс. р. с. б. II, 3, стр. 449.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 262; *Строевъ*, Библ. словарь, стр. 130—131.

⁵⁾ *Останъ*, 114—116.

⁶⁾ Объ отношеніяхъ Медвѣдова къ Шахловитому см. замѣтку Н. Е. Забѣдина—*Лѣтописи русск. лит. и дресн*. V, 120

купцы, изъ гостиной сотни и многіе стрѣльцы¹⁾. Пятидесятникъ стрѣлцкій Никита Гладкой говорилъ: „Нонше де у насъ учителя завелись, ужъ де въ слова (Христовы) какъ поесл аминь, кланяться не велятъ. Есть де у мени чѣмъ уличать: намъ де даль тетратки (вѣроятно, Аѳанасія діакона) Селивестръ строитель (то-есть, Медвѣдевъ) и челобитная де у насъ будетъ изготовлена“²⁾. Подъ именемъ новыхъ учителей, конечно, надо разумѣть Евѳимія и Лихудовъ. Медвѣдевъ въ разговорахъ говаривалъ на справщика Евѳимія и на ризничаго Акинея: они де святою душею святѣйшаго патріарха возмущаютъ и наговариваютъ опоклонахъ по слова Христовы³⁾. „И сіе не малое діло“, замѣчаетъ Домецкій, — „како Евѳимій, такой иростякъ привязалъ къ себѣ учителей Софронія и Іоанникія... Не рады и они были, что въ такое дѣло вступили и искали непрестанно дыры, куда бы выльзти“⁴⁾. Авторитетъ Лихудовъ, да и вообще грековъ уже не пользовался особою силою. Расколъ много тому содѣйствовалъ своимъ взглядомъ на грековъ, какъ на уклонившихся отъ истиннаго православія, которое де только и сохранилось въ Россіи⁵⁾.

Тогдашнее положеніе Московскаго государства дѣлало всѣ эти религіозныя волненія еще болѣе острыми. Вопросъ о пресуществленіи появился немного времени спустя послѣ казни Никиты Пустосвята, главы послѣдняго раскольникскаго движенія. А тутъ еще политическіи волненія партій Софін и Истра, изъ которыхъ къ южной, какъ извѣстно, принадлежали князь В. В. Голицынъ, Шавловитый, Медвѣдевъ и другіе сторонники латинскаго ученія, тутъ же неудачные крымскіе походы и волненія на Украинѣ изъ-за мнимой или дѣйствительной измѣны Самойловича. Туда же на Украину перешелъ и нашъ вопросъ, и этотъ второй фазисъ его развитія вызвалъ еще большее волненіе, чѣмъ первая пора появленія латинскаго мнѣнія въ Москвѣ.

Книга „Маниа“ Сильвестра Медвѣдева какъ, мы уже знаемъ, по поднесеніи ея царевнѣ Софін, была послана гетману Мазепѣ и кіевскимъ властямъ для свидѣтельства⁶⁾. Это и понятно; самъ

¹⁾ Разыскное дѣло о Федорѣ Шавловитомъ I, ст. 569.

²⁾ *Ив.* ст. 140, 605.

³⁾ *Ив.* ст. 572, 703.

⁴⁾ Рукон. Яковтова л. 62 об.; *Яковтово*, Іеродиаконъ Дамаскинъ, стр. 27.

⁵⁾ *Балтеревъ*, Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ М. 1885, стр. 474—490; *Правосл. Обзорн.* 1861, октябрь.

⁶⁾ Разыск. дѣла о Ѳ. Ш., I, стр. 545.

Медвѣдевъ былъ родомъ изъ Курска, находился въ сношеніяхъ съ малоруссами ¹⁾, самое ученіе о пресуществленіи было малорусское, да и самъ гетманъ Мазепа былъ благопріятель ближняго человѣка царевны, князя В. В. Голицына, большаго друга Сильвестра ²⁾. Съ „Манной“ была послана и другая греческая книга о томъ же пресуществленіи. Объ этой присылкѣ въ Кіевъ трактуеть и запись св. Дмитрія Ростовскаго, которую мы приводили раньше, и изъ этихъ книгъ онъ сдѣлалъ выписки и для своего личнаго употребленія: доказательство, что онъ и самъ былъ заинтересованъ въ этомъ дѣлѣ. Книга Медвѣдева вызвала общее одобреніе малороссовъ. Иннокентій Монастырскій, игумень Кирилловскій, писалъ Мазепѣ (въ декабрѣ 1688 года): „О письмахъ, которыя будучи у твоея вельможности видѣлъ и отчасти читалъ сіе нынѣ на письмѣ моемъ глаголю что устѣ глаголахъ, съ чимъ готовъ есмь и умерети... пречестнаго монаха Медвѣдева вѣру, труды, разумъ хвалю и почитаю... я того пречестнаго Медвѣда не отъ медвѣда звѣря, но отъ пѣдомости меда походити сужду,.. не моего разума сила писати о томъ же яко пресуществленіе словеси Христовыми... бываетъ... по сила Божественная въ пемоцахъ совершается, могу и я что либо о томъ написати“. Сильвестру тотъ же Иннокентій писалъ отъ 9-го февраля 1689 года (по московски 1688 годъ): „Еслибъ я писалъ къ Лихудамъ, то сказалъ бы: для васъ Сильвестръ не Silvester но Solvester (солнце ваше). Видѣхъ аяъ книжицу отъ нихъ написанную юже они позваша врачеваніе и въ Кіевъ съ Москвы тѣхъ грековъ книжица присланная мало иная: въ обонхъ ничесоже обрѣтохъ точію едину ересь. Пространно о ономъ вскоромъ времени церковь наша малороссійская разглагольствуетъ (будеть говорить) съ твоею пречестностью“. Мазепа пишетъ о томъ же Шаковитому: „Книги ваша вельможность даль миѣ за великую тайну (то-есть, Агось и Манну), но вижу, что уже давно по всему Кіеву ихъ знаютъ, такожде и въ Черниговѣ. Ибо отъ соборныя митры (?) тѣмже книги присланы къ митрополиту, ко архіепископу и архимандриту... желаютъ дабы одно разумѣли съ греками тѣми двѣма и дабы оно свое разумѣніе на письмѣ прислали по... всѣ духовныя (не только) подписатися на оно, что

¹⁾ Знаменитый портретъ Соєи былъ рѣзанъ малорусскими художниками по заказу Шаковитяго, великаго пріятеля Мазепы, при чемъ Шаковитый и самъ былъ изображенъ на гранурѣ. Ровмс. дѣла, стр. 596 и 659.

²⁾ Соловьевъ, XIV, 37.

Медвѣдевъ правду пишетъ, а они (греки) ложь, но и умерати готовы. На ону греческую книжку по указу митрополита и всего чина духовнаго описываетъ Монастырскій¹⁾. Чтобы понять, что значать послѣднія слова Мавены, надо обратиться уже не къ литературной полемикѣ московскихъ богослововъ, а къ другому, болѣе важному, церковно-историческому вопросу.

Малорусская церковь, бывшая столь долго почти независимою, при слабомъ значеніи Константинопольскаго патріархата, недавно еще подчинилась Московскому патріарху, и самое подчиненіе не было дѣломъ вполне безукоризненнымъ. Патріархъ Іоакимъ давно уже подозрительно смотрѣлъ на присоединившихся къ Москвѣ малороссовъ. Самъ онъ, москвичъ родомъ, принялъ постриженіе въ кievскомъ Межигорскомъ монастырѣ²⁾ и, конечно, хорошо зналъ всѣ отступленія малороссовъ отъ православныхъ обычаевъ. О нѣкоторыхъ неправильныхъ воззрѣніяхъ малорусской церкви на зачатіе Богородицы (*Immaculata conceptio*), на адскія мученія³⁾, причащеніе и другими частіями, кромѣ агнца и пр., мы уже говорили выше. Но еще яснѣе были разницы обрядовой стороны великорусскаго и малорусскаго богослуженія. Еще въ 1683 году, посылая грамоту Самойловичу, онъ укорялъ епископа Черниговскаго Лазаря Барановича за то, что тотъ посвящаетъ на литургіи заразъ нѣсколькихъ діаконовъ и іереевъ⁴⁾. При погребеніи гетмана Золотаренко въ Нѣжинѣ было отправленіе службы Божіей забавной съ музыкой⁵⁾. При крещеніи священнику давали особый пирожекъ. Пѣніе малороссовъ было высокоголосное; благодаря польскому вліянію. Въ церквахъ встрѣчаемъ западную живопись и статуи⁶⁾. О странной одеждѣ духовныхъ лицъ и ихъ католическихъ замашкахъ говоритъ грамота Досиѣея, помѣщенная въ „Иконѣ“, а объ ихъ вооруженной свитѣ свидѣтельствуютъ иностранцы. Іоакимъ дѣйствовалъ противъ заблужденій и сомнѣній

¹⁾ См. эти письма въ качествѣ приложения къ вышепомянутому сочиненію Медвѣдева: *Извѣстіе истинное и пр. въ рук. Ундольскаго № 1325.*

²⁾ *Смирновъ*, Патріархъ Іоакимъ, стр. 3.

³⁾ Въ книжкѣ Галитовскаго «Души людей умерлыхъ», 1687 года, въ раздѣленіи ада на геенну и отлаанъ какъ бы слышится намекъ о римскомъ чистилищѣ (*Сумцовъ*, Іоаннъ Галитовскій, стр. 82).

⁴⁾ *Ibid.*, стр. 174.

⁵⁾ *Сумцовъ*, Лазарь Барановичъ, стр. 167; *Страдомскій Ж. М. Н. Цр.* 1852, № 17, пр. 55.

⁶⁾ *Руцицкий*, Религіозный бытъ, стр. 42, 47, 82, 113, 136.

южно-русской церкви крайне осторожно. Въ январѣ 1688 года митрополиту Киевскому Гедеону запрещено было писаться митрополитомъ „всехъ Россіи“ ¹⁾. 29-го марта 1688 года ²⁾ патриархъ Іоакимъ отправилъ митрополиту Гедеону Четвертинскому и Лазарю Барановичу двѣ грамоты ³⁾, спрашивалъ ихъ мнѣнія о Флорентійскомъ соборѣ. „Ншѣ“, пишетъ Іоакимъ, — „грѣхъ ради нашихъ зрительно намъ есть яко дышетъ на паству нашу змій адскій... подущаетъ новыи нѣкія Елимы и Февды... пріемающія и похваляющія соборъ Флорентійскій, друзіи же воспротивляющіи си нѣму онаго Флорентійскаго собора не пріемають весьма,.. а извѣстныхъ писаній обѣ страны показати не могутъ, заче въ книгахъ нашихъ рѣдко о семъ гдѣ обрѣтается писаніе... И тебѣ бы сишу нашея мѣрности писаніемъ извѣститися: коея ради вины оный соборъ бысть и каковымъ обычаемъ начася, и отъ кого и кака въ немъ и коликая предложенія быша... хотимъ отъ нашихъ извѣститися книгъ“ ⁴⁾. Изъ словъ С. М. Соловьева, а особенно Н. Я. Аристова ⁵⁾, можно заключить, что они считали Іоакима дѣйствительно не знавшимъ сущность Флорентійскаго собора. Но никакихъ разсужденій о Флорентійскомъ соборѣ въ Москвѣ не было, и вся грамота была написана съ цѣлію, вынудить мнѣніе южноруссовъ о Флорентійскомъ соборѣ, узнать ихъ мнѣніе и о пресуществленіи даровъ, вопросъ, рѣшенномъ, какъ указано выше, на томъ же соборѣ. Самъ Іоакимъ въ надсловіи къ своей первой „Бесѣдѣ“ говоритъ: „Писахомъ въ Киевскую епархію... писахомъ же сіи не невѣднице о томъ соборниці и бывшихъ на немъ, но хотише извѣститися аще они во всемъ согласни суть святѣй восточнѣй церкви“ ⁶⁾. Такъ приняли это и малорусскіе духовные. Видимо, что Іоакимъ вообще былъ недоволенъ малороссійскимъ духовенствомъ, потому что въ томъ же мартѣ того же 1688 года, не справясь, нужны ли посланные имъ въ Киевъ св. Дмитрію Ростовскому макаръевскіи Четминеи за декабрь, январь и февраль, потребовалъ ихъ назадъ сперва

¹⁾ Сумцовъ, Лаз. Барановичъ, стр. 166; Арх. М. Ин. Д. малоросс. дѣла, св. № 73.

²⁾ Рукон. А. Н. Ф. № 51 и 48 об.

³⁾ Г. Сумцовъ говоритъ (Лазарь Барановскій, стр. 172), что грамота была послана и Варлааму, но изъ нижеприводимаго письма видно, что Варлааму такой грамоты не было.

⁴⁾ Архивъ юго-западной Россіи, I, V, стр. 245—246.

⁵⁾ Соловьевъ, XIV, 90; Аристова, Моск. смуты, стр. 139.

⁶⁾ Рукон. Ак. Наукъ, F. 12, Щитъ въры, л. МЗ.

отъ архимандрита Печерскаго, потомъ отъ митрополита Гедеона и вѣ отдавъ ихъ впослѣдствіи, при пріѣздѣ св. Дмитрія въ Москву въ августѣ 1689 г. Зачѣмъ понадобились ему миней, когда въ Москвѣ былъ другой ихъ экземпляръ при Успенскомъ соборѣ? Конечно, только вслѣдствіе неудовольствій на малороссовъ ¹⁾. Притомъ надо замѣтить, что дѣло св. Дмитрія—составленіе миней—было дѣломъ народнымъ и даже занесено въ лѣтопись Величка. Слухъ объ этихъ непріятностяхъ дошелъ и до гетмана. Мазепа, непріятель митрополита Гедеона, тестя его предшественника Самойловича, писалъ къ Варлааму Ясинскому „цедулку“ и спрашивалъ, въ чемъ дѣло. Отвѣтъ Варлаама, въ то время болѣе важнаго глазами, былъ написанъ рукою св. Дмитрія, въ то время игумена Батуриискаго ²⁾. „Писалъ святѣйшій патріархъ уже по давню до ясне преосвященнаго ксіонженца (то-есть, князя) его милости отца митрополиты не чрезъ умысленного (нарочнаго) посланца, аде чрезъ руки людей разныхъ и шло письмо, въ которомъ пытаніе таковое: ежели (точно ли) мы, малая Русь, соборъ Флоренскій пріимеми за соборъ? Таковое жъ яко слышимъ было письмо и до преосвященнаго его милости отца архіепископа черніговскаго. Теды (тогда) ясне преосвященный ксіонже его отецъ митрополитъ, совзавши всѣхъ насъ духовныхъ тое вопрошеніе явне велѣлъ читати; что слышавши всѣмо ся удивили (всѣ удивились) и единодушно согласились негативо (отвѣчать отрицательно) иже того соборница восточная Церковь православная цале (совершенно) не приняла и за соборъ не почита . . . (хотѣлъ писать?) отвѣтную грамоту превелебный отецъ игуменъ Θεодосій доводне показуючи. . . (что) не маеть (не имѣеть) быти той соборъ про legitima Synodo (законнымъ, каноническимъ соборомъ); мы правосла . . . рыхъ (то-есть, нѣкоторыхъ) Русѣи прельщенныхъ на Унѣю въ Римскимъ костеломъ многими ересыми за поводомъ самовластія панѣкского змраженнымъ, и з нимъ сдипомудрствующихъ по повинни смо наслѣдовати (не должны имъ подражать). На таковыи отвѣтъ всѣ смо руки свои приложили“. Письмо это писано 26-го іюля 1688 года. Первымъ на грамоту Іоакима отвѣчалъ Лазарь Барановичъ: „Мало миѣ есть звѣстно о немъ; въ таковыи бо книги и письмена свазующи о томъ соборѣ Флоренскомъ оскуденъ есмь...“, и затѣмъ не безъ задней мысли прибавляетъ: „въ другой (книгѣ, кромѣ

¹⁾ Св. Дмитрій. М. 1849, стр. 27; Діаріушъ поць 1688 г.

²⁾ Письмо напечатано цѣликомъ въ книгѣ (Горская): Св. Дмитрій Ростовскій. М. 1849, стр. 25—26.

Острожской исторіи о листерійскомъ соборѣ) въ самомъ царствующемъ градѣ Москвѣ напечатанной подъ титуломъ рекомѣн: житіе снятаго Сергія игумена и чудотворца радонежскаго совершенно дается знати о флоренскомъ соборѣ...“ Въ заключеніе отвѣта Лазарь вкратцѣ излагаетъ исторію собора. Письмо это написано 26-го мая 1688 года ¹⁾, а 15-го іюля того же года, въ отвѣтъ на письмо Лазаря Барановича отъ 7-го марта ²⁾, Черниговская архіепископія была отнята отъ Кіевского митрополита и подчинена непосредственно Московскому патриарху ³⁾. Между тѣмъ Гедеонъ собралъ, какъ мы уже знаемъ ⁴⁾, соборъ изъ несчастнаго отпа архимандрита Печерскаго, честныхъ игуменовъ кіевскихъ и иныхъ іеромонаховъ; надо думать, что на соборѣ былъ и св. Дмитрій, гостившій въ то время въ лаврѣ и исправлявшій должность секретаря при Варлаамѣ. Игумену Кирилловскому (Иннокентію Монастырскому) было поручено списаться съ Θεодосіемъ Углицкимъ, черниговскимъ архимандритомъ, правою рукой Лазаря и впоследствии его совѣстникомъ. Игуменъ Кирилловскій дважды писалъ къ черниговскому архимандриту, и тотъ отвѣчалъ, что преосвященный Лазарь приплететъ уполномоченнаго въ Кіевъ. Гедеонъ ждалъ, пока не оказалось, что Лазарь успѣлъ и отправить отвѣтъ, и освободить епархію изъ-подъ начала митрополита. Отвѣтъ Гедеона былъ посланъ лишь 14-го іюля 1688 года ⁵⁾.

Цѣль Іоакима не была достигнута: „Въ сихъ же ихъ митрополита и архіепископа писалихъ, како бысть велие преніе во Флоренціи о пресуществленіи даровъ, когда и кинни словеси, не бысть именно и поминовенно ни мало“, говорится въ Щитѣ вѣры ⁶⁾. „De forma vero consecrationis sacrosanctae eucharistiae (О формѣ освященія святѣйшей евхаристіи)“, пишетъ св. Дмитрій отъ лица Варлаама въ извѣстномъ

¹⁾ Письма Лазаря Барановича. Черниговъ. 1865, стр. 230—235.

²⁾ Архивъ юго-в. Россіи, I, 5, стр. 246 и 257.

³⁾ Посланный отъ Лазаря архидіаковъ Антоній прибылъ въ Москву 30-го марта 1688 г. (Молодихъ на 1844 г., С.-Пб. 1844, стр. 230).

⁴⁾ Кроме вышеприводимаго письма Ясинскаго, о соборѣ свидѣтельствуеетъ и свѣтъ Гедеонъ (Архивъ ю.-в. Россіи, I, 5, стр. 269).

⁵⁾ Опис. р. с. 6. II, 3, стр. 506. Подлинный отвѣтъ, скопій съ отвѣтомъ Лазаря, въ сборн. Моск. синод. библиот. въ тетради № 1, л. 373; Архивъ, 269; рукоп. Ак. Наукъ F. 12, л. 48 об.—52 об.

⁶⁾ Смирновъ Патриархъ Іоакимъ, стр. 198; рукоп. Ак. Н. F. 51, Щитъ вѣры, 5.

уже намъ письма къ Мазепѣ, — не было въ томъ листѣ жадной (никакой) вѣмки (упоминанія) и по сей часъ (27-го іюля 1688) неимашъ (нѣтъ). Заслышали смо почасті же, (что) коло того мудрствуетъ оныи греческіи чили греколатинскіи учителѣ на Москвѣ; але до насъ *servio* (*saeva?*) *haec quaestio* поп *peruenit* этотъ (жестокій?) вопросъ не дошелъ), а мы якоже научихомся отъ отецъ нашихъ, тако исповѣдуемъ. Подруковано тое по многихъ экземплярахъ; за щасливымъ дастъ Богъ поворотомъ вельможности вашей мощно будешъ видѣти по кпигамъ подрукованнине около той матеріи людей мудрыхъ и святоблнвыхъ зданія“¹⁾. Въ послѣднихъ словахъ какъ будто слышится намекъ на какое-то печатное сочиненіе объ евхаристіи, но такого въ это время мы не знаемъ. Можетъ быть, оно и было, и уничтожено на Московскомъ соборѣ 1690 года.

Въ сентябрѣ 1689 года²⁾, Іоакимъ отправилъ полая грамоты къ митрополиту Гедвону, архіепископу Лаварю и архимандриту Варлааму, которыми требуетъ отъ нихъ изложить свое мнѣніе о времени пресуществленія св. даровъ и о книгѣ „Выкладъ“, на которую при письмѣ было приложено обличеніе. „Единого... не обрѣтохомъ въ писаніи твоёмъ (о Флорентійскомъ соборѣ)... папа и кардиналы принуждаху премного еже исповѣдати восточнымъ совершеніе таины св. Евхаристіи словеси: пріимите ядите... его же греци православлія отнюдь не пріиша яко и російская церковь отъ древле непремѣнно держаше, дже до онаго времени егда начаша приходити плевосѣятелѣ униаты, наче же сами искуиты... и тогда убо покровеннѣ нача всѣватися мысль онак... нынѣ же и авѣ мятежницы нѣци начинаютъ о томъ пренія и разгласія творити, къ тому и иная латинская прельщенія разглашати. О всѣхъ сихъ не есмь нынѣ слово. Токмо едино сіе ищется отъ насъ“³⁾. Далѣе говорится о появленіи въ Москвѣ „Выклада“, издавнаго — ядовито заключаетъ патріархъ — „подъ именемъ иноковъ Кіевопечерской лавры іезуитами: како бы имѣли сынове суще православніи и по благочестію поборщци монаси печерстїи пропшаность таковуу матери своей церкви восточной издати“⁴⁾. Въ

¹⁾ Св. Дмитрій. М. 1849, стр. 25—26. Другая копія этого письма въ Моск. арх. мн. иностр. дѣла, Малоросс. дѣла, св. 77, 1688, № 82.

²⁾ О. Смирновъ, похлбывъ, что счисленіе было съ сентября, невѣрно ставитъ 1688 вмѣсто 1689 года. Рукоп. Ак. Ц., F 12 л. 58.

³⁾ Рукоп. Ак. Н. № 12, Щитъ въры.

⁴⁾ Дѣйствительно, іезуиты были въ Москвѣ въ это время и пользовались покровительствомъ князя В. В. Голицына. Одинъ изъ нихъ Вогта пишетъ въ

грамотѣ Варлааму патріархъ говоритъ, что онъ знаетъ православіе Кіевской лавры „но ради потверженія истины... и посрамленія не-смысленныхъ пѣвчихъ... развратниковъ и мятежниковъ разглашающихъ и множащихъ тоя тетради жесловіе и вамъ кіевонечерскимъ монахомъ честнымъ приписующихъ сей порокъ“¹⁾. Но пишучи объ этомъ, патріархъ остерегался народнаго волненія и поэтому замѣчаетъ въ обѣихъ грамотахъ, чтобъ ихъ прочли „мірскаго уха освѣненно, да не внезапнымъ въ слуху мірскихъ о сицевыхъ внушеніемъ Церкви святой отъ непаказанныхъ пѣвчихъ неполезное пѣчто приключится“²⁾. При грамотѣ было и обличеніе Выклада (рукоп. А. Н. № 12 л. 61—72 об.) Опроверженіе это, кромѣ Щита, читается и въ Остпѣ, въ нѣсколько распространенномъ видѣ и принадлежитъ Своимію (Опис. с. р., II, 3, стр. 421), который переводилъ и сочиненія Симеона Фессалонитскаго. Тутъ, кромѣ прочихъ обличеній, обвиняются „кіевскіе младомудрецы учившіеся у еретиковъ латинъ“, приложившіе прилогъ въ литургіи св. Златоуста³⁾, между тѣмъ, какъ „архипастырие храпятъ яко Іона въ корабли а о сицевомъ не радятъ и не возбраняютъ“. Но не смотря на эти справедливыя съ догматической стороны обличенія, положеніе Іоакима было крайне неловко. Малороссія была страна, еще не вполне примкнувшая къ Московскому государству, отъ нея безпрестанно можно было ожидать измѣны, и вотъ онъ, патріархъ, обвиняетъ теперь этихъ недавно присоединившихся подданныхъ великаго государя, считавшихъ слово католикъ самою крупною бранью (Руципскій, 205), въ латинствѣ. Обвиненіе это падаетъ на духовенство, на то духовенство, низшія лица котораго тянули къ Москвѣ, а высшія къ самостоятельности малорусской церкви. Легко можетъ случиться, что первые въ-за этого обвиненія перейдутъ на сторону послѣднихъ. Въ виду этого патріархъ прибѣгаетъ къ такому средству. Онъ пишетъ бывшему патріарху Константинопольскому Діонисію и проситъ его отписать соборнѣи противъ мнѣнія малоруссовъ. „Блаженство твое и прочіе патріарси... обличите ихъ и запретите и

1684 году: P. Schmid potra aprire scuola (въ Москвѣ) et avra casa propria... se il padre sapra fare et i superiori averano la cautela e desterita dovuta, molto s'avanzara la gloria di Dio. Theiner, Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michailowitsch, Feodor III et Pierre le Grand. Rome. 1859, p. 283; см. также 240, 295 и пр.

¹⁾ Ibidem; рукоп. А. Н. Щитъ въры F. 12 л. 58.

²⁾ Щитъ въры, А. Н. F. 12 л. л. 57 об.; *Смирновъ*, стр. 200.

³⁾ Остевъ, стр. 56 и 57.

тяжко судите¹ еретическое мнѣніе малоруссовъ о пресуещствленіи и давную имъ свободу печатать книги. Посланій отъ ех-патріарха должно быть три: первое—пишуще обще въ Кіевѣ архіереемъ, игуменомъ, монахомъ, начальникомъ и всѣмъ людямъ... второе отпишите соборѣ и къ Москвѣ, третіе и ко мнѣ... Писати же подобательно яко отчасти ваша писали есте, услышавше таковыя новосвченія... а не яко авъ писахъ вамъ и возвѣстихъ сія, убо да не приидеть намъ и престолу патріаршескому какое досажденіе отъ сущихъ въ Кіевѣ и отъ иныхъ нѣкихъ духовныхъ, стыда ихъ ради и послахомъ въ знакъ братства 50 золотыхъ съ архимандритомъ Исидію² (1). Письмо это писано, вѣроятно, въ началѣ 1689 года³ (ср. Смирновъ, Патр. Іоакимъ, стр. 201—202). Не получая отвѣта на свои посланія Іоакимъ, прождавъ шесть мѣсяцевъ и вѣще, 5-го марта 1689 года послалъ малоруссамъ третью грамоту⁴, въ которой упрекалъ ихъ за медленность въ отвѣтѣ.

Первымъ отвѣчалъ Іоакиму опять-таки Лазарь Варановичъ. Письмо отъ 4-го февраля 1689 года, разошедшееся съ патріаршею грамотой, было отправлено съ архимандритомъ Θεодосіемъ Углецкимъ. Заявивъ, что объ этомъ вопросѣ никогда не возникало никакихъ сомнѣній въ малорусской церкви, Лазарь прямо говоритъ: „Научихомся и научихомъ, вѣровахомъ несумнѣнно и исповѣдахомъ яко словеса Христа Господа... бываестъ пресуещствленіе; сіе же не отъ коихъ новосвченій расплѣнцыхъ латинскихъ книгъ придохъ, но въ различныхъ учителей греческихъ соблюдишихъ догматы ученія обрѣтохомъ и вѣровахомъ... Не бо едина тетрадь донесенная мнѣ съ грамотою всесвятѣйшества вашего нареченая Выкладъ... мужемъ въ житіи святѣ свидѣтельствовавномъ и премудромъ, почившимъ уже о Господѣ, Θεодосіемъ Сафоновичемъ игуменомъ златоглавнаго Миханіа кіевскимъ отъ божественныхъ учителей собранная являетъ сіе, по и во многоразличныхъ не съ латинскаго, но отъ истиннаго греческаго языка... приведенныхъ тожде единомыслие обращемъ. А тетрадь та явѣтъ подвергъ униатскій или езуицкій... согласуетбося со всѣми иными епиграмами въ типографіи печерской кіевской міру явленными яже суть: бесѣды святаго Златоустаго при архимандритѣ Елисеѣ Плетенецкомъ (въ 1623=27)

¹) Рукоп. Акад. Наукъ Ф. № 83; тамъ же, „Икона“ л. 223, 229, 230.

²) Въ это время Ісидіи былъ въ Москвѣ (*Лантервергъ*, Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку, стр. 273—274).

³) Рукоп. Акад. Н. Ф. 12 л. 73.

изданныя, требиятъ великій; служебникъ, катехизисъ, лиосъ или камень зъ пращи церкви восточной на сокрушеніе хульной перспективы унѣятской испущенный... книга миръ съ Богомъ отъ царя Алексія Михайловича и святѣйшаго патріарха Іоасафа милостивыми грамотами похваленная" ¹⁾. Далѣе Барановичъ ссылается на Іоанна Златоуста, Василія Великаго и Кирилла Іерусалимскаго и заключаетъ: „Отвѣта конечнаго не творю, поспеже самъ держу тако, якоже прияхъ искони... желаю поучитися отъ всесвятѣйшества вашего... и до кончины моея обѣщаю всесвятѣйшеству вашему, паче же непротивное древнимъ догматомъ церкви Божой и вѣры святой послушаніе“ ²⁾. Въ это время произошло новое обстоятельство, подлившее масло въ огонь и усилившее недовольство Іоакима малоруссамин. Дѣло, котораго мы разбирать не будемъ, касалось напечатанія Четыи-Миней св. Дмитрія безъ просмотра патріарха, отчего вкрались нѣкоторыя погрѣшности.

Митрополитъ Кіевскій пока еще не посылалъ официальнаго отвѣта на вопросъ о пресуществленіи, хотя отвѣтъ на литературной почвѣ заготовлялся великимъ постомъ 1689 года. Этотъ отвѣтъ былъ написанъ не разъ уже упомянутымъ игуменомъ Кирилловскимъ Иннокентіемъ Монастырскимъ и доселѣ считался потеряннымъ. Онъ однако существуетъ, и полное заглавіе его слѣдующее: „Книга о пресуществленіи словеса Христовыи сдѣйствіемъ св. Духа совершающомся Иннокентія Монастырскаго игумена Кирилскаго кіевскаго противу Ликудіевыхъ словеса Христовы бездѣльны творящихъ написаная въ лѣто отъ воплощенія Бога слова АХПД (1689). въ постъ великій“ ³⁾. Въ „предисловіи кпизици сей къ читателнику добротному“ сказано: „Кпизица сія написася о божествеппой литургии, въ которой воспоминаются „дѣла Христа сына Божія откупи-

¹⁾ Письма Лазаря Барановича, стр. 236—237.

²⁾ Ibid. л. 241—242.

³⁾ Рукоп. Инп. Публ. Библ. Q. I, № 668, л. 21, малорос. почерка. На ней двѣ надписи рукою св. Дмитрія: л. 3: „отъ книгъ монастыря Кирилскаго Кіевскаго“; л. 22—„рохъ АХПД въ великій постъ сіе писалъ блаженный почтотець Иннокентій Монастырскій игумень кирилскій кіевскій“. Заглавіе сдѣлано, видимо, по этой записи впоследствии, другою рукою. Въ Московской синодальной библиотекѣ № 294 (V тетр.), л. 180, помѣщена та же книжица о божественной литургіи и далѣе л. 274, безъ заглавія, возраженіе на „Акосъ“. Слѣдовательно, падаетъ мнѣніе г. Любимова (Ж. М. Н. Пр. 1875 г.), приписывавшаго синодальный списокъ Медвѣдеву и предполагавшаго сомнительнымъ сочиненіе Иннокентія. Сильвестръ только списалъ ее съ оригинала.

теля нашего предъ вѣки утаенная, но на послѣдохъ же днй міру явленная (л. 22). ... Писашася сія въ четьредесатиницу святую тсго времени, котораго долженъ есть всякъ правовѣрный паче иныхъ временъ памятствовати... но увы... (л. 22 об.)... воинъ кошемъ ребро Христу спасителю на крестѣ прободающій безчисленныхъ имать не по разуму ревнующихъ подражателей иже въ мѣсто коній явками имъ хульными или еретическими аки огненными стрѣлами прободше божественнаго боку ребра даже до сердца проходятъ". Надъ ними сбилось слово псалма: „всегда мое ядущимъ и пьющимъ благодѣліе, иже самаго преславающимъ не отнерсся умъ повнати мене и силу моихъ словесъ въ писаніяхъ божественныхъ обрѣтающуюся" (л. 24 об.). Далѣе авторъ дѣлаетъ намекъ на литургію апостола Іакова, на сочиненія Климента, переведенныя Лихудами въ Москвѣ, какъ заключающія въ себѣ опроверженіе мнѣнія латинствующихъ, и на другихъ отцовъ церкви, на которыхъ ссылались православные. „Коліко не благодарныхъ воспитанцовъ въ великомъ завітѣ имѣ всещедрый Богъ, толико нынѣ въ новой благодати молящихся имать расколниковъ завѣтъ божественный оничтоживающихъ, повелѣніе всесильное презирающихъ, глаголюще себе быти въ мѣсто Павла Іаковлики, въ мѣсто Аполоса Климентіевыми, въ мѣсто Кифи—Игнатіевыми, Златоустаго и Василія святаго" (л. 25). Это старая ересь, говоритъ Иннокентій: не исчезающая, 654 года, ересь Берендарія¹⁾. „Сей Берендарій по суетному мнѣнію своему начать учити яко словеса Господня: примѣте... надо понимать исторически... есть и до нынѣ отрасль недобрая отъ злаго корене Берендарія прорастшея и даже отъ моря до моря простирающаяся" (л. 28). Далѣе, разказавъ басню объ исполинахъ, взшедшихъ на небо и о богахъ, ушедшихъ вслѣдствіе того съ измѣненными лицами въ Египеть, Иннокентій продолжаетъ: „Ярость исполиновъ убѣдила боговъ суетныхъ премѣнити имъ свои образы... (л. 29 об.): отиѣтающіи словеса Господня въ пресущественіи божественныхъ даровъ тщатся злобою своею премѣнити сей образъ, его же божественными усти своими къ пресущественію божественныхъ даровъ Христось Спаситель Самъ устави" (л. 30). Затѣмъ авторъ, по общему приему южно-русскихъ проповѣд-

¹⁾ Berengarius Turonensis († 1068) ученикъ Абаяра, діаконъ, училъ около 1035 г., что пресущественіе въ сущности не совершается, но его должно понимать огуально. *Migne, Patrologia latina, CLXXVIII; Cave, Historia literaria, II, 130.*

никовъ, удержавшемуся и въ нивѣшнихъ проповѣдяхъ, говоритъ отъ лица церкви: „Церковь правовѣрная глаголетъ со слезами къ своимъ вредословнымъ и вредоноснымъ смыомъ (л. 32), приглашая ихъ покаяться“. Слѣдуетъ обширная рѣчь церкви. Предисловіе заключается словами: „Таинство совершается Отчимъ благоволеніемъ, Сыновними словеси, дѣйствомъ Духа святаго“ (л. 39). Далѣе слѣдуютъ эпиграфы, изъ коихъ одинъ заключаетъ въ себѣ слѣдующую выходку: „Аминь, аминь, глаголю вамъ не Моусій даетъ вамъ хлѣбъ съ небесе [ниже Іаковъ братъ Божій, ниже Климентій, ниже Игнатій, ниже Василій и Іоанпъ Златоустый, ниже иныи кто отъ рабовъ Христовыхъ]: но Отець Мой дастъ вамъ хлѣба истиннаго...“ (л. 41 об). Самое сочиненіе идетъ съ листа 44 въ вопросахъ и отвѣтахъ: „что есть литургія Божественная и когда въ литургіи пресуществленіе Божественныхъ Даровъ бываетъ, коль многими частями служба Божественная составляется“ и пр. Отвѣты снабжены ссылками на Іустина Философа, Германа Константинопольскаго, Кипріяна Карфагенскаго, Діонисія Ареопагита и др. „Аще апостоли отъ Христа, ученици суще отъ учителя, отци святни отъ апостоловъ наученни преданія церкви святой пресуществленію хлѣба и вина плоти и крове Христовой бывати словеси Христовыми почто убо нивѣшніе и греки наипаче въ царствующомъ градѣ Москвѣ обрѣтающіеся Софроній и Іоанникій Ликудіеви твердятъ яко словеса Господня точію воспоминательно въ литургіи глаголются. . . .“ (л. 166) Пишутъ же 'со яростію досаждающею, святою и чудотворною лавру Печерскую Кіевскую называюще угнѣтати или отступниками, хульниками и еретиками; се же они пишутъ въ книжицѣ своей в царствующаго града Москвы присланной, гдѣ во первомъ возраженіи тако обители святой Печерской досаждаютъ тии греки: „Безстыдно и явлено жетъ не правда себѣ и клевететь на святныи учители еже сама отъ словесъ своихъ постидится, обличится и осудится“. Сны суть словеса словеснѣйшихъ и мудрѣйшихъ богослововъ Ликудіевыхъ. Въ книжицѣ же именуемой врачеваніе (Ажось) въ отвѣтѣ шестомъ называютъ хульниками и еретиками (л. 166—об. 167). Пишутъ сіи богословове Ликудіеви яко тетради въ лѣто 1668 печатаніи, въ ней же воспоминается пресуществленію быти словеса Христовыми будто подвергоша уніати или езуиты подъ именованіемъ святой, великой и чудотворной лавры Кіевопечерскіи, но они богословцы Ликудіеви досаждающею ярость свою умягчаютъ словеса елейными, ибо вѣдаютъ они совершенно яко въ монастыру печерскомъ не точію воспоминаенныи тетради напеча-

тани, но и собранѣ прочитаны и изданы* (л. 167). Затѣмъ, опровергая мнѣнія Лихудовъ, Иннокентій опять съ ироніей замѣчаетъ: „Но вы мудрѣйши богослове научитесь отъ немудрыхъ русавовъ“ и говоритъ о нихъ малороссійскимъ присловьемъ „Лихи (Лихуды) доброму найдеть чимъ досадити“. Сочиненіе заключается словами: „Везстидно убо Лихудиевы клеветуютъ на святую соборную малороссійскую церковь нарицающе ей сыновъ быти македоніани“ (л. 194). Авторъ объщаетъ два раза еще написать сочиненіе: „Многое ми изисканіе о семъ надлежитъ въ тебѣ имѣти, по свободнѣйшему времени вещи изыскуемой силу вручаю; (л. 129) и далѣе: „блядословятъ иѣщцы калѣѣнски и лютерски еретичествующе, яко сии словеса Госнодпд отъ іерса священподѣйствующаго вспомипателпѣ сирѣчь исторически, а не знаменательно вѣщуются, но отвѣтъ дамъ имъ на иномъ мѣстѣ“ (л. 137) ¹⁾.

Сочиненіе это пока оставалось подъ спудомъ. Но тогда же, въ великомъ посту 1689 года, 25-го марта, митрополитъ Гедеонъ, съ Варлаамомъ архимандритомъ Печерскимъ и всѣмъ соборомъ духовнымъ митрополіи Кіевской, послали отвѣтъ патриарху. Защищая книгу „Выкладъ“ и латинское мнѣніе, малоруссы ссылаются на бесѣды Златоуста 1624 г., Евхологіонъ и Требникъ Петра Могилы, Литургіаріонъ 1635 (польскій), „Книгу о семи таинствахъ“ Пузины 1635, „Православное исповѣданіе вѣри“ въ соборной рукописи 1642 года (въ Кіево-печерской лаврѣ), Катихизисъ 1645, „Листоъ“ 1644, „Миръ съ Богомъ“ и др. ²⁾ Между тѣмъ Іоакимъ отправилъ Лазарю обличеніе на его отвѣтъ и, видя, что отвѣтъ отъ Гедеона неправиленъ, Іоакимъ написалъ и въ нему новое громадное посланіе, въ которомъ, напомнивъ ему о прежнихъ свидѣтельствахъ въ пользу православнаго мнѣнія и приводя ихъ цѣлую массу, обвиняетъ малоруссовъ, что они ссылаются на повня книги и превратно толкуютъ изреченія св. отцевъ. Тутъ же патриархъ говоритъ о книгѣ „Миръ съ Богомъ“ Иннокентія Гизелл, печатанной съ благословенія патриарха Іоасафа, и заявляетъ, что Іоасафъ былъ въ то время боленъ и книги не читалъ, „но похвали ю ему Симеонъ полочанинъ, учи-

¹⁾ Надо думать, что отвѣтъ этотъ и данъ въ «Воображенія на Агосъ» въ рукописи Моск. синод. бібліотеки № 294, л. 180. Описаніе рукоп. Синод. бібліотеки приводятъ изъ нея выписки, доказывающія, что авторъ былъ горячій патристъ малороссъ.

²⁾ Рукоп. Синод. Библи., сборникъ не перепл. № I, л. 377.

вылся у іезуитовъ и державный мудрованія тѣхъ, и именемъ его писаше еже хоташе“. Упрекнувъ еще за книгу „Вѣнецъ“, напечатанную безъ его благословенія, патриархъ требуетъ прямого отвѣта: „послѣдуете ли всеконечно восточной церкви о пресуществленіи... и аще убо доумѣтеся предѣлы святыхъ нашихъ отецъ... подобаетъ намъ исправитися... и согласитися и немедленно и не отложно отписать“. Грозя гнѣвомъ осѣдальныхъ патриарховъ, Іоакимъ требуетъ присылки „отъ лица вашего (малоруссовъ) духовнаго чина мужа смиренномудра, приискренно восточныи церкви сына, вѣдуща извѣстна писанія святыхъ отецъ древнихъ учителей святыхъ Христовы восточныи церкви, а не силлогизмами и аргументами тожко упражняющася, да чрезъ того вы позпасте вся наша, и мы ваша и тако всякое разгласіе гонзнетъ“¹⁾.

Геденъ съ Варлаамомъ увѣдомили Іоакима грамотой отъ 22-го августа 1689 года, что они, въ день успенія (15-го августа), получили патриаршее благословеніе въ многочестной грамотѣ пространноучительной о тайнѣ св. евхаристіи. „Протохоумъ соборнѣ со всякимъ вниманіемъ доволное то все пространнѣйшее (писаніе) святѣйшаго архинастырства вашего, по за скоримъ отшествіемъ посланнаго къ сему же и книгъ различныхъ святыхъ учителей, въ епистолин... воспоминенныхъ не имѣюще, вкратцѣ всемирно отвѣтуемъ... всему тому елика отъ Него (Господа Нашего Іисуса Христа) пріять св. си... церковь послѣдуемъ всеконечно... сичевое убо исповѣданіе якоже во всѣхъ членахъ святыхъ православныхъ вѣры такожде и въ презраднѣйшей тайнѣ св. евхаристіи отъ совѣсти нашей извѣщающе“²⁾. Этотъ посланный, по мнѣнію А. В. Горскаго и другихъ, и былъ св. Дмитрій. Но Дмитрій еще ранше полученія патриаршей грамоты, 10-го августа 1689 года, прибылъ въ Москву вмѣстѣ съ Мазепою³⁾. Въ свѣтѣ гетмана, состоявшей болѣе чѣмъ изъ ста человекъ, были, кромѣ Дмитрія, Иннокентій Монастырскій, іеромонахъ Зарудскій и два мірскіе священника⁴⁾. О причинѣ Дмитріева пріѣзда мы не имѣемъ никакихъ данныхъ. Объ Иннокентіи говоритъ латинствующій полемистъ Домецкій:

¹⁾ Опис. р. с. б., II, 3, стр. 509—510.

²⁾ Архивъ юго-западной Россіи, I, 5, стр. 288—289.

³⁾ *Соловьевъ*, XIV, 153; *Діарій св. Дмитрія*: Сочиненія, V, стр. 482; *Posselt, Tagebuch d. Gen. Gordon*, II, 269.

⁴⁾ *Костомаровъ*, Мазепа. М. 1862, стр. 34. По *Діарію*, съ Дмитріемъ былъ два діакона Петръ и Ефремъ.

„ради стлзавія и изъявленія правды о пресуществленіи присланъ былъ въ то время изъ Кіева богословъ игумень Кирилловскій“; Дамаскинъ, возражая ему, добавляетъ: „егда были изъ Кіева и изъ Чернигова присланы отъ архіереевъ о томъ соглашенія ради не единъ сей кириловскій богословъ, по мнози“ (хотя изъ Чернигова, какъ мы увидимъ, никого не было прислано)¹⁾. Всего вѣроятнѣе, что пріѣхавшіе по своимъ дѣламъ (а можетъ быть, и по порученію кіевлянъ для развѣдки) малороссійскіе духовные были впослѣдствіи уполномочены отъ малороссійской церкви. Иннокентій привезъ съ собою и свои сочиненія. Съ нимъ, какъ мы уже видѣли, уже давно переносивался Сильвестръ Медвѣдевъ, о чемъ свидѣтельствуется и Щитъ вѣры: „Въ Кіевѣ Кирилловскаго монастыря игумень Иннокентій, прозваніемъ Монастырскій, родомъ еврейтъ и вѣрою явленно жидъ или аще и христіанинъ обаче притворный и то негли латинскія части, я той съ нимъ простолоудиномъ монахомъ Сильвестромъ о томъ зломудрствованіи списывался“²⁾. Самый списокъ (синодальный) обоихъ сочиненій Иннокентія (вѣрнѣе—двухъ частей одного сочиненія)—„Обличенія па Акось“ и „Книжицы о божественной литургіи“—сдѣланъ рукою Сильвестра, чтò и заставляло нѣкоторыхъ изслѣдователей (г. Любимова) приписывать и сочиненіе ихъ Сильвестру. Относительно передачи книгъ возникаетъ недоразумѣніе. Сильвестръ на допросѣ показалъ, что получилъ ее отъ кіевского духовенства чрезъ князя В. В. Голицына отъ гетмана. „Щитъ вѣры“ говоритъ, что Иннокентій „безъ благословенія нашего и своего архіерея Кіевскаго митрополита (это неправда) самопѣпно во утвержденіи латинскія ереси книгу написа, развращая святыхъ отецъ словеса и бывъ на Москвѣ ту свою книгу ему Сильвестру отда“³⁾. Что-нибудь изъ двухъ: или показаніе на допросѣ ложно, или дѣло идетъ, въ первомъ случаѣ, о „Возраженіи на Акось“, а во второмъ—о „Книжицѣ“. Въ Москвѣ обстоятельства были крайне смутныя. Петръ только что убѣжалъ въ Троицкую лавру. Патріархъ скоро уѣхалъ туда же. 1-го сентября 1690 г. Петръ потребовалъ выдачи Шаковитаго и Сильвестра Медвѣдева, а 9-го сентября въ Троицѣ явился и Мазена, а съ нимъ,

¹⁾ Рукоп. Яхонтова, л. 174 об.; ср. л. 12 об.: «изъ Кіева по указу св. патріарха пріѣхали набраніи и словесніи мужіе и объявлялися согластвовати о пресуществленіи св. Тинъ святому отеческому преданію». *Яхонтова*, Геродіаконъ Дашкевичъ, стр. 27.

²⁾ Рукоп. Акад. Наукъ, Ф. 12, л. 138.

³⁾ Разныя дѣла о Ѳ. III., стр. 544—545; рукоп. Акад. Наукъ, Ф. 12 и 138.

вѣроятно, и малорусскіе духовные ¹⁾). Патріарху духовные представлялись 11-го августа и, по свидѣтельству Діарія св. Дмитрія, въ Троицкой лаврѣ „часто посѣщали его“. Иннокентій велъ себя, по словамъ православнаго Дамаскина, крайне неприязненно. Когда прочіе „благочестно разглаголствоваху и скромно якоже подобаетъ о церковныхъ догматѣхъ разглаголствовать и святѣйшему патріарху соединившася“, въ то время Иннокентій Монастырскій, „родомъ жидовиць, къ раздору церковному приложилъ еще святѣйшаго Іоакима патріарха безчестити и безстыдно уваряти, таковыя ради вины яко гнилъ удъ проклятъ былъ и отосланъ“. Латинствующій Домецкій замѣчаетъ, что Иннокентія „тайно вскорѣ съ Москвы промысломъ Евфиміевымъ сослано“ ²⁾). Впрочемъ, Иннокентій остался по прежнему игуменомъ Кирилловскимъ: такимъ мы встрѣчаемъ его въ 1692 году, по свидѣтельству Діарія (стр. 490), и въ 1696 году, когда его обвиняють въ перепискѣ съ униатскимъ епископомъ Шумляпскимъ и въ какихъ-то тайныхъ сношеніяхъ съ Мазепой ³⁾. 17-го января 1697 года, Иннокентій умеръ, и игуменство Кирилловское припалъ св. Дмитрій ⁴⁾. Итакъ, чѣмъ собственно кончились переговоры кievскихъ духовныхъ, точно не знаемъ; но видимо, они покорились, ибо Іоакимъ нищетъ вслѣдъ затѣмъ Лазарю Барановичу: „Вратъ боголюбія твоего... преосв. Гедеонъ м. Кіевскій со всею паствою и архимандритъ Печерскій препослалъ свое согласіе (грамоту отъ 22-го августа) и единоуміе... намъ вси согласуютъ, точію отъ тебе единого о семъ не димамы извѣстія“ ⁵⁾. Патріархъ грозилъ Лазарю судомъ вселенскихъ патріарховъ и запрещалъ ему „чтолибо священныхъ дѣйствовать, донелѣ о себѣ намъ не извѣстивши“. Лазарь съ архимандритомъ Θεодосіемъ отвѣчали, отъ 18-го ноября 1690 года, изъявленіемъ своего согласія съ ученіемъ православной церкви ⁶⁾. Между тѣмъ въ Москвѣ происходила расправа съ приверженцами царевны Софіи, бывшими, какъ мы знаемъ, вмѣстѣ съ

¹⁾ Gordon, II, 279; *Аристовъ*, Московскія смуты, стр. 124.

²⁾ Рукоп. Яхонтовъ, лл. 174 об. и 175.

³⁾ *Соловьевъ*, XIV, стр. 298.

⁴⁾ Діарій, стр. 491.

⁵⁾ Рукоп. Акад. Наукъ, F. 12, л. 108.

⁶⁾ Письма Лазаря Барановича, стр. 246; Опис. р. с. б., II, 8, стр. 512 — 513; Въ грамотѣ поставленъ 1689 г., но это не вѣрно: поавбыто, что счетъ идетъ съ сентября. По началу посланія, говорится въ описаніи—видно, что къ Лазарю было семь грамотъ отъ патріарха по сему предмету, но мы знаемъ только четыре: по моему, Лазарь говоритъ о семи хартіяхъ—семи столбцахъ бумага, на которыхъ было написано обширное посланіе Іоакима.

тѣмъ и сторонниками латинствующей партіи. Сильвестръ Медвѣдевъ, бѣжавшій изъ Москвы, былъ схваченъ 13-го сентября 1690 года въ Бизюковѣ монастырѣ, 24-го привезенъ къ Троицѣ, 30-го подвергнутъ пыткамъ, а 5-го октября приговоренъ къ смертной казни¹⁾. Но смертная казнь въ продолженіе цѣлаго года не была приведена въ исполненіе. Сильвестръ написалъ покаянное писаніе о своихъ заблужденіяхъ (вошедшее въ Остепь стр. 82), читалъ его въ церкви предъ образомъ св. Троицы, въ присутствіи архимандрита Викентія, и просилъ передать его патриарху. Это было, по видимому, въ концѣ декабря 1690 года. Архимандритъ переслалъ покаяніе патриарху.

Іоакимъ, получивъ покаяніе Сильвестра, „по нѣкихъ днехъ“ (въ январѣ) собралъ въ крестовую палату архіереевъ, архимандритовъ и прочее духовенство Москвы и велѣлъ прочесть покаянныя писанія Медвѣдева, Симеона Долгаго и свое поучительное слово. Собственно это не былъ соборъ, и дѣяній его, сколько извѣстно не сохранилось²⁾. Латинствующіе должно быть не даромъ укорили Іоакима, что онъ о такомъ дѣлѣ не созвалъ собора, а тайно по кутукамъ и страхомъ смертнымъ принуждалъ къ исповѣданію, и православные не отрицали того, что собора не было³⁾. Рѣшеніе дѣла было произнесено освященнымъ соборомъ. Въ немъ участвовали: Адрианъ митрополитъ Казанскій и Свіяжскій, Евоимій митрополитъ Сарскій и Подонскій, Павелъ митрополитъ Нижегородскій и Алатырскій, Афанасій архіепископъ Холмогорскій и Важскій..., имѣюще волю и согласіе и не присущихъ здѣ архіереевъ... сущихъ по всей Россіи Велициѣ, Малой и Бѣлой⁴⁾.

Любопытно, что южно-русскихъ епископовъ на освященномъ соборѣ вовсе не было. Постановленія собора были направлены главнымъ образомъ лично противъ Медвѣдева. „Пріемлемъ его, Сеньку, яко блуднаго сына возвращающа къ матери своей православно каеюличествіи восточной церкви... книгу же Манна и иная и пшыхъ подобная его писаніемъ вся таковая писанія анаематствовавшие присуждаемъ сожещи. Подобитъ судити сожещи же всякаго злословія полну (книгу), пишущую отъ нѣкоего игумена кіевскаго Иннокентія нарицаемаго Монастыр-

¹⁾ Розыскныя дѣла о Ѳ. Ш., I, стр. 527, 542, 635.

²⁾ Среди книгъ Іова Новгородскаго упоминается соборное извѣщеніе о сложении перетовъ и о поклоненіи Св. тайнамъ на литургіи, но что это такое мнѣ неизвѣстно (Описаніе документовъ и дѣлъ хранящихся въ архивѣ Святѣйшаго Синода, т. I. С.-Пб. 1868, ст. XCIII). Не распоряженіе ли собора 1666 года?

³⁾ Рукоп. Яхонтова л. 12 об.; *Яхонтовъ*, Геродиаконъ Дамаскскій, стр. 27.

⁴⁾ Рукоп. Ак. Н. F № 12, Щеть въры и рѣшѣ; ср. Акты историч., т. V, стр. 338.

саго... потомъ имѣемъ Сеньку Медвѣдеву яко оглашеннаго; опредѣляемъ же ему время въ церкви стояти (?) лѣтъ и своя хулы обличати всякому входящему и исходящему и молити я, да молятся о немъ. Посемъ съ вѣрными стояти въ церкви, общенія же не пріимати (?) лѣтъ... и опредѣлихомъ жити ему въ покаяніи неисходно оттуду (?) до дне смерти его... и въ царствующемъ градѣ Москвѣ... ниже въ близостранныхъ градѣхъ и монастырѣхъ никакоже жити ему попускаемъ, да не како иное зло крамола и вредъ на церковь или на царство отъ него произникнетъ. Жити же ему тамо идѣже повелѣнь отъ мѣрности пашей и отъ всего священнаго собора подъ врѣшкимъ началомъ... съ иными же человекѣи сходитися ему особно и разглагольствовати ничтоже велѣти... бумаги и чернилъ отнюдь не давати" ¹⁾). Видимо, что раскаянію Медвѣдева не слишкомъ вѣрили: вѣдь „Никита пустосвятъ покаялся, а потомъ опять бунтовалъ, пока не былъ осужденъ на главное отсѣченіе. Того ради и нынѣ непостоянства таковаго и лукавства стрещися и опаство веліе имѣти подобаетъ" ²⁾). Затѣмъ произносится цѣлый рядъ проклятій, если покаяніе Медвѣдева притворно. Но дни Медвѣдева были уже сочтены: 11-го февраля 1691 года, послѣ вторичной пытки огнемъ и другими изъязвленіями, онъ былъ казненъ.

Послѣ этого замѣчается совершенное ослабленіе полемики ³⁾). Латинская партія, группировавшаяся около Софьи, съ ея паденіемъ, съ казною ея приверженцевъ, пала. Мазела, другъ Шакловитаго, перешелъ на сторону Петра, куда примкнулъ и патріархъ, не знавшій еще Петра и его утилитарныхъ воззрѣній на церковь. Православные торжествовали побѣду и казнили „гражданскими" казнями своихъ противниковъ, бывшихъ такъ вѣсти сторонниками Софій. Гордонъ сообщаетъ, что царь согласился на казнь Шакловитаго, С. Рязанова, и др. лишь по настоянію патріарха ⁴⁾). 14-го марта 1691 года,

¹⁾ Ibid. л. рѣГ — л. рѣД.

²⁾ Ibid. л. рѣЕ.

³⁾ Соловьевъ (XIV, 90), Смиловскій (44), о. Образцовъ (22) предполагаютъ, что Лихуды въ 1690 г. написали Діалогъ (Мечеть Духовный) противъ тетрадей Медвѣдева (или по Соловьеву—Аванасія), но это не вѣрно. Стоитъ посмотреть печатное изданіе Мечца (Казань 1866 г.), чтобъ увидѣть, что это специальное сочиненіе противъ латинства вообще, и что пресущественіе трактуется весьма кратко, при чемъ читатель отсылается къ Акосу (стр. 314).

⁴⁾ Gordons Tagebuch, II, 283.

патріархе Константинопольскій Каллиникъ и Іерусалимскій Досифей прислали патріарху Іоакиму давно желанную грамоту, съ разрѣшеніемъ вопроса объ евхаристіи и съ возраженіемъ противъ появившихся у грековъ ложныхъ сочиненій о ней. Грамоту перевели извѣстный намъ инокъ Евимій ¹⁾.

17-го марта скончался патріархъ Іоакимъ, и мѣсто его было занято Адрианомъ ²⁾. Тогда же, въ мартѣ 1691 года, патріархъ Досифей, поздравляя Адриана со вступленіемъ на патріаршій престолъ, извѣщалъ его о своей книгѣ, напечатанной въ Валахіи, противъ ложныхъ мнѣній объ евхаристіи ³⁾. Сочиненіе это „Епхиридионъ“ имѣетъ съ сочиненіемъ Мелетія Сирига, переведено учениками Лихудовъ и правлено Евиміемъ же ⁴⁾. Ко времени послѣ 1691 года и до 1693 года, надо отнести и составленіе „Остена“ Евиміемъ ⁵⁾. „Щитъ“ составленъ еще при Іоакимѣ (по свидѣтельству житія патріарха Іоакима, изд. Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности), Аѳанасіемъ Холмогорскимъ (ср. Строева Библ. словарь, 32), по ре-

¹⁾ Арх. Ю. З. Россія I, стр. 449; Опис. с. р. II, 3, стр. 490.

²⁾ Смирновъ, Патр. Іоакимъ, стр. 245; Акты Арх. Эксп., IV, № 301.

³⁾ Арх. Ю. З. Россія, I, 5, стр. 449.

⁴⁾ Опис. с. р., II, 3 стр. 490—493.

⁵⁾ Что именно Евимій составилъ Остенъ, видно изъ синодальныхъ списковъ, изъ правленныхъ (Оп. р. с. 6. II, 3, 424, 436, 493); ср. также *Дух. Вѣзда* 1864, № 27, ст. *Образцова*. Что онъ написалъ раньше Щита, видно изъ того, что Остенъ составленъ съишно и впоследствии въ Щитѣ многое вошло изъ Остена. Приведемъ примѣры:

<i>Щитъ ствм</i> (Ак. Н. F 12).	<i>Остенъ</i> (соответств. синод. № 292 (546)).
л. рѢѢ о поклоненіи	156—167
л. рѢѢ о еше како подобаетъ и пр.	167—168
л. рѢѢ о частицахъ	188—199
л. рѢѢ о антидорѣ	199—203
л. рѢѢ о внославныхъ...	203—204.

Что онъ писанъ послѣ 1691 г. — видно изъ повѣсти о Медвѣдѣвѣ (отличной отъ повѣсти въ Щитѣ). Впрочемъ въ грамотѣ, помѣщенной въ началѣ Щита, Евимій говоритъ, что Щитъ и Остенъ собраны и оставлены отъ святѣйшаго Іоакима, который даже и намѣревался его напечатать (Остенъ, 85; Опис. II, 3 стр. 429), и наме соображеніе имѣетъ значеніе лишь для послѣдней окончательной редакціи обохъ памятниковъ. Соображенія о Смирновѣ о бесѣдахъ Іоакима совершенно не вѣрны, ибо бесѣды отдѣльно не выходили, и сочинялись онъ впоследствии для Щита вѣры.

дактированъ послѣ 1698 года ¹⁾). Мы не будемъ распространяться о сдѣланныхъ Еввимиемъ и его партіей переводахъ различныхъ полемическихкихъ сочиненій противу латинъ Нектарія, Іоанна діакона, Максима Пелопонезскаго, Николая Булгара и пр. Въ послѣднемъ переводѣ „Толкованіи на Литургію“ Булгара есть выписки изъ сочиненій Лихудовъ по вопросу о пресуществленіи ²⁾).

Должно однако замѣтить, что малоруссы хотя и покорились, судя по грамотѣ Гедеона, но все же отстаивали свое мнѣніе. Такъ у Дмитрія Ростовскаго, въ сочиненіи „Двѣнадцать статей иже увѣряють сомнящихся или невѣрство имущихъ челоувѣковъ о пресуществленіи“, находимъ слѣдующія слова: „понеже бо Словомъ Господнимъ небеса утвердишася, тѣмъ же словомъ Божиимъ премѣняеми хлѣбъ и вино въ Тѣло и Кровь Свою“ и далѣе: „вѣруй—яко существо сихъ наитіемъ Св. Духа и дѣйствомъ его и властію всемогущаго слова Божія премѣняется въ Тѣло и Кровь Христову“ ³⁾. Въ собственноручныхъ его Notata per Alphabetum (синод. библ. № 187 л. 21) встрѣчаемъ выписки изъ словъ Златоуста, книги: „Миръ съ Богомъ“, и „книжицы печатаной въ Москвѣ 1649 года“, говорящія въ пользу латинскаго мнѣнія. Въ его же сборникѣ 1704 года „Неисправленіи вещи различіи“ ⁴⁾, находимъ трактатъ „О освященіи пречистыхъ таинъ“, представляющій рядъ выписокъ о пресуществленіи въ духѣ латинской партіи изъ Іоанна Златоуста, Василія Великаго, Іоанна Дамаскина, Григорія Двоеслова, Іустина, Кипріяна, московскаго катихизиса, Кирилла Іерусалимскаго и Александрійскаго, Григорія Нисскаго, Евсевія Самосатскаго, Прокла Константинопольскаго, Игнатія и др. Дмитрію Ростовскому нѣкоторыми учеными приписывается еще одинъ трактатъ о пресуществленіи, отличающійся примарительнымъ направленіемъ и сохранившійся въ нѣсколькихъ спискахъ ⁵⁾. Профессоръ Петровъ, кажется, первый началъ утверждать принадлежность его Дмитрію, но безъ особыхъ осно-

¹⁾ Опис. с. р., II, 3, стр. 495, 516.

²⁾ Опис. с. р., II, 3, стр. 293—294.

³⁾ Соч. V, стр. 195—198.

⁴⁾ Рукоп. синод. № 811 и другой списокъ въ библіотекѣ А. А. Титова въ Ростовѣ.

⁵⁾ Кромѣ указанныхъ пр. Петровымъ кіевскихъ списковъ № 296 (его описаніе р. Кіевскаго музея II, № 296 л. 227) и списка, подареннаго пр. Щеголевымъ въ декабрь 1888 г., можемъ указать списки Имп. Публ. Библ. Ф. I № 181 и Погодина № 1227 л. 83 об.—103.

ваній ¹⁾. Этому мнѣнію слѣдуетъ и профессоръ Сумцовъ ²⁾. Обонимъ осталось неизвѣстнымъ, что преосвященный Филаретъ Черниговскій напечаталъ этотъ трактатъ еще въ 1861 году въ Черниговскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, № 9 стр. 429—447, какъ сочиненіе Стефана Яворскаго. О подобномъ же сочиненіи Яворскаго говорить и митрополитъ Евгеній ³⁾. На чемъ въ свою очередь основывался преосвященный Филаретъ, приписывая это сочиненіе Яворскому, не знаемъ. Въ полууставномъ спискѣ Императорской Публичной Библиотеки (Ф. № 181) на первой страницѣ написано: „сія книга написана собственною рукою святаго Дмитрія митрополита Ростовскаго“, но это невѣрно уже потому, что тутъ же, тѣмъ же почеркомъ, перенесенъ отвѣтъ 1718 года на предложеніе Сорбонны, а Дмитрій умеръ въ 1709 г. Вопросъ о томъ, кто былъ авторомъ, надо оставить открытымъ: можно думать, что это былъ малороссъ въ виду встрѣчающихся въ трактатѣ формъ: разсудѣмо, не ищѣмо, оссиається, внемлѣте, нъ годъ вечера. Трактатъ написанъ послѣ 1690 года, что мы сейчасъ увидимъ. Авторъ признаетъ пресуществленіе совершающимся и словами Христовыми, и словами іерейскими: „Сяце и въ поученіи блаженной памяти святѣйшаго патріарха Іоакима, еже онъ въ соборѣ Московскомъ въ лѣто бытія міра зрѣчи (7198 = 1690) мѣсяца іануаріа читанъ написано, яко словеса Христова суть начало и основаніе пресуществленію, молитва же намершеніе... къ симъ и мы прилагаемъ“ ⁴⁾. Затѣмъ разбирается вопросъ, „подобаетъ ли въ возгласеніи словеса Христовыхъ кланятися: о чемъ споръ многіи слышитси въ духовныхъ“. Упомянувъ о двухъ противоположныхъ мнѣніяхъ, авторъ говоритъ: „Болѣеменно есть слышати и видѣти несогласіе и распрію людей едино-

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1884, апрѣль, 356, въ рецензій на книгу о Димитріи д. Яхонтова. Единственное основаніе г. Петрова—то, что этотъ трактатъ стоитъ среди сочиненій св. Дмитрія; но тамъ же попадаются и завѣдомо чужія проповѣди.

²⁾ Сумцовъ, Лазарь Варановичъ, стр. 180.

³⁾ Словарь дух. писателей II, 260. Строевъ тоже упоминаетъ о подобномъ же сочиненіи Стефана «въ противность мнѣнію Лихудовъ» Вибл. Слов. 267. О чемъ то подобномъ писалъ въ 1703 г. и Досевей патріархъ Іерусалимскій къ Стефану Яворскому: положенія общія (тезисы?) издавъ вси противная явно совершению св. тайны божественнаго благодаренія и пр. (*Труды Киевск. Дух. Акад.* 1864 г. мартъ: *Терновскій*, Стефанъ Яворскій, стр. 247—249).

⁴⁾ Рукоп. И. П. Б. Ф. I 181 л. 200.

вѣрныхъ... Кую болѣзнь сердца доселѣ носилъ терпѣннѣе ово молчаніе любя, ово снисходя челоувѣческимъ нравомъ. Егда же выноша въ руцѣ мои тетради двоихъ отъ духовнаго високаго чина творцовъ не токмо кланялися въ возглашенія словесъ возбраняющыи, но и презрительно хулящыи... тогда судихъ отложить молчаніе... проглаголати нѣчто въ примиреніе немирнымъ, воеже привести въ согласіе несогласная (аще кѣи приведется и примирится изволяютъ), еще же и вопросами многихъ, иже наставитися отъ насъ ищутъ на сіе подвигохомся... Творцовъ убо оныхъ въ духовномъ чину высокыхъ (имевъ ихъ неизъявляю, вѣдять вѣдущія) тетради пріять и прочеть и силу тетрадей тихъ уразумѣвъ, здѣ ихъ въ началѣ прелагаю¹⁾. Первый творецъ—несомнѣнно патріархъ Іоакимъ, второй—должно быть, Лихуды, судя потому что у нихъ въ „Акосѣ“ общая ссылка на седьмой соборъ и пр., но послѣдняго точно утверждать не можемъ²⁾. Вспоминаются

¹⁾ Рукоп. И. П. В. Ф. № 181 л. 1 об.

²⁾ Первое видно изъ нижеслѣдующаго:

Ф. 181 л. 2.

Первый творецъ своихъ тетрадей пишетъ: отъ нечлвчана и неподобающаго словопрошенія и исчитнословіа и любоврвннїа прозябоша свары, распри, вражды и ересь хлѣбопоклонная и пр.

Паки той же: помянїяся въ возглашенія словесъ примите ядите хлѣбу и вину яко сущу Тѣлу и Крови Христовѣ чести и поклономъ отдаеть твари и смертно тязко грѣшитъ въ погибель души своея: вообразны бо суть тѣла и крове Христовы.

Приведемъ кетати мѣсто и изъ другаго неизвѣстнаго мѣа творца:

«Другой творецъ своа тетради пишетъ аще: іерей егда глаголетъ словеса Христова не къ людемъ глаголетъ, и аще людіе мнѣт яко іерей къ нимъ людемъ глаголетъ зѣко грѣшати. Зане іерей глаголетъ повѣствовательно и исторически и вепомнательно, но не къ людемъ. Паки той же глаголетъ: хлѣбъ еухаристїи есть хлѣбъ простый, а иже поклоняется тогда хлѣба служителъ, а не богослужителъ глаголется. Паки той же творецъ послаетъ на соборъ вселенскїй седьмый глаголетъ: сей святый соборъ и вси восточнїи святїи повелѣвають ни когнѣнопклоненїа, иже поклони да творять въ возглашенїа словесъ Христовыхъ. (Ibid).

Поучительное слово Іоакима И. П. В. Ф. I 334 л. 6. Остенъ.

Отъ таковаго нечлвчана и неподобающаго словопрошенїа и испытнословіа и любоврвннїа прозябоша свары, распри, вражда и ересь хлѣбопоклонная и пр.

(Л. 14) приглаголю и сіе яко покланяяся въ возглашенїа словесъ примите ядите хлѣбу и вину яко сущу Тѣлу и Крови Христовѣ чести и поклономъ Божїей отдаеть твари и смертно тязко грѣшитъ въ погибель души своея, вообразны бо суть Тѣла и Крове Христовы...

и Лихуды: „Речеша: два гречестіи учителя іеромонашескаго чина пришеде отъ греческихъ странъ ко святѣйшему Іоакиму патріарху Московскому начаша учити еже не кланятися во время словесъ Христовыхъ — отвѣтъ: учителей тѣхъ греческихъ не оуждаемъ обаче и святѣйшихъ патріарховъ не презираемъ“, и далѣе приводится свидѣтельства чиновниковъ Аванасія патріарха Константинопольскаго и Макарія Антиохійскаго. Ссылки приводятся на Лимонарь, житія Марка Фряжскаго, Петра, Алексія и Іовы, литургію апостола Іакова, Василія Великаго, Іоанна Дамаскина, Ефрема Сирина и пр. Вообще все сужденіе написано очень мягко и примирительно.

О дальнѣйшемъ ходѣ полемики мы говорить не будемъ. Евоній продолжалъ бороться съ латинствомъ до своей смерти (1705). Отголоски ея въ XVIII столѣтіи: переводъ книги Севаста Киминита (1703—1705) и полемика Гавриила Домецкаго и іеродіакона Дамаскина (въ то же время). Замѣтимъ кстати, что еще въ 40-хъ годахъ нашего столѣтія подобная же полемика началась было между А. П. Муравьевымъ и московскими учеными богословами. Но все это выходитъ изъ предѣловъ нашей задачи.

Исторія полемики о пресуществленіи показываетъ, что, какъ въ расколѣ, такъ и въ латинство, владели лучшіе, даровитѣйшіе люди своего времени. Въ сравненіи съ сторонниками православной партіи (исключая Лихудовъ, получившихъ образованіе за границей), латинствующие стоятъ гораздо выше и по эрудиціи, и по гуманности своихъ взглядовъ: они требуютъ болѣе терпимости къ латинству, къ иновѣрнымъ, даже приносятъ за нихъ жертвы на проскомидіи (см. Остенъ). Въ самой полемикѣ они отличаются большею мягкостью и требуютъ убѣжденія словомъ, а не заточеніемъ и сожженіемъ. Не даромъ латинскій фанатикъ Петръ Артемьевъ, укоряя великоруссовъ въ жестокости говоритъ: „Нѣмые учителя у дѣвъ стоятъ въ Константиновской башнѣ: вмѣсто Евангелія огнемъ просвѣщаютъ, вмѣсто Апостола кнудомъ учать“ (рукоп. Акад. Наукъ Ф. № 191).

Латинствующие великорусские и всѣ малорусские дѣятели нашей партіи группировались около царевны Софіи и князя В. В. Голицына. Послѣдній, по словамъ Невилля, былъ единственный человѣкъ, желавшій и могшій произвести реформу въ Россіи. Эта реформа, конечно, была иная, съ другою религіозною окраскою, чѣмъ реформа Петра, отмѣченная сочувствіемъ къ протестантизму. Но партія Софіи разсѣялась, уцѣлѣвшіе малорусские духовные дѣятели тоже частью

протестовали противъ направленія Петровской реформы, частью сдѣлались вѣрными помощниками Петра. А между тѣмъ, великорусское духовенство, не принявшее въ себя свѣжей силы, отошло на задній планъ и на долго.

И. В. Липкинъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Сельская община въ Англіи.

THE ENGLISH VILLAGE COMMUNITY examined in its relations to the manorial and tribal systems and to the common or open field system of husbandry. An essay in economic history by *Frederic Seebohm*. Second edition. London. 1888.

Книга г. Сябома, вышедшая теперь уже третьимъ изданіемъ, представляетъ живѣйшій интересъ современности, что на первый взглядъ можетъ показаться весьма страннымъ для книги, трактующей или о доисторическихъ, или объ очень отдаленныхъ по времени земельныхъ отношеніяхъ. Не смотря на безспорныя научныя достоинства, не смотря на новую, широкую и весьма оригинальную постановку вопроса о землевладѣніи и происходящихъ отсюда отношеніяхъ, мы не могли бы объяснить себѣ успѣха этого сочиненія, такъ какъ оно относится къ разряду совершенно специальныхъ изслѣдованій, подобныхъ трудамъ Маурера, Вайца, Рота или Сома. Разгадка необыкновеннаго успѣха названнаго сочиненія заключается въ томъ, что авторъ его не археологъ, не историкъ и не юристъ, но вѣдѣніи которыхъ доселѣ находилась древне-германская исторія, что онъ привнесъ въ изслѣдованіе старыхъ вопросовъ особую специальную подготовку, какъ занимающійся политической экономіей, и что, наконецъ, онъ смѣло и прямо выставилъ политическое знамя на своемъ трудѣ. Знамя же это имѣетъ особую притягательную силу въ Англіи. На немъ написано: существующій земельный строй необходимъ, высшее экономическое положеніе есть процессъ правильной, законной и постепенно прогрессирующей эволюціи.

„Мой трудъ“, говоритъ авторъ въ предисловіи, — „представляетъ собою попытку начертать основныя линіи англійской экономической исторіи при посредствѣ разрѣшенія все еще открытаго вопроса: начинается ли она при условіяхъ свободы массъ народа, или же отъ кривасть собою рабство, представляютъ ли на порогахъ англійской исторіи деревенскія общины въ гамахъ и тунахъ Англій—свободныя деревенскія общины, или же зависимыя подъ властью сениораземлевладѣльца. Отъ отвѣта на эти вопросы вполнѣ зависитъ отношеніе историковъ и—да позволено будетъ прибавить—политиковъ къ природѣ экономической эволюціи, которая началась въ Англій со времени саксонскаго завоеванія. При одномъ отвѣтѣ, англійская экономическая исторія въ началѣ имѣла свободную деревенскую общину, которая постепенно перешла къ рабству среднихъ вѣковъ. При другомъ, она начинается съ рабства массъ крестьянскаго населенія подъ саксонскимъ господствомъ, и на возведеніе этого рабства къ свободѣ англійская экономическая эволюція употребила тысячу лѣтъ“.

Результаты изслѣдованія указаны авторомъ въ заключеніи и состоятъ въ слѣдующемъ:

„Начиная съ до-римскаго періода и до новѣйшихъ временъ, мы находимъ въ Британіи одну возлѣ другой двѣ параллельныя системы крестьянскаго хозяйства, существующія отдѣльно одна отъ другой, развивающіяся по совершенно особымъ направленіямъ, независимо отъ римскаго, англійскаго и норманнскаго завоеванія: деревенскую общину въ восточныхъ и колѣнную въ западныхъ областяхъ полуострова. Въ какую даль не простирались бы источники, обѣ эти системы всегда отмѣчаются двумя признаками—общинности и равенства, и каждая соединяется съ свойственною ей одною формою системы открытыхъ или общинныхъ полей. Эти двѣ различныя формы общинной полевой системы сохраняютъ свои отличительныя признаки во всѣ времена и различаются еще до сихъ поръ въ новѣйшихъ остаткахъ или переживаніяхъ (and are still distinct in their modern remains or survivals).“

„Ни деревенская, ни колѣнная община не являются продуктомъ чуждаго заимствованія въ Британіи на пространствѣ историческаго періода, простирающагося по крайней мѣрѣ на двѣ тысячи лѣтъ. Деревенская община восточныхъ областей Британіи соединяется съ осѣдлою полевой системою, которая, получивъ начало ранѣе римскаго завоеванія и будучи усовершенствована во время римскаго господства, продолжаема была далѣе и въ видѣ трехпольной системы от-

крытыхъ полей сдѣлалась кореннымъ признакомъ англійской деревенской общины. Равенство ея тягловыхъ участковъ (yard-land) и нераздѣльность ихъ между наслѣдниками, чѣмъ поддерживалось и самое равенство, служить яснымъ признакомъ не первичной свободы и не аллодіального участка по германской марковой системѣ; напротивъ, указываетъ на установившуюся зависимость отъ сеньора и обозначаетъ полуслужебное состояніе, теоретически выражающееся или въ пожизненномъ пользованіи участкомъ, или въ зависимомъ отъ произвола господина, и не соединяемомъ съ правомъ наслѣдственного владѣнія. Но эта зависимость, какъ мы имѣемъ основаніе думать, для массы народа не была пониженіемъ изъ лучшаго состоянія, а однимъ шагомъ впередъ отъ болѣе низкаго рабства. Можно сказать съ увѣренностью, что въ теченіе 1200 лѣтъ, о которыхъ сохранились прямыя англійскія извѣстія, постоянно дѣйствовали въ жизни освободительныя тенденціи. Другими словами, въ періодъ этихъ 1200 лѣтъ несвобода стараго порядка вещей постепенно ослабѣвала подъ вліяніемъ освободительныхъ началъ, которыя произвели новый строй.

„Колѣнная община западныхъ областей Великобританіи и Ирландіи, параллельная по времени съ деревенскою общиною восточныхъ областей, выражаетъ раннее состояніе экономического развитія, въ которомъ преобладалъ пастушескій строй надъ земледѣльческимъ. Колѣнная община была союзомъ кровнаго родства или родовымъ союзомъ между свободными членами колѣна. Равенство происхожденія обуславливало имущественное равенство, которое достигалось какъ дѣленіемъ на равныя доли участка члена колѣна между его сыновьями, такъ частыми передѣлами колѣнныхъ земель и перемѣной усадебъ, согласно особымъ правиламъ. Любопытная система группировки дворовъ по опредѣленнымъ числовымъ категоріямъ, упоминаемая въ законахъ Уэльса, практиковалась въ Ирландіи въ XVII вѣкѣ и въ качествѣ переживанія сохранилась до настоящаго времени.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ образованіи новаго порядка участвовала и феодальная деревенская община ¹⁾ восточныхъ областей и колѣнная западныхъ, хотя ни та, ни другая его не произвели. Основные принципы его противоположны общинности и равенству стараго порядка, характеризующему ту и другую форму. Индивидуальная сво-

¹⁾ Мы позволимъ себѣ воздѣ выразеніе „the manorial village community“ перенести терминомъ сеньориальная или феодальная, вмѣсто помѣщичья или крѣпостная.

бода, равно какъ развитіе индивидуальной предприимчивости и личной собственности, враждебны узамъ коммунизма и насильственного равенства, какъ сениоральной, такъ и колѣнной системы. Новый строй одержалъ побѣду надъ узамъ коммунизма и насильственного равенства маноріальной, то-есть, сениоральной и колѣнной системы; онъ восторжествовалъ надъ коммунизмомъ крѣпостнаго населенія и коммунизмомъ свободнаго колѣна. Точно также новый строй не можетъ быть рассматриваемъ какъ развитіе основъ какой-либо германской колѣнной или марковой системы, внесенной англійскими завоевателями. Онъ принадлежитъ къ болѣе широкой области экономического развитія: корни идутъ въ отдаленную глубь того древняго міра, въ который тевтонскіе завоеватели безспорно внесли новые элементы и новую жизнь, но въ которомъ однако не разстроили ни основнаго теченія въ экономическомъ развитіи, ни главныхъ формъ въ земельной экономіи.

„Таковы съ экономической точки заключенія, къ которымъ приводятъ изслѣдованные въ настоящемъ опытѣ факты. Эти факты будутъ подвергаться пересмотру и изслѣдуемы другими учеными, и послѣднее слово произнесено будетъ о нихъ еще по скоро. Но если, хотя въ главномъ, будетъ подтверждено наше заключеніе, то англійская экономическая исторія много выиграетъ въ своей широтѣ. Переставъ быть мѣстной исторіей, она войдетъ въ общую исторію экономической эволюціи человѣческаго рода и будетъ съ нею тождественна. А это въ свою очередь даетъ широкій интересъ громадной отвѣтственности англійскихъ націй, въ связи съ развитіемъ новаго порядка вещей и разрѣшеніемъ великой экономической проблемы будущаго“.

Книга г. Сибома даетъ гораздо больше, чѣмъ можно ожидать по ея заглавію. Занимаясь англійскою деревенскою общиною, авторъ изучаетъ исторію крестьянскаго сословія, формы землевладѣнія съ зависящими отсюда учрежденіями, изслѣдуетъ начала феодализма, происхожденіе сословій и проч. Въ распоряженіи его находится громадный матеріалъ, доставленный нѣмецкою и французскою наукою и замѣчательными по богатству данныхъ англійскими сборниками земельных актовъ. Широкое примѣненіе сравнительно-историческаго метода позволяетъ автору дѣлать смѣлыя экскурсіи въ сосѣднія области и къ разнымъ народамъ древняго и новаго міра. Словомъ, его книга имѣетъ такое же значеніе для англійской исторіи, какое для западно-европейской вообще. Особенное ея преимущество передъ сродными

нѣмецкими и французскими изслѣдованіями заключаетъ въ методѣ, въ талантливости, въ ясной постановкѣ вопросовъ и въ оригинальности рѣшенія ихъ. Г. Сибомъ изслѣдуется и приходитъ къ аспимъ выводамъ тамъ, гдѣ другіе становились въ тупикъ. Возможно съ нимъ не соглашались въ пѣкоторыхъ частныхъ выводахъ, но отъ этого нисколько не уменьшаются общія достоинства изслѣдованія, опирающіяся на новыя и большею частью рукописныхъ матеріалахъ, которые впервые имъ звучены и остроумно объяснены. Методъ г. Сибома въ изслѣдованіи вопроса о землевладѣніи въ Англіи представляетъ ту особенность, что отправляется отъ реальныхъ фактовъ, наблюдаемыхъ въ настоящее время, къ раскрытію формъ земельных отношеній въ средніе вѣка и въ древній періодъ. Богатство изданныхъ и не изданныхъ матеріаловъ для экономической исторіи Англіи дало ему возможность построить довольно правильную и послѣдовательно развивающуюся исторію смѣны формъ землевладѣнія и наглядно показать въ этомъ отношеніи внутреннюю связь между саксонскимъ періодомъ и повѣйшими.

Считая трудъ г. Сибома выдающимся явленіемъ въ исторической литературѣ, мы находимъ полезнымъ обратить на него вниманіе русскихъ читателей. Сначала укажемъ главнѣйшія его положенія, а потомъ попытаемся провѣрить особенно важные и любопытные выводы, стоящіе въ связи съ рѣшеніемъ канитальнаго вопроса: рабствомъ или свободой крестьянскаго сословія открывається исторія.

I.

Отличительные признаки нѣкогда господствовавшей въ Англіи системы открытыхъ или общинныхъ полей могутъ быть легко отмѣчены на слѣдующемъ примѣрѣ: Изучая планъ городской земли Гичина въ Гертфордширѣ, составленный въ 1816 году, г. Сибомъ обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что большая часть городской земли раздѣлена на маленькія узкія полосы, дающія всему плану видъ паутины. Каждая полоса отдѣлена отъ другой смежной зеленою лентой не вспаханной земли. Хотя полосы имѣютъ различную длину, но вообще легко убѣдиться, что нормальная длина полосы совпадаетъ съ акромъ, имѣющимъ сорокъ родовъ или коловъ (rods or poles) въ длину и четыре въ ширину. Фактически полосы соотвѣтствуютъ бороздѣ, дѣлаемой плугомъ до поворота его, борозда же искони имѣла въ длину союкъ коловъ. Не всѣ полосы однако имѣютъ четыре кола

въ ширину; есть и полуакровыя полосы, также отдѣленные одна отъ другой зеленою межою. Обычный участокъ въ акръ нужно представлять себѣ какъ четыре узкія полосы шириной въ одинъ колъ, лежащія одна возлѣ другой. Но эти небольшія полосы не составляютъ полного участка или владѣнія, которое слагается изъ множества полосъ, разсѣянныхъ во всей площади городского округа и перемѣшанныхъ во всѣхъ направленіяхъ.

Но любопытнѣйшій фактъ заключается въ томъ, что эти открытыя поля были общинныя поля, то-есть, составляли пахатную землю деревенской или городской общины, находящейся въ зависимости отъ мѣстнаго сениора. Съ незапамятныхъ временъ поля обрабатывались по трехпольной системѣ, то-есть, одно изъ трехъ полей каждый годъ оставалось подъ паромъ, тогда какъ другія два обрабатывались и засѣвались. Каждый владѣлецъ или соучастникъ въ не огороженныхъ поляхъ имѣетъ право выпаса на общинной землѣ. Онъ имѣетъ право и огородить свой участокъ, но тогда лишается навсегда участія въ выпасѣ на остальныхъ участкахъ. Указанная система открытыхъ общинныхъ полей нѣкогда захватывала всю Великобританію; эта система начала измѣняться со второй половины XVIII вѣка вслѣдствіе стремленія выдѣлиться изъ общины и огораживать отдѣльные участки. Появилось огромное множество раздѣльныхъ актовъ (Enclosure Acts), которые нанесли ударъ системѣ общинныхъ полей, препятствовавшей экономическому развитію. Но какъ тотъ часовой, упоминаемый княземъ Бисмаркомъ, по видимому, безъ всякой пужды и смысла шагающій назадъ и впередъ по лужайкѣ придворнаго парка, имѣетъ свое объясненіе въ томъ, что Екатерина Великая разъ приказала беречь появившійся подселѣжникъ и потомъ забыла отиѣнуть свое распоряженіе, такъ и безсмысленная на нынѣшній взглядъ система открытыхъ полей по надлежащемъ изслѣдованіи можетъ представить достаточныя основанія для своего происхожденія и устойчивости. Можно доказать послѣдовательнымъ рядомъ писцовыхъ книгъ и другихъ земельныхъ актовъ, что система, остатки которой могутъ быть наблюдаемы и нынѣ, есть господствовавшая въ средніе вѣка система земельныхъ отношеній.

Между матеріалами для изученія поземельной системы въ средніе вѣка весьма важное значеніе имѣетъ писцовая книга сениоринъ Випсловской въ Вуккингамширѣ, относящаяся къ царствованію Эдуарда III (The Winslow manor rolls). Винсловъ принадлежалъ къ владѣніямъ аббатства св. Албана. Перепись ведена была здѣсь со

всею тщательностью. Всѣ перемены въ поземельной собственности, происшедшія въ царствованіе Эдуарда III, отмѣчались регулярно. Годъ Черной смерти (1348—1349), произведшій необычныя перемены въ земельномъ владѣніи, выразился въ писцовой книгѣ, если употребить свойственное геологическое выраженіе, какъ экономическій разрывъ сеніоріи, открывающій съ безпримѣрною ясностью различныя экономическія пласты, въ которые складывались ея участки. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь снова мы имѣемъ дѣло съ открытыми общинными полями, раздѣленными на малыя акровыя и полуакровыя полосы, которыя лежатъ череполосно по всей общинной площади.

Винсловская писцовая книга позволяетъ намъ ознакомиться съ природою земельныхъ участковъ различныхъ классовъ зависимаго населенія. Подобно другимъ феодальнымъ владѣніямъ, эта сеніорія раздѣляется на двѣ части: земля доменная или доманіальная и зависимая (*land in the lord's demesne, and land in villenage*). Первая составляетъ усадьбу сеніора, часть ея отдается въ аренду на продолжительные и краткіе сроки и въ наемъ. Зависимая земля занята населеніемъ, которое находится подъ властью сеніора и исполняетъ обычную барщину. Она лежитъ въ открытыхъ поляхъ и раздѣляется на три сезона соотвѣтственно трехпольной системѣ: западное, восточное и южное поле. И самая доманіальная земля находится въ тѣхъ же трехъ поляхъ, болѣе или менѣе перемеживаясь съ полосами зависимаго населенія, иногда впрочемъ и отдѣляясь отъ нихъ.

На каждой страницѣ писцовой книги можно находить обычную формулу передачи зависимыхъ участковъ, которая состоитъ въ томъ, что прежній владѣлецъ возвращаетъ усадьбу господину, а этотъ впослѣдствіи сдаетъ ее другому крестьянину подъ условіемъ зависимости отъ господина и исполненія обычныхъ службъ. Если актъ передачи обуславливается смертью прежняго крестьянина, то формула гласитъ, что усадьба перешла къ господину, и онъ передаетъ ее новому крестьянину на прежнихъ условіяхъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такая усадьба (*the holding*) называется словомъ *virgata* (латинскій эквивалентъ для англійскаго *yard-land* или нашего — крестьянскій надѣлъ): виргата такого-то передана такому-то; въ другихъ усадьба называется полувиргатой. Въ томъ и другомъ случаѣ не присоединяется никакихъ дальнѣйшихъ объясненій. Но по отношенію къ другимъ усадьбамъ, которыя не называются виргатами, дается подробное описаніе ихъ состава: указывается полуакръ за полуакромъ, и называется

владѣлецъ полосъ съ обѣихъ сторонъ. Усадьбы послѣдняго вида были весьма различны, подъ ними было земли отъ одного полуакра до 8, 10 или 12; большею частью это были сѣмшники небольшихъ коттѣджей.

Въ чемъ же состоитъ природа участковъ, называемыхъ виргатами и полувиргатами? Есть одинъ случай въ той же писцовой книгѣ, отпослѣйся къ виргатѣ Джона Молдсона, на которомъ есть возможность изучать составные элементы этого термина (Seebohm, p. 24—25). Виргата Д. Молдсона составляла усадьбу, въ которую входили 72 полуакровыя полосы, разсѣяныя по всей общинной землѣ. Вообще же виргата Винсловской писцовой книги есть усадьба, состоящая изъ дворовой земли въ деревнѣ и изъ пахатной отъ 30 до 40 акровъ, разсѣянной полуакровыми полосами по общинной землѣ, иначе говоря, нормальная виргата состояла изъ 10 акровъ въ каждомъ изъ трехъ полей. Полувиргата точно также есть усадьба, состоящая изъ дворища въ деревнѣ и вдвое меньшаго количества полуакровыхъ полосъ въ общинныхъ поляхъ ¹⁾. Всѣ виргаты и полувиргаты обозначали зависимое состояніе, это были участки изъ зависимой земли. Были случаи, что владѣльцы виргатъ и полувиргатъ держали и другіе участки изъ доменной земли на условіяхъ ежегодной ренты, но такія свободныя владѣнія не имѣли ничего общаго съ ихъ виргатами, въ силу держанія которыхъ они были барщинными крестьянами (of these they were not free tenants, but villein tenants). Точно также и владѣльцы малыхъ коттѣджей были въ зависимомъ состояніи. Усадьбы тѣхъ и другихъ могли быть наследственны, переходя отъ отца къ сыну съ согласія сеньора и подъ условіемъ уплаты обычнаго геріота или рельефа. Подъ угрозой штрафа они не могли жениться безъ разрѣшенія сеньора, не смѣли безъ воли его продать вола; если оставляли участокъ безъ согласія господина, ихъ разсѣивали и возвращали; они обязаны были платить штрафъ сеньору, если дочь ихъ теряла невипность. Служба ихъ сеньору была обусловлена обычаемъ и въ царствованіе Эдуарда III въ большинствѣ случаевъ переведена изъ натуральной въ денежную. Вообще все указы-

¹⁾ Авторъ дѣлаетъ далѣе заключенія къ количеству земли, числящейся подъ виргатами и полувиргатами. Находя, что въ 1348—1349 годахъ помѣчено 153 случая переѣзды владѣній за смертію прежнихъ хозяевъ, и что изъ нихъ на 28 виргатъ и 14 полувиргатъ приходится 2400 полуакровыхъ полосъ, онъ приходитъ къ выводу, что $\frac{2}{3}$ всей земли было въ виргатахъ и полувиргатахъ.

ваетъ на состояніе крупостной записности крестьянъ отъ господина, хотя эта зависимость и смягчена въ XIV вѣкѣ; это было рабство, но рабство въ фазѣ освобожденія и ослабленія (but it was serfdom in the last stages of its relaxation and decay).

Переходя къ XIII вѣку, авторъ съ особенною подробностью знакомитъ съ Hundred Rolls—писцовою книгой, относящеюся къ 1279 году. Имѣя въ Винсловской писцовой книгѣ типическія формы земельныхъ отношеній, мы можемъ при обзорѣнн Hundred Rolls выпустить сходныя и повторяющіяся черты, ограничившись ссылкой на мѣста оригинала (р. 32—34). И здѣсь находимъ виргаты, полувиргаты и ниже ихъ владѣльцевъ малыхъ участковъ или только дворовъ (cottiers). Особенность замѣчается въ томъ, что нѣкоторые зависимые крестьяне помѣчены не виргатами или полувиргатами, а количествомъ числящихся за ними акровъ: каждый по 30, 20, 15 или 10. Далѣе, встрѣчается особый родъ крестьянъ, называемыхъ socheman, о которомъ рѣчь будетъ ниже. Но главное значеніе занимающей насъ писцовой книги заключается въ слѣдующемъ: Въ нѣкоторыхъ частяхъ ея находятся новые термины землевладѣнія,—таковы гйда и каруката (hide and carucate), равно какъ въ отличіе отъ другихъ писцовыхъ книгъ опредѣляется число акровъ въ виргатѣ и число виргатъ въ гидѣ. Хотя отношеніе чиселъ не всегда одинаково, тѣмъ не менѣе можно принять 120 акровъ за нормальную величину гиды, а какъ нормальная виргата включаетъ въ себя 30 акровъ, то очевидно, что гйда должна имѣть 4 виргаты ¹⁾). Изъ этого получается тотъ важный выводъ, что какъ виргата есть совокупность опредѣленнаго числа полосъ въ открытыхъ поляхъ, такъ и гйда, на сколько она состоитъ изъ реальныхъ зависимыхъ виргатъ, есть четверо большая совокупность разбитыхъ въ общинныхъ поляхъ полосъ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что въ Hundred Rolls гиды и виргаты вообще принимаются за окладную единицу сениоріальнаго владѣнія; такимъ образомъ, нужно дѣлать различіе между гидой и виргатой, какъ реальными величинами земли, и тѣми же терминами въ смыслѣ условной единицы для обозначенія суммы обложенія. Вѣроятно, что виргаты и гиды были реальными участками земли, прежде чѣмъ перешли въ абстрактные земельные термины. Дальнѣйшій шагъ въ раскрытію термина гйда сдѣлалъ объясненіемъ податнаго термина scutage. Такъ на-

¹⁾ Исключенія и объясненія ихъ сдѣланы авторомъ въ текстѣ р. 37.

вывалась подать со щита или рыцарскаго помѣстья, опредѣленная въ 40 шиллинговъ. Каждое knight's fee или scutum заключало въ себѣ 4 гиды, какъ видно изъ одного мѣста Hundred Rolls: one hide gives scutage for a fourth part of one scutum. И какъ въ каждую гиду идутъ 4 виргаты, то ясно, что виргата должна была облагаться $\frac{1}{16}$ долей цѣлаго scutum, то-есть, 2 шилл. 6 пенсами.

Какъ понимать однако, что гйда не всегда имѣетъ одинаковое число виргаты, а послѣдняя не всегда одно и то же число акровъ, это объясняется въ Hundred Rolls употребленіемъ слова каруката вмѣсто гиды. Каруката значить земли плуга или плуговой запряжки ¹⁾. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ каруката одинакова съ гидой, то-есть, имѣетъ 120 акровъ, но бываетъ въ ней и болѣе (200) и менѣе (80). Такъ какъ это слово обозначаетъ землю, обрабатываемую плугомъ, то реальная величина ея зависитъ отъ свойства почвы и отъ количества быковъ или лошадей въ запряжкѣ.

Имѣя въ виду, что сейчасъ затронутый вопросъ объ отношеніи земельныхъ участковъ въ плугу играетъ весьма важную роль въ объясненіи терминологіи писцовыхъ книгъ, мы отступаемъ нѣсколько отъ системы автора, и переходимъ прямо къ Cartularies of Newminster (1250 г.) и Kelso (1290 г.). Именно по этимъ писцовымъ книгамъ всего удобнѣе изучается соотношеніе земельныхъ участковъ съ запряжкой плуга, то-есть, съ количествомъ вырагаемыхъ въ плугъ воловъ. На сѣверѣ Англій въ старой Нортумбріи виргаты и полувиргаты называются husband-land, то-есть, тягло, или надѣлъ. Полное тягло или виргата состоитъ изъ 2 боваты, то-есть, изъ двухъ участковъ, каждый изъ которыхъ можетъ быть обработанъ однимъ воломъ (bovate=oxgang), каждая бовата составляетъ $\frac{1}{8}$ долю гиды. Каждый полный надѣлъ (husbandland), состоящій изъ 2 боваты, организованъ былъ такъ, что въ него входила земля и принадлежности хозяйственнаго обзаведенія (stuhl или outfit), то-есть, пара воловъ, одна лошадь, опредѣленное число мѣръ овса, ячменя и ржи. Снаряженіе надѣла парой воловъ, очевидно, имѣетъ отношеніе къ реальной величинѣ участка въ двѣ боваты. Но если участокъ въ двѣ боваты равенъ виргатѣ, а одна бовата составляетъ полувиргату или $\frac{1}{8}$ долю гиды, то гйда должна заключать въ себѣ 8 боваты. И какъ съ другой стороны, бовата имѣетъ отношеніе къ одному волу, виргата или

¹⁾ Carucate—the land of a plough or plough team,—caruca being the mediaeval Latin term for both plough and plough team—Seebohm p. 40.

двѣ боваты къ парѣ воловъ, то и гйда должна имѣть подобное же отношеніе къ запряжкѣ плуга въ 8 воловъ. Если же запряжка въ 8 воловъ можетъ бѣть разсматриваема какъ нормальная запряжка плуга, то песьма ибронтно предпологать натуральное соотношеніе между видами зависимыхъ участковъ и числомъ воловъ, выставляемыхъ владѣльцами этихъ участковъ въ полную упряжку господскаго плуга, который дѣйствительно обыкновенно состоялъ изъ 8 воловъ ¹⁾.

Въ *Rotulus Redituum* аббатства *Kelso* можно находить употребленіе термина *сагуса* вмѣсто плуга, и эта карука, какъ оказывается, заключала въ себѣ 4 надѣла (*husband-land*) и 8 боватъ. Объясненіе термина заключается въ способѣ запряжки въ плугъ. Не всегда запряжка состояла изъ четырехъ паръ воловъ—одна пара за другою, иногда запрягались четыре вола въ рядѣ, какъ свидѣтельствуютъ статистическіе отчеты, изъ которыхъ видно, что въ нѣкоторыхъ областяхъ Шотландіи тянули плугъ четыре вола или лошади, запряженные въ рядѣ (*yoked abreast*). Точно также въ уэльскихъ законахъ нормальная запряжка плуга была въ 8 воловъ, запряженныхъ по четыре въ одно ярмо. Изъ всѣхъ подобныхъ данныхъ выясняется идея, лежащая въ основаніи различныхъ зависимыхъ участковъ. Гйда или каруката есть такая усадьба или участокъ, который соответствуетъ хозяйству съ полнымъ плугомъ въ 8 воловъ. Полгиды соответствуютъ хозяйству съ однимъ ярмомъ—четыре вола въ рядѣ. *Виргата* обозначаетъ такой участокъ, владѣлецъ котораго имѣетъ пару воловъ, *полувиргата* или бовата означаетъ хозяйство и участокъ съ однимъ воломъ. Всѣ такіе участки подведены подъ опредѣленное отношеніе къ полному маноріальному или господскому плугу въ 8 воловъ ²⁾.

На основаніи изученія вѣжныхъ, западныхъ и средне-британскихъ писцовыхъ книгъ, восходящихъ до эпохи норманнскаго завоеванія, иначе говоря—до *Domesday Survey* 1086 года, г. Сибомъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: Англія была покрыта феодальными владѣніями, которыя въ простѣйшей формѣ составляли сениоріаль-

¹⁾ *Seebohm*, p. 62—63. Есть случаи запряжки плуга въ десять и двѣнадцать воловъ.

²⁾ Добытыя на изученіи этихъ писцовыхъ книгъ данныя подтверждаются матеріалами XII в.: *Doldon Book* 1183 г., и *liber Niger* 1125 г., анализировать которыя мы не имѣемъ необходимости (*Seebohm* p. 68—76). Отмѣтимъ нѣсколько мѣстныхъ терминовъ: двойная гйда 240 акровъ, называемая иначе *solanda*; *wista*—половина двойной гиды; *hudaraii*—группа зависимыхъ крестьянъ, владѣющихъ одной гидой.

ныя помѣстья—каждое съ своею зависимою отъ него деревенскою общиною. Доманіальная земля обрабатывалась главнымъ образомъ барщиной виллаты или зависимою деревенскою общиною, земля которой лежала вокругъ деревни въ открытыхъ поляхъ. Изъ деревнѣ были усадьбы или дворы зависимыхъ крестьянъ, и ихъ земельные участки составлены были изъ союкупности полосъ, разбросанныхъ въ открытыхъ поляхъ, съ правомъ выпаса скота на поляхъ послѣ уборки хлѣба, или на лугахъ. Крестьяне раздѣлялись на два класса. Собственно villani, участки которыхъ, называемые гидами, полугидами, виргатами и боватами, были приведены въ соотношеніе съ числомъ быковъ, полученныхъ ими вмѣстѣ съ землей или требуемыхъ отъ нихъ для господской запряжки въ плугъ изъ 8 воловъ. Нормальный надѣлъ—виргата—заключалъ около 30 акровъ въ развитыхъ акровыхъ и полуакровыхъ полосахъ. Эти крестьянскіе участки составляли нераздѣльные хозяйства, переходившія вмѣстѣ съ дворомъ, съ согласія сениора, отъ одного поколѣнія къ другому, къ старшему или младшему сыну согласно обычаямъ сениоріи.

Независимо отъ виллановъ былъ многочисленный классъ владѣльцевъ меньшихъ участковъ, называемый коттаріями или бордариіями (cottiers, bordarii). Этотъ классъ не имѣлъ воловъ и не принималъ участія въ воздѣлываніи земли; въ нѣкоторыхъ сениоріяхъ они владѣли пятью акрами, въ другихъ больше, а въ иныхъ меньше. Наконецъ, ниже всѣхъ стоятъ рабы.

При нѣкоторыхъ различіяхъ, служебныя отношенія къ сениору выражаются въ слѣдующихъ видахъ барщинныхъ и оброчныхъ повинностей ¹⁾: 1) папши на помѣщика, жатва и уборка хлѣба,—два или три дня въ недѣлю (Week-work); 2) барщинная работа по спеціальному требованію господина (Præsentia или boon-work); 3) денежные повинности и разнаго рода подати, иногда отбываемыя также работою. Эти отношенія крестьянскаго населенія къ сениору обозначаютъ крѣпостное или рабское положеніе крестьянъ, которое лишь частію ограничивалось обычаями, напримѣръ, замѣной натуральной повинности денежною. Авторъ склоненъ видѣть въ положеніи крестьянъ XII и XIII вѣковъ уже зачатки освобожденія отъ болѣе суроваго рабства предыдущихъ вѣковъ. Это освобожденіе все возрастаетъ въ XIV и послѣдующихъ вѣкахъ.

¹⁾ Seebohm, p. 78, сравн. 41—43.

Великая Писцовая книга 1086 года, составленная по волю Вильгельма Завоевателя (*The Domesday Survey*), знакомитъ съ состояніемъ земельного владѣнія въ Англіи не только въ періодъ завоеванія, но и при Эдуардѣ Исповѣдникѣ ¹⁾. Опись обыкновенно начинается показаніемъ числа гидъ или карукатъ, которыя значились въ помѣстьи по прежней окладной системѣ. За исключеніемъ датскихъ округовъ Англіи, гдѣ исключительно употребляется каруката, терминъ гйда (хотя часто онъ обозначаетъ то же, что и каруката, то-есть, землю плуга) принятъ въ *Survey* исключительно въ смыслѣ податной единицы, тогда какъ реальная величина площади феодальныхъ владѣній показана карукатами, такъ что число гидъ часто гораздо меньше числа карукатъ. Различіе употребленія терминовъ весьма наглядно показано въ *Inquisitio Elensis* въ выраженіяхъ: столько-то гидъ „*ad geldum*“ и столько-то карукатъ „*ad arandum*“. Но какіе бы термины не употреблялись, основой обложенія служатъ количество плуговыхъ запряжекъ. Послѣ того какъ опредѣлялась общая сумма плуговъ, обозначали—сколько падаетъ на доманіальную и сколько на зависимую землю. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что запряжка крестьянскихъ плуговъ была менѣе обыкновенной господской въ 8 воловъ. Можно принять, что для составленія крестьянскаго плуга, состоявшаго изъ ярма въ 4 вола, соединялись два нормальныхъ хозяйства ²⁾.

Весьма любопытны наблюденія автора о сословіяхъ. Въ *Domesday Survey* почти нѣтъ упоминанія о свободныхъ земледѣльцахъ: *liberi homines* или *libere tenentes*. Какъ исключеніе изъ общаго правила, этотъ классъ встрѣчается только въ датскихъ округахъ подъ именемъ *liberi homines* и *sochmanni*, притомъ въ описи онъ слѣдуетъ за несвободными состояніями, послѣ виллановъ, коттаріевъ и сервовъ. Вообще же вся масса населенія принадлежала къ зависимому состоянію, это были *villani*, *bordarii* (*cottarii*) и *servi*. Къ рабскому состоянію принадлежало до 9% всего населенія Англіи; рабовъ было больше въ юго-западныхъ провинціяхъ; число ихъ постепенно уменьшается близъ датскихъ областей; совсѣмъ не встрѣчается рабовъ въ Йоркширѣ, Линкольнширѣ и сосѣднихъ областяхъ. Бордаріи или владѣльцы коттэджей равномерно распространены по всѣмъ графствамъ;

¹⁾ Seebohm, p. 82—83.

²⁾ p. 85 roughly speaking, two villeins, as in the Peterborough manors, seem to have joined at each villein plough, which thus can hardly have possessed more than 4 oxen in its team.

къ этому классу относится 32% населенія. Вилланы въ эпоху происхожденія *Survey*, равно какъ и при Эдуардѣ Исповѣдникѣ, составляли самую главную часть зависимаго населенія; къ нимъ принадлежало 38% жителей Англии. За исключеніемъ Норфолка и Суффолка, во всѣхъ другихъ графствахъ они составляли не менѣе $\frac{1}{3}$ населенія. И если въ это время они были владѣльцами виргаты и полувиргаты, какъ ихъ потомки въ позднѣйшіе вѣка, то ясно, что они держали подъ своими усадьбами значительнѣйшую часть всей пахатной земли въ Англии. Правда, что составители Великой писцовой книги не даютъ въ этомъ отношеніи такихъ подробныхъ данныхъ, какія мы находимъ въ *Hundred Rolls* или въ *Liber Niger* 1125 года. Но авторъ позволяетъ себѣ совершенно законную догадку, что какъ *villani* 1125 года были владѣльцами виргаты и полувиргаты, такъ и отцы ихъ въ періодъ происхожденія *Survey* и дѣди при Эдуардѣ Исповѣдникѣ должны быть представляемы также сидящими на надѣлахъ виргатныхъ и полувиргатныхъ. Эта догадка оправдывается случайнымъ употребленіемъ въ *Survey* терминовъ *integrī villani* и *villani dimidiī*, которые, безъ сомнѣнія, соответствуютъ тѣмъ же терминамъ въ позднѣйшихъ писцовыхъ книгахъ (*Liber Niger*), гдѣ они равнозначущи выраженіямъ *pleni virgarii* и *semi virgarii*. Есть, однако, нѣсколько мѣстныхъ исключеній, которыя ставятъ вѣдѣ сомнѣнія вопросъ о свойствахъ вилланскихъ участковъ ¹⁾. Это были гиды и полугиды, виргаты и полувиргаты. Виргата была нормальнымъ крестьянскимъ надѣломъ, какъ и въ позднѣйшія времена.

Отдѣлъ о землевладѣніи послѣ норманнскаго завоеванія оцѣнивается въ высшей степени интересными вычисленіями. Общее число виллановъ было 108407. Если каждый держалъ участокъ въ одну виргату и 30 акровъ, то подъ вилланскими усадьбами можно полагать около 3.250000 акровъ земли. Принимая же во вниманіе, что большая часть владѣла полувиргатами, и полагая средній участокъ въ

1) Пожестье Неса. The priest holds 1	hide		
3 milites	>	$6\frac{1}{2}$	>
2 villani	>	2	> (т. е. каждый по гидѣ)
20 >	>	5	> (т. е. каждый по $\frac{1}{4}$ гиды или виргату).
40 >	>	5	> (каждый по $\frac{1}{8}$ гиды или полувиргату).

Другіе примѣры указаны на стр. 93—94; ср. особенно опись Вестминстерскаго аббатства, р. 98.

20 акровъ, мы можемъ принять площадь земли во владѣніи виллановъ около $2\frac{1}{4}$ милліоновъ акровъ. Присоединивъ сюда 82,000 бордаріевъ и 6,000 или 7,000 коттаріевъ, усадьбы которыхъ, по среднему разчету, заключали въ себѣ по три акра, мы должны отнести на ихъ долю еще $\frac{1}{4}$ милліона акровъ. На 23,000 участка сохменовъ (sochmanni) и на 12,000 свободныхъ (тѣ и другіе въ датскихъ областяхъ) можно отнести по полумилліону акровъ. Наконецъ, доманіальной земли не могло быть менѣе двухъ милліоновъ акровъ. Такимъ образомъ, въ эпоху Великой писцовой книги въ Англіи было до пяти милліоновъ акровъ пахатной земли, то-есть, отъ трети до половины того количества, которое нынѣ воздѣлывается въ тѣхъ же графствахъ. Эту экономическую систему нужно считать наслѣдствомъ пятисотлѣтняго господства саксовъ. Въ моментъ прекращенія этого господства агрикультуру Англіи вела зависимая деревенская община по системѣ открытыхъ полей. Запоеванная саксами земля, за пѣкоторыми частными исключеніями въ датскихъ округахъ, обрабатывалась трудомъ крѣпостныхъ крестьянъ и частію рабовъ.

Теперь предстоитъ изслѣдовать вопросъ: какъ далеко въ глубь саксонскаго періода можно прослѣдить систему открытыхъ полей, и было ли связанное съ этою системою рабство крестьянскаго сословія суровѣе и полнѣе въ болѣе раннія, чѣмъ въ позднія времена.

Собраніе актовъ Комбли и Законы короля Ине ¹⁾, вступившаго на престолъ въ 688 году, позволяютъ судить объ англійскомъ землевладѣніи съ VII по XI столѣтіе. И въ этотъ періодъ находимъ общинную систему открытыхъ полей. Земельные участки называются гидами, полугидами и просто надѣлами, состоящими изъ полосъ, расположенныхъ по всей общинной землѣ, подобно тому, какъ это видѣли мы въ иаргатѣ Джона Молдсона Винсловской писцовой книги. Мы не будемъ слѣдить за всѣми деталями изслѣдованія о саксонскомъ періодѣ и ограничимся лишь изложеніемъ главныхъ выводовъ, имѣющихъ общен историческое значеніе въ исторіи землевладѣнія. Таковы, между прочимъ, интереснѣйшія страницы о кооперативной пашнѣ или пашнѣ въ складчину (р. 118—125).

Въ древнихъ законахъ Уэльса, представляющихъ обычное право, записанное въ X вѣкѣ, сохранились весьма важныя черты социальныхъ и экономическихъ условій не завоеваннаго Уэльса въ тотъ періодъ, когда

¹⁾ *Kemble, Codex diplomaticus; Thorpe, Laws of King Ine. Ancient Laws of England.*

саксы владѣли Англіей. И между прочимъ, здѣсь находимъ у г. Сибма превосходное замѣчаніе о способѣ паханія земли, которое даетъ ключъ къ объясненію загадочной системы открытыхъ полей въ Англіи. Для участка земли въ акръ въ Уэльсѣ употреблялось слово „egw“, для „полосы“—асега. Первичный способъ отмѣриванія эрва или акра заключался въ слѣдующемъ: брали колъ опредѣленной длины и клали его поперекъ, — этимъ опредѣлялась ширина эрва; для опредѣленія длины откладывали тѣмъ же коломъ нѣсколько разъ въ продольномъ направленіи; въ нѣкоторыхъ провинціяхъ ширина акра опредѣлялась коломъ, равнымъ длинѣ плуговой упряжки изъ одного ярма въ рядъ. Система кооперативной пашни, отъ которой зависѣла черезолосность, выражалась въ слѣдующемъ: Пашня въ складчину вызывалась необходимостью имѣть плуговую запряжку въ 8 воловъ. Для этого организовалась артель, члены которой доставляли необходимыя принадлежности для полнаго плуга: воловъ, самое орудіе и работниковъ. Артельный пахарь и погонщикъ обязывались наблюдать за скотомъ и плугомъ и пользоваться ими съ тою же осторожностью, какъ предметами собственнаго хозяйства. Первая вспаханная полоса принадлежитъ пахарю, вторая — хозяину орудія, третья — хозяину того быка, который идетъ со стороны отложенной борозды, четвертая—хозяину быка, который тянетъ со стороны неподнятой части полосы, пятая—погонщику, слѣдующія полосы отъ 6 до 11 откладываются на остальныхъ шесть воловъ, смотря по ихъ силѣ, наконецъ, двѣнадцатая—полоса плуга, называемая „ploughbote“, идетъ на деревянные приспособленія плуга. Если бы вышли споры между членами артели изъ-за качества паханія, то обычай установилъ правило судить о доброкачественности пашни на основаніи глубины, ширины и длины борозды на той полосѣ, которая идетъ пахарю: всякій имѣлъ право требовать, чтобъ и его полоса вспахана была также хорошо. Уэльская артельная пашня объясняетъ и происхожденіе мелкихъ полосъ, и зеленія ленты на вспаханной земли между полосами, и способъ участія въ продуктахъ пашни. Кто участвуетъ въ полной плуговой запряжкѣ однимъ воломъ, имѣетъ право на одну полосу изъ двѣнадцати, кто даетъ двухъ воловъ, получаетъ два эрва. Въ тѣхъ же законахъ находимъ объясненіе термина бовать и обычая давать, вмѣстѣ съ земельнымъ надѣломъ, двухъ воловъ. Владѣніе волами, какъ въ саксонскій, такъ, вѣроятно, и въ римскій періодъ, было существеннымъ элементомъ крестьянскаго хозяйства и обуславливало положеніе земледѣльца въ іерархіи деревенской общины.

Памятники норманнского периода для феодального владѣнія или сениоріи не всегда употребляютъ выраженіе *manor*; рядомъ съ терминомъ *manerium* встрѣчаемъ *mansio*, *villa*. Саксонскіе памятники ту же самую идею выражаютъ въ терминахъ „*hams*“ и „*tuns*“. Эти гамы и туны раздѣлялись на доманіальную и зависимую землю, сениоръ назывался *thane* или *hlaford*, зависимые крестьяне — *gepeats*. Зависимая земля (*geneat-land* или *gafol-land*) занята двумя классами крестьянъ: собственно вилланы (*geburs*) и коттаріи, за ними стоятъ рабы (*theows*). Есть весьма любопытный документъ X вѣка *Rectitudines singularium personarum*, который вводитъ въ самую сущность вопроса ¹⁾ о сословныхъ и земельныхъ отношеніяхъ англо-саксонскаго періода. На первомъ мѣстѣ стоятъ тѣны — королевскіе дружинники, обязанные главнымъ образомъ военною службой, которую они несутъ съ пожалованныхъ имъ земель. Эти тѣны суть сениоры по отношенію къ зависимому населенію. Вилланы получаютъ отъ сениора земельные падѣлы съ обзаведеніемъ для хозяйства: два вола, корову, 6 овецъ и 7 акровъ посѣва на виргату. Подати и барщину справляютъ по истеченіи года со времени полученія участка и почти въ тѣхъ же размѣрахъ и видахъ, какъ владѣльцы зависимыхъ виргатовъ норманнскаго періода. Двойной характеръ зависимости крестьянъ, выражающійся въ платѣ подати и въ барщинѣ на сениора, доказаннымъ также однимъ мѣстомъ въ законахъ короля Инс (VII вѣка), служатъ указаніемъ на то, что еще за 400 лѣтъ до *Domesday Survey* феодальная система оказывается вполне сложившеюся. Уже въ то время саксонскій танъ раздавалъ участки крестьянамъ подъ условіемъ оброка и барщины. Такимъ образомъ, феодальный характеръ гамовъ и туновъ саксонскаго періода не подлежитъ сомнѣнію, то-есть, это были сениоріи съ зависимою деревенскою общиной, находившеюся подъ юрисдикціей мѣстнаго землевладѣльца. Судьбу нѣкоторыхъ помѣстій можно прослѣдить съ VI по XI столѣтіе; такова, напримѣръ, сениорія *Tidenham* въ Глочестерѣ. Эта мѣстность завоевана саксами въ концѣ VI вѣка, когда Тиденгамъ сдѣлался королевскимъ помѣстьемъ; въ X вѣкѣ король Эдди пожаловалъ его аббатству Батъ (*Bath*); какъ церковное помѣстье, Тиденгамъ значится и въ *Domesday Survey*. Касающіеся этой сениоріи акты любопытны въ томъ отношеніи, что по нимъ наглядно рисуется характеръ зависимости

¹⁾ *Thorpe*, *Ancient Laws and Instituts of England*, p. 185; *Seebohm*, p. 129--134.

населеніи отъ сеньора въ болѣе ранніе и позднѣйшіе періоды среднихъ вѣковъ. Въ болѣе ранніе періоды барщина на помѣщика не ограничена извѣстными днями недѣли, виды ея были разнообразнѣе, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ и потребностямъ. При этомъ, конечно, въ ранніе періоды не могло быть мѣста тому роду барщины (праесагіае), который предполагаетъ родъ взаимнаго соглашенія между помѣщикомъ и крестьяниномъ. Отсюда ясно, что неограниченная извѣстными днями барщина приближала крестьянское населеніе къ полному рабству, ограниченная же барщина позднѣйшихъ вѣковъ, легко замѣняемая денежною повинностью, составляеть уже шагъ къ освобожденію отъ крѣпостной зависимости. Такими въ общихъ чертахъ наблюденія надъ земельными отношеніями англо-саксонскаго періода. Саксы или ввели въ Англію сепіоріальную систему, основанную въ ней гамы и туны феодальнаго характера, или нашли уже эту систему существующею по прибытіи въ Британію. Само собою разумѣется, что при этомъ не остается мѣста теоріи—будто саксы перенесли въ Англію свободную общину по системѣ германской марки, которая-де затѣмъ обращена была въ зависимую отъ сеньора деревенскую общину.

Послѣ всего изложеннаго слѣдуютъ въ трудѣ г. Сибома двѣ большія главы, частію дополнительнаго и вводнаго характера: колѣнная система въ Уэльсѣ, въ Ирландіи и Шотландіи (р. 181—251). Чтобы составить себѣ понятіе о земельной системѣ въ не завоеванныхъ саксами областяхъ, авторъ обращаетъ сначала вниманіе на Гвентъ въ юго-восточномъ углу Уэльса, оставшіяся свободнымъ почти до самаго норманнскаго завоеванія. Какъ область, въ которой оказались чуждые англо-саксамъ порядки и учрежденія, Гвентъ былъ описанъ въ Domesday Survey съ нѣкоторыми подробностями. Совершенно новыми и необычными фактами являются здѣсь: 1) преобладаніе платежей произведеніями хозяйства, какъ корова, овца, свинья и въ особенности медъ; 2) полное отсутствіе слова „таногъ“; 3) замѣчательное распредѣленіе селеній по группамъ въ 13 и 14 селеній (villa), при чемъ каждая группа подчинена отдѣльному praepositus¹⁾. Мы видѣли уже изъ уэльсскихъ законовъ, что въ Уэльсѣ была та же система открытыхъ полей, какъ и въ остальной Англіи, но гористая природа страны весьма долго

¹⁾ Waswie praepositus — XIII villae; еще (такой-то) praepositus XIV villae и т. д.

поддерживала здѣсь пастушескій бытъ, который, въ свою очередь, обусловливалъ существенныя отличія въ земельной системѣ. Еще въ XII вѣкѣ различныя колѣна Уэльса не пришли къ осѣдлой жизни и перемѣняли жилища со своими стадами, лѣтомъ ища пастбищъ на горахъ, зимою въ долинахъ.

Для характеристики земельной экономіи колѣнъ Уэльса важныя данныя заимствуются изъ обычнаго права этихъ колѣнъ, записаннаго около середины X вѣка. Въ колѣно или трибу входятъ семьи свободныхъ уэльсменовъ, ведущихъ происхождение отъ общаго родоначальника. Но независимо отъ родовыхъ членовъ, къ трибѣ тянули чуждые по происхожденію люди, незаконорожденные и лишенные правъ. Тѣ и другіе распредѣлялись по искусственнымъ группамъ для податныхъ и судебныхъ цѣлей. Помимо правовыхъ различій, въ трибѣ замѣчаемъ и существенныя различія въ земельной системѣ: есть земля свободныхъ членовъ трибы или *family land* и есть податная земля—*register* или *gafol land*.

Свободные члены колѣна, соединенные во имя общей защиты, общаго земледѣлія и общаго закона, стоятъ въ опредѣленныхъ, напоминающихъ вассальныя, отношеніяхъ къ своему колѣнному старшинѣ. Кромѣ повинности, выплачиваемой продуктами хозяйства (*Gwesta*), они обязаны были: участвовать въ военныхъ предпріятіяхъ старшины, помогать ему въ постройкѣ замковъ, присылать дары по случаю брака или смерти. Легко видѣть, что въ этихъ обязательствахъ нѣтъ ничего, напоминающаго зависимаго отношенія крѣпостнаго состоянія. Что касается другаго класса, называемаго въ латинскомъ переводѣ законовъ *вилланами*, хотя они сидѣли на чужихъ участкахъ, но имѣли свои дома и скотъ, обрабатывая землю по системѣ участія въ артельномъ плугѣ. Они не имѣли права носить оружіе, не могли продавать продукты хозяйства безъ согласія господина, но нѣтъ никакихъ указаній на барщинныя отношенія этого класса. Повинность ихъ къ господину выражалась въ доставленіи опредѣленнаго количества произведеній хозяйства.

Въ колѣнной жизни есть одна весьма любопытная сторона—это система, по которой группировались отдѣльные участки. Усадьбы (*tyddyns*), заключающія по четыре эрва-агра, не лежали вмѣстѣ, а были разбросаны. Для податныхъ цѣлей онѣ однако были поднедены подъ искусственныя группы, имѣющія отношенія къ податной единицѣ, или къ числу пенсовъ въ фунтѣ, при чемъ группы въ 4, 16, 64, 256 и т. п. рассматривались какъ условныя единицы. Въ латин-

скомъ переводѣ законовъ, равно какъ въ описи Гвента въ Domesday Survey, техническіе термины колѣннаго устройства совершенно не узнаваемы. Терминъ „trey“ переданъ словомъ villa, „taepol“ принять за тапог, „taeg“ за graepositus. Между тѣмъ уэльсская земельная система представляла существенную разницу отъ саксонской отсутствіемъ сеніоріальнаго устройства и зависимой деревенской общины, главная же ея особенность состояла въ разбросанныхъ усадьбахъ свободныхъ членовъ колѣвна, которыя группировались въ искусственныя единицы ради податныхъ и административныхъ цѣлей.

Дальнѣйшее ознакомленіе съ колѣбною системою представляетъ Ирландію. Система раздѣленія земли или группировка усадебъ по числовымъ категоріямъ въ Ирландіи господствовала до королевы Елисаветы и Іакова, когда на мѣсто ея введена англійская система. Писцовыя книги конца XVI и начала XVII вѣка (р. 215—216) показываютъ, что подъ ирландскими „tates“ нужно понимать родовыя усадьбы, подобныя уэльскимъ „tyddyns“, заключавшія въ себѣ значительное число малыхъ хозяйствъ. То обстоятельство, что одно лицо называется владѣльцемъ усадьбы—„tates“, указываетъ въ немъ родоваго предка или главу двора, представляющаго членовъ колѣвна, принадлежащихъ къ одной „tate“. Изъ донесенія Джона Дэвиса отъ 1607 года узнаемъ, что Ирландію раздѣлена была на множество родовыхъ группъ, стоящихъ одна къ другой въ соотношеніи; такова, между прочимъ, группа, называемая „sept“ и состоявшая изъ родичей. Въ 1606 году септа „Grames“ была переселена правительствомъ изъ Кумберленда въ Роскоммонъ. Она состояла изъ 124 лицъ, изъ которыхъ почти всѣ носили прозванія по имени септы, раздѣлялась на нѣсколько семейныхъ общинъ, къ ней принадлежало 4 раба и около 12 зависимыхъ лицъ. Септа представляетъ собою человѣческую улей, она группируется около старшины, какъ улей около матки. Залитая септой территорія дѣлится на меньшія септы, отроившіяся отъ первой, родъ феодальныхъ отношеній связываетъ старшую септу съ младшими. По ирландскому праву (custom of tanistry), старшина септы имѣетъ пожизненную власть. По смерти его, сыновья и ближніе родственники не наследуютъ ему ни во власти, ни въ старшинствомъ и муществѣ. Каждый разъ таны избираютъ старшину изъ своей среды. Въ силу обычая „Gavelkind“, земля септы дѣлилась между всѣми лицами мужскаго пола. И если кто умретъ, его участокъ не дѣлится между его сыновьями, но старшина предпринимаетъ новый

передѣлъ всѣхъ земель септы и даетъ каждому часть, соответствующую его родовымъ правамъ¹⁾.

Относительно способа обработки полей въ Ирландіи, на основаніи *Book of the Dun Cow*, памятника VII вѣка, дошедшаго въ рукописи 1100 года, можно приходиться къ заключенію, что это была система открытыхъ полей, раздѣленныхъ на „ridges“ или полосы („rip-rig“ system). Судя по нѣкоторымъ мѣстамъ Брегонскаго закона, можно далѣе заключать объ артельной пашнѣ, по крайней мѣрѣ въ усадьбахъ, находившихся въ нераздѣльномъ владѣніи сонаслѣдниковъ.

Нужно замѣтить, что ирландское устройство является болѣе развитымъ и сложнымъ, чѣмъ уэльское. Джонъ Девисъ настаиваетъ на томъ, что старшины не были въ собственномъ смыслѣ сеніорами территоріи, занятой родовой группой, равно какъ члены этой группы не были свободными владѣльцами земли; земля принадлежала всему родовому или колѣнному союзу. Но авторъ находитъ, однако, что фактически колѣнные и родовые старшины постепенно приобрѣли въ собственности известную часть земли, о которой онъ говоритъ, какъ о доминиальной землѣ. На этой послѣдней жило населеніе, зависѣвшее непосредственно отъ старшинъ и платившее имъ подати натурой или деньгами. Принадлежащая старшинамъ и занятая зависимымъ отъ нихъ населеніемъ земля называется „monsalland“, по точности тѣмъ же терминомъ называется зависимая земля въ уэльскихъ законахъ. Болѣе слабое развитіе уэльской системы объясняется тѣмъ, что въ Уэльсѣ выработка родовыхъ отношеній задержана была римскимъ вліяніемъ и христіанствомъ.

Сравнивая колѣнную систему Уэльса и Ирландіи, можно придти къ слѣдующимъ общимъ выводамъ: Родовой или колѣнный старшина имѣетъ больше сходства съ королемъ, чѣмъ съ средневѣковымъ сеніоромъ. Власть его избирательная и не наследственная, преемникъ его не есть необходимо сынъ его. По завоеваніи Уэльса Эдуардомъ I, власть колѣннаго старшины перешла не къ сеніорамъ, но къ принцу Уэльскому. Члены колѣна связаны узами одного происхожденія и равенствомъ крови. Ихъ нельзя назвать землевлдѣльцами по аллодіальному праву, потому что ихъ участки принадлежали всему роду, но ихъ нельзя считать и владѣльцами по бенефициальному праву,

¹⁾ О колѣнной системѣ въ Шотландіи (Seebohm, p. 222) см. *Skene's, Celtic Scotland* с. III, 6.

ибо они не имѣли надъ собою сеніора. По завоеваніи Уэльса, они стали платить подать (*tune round*) прямо принцу Уэльсскому, официальному старшинѣ колѣна, будучи свободными владѣльцами своихъ усадебъ. Зависимые люди (*taeogs*) не были собственно крѣпостными свободныхъ членовъ трибы, а крѣпостными старшинѣ. Они походили скорѣе на римскихъ колоповъ, чѣмъ на средневѣковыхъ сервовъ. Послѣ завоеванія Уэльса, они стали вилланами принца Уэльскаго, а не мѣстныхъ сеніоровъ, и жили въ отдѣльныхъ группахъ, не смѣшиваясь съ свободными членами колѣна. Эти три сословія родового быта находятся на разныхъ ступеняхъ пастушеской жизни и переходятъ съ мѣста на мѣсто. Пока колѣно не избрало себѣ осѣлости, не могло быть мѣста личнымъ прозвищамъ въ приложеніи къ защитой колѣнномъ территоріи. Мѣстныя имена въ пастушескомъ быту даются по натуральнымъ признакамъ мѣста (рѣка, лѣсъ, долина, гора и т. п.). Указанное состояніе не есть принадлежность какой-либо расы или какой-либо страны: каждый народъ долженъ былъ проходить его въ своемъ развитіи.

Изъ предыдущаго можно вывести, что въ Британіи, въ весьма отдаленную эпоху, существовали рядомъ два устройства: сеніориальное въ восточныхъ и колѣнное или родовое въ западныхъ областяхъ. Нѣтъ ни одного свидѣтельства, изъ котораго можно было бы заключать, что родовая система Уэльса распространена была въ періодъ до саксонскаго завоеванія по всей Великобританіи. Напротивъ, Цезарь весьма опредѣленно говоритъ, что даже въ до-римскую эпоху экономическое состояніе юго-восточной Британіи было совершенно отлично отъ такого же состоянія Британіи внутренней и западной. Первую населяли бельгійскіе колонисты, носящіе прозванія по имени *civitates*, изъ которыхъ они пришли въ Британію. Ихъ жилища очень сходны съ галльскими. Самые цивилизованные между ними суть жители Кента, почти ничѣмъ не отличающіеся отъ галловъ. Жители внутренней области мало занимаются земледѣліемъ, питаются мясомъ и молокомъ. Припомнимъ теперь, что существенный признакъ колѣннаго устройства есть отсутствіе городовъ и деревень и преобладаніе скота надъ хлѣбомъ. Такимъ образомъ, въ свидѣтельствѣ Цезаря нужно усматривать доказательство дѣйствительно рѣзкаго различія между осѣдлымъ и земледѣльческимъ характеромъ юго-восточной Британіи и пастушескимъ бытомъ западной въ до-римскую эпоху. Множествомъ другихъ свидѣтельствъ (р. 247—248) подтверждается наблюденіе Цезаря, что юго-восточная Британія за долго до

римскаго завоеванія отличалась производствомъ зерновыхъ продуктовъ, которыми снабжала Галлію.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что южно-британское земледѣіе основывалось на системѣ открытыхъ полей. Эта система не введена саксами, ибо ее находимъ въ Уэльсѣ и Шотландіи,—не введена и римлянами, ибо способы раздѣленія участковъ и измѣренія отличается отъ римскаго; она предшествовала римской эпохѣ. Но преобладаніе земельного хозяйства по системѣ открытыхъ полей еще не есть доказательство господства той специальной системы, которая связана съ сеніоріальнымъ устройствомъ, и въ которой зависимый участокъ или надѣлъ (*yard-land*) есть характернѣйшій признакъ. Для того, чтобъ опредѣлить, была ли сеніоріальная или маноріальная система введена саксами, или же она предшествовала саксонскому завоеванію, является необходимость изслѣдовать эту систему на континентѣ.

Въ двухъ слѣдующихъ главахъ авторъ разбираетъ вопросъ о римской провинціальной земельной системѣ и колѣнной германской. Такое расширеніе поля изслѣдованія вызывается результатами, добытыми въ предыдущихъ главахъ. Или маноріальный строй былъ въ юго-восточныхъ областяхъ Британіи еще до саксонскаго завоеванія, или саксы принесли его съ собою при завоеваніи страны. Въ послѣднемъ случаѣ—нужно ли смотрѣть на маноріальную систему, какъ на естественное развитіе саксонскихъ колѣпныхъ учрежденій, или же сами саксы заимствовали ее у римлянъ?

Хотя нельзя слишкомъ полагаться на простое сходство терминовъ, но мы должны здѣсь вспомнить саксонскія слова: „гамъ“ и „тувъ“, равнозначація съ маноромъ. Заслуживаетъ вниманія употребленіе слова „ham“ у короля Альфреда, гдѣ противопоставляется временное владѣніе наследственному или гаму. Перечисляя въ запискахъ свои владѣнія въ Уэльсѣ, онъ всегда употребляетъ слово „land“; переходя же къ помѣстьямъ въ юго-восточной Англійи, онъ уже говоритъ о гамахъ, то-есть, о сеніоріальныхъ помѣстьяхъ съ зависимою общиной. Нужно замѣтить, что въ старомъ англійскомъ переводѣ этого мѣста ham всегда передается словомъ: „twiue“ или „tup“¹⁾. Любопытно, что суффиксъ *tup* на континентѣ совсѣмъ не употребляется для образованія мѣстныхъ именъ, между тѣмъ какъ

¹⁾ Во время Веды сѣеиисъ ham и tup употреблялся еще отдѣльно при мѣстныхъ именахъ. Въ кембриджской рукописи Веды ham всегда пишется отдѣльнымъ словомъ.

двойникъ его въ формахъ „hem“, „heim“ или „ham“ имѣеть весьма широкое распространеніе. Въ латинскихъ памятникахъ и переводахъ его замѣняетъ слово *villa*. Въ саксонской Англіи мѣстныхъ имена съ окончаніемъ на „ham“ особенно многочисленны въ юго-восточныхъ графствахъ. Въ германскихъ областяхъ мѣстныхъ имена съ окончаніемъ на „heim“ представляютъ замѣчательное явленіе. Они особенно многочисленны въ римской провинціи *Germania prima* (нынѣ Эльзасъ) и по обоимъ берегамъ Рейна вокругъ Майнца, то-есть, въ областяхъ, гдѣ германцы издавна и долго жили подъ римскимъ господствомъ. Съ окончаніемъ на *heim* здѣсь встрѣчается до 80% всѣхъ мѣстныхъ именъ, при чемъ какъ въ Англіи, такъ и здѣсь, окончанія „heim“ встрѣчаются также въ формѣ *villa* или *wilage*, или въ германизованной *weiler* и *wyl*. Но всѣ имена съ такими окончаніями и въ Англіи, и на континентѣ обозначаютъ одинаково сениоріальное владѣніе или маноръ, чаще—королевскія помѣстья, отдаваемые въ бенефіцію служилымъ людямъ.

Мѣстные имена съ окончаніями на *villa* и *heim* подъ франкскимъ господствомъ обозначали какъ частное помѣстье, такъ податную и судебную территориальную единицу; это доказываютъ капитуляріи и салической законъ. Когда въ законѣ говорится о лицѣ, нападающемъ на виллу другаго лица или желающемъ поселиться въ виллѣ (*Lex salica*, XLV), *villa* здѣсь значитъ помѣстье; но когда говорится о преступленіи, совершенномъ между двумя виллами, это слово имѣеть смыслъ суебной юрисдикціи. Такое двойное значеніе слова *villa* можетъ быть объяснено лишь въ томъ случаѣ, если оно, съ одной стороны, употреблялось вмѣсто *manor* и если, съ другой—вся страна въ V вѣкѣ была раздѣлена на виллы или маноры ¹⁾. Въ Мальберговъхъ глоссахъ въ *Lex salica* „ham“ имѣеть значеніе королевскаго дворца или помѣстья. Что же такое была римская *villa*? Римская вилла, по своему устройству и значенію близкая къ манору, имѣла тенденцію развиться въ средневѣковое сениоріальное помѣстье, каковыя и сдѣлалась въ галльскихъ и германскихъ провинціяхъ ко времени паденія имперіи. По описанію Варрона и Колумеллы, вилла была

Въ прологѣ къ *Lex salica* также можно усматривать двойное значеніе *villa*: по одной редакціи, о четырехъ выборныхъ сказано: *Uuisogastis, Bodogastis, Salegastis, Uvidogastis, in loca nominancium Bodochamae, Salchamae, Uvidochamae*; по другой, вмѣсто *in loca nominancium* читается „*in villis*“ и дѣлаются мѣстными имена съ окончаніями на „chem“, „hem“ и „em“.

собственно ферма или *fundus*. Господская усадьба виллы была окружена двумя дворами. При входѣ во внѣшній дворъ находилось жилище управителя виллы (*villicus*), который большею частію былъ избираемъ изъ рабовъ; въблизи была общая кухня и мастерская для рабовъ, погреба и амбары для склада запасовъ и продовольствія, хижины для помѣщенія рабовъ на ночь и, наконецъ, подземный *ergastulum*. Во внутреннемъ дворѣ находились стойла и хлѣвы для лошадей и воловъ. Кругомъ виллы лежала воздѣлываемая земля. Тяжкимъ образомъ, если вилла и не была сначала полнымъ маноромъ, то составляла помѣстье, обрабатываемое рабами подъ управленіемъ *villicus*. Способъ управленія рабами на виллѣ состоялъ въ раздѣленіи ихъ по десяткамъ, называемымъ декуріями; во главѣ каждой декуріи ставился декуріонъ, которому даваемъ былъ для обработки участокъ земли съ рабочимъ скотомъ подъ условіемъ уплаты опредѣленной ренты.

Римская вилла, однако, была обрабатываема не однимъ рабскимъ трудомъ. Колумелла находитъ преимущества въ обработкѣ посредствомъ колоновъ. Лучшие колоны, по его мнѣнію, суть тѣ, которые родились въ помѣстьи и связаны съ нимъ наследственными узами. Если же колоны были иногда *indigeni*, то-есть, происходили отъ отцовъ, бывшихъ колонами въ томъ же помѣстьѣ, то ясно, что здѣсь уже лежитъ начало сословія *adscripti glibae*. И дѣйствительно, по законамъ имперіи позднѣйшей эпохи колонъ, оставившій помѣстье своего господина, можетъ быть разыскиваемъ и возвращаемъ въ теченіе тридцати лѣтъ. Въ кодексѣ Юстиніана (XI, tit. 47, 22) находимъ статью, по которой сынъ колона, не имѣвшій никакихъ отношеній къ господской землѣ при жизни отца и бывшій въ отсутствіи больше 40 лѣтъ, долженъ быть по смерти отца разысканъ и обязанъ продолжать тѣ обязанности къ господину, которыя исполнялъ его отецъ. Въ этихъ чертахъ, характеризующихъ положеніе колоновъ, нельзя не видѣть сходства между колонами и позднѣйшими вилланами. И самая римская вилла, съ рабами во дворѣ господской усадьбы и съ колонами, живущими по деревнямъ (*vicus*), вокругъ усадьбы и на земляхъ ея, имѣетъ большое сходство съ сепіоріальнымъ помѣстьемъ.

Теперь уже можетъ считаться общепризнаннымъ, что распространеніе римскаго господства по Рейну и Дунаю, много способствуя разрастанію полузависимыхъ классовъ въ провинціяхъ, было причиной постепеннаго преобразованія виллы въ маноръ. Въ то же время тяжести податной системы въ Галліи и другихъ провинціяхъ вынуж-

дали свободныхъ земледѣльцевъ закладываться за крупныхъ землевладѣльцевъ и тѣмъ увеличивать число полузависимаго населенія въ большихъ помѣстьяхъ. Вслѣдствіе того не только римская вилла становилась сеніоріей, но и дѣлалась болѣе и болѣе господствующимъ типомъ помѣстья. Землевладѣльцы пользовались свѣжими рабочими силами ихъ завоеванныхъ варварскихъ областей и переводили парваровъ въ свои помѣстья въ качествѣ колоновъ, трибутаріевъ или литовъ, образуя зависимую деревенскую общину кругомъ своихъ виллъ. Во многихъ случаяхъ есть даже возможность доказать реальную историческую преимущество между римскою villой и франкскимъ маноромъ — сеніоріей (р. 269 — 271). Какъ особенно выдающійся примѣръ приводится дарственная грамота монастырю отъ 648 года. По этой грамотѣ монастырю жертвуется villa Sittiu, заключающая въ себѣ двѣнадцать подчиненныхъ помѣстій. Одно изъ нихъ Tattinga villa названо въ другомъ мѣстѣ Tattingahelm.

Перехода затѣмъ къ агер publicus, авторъ пытается раскрыть положеніе и социальную экономію различныхъ классовъ населенія на этомъ великомъ провинціальномъ манорѣ императора. Прежде всего изъ агер publicus получали участки ветераны. Иногда возпныя поселенія производились при правильной разверсткѣ земли, иногда ветеранамъ предоставлялось по усмотрѣнію занимать свободныя земли. Последній способъ, практиковавшійся чаще въ эпоху упадка имперіи, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Правительство давало ветеранамъ первоначальное хозяйственное обзаведеніе — рабочей скотъ и сѣмена для посѣва. Сообразно званіямъ и заслугамъ, однимъ назначалось по двѣ пары воловъ и по 100 модіевъ того и другаго рода хлѣба, другимъ — по одной парѣ воловъ и по 50 модіевъ. Занятые ими участки различались какъ двойное или простое iugum. Но есть возможность опредѣлить размѣры участка по количеству выдаваемого на посѣвъ зерна и по числу воловъ.

Пара воловъ въ Англіи соответствовала надѣлу въ 30 акровъ: 10 подъ рожью, 10 подъ овсомъ или овощами и 10 подъ паромъ. Римскому ветерану на пару воловъ выдавалось 50 модіевъ ржи и 50 овса или овощей. По свидѣтельству римскихъ экономовъ-писателей на югеръ идетъ 5 модіевъ ржи, такимъ образомъ, ветеранъ можетъ засѣять 10 югеровъ своими 50 модіями. Если имѣть въ виду трехпольную систему хозяйства, участокъ его долженъ равняться 30 югерамъ. Участокъ съ двумя парами воловъ долженъ быть вдвое больше, то-есть, 60 югеровъ. По наблюденіямъ римскихъ землемѣ-

ровъ (*agrimensores*), участокъ ветерана былъ или простой *modius*, или полтора, или два, иногда надѣлъ давался нѣсколькимъ лицамъ вмѣстѣ. Сиккутъ Флаккъ (*Siculus Flaccus*) говоритъ, что центуріи были то въ 240, то въ 200 югеровъ. Такимъ образомъ, нужно думать, что центурія раздѣлялась на простые и двойные участки въ 30 и 60 югеровъ (или въ 25 и 50), подобно тому, какъ англійская гйда состояла изъ надѣловъ по 30 акровъ. Весьма вѣроятно далѣе, что ветераны соединялись въ группы для составленія полного плуга, такъ какъ обработка земли, особенно въ Галліи и Германіи, требовала не парной запряжки въ плугъ, а въ 6 или въ 8 воловъ.

Другую группу населенія казенныхъ земель составляли поселенцы изъ варваровъ. Они образовали полуслужебный классъ частію земледѣльческаго, частію военного характера, извѣстный подъ именемъ литовъ (*laeti, litii*). Система поселенія варваровъ на завоеванныхъ земляхъ была важнѣйшею статьею римской военной и экономической политики, вслѣдствіе которой, на примѣръ, сѣверная Галлія стала полугерманскою еще до франкскаго завоеванія. Провинціи *Laetia*, *Agri decumates*, *Germania*, *Gallia*, *Britania* получили весьма сильный приливъ германскаго населенія, которое было поселено на *ager publicus* между ветеранами и колонатами. Чтобы судить о положеніи привилегированныхъ и зависимыхъ классовъ въ эпоху упадка имперіи, авторъ обращается къ разсмотрѣнію податной системы въ Римѣ. Изученіе вопроса о римской податной системѣ и обязательной барщинѣ важно потому, что она имѣетъ слишкомъ много сходства съ господствовавшей затѣмъ системой „гидациі“ въ саксонской Англіи, и что нѣкоторые виды обязательной барщины оказываются затѣмъ дѣйствующими въ сениоріальной системѣ среднихъ вѣковъ. Со времени Діоклетіана податная система была приведена въ связь съ *jugum* или *сарит*, какъ называлась условная единица обложенія податями. Весьма вѣроятно, что *jugum* имѣетъ значеніе участка земли, который можетъ быть обработанъ ярмомъ или двумя ярмами воловъ, и что *jugum* можетъ быть простой и двойной. Кто владѣлъ не цѣлымъ *jugum*, а частью его, тотъ и податей платилъ пропорціонально меньшѣ. Если *jugum* была условная единица для обложенія земельной собственности, то *сарит* принималась за такую же единицу для обложенія податью другихъ родовъ собственности (рабы, скотъ), равно какъ и дѣтей. Реформа Діоклетіана основывалась на уравненіи податей сообразно съ оцѣнкой собственности, при чемъ земли разныхъ качествъ подведены были подъ условныя единицы (*juga*) одинаковой

стоимости. Число югеровъ въ каждомъ jugum не могло быть одинаково по качествамъ земли и культурѣ, какъ это показываетъ образецъ, данный въ римско-сирійскомъ законникѣ ¹⁾. На востокъ за нормальный jugum принимался участокъ обыкновенной пахатной земли въ 60 югеровъ или 120 греческихъ плетровъ (полуакровъ). Въ римской центуриі, состоящей изъ 200 или 240 югеровъ, участокъ въ 25 или 30 югеровъ соответствовалъ простому арму или $\frac{1}{8}$ части центуриі, какъ простой саксонскій надѣлъ составлялъ $\frac{1}{8}$ гиды; двойному арму долженъ былъ соответствовать участокъ въ 50 или 60 югеровъ. Изъ этого можно видѣть, что типическій участокъ свободнаго поселенца въ правильно организованной римской колоніи стоитъ въ соответствіи съ простымъ или двойнымъ надѣломъ полусвободныхъ или зависимыхъ поселенцевъ: тамъ и здѣсь участки организованы на однихъ и тѣхъ же основаніяхъ, въ каждомъ по 30 или 60 югеровъ. Такимъ образомъ, хотя подать основывалась на земельномъ владѣніи, но діоклетіановскія juga, какъ условныя податныя единицы, не соответствовали дѣйствительному числу паръ воловъ, точно также какъ саксонская податная гйда (ad geldam) въ эпоху Domesday survey не соответствовала дѣйствительной карукатѣ (ad arandum).

Подать собиралась деньгами и натурой. Поземельная подать натурой не имѣла ничего общаго съ десятинною, собираемою въ десятинномъ краѣ (agri decumates) и въ Сициліи, хотя всѣ платежи натурой смѣшиваются въ терминѣ „annona“. Въ связи съ аннонами стоятъ личныя послуги, исправляемыя провинціальнымъ населеніемъ, называемыя sordida ministeria; эти послѣднія близко подходятъ къ барщинѣ и службамъ феодальной эпохи. Эдиктомъ 328 года (Cod. Theodos. XI, XVI, 4) на ректоровъ провинцій возлагается обязанность установить барщинныя отношенія согласно съ тремя степенями участковъ (primo a potioribus, deinde a mediocribus atque infimis). Ректоры должны ясно обозначить — какія службы и въ какой мѣрѣ идутъ съ cadaго sarut или jugum, какія аграрныя и какія работы должны исполнять владѣльцы упомянутыхъ участковъ. Изъ эдиктовъ отъ 382 и 390 года (Cod. Theodos. XI, 16 и 18) можно ознакомиться съ различными видами службъ и работъ крестьянскаго сословія: 1) приготовленіе муки, печеніе хлѣба и служба въ мукомольныхъ и пекарняхъ; 2) извозная и ямская повинность (praebitio

¹⁾ *Bruns und Sachau, Syriisch-Römisches Rechtsbuch.* Leipzig. 1880. О немъ въ моей статьѣ въ январской книжкѣ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1884 г.

paraveredorum et parangariarum); 3) исполнение работъ и службъ (obsequia operarum et artificum diversorum), то-есть, по волю помѣщика или управителя виллы; 4) пережиганіе извести (obsequium coquendae calcis); 5) доставка дерева и другаго матеріала для постройки и поддержанія публичныхъ, священныхъ и благотворительныхъ зданій и учрежденій, содержаніе дорогъ и мостовъ. Таковы были sordida munera населенія Редіи и другихъ провинцій. Эти работы и службы, очень сходныя съ барщиной крѣпостнаго сословія среднихъ вѣковъ, исправлялись, однако, не рабами. Населеніе виллъ состояло изъ колоновъ, литовъ и рабовъ. Согласно различію классовъ и въ эдиктахъ отмѣчены три вида владѣльцевъ: ditiores, mediocres, infimi.

Путь, которымъ происходилъ постепенный процессъ закрѣпощенія, можетъ быть также наблюдаемъ на исторіи агег publicus. Германскія и галльскія провинціи, называемыя императорскими, въ широкомъ смыслѣ разсматривались какъ личный доменъ императоровъ и находились подъ управленіемъ императорскихъ чиновниковъ. Въ качествѣ duces, comites, vicarii и procuratores послѣдніе соединяли военную, судебную, финансовую и полицейскую власть въ провинціяхъ, мало по малу приобретаая сениоріальный характеръ въ управляемыхъ ими областяхъ. Прежде всего вилла, въ которой жилъ императорскій чиновникъ, становилась податнымъ центромъ округа. Въ качествѣ управителя виллы (villicus), онъ наблюдалъ за сборомъ податей, аннонъ и за отправленіемъ обязательныхъ работъ (sordida munera); въ нѣкоторыхъ случаяхъ такіа работы прямо переходили въ личную барщину, когда чиновникъ заставлялъ работать населеніе на своихъ собственныхъ земляхъ. Съ другой стороны, сами владѣльцы участковъ въ агег publicus, иногда цѣлыми деревнями, вступали въ patrocinium, то-есть, закладывались за мѣстнаго чиновника, становясь уже лично къ нему въ зависима отношенія. Хотя императоры пытались бороться съ этимъ зломъ, но не могли остановить его, и процессъ обращенія свободныхъ земледѣльцевъ, коронныхъ земель къ патронату управителя сосѣдней виллы продолжался непрерывно. Этотъ процессъ обращенія свободныхъ крестьянъ въ зависимыхъ и обращеніе свободной земельной собственности въ условное владѣніе (praesidium) постепенно придавалъ римскимъ вилламъ характеръ сениоріальныхъ владѣній. Нельзя, однако, сказать, что онъ выросъ исключительно подъ римскимъ правленіемъ. Обычай коммѣндачи или вкладничества за крупную часть сохл, отд. 2.

наго землевладѣльца извѣстенъ былъ галламъ и древнимъ германцамъ; о немъ говорятъ Цезарь, Тацитъ и Григорій Турскій.

Патронатъ и коммендація одинаково содѣйствовали преобразованію римской виллы въ сеніорію и измѣненію государственныѣхъ повинностей и работъ въ барщинныя отношенія и службы мѣстному сеніору. Но успѣхъ всего процесса феодализаціи скорѣе можно объяснять дурною системою римской администраціи, чѣмъ германскимъ завоеваніемъ. Это доказываетъ свидѣтельство Сальвіана, писавшаго во второй половинѣ V вѣка. Онъ сравниваетъ положеніе крестьянъ въ римскихъ провинціяхъ и въ областяхъ, завоеванныхъ франками и готами. Въ первыхъ свободные закладываются за вліятельныхъ людей, чтобъ освободиться отъ несправедливыхъ поборовъ и притѣсненій, но богачи даютъ ихъ сборами казенной подати и оброкомъ въ свою пользу, бѣдняки же или бѣгутъ съ своихъ участковъ къ другому господину, гдѣ однако угрожаетъ имъ та же участь, или становятся бездомными скитальцами и лишеными покровительства законовъ. Между тѣмъ подъ властію франковъ и готовъ уважались права населенія, бѣжавшіе туда римляне сохраняли свободу и безопасность. Сальвіанъ удивляется, отчего не бѣгутъ всѣ подъ тевтонскую власть.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ процессу закрѣпощенія свободныхъ участковъ въ завоеванныхъ варварами земляхъ, иначе говоря — изучаетъ исторію землевладѣнія по варварскимъ законамъ и монастырскимъ грамотамъ. Обычное право племени аламанновъ, поселившихся въ провинціи *Germania Prima* и въ западныхъ частяхъ Десятиннаго края, было записано въ 622 году, когда сами аламанпы были подчинены франками. *Lex Alamannorum* постановляетъ, что „всѣмъ свободнымъ не возбраняется закладывать за церковь себя и свою собственность и что ни *dux*, ни *comes* не можетъ ставить имъ въ этомъ никакого препятствія. Кто передалъ свой участокъ церкви и получилъ его назадъ во временное пользованіе, обязанъ платить церкви подать, и наследники его не могутъ оспаривать права дарителя. Баварскимъ закономъ предусматривается та же практика: „Свободный, выдѣливъ дѣтямъ законную часть, свою долю имѣетъ право передать церкви, и ни король, ни герцогъ, никто другой не можетъ ему воспрепятствовать въ этомъ. Отъ церкви онъ можетъ получить свою часть въ видѣ бенефіціи“. Нѣтъ сомнѣнія, что эти церковныя закладки суть свободные крестьяне казенныхъ земель, сдѣлавшихся въ VII вѣкѣ королевскою землею и управляемыхъ королевскими чиновниками, носящими римскіе титулы (*duces, comites*). Процессъ закрѣ-

пощени, описываемый Сальвианомъ, продолжается и здѣсь съ тою только разницею, что въ послѣднемъ случаѣ онъ направленъ на церковныя владѣнія.

Въ грамотахъ монастырей Санктъ-Галльскаго, Лауресгамскаго (Lorsch) и Виценбургскаго находится громадное количество матеріаловъ для изученія этого процесса въ VIII вѣкѣ. Такъ, одинъ владѣлецъ въ нѣкоторой виллѣ жертвуетъ монастырю всю свою земельную собственность со скотомъ, рабами, домами, полями, лѣсами и водами и съ двумя крестьянами, при чемъ обязывается не только платить оброкъ церкви, но и вести барщину: пахать два югера земли и отправлять ямскую повинность. Другой, жертвуя свой участокъ, получаетъ его назадъ въ видѣ преклія съ обязательствомъ платить опредѣленный цензъ и исправлять барщину. Нѣкоторые изъ закладывающихся на церковь были собственниками цѣлыхъ виллъ, нѣкоторые—только частей виллъ. Но въ состояніи закладней они теряли свободу и удерживали только часть своей собственности въ пожизненное пользованіе, безъ права передачи наследникамъ. Въ VIII вѣкѣ церковныя помѣстья организовались по типу римскихъ вилл IV и V вѣка. На церковныхъ земляхъ находимъ рабовъ, платящихъ подать церкви и исправляющихъ барщину (три дня въ недѣлю), и колоновъ, которыхъ отношенія къ церкви устанавливались по положенію колоновъ на земляхъ королевскихъ.

Барщина и работы церковныхъ крестьянъ (*sordida munera*) всего яснѣе изложены въ *Lex Ratuariorum*, с. 13. Въ виду сообщаемыхъ въ немъ данныхъ, нельзя не признать, съ одной стороны, преемства въ податной и барщинной системѣ между римскою и германскою эпохою, съ другой—тождества этой системы съ податью (*gafol*) и барщинной (*week-work*) англійской сениоріи или манора. Ибо въ законѣ наводимъ десятину съ продуктовъ (*de 30 modis 3 modios donet*), а о ней упоминаетъ еще Тацитъ, и затѣмъ она засвидѣтельствована монастырскими грамотами; далѣе упоминается господская нашня (*andescapas legitimas*), посѣвъ и уборка хлѣба, десятинна сборовъ льна, меду, птицы, яицъ: все это напоминаетъ барщинныя и оброчныя статьи зависимаго населенія саксонскихъ маноровъ; наконецъ, извозная и ямская повинность, отправляемая въ римскую эпоху по требованію государственныхъ нуждъ, теперь обращается въ обязательство къ господину. Другими словами, въ VII вѣкѣ на церковныхъ земляхъ были два класса населенія: 1) *coloni* или *ascolae*, или, употребляя терминъ закона короля Ине, *set to gafol*; 2) *servi* (*set to gafol and to week-*

work въ томъ же законѣ). Въ положеніи рабовъ подѣ влияніемъ церкви совершилась перемѣна въ томъ отношеніи, что они получили право владѣть участками земли и работать на господина три дня въ недѣлю. Изъ рабства они поднялись въ состояніе крѣпостныхъ крестьянъ (from slavery he had risen into serfdom—Seebold p. 328). Положеніе церковныхъ крестьянъ въ глазахъ обремененныхъ податями свободныхъ землевладѣльцевъ было столь легкимъ въ сравненіи съ ихъ собственнымъ, что они добровольно брали на себя иго зависимости отъ церкви, переходя изъ свободного состоянія въ зависимое или крѣпостное.

Въ густонаселенныхъ областяхъ по Рейпу, въ нидерландѣхъ Эльзасѣ, Баденѣ и Виртембергѣ, замѣчается такое сильное движеніе по этому направленію, что въ нѣкоторыхъ грамотахъ встрѣчаются цѣлыя группы землевладѣльцевъ одной и той же деревни, закладывающихся подѣ церковь. Эти случаи представляютъ особый научный интересъ, такъ какъ на нихъ опирается теорія Маурера о германской маркѣ и свободной деревенской общинѣ. Указывая 107 случаевъ закладничества за аббатство Лорхъ въ одномъ только „Hautschesheim“, 8 случаевъ въ „Loosheim“, въ другихъ гемахъ или виллахъ по 40, 35 или 20 случаевъ, онъ заключаетъ, что въ этихъ мѣстахъ было по крайней мѣрѣ по столько же свободныхъ землевладѣльцевъ, которые составляли членовъ первоначальной свободной деревенской общины по германской марковой системѣ. Но дѣйствительно ли были эти свободные, давшіе на себя запись церкви, членами свободной деревенской общины?

Прежде всего вышеупомянутые случаи закладничества относятся къ области, которая нѣсколько столѣтій была римскою провинціей. Романизация пустила здѣсь глубокіе корни, дома строились по римскому образцу. И весьма любопытно, что жертвуемые монастырю участки суть по преимуществу небольшіе виноградники, что и понятно, такъ какъ со времени императора Проба населеніе этой области занималось разведеніемъ винограда. Эти виноградники состоятъ изъ маленькихъ бороздъ или полосъ (scamelli, scampi), указываемыхъ римскими землемѣрами. Что кажется на первый взглядъ столь похожимъ на свободную германскую деревенскую общину, было нѣкогда маленькою римскою деревней (vicus), густо населенною, съ виноградниками на окружающихъ ее холмахъ. Это были германскіе поселенцы или свободные колонны на казенныхъ земляхъ, тнувшіе по податямъ и администраціи къ виллѣ мѣстнаго чиновника, которая въ то время

сдѣлалась уже во всѣхъ отношеніяхъ сениоріей. Это подтверждается слѣдующимъ: Въ болѣе ранней дарственной грамотѣ монастырю отъ 763 года находимъ такое описаніе виллы Гагенгейма, которое не оставляетъ сомнѣнія въ его сениоріальномъ характерѣ. Населеніе этой виллы составляютъ *III, liberti, coliberti* и *mancipii*; она состоитъ въ своей совокупности изъ *terris, domibus, aedificiis, campis, pratis, vineis, silvis, aquis...* Подобные геймы романо-германскихъ областей были въ одно и то же время манорами и марками, какъ видно изъ дарственной грамоты Карла Великаго монастырю Лаурестгамскому, которой пожертвована *villa Perphenheim — cum omnibus terminis et marchis suis*. Далѣе замѣчено, что „*marchae sive terminus silvae*“ идутъ также, какъ это было *sub' ducibus et regibus ex tempore antiquo*. Изъ этого ясно, что вилла Гефенгеймъ составляла маноръ, который былъ пожалованъ королемъ въ бенефицию, и, слѣдовательно, составлялъ коронную землю. Слово „марка“ здѣсь употреблено вмѣсто „граница“. Указанныя выше записи на монастырь сдѣланы свободными колонами маноровъ, а не членами свободной деревенской общины, ибо они были въ зависимости отъ виллы и тогда, когда дѣлали свои записи. Это не были *mancipii*, то-есть, рабы, ибо въ грамотахъ упоминается только объ *assolae*: терминъ, соотвѣтствующій свободнымъ колонамъ Баварскаго закона.

Какъ владѣльцы свободныхъ участковъ въ прежнемъ *ager publicus* или въ королевской землѣ, по терминологіи VII и VIII вѣка, они имѣли право закладываться за церковь. *Lex Alamannorum*, составленный послѣ франкскаго завоеванія, очевидно, имѣлъ значеніе въ этихъ областяхъ во время составленія дарственныхъ записей, а этотъ законъ прямо запрещаетъ графамъ дѣлать препатствія свободнымъ, желающимъ заложиться за церковь. Въ одной записи на Санктъ-Галльскій монастырь (отъ 766 года) прямо указано: „какъ мы служили королю и графу, такъ обязываемся служить монастырю за эту землю, получивъ ее въ качествѣ бенефиции отъ монаховъ *per cartulam preoatiam*“, а подъ службой разумѣются оброчныя и барщинныя статьи, тождественныя съ *sordida murega* Феодосіева кодекса и съ барщиной Баварскаго закона.

Такимъ образомъ, участки закладывающихся за церковь лицъ были не аллодіальными жеребьями общей марки, а усадьбами свободныхъ колоновъ, зависящихъ отъ манора. И тѣ многочисленные случаи, на которыхъ Мауреръ основываетъ свою теорію о свободной германской общинѣ, представляютъ собою только дальнѣйшія доказательства того

процесса, который описанъ Сальвианомъ, и который, продолжаясь цѣлыя столѣтія, стремился къ одной и той же цѣли по тремъ направленіямъ: 1) постепенно обращая виллу въ маноръ, то-есть, въ помѣстье севіора съ зависимою деревенскою общиной; 2) постепенно подчиняя всѣ земли сепіоріальной власти и образуя изъ нихъ части сепіоріальныхъ помѣстій: короля, церкви или частныхъ лицъ; 3) болѣе и болѣе выравнивая первоначально два различные класса свободныхъ колоновъ и рабовъ и приближая ихъ къ состоянію средневѣковыхъ сервовъ.

Чтобы воспользоваться выводами, полученными отъ изученія римской системы для разрѣшенія задачъ англійской экономической исторіи, г. Сибомъ переходить къ разсмотрѣнію германской земельной системы (р. 336—367).

Извѣстія Цезаря о германцахъ должны быть относимы по преимуществу къ колѣну свевовъ, съ которыми онъ имѣлъ дѣло. Свевы описываются имъ какъ народъ полукочевой, ежегодно мѣняющій жилища и переходящій съ мѣста на мѣсто со всей семьей и вожитками.

Въ описаніи Тацита прежде всего обращаетъ на себя вниманіе несходство римскихъ и германскихъ обычаевъ. Германцы не живутъ въ городахъ, подобно римлянамъ, а отдѣльными дворами—это при рѣкѣ, кто въ лѣсу, кто на равнинѣ, какъ кому нравится. Но кого имѣеть здѣсь въ виду Тацитъ? Очевидно, свободныхъ членовъ колѣна, или колѣнные усадьбы, а не жителей деревень или деревенскія общины, о которыхъ непосредственно затѣмъ замѣчаетъ: деревни строятъ они не по нашему—сплошными домами по улицѣ, у нихъ кругомъ каждаго двора оставляется открытое пространство. И эту особенность объясняетъ онъ уже не прихотью, какъ въ первомъ случаѣ (*colunt—ut fons, ut satrus, ut nemus placuit*), а или боязнью пожаровъ, или невнаніемъ строительнаго искусства. Съ точки зрѣнія Тацита, тѣ германцы, которые живутъ отдѣльными усадьбами, кому гдѣ вдумается, не должны быть смѣшиваемы съ жителями деревень. Первые были германскіе старшины или свободные члены колѣна, сдѣлавшіеся теперь земельными собственниками, вторые—жители деревень составляли зависимое отъ нихъ населеніе. Это соображеніе оправдывается словами того же Тацита о рабахъ. Рабовъ продаютъ и покупаютъ на базарахъ, иногда и свободные обращаются въ рабство вслѣдствіе войны и превратностей судьбы. Но вообще рабы не включаются въ усадьбу свободныхъ членовъ колѣна и не употребляются на домашнія работы: каждая семья раба имѣеть свой дворъ, свой хлѣбъ и

скотъ. Господинъ (dominus) требуетъ отъ раба известной подати зерномъ, скотомъ или одеждой, подобно тому какъ такая подать идетъ съ колона. Жена и дѣти свободнаго члена трибы исполняютъ домашнія дѣла, а не рабы, какъ въ римскихъ хозяйствахъ. Ясно, что vicus или деревня, зависящая отъ господина, была обитаема рабами, которыхъ положеніе соответствуетъ римскому колонату.

Если допустить осѣдность колѣна и предположить, что населенная рабами деревня имѣетъ своего господина въ отдѣльномъ членѣ колѣна, то практически германская усадьба становится гермомъ или маноромъ съ зависимою отъ него деревней. Ибо, дѣйствительно, такая усадьба составляла частную собственность члена трибы, какъ показываютъ слова Тацита (Germania, с. 20): свободному наследуютъ его дѣти даже безъ завѣщанія, за отсутствіемъ дѣтей наследуютъ братья, дядья по отцу или по матери. Но точно таковъ же порядокъ наследства фамиліальной земли въ Уэльсѣ и въ Ирландіи.

Знаменитое мѣсто въ Германіи Тацита (с. 16), гдѣ описываются система и распорядки германскихъ поселеній, г. Сибомъ толкуетъ слѣдующимъ образомъ: Если считать вмѣстѣ съ нѣкоторыми германскими критиками болѣе вѣрнымъ чтеніемъ „ab universis vicis“, то-есть, всѣми деревнями вмѣстѣ или всею общиною въ деревняхъ, то все-таки должно при этомъ оставаться сомнительнымъ — понимать ли подъ „vicus“ деревню, или скорѣе нѣчто подобное уэльскому „treu“, обозначающему группу разбросанныхъ дворовъ или хозяйствъ, составляющихъ часть другой большей группы (sumwd). У самого Тацита, по видимому, именно въ такомъ смыслѣ употреблено слово vicus въ 12-й главѣ „Германія“: principes—qui iura per pagos vicosque reddunt, гдѣ vicus есть подчиненное pagus понятіе. Если же правильнымъ чтеніемъ считать „ab universis in (или per) vices (или in vicem“), то мысль будетъ та, что новыя пространства земли записываются колѣнскою общиною одно послѣ другаго, по мѣрѣ передвиженія ея или порожденія новыхъ членовъ. Но ни при томъ, ни при другомъ чтеніи нельзя допустить, чтобы Тацитъ разумѣлъ здѣсь ежегодное передвиженіе трибы съ одного мѣста на другое, ибо такую мысль исключаютъ ближайшія затѣмъ слова: „agva per annos mutant et supergest ager“. Эти слова означаютъ только, что германцы мѣняютъ ежегодно свои пашни, то-есть, каждый годъ пахали свѣжія части поля или залежи, и что при этомъ всегда оставалось въ изобиліи не вспаханной земли. Это именно такой порядокъ

хозяйства, о которомъ упоминають уэльскія триады въ терминѣ „separation of the waste“.

Германцы имѣли уже зачатки маноріальной системы въ ранней стадіи колѣннаго устройства. Германская экономическая система, независимо отъ римскихъ вліяній, стремилась къ развитію сеніоріальныхъ отношеній. Такимъ образомъ, въ произведеніи послѣдующей феодальной системы одинаково участвовали, какъ римляне, такъ и германцы.

Въ нѣкоторомъ противорѣчій съ этимъ выводомъ стоитъ, по видимому, масса извѣстныхъ именъ, оканчивающихся на *ing* или *ingas*, въ которыхъ часто видятъ указаніе на германское кланное устройство. Писатели, приймающіе теорію Маурера, ссылаются на мѣстныхъ именъ съ этими суффиксами въ доказательство существованія свободной деревенской общины, какъ вида поселеній, противоположнаго сеніоріальному типу.

Чтобы понять значеніе мѣстныхъ именъ съ окончаніями на *ing* и *ingas*, нужно предварительно дать себѣ отчетъ въ томъ, какихъ германцевъ зналъ Тацитъ и съ какихъ писалъ онъ свою характеристику. Онъ зналъ, конечно, тѣхъ, которые жили въ границахъ имперіи: германцевъ на Рейнѣ, въ Десятинномъ краѣ и въ бельгійской Галліи; затѣмъ тѣхъ, которые жили внѣ предѣловъ имперіи, на примѣръ, колѣна по Везеру и Эльбѣ; далѣе, разныя свевскія колѣна: *Angli, Varini, Marcomanni, Nertunduri*. Со всѣми этими колѣнами римляне имѣли сношенія, дружественныя или враждебныя. Но позади нихъ были другія, мало извѣстныя на сѣверѣ и востокѣ. Всего вѣроятнѣе думать, что Тацитъ описываетъ свеловъ, жившихъ позади *limes* и именно около Десятиннаго края, оставивъ въ сторонѣ, какъ тѣхъ, которые жили въ предѣлахъ имперіи и подверглись уже романизации, такъ и отдаленныхъ сѣверныхъ и восточныхъ германцевъ, жившихъ еще въ полукочевомъ быту.

Куда же относятся поселенія, представляемая мѣстными именами съ предполагаемыми патронимическими суффиксами? Отвѣтъ на этотъ вопросъ получается въ изученіи уэльской и ирландской колѣнной системы. Переходъ личныхъ именъ на мѣстность предполагаетъ прежде всего осѣдность на одномъ мѣстѣ и отсутствіе передѣловъ усадебъ между членами колѣна. Пока этого не произошло, то-есть, пока отдѣльныя семьи или роды не поселялись на продолжительное время въ одной мѣстности, мѣстныя имена должны были различаться по мѣсту, рѣкѣ, положенію и т. п. Въ Уэльсѣ колѣнная усадьба состояла

изъ соединенныхъ участковъ наслѣдниковъ одного общаго предка, эти участки передѣлялись ради равенства между братьями, двоюродными братьями и т. д., при чемъ младшій сынъ всегда получалъ отцовскій дворъ. Такие дворы назывались именемъ общаго предка и занимаемы были его наслѣдниками. Такимъ образомъ, отличительными признаками колѣннаго устройства мы должны признать соединенную усадьбу въ періодъ двухъ или трехъ генерацій, потому дѣленіе ея между наслѣдниками мужскаго пола, при чемъ самый младшій получаетъ въ наслѣдство прадедовскій дворъ. Право младшаго получило въ Уэльсѣ такое широкое приложеніе, что дѣйствіе его замѣчается на зависимой землѣ, среди зависимаго населенія (among the tleods). Въ юго-восточной Англіи право младшаго (the custom of Gavelkind) сохранилось по настоящее время, въ другихъ частяхъ Англіи, въ Европѣ и въ Азій оно удержалось частью въ Jungsten-Recht ¹⁾.

Мѣста, гдѣ сохранились слѣды этого права, имѣютъ интересъ въ вопросѣ о патронимическихъ мѣстныхъ именахъ. Эти имена распространены по весьма широкому пространству. Англійскій суффиксъ *ing* и во множественномъ *ingas* соответствуетъ германскому *ing* или *ung*, во множественномъ *ingas*, *ingen*, *ungen*, *ungun*, французскому *ign* или *igny*, швейцарскому *ikon*, славянскому *iel*, *itz* или *witz*.

Англо-саксонскіи окончанія на *ing* и *ingas*, если не всегда, то въ громадномъ числѣ случаевъ имѣютъ патронимическое значеніе. Таковы *Baldingas*, *Olscings* отъ *Baldo*, *Olsc*. Славянскія мѣстныя имена съ окончаніемъ на *ичи* или *овичи* указываютъ на древнѣйшую форму поселеній нераздѣльной семейно-родовой общины, живущей нѣсколько генерацій на одномъ мѣстѣ и владѣющей дѣдиной безъ раздѣла. Эти примѣры подтверждаютъ связь патронимическихъ окончаній съ усадьбами, находящимися въ общемъ владѣніи по праву происхожденія отъ перваго владѣльца.

Географическое распредѣленіе мѣстныхъ именъ съ патронимическими окончаніями вполне соответствуетъ распредѣленію „гамовъ и геймовъ“. Далѣе, имена на *ing* совпадаютъ съ областями, гдѣ оа-

¹⁾ Детали по изслѣдованію этого вопроса заимствуются изъ книги Илтона: *Elton, Origins of english History*, p. 188—9, и *Arnolda, Ansiedelungen und Wanderungen deutscher Stämme*, S. 156. Кроме Англіи, право младшаго дѣйствуетъ въ сѣверо-восточной Франціи, Брабантѣ, Фрисландіи, Вестсалии, Силезіи, Виртембергѣ.

зываются слѣды права младшаго (р. 855—857). Отсюда можно приходиться къ слѣдующимъ важнымъ заключеніямъ: 1) переходъ личныхъ именъ на нѣкоторыя мѣстности предполагаетъ осѣдлыя поселенія въ этой мѣстности, превращеніе кочевыхъ обычаевъ и даже частаго передвиженія жилищъ между членами колѣна; 2) особенно частое повтореніе патронимическихъ мѣстныхъ именъ внутри границъ имперіи и близъ границъ указываетъ на то, что отъ Рима шли вѣдшія вліянія, которыя распространяли предпочтеніе къ осѣдлой жизни; 3) придаютъ въ нѣкоторыхъ областяхъ суффикса *ham* къ патронимическимъ мѣстнымъ именамъ указываетъ на возможность такого явленія, что *villa*, или *gam*, или маноръ, съ зависимымъ отъ него населеніемъ, могъ быть владѣніемъ колѣна, которое находилось 'подъ властью сениора; 4) наконецъ, патронимическія имена въ Турингіи, въ Реднѣ и въ Десятинномъ краѣ должны быть приписаны свевскимъ колѣнамъ, вошедшимъ впоследствии въ большую племенную группу аламанновъ.

Отдѣльныя группы именъ на *ing* на западъ отъ Рейна соотвѣтствуютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ областямъ, въ которыя поселены были германскія колѣна послѣ аламаннскихъ войнъ Проба, Максимиана и Констанція Хлора. Эти колоніи литовъ основывались, какъ извѣстно, въ долину Мозеля, но здѣсь же и по настоящее время сохранилось множество мѣстныхъ именъ съ окончаніемъ на *ing*. Такія же колоніи выведены были около Труа и Лангра, гдѣ опять-таки встрѣчаемъ массу патронимическихъ именъ. Наконецъ, что въ особенности важно въ нашемъ вопросѣ, множество колоній изъ колѣнъ аламаннской группы выведено было римлянами въ Британіи. Такимъ образомъ возникаетъ предположеніе: не обязаны ли англійскія мѣстныя имена на *ing* этимъ германскимъ поселенцамъ?

Широкое распространеніе патронимическихъ мѣстныхъ именъ и совпаденіе ихъ съ областью именъ съ окончаніемъ на „геймъ“ позволяетъ заключать, что мѣстныя имена на *ing* и *heim* далеко не обозначаютъ равнины въ быту колѣнъ, давшихъ мѣстностямъ эти имена. Какое бы германское колѣно и въ какое бы время не вступило въ римскую провинцію, во всякомъ случаѣ, овладѣвъ существующею виллой или усвоивъ типъ римской виллы для своего поселенія, оно должно было назвать ее именемъ съ окончаніемъ на „weiler“ или „heim“. И точно также, какое бы колѣно и въ какое бы время, по собственному ли желанію или по принужденію, не осѣлось въ формѣ семейной общины члена трибы, у котораго могло быть или не быть зависимое населеніе, колѣно должно пройти состояніе, въ которомъ

натурально даетъ свое собственное имя поселенію съ патронимическимъ окончаніемъ на *ing*.

Поражающее обстоятельство въ этихъ патронимическихъ именахъ — ихъ тождественность. Еслибы принять довольно распространенное мнѣніе, что это — кланныя имена, то пришлось бы думать, что Англія и континентъ населены были вѣтвями тѣхъ же самыхъ клановъ. Сходство между мѣстными патронимическими именами Англіи и Фривіи, Англіи, Виртемберга и долины Мозеля, конечно, указываетъ только на сходство именъ въ каждомъ колѣнѣ, а не на принадлежность къ одному клану. Эти мнимыя патронимическія имена концентрируются по нѣкоторымъ опредѣленнымъ областямъ, по преимуществу въ предѣлахъ имперіи; коренныя слова, къ которымъ приложенъ личный суффиксъ, по большей части тождественны. Первое указываетъ на поселенія въ видѣ колѣнныхъ усадебъ, второе — на однородность германскихъ колѣнъ, разные колонисты которыхъ основывали поселенія, имѣющія въ Англіи и на континентѣ общій суффиксъ съ именнымъ корнемъ.

Вообще г. Сибомъ заканчиваетъ эту главу такъ: Колѣнные усадьбы въ самомъ началѣ представляютъ собою маноръ въ зачаточномъ состояніи. Это могли быть именно такія поселенія, которыя описаны Тацитомъ, и старшина которыхъ пользуется нераздѣльнымъ наследственнымъ опонатеlemъ поселенія. По фактически такія поселенія сдѣлались сеніоріями ранѣе появленія первыхъ документовъ. Такъ, напримеръ, вилла, принадлежащая Санктъ-Бертинскому монастырю и имѣющая суффиксъ „*ingahem*“, была сеніоріей во время переписи VII вѣка, да и ранѣе, вѣроятно, не была ничѣмъ инымъ. И въ именахъ съ мнимыми патронимическими суффиксами мы не нашли ничего, что стояло бы въ противорѣчій съ общимъ заключеніемъ о маноріальномъ характерѣ римскойвиллы и о маноріальныхъ тенденціяхъ въ германской колѣнной системѣ. Если поселенія съ именами на *ing* были колоніями латовъ или другихъ эмигрантовъ, принявшими форму трибальной усадьбы, то и они преобразовались въ маноры вскорѣ послѣ германскаго завоеванія. Возможно, что на короткое время, въ особенности при отсутствіи крѣпостнаго населенія и рабовъ, такія колѣнные усадьбы могли развиваться въ свободную деревенскую общину, но никакъ нельзя заключать изъ существованія патронимическихъ мѣстныхъ именъ, что вообще германская эмиграція приняла форму свободной деревенской общины.

Въ слѣдующей, десятой, главѣ рассматривается связь между систе-

мой открытыхъ полей и крѣпостнымъ состояніемъ въ Англіи и въ римскихъ провинціяхъ Германіи и Галліи.

Самыя раннія документальныя свидѣтельства убѣждаютъ въ существованіи на англійской почвѣ саксонскаго манора съ зависимою отъ него крестьянскою общиной. Рядомъ съ маноріальною формою открытыхъ полей встрѣчаемъ и простѣйшій видъ хозяйства у свободныхъ членовъ колѣнъ Уэльса. Эта простѣйшая форма, описанная въ законахъ и въ триадахъ, въ главныхъ чертахъ сходна съ тою, которая отмѣчена въ „Германіи“ Тацита. Въ обѣихъ формахъ пахатная земля раздѣляется на борозды и полосы (*furlongs and stirps*), тамъ и здѣсь практиковалась артельная пашня со складчиной быковъ для общаго плуга и съ раздѣленіемъ полосъ между хозяевами быковъ, что обуславливало черезполосность въ той и другой системѣ. Разница между ними объясняется лишь различными стадіями экономического роста. Простая форма свойственна раннему кочевому періоду колѣнной жизни и является иногда въ качествѣ переживаній и при осѣдомомъ состояніи, если есть достатокъ земли, позволяющій каждый годъ поднимать плугомъ новъ. Болѣе сложная форма обуславливается осѣдлостью на одномъ мѣстѣ, необходимостью прилагать земледѣльческій трудъ къ ограниченной извѣстными предѣлами площади и, слѣдовательно, необходимою пахать ту же землю. Трехполосная система есть приѣмленіе ранняго открыто-полеваго хозяйства къ трехплодовой системѣ.

Но далѣе въ англійской трехполосной системѣ оказывается еще особенность, это—надѣльная или тягловая земля (*yard-land*). Надѣль, который не могъ быть дѣлимъ между наследниками, и съ которымъ не соединялось право наследства, есть участокъ не свободнаго члена колѣна, а зависимаго, получавшаго вмѣстѣ съ земельнымъ надѣломъ рабочій скотъ. Сложная и организованная система развилась изъ простѣйшей при двухъ условіяхъ—осѣдлости и зависимости (*settlement and serfdom*).

На континентѣ наблюдаются также различныя формы системы открытыхъ полей (*Seebohm*, p. 371—373). Исслѣдованія нѣмецкихъ ученыхъ Ганссена, Ландау и Мейцена приводятъ къ заключенію, что трехполосная система съ ея губами (*huber*) особенно распространена на югъ отъ Липпе и Тевтобургскаго лѣса, то-есть, въ областяхъ, занимаемыхъ свевскими колѣнами, какъ вокругъ римскихъ границъ, такъ и въ самой имперіи.

Весьма спеціальныя характеръ этой главы, обнаруживающей де-

тальныя сходства между англійскою и южно-германскою системою открытыя поля, побуждает насъ оставить многія подробности, ограничиваясь указаніемъ на болѣе извѣстные термины сельскаго хозяйства. Таково прекрасное объясненіе происхожденія и значенія термина *акровая кайма* или *полоса* (*acre strip*).

Акровая полоса есть участокъ земли, который требуетъ одного дня пашни. Отсюда германское *Morgen* или *Tagwerk*, *Tagwan* и *Tagwen* (въ альпійскихъ странахъ), французское *journalis* и *diurnalis*, Варроново *jugerum, quod juncti boves uno die exagare possint*. Раздѣленіе пахатной земли на „длинны“¹⁾ было, такимъ образомъ, очень древнимъ и не предполагаетъ связи съ трехпольною системою. Что касается до формы участковъ, на пашню которыхъ требуется одинъ день, она весьма различна. Римскій *actus* или длина римской борозды состояла изъ 120 стоупъ или изъ 12-ти-десятистоупныхъ коловъ, квадратный актъ заключалъ въ себѣ 120 квадратныхъ стоупъ. Въ югеръ входило два квадратныхъ акта, то-есть, въ длину онъ былъ въ 120 стоупъ, въ ширину вдвое больше. Длина англійскаго акра въ десять разъ больше его ширины. Точное измѣреніе его дано въ писцовой книгѣ IX вѣка: 40 коловъ въ длину и 4 въ ширину. *Andescena* или мѣра пашни въ день, описанная въ баварскомъ законѣ VII вѣка, имѣетъ тѣ же размѣры²⁾. Любопытно, что древнѣйшіе случаи употребленія мѣры акра соединяются съ урочнымъ днемъ работы зависимыхъ крестьянъ. Есть возможность объяснить причину различія между римскимъ *actus* и *jugerum* съ одной стороны, и баварскимъ и англійскимъ акромъ — съ другой.

Египетская агуга имѣла 120 квадратныхъ локтей, греческій плетръ — 10 коловъ или 100 квадратныхъ стоупъ, римскій *actus* — 12 коловъ или 120 квадратныхъ стоупъ. Римскій югеръ состоялъ изъ двухъ *actus*, лежащихъ одинъ возлѣ другаго, и составлялъ участокъ рабочаго дня. Во всѣхъ этихъ случаяхъ подразумевается армо изъ двухъ воловъ, а длина акра есть длина борозды, которую безъ утомленія могутъ сдѣлать плугомъ два вола. Такимъ образомъ причина большей длины баварскаго и англійскаго акра стоитъ въ связи съ болѣе сильною запряжкой въ плугъ. Если баварскій плугъ, подобно англійскому, со-

¹⁾ Терминъ славянскихъ земельныхъ актовъ, соответствующій *morgen* и *тагверку*.

²⁾ Авторъ (р. 386) объясняетъ слово *andescena*: *one stirp set apart in ten for the tithes*, то-есть, одна полоса изъ десяти отдѣленная для десятины.

стоялъ изъ 8 воловъ, то весьма натурально, что съ силой вчетверо большею и борозда можетъ быть вытянута вчетверо больше обыкновенной; вотъ почему греческая и римская борозда въ 10 или 12 коловъ измѣняется за Альпами въ борозду въ 40 коловъ.

Отъ полосъ переходимъ къ участкамъ. Типическій участокъ англійскаго зависимаго крестьянина (of a serf) былъ надѣлъ въ 30 акровъ, по десяти въ трехъ поляхъ; въ земельному надѣлу присоединяемы были два вола, — то и другое переходило отъ одного поколѣнія къ другому, какъ надѣлимое цѣлос. Германское слово для надѣла есть „hof“ или „hub“, древнѣйшая форма huoba, huba, nova. „Hof“ есть участокъ, имѣющій отношеніе къ квадрату или ярму изъ 4 коловъ, онъ облагался 60 ассами; „hub“ точно также имѣетъ отношеніе къ бигѣ или ярму изъ 2 коловъ и облагался 30 ассами (у Дюканжа, подъ словомъ „Huba“). Если подать была въ одинъ ассъ на акръ, то въ гофѣ нужно полагать 60, а въ губѣ 30 акровъ. Губа въ 30 моргеновъ есть типическій участокъ зависимаго крестьянина, какъ можно заключать изъ древнѣйшихъ писцовыхъ книгъ германскихъ. Но наблюденіямъ Ландау и Мейцена, двойныя и простые гуфы или губы распространены особенно въ тѣхъ областяхъ, которыя входили въ составъ римскихъ провинцій, что ведетъ къ заключенію о связи ихъ съ двойнымъ и простымъ ярмомъ воловъ, какимъ надѣляемы были римскіе ветераны, при чемъ двойное ярмо соответствовало земельному надѣлу въ 50, простое надѣлу въ 25 югеровъ.

Разбросанность полосъ, составляющихъ англійскій yard-land и нѣмецкую губу, не можетъ считаться особенностью англійской или нѣмецкой системы земельного хозяйства. Въ Уэльсѣ череполосность возникла изъ обычая артельной пашни и была результатомъ дѣлежя продуктовъ. Ею обезпечивается правильность раздѣленія общинной земли и по настоящее время въ Шотландіи, Ирландіи и Палестинѣ. Сиккуль Флаккъ свидѣтельствуетъ о череполосности въ Римѣ, происходившей также, вѣроятно, отъ артельной пашни. Такимъ образомъ, земельный участокъ, состоящій изъ малыхъ полосъ, разбросанныхъ по полямъ, былъ самымъ обыкновеннымъ и распространеннымъ видомъ и не составляетъ особенности какого-либо народа. Отсутствие права наследства въ губѣ и ярландѣ и недѣлимость находятъ себѣ вѣроятную аналогію въ индивидуальномъ наследованіи зависимыхъ участковъ или въ узуфруктуаріи римскаго права.

Типическій участокъ свободнаго землевладѣльца имѣетъ отношеніе въ Англій къ плуговой запряжкѣ изъ 8 коловъ. Саксонское слово гяда,

соотвѣтствующее у Беды выраженію фамилія, въ латинизированной формѣ появляется въ терминѣ „saxatum“. Гда есть участокъ семи, это слово переводится „плуговая земля“ или „каруката“. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Англіи вмѣсто гиды употребляются выраженія: *solius*, *sullungs* или *swullungs*, и всѣ эти выраженія указываютъ на плугъ (*suhl*). Свободный саксонскій танъ могъ имѣть одну или нѣсколько гидъ, точно также какъ римскій землевладѣлецъ могъ имѣть въ своей виллѣ нѣсколько центурій. Гда была двойная или простая и содержала въ себѣ 8 или 5 обыкновенныхъ надѣла (*yard-land*), точно также какъ центурія раснадалась на 8 нормальныхъ участковъ. Та и другая принята была за единицу при обложеніи податями. Хотя въ римской имперіи дѣйствительною единицей обложенія былъ *jugum*, но это лишь подтверждаетъ связь терминовъ. Римское *jugum* или армо вѣз двухъ воловъ составляло полный плугъ, англійская гйда составляла также полный участокъ, потому что здѣсь для пашни требовался плугъ въ 8 воловъ. Меньшій участокъ (ардландъ) составлялъ здѣсь не полное хозяйство, которое нельзя было вести безъ артельной пашни. Такимъ образомъ, полный плугъ въ дѣйствительности былъ единицей обложенія въ томъ и другомъ случаѣ, и англійская система обложенія по гздамъ вполне соотвѣтствуетъ римской системѣ обложенія по югамъ.

Зависимые крестьяне, державшіе ардланды и губы, имѣли одинаковое положеніе въ Англіи и Германіи. Тамъ и здѣсь они обязаны были платять подать и исполнять разнаго рода работы на господина. По отношенію къ своему сеніору они были крѣпостные крестьяне (*serfs*), по отношенію къ рабамъ — свободные, близко подходя въ этомъ отношеніи къ колонатамъ на римскихъ виллахъ частныхъ владѣльцевъ. Во франкскихъ маворахъ было два класса полузависимаго населенія: *mansî ingenules* — свободные отъ барщины, *mansî vergiles* — обязанные отбывать недѣльную барщину. Съ теченіемъ времени изъятіе отъ барщины уячтожается, такъ что оба класса совпали въ состояніи средневѣковаго крѣпостнаго населенія.

Въ XI главѣ (р. 412—441) дѣлаются общіе выводы изъ всего изслѣдованія. Изъ этой главы мы остановимся на одномъ отдѣлѣ, трактующемъ о мѣстныхъ доказательствахъ преемственности между римскою и англійскою деревнями.

Нѣкоторыми писателями высказывалось мнѣніе, будто англо-саксы, при завоеваніи римской Британіи, почти истребили въ ней старое населеніе, уничтожили города и деревни и расположились на жительство

во вновь избранныхъ нежилыхъ мѣстахъ. Такое мнѣніе ведетъ и къ тому заключенію, что саксы забросили и захатныя поля вокругъ старыхъ деревень, образовавъ новыя открытыя поля кругомъ своихъ новыхъ поселеній. Ссылаются при этомъ на свидѣтельство Амміана Марцеллина (XVI, 2) о томъ, какъ аламанны, овладѣвъ Страсбургомъ, Шпейеромъ, Ворисомъ и Майнцемъ, расположились лагеремъ за стѣнами этихъ городовъ, боясь входить въ нихъ, „какъ будто это были окруженныя капканами могилы“. Но такъ было во время войны, и это мѣсто не говоритъ о томъ, что дѣлали варвары, поселившись въ странѣ. Фримэнъ указываетъ на Андерху съ двумя саксонскими деревнями, основанными за старыми римскими стѣнами этого города, а не внутри ихъ. Но весьма легко понять, что несравненно легче строить новые дома за воротами разрушеннаго города, чѣмъ расчищать развалины и строиться на старыхъ мѣстахъ. Ничего не доказываетъ также и то наблюденіе, что улицы прежнихъ римскихъ городовъ въ саксонскую эпоху принимали другое направленіе. Это доказываетъ развѣ только то, что вмѣсто удаленія каменныхъ массъ и развалинъ, саксы собирали для своихъ построекъ свободныя мѣста повади ихъ. Но для насъ менѣе важнымъ укрѣпленію города. Для насъ важнѣе британскія деревни съ окружающими ихъ открытыми полями.

Съ цѣлью раскрыть исторію отдѣльныхъ деревенскихъ поселковъ, авторъ останавливается на судьбахъ мѣстечка Isknild, находившагося на старой британской дорогѣ между Уилтмиромъ и Норфолькомъ въ Гертфордширѣ (центральный городъ Гичингъ). Округъ входилъ въ Бельгійскую Британію и находился, по свидѣтельству Цезаря, подъ властью короля галловъ-бельговъ. Послѣ похода Цезаря въ Британію здѣсь господствовали Тасювалуис (столица въ Веруламѣ) и сынъ его Сипобелле (столица Кольчестеръ), что доказывается монетами съ именами названныхъ королей. Мѣстность по Isknild way прорѣзана дорогами по всѣмъ направленіямъ, связывавшими различныя области бельгійской державы, почти каждое возвышеніе носятъ слѣды старыхъ укрѣпленій, многочисленныя холмы свидѣлствуютъ о происходившихъ здѣсь битвахъ. Подъ римскую власть этотъ округъ перешелъ около 43 года, послѣ походовъ Авла Плавція и Клавдія. Въ одномъ холмѣ близъ Литлингтона найдено нѣсколько скелетовъ и монетъ Клавдія, откуда можно заключить, что здѣсь происходили битвы между римлянами и бриттами. Время англо-саксонскаго завоеванія положительно можно опредѣлить 571 годомъ, когда Саксонскій ко-

роль Cuthwulf послѣ сраженія при Белфордѣ овладѣлъ Bedfordширомъ, Буккингамширомъ и Оксфордширомъ. Такимъ образомъ, занимающій нынѣ округъ почти 400 лѣтъ оставался подъ римскимъ господствомъ.

Теперь является вопросъ: по мѣстонахожденію сдѣланныхъ доселѣ раскопокъ и по положенію римскихъ могилъ нельзя ли судить о преемственности мѣстонахожденія деревень британской, римской и саксонской эпохи? Возьмемъ сначала самый городъ Гитчинъ. Въ Domesday Survey онъ извѣстенъ подъ именемъ „Niz“—слово кельтское, означающее рѣку, которая протекаетъ городомъ и сама носитъ имя „Niz“. Легко понять, что это имя не могли дать городу ни римляне, ни саксы. На вершинѣ одного холма къ востоку отъ города недавно открыто кладбище бриттовъ; на противоположной сторонѣ города и также на холмѣ нѣсколько лѣтъ назадъ раскопано римское кладбище, гдѣ найдено множество погребальныхъ урнъ, сосудовъ и монетъ Севера, Каравоіа, Константина и Алекта. Въ этихъ кладбищахъ нельзя не видѣть доказательства, что Гитчинъ былъ британскимъ и римскимъ, прежде чѣмъ сталъ саксонскимъ городомъ.

Преемственность поселеній на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ можно прослѣдить не только въ большихъ центрахъ, но и въ малыхъ, какъ деревни, и въ особенности церковные приходы. Ближайшій къ Гитчину приходъ есть Much Wymondley. Особенный интересъ эта деревня представляетъ въ томъ отношеніи, что въ ней до 1803 года сохранялась система открытыхъ полей съ малыми полосами и межами, разбросанными по всему общинному полю. Вблизи церкви здѣсь открыты слѣды небольшой римской усадьбы размѣрами около 25 югеровъ или въ $\frac{1}{8}$ часть римской центуріи (р. 432 планъ усадьбы вестерапа). Замѣчательнымъ примѣромъ преемственности служатъ также Литлингтонъ. Церковь и сепіоріальная усадьба лежитъ на западной сторонѣ деревни; въ прилегающихъ поляхъ и садахъ открыты стѣны и мостовая римской виллы; въ близкомъ разстояніи раскопано римское кладбище съ монетами императоровъ. Эти и другіе примѣры показываютъ, что саксы по завоеваніи Британіи нашли здѣсь правильноустроенныя земледѣльческія поселенія. Занявъ мѣста прежнихъ владѣльцевъ виллъ и, слѣдовательно, прежнія населенныя мѣста, они продолжали обрабатывать окружающія открытыя поля при помощи мѣстнаго населенія и по системѣ, усовершенствованной въ періодъ римскаго господства.

Масса археологическихъ данныхъ, открытыхъ по большей части часть ссыл., отд. 2.

около церквей въ вышнихъ деревняхъ ¹⁾, приводятъ къ заключенію, что вышнія англійскія деревни очень часто находятся на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были римскія, а можетъ быть, и до-римскія поселенія, и что если англо-саксы избѣгали городовъ римской Британіи, то во всякомъ случаѣ не питали отвращенія къ вилламъ и земледѣльческимъ поселкамъ.

II.

Мы изложили довольно подробно выводы г. Сибоба, придерживаясь его же собственной системы и не прибавляя ничего къ его послѣдкамъ и заключеніямъ. И самъ по себѣ этотъ трудъ англійскаго ученаго есть замѣчательное явленіе по ширинѣ взглядовъ, по строгой послѣдовательности и ясности въ изложеніи весьма запутанныхъ вопросовъ, по новостямъ и оригинальности сюжета, наконецъ, по выводамъ, имѣющимъ живой интересъ современности. Эти общія качества труда, конечно, не могли быть выставлены иначе, какъ путемъ подробнаго изложенія содержанія самой книги, за значительною частію которой нужно признать важное общенсторическое значеніе.

Но, затѣмъ, какъ трудъ, основанный на матеріалахъ, частію составляющихъ общее достояніе людей науки, сочиненіе г. Сибоба въ цѣломъ своемъ составѣ не есть результатъ его личныхъ и самостоятельныхъ изученій.

Во многихъ подробностяхъ, даже въ обработкѣ далеко не второстепенныхъ вопросовъ онъ долженъ былъ воспользоваться тѣмъ, что сдѣлано до него другими въ той же области, долженъ былъ считаться съ научными изслѣдованіями и теоріями, словомъ, съ литературой вопроса. И въ этомъ отношеніи выставленная имъ система можетъ стать предметомъ научной критики. Вопросъ о „деревенскихъ общинахъ“ поставленъ въ наукѣ не имъ, и широкій сравнительно-историческій методъ примѣненъ къ исторіи учреждений уже многими англійскими и континентальными учеными. Заимствованы ли новыми народами средневѣковыя формы быта и учреждений прямо отъ Рима, или онѣ составляютъ необходимое развитіе исконныхъ германскихъ или кельтскихъ учреждений, или же должны лучше объясняться взаимодействіемъ римскихъ и германскихъ началъ, — все это очень не новая научная теорія, весьма опредѣленно выраженная представителями

¹⁾ *Roach Smith*, *Collectanea*; его же статья въ *Archaeologia*, томъ 29, p. 217.

нѣмецкой и французской исторической и юридической школы. Въ самое послѣднее время крайнія теоріи обнаруживаютъ склонности пожертвовать крайними выводами и принять средній терминъ соглашенія въ признаніи образовательной и виждительной силы за романизмомъ. Съ этой точки зрѣнія не предвидится никакой необходимости ни историкѣ уступать свое мѣсто на научномъ поприщѣ юристу, ни политико-экономисту претендовать на специальное призваніе разрѣшить трудные археологическіе и историко-юридическіе вопросы. По отношенію къ научному движенію новаго времени, въ особенности по обработкѣ германскихъ древностей, и по выясненію древняго періода французской и нѣмецкой исторіи, крупнѣйшія изслѣдованія и важнѣйшія завоеванія дѣйствительно должны быть приписаны археологамъ-юристамъ. Теперь, конечно, нельзя трактовать о первыхъ періодахъ германской, англійской и французской исторіи, не познакомившись съ трудами Вайца, Рота, Сома, Цѣффля, Дана, Арнольда, Фюстель де-Куланжа, Глассона и многихъ другихъ. Но и опять-таки перемѣщеніе центра тяжести исторіи отъ военныхъ дѣлъ и политическихъ событій на внутреннее развитіе народа, указаніе важности изученія политико-экономической исторіи и той роли, какую народное хозяйство играетъ во всей соціальной жизни, отмѣчено въ исторической наукѣ ранѣе появленія труда г. Сибома. Слѣдовательно, и специальная политико-экономическая теорія въ исторіи можетъ стать предметомъ научной критики.

Многое изъ трудѣ г. Сибома составляетъ цѣнный вкладъ и можетъ быть принято и усвоено учеными разныхъ специальностей и разныхъ направленій. Таковы первыя пять главъ, которыя построены почти исключительно на основаніи англійскихъ матеріаловъ, притомъ не рѣдко рукописныхъ и впервые пускаемыхъ въ научный оборотъ. Шестая и седьмая глава (р. 181—251), трактующая о формахъ родового или колѣннаго устройства въ Уэльсѣ, въ Ирландіи и Шотландіи, хотя также основанная на источникахъ мѣстнаго происхожденія, имѣютъ уже тенденцію распространить полученные выводы на континентальную исторію, то-есть, предполагаютъ внутреннюю связь съ девятою главой (р. 336—367), гдѣ идетъ рѣчь о древне-германскомъ устройствѣ, и гдѣ сближаются извѣстія Цезаря и Тацита съ законами Уэльса и Ирландіи. На этихъ трехъ главахъ, составляющихъ средній терминъ въ построеніи г. Сибома, мы и предполагаемъ сосредоточить свое вниманіе. Громадныхъ размѣровъ восьмая глава (р. 252—335), въ которой разбираются доказательства связи между римскою виллой и

германскими геллами и гамами, имѣеть себѣ дополненіе въ десятой главѣ, обнаруживающей детальныя сходства между англійскою и южно-германскою земельною системою. Обѣ главы имѣють безспорно важныя достоинства, особенно послѣдняя отличается поностью и оригинальностью объясненія земельных терминовъ и долго будетъ составлять необходимое пособіе для занимающихся средневѣковымъ землевлѣдѣніемъ. Противопоставляя одни главы другимъ, мы хотимъ только показать, что, по нашему мнѣнію, должно считаться болѣе прочно установленнымъ въ трудѣ г. Сябома, и что можетъ подвергнуться спорамъ и новой переработкѣ. Шестая, седьмая и девятая главы могутъ и теперь возбуждать сомнѣнія и споры; можетъ быть, нѣкоторыя измѣненія должны коснуться и десятой главы.

Какъ извѣстно, основная мысль г. Сябома, проведенная черезъ все сочиненіе, заключается въ томъ, что крѣпостная община или средневѣковой феодальный строй, на сколько его можно изучать въ связи съ исторіей землевлѣдѣнія, оказывается въ Англіи существующимъ уже въ VI вѣкѣ. Уже въ первыхъ памятникахъ англо-саксонской эпохи существенные факторы феодальнаго строя являются готовыми: сепіоріальная усадьба съ зависимою отъ нея деревенскою общиною, послѣдняя обрабатываетъ господскую землю и тянетъ къ господской усадьбѣ въ административномъ, податномъ и судебномъ отношеніи. Нѣтъ никакого социальнаго положенія, которое было бы внѣ сепіоріальной системы, нѣтъ свободнаго мелкаго землевлѣдѣнія, нѣтъ свободной деревенской общины. Словомъ, англійская исторія не знаетъ свободнаго крестьянина-землевлѣдѣльца искони вѣковъ. А для того чтобы опредѣлить, была ли сепіоріальная система введена въ Англію саксами, или она предшествовала уже саксонскому завоеванію, то-есть, оставлена въ наслѣдство отъ римскаго господства, необходимо обратиться къ изученію земельной системы на континентѣ—у римлянъ и у германцевъ. Что касается до римлянъ, то римская вилла уже носила въ себѣ зародки сепіоріальной усадьбы и имѣла всѣ тенденціи развиться и безъ всякихъ внѣшнихъ вліяній въ сепіорію, то-есть, въ помѣстье господина съ зависимою отъ него деревенскою общиною. Но точно также и германцы уже на ранней стадіи развитія, во время Цезаря и Тацита, имѣли зачатки той же системы, которая и безъ римскаго вліянія могла доразвиться въ сепіоріальную систему. Въ концѣ концовъ исторія не знаетъ другаго крестьянскаго владѣнія земель, кромѣ зависимаго, и другой формы устройства, кромѣ феодальной или къ ней подготовительной. Свободный крестьянинъ, владеющій

своимъ участкомъ земли и знающій непосредственныя отношенія къ государю, есть, такимъ образомъ, или выдумка ученыхъ, или слѣдствіе ошибочнаго толкованія древнихъ текстовъ.

Переводъ на простой языкъ, задача г. Сибома выражается въ томъ, чтобы оправдать, съ точки зрѣнія исторіи и формъ землевладѣнія, обезземеленіе крестьянства и сосредоточеніе крупнаго землевладѣнія въ рукахъ немногихъ избранныхъ. Если это неумолимый законъ экономической эволюціи, то безразлично сочувствіе или несочувствіе къ нему со стороны ученаго XIX вѣка. Если же это теорія, въ основаніи которой лежитъ политическая тенденція, то она прямо должна быть признана весьма не симпатичною.

Обиція разсужденія, однако, не помогутъ намъ уяснить положеніе дѣла; нужно перейти къ разсмотрѣнію самыхъ фактовъ и къ способамъ доказательствъ, то-есть, къ методу изслѣдованія. Въ высшей степени страннымъ представляется въ книгѣ г. Сибома слѣдующее обстоятельство: Будучи составлена для доказательства извѣстнаго закона экономической эволюціи, претепдѣна на выясненіе экономическихъ факторовъ въ исторіи человѣчества и объясняя только ими одни социальныя и сословныя неравенства, власть однихъ и подчиненіе другихъ, право, съ одной стороны, и безправіе—съ другой, она совершенно чужда признанія того необходимаго положенія, что въ самой-то экономической эволюціи должна же быть постепенность развитія и нѣ-которое послѣдательное движеніе въ области экономическихъ факторовъ. Если ичейга сеніорія дана уже въ римской виллѣ, съ одной стороны, и въ германскомъ родовомъ устройствѣ—съ другой, и если та и другая могла развиться, независимо даже отъ взаимныхъ сочетаній и воздѣйствій, въ сеніоріальную усадьбу съ зависимою отъ нея деревенскою общиною, то на что же потребовался тогда пресловутой экономической эволюціи періодъ въ двѣ тысячи лѣтъ, на одномъ концѣ котораго видимъ уже почти сложившимися тѣ формы, которыя наблюдаются въ состояніи зрѣлаго развитія на другомъ. Такою представляется теорія г. Сибома съ теоретической стороны. Съ практической точки зрѣнія дѣло обстоитъ также не совсѣмъ ясно. Ужели же экономическіе факторы, въ самомъ дѣлѣ, нисколько не усиливались и не ослабѣвали отъ такихъ крупныхъ событій, какъ паденіе Западной Римской имперіи, великое переселеніе народовъ, образованіе новыхъ государствъ, секуляризація церковныхъ имуществъ, наслѣдственность ленной, городное движеніе и т. п.? Историки и юристы привыкли приписывать очень важное значеніе упомянутымъ событіямъ и дви-

женіямъ въ произведеніи того порядка, происхожденіемъ и исторіей котораго занимается книга г. Сибома, продолжая усматривать въ дѣятельности Каролинговъ и въ особенности въ эконоимическихъ распоряженіяхъ Карла Великаго поворотный пунктъ въ исторіи земледѣнія. Пока эконоимическая теорія не создала своего собственнаго метода и своихъ собственныхъ матеріаловъ, она, конечно, не можетъ выбросить за бортъ существующіе методы и приемы изслѣдованія и построенныя на основаніи ихъ теоріи.

Политико-эконоимическая точка зрѣнія весьма желательна и благовременна, она принесетъ много освѣжающаго въ историческія и юридическія построенія о жизни человѣчества. Но чтобъ она сама по себѣ разрѣшила великія проблемы историческаго развитія, въ этомъ позволительно весьма сомнѣваться. Здѣсь будетъ очень умѣстно сказать, что эконоимическое направленіе въ исторіи начинаетъ весьма сильно заявлять о себѣ въ германской наукѣ. Какъ первый опытъ въ этомъ отношеніи, слѣдуетъ назвать сочиненіе инсбрукскаго профессора Инама-Штернегга ¹⁾, появившееся даже прежде книги г. Сибома. О своихъ задачахъ и цѣляхъ онъ высказывается въ предисловіи слѣдующимъ образомъ: „Исторія нѣмецкаго народнаго хозяйства еще не написана. Но она является настоятельною потребностью для всякаго, кто усматриваетъ центръ тяжести народной жизни не въ войнахъ и не въ политическихъ дѣяніяхъ правительствъ, но во внутреннемъ развитіи самого народа, и кто повимаетъ ту рѣшительную роль, которая выпадаетъ именно на долю народнаго хозяйства во всей соціальной жизни. Давно уже стало моимъ убѣжденіемъ, что вся наша общественная жизнь, наша научная дѣятельность, равно какъ ваши практическія, политическія и соціальныя стремленія, страдаютъ замѣчательнымъ отсутствіемъ настоящаго историческаго чутія, которое, въ свою очередь, объясняется незнаніемъ историческаго развитія нашихъ общественныхъ условій. Въ особенности я живо чувствовалъ, что наука національной экономіи, которою я самъ занимаюсь, совсѣмъ не имѣетъ для себя твердаго фундамента въ основанной на источникахъ полной и связной исторіи нашихъ народно-хозяйственныхъ состояній и учреждений. Какъ ни велика и тяжела могла казаться задача, особенно при недостаткѣ подготовительныхъ работъ для древнихъ періодовъ, но уже одно это сознаніе было такъ

¹⁾ *Inama-Sternegg, Deutsche Wirthschaftsgeschichte bis zum Schluss der Karolingerperiode Leipzig, 1879.*

могущественно, что въ немъ я почерпнулъ силу и терпѣніе, чтобъ отважиться на первый опытъ въ этомъ направленіи. Не менѣ побуждала меня къ предпріятію надежда—съ успѣхомъ побороть, а можетъ быть, и совсѣмъ разсвѣтъ сомнѣнія относительно достоинствъ и результатовъ историческаго метода въ политической экономіи¹⁾. Задачи нѣмецкаго ученаго весьма скромны. Онъ ограничиваетъ современныя цѣли политико-экономической исторіи изслѣдованіемъ феноменовъ развитія одного какого-либо народа; только послѣ разработки специальныхъ исторій возможно будетъ строить общую исторію хозяйства человѣческаго рода. Нѣмецкая экономическая исторія должна имѣть болѣе тѣсныя границы, чѣмъ исторія нѣмецкаго народа или даже исторія нѣмецкаго права и учреждений. Итакъ, представляетъ ли въ дѣйствительности древнее германское устройство зародышъ сеніоріальныхъ формъ, и могла ли римская villa стать типомъ германскаго устройства въ IV, V и VI вѣкѣ? Для рѣшенія этихъ вопросовъ намъ нужно обратиться къ указаніямъ выводовъ по изученію германскихъ древностей; это же введетъ насъ въ самый центръ трагуемыхъ въ книгѣ г. Сибома вопросовъ.

Періодъ великихъ потрясеній и переворотовъ, истребленія или изгнанія старыхъ жителей, періодъ, когда кочующій военный станъ не могъ располагаться въ занятой странѣ на продолжительное время, а часто долженъ былъ уступить ее новому, болѣе сильному кочующему племени, войску,—этотъ періодъ разсматривается нашимъ авторомъ, какъ смѣна одной земельной системы другою, довольно, впрочемъ, сходною съ первою. Въ періодъ переселенія народовъ, когда подъ народомъ нужно подразумѣвать кочующее войско, общественныя и другія отношенія строились, конечно, не на повземельномъ владѣніи; порядки военнаго лагеря удерживались и послѣ остановки на избранномъ мѣстѣ довольно долго, по крайней мѣрѣ—до тѣхъ поръ, пока представлялась возможность или настояла нужда въ новомъ передвиженіи. Организція германскаго войска основывалась на родовыхъ отношеніяхъ, изъ которыхъ должна быть объясняема и первоначальная исторія германцевъ послѣ переселенія. Родовой элементъ въ организціи войска засвидѣтельствованъ весьма достоверными данными, почерпаемыми изъ Цезаря и Тацита¹⁾. Эти же формы весьма

¹⁾ De Bello Gallico 1. 51: «Germani suas copias castris eduxerunt, generatimque constituerunt, paribusque intervallis». Germania c. 7: „non casus neque fortuita conglobatio turmam aut cuncum facit, sed familiae et propinquitates“.

отчетливо выдаются въ устройствѣ германской жизни по завершеніи эпохи переселенія. Хотя въ нѣмецкой наукѣ до сихъ поръ имѣютъ значеніе обѣ теории — общиннаго и родоваго быта, но у приверженцевъ той и другой теории можно находить подборъ доказательствъ въ пользу продолжительнаго дѣйствія родовыхъ порядковъ и на новыхъ мѣстахъ поселенія въ періодъ осѣдлой жизни. Сюда относится сродство между понятіями Adel, въ смыслѣ genus, prosapia, и Odal или odel, въ смыслѣ praedium avitum; fratruales и gelondan — живущій на одной землѣ; satrapae suae genti praepositae и ealdormen; fara въ значеніи семьи и войска и т. п. примѣры, собранные у Гримма, Лаппенберга, Вайца, Зибеля, Кембеля ¹⁾. Весьма мало остановившись на выясненіи родоваго быта германцевъ послѣ эпохи переселенія, г. Сибомъ, какъ мы видѣли, построилъ мостъ для соединенія римской и германской эпохи въ мѣстныхъ именахъ, оканчивающихся на villa, которыя соотвѣтствуютъ-де германскимъ геймамъ и обозначаютъ сениоріальное помѣстье съ зависимою деревенскою общиной. Этотъ мостъ совсѣмъ не такъ проченъ, какъ хотеть представить это г. Сибомъ.

Правильно ли толкованіе слова villa въ древнихъ законахъ и актахъ? Обозначаютъ ли дѣйствительно геймы сениоріальную усадьбу? Мѣстныя имена съ окончаніемъ на „heim“ были предметомъ изслѣдованія нѣмецкихъ ученыхъ, по мнѣнію которыхъ heim равнозначительно съ „haus“ и указываетъ на первоначальное поселеніе семьи ²⁾. И употребленіе слова villa въ lex Salica нѣмцами обыкновенно объясняется въ смыслѣ отдѣльнаго двора, отдѣльной усадьбы, а никакъ не въ смыслѣ сениоріальнаго помѣстья или судебного округа ³⁾. Притомъ важнѣйшія мѣста, которыми можно воспользоваться противъ толкованія виллы въ смыслѣ сениоріа, благоразумно не тронуть англійскимъ изслѣдователемъ; на примѣръ, то мѣсто, гдѣ говорится о штрафѣ за быка трехъ виллъ ⁴⁾. Здѣсь вилла не можетъ значить ни деревня, ни сениоріальная усадьба, а просто крестьянскій дворъ, ибо одинъ быкъ не былъ достаточенъ для коровъ соединенныхъ трехъ деревень; въ *Leges*

¹⁾ Мы не считаемъ нужнымъ указывать мѣста, потому что желающій найдеть ихъ въ прекрасной книгѣ Цёпеля (*Zoepfl, Deutsche Rechtsgeschichte*).

²⁾ *Graff, Altdeutscher Sprachshatz* IV, 946; *Waitz, Das alte Recht*, s. 53; *Zoepfl* II, 22 п. 4: Heim, engl. home; d. h. Haus, väterliches Haus; daher Heimath.

³⁾ Имѣются въ виду мѣста, приподимыя у Сибомъ р. 259 и слѣд.

⁴⁾ *Lex Salica* III, 5: Si vero taurus ipse de tres villas communis vaccas tenuerit.

barbagotum обыкновенно принимается одинъ быкъ на 10, 12 или 15 коровъ¹⁾). Употребленіе того же слова въ капитуляріяхъ точно также объясняется въ смыслѣ отдѣльнаго двора. Что въ виллѣ упоминается „canis“ и „ager“, это служить весьма существеннымъ признакомъ, что рѣчь идетъ о пахатной землѣ отдѣльныхъ дворовъ, какъ можно видѣть изъ древнѣйшихъ дарственныхъ грамотъ²⁾). Подворныя поселенія нужно считать общимъ типомъ первоначальнаго германскаго хозяйства, какъ доказывается это однимъ мѣстомъ въ lex Alamannorum, которымъ опредѣляется композиція за пастушескую собаку³⁾), бѣгущую на зовъ до третьей виллы: вилла здѣсь не можетъ быть принимаема ни за деревню, ни за дворы въ одномъ и томъ же поселкѣ, но именно за дворы-хутора, расположенные по сосѣдству. Дѣйствительно, наступить пора, когда отдѣльные дворы будутъ складываться въ деревни, эти послѣднія организоваться въ виллѣ съ сеніоріальнымъ характеромъ⁴⁾), по это будетъ впоследствии, когда обнаружится экономическій и социальный процессъ сосредоточенія крупной земельной собственности въ однихъ рукахъ и перехода къ системѣ бенефіцій. Какъ произвольны выводы англійскаго ученаго на счетъ значенія слова villa и перехода мѣстныхъ именъ съ этимъ окончаніемъ въ слова на „heim“, можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ: Въ одномъ актѣ 719 года упомянуто locellus Bruningevilla (въ Эльзасѣ); въ 772 году то же мѣсто называется Bruningsdorf; до 797 года употребляются безразлично оба окончанія; въ IX вѣкѣ уже исключительно прообладастъ окончаніе „dorf“. Точно также въ 774 году называется одно мѣсто Radolfowilare; въ 780 году оно названо Radolfeshamotarca, въ IX вѣкѣ Radolfesdorf⁵⁾). И весьма вѣроятно, что мѣстныя имена съ окончаніями на villa, wilare, heim и Dorf въ VII и VIII вѣкѣ обозначаютъ не чуть не сеніоріальную усадьбу съ зависимымъ населеніемъ вокругъ нея, а продолжали выражать семейно родовой характеръ первоначальныхъ поселеній. Такъ можно за-

¹⁾ *Inama-Sternegg*, S. 43 и приложение VII.

²⁾ *Inama-Sternegg*, S. 44, п. 2 и 3.

³⁾ Lex Alamannorum 84 c. 4: canis pastoralis... qui ad clamorem ad alienam et ad tertiam villam currit. О дворовыхъ усадьбахъ—*Hansen*, Die Gehöferschaften, въ *Abhandlungen der Berliner Academie* 1863.

⁴⁾ Эголь попросилъ также тщательно разработать въ ильменской литературѣ; къ нему будемъ имѣть случай возвратиться.

⁵⁾ *Inama-Sternegg*, S. 46 п. 4. По исследованиямъ *Birlinger*, Alamannia VI, 28,—wilare никогда не значитъ деревня, но ein Landhaus, Gehöft.

ключить изъ двухъ параллельныхъ мѣстъ закона аламанновъ и баварцевъ, гдѣ идетъ рѣчь о спорѣ за поземельную собственность *inter duas genealogias* ¹⁾).

Послѣ эпохи переселенія долго еще въ Германіи преобладало свободное крестьянское землевладѣніе надъ зависимымъ ²⁾. Кто не слышалъ о германской маркѣ, подъ которою разумѣется германская свободная деревенская община, представляющая родовую и территориальную, административную и судебную единицу? Г. Сибомъ разбилъ теорію Маурера на весьма немногихъ страницахъ (р. 328—355) и безъ особенныхъ усилій: онъ просто утверждаетъ, что нѣмецкій ученый принялъ по недоразумѣнію за свободную деревенскую общину то, что въ дѣйствительности было зависимою отъ свѣтскаго или духовнаго владѣльца деревней. Было бы здѣсь не совсѣмъ кстати останавливаться на объясненіяхъ касательно значенія и исторіи германской марки, и мы, поэтому, ограничимся нѣсколькими замѣчаніями.

Англійскій ученый слишкомъ много грѣшитъ противъ филологіи съ своею теоріей англо-саксонскихъ гамовъ и туповъ и германскихъ геймовъ. Несомнѣнно, что эти окончанія, встрѣчающіяся по обширной площади распространенія германскаго племени, обозначаютъ далеко не то, что онъ думаетъ. Это самыя обычныя слова для крестьянскаго двора или для деревни. И самыя тупы суть не специально англо-саксонскія окончанія, а также встрѣчающіяся и на континентѣ формы мѣстныхъ именъ: *tūn*, англійскаго *town*, нѣмецкаго *hagen* ³⁾. Какъ самыя первичныя формы для обозначенія жилья (*Haus*), эти слова вошли въ образованіе громадной массы мѣстныхъ именъ, переплетаясь иногда съ другими словами для обозначенія населеннаго мѣста, какъ деревня (*Dorf*) или марка. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ легко восстанавливается самый ходъ перезвуковки и наростанія окончаній: *ad Holzhus—ad Holzhusinhein* ⁴⁾. Несправедливо приписать окончаніямъ на *heim* значеніе сениоріальной усадьбы, г. Сибомъ совершенно уже опускаетъ изъ виду процессъ объединенія геймовъ въ виллу

¹⁾ *Lex Baiuvar. XII, 8: Quotiens de comarchanis contentio nascitur; Lex Alamann. 87: Si qua contentio orta fuerit inter duas genealogias.*

²⁾ Любопытно, что новыя селенія, основанныя въ концѣ VIII и въ IX вѣкѣ, называются не геймами, но гаусами; таковы *Sachsenhausen*, см. *Arnold, Ausiedelungen*, 473.

³⁾ *Maurer, Geschichte der Dorfverfassung I, 108—109, 32—33; Einleitung zur Geschichte der Mark-Hof... Verfassung 18, 23.*

⁴⁾ *Einleitung 18 п. 6.*

или деревню ¹⁾ и не заботится объ отношеніи деревни къ маркѣ, которая для него представляется, по видимому, ни чѣмъ другимъ, какъ тѣмъ же геймомъ. Между тѣмъ, на каждомъ шагу встрѣчающіяся въ актахъ выраженія: *villa vel mansa*, *locus seu mansa* и т. п., должны были бы дать иное направленіе его изслѣдованію, — еслибы онъ былъ начитанъ въ вѣтахъ.

Тенденціозность г. Сибома въ объясненіи на свой ладъ приводимыхъ Мауреромъ примѣровъ многочисленныхъ случаевъ коммendaціи въ одной и той же деревнѣ ²⁾, съ особенною силой бросается въ глаза, если принять во вниманіе разсужденіе самого Маурера о томъ, что свободная деревенская община въ чистомъ видѣ не могла долго сохраниваться, что по частямъ она постепенно подпадала зависимости отъ свѣтскихъ или духовныхъ землевладѣльцевъ. Вслѣдъ за параграфомъ, на который ссылается и г. Сибомъ, у Маурера находимъ слѣдующее ³⁾: „Свободныя деревни первоначально были весьма распространены повсюду. Но какъ скоро стало уменьшаться число свободныхъ крестьянъ, вмѣстѣ съ тѣмъ начали терять свободу и деревенскія общины, постепенно переходя въ зависимыя или въ смѣшанныя деревни ⁴⁾, хотя совершенно никогда не исчезали свободныя деревни. Пбо повсюду, гдѣ удержалось свободное крестьянство въ значительномъ числѣ, сохранились и свободныя деревенскія общины. Къ такимъ принадлежатъ въ особенности имперскія деревни, напримѣръ, деревня Веригеймъ“. Объ этой послѣдней въ актѣ 1712 года прямо заявлено, что она доселѣ была свободна *ab omni dominio* ⁵⁾.

Съ исторіей германской марки соединяется процессъ политическаго, юридическаго и социальнаго-экономическаго развитія въ меро-вингскій и каролингскій періоды. Нельзя понять средневѣковую исто-

¹⁾ *Vendimus villam nostram Mercklingen* (то-есть, heim)—in bonis in eadem marchia sitis—*Einleitung* 45 п. 81.

²⁾ *Seeborn*, p. 330 и слѣд.; *Maurer*, *Dorfverfassung* 7—8.

³⁾ *Ibid.* 8—9.

⁴⁾ *Ibid.* 12. *Gemischt* nennt ich alle diejenigen Ortschaften, in welchen neben den Freien auch Hörige oder Unfreie Grundbesitz hatten, oder in denen mehrere Grundherrn neben einander oder die Hörigen mehrerer Grundherrschaften angesetzt waren.

⁵⁾ *Villani in Bernheim unanimi consensu villam suam B. quam libero et pro-pere et ab omni dominio solutam hactenus possiderunt potestati nostri sublecerunt...* et de cetero sub imperiali altitudinis tuicione ab omni tyrannido seculi permanebant.

рію, не давъ себѣ отчета на счетъ разрушительныхъ силъ, неудержимо стремившихся къ раздробленію, ослабленію и подчиненію деревенской общины. И конечно, не тѣмъ путемъ, какой избралъ себѣ г. Сибомъ, слѣдуетъ изучать исторію сепіоріальныхъ отношеній. Исторія германской марки поучительна для насъ во многихъ отношеніяхъ; имѣя для Европы только научный и историческій интересъ, у насъ въ Россіи исторія крестьянской свободной общины имѣетъ живой интересъ современности, ибо въ переживаемое нами время въ законодательствѣ, въ наукѣ и литературѣ вопросъ объ общинѣ выдвинутъ съ особенной энергіей. Отъ того, какъ онъ будетъ въ настоящее время разрѣшенъ законодательнымъ путемъ, несомнѣнно будетъ зависѣть наше ближайшее экономическое и социальное развитіе. Что крестьянская община разрушается, это ясно для всякаго, кто хоть немного слѣдилъ за литературой вопроса; но слѣдуетъ ли придумать средства предупредить это разрушеніе и своевременно прійти на помощь къ крестьянской общинѣ правительственными мѣрами, это не такъ ясно, и на этотъ счетъ высказываются положительныя и отрицательныя мнѣнія во имя необходимости законовъ экономическаго и социальнаго развитія, подробное изложеніе и оцѣнку которыхъ можно находить въ статьѣ профессора Иванюкова ¹⁾.

Для г. Сибомы не существуетъ вопроса о свободной крестьянской общинѣ, ибо, по его мнѣнію, исторія не знаетъ свободнаго крестьянскаго землевладѣнія. Онъ убилъ вопросъ, не изслѣдовавъ его, или давъ изслѣдованію нѣкоторыхъ частей его тенденціозное направленіе. До нѣкоторой степени странная его теорія можетъ быть объяснена тѣмъ соображеніемъ, что онъ изъ-за своей спеціальности политико-эконома совсѣмъ пренебрегъ другими задачами изученія, безъ которыхъ не можетъ быть понята и восстановлена исторія ни одного человѣческаго общества: онъ не касается ни судебнаго, ни военнаго, ни административнаго устройства, не оцѣнилъ значенія ленной системы, акта секуляризаціи, вообще не затронулъ экономическаго и социальнаго движенія VIII и IX вѣковъ, поведшаго къ ослабленію и закрѣпощенію свободной деревенской общины. Такъ какъ этотъ вопросъ имѣетъ у насъ жизненное значеніе именно теперь, то нѣкоторыя подробности могутъ быть здѣсь неизлишни.

Труды Вайца и Рота показали, что военное устройство въ меровингскую и каролингскую эпоху (до Карла Великаго) осно-

¹⁾ *Русская мысль*, январь 1885 г.

вывалось не на дружинномъ началѣ (Leudesverband), а на государственномъ, ибо обязательная военная повинность шла не съ вассаловъ, но со всего свободнаго населенія, которое считалось въ непосредственной зависимости отъ короля (Unterthanenverband), а не отъ сеніоровъ. Та же самая идея позднѣйшаго развитія сеніоріальной системы блистательно доказана въ образцовомъ сочиненіи Сома ¹⁾, лучшая сторона котораго заключается въ выясненіи значенія волостей и центенъ или сотенъ въ древней администраціи, въ особенности въ судебноиъ устройствѣ. Исслѣдованіе Сома обнаруживаетъ долго существовавшее различіе между судомъ королевскимъ и судомъ волостнымъ, то-есть, крестьянскимъ, между компетенціей центральной администраціи и мѣстной (mallus comites и centenarii или thungini), между родовымъ началомъ въ уголовномъ правѣ и началомъ государственнымъ, словомъ, ставитъ вѣдъ сомнѣнія политическое и юридическое значеніе самоуправлявшейся деревенской общины. Нѣтъ сомнѣнія, что германская община пала вслѣдствіе весьма сложныхъ причинъ, обнаружившихъ свое дѣйствіе съ особенною силой въ концѣ VIII вѣка и IX в. На сколько эти причины лежали въ измѣнившихся экономическихъ условіяхъ, это въ высшей степени интереснѣйшій вопросъ, такъ какъ главнѣйшія сомнѣнія въ живучести русской крестьянской общины и возраженія противъ правительственнаго вмѣшательства съ цѣлью поддержать общину въ борбѣ ея съ разрушительными силами отпранляются изъ тѣхъ же неумолимыхъ экономическихъ законовъ. Возможно ли въ самомъ дѣлѣ направить и измѣнить эти законы?

Процессъ разрушенія германской марковой системы представляетъ собою такое отдаленное прошлое, что о немъ можно судить и говорить съ полнымъ безпристрастіемъ. Съ экономической точки зрѣнія мелкому крестьянскому землевладѣнію и, слѣдовательно, свободной деревенской общинѣ сильнѣйшій ударъ нанесенъ былъ измѣнившимися со времени Карла Великаго условіями сельскаго хозяйства. Но его собственному почину и примѣру ²⁾ въ большихъ помѣстьяхъ духовныхъ и свѣтскихъ землевладѣльцевъ начинаетъ примѣняться система большихъ запашекъ, разчистки лѣсовъ и поднятія новинъ, требовавшая болѣе сложныхъ орудій обработки и вызывавшая искусственную организацію хозяйства съ помощію труда зависимаго населенія. Было

¹⁾ *Sohn*, Die Altdeutsche Reichs- und Gerichtsverfassung. Weimar 1871.

²⁾ Иноемъ въ виду *ergo Capitularium de villis* и *Capitul. Aquisgran. apud Pertz Leges I*, 183, 189.

бы весьма несправедливо утверждать, что крестьянская община не нашла въ самой себѣ средствъ приспособленія къ измѣнившимся условіямъ. Замѣчаются частныя и соединенныя предпріятія въ деревенскихъ общинахъ, относящіяся къ увеличенію запасовъ и обработкѣ незанятыхъ земель, которыя могли бы развиться до крупныхъ развѣтровъ, если бы правительство не положило тому предѣла ¹⁾. Съ другой стороны, замѣчается постепенное ослабленіе старой системы небольшихъ поселковъ или отдѣльныхъ дворовъ и сосредоточеніе населенія въ большія деревни. Эти явленія въ деревенской общинѣ вызывались, конечно, необходимостью конкуренціи съ производствомъ въ большихъ помѣстьяхъ, гдѣ началась концентрація сельско-хозяйственныхъ силъ, организація приложенія труда къ землѣ, широкое производство и правильное распрежденіе продуктовъ.

Громадный социальный переворотъ, приведшій къ уравненію состоянія свободныхъ колоновъ, литовъ и рабовъ и къ подведенію ихъ подъ одинъ классъ средневѣковыхъ серповъ представляетъ у англійскаго изслѣдователя ²⁾ весьма односторонне. Социальный переворотъ обуславливался прежде всего сильнымъ развитіемъ служилаго сословія—военнаго и придворнаго, которое выросло и укрѣнилось на пожалованіяхъ населенными землями. Усиленіе служилаго сословія обнаруживается уже при Карлѣ Великомъ и безъ помѣхи продолжается при его слабыхъ преемникахъ; входитъ въ обычай высшія административныя должности давать крупнѣйшимъ землевладѣльцамъ области. Уравненіе свободного класса населенія и рабовъ въ состояніи крѣпостнаго крестьянства совершается постепенно подъ вліяніемъ помѣщичьихъ и сепіоріальныхъ притязаній служилаго сословія. И въ этомъ отношеніи социальная политика Каролинговъ нанесла несправедливый ущербъ свободной деревенской общинѣ, которая не получила никакой поддержки въ борьбѣ съ измѣнившимися социальными условіями. Были попытки сложныхъ артельныхъ предпріятій въ маркѣ, но результаты не могли выходить такими успешными, какъ у сосѣднаго крупнаго землевладѣльца, располагавшаго капиталомъ, громаднымъ количествомъ рабочихъ рукъ и усовершенствованными орудіями. Расширялась колонизація марки, но съ основаніемъ новыхъ хозяйствъ не выигрывала экономическая сила общины. Для свободной пред-

¹⁾ *Inama-Sternegg*, S. 220, n. 2.

²⁾ *Seebohm*, p. 335; для повѣрки его положеній сравнить у *Штернега* стр. 226 и слѣд.

принимчивости членовъ деревенской общины былъ положенъ предѣлъ сосѣдными помѣщиками. Въ концѣ концовъ бѣдность, недохимки и долги, желаніе выдти изъ общины и промѣнять свободное состояніе на зависимое являются самими общими чертами во внутренней жизни марксоваго устройства.

Въ VIII и IX вѣкахъ громадная масса свободного населенія добровольно вступаютъ въ зависимость отъ духовныхъ и свѣтскихъ землевладѣльцевъ, закладываются за нихъ. Это теченіе въ общественной и политической жизни должно быть сведено къ своимъ первоначальнымъ и простымъ причинамъ, которыя заключаются въ слѣдующемъ: крайняя бѣдность и невозможность пропитанія, недостатокъ защиты отъ притѣсненій со стороны сильныхъ и богатыхъ сосѣдей¹⁾; суровая система денежныхъ пеней и штрафовъ; тяжелая воинская повинность, лежавшая на свободныхъ землевладѣльцахъ и отвлекавшая ихъ отъ сельскаго хозяйства; наконецъ, широкія полномочія, предоставленныя мѣстному сепіору-землевладѣльцу въ отправленіи суда, администраціи и въ распредѣленіи военной повинности.

Весь строй государства приближался къ тому состоянію, въ которомъ, по видимому, не оставалось мѣста другимъ видамъ общественнаго и политическаго положенія, кромѣ зависимаго отъ помѣщика-сепіора²⁾. Вслѣдствіе совокупнаго дѣйствія указанныхъ причинъ въ Германіи совершался социальный переломъ, имѣвшій рѣшительное вліяніе на всю послѣдующую исторію. Каролингскій періодъ представляетъ собою непрерывную цѣпь фактовъ, которые свидѣлствуютъ о разложеніи старыхъ основъ, о паденіи свободного сословія крестьянъ. Въ самой деревенской общинѣ этотъ процессъ выразился въ двоякаго рода явленіяхъ: въ обнищаніи однихъ и въ неравномѣрномъ обогащеніи другихъ. На счетъ обдѣдѣвшей массы возвышаются богатые крестьяне, которые становятся во главѣ крестьянской общины и вліяютъ на общественныя дѣла ея, то-есть, въ общій

¹⁾ Обыкновенныя формулы въ запискахъ и актахъ того времени: примѣры у *Вайца*, *Verfassungsgeschichte*, II, 191, у *Штегернея* 244—245.

²⁾ *Ibid.* S. 253: Wie es die Reichsgewalt mit Ausbildung des Seniorats und mit Verleihung der Immunitäten im Grunde selbst anerkannte, dass eine andere öffentliche Ordnung, als diejenige, welche sich auf den grossen Grundbesitz stützte, nicht mehr möglich war, so musste es auch den kleinen Freien bald zum Bewusstsein kommen, dass sie vollen Rechtsschutz und Pflege ihrer volkwirthschaftlichen Interessen nur durch die Schutzgewalt dieser Träger der öffentlichen Gewalt finden konnten.

развивается состоятельный классъ, который усваиваетъ себѣ приемы давленія и порабоженія бѣдняковъ.

Равенство раздѣленія участковъ въ маркѣ, на которомъ основывалась равноправность членовъ марки, стало постоянно нарушаться вслѣдствіе экономического преобладанія однихъ надъ другими. Крупные сосѣдніе землевладѣльцы увеличивали свои помѣстья пріобрѣтеніями участковъ въ общинной землѣ, и обшцавшіе члены деревенской общины охотно шли на встрѣчу притязаніямъ крупныхъ землевладѣльцевъ ¹⁾. Какъ скоро среди марки появлялась помѣщичья усадьба, эта послѣдняя необходимо должна была стремиться къ осуществленію широкихъ хозяйственныхъ предпріятій, основывающихся на организаціи зависимаго труда и капитала. Въ маркѣ появлялась доманіальная и зависящая земля, рабы и крѣпостные крестьяне, сидѣвшіе на участкѣ помѣщика. Пользуясь несостоятельностью членовъ общины, помѣщикъ выручалъ ихъ изъ бѣды, заставляя за это вступать въ зависима къ нему отношенія. Участъ свободной деревенской общины рѣшалась этимъ навсегда. Часто переходъ марковаго устройства въ сеніоріальное происходилъ правильно съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ условій, то-есть, члены общины вступали въ отдѣльные договоры съ землевладѣльцемъ, и вся марка постепенно входила въ помѣщичью усадьбу; но также не рѣдко ослабѣвшая община насильственно обращалась въ зависимую отъ помѣщика деревню. Такимъ образомъ, на мѣстѣ свободной деревенской общины появлялись или общины смѣшаннаго устройства, гдѣ жили рядомъ свободные крестьяне и зависимые, или господскія виллы, гдѣ уже преобладало сеніоріальное устройство съ расчлененіемъ земли и населенія по разнымъ степенямъ зависимости отъ господской усадьбы. Само собою разумѣется, Каролинги не были сознательными противниками марковаго устройства, напротивъ—они старались поддержать его, по крайней мѣрѣ, издавали нѣсколько законовъ для защиты деревенской общины. Но когда въ 847 году сеніорату, уже получившему экономическое преобладаніе на почвѣ землевладѣнія, приданъ былъ и политическій характеръ ²⁾, съ тѣхъ поръ стало очевиднымъ, что бу-

¹⁾ *Aestimantes autem quidam liberi homines, qui in ipso vico erant, benignum et elementem fore, praedia sua sub censu legitimo illi contradiderunt, ea conditione, ut sub mundiburdio ac defensione illius semper tuti valerent esse. Steinhilber, 268.*

²⁾ *Pertz, Leges I, 199: Volumus ut unusquisque liber homo in nostro regno seniores qualem voluerit in nobis et in nostris fidelibus accipiat.*

дущее принадлежить не сельской общинѣ, а разрушившимъ ее силамъ.

Не будемъ слѣдить за дальнѣйшею судьбою свободной крестьянской общины въ Германіи, которая все же остается интереснымъ предметомъ изученія, не смотря на страшную попытку г. Сибома вычеркнуть ее изъ исторіи. Мы видѣли, что германская марка не выдержала борьбы съ враждебными ей экономическими и социальными силами, но не можемъ сказать однако, что въ ней не было попытокъ вести эту борьбу, которая могла быть благопремещно направлена и умѣло поддержана. Въ административныхъ и законодательныхъ мѣрахъ Каролинговъ можно усматривать весьма случайныя благія пожеланія въ пользу деревенской общины, между тѣмъ какъ настояла необходимость въ энергическихъ мѣрахъ, какъ положительныхъ—въ смыслѣ организаціи самой общины применительно къ новымъ условіямъ, такъ и отрицательныхъ—въ смыслѣ устраненія гнета повинностей и огражденія отъ покушеній крупныхъ землевладѣльцевъ. На сколько выиграло бы отъ этого Франкское государство въ экономическомъ отношеніи, не беремся судить. Но что для правительства возможно было охранить крестьянскую общину отъ распада и отъ экономического порабощенія, это свидѣлствуется исторіей землевладѣнія въ Византійской имперіи, на которую, впрочемъ, мало обращаютъ вниманія западно-европейскіе изслѣдователи. На востокѣ въ X вѣкѣ свободная деревенская община переживала такой же критическій моментъ, какой германская марка въ VIII и IX вѣкахъ. Ходъ социальной и экономической борьбы на востокѣ яркими красками рисуется въ новеллахъ императоровъ Македонской династіи, которые взглянули на свои задачи по отношенію къ этой борьбѣ совершенно иначе, чѣмъ Каролинги. Въ законодательныхъ мѣрахъ Византійскихъ царей можно находить многіе полезныя уроки политическимъ дѣлателямъ и изслѣдователямъ, которые спокойно обрекаютъ крестьянскую общину на роковое и неизбежное распаденіе, признавая несостоятельность ея въ борьбѣ съ экономическими и социальными условиями новаго времени. Можно смѣло сказать, что политическая и экономическая сила Византійской имперіи до самаго XV вѣка объясняется именно тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣсь своевременно и искренно поддержана была крестьянская община и данъ былъ серьезный отпоръ притязаніямъ крупнаго землевладѣнія, стремившагося также, какъ на западѣ, къ сепарату. Можно смѣло утверждать, что сениориальная система на востокѣ готова была уже въ X вѣкѣ развиться

на почвѣ землевладѣнія, но государственная дѣятельность Византийскихъ царей задержала и ослабила ее на этомъ первомъ шагѣ. Этимъ, по крайней мѣрѣ на нашъ взглядъ, рѣшается вопросъ о цѣлесообразности правительственнаго внимательства въ дѣйствіе социальныхъ и экономическихъ законовъ. Прежде чѣмъ утверждать всеобщность, необходимость и неизбежность того строя, который выработался въ романо-германскихъ земляхъ, необходимо отдать себѣ отчетъ въ уклоненіяхъ отъ этого строя, замѣчаемыхъ въ восточной половинѣ Римской имперіи. Тамъ и здѣсь дѣйствовало римское право, тамъ и здѣсь примѣпена была та же земельная и податная система, имѣвшая тенденцію развиться въ сениоріальную пиллу. Почему же, однако, на западѣ сениоріальная система дѣйствительно развилась, а на востокѣ, который не менѣе подверженъ былъ этнографическимъ переворотамъ, эта система не утвердилась?

Извѣстно, что существенное различіе въ возрѣніяхъ историковъ и юристовъ на германскія древности и на первый періодъ средневѣковой исторіи состоитъ въ томъ, что они не одинаково оцѣниваютъ участіе романо-кельтскаго и германскаго элементовъ въ процессѣ образованія ново-европейскихъ народностей, возвышая или унижая одинъ элементъ сравнительно съ другимъ. Каждое изслѣдованіе и всякая теорія легко можетъ быть подведена подъ одну изъ крайнихъ школъ— нѣмецкую или французскую, смотря по тому, отправляется ли она отъ положенія, что германскіе народы до эпохи переселенія имѣли уже высоко развитыя политическія и общественныя учрежденія, или же напротивъ, какъ думаютъ французскіе и нефранцузскіе ученые, что германцы начали развиваться уже подъ сильнымъ воздѣйствіемъ римлянъ, и что ново-европейскія государства глубоко проникнуты римскимъ вліяніемъ. Изъ предидущаго можно видѣть, что г. Сибомъ не принадлежитъ къ приверженцамъ ни той, ни другой школы, хотя по главной своей задачѣ — доказать преемственность римской экономической системы въ германскихъ и англо-саксонскихъ областяхъ—онъ долженъ былъ бы прямо стать во французскую школу. Онъ привилъ въ свою систему ту особенность, что рѣшился показать, какъ обѣ экономическія системы, германская и римская, даже безъ взаимныхъ вліяній могли развиться въ средневѣковую сениоріальную. Англо-саксы имѣли уже въ VI вѣкѣ сениоріальную систему, а какъ такая же система наблюдается у германцевъ Тацита, то не можетъ быть рѣчи о заимствованіяхъ, а развѣ о необходимости и всеобщности развитія по однимъ и тѣмъ же законамъ. Въ общемъ теорія слишкомъ

простая и весьма облегчающая пониманіе запутанныхъ вопросовъ. Но можетъ ли выдерживать она частныя возраженія? Позволимъ себѣ указать нѣсколько недоразумѣній спеціальнаго характера.

Въ пятой главѣ г. Сибомъ разбираетъ англо-саксонское устройство въ Великобританіи (періодъ между римскимъ и нормандскимъ господствомъ) и въ частности высказываетъ свое мнѣніе о „folkland“ и „bosland“¹⁾. Наука усматриваетъ существенную разность между лонгобардскимъ и англо-саксонскимъ правомъ, съ одной стороны, и франкскимъ и готскимъ—съ другой, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что саксонское и лонгобардское государственное устройство исходитъ изъ противоположности между королевскою и народною, то-есть, государственною собственностью, тогда какъ по франкскому праву государственное имущество не отличается отъ частнаго королевскаго. Такимъ образомъ, по общепринятому воззрѣнію, bosland обозначаетъ частную собственность и не должна быть смѣшиваема съ folkland, государственною или народною собственностью. Народная земля есть terra communis, и въ распоряженіи ея король ограниченъ народною волею; по всей вѣроятности, народное право на эту землю идетъ со времени англо-саксонскаго завоеванія²⁾. Само собою разумѣется, что это разграниченіе между королевскимъ и народнымъ въ области землевладѣнія отражается на всѣхъ формахъ государственнаго устройства: въ администраціи, судѣ, военной системѣ и проч. Г. Сибомъ, не желая нигдѣ встрѣчать нарушенія своей любимой теоріи, долженъ былъ стереть противоположности между королевскою и государственною землею и опровергнуть мнѣніе, будто король первоначально не имѣлъ права отчуждать эту землю безъ согласія своихъ тавовъ. Его собственно занимаетъ вопросъ не о различіи между земельною собственностью завоевателей и побѣжденныхъ, а о томъ—можно ли подвести „folkland“ подъ теорію сеніоріальной системы. Вопросъ разрѣшается для него весьма просто предположеніемъ, что это была доманіальная королевская земля, что король былъ сеніоромъ сидищихъ на такой землѣ вѣрстанъ. Посредствомъ пожалованій этой земли монастырямъ и частнымъ лицамъ король постоянно измѣнялъ folkland въ bosland, иначе говоря — королевскіе

¹⁾ Seebohm, p. 166—180.

²⁾ Sohm, Die altdeutsche Reichs- und Gerichtsverfassung I, S. 31—34; Gneist, Englische Verfassungsgeschichte. Berlin. 1882, S. 3; Glasson, Histoire du droit et des institutions politiques de l'Angleterre. Paris. 1882, p. 133—159.

маноры постепенно переходили въ частныя руки. Что этотъ вопросъ не такъ легко рѣшается въ наукѣ по отношенію къ англо-саксонскому устройству, можно это видѣть въ изслѣдованіи Глассона ¹⁾.

Подкупающая въ пользу г. Сибома особенность состоитъ, какъ мы говорили, въ оригинальности его выводовъ. И такъ какъ свои выводы онъ подкрѣпляетъ ссылками на источники и литературу, то натурально, что его выводы нѣмѣютъ вѣдншнюю форму серьезныхъ научныхъ выводовъ. На стр. 261—262 сениоріальный характеръ устройства германцевъ подтверждается Мальберговскими глоссами въ *Lex salica* и изслѣдованіями Гесселя и Керна. „Докторъ Кернъ“, говоритъ г. Сибомъ, — высказываетъ мнѣніе, что глосса къ титулу 42-му показываетъ, что „ham“ употребленъ у франковъ въ смыслѣ „court“. Точно также, когда франкское слово „cham theuto“ переводится латинскимъ „taurum regis“, ясно, что „cham“ здѣсь принимается за королевскій дворъ. Глосса „chamestalla“, выражающая латинское „in truste dominica“, также свидѣтельствуетъ о маноріальномъ значеніи слова „cham“. Прежде всего замѣтимъ, что ссылка дѣлается на два титула въ *Lex salica*, снабженные дѣйствительно глоссами, продающими множество разночтеній ²⁾, выводы изъ которыхъ можно дѣлать съ крайнею осторожностью. Критика текстовъ *Lex salica* и объясненіе глоссъ вообще опирается въ настоящее время на авторитеты Якова Гримма, Вайца, Меркеля, изъ болѣе новыхъ рядомъ съ первыми можетъ быть поставленъ Сомъ ³⁾. Трудно объяснить, откуда излятъ г. Сибомъ, что „cham theuto were translated in Latin as taurum regis“? Въ *Lex salica* III, 4—5, читаются двѣ статьи о кражѣ быка: въ первой

¹⁾ *Glasson*, p. 142—145: Nous ne croyons pas toute fois que les Saxons aient connu la tenure désignée en France sous le nom de bénéfice et qui se distingue bien nettement de la recommandation. Le mot beneficium ne se rencontre pas dans les documents de cette époque. Cette absence du bénéfice dans les lois anglo-saxonnes donne un argument très-fort à la thèse suivant laquelle cette tenure est d'origine romaine.

²⁾ *Lex salica* III, 4: Si quis taurum furaverit illum qui gregem regit—Malb. *charohitum* (разночтенія *chammitum*, *amitheoto*, *anteotho*, *chegmeneteo*, *cherecheto*, *cham theutho*); XLII, 1: Si quis, colecto contubernio, hominem ingenuo in domo sua adsalierit et ibi eum occiderit, si in truste dominica fuit qui occisus est, Malb. *ambdistaise* (*chamen habia*, *chames talia*), и др. см. *Merkel*, *Lex salien*, Berlin. 1850.

³⁾ Гримму принадлежитъ предисловіе къ изданію *Merkel*; *Waitz*, *Das alte Recht*; *Sohm*, *Die silddeutsche Reichs-und G.-Verf.* 41—57, въ особенности примеченіе II, S. 558—570.

имѣется въ виду *taurus qui gregem regit*, во второй *taurus de tres villas communis, hoc est trespellius*. Глосса „*chami thouto*“ соотвѣтствуетъ второй статьѣ и, очевидно, не имѣетъ отношенія къ быковожаку, *qui gregem regit*, притомъ же послѣдній не есть *taurus regis*. Обращаясь къ объясненію глоссы къ этимъ статьямъ у Гримма ¹⁾, находимъ слѣдующее: *thouto von thutuan, ahd. diozan stridere streperere personare, mugire chaimithluto qui per vicum mugit*. Что же касается глоссы къ четвертой статьѣ III-го титла (*chariocito, charohito, cherecheto*), то она объясняется отъ „*chari, goth. harjis, ahd. heri agmen hominum, agmen armentorum, herde*“ и обозначаетъ здѣсь *Führer der Herde*“.

Такимъ образомъ, глосса приводимая г. Сибомомъ, не только не подтверждаетъ того, что онъ желалъ показать, но возбуждаетъ странныя недоразумѣнія на счетъ способа пользованія источниками. Мальберговы глоссы дѣйствительно очень важны, если ими умѣло пользоваться, но для этого, конечно, не слѣдуетъ изобрѣтать объясненій ²⁾ Опытъ прекраснаго объясненія нѣкоторыхъ глоссъ, съ цѣлью извлечь изъ нихъ указанія на исторію социальныхъ и общественныхъ отношеній германцевъ, можно находить у Сома. Онъ подвергъ между прочимъ тщательному изслѣдованію статьи объ отпущеніи на волю лита и серва *per denarium* ³⁾. Сопутствующія этимъ статьямъ глоссы имѣютъ для насъ тѣмъ большее значеніе, что находятся въ средствѣ съ глоссами титла III-го и объясняются далеко не въ благопріятномъ для теоріи г. Сибома смыслѣ.

Мальбергова глосса къ титулу 26-му передаетъ выраженіемъ „*ana theahta*“ слова латинскаго текста „*ante regem*“, иначе говоря—употребляетъ слова „передъ народомъ“ тамъ, гдѣ должно бы стоять: „передъ королемъ“. Гриммъ, Вайцъ и другіе думали, что глосса противорѣчитъ здѣсь латинскому тексту, и объясняли это тѣмъ, что глосса гораздо древнѣе происхожденія *Lex salica* и относится къ тому времени, когда у франковъ еще не было королей. Сомъ, выходя изъ разсмотрѣнія древнихъ германскихъ учрежденій, въ особенности на основаніи изученія судебного устройства, приходитъ къ

¹⁾ Vorrede XXI у Меркеля.

²⁾ Что глосса „*chamestalia*“ (*Lex salica* XLII, 1) толкуется не въ маноріальномъ смыслѣ, см. у Гримма XXVII.

³⁾ *Lex salica* XXVI, 1—2. Различія въ глоссахъ показаны у Гримма, XXX—XXXI; *Sohn*, 49—50, 561—562, 567, 569.

заключенію, что глосса не только не противорѣчитъ латинскому тексту, но составляетъ необходимое къ нему дополнение. Во время *Lex salica* освобожденіе на волю посредствомъ денарія совершалось въ народномъ собраніи, для котораго также необходимо было присутствіе короля ¹⁾. Правительственное суверенное собраніе времени *Lex salica* есть не только народное собраніе, но собраніе короля и его войска. Отпускаемый на волю чрезъ динарій становился полноправнымъ гражданиномъ; поэтому актъ совершался со всею торжественностью—въ присутствіи короля и войска, *in heris generationis*, то-есть, *vor den Sippschaften des Heeres*, какъ показываютъ параллельныя мѣста въ другихъ германскихъ законахъ ²⁾. Глоссы, относящіяся къ III-му и XXVI-му титуламъ *Lex salica*, Сомъ находитъ возможнымъ сблизить въ томъ смыслѣ, что въ томъ и другомъ случаѣ предполагается военный терминъ: *taurus qui gregem regit* есть собственно „Heerbefehler, Heerführer“, равно какъ опущеніе на волю *ante regem* есть собственно освобожденіе „*vor dem Heer*“. Этимъ достаточно доказываются неправильное пользованіе г. Сибомъ Мальберговыми глоссами и тенденціозность его изслѣдованій.

Многое въ книгѣ г. Сибомъ объясняется увлеченіемъ автора извѣстною тенденціей, но есть не мало выводовъ и заключеній, которые просто должны быть отнесены къ разряду ошибокъ или недоразумѣній. Такъ, онъ, по видимому, сознательно игнорируетъ факты, не прямо относящіяся къ эконолической исторіи, и оставляетъ безъ изученія матеріалы, касающіяся судебнаго устройства, сословныхъ отношеній и т. п. Этотъ недостатокъ одинаково встрѣчается при разсмотрѣніи англо-саксонскихъ и германо-романскихъ отношеній. Нѣтъ сомнѣнія, что г. Сибомъ зналъ факты, показывающіе присутствіе свободного населенія въ сепіоріяхъ. Онъ самъ указываетъ на законъ, требовавшій присутствія свободныхъ людей въ сепіоріальныхъ судахъ ³⁾, но не нашелъ нужнымъ вывести отсюда надлежащія заключенія. Сепіоріальные суды существовали во всей Англій, значить, вездѣ были и свободные засѣдатели. Вообразивъ себѣ искусственную

¹⁾ Das ante regem, welches zur Freilassung durch den Denar gehört, ist zugleich ein ana theatha, und umgekehrt das ana theatha, dessen dieser Act bedarf, zugleich ein ante regem. *Sohm*, S. 49.

²⁾ *Pactus Alamannorum* II, 48 (*Pertz*, III, 38).

³⁾ *Seebohm*, p. 88; by common law the existence of free tenants was essential to the Court Baron of a manor. Without some freemen, according to the old law books it could not be held.

схему социальных и сословных отношений, наш автор уже намѣренно проходитъ молчаніемъ явленія, которыя не укладываются въ эту схему. Самый любопытный обращикъ этого рода касается сословія кѣрлей (sergi), которыхъ онъ или совсѣмъ игнорируетъ, или искусственно подводитъ подъ зависимое состояніе (р. 144: the sergi who lived on „gafol land“, and to pay gafol was to do service). Между тѣмъ въ кѣрляхъ мы видимъ многочисленный классъ свободнаго населенія, который постепенно теряетъ свою свободу. На сколько опасно въ этомъ случаѣ полагаться на г. Сибома, можно видѣть изъ сопоставленія взглядовъ его съ текстами. Оказывается, что кѣрль, владѣющій нитью гуфами, становится тапомъ¹⁾. Приводя законы короля Ине, г. Сибомъ также намѣренно оставляетъ безъ вниманія тѣ постановленія, которыми предусматриваются случаи, когда помѣщикъ стремится прировнять разнородные классы населенія — платящихъ оброкъ и несущихъ барщину, ибо на подобныхъ постановленіяхъ можно изучить процессъ постепеннаго обращенія свободнаго крестьянскаго сословія въ зависимое состояніе.

Очевидно, что безъ тщательной провѣрки нельзя полагаться на выводы г. Сибома. Онъ хочетъ вездѣ видѣть опредѣленные и неизмѣнныя формулы и, когда встрѣчается съ случаями, составляющими исключеніе, обходитъ ихъ молчаніемъ. Нельзя сказать, что онъ много воспользовался даже англійскою литературой для своего предмета, не говоря уже о нѣмецкой. Въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія (ноябрь 1883 года) былъ уже помѣщенъ разборъ этого труда, составленный профессоромъ Виноградовымъ; въ этомъ разборѣ можно находить также полезныя указанія на англійскія пособія, пропущенныя г. Сибомомъ. Весьма любопытно, между прочимъ, замѣчаніе г. Виноградова, что на древнихъ иллюстраціяхъ хозяйственныхъ работъ и занятій крестьянъ, описанныхъ у Лео и у Ларкинга, въ плугѣ изображены четыре вола. Этимъ значительно ослабляется, по нашему взгляду, одно изъ важнѣйшихъ положеній г. Сибома о значенія плуговой запражки въ восемь воловъ для объясненія чрезаполосности. Серьезный разборъ книги г. Сибома былъ также помѣщенъ въ англійскомъ журналѣ *Athenaeum* за 4-е августа 1883 года.

Должно, однако, признать, что множество не доказанныхъ положеній и оставшихся не порѣшенными вопросовъ можетъ говорить не про-

¹⁾ *Gneist*, *Englische Verfassungsgeschichte*, S. 76—77.

тивъ, а въ пользу г. Сибома: онъ умѣлъ поднять неизмѣримую массу вопросовъ и осмыслить ихъ съ новой точки зрѣнія. Въ области соціальной и экономической исторіи, которая у него чуть ли не въ первый разъ поставлена такъ широко, само собою разумѣется, и нельзя ожидать сразу окончательнаго рѣшенія частью только что нарождающихся вопросовъ. Можно удивляться смѣлости, съ которою англійскій ученый берется за перерѣшеніе обычныхъ взглядовъ и теорій относительно процесса средневѣковаго развитія.

Мы думаемъ, что, претендуя разрѣшить всемірно-историческую проблему, г. Сибомъ не далъ себѣ отчета въ наличныхъ научныхъ средствахъ. Укажемъ хоть на то, что западно-европейская или собственно германская экономическая система не можетъ считаться типическою для всей экономической и соціальной исторіи Европы, и слѣдовательно, по ней нельзя строить всемірно-историческую теорію, требовалось еще болѣе расширить поле изученія, на чтѣ у г. Сибома не хватало средствъ и подготовки. Ограничимся на этотъ счетъ нѣсколькими замѣчаніями общаго характера.

Основная и, можно сказать, руководящая идея у г. Сибома та, что экономическая и соціальная эволюція постепенно направляется къ освобожденію массъ народа изъ рабскаго или зависимаго состоянія. Его изслѣдованіе имѣетъ цѣлью доказать, что чѣмъ дальше и глубже смотрѣть въ исторію, тѣмъ больше находимъ привилегій, меньше свободныхъ состояній и неумолимое рабство, что этотъ законъ эволюціи, наблюдаемый въ исторіи Великобританіи, имѣетъ всемірно-историческое значеніе.

Прежде всего, конечно, имѣется у автора въ виду гражданскій и экономическій строй, выработанный древнимъ міромъ и оставленный имъ въ послѣдство среднимъ вѣкамъ. Предполагается уже доказаннымъ, что состояніе крестьянскаго или земледѣльческаго сословія въ римскую эпоху было гораздо хуже, чѣмъ въ средніе вѣка, при полномъ развитіи феодальныхъ отношеній. Нѣтъ сомнѣній, что и въ общемъ отстоять это положеніе въ высшей степени трудно, такъ какъ самое понятіе о худшемъ или лучшемъ состояніи значительно измѣнилось и будетъ измѣняться съ теченіемъ времени; въ частности же, можно ли утверждать, что рабовладѣльцы XVIII вѣка гуманнѣе обращались съ зависимымъ отъ нихъ населеніемъ, чѣмъ римскіе помѣщики, обработывавшіе свои земли рабскимъ трудомъ? Словомъ, на этой почвѣ едва ли можно строить основаніе для историческихъ выводовъ.

Далѣе, предполагается, что первичная форма владѣнія землей во всѣхъ странахъ была болѣе или менѣе одинакова. Вездѣ, будто бы, землевладѣніе было въ рукахъ немногихъ привилегированныхъ родовъ или лицъ, масса же населенія всегда сидѣла на чужой, то-есть, зависимой отъ помѣщика землѣ; свободнаго мелкаго землевладѣнія, будто бы, не знаетъ исторія. Господская усадьба и вокругъ нея участки зависимой деревенской общины — вотъ самая обыкновенная и общая форма владѣнія землей, наблюдаемая въ древнемъ и новомъ мірѣ.

Противъ этихъ положеній можно находить возраженія, какъ въ исторіи древняго, такъ и новаго землевладѣнія.

Массы рабовъ въ древнемъ мірѣ, превышающихъ въ нѣсколько разъ число гражданъ, еще не могутъ служить доказательствомъ отсутствія мелкаго свободнаго землевладѣнія. Будучи результатомъ завоеванія и пораженія чуждыхъ народностей, рабство не разъясняетъ еще земельнаго устройства, наприимѣръ, въ древне-греческихъ государствахъ. Въ Спартѣ на ряду съ илотами находимъ періэковъ; послѣдніе, не будучи спартанскаго происхожденія, не были, однако, зависимыми отъ помѣщиковъ крестьянами и сидѣли не на господской землѣ. Относительно Атики вопросъ о формахъ землевладѣнія представляется еще менѣе благоприятнымъ по отношенію къ теоріи г. Сибома.

Какъ извѣстно, въ связи съ сисахоіей Солона¹⁾ находится едва ли не древнѣйшія свидѣтельства о системѣ землевладѣнія и о положеніи крестьянскаго сословія. Подъ сисахоіей и въ древности разумѣли, и нынѣ понимается рядъ мѣръ, принятыхъ Солономъ въ облегченію участи угнетеннаго нищетою и кабалой крестьянскаго сословія Атики. Но кого понимать подъ этими обнищавшими и закабаленными — на этотъ счетъ существуютъ разныя воззрѣнія. По господствующему воззрѣнію, здѣсь нужно подразумѣвать зависимыхъ отъ помѣщиковъ земледѣльцевъ. Противъ этого взгляда существуютъ, однако, серьезныя возраженія, частію указанія Боккомъ и Гротомъ, но особенно ясно сформулированныя въ „Исторіи Греціи“ Кокса²⁾. Возраженія по преимуществу основываются на толкованіи одной элегии Солона³⁾, въ которой находится слѣдующее: „Мать Кроноса, ве-

¹⁾ Plutarchi, Solon, c. XV.

²⁾ Böckh, Die Staatshaushaltung der Athener, I, 664, 694; Grote, II, c. XI; Coz, A History of Greece, I, 197—203.

³⁾ Bergk, Poetae Lyrici Graeci, Fragm. 36.

личайшая изъ богинь Олимпа. Черная земля! Ты была прежде рабыней, нынѣ же получила свободу, такъ какъ я уничтожилъ столбы, разставленные повсюду, и возвратилъ Аѳиняамъ многихъ гражданъ, проданныхъ на чужбину". Это мѣсто приводитъ къ предположенію, что крестьяне должны были во время Солона быть собственниками мелкихъ участковъ, если они могли закладывать ихъ подъ свою личность, ибо арендаторы не могли отдавать подъ залогъ чужой участокъ. Самая сисахеіа Солона, выражающаяся въ уничтоженіи столбовъ (*δρουσ ἀνεῖλον*), можетъ быть объясняема въ смыслъ уничтоженія религіознаго и родоваго права на землю. Вообще же древность не можетъ оправдать положеніе, будто искони извѣстна была одна господская земля, обрабатываемая рабами или крѣпостными крестьянами.

Точно также далеко не такъ представляется упрощеннымъ вопросъ землевладѣнія и сословія послѣ паденія Римской имперіи, у новыхъ народовъ. Въ этомъ отношеніи англійскій ученый не обратилъ вниманія на факты, обнаруживающіеся при изученіи земельныхъ отношеній въ Восточной имперіи, и вообще не изучалъ земельного строя у славянъ. Безъ правильной оцѣнки явленій экономической и социальной жизни въ восточной Европѣ, конечно, нельзя создавать теорій, которыя претендовали бы на названіе всемірно-историческихъ. Параллельность экономической и социальной эволюціи на востокъ и на западъ должна быть допускаема съ большими ограниченіями. Вычеркнувъ изъ западно-европейской исторіи германскую марку, г. Сибомъ, конечно, не допускаетъ возможности такого сочетанія историческихъ условій, которыя предохранили бы марковое устройство отъ разложенія. А между тѣмъ такия условія сложились въ Восточной имперіи, въ которой свободная крестьянская община засвидѣтельствовала юридическими памятниками VIII вѣка, законодательными актами X вѣка и административною и судебною практикою до самаго паденія Восточной имперіи. Далѣе, эта свободная крестьянская община и мелкое землевладѣніе составляетъ существенную особенность земельного хозяйства у славянъ и по настоящее время. Весьма вѣроятно, что она окажется въ состояніи бороться и впредь съ новыми требованіями, являющимися законами экономического развитія, и будетъ служить краснорѣчивымъ опроверженіемъ теорій, составляемыхъ для оправданія существующихъ социальныхъ порядковъ въ западной Европѣ.

Патронимическія окончанія мѣстныхъ именъ на *ici* или *ici* (*Seebohm*, 354—355) совершенно напрасно приводятся въ доказательство

мнимаго сепіоріальнаго устройства славянскихъ поселеній. Выраженіе „Rusticus Quetico cum suis heredibus locavit villam Queticoviz“ не можетъ обозначать помѣщичьей усадьбы ¹⁾.

При всемъ несочувствіи къ тенденціямъ автора и не смотря на явную ошибочность нѣкоторыхъ его выводовъ, мы не можемъ не сказать въ заключеніе, что книга „The English Village Community“ относится къ числу такихъ, которыя изучаются съ большою пользою. Богатство матеріаловъ, во многихъ случаяхъ извлеченныхъ изъ рукописей, широкая постановка любопытнѣйшихъ вопросовъ и ясность объясненій весьма темныхъ земельныхъ и податныхъ терминовъ дѣлаютъ изъ книги г. Сибома безусловно необходимое пособіе для занимающихся исторіей землевладѣнія и экономическаго вопроса.

●. Успенскій.

Докторпческое единство символьскихъ и арійскихъ языковъ и народовъ. Н. Н. Бодрова. Воронежъ. 1885.

Въ настоящемъ сочиненіи авторъ пожелалъ „устранить всякое сомнѣніе въ ближайшемъ родствѣ и первоначальномъ единствѣ символьскихъ и арійскихъ языковъ“. На еврейскій языкъ опъ смотритъ какъ на основаніе и мать всѣхъ языковъ: „Еврейскій языкъ по неотъемлемому праву долженъ быть поставленъ, если уже не во главѣ науки сравнительнаго языкознанія, то по крайней мѣрѣ наравнѣ съ санскритскимъ языкомъ“. Притомъ онъ настойчиво требуетъ введенія еврейскаго языка въ среднія учебныя заведенія, такъ какъ „безъ знанія еврейскаго языка не могутъ имѣть надлежащаго успѣха ни сравнительное языкознаніе, ни правильная классическая школа“.

Въ этихъ немногихъ словахъ предлагается сразу нѣсколько первостепенныхъ задачъ наукъ: 1) общее происхожденіе языковъ изъ одного источника; 2) происхожденіе всѣхъ языковъ изъ еврейскаго и 3) цѣль классической школы и отношеніе еврейскаго языка и еврейской литературы къ классицизму.

¹⁾ Для попроса о мѣстныхъ славянскихъ именахъ см. изслѣдованія Миклошича въ *Denkschriften der Kaiserl. Ak. der Wissenschaften*, phil.-hist. Classe, 10, 14, 21, 23. Въ послѣднихъ книжкахъ *Archiv für Slavische Philologie* (VII B., 4-es Heft) тому же вопросу посвящается изслѣдованіе профессора *Первольфа*, изъ котораго и заимствованы нами латинскій текстъ (S. 592).

Послѣдній вопросъ мы оставимъ въ сторонѣ, такъ какъ потребовалась бы особая статья, чтобы доказать автору, что общее образование юношества вовсе не нуждается въ сравнительномъ языковѣдѣніи, и что совершенно другія причины, не имѣющія ничего общаго съ изученіемъ еврейскаго языка, побуждаютъ всѣхъ разумныхъ и образованныхъ людей давать своимъ дѣтямъ образование классическое. Но и помимо того, довольно будетъ ограничиться здѣсь первыми двумя пунктами. При этомъ будемъ касаться не существа самихъ этихъ вопросовъ, а только того метода, съ каковымъ къ нимъ отнесся г. Бодровъ.

Единство языковъ—спорный пунктъ всѣхъ школъ лингвистовъ—считалось несомнѣнною истиной въ то блаженное время, когда для рѣшенія научныхъ вопросовъ не было нужно ни методовъ, ни законовъ, когда люди такъ мало знали, что могли рѣшительно справиться а priori со всѣми вопросами, не опасаясь противника. Наука разбила этотъ догматъ, усомнилась въ немъ, какъ во всемъ, и только послѣ долгаго и труднаго пути позволить вернуться къ нему, когда законы отдѣльныхъ группъ языка будутъ такъ точно определены, что будетъ возможно на основаніи ихъ приступить къ сравненію отдѣльныхъ группъ. Г. же Бодровъ разрѣшилъ этотъ гордіевъ узелъ очень легко и сразу объявилъ, что всѣ языки произошли изъ одного еврейскаго. Такъ дѣйствительно думали во время оно, и много труда было потрачено на этотъ вопросъ, пока Лейбницъ не высказался рѣшительно противъ такого рѣшенія. Лишь съ надеженіемъ этого вопроса начинается научный періодъ языковѣдѣнія; открытіе санскритскаго языка даетъ всѣмъ работамъ новое направленіе, и труды множества ученыхъ лингвистовъ, начиная съ Вуппа и кончая „новыми грамматиками“, воздвигаютъ величественное зданіе современнаго языковѣдѣнія. Г. Бодровъ сталъ на точку зрѣнія св. Иеронима, который считалъ еврейскій языкъ отцомъ всѣхъ прочихъ, пропустилъ цѣлое столѣтіе научныхъ трудовъ и, не обращая никакого вниманія на законы науки, съ словарями въ рукахъ, сравниваетъ еврейскій языкъ съ остальными. Свои законы сравненія онъ предлагаетъ въ какой-то бѣдной табличкѣ звуковъ, переполненной ошибками, которая красуется передъ „сотнями“ его еврейско-арійскихъ словъ. „Плавныя буквы“ (sic), говоритъ онъ,—„M, N, L и R всегда остаются безъ измѣненія, но прочія согласныя не рѣдко мѣшаются“. Что за прелестное выраженіе у человѣка науки: „согласныя мѣшаются“! При подобномъ смѣшеніи и путаницѣ, конечно, не можетъ быть никакихъ научныхъ

законовъ. Далѣе, неужели г. Бодровъ не знаетъ, что въ арійскихъ языкахъ звуки R и L постоянно „мѣняются“, или, какъ говорится въ наукѣ, почти во всѣхъ случаяхъ наше европейское L произошло изъ праарійскаго R. Почти то же самое можно утверждать въ весьма многихъ случаяхъ о звукахъ M и N. Наше девять песомѣнно то же самое слово, какъ латынское *novem*, лат. *lascīna*—*δάκρυον*, наше смертный—*βροτός* и т. д. Значить, звуки M, N, L, R допускаютъ весьма много перемѣнъ. Въ табличкѣ г. Бодрова (стр. 7) первая строка имѣетъ слѣдующій видъ:

евр.	греч.	лат.	санскр.	слав. русск.
В =	β π φ	brv	б, бз	б (в)

Здѣсь встрѣчаются между прочимъ слѣдующія ошибки: 1) греч. β = санскр. g, и весьма рѣдко санскр. b; напимѣрь, βάρως, лат. *gavis*, санскр. *gigus*, βάριστος = *garisthas*; 2) греч. π = санскр. ph, k или p, а не b, *bg*, какъ являеть г. Бодровъ; напимѣрь, греч. ἑπομαι, лат. *sequor*, санскр. *sar* (*sak*); πόσις = санскр. *patis* и пр.; 3) лат. p = санскр. p, а не b или *bg*, напимѣрь, *pes* *noxa* = санскр. *pal-as* (*gen*); 4) лат. v = санскр. v, а не b или bh, ср. *novus* *novus* = санскр. *navas*. Подобнымъ небрежнымъ образомъ составлена вся таблица. Г. Бодровъ не знаетъ даже перебора звуковъ въ славянскихъ языкахъ. Такъ у него наши звуки *з* и *ж* сопоставлены съ лат. *z*, греч. ζ и α, или и, ч съ греч. δ, τ, α, лат., *z*, *t*, *z*. Галай не знаетъ г. Бодровъ, что слав. *з* произошло изъ праарійскаго gh, съ которыми не имѣютъ ничего общаго ни лат. *z*, ни греч. ζ и α? Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ звуковъ въ арійской фонологіи является звукъ *к*, который въ славянскихъ языкахъ сохранился или какъ *с* (санскр. *ś*), или какъ *к* и его производныя *ц*, *ч*. Г. Бодровъ даже не подозреваетъ связи нашего *с* съ греческимъ *κ* или санскр. *ś*, и на оборотъ приводитъ то же самое *с* въ связи съ множествомъ звуковъ, съ которыми оно не имѣетъ ничего общаго. Трудно даже разобраться въ той путаницѣ, которую мы находимъ въ его таблицѣ. За таблицей слѣдуютъ „общія наименованія разныхъ предметов“. Для примѣра возьмемъ изъ множества словъ, имъ приведенныхъ, хоть нѣскольکو. На стр. 18 онъ приводитъ: „предметы и явленія природы“ и сопоставляетъ евр. *эялел* (денница) съ греч. ἥλιος, пѣм. *helle*, ἔληη. Курьезенъ методъ г. Бодрова! Корень слова ἥλιος, какъ и наше солнце, лат. *sol*, есть санскр. *svag*, вендск. *hvac*—*svag*. Онъ сохранился въ названіи славянскаго бога Сварога, и по всей вѣроятности, тождественно съ нимъ и имя бога Хорса. Какъ теперь привести въ связь еврейское *эялел* съ корнемъ *svag*? Почему г. Бодровъ не указалъ на эту связь,

почему не показалъ, какимъ перемѣнамъ подвергался корень *vav* въ еврейскомъ языкѣ, пока не приобрѣлъ форму, по звуку очень похожую на греч. *ῥῥιος*? По видимому, онъ даже не подозреваетъ связи между *ῥῥιος* и *vav*. Затѣмъ, стрюкой ниже, читаемъ: бскер (утрю), по еврейски, по литовски *вакарас*, по русски *вѣчеръ*, и нѣсколько ниже: э-шперэ (вечерпля *вѣзда*, *зари*)—*э-сперэ*, *э-зпар-ос vesper*. Такимъ образомъ авторъ приводитъ послѣднія слова къ корню *vra*, между тѣмъ какъ всѣ лингвисты согласно признаютъ корнемъ этихъ словъ *vas*=*сіать* и сближаютъ съ ними также наше *вечеръ* и литовское *вакагас*. Самая древняя форма имѣла видъ *vas-kaга-s* и обозначала вечерній закатъ солнца. Наше облако *г*. *Водровъ* сближаетъ съ еврейскимъ об? (туча); значить, и слав. *облачніе*, и чешск. *oblčk* (одежда) обозначаютъ „тучу“ на человѣческомъ тѣлѣ! Еврейское *эре* сближаетъ онъ съ греч. *βρος*, русскимъ *гора*, санскр. *giri*, вендск. *gagi*, хотя *βρος* и *г+ора* (!) принадлежатъ къ двумъ совершенно разнымъ корнямъ: *ор* изъ *аг* подниматься и *гаг* быть тяжелымъ, давить, ср. лат. *gravis* и греч. *βαρός*.

Нѣсколько далѣе (стр. 22), подъ заглавіемъ „четвероногіо“, *г*. *Водровъ* сближаетъ: *ан* (шакаль, дикій звѣрь), санскр. *aja* и *avi* овца съ греч. *ῥς*, лат. *ovis*. Сколько тутъ напутано въ одной строкѣ! *Ajá*-*коза* не имѣетъ ничего общаго съ *avi*, *ov-is*, овца, такъ какъ *aja* происходитъ отъ корня *аг* быть подвижнымъ (ср. лат. *ag-ills*), а остальные слова отъ корня *ав*; конечно, у *г*. *Водрова*, по видимому, не существуетъ никакой разницы между *v* и *j* (*g*). Еще далѣе *г*. *Водровъ* сближаетъ: *аку* (олень, лань)—*equus*, *васса*, нѣм. *Kuh*. Мѣсто классическое даже у *г*. *Водрова*! *Equus*, *васса*, *kuh*—одного корня! Стыдно становится за *Пота*, *Шлейхера*, *Цикте*, *Фикка* и другихъ, которые упорно относятъ *equus* къ корню *ак* быстрый (ср. греч. *ῥξος*, лат. *аси*—русск. *острый* и т. д.), *васса* къ звукоподражательному *vak*, отъ котораго имѣемъ санскр. *vaçá* корова, лат. *vagite* ревѣть, греч. *φῥῥῥῥ* звукъ, эхо; наконецъ, *kuh* къ звукоподражательному корню *gu*, известному изъ санскр. *go*, греч. *βοῦς*, лат. *bos*, церк.-слав. *говадо*. Еще лучше справился *г*. *Водровъ* нѣсколько ниже (стр. 23) съ осломъ въ греч. *βνος*. Это послѣднее слово онъ сопоставляетъ съ словомъ *овецъ*, литовскимъ *avinas*, кельтскимъ *oin* ягненокъ, евр. *oan* (ягненокъ, баранъ), хотя каждый даже начинающій лингвистъ могъ бы растолковать ему, что кельтск. *oin* (*on=ogn*) есть то же самое слово, что и русск. *ягненокъ*, лат. *agnus* отъ корня *аг*; *avinas* же принадлежитъ къ корню *ав*, а злополучный *βνος*, можетъ быть, еврейскаго происхожденія, какъ и лат. *asinus*, нѣм. *Esel*, только не отъ корня то-

жественнаго съ оап. Послѣ этихъ примѣровъ, не входя въ дальнѣйшій разборъ всѣхъ перловъ филологическихъ познаній г. Бодрова, ограничимся указаніемъ лишь на одно великое открытіе, которое онъ представляетъ на стр. 45 своею этимологіей слова челоуѣкъ: сравнивъ множество словъ, онъ приходитъ къ заключенію, что челоуѣкъ=теленокъ, какъ по этимологіи, такъ и по значенію.

Приведенные примѣры совершенно ясно освѣщаютъ методъ г. Бодрова. Его грамматическія и другія теоріи, скудно разсѣяныя въ его книгѣ, не уступаютъ по достоинству его этимологіямъ. Г. Бодровъ, очевидно, не признаетъ никакихъ законовъ сравнительнаго языкованія, и по тому на этой почвѣ говорить съ нимъ не возможно. Можно было бы и совсѣмъ предать брошюру г. Бодрова забвенію, и это навѣрное было бы наилучшимъ образомъ выразить ему благодарность за тяжелый трудъ, имъ исполненный, если бы сотни его недѣльныхъ этимологій, не появились на страницахъ журнала, который, существуя много лѣтъ, оказалъ извѣстныя услуги сравнительному языкованію въ Россіи¹⁾. Въ предположеніи г. Бодрова есть извѣстная доля правды, но она ему не принадлежитъ, и онъ своею трудною работою принесъ ей болѣе вреда, чѣмъ пользы.

И. Мичкинъ.

КАВАЗИМЕ. VOYAGE EN FRANCE 1789—1790. Traduit du russe et annoté par A. Legrelle. P. 1885.

Г. Легреллю, автору прекрасной монографіи о датскомъ писателѣ Гольбергѣ и извѣстнаго сочиненія „Louis XIV et Strasbourg“, подробное обобраніе котораго, послѣдній трудъ покойнаго профессора В. В. Бауера, было помѣщено въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за прошлый годъ, пришло на мысль перевести ту часть „Писемъ русскаго путешественника“, которая касается Франціи. Трудъ г. Легрелля заслуживаетъ полнаго вниманія русскіхъ читателей.

Значеніе „Писемъ“ Карамзина въ русской литературѣ давно опредѣлено ученою критикой. Кромѣ многихъ прекрасныхъ замѣчаній, высказанныхъ о нихъ г. Галаховымъ въ его „Исторіи русской словес-

¹⁾ Филологическія Записки, издаваемые г. Хованскимъ въ Воронежѣ (1884 г., вып. 1—6).

ости* п особыхъ статьяхъ, знаменитымъ „Письмамъ“ посвященъ превосходный очеркъ Ѳ. И. Буслаева, въ которомъ мастерски характеризована „необычайная цивилизующая сила этихъ писемъ“¹⁾. Но еще въ 1834 году, при началѣ своей критической дѣятельности, Вѣлинскій произнесъ о нихъ довольно строгое сужденіе²⁾, которое потомъ повторялъ неоднократно; то же было высказываемо и нѣкоторыми другими критиками³⁾.

Отдавая справедливость живому слогу „Писемъ“, Вѣлинскій находилъ ихъ содержаніе ничтожнымъ, мелкимъ и поверхностнымъ и объяснял это тѣмъ, что Карамзинъ „не былъ ученъ основательно“. Письмамъ Карамзина Вѣлинскій противопоставлялъ заграничныя письма фонъ-Визина, въ которыхъ видѣлъ гораздо больше дѣльности. Не будемъ говорить о сравнительномъ достоинствѣ путевыхъ замѣтокъ двухъ названныхъ авторовъ; но не можемъ не указать на то, что оцѣнка „Писемъ“, сдѣланная гг. Буслаевымъ и Галаховымъ, уже достаточно опровергла несправедливое сужденіе о нихъ Вѣлинскаго, при чемъ г. Буслаевъ именно замѣтилъ, что „прежде всего поражаетъ въ „Письмахъ русскаго путешественника“, многосторонняя и основательная образованность, которую могла дать ему Россія въ концѣ прошлаго столѣтія, и въ которой онъ нашелъ достаточное приготовленіе, чтобы не только вести полезную для себя бесѣду съ такими европейскими знаменитостями, какъ Виландъ, Гердеръ, Лафатеръ, Кантъ, Боннетъ, но и внушить имъ уваженіе къ нему“.

Теперь мы находимъ новое опроверженіе сужденію Вѣлинскаго, высказанное уже не нашею, а французскою критикой—съ новыхъ точекъ зрѣнія.

Мы сказали „французскою критикой“ потому, что о „Письмахъ“ Карамзина высказался во Франціи, въ недавнее время, не одинъ г. Легрелль, но и нѣкоторые другіе писатели. Дѣло въ томъ, что еще прежде появленія книги, заглавіе которой нами упомянуто въ началѣ этой статьи, изданъ былъ сокращенный французскій переводъ „Писемъ русскаго путешественника“⁴⁾, и это изданіе не осталось не за-

¹⁾ Очеркъ г. Буслаева былъ написанъ по случаю Карамзинскаго юбилей въ 1866 г., а недавно перепечатанъ при новомъ изданіи «Писемъ русскаго путешественника», сдѣланномъ г. Суворовымъ въ 1884 году.

²⁾ Сочиненія, т. I, стр. 63, 64; ср. т. VIII, стр. 137, и т. XII, стр. 157.

³⁾ Напримѣръ, въ замѣчаніяхъ И. Ф. В—на на сочиненіе князя Вяземскаго о Фонъ-Визинѣ — *Московскія оцѣночки* 1851 г., № 105.

⁴⁾ *Lettres d'un voyageur russe en France, en Allemagne et en Suisse, traduites du russe par V. de Parochine*. P. 1867.

мѣченныиъ для тѣхъ французскихъ писателей, которые занимаются исторіей своего отечества въ концѣ прошлаго вѣка. Такъ, г. Лескюръ, въ своей книгѣ о Риваролѣ, воспользовался свидѣтельствами Карамзина о настроеніи французскаго общества при началѣ революціоннаго періода и удачно сблизилъ слова нашего писателя съ наблюденіями другихъ современниковъ¹⁾, а г. Бабб, авторъ книги о путешественникахъ по Франціи въ старое время, посвятилъ „Письмамъ“ Карамзина цѣлую главу, въ которой далъ имъ самую сочувственную оцѣнку²⁾. Русскій авторъ въ пятидесятыхъ годахъ (въ Московскихъ Вѣдомостяхъ) утверждалъ, что по „Письмамъ русскаго путешественника“ совсѣмъ не возможно было и догадаться о томъ, что въ главахъ его дѣлалось во Франціи, что происходило въ Парижѣ и обращало на себя вниманіе всей Европы, а французскіе писатели, изучающіе революціонный періодъ, придаютъ цѣну показаніямъ Карамзина о тогдашнихъ общественныхъ явленіяхъ во Франціи.

Сужденіе новаго переводчика „Писемъ“ Карамзина, г. Логрелля, о наблюденіяхъ русскаго путешественника на французской почвѣ еще важнѣе, потому что г. Логрелль могъ обстоятельнѣе своихъ предшественниковъ ознакомиться съ сочиненіемъ нашего соотечественника.

Какъ мы уже сказали, въ книгѣ г. Логрелля переведена вся та часть Карамзинскихъ „Писемъ“, которая относится до Франціи. Въ противоположность Порошину, который пересдѣлывалъ текстъ Карамзина съ сокращеніями и измѣненіями, г. Логрелль перевелъ избранный имъ отдѣлъ „Писемъ“ сплош; онъ позволялъ себѣ пропустить лишь нѣсколько цитатъ Карамзина изъ французскихъ писателей, а также нѣсколько разказовъ и разсужденій его, не имѣющихъ никакого отношенія къ Франціи, и всѣ эти пропуски добросовѣстно оговорилъ въ примѣчаніяхъ (стр. 51, 60, 140, 162, 307). Сличеніе перевода съ подлинникомъ въ разныхъ мѣстахъ книги убѣдило насъ въ томъ, что переводъ сдѣланъ очень вѣрно, съ полнымъ пониманіемъ текста.

Примѣчанія, которыми г. Логрелль снабдилъ свой переводъ, многочисленны и очень интересны. Одни изъ нихъ посвящены исправленію разныхъ неточностей въ историческихъ и топографическихъ показаніяхъ Карамзина и въ приведенныхъ имъ названіяхъ мѣстностей;

¹⁾ Rivarol et la société française pendant la révolution et l'émigration. Par m. de Lescurc. P. 1883, стр. 342—344.

²⁾ Les voyageurs en France depuis la Renaissance jusqu'à la Révolution. Par Albert Babeau. P. 1885, p. 388—394.

другія сообщаютъ біографическія свѣдѣнія о лицахъ, названныхъ Карамзинимъ, въ томъ числѣ и русскихъ; третій родъ примѣчаній заключаетъ въ себѣ бібліографическія данныя объ упоминаемыхъ путешественникомъ произведеніяхъ французской литературы и указываетъ на французскіе источники различныхъ его сообщеній и цитатъ; наконецъ, есть и такія примѣчанія, гдѣ г. Легреллю пришлось объяснить намеки Карамзина на разныя обстоятельства и черты русской жизни и исторіи. Уже изъ этого перечня видно, что богатыя по содержанию примѣчанія г. Легрелля, могутъ быть занимательны и для русскихъ читателей, и въ особенности полезны для будущихъ издателей „Писемъ русскаго путешественника“¹⁾.

Переводу писемъ Карамзина о Франціи предпослана небольшая біографія знаменитаго русскаго писателя, составленная при помощи русскихъ пособій. Извлекаемъ изъ нея слѣдующую характеристику „Писемъ“.

„Предоставляемъ читателю самому судить объ историческомъ и нравственномъ достоинствѣ „Писемъ“. Безъ сомнѣнія, ихъ недостаточно, чтобы доставить у насъ Карамзину славу историка; онъ довольно мало прибавилъ къ тому, что мы знаемъ о нашемъ національномъ прошломъ. Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ признать, что онъ оставилъ намъ картину Парижа въ 1790 году, составленную, правда, на манеръ мозаики, почти сплошь изъ вторыхъ рукъ и не всегда надежную въ археологическомъ отношеніи, но за то набросанную бойкою рукой и колоритною кистью. Она несомнѣнно представляетъ цѣнный

¹⁾ Чтобы дать понятіе объ интересѣ примѣчаній г. Легрелля, укажемъ два примѣра. На стр. 131—132, по поводу видѣнной Карамзинимъ оперы Булли «Петръ Великій», г. Легрелль сообщаетъ характеристику Петра, сдѣланную французскимъ дипломатическимъ агентомъ въ Берлинѣ въ 1697 г., когда тамъ находился русскій государь; выписка эта извлечена изъ бумагъ французскаго архива иностранныхъ дѣлъ. На стр. 213 г. Легрелль отмѣчаетъ въ Карамзинѣ «проницательность истиннаго историка» въ его разсужденіяхъ по поводу разныхъ предположеній о томъ, что за человѣкъ скрывался подъ извѣстною Желтаною Маской. Разумѣется, слабѣе другихъ тѣ примѣчанія, гдѣ г. Легреллю пришлось объяснить обстоятельства русской жизни; такъ, толкованіе названія Преображенскаго полка на стр. 130 совершенно не вѣрно; не вѣрно также замѣчаніе о происхожденіи названія С.-Петербурга на стр. 37; указаніе на иностранныя источники Наказа Екатерины на стр. 202 могло бы быть гораздо полнѣе, если бы г. Легрелль справился съ французскимъ изданіемъ этого сочиненія, сдѣланнымъ въ Лозаннѣ, въ 1769 г.; въ примѣчаніи на стр. 31 упоминается какой-то русскій со странною фамиліей: Kalikova.

материалъ для исторіи и описанія нашего великаго города въ данный моментъ. Будемъ благодарны нашему гостю за то, что онъ ни въ чемъ не уклонился отъ обязанности говорить намъ правду, даже горькую, за то, что онъ съ такимъ хладнокровіемъ и здравымъ смысломъ произнесъ сужденіе о той французской революціи, которой онъ видѣлъ только начало, но о которой, уже судя по первымъ примѣтамъ, не могъ предречь ничего добраго. А между тѣмъ онъ принесъ съ собою, кромѣ огромнаго запаса политическаго оптимизма, не мало политическихъ и социальныхъ иллюзій, заимствованныхъ у знаменитѣйшихъ нашихъ писателей. Перваго столкновенія съ дѣйствительностью было достаточно, чтобы разрушить очарованіе. Довольно взглянуть поближе на такъ-называемое правительство общественнаго мнѣнія, чтобы быстро разочароваться въ системѣ и въ особенностяхъ въ тѣхъ, кто приводитъ ее въ дѣйствіе. Карамзину не долго пришлось обманываться и на счетъ людей, и на счетъ событій. Что почувствовалъ бы онъ, что написалъ бы, если бы пріѣхалъ въ Парижъ не въ 1790 году, а напимѣръ, въ 1792, какъ англичанинъ Джонъ Муръ? Въ настоящее время, когда борьба на этой почвѣ горячѣе, чѣмъ когда-либо, когда одни со слѣпымъ остревеніемъ выставляютъ слабыя стороны стараго порядка, между тѣмъ какъ другіе видятъ въ 1789 годѣ только отравленный и роковой зародышъ эпохи террора, — пріятно встрѣтить молодого двадцати-четырёхлѣтняго иностранца, который, будучи очевидцемъ и случайнымъ свидѣтелемъ нѣкоторыхъ сценъ этой глубоко смутной поры, сохраняетъ, вопреки своей наклонности къ энтузіазму, достаточно безпристрастія, чтобы соблюсти равновѣсіе между приближающеюся къ концу монархіей и демократіей въ колыбели, между своими тайными влеченіями и правдой событій, и который, въ концѣ концовъ, уже думаетъ о революціи приблизительно то, что, по всей вѣроятности, будетъ думать о ней потомство, *sine ira et studio*... Быть можетъ, авторъ покажется болѣе склоннымъ къ лиризму, чѣмъ это желательно въ наблюдателѣ. Но не будемъ гнѣваться на него за это. Это дуновеніе весны ни когда не вредитъ правдивости разказа и даже придаетъ ему какую-то своеобразную прелесть, которая теперь кажется особенно привлекательною. Карамзина нечего защищать: онъ въ то время своей жизни былъ ученикомъ Руссо, и ученикомъ глубоко убѣжденнымъ... Прежде всего онъ добръ и искрененъ. Воздухъ, которымъ дынешь около него, свѣжъ, чистъ и здоровъ. Лучше, чѣмъ кто-либо, онъ, самъ того не подозревая, учитъ искусство быть молодымъ, искус-

ству, дающему едва ли не лучшее средство оставаться честнымъ по природѣ. Не одинъ изъ его молодыхъ соотечественниковъ перечесть его съ пользою въ наше время „научнаго“ разочарованія и надуманнаго нигилизма. Мы думаемъ, что лучшаго путеводаителя для русскаго въ Парижѣ не было написано, и были бы счастливы, если бы съ береговъ Невы или Москвы-рѣки прїѣзжали къ намъ люди, съ намѣреніями столь же серьезными, какъ тѣ, что питалъ Карамзинъ“.

Изъ этихъ строкъ видно, что г. Легрелль вообще очень вѣрно понялъ характеръ и образъ мыслей Карамзина, его нравственную личность. Если бы г. Легрелль познакомился съ нѣкоторыми изъ мелкихъ его сочиненій, каковы, съ одной стороны, „Разговоръ о счастьи“ и переписка Мелодора съ Филалетомъ, а съ другой—разсужденіе „о счастливѣйшемъ времени жизни“, онъ могъ бы еще ближе прослѣдить развитіе и измѣненіе воззрѣній Карамзина, на котораго великій переворотъ во Франціи, отчасти лично имъ видѣнный, оказалъ столь сильное дѣйствіе. Но къ сожалѣнію, почтенный французскій переводчикъ не знаетъ этихъ произведеній нашего соотечественника даже по характеристикѣ ихъ въ „Исторіи русской словесности“ г. Галахова.

Какъ бы то ни было, трудъ г. Легрелля вполнѣ заслуживаетъ самаго искренняго одобренія: книгой своею онъ далъ французамъ новый, занимательный очеркъ смутнаго періода ихъ исторіи, а намъ, русскимъ, доставилъ хорошее пособие для истолкованія одного изъ важнѣйшихъ произведеній знаменитаго нашего писателя.

Д. Д-въ.

Упомяну знаанія. (1883—1884). Физика, метеорологія, зоологія, ботаника, географія, этнографія и путешествія. Годъ первый. Оставилъ М. И. Демковъ. Черниговъ. 1885.

Цѣль, которую авторъ поставилъ себѣ, выяснена имъ въ предисловіи; указавъ на существованіе за границей „цѣлаго ряда научныхъ общедоступныхъ, какъ по формѣ изложенія, такъ и по языку, журналовъ, знакомящихъ образованныхъ читателей со всѣми завоеваніями и пріобрѣтеніями науки“, и на отсутствіе у насъ періодическихъ изданій такого рода, онъ говоритъ: „Намъ пришла мысль выполнить этотъ недостатокъ въ существующей литературѣ изданіемъ сборника важнѣйшихъ открытій и изобрѣтеній, сдѣланныхъ въ послѣдніе два года (1883—1884)“.

Мысль несомненно прекрасная, но не выполнимая для одного отдельного лица. Въ журналахъ и книгахъ, издающихся за границей, о которыхъ упоминаетъ авторъ, участвуетъ всегда цѣлый рядъ сотрудниковъ, по крайней мѣрѣ по одному на каждый изъ важнѣйшихъ затрогиваемыхъ отдѣловъ теоретическихъ или прикладныхъ наукъ. Одному лицу съ такою задачею не совладать. Чтобы писать объ успѣхахъ какой-либо науки, чтобы изложить правильно ея такъ-называемое „последнее слово“, необходимо быть специалистомъ этой науки въ полнѣйшемъ смыслѣ этого слова. Чтобы правильно отличить важное отъ второстепеннаго, даже просто новое отъ стараго, необходимо широкое знаніе того, что уже сдѣлано, полное и правильное знакомство со всею наукою, надо—если позволено такъ выразиться—стоять на высотѣ этой науки, а это одному человѣку вообще возможно только для одной, много для двухъ сродныхъ наукъ. Безъ этого удачное разрѣшеніе задачи, которую поставилъ себѣ авторъ, не мыслимо. Неспециалистъ всегда рискуетъ сдѣлаться жертвой цѣлаго ряда различныхъ недоразумѣній: онъ можетъ надѣлать ошибокъ, какъ слѣдствіе неправильнаго пониманія того или другаго, онъ не замѣтитъ самаго важнаго, а главное—встрѣчая интересныя популярныя статьи, содержащія въ себѣ много для него новаго, онъ воспользуется ихъ содержаніемъ, не замѣчая того, что въ нихъ излагаются истины, можетъ быть, уже десятки лѣтъ вошедшія въ науку и не представляющія ровно ничего новаго.

Это именно и случилось съ авторомъ рассматриваемой книги, въ которой онъ хотѣлъ дать очеркъ успѣховъ (за два послѣдніе года) семи названныхъ въ заглавіи наукъ. (Въ замѣткѣ къ предисловію онъ обѣщаетъ издать дополнительный выпускъ по „другимъ наукамъ, какъ химія, фізіологія, геологія, минералогія и антропология“). Въ концѣ предисловія авторъ упоминаетъ объ источникахъ, которыми онъ пользовался. Между ними нѣтъ журнала *Der Naturforscher*, который болѣе всѣхъ другихъ былъ бы полезенъ автору; за то—и это весьма странно—упомянута статья Тэта, появившаяся въ 1877 году.

Физикѣ посвящены первыя 70 страницъ. Эта часть состоитъ изъ 12-ти статей, изъ которыхъ первая, обнимающая 23 страницы, озаглавлена „успѣхи физики“; въ ней авторъ старается дать обзоръ этимъ успѣхамъ. Остальныя 11 статей посвящены отдѣльнымъ вопросамъ, болѣею частію, какъ мы увидимъ, никакого отношенія не имѣющимъ къ „открытіямъ и изобрѣтеніямъ, сдѣланнымъ въ послѣдніе два года“, сборникъ которыхъ авторъ хотѣлъ составить. За-

мѣтимъ кстати, что во всей книгѣ мы нашли упомянутымъ одно только изобрѣтеніе—управляемый аеростатъ Кребса и Ренара.

Статья „успѣхи физики“ раздѣлена на шесть главъ. Первая изъ нихъ посвящена различнымъ вопросамъ изъ области электричества. Тутъ на стр. 8 читаемъ: „посмотрите, напримѣръ, на поляризацию свѣта—открытие, сдѣланное Фарадеемъ“. Авторъ смѣшиваетъ поляризацию свѣта съ магнитнымъ вращеніемъ плоскости поляризаціи! (Поляризація свѣта разъяснена еще Малюсомъ и Френелемъ). Нѣсколько дагѣ (стр. 9) читаемъ: „Очень долго думали, что если смѣна токовъ происходитъ достаточно быстро, то явленіе является скорѣе результатомъ индукціи или электрической инерціи, чѣмъ сопротивленіе. И только съ установленіемъ послѣдняго принципа можно легко объяснить многія обстоятельства, прежде совершенно непонятныя“. Мы не беремъ разъяснить тотъ рядъ ошибокъ и недоразумѣній, который привелъ автора къ этимъ совершенно непонятнымъ фразамъ. Какое „явленіе является“? Что значитъ „индукція или инерція“? Въ какой грамматической связи находится слово „сопротивленіе“ съ остальными частями фразы? Какой „тотъ послѣдній принципъ“? Неужели понятіе о сопротивленіи предстанитъ что-либо новое? Изъ этого же родѣ вся статья. Авторъ говоритъ о „разлагаемомъ металлѣ“, между тѣмъ какъ металлы, простые тѣла, разложены быть не могутъ; одну и ту же величину онъ называетъ то электровозбудительною, то электродвигательною силой; онъ говоритъ объ азотнокислыхъ и хлористыхъ соляхъ серебра, когда существуетъ только по одной изъ такихъ солей, къ которымъ относится сказанное. На стр. 11 правильно сказано: „единица сопротивленія есть омъ“; но тамъ же напечатано: „ . . . при сопротивленіи равномъ одной омѣ“, а на стр. 10 находимъ даже, что „по поводу (!) сопротивленія на собраніе (sic) электрологовъ въ Парижѣ рѣшили выбрать Ома“, словно омъ есть воодушевленный предметъ, и единица сопротивленія тождественна съ знаменитымъ физикомъ Омомъ! Напрасно авторъ вообще пишетъ омъ, вольтъ и амперъ съ прописной буквы; это такія же величины какъ фунтъ, аршинъ и копѣйка.

Разбирая книгу г. Демкова, мы рѣшились совершенно не указывать на тѣ изобрѣтенія и открытія, которыя въ ней не упомянуты, и которыя однако не могутъ не считаться весьма важными. Позволяемъ себѣ сдѣлать одно только исключеніе и указать, что авторъ не упоминаетъ объ изобрѣтенномъ г. Рисселберге способѣ одновременнаго телефонированія и телеграфированія по одной и той же

проволокъ; несомнѣнно, это одно изъ замѣчательнѣйшихъ, а можетъ быть, и величайшее изъ изобрѣтеній послѣдняго времени.

Глава II посвящена первому и второму закону механической теоріи тепла. Какимъ образомъ она попала въ сборникъ открытій и изобрѣтеній за 1883 и 1884 годы? Пользуясь статьей Тэта (1877 г.), авторъ налагаетъ законы, значеніе которыхъ было выяснено болѣе 25 лѣтъ тому назадъ. Изложеніе къ тому весьма неясное. На стр. 13 читаемъ: „механической эквивалентъ теплоты, впервые блистательно отысканный Джулемъ и Майеромъ, былъ подтвержденъ многими изслѣдователями“. Что значитъ подтвержденъ? Въ замѣткѣ дано весьма смутное опредѣленіе этой величины, значеніе которой столь легко и просто можетъ быть разъяснено немногими точными словами. Далѣе читаемъ, что второй законъ только въ настоящее время начинаетъ опѣиваться по достоинству (стр. 13), на стр. 15—что нѣсколько лѣтъ тому назадъ доказали малую силу паровой машины и т. д., и что слѣдовало обратить вниманіе на второй законъ и т. д. Все это было бы на своемъ мѣстѣ, еслибы книга вышла 30 лѣтъ тому назадъ; 1883 и 1884 года ничего капитальнаго не прибавили къ тому, что было выяснено въ пятидесятыхъ годахъ.

Въ главѣ III рассмотрѣны гидродинамическіе опыты Рейнольдса и Фрауда.

Глава IV начипается словами: „Чрезвычайный интересъ представляетъ сообщеніе В. Томсона относительно кинетической теоріи газовъ“ (стр. 19). Затѣмъ авторъ налагаетъ сущность этой теоріи, которая была основана въ пятидесятыхъ годахъ. Онъ распространяется о разности между энергіей поступательнаго движенія и полною энергіей газа, разности, величину которой Клаузиусъ вычислилъ въ 1857 году (Pogg. Annalen, С. р. 353); онъ говоритъ о работахъ Максвелла, который умеръ въ 1879 г., и упоминаетъ старинныя возраженія Томсона. Какое отношеніе имѣетъ все это къ открытіямъ и изобрѣтеніямъ 1883 и 1884 годовъ? Статьи, знакомящія читателей съ какимъ-либо отдѣломъ физики, появляются ежегодно сотнями. Нѣтъ сомнѣнія, что статья Томсона, на которую ссылается авторъ,—одна изъ лучшихъ и наиболѣе выдающихся, по въ сборникѣ г. Демкова ей не мѣсто. Умалчиваемъ о множествѣ странностей и неточностей, встрѣчающихся въ этой главѣ. Укажемъ только на фразы въ родѣ слѣдующихъ: „можно вычислить почти всѣ главные теоремы“ (стр. 20), „граница эта лежитъ между (?) 750 мм. и 0,001 мм.“ (стр. 24) и т. под. На стр. 21 фраза, начинающаяся со словъ: „поэтому (?) за-

служиваетъ вниманіе попытка Томсона.....⁶ совершенно не вѣжется съ предыдущимъ. На стр. 24 въ подстрочной замѣткѣ читаемъ: „см. Die Fortschritte der Physik 1881—1882“. Необходимо точнѣе опредѣлить, какой это журналъ, такъ какъ въ текущемъ 1885 году только началось печатаніе Fortschritte der Physik (издаются Берлинскимъ физическимъ обществомъ) за 1879 и 1881 годы (1880 годъ вышелъ раньше).

Въ главѣ V разъясняется фотофонъ Белля, изобрѣтенный въ 1880 году. Здѣсь даже объясненіе дѣйствія простаго телефона, столь элементарное и всякому извѣстное, дано совершенно не вѣрно. На стр. 25 читаемъ: „Звуковыя колебанія сообщаются упругой пластинкѣ, двигающейся (sic) передъ катушками, катушки намагничиваются и образовавшіеся индуктивныя токи бѣгутъ на другую станцію...“ Какимъ образомъ катушки, состоящія изъ мѣдной проволоки, могутъ намагничиваться, да еще отъ движенія желѣзной пластинки? На самомъ дѣлѣ происходятъ измѣненія въ стальномъ, готовомъ магнитѣ, помѣщенномъ внутри катушки. Описывая фотофонъ, авторъ упускаетъ самое важное: онъ не говоритъ, что селеновый пріемникъ помѣщается въ фокусѣ параболическаго зеркала.

Глава VI посвящена оптикѣ. Авторъ приписываетъ ультрафіолетовымъ лучамъ свойство гасить фосфоресценцію, которыми обладаютъ лучи ультракрасныя. Говоря объ установленной недавно новой единицѣ силы свѣта, авторъ (стр. 28) утверждаетъ, что она опредѣляется количествомъ „свѣта того же рода, падающаго непосредственно на каждый квадратный сантиметръ расплавленной платины“. Слѣдовало бы сказать: „свѣта того же рода, испускаемаго каждымъ кв. сантиметромъ поверхности расплавленной и твердѣющей платины“.

Далѣе авторъ разсматриваетъ попытку Буке де-ла-Грея и Араго при помощи микроскопа изучить моментальныя фотографіи, сдѣланныя съ Венеры. Не извѣстно, почему авторъ находитъ эту простую мысль гениальною и вообще чѣмъ-то неожиданнымъ и парадоксальнымъ. Видѣ при всѣхъ астрономическихъ наблюденіяхъ разсматриваютъ черезъ микроскопъ (окуляръ) изображенія свѣтилъ, полученныя объективомъ.

Статья вторая (стр. 30) озаглавлена: „Молекулярная теорія магнетизма“; въ ней изложена теорія Юза и результаты интересныхъ работъ Бахметева. Теорія молекулярныхъ магнитовъ была основана Веберомъ въ 1852 году и затѣмъ расширена работами Г. Видемана, Риги, Виллари и другихъ. Г. Демковъ не указываетъ на

то, что собственно прибавил Юзъ (весьма немногое!), и читатель навѣрное подумаетъ, что вся теорія принадлежитъ Юзу. На стр. 31 читаемъ: „Бахметевъ сообщаетъ пѣкоторые интересныя соображенія и данныя въ пользу этой теоріи“. Но г. Бахметевъ даже не упоминаетъ о теоріи Юза, а говоритъ только о теоріи молекулярныхъ магнитовъ, давно установившейся въ наукѣ и, конечно, всѣмъ извѣстной.

Статья третья (стр. 35) „Магнитные вѣсы“ сплошь основана на недоразумѣніи. Въ началѣ авторъ описываетъ приборчикъ Юза, состоящій всего изъ одной пельма легкоподвижной магнитной иголки, а въ концѣ упоминаетъ о примѣненіи, которое вѣсы Юза получили въ Англии. Эти вѣсы, дѣйствительно, одно изъ замѣчательнѣйшихъ изобрѣтеній послѣдняго времени,—совсѣмъ не тотъ приборъ, который авторъ описываетъ въ началѣ. Это индукціонные вѣсы довольно сложнаго устройства, и описанію этого устройства и ихъ многоразличныхъ примѣненій (см. статью въ Электричествѣ за 1883 г.) стоило бы посвятить гораздо болѣе мѣста изъ сборникѣ открытій и изобрѣтеній.

Статья четвертая (стр. 37) „Перенесеніе силы на разстояніе“ начинается словами: „1883 годъ будетъ отмѣченъ на страницахъ исторіи развитія наукъ однимъ изъ величайшихъ открытій въ области физики и механики. Мы имѣемъ въ виду перенесеніе силы электричества (?) на значительное разстояніе; этотъ фактъ (?) былъ вполне установленъ въ Парижѣ въ мартѣ 1883 г. ...Честь этого открытія.... принадлежитъ Марселю Дебре“.

Самъ авторъ разказываетъ далѣе исторію вопроса объ электрической передачѣ силъ, изъ которой видно, что уже въ 1873 г. былъ сдѣланъ первый опытъ такой передачи; въ 1879 г. сдѣланы знаменитые опыты въ Сермесѣ и т. д. Исно, что въ 1883 году не было открыто перенесеніе силы, а только способы этого перенесенія были усовершенствованы Марселемъ Дебре. Далѣе рѣчь вовсе не идетъ о перенесеніи силы электричества, а о перенесеніи силы любого источника помощью электричества. На стр. 37 авторъ утверждаетъ, что сила магнита „остается почти одинаковою какъ для очень большихъ, такъ и для маленькихъ электро-магнитовъ“, что, конечно, совершенно не вѣрно. О многочисленныхъ неясныхъ фразахъ и т. д. умалчиваемъ.

Статья пятая (стр. 50) „Распределеніе электричества“ содержитъ въ себѣ одну главу изъ статьи профессора Шиллера: „Элементы

ученія объ электричествѣ“, появившейся въ Журналѣ элементарной математики. Законы распредѣленія электричества были установлены въ началѣ текущаго столѣтія Пуассономъ, Гриниомъ и Гауссомъ. Статья г. Шиллера содержитъ въ себѣ мастерское изложеніе этихъ законовъ, и мы охотно вѣримъ, что г. Демковъ прочелъ ее съ большимъ интересомъ. Но спрашиваемъ: какое отношеніе имѣетъ вопросъ, разобранный г. Шиллеромъ, къ открытіямъ и изобрѣтеніямъ послѣдняго времени?

Статья шестая (стр. 54) „Накопленіе электричества“ посвящена вопросу объ аккумуляторахъ: на стр. 54 упоминаются различныя „формы“ электричества, и тамъ же читаемъ: „Съ быстротой молніи оно разноситъ подземной поверхности (?) наши мысли и рѣчи“ и т. д.

Статья седьмая (стр. 56) „Превращеніе свѣта въ электричество“ содержитъ въ себѣ разказъ объ изобрѣтенномъ Зауеромъ фотоэлектрическомъ элементѣ. Авторъ весьма ошибочно утверждаетъ, что только недавно Зауеру удалось и т. д. Еще въ 1839 г. Э. Беккерель занимался фотохимическими токами; въ 1858 г. Грове продолжалъ эти работы, а затѣмъ Пачинотти, Ганкель, Лауеръ, Денаръ, Пелла, Минчицъ, Сабинъ и Игоровъ (магистерская диссертція 1877 года „Электрическій фотометръ“) изслѣдовали огромное число случаевъ появленія фотохимическихъ токовъ; къ этимъ случаямъ Зауеръ только прибавилъ еще одинъ.

Статья восьмая (стр. 57) посвящена новому примѣненію микрофона, именно къ опредѣленію мѣстоположенія подземныхъ источниковъ.

Статья девятая (стр. 58) трактуетъ о лампочкахъ съ накаливаніемъ, въ которыхъ, какъ извѣстно, токъ накаливаетъ угольную нить. Но даже описаніе этихъ лампочекъ невѣрно; авторъ говоритъ: „внутри которой (то-есть, лампочки) помѣщаются угольныя пластинки“ (1). На стр. 59 упоминаются воспламеняющіеся газы „въ родѣ свѣтильни“ (?).

Статья десятая (стр. 59) посвящена критической температурѣ тѣлъ и содержитъ въ себѣ извлеченіе изъ прекрасной статьи профессора Авенаріуса, появившейся въ Журналѣ элементарной математики. Но явленія, о которыхъ говоритъ г. Авенаріусъ, были впервые описаны Каньяромъ де-Латуромъ въ 1822 г. и изслѣдованы Дриномъ въ 1859 и затѣмъ Андрусомъ, Тиллорье, Авенаріусомъ и другими. Приходится вновь повторить, что хотя статья г. Авенаріуса и весьма поучительна, но не имѣетъ никакого отношенія къ изобрѣтеніямъ и открытіямъ послѣднихъ двухъ годовъ.

Статья одиннадцатая (стр. 62) „Управляемый аэростатъ“. Здѣсь на стр. 67 между прочимъ читается: „приблизительно сопротивленіе шара равнялось 22,8 километрамъ“ (?).

Статья двѣнадцатая, и послѣдняя изъ посвященныхъ физикѣ, трактуетъ о сгущеніи газовъ.

Переходимъ къ успѣхамъ метеорологіи; этотъ отдѣлъ книги г. Демкова содержитъ въ себѣ девять коротенькихъ статей. Въ первой статьѣ разсматривается теорія смерчей Мона. Авторъ утверждаетъ на стр. 71, что смерчь можетъ „плавить металлы“. На стр. 71 истрѣчемъ слинкомъ смѣлое рѣшеніе спорнаго вопроса о происхожденіи смерчей. Во второй статьѣ (стр. 74) описано извѣстное явленіе сумеречныхъ сіпій, наблюдавшееся въ теченіе послѣдняго года. Въ третьей статьѣ говорится о южно-американской раковинѣ, могущей служить естественнымъ барометромъ (?); но вѣдь барометръ имѣетъ назначеніе показывать воздушное давленіе, раковина же, о которой говоритъ авторъ, своимъ переменнымъ окрашиваніемъ указываетъ на степень влажности воздуха. И какое отношеніе имѣетъ къ метеорологіи гигроскопическое свойство какой-то раковины? Въ статьѣ 4-й (стр. 76) описывается сѣрный туманъ, наблюдавшійся въ Дижонѣ и явившійся, вѣроятно, вслѣдствіе степныхъ пожаровъ „Люнебургскихъ ландовъ воцлѣ Гамбурга“. Въ статьѣ 5-й изложено новый (восьмь грубшій) способъ опредѣленія сравнительной густоты тумановъ, въ статьѣ 6-й—наблюденія Лемстрема надъ сѣверными сіпіями, въ статьѣ 7-й—„вліяніе атмосферныхъ дѣятелей на горныя породы“, въ восьмой—работы Вюнца и Обена объ окисленіи атмосфернаго азота, и въ девятой—ислѣдованія объ углеродистыхъ веществахъ, распространенныхъ въ атмосферѣ. Важнѣйшее въ исторіи метеорологіи послѣднихъ лѣтъ событіе — устройство кольца около-полярныхъ станцій — вовсе не упомянуто въ книгѣ г. Демкова.

Изъ всего сказаннаго нельзя не вывести заключенія, что задача, которую поставилъ себѣ авторъ, оказалась ему не по силамъ, и что цѣли, намѣченной въ предисловіи, онъ не достигъ.

В. Х.

НОВЫЙ УЧЕБНИКЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

Учебникъ исторіи. Профессора *А. Трачевскаго*, съ указателемъ и хронологическою таблицей. Русская исторія. С.-Пб. 1886.

I.

Въ предисловіи къ своей книгѣ авторъ заявляетъ, что „онъ держался научнаго преданія, во главѣ котораго стоятъ труды его незабвеннаго учителя, С. М. Соловьева“. Мы порадовались, слыша такое заявленіе: стоять подъ знаменемъ такого историка, какъ Соловьевъ, держаться его научныхъ преданій,—это очень важное дѣло, одно подобное намѣреніе уже дѣлаетъ честь автору. Но, ознакомясь ближе съ книгою г. Трачевскаго, мы, къ сожалѣнію, убѣдились, что онъ далеко не успѣлъ выполнить свое доброе намѣреніе.

Авторъ не говоритъ, да кажется, и самъ себѣ не вполне опредѣленно выяснилъ, для какой школы и для каковаго возраста учащихся онъ назначаетъ свою учебную книгу русской исторіи. Большой томъ почти въ 500 страницъ текста, сверхъ хронологической таблицы и указателя, особый планъ изложенія русской исторіи въ связи съ общею европейскою и въ частности со славянскою исторіей, наконецъ, частыя отвлеченныя сужденія, коими сопровождается изложеніе фактовъ, все это даетъ поводъ предполагать, что авторъ назначаетъ свою книгу для учащихся въ высшей школѣ и вообще для взрослыхъ, развитыхъ читателей. Впрочемъ, въ предисловіи къ учебнику древней исторіи (С.-Петербургъ. 1883) того же автора говорится, что „предназначенный для среднихъ учебныхъ заведеній, онъ можетъ служить и для самообразованія, такъ какъ задача автора была изложить въ общедоступной формѣ тотъ запасъ научныхъ свѣдѣній,

который составляет необходимый обиходъ каждого просвѣщеннаго человѣка". А такъ, какъ настоящій учебникъ русской исторіи является продолженіемъ въ ряду учебниковъ исторіи, которые авторъ предположилъ написать, то приходится заключить, что и этотъ новый томъ, одинаковый съ первымъ по приемамъ и характеру изложенія, имѣетъ одинаковое съ нимъ назначеніе, то-есть, для среднихъ учебныхъ заведеній, и вмѣстѣ съ тѣмъ, для самообразованія и для чтенія всякаго рода читателямъ; выходитъ, что учебникъ разчитанъ на читателей равнаго возраста и развитія, что едва ли правильно. Прежде всего мы сомнѣваемся, чтобы книги г. Трачевскаго были удобны для преподаванія по нимъ исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Очень большія по объему и отвлеченныя по изложенію, онѣ не только не могутъ быть учебниками хотя бы въ высшихъ классахъ гимназій, но и пособіемъ для внѣкласснаго чтенія ученикамъ, такъ какъ въ нихъ мало разказа, стройно и продуманно изложеннаго, что могло бы сдѣлать ихъ интересными для чтенія учащемуся юношеству. Сами преподаватели едва ли почерпнутъ въ нихъ хотя нѣсколько пригоднаго матеріала для преподаванія въ классѣ: въ нихъ преобладаютъ все общіе взгляды, да отвлеченныя сужденія. Въ нихъ не достаетъ точнаго и сжатаго изложенія фактовъ, что могло бы сдѣлать ихъ полезнымъ справочнымъ руководствомъ для учащихся въ высшей школѣ и для всякихъ образованныхъ читателей вообще. Впрочемъ, будемъ разбирать книгу, какъ она дана; будемъ принимать ее за учебникъ особаго, высшаго разряда.

Безспорно вѣрно замѣчаніе г. Трачевскаго, высказываемое имъ въ предисловіи къ обоимъ учебникамъ и древней, и русской исторіи, что „составленіе учебника гораздо труднѣе, чѣмъ сочиненіе ученыхъ диссертаций“; не воплѣтъ точно, на нашъ взглядъ, выраженіе на счетъ „составленія“ учебной книги по той причинѣ, что нѣтъ хорошую учебную книгу приходится не составлять, а написать отъ полноты знанія, какъ трудъ цѣльный и даже художественный: она есть дѣло и знанія, и таланта вмѣстѣ. Оттого-то, то-есть, вслѣдствіе рѣдкаго совмѣщенія въ одномъ лицѣ знанія и авторскаго таланта, столь рѣдки такіа замѣчательныя учебныя книги по отечественной исторіи, какъ книги Д. И. Иловайскаго и С. М. Соловьева.

Нѣтъ нужды долго доказывать, что составителямъ учебныхъ руководствъ, книгъ для чтенія и всякаго рода пособій для преподаванія въ школахъ отечественной исторіи необходимо личное ознакомленіе, по крайней мѣрѣ, съ важнѣйшими ея памятниками, если они

желаютъ имѣть собственныя историческія впечатлѣнія и достаточный запасъ твердыхъ знаній, да хотя бы въ нѣкоторой степени приблизиться къ пониманію прошлой жизни въ ней самой: это—первое условіе для написанія дѣльнаго учебнаго руководства по исторіи. Другое, не менѣе важное, условіе состоитъ въ томъ, чтобъ авторъ умѣлъ отрѣшиться отъ всякихъ предвзятыхъ и одностороннихъ взглядовъ: сами изучаемые памятники поставятъ его на правильную точку зрѣнія и дадутъ ему вѣрную мысль. Но у нашего автора далеко не вездѣ видно знакомство съ первыми источниками русской исторіи; что же касается его точки зрѣнія на предметъ, то отнюдь нельзя считать ее правильною и научною. Ее можно назвать узко-либеральною точкою общеовропейскаго просвѣщенія и прогресса; съ этой виѣшной точки зрѣнія (а не внутренней, которая есть единственно правильная историческая точка зрѣнія) г. Трачевскій смотритъ на русскую исторію и многое видитъ въ ней въ неправильномъ свѣтѣ. Вѣдь сущность либеральной доктрины въ приложеніи къ исторіи состоитъ въ томъ, что только люди нашего времени, да и то избѣстнаго небольшого кружка, суть истинно „интеллигентные, развитые“ люди, и что вся прошедшая жизнь есть только медленное подготовленіе къ „цивилизаци и культурѣ“ нашего просвѣщеннаго времени: мысль крайне односторонняя и по существу анти-историческая! Въ самомъ дѣлѣ, если прошедшее грубо и непросвѣщенно, если хорошо только современное, да и то въ маленькой лишь части, то стоятъ ли давать себѣ трудъ заниматься исторіей прошедшаго? Для чего нуженъ такой трудъ? Ужели только для самодовольнаго сознанія, что мы не въ примѣръ болѣе просвѣщенны и во всѣхъ отношеніяхъ лучше нашихъ предковъ? Собственно говоря, самый правильный выводъ съ этой точки зрѣнія былъ бы тотъ, что исторіей совсѣмъ не слѣдуетъ заниматься, благо, что утѣрвали въ свой умъ и свое просвѣщеніе. Но г. Трачевскій рѣшился изложить русскую исторію со своей точки зрѣнія, въ сущности отрицательно-исторической, при чемъ естественно вышло, что рѣдкіе историческіе дѣтели устояли предъ его судомъ строгимъ и немилостивымъ, и каждая почти эпоха, кромѣ второй половины XIX вѣка, оказалась въ темномъ, неприглядномъ видѣ. Для примѣра позволимъ себѣ выписать одну страницу изъ книги г. Трачевскаго о нравахъ, попятіяхъ и просвѣщеніи на Руси въ XIV вѣкѣ.

„Тогда нравы пали сравнительно съ удѣльнымъ періодомъ. Правительство стало болѣе грубымъ и двоедушнымъ. Преступниковъ стали

клеимъ, имъ обрѣзывали носы и уши, отсѣкали руки, выкалывали глаза. Утвердились тѣлесныя наказанія, кнутъ, возникла и смертная казнь. Княжіе люди грабили и буѣствовали, такъ что важною льготой было запрещеніе имъ дѣлать наѣзды; начались взятки и шеманинъ судъ даже въ Повгородѣ. Войны сопровождались клятвенными преступленіями и ужасами: плѣнныхъ травили собаками, давили между бревнами, выжигали имъ глаза, дѣтей сажали на колы или подымали на копья; въ походахъ точно также грабили и истязали своихъ. Всѣ сословія одинаково предавались чувственности и своекорыстію, грабили даже имѣнія духовенства, котораго вообще не уважали... Правдамъ, соотвѣтствовали понятія. Старые предразсудки и суевѣрія продолжали господствовать въ умахъ, новыхъ понятій не прибавилось, такъ какъ просвѣщеніе скорѣе пошло назадъ, чѣмъ подвинулось⁴. И проч. и проч. (стр. 151—152).

Картинка—старательно подобранная; но едва ли она будетъ замечательна для учащейся молодежи, если книга попадетъ ей въ руки. А это—не единственная страница въ такомъ родѣ¹⁾. Авторъ вообще любитъ обличать древнюю Русь за ея грубость, невѣжество, жестокость и пороки разнаго рода, но при этомъ не даетъ себѣ труда лучше вдуматься въ эти явленія. Судить о нравахъ и народной нравственности въ разные вѣка есть дѣло очень мудреное, требующее особаго умѣнья и особыхъ приемовъ, которыхъ—сказать по правдѣ—доселѣ почти не найдено. Статистика преступленій есть новая и пока очень несовершенная наука; положимъ, что она будетъ высчитывать до нѣкоторой степени вѣрно количество преступленій въ современномъ обществѣ; по первымъ, очень трудно опредѣлить качество ихъ, то-есть, интензивность злыхъ чувствованій и воли; вторыхъ, предполагая, что она успѣла бы приблизительно вѣрно учесть преступленія и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніяхъ, останется все-таки не извѣстно, какъ сравнить преступленія и добродѣтели людей прежнихъ вѣковъ съ такими же нашего времени. До сихъ поръ остается открытымъ вопросъ о томъ, уменьшаются ли пороки и преступленія съ развитіемъ умственнаго образованія, или же они остаются въ той же мѣрѣ, только подъ другими формами. Конечно, молодое общество, грубое именно по причинѣ молодости, имѣло свои великіе пороки грубаго животнаго эгоизма; по среди того же общества жили святые подвижники, образцы самоот-

¹⁾ Напримеръ, еще стр. 221—241, или 272—274, или 302—303, или 314—324.

верженія и любви къ ближнему, которые своею святостью уравновѣшивали мірское зло. Да и въ цѣломъ обществѣ, при грубости его нравовъ, было много глубоко нравственныхъ и искренне сердечныхъ движеній къ исправленію: про это общество можно сказать, что у него были велики грѣхи, но велико и покаяніе, котораго—на оборотъ—гораздо меньше у нашего времени: у насъ нерѣдко, напримѣръ, высказывается мысль, очень опасная для нравственности, что вѣкъ просвѣщенный есть вмѣстѣ и вѣкъ улучшенной нравственности; это говорится нами, конечно, не съ тѣмъ, чтобы обвинять наше время „за безнравственность“,—ибо огульныя осужденія тому или другому плѣку или народу за дурную нравственность слишкомъ мало значать, именно потому, что они огульныя и легко дающіяся; мы хотѣли только указать, что вопросы о правахъ и народной нравственности въ разныя историческія эпохи суть очень сложныя и мудренныя вопросы, которыхъ сразу, однимъ приговоромъ, нельзя рѣшить.

Приведемъ и разберемъ нѣсколько другихъ общихъ взглядовъ автора.

Лѣтописи и сказанія московскаго удѣльнаго времени г. Трещевскій называетъ сухими, безцвѣтными, хвастливо-патріотическими: „суздальско-московская лѣтопись“ прибавляетъ онъ,—„была правительственною; самъ лѣтописецъ говорить около 1400 года, что ему повелѣли написать нервно наши властодержцы“ (стр. 155, 157). Последнее непонятное выраженіе показываетъ, что авторъ приводитъ лѣтописное мѣсто не изъ подлиннаго контекста, а изъ вторыхъ рукъ. Подъ 1409 годомъ московскій лѣтописецъ дѣйствительно разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: „Первіи наши властодержцы безъ гнѣва повелѣвающе вся добрая и недобрая прилучившаяся написавати, да и прочіи по нихъ образы явлени будутъ, яко же при Владимирѣ Мономашѣ опаго великаго Селиверстра Выдубицкаго, неукрашая пишущаго, да аще хочеша прочти тамо прилежно“ (Русская лѣтопись по Никонову списку, ч. V, стр. 28). Это любопытное сужденіе показываетъ, что въ Москвѣ, въ XV вѣкѣ, смотрѣли на лѣтопись, начиная съ лѣтописи начальной, приписываемой здѣсь Силвестру, игумену Выдубицкаго монастыря, какъ на дѣло княжескаго почина и распоряженія. И въ самомъ дѣлѣ, древне-русскія лѣтописи были прежде всего и по преимуществу правительственными, официальными документами: въ Кіевѣ и Владимирѣ Волинскомъ, въ Новгородѣ и Псковѣ, въ Суздальѣ, въ Москвѣ и въ Твери, повсюду, гдѣ лѣтопись велась, она велась съ вѣдома и по распоря-

женію княжеской или городской власти да съ благословенія владыкъ и игуменовъ; она велась какъ документъ нужный на будущее время для разныхъ справокъ и доказательствъ по дѣламъ междукняжескимъ и земскимъ, церковнымъ, монастырскимъ и т. д. Пусть она списывалась послѣ и частными лицами, которыя иногда дѣлали свои вставки, придавали свой оттѣнокъ повѣствованію; пусть лѣтопись иногда велась и по частному только почину; но вообще она была, прежде всего и чаще всего, дѣломъ правительственнымъ, носила характеръ, очень близкій къ официальному документу. Въ этомъ одна изъ главныхъ причинъ живучести лѣтописанія въ древней Руси: оно вызывалось и поддерживалось практическими надобностями. Поэтому замѣчаніе г. Трачевскаго о московской лѣтописи, какъ правительственной, въ смыслѣ чего-то исключительнаго и необычнаго, становится малозначущимъ. Больше развитіе и улучшеніе авторъ усматриваетъ въ лѣтописномъ дѣлѣ XVI вѣка: „Лѣтопись переходитъ въ города, перѣдко даже въ свѣтскія руки; въ ней на ряду съ религіозностью возникаетъ гражданскій патриотизмъ, сначала, конечно, въ видѣ національной нетерпимости; лѣтописи стоятъ за отечество, за свою землю и государство“ (стр. 243). Но видѣ лѣтописи и всегда велась по преимуществу въ городѣ: тамъ больше средствъ и удобствъ ее вести. Тамъ княжій дворъ и домъ владыки, откуда въ ближній монастырь посылаются распоряженія о веденіи лѣтописи и сообщаются нужныя свѣдѣнія; въ городѣ живутъ служилые, торговые и разные бывалые люди, отъ которыхъ можно узнать о дѣлахъ житейскихъ и занести въ лѣтопись. Что лѣтописцы были люди набожные, крѣпко стоявшіе за православную вѣру и отеческіе обычаи, а литву, пѣмдѣль и всякихъ иноземцевъ не долюблявшіе,—дѣло естественное и понятное: за то имъ перо и книга въ руки. Жаль только, что авторъ не желаетъ на все это смотреть прямо и прозе.

Взглядъ г. Трачевскаго на прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ не отличается послѣдовательностію. Сильно побранивъ царя Бориса Годунова за коварство и лицемеріе, за свирѣпость и кровожадность, прибавя къ тому, что „ему не хватило гениальности и образованія“ (легко сказать, однако, чего не хватало: гениальности!), авторъ видитъ основное противорѣчіе въ дѣятельности его: съ одной стороны, онъ старался-де подкупать низшій классъ грошовыми подачками на бѣдность, а съ другой—заврѣпостилъ его служилому классу. Авторъ рассуждаетъ далѣе въ томъ смыслѣ, что Московскіе государи, имѣя богатую казну, могли бы изъ нея содержать служилое сословіе, не закрѣпляя зо

нимъ крестыиъ, но что, „неправильно употребляя“ свою казну, они совершили закрѣпощеніе одного сословія другому (стр. 191 — 198). Взглядъ—вполнѣ невѣрный! Въ другомъ мѣстѣ книги находимъ противорѣчащее тому замѣчаніе: говоря о недостаткѣ населенія въ Россіи еще въ XVIII вѣкѣ, авторъ прибавляетъ, что Россія по прежнему страдала отъ недостатка рабочихъ рукъ, что по прежнему всѣ гонялись за мужикомъ и перебывали его другъ у друга (мѣткія выраженія Соловьева), что крѣпостное право не ослабѣвало, а усиливалось даже при такихъ государыняхъ, какъ Екатерина II, бывшая въ принципѣ противъ него (стр. 363). Это замѣчаніе само по себѣ правильно; но еслѣ такъ было даже въ XVIII вѣкѣ, то какъ могло быть иначе за два, за три вѣка предъ тѣмъ? Не показываетъ ли это, что крѣпостное право произошло изъ внутреннихъ причинъ государственныхъ и экономическихъ, которыя были сильнѣе воли даже самодержавныхъ государей? И никакого основнаго противорѣчія въ дѣятельности царя Бориса Годунова въ сущности нѣтъ. А что касается „богатства казны, по свидѣтельству всѣхъ иностранцевъ“, то это въ сущности есть недоразумѣніе у г. Трачевскаго. Конечно, казна Московскаго государя была весьма богата для него, какъ частнаго хозяина; но ея никакъ не хватило бы на содержаніе служилыхъ людей всего государства: она вся истощилась бы въ самое короткое время. Въ подобномъ же родѣ нерѣдко приходится слышать и читать недоразумѣніе о богатствѣ Московскаго государства, на томъ-де основаніи, что иностранцы называютъ Москвою богатой землей. Дѣйствительно, Московское государство богато было естественными произведеніями природы, и чужеземцы жадно устремлялись вывозить эти произведенія для своихъ фабрикъ; но оно было бѣдно, гораздо бѣднѣе европейскихъ государствъ произведеніями промышленнаго труда, этимъ истиннымъ богатствомъ народа и государства. Самымъ значительнымъ признакомъ бѣдности Московскаго государства служить именно прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ и посадскихъ къ городу. Все это глубокомысленно развиваетъ Соловьевъ въ разныхъ частяхъ своего труда, и очень жаль, что г. Трачевскій, вознамѣрившись держаться воззрѣній знаменитаго историка-мыслителя, не успоихъ ихъ по данному вопросу и не внесъ въ свою учебную книгу. Въ одномъ параграфѣ, озаглавленномъ „Крѣпостничество и патріаршество“, авторъ дѣлаетъ оцѣнку этого послѣдняго учрежденія. Онъ находитъ, что Борисъ Годуновъ устроилъ патріаршество, не соображалъ, сколько вреда могло произойти отсюда въ буду-

щемъ, когда глава церкви пріобрѣтала значеніе „какого-то восточнаго папы“ (стр. 194). Конечно, при этомъ имѣется въ виду патріархъ Никонъ и его разладъ съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Взглядъ не новый: онъ высказанъ еще въ Духовномъ Регламентѣ; по видимому, онъ былъ общимъ въ кружкѣ лицъ, близкихъ къ Петру Великому, напримѣръ, у Теофана Прокоповича и Татищева. Но современному историку можно бы уже не раздѣлять вполнѣ этого преувеличеннаго взгляда на Никона, какъ на восточнаго папу, и обратить больше вниманія на то обстоятельство, что царь и патріархъ, на свое несчастіе, были искусно поссорены, что небольшая сначала размолвка двухъ пріятелей была раздута царедворцами до степени открытаго разрыва между ними, когда царь и патріархъ отдали на судъ свое личное дѣло въ чужія руки. Въ сущности это дѣло было больше личною ссорой Алексѣя Михайловича и Никона, нежели борьбою свѣтской и церковной власти. Въ изложеніи г. Трачевскаго дѣлу приданъ именно этотъ невѣрный отгѣнокъ борьбы (стр. 269—271), а взглядъ на „вредъ патріаршества“ у него остается совсѣмъ не доказаннымъ.

Говоря о первыхъ временахъ христіанства на Руси, авторъ, между прочимъ, роняетъ замѣчаніе, что „христіанство у насъ сразу стало государственною религіей“ (стр. 38). Въ указанномъ мѣстѣ книги не видать ясно, въ какомъ смыслѣ усвоится христіанству это названіе: въ томъ ли, что распространеніе его происходило при содѣйствіи и покровительствѣ князей, или въ какомъ иномъ, напримѣръ, въ смыслѣ внѣшне-официальной религіи, принудительной для новокрещаемыхъ? Первая мысль была бы вѣрна, но ее слѣдовало бы выразить лучше: потому что выраженіе „государственная религія“ кажется вообще какъ-то скучнымъ по своему содержанію, если не сказать—сполна его лишеннымъ. Вторая же мысль совсѣмъ невѣрна: ибо христіанство, какъ извѣстно, распространилось въ Россіи мирно и безъ насилій; авторъ напрасно повторяетъ (стр. 29) баспословный разказъ Якимовской лѣтописи о крещеніи Новгорода, сущность котораго выражается въ пословицѣ: Путята крестилъ мечемъ, а Добрыня огнемъ⁴⁾. Невѣрное освѣщеніе дѣлу дается и въ томъ замѣчаніи, что „церковь сразу стала въ зависящее положеніе отъ государства.

⁴⁾ Превосходную критику этого мѣста Якимовской лѣтописи сдѣлалъ А. И. Никитскій въ своей книгѣ: Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Новгородѣ, въ приложеніи 1-мъ.

тѣмъ болѣе, что она содержалась на его счетъ" (стр. 38). Авторъ опускаетъ изъ вниманія, что въ то время, про которое онъ говорить, то-есть, при Владимірѣ и Ярославѣ, государство, въ строгомъ смыслѣ сего слова еще не существовало: идея его была только въ зародышѣ, а силы народныя въ разбродѣ. На оборотъ, церковь, точнѣе говоря, церковная іерархія или клиръ (эти понятія у автора не различаются), съ перваго разу была довольно организована; оттого въ первое же время она стала помощницей князьямъ въ дѣлахъ земскаго благоустройства; она имѣла на своемъ попеченіи значительный классъ людей, называемыхъ церковными, и значительный кругъ суда надъ всѣми мірянцами по дѣламъ известнаго рода. Тутъ не было „записимаго положенія“ церкви отъ государства, а на оборотъ—нѣкоторая поддержка со стороны духовенства начинающемуся земскому и государственному порядку. Вообще о дѣятельности русскаго духовенства нашъ авторъ отзывается болынею частію весьма неодобрительно и потому—несправедливо: во всей почти книгѣ онъ бранитъ его „невѣжественнымъ“, „безправственнымъ“, угодникомъ власти, безъ вліянія на народъ и т. п. (срав. стр. 151, 366, 370 и др.). Иногда онъ подтверждаетъ свой взглядъ ссылками на памятники, напримѣръ, Стоглавъ (стр. 225); но при этомъ не слѣдовало бы забывать, что Стоглавъ рисуетъ свое время слишкомъ темными красками не потому, чтобъ онъ сообщалъ факты невѣрные, а потому, что сообщалъ только темные печальные факты, такъ какъ и цѣль его вѣдь состояла въ томъ, чтобы обличать и исправлять пороки духовенства и мірянъ. Но въ другихъ случаяхъ авторъ высказываетъ свои порицанія духовенству уже безъ всякихъ доказательствъ.

Очень одностороннимъ является у г. Трачевскаго взглядъ на взаимныя отношенія сословій въ Московскомъ государствѣ и всю его внутреннюю жизнь. Въ его изложенія бояре и воеводы, дьяки и приказные представляются нѣкотораго рода грабительскою шайкой, грубою и жестокою относительно народа, который оттого ударился въ разбой, бѣжалъ въ казаки, поднималъ бунты изъ ненависти къ боярамъ, владыкамъ и монастырямъ и пр. и пр. Читая все это, слыша постоянно о всеобщей грубости и невѣжествѣ, о насиліяхъ и жестокостяхъ, съ одной стороны, и мщеніи—съ другой (сравн. особенно стр. 233—245), можно придти въ недоумѣніе и спросить: какъ это только земля стояла? Не то, чтобы факты, приводимые въ книгѣ г. Трачевскаго, были невѣрны, взятые порознь; темныхъ и печальныхъ сторонъ во внутренней жизни Московскаго государства было очень

много; ихъ достаточно отмѣчено въ многотомномъ трудѣ Соловьева, откуда ихъ бралъ г. Трачевскій. Но у послѣдняго эти факты выходить невѣрными въ цѣломъ — въ ихъ одностороннемъ подборѣ и освѣщеніи изъ-подъ узкаго угла.

II.

Одностороннее изложеніе исторіи Московскаго государства сдѣлано у г. Трачевскаго отчасти съ тою цѣлю, чтобы доказать излюбленную имъ мысль о благотворномъ вліяніи европейской цивилизаціи на нашу исторію. Остановимся пѣскольку подробнѣе на этомъ вопросѣ; посмотримъ, какъ онъ представленъ у автора.

Разсуждая о просвѣщеніи древней Руси и происхожденіи русской интеллигенціи, г. Трачевскій между прочимъ говоритъ: „Подъ вліяніемъ христіанства, возникли новыя понятія и слои идеалистовъ, людей занятыхъ не житейскими, личными, а отвлеченными вопросами; этотъ слой называютъ головой или умомъ общества, интеллигенціей; второй причиной появленія образованности были сношенія съ иностранцами“ (стр. 90). Въ этомъ смыслѣ интеллигенціей у автора являются, во первыхъ, печерскіе подвижники; другой же слой ея, болѣе поздній, составляютъ еретики и вольнодумцы, въ родѣ стригольниковъ и жидовствующихъ (стр. 89—90, 171). Не правда ли, какое оригинальное, неожиданное сопоставленіе? Изъ такого-то далека происходитъ русская интеллигенція; генеалогія ея, такимъ образомъ, оказывается и древнею, и почетною, потому что стригольники и жидовствующіе объясняются также изъ вліянія европейскаго. О Василіѣ III Ивановичѣ замѣчается, что у него, подобно отцу, видно стремленіе къ западу, которое развилось-де Еленою Глинскою, воспитанною въ польско-литовскихъ понятіяхъ (стр. 177). О сынѣ ихъ говорится, что его больше всего занималъ западъ, такъ какъ стремленіе къ просвѣщенію усиливалось въ Россіи съ каждымъ днемъ (стр. 181). Это обстоятельство въ глазахъ нашего автора, конечно, уменьшаетъ до нѣкоторой степени вины и пороки Грознаго, который, по его выраженію, „ненавидѣлъ и терзалъ Россію“ (стр. 241). Еще болѣе сознательное стремленіе къ европейскому просвѣщенію замѣчается-де у Бориса Годунова, который „всячески высказывалъ свое пристрастіе къ иностранцамъ, и которому только невѣжественное духовенство помѣшало устроить цѣлую систему школъ, въ коихъ учителями были бы иностранцы“ (стр. 192). Пер-

вый самозванецъ ставится нашимъ авторомъ на такой высокій пьедесталъ, о которомъ и не грезилось этой романтической легкомысленной головѣ: по воззрѣнію г. Трачевскаго, „Лжедмитрій открывалъ собою эпоху преобразованій въ русской исторіи, о которой думалъ Годуновъ, и которая (эпоха же?) достигла развитія при Петрѣ I“ (стр. 200). При немъ на Руси впервые явилась-де полная свобода исповѣданій, а также свободное непринужденное общество, въ которомъ обращались дамы, гдѣ были веселыя шутки и разговоры, пѣсни и танцы, игра въ карты и шахматы, все какъ есть по европейски или, лучше бы сказать, по польски, тѣмъ болѣе, что „Польша была представительницей европейской цивилизаціи среди славянъ“ (стр. 261); „все это—прибавляетъ авторъ о самозванцѣ—было проявленіемъ европейскаго вліянія на Руси“. Мимоходомъ отмѣтимъ два противорѣчія у автора на счетъ „полной свободы исповѣданій“ на Руси при первомъ самозванцѣ. Конечно, ему хорошо извѣстно, что XVI и XVII вѣка въ исторіи Европы особенно знамениты религіозною нетерпимостью и кровавою борьбою католиковъ и протестантовъ; у насъ при Лжедмитріѣ сразу является небывалая прежде полная свобода исповѣданія подѣ вліяніемъ Европы: какъ это понять? Другое противорѣчіе находимъ на той же страницѣ: ибо авторъ указываетъ, что Лжедмитрій не былъ рабомъ запада, что папа и Польскій король опшиблись въ своихъ разчетахъ на самозванца, который занявъ, что не уступить ни пяди Русской земли, и сталъ стѣснять іезуитовъ да поддерживать православное Львовское братство противъ папы (стр. 200). Но въ такомъ случаѣ гдѣ же „полная свобода исповѣданій“? Впрочемъ, послѣдуемъ дальше за авторомъ, который стремительно идетъ впередъ, увлеченный своею мыслью о благотворности европейскаго вліянія на Россію. За все время жизни Московскаго государства ему кажутся очевидными успѣхи его подѣ вліяніемъ запада и въ области искусства, и всего быта: „Пусть она (Россія) отстала отъ Европы“, разсуждаетъ г. Трачевскій,—„но ужъ важно было сознаніе необходимости учиться у запада; оно упорно проявлялось и въ интеллигенціи, и у правительства: Грозный, Годуновъ, Лжедмитрій были какъ бы его воплощеніемъ“ (стр. 247, 261). Царь Алексѣй Михайловичъ незадолго до смерти „совсѣмъ становился западнымъ человѣкомъ“ (стр. 283). Наконецъ, наступило петровское время, настала вѣка просвѣщенія — XVIII и XIX, когда „идея европейскаго прогресса постепенно одолевала московскую косность, когда началась новая русская исторія, смыслъ которой состоитъ въ усвоеніи западной цивили-

ваці: тогда Россія превратилась изъ восточной державы въ европейскую“ (стр. 329, 393). Вънцомъ же европейскаго вліянія признается образованіе русской интеллигенціи, о которой г. Трачевскій отзывается, что „она замѣтно развилась въ эпоху послѣднихъ реформъ, въ основѣ которыхъ лежитъ уваженіе къ просвѣщенію“ (стр. 436). Такимъ-то образомъ завершилось вліяніе европейской цивилизаціи: начавшись еще въ кіевское время, оно, наконецъ, принесло свой цвѣтъ и плодъ въ XIX вѣкѣ, то-есть, породило русскую интеллигенцію, „замѣтно развившуюся“, по снисходительному о ней отзыву автора.

Во всемъ этомъ, конечно, есть извѣстная доля своей правды; но всякомъ случаѣ — кажется намъ — г. Трачевскій высказалъ свое возрѣніе откровенно и искренно. И въ самомъ дѣлѣ, характерною чертой нашей исторіи является это постоянное стремленіе къ сближенію съ европейскими народами, наши непрерывныя съ ними сношенія, торговля и дипломатическія, наше тѣсное съ ними сожитіе, въ послѣдніе два вѣка особенно. Эта черта русской исторіи выставлена очень ясно и опредѣленно въ трудѣ Соловьева, до такой степени опредѣленно, что нѣкоторые писатели-публицисты поспѣшили причислить этого историка къ кружку такъ-называемыхъ „западниковъ“. Но они напрасно, по нашему мнѣнію, поспѣшили это сдѣлать, по той причинѣ, что вѣдь всякій кружокъ былъ бы очень тѣсенъ для такого писателя-мыслителя, какъ Соловьевъ: онъ и люди ему подобныя бьвають сами по себѣ, идутъ медленно и терпѣливо своею дорогою да пролагаютъ новыя, глубокіе пути въ наукѣ и мысли, по которому затѣмъ слѣдуютъ второстепенные дѣятели, болѣе или менѣе послѣдовательно придерживающіеся ихъ мысли. Выше мы уже имѣли случай выразить наше мнѣніе, на сколько послѣдовательно г. Трачевскій держится взглядовъ Соловьева; прибавимъ въ частности по вопросу объ европейскомъ вліяніи на русскую исторію, что нашъ авторъ развиваетъ мысль Соловьева весьма односторонне и ставитъ „какъ-то ребромъ“ самыя факты, у него заимствованные. Вѣдь по изложенію дѣла въ книгѣ г. Трачевскаго выходитъ какъ будто, что вся прошлая русская жизнь существовала только для того, чтобы доказать свою бесплодность помимо европейскаго воздѣйствія на нее, и что русская исторія представляется на столько интересною, на сколько она служитъ отраженіемъ европейскаго вліянія. Но тогда опять спрашивается: для чего было писать особую русскую исторію? Не лучше ли было бы присоединить ее какъ-нибудь сбоку къ исторіи европейской, показы-

вая время отъ времени, какъ въ отдаленную варварскую Московію проникалъ по немногу свѣтъ европейской цивилизаціи? А въ чемъ же состоитъ самобытность и своеобразие русской исторической жизни? Крайній и оттого невѣрный взглядъ на благотворное вліяніе европейской цивилизаціи не вымшенъ у автора, какъ слѣдовало бы. Не видать, что именно, какъ и въ какомъ размѣрѣ заимствовалось изъ Европы, точнѣе говоря—отъ сосѣднихъ народовъ, съ коими доводилось Россіи быть въ сношеніяхъ торговыхъ, дипломатическихъ и культурныхъ вообще. Въ книгѣ находимъ иногда очень странныя сужденія на счетъ этого заимствованія: о Борисѣ Годуновѣ, напримѣръ, говорится, что онъ понималъ необходимость „заимствовать у запада его науку и развитіе“ (стр. 192). Еще можно какъ-нибудь заимствовать науку; но можно ли такъ выражаться о „развитіи“, когда оно есть живой внутренній процессъ, именно возникающій изъ самой жизни органически? Въ сущности малосодержательны и выраженія о заимствованіи или усвоеніи цивилизаціи и культуры. Цивилизація (гражданственность) и культура, то-есть, совокупность всякаго рода полезныхъ приобрѣтеній въ области природы и улучшеній въ людскомъ быту бывають у всякаго народа свои собственныя, имъ самимъ выработанныя, оттого своеобразныя въ отношеніи качественномъ и количественномъ. Пусть народъ низшей культуры, точнѣе сказать—менѣе богатый можетъ воспользоваться отчасти и чужою, болѣе богатую культурой, сдѣлать гдѣ-нибудь на сторонѣ культурный „заемъ“, какъ весьма мѣтко назвалъ однажды Соловьевъ петровскую реформу; но въ дальнѣйшее время этотъ заемъ постепенно сокращается, по причинѣ его дороговизны главнымъ образомъ, или же производится инымъ, болѣе экономическимъ и болѣе органическимъ способомъ, нежели простое завсегдашнее потребленіе чужестранныхъ товаровъ да выписки чужихъ учителей и мастеровъ. Вообще эти основныя историческія понятія недостаточно вымнены въ учебникахъ г. Трачевскаго; конечно, они сложны и затруднительны для ясной и точной ихъ формулировки въ учебной книгѣ; но такъ какъ авторъ примѣняетъ ихъ очень часто, то естественно было бы ждать отъ него болѣе опредѣленнаго ихъ разъясненія.

Возьмемъ, напримѣръ, понятіе о прогрессѣ. Въ учебникѣ древней исторіи ему дается слѣдующее опредѣленіе: „Исторія показываетъ, что подъ вліяніемъ среды человѣчество развивается, то-есть, претерпѣваетъ постоянныя, но постепенныя измѣненія, отъ которыхъ оно дѣлается все совершеннѣе, образованнѣе и разнообразнѣе... Развитіе

называется прогрессомъ, то-есть, движеніемъ впередъ, успѣхомъ. Если иной народъ останавливается въ своемъ развитіи, это называютъ застоємъ; если онъ идетъ назадъ, это—регрессъ или ретроградство. Последнее случается тогда, когда начинаютъ усиливаться пережитки* (Учебникъ древней исторіи, стр. 2). Въ чемъ именно состоятъ эти такъ-называемые пережитки, разъясняется далѣе слѣдующимъ образомъ: „Пережитки—самый древній источникъ исторіи; они сохраняются необыкновенно долго и во всѣхъ сторонахъ культуры. Сюда относятся: предрасудки и пословицы—древнія понятія, суевѣрія (древнія религіи), множество обрядовъ и обычаевъ, разныя черты нравовъ и внѣшняго быта, пѣсни съ ихъ напѣвами и сказки (древняя поэзія), наконецъ, обычное право, древній неписанный законъ. Особенно древни пережитки, сохранившіеся въ азыгѣ: по смыслу пра-корней можно восстановить бытъ даже доисторическихъ временъ“ (тамъ же, стр. 18). Итакъ, область пережитковъ охватывается весьма обширною, захватывающею множество явленій жизни; но спрашивается: при чемъ тогда остается прогрессъ? Не ясно ли съ перваго разу, что его уравниваютъ, если даже не перевѣшиваютъ своею силой и живучестью—не скажемъ непремѣнно копейкою—многоразлично старыя пережитки? Выходитъ, что многое переживается, но не совершенно изживается; это есть въ собственномъ смыслѣ вѣчно старая и вѣдѣтъ вѣчно новая исторія, которую всего менѣе удобно называть прогрессомъ; вообще слово „прогрессъ“ есть мало удачная метафора и въ настоящее время становится своего рода пережиткомъ въ области литературно-историческаго языка. Гораздо лучше къ исторической жизни идетъ понятіе развитія, только не дружнаго, но въ однихъ сторонахъ жизни болѣе медленнаго, въ другихъ болѣе быстрого, съ повтореніемъ многихъ явленій переживаемыхъ, но не изживаемыхъ сразу, такъ какъ не все старое непремѣнно дурно и непригодно въ жизни, и на оборотъ—не все новое безусловно хорошо; многое же остается и совсѣмъ неизмѣннымъ, какъ постоянное, необходимое проявленіе жизни. Даже въ области науки, гдѣ понятіе прогресса наиболѣе пригодно,—такъ какъ тамъ дѣйствительно есть болѣе ровное поступательное движеніе, чѣмъ въ другихъ областяхъ духовной жизни,—дѣло не обходится безъ замедленій и своего рода пережитковъ; каковы научныя предрасудки, ошибки и заблужденія, какъ невольныя, такъ и добровольныя, иногда воспринятыя съ чужа и безъ достаточной критики, поспѣшныя обобщенія и выводы, непоследовательныя воззрѣнія и т. д. Все это еще больше, чѣмъ въ

наукѣ, есть въ области умственной жизни вообще. Взявъ это въ расчетъ невольно думаешь: стоитъ ли много хлопотать, чтобы цѣлую исторію представлять подготовленіемъ къ образованію небольшого кружка людей, называемыхъ интеллигенціей? Вѣдь это значило бы слишкомъ дорого цѣнить одну маленькую сторону жизни на счетъ остальной, несравненно ея обширнѣйшей области. И совсѣмъ напрасно выставляютъ положеніе, будто „умъ есть двигатель исторіи“ (Учебникъ русской исторіи, стр. 384). Нѣтъ, жизнь движется гораздо больше чувствованіями да стремленіями, чѣмъ умомъ; чувство есть та первоначальная, глубокая стихія душевная, въ бессознательной неясной области которой зараждаются и стремленія, и понятія. Все великое въ исторіи совершилось подъ влияніемъ чувствованій на волю и сознаніе людей, каковы чувствованія религиозныя и нравственныя, патриотическія и родственныя, чувства любви, дружбы, привязанности, самоотверженія, или же на оборотъ—чувства вражды, ненависти, мщенія, корыстолюбія, честолюбія, властолюбія и прочихъ чувствованій и страстей. Умъ же и сознаніе это позднѣйшія явленія душевной жизни, которыя только отчасти освѣщаютъ переживаемую дѣйствительность, но которыя сами по себѣ не суть творческія силы жизни: умъ хорошъ въ соединеніи съ чувствомъ, а когда „умъ съ сердцемъ не въ ладу“, то отъ него бываетъ очень мало пользы. Что бываетъ съ отдѣльными лицами, то возможно и съ цѣлымъ классомъ интеллигенціи: возможно, что она можетъ очутиться въ разладѣ съ народною массою, живущею чувствомъ; тогда онѣ не поймутъ одна другой, будутъ чужды и бесплодны одна для другой. Позволимъ себѣ еще одно замѣчаніе подобнаго же рода на счетъ преподаванія исторіи въ школахъ и изложенія ея въ учебныхъ книгахъ для школъ: тамъ исторія не можетъ—безъ вреда для дѣла—быть только оглясценнымъ изложеніемъ, разчлѣненнымъ на одинъ умъ учащихся; она должна дѣйствовать, прежде всего, на ихъ воображеніе и чувства, для чего лучшимъ средствомъ служить разказъ продуманный и прочувствованный, въ мѣру возбуждающій чувства молодыхъ слушателей или читателей; такой разказъ навѣрное приведетъ къ тому, что у нихъ родятся свои правильныя историческія понятія, сообщать которыя по многу готовыми было бы, по нашему мнѣнію, бесплодно и даже вредно.

Теперь довольно на счетъ общихъ взглядовъ въ книгѣ г. Трачевскаго. Изъ предъидущаго ясно, почему мы не считаемъ нужнымъ

останавливаться на его обзорѣннй повѣйшей русской литературы и просвѣщенія (стр. 426 — 475), и прямо обращаемся къ вѣйшему плану книги, способу ея изложенія и фактическому содержанию.

III.

Послѣ небольшого введенія и главы подъ названіемъ „первобытные славяне и ихъ сосѣди до 850 года“, слѣдуетъ изложеніе русской исторіи по періодамъ, всего въ числѣ шести, каждый періодъ въ особой главѣ. Всякому періоду предпосылается краткое обзорѣніе исторіи народовъ романскихъ, германскихъ и славянскихъ, а въ первые періоды, кромѣ того, византійской исторіи; за этимъ обзорѣніемъ болѣе подробно излагается отечественная исторія. Пріемъ очень хорошій и планъ вѣрный; но онъ лучше задуманъ, чѣмъ выполненъ: исторія европейская излагается больше рядомъ съ русскою, чѣмъ въ связи, больше пятншне-синхронически, нежели по внутреннимъ, существеннымъ отношеніямъ. Весьма важно намѣреніе автора изложить русскую исторію въ связи съ византійскою и славянскою, но и оно не выполнено, какъ подобаетъ важности этого предмета: нѣсколько краткихъ, сухо изложенныхъ фактовъ мало вводятъ въ область греко-славянской исторіи и не даютъ читателю ближе ощутить ея значеніе. И здѣсь авторъ не всегда воздерживается отъ своихъ поспѣшныхъ, иногда странныхъ замѣчаній, каково, напримѣръ, слѣдующее: „Идея Николая I (Павловича) въ восточномъ вопросѣ требовала поддержанія распадающейся Турціи, которую легко было ослабить постепеннымъ образованіемъ мелкихъ, не опасныхъ Россіи государствъ на Балканскомъ полуостровѣ“ (стр. 420). Россія дѣйствительно стремилась къ освобожденію турецкихъ христіанъ, пролила за нихъ потоки крови, и вдругъ она стала бы „опасаться“ возникновенія славянскихъ государствъ на мѣстѣ Турціи! Какое политическое глубокомысліе!..

Свой способъ изложенія г. Трачевскій называетъ догматическимъ: „Учебникъ — не ученый трактатъ; здѣсь должно или догматически излагать вопросъ, или вовсе не касаться его“, говоритъ онъ въ предисловіи къ учебнику русской исторіи. Намъ не кажется это разсужденіе автора вполне убѣдительнымъ. Конечно, учебникъ не ученый трактатъ; однако, учебникъ г. Трачевскаго, очень значительный по объему, разчитанный на читателей взрослыхъ, болѣе или менѣе развитыхъ, не есть то же, что элементарный учебникъ для начинающихъ знакомиться съ исторіей въ низшей или средней школѣ. Книга

г. Трачевскаго—учебникъ высшаго разряда, въ который внесено много разнообразныхъ взглядовъ, сложныхъ и отвлеченныхъ, затронуто много вопросовъ, требующихъ раскрытiя и доказательства; ихъ потому и нельзя излагать догматически, что они — вопросы. Поэтому авторъ лучше поступилъ бы, еслибы, на ряду съ догматическимъ изложенiемъ безспорныхъ фактовъ, давалъ иногда мѣсто разъясненiю и критикѣ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ вопросовъ, наиримѣръ; о родовомъ бытiи, о призванiи варяговъ и т. п. Не было бы неумѣстно приводить по временамъ указанiя на главнѣйшiе источники или тѣ страницы исторiи Соловьева, которою авторъ пользовался; а то даже начитанные люди могутъ встрѣтить въ учебникѣ г. Трачевскаго такiе рѣдкостные факты, что можно сначала быть въ недоумѣнiи, откуда они заимствованы. Во всякомъ случаѣ, излагая предметъ догматически, авторъ не освобождаетъ себя отъ отвѣтственности предъ критикой, которая будетъ тѣмъ строже, что имъ заявлено о догматическомъ способѣ изложенiя; этой отвѣтственности было бы меньше при иномъ, не догматическомъ только приѣмѣ изложенiя. Теперь же авторъ вдвойнѣ обязалъ себя говорить строгую правду, то-есть, давать только точные факты и, по возможности, объективно-научныя сужденiя, изъ этихъ фактовъ проистекающiя. Къ сожалѣнiю, въ учебной книгѣ русской исторiи г. Трачевскаго встрѣчаются не рѣдко и фактическiя ошибки, и неточныя сужденiя, противорѣчащiя фактамъ. Укажемъ нѣкоторые изъ нихъ; будемъ брать ихъ въ порядкѣ изложенiя въ книгѣ.

„Область верхней Волги занимали вятичи; ихъ средоточiемъ былъ новгородскiй Ростовъ“ (стр. 6). Это невѣрно: вятичи жили по Окѣ; города ихъ были Брянскъ, Мценскъ и другiе.

„Варяговъ было много въ городахъ восточныхъ славянъ, а Новгородъ до того былъ наполненъ ихъ купцами, что одна изъ улицъ его долгу именовалась варяжскою; у Финскаго залива и Ладожскаго озера было уже нѣсколько варяжскихъ поселенiй и два города: Старая Ладога и Старая Руса“ (стр. 9). Все это нѣсколько не доказано и весьма сомнительно, кромѣ того, что въ Новгородѣ дѣйствительно была Варяжская улица; но отъ древнихъ ли рюриковскихъ варяговъ, или отъ позднѣйшихъ варяжскихъ гостей, имѣвшихъ здѣсь свой торговый дворъ, назвалась улица,—не извѣстно.

На стр. 35 вира опредѣляется вообще, какъ „штрафъ съ виновныхъ“, а въ другомъ мѣстѣ допояняется, что „вира служила замѣной тѣлесныхъ наказанiй“, что и воръ наказывался вирой (стр. 38). Это—невѣрное опредѣленiе виры: она есть выкупъ за убiйство въ часть сскли, отд. 3.

пользу родственниковъ убитаго и въ пользу князя; всѣ другія преступленія противъ личной безопасности и собственности наказываются по Русской Правдѣ обыкновенно „продажами“.

„Сельчане уже считались ниже горожанъ и иногда назывались презрительнымъ именемъ смердовъ“ (стр. 36). Напротивъ, въ Русской Правдѣ, въ лѣтописи и въ другихъ современныхъ имъ памятникахъ слово „смердъ“ есть обычное названіе сельскихъ земледѣльцевъ, безо всякаго презрительнаго оттѣнка; оно не больше презрительно, чѣмъ нынѣшнее названіе крестьянина мужикомъ.

На стр. 39 говорится, что „первыи подчинялся обширный классъ людей, исключительно ей подвѣдомыхъ и подсудимыхъ: это изгой, люди стояшіе внѣ общины“. Допустимъ это опредѣленіе понятій объ изгояхъ, хотя оно не вполне точно; но изгой далеко не составляютъ всего обширнаго класса церковныхъ людей.

На стр. 41 находимъ очень странное замѣчаніе про Русскую Правду, что „въ языкѣ ея уже много русскаго“. Всякому, ее читавшему, вѣдомо, что она написана жинитъ, дѣловымъ русскимъ языкомъ, а не церковно-славянскимъ или книжнымъ; а что касается „варяжества“, по неудобному выраженію г. Трачевскаго, то его несколько почти нѣтъ въ Правдѣ: едва ли въ ней найдется два-три слова скандинавскихъ.

Про взаимныя отношенія князей, между прочимъ, говорится: „Чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе было доказать, что такой-то князь дѣйствительно старше такого-то: на Руси не было генеалогическихъ таблицъ, какъ у феодаловъ, и русскій языкъ отсталъ отъ западныхъ въ опредѣленіи степеней родства“ (стр. 53). Все это невѣрно. Напротивъ, для того-то и велись на Руси лѣтописи, чтобы записывать въ нихъ родство князей, на которомъ они основывали свои права на владѣніе вотчинами или на великое княженіе во всей Руси; нѣкоторые лѣтописи занимаются княжескимъ родословіемъ по преимуществу. Родовое старѣйшинство было руководящимъ началомъ жизни и истиннымъ „умоначертаніемъ“ вѣка; если же происходили княжескія усобицы, то не оттого, что князья считались родствомъ, а отъ того, что нѣкоторые изъ нихъ, болѣе предприимчивые, даровитые или любимые народамъ и дружиной, добывали станы мимо родоваго старѣйшинства, переставая обращать на него должное вниманіе. Князья, бояре и всякіе служилые люди очень хорошо, ни чуть не хуже западнаго рыцарства, знали своихъ восходящихъ предковъ, докуда память и записи доходили. Счастьи родствомъ и службой, „отечествомъ и раз-

рядомъ*, говоря по тогдашнему, было первою заботой человѣка, дожившаго своею честию: отсюда—мѣстничество князей и служилыхъ людей, на случай котораго бояре вели у себя на дому родословныя и мѣстныя записи. Князья могли по всякое время опредѣлить свое родство, можно сказать — съ математическою точностью; для обозначенія его, кромѣ числовыхъ степеней, служило множество названій разныхъ видовъ родства. Не угодно ли, на примѣръ, выслушать названія родства въ прямой нисходящей линіи: сынъ, внукъ, правнукъ, праправнукъ, преправнукъ, пращуръ, прапращуръ, препрапращуръ, что въ обратномъ восходящемъ порядкѣ будетъ: отецъ, дѣдъ, прадѣдъ, прапрадѣдъ, препрапрадѣдъ, пращуръ, прапращуръ, препрапращуръ. Такимъ образомъ, на примѣръ, въ Никоновской лѣтописи князь Смоленскій и Ярославскій, св. Ѳеодоръ Ростиславичъ, по прозванію Черный, потомокъ св. Владиміра въ девятой отъ него степени, называется еще относительно его препрапращуръ (часть III, стр. 60). А эта длинная вереница названій божоваго родства и свойства: братъ родной, двоюродный, троюродный и т. д., дядя, стрій, уй, племянникъ, братаничъ, сестричъ, стрійчичъ, увецъ, шуринъ, своякъ, тестъ, зять, свать, свекоръ, деверъ и т. д. — не показываетъ ли она весьма значительнаго богатства названій родства въ русскомъ языкѣ, по крайпей мѣрѣ, не меньшаго, чѣмъ въ европейскихъ языкахъ? Прибавимъ еще, что, кромѣ родословныхъ росписей въ лѣтописяхъ, у насъ были еще своеобразныя генеалогическія таблицы, вѣрнѣе сказать, родословныя царственныя древа, на которыхъ не просто графически, а именно рисункомъ въ видѣ древа изображалось царственное потомство; въ этомъ искусствѣ упражнялись и царевны въ кремлевскихъ теремахъ.

На стр. 96 допущена ошибка или описка о начальномъ лѣтописцѣ, что „Мономахъ почтилъ Пестора лѣтописца своимъ епископомъ“. Тутъ смѣшанъ Несторъ съ Сильвестромъ, вѣроятно—редакторомъ начальной лѣтописи, который былъ сначала игуменомъ Михайловскаго Выдубицкаго монастыря, а при Мономахѣ дѣйствительно былъ поставленъ во епископа Переяславскаго.

По случаю избранія на царство Михаила Ѳеодоровича авторъ замѣчаетъ, что „Романовы были люди темные среди старой знати, не блиставшіе ни богатствомъ, ни дарованіями, но также не запятаншіе себя дурною славой“ (стр. 212). Опять невѣрно, что касается знатности рода Романовыхъ и служебныхъ его дарованій: это одинъ изъ самыхъ древнихъ, знатныхъ и заслуженныхъ московскихъ ро-

довъ. Припомнимъ нѣкоторыхъ его представителей. Родоначальникъ его, бояринъ Андрей Кобыла, былъ однимъ изъ близкихъ людей къ великому князю Семену Ивановичу Гордому: онъ ѣздилъ въ Тверь за неѣстой великаго князя Марьей Александровной. Сынъ его Осдоръ Андреевичъ, по прозванію Кошка, пользовался довѣріемъ Донскаго, который, отправляясь въ Куликовскій походъ, поручилъ сему боярину свое семейство и городъ Москву; онъ же и сынъ его Иванъ значатся въ числѣ десяти лицъ, названныхъ въ духовномъ завѣщаніи Донскаго, коимъ онъ поручалъ великое княженіе и юнаго своего преемника; дѣйствительно, Ѳедоръ Андреевичъ съ сыномъ были главными совѣтниками при великомъ князѣ Василіѣ Дмитріевичѣ. Въ княженіе Ивана III Васильевича бояринъ Юрій Захарычъ Кошкинъ вступилъ отважды въ мѣстнической споръ съ княземъ Щеней, потомкомъ Гедимины. Дѣло было въ Литовскомъ походѣ на рѣку Ведрошу, когда воеводой большаго полка былъ князь Щеня, а воеводой сторожеваго полка—бояринъ Ю. З. Кошкинъ; послѣдній находилъ, что ему, боярину стариннаго московскаго рода, непристойно быть подъ начальствомъ князя Щени, потомка подданно вѣханпача въ Москву служлагаго рода, хотя и очень знатнаго; самому великому князю пришлось убѣждать Кошкина, что ему можно „быть вмѣстѣ“ съ княземъ Щеней¹⁾. При великомъ князѣ Василіѣ III Ивановичѣ бояринъ Михайлъ Юрьевичъ былъ близкимъ къ нему лицомъ: это былъ дядя Анастасіи Романовны, супруги Грознаго. Родство съ царскимъ домомъ еще болѣе возвысило Романовыхъ: все это—общезвѣстные факты.

На стр. 218 читасмъ: „Съ Даніей едва не завелись родственнии связи, при чемъ Михайлъ Ѳедоровичъ, зазавши въ Москву ея королевича, хотѣлъ насильно жепить его на своей дочери и изловилъ его, когда тотъ бѣжалъ“. Этими краткими фразами дѣлу королевича Вольдемара придается, какъ обычно принято, комическій оттѣнокъ, благо, что это стѣбитъ такъ недорого; между тѣмъ дѣло о сватовствѣ королевича Вольдемара имѣетъ свою очень печальную сторону, на которую стоило бы больше обращать вниманія. Царь Михайлъ Ѳедоровичъ очень желалъ выдать свою старшую царевну за датскаго королевича, но при томъ, конечно, не менѣе желанномъ условіи, чтобы тотъ перешелъ въ православную вѣру. Правда, при вторичномъ посольствѣ въ Данію, отъ имени царя было обѣщано, что королевичу

¹⁾ В. *Ключевскаго*, Боярская дума древней Руси, стр. 232—233, изданіе 1882.

въ вѣрѣ неволи не будетъ, и церковь въ Москвѣ ему будетъ поставлена по его закону; но вѣдь Михаилъ Оедоровичъ въ сущности не нарушилъ обѣщанія, когда сталъ ласково убѣждать пріѣхавшаго королевича принять православную вѣру и такимъ образомъ сродниться еще душевно съ нимъ и со всѣмъ русскимъ народомъ: королевича убѣждали и просили, а не принуждали; женить же его насильно ужь конечно, никакъ не желали. Вольдемаръ не соглашался, горячился, а въ одну пору сдѣлалъ очень непристойную для гостя выходку среди Москвы, слѣдствіемъ которой было окончательное разстройство сватовства, къ великому огорченію царя и царицы. По всей вѣроятности, это дѣло дурно повліяло на здоровье Михаила Оедоровича, который вскорѣ послѣ того скончался; Вольдемаръ же, богато въ Москвѣ одаренный, благополучно выѣхалъ изъ нея при новомъ государѣ. Дѣло больше печальное, чѣмъ забавное ¹⁾.

На стр. 274 говорится: „Царь (Алексѣй Михайловичъ) сталъ недоувѣрчивъ и окружилъ себя стрѣльцами. Возникло жестокое вѣдомство—приказъ тайныхъ дѣлъ, ставшій средоточіемъ доносовъ и пытокъ“. Вотъ старая басня! Еще въ началѣ вѣка Карамзинъ доказалъ несправедливость мѣривія Татищева и Шлецера о жестокомъ, будто бы, характерѣ этого приказа, который въ дѣйствительности былъ личнымъ государевымъ приказомъ, его частною канцеляріей или кабинетомъ; найденное послѣ сочиненіе Котошихина подтвердило этотъ взглядъ Карамзина. Конечно, приказъ тайныхъ дѣлъ, какъ личный государевъ, имѣлъ первостепенное значеніе среди всѣхъ приказовъ; не даромъ Котошихинъ ставитъ его на первомъ мѣстѣ въ спискѣ московскихъ приказовъ; но чтобъ онъ былъ „жестокимъ вѣдомствомъ и средоточіемъ доносовъ и пытокъ“, про это мы ничего пока не знаемъ. Позволимъ себѣ привести нѣсколько словъ Котошихина: „а устроишь тотъ приказъ при нынѣшнемъ царѣ, для того чтобы его царская мысль и дѣла исполнилися всѣ по его хотѣнію, а бояре бѣ и думные дѣяки о томъ ли о чемъ не вѣдали... Да въ томъ же приказѣ вѣдомо царская гѣтняя потѣха, —птицы кречеты, соколы, ястребы, челики и иппе; а бынаетъ тѣми птицами потѣха на лебеди, на гуси, на утки, на жеравли, на иные птицы и на зайцы“ и пр. Вотъ вамъ

¹⁾ Припоминаемъ его по весьма интересному изложенію въ интересной статьѣ Д. В. Цѣтеева: авторъ пользовался нѣкоторыми новыми документами, къ дѣлу относящимися, которые не были известны Соловьеву и другимъ исследователямъ (*Русск. Вѣстникъ* 1884 г., августъ).

и весь „жестокій“ приказъ, совсѣмъ не похожій на тайныя канцеляріи XVIII вѣка! ¹⁾).

Разказывая о заключеніи Ниптадтскаго мира, авторъ прибавляетъ: „Этотъ миръ доставилъ Россіи часть Кореліи до Выборга, Ингрію, Эстляндію и Лифляндію. Петръ цѣлую недѣлю пѣлъ пѣсни и плясалъ по столамъ; сенатъ поднесъ ему титулы Великаго, Отца отечества и императора Всероссійскаго“ (стр. 300). Просимъ читателей вникнуть въ тактъ и складъ разказа; черты его взяты у Соловьева, который неподражаемо прелестно разказываетъ, какъ Петръ, получа извѣстіе о подписаніи трактата, немедленно воротился въ Петербургъ, откуда онъ было поѣхалъ; какъ онъ поздравилъ народъ, собравшійся у Троицкаго собора, съ прекращеніемъ войны, при чемъ взялъ ковши вина и выпилъ его за здоровье народа, который плакалъ и восторженно восклицалъ: „да здравствуетъ государь“; какъ онъ дѣйствительно веселился, какъ ребенокъ, на маскарадѣ, продолжавшемся цѣлую недѣлю, при чемъ и пѣлъ пѣсни, и плясалъ по столамъ: великій государь умѣлъ работать до поту, но умѣлъ при торжественномъ случаѣ и веселиться съ народомъ во всю ширь своей богатырской природы. Но все это разказано у Соловьева прекрасно, а у г. Трачевскаго безъ надлежащей силы выраженія: и то же, да совсѣмъ иначе ²⁾).

Заключимъ нашъ разборъ выпиской еще одного мѣста изъ книги, любопытнаго въ своемъ родѣ, именно на стр. 321, гдѣ идетъ рѣчь о состояніи образованія въ петровское время. „Новыя понятія связаны съ просвѣщеніемъ, которымъ начали увлекаться уже передъ Петромъ. Иные юноши до слезъ жаждали обученія и бѣжали за границу или временно принимали католичество, чтобы попасть въ польскія школы. Вояре приглашали въ домашніе учителя иностранцевъ или обнищавшихъ шляхтичей изъ юго-западной Руси; нередко люди заводили библіотеки съ книгами польскими, латинскими и нѣмецкими. Одинъ мужикъ сдѣлалъ крылья, собираясь летать какъ журавль. Соборъ и іерархія требовали обученія дѣтей“ и пр. Просимъ читателей обратить особое вниманіе на подчеркнутое нами мѣсто: да впрочемъ они и сами, конечно, остановились на немъ. Читая его, мы сначала недоумѣвали, какъ его понимать: въ буквальномъ, или

¹⁾ Сочиненія Крамзина, изд. Смирдина, т. I, стр. 419—426; Котомизинъ, О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, изд. 2-о, стр. 70.

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XVII, стр. 394 (изд. 2-о).

какомъ-нибудь иносказательномъ смыслѣ? Но расположенію мыслей какъ будто выходитъ, что этотъ мужикъ сдѣлалъ крылья для того, чтобы подняться на нихъ изъ Русскаго царства и улетѣть куда-нибудь въ просвѣщенные страны европейскія.. Чудеса, да и только! Но что же, въ самомъ дѣлѣ, это за человѣкъ, и какія крылья онъ хотѣлъ сдѣлать? Мы припомнили, что это есть тотъ самый мужикъ, про котораго разказывается въ запискахъ околичаго Ив. Леонас. Желябужскаго: дѣло было вотъ въ чемъ. Въ августѣ 1695 года какой-то крестьянинъ однажды закричалъ „караулъ“, то-есть, объявилъ за собою слово и дѣло государево, почему былъ приведенъ въ Стрѣлецкій приказъ на допросъ. Здѣсь онъ показавъ, что можетъ устроить крылья, на которыхъ будетъ летать по воздуху, какъ журавль, то-есть, предлагалъ казнѣ новое изобрѣтеніе, которое могло быть полезнымъ въ военное время, при осадѣ города или лагеря или въ иномъ подобномъ случаѣ. Такое предложеніе заинтересовало начальника приказа князя Троекурова; изобрѣтателю велѣно было выдать 18 рублей денегъ на устройство слюдяныхъ крыльевъ. Крестьянинъ началъ работу и исполнилъ; настало время испытать, каковы будутъ крылья: пришелъ князь Троекуровъ съ товарищами, пришелъ и другой народъ. Изобрѣтатель, по православному обычаю, перекрестился, сталъ „падывать мѣха“, по уму! не поднялся, такъ какъ крылья оказались слишкомъ тяжелы; смущенный, онъ сталъ просить позволенія передѣлать свою работу, для чего припрасиналъ еще пять рублей. Но бояринъ раскручинился за бесполезную трату государевой казны, денегъ не далъ, а велѣлъ наказать батогами неудачнаго изобрѣтателя и взыскать казенный убытокъ съ его имущества. Такъ разказывается дѣло у Желябужскаго ¹⁾. Очевидно, крестьянинъ принадлежитъ къ числу такъ-называемыхъ „прибыльчиковъ“, то-есть, людей, искавшихъ прибыли казнѣ чрезъ полезныя изобрѣтенія и открытіе новыхъ источниковъ дохода для пел. Нѣкоторые изъ нихъ, каковы, напримѣръ, знаменитый прибыльщикъ Архангельскій губернаторъ Курбатовъ, прославились своею дѣятельностью въ петровское время; прибыльщикомъ, въ сущности, былъ и Посошковъ, хотя онъ не носилъ этого прозванія; но они были и раньше, въ XVII вѣкѣ, какъ видно, напримѣръ, изъ записокъ Желябужскаго, гдѣ не разъ говорится о прибыльщикахъ, болѣе успѣшно работавшихъ для казны,

¹⁾ Записки русскихъ людей, изд. Сахаровымъ. Записки Желябужскаго, стр. 21—22.

чѣмъ названный несчастливый изобрѣтатель крыльевъ, столь загадочно упоминаемый въ учебной книгѣ г. Трачевскаго.

Не будемъ отмѣчать другихъ ошибокъ и неточностей въ новомъ учебникѣ русской исторіи, которые такъ много вредятъ ему. При всемъ томъ, однако, мы были бы несправедливы, еслибы не признали, что въ ней есть очень хорошія страницы со стороны изложенія и точности содержанія, какъ, наиримѣръ, тѣ страницы о татарскомъ игѣ, гдѣ авторъ послѣдовательно держится взгляда Соловьева, который, какъ извѣстно, не усматриваетъ особенно важныхъ послѣдствій этого ига для нашей исторіи. Нельзя не замѣтить также выдержанности плана книги и вообще старанія автора сдѣлать ее удобною для справокъ читателямъ, съ каковою цѣлію къ ней приложена хронологическая таблица и указатель. Но еще разъ повторимъ, что книга г. Трачевскаго лучше задумана, чѣмъ выполнена; она была бы несравненно полезнѣе для читателей, если бы заключала въ себѣ меньше общихъ взглядовъ, а больше точныхъ, строго проверенныхъ фактовъ.

И. Беремиковъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ВЪ 1883 ГОДУ.

Въ настоящее время окончены печатаніемъ и изготовлены къ выпуску въ свѣтъ отчетъ Императорской Публичной Библиотеки за 1883 годъ. Предлагаемое извлеченіе изъ него дастъ нѣкоторое понятіе о состояніи и дѣятельности нашего государственнаго книгохранилища въ означенномъ году.

Въ 1883 году Библиотека понесла значительныя утраты въ своемъ личномъ составѣ. Скопчались библиотекари К. А. Коссовичъ и Р. И. Мицловъ, и исправлявшій должность библиотекаря отдѣленія книгъ на русскомъ языкѣ, завѣдывавшій хозяйственною частью Ѳ. И. Штетеневъ.

Извѣстный санскритологъ К. А. Коссовичъ поступилъ на службу въ Библиотеку въ 1850 году на должность редактора ученыхъ работъ, которая собственно для него была образована, и въ слѣдующемъ году былъ командированъ за границу, въ Лондонъ, чтобы при помощи тамошнихъ ученыхъ описать рукописи Библиотеки, писанныя на разныхъ индійскихъ нарѣчіяхъ. Выступъ съ тѣмъ ему было поручено подробно изучить устройство Британскаго музея, что было необходимо для соображеній тогдашняго директора Библиотеки статсъ-секретаря барона М. А. Корфа, при предпринятомъ имъ въ то время переустройствѣ нашего книгохранилища. Свѣдѣнія, доставленныя К. А. Коссовичемъ, легли въ основу тѣхъ преобразованій, которыя дали Библиотекѣ ея нынѣшній видъ. По упраздненіи въ 1870 году должности редактора ученыхъ работъ, Коссовичъ былъ опредѣленъ библиотекаремъ отдѣленія книгъ на восточныхъ языкахъ, которое онъ

часть сскл, отд. 4.

привелъ въ порядокъ и катологизировалъ. Кромѣ сочиненій, которыя сдѣлали имя Коссовича извѣстнымъ въ ученомъ мѣрѣ, онъ помѣщалъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ статьи о Библіотекѣ и о рѣдкихъ замѣчательныхъ книгахъ и рукописяхъ, въ ней хранящихся или въ нее поступавшихъ.

Р. И. Минцловъ былъ опредѣленъ на службу въ Императорскую Публичную Библіотеку въ 1847 году бібліотекаремъ и состоялъ въ этой должности до конца жизни. Въ его завѣдываніи было отдѣленіе философіи, а также собраніе инокнабулъ, альдовъ и эльзевировъ. Р. И. Минцловъ былъ даровитый литераторъ и ученый. Между весьма многочисленными трудами покойнаго, появившимися и отдѣльно, и въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ, много такихъ, которыми имѣютъ прямое отношеніе къ Публичной Библіотекѣ. Укажемъ здѣсь на главнѣйшіе: „Die altdeutschen Handschriften der Kaiserlichen Oeffentlichen Bibliothek zu St.-Petersburg“, „Catalogue des éditions alldines de la Bibliothèque Impériale Publique de S.-Pétérshbourg“; „Notice sur les reliures anciennes de la Bibliothèque Impériale de St.-Pétérshbourg“; „Souvenir de la Bibliothèque Impériale Publique de St.-Pétérshbourg“, въ которомъ помѣщены описанія и изображенія рѣдкихъ гравюръ и печатныхъ листовъ, найденныхъ въ переплетахъ книгъ Публичной Библіотеки; „Les Elzevirs de la Bibliothèque Impériale Publique de St.-Pétérshbourg“; „Catalogue raisonné des Russica de la Bibliothèque Impériale Publique de S.-Pétérshbourg. I. Pierre le Grand dans la littérature étrangère“.

На открывшуюся вакансію бібліотекаря отдѣленія книгъ на русскомъ языкѣ опредѣленъ младшій помощникъ бібліотекаря I-го отдѣленія бібліотеки Императорской Академіи Наукъ В. П. Ламбвичъ.

Въ 1883 году Библіотека лишилась двухъ своихъ почетныхъ членовъ: государственнаго канцлера свѣтлѣйшаго князя А. М. Горчакова и хранителя рукоисей Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ А. Е. Викторова. Государственные заслуги князя Горчакова всѣми признаны: среди многотрудныхъ, лежавшихъ на немъ обязанностей, онъ находилъ удовольствіе и время слѣдить за движеніемъ въ наукѣ и литературѣ, и ничто выдающееся въ этой области не оставалось ему чуждымъ. Отечественное книгохранилище постоянно пользовалось его благоволительнымъ расположеніемъ. Что касается А. Е. Викторова, то онъ своими учеными и преимущественно бібліографическими трудами занялъ почетное мѣсто въ ряду нашихъ ученыхъ; къ сожалѣнію, преждевременная кончина не дала ему возмож-

ности докончить многія предпріятыя имъ работы и, въ числѣ ихъ, обстоятельный и ученый каталогъ книгъ, печатанныхъ кирилловскими буквами.

Во внутреннемъ устройствѣ Библиотеки произведены въ 1863 году слѣдующія измѣненія:

По Высочайшему повелѣнію помѣщена въ Библиотекѣ поднесенная Его Императорскому Величеству бронзовымъ фабрикантомъ Шопеномъ коллекція бюстовъ Россійскихъ государей, исполненная изъ гипса подъ бронзу. Бюсты эти были изготовлены въ царствованіе императора Павла I италіанскимъ скульпторомъ Пенна, приглашеннымъ для этой цѣли въ Россію генераломъ Корсаковымъ, по смерти котораго вся коллекція, состоящая изъ 61 бюста, была продана. Ее отыскалъ въ Москвѣ въ 1843 году г. Шопенъ. Оригиналами для бюстовъ служили, по всему вѣроятію, медали Русскихъ великихъ князей и царей, выбитыя при императрицѣ Екатеринѣ II. Полученная Библиотскою коллекція размѣщена въ одной изъ ея залъ нижняго этажа на верху низкихъ шкафовъ, стоящихъ по срединѣ залы.

Въ залѣ, въ которой находятся историческія сочиненія, помѣщенъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, исполненный художникомъ Богацкимъ портретъ патрiа директора Императорской Публичной Библиотеки статсъ-секретаря Н. Д. Делянова. Въ одномъ изъ шкафовъ залы, примыкающей къ залѣ императора Александра I, размѣщено нѣсколько принесенныхъ въ даръ Библиотекѣ и для храненія въ ней серебряныхъ и фарфоровыхъ вѣнковъ, которые были несены при похоронахъ извѣстнаго нашего писателя И. С. Тургенева. Въ Ларинской залѣ, вслѣдствіе ощущаемаго все болѣе и болѣе съ каждымъ годомъ недостатка мѣста для размѣщенія книгъ, пристроены къ существовавшимъ по стѣнамъ шкафовъ два новые съ галлереями. Въ одномъ изъ этихъ шкафовъ помѣщена богатая Палестинская библиотека Тоблера, которая постоянно пополняется вновь приобретаемыми Библиотскою сочиненіями о Святой Землѣ. Полнотой этого отдѣла отечественное книгохранилище можетъ нынѣ по справедливости гордиться.

Приобрѣтенія Библиотеки въ 1863 году были весьма значительны, какъ въ видѣ цѣлыхъ коллекцій, такъ и отдѣльными книгами, рукописями и проч.

Самымъ важнымъ приобретеніемъ Библиотеки безспорно является купленное на счетъ суммъ государственнаго казначейства у члена Московской синодальной конторы, бывшаго Чигиринскаго епископа,

Порфирія, нынѣ уже скончавшагося, собраніе рукописей церковно-славянскихъ и русскихъ, греческихъ, арабскихъ, сирійскихъ, грузинскихъ и на другихъ языкахъ, а также книгъ старопечатныхъ церковно-славянскихъ и арабскихъ. Это обширное собраніе составлено ученымъ іерархомъ во время его восемнадцатилѣтняго пребыванія въ разныхъ странахъ христіанскаго Востока и уже давно было ввѣстно, какъ отечественнымъ, такъ и заграничнымъ ученымъ. Многими изъ его рукописей пользовались: Тишендорфъ при изданіи Новаго Завѣта; академикъ И. И. Срезневскій для своихъ сборниковъ: „Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ“ и „Древніе славянскіе памятники юсоваго письма“; профессора: А. С. Павловъ при изслѣдованіи о Номоканонѣ и баронъ В. Р. Розенъ при печатаніи арабской лѣтописи Яхьи Антиохійскаго; архимандритъ Амфілохій для своихъ палеографическихъ изданій, и многіе другіе. Сверхъ того, самъ преосв. Порфирій, въ изданныхъ имъ описаніяхъ своихъ путешествій, сообщилъ свѣдѣнія о многихъ приобретенныхъ имъ рукописяхъ. За собраніе, которому подобное составить теперь едва ли возможно, заплачено 15,000 рублей, съ разсрочкой уплаты ихъ на четыре года. Приобрѣтеніе такой замѣчательной коллекціи за столь сравнительно скромную сумму отечественное книгохранилище можетъ приписать единственно желанію преосв. Порфирія оставить свое собраніе въ Россіи, такъ какъ на поступающія къ нему неоднократно предложенія отъ заграничныхъ библіотекъ и любителей онъ отвѣчалъ постояннымъ отказомъ.

Описаніе этого собранія, потребовавшее много времени и труда, составлено главнымъ образомъ библіотекаремъ рукописнаго отдѣленія Императорской Публичной Библіотеки И. А. Бычковымъ и профессоромъ В. К. Ершtedтомъ. Описаніе арабскихъ рукописей составлено завѣдывающимъ въ Библіотекѣ отдѣленіемъ книгъ на восточныхъ языкахъ профессоромъ С.-Петербургскаго университета В. Д. Смирновымъ, а сирійскихъ и эіопскихъ—кандидатомъ того же университета П. К. Коковцевымъ. Кромѣ того, извѣстный нашъ византиистъ, профессоръ того же университета В. Г. Васильевскій, сдѣлалъ подробное описаніе одной греческой рукописи Порфиріевскаго собранія. Въ отчетъ Библіотеки вошло обстоятельное обзорнѣе этой драгоценной коллекціи въ полномъ ея составѣ. Въ предлагаемомъ обзорѣ изъ него могутъ быть извлечены только нѣкоторыя важнѣйшія черты.

Общее количество рукописей, вошедшихъ въ составъ Порфиріевскаго собранія, опредѣляется слѣдующими цифрами:

а) рукописей церковно-славянскихъ и русскихъ—108, въ томъ числѣ цѣльныхъ—30, а отрывковъ и отдѣльныхъ листовъ—78; между цѣльными рукописями 2 на пергаменѣ, между отрывками—17; всѣ остальные рукописи и отрывки на бумагѣ; сверхъ того, два картона, содержащіе въ себѣ 46 листовъ снимковъ съ рукописей славянскихъ, русскихъ и молдовлахійскихъ, большею частью видѣнныхъ преосв. Порфиріемъ въ аеонскихъ монастыряхъ и вообще въ странахъ христіанскаго Востока;

б) рукописей греческихъ—288; въ томъ числѣ цѣльныхъ—42, а отрывковъ и отдѣльныхъ листовъ—246; между цѣльными рукописями 19 на пергаменѣ, между отрывками 1 на папирусѣ, 132 на пергаменѣ, всѣ же прочіе рукописи и отрывки на бомбицинѣ или на бумагѣ; кромѣ того, къ греческому отдѣлу Порфиріевскаго собранія принадлежатъ четыре картона, содержащіе въ себѣ 171 листъ снимковъ съ греческихъ рукописей, большею частью хранящихся въ аеонскихъ монастыряхъ;

в) рукописей на языкахъ латинскомъ и романскихъ—3;

г) рукописей арабскихъ—24, въ томъ числѣ 2 на пергаменѣ, и сверхъ того, 5 листовъ снимковъ;

д) рукописей сирійскихъ—4, въ томъ числѣ 3 на пергаменѣ, и сверхъ того, 2 листа снимковъ;

е) рукописей эоіонскихъ 2, обѣ на пергаменѣ;

ж) рукопись коптская;

з) рукописей грузинскихъ 4, изъ коихъ 2 на папирусѣ, а 2 на пергаменѣ;

и) рукопись турецкая, на пергаменѣ.

Въ частности, между цѣльными рукописями славянскими и русскими особенно замѣчательны слѣдующія: нѣсколько Евангелій, разныхъ вѣковъ, въ томъ числѣ одно, писанное уставомъ конца XII вѣка, на пергаменѣ, на 189 листахъ, въ малый листъ, сербской редакціи; нѣсколько книгъ богослужебныхъ, начиная съ XV вѣка; житіе св. Панкратія, епископа Тавроменійскаго, писанное на пергаменѣ мелкимъ уставомъ XIII—XIV вѣковъ; слова Григорія Цамблака, въ новой копіи съ древней рукописи, хранящейся въ монастырѣ Аеононавловскомъ; Патерикъ Скитскій, полууставнаго письма XIV—XV вѣковъ; Номоканонъ, называемый въ позднѣйшихъ спискахъ „Зонара“, также полууставнаго письма XIV—XV вѣковъ; два хронографа, оба письма XVII вѣка, но одинъ древней редакціи, съ прибавленіемъ статьи о Скевдербергѣ („писалъ о немъ св. Маринъ Скадранинъ“,

Словеникъ родомъ, али у латинскомъ языкѣ велики ученый⁴), а другою—второго разряда третьей редакціи, по дѣленію, установленному въ извѣстномъ трудѣ А. Н. Попова; Подлинникъ по алфавиту, поваго письма; Руководство къ церковной живописи, составленное іеромонахомъ и живописцемъ Діонисіемъ Фурноаграфіотомъ (1701—1733 годовъ), въ русскомъ переводѣ самого преосв. Порфирія; Сказаніе о Задопскомъ бою и похвала великому князю Дмитрію Ивановичу и брату его Владимиру Андреевичу, въ хорошемъ полууставномъ спискѣ XVII вѣка. Сюда же должно отнести два каталога рукописей болгарскихъ и сербскихъ, видѣнныхъ преосв. Порфириемъ на Аѳонѣ и Синаѣ; описанія эти составлены обстоятельно, съ приведеніемъ записей и выписокъ изъ текста рукописей; многія свѣдѣнія изъ этихъ каталоговъ были внесены преосв. Порфириемъ въ его печатные труды; образцы же почерковъ многихъ рукописей, описанныхъ въ означенныхъ каталогахъ, находятся въ собраніи отрывковъ и отдѣльныхъ листовъ Порфиріевской коллекціи.

Въ числѣ отрывковъ и отдѣльныхъ листовъ церковно-славянскихъ и русскихъ встрѣчаются листы, извлеченные изъ рукописей всѣхъ вѣковъ отъ XII до начала XVIII, болѣею частью точно датированныхъ; многіе листы содержатъ въ себѣ заставки или буквы, рисованныя красками, иные представляютъ и самыя записи о мѣстѣ и времени написанія рукописи. Листы эти извлечены почти всѣ изъ рукописей, хранящихся въ разныхъ монастыряхъ аѳонскихъ; по рецензіи они относятся къ рукописямъ болгарскимъ, сербскимъ и русскимъ, по содержанію суть отрывки изъ книгъ Священнаго Писанія, богослужебныхъ сборниковъ, отеческихъ твореній, мнѣйчетиныхъ и т. д. Въ особенности замѣчательнъ листъ изъ хранящагося въ Хиландарскомъ монастырѣ такъ-называемаго Мирославова Евангелія, писаннаго для князя Мирослава, племянника Стефана Немани, прекраснымъ уставомъ XII вѣка на тонкомъ пергаментѣ, въ большой листъ, въ два столбца; листъ этотъ содержитъ въ себѣ послѣднія строки евангельскаго чтенія въ день Богоявленія, чтеніе 7-го января (соборъ Іоанна Крестителя), указаніе чтенія въ субботу по Богоявленію и чтеніе въ недѣлю по Богоявленію; въ началѣ каждаго чтенія находится заглавная фигурная буква изящной работы, рисованная золотомъ и красками.

Греческія рукописи Порфиріевскаго собранія составляютъ самый важный и цѣнный отдѣлъ его. Въ числѣ ихъ особенно замѣчательны: Псалтырь, уставнаго письма 862 года на пергаментѣ, въ 8-ку, на 349 ли-

стахъ, и Четвероевангеліе, „стилизованнаго“ строчнаго письма 835 года на пергаментѣ, въ 8-ку, на 344 листахъ; обѣ эти рукописи суть древнѣйшія изъ доселѣ извѣстныхъ греческихъ рукописей даннаго письма съ годомъ написанія ¹⁾. Всѣ остальные пергаменные греческія рукописи Порфиріевской коллекціи (цѣльныя) суть намятники строчнаго-(минускульнаго) письма X, XI, XII и XIII вѣковъ (нѣкоторыя рукописи точно датированы въ записяхъ) и почти всѣ украшены заставками и буквами, рисованными красками и золотомъ; въ нѣкоторыхъ есть и миниатюры. По содержанію это суть книги Священнаго Писанія, книги богослужбныя и сборники отеческихъ твореній. Рукописи, писанныя на бомбицинѣ и бумагѣ, относятся по письму (строчному) ко времени съ XIII вѣка по настоящее столѣтіе и болѣею частью точно датированы записями. По содержанію между ними встрѣчаются книги Священнаго Писанія, книги богослужбныя, творенія отеческія, жителіяныя, сборники содержанія догматическаго, каноническаго, полемическаго, историческаго и проч. Особеннаго вниманія заслуживаетъ историческій сборникъ, писанный на бомбицинѣ, XIII—XIV вѣковъ, въ большую 4-ку, на 150 листахъ, и содержащій въ себѣ письма іерарха Греческой церкви XIII вѣка Іоанна Апокавва, митрополита Навпактскаго, посланія къ нему отъ его друзей и знакомыхъ, особенно изъ среды высшаго духовенства, постановленія мѣстныхъ соборовъ, патріаршія и царскія грамоты, касающіяся не только мѣстныхъ для Навпактской митрополіи, но и общихъ церковныхъ вопросовъ той эпохи, нѣсколько писемъ Михаила Пселла, стихи Евѣнція Торника и пр. ²⁾. Другіе историческіе сборники между греческими рукописями Порфиріевскаго собранія, письма XVII, XVIII и XIX вѣковъ, представляютъ, въ видѣ дѣтонисныхъ статей, отдѣль-

¹⁾ Эти именно рукописи и составили предметъ особыхъ описаній, составленныхъ профессоромъ В. К. Ернштедтомъ и приложенныхъ къ отчету Библиотеки за 1883 годъ. Кроме того, замѣтку г. Ернштедта о Псалтири 862 г. см. въ ноябрьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1884 годъ. Та же Псалтирь еще въ 1873 г. была описана архимандритомъ Амелдохіемъ.

²⁾ Подробное описаніе этого сборника, содержащаго въ себѣ весьма любопытные и важные въ историческомъ отношеніи матеріалы, изъ коихъ многіе были доселѣ совершенно неизвѣстны ученому міру, составлено профессоромъ В. Г. Васильевскимъ и помѣщено въ приложеніи къ отчету Библиотеки за 1883 годъ. Нѣкоторыми данными изъ этой рукописи г. Васильевскій воспользовался въ своей статьѣ: „Обновленіе Болгарскаго патріаршества при царѣ Іоаннѣ Асѣнѣ въ 1235 году“, помѣщенной въ мартовской и апрѣльской книжкахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ.

нихъ сказаній и копій съ актовъ, цѣнные матеріалы, какъ для византійской исторіи, такъ и для исторіи Балканскаго полуострова подъ турецкимъ владычествомъ, всего же болѣе для церковной исторіи Востока и между прочимъ для сношеній восточныхъ іерарховъ съ Русскими государями.

Что касается отрывковъ и отдѣльныхъ листовъ изъ греческихъ рукописей, то этотъ богатый отдѣлъ Порфиріевской коллекціи содержитъ въ себѣ весьма цѣнные матеріалы для греческой палеографіи, именно образцы греческаго письма уставнаго и строчнаго, начиная съ IV вѣка до XVII включительно. Здѣсь между прочимъ оказались два листа изъ такъ-называемой Синайской Библии (Codex Sinaiticus), писанной на пергаменѣ уставомъ IV — V вѣковъ; такъ какъ знаменитый кодексъ этотъ почти весь хранится въ Императорской Публичной Библиотекѣ ¹⁾, то и принадлежащіе къ нему два листа изъ Порфиріевской коллекціи присоединены ко всей рукописи Синайской Библии. Затѣмъ въ Порфиріевской коллекціи находятся пять небольшихъ отрывковъ изъ I-го посланія апостола Павла къ Коринтянамъ, писанные на папирусѣ уставомъ V вѣка, и писанные на пергаменѣ уставнымъ же письмомъ отрывки изъ Евангелій V, VI, VII и IX вѣковъ. Затѣмъ, уставнымъ же письмомъ IV вѣка писаны три небольшіе отрывка изъ новой аттической комедіи, изъ коихъ одинъ несомнѣнно принадлежитъ Менандру. Далѣе, съ IX вѣка начинаются образцы письма строчнаго и идутъ, какъ сказано выше, до XVII столѣтія; древнѣйшіе изъ нихъ, до XIV вѣка включительно, на пергаменѣ; болѣе поздніе, начиная однако съ первыхъ годовъ XIII вѣка, на бомбицинѣ и на бумагѣ; древнѣйшіе извлечены изъ разныхъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта, но есть также значительное количество отрывковъ изъ книгъ богослужебныхъ, твореній отеческихъ, миней и т. п.; въ болѣе позднихъ встрѣчаются статьи историческаго и литературнаго содержанія. Какъ и въ славянскомъ отдѣлѣ Порфиріевской коллекціи, многіе листы греческіе происходятъ изъ рукописей, время написанія коихъ точно опредѣлено записями; многіе листы украшены богатыми заставками или содержатъ въ себѣ миниатюры. Мѣсто храненія рукописей, изъ которыхъ взяты всѣ эти листы, съ точностью означено бывшимъ владѣльцемъ коллекціи. Цѣльный памятникъ, именно византійскій юридическій актъ, представляетъ со-

¹⁾ Часть Синайской Библии, состоящая изъ 43 листовъ, принадлежитъ библиотекѣ Лейпцигскаго университета.

бою продажная запись на землю, строчнаго письма 1246 года, на большомъ открытомъ пергаменномъ листѣ.

Къ греческому отдѣлу коллекціи преосв. Порфирія относится также богатое собраніе сдѣланныхъ имъ снимковъ съ греческихъ рукописей; всѣхъ листовъ снимковъ 171, въ четырехъ картѣнахъ; снимки сдѣланы карандашомъ и чернилами большею частью на прозрачной бумагѣ и содержатъ по нѣсколько строкъ текста, а иногда и копии съ заставокъ, заглавныхъ буквъ и миниатюръ, рисованныхъ красками. Рукописи, съ которыхъ дѣланы снимки, относятся къ періоду съ V по XVIII вѣкъ и хранятся большею частью на Афонѣ и Синаѣ. Особый картонъ содержитъ въ себѣ греческіе „почерки канцелярскіе“, по выраженію преосв. Порфирія; эти снимки сдѣланы съ актовъ X — XV вѣковъ, хранящихся въ разныхъ афонскихъ монастыряхъ.

Латино-романскій отдѣлъ Порфиріевской коллекціи содержитъ въ себѣ всего три рукописи: одна, латинская, касается исторіи уніи въ Южной и Западной Россіи, другая есть переводъ одной арабской лѣтописи, за время съ 1136 по 1599 года, частью на французскій, частью на итальянскій языкъ, а третья—итальянскій же переводъ арабской „Исторіи племени Бени-Шигабъ“; всѣ эти рукописи писаны въ текущемъ столѣтіи.

За то рукописи восточнаго Порфиріевскаго собранія не только многочисленны, но и весьма цѣнны по своему содержанію. Въ числѣ арабскихъ рукописей однѣ—христіанскаго происхожденія, другія принадлежатъ къ мусульманской литературѣ. Между христіанскими арабскими рукописями замѣчательны: Евангеліе недѣльное, писанное въ округѣ Антиохіи Сирійской въ 1036 году, на пергаментѣ; отрывокъ апостольскихъ чтеній, писанный въ концѣ XIII или въ началѣ XIV вѣка, на бумагѣ; Пандекты Никона Черногорца, въ переводѣ съ греческаго; переводъ церковной исторіи Евтихія; исторія Антиохійскаго патриархата съ древѣйшихъ временъ до половины XVIII вѣка; лѣтопись событій въ патриархатахъ Антиохійскомъ и Иерусалимскомъ съ 1095 по 1699 годъ; нѣсколько сборниковъ богослужебныхъ, а также со статьями каноническаго, духовнаго и церковно-историческаго содержанія и, наконецъ, описаніе путешествія патриарха Антиохійскаго Макарія въ Турцію и Россію, въ 1652 году, составленное архидіакономъ Павломъ. Въ числѣ арабскихъ рукописей мусульманскаго происхожденія упомянемъ: роскошный экземпляръ Корана, писанный на бумагѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, съ двумя великолѣпными заставками на первыхъ двухъ

страницахъ и съ изящными украшеніями въ другихъ частяхъ рукописи; отрывокъ изъ какого-то философскаго сочиненія, писанный на пергаментѣ могоребинскимъ почеркомъ; два трактата, изъ коихъ въ первомъ излагается преимущество мусульманства надъ христіанскимъ ученіемъ, а во второмъ доказывается обратное; арабскую гѣтопись Яхьи Антиохійскаго, рукопись не позднѣе XV вѣка, весьма важный намотникъ для исторіи Византіи и Калифата X и XI вѣковъ, до сихъ поръ еще не изданный вполне; жизнеописаніе Тамерлана, сочиненное Ахмедъ-ибнъ-Арабъ-шахомъ, и проч.

Между рукописями сирійскими двѣ писаны на пергаментѣ, а именно—Псалтырь, малентскаго почерка, и Четвероевангеліе, писанное старымъ несторіанскимъ почеркомъ, почти тождественнымъ съ почеркомъ одной сирійской же рукописи 768 года, хранящейся въ Британскомъ музеѣ, и одна на бумагѣ—требникъ. Есть также въ коллекціи преосв. Порфирія и снимки съ рукописей сирійскихъ, а равно и арабскихъ. На воіонскомъ языкѣ имѣются двѣ пергаментныя рукописи—Псалтырь, съ толкованіями, и Евангеліе отъ Іоанна; на коптскомъ—служебникъ. Изъ рукописей грузинскихъ двѣ писаны на папирусь, именно—два листка изъ Псалтыри VIII или IX вѣка, и богослужебный сборникъ, IX или X вѣка, и двѣ—на пергаментѣ: листъ изъ Евангелія, не позже X вѣка, и житіе св. Іоанна Златоуста, писанное въ 968 г. на Синаѣ. Единственная турецкая рукопись Порфиріевской коллекціи представляетъ собою вѣчный мусульманскій календарь Дарендэви, въ формѣ длиннаго пергаментнаго свитка, изначо писанный на пергаментѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Кромѣ рукописей, въ составѣ Порфиріевскаго собранія есть нѣсколько рѣдкихъ произведеній печати. Сюда принадлежатъ: во первыхъ, отрывки изъ церковно-славянскихъ книгъ, печати конца XV вѣка или XVI столѣтія, болѣею частью содержащіе послѣловія къ нимъ и послужившіе отчасти къ пополненію экземпляровъ тѣхъ же книгъ, уже нынѣшнихъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ, и вторыхъ, нѣсколько книгъ на арабскомъ языкѣ, болѣею частью богослужебныхъ или по христіанской догматикѣ. Между церковно-славянскими книгами слѣдуетъ отмѣтить, какъ особенную библіографическую рѣдкость, отрывокъ (3 листа) изъ Октоиха, напечатаннаго въ митрополіи Грачаицею въ 1539 году. Въ Россіи единственный экземпляръ этой рѣдчайшей книги имѣлся, въ данномъ отрывкѣ, только у преосвященнаго Порфирія.

Это краткое обозрѣніе Порфиріевской коллекціи можетъ служить доказательствомъ, что приобрѣтеніемъ ея Императорская Публичная Библиотека доставила ученому міру новый запасъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ, еще подлежащихъ изслѣдованію.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПЕРВОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПРЕМІЙ МАКАРІЯ, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО ¹⁾).

Настоящимъ собраніемъ своимъ мы чествуемъ память незабвеннаго въ лѣтописяхъ Русской церкви іерарха, ознаменовавшаго жизнь свою многими важными учеными трудами и создавшаго, по своей кончинѣ, учрежденіе, которое будетъ на вѣчныя времена приносить существенную пользу наукѣ и отечественному просвѣщенію.

Высокопреосвященный Макарій, митрополитъ Московскій, еще въ бытность свою архіепископомъ Харьковскимъ, выразилъ намѣреніе пожертвовать накопленное его бережливостью и учено-литературными трудами достояніе, сумму свыше 120,000 руб., на выдачу послѣ его смерти, изъ процентовъ съ этого капитала, наградъ его имени за достойныя оригинальныя, писанныя на русскомъ языкѣ сочиненія, какъ по наукамъ богословскимъ и вообще духовнаго содержанія, такъ и по предметамъ наукъ свѣтскихъ,—съ тѣмъ, чтобы въ одинъ годъ всѣ проценты поступали въ распоряженіе св. синода, для раздачи премій за сочиненія перваго рода, а на другой годъ—въ распоряженіе наше, для раздачи премій за труды втораго рода.

Патріотическое намѣреніе преосвященнаго было встрѣчено живѣйшимъ сочувствіемъ и глубокою признательностью со стороны Академіи, въ глазахъ которой раздача премій всегда представлялась важнымъ средствомъ къ поощренію ученой дѣятельности, особенно дѣйствительнымъ у насъ въ Россіи, гдѣзанятія наукою въ столь значительной еще степени нуждаются во внѣшней поддержкѣ. Академія съ искреннею радостью отнеслась къ желанію ученаго архипа-

¹⁾ Предлагаемый отчетъ объ этомъ присужденіи читавъ въ публичномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 19-го сентября 1885 года, непремѣннымъ секретаремъ академикомъ К. С. Веселовскимъ.

стыря присоединить свое имя къ числу почтенныхъ именъ учредителей раздаваемыхъ и раздававшихся ею наградъ и, по призыву министра народнаго просвѣщенія и по соглашенію съ преосвященнымъ Макаріемъ, составила проектъ основныхъ положеній о преміяхъ его имени за труды по свѣтскимъ наукамъ. Проектъ этотъ удостоился Высочайшаго утвержденія 8-го мая 1867 года, одновременно съ соизволенія Государя Императора на принятіе самого пожертвованія архиепископа. Впослѣдствіи, по кончинѣ митрополита Макарія, когда настало время осуществиться его благому предназначенію относительно раздачи премій, озаглавленные основныя положенія получили подробное развитіе въ правилахъ, составленныхъ Академіей и утвержденныхъ министромъ народнаго просвѣщенія 14-го іюня 1883 года.

На основаніи этихъ правилъ, преміи состоятъ: полныя — изъ 1,500 рублей каждая, а неполныя—1,000 рублей каждая, при чемъ въ одномъ конкурсѣ не можетъ быть присуждено болѣе двухъ полныхъ и трехъ неполныхъ. Къ соисканію премій допускаются сочиненія по всѣмъ отраслямъ наукъ и знаній, за исключеніемъ богословскихъ; преміями могутъ быть удостоиваемы лишь самостоятельныя труды, и притомъ такія, которые существенно обогащаютъ науку, внося въ нее новыя факты, наблюденія и воззрѣнія. Къ участию въ конкурсѣ допускаются, какъ печатныя сочиненія, такъ и рукописныя; но въ случаѣ присужденія преміи за рукописное сочиненіе, она выдается автору не прежде, какъ по напечатаніи его рукописи. Премія полная, или не полная, можетъ быть назначаемая не только за вполне оконченное сочиненіе, но и за одинъ или нѣсколько томовъ непоготовнаго сочиненія, если они составляютъ уже нѣчто цѣлое. Присужденіе премій должно происходить однажды въ два года, а именно въ нечетные года, начиная съ настоящаго 1885 года, и въ эти конкурсные годы Академія будетъ праздновать день рожденія учредителя, 19-е сентября, особымъ публичнымъ собраніемъ, въ которомъ доводится ею до всеобщаго свѣдѣнія о результатахъ присужденія.

Такимъ образомъ, нынѣшнее собраніе наше есть первое въ ряду подобныхъ празднествъ въ честь присвопамятнаго митрополита Макарія,—первое, въ которомъ мы, отъ его имени, увѣнчиваемъ лучшіе изъ ученыхъ трудовъ, явившихся на соисканіе основанныхъ имъ премій.

Съ удовольствіемъ можемъ заявить, что соисканіе настоящаго года было значительно, какъ по количеству представленныхъ сочиненій, такъ и по разнообразію наукъ, къ которымъ они относятся. Это

обиліе конкурсныхъ трудовъ и высокое достоинство тѣхъ изъ нихъ числа, которыя получили преміи, позволяетъ надѣяться, что учрежденіе высокопресвященнаго Макарія, чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе и болѣе, будетъ удовлетворить своей цѣли—возбуждать серьезныя за нятія наукой и благородное соревнованіе между ея воздѣльвателями въ нашемъ отечествѣ.

На нынѣшній конкурсъ поступило всего 16 сочиненій. Для разсмотрѣнія ихъ и для присужденія премій, общимъ собраніемъ Академіи назначена была коммиссія, подъ предсѣдательствомъ непрешѣннаго секретаря изъ гг. академикомъ А. К. Наука, Ф. В. Овсянникова, К. И. Максимовича, Н. В. Лгича, Н. В. Калачова, А. А. Куника и Ѡ. В. Шиндта.

Приступивъ къ исполненію возложенныхъ на нее обязанностей, коммиссія, по предварительномъ просмотрѣ подлежащихъ ея оцѣнкѣ произведеній, положила: два изъ ихъ числа устранить изъ конкурса, какъ такіа, которыя не соответствуютъ условіямъ положенія и правилъ о преміяхъ митрополита Макарія, для остальныхъ же четырнадцати сочиненій, она избрала спеціальныхъ рецензентовъ, частью изъ среды академикомъ, частью изъ ностороннихъ для Академіи ученыхъ, и пригласила этихъ критиковъ ихъ отзывы о переданныхъ на ихъ судъ трудахъ доставить въ назначенному для того сроку.

По истеченіи этого срока и по полученіи рецензій на всѣ сочиненія, за исключеніемъ одного, вслѣдствіе чего оно, по рѣшенію коммиссіи, отложено до слѣдующаго Макаріевскаго конкурса, коммиссія приступила къ обсужденію сравнительнаго достоинства прочихъ трудовъ, основываясь при этомъ на заключеніяхъ о нихъ рецензентовъ, и большинствомъ голосовъ положила два сочиненія удостойть полныхъ и три—неполныхъ премій.

Первое увѣнчанное полною преміей сочиненіе озаглавлено:

Гиперлатосиумъ князь Суворовъ. Сочиненіе А. Петрушевскаго. Трѣи тома. С.-Пб. 1884.

Многоуважаемый нашъ членъ-корреспондентъ генералъ-маіоръ Н. Ѡ. Дубровинъ, отозвавшись съ обычною готовностью на обращенную къ нему просьбу коммиссіи выразить свое мнѣніе объ этомъ обширномъ сочиненіи, составилъ подробную рецензію, заключающую въ себѣ не только мотивированную оцѣнку труда г. Петрушевскаго, но и чрезвычайно интересный, вполне самостоятельный очеркъ положенія военнаго дѣла въ Россіи въ XVIII вѣкѣ, до появленія Суво-

рова. Въмѣстѣ съ тѣмъ, ученый критикъ сдѣлалъ попытку опредѣлить относительное значеніе, принадлежащее Суворову и нѣкоторымъ изъ современныхъ ему военныхъ дѣятелей (гр. Румянцову, кн. Потемкину и др.) въ дѣлѣ преобразованія русской арміи, имѣвшимъ немаловажное вліяніе на тѣ блестящія усилія, которые обезпечили Суворову славу великаго полководца.

Приводя, въ началѣ своей рецензіи, слова самого Суворова, въ которыхъ выразилось собственное его мнѣніе о томъ, чѣмъ должна отличаться его будущая біографія, а именно: что „ясный и понятный слогъ и обнаженная истина, основанная на совершенномъ познаніи образа моихъ поступковъ, должны быть единственными правилами“ для біографа, г. Дубровинъ замѣчаетъ: „Желанія великаго полководца мы можемъ считать осуществленными въ сочиненіи г. Петрушевскаго.... Авторъ поставилъ себѣ задачей изобразить Суворова въ видѣ не легендарнаго богатыря, а живаго человѣка, со всѣми его страстями, достоинствами и недостатками. Предназначая свое изслѣдованіе для образованнаго русскаго общества, не различая военныхъ отъ невоенныхъ, г. Петрушевскій считалъ болѣе удобнымъ избѣгать технической военной стороны и подробнаго описанія военныхъ дѣйствій“.

Не входя въ разборъ того, правильна или неправильна такая постановка при изслѣдованіи, рецензентъ полагаетъ, что вліянію самого автора о цѣли, съ какою писалось изслѣдованіе, устанавливается та точка, изъ которой должно исходить при оцѣнкѣ труда г. Петрушевскаго. Намъ остается только сожалѣть, говорить онъ,— что авторъ прямо отказался отъ изображенія эпохи, въ которой жилъ Суворовъ. Характеристика общественнаго быта, и въ особенности военнаго, еще рельефнѣе выдвинула бы впередъ Суворова, какъ преобразователя и учителя русской арміи.

По мнѣнію г. Дубровина, частная, общественная жизнь Суворова не представляетъ намъ образцовъ, достойныхъ подражанія, и въ этомъ отношеніи онъ не выдѣляется изъ заурядной толпы своихъ современниковъ, такъ что если представить себѣ лѣстницу, на ступенькахъ которой разставлены люди по ихъ достоинству и талантамъ, то Суворовъ, какъ частный человѣкъ, будетъ почти у подножія этой лѣстницы, но какъ военный и предводитель русской арміи—на верхней ступени. Поэтому предпочтительно слѣдуетъ остановиться нѣсколько подробнѣе на характеристикѣ Суворова, какъ военнаго человѣка, остающагося образцомъ, достойнымъ изученія и въ настоящее время.

Упомянувъ о томъ, что Суворовъ, родившійся около 1730 года,— въ точности годъ его рожденія не извѣстенъ—поступилъ, приблизительно, на пятнадцатомъ году своей жизни, въ лейбъ-гвардіи Семёновскій полкъ рядовымъ, почтенный критикъ въ быломъ очеркѣ представляетъ крайне безотрадное состояніе тогдашнихъ гвардейскаго и армейскаго войскъ въ Россіи, хотя, въ матеріальномъ отношеніи, гвардія и армія того времени составляли рѣзкій контрастъ между собою, такъ какъ въ первой изъ нихъ, пополнявшейся дворянскою молодежью, царяла крайняя извѣженность, а во второй—самая крайняя нищета; обѣихъ отличало одинаково глубокое невѣжество офицеровъ и начальствующихъ лицъ, простиравшееся даже до того, что главнокомандующіе, какъ Вутурлинъ, которому была подчинена русская армія, дѣйствовавшая противъ пруссаковъ (1760 г.), не имѣли никакого понятія о географической картѣ и не могли отличить на ней суши отъ моря. Не меньше невѣжества поворили тогдашнюю русскую армію, съ одной стороны, крайняя безчестность въ отношеніи бывшихъ въ рукахъ у начальниковъ казенныхъ денегъ, а съ другой—поразительное отсутствіе чувства субординаціи. Весьма вредное вліяніе на состояніе войска оказывалъ и полѣный обычай, допускаяшій записываніе въ ряды гвардіи, на дѣйствительную службу, дѣтей знатныхъ лицъ буквально чуть не съ пеленокъ. Заслуга и опытность не имѣли въ то время значенія; въ войскахъ не было соревнованія, а слѣдовательно, и желанія выдѣлиться изъ толпы своими знаніями и прилежаніемъ къ службѣ. Только немногіе избранные старались изучить военное дѣло по образцамъ, и въ числѣ ихъ былъ Суворовъ.

Состоя въ строю, Суворовъ, сверхъ ревностнѣйшаго исполненія своихъ служебныхъ обязанностей, старался самымъ внимательнымъ образомъ научить солдатскую средѣ, такъ что подъ конецъ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Пеструшевскій, Суворовъ сроднился съ нею навсегда и все, на что она находила себѣ отголосокъ въ его натурѣ, взросло въ немъ и окрѣпло, или же усвоилось и укоренилось.

Но независимо отъ изученія нравственнаго элемента въ военной сферѣ, Суворовъ, еще въ молодости, увлекаясь чтеніемъ преимущественно военной исторіи, былъ одинъ изъ очень немногихъ, познакомившихся съ Плутархомъ, Корнеліемъ Непотомъ, Цезаремъ, Аннибаломъ, походами Карла XII, Монтескукули, Конде, Тюрени и ближайшихъ къ нему принца Евгенія, маршала Саксонскаго и другихъ. Такимъ образомъ Суворовъ, произведенный въ 1754 г. въ офицеры, выступилъ на предстоявшее ему военное поприще съ рѣдкою, осо-

бенно для того времени, подготовкою. Слѣдуя за авторомъ разсматриваемой имъ книги, г. Дубровинъ очерчиваетъ дагѣ служебную карьеру Суворова, начиная съ производства его въ офицеры, при чемъ иногда частью указываетъ на недосмотры автора, частью же пополняетъ предлагаемая послѣднимъ указанія новыми, нерѣдко въ высшей степени любопытными данными, преимущественно при помощи разнаго рода подлинныхъ документовъ.

Указавъ такимъ образомъ на немногіе пробѣлы сочиненія и обращаясь къ ближайшей оцѣнкѣ его достоинствъ, рецензентъ свидѣтельствуется, что оно написано съ рѣдкимъ неліценпріятіемъ и составляетъ правдивую картину жизни великаго полководца. При всей симпатіи къ Суворову, г. Петрушевскій не принесъ въ жертву ей безпристрастія, спокойствія въ изложеніи и правдивости въ оцѣнкѣ фактовъ. Видно, что большинство сочиненій, статей и замѣтокъ было извѣстно автору, а если нѣкоторыя статьи и остались ему неизвѣстны, то единственно потому, что собрать все, что разбросано среди журналовъ и газетъ, весьма трудно, да едва ли и возможно, въ особенности при отсутствіи указателей. Во всякомъ случаѣ эти пробѣлы, по мнѣнію г. Дубровина, не могутъ имѣть особаго значенія при оцѣнкѣ труда г. Петрушевскаго.

Въ историческомъ сочиненіи сказать послѣднее слово — не возможно, но установить вѣрный взглядъ на событія и лица зависитъ отъ таланта автора, его добросовѣстности и составляетъ большее или меньшее достоинство сочиненія. Съ выходомъ въ свѣтъ изслѣдованія г. Петрушевскаго, взглядъ на жизнь Суворова и на его значеніе, какъ полководца, можно считать окончательно установившимся. Хотя въ будущемъ и могутъ оказаться новыя матеріалы, но они, не прибавляя ничего къ общей характеристикѣ, будутъ касаться лишь частныхъ жизни великаго воина: обликъ же Суворова останется все тотъ же.

Глубокое изученіе предмета и обширная начитанность автора дѣлаютъ сочиненіе г. Петрушевскаго выдающимся изъ всего того, что до сихъ поръ было написано о Суворовѣ. Авторъ воспроизводитъ эпизоды съ такою реальною дѣйствительностію, что читатель невольно переносится въ ту эпоху и какъ бы выслушиваетъ разказъ очевидца и свидѣтеля событій. Располагая обильнымъ рукописнымъ матеріаломъ, сохранившимся въ фамильномъ архивѣ генералиссимуса, г. Петрушевскій вноситъ въ біографію много совершенно новыхъ и весьма цѣнныхъ фактовъ; онъ освѣщаетъ многія событія, описаніе которыхъ

было до сихъ поръ или темно, или сбивчиво; путемъ критическаго анализа онъ отдѣляетъ вымыселъ отъ исторической достовѣрности и снимаетъ съ Суворова многія нареканія, находившія мѣсто въ прежнихъ біографіяхъ.

Что касается до значенія, представляемаго въ отдѣльности каждымъ изъ трехъ томовъ сочиненія г. Петрушевскаго, то, по замѣчанію рецензента, въ 1-мъ изъ нихъ вообще много частныхъ и мелочей, которыя дополняютъ или измѣняютъ установившіеся взгляды, тогда какъ вообще весь второй томъ можно считать явленіемъ новымъ въ исторической литературѣ. Имъ заполняется пробѣлъ, существующій между двумя лучшими сочиненіями о Суворовѣ—Смита и графа Милютина. А Польская война 1794 г. не имѣетъ въ литературѣ почти ничего обработаннаго и потому является совершенно новымъ въ трудѣ г. Петрушевскаго. Относительно же 3-го тома можно сказать, что послѣ извѣстнаго сочиненія графа Милютина о кампаніи 1799 г. написать что-нибудь вполне новое не легко. Поэтому означенный томъ труда г. Петрушевскаго заключаетъ въ себѣ, сравнительно съ предыдущими, наименѣе архивныхъ данныхъ, но за то въ немъ найдутся опроверженія многихъ ложныхъ взглядовъ и указаніе на искаженіе нѣкоторыхъ историческихъ данныхъ.

Свое сужденіе о разсмотрѣнной имъ книгѣ г. Дубровинъ оканчиваетъ слѣдующими словами: „Такихъ біографій, какъ біографія генералиссимуса Суворова, не много: по изложенію и по отсутствію тенденцій она можетъ служить образцомъ для сочиненій подобнаго рода. Г. Петрушевскій рисуетъ намъ человека во всѣхъ фазисахъ его жизни, со всѣми его достоинствами и недостатками, рисуетъ полеводца, а главное — воспитателя и учителя русской арміи. Вотъ почему я считаю долгомъ обратить вниманіе Академіи на сочиненіе г. Петрушевскаго и просить удостоить его высшей преміи, которую оно вполне заслуживаетъ“.

Второе, упомянутое полною преміей сочиненіе, имѣетъ заглавіемъ:

Русскій черноземъ. Отчетъ Императорскому Вольному Экономическому Обществу. Съ почвенною картою и 12-ю рисунками въ текстѣ. Сочиненіе В. В. Докучаева. С.-Пб. 1883.

Разборъ этого сочиненія былъ представленъ Академіи нашимъ геологомъ академикомъ Ѳ. В. Шиндтомъ, который въ своей рецензіи указалъ подробно главные выводы изслѣдованій г. Докучаева, обога-

пшающіе науку. По замѣчанію г. Шмидта, нѣтъ въ Европѣ страны, для которой всестороннее изслѣдованіе почвы имѣло бы столько научнаго и практическаго значенія, какъ у насъ; нигдѣ изученіе почвы не обьщаетъ столько плодотворныхъ результатовъ, какъ въ Россіи, гдѣ еще до сихъ поръ имѣются необъятныя пространства дѣвственныхъ земель, представляющихся для изслѣдованія въ ихъ естественномъ, неизмѣненномъ видѣ, и гдѣ почвы, какъ въ періодѣ ихъ образованія находились, да и теперь находятся, подѣ влияніемъ самыхъ разнообразныхъ условій климата, растительности, грунта, рельефа мѣстности и пр.; наконецъ мы обладаемъ лучшимъ, богатѣйшимъ представителемъ данныхъ образованій—типичнѣйшимъ черноземомъ. Въ виду всего этого, по истинѣ, было бы трудно найти тему болѣе интересную и важную, чѣмъ та, которой посвящено сочиненіе г. Докучаева. Оно представляетъ собою обширный трудъ, стоившій автору шестилѣтней усиленной работы и являющійся результатомъ многократныхъ побѣдокъ его во всѣ главнѣйшіе черноземные раіоны для изученія на мѣстѣ, какъ типичнаго чернозема, такъ и его переходовъ къ другимъ почвамъ.

Работа г. Докучаева распадается на 10 главъ, изъ которыхъ первая семь трактуютъ о географическомъ распредѣленіи русскаго чернозема и объ его мѣстныхъ особенностяхъ; послѣднія три главы — чисто теоретическаго характера: 8-я содержитъ въ себѣ происхожденіе растительно-наземныхъ почвъ, 9-я говоритъ о мощности чернозема и его зависимости отъ рельефа мѣстности, въ 10-й разбирается вопросъ о возрастѣ чернозема и о причинахъ его отсутствія въ сѣверной и юго-восточной Россіи, равно какъ и въ другихъ странахъ.

Въ первой главѣ авторъ даетъ намъ подробный историческій очеркъ географіи русскаго чернозема. Въ этомъ отдѣлѣ книги г. Докучаева, вмѣстѣ съ его предшествовавшею работой: „Картографія русскихъ почвъ“, мы впервые находимъ не только весьма детальныя систематическія своды всего того, что сдѣлано въ Россіи по картографіи почвъ вообще, и чернозема въ особенности, но и вполне объективную оцѣнку ихъ; здѣсь указаны не только тѣ причины, которыя тормозили до сихъ поръ столь важное для Россіи дѣло, какъ картографія почвъ, но указаны тѣ пути и тѣ предосторожности, которыхъ нужно держаться при дальнѣйшей работѣ.

Во второй, одной изъ наиболѣе обширныхъ главъ книги, подробно описанъ характеръ сѣверной границы чернозема, которая

до сихъ поръ была наиболѣе спорною и наиболѣе интересною, такъ какъ съ нею связывалось рѣшеніе одного изъ важныхъ вопросовъ о черноземѣ, именно — вопросъ о генезисѣ данной почвы. Рецензентъ изыскалъ, какъ заслуживающія особаго вниманія, главные положенія, вытекающія изъ изслѣдованій г. Докучаева относительно географическаго распредѣленія чернозема и главнаго характера его въ разныхъ черноземныхъ районахъ, и затѣмъ говоритъ: „Относительно описательной части труда г. Докучаева, я обязанъ указать и еще на одинъ, притомъ самый главный, такъ сказать, выдающійся результатъ изслѣдованій автора надъ географическимъ распредѣленіемъ чернозема. Я имѣю здѣсь въ виду составленную г. Докучаевымъ схематическую карту черноземной полосы Европейской Россіи“. На этой картѣ отлично видно, что вся наша черноземная территория распадается на рядъ полосъ, вытянутыхъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ, при чемъ самая богатая изъ нихъ (13—16%) гумусомъ—центральная; на сѣверъ и югъ отъ нея (но параллельно съ нею) идутъ сначала черноземныя ленты съ 10—13% перегноя, потомъ съ 7—10%, далѣе,—съ 4—7,—2—4, пока не наступаютъ (на сѣверѣ) типичныя сѣтлосѣрныя сѣверныя или (на югѣ) не менѣе характерныя желтоватобурныя солонцовыя почвы, съ содержаніемъ перегноя отъ $\frac{1}{2}$ до 2%. Прибавимъ къ сказанному, что всѣ эти полосы, по наблюденіямъ автора, переходятъ одна въ другую постепенно и незамѣтно, такъ что ихъ границы проведены совершенно искусственно; тѣмъ не менѣе, не нужно забывать, что въ основу этой схематической карты положено свыше 250 опредѣленій гумуса, съ весьма подробною характеристикой подпочвъ. Но во всякомъ случаѣ, важнѣйшими главами въ научномъ отношеніи являются послѣдніе три, гдѣ изслѣдуется одинъ изъ интереснѣйшихъ вопросовъ почвовѣднія, вопросъ о генезисѣ растительно-наземныхъ почвъ вообще и чернозема въ частности. Какъ извѣстно, въ разработкѣ этой задачи, начиная съ Гильденштедта (1787 г.), принимали участіе весьма многіе представители самыхъ различныхъ специальностей естествознанія, въ томъ числѣ такіе ученые, какъ Палласъ, Мурчисонъ и Рупрехтъ. Именнѣ, двумъ послѣднимъ авторамъ и принадлежатъ двѣ наиболѣе выдающіяся теоріи образованія чернозема: Мурчисонъ признавалъ данную почву за морской осадокъ; Рупрехтъ, приравнявъ ее по происхожденію къ сѣверной дерновой почвѣ, считалъ черноземъ за образованіе мѣстное, наземное, за продуктъ степной травянистой растительности. Г. Докучаевъ рѣшительно высказывается за эту послѣднюю теорію,

при чемъ онъ вводитъ въ нее весьма существенныя дополненія и исправленія. Эти то измѣненія, принятые уже многими учеными (Миддендорфомъ, Иностранцевымъ, Бекетовымъ и пр.) и составляютъ одну изъ главнѣйшихъ заслугъ г. Докучаева".

Заканчивая свой обширный трудъ, г. Докучаевъ замѣчаетъ, что вопросъ, на разработку котораго онъ посвятилъ много лѣтъ упорной работы, далеко не изчерпанъ, и что въ данномъ случаѣ предстоитъ еще сдѣлать многое. Но судя по тому особому вниманію, съ какимъ отнеслись къ сочиненію автора люди науки, судя по тому, что со времени выхода въ свѣтъ „Русскаго чернозема“ появилось уже множество работъ, посвященныхъ тому же предмету, судя, наконецъ, по тому, что у г. Докучаева ямѣется нѣсколько вполне подготовленныхъ и уже заявившихъ себя въ литературѣ учениковъ, продолжателей его почвенныхъ изслѣдованій,—можно надѣяться, что всестороннее изученіе нашей черноземной полосы—этого главнаго богатства Россіи—пойдетъ быстрыми шагами впередъ".

Приводя къ общему итогу свои замѣчанія о сочиненіи г. Докучаева, рецензентъ заявляетъ, что заслуги автора „Русскаго чернозема“ состоятъ въ томъ, что онъ собралъ о почвахъ Россіи такую массу новыхъ фактовъ, какъ никто до него. Онъ первый, на основаніи систематическаго изслѣдованія всей черноземной полосы Россіи, составилъ схематическую карту отдѣльныхъ ея районовъ. Наконецъ, онъ далъ новое, болѣе естественное, болѣе цѣльное и болѣе широкое разъясненіе генезиса растительно-наземныхъ почвъ (слѣдовательно и чернозема) и тѣмъ способствовалъ коренному измѣненію и весьма значительному обогащенію извѣстной теоріи Рупрехта.

Неполныя преміи присуждены авторамъ слѣдующихъ трудовъ:

- 1) А. А. Тилло. Опытъ нивелировки Россійской Имперіи (Матеріалы для гипсометріи Россіи). Атласъ продольныхъ профилей. Отдѣлы I, II, III, IV. С.-Пб. 1882.
- Пояснительная записка къ своду нивелировокъ. С.-Пб. 1882.
- Опытъ гипсометрической карты рѣкъ Европейской Россіи. С.-Пб. 1882.
- Карта высотъ Европейской Россіи, съ поясненіемъ. С.-Пб. 1884.
- Сводъ нивелировокъ желѣзныхъ дорогъ и каталогъ высотъ надъ уровнемъ моря желѣзнодорожныхъ станцій. С.-Пб. 1884.
- Результаты нивелирныхъ работъ, произведенныхъ военно-топографическимъ отдѣломъ главнаго штаба отъ 1871 по 1877 годъ.

Спеціальнымъ разборомъ этихъ гипсометрическихъ трудовъ генералъ-маіора Тилло занимался академикъ О. В. Струве. Главныя за-

ключенія представленной имъ рецензіи на нихъ заключаются въ слѣдующемъ:

Исслѣдованія о точномъ рельефѣ поверхности Россійской имперіи принадлежатъ преимущественно послѣднимъ десятилѣтіямъ. Тригонометрическія опредѣленія высотъ начались лишь съ 1815 года, при геодезическихъ операціяхъ В. Я. Струве и Теннера. Позднѣе они значительно распространились, войдя, какъ часть работъ, во всѣ триангуляціи главнаго штаба. Еще болѣе богатый матеріалъ дали новѣйшія желѣзнодорожныя нивелировки министерства путей сообщенія, къ которымъ прибавились и другія, какъ предпринятія спеціально для познанія точной гидрографіи имперіи, такъ и произведенныя съ болѣе мѣстными цѣлями различными учрежденіями и обществами. Большая часть собранныхъ такимъ образомъ богатыхъ данныхъ оставалась недоступною для общаго употребленія. Въ особенности нивелированные работы министерства путей сообщенія, по удовлетвореніи ближайшей своей цѣли, для которой онѣ предпринимались, складывались въ архивъ министерства. Извлеченіе оттуда этого матеріала составляетъ прежде всего заслугу А. А. Тилло. Для этого онъ привелъ сначала оригинальные профили отдѣльныхъ желѣзныхъ дорогъ къ общему масштабу 10 верстъ въ дюймѣ ($\frac{1}{420000}$) въ горизонтальномъ протяженіи, соответствующему извѣстной спеціальной картѣ Россіи, и 10 сажени въ дюймѣ ($\frac{1}{1680}$) по высотѣ. Чтобы полученныя такимъ образомъ относительныя высоты связать между собою и сдѣлать ихъ общедоступными, нужно было выразить ихъ въ абсолютныхъ высотахъ помощью нивелировокъ, примыкающихъ къ морямъ. При этой работѣ оказались для точекъ сопряженія или пересѣченія различныхъ дорогъ (каковыхъ точекъ получилось 213) довольно значительныя разности, причину которыхъ должно искать въ несовершенствахъ отдѣльныхъ нивелировокъ, которыя велись часто на разстояніи многихъ сотенъ верстъ, и притомъ не всегда достаточно хорошими инструментами. Изъ согласія результатовъ, полученныхъ для однихъ и тѣхъ же точекъ пересѣченія, г. Тилло находитъ въ среднемъ вѣроятную ошибку непосредственно полученныхъ изъ профилей абсолютныхъ равною около $1\frac{1}{2}$ сажени, и она уменьшается съ приближеніемъ къ морямъ и увеличивается съ удаленіемъ отъ нихъ. Для дорогъ, нивелированныхъ въ новѣйшее время главнымъ штабомъ, точность получается, конечно, несравненно большая, такъ что ошибки отдѣльныхъ высотъ, выведенныхъ изъ этихъ работъ, можно

принять въ нѣсколькихъ сотыхъ сажени, слѣдовательно, не болѣе какъ въ нѣсколько дюймовъ. Для нѣкоторыхъ другихъ проецированныхъ или уже построенныхъ дорогъ, не пересѣавшихся съ другими, для которыхъ поэтому нельзя было опредѣлить абсолютныя высоты вышесуомянутымъ путемъ, по просьбѣ г. Тилло произведены управленіями ихъ дополнительныя нивелировки до другихъ дорогъ или до тригонометрически опредѣленныхъ пунктовъ. Подобныя же соединительныя нивелировки специально произведены по указаніямъ г. Тилло для того, чтобы получить контроль высотъ, выведенныхъ другими способами, а также и съ цѣлю сравнить данныя тригонометрическими операціями высотъ съ выведенными изъ геометрическихъ нивелировокъ. Результаты этихъ трудовъ г. Тилло помѣщены въ изданномъ на счетъ министерства путей сообщенія атласѣ, подъ заглавіемъ „Опытъ свода нивелировокъ Россійской имперіи“ и въ принадлежащей къ нему небольшой брошюрѣ.

Разработка этого атласа несомнѣнно значительно обогатила наши познанія о гипсометрическихъ условіяхъ Европейской Россіи; но труды автора на пользу гипсометріи выступаютъ еще рельефнѣе въ обработанной имъ, по порученію министерства путей сообщенія, картѣ высотъ Европейской Россіи, представляющей наглядный сводъ всего имѣющагося гипсометрическаго матеріала. При принятомъ для этой карты масштабѣ 60 верстъ въ дюймѣ, мѣстами не возможно было нанести на нее всѣ опредѣленія высотъ, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ большія пространства должны были остаться совершенно пустыми или же представляющими лишь единичныя, болшею частью неточныя показанія. Въ мѣстахъ переполненныхъ требовалась строгая критика матеріала, при чемъ, съ одной стороны, вниманіе должно было быть обращено на точность опредѣленій и увѣренность касательно обозначенія пунктовъ, къ которымъ они относились, съ другой — на большую или меньшую полноту и важность имѣющихся данныхъ.

Отдавая справедливость въ основательности критики, съ которою выбраны пункты для нанесенія на карту, академикъ Струве замѣчаетъ, что, можетъ быть, тѣмъ тригонометрическимъ опредѣленіямъ высотъ, которыя принадлежатъ не первокласснымъ треугольникамъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ приписать авторомъ слишкомъ большой вѣсъ. Такъ, преимущественно во внутреннихъ губерніяхъ, и такія высоты называются тригонометрическими, которыя опредѣлены лишь помощью кипрегеля, между тѣмъ какъ точность ихъ можетъ быть достаточна

только на малыхъ разстояніяхъ. Къ тому же абсолютныя тригонометрическія высоты во внутреннихъ губерніяхъ получены весьма непрямимъ путемъ, и для нѣкоторыхъ изъ нихъ неизвѣстна даже точность опредѣленія употребленныхъ исходныхъ точекъ.

На карту нанесено болѣе 18,000 высотъ, въ томъ числѣ 12,200 такъ-называемыхъ тригонометрическихъ, 600 по геометрическимъ нивелировкамъ и 400 по барометрическимъ опредѣленіямъ; послѣднія приняты, конечно, въ расчетъ лишь для отдаленныхъ мѣстностей, для которыхъ почти не имѣется надежныхъ данныхъ. Высоты показаны въ сажняхъ (сажень = 2.13 метра), и особыми знаками отмѣчено, къ какой категоріи работъ принадлежатъ ихъ опредѣленія. Карта эта чрезвычайно поучительна. Она наглядно показываетъ, какъ богаты нѣкоторыя мѣстности, преимущественно юго-западные, опредѣленіями высотъ, между тѣмъ какъ въ другихъ едва находимъ необходимыхъ исходныхъ точекъ для дальнѣйшихъ работъ, а въ иныхъ обширныхъ мѣстностяхъ, именно на сѣверѣ, почти ровню ничего еще не извѣстно относительно высотъ. Слѣдовательно, о знаніи рельефа Европейской Россіи пока нечего и говорить, если не ограничиваться словами: это обширная равнина съ легкими повышеніями почвы лишь мѣстами, но окраинамъ, окаймленная горными краями. Поэтому карта возвышенности Европейской Россіи съ линіями равныхъ высотъ пока была бы лишь созданіемъ фантазіи, даже если бы удовольствоваться для послѣдовательныхъ горизонталей весьма значительными разностями высотъ, напримѣръ, въ 30 сажень. Съ такимъ ограниченіемъ можно было бы дать карты немногихъ губерній, въ которыхъ, сопоставляя имѣющіяся опредѣленія высотъ съ ситуационными съемками, можно было бы провести горизонталы съ нѣкоторою увѣренностью въ точности. Даже многочисленныя тригонометрическія опредѣленія высотъ въ юго-западныхъ губерніяхъ могли бы быть примѣнены для такой карты высотъ лишь съ большою осмотрительностью, такъ какъ триангуляціонные пункты, ради лучшей видимости, большею частью выбираются на отдѣльныхъ возвышенностяхъ, и слѣдовательно, опредѣленія высотъ ихъ относятся исключительно къ этимъ пунктамъ и лишь приближенно могутъ быть приписаны непосредственной ихъ окрестности. Для практическихъ цѣлей подобная карта всей Россіи въ настоящее время была бы не примѣнима. А между тѣмъ въ нашемъ обширномъ отечествѣ, гипсометрическія условія котораго не допускаютъ главомѣрной оцѣнки, именно практическія, утилитарныя цѣли требуютъ составленія воз-

можно точныхъ общихъ картъ возвышенности съ нанесеніемъ возможно большаго числа линій равныхъ высотъ. Къ составленію такой карты должны быть направлены наши ревностныя стремленія, и въ этомъ смыслѣ должно привѣтствовать трудъ г. Тилло, какъ важную подготовительную работу. Онъ не только показываетъ, что сдѣлано въ Россіи для опредѣленія высотъ, но и что и какъ нужно еще сдѣлать для извѣстныхъ мѣстностей, чтобы приблизиться къ цѣли.

Наконецъ, обращаясь къ третьей изъ вышеназванныхъ гипсометрическихъ работъ того же автора, г. Серуне замѣчаетъ, что на небольшой картѣ, въ масштабѣ 175 верстъ въ дюймѣ, озаглавленной „Гипсометрія рѣчныхъ системъ Европейской Россіи“, г. Тилло нанесъ различными красками высоту среднихъ уровней рѣкъ надъ моремъ въ послѣдовательныхъ ступеняхъ отъ 3 до 30 метровъ, на сколько это возможно по качеству матеріаловъ. Карта эта, даже въ настоящемъ ея видѣ, можетъ вести къ различнымъ полезнымъ заключеніямъ; но безъ сомнѣнія, польза подобной карты возрастетъ значительно, когда изслѣдованія рѣкъ, до сихъ поръ еще не изученныхъ, прибавятъ новый матеріалъ, и окажется возможнымъ еще болѣе сузить предѣлы послѣдовательныхъ ступеней. Нельзя не сожалѣть, что тежестъ, принадлежащій къ гипсометрическимъ картамъ г. Тилло, чрезвычайно кратокъ; это обстоятельство очень затрудняетъ сужденіе о связи и точности данныхъ. Будемъ надѣяться, что авторъ отвѣтитъ на справедливое желаніе пайдти въ дальнѣйшихъ трудахъ его подробное изложеніе употребленныхъ методовъ обработки и данныя, необходимыя для проверки ихъ точности.

2) *С. А. Давыдова. Русское кружево. Изслѣдованіе историческое, техническое и статистическое. (Рукопись).*

При оцѣнкѣ этого замѣчательнаго труда, комиссія имѣла удовольствіе пользоваться содѣйствіемъ извѣстнаго знатока В. В. Стасова, который въ своей рецензій отозвался объ изслѣдованіи г-жи Давыдовой съ величайшею похвалою. Указать на важность и своевременность изслѣдованій о настоящемъ старинномъ русскомъ кружевѣ въ наше время, когда вслѣдствіе вторженія иноземныхъ обычаевъ и модъ повѣйшее русское кружево и съ художественной, и съ технической стороны представляетъ собою паденіе въ сравненіи съ настоящимъ нашимъ національнымъ кружевомъ, и когда поэтому столь важно и современно возстановить память и значеніе одного изъ значительныхъ и оригинальнѣйшихъ нашихъ художественно-про-

мышленныхъ производствъ, г. Стасовъ свидѣтельствуеъ о тѣхъ обширныхъ и разностороннихъ подготовительныхъ трудахъ, которыми г-жа Давыдова приобрѣла возможность основательно заняться связанною задачею. Внимательно изучивъ все, что для предпринятаго ею труда могли представить печатные источники русскіе и иностранныя, она совершила нѣсколько поѣздокъ по Россіи, изучая во всѣхъ папихъ центрахъ кружевнаго производства техническую часть дѣла и собирая наибольшее по возможности количество подлинныхъ образцовъ. Наконецъ, въ дополненіе ко всему этому она совершила въ 1882 году путешествіе въ Силезію и сѣверную Италію, такъ какъ ей казалось необходимымъ обзрѣть собственными глазами кружевные школы, устроенныя въ послѣднее время въ Венеціи, въ окрестностяхъ Генуи и въ Силезіи, а равно познакомиться съ народнымъ производствомъ кружева въ этихъ мѣстностяхъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые сорта русскаго кружева издревле состояли въ тѣсной связи съ кружевомъ италіанскомъ и нѣмецкимъ. Впослѣдствіи, г-жа Давыдова имѣла счастье убѣдиться, что ея труды и усилія не остались напрасными. Результаты ея изслѣдованія перешли на практическую почву и, можно надѣяться, принесутъ полевные плоды для одной изъ интереснѣйшихъ вѣтвей нашей народной кустарной промышленности. Вслѣдствіе представленій г-жи Давыдовой о печальномъ состояніи кружевнаго дѣла въ Россіи и о необходимости поднять его, утвердивъ на болѣе рациональныхъ и національныхъ основахъ, была организована въ Петербургѣ, школа кружевницъ, гдѣ изучаютъ практически много-различные узоры и техническіе способы производства старыхъ, наилучшихъ русскихъ образцовъ, примѣры которыхъ составляютъ небольшой музей, образованный г-жею Давыдовою изъ образчиковъ, привезенныхъ ею изъ путешествій по Россіи; вмѣстѣ съ тѣмъ каждая мастерица указываетъ прочимъ своимъ товаркамъ по школѣ мѣстные узоры и техническіе приемы своей мѣстности. Послѣ такого ученія и обмѣна знаній, мастерица возвращается на свою родину, чтобы тамъ служить наставницею и руководительницею мѣстныхъ кружевницъ, часто утратившихъ національный вкусъ и направленіе и слишкомъ предавшихся новымъ моднымъ вкусамъ и безвкусіямъ по части кружевнаго дѣла. Во главѣ С.-Петербургской кружевной школы поблаговолила стать сама Государыня Императрица. Вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣ опубликованія отчетовъ г-жи Давыдовой въ „Трудахъ кустарной комиссіи“, министерство финансовъ, въ виду научной и практической пользы изслѣдованій г-жи Давыдовой, ассигновало осо-

бую сумму на изданіе труда ея, а также на изданіе фототипическимъ способомъ, огромнаго атласа, составленнаго г-жею Давыдовой и предложеннаго нѣмъ вниманію Академіи Наукъ.

Обращаясь къ тексту этого многосложнаго и обширнаго труда, рецензентъ заявляетъ, что составленный г-жею Давыдовой обзоръ хода кружевнаго дѣла въ Италіи, Испаніи, Португаліи, Нидерландахъ, Франціи, Англіи, Шотландіи и Ирландіи, Давіи, Швеціи и Норвегіи, Германіи, нѣкоторыхъ славянскихъ мѣстностяхъ, Греціи, Турціи и островѣ Мальтѣ, при всей (по необходимости) сжатости этихъ очерковъ, удовлетворительно положъ въ главныхъ своихъ чертахъ и представляетъ такой обзоръ исторіи иностраннаго кружева, какового до сихъ поръ у насъ въ печати еще не было.

Русское отдѣленіе историческаго обзора представляетъ полноту и точность, за немногими исключеніями, вполне удовлетворительныя. Старѣйшія историческія извѣстія о русскомъ кружевѣ (впрочемъ золотомъ и серебряномъ, а не бѣломъ нитяномъ) г-жа Давыдова нашла въ Ипатьевской лѣтописи подъ годами 1252 и 1288 и, начиная съ этихъ первоначальныхъ извѣстій, прослѣдила ходъ кружевнаго дѣла въ нашемъ отечествѣ до послѣдняго, новѣйшаго времени. Съ величайшею точностью и подробностью она разсматриваетъ и сообщаетъ свѣдѣнія, съ одной стороны, о кружевѣ, такъ-сказать, „аристократическомъ“, служившемъ для церкви, дворца, боярскихъ палатъ, внослѣдствіи богатѣйшаго кувечества, и съ другой—о кружевѣ „народномъ“, бывшемъ всегда достояніемъ самаго народа и потому почти вполне уберегшимся отъ тѣхъ иноземныхъ, постороннихъ вліяній на узоры и самое производство, которымъ такъ часто подвергалось кружево первой категоріи. Эта часть историческаго очерка г-жи Давыдовой принадлежитъ къ числу интереснѣйшихъ и поучительнѣйшихъ страницъ всего сочиненія. Описаніе кружевнаго производства въ помѣщичьихъ деревняхъ, труда крѣпостныхъ женщинъ и дѣвушекъ, въ теченіе прошлаго и новаго вѣка, занимаетъ также видное мѣсто въ историческомъ очеркѣ.

Во 2-й, технической, части представлено изслѣдованіе кружевнаго дѣла въ губерніяхъ Новгородской (городъ Вѣлозерскъ), Вологодской, Вятской, Казанской, Нижегородской (городъ Балахна), Ярославской (города Романовъ-Борисоглѣбскъ и Ростовъ) Рязанской, Тверской, Орловской, Тульской (городъ Вѣлевъ), Московской. Сюда же принадлежатъ очерки кружевнаго производства въ нѣсколькихъ женскихъ монастыряхъ этихъ губерній. „Знакомство со всѣми цен-

трами кружевной промышленности въ Россіи привело меня", говоритъ г-жа Давыдова, — въ убѣжденію, что каждый изъ нихъ живетъ совершенно отдѣльною жизнью, не имѣющею ничего общаго съ другими центрами, хотя бы они находились не далеко другъ отъ друга и даже въ одной и той же губерніи. Такая обособленность, замѣченная мною всюду, въ сѣверныхъ губерніяхъ, какъ и въ средней полосѣ Россіи, много мѣшала успѣшному ходу моей работы, и получать вообще какія-либо точныя указанія даже на мѣстахъ производства почти никогда не удавалось". Въ другомъ мѣстѣ г-жа Давыдова говоритъ: „Хотя изготовленіе кружевъ происходитъ почти повсемѣстно при одинакихъ условіяхъ, составляя всегда исключительно домашнее производство, тѣмъ не менѣе каждая мѣстность выдѣляется пзвѣстными отгѣнками, находящимися въ зависимости на столько же отъ экономическаго положенія населенія, на сколько и отъ культурнаго его состоянія, мѣстныхъ обычаевъ и обрядовъ. Не ознакомившись съ этою стороною быта преимущественно мѣщанъ и крестьянъ, трудно себѣ составить ясную и полную картину кружевнаго дѣла въ Россіи, понять все значеніе его для населенія и оцѣнить по достоинству эту важную отрасль женскаго народнаго труда. Не смотря на всю раздѣленность и независимость одного центра производства кружевъ отъ другихъ, приглядываясь близко къ нимъ, нельзя не замѣтить, что двѣ губерніи — Новгородская и Рязанская — должны были имѣть выдающееся значеніе въ началѣ организаціи у насъ кружевныхъ работъ. Около первой, Новгородской, группируются губерніи Вологодская, Вятская, Казанская, Нижегородская и Ярославская; около второй, Рязанской, группируются — Тверская, Орловская, Тульская и Московская". Сообразно съ такимъ распредѣленіемъ, г-жа Давыдова и рассматриваетъ, съ величайшею обстоятельностью, каждый изъ этихъ отдѣльныхъ центровъ, въ зависимости отъ ихъ главнаго, кореннаго центра. При этомъ, на основаніи своихъ подробныхъ изслѣдованій и наблюдений, она представляетъ громадную массу фактовъ, касающихся кружевъ, производства ихъ, всѣхъ мельчайшихъ деталей матеріаловъ и орудій, къ тому служащихъ, разнообразныхъ способовъ и приемовъ, а также касательно мѣстностей, производящихъ русское кружево въ различныхъ краяхъ нашего отечества. Изложеніе г-жи Давыдовой интересно и живописно; часто она представляетъ въ своемъ сочиненіи дѣлныя картинки домашней жизни и всей житейской обстановки кружевницъ, ихъ трудной жизни (16—18 часовъ работы

въ день), ихъ горестей и радостей, ихъ творческой, соиздательной дѣятельности, приносящей имъ столько утѣшенія среди печальнаго и однообразнаго существованія и непостижимо-судно оплачиваемой работы. Санитарныя и культурныя условія жизни нашихъ кружевницъ изложены у г-жи Давыдовой съ великою симпатіей и сердечностью. Наконецъ, знакомство автора съ множествомъ кружевныхъ торговыхъ въ разныхъ краяхъ Россіи дало ей возможность представить много интересныхъ и важныхъ цифровыхъ данныхъ, провѣренныхъ одиѣ другими и на основаніи иныхъ еще источниковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сообщить много фактовъ, касающихся торговли кружевомъ и разнообразнаго сбыта его.

Большое количество статистическихъ таблицъ разнаго рода наполняютъ всѣ отдѣлы сочиненія; въ концѣ его, овѣ всѣ сгруппированы въ одну общую картину, представляющую рядъ очень важныхъ и интересныхъ фактовъ.

Подробно изучивъ трудъ г-жи Давыдовой, г. Стасовъ находитъ, что подобнаго сочиненія въ нашей литературѣ до сихъ поръ еще не было, и что автору принадлежитъ та неоцѣненная заслуга, что онъ собственноручно изслѣдовалъ исторію и технику русскаго кружева на самыхъ мѣстахъ производства, при чемъ г-жею Давыдовой составленъ превосходный альбомъ фотографическихъ снимковъ, какового у насъ еще не существовало, и который заключаетъ въ себѣ образцы всего, что производится въ Россіи хоть сколько-нибудь примѣчательнаго по кружевной части; въ немъ собраны также образцы, какіе только можно было добыть, стараго національнаго, кореннаго нашего кружевнаго производства. Всѣ представляющіеся по части русскаго кружева вопросы трактованы г-жею Давыдовой съ замѣчательною основательностью, точностью и подробностью. Вообще сочиненіе это заключаетъ въ себѣ такія серьезныя качества, что равняется, по самостоятельности и солидности, лучшимъ сочиненіямъ по части западно-европейскаго кружева, а многія изъ нихъ даже и превосходятъ.

- 3) *Ө. Л. Кемпекъ*. Географическое распространеніе хвойныхъ дѣревъ въ Европейской Россіи и на Кавказѣ. Съ приложеніемъ, содержащимъ опытъ раздѣленія Европейской Россіи на древесно-растительныя области. (Съ таблицю рисунковъ и тремя картами). С.-Пб. 1885.

Разборъ этого сочиненія былъ порученъ комиссіей академикъ **Б. И. Максимовичу**, который далъ о немъ самый лестный отзывъ,

при чемъ заявилъ, что сочиненіе О. П. Кенпена есть плодъ многолѣтняго изученія предмета и составляетъ лишь первую часть давно задуманнаго труда, въ который войдутъ и листовныя породы; для нихъ уже и нынѣ собраны у автора весьма богатыя матеріалы. Къ выполненію своей задачи авторъ былъ подготовленъ своими прежними зоогеографическими трудами и обширнымъ сочиненіемъ о вредныхъ насѣкомыхъ; въ этихъ трудахъ онъ долженъ былъ часто наталкиваться на вопросы, прямо касающіеся предмета настоящаго его изслѣдованія. Если авторъ въ предисловіи скромно заявляетъ, что онъ не специалистъ-ботаникъ, и если дѣйствительно это обстоятельство и проглядываетъ, впрочемъ въ немногихъ случаяхъ, въ разработкѣ чисто ботаническихъ данныхъ, то съ другой стороны, онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи чрезвычайное обиліе самыхъ многостороннихъ свѣдѣній, давшихъ ему возможность разработать избранный имъ предметъ въ возможной, при нынѣшнемъ состояніи науки, полнотѣ. Рецензентъ указываетъ прежде всего на громадную начитанность автора, которымъ не только изучена ботаническая литература, путешествія и весьма многочисленныя статьи по дѣсоводству, но и извлечено все, относящееся къ предмету, изъ всевозможныхъ помѣщенныхъ изданій: губернскихъ вѣдомостей, журналовъ министерствъ и различныхъ сборниковъ, просмотрѣны всѣ списки населенныхъ мѣстъ, касательно названій, намекающихъ на растущія или росшія тамъ когда-то древесныя породы, обращено вниманіе на быліны и преданія, собраны, кромѣ собственныхъ наблюденій, и бездна разсроченныхъ свѣдѣній, и велась переписка съ многочисленными лицами для разъясненія сомнительныхъ вопросовъ. Весь этотъ крайне разнообразный матеріалъ разобранъ, провѣренъ и вполне критически и строго научно разработанъ. Въ результатѣ является полезнѣйшій сводъ всего извѣщающагося литературнаго и другаго матеріала. Весьма естественно, что отъ большей или меньшей полноты послѣдняго зависѣло и то, что можно было сказать о каждой породѣ деревьевъ. Потому важнѣйшія въ народномъ хозяйствѣ породы разработаны весьма полно и подробно, менѣе важныя, на счетъ которыхъ свѣдѣнія были скуднѣе, вышли гораздо короче и съ многими пробѣлами, на которые постоянно обращаетъ вниманіе самъ же авторъ. Такимъ образомъ является возможность для каждаго читателя пополнить таковыя пробѣлы и содѣйствовать дальнѣйшему разъясненію предмета.

Въ видѣ вступленія къ изложенію главнаго предмета своего со-

чиненія, г. Кеппенъ помѣстилъ введеніе, въ которомъ привелъ литературу каждаго семейства, а затѣмъ дѣленія семейства на роды, подроды и виды, при чемъ вкратцѣ указалъ число и распространеніе послѣднихъ. Собственно въ этихъ чисто-ботаническихъ указаніяхъ, составляющихъ весьма полезную, но безусловно необходимую задачу, и вкралась нѣкоторыя неточности.

Исслѣдованія о географическомъ распространеніи хвойныхъ деревьевъ въ Европейской Россіи авторъ начинаетъ сибирскимъ кедромъ. Хотя здѣсь и приведенъ полный сводъ всего извѣстнаго объ этомъ предметѣ, свѣдѣнія о распространеніи кедра еще такъ неполны, что границы его еще не могутъ быть установлены съ точностью. Слѣдующая затѣмъ глава о соснѣ по полнотѣ имѣвшихся матеріаловъ разработана превосходно. Всякому виду предпосланы, какъ русскія, такъ и инородческія народныя названія, упоминаются разновидности сосны, излагается вліаніе почвы на прорость и качество дерева, подробно устанавливается различіе такъ-называемой въ народѣ, кондовой, то-есть—нагорной, и мяндовой, то-есть, низинной сосны, опровергается мнѣніе г. Бекетова объ исключительной зависимости прироста дерева отъ климата, и приводятся многочисленныя доказательства вліанія на него почвы, сообщаются свѣдѣнія объ особенно выдающіхся экземплярахъ сосны и о вредѣ, причиняемомъ ей насѣкомыми и другими причинами. Затѣмъ авторъ говоритъ о вліаніи челоуѣка на нынѣшнее распространеніе сосны. Сосна, важнѣйшее наше строевое дерево, сильно вырубается. Послѣдствіемъ сплошной вырубки, особенно на черноземѣ, является, при неспособности сосны пускать корневые побѣги, уничтоженіе ея: молодые сѣянцы заглушаются травами, накопившіхся на песчаной почвѣ, исключительно пригодной для сосны, перегной даетъ возможность для замѣщенія сосны черной соснѣ. На сѣну являются березовые лѣса. Прежнія попытки установленія предѣловъ распространенія сосны являлись неудачными не столько по неполнотѣ свѣдѣній, сколько по спутанности и неясности пограничной линіи у авторовъ, вслѣдствіе смѣшенія сплошнаго распространенія съ островнымъ. Установивъ весьма подробно сѣверную границу распространенія сосны, авторъ находитъ возможнымъ провести на югѣ три границы: сплошнаго распространенія, распространенія островами въ настоящее время и сплошнаго—въ историческое время, каковыя и показаны имъ на приложенной картѣ. По выводамъ г. Кеппена, южная линія сосны совпадаетъ съ южнымъ же предѣломъ валуннаго, лѣссо-

ваго суглинна, а этотъ—съ южнымъ предѣломъ перваго ледниковаго періода, при чемъ автору удается согласовать противорѣчающія мнѣнія Рупрехта и г. Докучаева. Вообще отдѣлъ о соснѣ рецензентъ признаетъ, по полнотѣ и разбору матеріала и строго научному методу, но истиннѣй образцовымъ. За то европейская листовка, недалеко вдающаяся въ Россію съ запада, по не полнотѣ свѣдѣній изложена гораздо короче, но разработка сибирской листовки отличается опять полнотою.

Весьма полна также разработка главы о ели (*Abies excelsa*), сѣверную границу которой авторъ обуславливаетъ не изотермами, какъ полагалъ Вилькомень, а изотерами. Причины широкой полосы погибшихъ лѣсовъ ели на сѣверѣ г. Кенпенъ видитъ не столько въ исключительно морозныхъ зимахъ, какъ утверждаетъ г. Шренкъ, или въ исключительно холодныхъ лѣтахъ, какъ полагалъ г. Миддендорфъ, сколько въ совокупности этихъ двухъ причинъ, въ подтвержденіе чего и приводитъ цѣлый рядъ метеорологическихъ данныхъ. Въ противоположность тому, что наблюдается у сосны, ель на южной своей окраинѣ не имѣетъ распространенія островами; южная ея граница еще Рупрехтомъ была найдена совпадающею съ сѣвѣрною границею чернозема и съ южною валуновъ. Хотя г. Докучаевъ признаетъ это показаніе неточнымъ, однако г. Кенпенъ и здѣсь усиливаетъ согласовать оба мнѣнія, принимая для Россіи, какъ приняты для западной Европы, два ледниковые періода и совпаденіе южной границы ели съ таковою же втораго періода ледниковъ. Точнаго совпаденія южной границы ели съ сѣвѣрною чернозема хотя и нѣтъ, но есть приближительная, придерживавшаяся, по г. Кенпену, изотермы іюля въ 20. Ц.

Свѣдѣнія о нихъ хотя и весьма полны, но не столь подробны, какъ относительно сосны и ели, по малопрігодности этого дерева на постройки и на топливо.

Наконецъ гораздо менѣе важности въ сельско-хозяйственномъ отношеніи представляютъ послѣдніе отдѣлы книги г. Кенпена, а именно тѣ, въ которыхъ говорится о кипарисѣ, можжевелникѣ и тисѣ; къ тому же и имѣющіяся о нихъ свѣдѣнія не столь полны.

Рецензентъ замѣчаетъ, что онъ, при строжайшемъ разборѣ этого труда, могъ найти только весьма маловажные ошибки или недосмотры, относящіяся притомъ исключительно не къ главному предмету, а такъ-сказать къ придаточнымъ, состоящимъ съ нимъ вовсе не въ необходимой связи.

По присужденіи премій, коммиссія положила выразить глубочай-

шую признательность отъ имени Академіи постороннимъ ученымъ, оказавшимъ ей содѣйствіе при разсмотрѣніи конкурсныхъ сочиненій, а именно: члену-корреспонденту Академіи генералъ-маіору Н. Ѳ. Дубровину, бібліотекарю Императорской Публичной Библіотеки В. В. Стасову, профессору Императорской военно-медицинской академіи князю И. Р. Тарханъ-Моуравову, профессору историко-филологическаго института въ Нѣжинѣ Р. Ѳ. Брандту и доценту Императорскаго Московскаго университета В. Ѳ. Миллеру.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

ИНСТИТУТЪ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА И ЛѢСОВОДСТВА ВЪ НОВОЙ
АЛЕКСАНДРИИ ВЪ 1884 ГОДУ.

По уставу института и по слѣдующимъ постановленіямъ, полагается слѣдующее число преподавателей: профессоровъ 5, доцентовъ 9, учителей 3. Къ 1-му января 1885 года состояло ихъ: профессоровъ 3, доцентовъ 9, учителей 2, всего 17 лицъ. Всѣ они окончили курсъ высшихъ учебныхъ заведеній и имѣютъ ученые степени: 1—доктора, 3—магистра, 9—кандидата и 1—межевого инженера. Вакантными были три должности: двѣ профессорскія и одна учительская.

Нѣкоторые изъ преподавателей и служащихъ въ институтѣ напечатали отдѣльно или помѣстили въ повременныхъ изданіяхъ слѣдующіе ученые труды: доценты: Бударинъ издалъ отдѣльною брошюрой, на средства института, отчетъ по опытной фермѣ этого заведенія за 1883 годъ; Вагнеръ помѣстилъ въ Журналѣ русскаго физико-химическаго общества двѣ статьи: „Объ отношеніи альдегидовъ къ цинк-органическимъ соединеніямъ“ и „Объ окисленіи кетеновъ одноатомныхъ“; онъ же, въ сотрудничествѣ съ доцентомъ Павлиновымъ, напечаталъ въ *Berichte der Deutschen chemischen Gesellschaft* статью: „Zur Constitution des Furfurols“; Хлюдзинскій издалъ свой переводъ съ дополненіями III-й томъ „Свиноводства“ Роде, и помѣстилъ въ періодическихъ изданіяхъ слѣдующія статьи: въ Журналѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства — „О поддѣлкахъ въ экстерьерѣ лошади“; въ Земледѣльческой газетѣ— „О нечезногноистой болѣзни у овецъ“ и „Опредѣленіе живаго вѣса лошади обмѣромъ“, въ Прогрессивномъ сельскомъ хозяйствѣ—а) „Общіи мѣры улучшенія скотоводства“, б) „О наследственности“, в) „О методахъ заводскаго иску-

ства", г) „О племенныхъ животныхъ", д) „О воспитаніи домашнихъ животныхъ" и е) „О раціональномъ кормленіи домашнихъ животныхъ"; въ Русскомъ спортѣ — а) „Экстерьеръ верховаго коня", б) „Форсированные марши на верховомъ конѣ", в) „О тренированіи жокеевъ" и г) „Опытъ дрессировки безъ манежа" (издана и отдѣльною брошюрой); въ Журналѣ коннозаводства — а) „Объ орловскихъ рысакахъ", б) „О наследственности мастей", в) „Объ упражніи и впряганіи" и г) „О шеровахъ"; въ Ветеринарномъ вѣстникѣ — „Генезисъ породъ"; Краузе приготовлялъ къ печати нѣмецко-русскій лѣсохозяйственный словарь и принималъ участіе въ изданіи журнала „Прогрессивное сельское хозяйство"; преподаватель Бевадъ помѣстилъ въ Журналѣ русскаго физико-химическаго общества замѣтку по поводу растворимости углекислаго литія въ водѣ; помощникъ ученаго садовника Коржиныхъ напечаталъ въ Варшавской садовой газетѣ *Ogrodnik Polski* двѣ статьи.

Преподаваніе положенныхъ уставомъ предметовъ и практическія занятія учащихся производились въ слѣдующемъ видѣ: профессоромъ Малевскимъ читались минералогія на I курсѣ по 3 часа въ недѣлю и геологія съ почвовѣдніемъ на II курсѣ, совмѣстно для обоихъ отдѣленій, по 3 часа въ недѣлю. Лекціи по этимъ предметамъ сопровождалась практическими занятіями; сверхъ того, по почвовѣднію занятія происходили въ земледѣльческой лабораторіи, подъ руководствомъ преподавателя, по 2-мъ учебномъ полугодіи по два раза въ недѣлю отъ 3 до 6 часовъ вечера. Профессоръ Карницскій читалъ: а) зоологію — на I курсѣ по 3 часа, б) физиологію животныхъ — на II курсѣ сельско-хозяйственнаго отдѣленія по 2 часа, в) анатомію домашнихъ — на I курсѣ, во второмъ полугодіи, по 1 часу, и г) лѣсную энтомологію — на II курсѣ лѣснаго отдѣленія, по 1 часу въ недѣлю. Лекціи по всѣмъ этимъ предметамъ сопровождалась демонстраціями; практическія занятія по зоологіи — происходили въ концѣ года и имѣли въ виду главнымъ образомъ ознакомленіе студентовъ съ мѣстною фауною; по анатоміи домашнихъ животныхъ сдѣлано было тоже въ концѣ года, при личномъ участіи студентовъ, вскрытіе нѣсколькихъ домашнихъ животныхъ, а по лѣсной энтомологіи практическія занятія происходили еженедѣльно во второмъ полугодіи, а въ концѣ года, во время лѣсныхъ экскурсій, студенты знакомились, подъ руководствомъ преподавателя, съ мѣстною энтомологическою фауною. Профессоромъ Бергомъ читалась практическая механика на I курсѣ во второмъ полугодіи, по 2 часа въ недѣлю, и прочитана въ сокращенномъ

видѣ по случаю поздняго назначенія преподавателя. Доцентъ Вагнеръ читалъ: а) общую химию на I курсѣ, въ первомъ полугодіи по 3 часа, во второмъ—по 4 часа въ недѣлю, и б) аналитическую химию на II курсѣ, совмѣстно для обоихъ отдѣленій, по 1 часу въ недѣлю. Занятія въ лабораторіи происходили ежедневно, кромѣ понедѣльника, въ первомъ полугодіи со студентами II и III курсовъ, и во второмъ—со студентами младшихъ двухъ курсовъ, при чемъ занимались и нѣкоторые студенты III курса. Преподавателемъ Бевадомъ читалась органическая химія на II курсѣ, совмѣстно для обоихъ отдѣленій, только съ назначеніемъ преподавателя со втораго полугодія, по 3 часа въ недѣлю, а потому курсъ не могъ быть оконченъ, и оставшіеся отдѣлы предположены въ изложенію при земледѣльческой химіи на III курсѣ. Доцентъ Павлиновъ читалъ технологию на III курсѣ, именно: въ первомъ полугодіи читался общій курсъ, совмѣстно для обоихъ отдѣленій, по 2 лекціи, а во второмъ полугодіи—сельско-хозяйственный отдѣлъ для хозяевъ, по 3 лекціи, и лѣсной—для лѣсоводовъ по 1 лекціи въ недѣлю. Доцентомъ Заіончевскимъ читалась физика съ метеорологіей на I курсѣ по 4 часа въ недѣлю. Доцентъ Вудринъ читалъ земледѣліе: общее на II курсѣ, совмѣстно для обоихъ отдѣленій—по 2 часа, и частное на III курсѣ сельско-хозяйственнаго отдѣленія—по 3 часа въ недѣлю; практическія по этому предмету занятія, подъ руководствомъ преподавателя, состояли: а) для студентовъ II и III курсовъ, главнымъ образомъ, сельско-хозяйственнаго отдѣленія—въ экскурсіяхъ на поля и лугъ фермы и въ институтское имѣніе, въ послѣднее съ цѣлію ознакомленія студентовъ съ устройствомъ и работою машинъ, отсутствующихъ на фермѣ; б) въ изученіи студентами III курса сельско-хозяйственнаго отдѣленія способовъ опредѣленія хозяйственной годности сѣмянъ, съ производствомъ этихъ работъ въ земледѣльческой лабораторіи во второмъ полугодіи, именно весною 1884 года; в) въ руководствѣ, по желанію, спеціальными работами по указаніямъ преподавателя, на отдѣльныхъ опытныхъ участкахъ. Доцентомъ Скворцовымъ читались: а) сельско-хозяйственная экономія со счетоводствомъ—на III курсѣ сельско-хозяйственнаго отдѣленія, по 4 часа, б) политическая экономія—на II и III курсахъ, совмѣстно для обоихъ курсовъ и отдѣленій: въ первомъ полугодіи по 2, во второмъ—по 3 часа, в) статистика—на тѣхъ же курсахъ и такимъ же порядкомъ: въ первомъ полугодіи по 1, во второмъ—по 2 часа въ недѣлю; курсъ сельско-хозяйственной и политической экономіи прочитанъ сплошн; по статистикѣ же оказались не прочи-

танними нѣкоторые отдѣлы предположенной программы, вслѣдствіе поздняго начала чтенія, вызваннаго нахожденіемъ преподавателя въ командировкѣ по управленію институтскимъ имѣніемъ. Доцентъ Хлюдинскій читалъ: а) скотоводство—на II и III курсахъ для сельскохозяйственныхъ отдѣленій, именно: общее—на II курсѣ въ первомъ полугодіи по 3, а во второмъ—по 2 часа, и частное—на III курсѣ, по 3 часа въ недѣлю, въ обоихъ полугодіяхъ, при 3 часовыхъ, одинъ разъ въ недѣлю, практическихъ занятіяхъ; б) пчеловодство и рыбководство—на III курсѣ во второмъ полугодіи, совмѣстно для обоихъ отдѣленій, по 1 часу въ недѣлю, а шелководство, по примѣру прежнихъ лѣтъ, изложено было студентамъ того же курса демонстративно лѣтомъ, во время практическихъ занятій; изъ курса общаго скотоводства, не могъ быть оконченъ отдѣлъ зоогигіены, главнымъ образомъ, по отсутствію преподаванія ветеринаріи и строительнаго искусства, вслѣдствіе чего преподавателю, при изложеніи общаго скотоводства, приходилось знакомить студентовъ, сверхъ своего предмета, и съ нѣкоторыми вопросами ветеринаріи и сельскохозяйственной архитектуры; практическія занятія студентовъ по этимъ предметамъ состояли, сверхъ работъ въ зоотехническомъ кабинетѣ, и въ посѣщеніи, въ теченіе года, подъ руководствомъ преподавателя, съ демонстративною цѣлью, опытной фермы институтскаго имѣнія, насѣки и шелководни, а въ концѣ учебнаго года—Варшавской выставки скотоводства. Доцентомъ Краузе читались: а) лѣсная таксація (древозимѣреніе)—на II курсѣ лѣснаго отдѣленія, по 2 часа, б) лѣсоустройство—на III курсѣ того же отдѣленія, по 3 часа, и в) энциклопедическій курсъ лѣснаго хозяйства—на III курсѣ сельскохозяйственнаго отдѣленія, по 1 часу въ недѣлю. Преподаватель Евтушевскій читалъ: а) лѣсоохраненіе и лѣсовозращеніе—на II курсѣ лѣснаго отдѣленія, въ недѣлю по 2 часа въ первомъ полугодіи и по 3 часа во второмъ, б) лѣсоупотребленіе, съ дополнительнымъ курсомъ лѣсовозращенія—на III курсѣ лѣснаго отдѣленія, въ недѣлю по 4 часа въ первомъ полугодіи и по 3 часа во второмъ. Практическія занятія, преимущественно по лѣсовозращенію, совмѣстно для обоихъ курсовъ, состояли въ показаніи и объясненіи студентамъ различныхъ культурныхъ пріемовъ во время осеннихъ и весеннихъ культурныхъ работъ въ лѣсномъ питомникѣ и въ лѣсномъ участкѣ; въ зимнее же время студенты практиковались по сѣмянновѣдѣнію и опредѣленію древесныхъ лѣсныхъ породъ. Доцентъ Вердау преподавалъ: а) ботанику съ фізіологіей растений, анатоміей и общею мор-

фологіей — на I курсѣ: въ первомъ учебномъ полугодіи по 4 часа, во второмъ — по 3 часа въ недѣлю; б) лѣсную ботанику — на II курсѣ лѣснаго отдѣленія, по 2 часа въ недѣлю; в) садоводство — на III курсѣ, совмѣстно для обоихъ отдѣленій, во второмъ учебномъ полугодіи по 1 часу въ недѣлю. Преподаваніе ботаники сопровождалось демонстраціями на лекціяхъ; практическія же занятія по лѣсной ботаникѣ состояли въ экскурсіяхъ и составленіи гербарій полезныхъ и вредныхъ растений, а по садоводству — въ практическомъ ознакомленіи разныхъ отдѣловъ садоваго и огороднаго хозяйства. Доцентомъ Выковымъ преподавалась низшая геодезія на I курсѣ и на II курсѣ по лѣсному отдѣленію, по 2 часа въ недѣлю на каждомъ курсѣ; практическія трехчасовыя занятія производились въ точнію учебнаго года по 4 раза въ недѣлю и состояли: въ зимнее время — въ ознакомленіи съ употребленіемъ инструментовъ и въ составленіи плановъ, а въ лѣтнее — съ производствомъ съемока цѣпью, кольями, астролябией съ діонтрами и мензулою. Преподаватель Татаровъ читалъ исторію русской словесности: на I курсѣ — въ первомъ полугодіи по 1 часу, во второмъ — по 2 часа; на II и III курсахъ, совмѣстно для обоихъ отдѣленій, по 2 часа въ недѣлю. При преподаваніи обращено было особенное вниманіе на историческое развитіе русскаго языка, при чемъ студенты занимались письменными работами на дому и въ аудиторіяхъ.

Учебныя занятія въ институтѣ происходили: въ первомъ полугодіи — съ 15-го сентября по 10-е декабря, во второмъ — съ 2-го января по 15-е іюня. Время съ 1-го по 10-е декабря было употреблено на полугодичныя испытанія на всѣхъ курсахъ и отдѣленіяхъ по двумъ въ каждомъ курсѣ и отдѣленіи избраннымъ совѣтомъ предметамъ; во второмъ же полугодіи съ 1-го мая по 5-е іюня производились переводныя и окончательныя испытанія, а время съ 6-го по 15-е іюня употреблено было на практическія занятія по спеціальнымъ и нѣкоторымъ другимъ предметамъ, при чемъ передъ началомъ 1883—1884 учебнаго года происходили дополнителныя переводныя и окончательныя испытанія, а также повѣрочныя — для лицъ, желающихъ поступить въ институтъ. Полугодичныя декабрьскія испытанія произведены были по слѣдующимъ предметамъ: на I курсѣ — по химіи и минералогіи; на II курсѣ: хозяевамъ — по зоологіи и физиологіи, лѣсоводамъ — по таксаціи и геодезіи; на III курсѣ: хозяевамъ — по земледѣлію и зоотехніи, лѣсоводамъ — по лѣсоустройству и лѣсоводству. Успѣхи, оказанныя студентами на этихъ репетиціяхъ, были вообще

отличныя. Практическія занятія въ концѣ года, по опредѣленію совѣта, происходили по слѣдующимъ предметамъ: на I курсѣ — по геодезіи (6 дней) и по анатоміи животныхъ (1 день); на II курсѣ: въ сельско-хозяйственномъ отдѣленіи—по земледѣлію (3 дня) и скотоводству (2 дня); въ отдѣленіи лѣсоводства — по лѣсоводству, лѣсной энтомологіи и ботаникѣ (1 день) и геодезіи (6 дней); на III курсѣ: въ сельско-хозяйственномъ отдѣленіи — по земледѣлію (3 дня), по скотоводству, пчеловодству, шелководству и птицеводству (4 дня); въ лѣсномъ отдѣленіи — по лѣсоводству, лѣсной энтомологіи и ботаникѣ (совмѣстно со II курсомъ) и по пчеловодству и шелководству (2 дня). Эти занятія происходили, какъ и въ теченіе года, подъ руководствомъ преподавателей соответственныхъ предметовъ и имѣли цѣлю путемъ наглядно-практическимъ ознакомленіе студентовъ съ практической стороной данной специальности. Производились же такія занятія: по сельско-хозяйственнымъ и лѣснымъ наукамъ—на институтской опытной фермѣ, въ имѣніи и въ частныхъ лѣсахъ имѣнія Ширжинъ, расположеннаго въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Новой-Александріи и извѣстнаго по рациональному веденію дѣла; по ботаникѣ и зоологіи — въ окрестностяхъ Новой-Александріи, при чемъ студенты знакомились съ мѣстными флорой и фауной, а главнымъ образомъ при этихъ экскурсіяхъ указывалось на злаки и вредныя насекомыя; по геодезіи—на институтскихъ угодьяхъ и въ ближайшей казенной лѣсной дачѣ, при чемъ работы состояли въ группныхъ съемкахъ отдѣльныхъ частей лѣса, съ выдѣленіемъ пассаждцій и составленіемъ плановъ. Вслѣдствіе незамѣщенія нѣкоторыхъ преподавательскихъ вакансій или замѣщенія оныхъ только во второмъ полугодіи учебнаго года, нѣкоторые предметы институтскаго курса или вовсе не преподавались, или читались въ сокращенномъ видѣ, именно: не читались ветеринарныя науки, начертательная геометрія (по случаю ноздliga назначенія преподавателя), земледѣльческая химія (по той же причинѣ) и законовѣдніе; чтеніе механики и органической химіи началось только со втораго полугодія.

Совѣтъ института, независимо отъ рассмотрѣнія возложенныхъ на него уставомъ дѣлъ, занимался обсужденіемъ слѣдующихъ, болѣе важныхъ вопросовъ: 1) Отдѣлены отъ каедры строительнаго искусства—орошеніе и осушеніе полей и отъ каедры геодезіи — привеллировка, съ возложеніемъ чтенія отдѣленныхъ частей на директора института, что и одобрено. 2) Практиковавшееся до того времени раздѣленіе преподаванія технологіи на общій и два спеціальныя курса, по пред-

ложенію доцента Павлинова, измѣнено такимъ образомъ, что преподаваніе производствъ, излагавшихся подъ названіемъ „общаго курса“, предоставлено преподавателю распредѣлить по двумъ спеціальнымъ курсамъ — сельско-хозяйственному и лѣсному, при чемъ одобрены и самый порядокъ чтенія, именно вмѣсто двухъ лекцій въ первомъ и шести во второмъ полугодіи, опредѣлено читать по четыре лекціи въ недѣлю въ теченіе всего учебнаго года, удѣливъ одну изъ нихъ на преподаваніе лѣсной, а три — сельско-хозяйственной технологіи. 3) Въ виду того, что у студентовъ III курса лѣснаго отдѣленія сравнительно болѣе свободнаго времени, чѣмъ у студентовъ II курса, по предложенію доцента Вагнера, предоставлено преподавателю, вмѣсто изложенія качественного анализа на II курсѣ, распредѣлить этотъ предметъ между II и III курсами, съ перенесеніемъ экзамена на III курсъ, каковая мѣра облегчитъ студентовъ и дастъ имъ возможность лучше усвоить эту отрасль науки. 4) По предложенію того же доцента, одобрены слѣдующія двѣ мѣры, клонящіяся къ болѣе прочному усвоенію студентами разныхъ отдѣловъ химіи: а) въ виду того, что практическія занятія въ лабораторіи по аналитической химіи производятся въ теченіе цѣлаго учебнаго года по пяти разъ въ недѣлю, признано достаточнымъ изложеніе этого предмета въ формѣ лекцій студентамъ II курса ограничить только первымъ полугодіемъ; б) лабораторныя занятія студентовъ III курса сельско-хозяйственного отдѣленія распредѣлены такъ, что первое полугодіе предназначено на изученіе количественнаго анализа, а второе — на работы по земледѣльческой химіи. 5) Въ помощь преподавателямъ при демонстрированіи лекцій, разрѣшено профессорамъ приглашать студентовъ, за особое вознагражденіе, которое положено выдавать изъ суммы сбора за слушаніе лекцій. 6) Въ видахъ улучшенія учебнаго дѣла въ институтѣ и для однообразія съ правилами о переводныхъ и окончательныхъ испытаніяхъ, дѣйствующими въ Варшавскомъ университетѣ, по предложенію директора института, съ одобренія совѣта и разрѣшенія попечителя Варшавскаго учебнаго округа, измѣнены были нѣкоторые параграфы подобныхъ правилъ, дѣйствовавшихъ въ Новоалександрійскомъ институтѣ, при чемъ, по предложенію преподавателя аналитической химіи, установлено, что къ экзамену по этому предмету, производимому изустно, долженъ быть представленъ студентомъ письменный отчетъ о заданной преподавателемъ аналитической работѣ, дабы такимъ образомъ имѣть возможность контролировать солидность знаній студента и умѣніе отдавать отчетъ въ каж-

домъ сдѣланномъ при анализѣ шагѣ. 7) Тѣмъ же порядкомъ и для достиженія болѣе удовлетворительныхъ результатовъ, какъ вообще въ учебномъ дѣлѣ и по облегченію занятій студентовъ, такъ и въ дисциплинарномъ отношеніи, измѣнены были нѣкоторые параграфы общихъ правилъ для студентовъ, правилъ для библіотеки и правилъ для занимающихся въ лабораторіяхъ; всѣ правила для студентовъ въ новой редакціи были напечатаны и розданы имъ въ началѣ учебнаго года. 8) По предложенію директора института, съ одобренія совѣта и разрѣшенія начальства округа, въ видахъ избѣжанія отступленій отъ установленныхъ закономъ правилъ счетоводства и контроля надъ расходами по содержанію института, введены новыя правила при расходованіи суммъ, отпускаемыхъ на учебно-вспомогательныя учрежденія института; измѣнены также нѣкоторые параграфы правилъ для библіотеки, при чемъ главнымъ образомъ имѣлось въ виду облегченіе студентамъ пользованія учебными пособиями. 9) Постановлено возобновить пріостановленное въ 1883 году изданіе Записокъ института и приступить къ выпуску VII тома оныхъ, съ помѣщеніемъ въ немъ отчетовъ института за 1882 и 1883 годы, а также статей ученаго содержанія, какъ учащихъ, такъ и учащихся. На изданіе этого тома Записокъ совѣтомъ ассигнована необходимая сумма, и редакторомъ избранъ доцентъ Хлюдявскій.

Сверхъ изложенныхъ мѣропріятій, введена относительно студентовъ еще одна мѣра: въ виду весьма значительнаго числа лицъ, желающихъ поступить на I курсъ института, и тѣсноты помѣщеній, занимаемыхъ учебно-вспомогательными учрежденіями, попечитель Варшавскаго учебнаго округа, по ходатайству начальства института, разрѣшилъ примѣнить, при приемѣ молодыхъ людей въ институтъ въ 1884 году, § 88 устава Варшавскаго университета; вслѣдствіе сего преимущество на приемъ въ институтъ предоставлено лицамъ, окончившимъ курсъ въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ Варшавскаго учебнаго округа, при чемъ формою для принятія новыхъ кандидатовъ изъ воспитанниковъ, какъ названнаго округа, такъ и изъ другихъ учебныхъ округовъ, принято 100 человекъ.

Для соисканія въ 1884 году наградъ медалями, предложены были слѣдующія темы: „О значеніи ксилотрического метода изслѣдованія въ дѣлѣ древеснотрещія“, „О выдѣленіи сливокъ изъ молока посредствомъ центрофугъ“ и „Значеніе химическаго анализа въ оцѣнкѣ плодородія почвъ“. За представленныя на эти темы сочиненія, авторы ихъ, окончившіе въ 1883 году курсъ института Руд. Вержбицкій,

Вл. Вернеръ и Ильд. Маркевичъ, удостоены почетнаго отзыва. На 1885 годъ, съ тою же цѣлью, сверхъ вышепоименованныхъ темъ, назначена еще одна дополнительная по общей химіи— „Объ отношеніи альдегидовъ къ цинкорганическимъ соединеніямъ“.

Свѣдѣнія объ учащихся въ институтѣ представляются въ слѣдующемъ видѣ: къ 1-му января 1884 года состояло 146 студентовъ; въ первомъ гражданскомъ полугодіи 1884 года или во второмъ полугодіи 1883—84 учебнаго года принято 1, итого 147 студентовъ. Изъ нихъ выбыло въ теченіе этого полугодія 39 (29 за окончаніемъ курса, 10 по разнымъ обстоятельствамъ), затѣмъ къ началу 1884—85 учебнаго года оставалось 108. Къ этому времени подали прошеніе о принятіи въ число студентовъ 118 человекъ, изъ которыхъ окончательно принято 100 (2 бывшихъ студента института, 14 бывшихъ студентовъ университета и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, 7 получившихъ въ гимназіяхъ аттестаты зрѣлости, 65 окончившихъ курсъ реальныхъ училищъ съ дополнительнымъ классомъ или выдержавшимъ удовлетворительно испытаніе въ этомъ объемѣ, 1 окончившій съ аттестатомъ курсъ Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища и выдержавшій повѣрочное испытаніе въ институтѣ, и 11 окончившихъ курсъ въ другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ по особымъ разрѣшеніямъ); сверхъ того, принято въ этомъ полугодіи 2 лица изъ числа состоявшихъ студентами въ первомъ гражданскомъ полугодіи. Въ теченіе втораго гражданскаго полугодія 1884 года или перваго полугодія 1884—1885 учебнаго года выбыло по разнымъ случаямъ 8, такъ что къ 1-му января 1885 года состояло на лицо 202 студента, которые распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: а) по курсамъ—въ I курсѣ 99, во II 70 (на сельско-хозяйственномъ отдѣленіи 51, на отдѣленіи лѣсоводства 19), въ III 33 (на сельско-хозяйственномъ отдѣленіи 22, на отдѣленіи лѣсоводства 11); б) по отдѣленіямъ: въ общемъ отдѣленіи (I курсъ) 99, въ отдѣленіи сельскаго хозяйства 73, въ отдѣленіи лѣсоводства 30; в) по сословіямъ: дворянъ потомственныхъ 92, дворянъ личныхъ 44, духовнаго званія 7, купческаго 12, мѣщанъ и городскихъ обывателей 23, крестьянъ и сельскихъ обывателей 14, военныхъ нижнихъ чиновъ 9, иностранцевъ 1; г) по вѣроисповѣданіямъ: православнаго 111, римско-католическаго 85, армяно-грегоріанскаго 3, евангелическаго 2, іудейскаго 1; д) по предварительному образованію: поступившихъ изъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній 13, изъ классическихъ гимназій 16, изъ реальныхъ училищъ 159, изъ другихъ среднихъ учебныхъ заведеній 14; е) по мѣ-

сту рожденія: изъ губерній Царства Польскаго 33, изъ губерній сѣверо-западнаго и юго-западнаго края 58, изъ другихъ губерній имперіи 111. Такимъ образомъ, сравнительно съ прежними годами процентъ поступившихъ въ институтъ изъ внутреннихъ губерній увеличился. Общее число студентовъ увеличилось въ 1884 году, сравнительно съ предыдущимъ, на 56 человекъ (съ 146 на 202). Вольныхъ слушателей въ институтѣ по уставу не полагается; казенныхъ стипендіатовъ институтъ также не имѣетъ. Результаты переводныхъ и окончательныхъ испытаній, произведенныхъ въ 1884 году предъ лѣтнимъ вакаціоннымъ временемъ и послѣ оного, выражаются слѣдующими данными: къ началу 1883—84 учебнаго года оставалось 77 студентовъ (I курса 19, II—29, III—29), принято въ теченіе того же срока и перешло изъ одного отдѣленія въ другое 77 (I курса 73, II курса 4), выбыло въ теченіе года по равнымъ причинамъ и перешло изъ одного въ другое отдѣленіе 17 (всѣ I курса), выдержали испытаніе и удостоились: а) перевода въ высшій курсъ 103 (I курса 70, II курса 33); б) аттестатовъ—29 (III курса; изъ нихъ получили право на званіе агронома 15, на званіе лѣсничаго—14); не выдержали испытаній и оставлены на 2-й годъ въ томъ же курсѣ и перешли изъ одного отдѣленія въ другое 5 (I курса), оставалось къ началу 1884—85. учебнаго года и перешло изъ одного въ другое отдѣленіе 108 (I курса 5, II—70, III—33). Такимъ образомъ, на 142 человека, допущенныхъ къ испытаніямъ, изъ коихъ 5 не экзаменовались, осталось на второй годъ въ тѣхъ же курсахъ только 5 студентовъ. Поведеніе студентовъ признано столь же удовлетворительнымъ: изъ рассмотренныхъ правленіемъ института дѣлъ, относящихся до студентовъ, въ одномъ только случаѣ пришлось прибѣгнуть къ болѣе серьезной мѣрѣ, именно—сдѣлать студенту выговоръ, съ предупрежденіемъ, что въ случаѣ совершенія понаго проступка онъ будетъ удаленъ изъ заведенія. Въ теченіе года ни одинъ студентъ не выбылъ изъ института по рѣшенію правленія; были случаи увольненія за несвоевременный взносъ платы за слушаніе лекцій, но такія лица, по взносу платы, принимались обратно въ институтъ. Воспособленія недостаточнымъ студентамъ выдавались въ слѣдующемъ видѣ: а) стипендіи частныхъ лицъ и обществъ производились: въ первомъ полугодіи — 7-ми, а во второмъ — 11-ти студентамъ; размѣръ стипендій—отъ 50 до 250 р. включительно; б) изъ находящагося въ распоряженіи попечителя Варшавскаго учебнаго округа кредита на пособіе студентамъ отпущено было 500 р., которые институтскимъ правле-

ніемъ употреблены на взносъ платы: въ первомъ полугодіи — за 12, во второмъ — за 5 студентовъ и за двухъ студентовъ за прежнее время; в) изъ ассигнованныхъ Варшавскимъ генералъ-губернаторомъ 600 р. одна половина, съ отчисленіемъ изъ нея 175 р. въ кассу для пособія студентовъ, израсходована была также на взносъ платы за слушаніе лекцій за несостоятельныхъ студентовъ, а другая половина оставлена для соотвѣтственныхъ расходовъ въ 1885 году; г) отчисленные изъ суммы сбора за слушаніе лекцій 450 р. употреблены были главнымъ образомъ на уплату мѣстной городской больницѣ за лѣчение недостаточныхъ студентовъ въ устроенномъ для нихъ при больницѣ особомъ отдѣленіи, частью же на выдачу имъ единовременныхъ пособій; д) изъ такъ-называемой профессорской стипендіи, составленной изъ добровольныхъ взносовъ преподавателей, выдано было одному студенту 87 руб. 50 коп.; е) изъ вырученныхъ отъ данныхъ въ пользу студентовъ спектакля и концерта 2,044 руб. 60 коп. правленіе института употребило: 570 руб. на выдачу вспомоствованій 45 студентамъ въ размѣрѣ отъ 5 до 30 руб., 275 руб.—на взносъ платы за слушаніе лекцій за 11 студентовъ, 199 руб. 60 коп.—оставлены на постоянное пособіе одному, крайне несостоятельному студенту и на нѣкоторые экстренные для студентовъ расходы, и 1000 руб. оставлены на удовлетвореніе подобныхъ вышеозначеннымъ расходовъ въ 1885 году. Независимо отъ денежныхъ вспомоствованій, въ видахъ воспособленія недостаточнымъ студентамъ, имѣются слѣдующія учрежденія: а) даровыя помѣщенія въ институтскихъ зданіяхъ, состоящія изъ восьми комнатъ, отопленіе которыхъ и содержаніе при нихъ двухъ служителей производится на счетъ суммъ института; б) особое студентское отдѣленіе при мѣстной городской больницѣ св. Карла, на которое отпущено изъ суммы сбора за слушаніе лекцій 150 руб. и въ которомъ лѣчилося въ теченіе года 25 студентовъ, и в) касса для пособій студентамъ, результаты дѣятельности которой въ 1884 году были слѣдующіе: въ приходѣ 503 руб. 85 к., столько же въ расходѣ, и въ ссудахъ за бывшими и нынѣшними студентами института 931 руб. 64 коп.

Денежныя средства Новоалександрійскаго института находились въ слѣдующемъ положеніи: а) суммъ, отпущенныхъ изъ государственнаго казначейства—въ теченіе года въ приходѣ было 51,574 руб. 87 коп., въ расходѣ 49,580 руб. 92 коп., къ 1-му января 1885 года оставалось 1,993 руб.; б) сбора за слушаніе лекцій — поступило 11,034 руб. 25 коп., израсходовано въ теченіе года 8,682 руб. 40 коп.,

въ остатѣкъ къ 1885 году 2,351 руб. 85 коп.; в) общихъ спеціальныхъ средствъ—въ приходѣ было 25,157 руб. 6 коп., израсходовано 22,609 руб. 48 коп., затѣмъ къ 1-му января 1885 года имѣлось на лицо 2,547 руб. 58 коп. Главнѣйшіе расходы изъ суммы сбора за слушаніе лекцій были слѣдующіе: 1,680 руб. 75 коп.—на учебно-вспомогательныя учрежденія, въ дополненіе къ штатнымъ суммамъ, 1'00 руб.—на пособія и командировки служащимъ, 1004 руб. 99 коп.—на жалованье сверхштатнымъ лаборантамъ, 1000 руб.—на жалованье помощнику инспектора, 600 руб.—на добавочное вознагражденіе бібліотекарю, 496 руб. 65 коп.—на жалованье сверхштатнымъ педагогамъ, 450 руб.—на пособія и лѣченіе студентовъ, 366 руб. 64 коп.—на дополнительное вознагражденіе за чтеніе лекцій по лѣсоводству.

Учебно-вспомогательныя учрежденія института, число которыхъ 23, находились въ удовлетворительномъ состояніи. Изъ произведенныхъ въ 1884 году въ нѣкоторыхъ изъ нихъ работъ весьма важнымъ улучшеніемъ слѣдуетъ считать перенесеніе, устроеннаго въ прежнее время подъ помѣщеніемъ аудиторій, газоваго завода въ отдѣльное, расположенное внѣ главнаго зданія, помѣщеніе бывшихъ мастерскихъ института, на что употреблено 3,688 руб. 37 коп. При перенесеніи завода устроены, вмѣсто существовавшей прежде одной, двѣ реторты для гонки газа, дабы такимъ образомъ увеличить количество его и тѣмъ дать возможность вести самостоятелно занятія въ лабораторіяхъ института. Сверхъ того, въ новомъ помѣщеніи, для сбереженія нефтяныхъ остатковъ, подвергавшихся, при оставленіи въ деревянныхъ бочкахъ, утечкѣ, устроена на цементѣ цистерна и сдѣланы нѣкоторыя другія приспособленія.

А. А. ПОПОВЪ.

(некрологъ).

11-го іюля текущаго года скончался, послѣ продолжительной тяжелой болѣзни членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія тайный совѣтникъ Аполлонъ Андреевичъ Поповъ.

Покойный происходилъ изъ дворянъ Тамбовской губерніи. По окончаніи въ 1842 году курса наукъ въ бывшемъ С.-Петербургскомъ главномъ педагогическомъ институтѣ по историко-филологическому факультету, Аполлонъ Андреевичъ посвятилъ себя службѣ по учебному вѣдомству, которая продолжалась непрерывно 43 года. За этотъ долгій періодъ времени Аполлонъ Андреевичъ, отличавшійся всегда замѣчательною энергіей и силой воли, принесъ не мало пользы, какъ педагогъ и администраторъ. Сначала, по окончаніи курса, тащатливый учитель исторіи и русской словесности, Поповъ преподавалъ эти предметы въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ столицы: въ училищѣ правовѣдѣнія, гражданскихъ гимназіяхъ, во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, а позже въ Павловскомъ и Константиновскомъ военныхъ училищахъ. Тогда же, во время службы въ училищѣ правовѣдѣнія, Поповъ, вмѣстѣ съ почтеннымъ педагогомъ и весьма свѣдущимъ филологомъ П. М. Носовымъ, издалъ столь извѣстное и распространенное „Руководство къ изученію латинскаго языка, составленное по Кюнеру“. Книга эта не даромъ издавалась въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ и появилась доселѣ болѣе чѣмъ въ 12-ти изданіяхъ. Выборъ иностраннаго образца былъ сдѣланъ весьма удачно, и хотя впоследствии съ учебникомъ, изданнымъ Поповымъ и Носовымъ, стали конкурировать и другіе, составленные по тому же Кюнеру (разумѣемъ грамматики, изданныя Коссовичемъ и Крамеромъ), но во всякомъ

случаѣ, если и справедливо выраженіе Квинтиліана: „Grammatica est tantum adminiculum quoddam docendae et discendae alicujus linguae, cujus plana perfectaue cognitio ex ipsis auctoribus haurienda est“, — удачное составленіе подобнаго adminiculum и по иностранному образу все-таки нельзя не признать большою заслугою для школы.

По усмиреніи польскаго возстанія 1863 г., когда введено было дѣйствіе особаго положенія о преобразованіи учебной части въ Привислинскомъ краѣ, и туда потребовались новыя силы на различныя поприща дѣятельности, А. А. Поповъ былъ въ 1864 году назначенъ на службу въ этотъ край, гдѣ онъ занималъ болѣе десяти лѣтъ должности начальника учебныхъ дирекцій въ Плоцкѣ и Варшавѣ. Безукорыненною честностію и неутомимою энергіею онъ принесъ особенную пользу дѣлу народнаго образованія въ бытность на службѣ въ царствѣ Польскомъ. Будучи вполне русскимъ человѣкомъ и преслѣдуя неуклопно здравыя начала, клонящіяся къ объединенію политическаго и общественнаго строя тамошняго края съ имперіею, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сумѣлъ благотворно дѣйствовать на общество при осуществленіи предначертаній правительства. При его участіи и подъ непосредственнымъ его руководствомъ совершилось коренное преобразование и устройство тамошнихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній на русскихъ началахъ. Заботясь постоянно о матеріальномъ благосостояніи вѣреннѣхъ ему учебныхъ заведеній и о правильномъ ходѣ въ нихъ учебнаго дѣла, А. А. Поповъ списалъ не только признательность правительства, но и оцѣнку полезной дѣятельности его мѣстнымъ обществомъ, выразившуюся при оставленіи имъ Плодской дирекціи образованіемъ изъ пожертвованнаго капитала стипендіи его имени для одного изъ учащихся въ Плоцкихъ мужской и женской гимназіяхъ. Немалая услуга оказана покойнымъ и при постройкѣ двухъ православныхъ церквей (приходской и кладбищенской) въ г. Плоцкѣ. Будучи членомъ и казначеемъ учрежденнаго тамъ комитета по сооруженію этихъ храмовъ, онъ принималъ живое участіе въ этомъ дѣлѣ и содѣйствовалъ къ довершенію постройки, какъ личными пожертвованіями, такъ и привлеченіемъ къ сему другихъ жертвователей. Съ 1875 года А. А. Поповъ поступилъ на службу въ центральное управленіе министерства народнаго просвѣщенія, гдѣ и оставался до смерти въ должности члена совѣта министра. Здѣсь также труды А. А. Попова оказались не безслѣдными: имъ составлены и заданы по распоряженію министерства двѣ карты съ объяснительными къ онымъ записками, а именно: 1) сравнитель-

ная карта высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній въ 1866 и 1876 годахъ, и 2) карта народнаго образованія Россіи. Наконецъ, на него возлагалось ежегодное составленіе отчета по низшимъ учебнымъ заведеніямъ имперіи, что, конечно, вызывало не мало труда, такъ какъ составитель старался основывать свои выводы на цифрахъ, точно добытыхъ изъ массы статистическихъ таблицъ, и въ сужденіяхъ и заключеніяхъ своихъ былъ крайне остороженъ и осмотрителенъ.

На сколько покойный былъ истиннымъ сыномъ церкви и человекомъ, любившимъ школу, видно также изъ того, что изъ сбереженій своихъ онъ желалъ основать двухклассное народное училище въ Тамбовской губерніи, на мѣстѣ родины, и оставить капиталъ для двухъ болѣе бѣдныхъ храмовъ. Можно пожелать, чтобы воля его была исполнена и безъ завѣщанія.

родѣ знаменитой криптіи ¹⁾, спартиаты прибѣгали иногда къ экстраординарному мѣрамъ подавленія и истребленія опасныхъ илотовъ. Одинъ изъ такихъ наиболѣе выдающихся фактовъ,—знаменитое тѣнарское преступленіе (τὸ ἀπὸ Ταίναροι ἄγος, Thucyd. I, 128), бывшее предметомъ дипломатическихъ переговоровъ,—какъ нельзя болѣе напоминаетъ выманиваніе Андромахи изъ ея убѣжища для того, чтобы убить ее: въ 465 году спартиаты точно также выманили илотовъ-просителей изъ храма Посидона Тѣнарскаго и перебили ихъ. Фактъ этотъ, какъ наиболѣе извѣстный и выдающійся, по всей вѣроятности, и хотѣлъ напомнить публикѣ образомъ дѣйствія Менелая и Эрміоны. Подобнымъ же образомъ поступили спартиаты съ илотами, изъявившими желаніе участвовать въ еракійской войнѣ подъ предводительствомъ Брасиды (Θυκιδ. IV, 80). Не менѣе жестоки были спартиаты и относительно вѣншихъ враговъ и, согласно съ вышеупомянутымъ принципомъ, не рѣдко избивали всѣхъ попадавшихъ къ нимъ въ плѣнъ неприятельскихъ повновъ, такъ что, какъ внутреннія, такъ и вѣшняя политика Спарты, были дѣйствительно въ значительной степени „запятнаны безчисленными убійствами и злодѣяніями“, какъ говорить Андромаха ²⁾.

Что же касается до коварства и самыхъ безсовѣстныхъ обмановъ, то ими спартиаты никогда не пренебрегали. Клятвы, жертвы, возліанія пи мало не мѣшали имъ лгать и обманывать самымъ наглѣмъ образомъ, лишь бы только имъ было выгодно ³⁾, при чемъ они обы-

¹⁾ Plut. Lysurg. c. 28. Ср. Hermann, Staatsalterth. § 47. Общественная жестокость спартиатовъ относительно своихъ рабовъ заставляеть и троянскихъ плавницъ въ „Троянцахъ“ желать попасть въ рабство куда угодно, но только не въ долину Эврата:

Ст. 209 сл. τὴν κλεινὴν εἰθ' ἔλθομεν Θηραίως εὐδαίμονα χῆραν, μὴ γὰρ δὴ δῖον γ' Εὐρώτα, τὰν ἐχθίσταν θεράπων Ἑλένας.

²⁾ Изъ многихъ подобныхъ фактовъ можно указать на избіеніе платейцевъ и аеяннъ послѣ вѣстія Платей. Θυκ. III, 68. Относительно избіенія попадавшихъ въ плѣнъ къ спартиатамъ съ самаго начала войны см. Θυκ. II, 67.

³⁾ Aug. Boeckh (Tr. trag. princ. p. 188, 190) вьвязъ съ Петитомъ полагаеть, что haec Euripidis fabula (Andromache) acta sit post aliquam iniuriam a Laedaemoniis perfidioso illatam Atheniensibus sive eorum sociis и относитъ къ Олимп. XC, 2=418. Convicia profecto in perituros Lacones quadrant optima, quando quidem tum Ἀθηναῖοι Ἀλακιδάδου κείσαντος τῇ λακωνικῇ στήλῃ ἐπέγραφαν, ὅτι οὐκ ἐνεμεῖναν οἱ Λακεδαιμόνιοι τοῖς ἄρκοις. Zirndorfer (Chronologia fabul. Eurip. p. 41 sq.) относитъ Андромаху къ Ол. 89, 2, когда Брасида занималъ еракійскіе города, но смотря на заключенное перемиріе. Въ обожъ мнѣніяхъ главнымъ

квоенно сваливали вину на другихъ, выставляя себя пострадавшими и обманутыми. Аэниане были давно уже знакомы съ этими привычками спартиатовъ, такъ что и въ самыя критическія минуты не довѣряли имъ и считали пужливымъ быть всегда осторожными ¹⁾).

Роскошь, богатство и хвастовство ими, въ которыхъ упрекаетъ Андромаха Эрмиону, по видимому, не приложимы къ спартиатамъ времени Пелопоннесской войны, а въ виду господствовавшихъ тамъ на этотъ счетъ законовъ и обычаевъ, могутъ показаться навѣтомъ, внушеннымъ враждою. Но съ другой стороны извѣстно, что уже до Пелопоннесской войны, когда и строгіе нравы спартиатовъ значительно попортились, было не мало примѣровъ спартанской жадности къ

основаніемъ служить раздраженіе Аэниъ коварствомъ Спарты. Но вопервыхъ, примѣровъ спартанскаго коварства много было и другихъ; вовторыхъ, не въ одномъ коварствѣ упрекаются спартиаты, а во многихъ другихъ порокахъ и недостаткахъ, такъ что поэтъ не находитъ во врагахъ своего отечества почти ни одного достоинства. Потому нельзя на основаніи коварства относить время постановки къ какому-нибудь особенному факту раздраженія аэнианъ. Такое раздраженіе было постоянно и продолжалось во все время Пелопоннесской войны. А такъ какъ Андромаха уже древними комментаріями относилась къ началу Пелопоннесской войны, то и для насъ нѣтъ, въ виду отсутствія доказательствъ противъ древнихъ извѣстій, основаній несогласоваться съ ними. Въ ст. 445 говорится: ταῦτα... φησὶν Εὐρίπιδος; λοιδορούμενος τοῖς Σπαρτιάταις διὰ τὸν ἐνεστώτα κόληρον. καὶ γὰρ δὴ καὶ παρεπονθήκεσαν πρὸς Ἀθηναίους, καθάπερ οἱ παρὶ τὸν Φιλόχορον ἀναγράφουσιν. εἰλικρινῶς δὲ τοὺς τοῦ δράματος χρόνους οὐκ ἔστι λαβεῖν. οὐ δεδιδάχται γὰρ Ἀθήνησι... φαίνεται δὲ γεραμμένον τὸ δράμα ἐν ἀρχῇ τοῦ Πελопοννησιακοῦ πολέμου (*Dind. Schol. in Eurip. Trag. IV, 165*). Согласно со схолиями къ началу войны относитъ трагедію *Firnhaber* (въ *Philologus*, 1848, стр. 108 слѣд.), который на основаніи некоторыхъ мѣстъ трагедіи полагаетъ, что трагедія написана еще при живаніи Перикла. Съ схолиастомъ согласуется и *Wilamowitz-Moellendorf*, *Anal. Eurip. Berol. 1875*, p. 148.

¹⁾ Тамъ даже въ виду общаго врага предъ битвою, которая должна была окончательно рѣшить судьбу похода Кееркса, аэниане ожидаютъ отъ спартиатовъ коварства и обмана. Когда было рѣшено оставить прежнія позиціи и перейти къ Платей, аэниане, не довѣряя словеснымъ распоряженіямъ спартанскаго главнокомандующаго, дожидались, что сдѣлаютъ сами спартиаты, ἐπιστάμενοι τὰ τῶν Λακεδαιμονίων φρονήματα ὡς ἄλλα φρονεόντων καὶ ἄλλα λεγόντων, ὡς δ' ἐκινήθη τὸ στρατόπεδον, ἔπειτα πρὸς ἀφάν ἰκπὲρ ὀφόμενόν τε εἰ πορεύεσθαι ἐπιχειρήσειν οἱ Σπαρτίται· εἰ τε καὶ τὸ παράπαν μὴ διανοεῦντο ἀπαλλάσσεσθαι... Herod. 9, 54. Ахарилла въ комедіи Аристофана того же мисли самое заключеніе мира съ спартиатами считаютъ преступленіемъ; потому что у нихъ οὔτε βλάβος οὔτε πίστις οὐδ' ὄρκος μένει (ст. 308). Въ «Мирѣ» Герола, узнавъ, что Тритий хочетъ принести жертву миру, то-есть, заключилъ съ спартиатами миръ, говоритъ: κάποιος τρήφως ἀλεπεκιδεύας πέπεισθε, ὧν δόλια ψυχαί, δόλια φρένες (ст. 1068 слѣд.).

богатству и даже прямаго взяточничества; а во время Пелопоннесской войны, какъ въ государствѣ, такъ и отдѣльныя личности, особенно полководцы и навархи имѣли много случаевъ честно и безчестно наживать огромныя богатства и не пропускали ихъ, а случившійся такихъ, безъ сомнѣнія, было много. Историческимъ и общезвѣстнымъ примѣромъ жадности къ богатству, роскоши и власти, надменности и хвастовства можетъ служить для насъ, какъ могъ служить для Еврипида, Павсаній, хотя Еврипидъ, безъ сомнѣнія, зналъ много и другихъ примѣровъ подобныхъ стремленій у спартиатовъ, быть можетъ, не столько замѣчательныхъ и общезвѣстныхъ, но не мѣнѣе убѣдительныхъ и доказательныхъ ¹⁾. Эта жадность къ наживѣ во время Пелопоннесской войны и послѣ ея развилась до крайнихъ предѣловъ, спартиаты сдѣлались первостепенными богачами, и согласно изреченію древняго оракула, эти богатства были одною изъ причинъ паденія Спарты.

Если Андромаха упрекаетъ, главнымъ образомъ, спартиатовъ въ чванствѣ богатствомъ, въ безчеловѣчности и коварствѣ, то упреки Пилея намекаютъ болѣе всего на умѣнье и любовь спартиатовъ, что называется, чужими руками жаръ загребать. Это стремленіе и умѣнье дѣйствительно составляетъ весьма замѣтную черту спартанской политики, хотя, конечно, не одной только ея. Пилей не даромъ упрекаетъ Менелая въ томъ, что онъ самъ возвратился цѣлъ и невредимъ изъ похода, предпринятаго изъ-за его распутной жены, между тѣмъ какъ тысячи мужей погибли и оставили послѣ себя вдовъ и сиротъ, ни мало не будучи причастны интересамъ Менелая. Этимъ упрекомъ поэтъ, очевидно, желаетъ намекнуть на че-

¹⁾ Въ началѣ Пелопоннесской войны въ Спартѣ не было денегъ *οὐκ ἴδιον ὄντων* (Thuc. I, 141), а послѣ этой войны у всѣхъ эллиновъ не было столько богатствъ, сколько въ Лаксдемонѣ у частныхъ людей (Plat. Alcib. I, p. 122 E.). Лисандръ, какъ извѣстно, награбилъ огромныя богатства; его сподвижники безъ сомнѣнія слѣдовали примѣру своего начальника. Да и во Пелопоннесской войны не одинъ Павсаній, но и другіе высокопоставленные спартиаты, любили деньги и не пропускали случая нажить ихъ такъ или иначе. Еврипидъ, напримѣръ, жители Эвбей никакъ не могли убѣдить постоять не много у Артемисіа: онъ готовъ былъ покинуть ихъ на произволъ судьбы съ женами, дѣтми и рабами, но пять талантовъ, данныхъ ему Фемистокломъ, очень скоро склонили его въ пользу желаннаго Эвбейцевъ (Herod. VIII, 4—5). Другіе подобныя примѣры см. между прочимъ у Hermann, Staatsalterth. § 46, 9. Современникамъ Пелопоннесской войны безъ всякаго сомнѣнія было извѣстно множество примѣровъ жадности къ богатству, страсти къ роскоши и хвастовства со стороны спартиатовъ.

ревъ-чуръ эгонстическій характеръ нѣкоторыхъ походовъ и войнъ, вѣденныхъ Спартой. Хотя спартиаты не одобрили и перемѣнили хвастливую надпись ¹⁾ Павсанія на треножникѣ, поставленномъ въ Дельфахъ послѣ Платейской побѣды, тѣмъ не менѣе Спарта весьма нерѣдко дѣйствовала подобно Павсанію. Въ войнахъ и походахъ большинство войска составляли нерѣдко подданные и союзники. Бывало и такъ, что спартиаты въ войнахъ были только начальниками отрядовъ и частей, а все остальное войско, которое выносило всѣ тяжести похода, состояло не изъ спартиатовъ, а изъ подданныхъ и союзниковъ, а между тѣмъ всѣ выгоды, добытыя тѣмъ или другимъ походомъ, Спарта, понятно, обращала исключительно въ свою пользу, точно также, какъ и честь побѣды въ томъ или другомъ сраженіи, хотя рядомъ съ спартиатами или даже только подъ ихъ начальствомъ храбро сражались и умирали ихъ союзники и подданные ²⁾. Вѣсто выгоды, союзники, особенно мелкіе, подвергались иногда всѣмъ невзгодамъ спартанскаго управленія и обращались въ подданныхъ, съ которыми спартиаты обходились самымъ безцеремоннымъ образомъ и у которыхъ они хозяйничали, какъ хотѣлъ хозяйничать Менелай въ домѣ Пилей ³⁾. Съ подданными, помогавшими дѣлать завоеванія, спартиаты обращались иногда еще гораздо хуже, какъ показывается вышеприведенный фактъ исчезновенія илотовъ.

Наконецъ, и воспитаніе спартиатовъ, особенно спартиатовъ, не нра-

¹⁾ Фукид. I, 132 разказываетъ, что въ числѣ обвиненій противъ Павсанія, было и то, ότι ἐκὶ τὸν τρίκοβό κότε τὸν ἐν Δελφοῖς ἤξιμεν ἐκτρέφασθαι αὐτὸς ἰδίᾳ τὸ ἐλεγεῖον τόδε: Ἑλλήνων ἀρχηγὸς ἐκὶ στρατὸς φάλαξ Μήδων, Παυσανίας Φοῖβφ μνημ' ἀνέθηκε τόδε. Обстоятельство это какъ нельзя болѣе подходит къ тѣмъ упрекамъ, которыми осмыкаетъ Пилей Менелай, и порицанію тахъ обычаевъ, по которымъ слава побѣды приписывается полководцу, а не всему войску.

²⁾ Ср. *Германя*, *Staatsalterth.* § 47. Спарта, не отиѣняя своей системы лишенія (политическихъ правъ) и угнетенія (иловъ и періэковъ), ввѣликала на эти недоріеіскіе элементы всѣ тяжести войны, составляла изъ иловъ и періэковъ цѣлмя войска, а своихъ гражданъ берегла для краткихъ походовъ въ близлежація государства или назначала ихъ на высокіе посты въ царской свѣтѣ. См. о постоянномъ составѣ спартанскихъ войскъ *ibid.* § 29. Какъ извѣстно, уже въ битвѣ при Платей на 5 тыс. спартанцевъ было 35 тыс. иловъ легко вооруженныхъ, κερὶ ἀνδρα ἕκαστον ἐκτὰ τεταγμένους, да 5 тыс. періэковъ (*Herod.* IX, 28).

³⁾ Ср. *Исокр.* *Панагир.* § 110 и слѣд., особенно § 124 и слѣд., гдѣ онъ очень рельеісно описываетъ хозяйничанье Спарты, когда она одна господствовала въ Элладѣ и могла проявлять свои стремленія и свойства, не стѣсняясь соперниковъ.

вится Еврипиду. Хотя онъ и не порицаетъ прямо воспитанія мужчинъ и не упрекаетъ ихъ въ неумѣстнѣ, тѣмъ не менѣе его презрительный отзывъ о чисто физическомъ и весьма нескромномъ воспитаніи спартанскихъ дѣвицъ, его презрѣніе къ чисто физическому воспитанію вообще и, наконецъ, прямое заявленіе о томъ, что спартиаты, кромѣ военной славы и стойкости въ битвахъ, не лучше всякаго другаго, даютъ намъ полное право думать, что Еврипидъ, преданный исключительно умственнымъ интересамъ, не могъ одобрить солдатскаго образованія и воспитанія спартиатовъ. Если онъ, какъ человѣкъ, посвятившій себя всецѣло занятіямъ философіею и поэзіею, былъ вообще недоволенъ тѣмъ предпочтеніемъ, которое оказывалось на эллипскихъ общественныхъ состязаніяхъ и празднествахъ физическимъ преимуществамъ и протестовалъ противъ чрезмѣрнаго превознесенія атлетовъ-побѣдителей ¹⁾, то тѣмъ болѣе онъ, безъ сомнѣнія, былъ нерасположенъ преклоняться предъ спартанскимъ солдатскимъ воспитаніемъ, которое имѣло въ виду образованіе не людей, а здоровыхъ, выносливыхъ, покорныхъ и храбрыхъ воиновъ. Въ этихъ видахъ, какъ извѣстно, спартиаты и дѣвицамъ своимъ давали основательное гимнастическое образованіе, что такъ не нравилось Еврипиду и его соотечественникамъ, особенно въ виду черезчуръ легкаго костюма, употреблявшагося при этомъ. Но за то спартанскія женщины отличались здоровьемъ и красотой, пошодшими въ пошловицу и составившими предметъ зависти для другихъ греческихъ женщинъ, воспитывавшихся въ занерти и прохладѣ домовъ. Благодаря своей красотѣ, здоровью, умѣнью обращаться съ мужчинами и, наконецъ, благодаря законамъ, довольно своеобразно смотрѣвшимъ на супружескія отношенія, спартанскія женщины пользовались боль-

¹⁾ Въ Автоликѣ первомъ Еврипидъ разразился громкою эллипшикой противъ атлетовъ и чисто физическаго ихъ воспитанія, благодаря которому они дѣлаются имъ на что другое негодными *γυβόου βοόλοι*. Точно также онъ возстаетъ противъ тѣхъ почестей, которыя оказывались побѣдителямъ атлетамъ на общественныхъ состязаніяхъ, считая эти гимнастическіе подвиги безполезными для отечества. По живѣнью поэтъ философа увѣличивать нужно мужей доблестныхъ и мудрыхъ, которые мудро и справедливо управляютъ государствомъ и своими мудрыми совѣтами отвращаютъ войны, международную вражду и другія бѣдствія. *Fragment. 284, сохранившійся у Athen. 10, p. 413 c.*, который замѣчаетъ, что *ταῦτ' εἰληφεν ὁ Εὐριπίδης ἐκ τῶν τοῦ Κολοφώνιου ἀλεγειῶν Ζενοφάνους*, который тутъ же и приводится. Ср. также начало Исократова „Панигарика“.

ною свободою и большимъ вліаніемъ на своихъ мужей ¹⁾. И то, и другое не нравилось грекамъ, въ томъ числѣ и Еврипиду. Поэтому, спартанскія женщины обвиняются у него въ безнравственности, въ излишней филиандріи, въ легкости нравовъ и влюбчивости къ молодымъ красавцамъ, а мужчины въ излишней снисходительности къ женамъ, уступчивости и привязанности. Образцомъ того и другаго служить знаменитая чета героическихъ временъ: Менелай и прекрасная Елена. Не смотря на побѣгъ съ любовникомъ и возгорѣвшую изъ-за этого войну, которая стоила столько жертвъ, Менелай, лишь только увидѣлъ свою прелестную супругу, все простилъ ей, все забылъ и опять повелъ въ свой домъ эту легкомысленную женщину, вмѣсто того, чтобы наказать ее и казнить, какъ грозилъ сначала ²⁾.

Такимъ образомъ, спартиаты, по изображенію Еврипида, отличаются грубостію, нечестіемъ, безчеловѣчною жестокостію, дживостію, коварствомъ, надменностію, безнравственнымъ воспитаніемъ и другими подобными качествами и свойствами, способными оттолкнуть даже друзей. Единственное достоинство, какимъ славится Спарта, это—военная слава и храбрость. Но одной этой славы, даже если бы она была вполнѣ основательна, въ глазахъ поэта, какъ и его соотечественниковъ, еще слишкомъ мало для того, чтобы имѣть основательныя претензіи на роль представительницы и главы всего эллинизма, на которую претендовала Спарта. „Несправедливо вы пользуетесь такимъ высокимъ положеніемъ въ Элладѣ“, говоритъ Менелая Андромаха. Для роли представительницы и главы эллинизма, кромѣ военной силы и славы, необходима высокая степень эллинской культуры, челоуѣчности, благочестія и образованности, которыхъ не доставало Спартѣ, стоявшей на низкой степени умственнаго и нравственнаго развитія. Этими качествами въ достаточной степени обладало только отечество Еврипида, и потому гораздо болѣе и лучше Спарта могло быть представительницею и руководительницею умствен-

¹⁾ Относительно воспитанія спартанскихъ женщинъ, ихъ здоровья и красоты ср. *Schömann*, Griech. Alterth. I, p. 276 слѣд.; о свободѣ супружескихъ отношеній и вліаніи ихъ на мужей (γυναικοκρατία) см. тамъ же стр. 282 слѣд.

²⁾ *Androm.* 629 слѣд. ἀλλ' ὡς εἰσπίδες μιστόν, ἐκβαλὼν ξίφος φίλην' εἶδεις, πρόδ' ἰν αἰχάλλων κόνα. . . . См. *Troad.* 1040 слѣд. Въ „Еленѣ“ Еврипидъ представляетъ Менелая не только въ смѣшномъ, но даже въ жалкомъ видѣ. Менелай выводится на сцену въ образѣ оборваннаго нищаго и бродяги: до такого печальнаго состоянія довела его привязанность къ своей супругѣ, которая, впрочемъ, въ этой трагедіи представляется вполнѣ достойною этого вѣрною женою.

ной и политической жизни Эллады, нежели Спарта. А благодареніи и заслуги, оказанныя эллинамъ аэинскою республикою, особенно во время персидскихъ войнъ ¹⁾, ея сила и могущество, почти равнившіяся спартанскому, ея политическіе принципы давали Аэинамъ, городу мужъ и харити, еще больше правъ на первенствующее значеніе въ Элладѣ. Да и сами эллины, по крайней мѣрѣ нѣкоторая часть, благодаря безчисленнымъ и важнымъ заслугамъ относительно Эллады, сдѣланнымъ аэинскою республикою, привыкли смотрѣть на Аэины, какъ на поборницу эллинской свободы, охранительницу эллинскихъ божескихъ и человѣческихъ законовъ и защитницу слабыхъ и несправедливо угнетенныхъ ²⁾, такъ что Аэинамъ нужно было бы отказаться отъ всего своего блестящаго прошлаго, если бы онѣ издумали отказаться отъ своей первенствующей роли. Эту роль, по мнѣнію Еврипида, Аэины должны поддерживать волею или неволею, тѣмъ болѣе, что она всегда приносила Аэинамъ честь, славу и могущество, и отказаться отъ нея было бы постыдно и вредно. Въ виду этого Еврипидъ, какъ сторонникъ твердой, но не задорной, не воинственной внѣшней политики, считаетъ нужнымъ въ своихъ трагедіяхъ восхвалять, одобрять и тѣмъ самымъ рекомендовать своимъ соотечественникамъ такую внѣшнюю политику, которая была бы достойна наилучшей представительницы эллинизма и поддержала бы приобретенную уже репутацію защитницы слабыхъ, и охранительницы эл-

¹⁾ Совершенно такими же соображеніями и доказательствами пользуется Исократъ въ своемъ знаменитомъ „Панэгирикѣ“ для того, чтобы показать, что Аэины мѣняютъ несравненно больше правъ на игемонію, чѣмъ Спарта. Замѣчательно, что въ числѣ благодѣтелей изъ древней „исторіи“ эллиновъ выдвигаются у Исократа тѣ самыя „факты“, которые служатъ предметами трагедій Еврипида: „Ираклиды“ и „Просительницы“, такъ что „Панэгирикъ“ Исократа во многихъ пунктахъ является болѣе подробнымъ, систематическимъ и обстоятельнымъ развитіемъ тѣхъ самыхъ идей, которыя проводитъ въ названныхъ трагедіяхъ Еврипидъ. Не смотря на примирительныя цѣли рѣчи, спартіатовъ Исократъ также порицаетъ довольно рѣзко, и при томъ часто за тѣ же качества, за которыя бранить ихъ Еврипидъ въ „Андромахѣ“.

²⁾ См. приведенныя ниже соображенія Эеры, которыми она убѣждаетъ Эясея принять подъ свое покровительство аргосскихъ просительницъ (Suppl. 314 слѣд.), а также выше упомянутыя статьи (Suppl. 187 слѣд.). Эисей, склоняясь на доводы матери, заявляетъ, что онъ, „сдѣлавши много славныхъ подвиговъ, причелъ эллиновъ смотрѣть на себя, какъ на карителя злыхъ и несправедливыхъ, такъ что для него теперь становится невозможнымъ отказываться отъ подобныхъ подвиговъ“ (стр. 340). Ср. Исократъ. Панэгирикъ. § 80 и слѣд.

линской свободы и законности, то есть, говоря языкомъ исторіи, а не поэзіи, Еврипидъ, какъ и другъ его Периклъ, рекомендовалъ не уступать притязаніямъ и требованіямъ грубой Спарты и, въ случаѣ надобности, защищать свое положеніе съ оружіемъ въ рукахъ, не переходя, однако, въ наступленіе.

Эти идеи проповѣдуетъ Еврипидъ, перенося по обыкновенію отношеніе своего времени на времена мнѣнческія, въ „Ираклидахъ“ и еще яснѣе въ „Просительницахъ“, трагедіи болѣе политической, чѣмъ поэтической. Въ „Ираклидахъ“ къ помощи Аэинъ прибѣгаютъ дѣти Иракла съ дядею Іолаемъ во главѣ и спасаются отъ преслѣдованія Эвриссея; побывавъ во многихъ другихъ государствахъ съ цѣлію найти убѣжище, они наконецъ пришли въ Аэины, потому что другія государства оказались недостаточно сильными и великодушными, чтобы защитить отъ могущественнаго гонителя слабыхъ сиротъ, отъ которыхъ трудно ожидать какой-нибудь пользы (ст. 21 слѣд.). И сюда за ними явился аргосскій вѣстникъ и хотѣлъ силою оттащить отъ алтара Зевса, куда они укрылись. Къ счастью за нихъ вступается царь аэинскій Димофонъ¹⁾, сынъ Оисея, друга Иракла, и, устранивъ аргосскаго посла, называющаго его поступки варварскимъ, не смотря на украшающую его эллинскую одежду (ст. 130 и слѣд.). На требованія посла и угрозы войною въ случаѣ невыдачи, Іолай выражаетъ увѣренность въ томъ, что Аэины не выдадутъ бѣглецовъ и не убоятся угрозъ Аргоса, потому что Аэины не какое нибудь ахейское маленькое государство, откуда Эвриссеей заставляли выгонять ихъ угрозами. „А если“, говоритъ Іолай, „Аэины исполнять такое желанье, то я уже не буду считать Аэины свободными. Впрочемъ, я знаю ихъ характеръ и свойства: они скорѣе рѣшатся умереть, чѣмъ уступить, потому что, какъ доблестные мужи, они считаютъ за лучшее умереть, чѣмъ постыдно жить“ (ст. 195 слѣд.).

Димофонъ съ своей стороны объясняетъ, что его заставляютъ

¹⁾ Димофонъ въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ достойно своего отца, который въ „Въведеніи Иракла“ является въ Оявы на помощь семейству Иракла, услышавъ о его бѣдствіяхъ, и спасаетъ самого Иракла, такъ что своимъ благороднымъ образомъ дѣйствій и не знающаго предѣловъ дружбою и признательностью превосходить самихъ боговъ, между тѣмъ какъ оиванцы за эту услугу ихъ героя платятъ черною неблагодарностью, принадлежа къ числу ожесточенныхъ враговъ Аэинской республики.

принять подъ свое покровительство и защищать ираклидовъ три причины: а) невозможность прогнать просителей и оскорбить Зевса, у алтаря котораго они сидятъ, б) родство и близость Оисея съ Иракломъ и необходимость отблагодарить за благодѣянія, оказанныя отцомъ ираклидовъ отцу Димифонта и с) наконецъ, что всего важнѣе, стыдъ и позоръ, ожидающій Димифонта и Аэнины въ томъ случаѣ, если они не защитятъ ираклидовъ. „Если я позволю ихъ взять силою отъ алтаря, то всѣ будутъ думать, что я живу не въ свободной и независимой странѣ и что я предаю исканшихъ убѣжища изъ страха предъ Аргосомъ, а это не лучше смерти“¹⁾. На угрозы войною Димифонтъ отвѣчаетъ: „твоего Аргоса я не боюсь, мое отечество свободно и независимо и Аргосу не подчинено“. За это рѣшеніе Юлай осыпаетъ Димифонта похвалами и благодарностью, а дѣтей Иракла заставляетъ дать обѣщанье и клятву никогда не поднимать враждебнаго копья противъ Аэнии, а считать ихъ самымъ дружественнымъ государствомъ и почитать, какъ своихъ спасителей и защитниковъ. Хоръ сопровождаетъ эти обѣщанія и похвалы замѣчаніемъ, что Аэнины всегда готовы помочь въ правомъ дѣлѣ обиженнымъ и угнетеннымъ и уже перенесли безчисленное множество трудовъ ради друзей.. (ст. 328 и слѣд.)“). А Юлай распоряженія Димифонта и приготовленія къ встрѣчѣ врага сопровождаетъ выраженіемъ надежды и увѣренности, что Аэнина Паллада не допуститъ пораженія своего города (ст. 352, ср. 770 и слѣд.). Надежды эти вполнѣ оправдались: Эврисоей, пришедшей съ войскомъ, былъ не только разбитъ, но и самъ взятъ въ плѣнъ. Но тутъ-то и оказалась гуманность и умѣренность аэниискаго народа. Когда плѣннаго Эврисоея привели къ его матери Алкменѣ, тоже изгнанной вмѣстѣ съ дѣтьми Иракла, она непремѣнно требуетъ его смерти. Но вѣстникъ возражаетъ, что этого сдѣлать нельзя. Это очень удивилъ Алкмену²⁾. „Развѣ напрасно его взяли въ плѣнъ, „вос-

¹⁾ Ст. 140 слѣд., ср. 295 слѣд.

²⁾ *Herasl. Xc. áei pov' ἦδε γαῖα τοῖς ἀρχαίοις
ἔν τῳ δικαίῳ βούλεται προσωφελαιν. 330.
τοιγάρ πόνοος δὴ μορίοος ὑκέρ φίλων
ἦναγχε, καὶ νῦν τόνδ' ἀγῶν' ὀρεῖ πέλας.*

³⁾ Искъ эта сцена, очевидно, имѣетъ въ виду порядки спартанскаго обычая убивать плѣнныхъ, что они дѣлали съ самаго начала войны, между тѣмъ какъ вѣняныя, по словамъ Фукидида, начали дѣлать то же самое, только въ видѣ репрессалий. Фукид. II, 67. См. выше объ обычай спартиатовъ убивать плѣнныхъ.

кликаетъ она. „Законъ что ли какой-нибудь у васъ запрещаетъ убить его? Развѣ по вашему нехорошо убивать враговъ?“ „Да“, отвѣчаетъ вѣстникъ, „по нашему нехорошо убивать враговъ, взятыхъ въ плѣнъ“. Но такъ какъ Алкмена настаиваетъ на своемъ и рѣшила, во что бы то ни стало, казнить своего преступнаго сына, то хоръ удивляется, чтобы не присутствовать при этомъ противникомъ его гуманнѣйшѣмъ воззрѣніемъ на плѣнныхъ враговъ поступилъ Алкмена, хотя смерть и погребеніе Эврисея въ Атикѣ должно послужить ей во спасеніе, если потомки Иракла когда-нибудь, забывъ о благодѣаніи, оказанномъ имъ Аеинями, вздумаютъ напасть съ враждебными силами на спасителей своихъ предковъ.

Августъ Вѣкъ полагалъ, что „Ираклиды“ поставлены были въ 418 г., когда аргивяне, или точнѣе аргосскіе олигархи, захватившіе власть при помощи Спарты, нарушили союзный договоръ съ Аеинями, заключенный въ 420 году, и вступили въ союзъ съ врагами Аеинъ, спартиатами. Изъ порицаній Аргоса и аргивянъ, встрѣчающихся въ трагедіи, знаменитый филологъ заключаетъ, что „Ираклиды“ направлены именно противъ Аргоса, а не кого-нибудь другого¹⁾. Противъ этого мнѣнія Вѣкса возсталъ Циридорферъ, который полагаетъ, что подъ „ираклидами“ въ трагедіи нужно разумѣть не аргивянъ, а спартиатовъ, считавшихъ себя потомками Иракла по преимуществу, и что тенденція трагедіи не направлена ни противъ аргивянъ, ни противъ спартиатовъ, а наоборотъ имѣетъ въ виду примиреніе этихъ послѣднихъ съ Аеинями. Просящіе защиты ираклиды, по мнѣнію Циридорфера, представляютъ собою просящихъ мира спартиатовъ послѣ взятія Пила, такъ что Еврипидъ, выводя аеинянъ, исполняющихъ просьбу ираклидовъ, тѣмъ самымъ совѣтуетъ аеинянамъ исполнить и просьбу потомковъ ираклидовъ.

Такъ какъ это обстоятельство было въ 425 году, то и трагедія по Циридорферу была поставлена въ 425 году. Въ доказательство своего мнѣнія, Циридорферъ ссылается на ст. 1 и слѣд., гдѣ говорится, что корыстолюбивый гражданинъ вреденъ для государства и гдѣ якобы разумѣется враждебный миру Клеонъ, на ст. 176 и слѣд., гдѣ высказывается не менѣе общее соображеніе, что лучше выбирать хорошихъ друзей, чѣмъ дурныхъ, и особенно на 1026 слѣд., гдѣ Эврисейей обѣщаетъ послѣ своей смерти быть защитникомъ Аеинъ

¹⁾ Graec. Tragoed. princ. p. 190.

отъ потомковъ ираклидовъ, если они вѣдуютъ, забывъ объ оказанномъ имъ благодѣяніи, напасть на Аѳины¹⁾.

Рейнгольдъ Клотцъ также не соглашается съ Бѣкомъ и думаетъ, что „Ираклиды“ направлены противъ спартиатовъ, а не аргивянъ, съ которыми аѳиняне были всегда или въ дружбѣ, или въ нейтральныхъ отношеніяхъ, и время постановки трагедіи, на основаніи историческихъ обстоятельствъ и историко-литературныхъ данныхъ²⁾, относится къ началу Пелопоннесской войны, Олимп. 87, ²/₃ — 88, 2, не считая возможнымъ точнѣе опредѣлить годъ постановки.

Изъ этихъ трехъ мнѣній самымъ вѣроятнымъ намъ кажется послѣднее.

Весь ходъ и тенденція трагедіи говорятъ въ пользу того, что въ „Ираклидахъ“ Еврипидъ ратуетъ не противъ аргивянъ, а противъ спартиатовъ и союзниковъ ихъ. Какъ мотивы войны между Аѳинами и Аргосомъ, такъ и поведеніе Димфонта, представителя Аѳинъ, напоминаютъ прежде всего и болѣе всего начало Пелопоннесской

¹⁾ Chronol. fabul. Eurip. p. 32—35. Оправданіе пророчества Эврисея и исполненіе его обязанія Цирядореевъ видѣть въ землетрясеніи, устранившемъ македонянъ во время похода на Аттику за годъ до предполагаемой Цирядореевомъ постановки „Ираклидовъ“.

²⁾ Aristoph. Vesp. st. 1160. ἐχθρῶν παρ' ἀνδρῶν δυσμενῆ κατ'όματα представляеть, очевидно, пародію ст. 1006 «Ираклидовъ: ἐχθροὺ λίοντος δυσμενῆ βλαστήματα, а по замѣчанію схоластика къ 214 Arist. Equites словами: τάραττε καὶ χόρβου ὄρου τὰ κράτιστα Аристофанъ παρ'όδας τὸν ἱαμβὸν ἐξ Ἰρακλειδῶν Εὐριπίδου. Хотя народившаго мѣста нѣтъ въ дошедшихъ до насъ спискахъ «Ираклидовъ», тѣмъ не менѣе это замѣчаніе схоластика можетъ быть принято во вниманіе при опредѣленіи времени постановки «Ираклидовъ», такъ какъ этотъ стихъ могъ быть пропущенъ въ спискахъ. Такимъ образомъ «Ираклиды» были поставлены не позже 425 года, а предсказаніе въ концѣ трагедіи пораженія ираклидовъ, если они вторгнутся въ Аттику и дойдутъ до Панацисы, — мѣста погребенія Эврисея, — предсказаніе, очевидно, имѣющее въ виду вторженіе спартиатовъ, позволяетъ думать, что трагедія написана до 427 года, когда спартиаты опустошили всю Аттику и ушли безнаказанно. Повесть не стала бы предсказывать то, что уже опровергнуто событіями. Въ виду всего этого, какъ Reinhold Klotz (во 2-мъ изд. «Ираклидовъ» Pflugk), такъ и Wilamowitz-Moellendorf (Analecta Eurip. Vocol. 1875, p. 151 и 152) совершенно справедливо относятъ Ираклиды ко времени между 431,—годомъ постановки Медин,—и 427.—Заявленіе о томъ, что аѳиняне не убиваютъ плѣнныхъ и образъ дѣйствія Алакисы явно намекаютъ на привычку спартиатовъ убивать своихъ плѣнныхъ, что аѳиняне стали дѣлать только въ видѣ репрессалій и, въ виду замѣтки Фух. II, 67, также указываютъ на начало войны.

войны и образъ дѣйствія Перикла, а не какое-нибудь другое позднѣйшее обстоятельство изъ исторіи отношеній Аргоса къ Аѳинамъ. Конецъ и заключительный выводъ трагедіи также скорѣе могутъ быть поняты, если мы будемъ разумѣть подъ предпологаемымъ нашествіемъ ираклидовъ на Аттику походы спартиатовъ съ союзниками подъ предводительствомъ потомковъ ираклидовъ, царей спартанскихъ.

Обращаясь къ трагедіи, главные моменты которой, за исключеніемъ эпизода съ Макаріей, переданы выше, мы находимъ, что Аѳины даютъ пріютъ и защиту отовсюда изгнаннымъ Ираклидамъ и ради этого, подвергаются нашествію Эврисеоя. Напоминаніе объ этомъ „фактъ“ мнѣющейся исторіи было какъ нельзя болѣе удачно для аѳинскаго поэта въ началѣ Пелопоннесской войны, чтобы представить, съ одной стороны, гуманность, благочестіе и признательность аѳинянъ, а съ другой — черную неблагодарность и вѣроломство ираклидовъ, — спартанскихъ царей и спартиатовъ вообще, — забывшихъ о благодѣяніяхъ, оказанныхъ имъ родоначальникамъ. Кромѣ того, эта помощь ираклидамъ, соединенная съ опасностію войны, могла напоминать зрителямъ пріютіе Аѳинами подъ свое покровительство керкирейцевъ и защиту платейцевъ. Наконецъ, фигурировавшее въ числѣ предлоговъ къ войнѣ требованіе изгнанія потомковъ тѣхъ гражданъ, которые запятнали себя извѣщеніемъ сторонниковъ Килона, также имѣетъ сходство съ требованіями Эврисеоя. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, отказъ былъ предлогомъ къ войнѣ (Θυκ. I, 126, 127).

Еще болѣе имѣетъ сходства мотивы отказа въ требованіи и отношенія обоихъ государствъ. Какъ надежды Юлая на защиту со стороны Аѳинъ, такъ оправданіе этихъ надеждъ, — отказъ въ выдачѣ бѣглецовъ, — мотивируется главнымъ образомъ политическимъ могуществомъ и независимостью Аѳинъ¹⁾: уступить требованіямъ Эврисе-

¹⁾ См. ст. 113, 197, 243 (Δημοφ. εἰ γὰρ παρήσω τόνδε σὺλασθαι βίη... οὐκ ἔλευθεραν οἰκεῖν δοκῆσω γαῖαν, Ἄργείοις δ' ὄκνη ἰκίετας προδοῦναι· καὶ τὰ δ' ἀγρόνης πέλας). Ср. ст. 284: τὸ σὺν Ἄργος οὐ δέδοικ' ἐγώ... οὐ γὰρ Ἄργείων πόλει ὑπήκοον τήνδ' ἀλλ' ἔλευθεραν ἔχω. Ср. Θυκυд. I, 140, рѣчь Перикла: Τῆς μὲν γνώμης αἰεὶ τῆς αὐτῆς ἔχομαι, μὴ εἰκαῖν Πελοποννησίοις... ὑμῶν δὲ μηδεὶς νομίση περὶ βραχέος ἂν πολεμεῖν, εἰ τὸ Μεγαρέων φήσιμα μὴ καθέλομεν... μηδ' ἐν ὑμῖν αὐτοῖς αἰτίαν ὑπολίπηθε ὡς διὰ μικρὸν ἐπολεμήσατε· τὸ γὰρ βραχὺ τι τοῦτο πάσαν ὑμῶν ἔχει τὴν βεβαίωσιν καὶ πείραν τῆς γνώμης· οἷς εἰ συγχωρήσατε, καὶ ἄλλο τι μείζον εὐθὺς ἐπιταχθήσεσθε, ὡς φόβῳ καὶ τοῦτο ὑπακούσαντες· ἀπισχυρισάμενοι δὲ σαφῆς ἂν καταστήσατε αὐτοῖς ἀπὸ τοῦ ἴσου ὑμῖν μᾶλλον προσφέρεσθαι.

еся для Аэиинъ значить признать свою слабость, зависимость и подчиненность, значить отказаться отъ роли и значенія независимаго, равноправнаго государства и признать надъ собою главенство и власть другаго государства, а это такой поворотъ, котораго благородные, независимые и мужественные граждане Аэиинъ пережить не могутъ, тѣмъ болѣе, что аэииняне стоятъ за правое дѣло и не вызываютъ войны, а только отражаютъ нападеніе. Точно въ такомъ же положеніи были Аэиины относительно Спарты предъ Пелопоннесской войной и такую же политику рекомендовалъ своимъ согражданамъ Перикль: не уступать лакедемонянцамъ и не думать, что дѣло идетъ изъ-за малаго; потому что уступка въ маломъ повлечетъ за собою большія требованія. Необходимо дать понять, совѣтовалъ Перикль, что съ Аэиинями слѣдуетъ обращаться какъ съ равными, а не какъ съ подчиненными и зависимыми.

Какъ предъ началомъ Пелопоннесской войны, такъ и въ „Ираклидахъ“, дѣло идетъ не столько о ближайшихъ поводахъ къ войнѣ, сколько о независимости Аэиинъ отъ кого бы то ни было, о равноправности съ самымъ сильнымъ государствомъ Эллады, о признаніи Аэиинъ однимъ изъ первенствующихъ и совершенно независимыхъ государствъ, чего никакъ не хочетъ допустить и признать другое могущественное государство и что аэииняне готовы отстаивать съ оружіемъ въ рукахъ.

Поэтъ, очевидно, не только имѣетъ въ виду рекомендовать политику Перикла, но и желаетъ, изображая аналогическіе факты изъ мнѣической исторіи, представить эту политику, какъ единственно возможную и достойную великой республики. А это всего умѣстнѣе и естественнѣе было сдѣлать въ началѣ войны, тѣмъ болѣе что далеко не всѣ граждане охотно приняли совѣты Перикла. Еще болѣе умѣстно и естественно для аэипскаго поэта было взять предметомъ своей трагедіи въ началѣ войны, вызванной притязаніями Спарты, такой мигъ, въ которомъ предки спартіатовъ оказываются обязанными Аэиинамъ своимъ спасеніемъ, а предки аэиинявъ великодушными благодѣтелями и спасителями предковъ спартанскихъ царей. Мало того, что аэииняне искони играли роль первенствующей республики, — были оплотомъ божескихъ и человѣческихъ законовъ, хранителями и защитниками слабыхъ и угнетенныхъ. Аэииняне въ этой роли отстаивали права и защищали предковъ тѣхъ самыхъ спартіатовъ, которые теперь хотятъ лишить аэиинявъ, потомковъ своихъ благодѣтелей, того значенія и той роли, благодаря которымъ она могла оказывать это бла-

годѣаніе. Это—такой мнѣзъ, удобнѣе котораго въ началѣ войны, когда обѣ стороны обвиняють другъ друга въ несправедливости и неблагодарности, не нужно было искать для поддержанія враждебной Спартѣ политики Перикла ¹⁾).

Такую же роль защитниковъ и хранителей божескихъ и чловѣческихъ эллипскихъ законовъ, какъ въ „Ираклидахъ“, играютъ аеиняне въ „Просительницахъ“, мнѣзъ которыхъ взятъ изъ сказаній о походѣ Семи противъ Оиѣзъ. Оиѣванцы, гордые своею побѣдою надъ Полиникомъ и его союзниками, отказали матерямъ убитыхъ героевъ въ выдачѣ ихъ тѣлъ, подобно тому, какъ они отказали аеинянамъ послѣ сраженія при Деліи. Вопреки исконному эллипскому обычному международному закону, по которому тѣла убитыхъ въ сраженіи должны выдаваться для погребенія, и нарушеніе котораго всѣми эллипцами считалось оскорбленіемъ боговъ, установившихъ эти законы ²⁾, оиѣванцы, подобно варварамъ, оставили тѣла своихъ убитыхъ враговъ на съѣденіе хищнымъ птицамъ и звѣрямъ. Вудучи не въ силахъ принудить оиѣванцевъ къ исполненію этого закона, матери убитыхъ, съ Адрастомъ во главѣ, обращаются къ аеинянамъ и царю ихъ Оиссю. Оисей сначала отказываетъ, мотивируя свой отказъ нежеланіемъ вмѣшиваться въ чужія дѣла и поправлять чужія ошибки и промахи, сдѣланные по безразсудности и неосмотрительности. Но мать Оисея, Эера, къ которой просительницы прежде всего обратились, является

¹⁾ Въ этомъ мнѣзъ Исократъ совершенно справедливо видитъ также благодареніе спартиатамъ, и на основаніи его упрекаетъ ихъ въ неблагодарности къ своей благотѣльницѣ, аеинской республикѣ. Панигир. 61 § и слѣд. Ἀφορμῆν λαβόντες (οἱ Λακεδαιμόνιοι) τὴν δι' ἡμῶν αὐτοῖς γενομένην σωτηρίαν οἱ πρόγονοι μὲν τῶν νῦν ἐν Λακεδαιμόνι βασιλευόντων, ἔχονοι δ' Ἐρακλέους... οἰκίσται Σπάρτης ἐγένοντο... ὧν ἐχρῆν ἐκαίνοιο μεμνημένους μηδέποτε εἰς τὴν χῆραν ταύτην εἰσβαλεῖν, ἐξ ἧς ὀρηθῆντες τοσαύτην εὐδαιμονίαν κατεκτήσαντο, μηδ' εἰς κινδύνουοι καθίσταται τὴν πόλιν τὴν ὑπὲρ τῶν καίθων τῶν Ἐρακλέουοι προκινδυνεύουσαοαν...

²⁾ Оиѣванцы, по словамъ Просительницъ, не позволяя похоронить убитыхъ, вѣли самымъ вѣрнымъ θεῶν ἀτίλοιοι (ст. 19), а по словамъ Эеры, ζυγχοιοι νόμιμα πάοιοι Ἐλλάδοιο (ст. 311). То же самое оиѣванцы сдѣлали относительно убитыхъ пеннннцъ послѣ сраженія и пораженія аеинннцъ при Деліи, 424 года, такъ что Гротъ (Hist. of Greece, VI, p. 72) предполагаетъ въ оиѣванцахъ даже особаго рода наклонность къ такому рода грѣху противъ исконныхъ международныхъ эллипскихъ законовъ. Еврипидъ, безъ сомнѣннн, также имѣлъ въ виду этотъ всѣмъ памятный и глубоко возмущавшій аеинннцъ историческій фактъ, когда ставилъ на сцену «Просительницы» и напоминаніемъ этого факта подогрѣлъ ту вражду, которая существовала между Аеиннами и Оиѣвами съ ихъ союзниками, особенно послѣ разрушенія Павакта.

заступницею матерей убитыхъ героевъ и убѣждаетъ Оисея вступиться за несправедливо обиженныхъ и наказать нечестивыхъ нарушителей общеэллинскихъ священныхъ законовъ. Прежде всего, какъ и слѣдуетъ, Эра начинаетъ съ боговъ и указываетъ на то, что своимъ нерадіемъ къ исполненію божескихъ законовъ Оисей оскорбитъ боговъ. Затѣмъ Эра напоминаетъ Оисею, что въ этомъ случаѣ ему предстоитъ вступиться за слабыхъ и обиженныхъ и наказать гордыхъ и надменныхъ обидчиковъ, которые въ то же время являются нарушителями общеэллинскихъ законовъ и обычаевъ, — роль, наиболѣе достойная великодушнаго царя-героя и могущая доставить честь и вѣчную славу какъ ему, такъ и всему народу. Упустить такой случай было бы поворно и безчестно, тѣмъ болѣе, что какъ отдѣльныя лица, такъ и цѣлыя государства, славны, чести и могущества могутъ достигнуть только дѣятельностію и предприимчивостію, почему тѣ народы, которые ничего не дѣлаютъ, пребываютъ во мракѣ и неизвѣстности¹⁾. Что же касается до силы и могущества гордыхъ своею побѣдою Оивъ, то бояться ихъ, по словамъ Эры, не слѣдуетъ, потому что богъ быстро все измѣняетъ и, безъ сомнѣнія, поможетъ тому, кто идетъ на брань за правое дѣло и общеэллинскіе законы (ст. 305—330).

Оисей вполне убѣждается этими доводами и находитъ что эта роль вполне согласна съ его положеніемъ и значеніемъ въ Элладѣ. Сдѣлавши множество благодареній для Эллады и подпергнувшись ради этого многимъ и великимъ опасностямъ²⁾, онъ пріучилъ Элладу смотрѣть на себя, какъ на спасителя угнетенныхъ и карателя злыхъ обидчиковъ и притѣснителей; потому и въ этомъ случаѣ онъ не можетъ отказаться отъ

¹⁾ Въ этихъ ясныхъ качествахъ: дѣятельности, энергіи, предприимчивости и т. п. обвиняютъ аеянъ въ Спартѣ коринтскіе послы, которымъ аеянскіе послы, не отрицая этихъ качествъ, отвѣчаютъ указаніемъ на славные подвиги аеянской республики и заслуги для Эллады, благодаря которымъ аеянская республика и стала во главѣ союза морскихъ республикъ (Эурид. I, 68 слѣд.). Периклъ, совѣту аеянцамъ не уступать и дать спартиатамъ достойный великой и сильной республики отвѣтъ, говоритъ: εἰδέναι δὲ χρὴ, ὅτι ἀνάγκη πολέμαϊν... ἐκ δὲ τῶν μεγίστων κινδύων ἐκ καὶ πόλεϊ καὶ ἰδιότητι μέγιστα τιμὰ κερτίζονται. Эурид. I, 144. Въ томъ же родѣ говоритъ много Периклъ въ надгробной рѣчи относительно предприимчивости, смѣлости и добытой этимъ путемъ силы и славы. Эурид. II, 41 слѣд.

²⁾ Ср. *ibid.* знаменитое изреченіе Перикла: οὐ γὰρ κάσυχοντες εὐδὲ ἀλλὰ δρώντες κτάνεθα τοὺς φίλους.

предстоящихъ трудовъ и опасностей, тѣмъ болѣе, что на такой великодушный и благочестивый подвигъ соглашается и все государство, весь аонійскій народъ, который хоромъ матерей-аргивянокъ по справедливости неличается защитникомъ правды и хранителемъ божескихъ и человѣческихъ законовъ (ст. 375).

Рѣшившись оказать помощь обиженнымъ, Оисей, вопліи согласно съ ролью хранителя общеэллинской цивилизаціи о законности, отвѣчаетъ на угрозы и требованье еиванцевъ выслать Адраста рѣшительнымъ и достойнымъ представителя могущественнаго и мужественнаго народа отказомъ: „я въ первый разъ слышу“, говоритъ онъ, „что Креонтъ (царь еивапскій) можетъ мнѣ приказывать и что онъ настолько могущественнѣе меня, что можетъ насъ заставить повиноваться ему. Все пойдетъ противоестественнымъ ходомъ, если кто нибудь будетъ имѣть власть намъ приказывать. Что же касается до войны, то не я затѣваю ее, а вы. Я хочу только заставить васъ выдать для погребенія убитыхъ и тѣмъ сласти общеэллинскій законъ, а не разорять государства и покорять его жителей“. То же самое повторяетъ Оисей въ виду двухъ войнъ предъ сраженіемъ, подъ стѣнами Оивъ, и, какъ разказываетъ вѣстникъ, сдерживаетъ свое слово. Когда разбитые еиванцы принуждены были бѣжать съ поля сраженія, и Оисей имѣлъ полную возможность ворваться въ городъ и завладѣть имъ, какъ того ожидали сами жители Оивъ, наполнившіе городъ криками и воплями, герой, смиритель гордыхъ и хранитель общеэллинскихъ законовъ, остановился, потому что пришелъ не разрушать городъ, а только взять трупы убитыхъ и похоронить ихъ (ст. 720 сл.).

Вотъ такого-то вождя, говоритъ вѣстникъ, и слѣдуетъ выбирать: онъ въ опасностяхъ храбръ и смѣлъ, но ненавидитъ тѣхъ, которые, находясь въ счастливыхъ обстоятельствахъ и желая достигнуть самыхъ послѣднихъ степеней счастья, теряютъ и то, чѣмъ они могли бы спокойно пользоваться.

Заставивъ такимъ образомъ еиванцевъ выдать тѣла убитыхъ аргивянъ для погребенія, Оисей возвращается въ Аоніи и передаетъ матерямъ-просительницамъ кости убитыхъ героевъ и затѣмъ, отпуская ихъ, проситъ помнить объ оказанномъ имъ благодѣяніи и передавать изъ рода въ родъ память о томъ, что сдѣлали для нихъ, какимъ трудамъ и опасностямъ подвергались Аоніи. Въ отвѣтъ на это Адрасть даетъ обѣщаніе, что аргивяне будутъ вѣчно благодарны за

оказанную имъ великую услугу и въ случаѣ надобности сочтутъ своею обязанностію отплатить аѢнныямъ тѣмъ же.

Но покровительницѣ аѢнской республики, АѢннѣ, показалось этого мало. Она пожелала закрѣпить еще болѣе взаимную связь, соединяющую теперь аргивянъ съ аѢнныями. Она приказываетъ Ѡнсею взять съ Адраста, какъ представителя всѣхъ потомковъ Данаа, клятву въ томъ, что аргивяне не только сами никогда не пойдутъ войною противъ АѢннѣ, но и будутъ съ оружіемъ въ рукахъ пренатствовать, если на АѢнны нападетъ кто нибудь другой. Эта клятва, очевидно, имѣетъ въ глазахъ поэта большое значеніе: поэтъ, очевидно, напоминаетъ аѢнныямъ и аргивянамъ объ одномъ изъ древнихъ, по ихъ убѣжденію чисто историческихъ фактахъ, благодаря которымъ Аргосъ обязанъ клятвою быть всегда въ союзѣ и дружбѣ съ АѢннами и въ отплату за оказанное благодареніе помогать имъ всегда, когда въ этомъ будетъ надобность.

Въ виду той важности, которую АѢнна придаетъ клятвѣ аргивянъ, и сходства этой клятвы съ нѣкоторыми условіями союзнаго договора, ¹⁾ заключеннаго АѢннами съ Аргосомъ въ 420 г., полагаютъ, что поэтъ хотѣлъ въ «Просительницахъ» выразить свое одобреніе и рекомендовать аѢнныямъ этотъ союзъ, почему и самую постановку трагедіи относить ко времени заключенія этого союза. ²⁾ А такъ какъ виновникомъ и душею этого союза былъ Аленвіадъ, въ которомъ Еврипидъ, вмѣстѣ съ массою своихъ согражданъ, сначала

¹⁾ Suppl. 1191 слѣд.: ὁ δ' ἄρκος ἔσται μήποτ' Ἀργείους χυθόνα ἐς τήνδ' ἐποίησεν πολέμιον παντεύσαν, ἄλλων τ' ἰόντων ἐμποδὼν θήσειν δόρυ.—Ср. подобныя пункты союзнаго договора аѢннѣ съ аргивянами, мантинейцами и нелейцами: βλα μὴ ἐξίστω ἐπιφέρειν ἐπὶ πημονῇ μήτε Ἀργείους καὶ Ἥλείους καὶ Μαντινέας καὶ τοὺς ξυμμαχοὺς ἐπὶ Ἀθηναίους... μήτε Ἀθηναίους κ. τ. ξυμμαχοὺς ἐπὶ Ἀργείους κτλ... ἦν δὲ πολέμιοι ἴωσιν ἐς τὴν γῆν Ἀθηναίων, βοηθεῖν Ἀργείους καὶ Ἥλείους καὶ Μαντινέας... τρέφε ὅποιφ ἂν δύνανται ἰσχυροτάτφ κατὰ τὸ δυνατόν.—Thucyd. V, 47.

²⁾ По мнѣнію Бѣла (Frag. gr. princip. p. 187, 188) трагедія Supplices была поставлена continuo post Ol. 89, 4 (т. е. послѣ заключенія союза съ аргивянами при содѣйствіи Аленвіада), praesertim quum vers. 1190 sequ. eadem partim dicantur quae in foedere apud Thucydidem (V, 46 sequ.). Цирндорферъ (Chronolog. Fabul. Eurip., p. 48 sequ.) относитъ постановку Supplices къ тому же году, но до заключенія союза; по его мнѣнію Euripides hac tragoedia Atheniensibus hoc foedus commendare voluit. По мнѣнію Барнеса (in Argum. ad Suppl.) Ἰκέτιδες поставлены Еврипидомъ Olymp. XC, 3, когда, какъ говоритъ Marcland (ad v. 1183), Argivi cum Laedaeoniis pace inita in agrum atticum incursionem fecerunt, ut ostendat ingratum Argivorum animum erga benefactores suos Athenienses.

видѣлъ много общающаго блестящаго политическаго дѣятеля и государственнаго человѣка, то нѣкоторые ученые ¹⁾ подѣ трагическою маскою Эисей, который въ трагедіи является вовсе не царемъ, а главою демократической республики, желаютъ видѣть Алкивіада, тѣмъ болѣе, что Эисей фигурировалъ на сценѣ въ видѣ молодаго человѣка (*νεανίας*), какииъ былъ тогда ослѣпившій и плѣнявшій аэнианъ блестящій представитель аэниской золотой молодежи Алкивіадъ ¹⁾.

Но при ближайшемъ разсмотрѣніи этихъ, на первый взглядъ весьма убѣдительныхъ, доказательствъ въ пользу постановки „Просительницъ“ около 420 года оказывается не мало довольно вѣскихъ, какъ намъ кажется, обстоятельствъ, не позволяющихъ соглашаться съ вышеприведеннымъ мнѣніемъ. Прежде всего не видно, почему нужно приурочивать написаніе и постановку трагедіи ко времени именно перваго заключенія союза ²⁾, а не ко времени возобновленія этого союза, Ол. ХС, 4 (въ 416 году). Если мы припомнимъ обстоятельства, при которыхъ былъ заключенъ и возобновленъ союзъ, то мы найдемъ нѣсколько такихъ фактовъ, которые заставляютъ скорѣе отнести постановку „Просительницъ“ ко времени возобновленія союза, чѣмъ ко времени его заключенія. Дѣло въ томъ, что къ заключенію союзнаго договора въ 420 году Аргосъ и его союзники были скорѣе приглашены самими аэнианцами, или точнѣе Алкивіадомъ и его партіею, чѣмъ сами навязывались на союзъ съ Аэнианцами, хотя официально предложеніе союза шло отъ Аргоса, благодаря энергическимъ

¹⁾ Напримеръ, *Hartung*, Eurip. Restit. II, 78; *Schenk*, Polit. Anseh. d. Eurip., 25; *Курциусъ*, Исторія Греціи, перев. *Веселовскаго*, II, 528 сл. Ср. *Ж. М. Н. Пр.* за 1882 г., октябрь, стр. 399 примѣч. Гораздо справедливѣе въ этомъ случаѣ думать о *Вѣкѣ*, который въ порицаніяхъ демагоговъ и молодыхъ честолюбцевъ, видѣть порицаніе Алкивіада: *fortasse parte horum locorum pingitur Alcibiades, qui valde tum iuvenis rempublicam gerebat* (Gr. trag. princ., p. 188). Впрочемъ и *Курциусъ* (l. c.) замѣчаетъ, что Еврипидъ прославлялъ Алкивіада, какъ основателя Аргосскаго союза, но вмѣстѣ съ тѣмъ строго порицалъ и предостерегалъ его. Такимъ образомъ Еврипидъ строго порицалъ того самаго Алкивіада, котораго онъ будто бы прославлялъ.

²⁾ Возобновленъ союзъ былъ гѣтомъ 417 года, въ началѣ четвертаго года 90-й олимпіады, а трагедія могла быть поставлена весной 416, во второй половинѣ того же года 90 олимпіады (*Курц.* II, 512). Весь этотъ годъ у аэнианъ было много хлопотъ изъ-за Аргоса, такъ что отношенія къ Аргосу весьма сильно занимали аэнианскую публику (*Grote*, VI, p. 371 слѣд.).

мѣрамъ Алкивіада, пригласившаго аргосскихъ пословъ ¹⁾. Совершенно въ другомъ положеніи находился Аргосъ предъ возобновленіемъ ими парушеннаго союза съ аэинянами. Будучи союзниками Спарты, аргивяне свергли нго олигархію, установленной въ Аргосѣ при содѣйствіи Спарты, но не желали нарушать договора со Спартою; заключеннаго послѣ сраженія при Мантиней, и даже послали въ Спарту пословъ, чтобы расположить Спарту къ новому порядку вещей. Но спартиаты отнеслись къ перевороту враждебно и рѣшили низвергнуть демократію и возстановить олигархію. Тогда аргосскій народъ, убѣдившись, что отъ Спарты ему ничего хорошаго ждать нельзя и что ему предстоитъ защищать недавно добытую свободу не только отъ внутреннихъ, но и отъ вѣншихъ враговъ, обращается къ Аэинамъ, какъ единственной республикѣ, которая можетъ защищать народъ и спасти демократію. Въ этомъ случаѣ аргивяне дѣйствительно были въ очень печальномъ положеніи, и со стороны Аэинъ принятіе ихъ подъ свою защиту и возобновленіе союза было уже не такимъ выгоднымъ дѣломъ, какъ четыре года тому назадъ: по мѣнью Грота, „союзъ этотъ былъ скорѣе помѣхою и ослабленіемъ, чѣмъ источникомъ усиленія для Аэинъ“ ²⁾.

Аргивяне при такихъ печальныхъ обстоятельствахъ явились въ Аэины дѣйствительно уже не въ качествѣ равноправной республики, а въ качествѣ проситолой, подобно маторимъ-просительницамъ трагедіи Еврипида, и со стороны Аэинъ, какъ въ трагедіи, нужна была известная доля великодушія, чтобы принять на себя роль защитника и возобновить союзъ съ ослабленнымъ и угрожаемымъ со всѣхъ сторонъ Аргосомъ. Такимъ образомъ, печальное положеніе Аргоса при возобновленіи союза съ Аэинами гораздо болѣе сходно съ беззащитнымъ положеніемъ Адраста и просительницъ въ трагедіи этого имени, чѣмъ обстоятельства непринужденнаго и равноправнаго заключенія договора въ 420 году.

Что же касается до условій договора и сходства его съ клятвомъ въ трагедіи Еврипида, то въ возобновленномъ договорѣ, какъ можно

¹⁾ См. Thucyd. V, 43: 'Αλκιβιάδης πέμπει ἐς Ἄργος ἰδίᾳ κελύων ὡς τάχιστα ἐπὶ τὴν ἐπιμαχίαν κραχαιούμενος ἤκειν... ibid. 46: ἔτυχον παρόντες οἱ Ἄργεῖοι καὶ οἱ ξύμμαχοι, παραγαγόντες Ἄλκιβιάδου.

²⁾ *G. Grote, Hist. of Greece, vol. VI,* стр. 373. Ср. вопросъ Энеса, когда онъ узнаетъ, что предъ нимъ въ качествѣ просителя стоитъ царь Аргоса, Адрасть: Ἦρα. τὸ δ' Ἄργος ὑμῖν ποῦ ἴσται; ἢ κόμπου μάτην; Ἄδρ. σφαλόντες οἰχόμεθα πρὸς αἰ δ' ἤκομα.

отчасти судить по сохранившимся отрывкамъ этого возобновленнаго договора (Согр. I. A. I, № 50), повторялось то же или почти то же, что говорилось въ первомъ договорѣ, слѣдовательно, и сходство нѣкоторыхъ пунктовъ возобновленнаго договора съ клятвою также безъ сомнѣнія было, съ тою развѣ только разницею, что при возобновленіи договора аэниане съ большимъ правомъ могли ожидать и требовать самыхъ серьезныхъ клятвъ и завѣреній въ дружбѣ и вѣрности со стороны облагодѣтельствованнаго Аргоса, совершенно подобно тому, какъ это дѣлаетъ Аэнна въ „Просительницахъ“ Еврипида.

Но кромѣ этихъ завѣреній и клятвъ аргивянъ, въ трагедіи занимаетъ весьма видное мѣсто вопросъ о внутренней и виѣшней политикѣ Аэннъ вообще, такъ что и самыя отношенія къ Аргосу являются только единичнымъ случаемъ примѣненія цѣлой системы. Довольно длинный и для развитія трагическаго міеа вовсе ненужный разговоръ о внутренней политикѣ, то-есть, о демократіи и олигархіи, съ которымъ мы познакомились въ прежнихъ статьяхъ ¹⁾, будетъ болѣе понятенъ, если мы отнесемъ трагедію ко времени возобновленія союза и возстановленія низверженной при помощи Спарты демократіи. Отчаянная борьба демократіи съ олигархіею, которая при возобновленіи союза была во всемъ разгарѣ, очень можетъ быть, и заставила поэта ввести этотъ разговоръ, а насилія и жестокости, которыми сопровождалось господство олигарховъ въ Аргосѣ, дали поэту всѣмъ понятный и памятный матеріалъ для описки деспотической и жестокой тиранніи — олигархіи, при чемъ слова относительно насильственнаго похищенія дѣвъ для удовлетворенія своего сладострастія могли служить яснымъ и для всѣхъ очевиднымъ намекомъ на насильственное похищеніе Врѣнтонъ невѣсты одного изъ дѣматовъ прямо изъ свадебной процессіи, обстоятельство, которое, послѣ множества другихъ обидъ и оскорбленій со стороны господствующихъ олигарховъ, было ближайшимъ поводомъ къ низверженію олигархіи ²⁾.

Что же касается до Алкивіада, котораго ученые видятъ подъ маскою Эисея, то онъ былъ при возобновленіи союза самымъ горя-

¹⁾ См. Ж. М. Н. Пр. за 1882, стр. 400 октябрьской книжки.

²⁾ Kurip. Suppl. 450—455. См. Ж. М. Н. Пр. за 1882 г., окт. кн. стр. 403. Ср. Grote, Hist. of Greece, vol. VI, p. 368 слѣд. Павсаній, II, 20, рассказываетъ объ этомъ событіи по поводу статуи Διὸς Μετλήχου, поставленной аргивянами по этому случаю.

чимъ сторонникомъ Аргоса и дѣятельно помогалъ имъ всѣми зависящими отъ него средствами, такъ что самый союзъ Аргоса съ Аеиннами, вѣрность и дружба аргивянъ и участіе ихъ въ военныхъ предпріятіяхъ аеинянъ зависѣли, по убѣжденію самихъ аеинянъ ¹⁾, въ значительной степени отъ политической роли Алкивіада. Аргивяне желали, какъ думали аеиняне, идти съ ними рука объ руку только подъ главенствомъ Алкивіада: такъ тѣсно была связана судьба союза Аргоса съ Аеиннами съ судьбой и ролью главнаго виновника и благодѣтеля аргивянъ Алкивіада. Потому противъ отнесенія постановки „Просительницъ“ ко времени возобновленія союза, а не ко времени его заключенія, ничего нельзя сказать, и съ этой стороны, то-есть, подъ маскою *Θισεία* было бы можно видѣть Алкивіада въ томъ и другомъ случаѣ, если бы *Θισεία* дѣйствительно напоминалъ Алкивіада, и внѣшняя политика вообще *Θισεία*, которая восхваляется въ трагедіи, была похожа на политику Алкивіада. На самомъ дѣлѣ это далеко не такъ: *Θισεία* слишкомъ мало похожъ на Алкивіада для того, чтобы безъ дальнѣйшихъ разсужденій можно было видѣть въ *Θισεία* Алкивіада и полагать, что Еврипидъ вполне одобрялъ внѣшнюю политику представителя воинственной партіи въ Аеинахъ послѣ Никіева мира.

Если вѣрить *Θужидиду* ²⁾, а не вѣрить ему въ этомъ случаѣ нѣтъ никакихъ основаній, Алкивіадъ предъ заключеніемъ Никіева мира и во время переговоровъ былъ сторонникомъ не только мира, но и союза со Спартою. Только невниманіе къ нему со стороны Спарты, которой онъ всячески старался угодить, и предпочтеніе ему другихъ сдѣлали изъ Алкивіада врага Спарты и друга демократіи. Оставъ такимъ образомъ изъ-за личной обиды врагомъ того государства и тѣхъ политическихъ порядковъ, сторонникомъ которыхъ онъ былъ прежде, Алкивіадъ старается всѣми зависящими отъ него средствами непротивить

¹⁾ Такъ предъ самими Сицилійскими походомъ враги Алкивіада, впутившіе его въ процессъ гермонопидовъ, не желаютъ допустить разбирательства судебного до отъѣзда Алкивіада, какъ онъ требовалъ, потому что опасаются, что народъ отнесется къ Алкивіаду снисходительно и не осудитъ его, чтобы удержать въ союзѣ аргивянъ, *ὅτι δι' ἀκαίρων οἱ τ' Ἀργείοι ζυγοστράτησιν καὶ τὸν Μαντινέων τινέσ.* Thucyd. VI, 29. То же самое убѣжденіе ясно видно изъ обстоятельство преста Алкивіада въ Сициліи. Thucyd. VII, 61. Съ возвращеніемъ Алкивіада изъ Малой Азіи къ пеннскому элоту при Самосѣ, аргивяне, переставшіе было помогать аеинянамъ, опять посылаютъ къ Самосу пословъ и предлагаютъ свою помощь аеинянамъ. Thucyd. VIII, 86.

²⁾ Thucyd. V, 43 слѣд. Ср. Grote, VII, p. 293 слѣд.

и унижить своего новаго врага. Изъ этихъ побужденій возникаетъ планъ союза съ Аргосомъ и его союзниками, цѣлью котораго ставится уничтоженіе первенствующаго значенія Спарты на самомъ Пелопоннесѣ и замѣна Спарты въ роли главы пелопоннесскихъ республикъ Аргосомъ или, быть можетъ, самими Аѣнами, которыя въ случаѣ удачи могли и должны были сдѣлаться первенствующимъ государствомъ Эллады не только на морѣ, но и на сушѣ. Принявъ эти планы и рѣшившись слѣдовать за Алкивиадомъ, аѣнскій дѣмъ перешелъ отъ умѣренной, оборонительной политики начала Пелопоннесской войны, политики Перикла, къ политикѣ воинственной ¹⁾, завоевательной, которая, потерпѣвъ неудачу на Пелопоннесѣ, обратила свои взоры на Сицилію и тамъ испытала окончательное пораженіе, что въ свою очередь повело къ паденію Аѣннъ.

Совершенно не той политикѣ слѣдуетъ Эисей: онъ не только не желаетъ завоеваній, не только ни на кого не нападаетъ для усиленія своей власти и могущества, но даже прямо и строго порицаетъ подобную политику. Какъ мы видѣли, онъ даже вовсе не желаетъ мѣшаться въ чужія дѣла и поправлять чужіе промахи и строго порицаетъ Адрасту. „Ты“, говоритъ Эисей Адрасту, — „помогъ на пойнну вопреки волѣ боговъ и погубилъ государство, потому что послушался молодыхъ совѣтниковъ, которые очень честолюбивы и затѣваютъ гибельныя для гражданъ и несправедливыя войны для того, чтобъ отличиться въ качествѣ полководца, или для того, чтобъ имѣть возможность, получивъ въ руки большую власть, дать волю своимъ необузданнымъ страстямъ или, наконецъ, для того, чтобы во время войны нажитья; а на вредъ и бѣдствія, которымъ подвергается во время войны народъ, они не обращаютъ вниманія“ (ст. 230 и слѣд.). Въ этихъ словахъ, направленныхъ противъ воинственной молодежи, нельзя не видѣть яснаго и для всѣхъ понятнаго намека на воинственную молодежь аѣнскую и примаго порицанія завоевательныхъ плановъ ея идола и представителя Алкивиада. А если сравнить эту филиппику Эисея, устами котораго говоритъ Еврипидъ, съ рѣчью Никія противъ Алкивиада и его плановъ предъ самымъ Сицилійскимъ походомъ ²⁾, то необходимо придетъ къ тому заключенію, что Эисей не

¹⁾ Grote, VI, p. 332 слѣд.

²⁾ Та часть рѣчи Никія (Эурипидъ VI, 12), гдѣ онъ порицаетъ воинственность и честолюбіе Алкивиада, такъ сходна съ рѣчью Эисея къ Адрасту, что представляеть какъ бы прованческую передачу стиховъ Еврипида. Какъ въ рѣчи Эисея, такъ въ рѣчи Никія говорится о честолюбіи, возможности нажитья

только не можетъ считаться портретомъ Алкивіада, а скорѣе долженъ быть считаемъ за представителя политики, весьма рѣзко отличающейся отъ политики Алкивіадовой партіи. Правда, Эисей въ концѣ концовъ все-таки соглашается на войну съ Эивами изъ-за аргивянъ, но какъ побужденіи и цѣль, такъ и результатъ этой войны весьма убѣдительно доказываютъ, что Эисей вовсе не сторонникъ завоевательной политики, а напротивъ представитель твердой, но въ высшей степени умѣренной, примирительной внѣшней политики Аэниъ. Эисея заставляютъ согласиться на войну съ Эивами убѣжденія Ээры, которая, какъ мы видѣли изъ содержанія трагедіи, доказываетъ необходимость заступничества за аргивянъ тѣмъ, 1) что божескія велѣнія должны быть исполнены и нарушители ихъ наказаны, 2) что заступничество за слабыхъ и угнетенныхъ есть роль наиболѣе достойная великодушнаго народа и царя ихъ, и 3) что не слѣдуетъ упускать случая прославить себя и государство такимъ прекраснымъ подвигомъ, какъ заступничество за слабыхъ и наказаніе надменныхъ побѣдителей. Въ числѣ этихъ побудительныхъ причинъ только послѣдняя имѣетъ въ виду славу и основывается на честолюбіи; но эта слава и честолюбіе самаго благороднаго свойства: это не слава завоевателя, а слава покровителя и защитника слабыхъ; это честолюбіе вызывается не властолюбіемъ, а великодушіемъ и составляетъ необходимое свойство всякаго доблестнаго человѣка, гражданина и правителя. Выходя изъ такихъ доблестныхъ побужденій, Эисей прямо заявляетъ эиванскому вѣстнику, что онъ желаетъ только заставить эиванцевъ исполнить общеэллинскій законъ и не имѣетъ при этомъ никакихъ завоевательныхъ цѣлей. Согласно съ этимъ онъ поступилъ и на дѣлѣ: имѣя полную возможность завладѣть городомъ, Эисей довольствуется только достиженіемъ предположенной цѣли, то-есть, заставляя выдать для погребенія трупы убитыхъ, чѣмъ заслуживаетъ весьма знаменательной для занимающаго пась вопроса похвалы со

и вредъ для гражданъ несправедливыхъ и безразсудныхъ войнъ. Никіева рѣчь представляетъ собою выраженіе мнѣнія всей умѣренной партіи, враждебной завоевательнымъ планамъ Алкивіада и его сторонниковъ. Тѣ доводы, которыми опровергалъ своихъ противниковъ Никій, безъ сомнѣнія, высказывались многими гораздо раньше оофициальнаго выраженія ихъ въ народномъ собраніи и притомъ по разнымъ поводамъ, а не по случаю только Сицилійскаго похода. Потому сходство въ рѣчахъ Эисея и Никія само по себѣ не можетъ еще служить доказательствомъ того, что эта рѣчь Эисея или вся трагедія написана послѣ произнесенія Никіемъ своей рачи (ср. Лурич. II, 518 и слѣд.).

стороны вѣстника, который видитъ въ Оисеѣ идеальнаго военачальника и правителя именно потому, что онъ сумѣлъ быть умѣреннымъ въ счастья и не захотѣлъ пользоваться своею побѣдою для дальнѣйшихъ мѣръ противъ побѣжденнаго, для униженія или покоренія Фивъ и для усиленія своей власти и силы. Эта умѣренность и умѣнье не вазнаваться въ счастья по словамъ вѣстника важны для всякаго правителя, такъ какъ, благодаря этимъ качествамъ, онъ получаетъ возможность пользоваться счастливымъ положеніемъ и не терять тѣхъ выгодъ, которыя приобрѣтъ и которыя легко потерять, если не остановиться во время ¹⁾).

Какъ эта характеристика идеальнаго вождя и правителя, такъ и всѣ дѣйствія Оисея ни мало не напоминаютъ Алкивиада, но за то вполне согласны съ политикою Перикла и людей, державшихся его взглядовъ на отношенія къ другимъ государствамъ. Твердая и достойная могущественной морской республики, но въ то же время осторожная и умѣренная внѣшняя политика, имѣющая цѣлью сохранить и поддержать благоприятное положеніе, занатое Аѣнами, проповѣдуется Еврипидомъ въ „Просительницахъ“, какъ и въ „Ираклидахъ“, а это—такая политика, которой слѣдовалъ Периклъ ²⁾, и которая совершенно противоположна политикѣ Алкивиада, преслѣдовавшаго, въ значительной степени изъ личныхъ разчетовъ, политику властолюбивую, завоевательную, соединенную съ рискованными предпріятіями и непредвидимыми затрудненіями и опасностями, то-есть, именно такую, которую всегда порицалъ Периклъ, порицаетъ и Еврипидъ устами Оисея.

Въ виду всего этого намъ кажется не возможнымъ видѣть въ Оисеѣ Алкивиада, а въ „Просительницахъ“ одобреніе и рекомендацію

¹⁾ Въ той самой рѣчи, въ которой Периклъ совѣтовалъ аѣнцанамъ не уступать спартиатамъ и дать достойный великой республики отвѣтъ и перечислялъ средства и силы той и другой стороны, въ числѣ самыхъ важныхъ условий въ предстоящей войнѣ онъ ставилъ умѣренность, необходимость в умѣннѣ воздерживаться во время войны отъ дальнѣйшихъ предпріятій и завоеваній, ограничивался обороною того политическаго положенія, изъ-за котораго началась война. Πολλά καὶ ἄλλα ἔχω ἐς ἐλπίδα τοῦ περισσεῦσαι ἢν ἐθέληται ἀρχὴν τε μὴ ἐκτελεῖσθαι ἀμὰ καλερούμεντας καὶ κινδύονους αὐθαίρετους μὴ προστίθεσθαι: μᾶλλον γὰρ κερδοβήμαί τὰς οἰκείας ἡμῶν ἀμαρτίας ἢ τὰς τῶν ἐναντίων διανοίας. Именно эти опасенія Перикла и сбмнлись на гибель Аѣнской республики.

²⁾ О внѣшней политикѣ Перикла см. Курциусъ, Исторія Греціи, II, 169 и слѣд. О завоевательной политикѣ Алкивиада см. также стр. 500 слѣд.; ср. 522 слѣд. Grote, VI, 332 и слѣд.

вышней политики этого послѣдняго, которую онъ преслѣдовалъ при заключеніи союза съ Аргосомъ 420 году. Скорѣе можно думать, что Еврипидъ вовсе не одобрялъ такой политики и хотѣлъ показать, какова должна быть эта политика, и какого государственнаго человѣка онъ желалъ бы видѣть въ данное время во главѣ аеипской республики.

Если Еврипидъ и увлекался блестящимъ началомъ политической карьеры Алкивиада, то черезъ чуръ широкіе и воинственные планы, эгоистическія и честолюбивыя намѣренія Алкивиада и его партіи могли легко убѣдить Еврипида въ безразсудности и рискованности ихъ политики, которая, потерпѣвъ неудачу въ Пелопоннесѣ, обратилась къ старымъ, болѣе широкимъ, но за то неисполнимымъ мечтамъ о подчиненіи своей власти западныхъ эллинскихъ колоній. Эту воинственную политику честолюбивой молодежи, очевидно, и порицаетъ Еврипидъ устами Эисея. А если на основаніи сравненія съ историческими обстоятельствами мы признаемъ, что „Просительницы“ были поставлены послѣ возобновленія союза съ Аргосомъ, 416 года, когда завоевательные планы воинственной молодежи, парализованные битвою при Мантиней, опять стали оживать и притомъ еще въ большихъ размѣрахъ, то порицаніе воинственной и честолюбивой молодежи является въ трагедіи въ высшей степени важнымъ и вполне умѣстнымъ: поэтъ-философъ, спертникъ и другъ Перикла, одобрилъ самый союзъ съ Аргосомъ, антвенванскую и антилаконскую ¹⁾ политику господствующей политической партіи, въ то же время выводитъ свой идеалъ государственнаго человѣка ²⁾ и напоминаетъ имъ

¹⁾ Хотя въ трагедіи „Просительницы“ въ качествѣ враждебной стороны фигурируютъ только еиванцы, тѣмъ не менѣе въ виду имѣются не одни они, но вообще враги демократіи и тѣхъ политическихъ принциповъ, представителей которыхъ считали себя Аены, слѣдовательно и лакедемоняне съ спартиатами во главѣ (см. ст. 187 и слѣд., приведенные выше), тѣмъ болѣе, что союзъ съ Аргосомъ и защита его непосредственно направлены противъ спартиатовъ, а не противъ еиванцевъ.

²⁾ Въ доказательство сходства Эисея съ Алкивиадомъ, а не Перикломъ, указывали, какъ было замѣчено, на то обстоятельство, что Эисей выводится на сцену молодымъ человѣкомъ и называется прямо νεωίος. Но въ этомъ вовсе нѣтъ необходимости видѣть желаніе изобразить молодого правителя (Алкивиада); молодость Эисея объясняется очень просто тѣмъ, что онъ обыкновенно изображался въ то время въ видѣ молодого человѣка. Этотъ возрастъ, очевидно, былъ до того обязателенъ для Эисея, что онъ выводится юношею даже въ такой трагедіи, въ которой онъ порицаетъ пылкость, честолюбіе, себялюбіе и безразсудность молодежи.

этимъ идеаломъ осторожности и умѣренности того мужа, который при всемъ своемъ антиакономнѣ всегда совѣтовалъ не увлекаться успѣхами и ради соблазнительныхъ мечтаній не рисковать достигнутымъ счастьемъ. Выставляя на видъ умѣренность Оисея, Еврипидъ тѣмъ самымъ порицаетъ тѣ воинственные и честолюбивыя предпріятія, ради которыхъ заключенъ былъ союзъ съ Аргосомъ въ 420 году и который, безъ сомнѣнія, имѣлись въ виду и при его возобновленіи, хотя Аргосъ уже не представлялъ теперь такой силы, какою онъ казался прежде. Одобряя принятіе Аргоса подъ свою защиту Аэниами, поэтъ совѣтуетъ, по примѣру Оисея, ограничиться этою защитою и не увлекаться дальнѣйшими планами и цѣлями. Только при такой твердой, но вполне умѣренной и осторожной политикѣ Аэныи, по мнѣнію поэта, какъ и друга его, Перикла, могли сохранять положеніе, занятое ими въ Элладѣ, благодаря предпримчивости, образованности и другимъ качествамъ, дававшимъ имъ право претендовать на роль представителя эллинской культуры, свободы и законности.

Далѣе этого желанія отстоитъ занятое положеніе противъ притязаній сильной, но мало образованной Спарты и ея союзниковъ воинственныхъ стремленій мирнаго поэта не шли. Какъ человекъ кабинетный, онъ принадлежалъ въ числу миролюбивыхъ людей ¹⁾ и ненавидѣлъ войну за тѣ ужасы, которыми она сопровождалась. Краснорѣчивыя картины бѣдствій войны въ его трагедіяхъ, напримѣръ, въ „Троянкахъ“, какъ нельзя болѣе ясно свидѣтельствуютъ, что Еврипидъ съ ужасомъ смотрѣлъ на тѣ послѣдствія, которыми сопровождалась вызванная притязаніями Спарты война: разореніе городовъ, обѣдненіе, плѣненіе, а подчасъ и поголовное истребленіе жите-

¹⁾ По его мнѣнію, гораздо лучше разрешить споры и недоразумѣнія словомъ, чѣмъ оружіемъ, и тѣ государственные люди, которые содѣйствуютъ такому мирному разрешенію возникающихъ внутреннихъ и международныхъ споровъ, заслуживаютъ всякой похвалы и почести, какъ приносящіе несомнѣнную пользу не только своему отечеству, но и всей Элладѣ. Не атлетовъ нужно почитать, говоритъ поэтъ (fr. 284),—а мудрость мужей, которые своими совѣтами отвращаютъ бѣдствія и предупреждаютъ войны и междоусобія. Ср. Phoen. 515 слѣд., гдѣ Этеоклъ, упрекая брата за междоусобную войну говоритъ: *χρῆν δ' αὐτὸν οὐχ ὀκλοῖαι τὰς διαλλαγὰς, μῆτερ, ποιεῖσθαι, πᾶν γὰρ ἕσταται λόγος δὲ καὶ σίδηρος πολεμίων ἄρσενος ἐν.* Ср. Suppl. 747 слѣд. Очень можетъ быть, что при голосованіи войны каждый гражданинъ надѣется, что бѣдствія ея и смерть будутъ удѣломъ другаго, и Эллада не гибла бы отъ бѣшеной войны, еслибы каждый гражданинъ подавая голосъ, нигдѣ предъ глазами смерть (Suppl. 479 и слѣд.).

лей¹⁾, ожесточеніе и одичаніе враждебныхъ сторонъ, которое такъ рельефно изобразилъ Эукидидъ, внушали нашему поэту глубокое отвращеніе къ войнѣ и заставляли желать возвращенія бога счастья и мира, оставившаго такъ на долго Элладу²⁾. Шли годы за годами, а конца этой ужасной войны не было видно; изъ зрѣлаго и крѣпкаго мужа Еврипидъ дѣлался уже старцемъ, а война все тянулась, и надежды на скорое и благополучное окончаніе ея не предвидѣлось. Поэтому овладѣваетъ наконецъ отчаяніе и тоска по счастливомъ и покойномъ времени, настраивая его лиру на грустно отчаянный тонъ³⁾. „О, богатый и прекраснѣйшій изъ боговъ миръ! Я давно тоскую по тебѣ: такъ долго ты не появляешься къ намъ опять. Боюсь, что мени сломать заботы и старость, прежде нежели я увижу опять благодатное время твоего возвращенія съ чудными хоровыми пѣснями и веселыми пирушками. Приди же, приди, владыка мой, въ мое отечество и прогони раздоръ и бѣшеную вражду, услаждающуюся острымъ убійственнымъ оружіемъ“.

Опасенія поэта, какъ извѣстно, сбылись; онъ не увидѣлъ возвращенія столь желаннаго мира; но за то не видѣлъ и тѣхъ ужасовъ и бѣдствій, которыми сопровождалось для его отечества окончаніе войны вмѣсто ожидаемаго счастья и благоденствія. Господство олигархіи и представительницы ея, жестокой и надменной Спарты, ясно доказало, какъ мало способна и недостойна была олигархія стоять во главѣ аѣннской республики, а Спарта во главѣ всей Эллады, и какъ спра-

¹⁾ Въ «Троянкахъ» Еврипидъ изображаетъ взятіе Трои и ея послѣдствія— для оставшихся въ живыхъ обитателей, особенно женщинъ и дѣтей, которыя распределяются въ качествѣ добычи между побѣдителями и уводятся въ пѣльнѣ на корабли въ виду пылающаго роднаго города. Потому война съ ея ужасными послѣдствіями служитъ почти постояннымъ предметомъ пѣсеней хора и разсудопій дѣйствующихъ лицъ. Въ другихъ трагедіяхъ, въ которыхъ имѣется въ виду война, Еврипидъ точно также не упускаетъ случая напомнить объ ужасахъ войны и благодѣяніяхъ мира.

²⁾ Не одинъ Еврипидъ желалъ возвращенія этого бога. Его соотечественники, особенно землевладѣльцы, также очень сильно ненавидѣли войну и съ удовольствіемъ слушали, какъ разсказываетъ Плутархъ (Nic. с. 9), пѣнь хора въ «Эрехеѣ», гдѣ хоръ между прочимъ пѣлъ: «Пусть спокойно лежатъ мое копье; пусть паукъ покрываетъ его паутиною. Я желалъ бы мирно и спокойно провести сядую старость и, повѣсивши щитъ въ храмѣ Аѣнны, внимать голосу книги». Fr. 370. Не воинственна была муза Еврипида и для своей дѣятельности требовала мира: Εἰρήνῃ μεθεῖται κροσφίλοισι τῆ, говорится у него. Suppl. 489.

³⁾ Fr. 462.

ведливо было нерасположеніе поэта-философа къ деспотической олигархїи и грубой, коварной и себялюбивой Спартѣ. Печальный конецъ пелопоннесской войны, бывшій результатомъ воинственной, задорной полятики, оправдалъ въ то же время опасенія Перикла, высказанныя имъ предъ открытіемъ этой войны. Еврипидъ, какъ мы видѣли, былъ также сторонникомъ и проповѣдникомъ этой политики и напоминалъ мудрыя и пророческія предостереженія „первѣйшаго мужа“ своимъ соотечественникамъ, когда этого мужа уже не было во главѣ республики. Усвоивъ себѣ такіе взгляды на внѣшнюю политику Аевнѣ, которые были согласны съ взглядами и образомъ дѣйствія Перикла, Еврипидъ оставался вѣренъ этимъ взглядамъ, и Периклъ былъ для Еврипида всегда такимъ государственнымъ человѣкомъ, который наиболѣе соотвѣтствовалъ политическому идеалу поэта-философа, и потерю котораго онъ считалъ великимъ горемъ для всѣхъ гражданъ и бѣдствіемъ для всей республики ¹⁾.

Д. Вѣликовъ.

¹⁾ «Ипполитъ» Еврипида, поставленный вскорѣ послѣ смерти Перикла, заканчивается сожалѣніемъ о потерѣ такого мужа, какъ Ипполитъ. "Ὁ κλεινὸν Ἀθηναίων Παλλάδος θ' ὀρίματα, οἷου στερήσεσθ' ἀνδρὸς, восклицаетъ Θисей. Κοινὸν τὸ θῆρος πάσι κολίταις ἦλθεν ἀέλιπτος. Πολλῶν διακρόων ἔσται κίταλος· τῶν γὰρ μεγάλων ἀξιοκένθραϊς φῆμαι μᾶλλον κατέχουσιν. Относясь къ Ипполиту, эти слова напоминали гражданамъ о недавней потерѣ, и публика, безъ сомнѣнія, поняла, о комъ говорить поэтъ." *Voeseke*, Gr. trag. princ. 179 и слѣд., полагаетъ, что эти стихи поставлены въ концѣ трагедїи при второй редакціи вмѣсто прежнихъ именно въ виду недавней потери, о которой не могъ не упомянуть Еврипидъ. Ср. *Wick*, Sept. trag. de Eurip. p. 6 и 95.

ЭТИКА АРИСТОТЕЛЯ ¹⁾.

Книга V.

[О справедливости].

Теперь должно обратиться къ разсмотрѣнію справедливости и несправедливости и къ тому, какихъ дѣйствій онѣ касаются, и какого рода середина—справедливость, и между какими крайностями находится справедливое. Разсмотрѣніе наше будетъ слѣдовать тому же самому методу, какъ и въ предыдущихъ случаяхъ.

Мы видимъ, что словомъ „справедливость“ всѣ жаляютъ обозначить то пріобрѣтенное свойство души, въ силу котораго люди становятся способными къ справедливымъ дѣйствіямъ, и въ силу котораго они поступаютъ справедливо и жаляютъ справедливаго; то же самое и относительно несправедливости, въ силу которой люди поступаютъ несправедливо и жаляютъ несправедливаго; поэтому и мы это общее описаніе положимъ въ основу нашего изслѣдованія.

Наука и способности разнятся отъ пріобрѣтенныхъ душевныхъ качествъ, ибо одна и та же способность и наука охватываетъ, какъ кажется, противоположности, пріобрѣтенное же свойство не охватываетъ въ то же время и противоположнаго ему; напримѣръ, человѣкъ, имѣющій здоровье, не можетъ дѣлать противоположнаго ему, а только здоровое, и мы говоримъ, что онъ идетъ „здорово“, когда онъ ходитъ, какъ здоровый человѣкъ. Часто извѣстное пріобрѣтенное свойство познается изъ противоположнаго ему свойства, и часто оно познается изъ того, что ему подчинено: когда тѣлесное благообразіе [εὐσφία] извѣстно, то имѣсть съ тѣмъ извѣстно и безобразіе; благообразіе познается изъ условий, создающихъ его, и

¹⁾ Продолженіе. См. ноябрьскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за 1884 г.

въ него познаются условия, создающія благообразіе. Если благообразіе состоитъ въ твердости мускуловъ, то по необходимости безобразіе должно состоять въ вялости мускуловъ, и условиями, создающими благообразіе, должны быть условия, дѣлающія мускулы твердыми. Въ большинствѣ случаевъ бываетъ, что если одно изъ противоположныхъ качествъ употребляется въ различныхъ значеніяхъ, то и другое также употребляется въ различныхъ значеніяхъ, напримѣръ, если справедливое, то и несправедливое.

§ 2. Кажется, понятія справедливости и несправедливости употребляются въ различныхъ значеніяхъ, но различіе ускользаетъ изъ виду въ родственныхъ синонимовъ и не замѣчается, какъ бываетъ, когда значенія сильно разнятся, напримѣръ, различіе по смыслу велико въ случаѣ синонима κλέϊς, которымъ обозначается кость подъ шею животнаго [ключица] и инструментъ, которымъ открываютъ дверь. Посмотримъ, въ сколькихъ значеніяхъ употребляется слово „несправедливый“. Несправедливымъ называютъ, какъ нарушающаго законъ, такъ и берущаго лишнее съ другихъ, и человѣка, не равно относящагося къ другимъ людямъ [ἄνισος]. Ясно, что и справедливымъ называютъ то человѣка, поступающаго по законамъ, то—равно относящагося ко всѣмъ людямъ. Итакъ, понятіе „справедливости“ означаетъ въ одно и то же время какъ законное, такъ и равномерное, а несправедливости—противозаконное и неравное [отношеніе къ людямъ]. Но такъ какъ несправедливъ также человѣкъ, стремящійся къ лишней выгодѣ, то слѣдовательно, несправедливость имѣетъ отношеніе къ благамъ,—не ко всѣмъ благамъ, а лишь къ тѣмъ, которыя создаютъ [лишнее] счастье и несчастье, которыя, гонимы безусловно, всегда блага, но не суть таковыя для каждаго отдѣльнаго лица. Люди же ихъ именно и желаютъ и стремятся къ нимъ, а этому не слѣдовало бы быть, а слѣдовало бы имъ молиться о томъ, чтобы безотносительныя блага стали благами и для нихъ; выбирать же имъ слѣдуетъ тѣ, которыя суть блага для нихъ. Несправедливый не всегда становится выбирать большее, но иногда и меньшее, когда имѣетъ дѣло съ безотносительнымъ зломъ; но такъ какъ меньшее зло въ известномъ смыслѣ можетъ быть названо благомъ, а корысть [κλεισμεῖς] заключается въ стремленіи къ благамъ, то такой человѣкъ все же, какъ кажется, можетъ быть названъ человѣкомъ корыстнымъ; онъ въ то же время и человѣкъ неравно относящійся къ другимъ, ибо это послѣднее понятіе охватываетъ собою первое и обширнѣе его.

§ 3. Если человекъ, преступающій законы, несправедливъ, а держащійся законовъ — справедливъ, то ясно, что все, установленное закономъ, въ известномъ смыслѣ справедливо, ибо все, что положено законодателемъ, законно, и каждое отдѣльное его постановленіе мы назовемъ справедливымъ. Законы же касаются всевозможныхъ отношеній, имѣя въ виду или общее благо всѣхъ людей, или же благо лучшихъ и сильнѣйшихъ людей, а этихъ называютъ таковыми или вслѣдствіе ихъ добродѣтели, или по какой-либо другой подобной причинѣ, такъ что по одному значенію понятія справедливаго оно производитъ и сохраняетъ блаженство и части его въ политическомъ общеніи. Но законъ приказываетъ, сверхъ того, творить дѣла мужества, напримѣръ: не покидать военнаго строя, не убѣгать съ поля сраженія и не бросать оружія; дѣла умѣренности, напримѣръ: не прелюбодѣйствовать и не дѣлать насилій; дѣла кротости, напримѣръ: не драться и не браниться. Подобнымъ же образомъ поступаетъ законъ и относительно другихъ добродѣтелей и пороковъ, предписывая первыя и воспрещая послѣднія, и предписываетъ онъ вѣрно, если онъ вѣрно составленъ, хуже — если онъ небрежно составленъ. Въ этомъ смыслѣ справедливость — совершенная добродѣтель, хотя и не безотносительно совершенная, а по отношенію къ другимъ людямъ, и вслѣдствіе этого-то часто справедливость является величайшею изъ добродѣтелей, болѣе удивительною и блестящею, чѣмъ вечерняя и утренняя звѣзды; поэтому-то мы и говоримъ въ видѣ пословицы: „въ справедливости заключаются всѣ добродѣтели“.

Сверхъ того, она потому есть наиболѣе совершенная добродѣтель, что польза этой добродѣтели совершенная; совершенная же она потому, что кто обладаетъ ею, имѣетъ возможность воспользоваться ею и для другихъ людей, а не только для себя. Многие люди умѣютъ проявить добродѣтель въ своихъ домашнихъ обстоятельствахъ, но не въ состояніи сдѣлать этого по отношенію къ другимъ. Въ этомъ обстоятельстве и лежитъ истинный смыслъ изреченія Виванта, что „должность показываетъ человекъ“, ибо должностное лицо имѣетъ дѣло съ ближними и съ обществомъ. Вслѣдствіе этого же обстоятельства одна только справедливость изъ всѣхъ добродѣтелей, какъ кажется, состоитъ въ благѣ, приносящемъ пользу другому лицу, ибо справедливость всегда относится къ другимъ и приносить пользу другому лицу, будь оно властелинъ или все общество. Самый дурной человекъ, дѣйствительно, есть тотъ, кто поступаетъ дурно, какъ по отношенію къ себѣ, такъ и по отношенію къ своимъ друзьямъ, но самый

лучшій человѣкъ не тотъ, кто поступаетъ сообразно съ добродѣтелью [справедливостью] по отношенію къ себѣ, а тотъ, кто поступаетъ такъ по отношенію къ другимъ, а это—трудное дѣло. Въ такомъ смыслѣ справедливость не есть часть добродѣтели, а вся добродѣтель, и противоположность ея — несправедливость — не часть порочности, а порочность вообще.

Изъ сказаннаго ясно, чѣмъ отличается добродѣтель отъ этой справедливости: по существу онѣ тождественны, но въ проявленіи [τὸ δ'εἶναι] онѣ различаются: одна — справедливость, добродѣтель, проявляющаяся въ отношеніи къ другимъ, другая, то-есть, добродѣтель,—приобрѣтенное душевное качество, взятое безотносительно.

§ 4. Мы изслѣдуемъ здѣсь справедливость, какъ часть добродѣтели, ибо, какъ мы сказали, таковая существуетъ; точно также мы изслѣдуемъ и несправедливость, какъ часть [порочности]. Доказательство ея существованія слѣдующее: при всякомъ порочномъ дѣйствіи человѣкъ поступаетъ несправедливо, но онъ можетъ не проявить корысти, напримѣръ, если онъ изъ трусости броситъ свой щитъ или по грубости избранитъ кого-либо, или не поможетъ деньгами вслѣдствіе скуности. Проявилъ корысть, онъ при этомъ часто не выдастъ ни въ одинъ изъ упомянутыхъ пороковъ и, конечно, не во всѣ вмѣстѣ, однако онъ впадаетъ въ извѣстнаго рода порочность, (ибо вѣдь мы его хулимъ), а именно въ несправедливость; итакъ, есть особаго рода несправедливость, часть всей несправедливости, и есть понятіе несправедливаго, составляющее часть всего понятія несправедливаго, опредѣленнаго закономъ. Сверхъ того, если кто-либо ради выгоды занимается прелюбодѣніемъ и получаетъ за это плату, а другой, напротивъ, приноситъ денежныя жертвы своей страсти, то послѣдняго, какъ кажется, слѣдуетъ скорѣе назвать невоздержнымъ, чѣмъ корыстолюбивымъ, перваго же—несправедливымъ, а не невоздержнымъ; и это, очевидно, вслѣдствіе его стремленія къ наживѣ.

Далѣе, всѣ другіе несправедливыя поступки можно всегда подвести подъ какой-либо видъ порочности, напримѣръ, прелюбодѣніе подъ невоздержность, если кто-либо оставилъ своего ближняго въ битвѣ—то это можно подвести подъ трусость, побой—подъ гнѣвливость, а любостязаніе ни подъ какой другой порокъ не подведешь, кромѣ несправедливости. Итакъ, ясно, что, кромѣ всей несправедливости, существуетъ несправедливость, какъ часть первой, имѣющая то же названіе, вслѣдствіе того, что обѣ опредѣляются однимъ и тѣмъ же родовымъ понятіемъ; смыслъ и значеніе обѣихъ заключается въ

отношеніи къ другимъ людямъ; разница лишь въ томъ, что одна, имѣя дѣло съ почестями, или деньгами, или безопасностью и тому подобными, заключенными въ одну категорію явленіями, возникаетъ изъ наслажденія выгодой, другая же охватываетъ все то, съ чѣмъ имѣеть дѣло нравственный человѣкъ.

§ 5. Итакъ, ясно, что существуетъ нѣсколько родовъ справедливости, и что, помимо всей справедливости, существуетъ еще и другая; слѣдуетъ опредѣлить, какова она и какія ея качества. Мы уже различили несправедливость, состоящую въ нарушеніи законовъ, отъ несправедливости, состоящей въ неравномъ отношеніи, а также справедливое, въ смыслѣ законнаго, мы различили отъ справедливаго, въ смыслѣ равнаго отношенія. Итакъ; первый видъ несправедливости состоитъ въ нарушеніи закона. Если неравномѣрное и противозаконное не одно и то же, но отличаются другъ отъ друга, какъ часть отъ цѣлаго (ибо все неравномѣрное противозаконно, но не все противозаконное неравномѣрно), то значить, и несправедливое, и вообще несправедливость не одно и то же, а различаются другъ отъ друга, какъ часть отличается отъ цѣлаго, ибо несправедливость въ этомъ значеніи есть часть всей несправедливости, точно также, какъ и справедливость—часть всей справедливости. Мы должны говорить о специальной справедливости и о специальной несправедливости и точно также о специально-справедливомъ и несправедливомъ. Мы оставимъ безъ вниманія справедливость и несправедливость, имѣющую связь со всею добродѣтелью и состоящую въ проявленіи всей добродѣтели или порочности по отношенію къ другимъ людямъ. Ясно также, какъ слѣдуетъ опредѣлить справедливое и несправедливое по отношенію къ нимъ [то-есть, всей добродѣтели и порочности]. Почти всѣ дѣйствія, предписанныя закономъ, осуществляются всецѣлою добродѣтелью, ибо законъ предписываетъ осуществлять въ жизни всякую отдѣльную добродѣтель и запрещаетъ всякое порочное дѣйствіе; тѣ законоположенія, которыя касаются воспитанія человѣка для общественной жизни, имѣютъ въ виду создать всю добродѣтель. Вопросъ же о томъ, принадлежит ли воспитаніе отдѣльнаго человѣка, которое дѣлаегъ его хорошимъ человѣкомъ вообще, а не гражданиномъ, политикѣ или другой какой наукѣ, будетъ нами рассмотрѣно поодѣ; можетъ быть, не одно и то же—быть хорошимъ человѣкомъ или хорошимъ гражданиномъ.

Что касается специальной справедливости и соответствующаго справедливаго, то одинъ видъ ея проявляется въ распредѣленіи

почестей, или денегъ, или вообще всего того, что можетъ быть раздѣлено между людьми, участвующими въ известномъ обществѣ (здѣсь-то и можетъ быть равное или неравное надѣленіе одного передъ другимъ). Другой видъ ея проявляется въ уравниваніи того, что составляетъ предметъ обмѣна; этотъ послѣдній видъ подраздѣляется на двѣ части: одни изъ общественныхъ сношеній произвольны, другія произвольны; къ произвольнымъ относятся купля и продажа, заемъ, ручательство, вкладъ, наемная плата; они называются произвольными, ибо принципъ подобныхъ обмѣновъ произволенъ. Что касается непроизвольныхъ, то они частью скртія, напримѣръ, воровство, прелюбодѣяніе, приготовленіе яда, сводничество, переманиваніе прислуги, убійство, жеснидѣтельство, частью насильственныя, напримѣръ, искалѣченіе, удержаніе въ тюрьмѣ, умерщвленіе, грабежъ, увѣче, брань и ругательства.

§ 6. Итакъ, если несправедливъ тотъ, кто нарушаетъ равнолѣрность, и если несправедливое заключается въ неравнолѣрности, то ясно, что должна быть и середина въ неравнолѣрности, а таково равнолѣрное; въ каждомъ дѣйствіи, въ которомъ можетъ быть излишекъ или недостатокъ, можетъ быть и равнолѣрность; если несправедливымъ называется неравнолѣрное, то справедливымъ—равнолѣрное; это ясно всѣмъ и безъ дальнѣйшихъ доказательствъ; а если равнолѣрное—середина, то и справедливое—середина; равнолѣрное же предполагаетъ по крайней мѣрѣ два предмета. Итакъ, необходимо, чтобы справедливое было серединой и равнолѣрнымъ (по отношенію къ известнымъ предметамъ) и лицамъ; по скольку оно середина, оно должно быть серединою чего-либо (а это есть избытокъ и недостатокъ); по скольку оно есть равнолѣрное, оно равнолѣрно относительно двухъ предметовъ, а по скольку оно справедливое, оно справедливо относительно известныхъ лицъ. Итакъ, справедливое предполагаетъ по необходимости по крайней мѣрѣ четыре условія: два лица, по отношенію къ которымъ оно справедливо, и два предмета, къ которымъ оно относится. Точно также и равенство будетъ однимъ и тѣмъ же, какъ по отношенію къ предметамъ, такъ и по отношенію къ лицамъ, ибо какъ предметы относятся другъ къ другу, такъ и лица: если они равны, то они не могутъ имѣть равнаго; отсюда-то и возникаютъ тяжбы и споры, когда равные люди владѣютъ неравнымъ имуществомъ или неравнымъ удѣлено равное. Эго явствуетъ и изъ поговорки „дѣлить по достоинству“. Всѣ люди согласны въ томъ, что распредѣляющая справедливость должна руководствоваться достоин-

ствомъ, но мѣрило достоинства не всѣ видятъ въ одномъ и томъ же, а граждане демократіи видятъ его въ свободѣ, олигархіи—въ богатствѣ, а аристократіи—въ добродѣтели.

Итакъ, понятіе справедливаго состоитъ въ извѣстнаго рода аналогіи [пропорціональности], ибо пропорціональность свойственна не только абстрактнымъ (μοαβακίω ἀριθμῶν) числамъ, но числамъ вообще. Пропорціональность состоитъ въ равенствѣ чиселъ и нуждается по крайней мѣрѣ въ четырехъ членахъ. Очевидно, что „раздѣленная“ пропорція состоитъ изъ четырехъ членовъ, но и „постепенная“ точно также, ибо послѣдняя пользуется однимъ числомъ, какъ двумя, и называетъ его два раза, наиримѣръ, какъ a относится къ b , также и b относится къ c ; здѣсь b два раза упомянуто. Итакъ, если считать b два раза положеннымъ, то выходитъ, что пропорція состоитъ изъ четырехъ членовъ. Такимъ образомъ и понятіе справедливаго предполагается по крайней мѣрѣ четыре члена и отношеніе то же самое, ибо лица и предметы также раздѣлены. Итакъ, какъ лицо a относится къ лицу b , точно также относится предметъ c къ предмету d , или, называя лица и предметы попеременно: a относится къ c , какъ b относится къ d ; отсюда слѣдуетъ, что и цѣлое относится къ цѣлому, какъ части [то-есть, $A + C : B + D = A : B$], а такимъ именно сочетаніемъ и пользуется распределеніе, и если пропорція такъ составлена, то сочетаніе вѣрно.

§ 7. Итакъ, раздѣляющая справедливость состоитъ въ сочетаніи отношеній a къ c и b къ d , и въ то же время справедливо — средина того, что находится внѣ пропорціи, ибо пропорціональность состоитъ въ среднѣ, а справедливо—въ пропорціональности. Математики называютъ такую пропорцію геометрическою, ибо именно въ ней цѣлое относится къ цѣлому, какъ одинъ членъ относится къ другому. По это пропорція не постепенная, ибо отношеніе лица къ предмету не состоитъ въ одномъ и томъ же числѣ.

Итакъ, въ этомъ значеніи справедливо — пропорціи, а несправедливо — противорѣчащее пропорціи. Въ такомъ случаѣ одинъ членъ пропорціи становится слишкомъ большимъ, а другой—слишкомъ малымъ. Это явствуетъ и изъ разсмотрѣнія дѣйствій, такъ какъ поступающій несправедливо удѣляетъ себѣ изъ подлежащаго дѣленію слишкомъ большую часть, а терпящій несправедливость получаетъ слишкомъ малую часть. Что же касается золь, то отношеніе здѣсь обратное, ибо меньшее зло по отношенію къ большому злу считается благомъ, и выборъ меньшаго зла предпочтительнѣе большаго,

а выбирается всегда благо, и чѣмъ оно больше, тѣмъ оно предпочтительнѣе. Итакъ, вотъ каковъ этотъ видъ справедливаго.

Остальной видъ—уравнивающая справедливость—возникаетъ въ произвольныхъ и непроизвольныхъ обмѣнахъ и отношеніяхъ. Этотъ видъ справедливости различается по формѣ отъ предыдущаго. Распредѣляющая справедливость, какъ сказано, касается благъ общихъ всѣмъ гражданамъ и распредѣляетъ ихъ пропорціонально, и даже если бы распредѣлялось общественное имущество, то при этомъ руководствовались бы отношеніемъ, въ которомъ стоятъ взносы въ общественную казну отдѣльныхъ гражданъ. Несправедливость, противоположная этому виду справедливости, заключается въ непропорціональности. Справедливость же въ обмѣнахъ также заключается въ своего рода равенствѣ, но не по такой пропорціи, а по арифметической, ибо здѣсь не имѣютъ въ виду разницы, лишилъ ли порядочный человѣкъ дурнаго чего бы то ни было, или дурной—порядочнаго, или же порядочный совершилъ прелюбодѣяніе, а не дурной человѣкъ; законъ обращаетъ вниманіе лишь на различіе ущерба, а съ лицами обходится какъ съ равными во всемъ, за исключеніемъ различенія того, кто совершилъ преступленіе, отъ того, кто страдаетъ, и того, кто нанесъ ущербъ—отъ того, кто терпитъ ущербъ. Итакъ, эту-то несправедливость, состоящую въ неравенствѣ, судья старается приравнять, ибо въ тѣхъ случаяхъ, когда одинъ испытываетъ побой, а другой наноситъ ихъ, или когда одинъ убиваетъ, а другой убить,—въ этихъ случаяхъ страданіе и дѣйствіе раздѣлены на неравныя части. Судья старается путемъ выказанія возстаповить равенство, отнимая выгоду у дѣйствующаго лица. Слово выгода употребляется, вообще говоря, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, хотя бы оно и не было воплѣтъ соответствующимъ названіемъ, какъ, напримѣръ, говорится о выгодѣ про того, кто нанесъ побой, а о наказаніи—про того, кто испыталъ побой; когда опредѣлено страданіе, испытанное кѣмъ-либо, то одно называется наказаніемъ, другое — выгодой. Итакъ, середина между избыткомъ и недостаткомъ—равное; выгода же и ущербъ суть избытокъ и недостатокъ, и притомъ въ противоположномъ отношеніи: выгодою называется избытокъ благъ и недостатокъ зла, ущербомъ—противоположное; середина же между ними есть равное, которое мы называемъ справедливымъ.

Слѣдовательно, уравнивающая справедливость есть середина ущерба и выгоды; поэтому-то люди, когда спорятъ о чемъ-либо, прибѣгаютъ къ судѣ: идти въ судъ значитъ обратиться къ справедливости, ибо

судья желаетъ быть какъ бы олицетворенною справедливостію; къ тому же люди ищутъ безпристрастнаго судью, и кое-гдѣ судей называютъ „посредниками“, чтобъ этимъ обозначить, что люди, достигнувъ справедливаго рѣшенія, стануть держаться середины. Итакъ, справедливость должна быть извѣстнаго рода серединой, если уже судья есть нѣчто подобное. Судья же уравниваетъ и отнимаетъ какъ бы у линіи, раздѣленной на неравныя части, ту часть, которая превышаетъ собою половину, чтобъ присоединить ее къ меньшей части. Если дѣлое дѣлится на двѣ части, то говорится, что каждый получилъ свое, если каждый получилъ равную часть. Равное же состоитъ въ срединѣ между бѣльшимъ и меньшимъ по арифметической пропорціи; поэтому справедливое называется $\delta\acute{\iota}\chi\alpha\iota\omicron\upsilon$, ибо оно состоитъ изъ двухъ частей ($\delta\acute{\iota}\chi\alpha$), и можно бы произносить $\delta\acute{\iota}\chi\alpha\iota\omicron\upsilon$, а вмѣсто $\delta\acute{\iota}\chi\alpha\sigma\tau\acute{\iota}\varsigma$ (судья) — $\delta\acute{\iota}\chi\alpha\sigma\tau\acute{\iota}\varsigma$. Если изъ двухъ равныхъ величинъ у одной отнять нѣчто и прибавить это нѣчто къ другой, то послѣднія двумя частями будетъ больше первой; если же отнять часть, не прибавляя ко второй, то она будетъ лишь одною частью больше первой. Та величина, къ которой прибавлена часть, будетъ этою частью больше середины, а середина въ свою очередь больше той величины, у которой отнята часть. Отсюда мы можемъ познать, что мы должны взять у человѣка, имѣющаго слишкомъ много, и какую часть должны прибавить тому, кто имѣетъ слишкомъ мало; ту часть, которая превышаетъ середину, мы должны прибавить имѣющему слишкомъ мало, и избытокъ середины должны отнять у имѣющаго слишкомъ много.

Предположимъ три равныя по длинѣ линіи — $\alpha\alpha'$, $\beta\beta'$ и $\gamma\gamma'$:

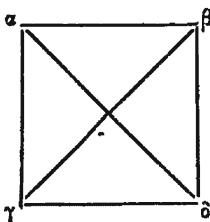
Пусть отъ линіи $\alpha\alpha'$ будетъ отнята часть αe и присоединена къ линіи $\gamma\gamma'$ часть $\gamma' d$, такъ что вся линіи $\gamma' d$, длинше линіи αe и $\gamma' d$ на $\gamma' z$ и длинше линіи $\beta\beta'$ на $\gamma' d$. Названія же эти, выгода и наказаніе, собственно заимствованы изъ области произвольнаго община, ибо получить болѣе, чѣмъ равнѣ имѣлъ, называется выгадать, а остаться при меньшемъ, чѣмъ первоначально было, называется потерпѣть ущербъ [быть наказаннымъ], какъ это бываетъ при куплѣ и продажѣ и другихъ дѣлахъ, дозволенныхъ закономъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда никто не получить болѣе, и никто не получить менѣе, но всякій получить свое, и получить по доброй волѣ, въ этихъ случаяхъ говорятъ, что никто не выгадалъ и не потерпѣлъ ущерба.

Итакъ, справедливость есть середина выгоды и ущерба, ограничивающая произволь; она стремится къ тому, чтобы каждый, какъ рабѣ, такъ и поздѣ, имѣлъ равное [слѣдующее ему].

§ 8. Нѣкоторымъ кажется, что воздаяніе равнымъ безусловно справедливо. Это, напримѣръ, утверждали пизагорейцы; они такъ безотносительно опредѣляли: справедливое состоитъ въ воздаяніи другому равнымъ. Однако, воздаяніе равнымъ нельзя подвести ни подъ понятіе распредѣляющей справедливости, ни подъ понятіе уравнивающей, хотя въ этомъ смыслѣ желаютъ истолковать судебное рѣшеніе Радаманта:

Если кто терпитъ равное тому, что сдѣлалъ, то справедливость соблюдена,

ибо оно [это понятіе справедливости] многому противорѣчитъ, напримѣръ, если должностное лицо прибить кого-либо, то его нельзя также побить, а если кто побилъ должностное лицо, то такого должно не только побить, но и наказать строго. Притомъ велика разница произвольнаго отъ непроизвольнаго, хотя однако общественныя отношенія, имѣющія дѣло съ обмѣномъ, поддерживаются именно этимъ видомъ справедливости, возданіемъ равнымъ, который имѣетъ въ виду пропорціональность, но не равенство, ибо общество держится тѣмъ, что каждому воздается пропорціонально его дѣятельности; при этомъ или стараются воздать за зло зломъ, и если подобное возданіе не возможно, то такое состояніе считается рабствомъ,—или же за добро добромъ, если же нѣтъ, то, значить, за услугу не воздается равной услугой, а государство именно и держится подобными взаимными услугами; поэтому-то храмы харитъ ставятся на рынкахъ, чтобы услуга была оплачиваема услугой; въ томъ и состоитъ специальное свойство благодарности, чтобы получившій одолженіе не только отвѣчалъ услугою, но и самъ началъ съ одолженія. Это пропорціональное возданіе дѣлается путемъ сочетанія диаметровъ двухъ угловъ четырехугольника; напримѣръ, пусть α будетъ архитекторъ, β сапожникъ, γ —домъ, δ —сапогъ. Архитекторъ долженъ пользоваться работою сапожника, а этому, въ свою очередь, воздавать собственнымъ трудомъ. Сказанное возможно, если сперва найдена пропорціональная мѣра равенства, и затѣмъ уже будетъ совершенно возданіе равнымъ; если этого нѣтъ, то обмѣвъ будетъ неравный и не можетъ состояться, ибо вѣдь ничто не мѣшаетъ работѣ

одного быть болѣе цѣнною, чѣмъ работа другаго, а ихъ-то и нужно приравнять. То же самое замѣчается и въ другихъ искусствахъ и [ремеслахъ]; они взаимно уничтожались бы, если бы работникъ не производилъ чего-либо, имѣющаго количественную и качественную цѣнность, и если бы принимающій работу не принималъ ее, какъ опредѣленную количественную и качественную цѣнность. Два врача не могутъ создать общество, а врачъ и земледѣлецъ и, вообще говоря, люди, занимающіеся различнымъ и неравнымъ, могутъ создать его, но ихъ-то работу и нужно приравнять. Поэтому все, подлежащее обмѣну, должно быть извѣстнымъ образомъ сравнимо; для этого-то и введена монета, ставшая въ извѣстномъ смыслѣ посредникомъ. Она все измѣряетъ и опредѣляетъ, на сколько одинъ предметъ превышаетъ другой цѣнностью, напримѣръ, сколько паръ сапогъ равны по цѣнности одному дому или пропитанію [одного человѣка], и показывасть, въ какомъ отношеніи работа архитектора находится къ работѣ сапожника, и сколько слѣдуетъ дать паръ сапогъ за домъ или пропитаніе. Если же пропорція не соблюдена, то не возможенъ обмѣнъ, не возможны общественныя отношенія; а возможны они лишь въ томъ случаѣ, когда въ предметахъ обмѣна есть извѣстнаго рода равенство. Итакъ, всѣ предметы должны, какъ сказано ранѣе, измѣряться чѣмъ-либо однимъ. Этимъ въ дѣйствительности служить нужда, которая все соединяетъ, ибо еслибы люди ни въ чемъ не нуждались или же нуждались не въ одномъ и томъ же, то не было бы обмѣна или взаимнаго обмѣна; монета же явилась какъ бы представителемъ нужды по всеобщему соглашенію. Отсюда-то и ея названіе — νόμισμα, ибо она не по природѣ таковая, а по человѣческому соглашенію, и въ нашей власти измѣнить монету и сдѣлать ее неупотребительною.

Итакъ, воздаяніе равнымъ имѣетъ мѣсто, когда найдено уравненіе, когда, напримѣръ, земледѣлецъ относится къ сапожнику также, какъ работа сапожника къ работѣ земледѣльца. До обмѣна не слѣдуетъ представлять себѣ пропорціи; въ противномъ случаѣ оба избытка будутъ на одной сторонѣ. Только въ томъ случаѣ, когда каждый получилъ слѣдуемое ему, они становятся равными между собою и сообщниками, и именно въ силу того, что подобное равенство можетъ возникнуть въ ихъ отношеніяхъ. Если земледѣльца назвать α , пропитаніе γ , сапожника β , то уравнивающая работа его будетъ δ ; еслибы не воздаяніе, то невозможно было бы и самое общество.

Что нужда связываетъ людей въ одно, явствуетъ изъ того, что

еслибъ двое не нуждались другъ въ другѣ, или одинъ изъ двухъ не нуждался бы въ другомъ, то не было бы и обмѣна, который имѣеть мѣсто въ томъ случаѣ, когда кто-либо нуждается въ томъ, чѣмъ другой имѣеть, наиримѣрь, вино, въ замѣнъ коего другой дозволяетъ вывозъ хлѣба. Итакъ, въ такомъ случаѣ необходимо уравненіе. Что же касается обмѣна возможнаго въ будущемъ, нужды въ коемъ не представляется въ настоящее время, то порукой его являются, когда обмѣнъ сталъ необходимъ, деньги: кто приноситъ деньги, тотъ долженъ имѣть возможность получить то, въ чемъ нуждается; по и деньги подвержены измѣненіямъ, ибо не всегда имѣютъ одинаковую цѣнность; однако онѣ должны представлять собою болѣе твердое мѣрило оцѣнки, и ими должно быть все оцѣняемо; такимъ-то способомъ становится возможнымъ обмѣнъ, а вмѣстѣ съ нимъ и общеніе. Итакъ, деньги, будучи мѣрою, дѣлаютъ сравнимыми всѣ остальные предметы, приравниваютъ ихъ; и какъ не возможно общеніе безъ обмѣна, такъ не возможенъ обмѣнъ безъ уравненія цѣнностей, и точно также не возможно уравненіе безъ сравнимости предметовъ. Говоря точно, не возможно, чтобы столь различные предметы стали сравнимыми, но для удовлетворенія нужды человѣка это нѣ достаточно мѣрѣ возможно; для этого должна существовать по общему соглашенію одна мѣра оцѣнки; поэтому-то она называется *о́мисра* ибо деньги дѣлаютъ все сравнимымъ, благодаря тому, что все измѣняется деньгами.

Пусть α будетъ домъ, β — десять минъ, γ — ложе; пусть α равняется половинѣ β (если домъ стоитъ 5 минъ) или же всему β ; пусть ложе γ равняется $\frac{1}{10}$ части β ; ясно, что въ такомъ случаѣ, цѣнность сколькихъ ложъ равняется цѣнности одного дома, то-есть, 5. Ясно также, что именно такимъ способомъ происходилъ обмѣнъ ранѣе изобрѣтенія денегъ: пять разницы—дать ли пять ложъ въ замѣнъ дома или цѣнность пяти ложъ.

§ 9. Итакъ, нами опредѣлено понятіе справедливости и понятіе несправедливости. Изъ этихъ опредѣленій ясно, что справедливый образъ дѣйствій находится по срединѣ между нанесеніемъ и испытываніемъ несправедливости. Первое стремится къ тому, чтобы имѣть болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Справедливость же—средина, но не въ смыслѣ ранѣе разсмотрѣнныхъ добродѣтелей, а въ томъ смыслѣ, что она производитъ средину, несправедливость же—крайность. Итакъ, справедливость есть добродѣтель, въ силу которой справедливый называется человѣкомъ, намѣренно поступающимъ справедливо и который,

при распредѣленіи благъ между собою и другимъ или между двумя посторонними лицами, поступаетъ не такъ, что себѣ удѣляетъ слишкомъ много, а другому слишкомъ мало, а зло распредѣляетъ противоположнымъ образомъ, но удѣляетъ каждому соответственное ему по пропорціи и точно также поступаетъ при распредѣленіи благъ между двумя посторонними особами. Несправедливость же, напротивъ, есть порокъ, въ силу котораго человѣкъ поступаетъ несправедливо. Она заключается въ непропорціональномъ увеличеніи или уменьшеніи полезнаго [выгоды] или вреднаго. Несправедливость есть въ одно и то же время и избытокъ, и недостатокъ, и это потому, что она имѣетъ отношеніе къ избытку и недостатку: она есть слишкомъ большое [избытокъ] присвоеніе себѣ безотносительно-полезнаго и недостаточное удѣленіе себѣ вреднаго. Несправедливость въ цѣломъ точно также дѣйствуетъ и по отношенію къ другимъ; при этомъ зависитъ отъ случая, въ пользу какой изъ двухъ сторонъ [между которыми происходитъ раздѣлъ] будетъ нарушена пропорціональность. Что же касается несправедливаго образа дѣйствій, то недостатокъ находится на сторонѣ испытывающаго несправедливость, а избытокъ—на сторонѣ поступающаго несправедливо.

§ 10. Такимъ образомъ, мы рассмотрѣли справедливость и несправедливость и ихъ природу, а также понятіе справедливаго и несправедливаго вообще. Но такъ какъ возможно, что человѣкъ поступаетъ несправедливо, не будучи еще несправедливымъ, то спрашивается: какого рода преступленію долженъ совершить кто-либо, чтобъ его можно было назвать несправедливымъ во всѣхъ отношеніяхъ, напримѣръ, воромъ, или прелюбодѣемъ, или разбойникомъ? Или и въ такомъ случаѣ не будетъ разницы? Вѣдь можетъ же кто-либо связаться съ замужнею женщиной, зная, кто она, но сдѣлать это не послѣдствіе предшествовавшаго намѣренія, а подъ вліяніемъ страсти. Овъ во всякомъ случаѣ совершаетъ преступленіе, но не можетъ быть названъ „несправедливымъ“, точно также, какъ не можетъ быть названъ воромъ тотъ, кто разъ укралъ, или прелюбодѣемъ—тотъ, кто разъ нарушилъ законы вѣрности. (Ранѣе уже говорено, въ какомъ отношеніи воздаяніе стоитъ равнымъ къ понятію справедливости). Не должно ускользать отъ нашего вниманія то обстоятельство, что искомое нами понятіе состоитъ, какъ въ справедливости вообще, такъ и въ политической справедливости [правѣ]. Послѣднее же имѣетъ мѣсто между людьми, принадлежащими къ одному общенію, и имѣетъ цѣлью самоудовлетворенность ихъ, притомъ между людьми свобод-

ными и равными, равными въ смыслѣ или пропорціональности, или числа вообще. Люди, не находящіеся въ подобныхъ отношеніяхъ, не могутъ и имѣть другъ относительно друга политической справедливости [иравѣ], но имѣютъ какого-то рода справедливости, названную такъ по сходству съ предшествующимъ видомъ. Тѣ люди имѣютъ права, для которыхъ существуетъ законъ, опредѣляющій ихъ отношенія; законъ же предполагаетъ преступленіе, судъ—распредѣленіе правды и неправды. Въ тѣхъ людяхъ и обществахъ, въ которыхъ есть несправедливость, въ тѣхъ должны быть и преступленія; но не вездѣ, гдѣ есть преступленіе, необходимо предполагать и несправедливость; она же состоитъ въ томъ, что человѣкъ удѣляетъ себѣ слишкомъ большую часть безотносительныхъ благъ и слишкомъ малую часть безотносительныхъ золъ; поэтому-то мы и не дозволяемъ властвовать человѣку, а разуму, ибо первый властвовалъ бы въ свою пользу и сталъ бы тираномъ. Властитель однако есть охрана справедливости, а если справедливости, то вмѣстѣ съ тѣмъ и равенства. Ему, какъ кажется, нѣтъ выгоды быть справедливымъ, ибо онъ изъ безотносительныхъ благъ не удѣляетъ себѣ большую часть, а лишь столько, сколько слѣдуетъ по пропорціи, и тогда выходитъ, что онъ справедливъ ради другихъ людей; поэтому-то и говорятъ, что справедливость состоитъ въ „чужомъ благѣ“, какъ мы равнѣе сказали. Должностному лицу слѣдуетъ давать извѣстное вознагражденіе, которое состоитъ въ почетѣ и почестяхъ. Тѣ становятся тиранами, которые этимъ не удовлетворяются. Что касается права господина надъ рабомъ и отца надъ дѣтьми; то оно не тождественно съ политическимъ правомъ, но подобно ему, ибо не можетъ быть несправедливости противъ того, что составляетъ безотносительную собственность кого-либо. Имущество же [рабъ] и дитя въ извѣстномъ возрастѣ, пока оно еще не отдѣлилось отъ семьи, составляютъ какъ бы часть господина, а никто преднамѣренно не станетъ вредить самому себѣ; поэтому-то не можетъ быть и несправедливости относительно себя. Итакъ, въ этихъ отношеніяхъ не можетъ существовать политическихъ правъ и политической несправедливости, ибо то и другое создается закономъ и имѣетъ мѣсто лишь въ людяхъ, по своей природѣ могущихъ жить въ законѣ, а таковыя суть тѣ, у которыхъ существуетъ равенство во властвованіи и въ подчиненіи. Скорѣе можно гонорить о иривахъ въ отношеніяхъ къ женѣ, чѣмъ о таковыхъ по отношенію къ дѣтямъ и рабамъ: таково экономическое право, которое, впрочемъ, различно отъ политическаго.

Что касается политическаго права, то оно частью естественное, частью условное. Естественное право—то, которое вездѣ имѣетъ одинаковое значеніе и не зависитъ отъ признанія или непризнанія его. Условное право есть то, которое первоначально могло быть безъ существеннаго различія такнмъ или инымъ, но разъ оно опредѣлено, [это безразличіе прекращается], и есть разница, выкупить ли плѣнника за одну мину, и принести ли въ жертву одну козу, а не двухъ барановъ. Сюда же относятся законоположенія, даваемыя для отдѣльныхъ единичныхъ случаевъ, напримѣръ, касательно жертвоприношенія Вразиду, законоположенія, получающія силу путемъ голосованія. Нѣкоторымъ кажется, что всѣ права именно такого рода [то-есть, условныя], ибо то, что существуетъ по природѣ, неизмѣнно и имѣетъ повсюду одинаковое значеніе, напримѣръ, огонь жжетъ точно также здѣсь, какъ въ Персіи, въ то время какъ понятія о справедливомъ измѣнчивы. Но это не такъ, и понятіе о справедливости измѣнчиво только въ извѣстной степени. Что касается боговъ, то относительно ихъ вовсе, можетъ быть, нельзя говорить объ измѣнчивости; что же касается насъ, то есть у насъ и извѣстнаго рода естественное право, хотя вся область права измѣнчива; все же, однако, есть право естественное и право условное. Ясно, что изъ явленій, могущихъ быть и иными, должно отнести къ области естественнаго права, и что должно отнести не къ области естественнаго права, а установленнаго закономъ и всеобщимъ соглашеніемъ. Это опредѣленіе можетъ быть примѣнено и ко всему другому; такъ, напримѣръ, правая рука отъ природы сильнѣе лѣвой, но можетъ случиться, что у нѣкоторыхъ людей обѣ руки одинаково сильны. Что касается правовыхъ отношеній, основанныхъ на взаимномъ соглашеніи и пользѣ, то они подобны мѣрамъ. Не вездѣ существуетъ одинаковая мѣра для вина и хлѣба, а мѣра [крупныхъ] покупщиковъ большая, чѣмъ мѣра [мелкихъ] продавцевъ. Подобнымъ же образомъ и то право, которое не отъ природы таковое, а есть лишь человѣческое право, не повсюду одинаково, точно также какъ и государственныя устройства не вездѣ одинаковы, хотя лучшее отъ природы лишь одно. Отдѣльныя права и законоположенія относятся между собою, какъ цѣлое относится къ частному, ибо дѣйствій много, правило же, касающееся ихъ, одно; оно общее. Есть, однако, разница между преступленіемъ и понятіемъ несправедливаго, точно также какъ между справедливымъ дѣйствіемъ и понятіемъ справедливаго. Несправедливое бываетъ двухъ родовъ: или отъ природы, или по установленію; вотъ это-то несправедливое, когда осуществляется дѣйствіемъ, становится преступленіемъ, ранѣе же оно

не преступленіе, а лишь несправедливое [in abstracto]. То же самое и относительно справедливаго дѣйствія. Но языкъ обозначаетъ общее во всякомъ справедливомъ поступкѣ словомъ δικαιοκρατία—справедливымъ образомъ дѣйствія, а словомъ δικαιοφρα скорѣе обозначаетъ исправленіе преступленія. Что же касается отдѣльнымъ видамъ преступленій, каковы они, сколько ихъ и съ чѣмъ они имѣютъ дѣло, то это мы разберемъ позднѣе. Итакъ, если такова справедливость и несправедливость, то только въ томъ случаѣ кто-либо совершаетъ преступленіе или поступаетъ справедливо, когда онъ дѣйствуетъ произвольно; когда же онъ дѣйствуетъ непроизвольно, то онъ не совершаетъ преступленія и не поступаетъ справедливо, а дѣйствіе его лишь случайно становится таковымъ, ибо всякая дѣятельность людей подходитъ подъ категорію справедливой или несправедливой. Преступленіе и справедливый образъ дѣйствій опредѣляются понятіемъ произвольнаго и непроизвольнаго: когда преступленіе произвольно, его хулятъ, и въ силу произвольности именно оно и есть преступленіе; слѣдовательно, нѣчто можетъ быть несправедливымъ, не будучи еще преступленіемъ, а именно, если отсутствуетъ произвольность. Произвольнымъ же я называю, какъ уже ранѣе сказано, то дѣйствіе, которое находится во власти человѣка, и которое онъ совершаетъ сознательно, не будучи въ невѣдѣніи ни относительно лица, ни средствъ, ни цѣли, какъ, напримѣръ, если кто-либо знаетъ, кого онъ бьетъ, чѣмъ и ради чего бьетъ, и при томъ поступаетъ во всемъ этомъ не случайно и не по принужденію, какъ, напримѣръ, въ томъ случаѣ, если кто-либо, взявъ руку другаго, ударилъ ею третьяго, второй не поступалъ бы произвольно, ибо дѣйствіе не зависѣло бы отъ него. Можетъ случиться, что побитый окажется отцомъ бившаго, послѣдній же зналъ лишь, что онъ—человѣкъ, и что онъ—одинъ изъ присутствующихъ, но не зналъ, что онъ—его отецъ. Точно то же должно сказать и о цѣли, и о всемъ дѣйствіи.

Итакъ, не произвольно то, что дѣлается по невѣдѣнію, или если не по невѣдѣнію, то потому, что дѣйствіе не во власти дѣйствующаго лица или принужденно. Вѣдь многое изъ того, что опредѣлено природой, мы дѣлаемъ и терпимъ сознательно, хотя оно и не отнесется ни къ произвольному, какъ, напримѣръ, старость или смерть. Точно также нѣкоторые преступленія и нѣкоторые справедливыя поступки становятся таковыми лишь случайно. Вѣдь можетъ случиться, что кто-либо вернуть довѣренное ему имущество противъ воли и изъ страха: про такого человѣка нельзя сказать, что онъ поступилъ спра-

недливо, или что онъ придерживается правильнаго образа дѣйствій, а можно сказать только то, что онъ случайно поступилъ справедливо. Точно также и про того, кто противъ воли и по принужденію не возвращаетъ довѣреннаго имущества, можно сказать лишь, что онъ случайно поступаетъ несправедливо и совершаетъ преступленіе.

Произвольныя дѣйствія бываютъ частью намѣренныя, частью ненамѣренныя; намѣренныя—тѣ, о которыхъ мы заранѣе совѣщались съ собою, ненамѣренныя—тѣ, которыя ранѣе не обдуманы. Ущербъ, встрѣчаемые въ обществѣ, бываютъ троякаго рода: одни изъ нихъ—проступки, совершаемые по невѣдѣнію; они имѣютъ мѣсто тогда, когда кто-либо дѣйствуетъ, не зная ни лица, противъ котораго направлено дѣйствіе, ни объекта дѣйствія, ни наконецъ, цѣли дѣйствія, напримѣръ, если кто-либо вовсе не думалъ бросить предметъ, или [хотѣлъ бросить] не въ это лицо, или не ради этой цѣли, но вышло случайно такъ, что онъ не совершилъ того, что хотѣлъ, напримѣръ, онъ бросилъ не ради того, чтобы ранить кого-либо, а лишь для того, чтобы пощекотать его, или онъ не хотѣлъ попасть въ эту особу или хотѣлъ попасть не такимъ образомъ. Если ущербъ наносится непредвидѣнно, то это—несчастье, если же не непредвидѣнно, но безъ злаго умысла, то это—проступокъ. Проступокъ совершается въ томъ случаѣ, когда принципъ вины лежитъ въ дѣйствующемъ лицѣ; случается несчастье, если принципъ лежитъ внѣ дѣйствующаго лица. Когда человѣкъ дѣйствуетъ сознательно, но необдуманно, то онъ совершаетъ несправедливый проступокъ, напримѣръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда ему случится совершить что-либо подъ влияніемъ гнѣва или по какой-либо иной страсти, необходимой или естественной; нанося такимъ путемъ ущербъ и ошибаясь, люди поступаютъ несправедливо, и дѣйствія ихъ—несправедливыя дѣйствія, но вслѣдствіе подобныхъ дѣйствій этихъ людей нельзя еще назвать несправедливыми и дурными, ибо нанесенный ими ущербъ не есть слѣдствіе ихъ порочности. Если же человѣкъ поступаетъ такъ преднамѣренно, то онъ несправедливый и дурной человѣкъ. Справедливо, поэтому, говорится: что совершено подъ влияніемъ гнѣва, то не преднамѣренно, ибо не тотъ вызвалъ дѣйствіе, кто гнѣвается, а тотъ, кто возбуждалъ гнѣвъ. Споръ въ такихъ случаяхъ ведется не о томъ, совершено ли дѣйствіе или нѣтъ, а о томъ, справедливо ли оно, ибо гнѣвъ возникаетъ вслѣдствіе кажущейся несправедливости. Здѣсь вопросъ идетъ не о томъ, совершено ли дѣйствіе, какъ въ спорахъ объ извѣстныхъ обязательствахъ, въ коихъ одинъ изъ спорящихъ необходимо долженъ быть дурнымъ человѣкомъ, за

исключеніемъ развѣ того случая, когда онъ поступилъ такъ вслѣдствіе запаматованія; здѣсь спорящіе согласны относительно того, что дѣйствіе совершено, и спорятъ лишь о томъ, въ какой мѣрѣ оно справедливо; нанесшій оскорбленіе очень хорошо знаетъ объ этомъ, такъ что одинъ думаетъ, что съ нимъ поступили несправедливо, другой—напротивъ. Но совершаетъ преступленіе тотъ, кто наноситъ преднамѣренно ущербъ, и кто совершаетъ подобнаго рода несправедливыя дѣйствія, про того можно сказать, что онъ—несправедливый, когда его дѣйствія нарушаютъ пропорціональность или равенство. Одинаковымъ образомъ того можно назвать справедливымъ, кто преднамѣренно поступаетъ справедливо, а справедливо поступаетъ онъ уже въ томъ случаѣ, когда дѣйствуетъ только произвольно, а еще не преднамѣренно. Одни изъ произвольныхъ дѣйствій заслуживаютъ снисхожденія, другія его не заслуживаютъ, а именно тѣ заслуживаютъ его, которыя совершены нами не только не сознательно, но и вслѣдствіе незнанія; другія, напротивъ, которыя совершены нами не по незнанію, а неосознательно, вслѣдствіе неестественной и вѣчеловѣческой страсти, не заслуживаютъ снисхожденія.

§ 11. Но, можетъ быть, кто-либо затруднится сказать, въ достаточной ли мѣрѣ опредѣлены понятія испытыванія и нанесенія несправедливости, и вѣрно ли, вопервыхъ, изреченіе Эврипида, въ которомъ нелѣпо говорится:

Я убилъ свою мать, коротко говоря,
Добровольно по ея желанію, или же не добровольно, но она хотѣла того.

Спрашивается: возможно ли, чтобы кто-либо добровольно испытывалъ несправедливость, или же это не возможно, и испытываніе несправедливости всегда ли произвольно, а нанесеніе ущерба всегда ли произвольно? Или испытываніе несправедливости всегда произвольно, или на оборотъ, всегда произвольно, подобно тому какъ и всякое нанесеніе несправедливости произвольно, или же одно произвольно, а другое всегда не произвольно? То же самое и касательно того, кому удѣляется справедливость: справедливый образъ дѣйствій всегда произволенъ, такъ что естественно предположить, что испытывать несправедливость и получить въ удѣлъ слѣдующее—и то, и другое или произвольно, или же не произвольно. Нелѣпнымъ кажется предположеніе, что удѣленіе справедливости всегда произвольно, ибо многіе люди не хотя получаютъ слѣдующее имъ. Поэтому-то можетъ затруднить вопросъ: всегда ли тотъ, кто испыталъ извѣстную несправедливость, въ то же время и тернитъ несправедливость, или же отно-

сительно страданія должно сказать то же, что и относительно дѣятельности. Можетъ быть, что кто-либо совершенно случайно какъ испытываетъ справедливое рѣшеніе, такъ и произносятъ его; ясно, что то же самое можно сказать и о несправедливости, ибо вѣдь не одно и то же дѣлать несправедливое и совершать преступленіе, также какъ не одно и то же терпѣть несправедливое или испытывать несправедливое обращеніе. То же самое и относительно справедливаго образа дѣйствій и справедливаго обращенія съ кѣмъ-либо, ибо не возможно испытывать несправедливое обращеніе, если никто не поступаетъ несправедливо, и не возможно испытывать справедливое обращеніе, если никто не поступаетъ справедливо.

Если совершать преступленіе значить, говоря безотносительно, произвольно вредить кому-либо, если произвольное предполагаетъ знаніе лица, средствъ и образа дѣйствій, и если невоздержный произвольно вредить самъ себѣ, то онъ произвольно совершаетъ надъ собою преступленіе, и значить, совершить надъ собою преступленіе возможно. И вотъ въ этомъ-то и заключается одно изъ указанныхъ затрудненій—возможно ли совершить надъ собою преступленіе. Далѣе, если кто-либо добровольно, вслѣдствіе невоздержности, терпитъ вредъ отъ кого-либо, дѣйствующаго также произвольно, то выйдетъ, что возможно добровольно терпѣть несправедливость. Или же опредѣленіе не нѣрно? Но должно ли къ словамъ „наносить вредъ, сознавая лицо, средства и образъ дѣйствій“, прибавить „противъ воли другаго“? Итакъ, иной произвольно терпитъ вредъ и выноситъ несправедливое, но никто добровольно не терпитъ несправедливости, ибо никто вѣдь этого не хочетъ, не хочетъ этого и невоздержный, но поступаетъ противъ разумной воли, ибо никто не хочетъ того, что онъ не считаетъ хорошимъ, и невоздержный не поступаетъ такъ, какъ онъ думаетъ, что слѣдовало бы поступать. Напротивъ, тотъ, кто отдаетъ свое, какъ отдалъ, по словамъ Гомера, Главконъ Діомиду

Золотое въ змѣѣвъ мѣднаго оружіа, и сто быковъ въ заиѣвъ девяти,
тотъ не терпитъ несправедливости, ибо дать было въ его власти, испытывать же несправедливость не въ нашей власти, но необходимо долженъ быть кто-либо, кто наноситъ несправедливость.

Итакъ, ясно относительно испытывающаго несправедливости, что оно непроизвольно.

§ 12. Мы должны разсмотрѣть еще два вопроса изъ тѣхъ, которые намѣреши были разсмотрѣть: во первыхъ, кто поступаетъ не-

справедливо при распредѣленіи, тотъ ли, кто удѣляетъ большую часть не по достоинству, или тотъ, кто принимаетъ эту большую часть, и восторыхъ, возможно ли поступить несправедливо относительно самого себя. Если первый изъ упомянутыхъ случаевъ возможенъ, и распредѣляющій поступаетъ несправедливо, а не тотъ, кто беретъ слишкомъ большую часть, то выходитъ, что тотъ, кто сознательно и произвольно удѣляетъ другому болѣе, чѣмъ онъ удѣлялъ бы себѣ, самъ съ собою поступаетъ несправедливо, а такъ именно поступаютъ люди скромные и умѣренные, ибо истинно праведный человѣкъ допользуется меньшимъ. Но можетъ быть, и это невѣрно безотносительно? Онъ при случаѣ можетъ выиграть на другомъ благѣ, напримеръ, на общественномъ мѣнѣи или вообще на прекрасномъ. Но затрудненіе это разъясняется самимъ опредѣленіемъ несправедливаго образа дѣйствій. Такой человѣкъ не терпитъ противъ воли, слѣдовательно, онъ и не терпитъ несправедливости, а испытываетъ развѣ только матеріальный ущербъ. Ясно, что тотъ совершаетъ преступленіе, кто распредѣляетъ не по достоинству, а не тотъ, кто беретъ часть большую, чѣмъ ему слѣдуетъ, ибо не тотъ, кто имѣетъ известное отношеніе къ несправедливости, совершаетъ преступленіе, а тотъ, кто дѣлаетъ это произвольно. А это-то и есть принципъ дѣйствія, и онъ находится въ распредѣляющемъ, а не въ берущемъ. Сверхъ того, слово „дѣйствовать“ употребляется въ различныхъ значеніяхъ, и въ известномъ смыслѣ о не одушевленныхъ предметахъ можно сказать, что они совершаютъ убійство, напримеръ, про руку или про раба, исполняющаго приказаніе: они не совершаютъ преступленія, но дѣлаютъ несправедливое.

Далѣе, если распредѣляющій дѣлалъ неосознательно, то онъ по законной справедливости не совершилъ преступленія, и его рѣшеніе не преступно, тѣмъ не менѣе оно несправедливо, ибо справедливость закона нуна, чѣмъ вышеупомянутая правда. Если же онъ сознательно рѣшаетъ дѣло несправедливо, то онъ самъ участвуетъ въ несправедливости и выгодѣ, покровительствуя другу или удовлетворяя чувству мести, и оба участвуютъ въ выгодѣ, какъ тотъ, кто принимаетъ участіе въ преступномъ дѣленіи, такъ и тотъ, кто изъ упомянутыхъ причинъ распредѣляетъ несправедливо; судья, несправедливо присудившій одной сторонѣ поле, получаетъ вѣдь не поле отъ нея, а деньги.

§ 13. Люди полагаютъ, что несправедливый образъ дѣйствій въ ихъ власти, что поэтому и справедливое легко. Но это не такъ.

будь буду васъ спрашивать. Дѣйствительно, еслибъ я, напримѣръ, спросилъ хоть самого Эпистемона, что такое человѣкъ, и онъ отвѣтилъ бы мнѣ, какъ въ школахъ, что человѣкъ есть разумное животное, и кромѣ того, чтобы объяснить эти два термина, не менѣ темные какъ и первые, повелъ бы насъ по всѣмъ такъ-называемымъ метафизическимъ ступенямъ, то ми попали бы въ лабиринтъ, изъ котораго никогда не могли бы и выйти. Ибо изъ этого вопроса рождаются два другихъ: что такое животное? что такое разумный? Если бы для объясненія что такое животное, онъ отвѣтилъ намъ, что животное есть существо живое и чувствующее, что живое существо есть одушевленное тѣло, тѣло есть тѣлесная субстанція, то вы тотчасъ видите, что вопросы идутъ, увеличиваясь и размножаясь, какъ генеологическое дерево. Очевидно, всѣ эти прекрасные вопросы привели бы къ простому пустословію, ничего не освѣщающему и оставляющему насъ въ первоначальномъ невѣдѣніи...

Полиандръ. Признаю, что отвѣтъ мой не было хорошо разчитанъ, ибо онъ не удовлетворилъ васъ. Откровенно говоря, онъ и мнѣ теперь не кажется удовлетворительнымъ, особенно если подумать о тѣхъ затрудненіяхъ и неясностяхъ, къ какимъ онъ поведетъ насъ, если захотимъ его разчленивъ и понять. Дѣйствительно, что ни говорилъ бы Эпистемонъ, я нахожу много темнаго въ этихъ метафизическихъ ступеняхъ. Если говорить, напримѣръ, что тѣло есть тѣлесная субстанція, не опредѣливъ въ то же время, что такое тѣлесная субстанція, эти два слова не сдѣлаютъ насъ болѣе свѣдущими, чѣмъ одно слово тѣло. Впрочемъ, когда я на вопросъ вашъ отвѣтилъ, что я человѣкъ, я не думалъ о всѣхъ этихъ схоластическихъ существахъ и сущностяхъ (*ces êtres scolastiques*), мнѣ неизвѣстныхъ, о которыхъ и не слыхалъ никогда, и которыя, полагаю, существуютъ только въ воображеніи ихъ изобрѣтателей. Я хотѣлъ говорить о вещахъ, которыя мы видимъ, осязаемъ, чувствуемъ, испытываемъ въ самихъ себѣ, словомъ—о вещахъ, которыя самый простой человѣкъ знаетъ столько же, какъ величайшій философъ въ мірѣ. Наконецъ, я хотѣлъ сказать, что я есмь нѣкоторое цѣлое, составленное изъ двухъ рукъ, двухъ

ногъ, головы и другихъ частей, образующихъ то, что называется тѣломъ человека, каковое цѣлое пытается, ходить, чувствовать, думать.

Евдоксъ. Уже изъ вашего отвѣта я заключилъ, что вы не хорошо поняли мой вопросъ и отвѣтили много больше, чѣмъ сколько я спрашивалъ. Но такъ какъ вы уже помѣстили въ разрядъ сомнительнаго руки, ноги, голову и всѣ другія части, образующія машину человѣческаго тѣла, то и не хочу и спрашивать васъ о всѣхъ тѣхъ вещахъ, существованіе коихъ вамъ не кажется достовѣрнымъ. Скажите же, что такое собственно вы, на сколько вы сомнѣваетесь. Это единственный пунктъ, о которомъ я желалъ бы васъ спросить, ибо никакого другаго вы съ достовѣрностію знать не можете.

Поліандръ. Теперь, конечно, я вижу, что ошибся въ отвѣтъ и пошелъ дальше, чѣмъ слѣдовало, такъ какъ не хорошо схватилъ вашу мысль. Это сдѣлаетъ меня осмотнительнѣе въ будущемъ, а въ то же время заставляетъ удивляться точности вашей методы, помощью которой вы ведете насъ шагъ за шагомъ, простыми и легкими путями, къ познанію вещей, какими хотите насъ научить. Однако, мы можемъ назвать ошибку мою нѣкоторымъ образомъ счастливою, ибо благодаря ей, я знаю теперь, что то, что я емь, какъ сомнѣвающійся, не есть то, что я вожу своимъ тѣломъ. Даже болѣе, я не знаю, есть ли у меня тѣло, такъ какъ вы показали, что могу въ этомъ сомнѣваться... Однако устраненіе всѣхъ этихъ предположеній не препятствуетъ тому, чтобы я былъ увѣренъ въ моемъ существованіи. Напротивъ, они еще болѣе укрѣпляютъ меня въ увѣренности, что я существую, и что я не тѣло. Иначе, еслибъ я сомнѣвался въ моемъ тѣлѣ, я сомнѣвался бы въ самомъ себѣ, а это для меня не возможно, ибо я вполне убѣжденъ, что существую и убѣжденъ на столько, что сомнѣваться въ этомъ не могу.

Евдоксъ. Вы говорите чудесно и такъ хорошо разбираете занимающій васъ вопросъ, что и я лучше не могъ бы сдѣлать. Остается, выведя васъ на путь, предоставить васъ совершенно самому себѣ. Скажу болѣе: чтобы отрывать истины, даже самыя трудныя, достаточно,

по моему мнѣнію, того, что принято звать здравымъ смысломъ, если только онъ хорошо направленъ. И такъ какъ въ этомъ отношеніи не могу желать отъ васъ ничего болѣе, то впредь буду довольствоваться указаніемъ вамъ пути, по которому вы должны идти. Продолжайте же сами выводить слѣдствія изъ перваго принципа.

Поліандръ. Принципъ этотъ кажется мнѣ столь плодотворнымъ, и столько вещей представляются мнѣ одновременно, что, думаю, мнѣ не мало труда будетъ стоять привести ихъ въ порядокъ. Уже одно предостереженіе, которое вы мнѣ дали, изслѣдовать что такое я, который сомнѣвался, и не смѣшивая то, что я есмь на самомъ дѣлѣ, съ тѣмъ, чѣмъ прежде мнилъ себя быть, бросило столько свѣта въ мой умъ и такъ изгнало мракъ, что при сіяніи этомъ я усматриваю въ себѣ то, чего нельзя видѣть глазомъ. Никогда не былъ я такъ твердо увѣренъ въ томъ, что обладаю тѣломъ, какъ теперь увѣренъ въ томъ, что въ обладаніи моемъ находится нѣчто такое, чего нельзя ощущать осязаніемъ.

Евдоксъ. Эта горячность правится мнѣ, хотя, можетъ быть, не правится Эпистемону, который, пока не выведете его изъ заблужденія и не поставите предъ глазами его часть того, что, говорите вы, заключастся въ этомъ принципѣ, всегда будемъ имѣть предлогъ полагать или по крайней мѣрѣ опасаться, что свѣтъ, васъ озарившій, не болѣе какъ блуждающіе огни, гаснущіе и исчезающіе при приближеніи, и что вы вновь погрузитесь во мракъ, то-есть, въ ваше прежнее невѣдѣніе. И конечно, нельзя не признать чудомъ, что вы, не учась въ школѣ, не читавъ философскихъ сочиненій, могли стать ученымъ такъ скоро и такимъ легкимъ путемъ. Нельзя, потому, удивляться, если сужденіе Эпистемона будетъ таково, какъ я сказалъ.

Эпистемонъ. Признаюсь, я принялъ это за движеніе энтузіазма, объясняемое тѣмъ, что Полиандръ никогда не занимался изученіемъ великихъ истинъ, преподаваемыхъ философій. Потому малѣйшая изъ нихъ, узнавая имъ, привела его въ такую радость, что онъ не могъ воздержаться, чтобы не выразить своего восторга. Но кто, какъ я, долго шелъ по этой дорогѣ и много израсходовалъ масла и труда,

чтобы читать и перечитывать сочиненія древнихъ и распутывать и изъяснять что есть наиболее труднаго въ писаніяхъ философовъ, тотъ не удивится этому движенію энтузіазма и дастъ ему не болѣе цѣны, какъ той тщетной надеждѣ, какую испытываютъ многіе, только вступивъ на порогъ математики. Таковыя, дѣйствительно, только что дали вы мнѣ линейку и циркуль и показали что такое прямая линия и линия кривая, увѣрены, что найдутъ квадратуру круга и удвоеніе куба. Но мы столько разъ опровергали ученіе послѣдователей Пиррона, да и сами они такъ мало плодовъ извлекли изъ своей методы философствовать, что блуждали всю свою жизнь и не могли освободиться отъ сомнѣній, ими введенныхъ, такъ что, кажется, всѣ усилія свои направили къ тому, чтобы выучить сомнѣваться. Поэтому, не во гнѣвъ Полиандру, сомнѣваюсь, чтобы онъ могъ извлечь изъ этой методы что-нибудь лучшее.

Евдоксъ. Вижу, что, обращаясь къ Полиандру, вы хотите меня попадать. Ясно однако, что я цѣль вашихъ насмѣшекъ. По пусть Полиандръ продолжаетъ. Увидимъ потомъ, кто посмѣется послѣдній...

Полиандръ. Я сказалъ, что представляю собою нѣчто цѣлое, состоящее изъ двухъ рукъ, двухъ ногъ, головы и другихъ частей, образующихъ то, что принято звать тѣломъ человѣка; далѣе нѣчто такое, что ходить, питается, чувствуетъ и мыслить. Но чтобы разсматривать себя лишь какъ себя сознаю, потребовалось отбросить всѣ эти части или члены, образующіе машину человѣческаго тѣла, то-есть, разсматривать себя безъ рукъ, безъ ногъ, безъ головы, словомъ—безъ тѣла. Въ самомъ дѣлѣ, то, что во мнѣ сомнѣвается, не есть то, что зовемъ своимъ тѣломъ Я, какъ сомнѣвающійся, не питаюсь, не хожу; и тотъ, и другой акты не могутъ свершаться безъ тѣла. Даже болѣе, я не могу утверждать, чтобы я, сомнѣвающійся, какъ таковой, могъ чувствовать. Ибо какъ ноги необходимы для ходьбы, такъ глаза необходимы—чтобы видѣть, уши—чтобы слышать. Но какъ я не имѣю этихъ органовъ, не имѣя тѣла, то не могу сказать, чтобы я чувствовалъ... Такимъ образомъ, изъ всѣхъ атрибутовъ, какіе я себѣ далъ, остается разобрать одинъ—мысль. Только

одна она такой природы, что не могу отдѣлить ее отъ себя. Ибо, если достовѣрно, что я сомнѣваюсь, — а въ этомъ я усомниться не могу, — то достовѣрно и то, что я мыслю. Чтѣ въ самомъ дѣлѣ значить сомнѣваться, какъ не мыслить опредѣленнымъ образомъ? Еслибъ я не мысля, то не могъ бы знать ни того, что сомнѣваюсь, ни того, что существую. Между тѣмъ я существую и знаю, что существую, и знаю это потому, что сомнѣваюсь, то-есть, потому, слѣдовательно, что думаю. Еслибъ я на моментъ пересталъ мыслить, то пересталъ бы существовать. Такимъ образомъ, единственная вещь, какую не могу отдѣлить отъ себя, о которой съ достовѣрностію знаю, что это я, которую могу утверждать, не боясь ошибки, есть: я существо мыслящее...

Эпистемонъ. Остановимся, однако, и разберемъ строго начала, служащія вамъ основаніемъ, и выводимыя вами слѣдствія. Помощію истинной логики и вашихъ собственныхъ началъ я докажу вамъ, что все сказанное Полиандромъ не стоитъ на законномъ основаніи и не даетъ заключеній. Вы говорили, что существуете, что знаете, что существуете; знаете потому, что сомнѣваетесь и мыслите. Но чтѣ такое сомнѣваться, чтѣ такое мыслить, знаете ли вы это? А такъ какъ вы ничего не желаете допускать, чтѣ не было бы достовѣрно и вамъ вполне извѣстно, то какъ можете вы быть увѣрены, что существуете, опираясь на основанія столь темныя и, слѣдовательно, столь не достовѣрныя? Надлежало, чтобы вы предворительно научили Полиандра чтѣ такое сомнѣніе, мысль, существованіе. Только тогда сего разсужденіе могло бы имѣть силу доказательства, и онъ могъ бы понимать самого себя, прежде чѣмъ истолковывать другимъ.

Полиандръ. Это уже выше моего разумѣнія. Признаю себя побѣжденнымъ и предоставляю вамъ съ Эпистемономъ распутывать этотъ узелъ...

Евдоксъ. Я согласенъ съ вами, Эпистемонъ, что надо знать чтѣ такое сомнѣніе, мысль, существованіе, прежде чѣмъ вполне убѣдиться въ истинѣ разсужденія: я сомнѣваюсь, слѣдовательно, существую, или что то же, я мыслю, слѣдовательно, существую.

Но не воображайте, что для приобретѣнія этихъ предварительныхъ понятій требовалось бы насиловать и мучать умъ, чтобы найти ближайшія и существенныя отличія и изъ нихъ составить правильное опредѣленіе. Оставимъ это тѣмъ, кои хотятъ быть профессорами и держать диспуты въ школахъ. Но кто хочетъ изслѣдовать вещи самъ и судить сообразно тому, какъ ихъ понимаешь, не можетъ быть такъ ограниченъ умомъ и лишенъ свѣта, чтобы не представить себѣ съ ясностію, если обратить вниманіе, что такое сомнѣніе, мысль и существованіе, и нуждаться въ предварительномъ разъясненіи ихъ отличій. Есть много вещей, которыя мы только затемняемъ, желая ихъ опредѣлить. Такъ какъ онѣ очень просты и ясны, то узнать и понять ихъ нельзя лучше, какъ' чрезъ нихъ самихъ. Одна изъ главныхъ ошибокъ въ наукахъ есть заблужденіе тѣхъ, кои хотятъ опредѣлять то, что познается чрезъ непосредственное возрѣніе, и кои не различаютъ яснаго отъ темнаго и не раздѣляютъ того, что заслуживаетъ опредѣленіемъ, отъ того, что познается непосредственнымъ возрѣніемъ. А между вещами на столько ясными, что онѣ познаются чрезъ нихъ самихъ, надлежитъ помѣстить сомнѣніе, мысль и существованіе.

Не думаю, чтобы былъ такой тупой человѣкъ, который нуждался бы быть наученнымъ что такое существованіе, прежде чѣмъ быть въ состояніи заключить и утверждать, что онъ существуетъ. Прибавлю, что такія вещи и познать нельзя иначе какъ самому, чрезъ собственный опытъ и чрезъ то внутреннее свидѣтельство, какое человѣкъ находитъ въ себѣ, когда преслѣдуетъ какое либо наблюденіе. Подобно тому, какъ было бы бесполезно опредѣлять что такое бѣлый цвѣтъ, дабы дать уразумѣть это слѣпому, тогда какъ намъ достаточно открыть глаза и поглядѣть на бѣлый цвѣтъ,—достаточно сомнѣваться и мыслить, чтобы знать что такое есть сомнѣніе и мысль...

IV.

Не много выраженій и афоризмовъ пользуются такою общою невѣстностію, какъ знаменитая формула Декарта: *cogito ergo sum*,

съ самаго появленія ея подавшая поводъ къ нескончаемымъ истолкованіямъ. „Послѣ аксіомы перипатетиковъ: nihil est in intellectu quod non fuerit in sensu, я не знаю“, говоритъ Кузень, — „философской сентенціи, которая произвела бы столько шума въ ученномъ мірѣ, какъ знаменитое cogito ergo sum Декарта“.

Есть ли положеніе: я мыслю, слѣдовательно я есмь, сокращенный силлогизмъ (энтимема), въ которомъ подразумѣвается большая посылка: то, что мыслить — существуетъ? Таковъ былъ одинъ изъ первыхъ вопросовъ, возбужденныхъ афоризмомъ Декарта. Что cogito ergo sum есть энтимема, указывали епископъ Гюе (Huët), иезуиты ¹⁾, возражавшіе Декарту, и всѣ желавшіе ввести его разсужденія въ колею схоластическаго диспута. Самъ Декартъ подавалъ къ тому нѣкоторый поводъ, говоря въ Разсужденіи о методѣ: „Въ истиннѣ положенія: я мыслю, слѣдовательно я есмь, убѣждаетъ меня единственно то, что я очень ясно представляю себѣ дабы мыслить надо существовать“ (Il n'y a rien du tout en ceci: je pense, donc je suis, qui m'assure que je dis la vérité, sinon que je vois très clairement que pour penser il faut être).

Въ отвѣтахъ на возраженія Декартъ, однако, прямо отрицаетъ, что афоризмъ его есть силлогизмъ и указываетъ его истинное значеніе какъ простаго положенія. „Когда мы усматриваемъ, что мы не иное что, какъ нѣчто мыслящее (des choses qui pensent), то это начальное положеніе мы не выводимъ изъ какого-нибудь силлогизма. Когда кто-либо говоритъ: я мыслю, слѣдовательно я есмь, или существую, онъ не выводитъ путемъ силлогизма свое существованіе изъ того, что мыслить, но высказывается о немъ, какъ о вещи само собою извѣстной: онъ видитъ это простымъ возвращеніемъ ума ²⁾ (черезъ интуицію). Еслибъ онъ выводилъ ее попомощію силлогизма, онъ долженъ былъ бы предварительно поставить большую посылку: все, что мыслить, существуетъ. Напротивъ, самую посылку эту онъ узнаетъ изъ того, что чувствуетъ въ себѣ: не возможно, чтобы онъ мыслить, не существуя. Въ этомъ и

¹⁾ Fonsgrive, статья о мнимыхъ противорѣчіяхъ Декарта, въ *Revue Philosophique*, 1883, т. II, 511.

²⁾ *Noque etiam cum quis dicit: ego cogito ergo sum sive existo, existentiam ex cogitatione per sillogismum deducit, sed tanquam rem per se notam simplici mentis intuitu agnoscit.*

свойство нашего ума — образовать общія положенія изъ знанія частныхъ“¹⁾).

Какъ ни важно значеніе положенія: *cogito ergo sum*, было бы не точно видѣть въ немъ фундаментъ философіи Декарта. Главная цѣль Декарта не въ выводѣ достовѣрности личнаго существованія, не въ томъ, чтобы утвердить: *ego sum*, а въ томъ, чтобы утвердить: *ego sum cogitans*; установить разнородность духа и матеріи и показать что духовное бытіе, каковое и есть собственно мое бытіе, есть нѣчто отъ тѣлеснаго совершенно отличное. Декартъ и не выставляетъ своего афоризма въ той формѣ, какъ онъ имъ выраженъ, краеугольнымъ камнемъ своей философіи. Въ Размышленіяхъ онъ даже не пользуется этою формулою, замѣняя ее болѣе простымъ выраженіемъ *ego sum cogitans* ²⁾, *je suis une chose qui pense*. Истинный ключъ къ уразумѣнію идеи Декарта о духѣ, выраженный, между прочимъ, и въ разбираемой формулѣ, встрѣчаемъ въ томъ разговорѣ объ исканіи истины, который приведенъ нами выше. Вчитываясь въ этотъ разговоръ, не трудно видѣть, что кульминаціонный пунктъ всего разсужденія находится въ томъ мѣстѣ, гдѣ Полиандръ, изображающій собою умъ, отданный указаніемъ естественнаго свѣта, чувствуетъ себя озареннымъ представившеюся ему идеей и съ горечивостію высказываетъ, какая перспектива новыхъ понятій и заключеній открылась его умственному взгляду, когда онъ уразумѣлъ самостоятельность своего духовнаго начала.

Но что же именно привело въ энтузіазмъ Полиандра, въ чемъ почувствовалъ онъ внутреннее озареніе?

Для яснаго пониманія философіи Декарта, должно ни на минуту не упускать изъ виду, что ходъ его разсужденій не есть діалектической и диспутный, роющійся въ глубинахъ тонкихъ отгѣнковъ даннаго запаса понятій и разбирающійся въ ихъ сложныхъ сплетеніяхъ, но остающійся безъ поступленія впередъ. Путь Декарта есть путь естествоиспытателя. Тѣ истины, — на его по крайней мѣрѣ взглядъ, — какія удалось ему найдти чрезъ описанный имъ процессъ самоуглуб-

¹⁾ Отвѣты на вторыя возраженія. То же повторяетъ Декартъ въ письмѣ къ Клерселю по поводу возраженій Гассенди, напечатанномъ вѣстѣ съ отвѣтами на возраженія. *Oeuvres*, II, 304.

²⁾ Сущнова въ своихъ *Principia philosophiae Cartesianaе* называетъ *cogito ergo sum* — *propositio unica* и говоритъ: „*cogito ergo sum unica est propositio, quae huic: ego sum cogitans, aequivalet*“.

ленія, являлись ему въ той же силѣ и томъ же значеніи, какъ факты, отрываемые наблюдателемъ природы. Это было для него нѣчто подобное тому, какъ усмотрѣть новую звѣзду, открыть Америку. Философское изложеніе Декарта есть описаніе психологическихъ состояній, чрезъ который онъ проходитъ въ своемъ исканіи истины помощью весьма грандіознаго психологическаго опыта.

Это былъ опытъ самоуглубленія, но самоуглубленіе Декарта не было только забвеніемъ чувственныхъ условій бытія, погруженіемъ въ безконечный покой Нирваны. Это было дѣятельное исканіе въ себѣ чего-либо независимаго отъ формы и условій тѣлеснаго существованія. Идея, озарившая умъ въ процессѣ такого исканія, была: то, что составляетъ мое духовное существо, мое я, *то* генетично отлчно отъ моего тѣла и отъ всей внѣшней природы и выражается въ актѣ сознанія, цѣлою пропастію отдѣленнаго отъ явленій тѣлеснаго свойства. Между матеріей, съ ея протяженіемъ, частицами, движеніемъ,—и сознаніемъ нѣтъ никакого перехода; сознаніе есть явленіе совершенно иного порядка, въ существѣ разнородное съ матеріей.

Такова была идея, имѣющая и нынѣ громадное значеніе ¹⁾, оза-

¹⁾ Эта идея коренной разнородности и неопредѣлимости явленій матеріальныхъ и явленій сознанія,—одна изъ основныхъ мыслей «философскихъ идей»,—покойнымъ профессоромъ Н. Д. Юревичемъ въ сочиненіи «Изъ науки о человѣческомъ духѣ» (помѣщенномъ въ 1860 году въ *Трудахъ Киевской духовной академіи*) высказана въ слѣдующихъ выраженіяхъ, которыя доставляютъ себѣ удовольствіе привести здѣсь: «Кажется, ясно, что мысль не имѣетъ пространственнаго протяженія, ни пространственнаго движенія; не имѣетъ фигуры, цвѣта, звука, запаха, вкуса, не имѣетъ ни тяжести, ни температуры. Физиологъ не можетъ наблюдать ее ни однимъ изъ своихъ тѣлесныхъ чувствъ. Только внутренно, только въ непосредственномъ самоозрѣніи онъ узнаетъ себя, какъ существо мыслящее, чувствующее, стремящееся. Эти двѣ величины, то-есть, предметы внѣшняго и внутренняго опыта, суть, какъ говорятъ психологи, несоизмѣримыя. Физиологъ будетъ наблюдать самыя сложныя движенія нервовъ, но все же эти движенія, какъ они существуютъ для внѣшняго опыта, то-есть, пока они суть пространственными движеніями, происходятъ между матеріальными элементами, не превращаются въ ощущеніе, представляя и мысли. Если говорить, что движеніе нерва *превращается* въ ощущеніе, то здѣсь всегда обходить того дѣятеля, который обладаетъ этою чудесною *превращающею* силой, или который имѣетъ способность и свойство рождать въ себѣ ощущеніе по поводу движенія нерва, а само движеніе, какъ понятно, не имѣетъ въ себѣ ни возможности, ни потребности быть чѣмъ-либо другимъ, крѣмъ движенія». Эти слова могутъ служить хорошимъ комментариемъ къ идее коренной разнородности духовнаго и тѣлеснаго, провозглашенной впервые Декартомъ.

рившая голову Декарта. Идея эта важное приобретение человеческого ума. Декарт она повела къ составленію цѣлой теоріи: обычное среди естествоиспытателей явленіе при открытіи важнаго новаго факта. Явленіе сознанія, при его существенной разпородности съ матеріей, было для Декарта свидѣтельствомъ, что есть нѣкоторая независимая отъ матеріи субстанція, для которой сознаніе (мысль, по терминологіи Декарта) есть качество или атрибутъ. Атрибутъ этотъ единственный, въ которомъ выражается вся природа субстанціи, которая есть мое я, мой духъ. Такъ какъ между этою субстанціей и субстанціей матеріальною лежить цѣлая непреходимая пропасть, то духъ знавомѣ намъ, чѣмъ матерія, ибо матерія лежить по ту сторону пропасти. Гипотетическій пунктъ теоріи—тотъ, гдѣ отъ явленій сознанія и его коренной разпородности съ матеріей дѣлается заключеніе къ существованію такой особой субстанціи, самостоятельной, сохраняющей атрибутъ сознанія или мысли независимо отъ матеріи, отдѣльно отъ нея. На этотъ пунктъ и направлялись, понятно, возраженія, указывавшія недостаточность Декартова доказательства независимости и самостоятельности духовнаго начала.

Для оправданія нашего взгляда на ученіе Декарта о духовной субстанціи приведемъ нѣсколько мѣстъ.

Декарту указывали, что его *cogito ergo sum* встрѣчается у блаженнаго Августина. Декартъ пишетъ по этому поводу: „Вы обязали меня ¹⁾, указавъ мѣсто у святаго Августина, имѣющее нѣкоторое отношеніе къ моему я мыслю, слѣдовательно я есмь. Я прочелъ его сегодня въ городской библіотекѣ²⁾. Дѣйствительно, св. Августинъ пользуется имъ, чтобы доказать достовѣрность нашего существа и потому чтобы доказать, что въ насъ есть нѣкоторое подобіе св. Троицы, ибо мы существуемъ, знаемъ, что существуемъ, и любимъ это бытіе и это знаніе. Я же пользуюсь имъ, чтобы показать, что я, который мыслю, есмь нематеріальная субстанція, не имѣющая ничего тѣлеснаго, а это—двѣ совсѣмъ разныя вещи“.

Въ другомъ письмѣ ³⁾ (дата и лицо, къ какому писано, неизвѣстны; Кузеномъ отнесено къ 1638 году), указывая кратко ходъ своихъ метафизическихъ соображеній и упоминая объ актѣ сомнѣнія,

¹⁾ Письмо къ неизвѣстному лицу. *Oeuvres*, VIII, 421. Писано въ 1640 году.

²⁾ Выраженіе св. Августина *sum si fallor*. Духу св. Августина опредѣляютъ: *substantia quaedam rationis participans regendo seipsum accommodata*.

³⁾ *Oeuvres*, VIII, 57.

какъ объ актѣ удаленія мысли отъ чувственныхъ предметовъ, Декартъ говоритъ: „Сомнѣвающійся такимъ образомъ во всемъ матеріальномъ не можетъ однако вслѣдствіе этого сомнѣваться въ собственномъ существованіи. Отсюда слѣдуетъ, что онъ, то-есть, его душа (*celui là, c'est à dire l'âme*) есть существо или субстанція совершенно не матеріальныя. Natura ея исключительно въ томъ, чтобы мыслить (*sa nature n'est que de penser*), и она есть первая вещь, которую можно знать съ достовѣрностію. Останавливаясь достаточно долго на такомъ размышленіи, мы приобретаемъ очень ясное, и смѣю сказать, нитутіавное представленіе о духовной природѣ вообще (*de la naturel intellectuelle en général*), идея коей, разсматриваемая безъ ограниченія, даетъ представленіе о Богѣ, а съ ограниченіемъ — объ ангелахъ и о душѣ человѣка“.

Съ большою ясностію выражаетъ свою мысль Декартъ въ отвѣтѣ Гоббесу, указывавшему, что изъ положенія: я мыслю, скорѣе можно вывести, что вещь мыслящая есть нѣчто тѣлесное, чѣмъ заключить о существованіи нематеріальной субстанціи. „Несомнѣнно“, говоритъ Декартъ, — „что мысль не можетъ быть безъ нѣкоторой вещи, которая мыслить, и вообще никакого качества или акта не можетъ быть безъ нѣкоторой субстанціи, которой актъ этотъ принадлежитъ. Но такъ какъ мы не познаемъ субстанцію непосредственно чрезъ исс, а познаемъ только потому, что она является субъектомъ нѣсколькихъ актовъ, то вполне согласно съ разумомъ и обычаемъ требованіе, чтобы мы называли различными именами субстанціи, которыя являются субъектами разныхъ актовъ или совершенно различныхъ качествъ, и потомъ разбирали, означаютъ ли эти имена разные вещи или одну и ту же. Есть опредѣленные акты, кои мы называемъ тѣлесными, какъ величина, фигура, движеніе и прочее, чего не можемъ себѣ представить безъ протяженія и занятія мѣста. Мы и называемъ тѣломъ субстанцію, въ коей эти акты пребываютъ. И пельзя представить себѣ, чтобы одна субстанція была субъектомъ фигуры, другая субъектомъ движенія и проч., такъ какъ всѣ эти акты сходятся между собою въ томъ, что предполагаютъ протяженіе. Но есть другіе акты, кои называемъ умственными, каковы: понимать, хотѣть, воображать, чувствовать и т. д., кои сходятся между собою въ томъ, что не могутъ быть безъ мысли или представленія, сознанія или знанія. Субстанцію, въ коей они пребываютъ называемъ мыслящею вещію, или духомъ, или инымъ какимъ именемъ, только бы не смѣшивать ее съ тѣлесною субстанціей, такъ

какъ умственные акты не имѣютъ никакого сродства съ тѣлесными, и мысль, составляющая общую ихъ связь, всецѣло отличается отъ протяженія, составляющаго общую связь тѣхъ и другихъ актовъ⁴.

Въ собраніи писемъ Декарта есть письмо (1637 года) неизвѣстнаго лица къ другу философа, въ которомъ это лицо проситъ передать Декарту нѣкоторыя возраженія¹). Между возраженіями встрѣчаемъ слѣдующее: „Первый принципъ его (Декарта) философіи есть я мыслю, слѣдовательно я есмь. Принципъ этотъ не болѣе достовѣренъ, какъ таковой: я дышу, слѣдовательно я есмь, или такой: каждое дѣйствіе предполагаетъ существованіе. Сказать, что нельзя дышать безъ тѣла, но можно думать безъ тѣла—есть утвержденіе, еще требующее яснаго доказательства, ибо если можно вообразить, хотя это довольно трудно, себя безъ тѣла, то также можно вообразить жизнь безъ дыханія, но отсюда не слѣдуетъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ можно было жить не дыша“.

Декартъ отвѣтилъ: „Когда говорятъ: я дышу, слѣдовательно я есмь, и хотять сдѣлать заключеніе о существованіи, основываясь на томъ, что безъ существованія не можетъ быть дыханія, то не заключаютъ ничего, ибо слѣдовало бы предварительно доказать, что дыханіе дѣйствительно имѣетъ мѣсто, а это не возможно, если не доказано также и существованіе. Но если хотять заключить о своемъ существованіи изъ того чувства или мнѣнія о томъ, что есть дыханіе,—такъ что хотя бы мнѣніе это и было ложно, его однако имѣть нельзя было бы, если бы мы не существовали,—то заключаютъ весьма хорошо, ибо мысль о дыханіи представляется тогда уму нашему прежде, чѣмъ мысль о существованіи, и мы не можемъ сомнѣваться въ существованіи, пока мысль эту имѣемъ. Въ этомъ смыслѣ все равно сказать ли: я дышу, слѣдовательно я есмь, или я мыслю, слѣдовательно я есмь. Обративъ вниманіе, увидимъ, что всѣ другія положенія, изъ коихъ можемъ заключить о нашемъ существованіи, приводятся къ тому же. Такимъ образомъ, положеніе это доказываетъ существованіе не тѣла, то-есть, натуры, которая занимаетъ пространство и прочее, но только души, то-есть, натуры, которая мыслить. И хотя можно недоумѣвать, не одна ли это и та же натура, которая и думаетъ и пространство занимаетъ, то-есть, которая виѣстѣ и духовная, и тѣлесная, но путемъ, мною предложеннымъ, мы познаемъ ее только какъ духовную“.

¹) *Оeuvres*, VII, 384, 392.

Заключение отъ разнородности сознанія и явленій матеріальнаго характера къ существованію духовной субстанціи, совершенно отдѣльной и независимой отъ субстанціи матеріальной, и для которой сознаніе служитъ атрибутомъ, есть основное положеніе Декартовой теоріи духа. Оно ведетъ къ капитальному слѣдствію—удаленію изъ области матеріальной природы всякаго одухотворенія. Вся область внѣшней природы, со включеніемъ растительнаго и даже животнаго царства, и явленій тѣла человѣческаго была для Декарта областію исключительно геометріи и механики. Ходячія въ ту эпоху представленія о душѣ растительной, животной и всяческаго одухотворенія, допускаемыя въ объясненіяхъ матеріальныхъ явленій, Декартомъ цѣликомъ исключались.

Понятно, что теорія Декарта встрѣтила многочисленныя возраженія. Они дѣлались главнымъ образомъ съ точки зрѣнія недостаточной доказанности ея основнаго положенія и отчасти свидѣтельствуютъ, съ какою трудностію входила въ умы идея разнородности процессовъ матеріальныхъ и духовныхъ.

Въ возраженіяхъ, собранныхъ Мерсенномъ, отъ нѣкоторыхъ богослововъ и философовъ (вторыя возраженія) читаемъ:

„Вы знаете, что вы вещь, которая мыслить; но вы еще не знаете, что такое есть вещь, которая мыслить. Почему знаете вы, не есть ли несть эта тѣло, которое различными движеніями своими и столкновеніями производитъ то дѣйствіе, которое мы называемъ мыслию. Хотя вы и думаете, что отбросили все тѣлесное, вы могли, однако, ошибиться и не отбросили себя, будучи, можетъ быть, тѣломъ. Какъ доказываете вы, что тѣло не можетъ мыслить, и что тѣлесныя движенія не суть сама мысль? И почему система вашего тѣла, которую, кажется вамъ, вы отбросили, и часть ея, напримѣръ, мозгъ, не могутъ произвестъ тотъ родъ движеній, который мы зовемъ мыслию? Я—говорите вы—вещь, которая мыслить; но почему знаете вы, не тѣлесное ли вы движеніе или движимое тѣло?“

Декартъ отвѣчаетъ, что во второмъ размысленіи, на которое направлено возраженіе, онъ и не рѣшалъ еще вопроса, можетъ ли тѣло мыслить, и не оно ли есть та субстанція, которая мыслить. О вопросѣ этомъ, прибавляетъ Декартъ, 'говорится въ шестомъ размысленіи, гдѣ заключеніе это сдѣлано въ формѣ силлогизма, большая посылка котораго есть: „если я могу ясно и раздѣльно представить себѣ одну вещь безъ другой, то этого достаточно, чтобы быть увѣреннымъ, что эти двѣ вещи раздѣлены и раз-

личны между собою". „Хотя я имѣю“, продолжаетъ Декартъ,— „тѣло тѣснѣйше со мною соединенное, однако же такъ какъ, съ одной стороны, у меня есть ясная и раздѣльная идея о самомъ себѣ, какъ о вещи мыслящей, а не протяженной, а съ другой—ясная и раздѣльная идея о тѣлѣ, какъ о вещи исключительно протяженной и не мыслящей, то достовѣрно, что я, то-есть, мой духъ или душа, чрезъ которую я есмь то, чтѣ есмь, вполне и подлинно отличны отъ тѣла, и она можетъ существовать безъ него. Къ этому легко прибавить: то, чтѣ мыслятъ, есть духъ или именуется духомъ. Но такъ какъ тѣло и духъ реально различны между собою, и никакое тѣло не есть духъ, то никакое тѣло, слѣдовательно, не можетъ мыслить“.

Гассенди говорить въ свою очередь:

„Вы замѣчаете, что вы мыслите. Конечно, отрицать этого нельзя. Но вамъ остается еще доказать, что способность мыслить на столько превышаетъ тѣлесную природу, что ни тонкая матерія, именуемая животнымъ духомъ (*esprits animaux*), и никакое тѣло, сколь бы тонко, разжижено, чисто и подвижно ни было, не можетъ быть такъ подготовлено и приобрести такое расположеніе, чтобы получить способность мыслить. Надлежитъ также доказать, что души животныхъ не тѣлесны, ибо животные мыслятъ или, если хотите, имѣютъ, кромѣ отпращеній внѣшнихъ чувствъ, внѣшнихъ знаній, и не только бодрствуя, но и во снѣ. Наконецъ, надлежитъ доказать, что грубое и тяжелое тѣло ни въ чемъ не содѣйствуетъ вашей мысли, и что хотя вы никогда не были безъ него и не мыслили отъ него въ отдѣльности, можете все-таки мыслить независимо отъ него и не можете быть потому воспрепятствованы парами и темными и густыми димами, кои иногда вносятъ такое смятеніе въ мозгъ“.

Въ отвѣтъ на эти замѣчанія Декартъ дѣлаетъ свои обычные поясненія и прибавляетъ между прочимъ: „Я не разъ весьма ясно показывалъ, что духъ можетъ дѣйствовать независимо отъ мозга, ибо достовѣрно, что мозгъ не имѣетъ никакого участія, когда дѣло идетъ объ образованіи актовъ чистаго разумѣнія, но только когда дѣло идетъ о томъ, чтобы чувствовать или воображать какую-либо вещь. Когда чувство или воображеніе сильно смятены, какъ въ случаѣ расстройства мозга, умъ не можетъ съ легкостію прилежать къ усмотрѣнію другихъ вещей. И однако мы по опыту знаемъ, что въ томъ случаѣ, когда воображеніе дѣйствуетъ не съ такою силою, мы часто усматриваемъ вещи, совершенно отличныя отъ того, чтѣ ставить предъ нами воображеніе. Такъ во снѣ мы иногда сознаемъ,

что находимся въ состояніи соннаго видѣнія. То, что представляетъ намъ сонъ, есть дѣйствіе воображенія, но сознание того, что мы спимъ, есть дѣло чистаго разумія^а.

V.

Перейдемъ къ Декартовымъ доказательствамъ бытія Божія.

Доказательства эти Декартъ, кромя Разсужденія о методѣ, развилъ въ третьемъ и пятомъ Размышленіяхъ, а также въ отвѣтахъ на сдѣланныя на нихъ возраженія и, наконецъ, въ Началахъ философіи (въ параграфахъ 14—22 первой части).

Въ Разсужденіи, какъ мы видѣли, Декартъ, выходя отъ присутствующей въ человѣкѣ идеи верховнаго и совершеннѣйшаго существа, указываетъ, что идея эта не можетъ имѣть другаго источника, какъ нѣкоторое, дѣйствительно существующее, верховное существо. Не довольствуясь этимъ доказательствомъ, Декартъ выводитъ необходимость бытія Божія изъ свойства самой идеи о верховномъ существѣ, въ которой, по ученію его, существованіе заключается столь же необходимо, какъ въ существѣ плоскаго треугольника заключается равенство суммъ его угловъ двумъ прямымъ. Тѣ же аргументы болѣе подробно и обстоятельно Декартъ излагаетъ въ Размышленіяхъ. Приведемъ нѣсколько мѣстъ съ цѣлью подробнѣе выяснитъ характеръ доказательствъ Декарта.

„Подъ именемъ Бога“, говорятъ онъ въ третьемъ размышленіи,— „я разумію субстанцію безконечную¹⁾, всезнающую, всемогущую, которою я, и всѣ другія вещи, буде дѣйствительно такія существуютъ, созданы и произведены. Но преимущества эти такъ велики и отъѣины, что чѣмъ внимательнѣе ихъ разсматриваю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что идея, какую о нихъ имѣю, не могла получить своего происхожденія отъ меня одного. Слѣдовательно, необходимо, какъ сказано выше, признатъ бытіе Божіе. Ибо, хотя идея о субстанціи есть во мнѣ, потому что я самъ субстанція, однако идеи безконечной субстанціи я, будучи конечнымъ существомъ, не могъ бы имѣть, еслибы она не была вложена въ меня нѣкоторою субстанціей, дѣйствительно безконечною“. Далѣе Декартъ дѣлаетъ вопросъ: „могъ ли бы я, имѣющій такую идею о Богѣ, существовать, если бы не было Бога“, и

¹⁾ Вѣчную, неизмѣнную,—прибавлено во французскомъ переводѣ.

рѣшаетъ, что уже „тѣмъ самымъ, что я существую и во мнѣ находится идея существа верховнаго, совершеннаго, то-есть, Бога, бытіе Божіе доказывается съ очевидностью“. Идея же о Богѣ, по ученію Декарта, врожденна: „Она произведена вмѣстѣ со мною, въ моментъ моего творенія, какъ и идея, какую имѣю о самомъ себѣ“. „Вся сила аргументаціи, какую я здѣсь пользовался“, прибавляетъ Декартъ,— „чтобы доказать бытіе Божіе, состоятъ въ признаніи невозможности, чтобы природа моя была такова, какъ она есть, то-есть, чтобы присутствовала во мнѣ идея Бога, если бы Богъ не существовалъ на самомъ дѣлѣ“.

Доказательство втораго рода находится въ нѣтомъ размышленіи, гдѣ онъ выводитъ изъ самаго свойства идеи о Богѣ необходимость его бытія. „Чѣмъ болѣе я вдумываюсь“, говоритъ Декартъ,— „тѣмъ яснѣе становится для меня, что существованіе не можетъ быть отдѣлено отъ существа Бога, какъ отъ существа треугольника не можетъ быть отдѣлено равенство трехъ его угловъ двумъ прямымъ или отъ идеи горы идея долины. Такимъ образомъ, столь же не возможно представить себѣ Бога, то-есть, существо верховно-совершенное, которому не достаетъ существованія, то-есть, не достаетъ нѣкотораго совершенства, какъ представить себѣ гору не имѣющею долины... Я свободенъ вообразить лошадь безъ крыльевъ или съ крыльями, но я не свободенъ представить себѣ Бога безъ бытія, то-есть, верховно-совершенное существо безъ верховнаго совершенства... Богъ обладаетъ всѣми совершенствами, а существованіе есть одно изъ нихъ“.

Въ Началахъ философіи Декартъ приводитъ тѣ же аргументы, расположивъ ихъ въ нѣсколько иномъ порядкѣ. Онъ начинаетъ съ доказательства, основаннаго на свойствѣ идеи, какую мы имѣемъ о верховномъ существѣ („§ 14. Можно доказать бытіе Бога уже отъ одного того, что необходимость бытія или существованія заключается въ идеи, какую мы о немъ имѣемъ“). „Когда мысль, обзрѣвъ различныя идеи, какія имѣетъ, встрѣчаетъ между ними идею нѣкотораго всевѣдущаго, всемогущаго и всесовершеннаго существа, она легко изъ усматриваемаго ею въ этой идеѣ, заключаетъ о бытіи этого существа, то-есть, Бога. Въ самомъ дѣлѣ, хотя мысль имѣетъ и о многихъ другихъ вещахъ отчетливыя идеи, однако не замѣчаетъ ничего, что свидѣтельствовало бы о необходимости существованія ихъ предмета; въ идеѣ же Бога она усматриваетъ не только возможность существованія, какъ въ другихъ, но абсолютную его необходимость и вѣчность. И подобно тому, какъ отъ необходимости, заключающейся въ идеѣ,

какую имѣть о треугольникѣ, чтобы три угла его были равны двумъ прямимъ, мысль приходитъ къ безусловному убѣжденію, что треугольникъ имѣть сумму угловъ равною двумъ прямимъ, она единственно отъ того, что въ идеѣ, какую имѣть о верховномъ существѣ, усматривается заключенною необходимостью бытія, должна убѣдиться, что всесовершенное существо имѣть бытіе". Въ послѣдующихъ параграфахъ, отъ 17-го до 22-го, Декартъ сжато повторяетъ доказательства бытія Божія, основанныя на соображеніяхъ о присутствіи въ насъ идеи божества, не могущей имѣть иной причины, какъ само божество, и о самомъ нашемъ существованіи, такъ какъ мы не можемъ быть причиною самихъ себя. „Уже того, что жизнь наша продолжается“, прибавляетъ Декартъ въ § 21, — „достаточно, чтобы доказать, что Богъ есть“. Моменты времени независимы одинъ отъ другаго. „Изъ того, что мы существуемъ теперь, не слѣдуетъ, чтобы мы были моментъ позже, — если только причина, насъ производящая, не будетъ продолжать насъ производить, то-есть, сохранять“.

Въ „Замѣчаніяхъ на нѣкоторое объявленіе, напечатанное въ Нидерландѣхъ въ концѣ 1647 года“ (*Remarques sur un certain placard, imprimé aux Pays-Bas vers la fin de l'année 1647*) Декартъ отвѣчаетъ ¹⁾, между прочимъ, на возраженія, сдѣланныя скрывшимъ свое имя авторомъ объявленія противъ Декартовыхъ доказательствъ бытія Божія. (Авторомъ былъ профессоръ Регіусъ, послѣдователь Декарта, но поведшій доктрину учителя въ сторону, куда тотъ не намѣревался идти). Объявленіе было озаглавлено: „Изясненія челоувческаго духа или разумной души, гдѣ показывается, что онъ есть и чѣмъ можетъ быть“. Осторожный Декартъ встревожился, не приписали бы ему самому нѣкоторые выводы, сдѣланные молодымъ ученымъ, и поспѣшилъ опроверженіемъ тезисовъ, въ числѣ 21, составлявшихъ объявленіе, обвинилъ автора, между прочимъ, въ легкомысленномъ желаніи опровергнуть въ нѣсколькихъ словахъ то что было плодомъ „долгаго и серьезнаго размышленія“.

„Всѣ доводы, приведенные мною въ доказательство (бытія Божія), сводятся“, говоритъ Декартъ, „къ двумъ: первый тотъ, что мы имѣемъ познаніе о Богѣ или идею, которая такова, что если вдумаемся въ ея содержаніе и разберемъ ее внимательно, какъ указало мною, то одно это разсмотрѣніе покажетъ намъ необходимость бытія Божія, такъ какъ идея о Богѣ заключаетъ въ себѣ существованіе не только какъ

¹⁾ *Oeuvres*, X, 99.

возможное и случайное, но какъ безусловно необходимое и дѣйствительное. Между тѣмъ авторъ объявленія, чтобы опровергнуть этотъ доводъ, признанный, по тщательномъ разсмотрѣніи, многими, выдающимися по уму и знанію, высокостоящими лицами, согласно со мною, вѣрнымъ и очевиднымъ доказательствомъ, довольствуется слѣдующими словами: „Познаніе о Богѣ или идея о Богѣ, существующая въ нашемъ умѣ, не есть аргументъ достаточно сильный и убѣдительный для доказательства бытія Божія, ибо извѣстно, что не всѣ вещи, идеи о конкхъ ми имѣемъ, дѣйствительно существуютъ“. Слова эти свидѣлствуютъ, что авторъ читалъ мои писанія, но онъ же выдаетъ, что онъ не понялъ или не хотѣлъ понять сказаннаго мною. Сила моего аргумента взята не отъ природы этой идеи вообще, но отъ особаго свойства ея, только ей приличествующаго, очевиднаго въ представленіи о Богѣ, но не встрѣчающагося въ идеѣ никакой иной вещи, а именно—отъ необходимости существованія для завершения и выполненія совершенства, безъ каковаго ми не можемъ представить себѣ Бога. Другой аргументъ, какимъ я доказывалъ бытіе Божіе, состоитъ въ томъ, что, какъ я съ очевидностію показалъ, ми не въ состояніи были бы знать и представлять себѣ всѣ совершенства, какія признаемъ въ Богѣ, если бы Бога не было, и ми не были имъ созданы. Однако, нашъ авторъ мнитъ все это опровергнуть говоря: идея, каковую ми имѣемъ о Богѣ, не выходитъ за предѣлы нашего ума или нашей мысли и на столько же не превышаетъ естественной способности нашей мыслить, какъ идея всякой другой вещи“. Еслибъ авторъ подъ словами этими разумѣлъ только, что идея, каковую ми имѣемъ о Богѣ, безъ сверхъестественной помощи и благодати, не менѣе намъ естественна, какъ всѣ другія идеи, то я былъ бы съ нимъ согласенъ. Но отсюда ничего еще не слѣдуетъ противъ меня. Если же онъ полагаетъ, что въ идеѣ Бога не заключается объективнаго совершенства болѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ идеяхъ, взятыхъ вмѣстѣ, то онъ явно заблуждается ¹⁾. Именно отъ этого избытка совершенствъ, какой заключается въ идеѣ Бога сравнительно со всѣми другими идеями, я и повелъ мою аргументацію⁴.

Выводъ изъ идеи Божества о необходимости его существованія именуется онтологическимъ доказательствомъ бытія Божія. Подобный выводъ первоначально былъ сдѣланъ богословомъ XI вѣка, Ансель-

¹⁾ S'il estime que cette idée de Dieu ne contient pas plus de perfection objective que toutes les autres idées prises ensemble, il erre manifestement.

момъ Кантерберійскимъ въ его сочиненіи *Prologium*. Вотъ слова св. Ансельма ¹⁾:

„Ты, Боже, открывающій вѣрѣ разумѣніе ея, пошли мнѣ понять разумомъ и бытіе Твое и свойства, какъ приѣмлю ихъ вѣрою. Вѣрую, что Ты еси существо, выше коего ничего нельзя себѣ представить. Можетъ ли не быть такое существо, потому что безумный рекъ въ сердцѣ своемъ: вѣсть Богъ? Но и самый безуонецъ, когда слышитъ слова: существо, выше коего нельзя себѣ представить, понимаетъ чтò слышитъ, и понимаемое присутствуетъ въ его умѣ, хотя бы онъ и не понималъ, что всѣцъ, о коей ему я говорю, дѣйствительно существуетъ. Ибо иное дѣло имѣть въ умѣ идею существа, и иное—представлять себѣ, что это существо дѣйствительно есть. Такъ, иногда живописецъ, обдумывая свое произведеніе, носить въ умѣ идею этого произведенія, хотя и не имѣетъ мысли, что произведеніе это дѣйствительно исполнено. Но когда картина окончена, живописецъ въ одно время имѣетъ и идею ея, и мыслить, что она исполнена. Такимъ образомъ, безуонецъ убѣжденъ, по крайней мѣрѣ, что въ умѣ его есть идея существа, выше коего нельзя себѣ представить, ибо онъ понимаетъ эти слова, произнося ихъ, а то чтò онъ понимаетъ, присутствуетъ въ его умѣ. Но не возможно, чтобы существо, выше коего нельзя себѣ представить, имѣло бытіе только въ умѣ. Если бы такое существо было только въ умѣ, то мы могли бы мыслить его какъ существующее варазъ и въ умѣ, и въ дѣйствительности, чтò выше, чѣмъ существованіе только въ умѣ. Если, слѣдовательно, существо, выше коего нельзя представить, имѣетъ бытіе только въ умѣ, то приходимъ къ заключенію, что можемъ представить такое существо, которое будетъ выше его, а это, очевидно, не возможно. Заключаемъ, не сумняся, что существо, выше коего нельзя себѣ представить, имѣетъ бытіе и въ умѣ, и въ дѣйствительности“.

Такая же аргументація встрѣчается у Томи Аквинскаго. На псе обратилъ вниманіе Декарта въ своемъ позраженіи на Размышленія (первыя возраженія) богословъ Катерусъ (*Catérus*), католическій священникъ, докторъ Лувенскаго факультета. Катерусъ, приводитъ аргументацію св. Томи въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Какъ только услышано и понято, чтò означаетъ слово Богъ, явственно становится, что Богъ есть; ибо подъ именемъ сиихъ раз-

¹⁾ Цитую по *Précurseurs et disciples de Descartes* par Em'le Saisset. Paris, 1862, стр. 138.

умѣется вѣчто выше чего нельзя себѣ ничего представить. Но то, что есть въ одно время и въ разумѣніи, и въ дѣйствительности выше того, что есть только въ разумѣніи. Посему, изъ того, что Богъ есть въ разумѣніи нашемъ, необходимо слѣдуетъ, что онъ есть и въ дѣйствительности. Иначе: Богъ есть то, выше чего нельзя себѣ представить; но то, выше чего нельзя себѣ представить, включаетъ существованіе. Богъ, слѣдовательно, не можетъ не быть, и нельзя себѣ Его представить безъ существованія^а.

Декартъ, въ отвѣтъ, такъ поясняетъ свою доводу. „Моя аргументація^а, говоритъ онъ,—такова. То, что мы ясно и раздѣльно представляемъ себѣ, какъ принадлежащее природѣ, неизмѣнной сущности и истинной формѣ какой-либо вещи, можетъ быть основательно утверждено относительно этой вещи. По тщательномъ разсмотрѣніи что есть Богъ, мы ясно и раздѣльно представляемъ себѣ, что бытіе принадлежитъ Его истинной, неизмѣнной природѣ. Посему можемъ неложно утверждать, что Онъ существуетъ, или по крайней мѣрѣ что заключеніе наше законно. Возможное существованіе заключается въ идеѣ всякой вещи, которую представляемъ себѣ ясно и раздѣльно. Но необходимое существованіе заключается лишь въ идеѣ Бога... Еслибъ я сталъ по отношенію къ идеѣ какого-нибудь весьма совершеннаго тѣла соображать, что въ ней должна заключаться необходимость существованія, ибо болѣе совершенства быть въ дѣйствительности и въ разумѣніи, чѣмъ быть только въ разумѣніи,—то я могъ бы только заключить, что тѣло это можетъ существовать, по не то, что оно дѣйствительно существуетъ. Я знаю, что идея эта образована моимъ умомъ, соединившимъ вмѣстѣ всѣ тѣлесныя совершенства, и что существованіе вовсе не вытекаетъ изъ другихъ совершенствъ, заключающихся въ природѣ этого тѣла, такъ какъ можно одинаково и утверждать, и отрицать ихъ существованіе, то-есть, представлять себѣ ихъ существующими, или не существующими. Далѣе, изслѣдуя идею тѣла, я не вижу въ немъ никакой силы, которою оно самопроизводилось бы и самосохранялось бы. Заключаю, что необходимое существованіе, о какомъ только и идетъ рѣчь, не принадлежитъ природѣ тѣла такъ какъ природѣ горѣ принадлежитъ быть безъ долины или природѣ треугольника имѣть сумму трехъ угловъ, большую двухъ прямихъ. Но теперь, если спросить не о тѣлѣ, а о вѣкоторой вещи, которая включаетъ въ себѣ всѣ вмѣстѣ соединенныя совершенства, должно ли между ними считать и существованіе, то правда, въ началѣ можно бы усомниться, ибо умъ нашъ, какъ ко-

нечный, привыкъ разсматривать эти совершенства въ отдѣльности и не усмотрять съ разу того, какъ необходимо, чтобъ они были соединены вмѣстѣ. Но если внимательно будемъ изслѣдовать, причлещуется ли бытіе существу верховно могущественному, и какой родъ бытія ему причлещуется, мы ясно и раздѣльно узнаемъ, что, вопервыхъ, возможное бытіе причлещуется ему во всякомъ случаѣ и, во вторыхъ, что, вслѣдствіе безконечнаго могущества своего, оно можетъ существовать собственной силою. Заключаемъ, что оно дѣйствительно имѣетъ бытіе и имѣетъ отъ вѣчности. Ибо, по естественному свѣту, ясно, что существующее собственной силою существуетъ всегда. Такимъ образомъ узнаемъ, что необходимость существованія заключается въ идеѣ верховнаго существа не вслѣдствіе функціи ума нашего, но потому, что бытіе принадлежитъ истинной и неизмѣнной природѣ такого существа*.

Въ томъ же отвѣтѣ на возраженіе Батеруса Декартъ поясняетъ, почему онъ не прибѣгъ къ общепринятому способу доказывать бытіе Божіе, основанному на разсмотрѣніи качествъ творенія и причинной связи явленій. „Я не выводилъ мои аргументы“, говоритъ Декартъ, — „изъ того, что въ области чувственныхъ вещей замѣчается извѣстный порядокъ и опредѣленная послѣдовательность дѣйствующихъ причинъ, отчасти потому, что, согласно моимъ мыслямъ, бытіе Божіе гораздо очевиднѣе, чѣмъ бытіе чувственныхъ вещей, отчасти потому, что разсмотрѣніе послѣдовательности причинъ можетъ привести только къ познанію несовершенства моего ума, который не въ состояніи понять, какимъ образомъ причины эти слѣдовали отъ вѣчности одна за другою въ безконечномъ рядѣ, такъ что не было первой; ибо изъ того, что мы не можемъ понять этого, никакъ не слѣдуетъ, что должна быть первая причина; точно также, какъ изъ того, что я не могу понять безпредѣльнаго раздѣленія какой-нибудь копечной величины не слѣдуетъ, чтобы было послѣднее раздѣленіе, далѣе коего дѣлимость не можетъ идти; а слѣдуетъ только, что разумнѣе мое, какъ конечное, не можетъ понять безконечнаго. Вотъ почему я предпочелъ доводы мои утвердить на моемъ существованіи, не зависящемъ ни отъ какой послѣдовательности причинъ, и которое мнѣ болѣе, чѣмъ что-либо, вѣдомо. Спрашивая себя объ этомъ, я не столько старался разъяснить, какая причина меня произвела, сколько то, какая сохраняетъ меня, дабы этимъ способомъ избавиться отъ разсмотрѣнія ряда и послѣдовательности причинъ“.

VI.

Изъ двухъ доказательствъ, въ какиѣ, какъ ми видѣли, Декартъ сводитъ свои доводы, и въ Разсужденіи, и въ Размышленіяхъ на первомъ планѣ поставлено доказательство, основанное на разсмотрѣніи происхожденія находимой въ умѣ человѣка идеи о Богѣ; доказательство, основанное на разсмотрѣніи совершенствъ, заключающихся въ идеѣ Божества, и въ числѣ коихъ необходимо должно быть и существованіе, занимаетъ менѣе видное мѣсто (въ Размышленіяхъ его находимъ въ питомъ размышленіи). Но въ Началахъ философіи и въ письмѣ по поводу плакарды Регіуса Декартъ перемѣстилъ его на первый планъ.

Доказательство это; какъ и другія того же рода, было подвергнуто Кантомъ тщательной критикѣ, указавшей несостоятельность помѣщенія существованія въ разрядъ качествъ и совершенствъ.

Для правильнаго сужденія о характерѣ доказательствъ Декарта и вообще о значеніи его метафизическихъ ученій, надлежитъ, полагаю, остаться на той точкѣ зрѣнія, на какую мы стали при разсмотрѣніи его афоризма *cogito ergo sum*. Не должно упускать изъ виду, что Декартъ не строитель силлогизмовъ. Придавая значеніе, въ смыслѣ школьной гимнастики ума, діалектическимъ построеніямъ, сочетающимъ и раздѣляющимъ условныя понятія, неопредѣленностію содержанія своего подающія обильный поводъ къ диспутамъ, Декартъ — противникъ такого рода построеній въ дѣлѣ исканія истины. Въ разсужденіяхъ своихъ онъ является не диспутантомъ, защищающимъ тезисы, не ораторомъ, дѣйствующимъ чрезъ увлеченіе, а изслѣдователемъ. Онъ имѣетъ, какъ всякій изслѣдователь, два опорные пункта. Первый пунктъ — наблюдатель, присутствующій на протяжении всего пути разсужденія, сознающее себя я, отъ котораго исходить все размышленіе. Другой пунктъ — факторій опредѣленный, одинаково представляемый, и потому, содержаніемъ своимъ, безспорный предметъ наблюденія и изслѣдованія. Разсужденіе есть не столько аргументація, сколько описаніе, усмотрѣніе и, затѣмъ, на основаніи усмотрѣннаго, гипотетическое построеніе того, что прямо не усматривается. Это общій путь естествоиспытателей. Во внутренней области духа Декартъ стремился идти тѣмъ же путемъ, каковымъ шелъ, составляя свое физическое ученіе. Можно сказать, пожалуй, и на оборотъ: онъ переносилъ въ область изслѣдованія природы и внѣшняго

опыта тотъ же способъ и тѣ же приемы, какимъ пользовался при внутреннемъ опытѣ и наблюденіи своего духа.

Углубившись въ себя, „закрывъ“, какъ выражается онъ въ началѣ третьяго размышленія, оваглавленнаго: о Богѣ, что онъ существуетъ,— „глаза, заткнувъ уши, отвратившись отъ всѣхъ внѣшнихъ чувствъ, изгладивъ изъ мысли всѣ образы чувственныхъ вещей“, Декартъ отдается внутреннему самонаблюденію. Онъ находитъ въ себѣ, кромѣ факта самосознанія, выраженнаго въ положеніи *cogito ergo sum*, другой фактъ, независимый отъ перваго и не служащій для него выводомъ,—идею верховнаго, вссовершеннаго существа, идею Бога, Идея эта становится предметомъ изслѣдованія, и притомъ двояко. Вопервыхъ, Декартъ подходит къ ней съ ея внутренней стороны и чрезъ то, какъ идея эта является наблюдающему сознанию, старается проникнуть къ ея источнику; стремится чрезъ разсмотрѣніе идеи придти къ созерцанію самого предмета, которому идея эта служитъ выраженіемъ. Существованіе предмета оказывается необходимымъ условіемъ полноты этой идеи, единственной требующей такого условія.

Другимъ приемомъ, еще болѣе подходящимъ къ приемамъ естествоиспытателей, Декартъ разсматриваетъ изслѣдуемую идею Божества не съ внутренней только, обращенной къ сознанию, ея стороны, чрезъ которую, какъ чрезъ окно, глядитъ въ глубину дѣйствительнаго божественнаго существованія, а какъ нѣчто законченное, какъ опредѣленную идею, пребывающую въ сознаниіи человѣка, подлежащую изученію со стороны ея происхожденія и свойствъ. Откуда пришла эта идея? Изслѣдователь полагаетъ, что она врожденна сознанию, а не пришла къ нему чрезъ внѣшнія чувства и со словъ другихъ. Если она миѣ врожденна, то принадлежитъ тому самому акту, который дѣлаетъ меня мною, и есть актъ моего сотворенія и существованія. Но я, мое сознание—конечны. Идеи свидѣлствуютъ о безкончномъ, кромѣ меня существующемъ, безъ котораго и я не могъ бы быть. Если бы безконечное не было дѣйствительно, этой идеи во миѣ, конечномъ, быть не могло бы.

Намъ случилось уже упомянуть объ отношеніи философіи Декарта къ богословію и о томъ настойчивомъ выдѣленіи предметовъ вѣры и откровенія изъ философской области, какого онъ постоянно держался. Смѣлый и вмѣстѣ осторожный (иронически названный врагами *simul audax et pusillanimus*), Декартъ, заявляя права разума на исканіе истины его естественнымъ свѣтомъ, критеріемъ истины полагая очевидность, хорошо вмѣстѣ съ тѣмъ понималъ возможность столкно-

венія того, что добыто разумомъ, съ тѣмъ, что преподается вѣроу. Духовный авторитетъ, полновластный въ ту эпоху, гордый сознаниемъ обладаемой истины, смотрѣвшій на философію какъ на служительницу богословія (*ancilla theologiae*), былъ готовъ покарать всякую попытку свободомыслія. Смѣлые умы, неудержимо стремившіеся пролагать новые пути, были и до Декарта, но ихъ усилія имѣли характеръ возстанія и оканчивались обыкновенно гибелью. Было бы, однако, совершенно несправедливо видѣть въ тѣхъ отношеніяхъ, въ какія Декартъ ставилъ свою философію къ богословію, расчетъ, въ религиозной покорности философа подозрѣвать желаніе надѣть маску вѣрующаго, какъ предполагали нѣкоторые враги его, старавшіеся обличать его ученіе, какъ замаскированный, будто бы, атеизмъ. Религіозность Декарта была вполне искренняя (королева Христина свое обращеніе въ католицизмъ приписывала, послѣ Бога, болѣе всего бесѣдамъ съ Декартомъ), а отношенія его философіи къ богословію вытекали изъ самой ея сущности. Принявъ источникомъ знанія размышленіе, вспомошествоваемое опытомъ, а критеріемъ истины очевидность, Декартъ прежде всего, — въ убѣжденіи, что истина одна, — стремился въ естественномъ свѣтѣ разума найдти оправданіе основъ религіи: бытія Божія и самостоятельности духовнаго начала человѣка. Найдя доказательства, казавшіяся ему имѣющими математическую неопровержимость и убѣждающими, „что нѣтъ въ мірѣ ничего само собою болѣе очевиднаго и вѣрнаго, какъ существованіе Бога и человѣческой души“ (VIII, 157), — онъ съ большимъ самоудовлетвореніемъ видѣлъ въ этомъ сильный доводъ въ пользу пригодности своего метода. Но затѣмъ все касающееся Божества онъ поднималъ въ такую область, къ которой разумъ не имѣетъ доступа, какъ къ стоящей безконечно выше нашего разумѣнія. Онъ настойчиво рекомендовалъ „не трактовать Безконечнаго такъ, какъ будто бы нашъ умъ былъ выше его и могъ понять его свойства“ (Baillet, I, 506). Декартъ различаетъ безграничное отъ безконечнаго, непостижимое отъ неизвѣстнаго. Вселенная для него безгранична, ибо воображеніемъ нельзя представить себѣ границу пространства, но онъ не рѣшается назвать ее безконечною, считая этотъ атрибутъ несоизмѣримымъ съ нашимъ разумѣніемъ и относящимся въ область выше разума стоящихъ непостижимостей. „Бытіе Божіе“, пишетъ Декартъ (VI, 132) къ отцу Мерсенну, — „естъ первая и наиболѣе вѣчная истина изъ всѣхъ истинъ, какія могутъ быть, единая, отъ коей исходятъ всѣ другія. Ошибочныя объ этомъ сужденія объясняются тѣмъ, что большинство людей не разсматриваетъ Бога какъ существо безконечное

и неостижимое, единого Творца, отъ котораго зависать всѣ вещи, по останавливаются на слогахъ Его имени и считаютъ достаточнымъ знать, что Богъ то же значить, что по латини Deus, и что Ему поклоняются людп. Не имѣющіе мысли болѣе возвышенныхъ, чѣмъ эти, легко могутъ впасть въ атеизмъ, и изъ того, что они легко понимаютъ математическія истины, а существованіе Божества постичь не могутъ, не удивительно, если не вѣрятъ, чтобъ истины сіи отъ Него зависѣли. Но они должны бы напротивъ изъ того, что Богъ есть причина, могущество коей превышаетъ предѣлы человѣческаго разумѣнія, тогда какъ необходимость этихъ истинъ не превышаетъ нашего знанія, заключить, что истины эти суть нѣчто низшее, подчиненное этой неостижимой мощи. То, что вы говорили о происхожденіи Слова (*production du Verbe*), не противорѣчитъ сказанному мною. Но я не хочу мѣшаться въ теологію; боюсь даже, чтобы вы не подумали что философія моя слишкомъ вольнодумничаетъ, осмѣливается давать мнѣнія о столь возвышенныхъ предметахъ*. Мотивъ осторожности не былъ, впрочемъ, чуждъ уклоненію Декарта отъ разбора теологическихъ вопросовъ. Когда Арно спрашивалъ Декарта на письмѣ о пресуществленіи, тотъ отвѣчалъ, что охотиѣе войдетъ объ этомъ въ устныя сужденія. На повторенную просьбу не далъ отвѣта. Декартъ зналъ, какъ легко на этомъ пути подвергнуться обвиненію въ ереси, и не вступалъ на него, хотя утверждалъ, что иѣтъ философіи болѣе его согласной съ догматами католической церкви.

ПЯТАЯ ЧАСТЬ.

Порядокъ физическихъ вопросовъ.

Мнѣ хотѣлось бы показать здѣсь цѣпь другихъ истинъ, которыя я вывелъ изъ этихъ первыхъ. Но такъ какъ для этого было бы необходимо говорить о многихъ вопросахъ, составляющихъ предметъ споровъ между учеными, съ которыми я не желалъ бы ссориться, то предпочитаю воздержаться и сказать только какіе это вопросы, предоставляя богѣ мудрымъ судить, полезно ли было бы подробнѣе овнакомить съ ними публику. Остаюсь твердъ въ рѣшеніи не предполагать никакого другаго принципа, кромѣ того, какимъ и воспользовался для доказательства бытія Бога и души, и не принимать за истинное ничего, что не представлялось бы мнѣ истиною и вѣрною, чѣмъ какъ прежде представлялись геометрическія доказательства. Не смотря на то, смѣю сказать, что я не только нашелъ средство удовлетворить себя въ короткое время, относительно главныхъ трудностей, обычно трактуемыхъ въ философіи, но замѣтилъ также нѣкоторые законы, кои Богъ такъ установилъ въ природѣ, и понятія о коихъ такъ сложилъ въ наши души, что мы, послѣ нѣкотораго размышленія, не можемъ сомнѣваться, что законы эти точно соблюдаются во всемъ, что есть и происходитъ въ мірѣ. Потому, вывода слѣдствія сихъ законовъ, я открылъ, какъ мнѣ кажется, много истины болѣе полезныя и болѣе важныя, чѣмъ все прежде мною изученное, и даже чѣмъ то, что надѣялся изучить.

Но такъ какъ я старался изложить главныя изъ нихъ въ особомъ сочиненіи, отъ изданія котораго останавливаютъ меня нѣкоторыя соображенія ¹⁾, то полагаю, что лучше всего могу ознакомить съ ними, изложивъ здѣсь кратко его содержаніе. Я имѣлъ намѣреніе включить

¹⁾ Оуужденіе Галилея, какъ выше было упомянуто.

въ него, что предъ написаніемъ его, считалъ мнѣ извѣстными касательно матеріальныхъ вещей. Но подобно тому какъ живописцы, не имѣя возможности на плоской картинѣ изобразить всѣ стороны тѣлеснаго предмета, избираютъ одну изъ главныхъ и ставятъ ее на свѣтъ, а остальные затѣмняютъ и показываютъ лишь на столько, какъ онѣ видны, когда смотрятъ на предметъ, такъ и я, опасаясь не быть въ состояніи включить въ мой трактатъ все, что имѣлъ въ мысли, рѣшилъ изложить наиболѣе полно то, что знаю касательно свѣта, а потомъ, по поводу его, прибавить нѣчто о солнцѣ и неподвижныхъ звѣздахъ, откуда главнымъ образомъ пронстеваетъ свѣтъ, о небесныхъ пространствахъ, чрезъ которыя онъ проходитъ, планетахъ, кометахъ и землѣ, кои его отражаютъ, и особо о земныхъ тѣлахъ, кои бываютъ или цвѣтныя, или прозрачныя, или свѣтящіяся, и наконецъ, о человѣкѣ, какъ зрителѣ свѣта. Но дабы нѣсколько затѣнить все это и имѣть возможность болѣе свободно высказывать мои соображенія, не будучи обязаннымъ опровергать мнѣнія, принятые между учеными, или имъ слѣдовать, я рѣшилъ предоставить весь этотъ міръ ихъ диспутамъ и говорить только о томъ, что случилось бы въ новомъ мірѣ, если бы Богъ создалъ гдѣ-либо въ воображаемомъ пространствѣ достаточно вещества для его образованія и взмутилъ бы это вещество безъ всякой правильности, такъ что образовался бы хаосъ, столь спутанный, какъ только могутъ вообразить поэты, и потомъ, ограничиваясь оказаніемъ своего обыкновеннаго содѣйствія природѣ, предоставилъ ей дѣйствовать по законамъ, Имъ установленнымъ. Такимъ образомъ, прежде всего я описалъ это вещество и старался изобразить его такъ, что въ мірѣ нѣтъ ничего, но мнѣнію моему, болѣе яснаго и понятнаго, исключая того, что сказано было мною о Богѣ и душѣ. Я даже нарочно предполагалъ, что вещество не имѣетъ никакихъ этихъ формъ и качествъ, о коихъ спорятъ въ школахъ, и вообще ничего такого, познаніе чего не было бы въ такой мірѣ естественно вашей душѣ, что даже нельзя притвориться не знающимъ его. Затѣмъ и показалъ, каковы суть законы природы, и, опирая мои доводы единственно на началъ безкопечнаго

совершенства Вошія, я старался указать именно тѣ законы, относительно коихъ не можетъ быть сомнѣнія, такъ что если бы Богъ создалъ много міровъ, то между ними не было бы ни одного такого, гдѣ они не соблюдались бы. Потомъ я показалъ, какъ въ силу сихъ законовъ большая часть матеріи хаоса должна быть расположена такъ, что образовала нѣчто подобное нашимъ небеснымъ пространствамъ; какъ нѣкоторыя части сложились, образуя землю, планеты, кометы, а другія—солнце и неподвижныя звѣзды. И тутъ, распространяясь о свѣтѣ, я подробно истолковывалъ, какъ онъ долженъ быть иъ солнцѣ и звѣздахъ, какъ оттуда мгновенно проходитъ громаднымъ небеснымъ пространствомъ, какъ отражается отъ планетъ и кометъ къ землѣ. Присовокупилъ многое касательно существа, положенія, движеній и всѣхъ различныхъ качествъ этихъ небесъ и звѣздъ. Такимъ образомъ, мнѣ казалось, что я достаточно сказалъ, дабы дать уразумѣть, что среди качествъ нашего міра не замѣчается ничего такого, чтѣ не должно или не могло бы явиться совершенно подобнымъ образомъ въ мірѣ, который я описывалъ. Затѣмъ, я говорилъ въ особенности о землѣ и, нарочито не дѣлая предположенія, что Богъ вложилъ въ вещество составляющее землю, какое-либо тяготѣніе, показалъ, что всѣ ея части, тѣмъ не менѣе, должны стремиться къ центру; показывалъ, какъ при существованіи воды и воздуха на ея поверхности, расположеніе небесъ и звѣздъ, а въ особенности луны, должно производить приливъ и отливъ, совершенно подобныя тому, какіе при тѣхъ же обстоятельствахъ встрѣчаются въ нашихъ моряхъ, а также нѣкоторое особое теченіе воды и воздуха отъ востока къ западу, какъ оно замѣчается подъ тропиками. Показалъ, какъ естественнымъ путемъ могли образоваться горы, моря, ключи, рѣки, появиться металлы въ рудникахъ, растенія возрасти на поляхъ и вообще народиться всѣ тѣла, именуемая смѣшанными или сложными. Между прочимъ; по той причинѣ, что послѣ звѣздъ только огонь производитъ свѣтъ, я внимательно старался изучить все, чтѣ относится къ натурѣ огня: какъ онъ происходитъ, чтѣмъ поддерживается, какъ иногда бываетъ тепло безъ свѣта, а иногда свѣтъ безъ тепла; какъ

огонь производитъ окраску пѣкоторыхъ тѣлъ и другія даетъ качества; какъ онъ плавить одни тѣла, а другія дѣлаетъ тверже, какъ ихъ почти всѣ сѣдаетъ или обращаетъ въ дымъ и золу, наконецъ, какъ изъ золи, единственно сяюю своего дѣйствія, образуетъ стекло. Это преобразование золи въ стекло—одно изъ удивительнѣйшихъ въ природѣ, и я описывалъ его съ особою охотою.

Я не хотѣлъ, однако, дать мысль, что этотъ міръ созданъ именно такъ, какъ я допускаю; ябо болѣе вѣроятно, что Богъ съ самаго начала сдѣлалъ его такимъ, какъ онъ есть. Но достоверно, — и это мнѣніе общепринято между богословами, — что дѣйствіе, какимъ Онъ сохраняетъ теперь міръ, то же, какимъ Онъ его создалъ, такъ что еслибъ Онъ далъ міру первоначально форму хаоса и, установивъ законы природы, оказалъ свое обыкновенное содѣйствіе, то можно полагать, не нанеси ущерба тайнѣ созданія, что всѣ чисто матеріальныя вещи могли бы съ теченіемъ времени сдѣлаться такими, какъ видимъ ихъ теперь; но природа ихъ гораздо легче познается, когда видимъ ихъ образующимися мало по малу, чѣмъ когда разсматриваемъ ихъ какъ вполне уже образовавшимися.

Отъ описанія не одушевленныхъ тѣлъ я перешелъ къ описанію животныхъ и особенно человѣка. Но такъ какъ я не имѣлъ еще достаточно знанія, чтобы говорить тутъ въ томъ же стилѣ, какъ объ остальномъ, то-есть, вывода дѣйствія изъ причинъ и показывая, какъ и изъ какихъ сѣмянъ природа должна ихъ производить, я ограничился предположеніемъ, что Богъ создалъ тѣло человѣка, вполне подобное нашему, какъ по вѣнному виду членовъ, такъ и по внутреннему устройству органовъ, образовавъ его изъ той самой матеріи, которую я описывалъ, и не вложилъ въ него въ началѣ разумной души и также ничего, чѣмъ могло бы служить растительною или чувствующею душой, а только возбудилъ въ его сердцѣ тотъ огонь безъ свѣта, который я изъяснилъ, и который, по моему мнѣнію, той же натуры, какъ пагрѣвающій сѣно сложенное, когда оно еще сыро, или заставляющій бродить новое вино. Разсматривая отпращиванія, какія могли бы быть въ такомъ тѣлѣ, я нашелъ, что от-

правленія эти—тѣ самыя, какія происходятъ въ насъ, не сопровождаясь мыслию ¹⁾ и, слѣдовательно, безъ участія нашей души, то есть, части нашего существа отличной отъ тѣла, и которой природа есть, какъ выше сказано, мыслить. Это тѣ отправления, въ конхъ, можно сказать, животныя, не имѣющія разума, сходны съ нами. Но я не нашелъ ни одного изъ тѣхъ, кои зависятъ отъ мысли и суть единственныя, принадлежащія намъ въ качествѣ человѣка. Ихъ всѣ нашелъ я послѣ, когда предположилъ, что Богъ создалъ разумную душу и соединилъ ее съ тѣломъ опредѣленнымъ образомъ, который я описалъ.

Но чтобы можно было до известной степени видѣть, какъ трактовалъ я эти предметы, я хочу помѣстить здѣсь изъясненіе движенія сердца и артерій, первое и важнѣйшее, что замѣчаемъ въ животныхъ; по нему можно легко составить понятіе о всѣхъ другихъ. А дабы легче понимать излагаемое мною, я жалалъ бы, чтобы читатель познакомился съ анатоміей, прежде чѣмъ приступать къ чтенію ниже слѣдующаго; взялъ бы трудъ заставить разрѣзать предъ собою сердце какого-нибудь большаго животнаго, имѣющаго легкія,—оно совершенно подобно человѣческому,—и обратилъ бы вниманіе на двѣ находящіяся тамъ камеры или полости. Одна на правой сторонѣ, и ей соотвѣтствуютъ двѣ трубки весьма широкія, а именно полая вена, главный пріемникъ крови, образующая какъ бы древесный стволъ, для котораго всѣ другія вены суть вѣтви, и вена артеріальная, неправильно такъ именуемая, ибо на самомъ дѣлѣ она есть артерія, идущая отъ сердца и раздѣляющаяся на многія вѣтви, распространяющіяся повсюду въ легкіяхъ. Другая полость на лѣвой сторонѣ; ей тоже соотвѣтствуютъ двѣ трубки, столь же и еще болѣе широкія, чѣмъ предыдущія, а именно, вопервыхъ, венозная артерія, тоже дурно названная, ибо она не иное что, какъ вена, идущая отъ легкіяхъ, гдѣ она раздѣлена на множество вѣтвей, переплетающихся съ вѣтвями арте-

¹⁾ Sans que nous y pensions: безъ совнанія. Терминъ *conscience* — позднѣйшій. Декартъ постоянно употребляетъ—мысль, мыслишь.

риальной вены и съ вѣтвями проходѣ, именуемаго дужкой ¹⁾, чрезъ который вдыхается воздухъ, и вторыхъ, большая артерія, которая, выходя изъ сердца, посылаетъ свои вѣтви во все тѣло. Я желалъ бы также, чтобы читателю моему было тщательно показаны одиннадцать маленькихъ кожъ ²⁾, которыя, какъ маленькія двери, открываютъ и закрываютъ четыре отверстія, находящіяся въ этихъ двухъ полостяхъ, а именно: три при входѣ полой вены, расположенныя такъ, что позволяютъ содержащейся въ ней крови втекать въ правую полость сердца, но никакъ не выходятъ обратно изъ нея; три при входѣ артеріальной вены, расположенныя противоположно и позволяющія крови, въ правой полости находящейся, идти въ легкія, но не позволяющія крови, находящейся въ легкіяхъ, обратно течь въ сердце; далѣе двѣ при входѣ венозной артеріи, позволяющія крови течь отъ легкіихъ въ лѣвую полость, но не позволяющія ей имѣть обратное движеніе; и три при входѣ большой артеріи, позволяющія крови выходить изъ сердца, но препятствующія ей течь туда обратно. Нѣтъ надобности искать иного объясненія числа этихъ кожъ, какъ то, что отверстіе венозной артеріи, овальное, по причинѣ мѣста, гдѣ оно находится, легко можетъ быть закрыто двумя, тогда какъ другіи отверстія, круглыя, удобнѣе закрываются тремя. Кромѣ того, я желалъ бы, чтобы читателю было понятно, что большая артерія и артеріальная вена болѣе плотнаго и крѣпкаго строенія, чѣмъ венозная артерія и полая вена, и эти что двѣ послѣднія жилы предъ входомъ въ сердце расширяются и образуютъ какъ бы два мѣшка, именуемые ушками сердца и состоянцію изъ мяса, подобнаго ого мясу; что всегда болѣе теплоты въ сердцѣ, чѣмъ въ какой-либо иной части тѣла; наконецъ, что теплота эта способна, какъ только капля крови войдетъ въ эти полости, проинвеститъ то, что капля эта сейчасъ надувается и расширяется, какъ это бываетъ вообще, когда какая-нибудь жидкость, капля за каплею, падаетъ въ сосудъ весьма нагрѣтый.

¹⁾ Le sifflet, дыхательное горло.

²⁾ Petite peau, клапановъ.

Послѣ сего, чтобы объяснить движеніе сердца, мнѣ достаточно сказать, что когда полости его не наполнены кровью, она необходимо должна втекать чрезъ полую вену въ правую, а чрезъ венозную артерію въ лѣвую полость; такъ какъ эти двѣ жилы постоянно наполнены кровью, а отверстія, открывающіяся въ сторону, сердца не могутъ быть закупорены. Но какъ только хотъ двѣ капли крови вошли въ полости, одна капля въ правую, другая въ лѣвую, капли эти довольно большія, такъ какъ входятъ чрезъ широкія отверстія и изъ сосудовъ, наполненныхъ кровью, разрѣжаются и расширяются дѣйствіемъ теплоты, какую тамъ находятъ. Вслѣдствіе того онѣ раздуваются все сердце и закрываютъ пять малыхъ дверецъ, кои находятся при входѣ скранныхъ двухъ сосудовъ, откуда раньше вышли. Такимъ образомъ преграждается дальнѣйшій входъ крови въ сердце. Продолжалъ расширяться, кровь вошедшихъ капель толкаетъ и открываетъ шесть другихъ маленькихъ дверецъ, находящихся при входѣ другихъ двухъ сосудовъ, выходитъ чрезъ нихъ и раздуваетъ почти одновременно съ сердцемъ вѣтви артеріальной вены и большой артеріи. Затѣмъ сердце и артеріи немедленно опадаютъ и сжимаются, по той причинѣ, что вошедшая въ артеріи кровь охлаждается. Шесть малыхъ дверецъ закрываются, а пять, соотвѣтствующія полой венѣ и венозной артеріи, открываются, давая доступъ двумъ другимъ каплямъ, вновь раздувающимъ, подобно предыдущимъ, сердце и артеріи. Такъ какъ кровь, входя въ сердце, проходитъ чрезъ два мѣшка, именуемые ушками, то отсюда происходитъ, что ихъ движеніе противоположно съ движеніемъ сердца, и они опадаютъ, когда оно раздувается. Впрочемъ, дабы тѣ кои не знаютъ силу математическихъ доказательствъ и не привыкли отличать вѣрное отъ вѣроподобнаго, не вздумали, безъ изслѣдованія, опровергать изложенное, я желаю предупредить ихъ, что указанное мною движеніе есть прямое слѣдствіе расположенія органовъ, каковое можно видѣть глазами, теплоты, какую можно ощущать пальцемъ, и прихода крови, съ которою можно ознакомиться помощію опыта. О движеніи этомъ можно составить понятіе совершенно, такъ какъ о движеніи часовъ, если

принять въ соображеніе силу, расположеніе и фигуру ихъ противовѣсовъ и колесъ.

Но спросить: какимъ образомъ не истощается венозная кровь, истекая постоянно въ сердце, и какъ не переполняются кровью артеріи, куда она направляется изъ сердца? Могу только повторить отвѣтъ, данный въ сочиненіи англійскаго медика, которому надлежитъ воздать хвалу, что онъ проломилъ ледъ въ этомъ мѣстѣ и первый показалъ, что на концахъ артерій находятся многочисленныя малые проходы, чрезъ кои кровь входитъ въ малыя вѣтви венъ, откуда опять направляется къ сердцу, такъ что движеніе ея есть не иное что, какъ постоянное кругообращеніе. Онъ очень хорошо доказываетъ это уже обыкновеннымъ опытомъ хирурговъ, кои, умѣренно перевязавъ руку выше мѣста, гдѣ вскрываютъ жилу, получаютъ струю болѣе обильную, чѣмъ если бы перевязки не было. Но происходитъ на оборотъ, если перевязать между кистью руки и мѣстомъ вскрытія или очень крѣпко выше этого послѣдняго. Перевязка умѣренная препятствуетъ крови, находящейся уже въ рукѣ, возвращаться къ сердцу чрезъ вены, но не мѣшаетъ приливу новой чрезъ артеріи, лежащія ниже вепъ и имѣющія стѣнки болѣе плотныя и по столь легко сжимаемыя, и кровь, идущая отъ сердца, стремится съ большою силою чрезъ нихъ къ кисти руки, чѣмъ какъ возвращается оттуда чрезъ вены къ сердцу. А такъ какъ кровь выходитъ изъ сдѣланнаго въ венѣ отверстія, то необходимо долженъ быть какой-нибудь проходъ ниже перевязки, слѣдовательно, у оконечности руки, гдѣ она можетъ пройти изъ артерій. Кровообращеніе онъ доказываетъ также существованіемъ маленькихъ клапановъ, расположенныхъ въ разныхъ мѣстахъ вдоль вепъ такъ, что они не позволяютъ крови идти отъ средины тѣла къ оконечностямъ, но позволяютъ ей только возвращаться отъ оконечностей къ сердцу, а также опытомъ, показывающимъ, что вся кровь тѣла можетъ выйти изъ него въ короткое время чрезъ большую артерію, если она перерѣзана, даже въ томъ случаѣ, когда она крѣпко перевязана недалеко отъ сердца и перерѣзана между серд-

цемъ и перевязкою, такъ что никакъ нельзя допустить чтобы кровь пришла откуда-либо, кромѣ сердца.

Есть много и другихъ свидѣтельствъ, указывающихъ, что истинная причина движенія крови есть та, какую я указалъ. Вопервыхъ, разница, замѣчаемая между кровью, выходящею изъ венъ, и кровью, выходящею изъ артерій. Разница происходитъ отъ того, что кровь, разрѣженная и какъ бы дистиллированная при прохожденіи чрезъ сердце, при выходѣ изъ него, то-есть, въ артеріяхъ, и болѣе тонка, болѣе оживлена и болѣе тепла, чѣмъ какъ была въ венахъ предъ входомъ въ сердце. И надо замѣтить, что разница эта рѣзко наблюдается вблизи сердца, а не въ отдаленныхъ отъ него мѣстахъ. Далѣе, плотность стѣнокъ артеріальной вены и большой артеріи производить то, что кровь ударяетъ въ нихъ сильнѣе, чѣмъ въ стѣнки венъ. И отчего лѣвая полость сердца и большая артерія объемистѣе и шире, чѣмъ правая полость и артеріальная вена, какъ не оттого, что кровь венозной артеріи, прошедшая только чрезъ легкія, но выходѣ изъ сердца болѣе тонка и разрѣжается сильнѣе и легче, чѣмъ кровь, непосредственно приходящая изъ полой вены? И что могутъ угадать медки, щупая пульсъ, если не знаютъ, что кровь, смотря по измѣненіямъ своей природы, можетъ расширяться отъ теплоты сердца болѣе или менѣе значительно, болѣе или менѣе быстро, чѣмъ прежде? И если разсмотримъ, какъ теплота сообщается другимъ членамъ, не должно ли признать, что производится это кровью, которая, пройдя чрезъ сердце, тамъ нагрѣвается, а оттуда распространяется во все тѣло? Потому, если отнять кровь изъ какой-нибудь части, то отнимается и теплота. Будь сердце нагрѣто какъ раскаленное желѣзо, оно не могло бы согрѣть ногъ и рукъ, если бы не посылало туда постоянно новой крови. Затѣмъ узнаемъ, что истинное дѣйствіе дыханія состоитъ въ томъ, что оно приноситъ въ легкія количество свѣжаго воздуха, достаточное для того, чтобы сгустить опять и сдѣлать жидкою кровь, приходящую изъ правой полости, гдѣ она расширилась и какъ бы превратилась въ паръ. Безъ этого, впадая въ лѣвую полость, она не могла бы тамъ служить пищей огню. Это подтверждается тѣмъ, что у живот-

ныхъ, не имѣющихъ легкиѣхъ, и въ сердцѣ только одна полость, и также тѣмъ, что у дѣтей, не пользующихся легкими, пока находятся въ утробѣ матери, есть отверстіе, чрезъ которое кровь полой вены вливается въ лѣвую полость сердца, и проходитъ, чрезъ который кровь изъ артеріальной вены входитъ въ большую артерію, не проходя чрезъ легкія. Далѣе, какъ могло бы дѣлаться свареніе пищи въ желудкѣ, если бы сердце не посылало туда помощію артерій теплоты и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыхъ наиболѣе текучихъ частей крови, помогающихъ растворенію пищи? А дѣйствіе, чрезъ которое пищевая сокъ обращается въ кровь, не разъясняется ли тѣмъ, что онъ дистиллируется, проходя и перепроходя чрезъ сердце, можетъ быть, болѣе ста или двухъ сотъ разъ въ сутки? И для объясненія питанія и работы различныхъ отдѣленій въ тѣлѣ, достаточно указать, что нѣкоторыя части крови, гонимыя силою разрѣженія отъ сердца къ оконечностямъ артерій, задерживаются въ органахъ, чрезъ которые потокъ проходитъ, и замѣщаютъ тамъ другія части, выгоняемыя, и что при этомъ, смотря по положенію, фигурѣ и величинѣ поръ, встрѣчаемыхъ кровью, однѣ ея части задерживаются, другія проходятъ, подобно тому, какъ зерна раздѣляются между собою, проходя чрезъ рѣшето съ разными отверстіями. Наконецъ, наиболѣе замѣчательное при всемъ этомъ есть образованіе тонкой животной матеріи, которая, какъ тончайшій вѣтеръ или, лучше сказать, какъ пламя очень чистое и очень живое, постоянно въ большомъ количествѣ восходитъ отъ сердца къ мозгу, а оттуда чрезъ нервы къ мускуламъ и производить движеніе членовъ. При этомъ нѣтъ надобности измышлять какую-нибудь иную причину, почему части крови, наиболѣе волнующіяся и проникающія, служащія для образованія тонкой матеріи, идутъ отъ сердца именно въ мозгъ, кромѣ той, что артерія, несущія кровь въ мозгъ, идутъ по пути наиболѣе прямому сравнительно съ прочими. А по правиламъ механики, каковыя суть тѣ же, что правила природы, когда нѣсколько вещей стремятся вмѣстѣ двигаться въ одну сторону, а для всѣхъ нѣтъ достаточно мѣста, — такъ именно стремятся по направленію къ мозгу части крови, выхо-

дация изъ лѣвой полости сердца, — то слабѣйшія и менѣе волнующіяся отклоняются болѣе сильными, кои и проходятъ одпѣ.

Я довольно подробно изложилъ все это въ трактатѣ, который на-
мѣревался издать. Кромѣ того, я показалъ тамъ, какое должно быть
устройство первовъ и мускуловъ человѣческаго тѣла, дабы тонкая
матерія имѣла въ нихъ силу двигать члены, подобно тому, какъ мы
видимъ, что только что отрѣзанныя головы еще сохраняютъ движеніе
и кусаютъ землю, хотя и не одушевлены. Разобралъ, какія измѣненія
должны быть въ мозгу, чтобы произвести бодрствованіе, сонъ и грезы;
какимъ образомъ свѣтъ, звукъ, запахъ, вкусъ, тепло и всѣ другія
качества виѣшнихъ предметовъ могутъ чрезъ посредство чувствъ впе-
чатлѣвать разныя идеи; какимъ образомъ голодъ, жажда и другія
внутреннія состоянія также посылаютъ свои; что тамъ должно быть
принято за сензоріумъ (*sens commun*), гдѣ идеи принимаются, за па-
мять, ихъ сохраняющую, за фантазію, ихъ измѣняющую и производя-
щую новыя, могущую чрезъ распредѣленіе тонкой животной матеріи
въ мускулахъ двигать члены разсматриваемаго тѣла съ тѣмъ же рав-
нообразіемъ,—какъ по поводу виѣшнихъ предметовъ дѣйствующихъ на
чувства, такъ и по поводу внутреннихъ аффектовъ,—съ какими дви-
гаются члены нашего тѣла въ томъ случаѣ, когда ихъ не направляетъ
совнательная воля. Все это не покажется страннымъ тѣмъ, кто, зная,
сколько разныхъ автоматовъ и самодвижущихся инструментовъ мо-
жетъ сдѣлать человѣческое искусство, — изъ немногихъ частей срав-
нительно съ великимъ множествомъ костей, мускуловъ, нервовъ, ар-
терій, венъ и всѣхъ другихъ частей, встрѣчающихся въ тѣлѣ каж-
даго животнаго,—будутъ разсматривать это тѣло какъ машину, кото-
рая, будучи сдѣлана руками Воинни, безъ сравненія лучше устроена
и имѣетъ движенія болѣе удивительныя, чѣмъ какія могутъ имѣть
машины, устроенныя человѣкомъ.

Въ особенности указывалъ я, что если бы были такія машины,
которыя имѣли бы органы и виѣшний видъ обезьяны или другаго не
имѣющаго разума животнаго, то мы не имѣли бы никакого средства
узпать, что она не той же природы, какъ эти животныя. Но если бы

сдѣлать машину, которая имѣла бы сходство съ нашимъ тѣломъ и подражала бы нашимъ дѣйствіямъ, на сколько это морально возможно, мы все-таки имѣли бы два средства, очень вѣрныхъ, узнать то, что это не настоящій человѣкъ. Впервыхъ, такая машина никогда не могла бы употреблять слова или иные знаки, слагая ихъ такъ, какъ мы дѣлаемъ, чтобы сообщить другому свои мысли. Можно представить себѣ, конечно, что машина сдѣлана такъ, что произноситъ слова, и даже произноситъ ихъ по поводу какого-нибудь тѣлеснаго дѣйствія, производящаго перемѣну въ ея органахъ, какъ, наприимѣръ, тронуть ее въ известномъ мѣстѣ, и она скажетъ чего отъ нея хотятъ, тронуть въ другомъ—закричать, что больно, и тому подобное. Но она никакъ не будетъ въ состояніи соединять слова различными образомъ, чтобы отвѣтить на смыслъ сказаннаго въ ея присутствіи, что, однако, можетъ сдѣлать самый тупой человѣкъ. Вотторыхъ, хотя такая машина многія вещи могла бы сдѣлать также хорошо и, можетъ быть, лучше, чѣмъ мы, въ другихъ непремѣнно оказалась бы несостоятельною и обнаружила бы, что дѣйствуетъ не по сознанію, а вслѣдствіе расположенія ея органовъ. Ибо тогда какъ разумъ есть инструментъ общій, могущій служить во всякаго рода встрѣчахъ, органы машины нуждаются въ особомъ расположеніи для каждаго особаго дѣйствія. Такимъ образомъ, морально не возможно, чтобы въ машинѣ было столько различныхъ расположеній, что она во всѣхъ случаяхъ жизни могла бы дѣйствовать такъ, какъ намъ позволяетъ дѣйствовать разумъ. Этими же двумя средствами можно узнать разницу, какая есть между человѣкомъ и животными, ибо замѣчательно, что нѣтъ человѣка на столько тупаго и глухаго, не исключая и сумасшедшихъ, который не былъ бы способенъ сѣзавать вмѣстѣ нѣсколько словъ и составить изъ нихъ рѣчь, чтобы передать мысль. Напротивъ, нѣтъ ни одного животнаго, какъ бы совершенно оно ни было и въ какихъ бы счастливыхъ условіяхъ ни родилось, которое могло бы это сдѣлать. И это происходитъ не отъ недостатка органовъ, ибо сороки и попугая могутъ произносить слова, какъ и мы, но не могутъ, однако, говорить, какъ мы, то-есть, свидѣтельствуя, что они мыслятъ то что

привносятся, тогда какъ люди, родившіеся глухо-нѣмыми и лишенные столько же или болѣе чѣмъ животныя, органовъ, кои другимъ слушать чтобы говорить, сами обыкновенно изобрѣтають нѣкоторые знаки, помощію которыхъ ихъ понимаютъ тѣ, кои, постоянно съ ними обращаясь, приобыкли къ ихъ языку. И это свидѣтельствуеть не о томъ только, что скоты имѣють менѣе разума, чѣмъ человекъ, но и о томъ, что они совсѣмъ не имѣють разума. Ибо видимъ, что требуется очень немного разума, чтобы умѣть говорить; а съ другой стороны замѣтно, какъ и между людьми, большое неравенство между животными одного рода, такъ что одни легче дрессируются, чѣмъ другія, и потому невѣроятно, чтобы обезьяна или понугай, совершеннѣйшіе въ своемъ родѣ, не сравнивались съ наиболѣе глупымъ ребенкомъ или по крайней мѣрѣ съ ребенкомъ, коего мозгъ разстроень, еслибъ ихъ душа не была совершенно отличной природы отъ нашей. И не надобно смѣшивать даръ слова съ естественными движеніями, свидѣтельствующими о страстныхъ состояніяхъ, и коими могутъ подражать машины также, какъ животныя, а также не думать, какъ нѣкоторые древніе, будто скоты говорятъ, но мы не понимаемъ ихъ языка. Еслибъ это было справедливо, то они, имѣя органы, сходные съ нашими, непременно могли бы дать себя понять намъ, какъ и подобнымъ себѣ. Замѣчательно, что хотя многія животныя обнаруживаютъ болѣе, чѣмъ мы, искусства въ нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ, въ другихъ, однако, совсѣмъ его не обнаруживаютъ, такъ что то, что они лучше дѣлають, не доказываетъ, что они имѣють разумъ,—будь такъ, они имѣли бы его болѣе, чѣмъ мы, и лучше дѣлали бы во всѣхъ другихъ случаяхъ—но доказываетъ именно, что они разума не имѣють, и природа дѣйствуетъ въ нихъ сообразно расположенію ихъ органовъ, подобно тому, какъ часы, сложенные только изъ колесъ и пружинъ, точнѣе показываютъ и измѣряють время, чѣмъ можемъ сдѣлать мы со всѣмъ нашимъ разумѣніемъ.

Загѣмъ я описалъ разумную душу и показавъ, что ее никакъ нельзя вывести изъ силы матеріи, какъ другія вещи, о коихъ говорилъ, но что она должна быть особо создана, и что не довольно, чтобы

она помещалась въ человѣческомъ тѣлѣ, какъ кормчій въ своемъ кораблѣ, только развѣ затѣмъ, чтобы двигать его члены; но необходимо, чтобы она была болѣе тѣсно соединена и связана съ тѣломъ, дабы имѣть чувства и желанія подобныя нашимъ и такимъ образомъ образовывать настоящаго человѣка. Распространился я здѣсь о душѣ по той причинѣ, что это одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ. Послѣ заблужденія тѣхъ, кои отрицають Бога, которое, полагаю я, выше достаточно опровергъ, нѣтъ мысли, которая дальше удаляла бы умъ отъ прямого пути истины, какъ воображать, что душа животныхъ той же природы, какъ наша, и что, слѣдовательно, намъ нечего бояться или надѣяться послѣ конца жизни, — какъ мухамъ или муравьямъ. Но если мы знаемъ, на сколько души эти различны, мы много лучше поймемъ доводы, доказывающіе, что наша душа имѣетъ природу, совершенно независимую отъ тѣла, и слѣдовательно, не подчинена тому, чтобы умереть вмѣстѣ съ нимъ. А такъ какъ не видимъ другихъ причинъ, кои разрушали бы ее, то естественно должны заключить, что она бессмертна.

ПОЯСНЕНІЯ КЪ ПЯТОЙ ЧАСТИ.

Въ пятой части Разсужденія о методѣ Декартъ дѣлаетъ краткій очеркъ содержанія двухъ своихъ сочиненій, оставшихся по напечатаніи при его жизни и выданныхъ Клерсалье въ исправномъ французскомъ изданіи въ 1677 году. Сочиненія эти: Свѣтъ или о мірѣ (La Lumière ou du Monde) и Трактатъ о человѣкѣ (Traité de l'homme). Первое изъ нихъ было еще прежде выдано, въ 1662 году, въ Лейденѣ въ латинскомъ переводѣ Шюцля (Schuyt), а неисправное изданіе Трактата о человѣкѣ было сдѣлано въ 1664 году.

Міръ былъ написанъ и приготовленъ Декартомъ къ печати еще въ 1633 году, когда извѣстіе объ осужденіи Галилея побудило его отложить рукопись въ сторону и отказаться отъ изданія своего труда. Впослѣдствіи содержаніе сочиненія, въ переработанномъ и распро-

страшенномъ видѣ, вошло въ составъ Началъ философіи, выданныхъ въ іюль 1644 года.

Трактатъ о чловѣкѣ, долженствовавшій служить продолженіемъ Міра (хотя въ изданіи 1677 года онъ предшествуетъ Міру и доставленъ какъ отдѣльное сочиненіе), начатъ былъ еще въ 1634 году. Черезъ тринадцать лѣтъ, въ 1645 году, въ эпоху, когда Декартъ особенно усердно занимался анатоміей, онъ переделалъ первоначальный трактатъ и присоединилъ къ нему сочиненіе объ образованіи зародыша. Въ 1648 году занялся новою обработкою написаннаго, но издать при жизни не успѣлъ.

Пользуясь упомянутыми двумя сочиненіями, а также Началами философіи, сочиненіемъ: О страдательныхъ состояніяхъ души (*Sur les passions de l'âme*) и многочисленными письмами Декарта, мы составили систематическое изложеніе ученія Декарта о мірѣ и чловѣкѣ, которое и помѣщаемъ здѣсь, какъ поясненіе къ пятой части Разсужденія.

ИЗЛОЖЕНІЕ УЧЕНІЙ ДЕКАРТА О МІРѢ И ЧЕЛОВѢКѢ.

ВВЕДЕНІЕ.

Общій характеръ философіи природы Декарта.

I. Разнородность духа и матеріи, какъ первое основаніе философіи Декарта.

Мы видѣли, что признаніе коренной несоизмѣримости и разнородности матеріи и духа,—міра протажения и міра сознанія, — есть исходный пунктъ всѣхъ метафизическихъ соображеній Декарта. Здѣсь ключъ къ уразумѣнію всей его философіи. Открытіе этого факта путемъ внимательнаго самонаблюденія, подробно описанное Декартомъ, освѣщало цѣлую перспективу выводовъ. Припомнимъ восторгъ Полиандра въ минуту, когда онъ уразумѣлъ самостоятельное значеніе явленій духа и ощутилъ въ себѣ нѣчто, не подлежащее ни глазу, ни осязанію, и ощутилъ съ большею достовѣрностію, чѣмъ то, что усматривалъ глазомъ и трогалъ руками.

Восторгъ вызвали и простота открытія, потребовавшаго, казалось, лишь отказа отъ книжной мудрости, и внезапное освѣщеніе мысленнаго пути естественнымъ свѣтомъ разума, ищущаго достовѣрности, и обиліе вытекающихъ слѣдствій.

На фактъ разнородности Декартъ построилъ цѣлую систему, весьма стройную, рѣзко опредѣленную. Согласно этой системѣ; духъ и природа—двѣ независимыя субстанціи ¹⁾, міръ духа и міръ матеріи,—

¹⁾ Намъ часто приходится употреблять терминъ *субстанція*. Независимо привести опредѣленіе этого понятія, сдѣланное въ отвѣтахъ на вторыя возраженія. По Декарту: „*Omnes res cui inest immediate, ut in subjecto, sive per quam existit aliquid quod percipimus, hoc est aliqua proprietas, sive qualitas, sive attributum, cujus realis idea in nobis est, vocatur substantia*“ (Всякая вещь, въ коей непосредственно, какъ въ субъектѣ, пребываетъ или чрезъ которую существуетъ нѣчто, нами воспринимаемое, то-есть, нѣкоторое свойство, или качество, или атрибутъ, реальная идея коихъ въ насъ находится, называется субстанціей). „Субстанція“, говорилъ далѣе Декартъ, — „въ которой непосредственно пребываетъ мысль, называется *духомъ, spiritus*. Слово“, прибавляетъ Декартъ,— „двусмысленно, ибо его прилагаютъ иногда къ вѣтру и очень тонкимъ видностямъ; но не знаю болѣе подходящаго. Субстанція, которая есть непосредствен-

двѣ области, всецѣло различны между собою. Ихъ замѣчаемое взаимодѣйствіе есть результатъ посредства третьей, божественной субстанции. Весь матеріальный міръ—неорганическія тѣла, растенія, животныя, тѣло человѣка со всѣмъ богатствомъ его бессознательныхъ отправленій,—есть область, уразумѣніе которой зиждется на двухъ понятіяхъ: протяженіе и движеніе. Міръ духа, обнаруживающійся въ явленіяхъ мысли (*la pensée*), состоящей изъ разумѣнія (*percéption de l'entendement*) и воли (*les inclinations de la volonté*), есть отдѣльная, независимая отъ матеріальнаго міра область, самостоятельная, какъ, въ свою очередь, самостоятельна и область природы.

Система Декарта была эпохою въ исторіи человѣческой мысли; ею открылся періодъ новой философіи, не заключенный и нынѣ. Сама по себѣ она имѣетъ теперь лишь историческое значеніе. Но лежащая въ основаніи ея идея разнородности духовнаго и тѣлеснаго сохраняетъ всю свою цѣну и въ наше время. Что какъ не эта идея, служить, напримѣръ, главною темою знаменитой брошюры Дю-Буа Реймона: *О границахъ естествознанія?* Ее постоянно встрѣчаемъ въ разсужденіяхъ и другихъ ученыхъ, стоящихъ въ первыхъ рядахъ современныхъ естествоиспытателей. „Какая есть“, спрашиваетъ Дю-Буа Реймонъ,—мысленная связь между, съ одной стороны, опредѣленными движеніями опредѣленныхъ атомовъ въ моемъ мозгу и, съ другой—фактомъ первичнымъ для меня, не подлежащимъ дальнѣйшему опредѣленію и несомнѣннымъ: я чувствую боль, удовольствіе, ощущаю сладкій вкусъ, обоняю запахъ розы, слышу звукъ органа, вижу красный цвѣтъ, и непосредственно слѣдующею изъ него утѣренностью: и такъ, я существую. Воплотѣ и навсегда непостижимо,

ный субъектъ мѣстнаго протяженія и акцидентовъ, вѣтмъ протяженіемъ обусловливаемыхъ, каковы фигура, положеніе, движеніе и проч., называется *матеріею*, *субстратомъ*... Двѣ субстанции именуются дѣйствительно различными, если каждая можетъ существовать безъ другой“. По Мальбраншу, все, что можно представить себѣ отдѣльно, не мысля о другой вещи, есть субстанція („*Tout ce qu'on peut concevoir seul et sans penser à autre chose, qu'on peut, dis-je, concevoir seul comme existant indépendamment de quelque autre chose ou sans que l'idée qu'on en a représente quelque autre chose, c'est assurément un être ou une substance. Et tout ce qu'on ne peut concevoir seul ou sans penser à quelque autre chose c'est une manière d'être ou une modification de substance*“). „Такъ я могу“, прибавляетъ Мальбраншъ,—„усматривать мою мысль, мое желаніе, мою радость, мое горе, не думая о протяженіи и даже предполагая, что протяженія совсѣмъ нѣтъ“.

какимъ образомъ извѣстному числу атомовъ углерода, водорода, азота, кислорода и т. д. можетъ быть безразлично то, какъ они лежатъ и двигаются, будутъ лежать и двигаться. Никонимъ образомъ нельзя прозрѣть, какъ изъ ихъ взаимодѣйствія можетъ произойти сознание¹⁾.

Различеніе духовнаго и тѣлеснаго дѣлалось и до Декарта, но коренная ихъ разнородность не усматривалась съ ясностію. Они разсматривались въ ихъ неразрывномъ соединеніи, вообще по тому типу, какой наблюдаемъ въ себѣ. Въ каждой существующей вещи (ens),—будь то камень, солнце, цвѣтокъ, звѣрь, ангель,—усматривались въ смѣшеніи и свойства, принадлежащія духовной природѣ, и свойства, принадлежащія природѣ тѣлесной. Происходилъ переносъ понятій, согласно Декарту, главный источникъ ошибочныхъ сужденій. Тѣлесное представляли себѣ, какъ нѣчто грубо матеріальное, но способное, однако, имѣть стремленія, обнаруживать симпатіи, антипатіи, свидѣтельствующія о скрытомъ одушевленіи. Безтѣлесное представлялось, какъ нѣчто утонченно матеріальное, неосязаемое, но пространственное, способное являться въ измѣнчивой, но чувственно представляемой и воспринимаемой формѣ фантома, видѣнія, носящагося вѣянія, и такъ далѣе. Это отразилось въ двусмысленномъ значеніи словъ, выражающихъ одновременно и факты духовнаго бытія, и явленія вещественнаго утонченія. Примѣръ—слово esprit, spiritus и въ смыслѣ духа, и въ смыслѣ тонкой матеріи. Въмѣсто двухъ субстанцій, міръ населился цѣлою градаціей веществъ, представлявшихся воображенію какъ одушевленнаи матерія въ разныхъ формахъ ея утонченія.

Идеи Декарта съ большою ясностію выражены въ двухъ его письмахъ къ принцессѣ Елизаветѣ, писанныхъ лѣтомъ 1643 года²⁾. „Мы имѣемъ въ себѣ“, говоритъ Декартъ, — „нѣкоторыя первоначальныя понятія (notions); они суть какъ оригиналы, по которымъ мы выкраиваемъ всѣ другія знанія. Такихъ понятій очень не много. Послѣ прочихъ, ко всему приложимыхъ понятій бытія, числа, продолжительности и проч., мы для тѣла въ частности имѣемъ понятіе протяженія, за коимъ слѣдуютъ понятія фигуры и движенія; для души въ отдѣльности имѣемъ только понятіе мысли (сознанія), подъ коимъ разумѣемъ представленія ума и

¹⁾ *Über die Grenzen des Naturerkennens und die sieben Welträthsel*, zwei Vorträge von Emile du Bois Reymond. Leipzig, 1882, стр. 35. Первое чтеніе, произнесенное на съѣздѣ германскихъ естествоиспытателей въ Лейпцигѣ въ 1872 году, окончивається надѣвающимъ шуму заключеніемъ: *ignotabimus*.

²⁾ *Oeuvres*, IX, 123, 129.

наклонности воли; наконецъ, для тѣла вмѣстѣ съ душой—понятіе о нихъ единеніи, отъ коего зависить сила, какую имѣть душа, чтобы двигать тѣло, и тѣло—чтобъ дѣйствовать на душу, причиняя ея чувствованія и страдательныя состоянія (passions). По моему мнѣнію, вся человѣческая наука состоитъ въ томъ, чтобы различать эти понятія и каждое изъ нихъ приписывать лишь тому, чему оно принадлежитъ, ибо какъ скоро мы хотимъ объяснить какую-либо трудность чрезъ понятія, къ ней не относящіяся, непременно впадаемъ въ заблужденіе: каждое изъ сихъ понятій, какъ первоначальное, понимается изъ самого себя. А такъ какъ пользованіе чувствами сдѣлало намъ особенно знакомыми понятія протяженія, фигуръ и движенія, то главнѣйшею причиною нашихъ ошибокъ является желаніе пользоваться этими понятіями для объясненія вещей, къ которымъ они не прилагаются, какъ, напримѣръ, когда пользуемся воображеніемъ, чтобы представить себѣ природу души, или способъ дѣйствія души на тѣло рассматриваемъ подобнымъ тому, какъ одно тѣло дѣйствуетъ на другое... Метафизическія размышленія, упражняя чистое разумѣніе, знакомятъ насъ съ понятіемъ души; занятіе математикой, упражняющее преимущественно воображеніе, разсмотрѣніемъ фигуръ и движеній, приучаетъ насъ образовывать раздѣльныя понятія о тѣлѣ. Наконецъ, пользуясь только обиходомъ жизни и обыкновенными разговорами и воздерживаясь обдумывать и изучать вещи, упражняющія воображеніе, мы научаемся усматривать единеніе души и тѣла... Главное правило, какое я соблюдалъ всегда въ моихъ научныхъ занятіяхъ, и которое наиболѣе послужило мнѣ къ пріобрѣтенію нѣкоторыхъ знаній, состояло въ томъ, что я только не много часовъ въ день отдавалъ мыслямъ, занимавшимъ воображеніе, и очень мало часовъ въ годъ такимъ, кои упражняютъ одно разумѣніе; а остальное время отдавалъ отдыху чувства и покою ума¹⁾.

Какъ на примѣръ переноса понятія изъ одной области въ другую, Декартъ останавливается на распространенномъ въ ту эпоху представленіи о тяжести, какъ естественномъ стремленіи тѣлъ къ центру земли. „Такъ“, говоритъ Декартъ,—„мы смѣшивали понятіе о силѣ, какою душа дѣйствуетъ въ тѣлѣ, съ понятіемъ о силѣ, какою одно тѣло

¹⁾ „Je n'ai jamais employé que fort peu d'heures par jour aux pensées qui occupent l'imagination, et fort peu d'heures par an à celles qui occupent l'entendement seul, et que j'ai donné tout le reste de mon temps au relâche des sens et au repos de l'esprit“.

дѣйствуетъ на другое, и такое смѣшанное понятіе перенесли на душу, которой не знали, и на различныя качества тѣла, какъ тяжесть, теплота и другія, и качества эти вообразили чѣмъ-то реальнымъ, то-есть, имѣющимъ существованіе отдѣльно отъ тѣла, и слѣдовательно, какъ еслибъ они были субстанціями, хотя и называли ихъ качествами. И чтобы представлять ихъ себѣ, пользовались то понятіями, какія въ себѣ имѣемъ для познанія тѣла, то понятіями, какія находятся въ насъ, чтобы познавать душу, смотря по тому, было ли приписываемое нами имъ матеріальное, или нематеріальное. Напримѣръ, предположивъ, что тяжесть есть нѣкоторое реальное качество, о коемъ знаемъ только, что оно имѣетъ силу двигать тѣло, въ которомъ пребываетъ, къ центру земли, мы безъ труда представляли себѣ и то, какъ оно движеть тѣло, и какъ соединено съ нимъ. Намъ и въ мысль не приходило, что происходитъ это чрезъ нѣкоторое дѣйствительное прикосновеніе одной поверхности къ другой; ибо мы на себѣ испытываемъ такое дѣйствіе, какое представляли. Но полагаю, дурно воспользовались такимъ представленіемъ, прилагая его къ тяжести, которая вовсе не есть что-либо реально отличное отъ тѣла, какъ надѣюсь показать въ физикѣ, тогда какъ представленіе это было дано намъ, чтобы усматривать способы, какъ душа движеть тѣло¹⁾.

Идея взаимнаго дѣйствія, безъ внѣшней физической причины, тѣла, помѣщеннаго на нѣкоторомъ разстояніи между собою, находится въ полномъ противорѣчій съ ученіемъ Декарта. Если тѣло падаетъ, то должно быть какое-либо физическое дѣйствіе, которое его влечетъ или толкаетъ. Но напомнимъ, что современное намъ физическое ученіе все основано на допущеніи притягательныхъ и отталкивательныхъ дѣйствій между матеріальными частицами. Вопіющее противорѣчіе такого допущенія съ механическимъ воззрѣніемъ на природу, вошедшимъ въ науку съ эпохи Декарта, стараются устранять, рассматривая притяженія и отталкиванія какъ факты, физическія причины коихъ неизвѣстны. По противорѣчіе между картезианствомъ и ньютономъ, вернувшимъ въ науку идею о притяженіи, остается въ силѣ и нынѣ, доказывая, что мы не вышли изъ того періода научной мысли, начало котораго сдѣлано великими размышленіями Декарта. Мы еще вернемся къ этому предмету.

Хорошую иллюстрацію идеи Декарта о разнородности духовнаго

¹⁾ *Oeuvres*, IX, 126 и слѣд.

и матеріального находимъ также въ его перепискѣ съ „англійскимъ джентльменомъ“ Генрихомъ Морусомъ (Henri Morus, un gentilhomme anglais).

Морусъ, человекъ большой учености, авторъ многихъ метафизическихъ трактатовъ, оставался на уровнѣ современныхъ ему понятій и предрасудковъ. Въ этомъ отношеніи весьма характеренъ одинъ изъ его вопросовъ Декарту. Говоря о затрудненіяхъ, какія представляются его уму при размышленіи о связи души съ тѣломъ, и о стремленіи Декарта объяснить явленія природы, исключительно механическими причинами, онъ спрашиваетъ ¹⁾: „Какимъ образомъ духъ чародѣевъ, именуемыхъ домовыми (les esprits de ces sorciers qu'on nomme familiers), умѣетъ такъ расположить и соединить матерію, что они становятся видимыми и осязаемыми для этихъ отвратительныхъ старухъ? Это истина, которую я слышалъ не только отъ многихъ этихъ старыхъ колдуній, но и отъ многихъ молодыхъ, признававшихся мнѣ въ этомъ безъ всякаго принужденія“.

Морусъ касается вопроса о разграниченіи области матеріи и области духа и высказываетъ недоумѣніи, свидѣтельствующія, сколько новизны было въ идеѣ разнородности духа и матеріи для умовъ, привыкшихъ мыслить въ извѣстномъ направленіи, отъ котораго отступала оригинальность воззрѣній Декарта. „Вы опредѣляете“, говоритъ Морусъ (X, 181),— „матерію или тѣло слишкомъ общимъ образомъ: выходитъ, что не только Богъ, но и ангелы и все, что существуетъ само чрезъ себя (existe par soi-même, субстанція), суть вещи протяженныя; протяженіе кажется заключеннымъ въ тѣ же предѣлы, какъ безусловная сущность вещей, и способнымъ являть разнообразіе соотвѣтственно разнообразію самихъ сущностей. Доводъ, побуждающій меня думать, что Богъ въ извѣстномъ смыслѣ протяженъ, тотъ, что Онъ всдѣсуицъ и проникновенно наполняетъ міръ и всѣ его части. Какъ могъ бы Онъ сообщить движеніе матеріи, какъ нѣкогда сдѣлалъ и, согласно вамъ, и нынѣ дѣлаетъ, еслибъ Онъ, такъ сказать, не прикасался къ матеріи или, по крайней мѣрѣ, не прикоснулся къ ней нѣкогда, чего, безъ сомнѣнія, не свершилъ бы, если бы не находился повсюду и не наполнялъ всякаго мѣста и всякой области. Богъ, слѣдовательно, протяженъ и, въ нѣкоторомъ смыслѣ, распространенъ; слѣдовательно, Богъ есть вещь протяженная. Отсюда, конечно,

¹⁾ *Oeuvres*, X, 230.

не слѣдуетъ, чтобъ онъ былъ тѣло или та матерія, какую вы, какъ искусный мастеръ, сумѣли изобразить въ формѣ шариковъ и струекъ. Потому протяженная субстанція есть нѣчто болѣе общее, чѣмъ тѣло".

На это замѣчаніе Декартъ отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ: „Богъ, говорите вы, ангелы, все, что существуетъ само чрезъ себя, протяженны, и, слѣдовательно, опредѣленіе мое (протяженной субстанціи) болѣе широко, чѣмъ опредѣляемое имъ (матерія). Я не имѣю обычая спорить о словахъ. Потому, если желаете назвать Бога протяженнымъ, вслѣдствіе того, что онъ вездѣсущъ, я согласенъ. Но и отрицаю, чтобы въ Богѣ, ангелахъ, нашей душѣ и во всякой нетѣлесной субстанціи было прояженіе въ томъ смыслѣ, какъ его каждый себѣ представляетъ. Протяженнымъ называютъ то, что подлежитъ воображенію (quelque chose qui tombe sous l'imagination), будетъ ли то предметъ фактивный (un être de raison), или дѣйствительный (un être réel). Въ такомъ предметѣ можно воображеніемъ различать части опредѣленной величины и фигуры, различныя между собою. Воображеніе можетъ переносить одну на мѣсто другой, но двѣ сразу въ одномъ мѣстѣ вообразить не можетъ. Нельзя того же сказать о Богѣ и о нашей душѣ: ни Богъ, ни душа наша не подлежатъ воображенію, а подлежатъ области разума (ni l'un ni l'autre n'est du ressort de l'imagination, mais simplement de l'intelligence). Нельзя дѣлать ихъ на части, особенно кон были бы опредѣленной величины и фигуры. Напротивъ, мы легко понимаемъ, что дуна, Богъ, многіе ангелы могутъ быть однопременно въ томъ же мѣстѣ. Отсюда явственно заключаемъ, что никакія бестѣлесныя субстанціи не могутъ быть протяженными въ собственномъ смыслѣ. Ихъ можно разсматривать только какъ нѣкоторую силу, которая хотя и прилагаетъ свое дѣйствіе къ протяженнымъ вещамъ, но сама чрезъ то не протяжена,— подобно тому какъ огонь находится въ раскаленномъ желѣзѣ, но нельзя сказать, чтобы чрезъ то огонь былъ желѣзомъ. Если нѣкоторые смѣшиваютъ идею субстанціи съ протяженною вещью, то это происходитъ отъ предразсудка, будто все, что существуетъ и доступно пониманію, доступно въ то же время воображенію (que tout ce qui existe ou est intelligible est en même temps imaginable). Дѣйствительно, все подлежащее воображенію въ нѣкоторомъ отношеніи протяженно. Можно сказать, что здоровье прилечествуетъ только человѣку, хотя, по аналогіи, и называемъ здоровыми лѣкарства, умѣренный воздухъ и многія другія вещи. Подобно тому, и я говорю, что протяженіе находится лишь въ вещахъ, подлежащихъ воображе-

вію, какъ имѣющихъ части отличныя одна отъ другой, опредѣленной величины и фигуры, хотя протяженными называютъ и другія вещи, но лишь по аналогіи“.

Англійскій метафизикъ, уступая, что понятіе протяженія въ опредѣленномъ Декартомъ смыслѣ не приложимо къ духовнымъ субстанціямъ, прибавляетъ (X, 212) однако: „Но я поддерживаю, что въ ангелахъ и въ душахъ есть протяженіе истинное, хотя не общезвѣстное въ школахъ; что протяженіе это имѣетъ свои границы, его фигура мѣняется по волѣ ангела или души; что душа наша и ангелы могутъ сокращаться (*se resserrer*) и распространяться, сохранили всегда ту же субстанцію“. Декартъ въ отвѣтномъ письмѣ повторяетъ, что ни въ Богѣ, ни въ ангелахъ, ни въ душѣ онъ не допускаетъ никакого протяженія, принадлежащаго къ субстанціи (*étendue de substance*), „но только протяженіе или распространеніе мощи (*une étendue de puissance ou une extension de puissance*); такъ что ангелъ можетъ соразмѣрить это распространеніе мощи съ большею или меньшею частію тѣлесной субстанціи (*proportionner ce pouvoir d'extention, tantôt à une plus grande ou moindre partie de la substance corporelle*)“.

Въ связи съ разбираемымъ вопросомъ, англійскій ученый дѣлаетъ Декарту другой: имѣютъ ли духи чувствованія? Если ангелы и души въ отдѣленіи отъ тѣла безтѣлесны, они—замѣчаетъ Морусъ—чувствованій въ точномъ смыслѣ имѣть не могутъ; „но я“, прибавляетъ онъ,— „предпочитаю, вмѣстѣ съ платониками, древними отцами и почти всѣми философиями, думать, что души человѣческія и всѣ геніи, добрыя и злыя, тѣлесны и потому имѣютъ дѣйствительныя чувствованія, вдуція отъ тѣла, которое ихъ облегаетъ“¹⁾.

Декартъ, въ сохранившемся наброскѣ отклоняетъ этотъ вопросъ²⁾. „Отвѣчаю“, гоноритъ онъ,— „что человѣческая душа, отдѣленная отъ тѣла, не имѣетъ въ собственномъ смыслѣ чувствованія. Что касается ангеловъ, то естественный разумъ не указываетъ намъ, созданы ли они какъ души, отдѣленныя отъ тѣла, или какъ души, соединенныя съ тѣломъ. А я никогда ничего не опредѣляю касательно вещей, если не имѣю достаточнаго основанія для предположеній“. Любопытно, что въ письмѣ къ Регіусу въ 1642 году (переписка съ Морусомъ относится къ 1648) Декартъ касается именно этого вопроса и говоритъ

¹⁾ *Oeuvres*, X, 247.

²⁾ Тамъ же, X, 292.

СОДЕРЖАНІЕ
ДВѢСТИ-СОРОКЪ-ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

	СТРАН.
1. (3-го іюля 1885 г.). О форменной одеждѣ студентовъ С.-Петербургскаго и Харьковскаго практическихъ технологическихъ институтовъ	3
2. (7-го іюля 1885 г.). Объ установленіи особаго нагруднаго знака отличія для лицъ, удостоиваемыхъ Императорскими российскими университетами ученыхъ степеней магистра и доктора	45
3. (8-го августа 1885 г.). О принятіи дома, пожертвованнаго статскимъ совѣтникомъ Харитоненко.	46

Высочайшія приказы.

18-го іюля 1885 г. (№ 10).	4
8-го августа 1885 г. (№ 11)	46

Высочайшія награды. 5

Министерскія распоряженія.

1. (30-го іюня 1885 г.). Положеніе о стипендіяхъ имени тверскаго купца Владиміра Григорьевича Чибисова при Тверскомъ реальномъ училищѣ	5
--	---

2. (18-го июля 1885 г.). Положеніе о стипендіяхъ имени потомственнаго почетнаго гражданина Ивана Матвѣевича Мухина при Рижской Александровской гимназій	6
3. (18-го июля 1885 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о порядкѣ приѣма въ студенты ветеринарныхъ институтовъ	7
4. (24-го июля 1885 г.). Уставъ Харьковскаго практическаго технологическаго института	8
5. (26-го июля 1885 г.). Положеніе о стипендіи княгини Елены Алкѣиэдовны Гагаріной при Тифлисскомъ городскомъ ремесленномъ училищѣ	27
6. (26-го июля 1885 г.). Положенія о стипендіяхъ потомственнаго почетнаго гражданина Ивана Матвѣевича Мухина при Рижской женской Ломоносовской гимназій	28
7. (31-го июля 1885 г.). Положеніе о стипендіи имени Елецкаго окружнаго суда при Елецкой мужской гимназій	29
8. (3-го августа 1885 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о порядкѣ выдачи свидѣтельствъ о переходѣ учениковъ изъ одного учебнаго заведенія въ другое	30
9. (9-го августа 1885 г.). Правила для стипендіи имени Игнатія Минченкова при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ	—
10. (3-го августа 1885 г.). Экзаменныя требованія, коиѣ должны удовлетворять окончившіе курсъ университетовъ испытуемые въ комиссіи историко-филологической	47
11. (3-го августа 1885 г.). Требования, которымъ должны удовлетворять испытуемые въ комиссіи физико-математической	53
13. (16-го августа 1885 г.). Экзаменныя требованія, коиѣ должны удовлетворять испытуемые въ комиссіи юридической	60
14. (8-го августа 1885 г.). Экзаменныя требованія, коиѣ должны удовлетворять испытуемые въ комиссіи медицинскій	74
15. (16-го августа 1885 г.). Правила о зачетѣ полугодія студентамъ Императорскихъ российскихъ университетовъ	78
16. (12-го августа 1885 г.). Правила для стипендіи при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ имени Императора Александра II, Высочайшаго имени нынѣ благополучно царствующаго Императора Александра Александровича и имени статскаго совѣтника Харитоненко	9
17. (14-го августа 1885 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ по вопросу объ освобожденіи отъ платы за ученіе въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ сыновей лицъ учебнаго вѣдомства	95
18. (20-го августа 1885 г.). Положеніе о стипендіи имени домашняго учителя Михаила Тологина при Пронскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ	96
19. (20-го августа 1885 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о четвертомъ прибавленіи къ Почтовому Державку, изд. 1880 г.	—

20. (24-го августа 1885 г.). Положеніе о стипендіи статскаго совѣтника Д. В. Садомцева при Борисоглѣбской женской прогимназіи	97
21. (26-го августа 1885 г.). Положеніе о стипендіяхъ имени Фридрихсгамскаго купеческаго сына Николая Ивановича Вагина при Тверской гимназіи	98
22. (17-го сентября 1885 г.). Положеніе о стипендіи имени бывшаго Спасскаго уѣзднаго предводителя дворянства Александра Александровича Дамидова при Императорской Казанской 1-й гимназіи	99

ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(15-го іюля 1885 г.).	81
-------------------------------	----

ОПРЕДЕЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

О книгѣ: „Г. Гуро. Собраніе разказовъ, анекдотовъ и отрывковъ“	87
О книгѣ: „В. А. Воскресенскій. Поэтика. Историческій сборникъ статей о поэзіи“	—
О книгѣ: „Избранныя элегіи Публия Овидія. Издавъ А. Фотель“	—
О книгѣ: „Опытъ систематизаціи ариметическихъ задачъ. Составилъ Е. Д. Кошаревскій“	38
О книгахъ: 1) „Элементарная теорія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ, в. I“; 2) „Элементарная теорія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ, в. II“. Составилъ А. Бялковъ“	—
О книгѣ: „Задачи на наибольшія и наименьшія величины. Составилъ А. Бялковъ“	—
О книгѣ: „Эзе. Очерки изъ быта остяковъ. Л. Симоновой“	—
О книгѣ: „Sampe's Robinson Crusoe. Von Max Fischer“	—
О книгѣ: „Die beliebtesten Märchen der Gebrüder Grimm. Von Max Fischer“	—
О брошюрѣ: „Подготовительныя упражненія къ пѣшему строю. Составилъ К. А. Шмидтъ“	39
О книгѣ: „Учебникъ механики. Составилъ О. Гуржеевъ“	—
О книгѣ: „Сборникъ задачъ элементарной механики для реальныхъ училищъ. А. Стефанскаю, в. I“	—
О книгѣ: „Краткая русская грамматика. Составилъ А. Преображенскій“	—
О книгѣ: „Синтаксисъ греческаго языка. Составилъ О. Н. Фрейбергъ“	—
О книгѣ: „Учебникъ латинскаго языка. Составилъ А. О. Постышевъ, ч. II“	—
О книгѣ: „Сборникъ статей по классической древности. Издаііе Кіевскаго отдѣленія общества классической филологіи и педагогіки, в. II“	—
О книгахъ: К. Ельницкаю: 1) „Курсъ педагогіки“; 2) „Общая педагогіка“	100

О книгѣ: „Руководство въ арифметику. Составилъ В. Волемъ“ . . .	100
О книгѣ: „Сборникъ арифметическихъ задачъ. Составила В. Вильямсъ“	—
О книгѣ: „Способъ предѣловъ и приложеніе его въ курсѣ элементарной математики. Составилъ В. Ломовъ“	—
О книгѣ: „Краткій учебникъ минеральной и органической химіи. Роско“	101
О книгѣ: „Учебникъ географіи. Курсъ I-го класса гимназій. Составилъ Н. Черкумовъ“	—
О книгѣ: „О значеніи Петра Великаго для Россіи вообще и въ частности для Астраханскаго края. Рѣчь Н. Леонтьева“	—
О книгѣ: „Руководство къ полному и всестороннему изученію правильного употребленія знаковъ препинанія. Составилъ Н. К. Гамъ“	—
О двухъ стѣнныхъ таблицахъ А. Кершофа и А. Сулана: „Географическіе типы: 1) Нильская долина въ Египтѣ и 2) Южно-американскій тропическій лѣсъ на низменности“	—
О книгѣ <i>в-ж</i> Остроумовой: „Nouvelle chrestomatie francaise“	—
О книгѣ: „The british classical authors. By Z. Harrig“	—
О книгѣ: „Дополненіе къ руководству кройки Гродвинскаго. Составлено М. Н. Гриневой“	—
О брошюрѣ: „Открытое письмо ультрамонтана-католика и поляка къ редакторамъ русскихъ и польскихъ журналовъ“	102
О книгѣ: „Исторія Россіи для учащихся. Составилъ В. А. Абаса“	—
О книгѣ: „Механическая технология дерева. Составилъ К. А. Качачевскій“	—

**ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСНОВАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

О книгахъ <i>Евоніи Туръ</i> : 1) „Семейство Шалонскихъ“; 2) „Послѣдніе дни Помпеи“; 3) „Три разказа для дѣтей“; 4) „Мученики Коллизея“; 5) „Жизнь св. Макарія Египетскаго“	102
О книгѣ: „Первое знакомство съ физикой посредствомъ общедоступныхъ приборовъ. Составилъ М. Герасимовъ“	103
Объ изданіяхъ В. Пожарскаго: 1) „Школьный курсъ русскаго чистописанія“; 2) „Руководство къ полному курсу русскаго чистописанія“	—
О книгѣ: „Методика начальной арифметики. Составилъ Гольдсбертъ“	—
О книгѣ: „Сборникъ задачъ и примѣровъ для обученія начальной арифметикѣ. Составилъ А. Гольдсбертъ, вв. 1 и 2“	—
О книгѣ: „Курсъ первый уроковъ по русскому языку. В. Помещева“	—
Официальныя извѣщенія	40 и 104
Открытіе училищъ	41 и 106

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

ОТГЛН.

А. Н. Веселовскій. Генварскія русалии и готскія игры въ Византии	1
С. П. Тимоѳеевъ. Сказанія о Куликовской битвѣ (<i>окопчаніе</i>)	19
А. И. Кирпичниковъ. Что мы знаемъ достовернаго о язычныхъ божествахъ славянъ	47
А. С. Лаппо-Данилевскій. Иноземцы въ Россіи въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича	66
А. Н. Веселовскій. Двѣ замѣтки къ вопросу объ источникахъ сербской Александрии	169
И. А. Шляпкинъ. Къ исторіи полемики между московскими и малорусскими учеными въ концѣ XVII вѣка	210

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Г. С. Дестунисъ. Историческія разсказанія Оп. Ламбра	107
М. А. Лининскій. Грамоты XIV и XV вв. Московскаго архива министерства юстиціи. <i>Д. М. Мейска</i> . М. 1883.	122
А. И. Соболевскій. Матеріалы до русской литературы апокрифичной. <i>О. М. Калитовскаго</i> . Л. 1884	157
А. М. Оксеновъ. Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири (1032—1883 г.). <i>И. В. Щелова</i> . И. 1883	161
Ө. И. Успенскій. Сельская община въ Англіи	263
Г. Микииъ. Доисторическое единство символьскихъ и арійскихъ языковъ и народовъ. <i>И. Н. Бодрова</i> . 1885	328
Д. П. Д—въ. Кагазіне. <i>Vousages en France 1789—1790</i> . Р. 1885.	327
О. Д. Х. Усѣвхи знанія. (1883—1884). <i>М. Д. Демкова</i> . 1885	332

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

Наша учебная литература (разборъ 11 книгъ)	1
М. Березковъ. Новый учебникъ русской исторіи	83

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Императорская Публичная Библиотека въ 1883 году	19
Первое присужденіе премій Макарія, митрополита Московскаго	80
Наша учебнаго заведенія: I. С.-Петербургскій практической технологической институтъ въ 1884 году	1
II. Александровская гимназія въ Коротѣ	12
III. Институтъ сельскаго хозяйства и глѣководства въ Новой Александрии въ 1884 году	52
А. А. Поповъ (<i>микроалон</i>)	64

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

	ОТРАВ.
Н. А. Счастливцевъ. О дательномъ падежѣ множественнаго числа въ греческомъ языкѣ	417
Д. Ф. Вѣллевъ. Возрѣнія Еврипида на сословія и состоянія, внутреннюю и вѣшнюю политику Аѳинъ	459
Э. Л. Радловъ. Этика Аристотеля. Книга V	498

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Н. А. Любимовъ. Декартъ. Разсужденіе о методѣ дабы хорошо направлять свой разумъ и отыскивать научныя истины	91
--	----

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ:

ОСТРОЖНОВО СЪВАНГЕЛІЕ

1056—1057 года,

ХРАНЯЩЕСЯ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКѢ.

Воспроизведено фотолитографическимъ способомъ

изданиемъ С.-Петербургскаго купца

Ильи Савенкова.

Санктпетербургъ. 1883.

Цѣна **25** рублей.

Съ требованіями обращаться въ канцелярію Императорской
Публичной Библиотеки, въ С.-Петербургѣ.

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ

Н. КИММЕЛЯ

ВЪ РИГѢ

обращается къ господамъ авторамъ съ просьбою выслать по 1 экземпляру сочиненій по части классической филологіи, съ цѣлью помѣщенія ихъ въ Филологическій Каталогъ, который вскорѣ будетъ изданъ книжнымъ магазиномъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ желательно имѣть назначеніе продажной цѣны, уступки и числа имѣющихся экземпляровъ.

4-го ОКТЯБРЯ вышла и разослана подписчикамъ X-я книга
историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. Тайная канцелярія въ царствованіе Петра I. Очерки и рассказы по подлиннымъ дѣламъ.—II. Артемій Петровичъ Волынской и его „конфиденты“. Очеркъ. Состав. проф. Д. А. Корсаковъ.—III. Записки Александра Михайловича Тургенева, 1772—1863 гг.—IV. Подъ Севастополемъ въ 1853—1856 гг. Дневникъ Духонина.—V. Изъ новѣйшей летописи сѣверо-западной Россіи, 1865 г. Сообщ. А. Ш. Владиміровъ.—VI. Аресть П. Нулина и Н. Костомарова, по рассказу нѣмецкихъ газетъ, въ 1847 г.—VII. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ въ письмахъ къ его брату Николаю Сергѣевичу, 1863—1878 гг.—VIII. Филаретъ Дроздовъ, митрополитъ московскій, 1782—1867 гг.—IX. Мертвыя души Гоголя въ подлинной рукописи автора. Сообщ. Е. С. Некрасова.—X. Изъ домашняго архива Мельовыхъ. Сообщ. А. Е. Мерцаловъ.—XI. Записка императора Николая I о военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ, 1845 г.—XII. Волонеры въ Иранѣ въ 1846 г.: записка Николая I и письмо кн. И. Ѳ. Паскевича.—XIII. Кн. И. Ѳ. Паскевичъ въ Царствѣ Польскомъ въ 1846 г., письмо его къ М. С. Воронцову. Сообщ. Ад. П. Верже.—XIV. Библиографическій листокъ.

Приложеніе: Портретъ митрополита московскаго Филарета (Дроздова). Гравировалъ академикъ И. И. Пожалостинъ. (Второе исправл. изд. гравюры).

Открыта подписка на «РУССКУЮ СТАРИНУ» изд. 1886 г.

Цѣна за 12 книгъ съ гравированными лучшими художниками
портретами ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ благоволятъ подписываться въ книжномъ магазинѣ г. ЦИНЗЕРЛИНГА на Невскомъ, д. № 46, противъ Гостиннаго двора, а въ Москвѣ подписка принимается въ книжномъ магазинѣ Мамонтова на Кузнецкомъ мосту, д. Фирсанова.

Иногородные исключительно обращаются въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, въ С.-Петербургѣ, Большая Подъячская, домъ № 7.

Изд.-ред. М. И. Семевскій.

съ приложеніемъ портрета митрополита московскаго Филарета (Дроздова.)
Гравировалъ академикъ И. И. Пожалостинъ.

Продается книга: «ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА, АННА и ВИДИМЪ МОНСЪ», соч. М. И. Семевскаго, съ портретами и рисунками. Цѣна двѣ руб. 50 коп.

«СЛОВО и ДѢЛО», историческіе очерки М. И. Семевскаго, съ рисунками пытокъ въ XVIII в., третье изданіе. Цѣна два рубля.

Подписавшіеся въ октябрѣ и ноябрѣ 1885 г. на „Русскую Старину“ изд. 1886 г., могутъ получить соч. М. И. Семевскаго за одинъ руб. 50 коп. каждую книгу съ пересылкою.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогій и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журналы безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрѣтать въ редакціи Журналь Министерства за года 1869, 1870, 1871, 1875 (съ мартовской книжки) и всѣ слѣдующіе, платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

